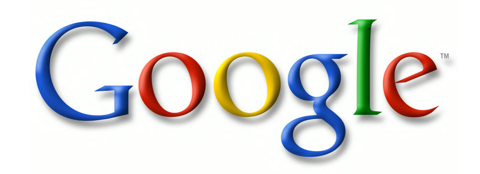
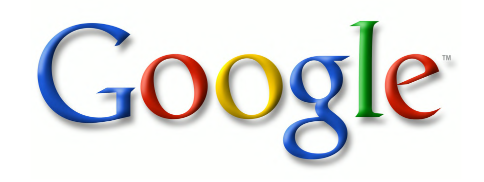
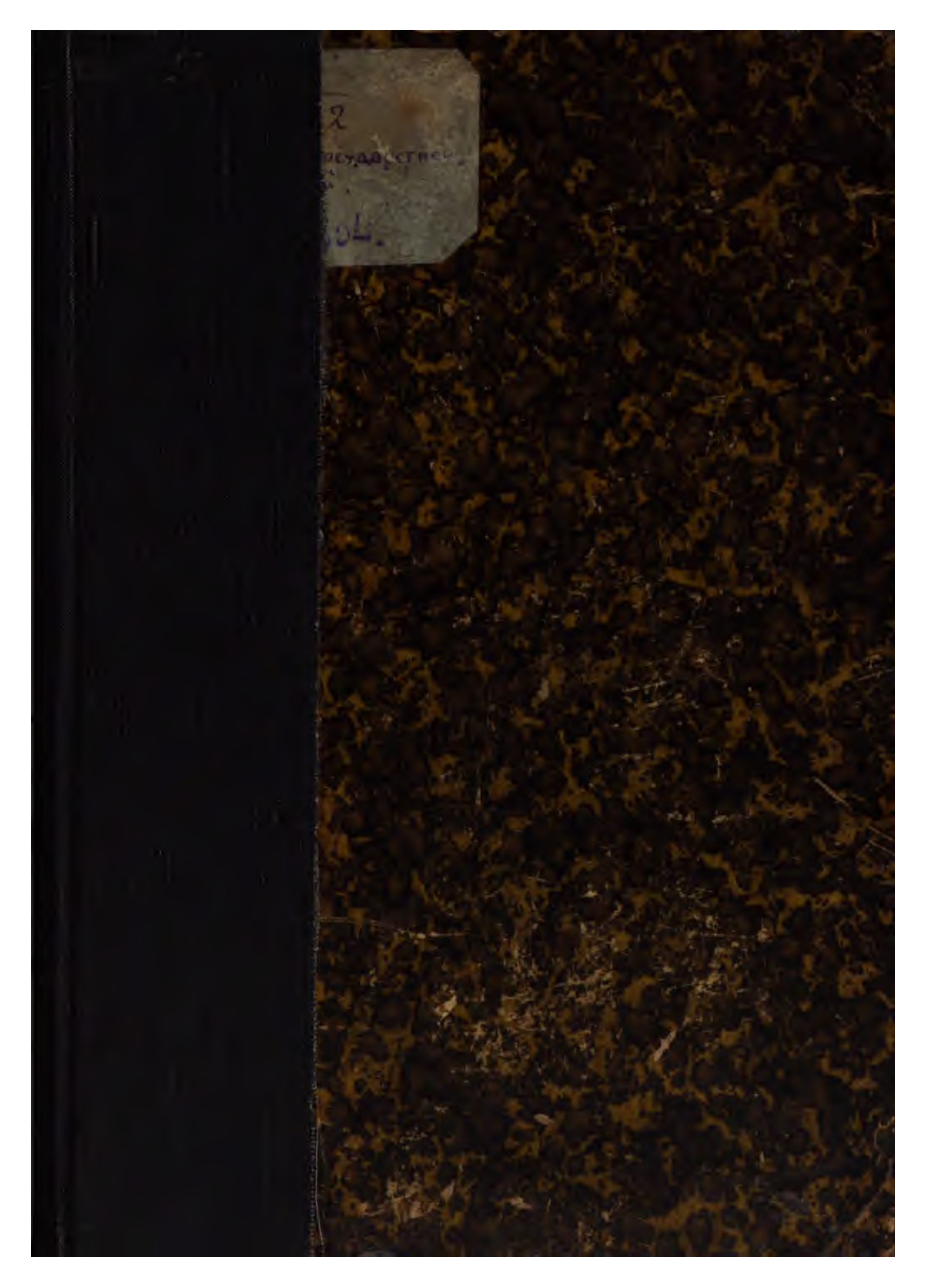

Google

отъ .... до ....

Адресъ ....

....

№ стараго билета ....

Полученo за чтенiе ....

залогу ....

РАЗР. :

[redacted]

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

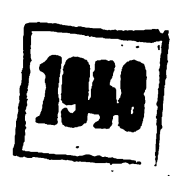
ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: Свящ. М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), В. И. СЕРГѢЕВИЧА (по исторіи русскаго права), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ) и профессора академіи генеральнаго штаба Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ).

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

Въ типографіи В. Безобразова и К°. (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Критика и библіографія.

Русская литература.

Иностранная литература.

Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за вторую половину 1874 г.).

Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, выходъ въ свѣтъ втораго тома Сборника Государственныхъ Знаній запоздалъ противъ предположенія редакціи издать его въ началѣ нынѣшняго года (см. предисловіе къ 1 тому). Главною причиною этого замедленія былъ значительный объемъ настоящаго тома, почти вдвое превосходящій объемъ перваго и потому вынудившій къ соотвѣтственному возвышенію продажной цѣны книги. Уже первый томъ далеко превзошелъ своими размѣрами первоначальный планъ всего этого изданія. Единодушное сочувствіе, которое встрѣтилъ нашъ Сборникъ въ ученомъ мірѣ и въ литературѣ, и на которое редакція не могла расчитывать, задумывая этотъ опытъ совершенно новаго у насъ изданія, повлекло за собою доставленіе для Сборника большаго количества самыхъ интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обширныхъ трудовъ, откладывать, которые до будущихъ томовъ Сборника было не желательно, тѣмъ болѣе, что возможность самаго изданія ихъ пока неизвѣстна. Въ случаѣ обстоятельствъ, даже благопріятныхъ для продолженія изданія Сборника Государственныхъ Знаній, слѣдующіе его томы не будутъ изданы ранѣе 1876 г.

И въ самомъ своемъ содержаніи, II томъ Сборника получилъ гораздо большее развитіе сравнительно съ I

томомъ, котораго многіе пробѣлы пополнены и многіе недостатки устранены. Такимъ образомъ, въ составъ настоящаго тома Сборника вошли статьи по всѣмъ безъ изъятія отраслямъ государственной науки: по церковному праву (Научная постановка церковно-суднаго права — *М. И. Горчакова* и его-же рецензіи на русскія и иностранныя сочиненія по этой части), по государственному праву и его исторіи (Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ — *В. И. Сергѣевича* и критическая статья объ исторіи русскихъ городовъ, *Ф. И. Леонтовича*), по международному праву и международной политикѣ (Международное вмѣшательство, *М. Н. Капустина*, критическія статьи *Ф. Ф. Мартенса* и *гр. Л. А. Комаровскаго*, и обсужденіе предположеній Брюссельской конференціи о правилахъ и обычаяхъ войны въ третьемъ отдѣлѣ сборника, заключающемъ въ себѣ обозрѣніе движенія русскаго законодательства и управленія за вторую половину 1874 г.), по военному искусству (Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ особенности, — *Г. А. Леера*), по полиціи въ обширномъ смыслѣ (моменты исторіи законодательства о печати, — *И. Я. Фойницкаго*, и критическія статьи, — о сочиненіи Л. Штейна, – *И. Е. Андреевскаго* и о санитарной литературѣ, — *Г. И. Архангельскаго*), по администраціи и административной статистикѣ (Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, — *Ю. Э. Янсона*), по финансамъ (Земскія повинности и мѣстные налоги, — *В. А. Лебедева*), по государственному хозяйству (Акціонерныя общества, *Ѳ. Г. Тернера*, Замѣтка по поводу акціонернаго законодательства,

Д. П. Скуратова, и Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ, — *В. И. Чаславскаго*), и по исторіи, какъ по вспомогательной для государственнаго вѣдѣнія наукѣ (рецензіи *Я. К. Грота, К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. Е. Замысловскаго, А. Ф. Брикнера, В. С. Иконникова* и *В. В. Бауера*). Всѣ статьи перваго отдѣла сосредоточены на вопросахъ, имѣющихъ современное значеніе въ теоріи и преимущественно въ практикѣ русской государственной жизни, согласно съ задачею нашего изданія. Тѣмъ-же характеромъ отличается и второй критическій отдѣлъ, въ которомъ, при разсмотрѣніи замѣчательнѣйшихъ явленій русской и иностранной литературы по государственнымъ знаніямъ, обсуждаются различные интересы нашего нынѣшняго государственнаго и общественнаго быта. Нѣкоторыя статьи въ этомъ отдѣлѣ (таковъ трудъ г. Леонтовича) имѣютъ значеніе цѣлыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Справедливо замѣченный недостатокъ въ критическомъ отдѣлѣ перваго тома Сборника, заключавшемъ въ себѣ по иностранной литературѣ только извлеченія изъ иностранныхъ рецензій, совсѣмъ устраненъ въ настоящемъ томѣ: всѣ рецензіи иностранныхъ сочиненій написаны русскими учеными и направлены къ вопросамъ, имѣющимъ значеніе преимущественно для нашего отечества.

При всемъ этомъ, редакція не можетъ еще считать задачу, ею поставленную для этого изданія, выполненною, и не можетъ не желать гораздо болѣе приблизиться къ ея разрѣшенію въ будущихъ томахъ Сборника, если только будетъ возможно приступить къ ихъ изданію.

Люди, знакомые съ дѣломъ, по всей вѣроятности оцѣнятъ значительныя трудности, съ которыми было сопряжено, при новости у насъ такого рода предпріятія, изданіе даже двухъ выпущенныхъ нами томовъ.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ,

В. И. СЕРГѢЕВИЧА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

Примѣненіе сравнительной методы къ историческому изученію государственныхъ учрежденій и права составляетъ одно изъ недавнихъ пріобрѣтеній науки. Правда, къ сравненіямъ обращались и прежде, но это было дѣломъ случая, а не методы. Сравненія вызывались или племеннымъ родствомъ народовъ, или встрѣчею съ такимъ явленіемъ въ исторіи изучаемаго права, въ которомъ изслѣдователь видѣлъ прямые слѣды заимствованія. Самостоятельная же задача трудовъ по исторіи права какъ западной литературы, такъ и нашей отечественной, состояла не въ уясненіи сходствъ, а въ указаніи особенностей исторической жизни даннаго народа, въ раскрытіи того своеобразнаго хода, который приняла его исторія, благодаря исключительнымъ условіямъ мѣста, времени, народнаго характера и пр. Подъ перомъ нѣкоторыхъ отечественныхъ писателей несходство нашего историческаго развитія съ развитіемъ западныхъ народовъ, самобыт-

ное движеніе нашей исторіи — обратилось даже въ какое-то особое достоинство русскаго народа.

Никто не будетъ отрицать, что каждое государство, развиваясь подъ вліяніемъ своихъ особыхъ условій, которыя въ полной своей совокупности нигдѣ не повторяются, должно представлять особенности, отличающія его исторію отъ исторіи другихъ государствъ. Но рядомъ съ этимъ также необходимо признать, что человѣческая природа едина, что потребности человѣка на одной и той же ступени развитія — одинаковы, и что для удовлетворенія этихъ общихъ потребностей должны возникать сходныя государственныя учрежденія и сходные институты права. Если это положеніе вѣрно, сходныя учрежденія должны встрѣчаться и у народовъ, далеко раздѣленныхъ одинъ отъ другаго временемъ и мѣстомъ, помимо заимствованія и племеннаго родства и единственно въ силу дѣйствія одинакихъ причинъ [1]). Изученіе историческихъ явленій съ этой точки зрѣнія сходствъ представляетъ совершенно особый интересъ. Существованіе одинакихъ учрежденій въ исторіи разныхъ народовъ, развивавшихся совершенно независимо одинъ отъ другаго и не могшихъ заимствовать сходныхъ учрежденій другъ у друга, приводитъ къ убѣжденію, что въ ходѣ исторіи, помимо несомнѣннаго участія человѣческой воли, есть еще что-то непроизвольное, отъ этой воли независящее; что и здѣсь одинакія причины съ необходимостью приводятъ къ одинакимъ послѣдствіямъ. Сравнительная метода, изучая сходства вообще, имѣетъ задачей раскрытіе и ряда этихъ непроизвольныхъ сходствъ. Хотя пріемы ея и не вполнѣ еще разработаны, но едва ли можно сомнѣваться, что она имѣетъ будущее. Въ попыткахъ новой методы не должно, однако, видѣть осужденія тѣхъ почтенныхъ историческихъ трудовъ, въ которыхъ право извѣстнаго народа разработывалось безъ всякихъ сравненій. Только благодаря полному раскрытію особенностей историческаго развитія каждаго отдѣльнаго народа и сдѣлалось возможнымъ сравнительное изученіе учрежденій разныхъ народовъ, къ которому обращается современная наука. Но помимо этой служебной роли старая метода имѣетъ и свое самостоятельное значеніе: она уясняетъ націо-

---

[1]) Freeman въ своемъ послѣднемъ сочиненіи Comparative politics, London, 1873, дѣлаетъ весьма любопытныя указанія такихъ сходствъ у самыхъ разнообразныхъ народовъ. Указанія въ томъ же родѣ можно найти и у Maine'a.

нальныя особенности даннаго народа. Оба пріема имѣютъ полное право существовать рядомъ, взаимно пополняя другъ друга.

Представительныя учрежденія европейскихъ государствъ на первой ступени своего развитія, даютъ любопытный примѣръ явленія, представляющаго многія черты сходства, не смотря на глубокое различіе политической жизни тѣхъ народовъ, у которыхъ они наблюдаются. Мы воспользуемся настоящей статьей для сопоставленія особенностей земскихъ соборовъ Московскаго Государства съ тѣмъ, что намъ извѣстно о французскихъ генеральныхъ штатахъ и о первоначальномъ видѣ англійскаго представительства, за первыя сто лѣтъ его существованія. Сходства этихъ учрежденій такъ многосторонни, что никакъ не могутъ быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы дѣйствіемъ одинакихъ причинъ [1]).

Дѣйствіе одинакихъ причинъ обнаруживается уже въ сходствѣ условій, при которыхъ возникли представительныя учрежденія въ трехъ названныхъ государствахъ.

Въ исторіи многихъ народовъ наблюдается такой моментъ, когда первичныя народныя собранія (племенныя, у насъ вѣчевыя) переходятъ во вторую стадію своего развитія, въ которой получаютъ характеръ представительныхъ учрежденій. Этотъ моментъ совпадаетъ съ переходомъ племеннаго устройства въ народное (народъ — какъ совокупность отдѣльныхъ племенъ) и соотвѣтствуетъ образованію болѣе крупныхъ государственныхъ тѣлъ. По мѣрѣ того, какъ территорія государства расширяется, первичныя народныя собранія теряютъ подъ собой почву и мало по малу вовсе выходятъ изъ употребленія. Это явленіе вымиранія древняго народнаго учрежденія условливается нѣкоторыми общими причинами, къ которымъ могутъ присоединиться и частныя, составляющія особенность каждаго отдѣльнаго государства. Между общими причинами важное значеніе принадлежитъ уже самому факту отдаленности мѣста собранія, которое теперь одно для всего объединеннаго государства, и проистекающей отсюда затруднительности переѣзда. Но къ этой причинѣ присоединяется и другая, имѣющая едвали не большее еще значеніе.

---

[1]) На однородность нашихъ земскихъ соборовъ съ подобными же учрежденіями Западной Европы указано уже Б. Н. Чичеринымъ въ его книгѣ «О представительствѣ», стр. 355. Къ сожалѣнію почтенный авторъ ограничивается однимъ краткимъ указаніемъ на сходство въ началѣ отдѣла, посвященнаго земскимъ соборамъ въ Россіи, почти не возвращаясь къ нимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Она состоитъ въ томъ, что самый интересъ къ народнымъ собраніямъ ослабляется. Расширеніе государства вызываетъ осложненіе его отправленій, а вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ такіе вопросы, которые могутъ быть мало понятны всей совокупности свободныхъ жителей каждой отдѣльной мѣстности. Эти причины и приводятъ, съ теченіемъ времени, къ измѣненію первоначальнаго характера народныхъ собраній: изъ личныхъ, на которыхъ каждый присутствуетъ въ силу лично ему принадлежащаго права, они переходятъ въ представительныя, члены которыхъ посылаются избирателями, въ силу предоставленнаго этимъ послѣднимъ права принимать участіе въ народныхъ собраніяхъ чрезъ посредство своихъ выборныхъ [1]). Впрочемъ, это измѣненіе идетъ не далѣе дѣйствія причины, его вызвавшей. Если въ составѣ новаго государства оказываются лица, положеніе которыхъ допускаетъ поголовное участіе въ новыхъ собраніяхъ, они призываются къ нимъ лично, по прежнему, а не чрезъ представителей.

Согласно дѣйствію этихъ общихъ причинъ, представительныя учрежденія Англіи, Франціи и Московскаго Государства возникаютъ въ то время, когда въ силу новыхъ условій, при которыхъ сложились эти государства, народныя собранія сдѣлались невозможными въ ихъ первичной формѣ. Въ Россіи первое собраніе выборныхъ было созвано около 1548 г., во Франціи — въ 1302 г., въ Англіи то-же явленіе совершилось въ два пріема, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго значительнымъ промежуткомъ времени: первое собраніе выборныхъ отъ рыцарей относится къ 1214 г. и выпадаетъ на царствованіе Ивана Безземельнаго; первое же собраніе выборныхъ отъ городовъ относится къ 1264 г. и выпадаетъ на царствованіе Генриха III-го.

Ближайшія причины созванія первыхъ выборныхъ заключались въ слѣдующемъ.

Распространеніе предѣловъ Московскаго княженія, начавшееся съ XIV в., достигаетъ къ царствованію Ивана Грознаго значи-

---

[1]) По отношенію къ разсматриваемому вопросу имперія Карла Великаго представляетъ образчикъ переходнаго состоянія. Народныя собранія въ первичной формѣ оказываются несоотвѣтствующими громаднымъ размѣрамъ имперіи; начала же представительства она не успѣла еще выработать, такъ какъ не доставало втораго условія, необходимаго для его появленія, именно — національнаго единства. Въ силу этого мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ переходнымъ явленіемъ: рядомъ съ общими народными собраніями, въ старой формѣ, существуютъ мѣстныя народныя собранія по отдѣльнымъ областямъ, на которыхъ и предлагаются къ принятію новые законы, долженствующіе служить пополненіемъ мѣстныхъ народныхъ законовъ. Pertz, leg. I, p. 112—115.

тельныхъ размѣровъ. Москва поглощаетъ къ этому времени почти всѣ княженія, прилегавшія къ ея границамъ, и образуетъ, сравнительно, весьма крупное государственное тѣло. Это дѣло объединенія совершается благодаря примысламъ Дмитрія Донскаго, Василія Дмитріевича, Ивана Васильевича и Василія Ивановича и тому новому порядку въ распредѣленіи удѣловъ между сыновьями московскаго государя, начало которому положено политической прозорливостью Дмитрія Донскаго. Въ дѣлѣ объединенія русской земли дѣятельное участіе принимали и московскіе бояре. Не составляя политическаго цѣлаго съ опредѣленными правами, московскіе бояре распадались на партіи, которымъ удавалось, благодаря благосклонности московскихъ государей, оказывать сильное вліяніе на дѣла управленія. Въ малолѣтство Грознаго боярское правленіе достигло высшей степени самовластія и своими несправедливостями вызвало народную смуту, однимъ изъ кровавыхъ эпизодовъ которой было убіеніе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ Юрія Глинскаго, роднаго дяди государя. Иванъ Грозный вознамѣрился положить конецъ злоупотребленіямъ боярскаго правленія. Въ 1548 г. (или около) онъ созываетъ въ Москву выборныхъ изъ городовъ отъ людей всякаго чина и объявляетъ имъ, что съ настоящей минуты онъ будетъ самъ „судія и оборона" своему народу, что въ предшествовавшихъ злоупотребленіяхъ виноваты бояре, а онъ неповиненъ въ пролитой ими крови. Мысль государя совершенно понятна. Въ малолѣтство Ивана бояре дѣйствовали его именемъ: народъ легко могъ приписать ихъ дѣйствія волѣ царя и отшатнуться отъ него. Чтобы предупредить это возможное послѣдствіе боярскаго самоуправства, онъ указываетъ народу настоящихъ виновниковъ его бѣдствій и угрожаетъ воздать имъ по дѣламъ ихъ. Отрекаясь отъ бояръ, царь, естественно, ищетъ опоры въ народѣ. Такова мысль нашего перваго собора.

Что сдѣлали предшественники Ивана Грознаго для Россіи, то было сдѣлано предшественниками Филиппа Красиваго для Франціи. При восшествіи на престолъ Гуго Капета, Франція достигла величайшей степени политическаго разложенія, начавшагося по смерти Карла Великаго. Значеніе королевской власти пало. Административные округи имперіи Карла Великаго обратились почти въ самостоятельныя государства, которыя стояли только въ номинальной зависимости отъ французскихъ королей. Только путемъ долгаго историческаго процесса, благодаря энергической пріобрѣтательной политикѣ Филиппа-Августа и Людовиковъ VIII и IX-го,

французскимъ королямъ снова удалось соединить въ своихъ рукахъ значительныя владѣнія и обуздать своеволіе феодальныхъ господъ. Рядомъ съ этимъ шло освобожденіе городовъ. Французскіе короли, взявъ подъ свое покровительство городское населеніе, среди котораго обнаружилось стремленіе высвободиться изъ подъ гнета феодальной власти, помогли образованію третьяго сословія, какъ новой политической силы, дотолѣ неимѣвшей никакого значенія въ государствѣ. При восшествіи на престолъ Филиппа Красиваго, Франція представляется въ значительной степени объединеннымъ государствомъ, свободное населеніе котораго состоитъ не изъ однихъ рыцарей: наряду съ ними значительной долей самостоятельности пользуются и городскія общины. Филиппъ Красивый, энергически продолжавшій пріобрѣтательную политику своихъ предшественниковъ, крайне нуждался въ деньгахъ и добывалъ ихъ самыми произвольными средствами. Недовольствуясь тѣмъ, что принесли ему конфискація еврейской собственности, новые тяжелые налоги и произвольное измѣненіе цѣнности монеты, — онъ обратилъ свои взоры и на имущества духовенства: всѣ свободныя духовныя бенефиціи были отобраны въ пользу короны, а остальное имущество духовенства было обложено высокимъ налогомъ. Эти крайнія мѣры вовлекли Филиппа въ столкновеніе съ папой Бонифаціемъ VIII. Въ 1302 г. папа издалъ грозную буллу, которой созывался въ Римѣ соборъ для суда надъ королемъ. Въ отвѣтъ на это объявленіе войны духовной власти противъ свѣтской, Филиппъ созываетъ генеральные штаты, въ составъ которыхъ призываются не только феодольные господа и духовенство, но и представители городскихъ общинъ. Мысль французскаго короля понятна: въ предстоящей ему борьбѣ съ духовной властью, которая имѣла не мало союзниковъ даже въ предѣлахъ его собственнаго государства, какъ среди свѣтской аристократіи, такъ и духовенства, — онъ желаетъ опереться на содѣйствіе всего народа.

Объединеніе Англіи совершилось гораздо ранѣе объединенія Россіи и Франціи. Уже въ самый моментъ завоеванія ея Норманами она представляла значительное политическое тѣло. Но единство Англіи при Вильгельмѣ Завоевателѣ было чисто внѣшнее. Разнородные элементы, вошедшіе въ составъ новаго государства, составляли одно цѣлое только благодаря военному преобладанію Норманововъ. Чтобы племенная рознь Саксовъ, Датчанъ и Нормановъ улеглась, и изъ этихъ чуждыхъ другъ другу элементовъ образовалась единая нація, нужно было значительное время. Этотъ

процессъ умиротворенія дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ царствованію Генриха III-го. Къ этому времени Англія теряетъ характеръ вооруженнаго лагеря; къ этому же времени получаютъ нѣкоторое значеніе и города, находившіеся, съ самой эпохи завоеванія, въ безусловной зависимости отъ своихъ феодальныхъ господъ [1]). Благодаря тому обстоятельству, что политическое объединеніе Англіи совершилось ранѣе національнаго, представительныя учрежденія этой страны возникли въ два пріема: сперва призывались представители отъ рыцарей, которые одни и составляли, по счастливому выраженію Гизо, политическую націю Англіи; только нѣкоторое время спустя, къ нимъ присоединились выборные отъ городовъ.

Въ силу обычаевъ феодальнаго права, всѣ непосредственные вассалы короля могли принимать лично участіе въ собраніяхъ королевскаго двора какъ для суда, такъ и для рѣшенія всякихъ другихъ вопросовъ публичнаго характера. Но въ Англіи подобное поголовное собраніе всѣхъ рыцарей не было осуществимо и по значительному ихъ числу, и по значительному пространству государства. Къ этимъ причинамъ скоро присоединилась еще новая: изъ общей среды рыцарей выдѣлилось нѣсколько сильныхъ бароновъ, которымъ, естественно, должно было принадлежать преобладающее вліяніе на дѣла, въ ущербъ слабому личному голосу мелкихъ рыцарей. Такимъ образомъ, на дѣлѣ, въ засѣданіяхъ королевскаго двора принимали участіе только сильные бароны, да духовенство. Эти-то сильные бароны въ соединеніи съ высшимъ духовенствомъ и начали ту знаменитую борьбу съ Иваномъ Безземельнымъ, которая завершилась появленіемъ на свѣтъ Великой Хартіи Свободы. Еще въ 1213 г. бароны собрались въ Лондонѣ для предварительнаго совѣщанія, на которомъ была прочитана и принята съ восторгомъ давно забытая грамота Генриха I. Въ слѣдующемъ году они собрались во второй разъ и приняли рѣшеніе добиться отъ короля подтвержденія грамотъ его предшественниковъ. Узнавъ о враждебныхъ ему намѣреніяхъ бароновъ, король Иванъ созываетъ въ 1214 г. свой королевскій дворъ въ Окс-

---

[1]) Освобожденіе городовъ является въ западныхъ государствахъ однимъ изъ условій образованія представительства. Этого условія не замѣчаемъ въ Московскомъ Государствѣ. Различіе это объясняется инымъ положеніемъ нашихъ городовъ: они не находились въ феодальной зависимости, а всегда стояли въ непосредственныхъ къ государю отношеніяхъ. Объ освобожденіи ихъ, поэтому, у насъ не могло быть и рѣчи.

фордѣ, на который приглашаетъ явиться и представителей мелкаго рыцарства, по четыре человѣка отъ графства. Это первый достовѣрный случай представительства въ Англіи, основная мысль котораго совершенно тожественна съ основной мыслью перваго московскаго земскаго собора и перваго собранія генеральныхъ штатовъ во Франціи: въ виду подготовляющагося возстанія бароновъ, Иванъ Безземельный хотѣлъ привлечь на свою сторону мелкое, но многочисленное рыцарство. Попытка его однако, не имѣла успѣха. Возставшіе бароны стояли за начало правомѣрности въ государственномъ управленіи; они защищали не личные только свои интересы, но интересы всего государства; на ихъ сторонѣ были истинныя пользы Англіи, а потому рыцари графствъ присоединились къ нимъ, а не къ королю. Этимъ-то оригинальнымъ отношеніемъ королевской власти и подданныхъ и объясняются тѣ особенности въ исторіи развитія англійскаго парламента, на которыя будетъ указано впослѣдствіи. Царствованіе Генриха III, сына и преемника Ивана Безземельнаго, было не менѣе бурно. Онъ то подтверждалъ грамоты своихъ предшественниковъ, то нарушалъ ихъ. Имѣя постоянно противъ себя бароновъ, стоявшихъ на почвѣ грамотъ, онъ не разъ, по примѣру своего отца, созывалъ представителей мелкаго рыцарства, думая опереться на ихъ содѣйствіе. Но надежды его, пока дѣло бароновъ было дѣломъ всего государства, также мало оправдывались, какъ и надежда его отца. Въ 1264 г. бароны разбили королевскія войска и захватили въ плѣнъ самого Генриха III. Графъ Лейчестеръ, стоявшій во главѣ возставшихъ бароновъ, возвратилъ королю свободу, но съ тѣмъ, чтобы держать его въ фактической отъ себя зависимости и управлять его именемъ. Это похищеніе власти не могло найти себѣ сочувствія даже среди бароновъ. Графъ Лейчестеръ понималъ, что ему придется выдержать борьбу съ своими прежними сторонниками. Не разсчитывая болѣе на ихъ содѣйствіе, онъ рѣшился искать опоры среди городскаго населенія. Въ декабрѣ 1264 г. онъ созываетъ именемъ короля парламентъ, на который приглашаетъ вмѣстѣ съ представителями графствъ и представителей городовъ. Это первый достовѣрный случай приглашенія въ англійскій парламентъ выборныхъ отъ городовъ. Обращеніе Лейчестера къ выборнымъ отъ городовъ также мало помогло ему, какъ и обращеніе Ивана Безземельнаго къ выборнымъ отъ рыцарства. Бароны, не желая быть орудіемъ личныхъ цѣлей Лейчестера, соединились съ королемъ, и Лейчестеръ долженъ былъ пасть.

Но сдѣланное имъ нововведеніе не погибло для Англіи. Проницательный умъ Эдуарда I, преемника Генриха, не могъ не замѣтить и не оцѣнить той силы, которую придавала королевскимъ рѣшеніямъ возможность подкрѣпить ихъ согласіемъ выборныхъ отъ всего государства. Вотъ почему въ продолжительное и исполненное военныхъ тревогъ царствованіе свое, Эдуардъ I постоянно обращается къ созванію представителей не только графствъ, но и городовъ.

Таковы условія, при которыхъ возникли представительныя учрежденія Англіи, Франціи и Московскаго Государства. Фактъ возникновенія ихъ крайне знаменателенъ. Объединеніе каждаго изъ этихъ государствъ есть по преимуществу дѣло личной политики ихъ государей. Но государи не смотрятъ на объединенный ими народъ — какъ на пассивную массу; при всѣхъ трудныхъ случаяхъ, они сами обращаются къ этому народу, какъ къ живой силѣ, и ищутъ въ единеніи съ нимъ опоры для своихъ дѣйствій [1]).

II.

Эти вторичныя народныя собранія не имѣютъ писаной конституціи, чѣмъ они и отличаются, между прочимъ, отъ третичной своей формы, получившей доступъ, со времени первой французской революціи, почти во всѣ государства Европы и Америки. Современный англійскій парламентъ, послѣдовательно развившійся изъ тѣхъ первыхъ собраній выборныхъ, которыя созывались Иваномъ Безземельнымъ и Генрихомъ III, не имѣетъ и теперь писаннаго устава, который исчерпывалъ бы его права. Всѣ спорные вопросы относительно его правъ, на которые нѣтъ отвѣта въ статутахъ, и въ настоящее время рѣшаются на основаніи прецедентовъ, т. е. парламентскихъ обычаевъ, выразившихся въ парламентской практикѣ. Не имѣя возможности обратиться къ писаннымъ уставамъ, мы должны всѣ наши выводы о правахъ представителей, порядкѣ ихъ созванія, составѣ народныхъ собраній, порядкѣ занятій, рѣшеніи дѣлъ и пр. дѣлать единственно на

---

[1]) Наша исторія кромѣ Соборовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, знаетъ еще избирательные соборы, которые созывались для избранія государя. Эти послѣдніе соборы существенно отличаются отъ тѣхъ, которые созывались государями. Мы будемъ говорить исключительно о первыхъ и только иногда будемъ пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который даютъ свидѣтельства, относящіяся до избирательныхъ соборовъ.

основанія свидѣтельствъ, относящихся къ практикѣ этихъ собраній. Въ этомъ заключается не малая трудность дѣла.

О нашей отечественной практикѣ сохранилось очень не много свидѣтельствъ. На сколько не полонъ дошедшій до насъ матеріалъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Съ 1548 г. по день кончины Алексѣя Михайловича въ Москвѣ было созвано не менѣе 12 соборовъ. Для выбора представителей на каждый такой соборъ посылались царскія грамоты въ города. Число этихъ призывныхъ грамотъ должно быть весьма значительно. Найдено же ихъ и отпечатано, если не ошибаемся, только три: въ Пермь Великую отъ 1616 г., въ Галичъ отъ 1619 г., да въ Новгородъ — того же года; о четвертой такой грамотѣ, въ Новгородъ же, сохранилось только извѣстіе въ предписаніи новгородскаго воеводы обонежскому губному старостѣ отъ 1648 г. Но помимо того, что не всѣ слѣды древней соборной жизни уцѣлѣли, — тѣ свидѣтельства, которыя дошли до насъ, далеко не съ одинаковой полнотой останавливаются на всѣхъ вопросахъ соборной практики. Одинъ изъ главныхъ матеріаловъ, находящихся въ нашихъ рукахъ, составляютъ офиціальные протоколы соборныхъ засѣданій. За то же время, мы имѣемъ 7 такихъ протоколовъ, но и они съ достаточной полнотой приводятъ только обращеніе царя къ выборнымъ; отвѣты же выборныхъ людей только въ нѣкоторыхъ протоколахъ изложены вполнѣ, въ другихъ же все дѣло ограничивается краткой передачей существа отвѣта. Что же касается вопросовъ о порядкѣ выборовъ, порядкѣ засѣданій, подачи мнѣній и пр., то офиціальные протоколы касаются всего этого лишь мимоходомъ. Въ виду такого состоянія источниковъ, мы не беремъ на себя задачи дать полную картину соборной жизни. Предоставляя это позднѣйшему времени, когда имѣющійся у насъ матеріалъ можетъ пополниться новыми открытіями, мы остановимся только на нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ вопросахъ.

III.

Одинъ изъ любопытныхъ вопросовъ, относительно котораго имѣющійся у насъ матеріалъ проливаетъ довольно свѣта, есть вопросъ о составѣ нашихъ соборовъ [1]).

[1]) Но и здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: практика нашихъ соборовъ по нѣкоторымъ вопросамъ была очень разнообразна, и мы никакъ не можемъ ска-

Говоря о составѣ земскихъ соборовъ, необходимо различать составъ ихъ въ идеѣ отъ состава ихъ въ дѣйствительности. По идеѣ, которая выражалась какъ во взглядѣ московскихъ государей на соборы, такъ и въ сознаніи самого народа, — на земскіе соборы созывается *вся земля*. Иванъ Грозный, въ 1548 г., приказываетъ созвать „свое государство", т. е. все государство. Михаилъ Ѳедоровичъ совѣщается „съ людьми всякихъ чиновъ [1]) всего московскаго государства" (Рум. собр. III. 57); ссылаясь на соборное опредѣленіе, онъ говоритъ о приговорѣ „всей земли" (А. Э. III. 68); на извѣстныя предложенія англійскаго посла Джона Мерина, царь отвѣчалъ, что такого дѣла рѣшить безъ совѣту всего государства нельзя ни по одной статьѣ (Соловьевъ, IX, 125). Подобно этому и Алексѣй Михайловичъ собираетъ выборныхъ изо всѣхъ городовъ (Рум. собр. III. 129). Та-же мысль объ участіи на соборѣ всего государства присуща и сознанію самого народа. Она высказывается въ актахъ избирательныхъ соборовъ, на которыхъ дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ участія государя. Избирательный соборъ 1598 г. называется соборомъ „духовенства, бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, воинства, гостей и всѣхъ православныхъ крестьянъ царствующаго града Москвы и всея русскія земли", или, въ другомъ мѣстѣ, — „и всѣхъ православныхъ крестьянъ со всѣмъ народомъ всея земли Россійскаго государства". Подобно этому избирательный соборъ 1613 г. называется соборомъ „всякихъ людей всякихъ чиновъ всего великаго Россійскаго царствія". По представленію людей московскаго государства государь избирается приговоромъ „всей земли".

Это участіе всей земли не есть риторическая фраза; въ этой мысли высказывается дѣйствительное сознаніе эпохи, а потому мы одинаково встрѣчаемся съ ней и въ памятникахъ англійскаго и французскаго права. О постановленіяхъ англійскаго парламента

зать, чтобы не дѣлалось иногда отступленій отъ того порядка въ составѣ соборовъ, который мы изложимъ какъ общій. Соборъ 1642 г, по своему составу, представляетъ примѣръ такого отступленія; но въ чемъ именно оно состояло, это не представляется намъ совершенно яснымъ. Ср. Б. Н. Чичерина, «О представительствѣ», стр. 373 и сл. Но здѣсь не обращено вниманія на то, что въ спискѣ выборныхъ людей, представленномъ въ посольскій приказъ, не упомянуты нѣкоторые города, представители которыхъ, однако, были на соборѣ и подавали свои мнѣнія. Не пріѣхали ли они изъ своихъ городовъ позднѣе, по обыкновеннымъ призывнымъ грамотамъ?

[1]) Названіемъ «чинъ» въ московскомъ государствѣ обозначался каждый разрядъ свободныхъ людей, который имѣлъ какія либо права или обязанности, отличавшія его отъ другихъ разрядовъ. Въ этомъ смыслѣ и крестьяне составляли чинъ.

1275 г. говорится, что они изданы королемъ Эдуардомъ по совѣщаніи съ королевскимъ совѣтомъ и съ согласія духовенства, бароновъ и всего государства. Подобно этому, представители третьяго сословія, созванные Филиппомъ Красивымъ, обращаются къ нему въ такихъ выраженіяхъ: „Народъ вашего государства, говорятъ они ему, проситъ васъ“ и пр. [1]).

Таковъ взглядъ эпохи возникновенія представительныхъ учрежденій на ихъ составъ: вся земля должна оказывать содѣйствіе своему государю. Мысль совершенно вѣрная, но какъ осуществить ее? Какъ собрать все Московское государство и совѣщаться съ нимъ? Правильное осуществленіе этой мысли составляетъ труднѣйшую задачу не только для Московской Россіи, но и для современной теоріи государственнаго права. Извѣстно, что вопросъ о такой организаціи представительства, при которой оно служило бы вѣрнымъ отраженіемъ всего государства, и до сихъ поръ еще не нашелъ удовлетворительнаго разрѣшенія въ наукѣ государственнаго права. Въ виду этого мы не будемъ удивляться, что при первомъ своемъ возникновеніи онъ разрѣшался весьма несовершенно не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Въ Московскомъ Государствѣ этотъ вопросъ разрѣшался слѣдующимъ образомъ. Новое начало представительства, какъ уже выше было замѣчено, шло не далѣе причины, его вызвавшей: тѣ разряды лицъ, которые могли собираться поголовно, призывались и на земскіе соборы лично, а не какъ представители. Составъ земскихъ соборовъ опредѣлялся, такимъ образомъ, на основаніи двухъ разныхъ началъ: одни члены призывались поголовно [2]), другіе какъ представители своихъ избирателей.

---

[1]) Это совѣщаніе государя «съ цѣлымъ народомъ» есть, конечно, остатокъ первичной формы народныхъ собраній. Въ Англіи, при короляхъ саксонской династіи, когда давно уже вышло изъ употребленія поголовное собраніе всего народа, но, съ другой стороны, начало представительства еще не выработалось, во вновь издаваемыхъ законахъ тѣмъ не менѣе говорится, что они изданы tota plebis generalitate ovante. Любопытно, что заключеніе Witena Gemót'a 934 г., на которомъ присутствовали: король, четыре принца, два архіепископа, семь епископовъ, четыре аббата, двѣнадцать герцоговъ и пятьдесятъ два тана, а всего девяносто два человѣка,—разсматривается какъ принятое всѣмъ народомъ. Kemble, The Saxons in England, II, 199 сл. Нѣчто подобное, какъ увидимъ ниже, встрѣчается и у насъ.

[2]) Слово «поголовно» употребляемъ мы не въ томъ смыслѣ, что призывались всѣ безъ исключенія, а только въ противоположность къ выборному началу. Государь могъ и не пригласить того изъ призываемыхъ безъ выбора, присутствіе котораго ему не нравилось.

Въ составъ собора входитъ, во-первыхъ, самъ государь. Въ соборномъ протоколѣ 1653 г. читаемъ: „государь былъ для собора въ грановитой палатѣ". Участіе государя не ограничивается произнесеніемъ рѣчи, которою онъ открываетъ засѣданіе собора; онъ выслушиваетъ на соборѣ же отвѣтъ выборныхъ людей на свою рѣчь и на соборѣ же постановляетъ и свой приговоръ. Въ протоколѣ собора 1621 г. читаемъ: „Былъ у государя соборъ въ золотой въ большой въ грановитой палатѣ..... А говорилъ великій государь па соборѣ..... И всякихъ чиновъ люди Московскаго государства били челомъ на соборѣ государю..." Или въ протоколѣ 1618 г., послѣ такого же описанія ряда соборныхъ дѣйствій, читаемъ: „И приговорилъ государь.... со всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства..." Иногда государь не присутствуетъ лично при всѣхъ соборныхъ дѣйствіяхъ; въ такомъ случаѣ докладъ о нихъ дѣлается ему особо назначенными для того лицами. Но существо дѣла отъ этого не измѣняется.

Затѣмъ изъ офиціальныхъ протоколовъ видно, что въ составъ земскихъ соборовъ призывались обыкновенно всѣ чины, на которые распадалось тогда свободное населеніе Московскаго государства. Они перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Духовенство*. Высшіе чины духовенства: патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и монастырскія власти приглашались поголовно [1]) и, въ виду преобладающаго значенія церкви въ то время, въ очень значительномъ числѣ. Низшіе чины духовенства принимаютъ участіе въ качествѣ выборныхъ людей. Къ этой категоріи относятся: члены бѣлаго духовенства и, кажется, монастырскіе старцы. Приглашаемое на земскіе соборы духовенство нерѣдко обозначается въ памятникахъ общимъ именемъ „всего освященнаго собора". Такимъ образомъ, въ составъ земскаго собора входилъ „соборъ духовенства", составъ котораго ближайшимъ образомъ опредѣлялся церковными обычаями и постановленіями.

2) *Служилые люди*. а) Высшіе разряды служилыхъ людей. Сюда принадлежали: бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Всѣ они члены государевой думы и, слѣдовательно,

---

[1]) Въ актѣ избирательнаго собора 1613 г. упоминаются, однако, четыре выборныхъ настоятеля разныхъ монастырей; а въ актѣ собора 1682 г. всѣ власти названы выборными. О порядкѣ этого избранія не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

постоянные совѣтники царя. Они призывались поголовно. На ряду съ ними такъ-же поголовно призывались нѣкоторыя высшія должностныя лица: конюшій, дворецкій, казначей, печатникъ, кравчій и под. б) Низшіе разряды служилыхъ людей. Къ этой категоріи относились, во-первыхъ, служилые люди по городу Москвѣ: стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы, а иногда и московскіе приказные люди. Во-вторыхъ, городовые (т. е. немосковскіе) служилые люди. Сюда относились — городовые дворяне, а иногда и послѣдній разрядъ служилыхъ людей: городовые стрѣльцы, пушкари, казаки и пр. Всѣ эти чины призывались по выбору.

3) Послѣдній разрядъ составляютъ разные чины тяглыхъ людей. Къ этому разряду принадлежали, во-первыхъ, разные виды торговыхъ людей, извѣстные подъ общимъ именемъ посадскихъ. Посадскіе люди были устроены въ слободы и сотни, которыя вообще носили наименованіе черныхъ сотенъ и слободъ; лучшія же изъ нихъ назывались гостинной и суконной сотней. Торговые люди несли особыя службы по сбору государевой казны въ таможняхъ, кабакахъ и пр. Лучшіе изъ нихъ жаловались за эти службы званіемъ гостя. Всѣ разряды торговыхъ людей представлялись своими выборными. Во-вторыхъ, къ этому же разряду тяглыхъ людей принадлѐжатъ крестьяне, упоминаемые въ соборныхъ актахъ подъ именемъ уѣздныхъ людей. Періодъ возникновенія соборовъ совпадаетъ у насъ съ періодомъ прикрѣпленія крестьянъ. Зависимые крестьяне, конечно, не могли призываться къ участію въ соборахъ. Если мы встрѣчаемъ указаніе на участіе уѣздныхъ людей, то эти свидѣтельства, по всей вѣроятности, относятся только къ тому незначительному числу крестьянъ, которое осталось еще свободнымъ. Да и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, уѣздные люди присутствовали только на самомъ полномъ избирательномъ соборѣ 1613 г. Но это исключеніе крестьянъ восполнялось до нѣкоторой степени представительствомъ посадскихъ, которые въ большинствѣ случаевъ были тѣ-же крестьяне, такъ какъ рѣзкаго различія между городскими и уѣздными жителями въ это время еще не было, и посадскіе кромѣ торговли занимались также земледѣліемъ; они могли, слѣдовательно, представлять интересы и всего крестьянства.

Несомнѣнныя черты сходства съ нашими земскими соборами встрѣчаемъ въ составѣ англійскаго парламента и французскихъ генеральныхъ штатовъ, какъ по отношенію къ *основаніямъ* при-

званія, такъ и по отношенію къ *самымъ разрядамъ* призываемыхъ лицъ. Эти сходства тѣмъ поразительнѣе, что соціальное положеніе разныхъ общественныхъ группъ, на которыя распадалось населеніе Англіи и Франціи, очень различалось отъ соціальнаго положенія нашихъ группъ. Служилые люди западныхъ государствъ принадлежали къ разнымъ чинамъ феодальной лѣстницы, которыхъ права и обязанности по отношенію къ королю опредѣлялись леннымъ правомъ, вовсе неизвѣстнымъ Россіи. Городское-же населеніе имѣло корпоративное устройство съ весьма широкими правами самоуправленія, чѣмъ оно также существенно отличалось отъ нашихъ посадскихъ. Общественныя группы Франціи, отличаясь отъ нашихъ, въ свою очередь отличаются отъ англійскихъ. Несмотря на всѣ эти различія, мы легко можемъ узнать въ составѣ представительныхъ учрежденій этихъ государствъ тѣ-же разряды лицъ, которые призывались и на московскіе соборы. Но не то-же ли явленіе наблюдаемъ и теперь? Соціальное положеніе англійскихъ лордовъ и англійскаго джентри не повторяется ни въ одномъ государствѣ Европы; это не помѣшало, однако, Бадену, Бельгіи, Италіи, Пруссіи и многимъ другимъ государствамъ Европы устроить у себя представительство въ формѣ англійскихъ учрежденій. Общая всѣмъ государствамъ цѣль каждымъ изъ нихъ достигается тѣми средствами, какія у него подъ руками.

Въ Англіи по личному приглашенію призывались высшіе чины духовенства и великіе бароны (barones majores). Въ силу началъ леннаго права они составляли *постоянный совѣтъ* короля по дѣламъ законодательства, управленія и суда (magnum consilium и curia regis). До возникновенія представительства, они были единственными совѣтниками короля. Въ этомъ ихъ сходство съ нашими боярами окольничими и думными людьми. Во Франціи призывались поголовно члены тайнаго королевскаго совѣта и члены государственнаго совѣта, слѣдовательно, тоже *постоянные совѣтники* короля и, кромѣ того, нѣкоторыя высшія должностныя лица, какъ напримѣръ: канцлеръ, государственный секретарь и пр. Всѣ другіе разряды лицъ призывались во Франціи по выборамъ: духовенство, дворянство и третье сословіе, въ составъ котораго входятъ не одни только горожане, но и свободное сельское населеніе. Впрочемъ распространеніе представительства на жителей селъ есть дѣло успѣха времени и дальнѣйшаго высвобожденія городскаго и сельскаго населенія изъ подъ безусловной

зависимости феодальныхъ господъ. Первоначально же къ представительству допускались только такъ-называемые „хорошіе города“ (les bonnes villes, les villes murées), которые пользовались особыми привилегіями и составляли единственный видъ свободнаго населенія Франціи. Въ Англіи путемъ выборовъ въ составъ парламента входили: дворянство, въ качествѣ представителей графствъ, и горожане, въ качествѣ представителей городовъ. Сельское населеніе, въ виду его зависимости отъ феодальныхъ господъ, и въ Англіи первоначально не имѣло участія въ представительствѣ. Да и потомъ, по мѣрѣ его освобожденія, могло участвовать развѣ только активно, въ выборахъ, и то подъ сильнѣйшимъ нравственнымъ давленіемъ мѣстнаго дворянства.

Перехожу къ вопросу о числѣ представителей и порядкѣ ихъ выборовъ. Въ дѣятельности нашихъ государей съ совершенною ясностью выступаетъ одна цѣль, которую они постоянно преслѣдовали. Они заботились, чтобы каждый чинъ имѣлъ своего представителя, чтобы не осталось въ государствѣ разряда свободныхъ лицъ не представленнаго. Всѣ офиціальные протоколы указываютъ на приглашеніе всякихъ чиновъ людей. Но едва ли можно утверждать, что правительство считало безусловно необходимымъ имѣть представителей отъ каждаго чина изъ каждаго отдѣльнаго пункта населенія. Правда, источники говорятъ о выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ и городовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ примѣры соборовъ, на которыхъ были представлены далеко не всѣ мѣстности государства. Вводя всюду единообразные московскіе порядки, правительство, естественно, склонно было думать, что люди одного и того же чина стоятъ въ одинакихъ условіяхъ, гдѣ бы ни жили, а потому, съ его точки зрѣнія, посадскіе извѣстнаго города легко могли представлять интересы посадскихъ людей вообще, и въ крайнемъ случаѣ соборъ могъ состояться, еслибы на немъ были только посадскіе города Москвы. Рядомъ съ заботой о представительствѣ всѣхъ чиновъ, обращалось нѣкоторое вниманіе и на то, чтобы пункты болѣе населенные были сильнѣе представлены; но эта послѣдняя забота осуществлялась еще въ крайне несовершенномъ видѣ. Установленіе сколько нибудь опредѣленнаго отношенія между числомъ избирателей и числомъ представителей не могло быть задачей того времени уже и потому, что рѣшеніе по большинству голосовъ не было практикой нашихъ земскихъ соборовъ.

Согласно съ административнымъ дѣленіемъ Московскаго государства, каждый городъ съ уѣздомъ составлялъ особый избирательный округъ, за исключеніемъ одного Новгорода, гдѣ каждая пятина приравнивалась городу. Въ предѣлахъ этого округа выборы производились каждымъ чиномъ особо. Московское представительство было, такимъ образомъ, сословнымъ представительствомъ. Опредѣленіе числа представителей зависѣло каждый разъ отъ усмотрѣнія правительства и опредѣлялось имъ, хотя и не всегда одинаково, но, кажется, безъ особенно рѣзкихъ колебаній. Въ 1619 г. было предписано прислать отъ духовенства по 1 выборному, отъ дворянъ по 2, отъ посадскихъ по 2. Въ 1648 г. для представителей отъ дворянъ было принято во вниманіе различіе большихъ и малыхъ городовъ: изъ большихъ требовалось прислать по 2 представителя, изъ малыхъ по 1-му, новгородскія пятины были приравнены къ малымъ городамъ. Но что разумѣть подъ большими и что подъ малыми — это не было опредѣлено и, вѣроятно, предоставлялось усмотрѣнію воеводъ, или даже самихъ избирателей. Послѣднее предположеніе не должно казаться невѣроятнымъ. Заботясь, главнымъ образомъ, чтобы были представлены всѣ чины, правительство мало придавало значенія ихъ числу, и мы имѣемъ прямое указаніе на то, что оно предоставляло иногда усмотрѣнію самихъ избирателей — прислать одного выборнаго, или двухъ [1]). Въ томъ же 1648 г. посадскихъ требовалось прислать по 1 изъ города; а въ 1616 г. пермскому воеводѣ предписывалось прислать трехъ посадскихъ. Но мы не знаемъ, была ли эта цифра общею для всѣхъ городовъ, или относилась только къ Перми Великой. Относительно числа городовыхъ стрѣльцовъ, пушкарей и другихъ разрядовъ низшихъ служилыхъ людей не имѣемъ указаній.

Приведенныя цифры не относятся къ городу Москвѣ, представительство котораго всегда опредѣлялось особо. „Царствующій градъ Москва“ пользовался совершенно особымъ положеніемъ въ Московскомъ государствѣ какъ по числу населенія, такъ и по экономическому его значенію. Если Новгородъ посылалъ столько же представителей, сколько пять другихъ городовъ, то Москва, въ составъ населенія которой входило бо̀льшее число чиновъ, по всей вѣроятности посылала еще болѣе. Въ 1648 г., когда боль-

---

[1]) А. Э. III. 105. Для избирательнаго собора 1613 г. даже вовсе не было опредѣлено число представителей, а предписывалось избрать «сколько пригоже».

шіе города приглашались прислать по 2 дворянина, Москва должна была выставить по 2 человѣка изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, итого 8 представителей на 2 городовыхъ. По отношенію къ посадскимъ эта разница еще больше. Всѣ города должны были прислать по одному выборному. Москва же должна была дать: 3-хъ гостей, по 2 человѣка изъ гостинной и суконной сотни и по одному изъ каждой черной сотни и каждаго посада. Посадовъ и черныхъ сотенъ въ Москвѣ этого времени намъ извѣстно не менѣе 13; такимъ образомъ, на одного посадскаго городоваго Москва должна была выбрать по крайней мѣрѣ 20 человѣкъ. Это свидѣтельство должно пополнить извѣстіемъ отъ 1642 г. На соборъ этого года государь велѣлъ призвать выборныхъ изъ многолюдныхъ чиновъ числомъ отъ 7 до 20 человѣкъ, изъ малолюдныхъ отъ 2 до 6. Разные чины московскихъ служилыхъ людей, сравнительно съ городовыми, были, конечно, многолюдные. По этому разсчету число представителей стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ и др. московскихъ чиновъ легко могло простираться до 50 человѣкъ и даже болѣе.

Самые выборы происходили въ слѣдующемъ порядкѣ. Предписаніе о выборахъ дѣлалось отъ имени государя на имя мѣстнаго городскаго начальника: воеводы или губнаго старосты. По полученіи предписанія ему предписывалось собрать всякихъ чиновъ людей въ церковь, прочитать имъ царскую грамоту и затѣмъ велѣть имъ произвести выборы по чинамъ, т. е. каждый чинъ долженъ выбрать представителей изъ своей среды [1]). Принадлежностью къ чину рѣшался вопросъ какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права: всѣ, входящіе въ составъ чина,

[1]) Бѣляевъ (Рѣчи и отчетъ Москов. универ., 1867 г.) думалъ, что выборы производились всѣмъ мѣстнымъ обществомъ безъ различія сословій. Это мнѣніе онъ основывалъ на протоколѣ избирательнаго собора 1613 г. и на царской грамотѣ 1616 г. (вѣроятно та, что отпечатана въ А. Э. III. 77). Но протоколъ собора 1613 г. говоритъ о присутствіи на соборѣ *разныхъ чиновъ;* въ царской же грамотѣ 1616 г. прямо предписано произвести выборы изъ посадскихъ людей. Далѣе, подтвержденіе своему мнѣнію Бѣляевъ видѣлъ въ томъ, что изъ Переяславля-Рязанскаго выборнымъ на соборѣ 1613 г. былъ только одинъ игуменъ Львова монастыря Игнатій, слѣдовательно, заключаетъ онъ, игуменъ былъ выборнымъ отъ всѣхъ сословій Переяславля-Рязанскаго. Но во-1-хъ, игуменъ Игнатій даже и не названъ выборнымъ; во-2-хъ, изъ того, что онъ одинъ былъ изъ Переяславля-Рязанскаго, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ былъ выбранъ всѣми сословіями. На соборѣ 1613 г. многіе города вовсе не были представлены. Къ ихъ числу принадлежитъ и Переяславль-Рязанскій, который не прислалъ ни дворянъ, ни посадскихъ.

— и избиратели и избираемые [1]). Правительство брало на себя только опредѣленіе нравственныхъ качествъ избираемыхъ, которое и дѣлалось, обыкновенно, въ призывныхъ царскихъ грамотахъ и при томъ соотвѣтственно цѣли призванія. Это должны быть „добрые и разумные люди, съ которыми можно было бы говорить“ (Рум. соб. III. 113), или „добрые и смышленые, которымъ государевы и земскія дѣла за обычай“ (А. Э. IV. 27); они должны „умѣть разсказать обиды, насильства и разореніе, и чѣмъ московскому государству полниться, и ратныхъ людей жаловать, и умѣли бы устроить московское государство, чтобы пришли всѣ въ достоинство“ (А. Э. III. 105).—О состоявшихся выборахъ составлялся особый списокъ (протоколъ), который подписывался всѣми избирателями (А. Э. III 105 и IV. 27) и присылался въ Москву въ посольскій приказъ (Рум. соб. III. 113), куда должны были явиться и сами представители (А. Э. III. 77). Выборные, отправляясь въ Москву, должны были взять съ собою „запасы“ (А. Э. IV. 27), по всей вѣроятности все нужное для ихъ продовольствія. На кого падали издержки этихъ запасовъ, не имѣемъ указаній; вѣроятно, они раскладывались на всѣхъ избирателей, какъ повинность.

Съ подобными же порядками относительно опредѣленія числа представителей и подробностей выборовъ встрѣчаемся и на западѣ. Это и понятно. Тамъ, какъ и у насъ, начало представительства своимъ возникновеніемъ обязано личному дѣйствію государей, а потому, естественно, число представителей и порядокъ ихъ избранія зависѣлъ первоначально также отъ усмотрѣнія государя. Даже въ Англіи до 1406 г. коронѣ принадлежало неограниченное право опредѣлять какъ округъ избирателей, такъ и свойства представителей. Слѣдствіемъ этого было то, что не только представители въ разное время призывались въ разномъ числѣ, но даже самое право прислать представителя то предоставлялось извѣстному городу, или графству, то нѣтъ (Cox, 81 сл.).

[1]) Въ протоколѣ 1642 г. отъ права участія въ выборахъ не исключены и самые бѣдные; тамъ прямо сказано, что выборы должны быть произведены изъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Въ грамотѣ же 1616 г. (А. Э. III. 77) говорится только о лучшихъ и среднихъ, а молодшіе опущены, хотя выбрать слѣдовало и 3-хъ человѣкъ. Надо думать, что обыкновенно въ каждомъ чинѣ выбирались лучшіе люди, т. е. богатѣйшіе. Хотя бѣдные не были лишены ни активнаго, ни пассивнаго права, но въ ихъ средѣ едва ли можно было найти охотника ѣхать въ Москву.

Согласно со всѣмъ строемъ средневѣковаго государства, представительство Франціи и Англіи было также сословное: въ Англіи графства присылали рыцарей, города — горожанъ; во Франціи духовенство, дворяне и третье сословіе выбирали каждое отдѣльно и изъ своей среды. Обыкновенное число представителей также близко подходитъ къ нашему: въ Англіи графства присылали по 2 выборныхъ, города отъ 1 до 2; во Франціи каждое сословіе по 3 на избирательный округъ. Предписаніе о производствѣ выборовъ посылалось на имя мѣстнаго представителя власти, въ Англіи на имя шерифа, во Франціи — на имя балльи. Въ этихъ предписаніяхъ обозначаются, обыкновенно, и нравственныя свойства избирателей. Въ Англіи требуется, чтобы это были умные и даже самые умные люди; во Франціи — люди доброй нравственности и опытные въ дѣлахъ.

Такова практика нашихъ соборовъ относительно ихъ состава и порядка созванія выборныхъ людей. Въ заключеніе намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу числа, въ какомъ выборные люди являлись на соборныя засѣданія. По отношенію къ этому вопросу встрѣчаемся съ слѣдующимъ фактомъ: выборные люди являлись не только въ меньшемъ числѣ противъ приглашенія, но иногда даже въ большемъ. Первое явленіе весьма обыкновенно и извѣстно не одному московскому государству. Но если и въ настоящее время, при всѣхъ удобствахъ сообщенія и жизни въ столичныхъ городахъ, слышны жалобы на невсегда ревностное исполненіе депутатами своихъ обязанностей, то тѣмъ менѣе должны мы удивляться указанному факту въ древнее время, когда переѣзды соединялись съ затрудненіями, намъ вовсе неизвѣстными. — Самымъ полнымъ по своему составу представляется намъ соборъ 1649 г. Въ немъ приняли участіе 73 города, приславъ 143-хъ дворянъ, и 77 посадовъ (не считая московскихъ), приславъ 83-хъ посадскихъ, а съ московскими торговыми людьми всѣхъ представителей третьяго сословія было 98 человѣкъ. Но и при этомъ сравнительно полномъ составѣ, не всѣ города воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ. Нѣкоторые вовсе не прислали, и въ этомъ числѣ встрѣчаемся съ такими значительными городами, какъ Кострома и Серпуховъ, которые не дали дворянъ, и Нижній-Новгородъ и Рязань, которые не дали посадскихъ; другіе, хотя и прислали, но въ меньшемъ числѣ, чѣмъ могли. Къ этой послѣдней категоріи относятся, между прочимъ, Псковъ, Владиміръ и Нижній Новгородъ, которые прислали по одному дворянину, когда

должны были прислать по два [1]. Въ призывной царской грамотѣ въ Пермь Великую отъ 1616 г. до насъ дошли даже жалобы правительства на неприсылку выборныхъ людей: „Послана къ вамъ наша грамота напередъ сего, пишетъ въ Пермь Михаилъ Θеодоровичъ, а велѣно вамъ прислать къ намъ, къ Москвѣ, для нашего великаго и земскаго дѣла на совѣтъ Пермичь посадскихъ лучшихъ и среднихъ трехъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей, тотчасъ, не мѣшкая ни часу. И вы тѣхъ выборныхъ людей къ намъ и по ся мѣста не присылывали.“

Въ западныхъ государствахъ Англіи и Франціи можно было бы ожидать болѣе ревностнаго отношенія представителей къ предоставленнымъ имъ правамъ, какъ по сравнительно меньшему пространству этихъ государствъ, такъ и по высшему уровню умственнаго развитія ихъ жителей. Но и тамъ трата времени, трудности и издержки переѣздовъ, а частью, конечно, и близорукое предпочтеніе своихъ личныхъ дѣлъ дѣлу общественному, давали себя чувствовать. Даже въ Англіи многіе города и мѣстечки прямо отказывались посылать депутатовъ, не желая брать на себя издержки, соединенныя съ ихъ избраніемъ. Неявка депутатовъ происходила въ такихъ размѣрахъ, что правительство нашло даже нужнымъ установить штрафъ за неявку. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія шерифовъ: они самовольно задерживали королевскія предписанія о выборныхъ и не доставляли ихъ въ тѣ города и графства, куда они были адресованы.

Любопытное указаніе на присылку депутатовъ въ большемъ числѣ, чѣмъ было предписано, находимъ въ актахъ собора 1649 г. Данныя этого собора, относительно котораго намъ извѣстно и число приглашенныхъ и число явившихся, особенно любопытны въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: они подтверждаютъ выше высказанную мысль о томъ, что московское правительство не придавало никакого значенія числу представителей; кромѣ того, они даютъ ключъ

[1]) На соборѣ 1742 г. приняли участіе только 42 города, приславъ 113 дворянъ; Москва же была представлена 48 выборными служилыхъ чиновъ. Но и на этомъ соборѣ не всѣ приглашенные воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ: Новгородъ прислалъ двухъ дворянъ, вмѣсто пяти. Посадскіе же явились только отъ 14 черныхъ сотенъ и слободъ, изъ котор ıхъ 12 несомнѣнно московскихъ и только двѣ, можетъ быть, не московскія. Подобно этому на соборѣ 1566 г. упоминаются только торговые люди смоленскіе, да московскіе. Дворянъ же этого собора нельзя считать только московскими. Не имѣя призывныхъ грамотъ на эти два собора, мы не можемъ съ полною увѣренностью сказать, что посадскіе люди не явились на эти соборы по ихъ винѣ; можетъ быть, при составѣ этихъ соборовъ правительство сдѣлало отступленіе отъ обыкновеннаго порядка.

и къ разъясненію нѣкоторыхъ цифръ нашихъ избирательныхъ соборовъ. На соборъ 1649 г. большіе города должны были прислать по два дворянина, малые по одному, новгородскія пятины были приравнены къ малымъ. А между тѣмъ пять городовъ прислали по три дворянина и въ ихъ числѣ гор. Лихвинъ, возникшій не ранѣе XVI в. и едвали успѣвшій къ 1649 г. сравняться съ большими городами. Новгородъ, вмѣсто пяти, прислалъ 7 дворянъ, а нѣкоторые другіе города вышли и еще далѣе изъ размѣровъ, предписанныхъ правительствомъ: Мценскъ прислалъ пять дворянъ, Рязань восемь. То-же дѣлаютъ и посадскіе: московская конюшенная слобода прислала трехъ выборныхъ, вмѣсто одного. Но всѣ эти лишніе представители допускаются къ участію въ соборномъ дѣяніи и наравнѣ съ другими скрѣпляютъ уложеніе своею подписью. Этимъ же равнодушіемъ московскаго государства къ числу надо объяснять и то обстоятельство, что сравнительно ничтожные города, какъ напр. Алатырь, Арзамасъ, Ливны, Атамаръ и другіе подобные прислали по два дворянина, что приглашались сдѣлать только большіе города. По всей вѣроятности, вопросъ о томъ — сколькихъ послать: одного, двухъ или восемь, рѣшался наличностью охотниковъ поѣхать въ Москву. Если ихъ было много, выбирали болѣе, чѣмъ требовало правительство; если ихъ было мало, посылали одного, хотя городъ былъ и большой. — Въ виду приведенныхъ соображеній намъ становится понятной цифра московскихъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, явившихся въ числѣ 112 человѣкъ на избирательный соборъ 1613 г. Избиратели приглашались произвести выборы для этого собора изъ лучшихъ людей „по скольку пригоже“. Если изъ Рязани въ 1649 г. поѣхали въ Москву 8 выборныхъ вмѣсто двухъ, можно ли удивляться, что среди московскихъ служилыхъ людей, которые и безъ того всегда находились въ Москвѣ, или сравнительно не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, оказалось 112 охотниковъ быть на соборѣ, и при томъ по такому важному поводу, какъ избраніе государя? Этимъ же объясняется и крайнее преобладаніе московскихъ служилыхъ людей на избирательномъ соборѣ 1598 г. Что касается послѣдняго избирательнаго собора 1682 г., то онъ состоялся въ древней формѣ вѣча города Москвы. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля въ 12 часу дня и въ тотъ же день состоялось избраніе ему преемника. На это избраніе могли быть призваны и, конечно, безъ всякаго выбора только московскіе чины, да тѣ изъ городовыхъ, которые случайно были

въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе избраніе Петра Алексѣевича называется „избраніемъ всего Московскаго государства“ [1]).

IV.

На этой второй ступени историческаго развитія участія народа въ государственныхъ дѣлахъ, собранія представителей какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ, созывались не періодически, въ опредѣленные закономъ сроки, а всякій разъ по особому усмотрѣнію государя и всего чаще въ минуты кризиса, когда обыкновенныя средства управленія оказывались недостаточными. У насъ съ наиболѣе живой соборной дѣятельностью встрѣчаемся въ царствованіе Михаила Θедоровича, въ эпоху непосредственно послѣдовавшую за смутнымъ временемъ, когда возстановленіе внутренняго порядка, глубоко потрясеннаго самозванцами, и борьба съ иноземцами, еще занимавшими многія части русской территоріи, требовали напряженія всѣхъ силъ государства. По имѣющимся у насъ даннымъ число всѣхъ соборовъ съ 1548 по 1653 г. (годъ созванія послѣдняго собора отъ всѣхъ чиновъ), простирается до 16. Между отдѣльными царствованіями они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: при Иванѣ Грозномъ — 2, при Василіѣ Шуйскомъ — 1, при Михаилѣ Θеодоровичѣ — 9, при Алексѣѣ Михайловичѣ — 4. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ было созвано 2, но не всенародныхъ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще 3 избирательныхъ собора и одинъ, опредѣлившій низложеніе Шуйскаго [2]).

V.

Какъ право созванія исключительно принадлежало государямъ, такъ отъ ихъ же усмотрѣнія зависѣло и опредѣленіе поводовъ, по которымъ они находили нужнымъ вступить въ совѣщаніе съ выборными людьми. Такъ у насъ, такъ и на западѣ. Самые по-

---

[1]) Ср. выше стр. 12, пр. 1. Подобно избранію Петра, низложеніе Шуйскаго тоже состоялось на московскомъ вѣчѣ. Шуйскаго просили оставить свое государство люди Московскаго государства, которые въ то время были на Москвѣ.

[2]) Число соборовъ, созванныхъ Михаиломъ Θедоровичемъ, опредѣляется въ нашей литературѣ весьма различно. Аксаковъ (Русск. Бесѣда, 1856 г., IV), С. М. Соловьевъ (Русск. Вѣстн. 1857 г., апрѣль) и Б. Н. Чичеринъ считаютъ 12; Бѣ-

воды также общи у насъ съ западными государствами. Всего чаще созываются представители съ цѣлью получить отъ нихъ денежное вспоможеніе, для пополненія истощенной казны. Въ связи съ необходимостью денежныхъ пожертвованій имъ предлагаются и вопросы о мирѣ и войнѣ. Наконецъ, они созываются и для обсужденія мѣръ относительно устроенія земли вообще; сюда относятся и законодательные вопросы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно любопытны призывныя грамоты 1619, 1648, 1681 и 1682 годовъ. По призывнымъ грамотамъ 1619 г., выборные люди созывались „устроить московское государство", еще не оправившееся отъ послѣдствій смутнаго времени. Соборъ 1649 г. былъ созванъ для того, чтобы „государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна." Соборъ торговыхъ людей 1681 г. долженъ былъ разсуждать о средствахъ уравненія податей и службъ тяглыхъ людей. Наконецъ, собору служилыхъ людей 1682 г. былъ предложенъ вопросъ о лучшемъ устроеніи рати. Но выборные люди не ограничивались отвѣтомъ на предложенные имъ государемъ вопросы. Они обращались въ почтительной по понятіямъ того времени формѣ челобитія и съ самостоятельными заявленіями о своихъ нуждахъ. Соборъ 1621 г. былъ созванъ по поводу войны съ Польшей. Служилые люди воспользовались этимъ случаемъ, чтобы просить государя „разобрать службу", т. е. произвести повѣрку служилыхъ людей, чтобы избылыхъ отъ службы не было. Нѣсколько просьбъ и жалобъ на злоупотребленія разныхъ органовъ мѣстнаго и центральнаго управленія было высказано на соборѣ 1642 г. Чины собора 1649 г. также подавали государю свои челобитныя. Съ такимъ же обычаемъ встрѣчаемся и въ западныхъ государствахъ. Въ Англіи представители обращаются къ королямъ съ петиціями. Относительно Франціи мы знаемъ, что обращенія выборныхъ къ королямъ въ формѣ жалобъ (doléances) дѣлались ими съ преклоненіемъ колѣнъ. При какой обстановкѣ подавались наши челобитныя, изъ актовъ соборовъ не видно.

лявъ только 7. Въ виду этого мы считаемъ не лишнимъ указать годы извѣстныхъ намъ соборовъ и акты, въ которыхъ есть на нихъ указаніе: 1613 г. А. Э. III, 4; 1616 г. А. Э. III, 81; 1618 г. Рум. соб. III, 40; 1619 г. Рум. соб. III, 47; 1621 г. Рум. соб. III, 57; 1633 г. А. Э. III, 213 и 242; 1634 г. Рум. соб. III, 99 и А. Э. III, 242; 1637 г. А. Э. III, 275 и 1642 Рум. соб. III, 113.

VI.

Переходя къ порядку засѣданій, прежде всего надо замѣтить, что какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ, эпоха возникновенія представительства совпадаетъ съ эпохой образованія сословій. По закону солидарности единовременно существующихъ явленій, сословность должна была отразиться и на представительствѣ. Какъ мы уже видѣли, выборы были исключительно сословные; та-же сословность проникла и въ самыя палаты засѣданій и опредѣлила ихъ порядокъ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ у насъ и на западѣ.

Практика нашихъ соборовъ относительно порядка засѣданій не выработалась въ одну опредѣленную форму и была очень разнообразна. Смотря по намѣреніямъ правительства, засѣданія нашихъ чиновъ получали то тотъ, то другой видъ. Съ нѣкоторымъ единообразіемъ встрѣчаемся мы только въ порядкѣ открытія соборовъ. Засѣданія нашихъ соборовъ, какъ и западно-европейскихъ, открывались, обыкновенно, самими государями. Всѣ члены собора, безъ различія чиновъ, сходились для этой цѣли въ одну палату [1]). Открытіе совершалось рѣчью, въ которой излагались поводы собранія и вопросы, подлежащіе его рѣшенію. Рѣчь эта нерѣдко произносилась самимъ государемъ, а иногда читалась въ его присутствіи особо для того назначеннымъ лицомъ. Отступленіе отъ этого порядка представляютъ соборы 1649 и 1682 г.; члены ихъ выслушали государеву рѣчь порознь и только высшіе въ присутствіи самого государя.

Что касается самаго хода совѣщаній, то въ западныхъ государствахъ каждое сословіе обсуждало предложенный вопросъ отдѣльно. Первоначальный порядокъ засѣданій является, такимъ образомъ, въ формѣ трехъ отдѣльныхъ палатъ: палаты духовенства, дворянства и третьяго сословія. Въ Англіи въ составъ палаты дворянъ одинаково входили какъ большіе бароны, призываемые лично, такъ и мелкіе рыцари, выбранные отъ графствъ. Это раздѣленіе прежде всего условливалось особенностями обра-

---

[1]) Засѣданія соборовъ происходили, обыкновенно, во дворцѣ, но въ разныхъ палатахъ, или залахъ. Иногда соборы созывались въ большой грановитой палатѣ, иногда въ столовой избѣ, иногда въ отвѣтной палатѣ и пр.

зованія сословій въ западной Европѣ. Члены третьяго сословія, только что освободившіеся изъ подъ неограниченной власти феодальныхъ господъ, не могли, конечно, заявлять притязаній на мѣста рядомъ съ своими недавними повелителями. Затѣмъ оно поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что сословному различію лицъ соотвѣтствовало различіе собственности и, слѣдовательно,— повинностей. Благодаря этому послѣднему различію третье сословіе не могло принимать участія въ обложеніи дворянъ, такъ какъ предметы обложенія были другіе, и наоборотъ. Такимъ образомъ, вопросъ о денежномъ вспоможеніи, одинъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ къ собранію представителей, не могъ рѣшаться всѣми вмѣстѣ, а непремѣнно требовалъ раздѣленія. Такъ какъ каждое сословіе, входившее въ составъ парламента, говорило только за себя, то иногда для рѣшенія вопросовъ, касавшихся извѣстнаго сословія, короли ограничивались созваніемъ представителей одного этого сословія. Даже въ Англіи встрѣчаемся съ совѣщаніями королей то съ представителями только торговыхъ людей, если вопросъ касался только ихъ интересовъ, то съ представителями однихъ рыцарей, если дѣло шло объ интересахъ дворянъ. Неудобства этого порядка, состоявшія въ томъ, что за сословіями почти не было видно государства,— несомнѣнны, но при томъ направленіи, которое приняла средневѣковая исторія, они были неизбѣжны. Въ Англіи это раздѣленіе на три палаты начинаетъ выходить изъ практики только около половины XIV вѣка, когда члены высшаго духовенства сливаются съ великими баронами въ одну палату лордовъ, а рыцари, выбранные отъ графствъ, вмѣстѣ съ представителями городовъ — составляютъ одну палату общинъ. Это измѣненіе, положившее начало вошедшей нынѣ во всеобщее употребленіе системѣ двухъ палатъ, вызвано тѣмъ фактомъ, что мелкіе рыцари, по общественному своему положенію, были гораздо ближе къ представителямъ городовъ, чѣмъ къ большимъ баронамъ. Но измѣненіе это совершилось не разомъ: прежде чѣмъ слиться въ одно цѣлое съ выборными городовъ, мелкіе рыцари засѣдали иногда отдѣльно и отъ нихъ и отъ бароновъ. Во Франціи раздробленіе на три палаты удержалось до первой революціи.

Въ московскомъ государствѣ образованіе сословій шло инымъ путемъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Посадскіе люди никогда не были въ зависимости у дворянъ, а потому у насъ не могло представляться невозможнымъ, съ точки зрѣнія сословныхъ приличій,

соединеніе всѣхъ членовъ собора для совокупнаго отвѣта на рѣчь государя. Что нѣкоторые соборы дѣйствительно отвѣчали на вопросы государя безъ всякаго раздѣленія, это надо вывести изъ встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ соборныхъ протоколахъ приглашенія чинамъ отвѣтить на предложенный вопросъ „порознь." Если отвѣтъ порознь надо было именно предписать, то, конечно, когда этого предписанія не было, чины отвѣчали безъ раздѣленія. Этотъ выводъ находитъ себѣ и прямое подтвержденіе въ официальныхъ описаніяхъ нѣкоторыхъ соборныхъ совѣщаній. Въ соборномъ протоколѣ 1618 г. по изложеніи царской рѣчи читаемъ: „И государю царю великому князю Михаилу Θеодоровичу говорили на соборѣ митрополиты, архіепископы и бояре... и всякихъ чиновъ люди московскаго государства, что они" и пр. Или въ соборномъ протоколѣ 1621 г. также послѣ рѣчи государя читаемъ: „И митрополиты, и архіепископы, и бояре..... и торговые и всякихъ чиновъ люди московскаго государства били челомъ на соборѣ государю" и пр.

Но изъ того, что отвѣтъ давался всѣми вмѣстѣ, еще не слѣдуетъ, что онъ и выработанъ былъ безъ раздѣленія на сословія. Хотя образованіе сословій совершилось у насъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ на западѣ, тѣмъ не менѣе, и у насъ возникли весьма важныя сословныя различія, которыя отразились на всемъ бытѣ населенія. Кромѣ того, высшіе чины духовенства и служилыхъ людей, постоянныхъ совѣтниковъ государя, и по положенію своему въ обществѣ стояли неизмѣримо выше не только посадскихъ, но и дворянъ. На соборѣ 1642 г. дворяне нѣкоторыхъ городовъ такъ выражаются о боярахъ: бояре наши вѣчные господа и промышленники. Въ виду этихъ различій трудно допустить, чтобы дворяне и посадскіе, хотя они были и въ одной палатѣ, — стояли, смѣшавшись съ боярами и епископами, и такимъ образомъ договаривались объ общемъ отвѣтѣ. По всей вѣроятности, чины собора занимали мѣста по сословіямъ, и сперва члены каждаго сословія переговаривались между собой, а потомъ уже одно сословіе, какъ цѣлое, сносилось съ другими. Но если вопросъ касался только интересовъ отдѣльнаго сословія, то и у насъ необходимо допустить исключительно сословный отвѣтъ и по тѣмъ же причинамъ, какъ въ западной Европѣ. Въ разсматриваемое время, у насъ тоже сословному различію лицъ соотвѣтствовало различіе собственности и повинностей. Дворяне несли военную службу, посадскіе — тяглую, повинности духовенства въ

свою очередь отличались отъ повинностей дворянъ и посадскихъ. По этому, всѣ вопросы о денежномъ, напримѣръ, вспоможеніи и у насъ должны были рѣшаться каждымъ сословіемъ порознь. Подтвержденіе этому выводу находимъ въ царскихъ грамотахъ, писанныхъ на основаніи соборныхъ опредѣленій, изъ которыхъ мы знаемъ, что дворяне, посадскіе и духовенство облагались всегда различно: посадскіе, напримѣръ, даютъ пятую деньгу съ промысловъ, духовенство свои келейныя и домовыя деньги, дворянство обязывается дать — кто что можетъ, по особой росписи, въ который каждый дворянинъ обозначалъ, что онъ можетъ дать. Если общій отвѣтъ о войнѣ, денежномъ вспоможеніи и пр. дается всѣми вмѣстѣ, то частности, напримѣръ, о способѣ участія въ войнѣ каждаго сословія, о мѣрѣ денежнаго вспоможенія и пр., разрѣшаются каждымъ сословіемъ отдѣльно. Образчикъ этому находимъ въ протоколѣ собора 1621 г. Послѣ выше приведеннаго общаго отвѣта, въ протоколѣ находимъ указаніе на отвѣты по сословіямъ: духовенство вызывается молиться Богу о покореніи подъ ноги государя всякаго врага и супостата, служилые люди — биться съ врагами, не щадя головъ своихъ, посадскіе — дать денегъ.

Различіе повинностей сдѣлало, такимъ образомъ, и у насъ необходимымъ обсужденіе вопроса о способахъ вспоможенія правительству каждымъ сословіемъ особо. Но этимъ не ограничивается сходство нашихъ порядковъ съ западными. Различное общественное положеніе духовныхъ властей и высшихъ чиновъ служилыхъ людей, по степени приближенія ихъ къ государю, и у насъ, подобно Англіи, проявилось въ томъ, что иногда бояре, окольничіе и думные люди вмѣстѣ съ духовными властями составляютъ особое засѣданіе [1]), а выборные дворяне и посадскіе — особое. Примѣръ этому даетъ соборъ 1649 г. Изъ офиціальнаго протокола этого собора видно, что засѣданія его, продолжавшіяся почти въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ 3 октября 1649 г. по

---

[1]) Свидѣтельство Флетчера, The history of Russia, chap. VIII, исключительно относится къ этой высшей палатѣ. Указавъ, что въ составъ ея входили: самъ царь, его постоянные совѣтники, числомъ около 20, и чины духовенства, въ томъ же числѣ, Флетчеръ продолжаетъ: As for burghers or other to represent the communaltie, they have no place there: the people being of no better account with them then as servants or bondslaves, that are to obey, not to make laws, nor to know any thing of public matters before they are concluded. Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ общемъ это сужденіе не вѣрно; но въ боярское правленіе Θеодора Ивановича, когда Флетчеръ былъ въ Россіи, представители дворянъ и городовъ, по всей вѣроятности, не созывались.

29 января) происходили въ двухъ разныхъ палатахъ: въ одной находились государь, духовныя власти, бояре, окольничіе и думные люди; въ другой, въ отвѣтной палатѣ, собирались всѣ выборные люди, какъ дворяне, такъ и посадскіе. Но хотя всѣ выборные люди и находились въ одной палатѣ, они не составляли, однако, одного цѣлаго: челобитныя, которыя они подавали государю въ теченіе этого собора, писались особо отъ дворянъ и особо отъ посадскихъ, хотя по содержанію въ нѣкоторыхъ пунктахъ они и были одинаковы (А. Э. IV, 32). Сословность, опредѣлившая порядки нашихъ соборныхъ засѣданій, проявилась еще съ большею рѣзкостью въ томъ, что для обсужденія вопросовъ, исключительно касавшихся только одного сословія, созывались и у насъ, какъ въ Англіи, только представители этого сословія. Указанія на такіе неполные соборы встрѣчаемъ въ царствованіе Михаила Өедоровича, Алексѣя Михаиловича и Өедора Алексѣевича. Хотя по вышеприведенному мнѣнію Михаила Өедоровича на предложеніе англійскаго посла Джона Мерика нельзя было отвѣчать безъ совѣта всего государства, но въ дѣйствительности отвѣтъ былъ данъ только по совѣщанію съ торговыми людьми. Это объясняется сословной разрозненностью Московскаго государства: и на общемъ соборѣ, еслибы онъ былъ созванъ по этому поводу, мнѣніе о торговыхъ дѣлахъ могли дать только посадскіе люди, такъ какъ имъ исключительно принадлежало право торговли. Какъ на общихъ соборахъ торговые люди отказывались подавать мнѣніе о военныхъ вопросахъ, ссылаясь на то, что они люди неслужилые и службы не знаютъ, такъ могли бы и дворяне, призванные судить о торговомъ вопросѣ, отказаться подать свое мнѣніе, ссылаясь на то, что они не торгуютъ и торговыхъ дѣлъ не знаютъ. Подобно Михаилу Өедоровичу, и Өедоръ Алексѣевичъ, для рѣшенія вопроса о средствахъ уравненія податей и службъ тяглыхъ людей, созываетъ только представителей посадовъ, а для рѣшенія вопроса о лучшемъ устройствѣ военной службы, только представителей служилыхъ чиновъ, дворянъ, стольниковъ и пр. Этотъ послѣдній соборъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ также, какъ и соборъ 1649 г., состоялся въ формѣ двухъ палатъ. Одну составляли выборные люди служилыхъ чиновъ, собравшіеся 24 ноября (или нѣсколько дней позднѣе); поводъ къ собранію былъ имъ объявленъ особо назначенными боярами, которымъ поручено было руководить и совѣщаніями выборныхъ. Другую палату со-

ставили: духовенство, бояре, окольничіе и думные люди, засѣданіе которыхъ открылось 12 января въ присутствіи самого государя и мѣсяца два позднѣе собранія выборныхъ людей, когда эти послѣдніе пришли уже къ рѣшенію предложеннаго имъ вопроса. Но какъ на соборѣ 1649 г. дворяне и посадскіе не составляли одного цѣлаго, такъ и на соборѣ 1682 г. духовныя власти и члены государевой думы не сливаются въ одно: хотя рѣчь государя они слушаютъ и вмѣстѣ, но отвѣтъ на нее даютъ порознь.

Отъ описанныхъ соборныхъ порядковъ, которые опредѣлялись сословностью московскаго государства и въ существѣ сходны съ западно-европейскими, надо отличать порядки тѣхъ соборовъ, чинамъ которыхъ прямо предписывалось отвѣчать на рѣчь государя — „порознь". Такія предписанія мы имѣемъ для соборовъ 1566, 1642 и 1653 гг., на которыхъ обсуждались сложнѣйшіе вопросы внѣшней политики: на первомъ — продолжать ли ливонскую войну, или согласиться на миръ, предложенный польскимъ королемъ; на второмъ — принять ли отъ донскихъ казаковъ взятый ими у турокъ Азовъ; на третьемъ — принять ли Хмельницкаго въ подданство и начинать ли войну съ Польшею? Въ виду особой трудности этихъ вопросовъ, правительство обращалось къ чинамъ не съ цѣлью придти къ соборному ихъ рѣшенію, а только для того, чтобы узнать ихъ мнѣнія, оставляя за собой самостоятельное рѣшеніе вопроса. Судя по дошедшимъ до насъ отвѣтамъ, подача мнѣній порознь могла идти даже далѣе дѣленія на чины. Не только каждый чинъ могъ дать свой отвѣтъ, но и каждый выборный, думающій несогласно съ другими, могъ подать свое особое мнѣніе. Это было совершенно согласно и съ намѣреніями правительства, которое хотѣло только всесторонняго обсужденія вопроса. Въ актѣ собора 1653 года встрѣчаемъ такое выраженіе: „а стольники и стряпчіе и дворяне московскіе.... *допрашиваны же* по чинамъ, порознь". Подача мнѣній происходила, такимъ образомъ, въ формѣ допроса; причемъ, конечно, не могло быть обойдено ни одно разноречіе. Въ случаяхъ приглашенія отвѣчать порознь, отвѣты давались, обыкновенно, письменно. Для этой цѣли къ чинамъ назначались особые дьяки, на которыхъ, вѣроятно, и лежала письменная редакція отвѣта.

VII.

Фактъ постановленія приговоровъ соборами не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ царской грамотѣ отъ 1615 г. читаемъ: „по нашему указу и *всей земли приговору* велѣно со всѣхъ городовъ сбирати деньги..“; или въ царской грамотѣ отъ 1616 г.: „а съ васъ съ Максима и съ Микиты и съ Андрея и съ Петра (Строгановыхъ) власти и всѣхъ городовъ выборные люди *приговорили* взять 40 т. рублевъ“ или въ царской грамотѣ 1634 г.: „и въ прошломъ 1633 г. по государеву указу и съ *соборнаго уложенія* сбирано на жалованье ратныхъ людей..“; или въ царской грамотѣ отъ 1637 г.: „и мы великій государь приговорили *на соборѣ*... стояти со всѣми ратными людьми“.. Но признавая фактъ соборныхъ постановленій, необходимо сдѣлать оговорку, съ цѣлью ввести его въ должныя границы. Соборные приговоры являются плодомъ засѣданій не всякаго собора; чины нѣкоторыхъ соборовъ, не приходя ни къ какому общему рѣшенію, ограничивались одной подачей мнѣній. Это различіе соборовъ, рѣшающихъ и только подающихъ мнѣнія, зависѣло отъ намѣреній правительства. Если государь хотѣлъ только освѣтить свое рѣшеніе мнѣніями чиновъ, ихъ мнѣнія собирались въ формѣ допроса отдѣльныхъ чиновъ и даже лицъ, какъ на соборѣ 1642 г.; если, наоборотъ, государю нужно было рѣшеніе собора, совѣщанія получали форму, соотвѣтственно этой цѣли: отвѣты давались или всѣми чинами совокупно, или отдѣльными сословіями, смотря по характеру вопроса, какъ на соборахъ 1621, 1649 и 1682 гг.

Изъ приведенныхъ только что мѣстъ царскихъ грамотъ видно, что существеннымъ элементомъ рѣшенія является участіе въ немъ воли самого государя: мы, великій государь, приговорили на соборѣ...; по нашему указу и всей земли приговору... Отсюда, нѣтъ государевой воли, соглашающейся съ приговоромъ всей земли, нѣтъ и соборнаго приговора. Но какъ возникалъ самый приговоръ земли? Отбирались ли голоса, и если отбирались, то какимъ порядкомъ? Если оказывалось разногласіе, то какое число голосовъ принималось за рѣшеніе всей земли? Наши памятники не содержатъ ни малѣйшаго указанія на возможность раздѣленія голосовъ и на рѣшеніе

какимъ либо большинствомъ. Надо думать, что рѣшеніе было всегда единогласное, что оно являлось плодомъ соглашенія всѣхъ. Это мнѣніе подтверждается практикой избирательныхъ соборовъ, которая въ этомъ случаѣ не могла представлять исключенія изъ общихъ обычаевъ. Въ актѣ избранія Бориса Ѳедоровича говорится, что онъ былъ избранъ единогласно. Михаилъ Ѳедоровичъ избранъ *единомысленно*, т. е. тоже единогласно, ибо въ случаѣ раздѣленія голосовъ избраніе не могло быть названо единомысленнымъ. Само собой разумѣется, что это единогласіе получалось не сразу; ему предшествовали споры и разногласіе. Изъ акта избранія Михаила Ѳедоровича знаемъ, что прежде чѣмъ пришли къ единомыслію „всякіе люди говорили съ великимъ шумомъ и плачемъ". Относительно избранія царя, по смерти Ѳедора Алексѣевича, духовенствомъ и членами думы рѣшено было, чтобы „тому избранію быть общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ московскаго государства людей". Самое избраніе названо также единогласнымъ. Наконецъ, и въ другихъ случаяхъ, московское государство не знало рѣшенія большинствомъ. Выборы губныхъ старостъ и цѣловальниковъ производились тоже единогласно: избиратели приглашались выбрать ихъ „свѣстяся всѣ за одинъ". Въ этомъ же смыслѣ соглашенія всѣхъ, надо понимать и выраженіе, употребленное въ актѣ собора 1682 г. Отмѣняя мѣстничество, Ѳедоръ Алексѣевичъ говоритъ, что онъ дѣлаетъ это „общимъ совѣтомъ всѣхъ", т. е. выборные служилые люди, духовенство и члены государевой думы высказались въ пользу отмѣны мѣстничества безъ всякаго разногласія.

Если дѣла рѣшались безъ раздѣленія голосовъ, то, понятно, никакого счета голосовъ и не было. Вопросъ обсуждался до тѣхъ поръ, пока не приходили къ какому либо соглашенію, и за тѣмъ это соглашеніе, какъ совѣтъ всѣхъ, подносилось на усмотрѣніе государя. Поднесеніе это совершалось также въ почтительной формѣ челобитья. На соборѣ 1621 г., на рѣчь царя, въ которой онъ изложилъ „неправды и крестопреступленія искони вѣчнаго врага московскому государству польскаго и литовскаго Жигимонта короля", члены собора „били челомъ государю, чтобы онъ за святыя божія церкви и за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стоялъ крѣпко". Подобно этому, въ 1682 г. выборные служилые люди, которымъ былъ предложенъ вопросъ о лучшемъ устройствѣ военной службы, бьютъ челомъ, чтобы служба была безъ мѣстъ. — За челобитьемъ чиновъ

собора, если государь принималъ это челобитье, слѣдуетъ соборный приговоръ, соборное уложеніе, или приговоръ государя на соборѣ.

Краткій, но полный перечень существенныхъ моментовъ всего соборнаго производства сохранили намъ протоколы соборовъ 1618 и 1682 г. Соборъ 1618 открывается рѣчью государя, въ которой, изложивъ поводъ созванія выборныхъ (приближеніе къ Москвѣ польскаго королевича Владислава), онъ объявляетъ имъ, что, призвавъ на помощь московскихъ чудотворцевъ, обѣщался въ Москвѣ въ осадѣ сидѣть и съ литовскими людьми биться. За тѣмъ государь обращается съ слѣдующимъ увѣщаніемъ къ чинамъ: „и вы бы митрополиты, архіепископы, бояре, окольничіе, стольники, дворяне и всякихъ чиновъ люди за православную вѣру, за государя и за себя въ осадѣ сидѣли и противъ польскихъ и литовскихъ людей стояли крѣпко и съ ними бились“. На это чины собора отвѣчаютъ, что они „всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную христіанскую вѣру и за него государя стоять и съ польскими и литовскимъ людьми битися досмерти, не щадя головъ своихъ“. За этимъ отвѣтомъ слѣдуетъ соборный приговоръ: „и приговорилъ государь со властьми, съ бояры и со всякихъ чиновъ людьми московскаго государства: быти на Москвѣ въ осадѣ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ“..... Тѣмъ же порядкомъ шло и рѣшеніе вопроса о лучшемъ устройствѣ военной службы. Вопросъ этотъ сперва былъ предложенъ выборнымъ отъ служилыхъ людей. Такъ какъ онъ не могъ быть рѣшенъ немедленно, да и не нуждался въ такомъ спѣшномъ рѣшеніи, выборнымъ предоставлено было время обсудить его и объ отвѣтѣ ихъ приказано было увѣдомить государя. Какъ скоро выборные чины сошлись на одномъ отвѣтѣ и вошли къ государю съ соотвѣтственнымъ челобитьемъ, государь передалъ это челобитье духовнымъ властямъ и членамъ своей думы. По принятіи его тѣми и другими послѣдовала отмѣна мѣстничества „со общаго совѣта“.

Послѣдствія рѣшенія состояли въ исполненіи соборнаго приговора. Для этой цѣли писались особыя царскія грамоты со ссылкой на соборное опредѣленіе. Особенно любопытны двѣ царскія грамоты въ Галичъ и Новгородъ отъ 1619 г., указывающія на весьма широкую дѣятельность соборовъ, направленную къ устроенію земли, въ чемъ такъ нуждалось московское государство послѣ разгрома смутнаго времени. Этими царскими грамотами, составленными на основаніи соборнаго приговора, предписывалось: 1) во всѣ города, которые не были разорены, послать писцовъ; а ко-

торые города были разорены, въ тѣ послать дозорщиковъ добрыхъ, приведя ихъ къ крестному цѣлованію и давъ имъ полные наказы, чтобы они писали и дозирали вправду, безъ посуловъ; 2) посадскихъ людей украйныхъ городовъ, которые живутъ на Москвѣ и по другимъ городамъ, сыскивая отсылать въ тѣ города, гдѣ они жили прежъ сего, и льготы имъ дать, смотря по разоренію; 3) посадскимъ людямъ, которые заложились за епископовъ, бояръ и всякихъ чиновъ людей, быть по прежнему, гдѣ были напередъ сего; а на тѣхъ людяхъ, за кѣмъ они жили, сыскавъ доправить всякія подати за прежніе годы; 4) на сильныхъ людяхъ, во всякихъ обидахъ, сыскать бояромъ такимъ то; 5) во всѣхъ городахъ сыскать и выписать, сколько должно поступать денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ по окладу; что въ приходѣ, что въ расходѣ, и что въ доимкѣ осталось, и что отъ разоренья запустѣло; 6) что какихъ селъ и деревень роздано въ помѣстья и въ вотчины, и что съ нихъ было какихъ доходовъ; 7) что по окладу осталось всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ и на какіе расходы тѣ доходы указаны, и что за расходомъ останется; наконецъ, 8) изъ всѣхъ городовъ для вѣдомости и устроенія прислать къ Москвѣ выборныхъ людей, добрыхъ и разумныхъ, которые умѣли бы разсказать обиды и насильства и разоренія и устроить Московское государство [1]).

VIII.

Относительно продолжительности дѣятельности выборныхъ людей одного созыва и порядка закрытія соборовъ, источники не даютъ никакихъ указаній. Мы имѣемъ только полное основаніе утверждать, что дѣятельность выборныхъ не всегда ограничивалась однимъ соборнымъ засѣданіемъ, что иногда они принимали участіе въ нѣсколькихъ соборахъ и оставались, такимъ образомъ, въ сборѣ въ теченіи года и даже болѣе. Въ соборномъ протоколѣ 1634 г.

---

[1]) А. Э. III, 105, Рум. с. III, 47. До насъ дошло, если не ошибаемся, 7 исполнительныхъ грамотъ; пять изъ нихъ касаются денежнаго сбора. Кромѣ того мы имѣемъ 3 исполнительныхъ грамоты отъ имени духовенства и одну отъ имени собора непосредственно. Но это, конечно, отступленіе отъ обыкновеннаго порядка, объясняемое особенностями смутнаго времени; всѣ эти грамоты отъ 1613 и 1614 г.

читаемъ: „въ прошломъ 1633 г. государь царь и великій князь Михаилъ Өедоровичъ объявили вамъ на первомъ соборѣ....“ Это, слѣдовательно, второй соборъ для тѣхъ же выборныхъ. Весьма вѣроятно, что первые соборы въ царствованіе Михаила Өедоровича состояли изъ выборныхъ людей избирательнаго собора 1613 года, а соборъ 1618 г. изъ выборныхъ людей призыва 1616 г.—[1]). Закрытіе собора и распущеніе выборныхъ совершенно, конечно, зависѣли отъ усмотрѣнія государя.

IX.

Переходимъ къ вопросу о значеніи нашихъ соборовъ съ точки зрѣнія права. Русскій человѣкъ и теперь не очень любитъ строгія опредѣленія права и мало склоненъ облекать свои дѣйствія въ точныя юридическія формы; ему болѣе по душѣ не юридическая область доброй вѣры. Точныя юридическія опредѣленія еще менѣе были въ духѣ людей московской эпохи. Наши государи нуждались въ содѣйствіи русской земли, они пользовались имъ въ формѣ соборовъ; этимъ все и исчерпывалось. Никто не думалъ закрѣпить это содѣйствіе въ какія либо опредѣленныя нормы закона. — Нѣкоторые изъ изслѣдователей нашей старины, исходя изъ тѣхъ вѣрныхъ положеній, что никакой указъ не обязывалъ московскихъ государей созывать соборы, что они обращались къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ, что они могли принять рѣшеніе и независимо отъ того, какъ высказался соборъ, приходятъ къ заключенію, что наши соборы имѣли только совѣщательное значеніе, что правительство, обладая скудными средствами и плохо зная силы страны, искало въ нихъ свѣта и опоры, но нисколько не связывалось ихъ мнѣніями. Такой взглядъ едва ли можетъ быть принятъ. Понятіе совѣщательнаго учрежденія —

---

[1]) Б. Н. Чичеринъ думаетъ, что соборъ 1618 г. былъ составленъ только изъ московскихъ людей, потому что 8 сентября была получена вѣсть о приближеніи къ Москвѣ польскаго королевича Владислава, а 9 сентября былъ уже собранъ соборъ для принятія мѣръ обороны. Но въ приложенной къ протоколу росписи, кому гдѣ быть для встрѣчи приближающагося непріятеля, перечисляется множество городовыхъ дворянъ которые находились въ Москвѣ не случайно, а по службѣ. Это обстоятельство только облегчаетъ предположеніе, что въ Москвѣ могли находиться и выборные для собора люди призыва 1616 г., которые и принимали участіе въ соборѣ 1618 г.

новое, оно незнакомо не только московскому государству, но и ни одному изъ западныхъ на той же ступени развитія, и мы не имѣемъ никакого основанія допустить, чтобы люди московской эпохи смотрѣли на соборы съ этой точки зрѣнія. Чтобы имѣть сколько нибудь твердую точку отправленія при рѣшеніи этого вопроса, мы приведемъ нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ можно будетъ вывести заключеніе о взглядахъ московскихъ государей на соборы.

Что происходило на первомъ соборѣ, созванномъ Иваномъ Грознымъ? Изъ дѣяній этого собора намъ извѣстна только рѣчь царя, произнесенная имъ на лобномъ мѣстѣ, въ присутствіи собраннаго имъ государства „изъ городовъ всякаго чина". Обратившись къ митрополиту, государь сказалъ: „Молю тя, святой владыко, будь помощникъ мнѣ и любви поборникъ; знаю, ты желаешь добрыхъ дѣлъ и любви. Тебѣ извѣстно, владыко, что остался я послѣ отца моего четырехъ лѣтъ, а послѣ матери— восьми; родители не могли воспитать меня, а сильные мои бояре и вельможи не радѣли обо мнѣ и были самовластны, такъ какъ не кому было воздержать ихъ: они предались хищенію и обижали народъ. Я же былъ какъ бы глухъ, и не слышалъ, и не было въ устахъ моихъ обличенія, по причинѣ юности моей и пустоты. Они же властвовали.... О неправедные лихоимцы и хищники и неправедный судъ творившіе! какой дадите нынѣ отвѣтъ намъ за ту кровь, которую вы пролили? я чистъ отъ сея крови. Ожидайте воздаянія своего." Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, царь продолжалъ: „Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ прежнихъ обидъ и разореній и налоговъ исправить не возможно, замедленія ради юности моей и пустоты и безпомощства и неправдъ ради бояръ моихъ и властей, и безсудства ихъ неправеднаго и лихоиманія и сребролюбія. Оставьте взаимную вражду. Отъ нынѣ же я самъ буду, на сколько въ силахъ моихъ, судья вамъ и оборона." Если бы юный царь Иванъ Васильевичъ думалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями нашей старины, что въ мнѣніи народа для него нѣтъ ничего нравственно обязательнаго, онъ не обратился бы къ нему съ торжественнымъ разъясненіемъ причинъ неурядицъ, которыми отличалось правленіе государства въ его малолѣтство; у него не было бы побужденій сказать, я не повиненъ въ той крови, которую проливали бояре. Въ началѣ XVII в. Михаилъ Ѳедоровичъ не разъ обращался къ соборамъ съ просьбою „дать денегъ" и затѣмъ собиралъ опредѣленное соборомъ

вспоможеніе, ссылаясь на его приговоръ. Это также выходитъ за предѣлы простаго совѣщанія [1]). Далѣе, Алексѣй Михайловичъ важнѣйшій законодательный актъ своего царствованія облекаетъ въ форму соборнаго уложенія. Мы не будемъ теперь останавливаться на вопросѣ о томъ, принимали ли чины собора 1649 г. участіе въ составленіи самыхъ статей уложенія, или нѣтъ; мы возьмемъ изъ ихъ дѣятельности только то, что всѣми признано: они подписали уложеніе. Но что значитъ подписать что либо, или, какъ тогда говорили, приложить свою руку? Приложить руку къ дѣлу значитъ принять участіе въ его совершеніи, въ данномъ же случаѣ — согласиться. Такъ именно понимали значеніе подписи люди Московскаго государства. Мы имѣемъ челобитье чиновъ собора 1649 г., въ которомъ они просятъ государя, чтобы были отобраны у монастырей, протопоповъ и поповъ тѣ вотчины, которыя они пріобрѣли послѣ собора 1580 г. (этимъ соборомъ такія пріобрѣтенія воспрещались). Обязательность постановленій собора 1580 г. для духовенства своего времени они выводятъ изъ того, что „власти къ тому приговору и руки свои приложили, что имъ и впредь, кто по нихъ иныя власти будутъ, никакихъ земель въ монастыри не имать" (А. Э. IV. 33). — Другой вопросъ, добровольно было это согласіе, или нѣтъ? По краткости офиціальнаго протокола собора 1649 г. и скудости другихъ извѣстій, мы не можемъ отвѣтить на него съ надлежащей полнотой. Есть основаніе думать, что для нѣкоторыхъ чиновъ, по крайней мѣрѣ, это согласіе не было добровольнымъ. Мы имѣемъ заявленіе патріарха Никона, въ которомъ онъ такъ выражается о соборѣ 1649 г.: „и то всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ не по воли, боязни ради междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя ради правды". Но это не измѣняетъ существа дѣла: члены собора могли дѣйствовать подъ какими либо вліяніями, которыя и опредѣлили направленіе ихъ воли; но самый фактъ согласія остается несомнѣннымъ. Вмѣстѣ съ этимъ, внѣ спора и то, что Алексѣй Михайловичъ находилъ нужнымъ ихъ согласіе для изданія уложенія. Наконецъ, отмѣна мѣстничества совершилась также при участіи выборныхъ „общимъ совѣтомъ всѣхъ". Мысль, руководившая правительствомъ въ этомъ случаѣ, совер-

---

[1]) Въ подкрѣпленіе нашей мысли намъ пріятно сослаться здѣсь на мнѣніе Б. Н. Чичерина, который тоже находитъ, что въ царствованіе Михаила Ѳедоровича соборы имѣютъ уже не чисто совѣщательный характеръ. «О представительствѣ», 370.

шенно понятна. Мѣстничество, возникнувъ въ силу обычая, охватывало всѣ разряды служилыхъ людей и такъ глубоко проникало въ жизнь, что отмѣна его могла имѣть надлежащую силу только благодаря соглашенію всѣхъ. Въ виду приведенныхъ фактовъ, едвали можно сомнѣваться, что значеніе московскихъ соборовъ не исчерпывается понятіемъ совѣщательнаго учрежденія: оно идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально и не признавалъ за ними того положенія, которымъ въ дѣйствительности они пользовались. Понятіе абсолютной власти во всей своей теоретической ясности и послѣдовательности, окончательно сложилось у насъ только въ царствованіе Петра I. Московская эпоха по отношенію къ этому вопросу являетъ еще переходное состояніе. Въ качествѣ эпохи переходной, она и представляетъ одновременное существованіе разнообразныхъ началъ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что московскіе государи признаютъ за собою право дѣйствовать и помимо соборовъ, этимъ правомъ они пользуются и въ эпоху соборовъ. Но рядомъ съ этимъ они признаютъ что-то и за народомъ, въ силу чего и обращаются иногда къ его согласію. Съ исторической точки зрѣнія, это „что-то" есть несомнѣнно слабый остатокъ порядковъ княжеской эпохи, когда князь и народъ, по особенностямъ быта того времени, находились въ непосредственныхъ другъ къ другу отношеніяхъ.

Съ такою же неопредѣленностью юридическаго значенія представительства встрѣчаемся и въ западной Европѣ. Съ точкой зрѣнія формальнаго права, участіе представителей одинаково не признано ни по отношенію къ законодательству, ни по отношенію къ взиманію податей. Но на дѣлѣ къ нимъ обращаются съ просьбами дать денегъ, и они даютъ деньги, а иногда ихъ содѣйствіемъ пользуются и при изданіи законовъ. Во Франціи эта неопредѣленность осталась постояннымъ признакомъ дѣятельности генеральныхъ штатовъ. Иначе въ Англіи. Благодаря особенности англійскаго характера, который крѣпко держится того, что разъ вошло въ практику жизни, въ слѣдствіе чего все развитіе англійской исторіи отличается постепенностью и отсутствіемъ рѣзкихъ скачковъ, неопредѣленность эта продолжалась не долго. Уже въ 1297 г. король Эдуардъ I принимаетъ на себя обязательство не налагать податей иначе, какъ съ общаго согласія архіепископовъ, епископовъ, графовъ, бароновъ, рыцарей, горожанъ и всѣхъ свободныхъ людей королевства. Его преемникъ, Эдуардъ II, въ 1322 г. дѣлаетъ еще шагъ въ этомъ направленіи. Онъ соглашается не издавать ни-

какихъ постановленій касательно правъ короля и его наслѣдниковъ, правъ королевства и всего народа — иначе, какъ съ согласія духовенства, графовъ, бароновъ и представителей общинъ. Въ каждомъ изъ этихъ статутовъ встрѣчаемъ выраженіе: какъ это и прежде было въ обычаѣ. И такъ, это закрѣпленіе предшествовавшей практики. Не должно, однако, думать, что эта практика не имѣла исключеній. Король Эдуардъ I въ 1281 г. собственною властью отмѣнилъ часть парламентскаго статута, изданнаго въ 1278 г. И это, конечно, не единственный случай. Такимъ образомъ, и въ Англіи, какъ у насъ, короли то пользуются содѣйствіемъ народа, то нѣтъ. Даже и послѣ формальнаго признанія королями правъ представителей, случаи нарушенія ими этихъ правъ не составляютъ рѣдкости.

Права англійскихъ выборныхъ, предоставленныя имъ статутами 1297 и 1322 г., гораздо древнѣе практики XIII в. Они представляются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ старыхъ порядковъ феодальной эпохи и примѣненіемъ ихъ къ новому началу представительства. Въ силу обычаевъ леннаго права, обязанности вассаловъ къ королю были опредѣлены какъ относительно размѣровъ военной службы вассаловъ, такъ и денежнаго вспоможенія, которое они должны были оказывать своимъ государямъ. Но англійскіе короли не всегда держались въ предѣлахъ ленныхъ обычаевъ. Отсюда возникаетъ рядъ столкновеній между королями и баронами. Результатомъ этихъ столкновеній являются грамоты, въ которыхъ короли подтверждаютъ права своихъ вассаловъ. Въ ряду этихъ грамотъ первое мѣсто, не по времени, а по значенію принадлежитъ хартіи Ивана Беззеиельнаго, царствованіе котораго отличалось особенно необузданнымъ произволомъ. Эта хартія, извѣстная подъ именемъ великой, содержитъ въ себѣ, рядомъ съ подтвержденіемъ всѣхъ феодальныхъ правъ бароновъ, какъ они опредѣлялись существовавшими до того времени обычаями и прежними королевскими грамотами, еще слѣдующее постановленіе: король обязывался въ тѣхъ случаяхъ, когда расходы его не могли быть покрыты обыкновенными доходами, удовлетворять нуждамъ королевской казны не иначе, какъ по совѣту архіепископа, епископовъ, графовъ, бароновъ и всѣхъ своихъ непосредственныхъ вассаловъ. Вотъ гдѣ начало позднѣйшихъ правъ англійскихъ представителей. Когда возникло представительство свободныхъ городскихъ общинъ, оставалось только распространить это готовое уже начало и на

городскихъ выборныхъ. Это не трудно было сдѣлать въ виду высокаго политическаго такта англійскихъ бароновъ. Уже въ великой хартіи они выступаютъ представителями интересовъ не своего только сословія, а всего государства, и выговариваютъ весьма важныя гарантіи личной свободы для всего населенія королевства. Англійскіе короли не противились этому распространенію правъ бароновъ на все представительство, изъ котораго они умѣли сдѣлать удобное орудіе управленія страной. Возникновеніемъ своимъ представительство вездѣ обязано личному дѣйствію государей,— но твердый юридическій характеръ это учрежденіе получило только въ Англіи, и при томъ благодаря особому складу англійскаго ума и особому ходу англійской исторіи, при чемъ на долю королей выпадаетъ не столько иниціатива, сколько благоразумная уступчивость.

X.

Въ заключеніе намъ необходимо остановиться на оцѣнкѣ дѣятельности нашихъ соборовъ съ точки зрѣнія политики. Можетъ быть ни одинъ изъ вопросовъ, относящихся до соборовъ, не подвергался столь разнообразному рѣшенію, какъ этотъ. Въ то время, какъ одни изслѣдователи видятъ въ нашихъ соборахъ идеалъ, къ которому должны стремиться государственныя учрежденія, другіе приходятъ къ заключенію, что земскіе соборы никогда не могли сдѣлаться существеннымъ элементомъ государственной жизни, что они, даже, не могли дать правительству ни помощи, ни совѣта.

Оба мнѣнія — одинаково крайни.

Наши соборы — не идеалъ, потому что мы наблюдаемъ въ нихъ представительныя учрежденія въ зародышномъ ихъ состояніи. Нужно было еще многое, чтобы изъ нихъ выработалось правильное государственное учрежденіе. Но также несправедливо, что они не могли дать правительству ни помощи, ни совѣта.

Обратимся къ фактамъ.

Исторія нашихъ соборовъ показываетъ, что они всего чаще собирались едва ли не въ самый критическій періодъ жизни московскаго государства. Самое большое число соборовъ выпадаетъ на царствованіе Михаила Ѳедоровича, когда Россія

должна была бороться съ величайшей неурядицей, наслѣдованной отъ смутнаго времени. Въ годину общаго бѣдствія, при всей трудности своего положенія, правительство не усомнилось обратиться къ содѣйствію выборныхъ людей. Чѣмъ же заявили себя эти выборные? Затруднили ли они ходъ правительственной дѣятельности? Этого никто не скажетъ. Если Михаилъ Ѳедоровичъ, въ продолженіе всего своего царствованія, созываетъ соборы, то мы можемъ, кажется, заключить отсюда, что они не затрудняли, а облегчали его дѣятельность. Что иначе могло бы заставить его обращаться къ созванію выборныхъ? Изо всѣхъ имѣющихся у насъ данныхъ мы можемъ вывести только одно заключеніе: выборные люди стояли въ уровень съ ихъ высокимъ призваніемъ и хорошо понимали потребности своего времени: они безо всякой розни соединились у престола избраннаго ими государя и не жалѣли ни жизни, ни имущества для спасенія отечества. Одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII в. уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью.

Но Михаилъ Ѳедоровичъ обращался къ земскимъ соборамъ не въ крайнія только минуты, когда для спасенія отечества требовалось напряженіе всѣхъ силъ государства. Онъ обращался къ совѣту земли и для рѣшенія обыкновенныхъ, текущихъ вопросовъ государственной практики. Мы знаетъ, что на предложеніе англійскаго посла Джона Мерика царь отвѣчалъ, что такого дѣла нельзя рѣшить безъ совѣта всего государства. На дѣлѣ, по объясненной выше причинѣ, было созвано не все государство, а только торговые люди. Совѣтъ торговыхъ людей былъ принятъ государемъ и на его основаніи былъ составленъ отвѣтъ англійскому уполномоченному. Съ нашей точки зрѣнія, важно не содержаніе отвѣта, а то, что правительство приняло мнѣніе торговыхъ людей; они, значитъ, съ его точки зрѣнія, могли дать ему полезный совѣтъ.

Эта полезная дѣятельность выборныхъ людей переходитъ и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Къ составленію важнѣйшаго памятника своего царствованія, соборнаго уложенія 1649 г., этотъ государь приступаетъ по челобитью стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, гостей и гостинной сотни и всякихъ чиновъ торговыхъ людей. Это мы знаемъ изъ грамоты новгородскаго воеводы губному старостѣ обонежской пятины (А. Э. IV.

27), которою ему предписывалось, согласно царской грамотѣ, произвести выборы для собора 1649 г. Во введеніи же къ уложенію 1649 г. говорится, что государь, іюня 16 дня 1648 г., приказалъ составить уложеніе, посовѣтовавшись только съ духовенствомъ, да членами своей думы. Сопоставляя это свидѣтельство съ вышеприведеннымъ, надо придти къ такому заключенію: государь предложилъ на обсужденіе духовенства и членовъ своей думы челобитье выборныхъ людей и, по одобреніи его ими, приказалъ приступить къ составленію уложенія. Такимъ образомъ, вопросъ о составленіи уложенія обсуждался тѣмъ же порядкомъ, какъ и вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества: сперва онъ разсматривался выборными чинами, а затѣмъ духовенствомъ и царской думой. Но какъ возникъ онъ у выборныхъ, было ли это ихъ самостоятельное челобитье, поданное по собственному побужденію, или они были созваны на соборъ и государь предложилъ имъ какой-либо вопросъ, который и привелъ ихъ къ мысли объ уложеніи, мы не можемъ сказать. Какъ бы то ни было, не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что мысль о составленіи новаго уложенія возникла у выборныхъ людей, хотя мы и не знаемъ ближайшихъ условій, при которыхъ это совершилось. Этотъ выводъ, на первый взглядъ, можетъ показаться мало вѣроятнымъ, но онъ совершенно согласенъ съ московскимъ порядкомъ вещей. Неудобства, проистекающія отъ неопредѣленности закона, его неполноты, непослѣдовательности, неясности, должны были чувствоваться выборными людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ боярами, окольничими, думными людьми и другими, приближенными къ государю лицами, которымъ недалеко было идти для разрѣшенія всѣхъ возбуждаемыхъ закономъ сомнѣній. Для городовыхъ же людей это разрѣшеніе являлось въ формѣ московской волокиты, которая была для нихъ пуще татарскаго погрома. Понятно, что для нихъ вопросъ о приведеніи законовъ въ порядокъ былъ самымъ настоятельнымъ; тогда какъ для бояръ, окольничихъ и другихъ сильныхъ людей всякая неясность закона въ то темное время могла быть даже полезна. Уложеніе 1649 г. дѣйствительно отмѣняетъ нѣкоторыя установившіеся въ XVII в. помимо государевыхъ указовъ порядки, выгодные сильнымъ людямъ и невыгодные казнѣ и людямъ мелкимъ.

Но этой челобитной выборныхъ не ограничивается ихъ участіе въ дѣлѣ составленія уложенія. Представители, собранные на соборъ 1649 г., съ цѣлью государево земское дѣло утвердить и

на мѣрѣ поставить, — подавали, какъ обыкновенно, челобитныя, которыя, по принятіи ихъ государемъ, и вносились въ уложеніе. Изъ 40 статей XIX главы уложенія „о посадскихъ людяхъ“ — 17 (1, 3, 5—18, 39) составлены почти буквально по челобитнымъ выборныхъ людей [1]). Иногда въ самыхъ статьяхъ уложенія находимъ указаніе на ихъ происхожденіе изъ челобитныхъ. О монастырскомъ приказѣ читаемъ, что государь указалъ ему быть особо по челобитью стольниковъ, дворянъ и посадскихъ людей. Особенно любопытное указаніе на участіе выборныхъ людей въ составленіи статей уложенія находимъ въ ст. 42 главы XVII: „А нынѣ государь, совѣтовавъ съ отцомъ своимъ патріархомъ, съ митрополиты и епископы, и говоря съ своими бояры, съ окольничими, съ дворянами московскими и городовыми, указалъ и соборомъ уложили“..., за этимъ слѣдуютъ уложенныя статьи. Ясно, что соборъ 1649 г. подходитъ къ разряду тѣхъ соборовъ, результатомъ которыхъ были соборные приговоры. Сколько всего было подано челобитныхъ чинами собора 1649 г. и въ какой мѣрѣ вошли они въ уложеніе, — вопросъ этотъ едва затронутъ нашей литературой. Но что чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей уложенія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія [2]).

Уложеніе не единственный памятникъ, свидѣтельствующій о вліяніи челобитныхъ на указную дѣятельность Алексѣя Михайловича. Въ 1649 же году послѣдовалъ царскій указъ, которымъ дозволялось англійскимъ купцамъ пріѣзжать для торга только въ Архангельскъ, въѣздъ же во внутренніе города воспрещался (Рум. Соб. III. 138). Этотъ указъ послѣдовалъ въ отвѣтъ на челобитье торговыхъ людей разныхъ городовъ отъ 1646 г. (А. Э. IV. 13), въ которомъ они именно просятъ о такомъ воспрещеніи. Многіе мотивы указа 1649 г. прямо спи-

---

[1]) Къ сожалѣнію, это челобитье извѣстно намъ не въ оригиналѣ, а изъ двухъ выписокъ, одна изъ которыхъ находится въ переписной книгѣ сыскныхъ дѣлъ (А. Э. IV, 32), а другая въ наказной памяти Колычеву (А. Э. IV, 36) Эти челобитныя докладывались государю боярами кн. Одоевскимъ и кн. Прозоровскимъ, окольничимъ кн. Волконскимъ и дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, т. е.. тѣми же самыми лицами, которымъ поручено было собрать весь необходимый матеріялъ для составленія Уложенія.

[2]) Указаніе на это участіе находимъ и во введеніи къ Уложенію: «А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ, прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было: а тѣ бы статьи по тому же написати и изложити, по его государеву указу, *общимъ совѣтомъ*» и т. д.

саны съ челобитья торговыхъ людей. Эта челобитная подписана 126 торговыми лицами разныхъ городовъ. Здѣсь есть казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, псковичи, бѣлозерцы, холмогорцы и иные многихъ городовъ люди. При какихъ условіяхъ возникло ихъ челобитье, не знаемъ.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, мы думаемъ, нельзя утверждать, что выборные люди не могли дать московскому правительству ни помощи, ни совѣта. Сторонники этого мнѣнія особое вниманіе посвящаютъ Азовскому собору и изъ обзора его дѣйствій приходятъ къ заключенію, что на этотъ памятникъ древняго земства грустно смотрѣть; по ихъ мнѣнію онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу по отсутствію въ немъ политической мысли и по наивно высказаннымъ эгоистическимъ стремленіямъ сословій. Остановимся и мы на дѣятельности собора 1642 г. [1]).

Для правильнаго сужденія о дѣяніяхъ Азовскаго собора, прежде всего необходимо обратить вниманіе на форму, которая придана была его засѣданіямъ. Государь приказалъ чинамъ собора отвѣчать на его рѣчь порознь. Михаилъ Ѳеодоровичъ, обращаясь къ собору, не имѣлъ, слѣдовательно, намѣренія придти къ соборному приговору, а желалъ только получить мнѣнія членовъ. Эта задача собора объясняется сложностью предложеннаго ему вопроса. Дѣло шло объ удержаніи Азова, а удержаніе Азова должно было вовлечь московское государство въ войну съ Турціей, которая могла затянуться на много лѣтъ. Сколько трудностей представлялъ азовскій вопросъ, видно уже изъ того, что удержать Азовъ за Россіей не суждено было и Петру Великому, при всей его энергіи; съ Азовомъ Россіи удалось порѣшить только во второй половинѣ XVIII в. Итакъ, подача мнѣній порознь чинами собора 1642 г. не есть признакъ упадка соборной жизни. Она условливалась сложностью вопроса и прямо была предписана правительствомъ. Такого же рода отвѣты порознь встрѣчаемъ, въ подобныхъ же случаяхъ, и прежде, въ XVI вѣкѣ (соборъ 1566 г.), и позднѣе (соборъ 1653 г.).

Чинамъ собора было предложено два вопроса: первый, при-

---

[1]) При чтеніи мнѣній чиновъ азовскаго собора надо имѣть въ виду, что это не подлинныя мнѣнія, а только извлеченія изъ нихъ, можетъ быть и очень близкія къ оригиналу. Подлинныя мнѣнія были, конечно, снабжены рукоприкладствомъ; здѣсь же подписей нѣтъ. Но и это извлеченіе показалось кому-то слишкомъ длиннымъ, а потому въ протоколѣ за нимъ слѣдуетъ еще болѣе краткое.

нять ли Азовъ отъ донскихъ казаковъ? и второй, если принять, то какими средствами держать его? Подлинныя слова вопроса очень любопытны; въ нихъ содержится уже ясное указаніе на всѣ трудности дѣла. Вотъ они: „принять ли Азовъ и стоять ли за него, и ратныхъ людей посылать ли противъ турскихъ и крымскихъ и казанскихъ татаръ, и разрывъ съ ними чинить ли? Будетъ Азовъ городъ принять, то многіе ратные люди будутъ надобны въ Азовъ, и въ польскіе, и въ украйные городы; и на городовое азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье деньги надобны будутъ многіяжъ, и хлѣбные и пушечные и всякіе запасы надобны не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у турскихъ людей не по одинъ годъ; и такія великія деньги и многія запасы на тѣ годы гдѣ имать?“

Не смотря на весьма неудобный порядокъ засѣданія собора, который происходилъ въ формѣ допроса отдѣльныхъ чиновъ, и который вовсе не способствовалъ тому, чтобы чины выработали какое либо одно мнѣніе, — мнѣнія большинства членовъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ до такой степени согласны между собой, что намъ стоитъ только сосчитать голоса, чтобы получить весьма солидное большинство въ пользу одного опредѣленнаго порядка дѣйствій. Всего было допрошено 181 выборный, не считая духовенства, число котораго не извѣстно, но, судя по другимъ соборамъ, едва-ли могло превышать цифру 25. Никто, конечно, не будетъ ожидать, чтобы всѣ члены собора отнеслись съ одинакимъ вниманіемъ къ своему дѣлу; этого мы не встрѣтимъ и ни въ одномъ современномъ собраніи представителей; позволительно желать только, чтобы большинство ихъ взвѣсило всѣ стороны вопроса и дало отвѣтъ, согласный съ истинными пользами государства. Этому желанію чины азовскаго собора совершенно удовлетворяютъ.

На первый вопросъ, принять-ли Азовъ отъ донскихъ казаковъ, или нѣтъ, — духовенство и 43 выборныхъ (10 стольниковъ, 20 московскихъ дворянъ, 4 головъ стрѣлецкихъ и 9 городовыхъ дворянъ) не даютъ своего опредѣленнаго мнѣнія, предоставляя рѣшеніе волѣ государя: „а въ пріимкѣ города Азова, въ томъ его государева воля,“ говорятъ они. Духовенство мотивируетъ свой отвѣтъ тѣмъ, что ему это дѣло не за обычай. Всѣ остальные выборные, 138 человѣкъ (106 дворянъ и 32 посадскихъ), прямо высказались, что Азовъ надо принять и съ турецкимъ султаномъ разорвать. Мнѣніе 138 выборныхъ весьма

достаточно мотивированы, хотя и не всѣми совершенно одинаково. Чисто политическихъ мотивовъ они приводятъ два. Это, во-первыхъ, *неправды* турецкаго и крымскаго царей. На этотъ мотивъ указываютъ 43 дворянина и 32 посадскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ коротко: „И тебѣ государю велѣть Азовъ у донскихъ казаковъ принять и съ турскимъ и крымскимъ царемъ разорвать, за ихъ многую передъ тобою неправду, что они шертвовавъ тебѣ государю многую неправду чинили и про ту ихъ неправду извѣстно тебѣ государю". Два московскихъ дворянина, Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій, останавливаются на этихъ неправдахъ съ большею подробностью: „всегда, говорятъ они, крымскій царь государю шерть свою давалъ на томъ, что войнѣ было отъ крымскихъ людей въ государевѣ землѣ не быть, и онъ черезъ шерть свою лгалъ, по вся годы крымскіе и азовскіе татары государевы украйные города воевали и въ Азовъ православныхъ крестьянъ приводя, продавали въ свои же бусурманскія орды въ порабощеніе, а онъималъ съ того полону пошлины отъ девяти десятаго человѣка; да онъ же крымскій царь чрезъ свою шерть въ прошлыхъ годахъ, какъ было у государя съ польскимъ королемъ развратье и стояли его государевы ратные люди подъ Смоленскомъ, и онъ, свѣдавъ то, прислалъ въ государеву землю царевичевъ съ крымскими людьми войною" и т. д. Весьма близко къ этому мотивируютъ свое мнѣніе гости и посадскіе люди: „а какъ, государь, Азовъ былъ за турскимъ царемъ, говорятъ они, и въ то время въ украйныхъ городахъ турскіе и крымскіе иногайскіе татары ходили войною по вся годы безпрестани, и кровь крестьянскую проливали многую и въ полонъ сводили крестьянскаго народа много же, а въ томъ Азовѣ тѣхъ полоненныхъ людей продавали и въ свою и въ иныя многія земли, и крестьянской православной вѣрѣ наругались, и въ тѣ годы твои государевы украйные городы и съ уѣзды пустѣли". Второй мотивъ состоялъ въ слѣдующемъ: московскому государству необходимо владѣть Азовомъ для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ ногаевъ и другихъ кочевниковъ южныхъ степей. На этотъ мотивъ указываютъ 65 дворянъ. Вотъ какъ выражаются по этому поводу 63 городовыхъ дворяна: „А хотя и отдати Азовъ, тѣмъ бусурмановъ не утолить и не удобрить, и войны и крови отъ крымскихъ и отъ иныхъ поганыхъ бусурмановъ не укротить, а турскихъ бусурмановъ только пуще тою отдачею на себя подвигнути. А лучше,

государь, что Азовъ тебѣ государю и *всей землѣ* принять и крѣпко за него стоять, а нагаи, государь, кочуютъ нынѣ на твоей государевой землѣ отъ Азова не далече; а за кѣмъ будетъ Азовъ, тому они будутъ и служить. А только, государь, онъ будетъ за турскимъ, и они будутъ твою государеву вотчину плѣнить и пустошить". Къ этимъ двумъ присоединяется еще третій мотивъ не политическаго, а религіознаго свойства; онъ состоитъ въ опасеніи, какъ бы не навесть отказомъ отъ Азова на всероссійское государство гнѣва Божія, такъ какъ казаки заняли Азовъ изволеніемъ вышняго Бога. Такъ высказываются всѣ городовые дворяне, подавшіе мнѣніе въ пользу принятія Азова. Ссылка на такое чисто религіозное соображеніе не удивитъ насъ, если мы припомнимъ, что дѣло происходило въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, соправителемъ котораго много лѣтъ былъ святѣйшій патріархъ Филаретъ. Городовые дворяне заслужили бы упрекъ въ отсутствіи политическаго смысла только тогда, если бы они привели этотъ одинъ мотивъ, но они приводятъ его вмѣстѣ съ мотивами чисто политическими, вполнѣ исчерпывающими дѣло. Зная благочестивое настроеніе царя, они только усиливаютъ этимъ сопоставленіемъ значеніе своихъ политическихъ соображеній.

Сто тридцать восемь выборныхъ, высказавшихся въ пользу войны, выражаютъ свое мнѣніе въ самой мягкой формѣ. Многіе изъ нихъ, прежде чѣмъ высказать собственную свою мысль, говорятъ, что рѣшеніе вопроса зависитъ отъ государевой воли. Такъ выражаются Беклемишевъ, Желябужскій, гости и посадскіе люди. Можемъ ли упрекать ихъ за это? Наоборотъ, мы видимъ въ этомъ глубокое пониманіе тѣхъ условій, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать.

Первый вопросъ получилъ, такимъ образомъ, совершенно ясное и вѣрно мотивированное рѣшеніе значительнаго большинства членовъ собора. Дѣйствительныя пользы Россіи именно состояли въ удержаніи Азова. Это оправдывается и всѣмъ послѣдующимъ направленіемъ нашей политики, за цѣлое столѣтіе: Петръ Великій стремился къ Азову, но по неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ долженъ былъ отказаться отъ него; позднѣе, въ томъ же направленіи дѣйствовала Екатерина Великая и окончательно закрѣпила Азовъ за Россіею. Если мы съ признательностью относимся къ стремленію этихъ государей на югъ, то съ такою же признательностью должны относиться и

къ деятельности собора 1642 г., мнѣнія котораго предопредѣлили это стремленіе.

Переходимъ ко второму вопросу. Вопросъ о средствахъ удержанія Азова былъ разработанъ чинами, высказавшимися въ пользу этого удержанія, не съ меньшимъ вниманіемъ. Вопросъ этотъ, естественно, распадается на нѣсколько отдѣльныхъ. Дѣло идетъ не только объ удержаніи Азова, но и о войнѣ съ Турками, которые по занятіи Азова московскими людьми могли отвѣтить вторженіемъ въ предѣлы Московскаго государства. Далѣе, для удержанія Азова и для войны съ турками нужны войско и денежныя средства. Такимъ образомъ, рѣшенію чиновъ собора подлежали четыре отдѣльныхъ вопроса. Они и дѣйствительно останавливаются на каждомъ изъ нихъ, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Посадскіе судятъ только о денежныхъ средствахъ, такъ какъ дѣло военной службы имъ неизвѣстно. Городовые дворяне даютъ мнѣніе какъ о деньгахъ, такъ и о военныхъ силахъ, ибо они несутъ и личную военную службу и помогаютъ деньгами. При обсужденіи этихъ мнѣній надо имѣть въ виду особыя условія Московскаго государства и съ точки зрѣнія этихъ условій произносить свой приговоръ; упуская изъ виду особенности Московскаго государства, мы легко можемъ обвинить чиновъ азовскаго собора въ томъ, въ чемъ они нисколько не виноваты. Московскіе люди, высказывая свое мнѣніе о способахъ удержанія Азова, стоятъ на почвѣ Московскаго государства и дѣйствовавшихъ въ немъ порядковъ. Они не вводятъ никакихъ реформъ (въ чемъ, въ виду предложеннаго имъ вопроса, и упрекнуть ихъ нельзя), а ограничиваются указаніемъ тѣхъ средствъ, которыя были подъ руками.

Держать Азовъ они предлагаютъ тѣми же донскими казами, которымъ удалось отбить его у Турокъ (на что изъявили готовность и сами Донцы), пославъ имъ въ помощь охотниковъ, солдатъ и стрѣльцовъ. Это мнѣніе всѣхъ городовыхъ дворянъ, высказавшихся въ пользу принятія Азова, а также и 10 стольниковъ и 20 московскихъ дворянъ, сославшихся на волю государя. Дворянъ Московскаго государства упрекаютъ за этотъ совѣтъ. Говорятъ, что они указываютъ на охотниковъ и солдатъ, а сами пойдти въ Азовъ не вызываются. Этотъ упрекъ покажется основательнымъ только тому, кто упустить изъ виду, какъ было устроено это дворянское войско. Людямъ же Московскаго государства, которые это хорошо знали, не могла и въ

голову придти мысль о постоянномъ держаніи Азова дворянами, такъ эта задача не соотвѣтствовала характеру дворянскаго войска. Дворяне, выходя въ походъ, выводили съ собой людей своихъ въ полномъ вооруженіи и на коняхъ. Во все время похода они должны были содержать себя, людей и лошадей на свои собственныя средства. Съ этой цѣлью они везли за собой на особыхъ вьючныхъ лошадяхъ все необходимое продовольствіе. Если оно истощалось, они должны были покупать его на свои же деньги. Такое войско, естественно, могло дѣйствовать только въ теченіе сравнительно небольшихъ промежутковъ времени. Это, конечно, большое неудобство, но оно было свойственно и всѣмъ другимъ государствамъ западной Европы, войска которыхъ тоже, въ свое время, состояли изъ воиновъ-помѣщиковъ. Обязанность обладателя рыцарскаго лена — выставить тяжело вооруженнаго человѣка и содержать его во время похода на свой счетъ — обыкновенно ограничивалась, по тѣмъ же соображеніямъ, 40 днями въ году. Употребить этихъ помѣщиковъ-воиновъ на постоянное занятіе Азова значило оставить ихъ безъ всякихъ средствъ. Въ виду этого дворяне и предлагаютъ для постояннаго занятія Азова такой разрядъ войскъ, который содержался государевымъ кормовымъ и денежнымъ жалованьемъ. Это охотники, входившіе въ составъ солдатскихъ, стрѣлецкихъ и рейтарскихъ полковъ.

На пополненіе такого войска дворяне предлагаютъ взять даточныхъ людей, прибавляя „опричь нашихъ крѣпостныхъ и кабальныхъ“. Эту оговорку тоже ставятъ въ упрекъ городовымъ дворянамъ, усматривая въ ней наивную щедрость на чужой счетъ. Въ дѣйствительности же въ этой оговоркѣ отразился только обыкновенный порядокъ Московскаго Государства, который перешелъ и въ уложеніе 1649 г. Обязанность выставлять даточныхъ лежала, обыкновенно, на тѣхъ вотчинникахъ и помѣщикахъ, которые лично не могли выходить на службу. Сюда относились: патріархъ, монастыри, вдовы, сироты и пр.; ихъ даточные распредѣлялись по рейтарскимъ и солдатскимъ полкамъ. Служилые же дворяне только тогда давали даточныхъ, когда за старостію и болѣзнями не были способны сами выступить на войну. Въ противномъ случаѣ, выходя на войну лично, они выводили съ собой и людей своихъ. Брать съ нихъ даточныхъ значило бы брать съ нихъ вдвое противъ другихъ.

Таково мнѣніе чиновъ относительно занятія Азова. Относи-

тельно возможной войны съ турками, городовые дворяне предлагають собрать все государство, — обыкновенный способъ встрѣчи непріятеля въ Московскомъ государствѣ; т. е. они предлагають призвать всѣхъ, на комъ лежала военная служба, слѣдовательно, и ихъ. Указывая на это обыкновенное средство, они просять предварительно потребовать у всей земли роспись, сколько за кѣмъ крестьянъ, чтобы можно было каждаго обложить службой соотвѣтственно его силамъ. Пространное мнѣніе объ этомъ дворянъ Суздаля и другихъ городовъ, въ числѣ 41 человѣка, съ которымъ въ существѣ сходно и мнѣніе дворянъ Мещерскихъ, Коломенскихъ и другихъ городовъ, въ числѣ 63 человѣкъ, оканчивается такими словами: „и тутъ будетъ вся твоя государева земля готова противъ такихъ нечестивыхъ бусурманъ нашествія".

Наконецъ, что касается денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то и здѣсь городовые дворяне различають потребности настоящей минуты, именно содержаніе людей, которые будутъ посланы въ Азовъ, отъ потребностей войны, которая можетъ возгорѣться съ Турціей. Для удовлетворенія первой потребности они предлагають собрать хлѣбъ съ украйнихъ городовъ, по близости ихъ къ Азову „для скораго поспѣшенія", какъ они выражаются; а затѣмъ предлагають вести войну средствами всего государства, собирая со всѣхъ, безъ выбора: „а хлѣбныхъ запасовъ вели, государь, взять со всей своей государевой земли, со всѣхъ безъ выбора, и тутъ, государь, запасовъ ратнымъ твоимъ людямъ будетъ много не на одинъ годъ". Но и въ этомъ случаѣ, они предлагають производить сборъ сообразно средствамъ каждаго, облагая богатыхъ людей соотвѣтственно ихъ многимъ помѣстьямъ и животамъ. Ту же мысль, чтобы всѣ несли тягости войны, высказывають и посадскіе люди. Они просять, чтобы повинности были наложены „на всю землю и на всякихъ чиновъ людей, чтобы никто въ государевой землѣ въ избылыхъ не былъ".

Чиновъ собора упрекають въ томъ, что они не указывають, сколько же именно должно съ нихъ взять, а ссылаются на усмотрѣніе государя: „что ты, государь, укажешь положить на свою государеву землю". Дѣйствительно, такія указанія, если и не отсутствують совершенно, то во всякомъ случаѣ ихъ очень мало. Но точное опредѣленіе суммы всѣхъ издержекъ предстоящей войны и не могло быть сдѣлано: нельзя было, конечно, предвидѣть

во что эта война могла обойтись. Рѣшаясь на нее, чины собора берутъ на себя и всѣ издержки, заботясь о томъ только, чтобы онѣ равномѣрно падали на всѣхъ и чтобы избылыхъ не было. Затѣмъ, порядокъ участія въ этихъ издержкахъ каждаго отдѣльнаго чина не представлялся людямъ XVII в. въ такой степени неопредѣленнымъ, какъ онъ можетъ представляться намъ. Разсматриваемый случай участія всѣхъ въ издержкахъ войны не есть первый. Московскіе люди въ царствованіе Михаила Өедоровича не разъ призывались къ такому участію. Предшествовавшая практика установила уже, до нѣкоторой степени, и размѣры этого участія. Такъ, съ посадскихъ людей оно опредѣлялось пятой деньгой съ животовъ и промысловъ. Дворяне приносили по совѣсти, что могли, для чего представляли особыя росписи. Эта практика имѣлась, конечно, въ виду чинами собора. Въ мнѣніи же, поданномъ городовыми дворянами, встрѣчаемся даже съ попыткой опредѣленія ихъ служебныхъ и денежныхъ повинностей. Они просятъ, чтобы количество дворовъ, съ котораго должно было выводить вооруженнаго человѣка на содержаніи помѣщика, было опредѣлено единообразно для всѣхъ. Мѣрою такого опредѣленія они просятъ принять 50 дворовъ. У кого было болѣе этого количества, съ того предлагаютъ брать деньги, у кого менѣе, тому просятъ давать въ помощь денежное жалованье.

Мы привели существенныя черты отвѣтовъ чиновъ собора на царскіе вопросы, но не исчерпали всего ихъ содержанія. Какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ собранія представителей всегда давали поводъ къ принесенію жалобъ на недостатки современнаго порядка и злоупотребленія органовъ управленія. Порядки московскаго государства въ XVII в. представляли очень много темныхъ сторонъ; въ злоупотребленіяхъ администраціи недостатка также не было. Не останавливаясь на сколько нибудь подробной характеристикѣ недостатковъ управленія московской эпохи, ограничимся указаніемъ на крайнюю неравномѣрность повинностей. Въ то время, какъ высшіе московскіе чины, богато одаренные помѣстьями, почти не чувствовали тягостей службы, на городовыхъ дворянъ обязанность службы падала крайне тяжолымъ бременемъ. Какъ разнилось положеніе служилыхъ чиновъ, видно изъ челобитной городовыхъ дворянъ, поданной ими за годъ до азовскаго собора. Изъ этой челобитной узнаемъ, что братья, племянники, дѣти и внуки го-

родовыхъ дворянъ, нехотя съ ними государевой службы служить и бѣдности терпѣть, кидаютъ свои помѣстья и вотчины и бьютъ челомъ въ боярскіе дворы, окольничимъ, стольникамъ, дворянамъ московскимъ и инымъ людямъ даютъ на себя служилыя кабалы и женятся въ ихъ дворахъ на крѣпостныхъ жонкахъ и дѣвкахъ. Такимъ образомъ, были дворяне, которые считали для себя болѣе выгоднымъ поступить въ крѣпостную зависимость другихъ дворянъ, чѣмъ пользоваться помѣстьями и нести съ нихъ государеву службу. Значитъ, одѣленіе помѣстьями и служба съ нихъ были крайне неравномѣрны. Въ виду этого, можно ли винить городовыхъ дворянъ, что, разсуждая о средствахъ веденія войны, они особенно указываютъ государю на бояръ и ближнихъ людей, которые пожалованы многими помѣстьями „противъ ихъ чести и тебѣ, государю, ихъ службы", прибавляютъ они почтительно; указываютъ на свою братію служилыхъ людей, которые назначаются къ корыстовымъ дѣламъ; указываютъ на дьяковъ и подъячихъ, которые „пожалованы государевымъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, накупили многіе вотчины и домы строили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь-сказаемыя — указываютъ на все это и просятъ обложить эти чины противъ домовъ ихъ и пожитковъ, а съ вотчинъ и помѣстій взять конныхъ ратныхъ людей? Подобно этому они дѣлаютъ особое указаніе на патріаршія и монастырскія имущества. Здѣсь за нихъ и самый законъ. Соборнымъ опредѣленіемъ 1580 г. было воспрещено отдавать по душѣ вотчины въ монастыри. Несмотря на это, монастыри продолжали пріобрѣтать ихъ въ ущербъ служилымъ людямъ. Дворяне были въ правѣ указать на этотъ источникъ государственныхъ средствъ; они въ правѣ были сдѣлать даже болѣе: они могли просить, какъ чины собора 1649 г., отобрать всѣ эти пріобрѣтенія, сдѣланныя въ нарушеніе закона, и раздать имъ въ помѣстья. Но дворяне азовскаго собора, не смотря на предстоявшую имъ войну, поступили сдержаннѣе дворянъ собора 1649 г.: они просятъ, чтобы ихъ бѣдныхъ, разоренныхъ, безпомѣстныхъ, пустопомѣстныхъ и малопомѣстныхъ государь велѣлъ взыскать своею милостію, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, но объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ не говорятъ.

Подобно тому, какъ городовые дворяне жалуются, что они

разорены московскою волокитою и неправедными судами больше, чѣмъ крымскими и турскими бусурманами, жалуются и посадскіе люди на тягость своей тяглой службы, на тягость повинностей, на конкурренцію иностранцевъ, на обиды воеводъ. „А торжишки, государь, говорятъ они, стали у насъ гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ городахъ отняли иноземцы; а въ городахъ всякіе люди обнищали и исхудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ". Возможность такихъ прямыхъ заявленій и составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ созванія выборныхъ людей. Откуда же и узнать было московскому государю истину о положеніи дѣлъ въ государствѣ, какъ не изъ этого непосредственнаго общенія съ представителями земли? Мы упрекнули бы этихъ выборныхъ XVII в., еслибы жалобы ихъ были неосновательны. Но справедливости ихъ, судя по всѣмъ современнымъ извѣстіямъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить. При этихъ условіяхъ, чины азовскаго собора заслужили бы осужденіе, еслибы скрыли отъ правительства настоящее положеніе дѣлъ и тѣмъ ввели его въ заблужденіе.

Въ виду несомнѣнно бѣдственнаго положенія страны, которое сознавалось всѣми чинами собора, мнѣніе большинства объ удержаніи Азова получаетъ, въ нашихъ глазахъ, особенно высокое значеніе. Азовскій вопросъ былъ рѣшонъ ими не съ эгоистической точки зрѣнія кошелька, ибо тогда всего лучше было бы отказаться отъ обладанія Азовомъ и войны съ турками; а съ точки зрѣнія истинныхъ пользъ и нуждъ Московскаго государства.

Любопытно, что наиболѣе выработанное мнѣніе подано большинствомъ городовыхъ дворянъ (104 изъ 113), за которыми слѣдуютъ всѣ посадскіе (32 человѣка). Стольники же (10 человѣкъ) и всѣ московскіе дворяне (22), за исключеніемъ двухъ, почти по всѣмъ вопросамъ ограничились ссылкою на волю государя. А между тѣмъ эти два послѣдніе разряда находились въ особой близости ко двору государя и были по преимуществу взыскиваемы царскими милостями. Придворная жизнь, какъ видно, не вела въ Московскомъ государствѣ къ развитію политическаго смысла. Приведенное выше мнѣніе посадскихъ людей о причинахъ удержанія Азова особенно знаменательно. Изъ предшествующаго мы знаемъ, что посадскіе люди азовскаго собора состояли едвали не исключительно изъ московскихъ сотенъ. Для нихъ непосредственно указанныя ими невыгоды потери Азова,

по ихъ отдаленности отъ этого города, могли быть всего менѣе чувствительны; тогда какъ издержки войны падали и на нихъ. Это не помѣшало имъ, однако, подать мнѣніе съ точки зрѣнія общихъ нуждъ Московскаго государства, а не своихъ личныхъ.

Подведемъ итоги.

Всѣхъ членовъ, подавшихъ мнѣнія, было 181, а съ духовенствомъ 206. Изъ нихъ:

1) по вопросу о принятіи Азова и войнѣ съ турками за принятіе Азова и войну съ турками высказалось 138 человѣкъ. Отказались дать свое мнѣніе 43 человѣка служилыхъ людей и 25 духовныхъ особъ,—послѣдніе ссылаясь на то, что это дѣло имъ не за обычай; всего 68 человѣкъ.

2) по вопросу о средствахъ удержанія Азова,—за удержаніе его донскими казаками и охотниками, состоящими на государевомъ жалованьи, высказалось 136 служилыхъ людей. Остальные 13 сослались на волю государя; духовенство и посадскіе также не высказали своего мнѣнія на томъ основаніи, что дѣла этого рода имъ не за обычай; всего 70 человѣкъ.

3) по вопросу о способахъ веденія войны съ турками изъявили готовность лично принять въ ней участіе 129 служилыхъ людей, изъ числа которыхъ 104 человѣка представили подробное мнѣніе о веденіи этой войны силами всего государства. Не подали мнѣнія 20 служилыхъ людей, всѣ посадскіе и духовенство на томъ же основаніи, всего 77 человѣкъ.

4) по вопросу о денежныхъ средствахъ для войны изъявили готовность нести издержки войны — 163 человѣка, въ томъ числѣ все духовенство и всѣ посадскіе; 138 человѣкъ изъ числа этихъ 163 высказались, кромѣ того, въ пользу равномѣрнаго распредѣленія издержекъ войны на все государство. Не подали мнѣнія, ссылаясь на волю государя, 43 служилыхъ человѣка.

Если мы изъ этихъ итоговъ исключимъ цифры тѣхъ членовъ собора, которые по особенностямъ своего сословнаго положенія не могли имѣть своего мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ собору вопросахъ, то получимъ слѣдующій результатъ голосованія: по первому вопросу 138 голосовъ, противъ 43, по второму—136, противъ 13; по третьему—129, противъ 20; по четвертому — 163, противъ 43. Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ, меньшинство дало не отрицательные отвѣты, а только

отказалось отъ подачи своего мнѣнія, напередъ присоединившись къ мнѣнію правительства [1]).

Такое голосованіе можетъ сдѣлать честь патріотизму любаго собранія представителей.

Не смотря на патріотическій отвѣтъ чиновъ собора 1642 г., Михаилъ Θеодоровичъ не нашелъ возможнымъ подвергнуть изнуренную страну опасностямъ новой войны и приказалъ донскимъ казакамъ очистить Азовъ. Это распоряженіе царя не измѣняетъ существа дѣла: значительное большинство членовъ собора высказалось въ духѣ истинныхъ нуждъ Россіи и, въ этомъ смыслѣ, навсегда рѣшило азовскій вопросъ; но время не представляло достаточныхъ средствъ для исполненія рѣшенія. Позднѣйшая политика нашихъ государей оправдываетъ мнѣнія чиновъ азовскаго собора и служитъ имъ лучшей похвалой.

XI.

Земскіе соборы Московскаго государства представляются несомнѣнно полезными, какъ средство непосредственнаго общенія государя съ землей: изъ челобитныхъ выборныхъ людей государи прямо знакомились съ потребностями страны, недостатками управленія и злоупотребленіями органовъ администраціи. Изъ предшествовавшаго мы видѣли, что московскіе выборные люди стояли въ уровень съ тѣмъ высокимъ призваніемъ, съ которымъ московскіе государи обращались къ нимъ. Отчего же соборы вышли изъ употребленія, отчего Алексѣй Михайловичъ, обращавшійся въ первыя 8 лѣтъ своего продолжительнаго царствованія не менѣе четырехъ разъ къ содѣйствію выборныхъ людей, въ остальные 23 года, не созвалъ ни одного собора?

Если-бы подобный вопросъ былъ намъ предложенъ относительно французскихъ генеральныхъ штатовъ, которые перестаютъ созываться уже въ первой половинѣ XVII в., мы не затрудняясь сказали бы, что вина падаетъ частью и на самихъ выборныхъ людей. Благодаря легкой впечатлительности и порывистости французскаго характера, генеральные штаты уже въ половинѣ XIV в.

---

[1]) Выскажись государь въ пользу войны, мы имѣли бы наглядный примѣръ единогласнаго соборнаго рѣшенія.

начинаютъ заявлять притязанія съ цѣлью расширить свою власть насчетъ королевскихъ правъ: они начинаютъ вмѣшиваться въ опредѣленіе личнаго состава королевскаго совѣта, требуютъ, чтобы ихъ челобитныя принимались безъ всякихъ измѣненій и непремѣнно получали силу закона; они, наконецъ, поднимаютъ вопросъ о народномъ верховенствѣ. Для проведенія подобныхъ нововведеній они пользуются самыми критическими минутами французскаго государства, какъ напримѣръ въ 1356 г., когда королевскія войска потерпѣли пораженіе при Пуатье и самъ король былъ взятъ въ плѣнъ. Этимъ рѣзкимъ стремленіемъ къ расширенію своей власти они, естественно, вызвали французскихъ королей на борьбу, результатомъ которой было не дальнѣйшее развитіе генеральныхъ штатовъ, а ихъ смерть, и та нелюбовь къ идеѣ народнаго представительства, которая сдѣлалась семейнымъ чувствомъ членовъ французскаго королевскаго дома.

Г-жа Кампанъ, въ своихъ мемуарахъ, разсказываетъ, что разъ вечеромъ, въ кабинетѣ Людовика XV, происходилъ разговоръ по поводу нѣкоторыхъ затрудненій, которыя тогда испытывало французское правительство. Одинъ изъ присутствующихъ высказалъ мысль, что затрудненія эти должны привести къ созванію генеральныхъ штатовъ. Король, обыкновенно спокойный, при этихъ словахъ быстро оживился, взялъ виновника ихъ за руку и горячо сказалъ ему: „милостивый государь, никогда не повторяйте этихъ словъ. Я не пылкій человѣкъ, но если бы я имѣлъ брата и онъ былъ способенъ дать мнѣ подобный совѣтъ, не медля ни минуты, я пожертвовалъ бы имъ для спасенія монархіи и спокойствія королевства“.

Людовикъ XV горько ошибался. Для спасенія монархіи во Франціи именно не слѣдовало прерывать общенія съ представителями народа. Но если короли поддались чувству малодушнаго страха и удалились отъ народа, мы все-таки должны признать, что къ такому печальному исходу они были вызваны враждебными монархическому началу партіями въ средѣ самыхъ генеральныхъ штатовъ.

Но отъ чего же Алексѣй Михайловичъ не созвалъ ни одного собора въ теченіи послѣднихъ 23 лѣтъ своего царствованія? Были ли у насъ враждебныя царской власти партіи? Такихъ партій на нашихъ соборахъ никогда не было. Московскіе выборные люди всегда отличались преданностью монархическому началу и не обнаруживали ни малѣйшаго стремленія выйти изъ тѣхъ границъ, которыя указывались имъ волею государей; они всегда стояли на

почвѣ закона; свои жалобы они приносили всегда въ самой почтительной формѣ. Ихъ дѣятельность никогда не могла казаться опасною нашимъ государямъ, которымъ должны быть совершенно чужды опасенія, погубившія французскій королевскій домъ. Наконецъ, чины московскаго государства никогда не оказывались враждебными тѣмъ реформамъ, которыя вызывались благомъ государства. Доказательство этому имѣемъ въ соборѣ 1682 г., который рѣшилъ отмѣну права мѣстничества, столь дорогаго для большихъ московскихъ родовъ.

На поставленный выше вопросъ, нѣкоторые писатели отвѣчаютъ: соборы вышли изъ употребленія потому, что не носили въ себѣ задатковъ жизни, они исчезли вслѣдствіе внутренняго своего ничтожества. Писатели этого направленія, для доказательства своей мысли, выбираютъ азовскій соборъ и на немъ стараются демонстрировать признаки этой естественной смерти. Мы видѣли, что эти усилія напрасны. Россія можетъ гордиться дѣяніями азовскаго собора. Только люди, преклоняющіеся предъ всякимъ совершившимся фактомъ, будутъ искать вину смерти извѣстнаго учрежденія исключительно въ свойствахъ самого учрежденія: умерло значитъ не носило въ себѣ условій жизненности. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, которымъ можно оправдать всякую побѣду, какія бы побужденія за ней ни скрывались. Если учрежденіе перестало существовать, то, конечно, были причины, которыя привели его къ смерти. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что онѣ всѣ лежали въ самомъ учрежденіи.

Московскіе соборы не сами собой появились на свѣтъ, не сами собой и исчезли. Они призваны къ жизни волею государей; перестали дѣйствовать, потому что государи перестали ихъ созывать. Въ жизни соборовъ, какъ мы видѣли, не было ничего, что бы могло не нравиться самимъ государямъ. Наоборотъ, въ патріотической дѣятельности ихъ московскіе государи всегда находили поддержку всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Соборы всегда стояли на стражѣ закона и безопасности государства. Если государи перестали созывать соборы, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ, которымъ было выгодно представить соборы, какъ учрежденіе безполезное. Кто же могъ вліять въ этомъ смыслѣ на волю Алексѣя Михайловича? Кому дѣятельность выборныхъ людей могла быть непріятна?

Изъ того, что мы знаемъ о дѣяніяхъ собора 1642 г. и изъ челобитныхъ собора 1649 г., дѣятельность выборныхъ должна была

не нравиться боярамъ, окольничимъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ и едвали не всего болѣе—духовнымъ властямъ.

Выборные люди указываютъ на злоупотребленія органовъ высшаго московскаго правительства, они говорятъ о московской волокитѣ и неправедныхъ московскихъ судахъ, которые для нихъ пуще татарскаго погрома. Они указываютъ на цѣлыя слободы, которыя построены боярами въ городахъ и около, въ которыхъ живутъ ихъ ремесленные и торговые люди, ремеслами и торговлею занимаются, а государевыхъ податей не платятъ. По ихъ челобитью, эти слободы отбираются на государя. Духовенство также не было оставлено ими въ покоѣ. Оно также владѣетъ слободами въ городахъ и около; мало того, не смотря на запрещеніе собора 1580 г., оно продолжаетъ пріобрѣтать вотчины по душѣ. Выборные люди 1649 г. просятъ, чтобы эти новыя пріобрѣтенія были отобраны и розданы имъ въ помѣстья. По ихъ челобитью, городскія и подгородныя слободы патріарха, митрополитовъ и другихъ взяты на государя, запрещеніе пріобрѣтать вотчины по душѣ вновь подтверждено уложеніемъ, а о пріобрѣтенныхъ уже вотчинахъ приказано собрать справки. Могла ли такая дѣятельность мелкихъ городовыхъ дворянъ и посадскихъ нравиться сильнымъ ближнимъ людямъ и сильному духовенству? На соборѣ 1642 г. было небольшое меньшинство городскихъ дворянъ (9 человѣкъ), подавшихъ отдѣльныя отъ остальныхъ мнѣнія. Мнѣнія эти, при всей ихъ краткости, въ свою очередь знаменательны. Три владимірскихъ дворянина на вопросъ объ удержаніи Азова говорятъ: въ томъ воленъ государь и его бояре; на вопросъ, гдѣ взять средства, отвѣчаютъ: гдѣ государь укажетъ и его государевы бояре; наконецъ, заявляя о своей бѣдности, они прибавляютъ: о бѣдности нашего города вѣдомо ему государю и его государевымъ боярамъ. Вездѣ бояре поставлены рядомъ съ государемъ, ихъ воля рядомъ съ его волею. Шесть остальныхъ дворянъ называютъ бояръ „своими вѣчными господами промышленниками.“ Это смиренное указаніе на могущество бояръ, которые всегда и во всемъ прикрывались именемъ царя, едва ли могло быть имъ пріятнѣе указанія на ихъ слободы. Высшіе чины и духовныя власти имѣли слишкомъ много причинъ, чтобы удерживать Алексѣя Михайловича отъ созванія выборныхъ людей. А какъ постоянные совѣтники государя, они имѣли и много средствъ подъ руками, чтобы выставить соборы, какъ учрежденіе ни на что не нужное. Этимъ вліяніемъ и слѣдуетъ объя-

снять тотъ фактъ, что соборы исчезли изъ нашей государственной практики. Для борьбы съ боярами были они созваны въ первый разъ. На злоупотребленія бояръ указываютъ они и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но борьба эта велась не одинакимъ оружіемъ и не при равныхъ условіяхъ. Бояре были ближе къ царю и успѣли, наконецъ, удалить отъ лица его представителей земли.

АКЦІОНЕРНЫЯ ОБЩЕСТВА,

Ѳ. Г. ТЕРНЕРА.

Промышленная дѣятельность европейскихъ рынковъ едва только начинаетъ оправляться отъ ужаснаго удара, нанесеннаго ей вѣнскимъ и берлинскимъ биржевыми кризисами. Кризисы эти, какъ всегда, были вызваны чрезмѣрнымъ развитіемъ спекуляціи, но она проявилась, въ настоящемъ случаѣ, преимущественно въ формѣ учрежденія новыхъ акціонерныхъ обществъ. Вслѣдствіе этого, означенная форма ассоціаціи подверглась въ послѣднее время многочисленнымъ порицаніямъ съ разныхъ сторонъ, на столько же преувеличеннымъ и несправедливымъ, на сколько лѣтъ двадцать тому назадъ были преувеличиваемы ожиданія и надежды, возлагавшіяся на акціонерныя общества, которымъ приписывалась необыкновенная творческая сила. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страданій, вызванныхъ злоупотребленіемъ данною формою промышленной дѣятельности, общественное мнѣніе слишкомъ склонно приписывать вредныя послѣдствія не злоупотребленію, а именно самой этой формѣ. При этомъ забываютъ, что крайности спекуляціи, вызванныя временной дешевизною денегъ, обусловливаются главнымъ образомъ извѣстнымъ настроеніемъ умовъ въ данный моментъ. Во время такого возбужденія, спекуляція всегда найдетъ возможность проявиться въ томъ или другомъ видѣ и не можетъ быть остановлена насильственнымъ сокращеніемъ той или другой формы промышленной дѣятельности. Точно также послѣ періодовъ чрезмѣрнаго развитія кредита,

обвиненіе обращалось преимущественно противъ банковыхъ билетовъ, причемъ не принималось въ разсчетъ, что не будь банковаго билета, излишекъ кредита могъ бы заявить себя въ чекахъ, банковыхъ кредитахъ и разныхъ другихъ формахъ; теперь, когда кризисъ произошелъ отъ чрезмѣрной предпринимательской дѣятельности, всю вину сваливаютъ на акціонерныя общества, забывая, что подобные же кризисы бывали даже въ тѣ времена, когда еще совершенно не существовало подобныхъ обществъ.

Акціонерное общество есть только одинъ изъ видовъ торговыхъ товариществъ; этотъ видъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ *ограниченною отвѣтственностію* пайщиковъ, опредѣленною размѣромъ капитала, который внесенъ каждымъ изъ нихъ въ общее дѣло (limited liability). Было бы однако совершенно ошибочно полагать, что означенный отличительный признакъ акціонерныхъ обществъ можетъ служить особеннымъ поощреніемъ къ спекуляціи. Напротивъ того, если онъ имѣетъ большое значеніе въ нормальное время и для солидныхъ капиталистовъ, то съ другой стороны онъ теряетъ всякую важность въ моментъ промышленнаго возбужденія, предшествующій кризису, и также для легкомысленныхъ и безчестныхъ спекулянтовъ. Въ моментъ возбужденія, когда премія на всѣ бумаги растетъ не по днямъ, а по часамъ, значительная часть публики обыкновенно совершенно не думаетъ, ни о вѣрности предпріятія, ни о могущей быть связанною съ нимъ денежною отвѣтственностью, а стремится только, временнымъ пріобрѣтеніемъ и скорою перепродажею извѣстныхъ бумагъ, получить легкую прибыль. Въ такой моментъ и всякія другія бумаги покупались бы вѣроятно съ тою же легкостію, лишь бы можно было надѣяться сбыть ихъ и получить хорошую прибыль. Въ такой моментъ даже цѣнности, относительно которыхъ можно предвидѣть, что дѣло должно кончиться плохо, легко находятъ покупателей, ибо каждый надѣется своевременно перепродать ихъ. Съ другой стороны, лица, не обладающія значительными средствами, но одаренныя способностію относиться легкомысленно къ требованіямъ чести и совѣсти, никогда не будутъ остановлены въ своихъ спекулятивныхъ стремленіяхъ началомъ полной отвѣтственности. Не рискуя ничѣмъ, такъ какъ они не располагаютъ обыкновенно ни имущественными средствами, ни личнымъ кредитомъ, и надѣясь выиграть много, они не будутъ останавливаться въ безумной спекуляціи, опасеніемъ

потерь или другихъ неблагопріятныхъ для нихъ послѣдствій въ случаѣ неудачи ея. Лучшимъ доказательствомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить примѣръ исторіи англійскаго акціонернаго законодательства. Опасаясь крайняго излишка спекуляціи, англійскій законъ первоначально не допускалъ распространенія акціонерной формы на банковыя предпріятія. Послѣдствія подобнаго ограниченія высказались однако въ совершенно неожиданномъ видѣ. Солидные и честные капиталисты, страшась опасности, которой могло подвергнуться все ихъ состояніе и личный кредитъ, въ случаѣ неудачи банковаго предпріятія, основаннаго въ формѣ полнаго товарищества, обыкновенно совершенно воздерживались отъ подобнаго рода дѣлъ; напротивъ того, легкомысленные и безчестные спекулянты, не останавливаясь передъ этимъ соображеніемъ, бросились очертя голову въ банковыя предпріятія, которыя сдѣлались такимъ образомъ достояніемъ самой безумной спекуляціи. Опасность, проистекающая изъ такого положенія дѣла, и побудила главнымъ образомъ англійское правительство къ распространенію впослѣдствіи акціонерной формы на банковыя предпріятія.

Если такимъ образомъ акціонерное начало само по себѣ не можетъ служить поощреніемъ къ развитію неблагоразумной спекуляціи, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно можетъ отзываться чрезвычайно полезно на развитіи промышленной дѣятельности и благосостоянія страны.

Акціонерное начало облегчаетъ соединеніе мелкихъ капиталовъ для промышленныхъ цѣлей, и этимъ даетъ частнымъ капиталамъ возможность приступать къ громаднымъ предпріятіямъ, которыя прежде были для нихъ совершенно недостижимы, т. е. оно непосредственно содѣйствуетъ увеличенію производительности страны. Частныя желѣзнодорожныя сооруженія, страховыя общества, банки, обширныя фабричныя заведенія и разныя другія тому подобныя предпріятія сдѣлались возможными только благодаря скопленію отдѣльныхъ капиталовъ въ акціонерныхъ обществахъ, а это возможно только при ограниченной отвѣтственности пайщиковъ. Достаточно сравнить промышленную и производительную дѣятельность извѣстной страны до и послѣ учрежденія въ ней акціонерныхъ обществъ, чтобы убѣдиться въ пользѣ, принесенной послѣдними. Кромѣ непосредственнаго вліянія на производительность страны, акціонерная форма должна вызывать сбереженія, облегчая выгодное помѣщеніе мелкихъ капиталовъ, и

тѣмъ самымъ содѣйствовать усиленію капитализаціи. До существованія акціонерныхъ обществъ, сбереженія лицъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ промышленности, могли находить производительное помѣщеніе только въ видѣ вкладовъ въ чужія промышленныя предпріятія, вкладовъ всегда трудно реализуемыхъ и частію подвергавшихся большому риску, такъ какъ вкладчикъ не имѣлъ никакого вліянія на ходъ предпріятія, въ которое онъ помѣщалъ свои деньги; или-же возникали предпріятія, въ видѣ полнаго товарищества, представляющаго еще болѣе опасности для лица, мало знакомаго съ промышленностію. Затѣмъ оставалось помѣщеніе въ государственныхъ бумагахъ, но ихъ число было ограничено и не могло соотвѣтствовать наростанію новыхъ капиталовъ. Потому не удивительно, что многіе капиталы оставались безъ употребленія. Акціонерныя бумаги, напротивъ того, дали мелкимъ капиталистамъ возможность помѣщать свои средства въ предпріятія, дающія хорошій доходъ, съ ограниченіемъ риска суммою затраченнаго капитала и съ предоставленіемъ владѣльцу акціи нѣкотораго вліянія на управленіе предпріятіемъ; наконецъ, что всего важнѣе, онѣ дали капиталистамъ возможность затрачивать капиталы въ такія предпріятія, при которыхъ они во всякое время продажею акцій могутъ вновь реализовать капиталъ, въ случаѣ желанія дать ему другое назначеніе.

Наконецъ слѣдуетъ еще замѣтить что до образованія акціонерныхъ обществъ всѣ промышленныя предпріятія, требовавшія затраты значительныхъ капиталовъ, могли только производиться или правительствомъ, или немногими значительными банкирскими домами, въ родѣ Ротшильдовъ, издавна господствовавшихъ на европейскихъ рынкахъ и пользовавшихся фактически монопольными правами. Соединеніе мелкихъ частныхъ капиталовъ въ большія акціонерныя общества вызвало полезное соперничество съ означенными банкирскими домами и уничтожило ихъ монополію.

Какъ ни велики однако благія послѣдствія акціонерной формы промышленной дѣятельности, не подлежитъ сомнѣнію, что эта дѣятельность имѣетъ свои естественныя границы, вытекающія изъ самаго характера акціонерныхъ учрежденій. Общими словами, эта граница можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ: *чѣмъ менѣе извѣстное промышленное предпріятіе имѣетъ спекулятивный характеръ, тѣмъ болѣе оно подходитъ подъ акціонерную форму, и на оборотъ, чѣмъ болѣе подобное пред-*

пріятіе связано со спекуляціей, тѣмъ менѣе оно способно къ акціонерной формѣ дѣятельности.

Раціональная спекуляція возможна въ томъ только случаѣ, когда спекулирующій пользуется полною свободой дѣйствія и съ другой стороны подчиняется и полной отвѣтственности, какъ имущественной, такъ и личной, по крайней мѣрѣ на сколько послѣдняя относится до его кредита. Ни того, ни другаго не существуетъ для акціонерной формы промышленныхъ предпріятій. Послѣдняя страдаетъ всегда нѣкоторою сложностію управленія и по необходимости подчинена извѣстнымъ формальностямъ контроля и условіямъ публичности; при такихъ обстоятельствахъ распорядители общества не пользуются тою полною свободою дѣятельности, которая необходима для успѣха спекулятивныхъ комбинацій; кромѣ того, распоряжаясь не своимъ, а акціонернымъ имуществомъ, они, при честномъ веденіи дѣла, всегда будутъ въ большей мѣрѣ опасаться риска, связаннаго со всякою спекуляціею, чѣмъ частныя лица, дѣйствующія за свой счетъ и не отвѣчающія ни предъ кѣмъ, и потому всегда будутъ поставлены, въ сравненіи съ послѣдними, въ невыгодныя условія соперничества. Торговыя предпріятія, напримѣръ, только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ могутъ давать удовлетворительные результаты при акціонерной формѣ устройства оныхъ. Но кромѣ неудобства облеченія спекулятивныхъ предпріятій въ акціонерную форму — съ точки зрѣнія успѣха самаго дѣла, — оно можетъ имѣть еще вредныя послѣдствія и для третьихъ лицъ, т. е. для кредиторовъ общества. Спекуляціонныя предпріятія могутъ войти относительно третьихъ лицъ въ долговыя обязательства, въ нѣсколько разъ превышающія ихъ собственный капиталъ; въ случаѣ же несостоятельности, ихъ отвѣтственность ограничивается послѣднимъ, между тѣмъ какъ всякій частный должникъ по своимъ обязательствамъ отвѣчаетъ не только всѣмъ своимъ состояніемъ, но во многихъ странахъ своею личностію. На конгрессѣ германскихъ экономистовъ, бывшемъ въ 1863 году, извѣстный экономистъ Фоше предлагалъ вслѣдствіе того подраздѣлить всѣ предпріятія на такія, которыя не имѣютъ надобности въ кредитѣ, превышающемъ ихъ капитальныя средства или ихъ имущество, т. е. дѣйствующія исключительно на основаніи *вещественнаго кредита,* и на предпріятія, нуждающіяся для своихъ оборотовъ въ кредитѣ, превышающемъ ихъ вещественныя средства, т. е. въ *кредитѣ личномъ.* Такъ какъ въ акціонерномъ обществѣ отвѣтствуетъ не лицо, а капи-

талъ, то, по его мнѣнію, послѣднее и не способно пользоваться личнымъ кредитомъ, и въ слѣдствіе того имъ предложена была слѣдующая резолюція: „форма анонимнаго акціонернаго товарищества можетъ быть оправдана только въ такихъ предпріятіяхъ, которыя по своему существу не принуждены обращаться къ ипотечному (т. е. личному) кредиту. Относительно банковъ, акціонерная форма товарищества можетъ быть допускаема только въ кредитныхъ учрежденіяхъ, занимающихся преимущественно учетомъ и ссудами (т. е. не принимающихъ вкладовъ); учредительскіе же банки (credit mobilier) безусловно не соотвѣтствуютъ условіямъ акціонерной формы товарищества. „Резолюція эта однако не была принята конгрессомъ. Не смотря на то, и послѣ того въ Германіи не рѣдко возникали голоса, требовавшіе *ограниченія области акціонерной дѣятельности* (Einengung des Gebietes). Такъ напр. на конгрессѣ въ Ейзенахѣ професоръ Вагнеръ въ прошломъ году предлагалъ постановить, что желѣзнодорожныя и другія тому подобныя предпріятія общественной пользы должны быть изъяты изъ сферы дѣятельности акціонерныхъ обществъ и перейти въ кругъ правительственныхъ предпріятій; требованія эти основывались впрочемъ не на опасности для кредиторовъ подобныхъ обществъ, а на томъ соображеніи, что большія акціонерныя общества принуждены подчиняться такому же сложному и формальному способу управленія, какъ и правительственныя предпріятія, при чемъ личный интересъ уже не играетъ почти ни какой роли, — а между тѣмъ для благосостоянія страны опасно предоставлять частнымъ компаніямъ монополію путей сообщенія.

Всѣ подобныя заявленія остаются однако до сихъ поръ безъ послѣдствій, и мысль объ ограниченіи дѣятельности акціонерныхъ обществъ, въ кругѣ извѣстныхъ предпріятій, путемъ законодательныхъ или административныхъ мѣръ, нигдѣ еще не была осуществлена на практикѣ и едва ли можетъ быть теоретически оправдана.

Во-первыхъ, было бы весьма трудно въ частности установить границу между предпріятіями, которыя могутъ и которыя не могутъ быть облекаемы въ акціонерную форму товарищества.

Во-вторыхъ, сопоставляя результаты акціонерной дѣятельности въ различныхъ формахъ промышленности каждой страны, нельзя не придти къ заключенію, что масса положительно полезныхъ результатовъ, достигнутыхъ на этомъ поприщѣ, значительно превышаетъ численность отрицательныхъ результатовъ.

Наконецъ, въ третьихъ, каждое солидное акціонерное предпріятіе, въ интересѣ самихъ участниковъ, будетъ избѣгать спекуляцію, несвойственную для подобнаго рода дѣлъ; легкомысленные и безчестные же спекулянты не остановятся предъ полной отвѣтственностію, въ своихъ рискованныхъ предпріятіяхъ, какъ это доказалъ примѣръ банковаго дѣла въ Англіи.

Вотъ почему законодательство можетъ требовать отъ акціонерныхъ товариществъ, въ интересахъ какъ самихъ акціонеровъ, такъ и третьихъ лицъ, только полной гласности и строгой отчетности; всѣ достоинства акціонернаго законодательства заключаются въ удачномъ опредѣленіи различныхъ условій этихъ двухъ требованій.

Въ этомъ отношеніи, законодательство различныхъ странъ уже выработало большею частію опредѣленныя формы, которыя вполнѣ достигаютъ цѣли. Эти формы при томъ уже до того извѣстны, что не требуютъ особеннаго поясненія. Остается только небольшое число вопросовъ, которые могутъ считаться еще не окончательно разрѣшенными и которые въ послѣднее время обращаютъ на себя вездѣ особенное вниманіе. Главнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ слѣдующіе:

1) Объ отвѣтственности за взносъ подписаннаго капитала.

2) О выдачѣ акцій и правѣ продажи таковыхъ до полной оплаты оныхъ.

3) О срокѣ взноса подписаннаго капитала.

4) О выпускѣ новыхъ акцій.

5) О займахъ компаній.

6) Объ отношеніяхъ учредителей къ учреждаемымъ акціонернымъ обществамъ.

„Обязательство оплаты акцій въ сроки и суммами, опредѣленными въ уставѣ, — замѣчаетъ профессоръ гейдельбергскаго университета, докторъ правъ Рено [1]), — вытекаетъ изъ самаго факта подписки, т. е. изъ сдѣлки, заключенной до возникновенія компаніи.“ Это обязательство онъ ограничиваетъ лицомъ подписчика потому, что послѣдующій покупатель акціи, покупая ее, пріобрѣтаетъ только право участвовать въ акціонерномъ обществѣ съ отвѣтственностію за внесенный капиталъ.

Обязательство оплаты признается во всѣхъ обществахъ въ томъ смыслѣ, что при неуплатѣ послѣдующихъ взносовъ, обще-

---

[1]) Das Recht der Actiengesellschaften. Leipzig. 1873.

ство пріобрѣтаетъ право или простой конфискаціи въ свою пользу предшествующихъ взносовъ, или продажи недоплаченныхъ акцій на рискъ ихъ владѣльца.

Но могутъ встрѣтиться исключительныя обстоятельства, когда продажа недоплаченной акціи, вслѣдствіи связаннаго съ нею обязательства дальнѣйшаго взноса, становится невозможною. Если въ моментъ кризиса значительная часть акціонеровъ предпочтетъ пожертвовать предшествующими взносами, то предпріятіе можетъ быть доведено до полнаго разстройства въ ущербъ остальныхъ акціонеровъ, пополнившихъ свои взносы. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Рено, взысканіе должно быть обращено и на другое имущество подписчика, въ суммѣ, остающейся къ доплатѣ по акціи. Подобная безусловная отвѣтственность, не ограниченная даже потерею прежде произведенныхъ взносовъ, установлена многими акціонерными законодательствами, хотя и не всегда въ полной суммѣ всей номинальной стоимости акцій. Такъ, по германскимъ законамъ, отвѣтственность ограничивается 40%, по итальянскимъ 50%, по французскимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, 50% и въ другихъ двухгодовымъ срокомъ со дня подписки. Подобная безусловная отвѣтственность обусловливается не только справедливымъ интересомъ прочихъ акціонеровъ, которые могутъ пострадать отъ разстройства предпріятія, но и интересами третьихъ лицъ, которыя могутъ кредитовать общество, расчитывая на обезпеченіе вполнѣ внесеннаго акціонернаго капитала. Послѣднее соображеніе получаетъ особенную важность въ обществахъ, капиталъ коихъ не предназначенъ играть роль *оборотнаго капитала* и долженъ служить исключительно *гарантіей* оборотамъ, производимымъ кредитованными средствами, напр. въ страховыхъ и банковыхъ обществахъ. Наконецъ на обязательность полной оплаты акціи смотрятъ еще какъ на хорошее средство противудѣйствія развитію крайней спекуляціи, такъ какъ лица, не имѣющія намѣренія оставить акціи за собою, будутъ воздерживаться отъ подписки на слишкомъ значительное число ихъ, въ виду безусловной отвѣтственности за взносъ всего подписаннаго капитала въ опредѣленные сроки.

Изъ этого основанія вытекаетъ дальнѣйшее постановленіе, воспрещающее выдачу бумагъ на предъявителя, пока онѣ еще не вполнѣ оплачены, — вотъ почему всѣ законодательства, которыя ограничиваютъ отвѣтственность извѣстною частію полной нарицательной стоимости акцій, разрѣшаютъ обыкновенно выда-

чу безыменныхъ бумагъ только послѣ взноса означенной части номинальной ихъ цѣны. Такъ, по французскому и итальянскому законодательствамъ выдача бумагъ на предъявителя допускается послѣ уплаты 50% нарицательной стоимости, а германское законодательство идетъ еще дальше, требуя предварительно полной оплаты акціонернаго пая.

Точно также есть основаніе, съ точки зрѣнія интересовъ третьихъ лицъ, требовать, чтобы акціонерный капиталъ былъ внесенъ въ извѣстное число лѣтъ и чтобы взносы не удерживались на неопредѣленное число лѣтъ. Какъ уже замѣчено, основаніемъ кредита, оказываемаго акціонерному обществу, служитъ его капиталъ, поэтому если общество объявляетъ, что оно учредилось съ капиталомъ въ милліонъ рублей, то необходимо, чтобы этотъ капиталъ былъ внесенъ въ опредѣленное число лѣтъ; если же подъ предлогомъ, что дѣло еще не нуждается во всемъ капиталѣ, общество остановится на первыхъ двухъ, трехъ взносахъ, на продолжительное время, то въ сущности оно будетъ орудовать уменьшеннымъ капиталомъ, между тѣмъ какъ третьи лица могутъ оказывать ему кредитъ на основаніи его номинальнаго капитала, въ дѣйствительности не существующаго. Это соображеніе получаетъ опять особенную важность въ обществахъ, въ которыхъ общественный капиталъ играетъ роль *гарантіи* ихъ оборотовъ, какъ напр. въ страховыхъ обществахъ; вотъ почему въ нѣкоторыхъ законодательствахъ требуется, чтобы по акціямъ страховыхъ обществъ первый взносъ обязательный до открытія дѣйствія общества былъ болѣе значительнаго размѣра чѣмъ въ другихъ акціонерныхъ обществахъ; такъ напримѣръ германскій законъ требуетъ для страховыхъ обществъ перваго взноса въ 20%, между тѣмъ какъ для всѣхъ другихъ онъ ограничивается 10 процентами, въ другихъ случаяхъ, требуется подписка акціонерами векселей на всю недоплаченную и неистребованную еще по акціямъ сумму, напр. въ нѣмецкомъ страховомъ обществѣ, въ Дрезденѣ.

Обычное средство спекуляціи на премію заключается въ выпускѣ новыхъ акцій, до оплаты первоначальныхъ акцій, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія пользуются преміей на биржѣ. Подобная операція не можетъ однако считаться нормальною и потому не должна бы быть допускаема. Солидное общество, акціи котораго еще не оплачены, въ случаѣ нужды въ деньгахъ, должно обратиться прежде всего къ своимъ акціонерамъ, съ требованіемъ слѣдующихъ взносовъ; этотъ ходъ дѣла са-

ный естественный и самый нормальный; отклоненіе отъ него можетъ быть вызвано только желаніемъ спекуляціи на премію, то есть полученіемъ легкой прибыли, не вытекающей изъ существа дѣла, и потому не можетъ быть одобрено, какъ безцѣльное усиленіе спекуляціи.

Еще менѣе можно допускать облигаціонные займы со стороны акціонерныхъ обществъ, пока весь акціонерный капиталъ еще не внесенъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ концессіонированныя предпріятія съ гарантіей отъ правительства, т. е., предпріятія, поставленныя въ исключительное положеніе.

Общество, выпуская облигаціи, т. е. дѣлая прямой заемъ, можетъ обезпечивать исправность уплаты процентовъ и погашенія только своимъ капиталомъ, а потому, во-первыхъ, сумма займа никогда не должна превосходить величины основнаго капитала общества, какъ это постановлено итальянскимъ закономъ, и во-вторыхъ, неестественно обращаться къ займу, пока не внесенъ весь капиталъ общества, — тѣмъ болѣе, что при этомъ подписчики на облигаціи могутъ быть обмануты въ своемъ довѣріи, полагая, что заемъ обезпеченъ номинальнымъ общественнымъ капиталомъ, между тѣмъ какъ послѣдній внесенъ только частію.

Затѣмъ облигаціонные займы совсѣмъ не могутъ быть допускаемы въ обществахъ, которыя и безъ того уже пользуются чужими капиталами, между тѣмъ какъ ихъ собственный капиталъ служитъ только гарантіе, какъ напр. въ обществахъ банковыхъ и страховыхъ. Главнымъ средствомъ оборотовъ банковаго общества служатъ обыкновенно вклады, т. е. займы въ другой формѣ; при этомъ очевидно неестественно прибѣгать еще къ прямымъ облигаціоннымъ займамъ, которые не пользовались бы матеріальнымъ обезпеченіемъ, потому что капиталъ банка и безъ того уже служитъ гарантіей прочихъ займовъ, т. е. вкладовъ въ банкѣ. Еще въ большей мѣрѣ это относится до страховыхъ обществъ. Въ послѣднихъ капиталъ обыкновенно даже не пускается въ оборотъ, а хранится въ фондахъ въ видѣ гарантіи, между тѣмъ какъ всѣ обороты производятся на счетъ взносовъ страхователей. Заемъ для увеличенія капитала, въ такомъ случаѣ, имѣлъ бы характеръ увеличенія гарантіи для дѣйствующихъ уже кредитовъ, новымъ кредитомъ, что очевидно было бы лишено всякаго смысла.

Необходимость безусловной отвѣтственности подписчиковъ за весь или за часть подписаннаго капитала, невыдачи безъименныхъ акцій до взноса установленной закономъ части капитала,

наконецъ воспрещенія выпуска новыхъ акцій до оплаты старыхъ признается однако не всѣми. Извѣстный берлинскій юристъ Винеръ, котораго считаютъ въ Германіи специалистомъ по акціонерному вопросу и который былъ по этому вопросу докладчикомъ на эйзенахскомъ конгрессѣ въ 1873 г., прямо оспариваетъ пользу подобныхъ регламентативныхъ мѣръ. По его мнѣнію, онѣ не въ состояніи существенно противудѣйствовать развитію спекулятивной горячки. Въ моментъ биржеваго возбужденія, спекулянты приходятъ въ какое-то лихорадочное состояніе; въ такой моментъ отвѣтственность за взносъ всего подписаннаго капитала, въ случаѣ невозможности перепродажи акцій, не остановитъ ни одного спекулянта отъ подписки. Подобныя мѣры могли бы, по его мнѣнію, имѣть только результатомъ наполненіе кассы общества деньгами въ такой моментъ, когда онѣ менѣе всего нуждаются въ оныхъ.

Но съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно вполнѣ согласиться. Винеръ можетъ быть правъ, утверждая, что подобныя мѣры не могутъ служить существеннымъ противудѣйствіемъ ажіотажной горячкѣ; но онъ опускаетъ изъ виду, что, какъ это было выше изложено, полный взносъ акціонернаго капитала необходимъ для обезпеченія законныхъ интересовъ третьихъ лицъ, могущихъ имѣть дѣло съ акціонернымъ обществомъ и оказывать ему кредитъ на основаніи номинальнаго его капитала. Если акціонерное общество объявляетъ въ своихъ статутахъ, что оно образовалось съ извѣстнымъ капиталомъ, то оно обязано собрать этотъ капиталъ дѣйствительно, потому что общественный капиталъ представляетъ единственную гарантію кредита и довѣрія, оказываемыхъ обществу. Профессоръ Рено совершенно правильно замѣчаетъ, по нашему мнѣнію, что обязанность оплаты акцій вытекаетъ изъ самаго факта подписки; къ тому же заключенію пришло и большинство членовъ эйзенахскаго конгресса. Наконецъ совершенно неосновательно предположеніе, что требованіе оплаты старыхъ акцій до выпуска новыхъ будетъ имѣть послѣдствіемъ только наполненіе кассы общества деньгами въ такой моментъ, когда оно менѣе всего въ нихъ нуждается. Если общество выпускаетъ новыя акціи, то оно очевидно нуждается во взносахъ, которые поступятъ за акціи; другой раціональной причины для выпуска ихъ существовать не можетъ; а если оно нуждается въ деньгахъ, то правильнѣе оплачивать старыя акціи, вмѣсто того, чтобы выпускать новыя.

Окончательно остается еще разсмотрѣть вопросъ объ учредителяхъ и объ учрежденіи акціонерныхъ обществъ.

Учредитель акціонернаго общества наравнѣ съ предпринимателемъ всякаго частнаго промышленнаго предпріятія представляетъ собою то лицо, которое задумываетъ извѣстное предпріятіе, и приготовляетъ всѣ средства къ приведенію его въ исполненіе. Учредитель и предприниматель являются такимъ образомъ весьма полезными и необходимыми лицами, потому что безъ нихъ самое предпріятіе совершенно бы не состоялось. Но между ними существуетъ весьма существенная разница. Между тѣмъ какъ частный предприниматель приводитъ предпріятіе въ исполненіе или собственными средствами, или капиталами, занятыми на свой страхъ, учредитель, задумавшій извѣстное предпріятіе, передаетъ его къ исполненію акціонерному обществу, которое употребляетъ на то уже свои собственныя средства, т. е. собранный по подпискѣ капиталъ. Учредитель же можетъ принять или не принять участія въ обществѣ, т. е. можетъ отстраниться отъ всякаго участія какъ денежнаго, такъ и личнаго въ приведеніи въ исполненіе задуманнаго имъ предпріятія. Изъ этой существенной разницы вытекаетъ различное отношеніе къ дѣлу каждаго изъ этихъ двухъ лицъ.

Предприниматель можетъ получить выгоду только при удачномъ развитіи созданнаго имъ предпріятія, при неуспѣхѣ же послѣдняго онъ можетъ не только лишиться всякой прибыли, но и потерять капиталы, затраченные имъ въ предпріятіе. Вслѣдствіе этого онъ принужденъ напрягать всѣ силы и старанія къ успѣшному развитію своего дѣла.

Напротивъ того, учредитель акціонернаго общества можетъ получить прибыль или въ видѣ вознагражденія отъ общества, за свои труды по учрежденію послѣдняго или въ другомъ какомъ либо видѣ, и передать затѣмъ весь рискъ дѣла устроенному имъ обществу. При такихъ условіяхъ учредитель имѣетъ менѣе побужденій быть осторожнымъ въ первоначальной комбинаціи дѣла и хлопотать впослѣдствіи объ удовлетворительномъ его развитіи. Онъ даже прямо можетъ находить выгоду въ созданіи предпріятій, не отличающихся большею солидностію, но могущихъ, при основаніи ихъ, быть представленными какъ обѣщающія весьма блестящій успѣхъ въ будущемъ. Получивъ при образованіи общества весьма значительную выгоду, онъ можетъ бросить затѣмъ и предпріятіе и самое общество на произволъ судьбы, чтобы обра-

тить свою дѣятельность къ учрежденію другаго, столь же мало обезпеченнаго предпріятія, но обѣщающаго, не смотря на то, учредителю также весьма значительную выгоду.

Вотъ почему дѣятельность по учрежденію обществъ даетъ поводъ къ частымъ злоупотребленіямъ, которыя развиваются особенно въ моменты акціонерной горячки, проявляющейся отъ времени до времени на биржахъ.

Необузданности и злоупотребленіямъ учредительской дѣятельности слѣдуетъ приписать между прочимъ кризисы, которые разразились въ послѣднее время на биржахъ вѣнской и берлинской.

Поэтому естественно, что законодательство и наука стремятся пріискать средства для обузданія злоупотребленій учредительской дѣятельности.

Не подлежитъ сомнѣнію, что учредитель въ правѣ ожидать соотвѣтствующее вознагражденіе за свою дѣятельность. Злоупотребленіемъ въ этомъ отношеніи можетъ считаться, со стороны учредителей, только пріобрѣтеніе личной пользы во вредъ учреждаемому ими обществу, или стремленіе вызвать вообще къ жизни предпріятія, не имѣющія серьозной надежды на успѣхъ. Стяжаніе личной пользы, во вредъ созидаемому обществу, можетъ проявиться или до образованія общества въ разныхъ сдѣлкахъ, связывающихъ общество извѣстными обязательствами, сдѣлкахъ, приносящихъ выгоду самому учредителю (заключеніе невыгодныхъ контрактовъ и т. п.), или въ переуступкѣ обществу вещественнаго или невещественнаго имущества, принадлежащаго учредителю (фабрики, торговаго дома), за цѣну, превышающую дѣйствительную стоимость переуступаемаго предмета, который иногда можетъ имѣть даже отрицательную цѣнность (напр. торговый домъ, находящійся въ неудовлетворительныхъ условіяхъ и обремененный долгами).

Для предупрежденія возможности заключенія со стороны учредителей разныхъ сдѣлокъ, связывающихъ послѣдующую дѣятельность образуемаго общества, новѣйшее законодательство проводитъ рѣзкую грань между дѣятельностію учредителя до образованія общества и этою послѣдующею дѣятельностію самого общества. До образованія общества, учредитель дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, но съ полною личною отвѣтственностію; законъ не даетъ ему права ни связывать послѣдующей дѣятельности общества какими либо постановленіями или условіями, заключен-

ными съ третьими лицами, ни уменьшать своей отвѣтственности перенесеніемъ части ея на общество. Вслѣдствіе этого, учредитель не долженъ имѣть права дѣйствовать именемъ будущаго общества. Это правило вытекаетъ юридически весьма естественно изъ того положенія, что несуществующее еще общество не можетъ ни обязываться какою либо сдѣлкою, ни принимать на себя какой либо отвѣтственности. Послѣ составленія общества учредитель обязанъ изложить общему собранію всѣ тѣ распоряженія, которыя онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать предварительно для осуществленія предпринятаго дѣла; затѣмъ отъ общества зависитъ утвердить эти распоряженія или не принять ихъ. Въ первомъ случаѣ, съ момента утвержденія общимъ собраніемъ предшествующихъ распоряженій учредителя, съ послѣдняго слагается вся отвѣтственность за совершенныя имъ сдѣлки и она переходитъ на общество; во второмъ предположеніи общество можетъ не состояться, если не произойдетъ другаго соглашенія съ учредителемъ и если безъ его участія дѣло неосуществимо, но во всякомъ случаѣ послѣдній остается единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ предъ третьими лицами, съ которыми онъ заключилъ сдѣлки, и таковыя до общества болѣе относиться не могутъ. Кромѣ того, учредитель послѣ образованія общества долженъ передать все управленіе дѣломъ въ руки общества, которое можетъ выбрать или не выбрать его въ члены правленія, но во всякомъ случаѣ, онъ въ качествѣ учредителя дѣлами общества уже болѣе распоряжаться не можетъ.

Вслѣдствіе этого весьма важно опредѣленіе *момента учрежденія общества*. Этимъ моментомъ признается, по новѣйшему законодательству, моментъ регистраціи акціонернаго общества, т. е. внесенія его въ списокъ промышленныхъ обществъ, а регистрація происходитъ только послѣ подписки и внесенія части капитала. Въ виду важности этого момента обязанность регистраціи возлагается обыкновенно на спеціальныя для этой цѣли правительственныя учрежденія, какъ напр. въ Англіи, или на торговые суды, какъ напр. въ Пруссіи.

Логическую основательность вышеизложенныхъ мѣръ едва ли можно оспаривать; но возражаютъ часто, что эти мѣры не достигаютъ цѣли, потому что первое общее собраніе подписчиковъ, мало знакомое съ дѣломъ, обыкновенно соглашается на всѣ предложенія учредителей, особенно если принятіе этихъ предложеній ставится, какъ условіе образованія общества.

Но такое возраженіе не имѣетъ никакой силы. Законодательство никогда не можетъ имѣть цѣлію устраненіе всякихъ злоупотребленій и недобросовѣстностей; оно можетъ только стремиться къ тому, чтобы лица, коихъ злоупотребленія могутъ касаться, имѣли бы возможность ограждать свои справедливые интересы и затѣмъ чтобъ самое злоупотребленіе не оставалось безъ наказанія.

Давая подписчикамъ возможность соглашаться или не соглашаться на предложеніе учредителей, законъ тѣмъ самымъ даетъ имъ полную возможность ограждать свой интересъ; если затѣмъ они въ нѣкоторыхъ случаяхъ не пользуются этою возможностію и несутъ потому потерю, то вина въ томъ не на законодательствѣ, а на нихъ самихъ. Въ случаѣ же явно обманчивыхъ дѣйствій учредителей, они подпадаютъ подъ преслѣдованія закона; съ разныхъ сторонъ однако было предложено въ послѣднее время усилить наказанія за подобныя дѣйствія.

Второй случай стяжанія прибыли въ ущербъ образуемому обществу, на который было указано выше, заключается въ переуступкѣ обществу имущества не денежнаго (а вещественнаго, напр. фабрики, или кредитнаго, напр. торговаго дома), по цѣнѣ, значительно превышающей его стоимость. Для предупрежденія подобнаго злоупотребленія нѣкоторыя законодательства, напр. французское, требуютъ, чтобы до утвержденія сдѣлки общее собраніе избирало во всякомъ случаѣ спеціальную коммиссію для оцѣнки переуступаемаго предмета, и только послѣ доклада этой коммиссіи, во второмъ общемъ собраніи, подобная сдѣлка можетъ быть утверждена. Другія законодательства, напр. прусское, постановляютъ, чтобы, въ случаѣ переуступки заведенія или имущества, въ договорѣ товарищества была опредѣлена стоимость вещественнаго взноса или принимаемаго имущества и цѣна, какая за него должна быть уплачена (деньгами или акціями). Кромѣ того помѣщенное въ договорѣ условіе должно быть представлено на утвержденіе общаго собранія акціонеровъ.

Бывали однако случаи, что для избѣжанія установленнаго въ этомъ отношеніи контроля, учредители распредѣляли весь акціонерный капиталъ между собою и, утвердивъ затѣмъ неправильную оцѣнку, пускали акціи въ продажу. Это случалось особенно часто, въ послѣднее время, въ Германіи, потому что прусское законодательство, въ тѣхъ случаяхъ, когда весь капиталъ, подписанъ учредителями, освобождало ихъ отъ обязатель-

ства представленія на заключеніе послѣдующаго общаго собранія составляемаго ими договора, даже если онъ заключалъ переуступку имущества. Это освобожденіе основано на весьма справедливомъ юридическомъ соображеніи, что если весь капиталъ подписанъ учредителями, то они между собою составляютъ первое общее собраніе, и ихъ подписи на учредительскомъ актѣ получаютъ равное значеніе съ подписями всѣхъ акціонеровъ на журналѣ перваго общаго собранія, такъ какъ въ моментъ образованія общества кромѣ нихъ не существуетъ другихъ акціонеровъ. Но, на практикѣ, означенное освобожденіе оказалось весьма вреднымъ, давая учредителямъ, обладающимъ весьма значительнымъ денежнымъ капиталомъ, возможность избѣгать всякаго контроля публичности относительно устройства общества и лишая послѣдующихъ, дѣйствительныхъ, акціонеровъ всякаго вліянія на начало дѣла. Вотъ почему теперь въ Германіи идетъ весьма сильная агитація противъ статьи закона, установляющей означенное освобожденіе, и вѣроятно при предстоящемъ пересмотрѣ германскаго [1]) акціонернаго законодательства эта статья будетъ уничтожена.

Въ третьихъ, наконецъ, злоупотребленія учредителей могутъ заключаться не въ навязываніи обществу какихъ либо условій или сдѣлокъ, заключенныхъ до образованія онаго, не въ передачѣ ему какого-либо имущества по цѣнѣ значительно превосходящей дѣйствительную стоимость онаго, а вообще въ созданіи немогущаго имѣть будущности предпріятія и въ представленіи таковаго въ неправильномъ свѣтѣ акціонерамъ. Если, какъ это часто бываетъ, въ моменты акціонерной горячки, подписчики не обращаютъ никакого вниманія на сущность дѣла и часто подписываются только въ надеждѣ перепродать акцію съ преміею, то въ этомъ случаѣ законы поставлены въ невозможность предупредить подобныя дѣйствія. Законодательство можетъ только помочь акціонерамъ ознакомиться съ дѣломъ и карать явно ложныя показанія учредителей. Въ этихъ видахъ оно должно стремиться придать наибольшую публичность дѣйствіямъ учредителей и усилить въ этомъ отношеніи ихъ отвѣтственность. Всѣ юристы и писатели, занимавшіеся въ послѣднее время въ Германіи акціонернымъ законодательствомъ, сходятся въ томъ убѣжденіи, что дѣйствующія постановленія въ этомъ отношеніи не вполнѣ достигаютъ

---

[1]) Прусскій акціонерный законъ распространенъ на всю Германію.

желаемой цѣли, и вслѣдствіе того предлагаютъ ввести въ законъ два слѣдующія постановленія:

1) Учредители всякаго акціонернаго общества, безъ различія, распредѣляютъ-ли они всѣ акціи между собою или открываютъ подписку, обязаны предварительно опубликовать *проспектъ*, который затѣмъ вносится въ договоръ общества. Этотъ проспектъ или объявленіе должны заключать въ себѣ точное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ предполагаемаго дѣла, всѣхъ заключенныхъ при томъ условій и обязательствъ, и должны быть подписаны *всѣми* учредителями.

2) Всякія неточныя и ложныя показанія, сдѣланныя въ *проспектѣ*, считаются обманомъ и преслѣдуются какъ таковой, — съ отвѣтственностію, возложенною на всѣхъ подписавшихъ проспектъ.

Этими двумя постановленіями достигается слѣдующее:

Во-первыхъ, дѣлу придается необходимая гласность, всѣ условія и обстоятельства учрежденія общества опредѣляются съ точностію и сохраняются на бумагѣ, такъ что невозможно покрыть дѣйствій учредителей рѣшеніями перваго собранія подписчиковъ и въ послѣдствіи, въ случаѣ какого либо спора, всегда можно доказать, что̀ было заявлено учредителями подписчикамъ. Во-вторыхъ, вслѣдствіе обязанности всѣхъ учредителей подписывать проспектъ, люди, пользующіеся извѣстнымъ именемъ и кредитомъ, не будутъ соглашаться поступать съ такимъ легкомысліемъ, какъ это было до сихъ поръ, въ учредители общества. Когда объявленіе о подпискѣ подписывается только нѣкоторыми изъ учредителей и притомъ не содержитъ обязательно изложенія всѣхъ подробностей, многія лица соглашаются послѣ поверхностнаго ознакомленія съ дѣломъ идти въ учредители, для полученія значительнаго вознагражденія, въ надеждѣ, что въ случаѣ неуспѣха будутъ отвѣчать только главные учредители. Но когда отвѣтственность будетъ ложиться на всѣхъ и притомъ отвѣтственность гораздо болѣе существенная, потому что всѣ подробности дѣла должны быть изложены на бумагѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что наборъ извѣстныхъ именъ для всякаго несолиднаго предпріятія, а потому и осуществленіе подобнаго предпріятія сдѣлаются гораздо труднѣе.

Гласность при учрежденіи, точное занесеніе на бумагу всѣхъ условій дѣла и наказаніе за неправильность показаній — должны затруднить не только осуществленіе несолидныхъ предпріятій, но

могутъ предупредить и злоупотребленія первыхъ двухъ категорій, на которыя выше было указано; потому что дѣйствія учредителей во вредъ обществу до его открытія (заключеніе невыгодныхъ для общества контрактовъ и т. п.) или переуступка ими имущества обществу по несоотвѣтственной цѣнѣ, не могутъ быть покрыты никакими послѣдующими постановленіями общаго собранія. Если даже, нѣсколько лѣтъ послѣ образованія общества, окажется напр., что дѣла его пострадали отъ пріема имущества, цѣнность и доходъ котораго были недобросовѣстно показаны учредителями, то акціонеры всегда будутъ имѣть возможность преслѣдовать послѣднихъ передъ судомъ за обманъ. Въ законѣ, разумѣется, трудно опредѣлить съ точностію, что слѣдуетъ считать обманомъ, но это дѣло суда, который будетъ рѣшать каждый частный случай по обстоятельствамъ дѣла, но во всякомъ случаѣ предполагается считать обманомъ невнесеніе учредителями платежей по акціямъ наравнѣ съ прочими акціонерами или заявленіе съ ихъ стороны, что весь общественный капиталъ внесенъ или подписанъ съ полнымъ взносомъ требуемой части капитала, если таковые взносы не поступили еще вполнѣ.

Вопросъ объ акціонерномъ законодательствѣ разсматривался въ Германіи весьма обстоятельно на конгрессѣ юристовъ и въ послѣдствіи на конгрессѣ въ Эйзенахѣ (въ 1873 г.) такъ называемыхъ професоровъ-соціалистовъ (Kathedersocialisten) [1]. На послѣднемъ были приняты слѣдующія пять резолюцій, предложенныя Гнейстомъ, Вагнеромъ и извѣстнымъ юристомъ Винеромъ:

1) Необходимо сдѣлать обязательнымъ полную гласность относительно главныхъ условій учрежденія общества и установить полную отвѣтственность учредителей его за ложныя показанія.

2) Необходима отмѣна существующаго постановленія германскаго акціонернаго закона, по которому подписчики освобождаются отъ всякой отвѣтственности за взносъ подписаннаго капитала по уплатѣ 40%.

3) Необходимо учрежденіе контроля надъ дѣйствіями акціонерныхъ обществъ со стороны правительственнаго независимаго и отвѣтственнаго органа.

4) Необходимо предоставить меньшинству право требовать

---

[1]) Выраженіе хотя и общепринятое въ Германіи, но неправильное, такъ какъ въ этомъ конгрессѣ не принимаетъ участія ни одинъ соціалистъ. *Ред.*

изслѣдованія дѣлопроизводства общества со стороны судебнаго органа, при засвидѣтельствованномъ подозрѣніи въ обманѣ.

5) Необходимо признать право отдѣльныхъ акціонеровъ вчинать искъ противъ правленія, при нарушеніи постановленій статута.

Означенныя резолюціи, съ цѣлесообразностію коихъ нельзя не согласиться, за исключеніемъ третьей, которая остается сомнительною, резюмируютъ такимъ образомъ вышеизложенныя гарантіи, присовокупляя къ нимъ еще обезпеченіе правъ и интересовъ меньшинства.

Наше положеніе о *товариществахъ по участкамъ или компаніяхъ на акціяхъ*, редакція коего относится къ 1836 году, не удовлетворяетъ почти ни одному изъ вышеизложенныхъ требованій. Если оно могло до сихъ поръ сохраниться въ первобытномъ своемъ видѣ, то это только благодаря тому обстоятельству, что почти вся акціонерная дѣятельность послѣднихъ лѣтъ происходила въ Россіи не на основаніи существующаго въ странѣ законодательства, а внѣ его, потому что нѣтъ устава акціонерной компаніи, изъ утвержденныхъ въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, который не содержалъ бы въ себѣ цѣлаго ряда исключительныхъ постановленій.

Между тѣмъ какъ самое первое требованіе раціональнаго акціонернаго законодательства заключается въ возложеніи на учредителей полной отвѣтственности за ихъ личныя дѣйствія, предшествующія образованію общества, и въ отстраненіи возможности подчиненія общества какимъ либо предварительнымъ распоряженіямъ учредителей, пока общее собраніе не подвергнетъ ихъ разсмотрѣнію и не утвердитъ ихъ совершенно самостоятельно, русское законодательство постановляетъ напротивъ того, что каждая компанія управляется сперва ея учредителями, а потомъ правленіемъ компаніи (ст. 2174), и далѣе, что учредители компаніи завѣдуютъ ея дѣлами до тѣхъ поръ, пока она не будетъ приведена въ окончательное образованіе, то есть пока не будутъ разобраны всѣ акціи, со взносомъ положенной на нихъ уплаты, полной или первоначальной по срочной раскладкѣ (ст. 2175). Такимъ образомъ установленъ порядокъ, противуположный тому, который признается необходимымъ во всѣхъ другихъ акціонерныхъ законодательствахъ. Не только дѣйствія учредителей не отграничены отъ послѣдующихъ дѣйствій компаніи, но имъ прямо предоставлено право завѣдывать дѣлами компаніи, пока не будутъ разобраны всѣ акціи; въ слѣдствіе того они по-

лучаютъ возможность дѣлать всѣ возможныя распоряженія отъ имени компаніи и распоряжаться всѣми денежными взносами, до разбора всѣхъ акцій. Подобное положеніе дѣла не только вредно въ экономическомъ отношеніи, но и съ юридической точки зрѣнія представляетъ весьма опасное смѣшеніе понятій, которое при данныхъ условіяхъ можетъ повести къ весьма запутаннымъ имущественнымъ спорамъ. Извѣстное лицо, не получившее на то полномочія, является распорядителемъ въ дѣлахъ такого общества, которое еще совсѣмъ не существуетъ; затѣмъ не опредѣлено: дѣйствуетъ ли оно въ этотъ промежутокъ времени на началахъ полной или ограниченной отвѣтственности. Это смѣшеніе усиливается еще отъ того, что въ законѣ не опредѣленъ съ точностію моментъ образованія общества, т. е. моментъ перехода распорядительной власти отъ учредителей къ избраннымъ директорамъ правленія. Слѣдуетъ ли считать этимъ моментомъ — моментъ утвержденія общества правительствомъ или моментъ окончанія подписки — вопросъ спорный. Затѣмъ срокъ подписки допускается шестимѣсячный и разрѣшается подписываться пересылкою заявленій по почтѣ. Ничего не сказано относительно обязательнаго срока оплаты акцій; отвѣтственность подписчиковъ ограничена произведенными взносами. Нигдѣ не сказано положительно, что акціонерное общество пользуется правами юридическаго лица. Правленію общества предоставлена дискреціонерная власть вносить или не вносить предложенія акціонеровъ на обсужденіе общаго собранія. Права меньшинства ни въ чемъ не ограждены; оно не имѣетъ возможности ни созвать экстраординарнаго собранія, ни выразить въ какомъ либо видѣ свой протестъ противъ дѣйствій правленія, если таковое поддерживается большинствомъ, и вообще недостаточно опредѣлены отношенія между правленіемъ общества и общимъ собраніемъ акціонеровъ.

При такихъ несообразностяхъ существующаго акціонернаго законодательства, допущеніе постоянныхъ отклоненій отъ него во всѣхъ уставахъ акціонерныхъ обществъ, которыя образовались въ теченіи послѣднихъ десяти, пятнадцати лѣтъ, является весьма естественнымъ. Но такое разнорѣчіе между кореннымъ закономъ и частными законодательными мѣрами, касавшимися отдѣльныхъ обществъ, представляетъ значительныя неудобства, вызывая разнообразіе правъ отдѣльныхъ обществъ сообразно съ редакціею утвержденнаго правительствомъ устава каждаго общества, и указываетъ на необходимость составленія нормальнаго акціонернаго

положенія, которое могло бы служить твердымъ и однообразнымъ основаніемъ для всѣхъ образующихся акціонерныхъ обществъ.

Эта необходимость сознана уже нѣсколько времени тому назадъ правительствомъ. Первое распоряженіе, клонящееся къ достиженію такого результата, относится къ началу 1859 г. Послѣ различныхъ предварительныхъ работъ и изысканій въ 1871 году была учреждена при Министерствѣ Финансовъ коммиссія изъ членовъ отъ различныхъ вѣдомствъ, которая составила въ 1872 году новый проектъ акціонернаго положенія и, напечатавъ его, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, разослала его разнымъ лицамъ для полученія на него замѣчаній до внесенія его на законодательное утвержденіе.

Сущность этого проекта заключается въ слѣдующемъ.

Первое отличіе проекта отъ дѣйствующаго закона состоитъ въ предположенной замѣнѣ актовымъ или явочнымъ порядкомъ существующаго порядка правительственныхъ разрѣшеній на учрежденіе акціонерныхъ обществъ.

Это разрѣшеніе требовалось первоначально во всѣхъ государствахъ, но впослѣдствіи этотъ порядокъ былъ покинутъ повсюду. Въ Германіи, Франціи, Англіи учрежденіе акціонерныхъ обществъ обусловливается нынѣ только занесеніемъ (регистраціею) ихъ въ торговый реестръ. Регистрація происходитъ по представленіи доказательствъ въ надлежащее присутственное мѣсто о томъ, что весь капиталъ подписанъ, что требуемая по закону часть его дѣйствительно внесена, что подписчиками выбрано правленіе общества и что уставъ общества согласенъ съ нормальными постановленіями акціонернаго закона. Самой сущности предпріятія правительство не касается при занесеніи его въ торговой реестръ. Такой же порядокъ принятъ въ новомъ австрійскомъ проектѣ, который нынѣ обсуждается палатою. Только Италія и Россія остаются до сихъ поръ при системѣ правительственныхъ разрѣшеній.

Главное соображеніе, побудившее Германію, Францію, Англію и Австрію перейти отъ этой системы къ явочному порядку, заключается въ томъ, что правительственное разрѣшеніе придаетъ акціонерному обществу въ глазахъ публики какъ бы оффиціальное одобреніе не только правильности образованія общества, но и солидности самого предпріятія и правильности сдѣланныхъ учредителями разсчетовъ, что въ дѣйствительности не входитъ въ мысль правительственнаго разрѣшенія, а между

тѣмъ какъ бы побуждаетъ подписчиковъ обращаться съ меньшею критикою къ самому предпріятію. Такимъ образомъ на правительство возлагается въ глазахъ публики нѣкоторая солидарность съ успѣхомъ или неуспѣхомъ возникающаго общества. Между тѣмъ правительство не въ состояніи предупредить образованіе неудачныхъ компаній; такимъ образомъ правительственное разрѣшеніе не достигая этой цѣли, къ которой оно впрочемъ не можетъ и стремиться, только обременяетъ правительственные органы многосложною перепискою.

На основаніи этихъ соображеній въ проектѣ коммиссіи предположено ввести и въ Россіи порядокъ актоваго, явочнаго утвержденія акціонерныхъ обществъ для всѣхъ предпріятій, за исключеніемъ *банкирскихъ* и *кредитныхъ*.

Кромѣ того для страховыхъ обществъ постановлено правиломъ, чтобы основной капиталъ ихъ составлялъ не менѣе 500,000 руб. и сохранено условіе утвержденія собственно полисныхъ правилъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ это было до сихъ поръ, а для компаній коммиссіонерскихъ постановленъ наименьшій размѣръ основнаго капитала въ 100,000 руб. Во всемъ остальномъ, какъ тѣ, такъ и другія подведены подъ актовый порядокъ, и не требуютъ для своего образованія предварительнаго правительственнаго разрѣшенія.

Оно сохранено, какъ уже выше замѣчено, только для обществъ, имѣющихъ намѣреніе заниматься банкирскими и кредитными дѣлами. При опасности, которая въ данный моментъ можетъ явиться отъ чрезмѣрнаго распространенія компаній послѣдняго рода, могущихъ способствовать крайнему развитію ажіотажа, оказалось необходимымъ въ видахъ осторожности поставить учрежденіе ихъ въ зависимость отъ правительственнаго разрѣшенія.

Само собою разумѣется, что правительственное разрѣшеніе не можетъ быть обойдено при образованіи такъ называемыхъ концессіонныхъ обществъ, т. е. требующихъ отъ правительства какихъ либо спеціальныхъ правъ или преимуществъ или принимающихъ какія либо спеціальныя обязательства передъ казною, передъ государственными, земскими или общественными учрежденіями.

Для занесенія акціонерныхъ обществъ въ главную акціонерную книгу предположено учредить спеціальную регистрацію при

министерствѣ финансовъ. Моментомъ учрежденія общества долженъ считаться моментъ занесенія его въ акціонерную книгу.

Всѣ отношенія учредителей къ учреждаемому обществу опредѣлены съ точностію и согласно съ новѣйшими требованіями науки.

Учредители сохраняютъ полную отвѣтственность за всѣ свои дѣйствія до учрежденія общества. Въ моментъ образованія общества выбирается правленіе общества, которое вступаетъ въ переговоры съ учредителями для соглашенія съ ними относительно ихъ подготовительныхъ дѣйствій, пріобрѣтенія отъ нихъ какого либо имущества, если таковое предполагается, и разсмотрѣнія и одобренія составленнаго ими проекта устава. Утвержденіемъ общаго собранія окончательно регулируются всѣ отношенія между учредителями и обществомъ. Кромѣ того постановлено, что всѣ имущественные взносы передаются въ собственность общества не иначе, какъ по описи и оцѣнкѣ, и что общее собраніе всегда можетъ для повѣрки этой оцѣнки назначить особенную оцѣночную комисію, – назначеніе коей дѣлается обязательнымъ, если того требуютъ акціонеры, подписавшіеся на одну пятую часть акціонернаго капитала.

Учредителямъ предоставлено право распредѣлять между собою не болѣе одной половины складочнаго капитала; на остальную половину открытіе подписки обязательно. Постановленіе это принято въ видахъ обезпеченія полной гласности при образованіи общества. Разрѣшеніе распредѣленія всего капитала между учредителями безо всякой подписки, вслѣдствіе чего все учрежденіе общества остается въ ихъ рукахъ, допускаемое въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ и между прочимъ въ германскомъ, оказалось на практикѣ весьма опаснымъ. Въ послѣднее время, учредители весьма часто пользовались этимъ правомъ для устройства недобросовѣстныхъ предпріятій, или для обремененія компаній тяжелыми расходами, или для фиктивнаго взноса капитала. Пуская въ продажу акціи уже конституированнаго общества, они вмѣстѣ съ тѣмъ лишали послѣдующихъ дѣйствительныхъ акціонеровъ возможности контроля надъ ихъ учредительскими дѣйствіями, предоставленнаго акціонерамъ по закону. Большая часть ажіотажныхъ акціонерныхъ предпріятій, возникшихъ предъ послѣдними кризисами на вѣнской и берлинской биржахъ, образовались этимъ путемъ.

Наименьшимъ складочнымъ капиталомъ предположено при-

нять 100,000 рублей; кромѣ того для образованія акціонернаго предпріятія требуется участіе по крайней мѣрѣ семи акціонеровъ, такъ какъ это наименьшее число, необходимое для образованія правленія и ревизіонной коммиссіи.

При подпискѣ на акціи обязателенъ взносъ по крайней мѣрѣ одной десятой части подписаннаго капитала, но подписчики сохраняютъ полную отвѣтственность за весь невнесенный капиталъ подписанныхъ ими акцій. Срокъ взноса всего акціонернаго капитала не долженъ превышать трехъ лѣтъ. До полной оплаты акцій, подписчикамъ выдаются именныя временныя свидѣтельства, которыя только, послѣ взноса всего капитала, обмѣниваются на акціи, могущія, по желанію общества, быть на предъявителя. Акціи не должны быть менѣе ста рублей каждая и могутъ предлагаться къ подпискѣ только по нарицательной стоимости. Обществу воспрещается скупъ собственныхъ акцій или выдача ссудъ подъ залогъ ихъ, такъ какъ подобныя дѣйствія должны клониться къ ослабленію складочнаго капитала, т. е. залога, на которомъ основывается вся торговая отвѣтственность общества.

Выпускъ новыхъ акцій существующаго общества предложено допустить только послѣ полной оплаты первоначальныхъ акцій. Послѣдующія акціи не воспрещается выпускать въ видѣ привиллегированныхъ акцій (Priorität-Actien). Кромѣ того, проектъ допускаетъ заключеніе обществомъ займовъ путемъ выпуска облигацій, но на сумму, не превышающую половины складочнаго капитала, и тоже только послѣ полной оплаты послѣдняго; права выпуска облигацій не предоставляется только страховымъ обществамъ.

Всякое увеличеніе акціонернаго капитала, равно какъ и уменьшеніе его допускаются только по предварительной заявкѣ о томъ явочному отдѣлу, который заноситъ общество въ акціонерную книгу уже какъ новое, по истеченіи опредѣленнаго срока, послѣ сдѣланной о томъ публикаціи.

Затѣмъ по управленію дѣлами общества предположены разныя мѣры, имѣющія цѣлію обезпеченіе гласности, правильной отчетности, исполненія обязательствъ обществъ относительно третьихъ лицъ и правъ меньшинства акціонеровъ. Отчетъ и балансъ общества должны быть публикованы, правила, по которымъ долженъ исчисляться дивидендъ, опредѣлены съ точностію особенно въ видахъ предупрежденія уплаты фиктивнаго дивиденда не изъ

доходовъ, а изъ капиталовъ общества, вслѣдствіе недобросовѣстнаго исчисленія или оцѣнки актовъ общества, что касается особенно курса, по которому должны быть исчисляемы различные фонды, могущіе быть въ активѣ общества. Въ исключительныхъ случаяхъ предположено впрочемъ допускать уплату дивиденда изъ запаснаго капитала общества. Составленіе же запаснаго капитала предоставлено усмотрѣнію общества и постановленію его устава.

Опредѣленіе числа акцій, дающихъ право голоса въ общихъ собраніяхъ общества и наибольшаго числа голосовъ, которымъ одно лицо можетъ владѣть въ собраніи, предоставляется усмотрѣнію самого общества, выраженному въ уставѣ его; въ законѣ же предполагается установить только *minimum* въ первомъ случаѣ и *maximum* въ послѣднемъ, а именно, что владѣніе акціями на одну сотую часть основнаго капитала должно предоставлять покрайней мѣрѣ право на *одинъ голосъ* и что одно лицо не можетъ за себя и по довѣренности имѣть болѣе половины совокупности голосовъ всѣхъ остальныхъ участвующихъ въ общемъ собраніи. Въ виду предоставленія мелкимъ акціонерамъ права принимать участіе въ рѣшеніяхъ общаго собранія, предположено постановить, что акціонеры, имѣющіе менѣе одного голоса, могутъ соединять свои акціи для составленія полнаго голоса. Права меньшинства ограждаются далѣе постановленіями: во первыхъ, о томъ, что по требованію акціонеровъ, представляющихъ не менѣе одной десятой части основнаго капитала, правленіе обязано къ концу двухнедѣльнаго срока созвать чрезвычайное общее собраніе; и во-вторыхъ, что правленіе не можетъ отказать въ представленіи на разсмотрѣніе общаго собранія заявленія, поступившаго къ нему отъ акціонеровъ, владѣющихъ въ совокупности одною сороковою долею складочнаго капитала. Затѣмъ въ новомъ проектѣ болѣе подробно развиты отвѣтственность разныхъ лицъ и наказанія, налагаемыя закономъ за неисполненіе постановленій акціонернаго общества и за неправильныя и лживыя дѣйствія; въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія совершенно новая статья, постановляющая, что за лживое составленіе отчетовъ и баланса и за завѣдомо неправильное исчисленіе дивиденда члены правленія подвергаются взысканіямъ, опредѣленнымъ за мошенничество. Далѣе за умышленное употребленіе ко вреду общества даннаго имъ отъ него полномочія или довѣрія, за повреждение или утайку ввѣренныхъ имъ отъ общества актовъ или

самовольную растрату имущества, приговариваются къ наказаніямъ, опредѣляемымъ за преступленія этого рода, учиненныя повѣренными. За приведеніе въ исполненіе недѣйствительнаго постановленія общаго собранія или такого, которое содержитъ въ себѣ отступленіе отъ устава общества или правилъ общаго акціонернаго положенія, или чего либо противнаго законамъ государства, полагается наложить на виновныхъ денежное взысканіе до тысячи рублей съ каждаго; что же касается убытковъ, могущихъ отъ того произойти для третьихъ лицъ, то вознагражденіе за нихъ возлагается на обязанность общества. По этой статьѣ слѣдовало бы однако яснѣе оговорить, что если оказалось меньшинство не согласившееся съ постановленіями общаго собранія, то взысканіе должно обращаться только на членовъ большинства; иначе акціонеры, составляющіе меньшинство, подвергались бы взысканію за постановленія общаго собранія, противъ котораго они протестовали своими голосами. За открытіе акціонернаго общества, безъ соблюденія условій, требуемыхъ закономъ, учредители подвергаются штрафу до тысячи руб.; вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно нынѣ существующему закону, полагается постановить, что незаконно открытое общество подвергается закрытію.

Съ юридической точки зрѣнія, принимая въ соображеніе, что правительство по новому проекту не будетъ утверждать акціонерныя общества, а только заноситъ ихъ въ списокъ, можно было-бы и не возлагать на правительство обязанности заботиться объ упраздненіи неправильно открываемыхъ обществъ, а можно бы ограничиться постановленіемъ, что за такими обществами не будутъ признаваемы всѣ права и преимущества, предоставляемыя закономъ акціонернымъ обществамъ, т. е. что всѣ члены подобнаго общества будутъ лишены преимуществъ *ограниченной отвѣтственности*. Но коммиссія нашла съ практической точки зрѣнія болѣе удобнымъ установить обязательное упраздненіе неправильно открытаго общества.

Наконецъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ проектъ включены статьи, имѣющія цѣлью болѣе существенное огражденіе правъ третьихъ лицъ, кредиторовъ общества, въ случаѣ ликвидаціи послѣдняго.

УСТРОЙСТВО
ПРАВИЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Ю. Э. ЯНСОНА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ. [1])

III.

Разсмотрѣвъ общія основанія переписи населенія и указавъ ту специальную цѣль, какую должна будетъ имѣть въ Россіи первая всеобщая перепись, а именно дать матеріалъ для текущихъ списковъ населенія, перейдемъ теперь къ изложенію нашихъ соображеній относительно способовъ производства переписи. По нашему мнѣнію самою трудною частью работы будетъ не регистрація, не дальнѣйшая обработка переписи, а приготовительныя къ ней распоряженія. Дѣйствительно у насъ нѣтъ многаго, что̀ обезпечивало бы успѣхъ переписи. Нѣтъ прежде всего такихъ нисшихъ административныхъ единицъ, которыя бы обнимали и соединяли подъ одно общее, такъ сказать, начало

---

[1]) Статью первую см. въ I т. Сборника.

всѣхъ безъ различія жителей, какова напр. западно-европейская административная община, которая является готовою регистратурною единицею, въ которой ведутся текущіе списки населенія и которая представляетъ готовый органъ для выполненія переписи, со своимъ мэромъ или форштееромъ. Наша волость могла бы очень удобно сдѣлаться нисшею регистратурною единицею, если бы въ составъ ея не входили только одни крестьянскія общества; нашъ-же станъ слишкомъ большая территоріальная единица, которая въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣетъ теперь, не можетъ сдѣлаться удобною для сосредоточенія въ ней текущихъ списковъ, и станъ не имѣетъ никакихъ готовыхъ средствъ для производства переписи; вновь образованные призывные участки, въ коихъ теперь появятся текущіе списки небольшой части населенія, не суть собственно административныя дѣленія; въ нихъ нѣтъ никакого органа, вѣдающаго общіе интересы всѣхъ жителей, входящихъ въ составъ участковъ; даже призывные списки составляются не общіе всему населенію по призывному участку, а для однихъ классовъ населенія волостными правленіями, городскими управленіями, для другихъ — присутствіями по воинской повинности. У насъ нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ и такихъ учрежденій для статистики населенія, которыя бы представляли полную систему статистическихъ инстанцій, начиная съ нисшей, обнимающей небольшой округъ, до центральной, обнимающей все государство, какова система англійскихъ регистраторовъ, суперинтендентовъ и центральной регистратуры съ Census Office. Органы эти хотя не ведутъ текущихъ списковъ, коихъ въ Соединенномъ Королевствѣ нѣтъ, но ведутъ зато метрики и являются опять-таки готовыми органами для производства переписи. Такимъ образомъ для веденія текущаго контроля хотя бы части населенія придется во всякомъ случаѣ устроить цѣлую сѣть регистратурныхъ участковъ, съ особымъ въ каждомъ лицомъ или учрежденіемъ, на обязанности коего лежало бы постоянное содержаніе въ исправности списковъ жителей регистратурнаго округа или участка; придется или реорганизировать крестьянскую волость во всесловное учрежденіе съ выборнымъ представителемъ, или преобразовать становыя управленія, возложивъ на нихъ новыя обязанности, уменьшивъ при этомъ размѣры становъ и давъ имъ болѣе правильное разграниченіе. Съ чисто статистической точки зрѣнія довольно безразлично будетъ ли нисшею инстанціею, въ коей будетъ сосредоточиваться стати-

стика населенія, общая волость съ выборнымъ головою или станъ съ начальствомъ, назначеннымъ правительствомъ, или волость съ волостнымъ по назначенію. Важно то, что такую меньшую единицу придется такъ или иначе устроить для передачи въ непосредственное завѣдываніе ея, тотчасъ послѣ окончанія переписи, текущихъ списковъ населенія. Производство же самой переписи потребуетъ, независимо отъ этого, созданіе спеціальныхъ органовъ, исключительно для этой цѣли назначенныхъ. Казалось бы проще было сначала устроить на новыхъ началахъ волости или станы, и затѣмъ уже поручить имъ дѣло переписи. Мы полагаемъ однако, что такой порядокъ едва ли бы имѣлъ выгодныя послѣдствія съ точки зрѣнія точности переписи и правильности текущихъ списковъ.

Во-первыхъ, новыя учрежденія были бы сразу завалены дѣломъ не по силамъ — и переписью и составленіемъ списковъ.

Во-вторыхъ, первоначальное составленіе текущихъ списковъ изъ данныхъ, добытыхъ переписью, дѣло на столько важное, что оно не можетъ быть поручено по нашему мнѣнію низшей инстанціи, мало свѣдущей въ такой работѣ, повѣрка которой далеко не легка: текущіе списки должны быть составлены такъ сказать подъ контролемъ всего населенія даннаго участка, для коего они назначаются.

Въ-третьихъ, производство переписи низшею инстанціею, имѣющею полицейскій характеръ, возможно съ нѣкоторымъ успѣхомъ тамъ, гдѣ населеніе на полицію смотритъ иначе, чѣмъ привыкло смотрѣть у насъ, и гдѣ полиція сама смотритъ на собираніе статистическихъ свѣдѣній иначе, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ смотритъ у насъ. Извѣстно, что въ Россіи достаточно, чтобы за статистическими данными явилась полиція, для того, чтобы данныя эти или совсѣмъ не получались, или получались въ самомъ неточномъ и даже превратномъ видѣ.

Въ-четвертыхъ, первая перепись, произведенная на научныхъ основаніяхъ, можетъ быть обезпечена у насъ только тѣмъ, что въ ней къ самому широкому участію будутъ призваны земство, городскія выборныя управленія и вся, какъ говорится, мѣстная интеллигенція, черезъ своихъ представителей, или выбранныхъ самимъ населеніемъ, или назначенныхъ органами правительственной власти въ губерніяхъ. Даже въ такихъ государствахъ, гдѣ народныя переписи составляютъ обыкновенное административное дѣйствіе, и тамъ считаютъ часто

сообразнѣе съ важностью этой операціи не полагаться на одни административные органы, а призывать къ участію наибольшее число лицъ изъ той среды, которая не менѣе правительства заинтересована въ правильности данныхъ, служащихъ для разныхъ административныхъ соображеній.

Наконецъ, въ-пятыхъ, созданіе особыхъ статистическихъ регистратурныхъ единицъ для веденія текущихъ списковъ населенія и отнесеніе переписи ко времени ихъ устройства оттянуло бы самую перепись на срокъ весьма продолжительный, такъ какъ трудно ожидать, чтобы веденіе текущаго контроля населенія черезъ новые органы могло осуществиться во времени столь близкомъ, какое желательно по отношенію къ производству переписи.

Образовавъ губернскіе и уѣздные органы для выполненія переписи, и снабдивъ ихъ общими инструкціями, намъ придется, по моему мнѣнію, не стѣснять ихъ слишкомъ мелочными предписаніями, входящими въ малѣйшія подробности относительно образа ихъ дѣйствія. Россія представляетъ въ разныхъ частяхъ своихъ столько особенностей въ бытовомъ строѣ своемъ, что употребленіе повсемѣстно одного и того же способа регистраціи едва ли будетъ возможно. Начиная съ большихъ городовъ, съ большимъ процентомъ грамотнаго населенія, и кончая мало населенными и мало грамотными уѣздами отдаленныхъ окраинъ, мы находимъ у насъ много посредствующихъ ступеней, различныхъ и по густотѣ населенія, и по размѣщенію осѣдлостей, и по развитости жителей; потому примѣненіе напр. способа раздачи переписныхъ бланковъ главамъ семействъ и затѣмъ отобраніе ихъ уже пополненными не вездѣ дадутъ удовлетворительные результаты. Въ однихъ мѣстахъ быть можетъ возможно будетъ найти достаточное число хорошихъ счетчиковъ, въ другихъ придется поручить регистрацію волостнымъ старшинамъ, писарямъ, полиціи, или найдено будетъ удобнымъ произвести записываніе при помощи подвижныхъ счетныхъ коммиссій или отрядовъ, какъ это дѣлается напр. въ Сербіи *). Наше желаніе въ этомъ отношеніи

*) Въ Сербіи нѣтъ особыхъ статистическихъ органовъ для производста переписи. Въ каждомъ изъ 17 округовъ Княжества составляется всякій разъ особая коммиссія, состоящая изъ начальника округа, сборщика податей, членовъ общиннаго совѣта и двухъ или трехъ нисшихъ чиновниковъ. Такая коммиссія ѣздитъ изъ деревни въ деревню; всѣ главы семействъ должны явиться въ нее; показанія ихъ повѣряются мѣстною властью и сосѣдями. Члены коммиссій не получаютъ никакого вознагражденія за производство переписи; но общины обязаны кормить

заключается въ томъ, чтобы обращено было особое вниманіе на составъ будущихъ направляющихъ и контролирующихъ перепись учрежденій и затѣмъ была предоставлена имъ свобода дѣйствія на столько, чтобы не нарушалось единство общихъ началъ переписи: поименности, быстроты производства и контроля, пріуроченія данныхъ къ опредѣленному заранѣе дню, занесенія одинаковаго количества подробностей. Достовѣрность данныхъ всегда зависитъ отъ умѣнія регистрирующаго органа примѣниться къ мѣстнымъ особенностямъ той среды, въ которой приходится брать эти данныя. Что касается до внѣшней организаціи этихъ будущихъ органовъ переписи, то они представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Ближайшее завѣдываніе переписью должно быть возложено на уѣздныя коммиссіи, [1]) составленныя изъ лицъ, которыя по своей дѣятельности въ уѣздѣ и административному положенію способны завѣдывать этимъ дѣломъ. Быть можетъ даже явится болѣе цѣлесообразнымъ такія коммиссіи образовать въ каждомъ стану или по другому какому либо дѣленію уѣзда, въ видахъ переписи сдѣланному, и имѣть такимъ образомъ не одну коммисію въ уѣздѣ, а двѣ, три. При этомъ было бы необходимо, чтобы городскія поселенія, имѣющія болѣе опредѣленнаго числа жителей, были поставлены на ряду съ уѣздами или частями ихъ, и въ нихъ завѣдываніе переписью было возложено на особыя коммиссіи.

Въ кругъ дѣйствій уѣздныхъ коммисій должно входить:

1) Провѣрка списковъ населенныхъ мѣстъ, дополненіе ихъ и вообще приведеніе въ совершенную полноту, а равно и наблюденіе за исполненіемъ тѣхъ постановленій, какія будутъ сдѣланы по обозначенію населенныхъ мѣстъ въ натурѣ.

2) Раздѣленіе уѣзда на счетные участки, съ составленіемъ списка тѣхъ населенныхъ пунктовъ, которые въ каждый участокъ входятъ, и нанесеніе счетныхъ участковъ на планъ.

ихъ и доставлять подводы для переѣздовъ. Конечно, сербская перепись не можетъ идти въ одинъ рядъ съ переписями Англіи или Германіи; но она во всякомъ случаѣ по достоинству гораздо выше нашихъ ревизій.

[1]) Уѣздныя коммиссіи для производства и повѣрки переписи не будутъ совершеннымъ нововведеніемъ, такъ какъ для ревизій тоже образовались коммиссіи ревизскія, въ каждомъ уѣздѣ. Конечно, составъ и дѣятельность новыхъ коммиссій будутъ совершенно иныя. Мы полагаемъ, что и въ названіи ихъ слѣдуетъ избѣгнуть слова «ревизскія», чтобы отнять у населенія всякій поводъ къ сближенію переписи со старыми ревизіями.

3) Составленіе по каждому счетному участку списка тѣхъ мѣстъ, гдѣ перепись должна быть произведена счетчикомъ по способу раздачи переписныхъ листковъ, гдѣ она должна быть произведена счетчиками при помощи волостныхъ правленій или сельскихъ обществъ, и гдѣ составленіе переписныхъ листковъ должно быть сдѣлано самими счетчиками, при обходѣ домовъ, или гдѣ оно должно быть сдѣлано управляющими и завѣдующими разными учрежденіями.

4) Назначеніе счетчиковъ изъ лицъ, которыя, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, должны будутъ выполнять эту обязанность и пріисканіе счетчиковъ изъ частныхъ лицъ, безвозмездныхъ или съ вознагражденіемъ.

5) На обязанность же коммиссій должно быть возложено разъясненіе счетчикамъ ихъ обязанностей и снабженіе ихъ свидѣтельствами, инструкціями и необходимымъ количествомъ бланковъ переписныхъ листковъ для подлинныхъ и для копій.

6) Во время переписи члены коммиссій должны, разобравъ между собою уѣздъ по частямъ, имѣть въ немъ ближайше наблюденіе надъ дѣйствіемъ счетчиковъ и производить формальную повѣрку представляемыхъ ими сказокъ и вѣдомостей.

7) Наконецъ на эти же коммиссіи должна быть возложена окончательная повѣрка списковъ по имѣющимся документальнымъ даннымъ и первоначальная сводка данныхъ по каждому населенному пункту и по всему уѣзду, съ тѣмъ, чтобы своды эти съ копіями переписныхъ листковъ были, въ опредѣленный срокъ, препровождены въ губернскую коммиссію, а подлинныя переданы на храненіе въ уѣздныя управленія до дальнѣйшаго распоряженія относительно составленія по нимъ текущихъ списковъ. Подлинные же листки должны быть въ уѣздныхъ управленіяхъ разобраны по населеннымъ мѣстностямъ, затѣмъ по станамъ и волостямъ и въ такомъ видѣ переплетены или сшиты.

Городскія переписныя коммиссіи имѣютъ однородныя обязанности. Онѣ должны провѣрить списки улицъ и домовъ или составить таковыя, распредѣлить города на счетные участки, отыскать счетчиковъ и проч., сдѣлать требуемые своды и представить ихъ въ копіи въ губернскія коммиссіи.

Для общаго надзора за правильностью работъ по переписи въ каждой губерніи должна быть учреждена подъ предсѣдательствомъ губернатора коммиссія изъ лицъ отъ земства и завѣдующихъ разными отраслями общей губернской администраціи, а

также частныхъ лицъ, которыя по своимъ свѣдѣніямъ могутъ быть полезны коммиссіи.

На обязанность этой губернской коммиссіи должно быть возложено: 1) обезпеченіе дѣла переписи въ уѣздахъ и городахъ такими распоряженіями, какія будутъ признаны коммиссіею цѣлесообразными; 2) разъясненіе всѣхъ недоразумѣній, какія могутъ возникнуть въ уѣздныхъ коммиссіяхъ при исполненіи ими своихъ обязанностей.

На губернскіе статистическіе комитеты подъ наблюденіемъ губернской коммиссіи возлагается:

1) Составленіе свода изъ данныхъ, представленныхъ уѣздными коммиссіями.

2) Перенесеніе на карточки, по опредѣленному правилу, [1]) всѣхъ данныхъ, входящихъ въ сказки и вѣдомости, при чемъ явится возможность замѣтить неточности, вкравшіяся въ копіи, забрать справки изъ уѣздныхъ коммиссій, по подлиннымъ, или даже указать на необходимость новой провѣрки самыхъ подлинныхъ документовъ по дѣйствительнымъ фактамъ.

3) Пересылка сводовъ и карточекъ въ центральный статистическій комитетъ.

Кромѣ устройства личнаго состава, коему возможно будетъ поручить все дѣло по производству переписи, въ приготовительныхъ работахъ, особенное вниманіе должно быть обращено на провѣрку, мѣстами составленіе вновь полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ и на приведеніе самыхъ населенныхъ мѣстъ въ такой внѣшній, такъ сказать благоустроенный, видъ, который бы гарантировалъ перепись противъ всякихъ ошибокъ и пропусковъ. Списки населенныхъ мѣстъ у насъ составлены почти по всѣмъ губерніямъ, по программѣ центральнаго статистическаго комитета, и составлены довольно тщательно, хотя не совсѣмъ полно; они могутъ служить въ крайнемъ случаѣ для разграниченія на мѣстахъ счетныхъ участковъ мѣстными учрежденіями, которыя будутъ производить перепись. Но ихъ все же необходимо будетъ провѣрить не только относительно общаго числа домовъ, но и свѣрить съ тѣмъ, что есть въ натурѣ, ибо со времени составленія списковъ могли возникнуть новые поселки, усадьбы, заводы, фабрики и т. д. Кромѣ того помѣщичьи усадьбы, мызы, фольварки, жилыя помѣщенія на промыслахъ и т. п., отдѣльно стоящія осѣдлости почти вовсе

[1]) Напр. на карточки разныхъ цвѣтовъ.

не попали подъ особымъ названіемъ въ списки населенныхъ мѣстъ: имъ должны быть, мѣстною полиціею или другими органами, составлены дополнительные списки и къ нимъ примѣнены всѣ ниже изложенныя правила.

Что же касается обозначенія населенныхъ мѣстъ въ натурѣ особыми знаками и описаніе городскихъ поселеній и таковаго же обозначенія въ натурѣ названія улицъ, номеровъ домовъ, то вся почти эта работа должна быть сдѣлана вновь. Необходимо будетъ возложить на мѣстную полицію въ уѣздахъ и на городскія управленія, тамъ, гдѣ они есть, обязанность: 1) при въѣздахъ и выѣздахъ изъ селеній, деревень, поселковъ и прочихъ населенныхъ мѣстъ, поставить столбы съ надписями, въ коихъ были бы означены названія уѣзда, стана, волости и населеннаго пункта. 2) Въ городахъ назвать всѣ улицы, неимѣющія названій, обозначить эти названія въ надлежащемъ мѣстѣ надписями, перенумеровать всѣ дома, по данному порядку, и выставить на домахъ надписи, означающія №, носимый домомъ, и часть города (если городъ подраздѣляется на части или кварталы). Приведеніе населенныхъ мѣстъ въ такой порядокъ считается вездѣ, и совершенно правильно, необходимымъ передъ каждою переписью. Такимъ образомъ въ Соединенномъ Королевствѣ предъ производствомъ переписи, особымъ циркуляромъ предписано было начальникамъ мѣстной администраціи (the Mayor of each municipal city and borough, the Chairman of every local Board) озаботиться наименованіемъ всѣхъ дорогъ и улицъ, его неимѣющихъ, и перенумерованіемъ всѣхъ домовъ. Циркуляръ австрійскаго министра внутреннихъ дѣлъ, изданный вслѣдствіе закона о переписи 29 марта 1869 г., заключаетъ въ себѣ еще болѣе подробныя разъясненія о способѣ производства этихъ предварительныхъ работъ [1]).

---

[1]) § 1. Всѣ строенія назначенныя для жилья, на коихъ еще не выставлено номеровъ, должны быть заномерованы. Это относится также къ отдѣльно стоящимъ домамъ, отдѣльнымъ хижинамъ въ лѣсахъ и горахъ и т. д., а равно и къ тѣмъ строеніямъ, кои только временно бываютъ обитаемы. Пристройки къ жилому дому значатся подъ однимъ съ нимъ номеромъ и на нихъ особаго номера не выставляется. Уничтоженіе номера можетъ быть сдѣлано только съ разрѣшенія мѣстной власти (т. е. Bezirkhauptmannschaft или Communalamt).

§ 3. Номеръ выставляется на домѣ надъ главнымъ въ него входомъ и долженъ быть всегда на виду.

§ 4. Вновь построенный домъ, хотя бы стоящій между имѣющими номеръ, получаетъ свой собственный, который будетъ слѣдующій за послѣднимъ номеромъ улицы, гдѣ номерація идетъ по улицамъ, или за послѣднимъ цѣлаго населеннаго мѣста, если въ немъ идетъ одна общая номерація.

Мѣры подобныя австрійскимъ должны быть приняты и у насъ передъ началомъ переписи. Тѣ учрежденія, которымъ поручено будетъ дѣло переписи, послѣ распредѣленія уѣздовъ на счетные участки и по исполненіи мѣстною администраціею тѣхъ распоряженій, которыя будутъ касаться приведенія въ порядокъ населенныхъ мѣстностей, обязаны будутъ по каждому участку провѣрить списки населенныхъ мѣстъ и окончательно пополнить всѣ пропуски, исправить всѣ ошибки. Трудъ, конечно, не малый, но необходимый.

Центральный статистическій комитетъ, въ то же время, долженъ будетъ заняться третьею приготовительной операціею — заготовленіемъ бланковъ для переписныхъ листковъ (назовемъ ихъ переписными сказками) и для сводовъ, общей инструкціей для губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, которыя будутъ завѣдывать на мѣстахъ дѣломъ переписи, и для счетчиковъ, и составленіемъ плана разработки переписи.

Содержаніе бланковъ и инструкцій, конечно, зависитъ отъ тѣхъ пріемовъ, какіе будутъ признаны удобопримѣнимыми для производства переписи, и отъ содержанія переписи. Здѣсь мы обращаемъ, съ точки зрѣнія приготовительныхъ работъ, вниманіе на то, что составленіе хорошихъ формуляровъ для сводки данныхъ имѣетъ весьма большую важность и требуетъ чрезвычайно тщательнаго обсужденія для того, чтобы 1) всѣ подробности, соби-

---

§ 5. Если два или болѣе домовъ соединятся въ одинъ, то онъ сохраняетъ нѣсколько номеровъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ новая перенумеровка всѣхъ домовъ населеннаго мѣста или улицы, гдѣ номерація по улицамъ особая.

§ 6. Если встрѣтится надобность въ перемѣнѣ всей номераціи въ какомъ либо населенномъ мѣстѣ (Ortschaft), то такая новая номерація должна начинаться съ единицы и продолжаться самымъ удобнымъ по расположенію домовъ образомъ, пока всѣ строенія не будутъ перенумерованы (nach der Lage der Häuser auf die schicklichste Art in arithmetischer Ordnung fortzulaufen).

§ 7. Назначеніе номера дому еще его неимѣющему можетъ быть сдѣлано общиннымъ управленіемъ, которое должно увѣдомить о томъ окружное управленіе; перемѣна же номера отдѣльнаго дома или всѣхъ домовъ въ населенномъ мѣстѣ или части города и т. д. можетъ быть разрѣшена начальствомъ (von der vorgesetzten politischen Behörde) только по особо уважительнымъ причинамъ.

§ 8. Расходы по номераціи и сохраненію ея падаютъ на домовладѣльцевъ. Община можетъ издать особыя правила для сохраненія однообразія въ номераціи.

§ 9. При въѣздѣ и выѣздѣ каждаго населеннаго мѣста на счетъ общины должна быть выставлена доска (Ortschaftstafel) на видномъ мѣстѣ и съ четкою надписью. На доскѣ выставлены: названіе населеннаго мѣста, потомъ общины и политическаго дѣленія (politischen Bezirk).

§ 10. Gemeindevorsteher отвѣтствуетъ за исполненіе предписаннаго въ §§ 1—9 и наблюдаетъ за исполненіемъ заключающихся въ нихъ требованій.

раемыя переписью, нашли себѣ соотвѣтствующія графы въ сводахъ; 2) чтобы составные элементы статистическаго облика населенія получились въ сводкѣ, въ возможно большемъ числѣ комбинацій. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, работа центральнаго статистическаго комитета можетъ быть значительно облегчена тѣмъ, что на первый разъ, мы могли бы вполнѣ принять за образецъ формы сводовъ прусскаго или австрійскаго цензовъ, какъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворительныя и наиболѣе подробныя. Несравненно важнѣе вопросъ о томъ, какъ организировать самую разработку переписи такъ, чтобы и раздѣленіе труда примѣнялось въ возможно большей степени и не терялась гарантія вѣрности сводовъ.

Мы должны положительно признать непримѣнимыми у насъ двѣ системы: французскую [1]), гдѣ центральное статистическое бюро (Statistique générale de la France) получаетъ въ руки одни готовые своды, сдѣланные на мѣстахъ, и никакихъ данныхъ для контролированія правильности ихъ, и германскую, гдѣ весь сырой матеріалъ, въ первобытномъ видѣ личныхъ карточекъ (bulletins individuels) или переписныхъ листковъ, поступаетъ въ бюро, не оставляя на мѣстахъ никакихъ такъ сказать слѣдовъ своего существованія. Матеріалы, собранные нашею первою переписью, должны будутъ послужить актами для составленія по нимъ текущихъ списковъ населенія. Притомъ сосредоточеніе всей работы по сводкѣ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ будетъ едва ли по силамъ этому учрежденію уже по одному тому, что изъ переписныхъ листковъ придется болѣе 72 мил. показаній перенести на личныя карточки. Поэтому мы должны искать такой системы производства сводки, которая бы 1) по главнымъ рубрикамъ дала возможность получить своды и возможность провѣрить итоги въ наиболѣе короткій срокъ, 2) позволяла бы центральному комитету продолжать болѣе подробную разработку матеріала, и 3) весь первоначальный матеріалъ оставила бы на мѣстахъ его собиранія.

Многія полезныя указанія въ отношеніи къ организаціи всего процесса сводки могутъ дать намъ пріемы, употребляемые при англійскомъ цензѣ, швейцарскомъ и австрійскомъ. Главныя основанія англійской системы сводки слѣдующія: первая инстанція для свода и первая территоріальная единица для него — счетный участокъ;

[1]) Та-же система въ Бельгіи и Голландіи.

каждый счетчикъ долженъ разобрать счетные листки по приходамъ и др. подраздѣленіямъ, затѣмъ въ этомъ порядкѣ перенести ихъ цѣликомъ въ особую книгу (enumerationbook) и подвести итоги по каждому подраздѣленію, равно какъ и общій итогъ, а также итогъ лицъ, временно присутствующихъ и временно отсутствующихъ. Вторая инстанція—регистраторъ, единица—субдистриктъ; регистраторъ, просмотрѣвъ хорошо ли списаны въ книги переписные листки, долженъ подвести итогъ по субдистриктамъ. Затѣмъ книги и итоги регистратора переходятъ въ третью инстанцію — къ суперинтенданту, который сводитъ итоги по дистрикту и все тѣмъ-же порядкомъ, съ подлинными листами пересылаетъ въ Census Office, который даетъ окончательную обработку всему матеріалу. Подобная же система принята между прочимъ въ Греціи, гдѣ первая сводка дѣлается мэромъ, вторая подпрефектомъ по округу и обѣ онѣ съ сырымъ матеріаломъ поступаютъ въ центральное бюро. Въ Швейцаріи весь первоначальный матеріалъ копируется, копіи провѣряются въ трехъ инстанціяхъ и затѣмъ въ сыромъ видѣ отсылаются въ федеральное бюро; подлинныя остаются у кантональныхъ властей, но могутъ быть временно вытребованы въ бюро, въ случаѣ надобности. Въ Австріи (Cisleit.) первая инстанція для сводки Gemeindevorsteher или Bezirkhauptmannschaft (для тѣхъ населенныхъ мѣстъ, гдѣ перепись произведена не самою общиною); они составляютъ сводъ по населеннымъ мѣстамъ и общинамъ (Gemeindeübersicht, Ortsübersicht); весь первичный матеріалъ съ этими сводами передается въ Bezirksbehörden, гдѣ онъ остается въ видѣ Zählungsbücher для каждаго Ortschaft. Bezirksbehörde составляютъ сводъ по округу и передаютъ его только дальше, въ Landesbehörde, которое ограничивается его внѣшнею повѣркою и пересылаетъ въ центральное статистическое бюро. Вообще составленіе первоначальныхъ сводовъ дѣлается почти вездѣ, начиная съ низшихъ инстанцій; но замѣчается большая разница въ судьбѣ сырого матеріала и въ степени обширности сводовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи своды, дѣлаемые мѣстными органами, завѣдующими переписью, имѣютъ въ однихъ случаяхъ чисто контрольное значеніе, какъ въ Германіи, въ другихъ обнимаютъ всѣ рубрики, принятыя для окончательной разработки переписи, какъ въ Австріи [1]). Понятно,

[1]) Вся отвѣтственность сводкй въ Австріи лежитъ на окружной администраціи: она есть послѣдняя инстанція, могущая контролировать по первичному матеріалу, чѣмъ австрійская система отличается отъ французской, гдѣ первичный

что сосредоточеніе всей детальной работы въ провинціальной администраціи представляетъ всѣ выгоды раздѣленія труда, но предполагаетъ значительную опытность въ статистической работѣ и большія трудовыя средства въ этихъ мѣстныхъ органахъ, лишая въ то же время центральный статистическій органъ средствъ повѣрки сводовъ и средствъ для всякой новой работы надъ переписнымъ матеріаломъ. Извлекая пригодное для насъ изъ опыта западноевропейскихъ государствъ, мы могли бы принять слѣдующія главныя основанія для сводки:

1) первоначальный матеріалъ остается на мѣстахъ, въ уѣздныхъ или городскихъ учрежденіяхъ, завѣдующихъ переписью, или въ мѣстной администраціи, уѣздной или городской.

2) снятіе копій съ первоначальныхъ регистровъ въ переписныя книги возлагается па счетчиковъ, или, гдѣ это не возможно, поручается въ уѣздной коммиссіи особымъ, наемнымъ лицамъ.

3) перенесеніе единичныхъ показаній на карточки дѣлается въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ.

4) повѣрка копій проходитъ двѣ инстанціи: уѣздную коммиссію (городскую) и губернскую.

5) первоначальная сводка дѣлается по главнымъ рубрикамъ въ уѣздныхъ (городскихъ) коммиссіяхъ; вторичная — въ губернскихъ комитетахъ.

6) окончательная разработка переписи по карточкамъ губернскихъ комитетовъ производится въ центральномъ статистическомъ комитетѣ.

Быть можетъ было бы лучше, съ перваго взгляда, возложить всю разработку переписи, по каждой губерніи, цѣликомъ на мѣстные статистическіе комитеты; но мы полагаемъ, что такое раздѣленіе занятій не облегчило бы значительно центральнаго комитета при необходимости во всякомъ случаѣ повѣрки работъ

матеріалъ (до 1872 г. по крайней мѣрѣ) не шелъ далѣе мэра. Окружныя сводки австрійскія представляютъ полную обработку матеріала, такъ что работа центральнаго бюро только ариѳметическая. Сводки, дѣлаемыя въ Германіи напротивъ, даютъ только итоги общаго числа жителей по полу; вся же остальная работа дѣлается въ статистическихъ бюро отдѣльныхъ государствъ. Счетчики даютъ итоги, по каждому хозяйству въ своихъ Kontrollisten, только общаго числа лицъ по полу; Lokalbehörden или Zählungskommissionen ограничиваются по большей части тоже только общими итогами числа населенныхъ мѣстъ, домовъ, наличнаго населенія; то же самое дѣлаютъ Bezirksbehörden. Весь сырой матеріалъ идетъ въ бюро, которое по даннымъ формамъ и въ данные сроки должно сводку уже по сему государству передать въ Centralamt des Deutschen Reiches.

мѣстныхъ комитетовъ, и повлекло бы въ то же время за собой значительное увеличеніе расходовъ. Что касается до степени подробности мѣстныхъ сводовъ, то она совершенно зависитъ отъ того, какіе итоги скорѣе всего нужны будутъ для администраціи. Мы полагаемъ, что во всякомъ случаѣ итоги по возрастному составу, семейному состоянію, занятію, вѣроисповѣданію, не могутъ быть требуемы отъ мѣстныхъ сводовъ. Итоги, получить которые въ скорѣйшемъ времени желательно, будутъ: общая цифра наличнаго населенія каждаго населеннаго пункта по полу, общая цифра приписнаго, временно присутствующаго и временно отсутствующаго. Какъ бы ни была организирована заранѣе система сводки, во всякомъ случаѣ требованія должны быть ясно и опредѣленно поставлены и указаны всѣ пріемы сводки, такъ, чтобы не было никакихъ сомнѣній въ томъ, откуда и какъ получить требуемый итогъ [1]).

Устройствомъ мѣстныхъ органовъ производства переписи, полицейскими распоряженіями на мѣстахъ, исправленіемъ списка населенныхъ мѣстъ, печатаніемъ бланковъ, формуляровъ, начертаніемъ плана концентраціи собираемаго матеріала, приготовительныя къ переписи работы у насъ не могутъ ограничиться. Необходима еще одна предварительная и предшествующая переписи мѣра, имѣющая не одно только административно-статистическое значеніе; — это изданіе общаго закона о законномъ мѣстѣ жительства, т. е., о domicil légal, безъ коего одна изъ главныхъ цѣлей переписи, устройство текущаго контроля населенія или текущихъ списковъ населенія, не достижима. Проектированіе такого закона, конечно, не можетъ входить въ предѣлы настоящей статьи. Но мы не можемъ не замѣтить: 1) что существованіе значительной массы гражданъ, которыхъ мѣсто постояннаго пребыванія или осѣдлости считается неопредѣленнымъ, не согласно съ сущностью самоуправленія, все болѣе и болѣе развивающагося, и съ увеличивающимся участіемъ общественныхъ сферъ въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, и 2) что существующіе теперь для нѣкоторой части населенія за-

---

[1]) Въ Бельгіи къ печатнымъ наставленіямъ объ этомъ предметѣ присоединяются устныя conférences. Всѣ commissaires d'arrondissement, ихъ чиновники и депутаты отъ общинъ созываются въ извѣстныя, въ каждой провинціи, мѣста, гдѣ имъ дѣлается, въ присутствіи члена центральной статистической коммиссіи, наставленіе весьма обстоятельное о томъ, какъ своды должны составляться.

коны о припискѣ не исключаютъ возможности и пользы одного общаго закона о томъ, чтобы каждый гражданинъ государства указалъ ту мѣстность его, съ общественно-хозяйственною жизнію которой онъ связываетъ свою собственную жизнь. Подъ приписнымъ населеніемъ въ настоящее время, собственно говоря, можно разумѣть только населеніе, приписанное къ сельскимъ или городскимъ обществамъ и внесенное въ ревизію; затѣмъ остается значительная цифра населенія неприписнаго, но по спискамъ значущагося или въ средѣ дворянства данной губерніи и уѣзда, причемъ можно быть записаннымъ вдвойнѣ и втройнѣ, или въ числѣ владѣльцевъ недвижимости въ какомъ либо городѣ и т. д., а затѣмъ еще остается населеніе вовсе не входящее ни въ какіе общественные круги или сферы, но все же имѣющее свою осѣдлость, получающее доходы, имѣющее заработки въ данномъ мѣстѣ, связанное съ нимъ одною общею жизнію, имѣющее одни общіе интересы съ своими односельцами, долженствующее, собственно говоря, нести съ ними однѣ и тѣ же повинности государственныя и общественныя. Если существующіе законы о припискѣ были необходимыми для подушной подати, выкупныхъ платежей, круговой поруки и бывшей рекрутской повинности, то съ преобразованіемъ податной системы, съ преобразованіемъ воинской повинности и сліяніемъ сословій въ единицахъ самоуправленія, они теряютъ силу и значеніе; принадлежность къ сельскому обществу перестаетъ опредѣлять мѣсто отбыванія повинностей и отвѣтственности въ платежѣ податей, и въ замѣнъ податной приписки къ обществу, появится нужда въ припискѣ по другому признаку. Уже и теперь приписка къ призывному участку не связана съ припиской къ обществу, даже для ревизскаго населенія, а поставлена въ зависимость отъ мѣстожительства, такъ какъ статья 119 устава о воинской повинности распространяетъ на всѣхъ лицъ, этой повинности подлежащихъ, право перечисленія изъ одного участка въ другой и такъ какъ къ ревизскому населенію можетъ относиться главнымъ образомъ конецъ означенной статьи [1]). Когда, съ преобразованіемъ нашей податной си-

[1]) Ст. 119. Всѣмъ лицамъ, подлежащимъ воинской повинности, предоставляется право являться къ призыву или въ тѣхъ участкахъ, въ коихъ они записаны, или въ тѣхъ, въ коихъ они имѣютъ недвижимую собственность, или же въ коихъ состоятъ на жительствѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ до дня заявленія о выборѣ участка для явки къ призыву.

стемы, къ платежу прямыхъ налоговъ будетъ привлечена вся масса населенія, въ настоящее время ихъ неплатящая, тогда очевидно потребуется отъ каждаго плательщика указаніе того мѣста, гдѣ онъ долженъ платить налогъ и гдѣ его можно отыскать для требованія платежа. Не менѣе важно опредѣленіе мѣста постоянной осѣдлости и съ точки зрѣнія не одного общественнаго, но и частнаго, гражданскаго права и судопроизводства.

Законы о постоянномъ мѣстѣ жительства, съ юридическими нормами, опредѣляющими вытекающія отсюда права и обязанности, составляютъ основу общественно-юридическаго порядка населенія. Внѣшнимъ выраженіемъ этого порядка служатъ законы о припискѣ, о передвиженіи населенія (констатированіе тождества личностей), а средствомъ для выполненія веденіе текущихъ списковъ постоянному и подвижному насленію, правила о внесеніи въ эти списки и правила о передвиженіи записей изъ списка однихъ мѣстностей въ списокъ другихъ, вмѣстѣ съ передвиженіемъ самихъ лицъ. Система объективнаго права въ этихъ отношеніяхъ весьма разнообразна, но общественно-юридическій порядокъ населенія вездѣ есть принадлежность благоустроеннаго государства.

Элементы этого порядка есть у насъ, какъ и вездѣ, ибо нѣтъ такого состоянія народа, въ которомъ бы ихъ не было: но необходимо дальнѣйшее систематическое ихъ развитіе. На первое время, пока остаются въ силѣ многія обстоятельства, обусловливающія приписку въ сельскихъ и городскихъ обществахъ податнаго населенія, по всей вѣроятности возможно будетъ ограничиться установленіемъ правилъ о domicil légal для одного неприписнаго, въ теперешнемъ смыслѣ, населенія: но затѣмъ несомнѣнно принятыя для приписки основанія придется распространить на всѣ классы населенія. Такимъ образомъ, основныя начала закона о domicil légal должны быть выработаны въ такомъ видѣ, чтобы ихъ можно было легко распространить на всю массу населенія, сохраняя одинъ общій признакъ для приписки и на столько отчетливый, чтобы возможность двойныхъ записей была совершенно устранена.

Наконецъ въ числѣ приготовительныхъ работъ весьма важною мѣрою, обезпечивающею успѣхъ переписи, должно быть

По статьѣ 120 ревизское населеніе, подлежащее призыву, о желаніи быть перечисленными въ другой участокъ, должно заявить о томъ волостному правленію или городскому управленію того участка, гдѣ оно приписано, и того, куда желаетъ приписаться.

возможно большее популяризированіе закона о ней. О томъ, что будетъ перепись, долженъ знать всякій; всякому должно быть разъяснено, что будетъ отъ него спрашиваться и до какой степени новая перепись далека по своему характеру отъ ревизіи. Чтеніе публичныхъ лекцій въ провинціальныхъ городахъ, распространеніе копѣечныхъ книжекъ въ народѣ, содѣйствіе духовенства и печати представляютъ для того достаточныя средства, — средства, которыми не пренебрегаютъ въ странахъ, гдѣ переписи составляютъ явленіе привычное и отнюдь не внушающее населенію никакой боязни. Можно указать на примѣръ Англіи, гдѣ священники призваны были, по-крайней-мѣрѣ прежде, къ разъясненію народу смысла положенія о переписи, гдѣ печать дѣятельно помогаетъ правительству въ этомъ дѣлѣ растолкованія того-же предмета; въ Австріи были читаны публичныя лекціи въ провинціальныхъ городахъ; въ Бельгіи въ каждую провинцію посылались инструкторы, membres instructeurs, съ цѣлью ознакомленія общинныхъ чиновниковъ съ техникою регистраціи и сводки.

Остается вопросъ о днѣ переписи. Мы знаемъ, что день этотъ выбирается въ той части года, когда населеніе наименѣе находится въ движеніи: на континентѣ Европы онъ приходится чаще всего въ декабрѣ и обыкновенно послѣдній въ этомъ мѣсяцѣ, когда по случаю праздниковъ всякій старается провести время въ своей семьѣ. Едва-ли, замѣтимъ мимоходомъ, выборъ конца декабря удаченъ, потому что перепись застаетъ населеніе не въ его дѣловомъ, обыденномъ видѣ, а въ праздничномъ; такъ или иначе, выборъ здѣсь основанъ на предположеніи о неподвижности, мало подкрѣпленномъ наблюденіемъ. Мы бы, думали, что всякій, не только мы, затруднились бы отвѣчать категорически, еслибы насъ спросили когда русское населеніе находится наиболѣе въ состояніи непередвигаемости. Въ однихъ мѣстностяхъ это время будетъ зимою, въ другихъ, лѣтомъ, въ третьихъ, весною или осенью; въ однихъ мѣстахъ, часть населенія идетъ на зимніе отхожіе промыслы, въ другихъ, идетъ на заработки лѣтомъ; гдѣ, со вскрытіемъ рѣкъ, гдѣ, съ замерзаніемъ болотъ. Едва-ли общія соображенія помогутъ здѣсь остановиться на какомъ нибудь дѣйствительно удачномъ выборѣ и едвали не большее значеніе дано можетъ быть примѣру нашихъ ближайшихъ западныхъ сосѣдей: покрайней мѣрѣ перепись будетъ пріурочена къ концу года и Россія не будетъ представ-

лять такого уклоненія отъ принятаго правила, какъ напр. Соединенное Королевство съ его 1-мъ апрѣля. При этомъ мы склоняемся къ 1 декабря [1]), а не къ 31-му, потому что въ этотъ послѣдній въ году день, если не между населенными пунктами, то въ самыхъ населенныхъ пунктахъ распредѣленіе наличнаго населенія представляется весьма ненормальнымъ.

IV.

Переходимъ къ проектированію главныхъ основаній самой регистраціи. Тутъ прежде всего является вопросъ о счетномъ (регистратурномъ) участкѣ, собственно о его величинѣ, и о счетчикѣ.

Величина счетнаго участка можетъ быть различна въ свою очередь, въ зависимости отъ способа производства регистраціи: чѣмъ болѣе само населеніе принимаетъ участія въ счетѣ, тѣмъ менѣе работы для счетчика, тѣмъ большіе размѣры можетъ имѣть счетный участокъ, и наоборотъ. Большинство положеній о переписяхъ въ западно-европейскихъ государствахъ опредѣляетъ обыкновенно maximum размѣровъ счетныхъ участковъ или числомъ домовъ, или числомъ хозяйствъ или (для сельскаго населенія) пространствомъ, ставя этотъ maximum въ зависимость отъ возможности для счетчика добросовѣстно исполнить свои обязанности въ опредѣленный промежутокъ времени. [2]) Мы полагаемъ, что на первый разъ у насъ невозможно проектировать даже такого maximum'а, ибо его можно найти только такъ сказать эмпирически, и потому дѣло распредѣленія уѣздовъ или ихъ частей, въ коихъ будутъ дѣйствовать счетныя коммиссіи, должно быть предоставлено вполнѣ этимъ счетнымъ коммиссіямъ; то-же самое имѣетъ силу для городовъ и

---

[1]) Хотя, сколько намъ извѣстно, только Германская имперія и Голландія приурочиваютъ наличное положеніе населенія къ 1 декабря.

[2]) Въ Англіи въ городахъ величина счетнаго участка опредѣляется maximum въ 200 домовъ, въ сельскихъ участкахъ 15 англ. миль и при этомъ не болѣе 200 домовъ. Въ Германіи при переписи 1871 года особымъ закономъ опредѣленъ maximum счетныхъ участковъ въ 50 хозяйствъ; въ дѣйствительности величина ихъ въ Баваріи была 100—200 хозяйствъ, въ Виртембергѣ 50—100, въ мелкихъ германскихъ государствъ понизилась до 40 хозяйствъ, 20 домовъ. Въ Венгріи при переписи 1869 года величина участковъ колебалась между 500 — 1000 жителей. Въ Австріи величина счетнаго участка колебалась между 10 и 30 домами (Mittheilungen 17 Jahrg. II Heft, 97).

городскихъ коммиссій. Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы при распредѣленіи уѣздовъ или частей ихъ на счетные участки границы ихъ не расходились съ границами волостей, городовъ и пр., и необходимо, чтобы въ составъ счетнаго участка входили всѣ населенныя мѣстности, находящіяся въ его чертѣ, и все населеніе этихъ мѣстностей. Для того, чтобы ни одинъ населенный пунктъ не былъ пропущенъ въ счетномъ участкѣ, или не были пропущены ни одна улица, ни одинъ домъ, въ высшей степени это желательно, конечно, тамъ, гдѣ это возможно, чтобы уѣздныя или городскія коммиссіи, по примѣру англійскихъ регистраторовъ, наносили границы участковъ на спеціальныя карты и планы (городовъ). Большія общественныя и благотворительныя заведенія у насъ, какъ и вездѣ, могутъ наполнить переписные листки черезъ своихъ начальниковъ, завѣдующихъ и проч., а равнымъ образомъ и лица, находящіяся на дѣйствительной военной службѣ, какъ строевыя, переписываются своимъ начальствомъ. Уѣздныя и городскія переписныя коммиссіи должны составить предварительно списки всѣмъ такимъ заведеніямъ и отдѣльнымъ частямъ войскъ, находящимся въ уѣздѣ или городѣ и разослать къ нимъ переписные листки; центральному же статистическому комитету слѣдуетъ указать въ общемъ положеніи или особой инструкціи, какія именно заведенія должны переписать сами свое населеніе (какъ-то тюрьмы, госпитали, больницы, учебныя заведенія съ пансіонерами и т. д.) [1]).

Что касается счетчиковъ, то они прежде всего должны удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ годности, а именно они:

---

[1]) Въ Англіи населенія учрежденій, вмѣщающихъ до 200 лицъ, переписываются управляющими, а болѣе 200—счетчиками; люди находящіеся на корабляхъ — капитанами этихъ кораблей; объ арміи и флотѣ доставляются свѣдѣнія подлежащимъ начальствомъ. Въ Австріи, гдѣ наполненіе переписныхъ листковъ не вездѣ дѣлается главами семействъ и не вездѣ раздача и собираніе ихъ производится домохозяевами, но въ значительной части наполненіе это возлагается на особыхъ Zählungscommissären, регистрація лицъ, помѣщающихся въ монастыряхъ, госпиталяхъ, академіяхъ, воспитательныхъ заведеніяхъ и т. д., поручается начальству этихъ заведеній (чрезъ наполненіе Anzeigezettel, § 24). Счетъ военныхъ, находящихся на дѣйствительной службѣ, поручается военнымъ начальствамъ (§ 11 и § 29). По закону послѣдней германской переписи (besondere Bestimmungen § 5), большія заведенія, какъ-то: казармы, врачебныя заведенія, исправительныя тюрьмы и пр., образуютъ въ случаѣ надобности (zweckmässig) самостоятельные счетные участки. Относительно военнаго и гражданскаго населенія не сдѣлано никакой разницы (allgemeine Bestimmungen § 9), вслѣдствіе чего казармы (вообще militärische Anstalten) образовывали особые счетные участки, но тогда военное начальство записывало также и лицъ гражданскихъ, если они находились въ нихъ во время переписи, а военные въ частныхъ домахъ записывались обыкновенными счетчиками.

1) Должны быть грамотны, т. е. умѣть читать, писать и знать четыре правила ариѳметики; безъ этого, конечно, никакое лицо не можетъ быть счетчикомъ.

2) Должны знать тотъ счетный участокъ, въ которомъ имъ приходится дѣйствовать. Это знакомство съ характеромъ населенія и даже по возможности съ большинствомъ жителей участка значительно облегчаетъ дѣло счетчика и служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ за вѣрность записей.

3) Должны быть трезваго поведенія [1]).

Въ виду такихъ требованій, понятно, что перепись должна разсчитывать во многихъ мѣстностяхъ на всю массу образованнаго населенія, и что заранѣе невозможно опредѣлить тѣхъ именно классовъ лицъ, или категорій лицъ, которые могутъ дать контингентъ счетчиковъ. Поэтому цѣлесообразнѣе будетъ предоставить выборъ счетчиковъ уѣзднымъ и городскимъ коммиссіямъ, не стѣсняясь соціальнымъ положеніемъ лицъ. Участвовать въ производствѣ счета населенія во многихъ государствахъ составляетъ, если такъ можно выразиться, видъ натуральной повинности, хотя такіе счетчики и называются добровольными. Лица, служащія въ разныхъ отрасляхъ администраціи, по выбору или по назначенію отъ правительства, само собою разумѣется, производятъ счетъ по обязанности; таковы чины полиціи, общественныхъ управленій (муниципальные, общинные совѣтники, старосты и т. п.). Въ нѣкоторыхъ государствахъ (Англія) должности счетчика признается значеніе на столько большое, что выборъ ихъ мѣстными статистическими или административными инстанціями нуждается въ утвержденіи высшею властью (въ Англіи—Генеральной Регистратурой). Наконецъ вездѣ недостатокъ добровольныхъ счетчиковъ пополняется наемными, а въ Англіи всѣ счетчики наемные, съ довольно большимъ вознагражденіемъ [2]); исполненіе должности

---

[1]) Въ инструкціи, даваемой генеральной регистратурой (Registrar General), регистраторамъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ качество лицъ, выбираемыхъ регистраторами въ счетчики: the enumerators were required to be intelligent, trustworthy and active, to write well and to have some knowledge of arithmetic. It is nicessary that they should not be infirm or of weak health, not younger than 18 years nor older than 65. Отъ счетчиковъ требуется to be temperate, orderly and respectable and likely to conduct themselves with strict propriety and civility.

[2]) Въ Англіи счетчикъ получаетъ:

Постоянное вознагражденіе за всю работу свою	1 L—1 s.
За каждые 100 лицъ, записанныхъ сверхъ 400, по	2 s. 6 p.

счетчика по обязанности не исключаетъ, конечно, возможности видѣть свой трудъ оплаченнымъ.

Мы полагаемъ, что многое изъ того, что принято въ западноевропейскихъ государствахъ, можетъ быть хорошимъ примѣромъ и для насъ. Счетчиками могли бъ быть во-первыхъ, лица, принадлежащія къ полиціи и общинной и городской администраціи; во-вторыхъ, учителя сельскихъ школъ, духовенство, причетники, въ-третьихъ лица, добровольно принявшія на себя этотъ трудъ, и въ четвертыхъ, наконецъ, при совершенномъ недостаткѣ гдѣ либо лицъ этихъ трехъ категорій, обязанность счетчиковъ можетъ быть возложена обязательно на то или другое лицо. Мы полагаемъ, что невозможно удержаніе одного какого либо принципа, — исключительно обязательнаго или исключительно добровольнаго труда счетчика, — потому, что не всегда лица, которыя могли бы по обязанности служить счетчиками, могутъ удовлетворить выше поставленнымъ требованіямъ, а на добровольное служеніе дѣлу у насъ тоже трудно разсчитывать исключительно. Выборъ лицъ въ счетчики долженъ лежать на уѣздныхъ и городскихъ переписныхъ коммиссіяхъ, а для приданія счетчикамъ надлежащаго значенія, составленные ими списки должны быть просмотрѣны губернскою коммиссіею и утверждены губернаторомъ, при чемъ всякій счетчикъ получитъ удостовѣреніе въ своемъ званіи. Въ удостовѣреніи этомъ должны быть обозначены его права и его обязанности, согласно съ особою инструкціею, для сего из-

---

За каждые 5 миль сверхъ 5 первыхъ при раздачѣ листковъ и также при сборѣ, по 6 пенсовъ.

За счетъ произведенный въ учрежденіяхъ съ числомъ населенія, большемъ 200, 2 sh. 6 p. за каждые 100 записанныхъ сверхъ первыхъ 300.

Въ Венгріи счетчиками въ 1869 году были духовенство, сельскіе чиновники, купцы и пр. частныя лица; многія изъ нихъ получали вознагражденіе отъ 1 до 2 fl. въ день.

Въ Бельгіи общины назначаютъ счетчиковъ изъ своихъ чиновниковъ, сборщиковъ податей, сельской стражи, полицейскихъ.

Счетчики получаютъ вознагражденіе.

Въ Пруссіи всѣ счетчики были добровольные и безвозмездные; въ Баваріи — чиновники разныхъ нисшихъ административныхъ мѣстъ, исполнявшіе счотъ безвозмездно; въ Ольденбургѣ съ каждаго записаннаго лица счетчикъ получалъ $1\frac{1}{2}$ пфеннинга, съ каждаго дома 4 пф. и за каждый сельскій округъ $7\frac{1}{2}$ Sgr.; въ Гамбургѣ $1\frac{1}{5}$ таллера въ день; въ Эльзасѣ-Лотарингіи за каждаго записаннаго 2 сантима, за каждое хозяйство 5 сант., за каждый домъ 6 сант.

Плата, конечно, соразмѣряется съ количествомъ работы счетчика. Гдѣ обязанность счетчиковъ состоитъ въ разноскѣ, сборѣ и внѣшней повѣркѣ переписныхъ листковъ и вознагражденіе не велико; въ Англіи они не только снимаютъ копіи, но и дѣлаютъ первоначальные своды.

данною и утвержденною министромъ внутреннихъ дѣлъ, подобно всѣмъ частнымъ распоряженіямъ по производству переписи [1]).

Въ вопросѣ о возмездности или безвозмездности работы счетчиковъ, мы склоняемся въ пользу первой по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, большинство счетчиковъ будутъ люди бѣдные, трудящіеся, для коихъ вознагражденіе положительно необходимо; во-вторыхъ, вознагражденіе даетъ право быть требовательнымъ къ получающему его, и въ третьихъ, никому не возбраняетъ отказываться отъ вознагражденія и послужить общественному дѣлу даромъ. Размѣръ вознагражденія полезно было бы предоставить усмотрѣнію уѣздныхъ и городскихъ счетныхъ коммиссій, которыя могли бы тогда сообразоваться съ мѣстною величиною задѣльныхъ платъ, при чемъ, конечно, можно обозначить напередъ общія основанія разсчета и наибольшую величину вознагражденія съ лица записаннаго, съ хозяйства, дома, счетнаго участка, версты проѣзда (если для сей цѣли не можетъ быть предоставленъ даровой проѣздъ на обывательскихъ или земскихъ почтовыхъ лошадяхъ) и т. п. Англійская система вознагражденія кажется намъ всѣхъ раціональнѣе: плата съ каждаго записаннаго лица заинтересовываетъ счетчика въ полнотѣ записи, а извѣстная постоянная норма гарантируетъ противъ слишкомъ малаго вознагражденія, въ случаѣ малой величины счетнаго участка или его населенія.

Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе способа дѣйствій и обязанностей счетчиковъ.

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ почти все населеніе грамотно, обязанности счетчиковъ состоятъ въ раздачѣ и собираніи бланковъ и главнымъ образомъ въ контролированіи записей дѣйствительною наличностью фактовъ: пополненіе же переписныхъ листковъ поручается самому населенію (главамъ семействъ). Инструкціи въ такомъ духѣ составлены для счетчиковъ въ Германіи и Англіи напр. По германской инструкціи счетчикъ раздаетъ листки и собираетъ ихъ; и только въ тѣхъ случаяхъ обязанъ самъ составить переписной листокъ, со словъ сосѣдей или живущихъ въ томъ же домѣ (Hausgenossen), когда никого не найдетъ въ квартирѣ. Почти всѣ семнадцать §§ образцовой инструкціи для счетчиковъ содержатъ правила раздачи и сбора переписныхъ листковъ; только

---

[1]) Устраненіе изъ переписи фискальнаго характера лишаетъ министерство финансовъ основанія для завѣдыванія этой операціей.

три параграфа, 14, 15 и 17, относятся къ контролю ихъ. Въ § 14 говорится, что при отбиранiи листковъ, счетчикъ долженъ убѣдиться, что ни одно живое лицо въ нихъ не пропущено и что всѣ лица, находившiяся на лицо въ данное время, дѣйствительно и правильно записаны (wirklich und richtig angenommen sind); по § 15 онъ долженъ провѣрить для всѣхъ-ли временно присутствующихъ въ семьѣ означено ихъ мѣстожительство и внесенъ-ли отсутствующiй изъ супруговъ въ списокъ отсутствующихъ; согласно § 17, по отобранiи всѣхъ переписныхъ листковъ, счетчикъ долженъ еще разъ просмотрѣть, полны-ли они, и сдѣлать всѣ нужныя исправленiя. Раздача и отобранiе листовъ сопровождаются разными отмѣтками въ особой контрольной книжкѣ, выдаваемой счетчику; въ ней же онъ обязанъ подвести итогъ наличному населенiю своего участка. По инструкцiи для англiйскихъ счетчиковъ обязанности ихъ тоже заключаются въ правильной раздачѣ листковъ (schedules), отобранiи ихъ и контролѣ записей. Счетчикъ долженъ самолично удостовѣриться противъ всѣхъ ли лицъ всѣ столбцы пополнены, и если нѣтъ, то долженъ пополнить пропуски со словъ хозяина (occupier) или въ отсутствiи его со словъ другихъ членовъ семьи ихъ свѣдущихъ лицъ (competent persons); онъ долженъ удостовѣриться всѣ ли лица, ночевавшiя въ домѣ или жившiя тамъ въ полночь, дѣйствительно внесены въ листки; что лица умершiя до полуночи не были пропущены, а родившiяся послѣ полуночи—внесены въ эти листки; если замѣчается особенно большое число лицъ временно отсутствующихъ или временно присутствующихъ, счетчикъ обязанъ опредѣлить причину такого отсутствiя или присутствiя [1]) и т. д. Кромѣ того на англiйскомъ счетчикѣ лежитъ обязанность со всѣхъ листковъ снять копiи въ сводныя книги (enumerationbook) и, подведя всѣ итоги, составить списокъ временно отсутствующихъ и присутствующихъ по своему участку.

Въ государствахъ, гдѣ, по малограмотности массы населенiя, нельзя разсчитывать на пополненiе листковъ самимъ населенiемъ, обязанности счетчика усложняются: ему самому приходится составлять переписные листки, не ограничиваясь разноскою ихъ, отбиранiемъ и поданiемъ совѣтовъ и наставленiй. Австрiйское

[1]) If many persons who usually resided in his District were temporalily absent at the time of the Census; or if any unusual number of strengers were present, the enumerator is instructed to state the cause of such absence or presence.

положеніе 1869 года, по нашему мнѣнію, совершенно раціонально приняло двойственную систему производства переписи общиною и особыми счетными коммисарами (Zählungscommissär), посредствомъ бланковъ (Aneigezettel), наполняемыхъ въ каждомъ хозяйствѣ, и посредствомъ сводныхъ записокъ (Aufnahmsbogen), наполняемыхъ самимъ счетчикомъ не по хозяйствамъ, а по домамъ (съ обособленіемъ однако хозяйствъ въ цѣлой вѣдомости), въ присутствіи и при помощи домохозяина [1]). Кромѣ того, въ отношеніи контроля переписныхъ листковъ, австрійскій цензъ проводитъ тройной контроль домовладѣльца, счетчика и ревизора, а въ отношеніи переписныхъ вѣдомостей контроль одного ревизора.

Примѣняясь къ нашимъ обстоятельствамъ, нечего, конечно, и думать провести повсемѣстно систему не только индивидуальныхъ карточекъ, но и систему посемейныхъ переписныхъ листковъ. Семейные переписные бланки, наполняемые населеніемъ, могутъ быть приняты для населенія немногихъ большихъ городовъ, для живущихъ въ уѣздахъ помѣщиковъ, для фабрикъ и заводовъ, и то не всѣхъ, для иностранныхъ судовъ; въ малыхъ городахъ наполненіе переписныхъ семейныхъ листковъ должно будетъ быть сдѣлано счетчиками и наконецъ для сельскаго, и вообще приписаннаго къ волостямъ и обществамъ населенія, наиболѣе цѣлесообразною окажется быть можетъ система переписныхъ вѣдомостей, составляемыхъ, съ отдѣленіемъ въ нихъ каждой семьи, волостными старшинами, буде они, какъ грамотные, могутъ быть счетчиками, или особыми счетчиками при содѣйствіи волостнаго начальства. Принятіе того или другаго способа исчисленія слѣдовало бы предоставитъ совершенно усмотрѣнію уѣздныхъ и городскихъ счетныхъ коммиссій. Весьма вѣроятно, что въ предѣлахъ напримѣръ уѣздныхъ счетныхъ участковъ окажется возможнымъ для находящагося въ ихъ раіонѣ населенія примѣнить двойственную систему, — для помѣщичьихъ усадебъ переписные посемейные листки, равно для фабрикъ и заводовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, для крестьянъ и приписанныхъ къ волостямъ переписныя вѣдомости. Въ городахъ, въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Мотивомъ для такого раздѣленія послужила именно малограмотность или безграмотность населенія весьма многихъ общинъ. (См. Mittheilungen aus dem Geb. der Stat. 17 Jahrgang, Heft II, стр. 74); но кромѣ того практически счетъ черезъ коммиссаровъ пришелся на долю преимущественно небольшихъ городовъ и сельскихъ поселеній, въ коихъ на каждый домъ приходилось небольшое число хозяйствъ, преимущественно же одно хозяйство самого домовладѣльца.

счетныхъ участкахъ будетъ признано возможнымъ примѣнить посемейные счетные листки, наполняемые главами хозяйствъ, въ другихъ пополненіе ихъ необходимо должно будетъ сдѣлано сами счетчиками, въ присутствіи домохозяевъ. Во всякомъ случаѣ, въ инструкціи счетчикамъ должно быть ясно обозначено, что считать отдѣльнымъ хозяйствомъ или семьей и въ чемъ должны состоять ихъ обязанности при каждомъ изъ указанныхъ трехъ возможныхъ способовъ. Въ той-же инструкціи счетчикамъ должны быть разъяснены ихъ обязанности относительно формальной и матеріальной повѣрки тѣхъ счетныхъ листковъ, которые наполнены не ими самими, а именно, что они должны просмотрѣть достаточно ли четко сдѣланы записи, противъ всѣхъ ли лицъ сдѣланы всѣ помѣтки, убѣдиться, всѣ ли находившіеся на лицо въ указанное для переписи время дѣйствительно вписаны; во всѣхъ сомнительныхъ для нихъ случаяхъ чрезъ личный опросъ удостовѣриться въ правильности записи; должны обратить особенное вниманіе на такія и такія-то графы и т. д.

Со всѣхъ переписныхъ листковъ и вѣдомостей необходимо должны быть сняты копіи, такъ какъ одинъ экземпляръ остается на мѣстахъ, какъ документъ и матеріалъ для составленія текущихъ списковъ и повѣрки слѣдующей переписи, другой долженъ поступать въ сводку и переработку. Снятіе копій, въ однихъ случаяхъ, можетъ быть поручено, за особое вознагражденіе, самимъ счетчикамъ, въ другихъ сдѣлано при уѣздныхъ и городскихъ коммиссіяхъ, которыя во всякомъ случаѣ должны будутъ провѣрить вторично и копіи, и подлинные списки, и вѣдомости въ отношеніи ихъ правильности и полноты, руководствуясь всѣми матеріалами, имѣющимися для такой повѣрки на лицо, окладными, призывными, обывательскими и др. списками. По нашему мнѣнію всѣхъ счетчиковъ, которымъ придется вести перепись переписными листками, а не одними только вѣдомостями, слѣдуетъ снабдить контрольными листками или книжками, по германскому образцу, въ коихъ они отмѣчали бы раздачу и полученіе листковъ и дѣлали свои замѣтки относительно тѣхъ случаевъ, когда записки возбуждали бы ихъ сомнѣніе и требовалось бы для повѣрки ихъ забрать справки другими путями и т. под.

Дальнѣйшая забота составителей положенія о переписи естественно обращается на опредѣленіе тѣхъ данныхъ, которыя войдутъ въ переписные листки. Положеніе въ этомъ случаѣ должно прежде всего разрѣшить вопросъ о способѣ регистраціи

передвигающагося, или находящагося въ передвиженіи, населенія. Запись присутствующихъ временно и временно же отсутствующихъ, тѣсно связанная съ практическими интересами опредѣленія юридическаго, осѣдлаго и постоянно живущаго населенія, представляется вездѣ одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которыя приходится разрѣшить при проектированіи правилъ о переписи, и задача эта разрѣшается въ западно-европейскихъ государствахъ весьма различно. Во всякомъ случаѣ, тутъ требуются большая точность и ясность правилъ, во избѣжаніе двойныхъ записей.

Въ лучшихъ переписяхъ принято отдѣлять въ самыхъ переписныхъ листкахъ наличное населеніе данной мѣстности отъ отсутствующаго; такъ принято вести регистрацію въ переписяхъ германской, италіанской, голландской. Въ Австріи, Венгріи и Бельгіи, только отсутствующіе и наличные жители вносятся въ одинъ общій листокъ; въ Англіи, гдѣ переписи не стоятъ въ связи съ какимъ бы то ни было текущимъ контролемъ населенія, считается только наличное населеніе, въ которое включаются однако лица, находящіяся въ пути или на ночной работѣ, но имѣющія возвратиться домой въ утро, слѣдующее за ночью, принятою за моментъ приуроченія данныхъ переписи.

Кого, теперь спрашивается, заносить въ листокъ въ разрядѣ отсутствующихъ?

По германскому закону въ списокъ отсутствующихъ членовъ хозяйства вносятся только временно (aus vorübergehendem Anlass) отсутствующіе безъ означенія жилища или ночлега, т. е. жилища и ночлега неизвѣстныхъ въ ихъ хозяйствѣ. Въ инструкціи для счетчиковъ (§ 15) однако понятіе объ отсутствующихъ нѣсколько шире. Подъ ними разумѣются всѣ лица, не находящіяся на лицо, но не переставшія быть членами хозяйства; затѣмъ нѣкоторые виды этихъ лицъ перечисляются: находящіяся въ путешествіи, въ гостяхъ, на поденщинѣ, военные въ срочномъ отпуску, и обращается вниманіе счетчика на то, чтобы тотъ изъ супруговъ, котораго во время переписи нѣтъ на лицо, непремѣнно былъ занесенъ въ списокъ отсутствующихъ.

Въ Голландіи, отсутствующими считаются военные (miliciens), находящіеся въ лагерномъ сборѣ, члены семьи, находящіеся въ госпиталяхъ и др. подобныхъ учрежденіяхъ на время, и о нихъ спрашивается находятся они въ той-же общинѣ или внѣ ея. Въ Австро-Венгріи отсутствующими считаются всѣ члены хозяй-

ства, не находящіеся на лицо, съ раздѣленіемъ ихъ на временно и постоянно отсутствующихъ или менѣе одного и болѣе одного мѣсяца. Наконецъ въ Италіи, отсутствующими считаются тоже всѣ обыкновенно составляющіе часть хозяйства, причемъ относительно ихъ указывается какъ долго продолжится ихъ отсутствіе, со дня его (болѣе или менѣе шести мѣсяцевъ), и гдѣ отсутствующій находится, въ той ли самой общинѣ, гдѣ живетъ его семья, или внѣ ея.

Понятно само собою, что отсутствующіе, показанные таковыми въ своихъ хозяйствахъ, переписью будутъ найдены гдѣ нибудь на лицо. Отсюда необходимость при наличномъ населеніи отличать временно-присутствующихъ въ наличномъ составѣ хозяйствъ, и является обозначеніе рода пребыванія для лицъ, не принадлежащихъ къ тому хозяйству, гдѣ перепись застала ихъ. Въ Германской Имперіи временность присутствія означается въ особой графѣ (Stellung in der Haushaltung), при чемъ указывается мѣсто жительства такого временно находящагося на лицо; въ австровенгерскомъ цензѣ временно присутствующіе раздѣляются на тѣ же двѣ группы, какъ и отсутствующіе. Въ Италіи, обозначается для каждаго внесеннаго въ списокъ наличнаго населенія какого рода его жительство: постоянное, временное или онъ находится только проѣздомъ.

Изложенныя въ общихъ чертахъ правила, принятыя въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ цензахъ, даютъ въ различной степени возможность вывести, во-первыхъ, составъ каждаго хозяйства и, во-вторыхъ, юридическое населеніе каждой общины — сколько лицъ принадлежитъ къ ней и находится въ отсутствіи, въ какомъ и гдѣ, и сколько въ ней въ данное время лицъ, непринадлежащихъ къ составу семействъ или хозяйствъ, въ составъ ея населенія входящихъ. Въ небольшомъ государствѣ, гдѣ притомъ почти вся масса населенія проводитъ ночь подъ крышей, въ жильѣ и гдѣ не имѣется въ виду выдѣлять осѣдлое населеніе или приписное, тамъ безспорно самая удобная будетъ англійская система. Для насъ она, конечно, неудобна, потому что намъ нужно знать приписное населеніе каждой населенной мѣстности, и значительная часть населенія въ дѣйствительности не находится на лицо въ своихъ хозяйствахъ, большую или меньшую часть года. При выборѣ же указаній опыта другихъ государствъ и дабы отнестись къ нимъ практически съ точки зрѣнія пригодности для нашего ценза, надобно имѣть прежде всего въ виду, какой цѣли мы же-

лаемъ достигнуть счетомъ временно отсутствующихъ и временно присутствующихъ.

Цѣли же, которыя мы должны имѣть въ виду, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Изъ общаго числа записанныхъ наличными въ данномъ хозяйствѣ, слѣдовательно и въ суммѣ этихъ хозяйствъ, т. е. въ наличномъ населеніи даннаго мѣста, желательно выдѣлить населеніе неприписное и неосѣдлое, а въ неосѣдломъ и неприписномъ выдѣлить въ свою очередь лицъ, неимѣющихъ никакой прочной связи съ хозяйствомъ, въ листокъ коего они попали въ силу случайнаго своего мѣстонахожденія во время переписи. Ясно нужно для всѣхъ обозначить мѣсто приписки или осѣдлости и характеръ пребыванія. Характеръ пребыванія опредѣляется отчасти въ графѣ „отношеніе къ главѣ хозяйства", напр. работникъ, ученикъ, гость и т. д.; но продолжительность пребыванія тѣмъ не менѣе служитъ необходимымъ дополненіемъ къ квалификаціи, даваемой этой графой, продолжительность прямѣе всего опредѣляется означеніемъ даты начала и опредѣленнаго или вѣроятнаго конца пребыванія, или прямо числа мѣсяцевъ. Такой способъ обозначенія, безъ опредѣленія самимъ населеніемъ случайности или временности, предпочтительнѣе въ томъ отношеніи, что ставитъ обозначеніе рода пребыванія внѣ субъективнаго взгляда лица, составляющаго переписной листокъ. На этихъ основаніяхъ мы бы рекомендовали относительно всѣхъ наличныхъ въ хозяйствѣ жителей спрашивать: отношеніе къ главѣ хозяйства (положеніе въ хозяйствѣ), мѣсто приписки или осѣдлости, вѣроятную продолжительность пребыванія въ мѣсяцахъ, считая отъ начала пребыванія, или вмѣсто этого дату начала пребыванія и вѣроятную продолжительность его послѣ дня переписи.

2) Такъ какъ юридическое населеніе мѣста слагается и изъ отсутствующихъ, приписанныхъ или осѣдлыхъ въ немъ и такъ какъ извѣстное число членовъ хозяйства во время переписи можетъ не находиться на лицо и въ то же время жить болѣе или менѣе продолжительное время въ какомъ нибудь другомъ хозяйствѣ или можетъ во время отсутствія не входить въ составъ никакого другаго хозяйства, напр. быть на промыслѣ въ лѣсу, или морѣ, быть въ неизвѣстномъ отсутствіи — то мы бы желали, чтобы въ списокъ отсутствующихъ вносились всѣ члены семьи, приписанные въ мѣстѣ переписи или въ немъ осѣдлые, съ обозначеніемъ о нихъ мѣста жительства, если оно извѣстно въ ихъ семьѣ,

или обозначенія, что оно неизвѣстно, времени начала отсутствія и вѣроятной продолжительности, наконецъ занятія. Это послѣднее требованіе кажется на первый взглядъ трудно выполнимымъ; но мы имѣли доказательство, что свѣдѣнія о занятіяхъ отсутствующихъ могутъ быть даны — въ статистикѣ московской губерніи, гдѣ не встрѣтилось затрудненій отдѣлить коренное населеніе отъ некореннаго и отсутствующихъ, съ показаніемъ ихъ занятій, по каждому селенію всѣхъ волостей. Въ графахъ времени начала и конца пребыванія могутъ прямо стоять вопросы: сколько времени уже живетъ (или находится въ отсутствіи)? сколько времени еще пробудетъ (сколько времени еще не вернется домой)? Зная мѣсто приписки, время пребыванія и положеніе въ хозяйствѣ, можно уже изъ наличнаго населенія выдѣлить какое угодно пришлое, а по даннымъ объ отсутствующихъ, приписанныхъ или осѣдлыхъ въ мѣстѣ, переписи возстановить юридическое населеніе, и большую или меньшую продолжительность отсутствія этой части юридическаго населенія. Для вѣрности записей потребуется только болѣе обстоятельное разъясненіе требованій и возложеніе на счетчиковъ болѣе бдительнаго контроля надъ графами, сюда относящимися. Затѣмъ уже не предвидится надобности значительно сокращать число показаній относительно отсутствующихъ, сравнительно съ наличными. Полъ, возрастъ, семейное состояніе, отношеніе къ главѣ семейства, занятіе — все это вопросы, на которые домашніе могутъ дать отвѣтъ столь же опредѣленный, какъ и по отношенію къ наличному населенію хозяйства.

Переходимъ къ содержанію переписнаго листка, т. е. къ объему свѣдѣній, собираемыхъ о каждомъ внесенномъ въ него лицѣ.

Само собою разумѣется первая графа листка заключаетъ номеръ по порядку. Порядка же ради обыкновенно принято вписывать во второй графѣ (имя, отчество, прозваніе, фамилію) всѣхъ лицъ въ извѣстной послѣдовательности: сначала хозяина (главы семьи или хозяйства), его жены, дѣтей, родственниковъ, служащихъ, гостей (посѣтителей), жильцовъ (или ночлежниковъ) и т. д. За этими безусловно необходимыми первыми двумя графами слѣдуетъ:

Полъ. Для обозначенія пола вездѣ почти принято имѣть двѣ графы, для мужчинъ и для женщинъ, и обозначать полъ вертикальной чертой (единицей) въ соотвѣтствующей графѣ.

Возрастъ. Во всѣхъ континентальныхъ лучшихъ цензахъ давно

уже въ этой графѣ дается время рожденія (годъ и даже мѣсяцъ и число — тогда три графы). Въ англійскомъ цензѣ спрашивается число мѣсяцевъ для дѣтей и лѣтъ послѣ перваго года жизни, и возрастъ обозначается числомъ лѣтъ, исполнившихся въ послѣдній день рожденія. Спрашивать у насъ число и даже годъ рожденія, значитъ идти на ошибку гораздо бо́льшую, чѣмъ нежели спрашивать прямо сколько лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр. Австрія), для населенія до 20-лѣтняго возраста, въ виду возможнаго уклоненія навсегда или на время отъ воинской повинности черезъ ложное показаніе лѣтъ, требуется представленіе выписки изъ метрической книги рожденій (выдаваемой въ Австріи по особой формѣ и безъ взысканія пошлинъ, stempelfrei). Мы полагаемъ, что введеніе подобнаго же требованія у насъ было бы равно необходимо, при чемъ можно было бы однако облегчить документальное подтвержденіе показанія, требуя не одной выписки изъ метрики, но дозволяя представленіе и другихъ законныхъ доказательствъ вѣрности возрастнаго показанія (паспорта, выписки изъ ревизской сказки, свидѣтельства земскаго или полицейскаго врача, дающаго заключеніе по наружному осмотру, какъ допускается положеніемъ о воинской повинности и пр.). Для лицъ, внесенныхъ въ ревизскія сказки и живущихъ въ мѣстѣ приписки, можно требованіе свидѣтельства замѣнить повѣркою по сказкѣ. Во всякомъ случаѣ распоряженіе о томъ, чтобы такія-то лица запаслись требуемыми свѣдѣніями къ данному времени, должно быть заблаговременно объяснено всѣмъ, кому за роспискою отъ полиціи, кому черезъ волости т. д. или другими способами, для сего существующими.

Положеніе въ хозяйствѣ (отношеніе къ главѣ хозяйства): оно необходимо для выясненія вопроса о степени экономической самостоятельности лицъ, а равно для опредѣленія, въ совокупности съ другими признаками, рода пребыванія.

Семейное состояніе. Противъ каждаго лица, достигшаго 18 лѣтъ для мужчинъ и 16 для женщинъ, должна стоять отмѣтка: холостъ, женатъ (или замуженъ), вдовъ (вдова).

Далѣе идутъ черты такъ сказать соціальнаго облика вносимаго въ листокъ:

Вѣроисповѣданіе. О необходимости этой графы не можетъ возникать сомнѣній: одна Англія (въ собственномъ смыслѣ) не собираетъ данныхъ о вѣроисповѣдномъ составѣ своего населенія, дѣлая это однако для Ирландіи.

Занятіе. Опредѣленіе занятій едва ли не самый большой камень преткновенія при переписяхъ. Его избѣгаютъ тѣмъ обыкновенно, что предоставляютъ самимъ записываемымъ лицамъ обозначать источникъ средствъ къ жизни (доходъ отъ капитала, служба, ремесло). Обозначеніе занятія требуется иногда не для всѣхъ внесенныхъ въ листокъ, а только для взрослаго населенія (болѣе 14 лѣтъ — Германія); притомъ къ главному занятію присоединяется указаніе побочнаго или побочныхъ (подспорнаго). Для Россіи мы считаемъ возрастное ограниченіе неоправдываемымъ практикою жизни, такъ какъ не существуетъ пока общаго закона, ограничивающаго извѣстными лѣтами самостоятельное участіе въ промысловыхъ работахъ. Указаніе побочного занятія (по крайней мѣрѣ одного) у насъ неизбѣжно потому, что значительная масса населенія въ дѣйствительности соединяетъ съ постояннымъ занятіемъ какое нибудь другое, временное. Вопросъ о томъ, дѣлать двѣ или одну графу для обозначенія занятія, имѣетъ второстепенное занятіе.

Сословіе. Пока, до времени, рубрика эта у насъ неизбѣжна; ее почти можно было бы замѣнить отмѣткою: платятъ ли подушныя или нѣтъ, ибо въ принадлежности или непринадлежности къ податнымъ сословіямъ заключается нынѣ самая рѣзкая у насъ сословная грань.

Мѣсто приписки или осѣдлости. Обозначеніе необходимо ради опредѣленія юридическаго населенія, въ массѣ всего взрослаго мужскаго населенія. Счетчикъ долженъ обратить вниманіе, чтобы эта графа не оставалась пустою противъ имени взрослаго мужчины (имѣющаго болѣе извѣстнаго числа лѣтъ).

Родъ пребыванія. Согласно съ вышеизложеннымъ двѣ графы: съ какого времени? долго ли пробудетъ? обозначаются противъ всѣхъ, которыхъ приписка не совпадаетъ съ мѣстомъ переписи.

Наконецъ послѣднія двѣ графы переписнаго листка посвящаются одна грамотности, другая тѣлеснымъ недостаткамъ. Относительно первой можно на первый разъ ограничиться отмѣткою *грамотенъ, неграмотенъ*, не вдаваясь въ дробныя подраздѣленія, какъ-то: умѣетъ читать, читать и писать, получилъ высшее образованіе, и проч. Тѣлесныхъ недостатковъ, относительно коихъ не можетъ быть затрудненія въ отвѣтѣ, мы признаемъ два: слѣпоту и глухонѣмоту. Идіотизмъ и сумасшествіе — недостатки, опредѣленіе коихъ едва ли дастъ удовлетворительные результаты: мы сомнѣваемся въ точности этихъ показаній даже въ западно-

европейскихъ государствахъ. Однако круглый кретинизмъ (дурачество, по простонародному выраженію) могъ бы быть обозначаемъ; уже Петръ I требовалъ этого для ревизій.

Въ перечнѣ данныхъ, занесеніе которыхъ считаемъ необходимымъ и возможнымъ при русской переписи, мы пропустили языкъ, подданство (Staatsangehörigkeit), мѣсторожденіе, въ виду того, что вопросный пунктъ о языкѣ, какъ онъ ни важенъ для опредѣленія этнографическаго состава населенія, вызвалъ бы значительныя недоразумѣнія въ массѣ населенія; что подданство — собственно говоря число иностранцевъ — можетъ быть опредѣлено по графѣ приписки или осѣдлости, гдѣ иностранные подданные прямо пропишутъ „иностранецъ"; наконецъ опредѣленіе мѣсторожденія не вызоветъ часто никакого отвѣта и не имѣетъ у насъ никакого административно-практическаго значенія.

Всѣ требуемыя въ переписномъ листкѣ свѣдѣнія должны быть поставлены въ видѣ вопросовъ, обращенныхъ къ составителю листка, и тутъ же должно быть обстоятельное и ясное указаніе на то, въ чемъ долженъ заключаться отвѣтъ и какъ онъ долженъ быть выраженъ. Поясненія эти помѣщаются или на первой страницѣ листка, или, что еще практичнѣе, въ заголовкахъ каждой графы (какъ напр. въ австро-венгерскомъ цензѣ); при листкахъ, пополненіе которыхъ будетъ дѣлаться населеніемъ, почти необходимо принять англійскую и германскую систему, по которой для наглядности прилагается примѣрный листокъ со всѣми отвѣтами, какъ они должны быть вписаны.

Что касается до собиранія при переписи какихъ либо побочныхъ данныхъ, то мы должны это совершенно отвергнуть, какъ дѣло чрезвычайно непрактическое, усложняющее регистрацію и увеличивающее трудности контроля и повѣрки. Единственный матеріалъ, который при переписи, кромѣ свѣдѣній о населеніи, можетъ и отчасти долженъ быть собранъ, это матеріалъ, касающійся домовъ и квартиръ, т. е. жилищныхъ отношеній. Но и онъ у насъ имѣетъ интересъ исключительно въ городахъ извѣстной величины; архитектура и планъ жилищъ нашего сельскаго населенія такъ однообразны, что вопросъ о числѣ этажей, расположеніи и величинѣ комнатъ и т. п. является совершенно излишнимъ. Если между разными полосами Россіи и существуетъ въ этомъ отношеніи различіе, то оно не нуждается въ статистическомъ наблюденіи для его выясненія. Въ большихъ городахъ другое дѣло, и переписи, во многихъ изъ нихъ производимыя,

не упускали и до сихъ поръ изъ виду важности собиранія данныхъ о домахъ и квартирахъ. Списокъ такимъ городамъ можетъ быть легко составленъ заранѣе; для собиранія жилищныхъ данныхъ выработана программа и дана форма; ея введеніе можетъ быть сдѣлано обязательнымъ для извѣстныхъ городовъ. Листки для занесенія вопросовъ, касающихся домовъ и квартиръ, могутъ служить приложеніемъ къ переписнымъ листкамъ или помѣщаться на первой страницѣ этихъ послѣднихъ, а поясненіе о процессѣ пополненія листковъ составлять приложеніе — это, конечно, вопросъ одной формы. Въ виду того, что одинъ экземпляръ переписнаго листка остается въ видѣ документа на мѣстѣ, а данныя о домахъ и квартирахъ имѣютъ чисто статистическое, не юридическое значеніе, и слѣдовательно въ копіи съ нихъ и храненіи ея на мѣстѣ не встрѣчается всеобщей и настоятельной надобности, мы считали бы удобнѣе, чтобы эти данныя вносились въ отдѣльные листки.

Объемъ содержанія переписныхъ листковъ для домовъ, квартиръ, общій для всѣхъ большихъ городовъ, не долженъ, конечно, заключать въ себѣ такихъ данныхъ, которыя касаются частныхъ явленій нѣкоторыхъ городовъ (напр. проведены ли газъ, вода): прибавленіе такихъ вопросовъ должно быть предоставлено усмотрѣнію самихъ городскихъ управленій. Общая схема вопросовъ о квартирахъ можетъ быть ограничена слѣдующими:

№ дома, № квартиры (тамъ, гдѣ они померованы); мѣсто, гдѣ помѣщается квартира (этажъ) [1]), на улицу или на дворъ (или и на улицу и на дворъ), сколько комнатъ (считая комнаты такія, которыя имѣютъ окна), сколько оконъ въ квартирѣ и вся ли квартира занята подъ жилище или часть ея занята ремесленнымъ или торговымъ помѣщеніемъ.

V.

Обозрѣвши тѣ общія начала, какія, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы провести въ главныхъ частяхъ положенія о переписи населенія въ Россіи, мы считаемъ задачу настоящей статьи

---

[1]) Въ подвалѣ, 1-й этажъ, 2-й этажъ и т. д.

исполненною. Остаются: вопросъ о томъ, какими способами должно быть обнародовано Положеніе о переписи, какъ законъ или какъ административное распоряженіе, вопросъ объ отвѣтственности населенія за отказъ отъ показанія или за ложное показаніе, и наконецъ вопросъ о расходахъ и источникахъ ихъ покрытія.

Перепись вездѣ производится по распоряженію законодательной, а не исполнительной власти; разница можетъ быть только въ содержаніи закона, въ томъ, что должно быть упомянуто въ законѣ, и что въ распоряженіяхъ тѣхъ органовъ административной власти, которые должны выполнить предписанія закона и которымъ предоставляется принять нужныя для этого мѣры. Въ однихъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Австріи, законъ о переписи очень кратокъ, всѣ подробности излагаются въ распоряженіяхъ министерства, въ вѣдѣніи коего находится статистика населенія [1]). Въ другихъ, въ законѣ поименовываются и тѣ свѣдѣнія, сообщеніе коихъ обязательно для населенія (напр. въ Соединенномъ Королевствѣ) [2]). Въ Германской Имперіи, по поводу послѣдней переписи издано два закона, одинъ общій (allgemeine Bestimmungen, welche gleichmässig für die künftigen Volkszählungen im Deutschen Reiche gelten), другой частный (besondere Bestimmungen für die in dem Jahre 1871 stattfindende Volkszählung). Въ первый вошли постановленія однѣ переписи, періодичности ея повторенія, о томъ, что основаніемъ для переписи должно служить наличное населеніе и вообще коренныя начала, принятыя въ видахъ обезпеченія вѣрности переписи (въ томъ числѣ способъ ея производства). Что касается до перечисленія тѣхъ показаній, какія при переписи будутъ требуемы отъ населенія, то общій законъ (§ 7) постановляетъ что они тѣмъ же порядкомъ, какъ и общій законъ, утверждаются и обнародываются въ видѣ особыхъ постановленій (besondere Bestimmungen),

---

[1]) Австрійскій законъ 29 марта 1869 г. заключаетъ 5 статей: первою назначается день переписи, второю предписывается перечисленіе полезныхъ животныхъ, третьею время ближайшей переписи (1880 г.), четвертою теряютъ законную силу узаконенія, касающіяся переписи 1857 г., и наконецъ пятою предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ привести законъ въ исполненіе и для сей цѣли издать необходимыя распоряженія.

[2]) Парламентскій актъ о переписи 1871 г., подписанный королевою 10 августа 1870 г., гласитъ, что переписные листки должны заключать въ себѣ: the name, sex, age, rank (profession or occupation), condition (conjugal, relation to head of famely, birth-place, whether any persons were: blind, deaf and dumb or lunatic. Актъ же предписываетъ счетчикамъ отмѣтить дома обитаемые, необитаемые и строющіеся.

не позже 1 іюля года переписи. Они и составляютъ § 2 этихъ особыхъ постановленій 1871 года; другіе §§ предписываютъ введеніе прилагаемыхъ при нихъ формуляровъ и сроковъ для представленія сводовъ.

У насъ долженъ быть обнародованъ законъ или положеніе о переписи. Вопросъ о томъ: что будетъ заключать въ себѣ этотъ законъ и что будетъ предметомъ административныхъ распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, есть, собственно говоря, вопросъ второстепенный по отношенію къ обязательности для населенія давать требуемыя отъ него показанія. [1]) Мы бы желали только, чтобы основныя начала переписи и предписываемые способы выполненія ея были на столько обдуманы и соображены одни съ другими, чтобы не давали повода къ возникновенію затѣмъ множества поясненій, измѣненій и дополненій, множества циркуляровъ, мнѣній и т. под., обыкновенно такъ расширяющихъ и измѣняющихъ первоначальныя положенія, что они только затемняютъ и для населенія, и для административныхъ органовъ смыслъ текста первоначальнаго положенія.

Что касается отвѣтственности, сопряженной съ отказомъ отъ дачи показанія или съ дачею умышленно невѣрнаго показанія, то почти вездѣ эта отвѣтственность опредѣляется въ самомъ положеніи о переписи и является въ видѣ денежной пени или соотвѣтствующаго ей, по сроку, лишенія свободы. Объ этой отвѣтственности прописывается на самомъ переписномъ листкѣ. Въ Англіи, напримѣръ, на первой страницѣ листка, прописано, что каждый давшій неточное показаніе подвергается штрафу въ 5 ф. ст., не говоря о неизбѣжности и неудобствѣ быть призванному къ мировому судьѣ и быть уличеннымъ въ ложномъ показаніи; въ Австріи, на той же страницѣ, внизу говорится, что за уклоненіе отъ показанія или за ложное показаніе на виновныхъ налагается штрафъ до 20 фл. или замѣняется, при недостаточности лица, арестомъ до 4 дней.

---

[1]) Въ виду огромной важности особенно первой переписи и для приданія положенію о ней большой гласности, мы считаемъ обнародованіе сего послѣдняго необходимымъ соединить съ объявленіемъ Высочайшаго манифеста. Высочайшимъ манифестомъ назначались и ревизіи, уставы же ихъ выходили особо и обыкновенно позднѣе. Такъ манифестъ о 10 ревизіи вышелъ 26 августа 1856, а уставъ 8 іюня 1857 года. Нельзя не желать, чтобы главныя начала положенія о переписи нашли себѣ мѣсто въ самомъ манифестѣ и являлись предъ глазами народа какъ царская воля, а не распоряженія начальства.

Въ нашемъ будущемъ положеніи о переписи придется проектировать размѣры взысканій или наказаній за умышленное уклоненіе отъ внесенія въ перепись или за умышленно ложное показаніе. Статья 1446 уложенія о наказаніяхъ прямо указываетъ, что взысканіе за пропуски, по небреженію, сроковъ подачи ревизскихъ сказокъ и пр., коему виновные въ семъ подвергаются, есть взысканіе денежное, и размѣръ его опредѣляется каждый разъ въ издаваемыхъ о новой ревизіи манифестахъ. Указанія устава 10 переписи [1]) о размѣрахъ этихъ взысканій и о виновныхъ, на коихъ они падаютъ, очевидно несовмѣстны съ основными началами новой переписи, не долженствующей имѣть прежняго чисто фискальнаго характера ревизій. Равнымъ образомъ теряетъ свою силу и статья 1447 уложенія (соотвѣтствующая статьѣ 1994 стараго уложенія), угрожающая (по ст. 1692 уложенія 1866 г.) виновнымъ въ умышленномъ пропускѣ, *въ виду того же фискальнаго характера ревизіи* (какъ сказано въ ст. 1447, когда пропущены податныя души), лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ Сибирь на поселеніе или отдачею въ арестантскія роты на срокъ отъ одного до полутора года. Сила обѣихъ статей утрачивается уже потому, что никто въ новую перепись не будетъ вноситься для податей, а вносятся всѣ, безъ различія состоянія, для счета, и слѣдовательно пропуски умышленные и неумышленные могутъ быть учинены и лицами неподатныхъ сословій, къ коимъ означенныя статьи вовсе не могутъ имѣть буквальнаго примѣненія. По духу же своему и по содержанію въ уставѣ 10-й ревизіи, статья 1446 является слишкомъ слабою, статья же 1447 слишкомъ жестокою, примѣнительно не только къ неподатному, но и къ податному населенію, какъ скоро фискальный характеръ исчезнетъ изъ основаній переписи. Уклоненія отъ исполненія требованій новой переписи могутъ быть подведены не болѣе какъ подъ проступки противъ порядка управленія, и проступковъ

---

[1]) Въ уставѣ о 10 ревизіи размѣръ штрафа за объявленіе о прописныхъ, по истеченіи дополнительнаго срока для подачи сказокъ, опредѣляется въ 90 коп. за податную мужскую душу и въ 75 р., если оклады по новой ревизіи уже введены. За открытіе прописныхъ мѣрами правительства штрафъ полагается въ 75 р. за каждую мужскую душу и т. д.; см. ст. 81—101. Отвѣтчикомъ является не лицо собственно, а общество и вообще сказкоподатели. Взысканій за ложное показаніе въ уставѣ не означено, такъ какъ никакихъ почти свѣдѣній при ревизіи не требовалось. Лица, прописныя изъ вносимыхъ для счета, подвергались штрафу только въ 90 коп.

такихъ можно представить себѣ три: или квартиро-(домо) хозяинъ не пуститъ къ себѣ счетчика; или то или другое лицо уклонится отъ внесенія его вовсе въ переписной листокъ, или наконецъ дастъ ложное показаніе умышленно. Первый случай легко можетъ быть подведенъ подъ ст. 29, 30 и 31 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, т. е. вести за собою штрафъ въ 15 р. (арестъ на 3 дня) или по статьѣ 31 арестъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ. Второй случай — умышленное укрывательство со стороны квартировладѣльца кого либо отъ внесенія въ переписной листокъ или уклоненіе отъ внесенія въ него со стороны кого либо — можетъ быть подведенъ подъ ст. 59 устава о наказаніяхъ, т. е. вести за собою maximum штрафа въ 15 р. (арестъ на 3 дня). Относительно ложнаго показанія трудно пріискать подходящую статью въ нашихъ законахъ: мы бы предложили и этотъ случай подвести подъ одну общую мѣру взысканія 15 р. (3 дней ареста) и такимъ образомъ всѣ случаи уклоненія отъ исполненія устава о переписи подвести подъ ст. 29, и 30 устава о наказаніяхъ, за исключеніемъ случаевъ сопротивленія счетчикамъ силою или нанесенія имъ обиды словами или дѣйствіемъ, подходящихъ подъ ст. 31 того же устава.

Расходы, вызываемые переписью, могутъ быть разложены на слѣдующіе главные элементы: 1) расходы на постановку знаковъ въ населенныхъ мѣстностяхъ, 2) расходы на печатаніе бланковъ и разсылку ихъ, 3) расходы на вознагражденіе счетчиковъ, 4) расходы на составленіе мѣстныхъ сводовъ и 5) расходы на послѣднюю обработку и изданіе матеріала, собраннаго переписью. Расходы эти въ однихъ государствахъ, за исключеніемъ означеннаго въ пунктѣ первомъ, который вездѣ падаетъ на счетъ обывателей и общинъ, распредѣляются между общинами и государствомъ или лежатъ всецѣло на государствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ, что иногда общины получаютъ отъ казны опредѣленное вознагражденіе по извѣстному расчету, выплачиваемое имъ по окончаніи переписи. [1]) Расходы на печатаніе и разсылку бланковъ всегда несетъ государство. Большинство западно-европейскихъ государствъ представляетъ намъ

[1]) Такъ въ Бельгіи общины получаютъ за каждаго записаннаго жителя за регистрацію 2 сант., за сводку 3 сант. Въ Голландіи общины получаютъ отъ государства около 3/4 коп. за каждое записанное лицо за всю свою работу, т. е. тоже, что и въ Бельгіи. Въ Австріи тѣ общины, которыя были обязаны сами произвести перепись, несли сами и расходы по регистраціи и первой сводкѣ.

тотъ случай, когда всѣ расходы по переписи падаютъ на казну. Такъ собственно и быть должно при общегосударственномъ характерѣ переписей. Какими затѣмъ путями государство распредѣлитъ общее количество расходовъ по отдѣльнымъ частямъ всей территоріи, кто будетъ расходовать за счетъ казны предназначаемыя для переписи средства—есть дѣло второстепенное, и устройство его составляетъ вполнѣ предметъ соображенія министерства финансовъ, и насъ занимать въ настоящую минуту не можетъ. Для насъ важно знать, что расходы по переписи должны пасть на казну, и что со стороны органовъ мѣстнаго самоуправленія государство вправѣ ожидать и требовать содѣйствія, ибо органы эти помимо практическаго интереса, для нихъ самихъ связаннаго съ переписью, суть составныя части одного и того-же государственнаго управленія.

Въ заключеніе считаемъ не безъинтереснымъ представить нѣкоторыя соображенія о томъ количествѣ работниковъ, какое потребуется для выполненія переписи и тѣхъ расходовъ, съ коими она будетъ сопряжена, ограничиваясь предѣлами одной Европейской Россіи и примѣняясь къ тому, во что обходились переписи въ западно-европейскихъ государствахъ.

Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя для западно-европейскихъ государствъ.

Въ Англіи и Уэльсѣ ценвъ 1871 года потребовалъ работы 32,500 счетчиковъ, считая въ томъ числѣ тѣ учрежденія, которыя считались самостоятельными счетными участками, 2,195 регистраторовъ и 626 суперинтендантовъ, всего 35,321 лице, не считая писцовъ у регистраторовъ и суперинтендантовъ и рабочаго персонала центральнаго бюро регистрацій. Это даетъ 1 счетчика на 661 чел. населенія и 1 на 609, если считать всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ. Послѣдняя перепись въ Баваріи потребовала 14,200 счетчиковъ или 1 на 131 чел. населенія; въ Бельгіи около 10,500 счетчиковъ или 1 на 485 чел.; норвежская около 3,000 счетчиковъ или 1 на 590 чел. Въ Пруссіи, если придерживаться опредѣленной закономъ о германской переписи 1871 г. нормы 50 хозяйствъ на счетчика, потребовалось болѣе 103,500 чел. счетчиковъ, или 1 на 238 чел. Такимъ образомъ отношеніе числа счетчиковъ къ населенію въ высшей степени непостоянно даже въ предѣлахъ напр. одной Германіи, такъ что трудно принять за норму какую-нибудь среднюю цифру. Если мы возьмемъ приблизительную возможную цифру 100 хозяйствъ или

500 человѣкъ на счетчика, въ общей сложности, расчитывая на то, что сельское населеніе сосчитано будетъ въ волостяхъ, то мы для 73 мил. населенія Европейской Россіи получимъ около 146,000 счетчиковъ. Въ той же части Россіи придется образовать не менѣе 600 уѣздныхъ, 1,000 городскихъ и 62 губернскихъ переписныхъ коммиссій. Считая по 10 человѣкъ въ каждой, мы получимъ еще около 22,000 лицъ, не считая наемныхъ работниковъ для переписки и сводки, итого около 170,000 человѣкъ или приблизительно 1 на 430 чел. наличнаго населенія. Если даже довести эту цифру лицъ, непосредственно участвующихъ въ производствѣ переписи, до 200,000 человѣкъ, то все-таки мы должны будемъ согласиться, что остановки за личными силами для выполненія переписи не можетъ встрѣтиться.

Посмотримъ на величину расходовъ.

По свѣдѣніямъ, которыя мы нашли объ этомъ предметѣ въ третьемъ томѣ трудовъ петербургскаго международнаго статистическаго конгресса, послѣднія переписи въ западныхъ государствахъ обошлись:

въ Баваріи . .	1,1	коп.	на	человѣка.
„ Голландіи . .	1,25	„	„	„
„ Венгріи . .	1,6	„	„	„
„ Швейцаріи .	0,5	„	„	„
„ Бельгіи. . .	3,6	„	„	„
„ Сербіи . . .	2,5	„	„	„

Для примѣрнаго расчета стоимости русской переписи мы приняли за норму вознагражденія счетчикамъ англійскія цѣны и получили среднее вознагражденіе счетчика въ 10 руб.; расходъ на печатаніе бланковъ приняли въ 0,1 коп. на человѣка [1]); канцелярскіе расходы уѣздныхъ и другихъ коммиссій расчитали по величинѣ вознагражденія работы англійскихъ регистраторовъ и суперинтендантовъ, принимая въ расчетъ среднія цифры населенія въ уѣздѣ и губерніи (36,500 на уѣздъ и 1,175,000 на губернію) и получили 140 р. расходовъ въ уѣздныхъ и городскихъ коммиссіяхъ и 750 р. въ губернскихъ [2]).

---

[1]) Въ Баваріи печатаніе бланковъ обошлось при послѣдней переписи 0,5 коп. на чел., въ Голландіи, гдѣ населенія болѣе вдвое, расходъ этотъ равнялся 0,17 коп. Въ Россіи расходъ этотъ долженъ быть еще менѣе.

[2]) Прежнія ревизскія коммиссіи получали на канцелярскіе расходы 25—50 р.; но имъ дѣла было меньше и пользовались они даровымъ трудомъ канцелярскихъ чиновниковъ, по распоряженію губернскаго правленія назначаемыхъ.

По этому расчету получается:

печатаніе бланковъ	73,000	руб.
счетчикамъ.	1,460,000	„
расходы уѣзд. и город. коммиссій .	224,000	„
„ губернскихъ коммиссій. .	46,500	„
разработка и изданіе въ ц. с. к. .	20,000	„
всего . .	1,828,500	руб.

Мы брали въ основаніе англійскую перепись, какъ одну изъ самихъ дорогихъ въ Европѣ переписей, въ которой всѣ части работы оплачиваются, а не исполняются ex officio какими бы то ни было органами администраціи. При этихъ условіяхъ, со всѣми расходами на печатаніе и пересылки, цензъ 1861 г. обошелся въ 126,000 фунт. стерл. (885,000 руб. кред.), т. е. 8 коп. на наличнаго жителя. По этому расчету, обнимающему *всѣ* расходы, цензъ въ Европейской Россіи долженъ обойтись въ 2,200,000 руб. [1]). Эта цифра не можетъ быть заподозрѣна въ преуменьшеніи: напротивъ, есть основаніе полагать, что перепись въ дѣйствительности обойдется дешевле [2]).

---

[1]) Г. Бушенъ, Объ устройствѣ источниковъ статистическаго населенія въ Россіи. Спб. 1864, стр. 114, даетъ расчетъ этого расхода значительно меньшій, всего 1,082,000 р.; но у него и планъ переписи совершенно иной, чѣмъ представленный нами. На стр. 71 мы находимъ приблизительный расчетъ стоимости ревизіи minimum въ одинъ милліонъ рублей. Въ дѣйствительности конечно ревизія обходилась гораздо дороже.

[2]) Всѣ лица оффиціяльно и неоффиціяльно интересующіяся производствомъ переписи въ Россіи, на раціональныхъ статистическихъ основаніяхъ, будутъ безъ сомнѣнія весьма благодарны профессору Янсону за его настоящій трудъ, начатый въ I Т. Сборника и здѣсь оконченный. Этотъ трудъ, совершенный почтеннымъ ученымъ единственно по любви къ дѣлу, имѣющему большое государственное значеніе, не можетъ не послужить полезнымъ матеріаломъ для его будущаго исполненія. Не можемъ не замѣтить здѣсь, что уже изъ всего этого труда явствуетъ, съ какими многочисленными законодательными и административными вопросами связано дѣло народоисчисленія, по мимо его прямыхъ статистическихъ цѣлей; иные изъ этихъ вопросовъ не могутъ быть разрѣшены безъ переписи, а между тѣмъ разрѣшеніе ихъ безотлагательно. Мы были бы очень счастливы, если бы работа Ю. Э. Янсона содѣйствовала пробужденію у насъ сознанія *государственнаго* значенія этого дѣла и обратила на себя вниманіе тѣхъ, отъ кого оно зависитъ. *Ред.*

ЗЕМСКІЯ ПОВИННОСТИ
И
МѢСТНЫЕ НАЛОГИ.

В. А. ЛЕБЕДЕВА,

доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

I.

Давно уже и вездѣ сознано различіе между потребностями общегосударственными и мѣстными, свойственными той или другой части государства; давно уже существуютъ государственные и мѣстные сборы и налоги, государственные и земскіе бюджеты. Словомъ, земскіе финансы давно уже составляютъ на практикѣ особую форму финансовыхъ силъ, существующую отдѣльно отъ государственныхъ финансовъ. Уже болѣе ста лѣтъ, какъ Адамъ Смитъ высказалъ положеніе, что всякій расходъ, дѣлаемый исключительно для пользы одной какой либо мѣстности, области или одного какого либо округа, долженъ покрываться изъ средствъ той мѣстности, а не изъ общихъ средствъ государственной казны. Между тѣмъ, уже цѣлыя столѣтія имѣется богатая литература по предмету государственныхъ финансовъ, а области мѣстныхъ, земскихъ финансовъ наука почти еще не коснулась; да нельзя сказать, чтобы и законодательствами много было сдѣлано въ этой области. Наука здѣсь не установила еще твердыхъ общихъ началъ, а законодательная практика представляетъ значительное разнообразіе въ усвоенныхъ ею основахъ

земскаго обложенія. Такъ какъ законодательныя постановленія возникаютъ на различной исторической почвѣ, подъ различными условіями и вліяніями, то это разнообразіе весьма понятно. Кажется однако, что въ наше время вполнѣ уже возможна, — а при современномъ развитіи самоуправленія и вполнѣ современна, — попытка внести въ организацію земскихъ финансовъ нѣкоторыя общія начала. Подобно тому, какъ изученіе способовъ удовлетворенія общегосударственныхъ потребностей дало уже возможность создать теорію финансовъ, примѣнимую ко всякому цивилизованному государству, такъ и изученіе системъ мѣстныхъ, земскихъ налоговъ и повинностей должно доставить данныя для построенія теоріи земскихъ финансовъ.

Замѣтимъ къ этому, что теорія эта должна войти въ финансовую науку, какъ особый обширный отдѣлъ ея; эти мѣстные налоги и повинности составляютъ не иное что, какъ пополненіе государственныхъ финансовъ. Если представимъ себѣ государство съ полнымъ отсутствіемъ самоуправленія, съ крайнимъ развитіемъ бюрократическаго начала, то и удовлетвореніе потребностей строго-мѣстнаго характера въ такомъ государствѣ будетъ лежать на обязанности центральной власти и производиться изъ общихъ государственныхъ средствъ. При существованіи мѣстнаго самоуправленія, попеченіе объ удовлетвореніи потребностей раздѣляется между органами центральнаго государственнаго управленія и органами самоуправленія, на долю котораго естественно приходятся попеченіе объ удовлетвореніи мѣстныхъ, земскихъ нуждъ и пріисканіе для этой цѣли средствъ изъ мѣстныхъ же источниковъ.

Въ виду связи мѣстныхъ финансовъ съ обще-государственными понятно, что изслѣдованіе финансоваго положенія и податной тяжести въ той или другой сторонѣ не могутъ быть удовлетворительны и полны, если будутъ оставлены безъ вниманія мѣстные, земскіе налоги и повинности, составляющіе обыкновенно довольно крупную затрату экономическихъ и физическихъ силъ народа.

Потому-то нельзя не удивляться, что составители учебниковъ финансовой науки почти не касаются этого важнаго отдѣла ея; да и въ изслѣдованіяхъ положительнаго законодательства разныхъ странъ вопросъ о земскихъ финансахъ вовсе не затрогивается. Въ этой области досель въ значительной степени удержались тѣ порядки, которые составляютъ отличительную

черту первобытнаго финансоваго хозяйства. Въ первоначальную эпоху государственной жизни, услуги и жертвы, требуемыя отъ личности государствомъ являются, каждая, только для специально опредѣленной цѣли, какъ бы возмездіемъ за извѣстную услугу, оказываемую государствомъ подданнымъ или, какъ источникъ, предназначенный на покрытіе опредѣленной, на него отнесенной, государственной потребности. [1]) Только уже въ позднѣйшее время исчезаетъ эта спеціализація доходовъ по предметамъ ихъ назначенія; они начинаютъ соединяться безразлично въ общія суммы государственныхъ средствъ и безразлично же расходоваться. Вообще же до этого слиянія всѣхъ государственныхъ финансовыхъ средствъ въ одно цѣлое, финансовое хозяйство являлось нѣкоторою кучею множества сборовъ и налоговъ, съ указаннымъ для каждаго спеціальнымъ назначеніемъ, и по мѣрѣ наростанія государственныхъ потребностей изобрѣтались новые источники доходовъ съ назначеніемъ именно на новое же употребленіе.

Если однако въ области государственныхъ доходовъ, спеціализація ихъ по цѣлямъ назначенія встрѣчается въ настоящее время лишь какъ вымирающій остатокъ старыхъ порядковъ, то въ области финансовъ мѣстныхъ система эта царитъ еще въ полной силѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и названія сборовъ по цѣлямъ ихъ употребленія, и отдѣльное расходованіе каждаго на предназначенный ему предметъ, съ соотвѣтствующимъ выводомъ баланса прихода, расхода и остатковъ. Наконецъ, встрѣчаемъ и такое распредѣленіе, что сборъ съ извѣстнаго предмета идетъ именно на опредѣленную потребность и никуда болѣе. [2])

---

[1]) Таковы напримѣръ, въ старинной Германіи—Türkensteuer, Steuer contra Wiedertäufer, Willkommsschatz (родъ подарка, приносимаго государю при пріѣздѣ его въ какое либо мѣсто), Fräuleinsteuer (сборъ на приданое дочерямъ вассаловъ), и мн. др. Въ древней Руси полоняночныя деньги (сборъ на выкупъ плѣнныхъ), ямскія деньги (сборъ на жалованье ямщикамъ), стрѣлецкія деньги (на жалованье стрѣльцамъ) и пр. Подушная подать учреждена Петромъ Великимъ собственно для содержанія арміи; самое количество ея было исчислено по размѣру тогдашней стоимости содержанія войска. При появленіи какого нибудь новаго расхода обыкновенно указывалось, на какой источникъ его отнести, напр. на доходъ соляной, питейный и др.

[2]) Напримѣръ англійскій налогъ для пособія бѣднымъ (poor rate) и др. англійскіе мѣстные налоги расходуются согласно своимъ названіямъ, какъ отчасти и наши земскіе сборы. Въ Берлинѣ налогъ на собакъ идетъ исключительно на устройство тротуаровъ въ городѣ, которое такимъ образомъ находится въ прямой зависимости отъ числа собакъ. Эта особенность мѣстныхъ налоговъ имѣетъ впрочемъ защитниковъ и доселѣ: утверждаютъ, что этимъ путемъ достигается лучшій контроль за мѣстными расходами. Напротивъ, кажется, такая система скорѣе можетъ затруднять контролированіе и усложнить взиманіе сборовъ. Нѣкоторые выставляютъ эту спеціализацію мѣстныхъ сборовъ, какъ одно изъ отличій ихъ

Чему приписать это странное явленіе? Отчего земскіе сборы и доходы какъ будто остановились въ своемъ превращеніи въ одну цѣлую безразличную земскую казну? Приписать ли это явленіе особенностямъ земскихъ потребностей и расходовъ, которыя быть можетъ дѣлаютъ неудобнымъ приложеніе къ нимъ тѣхъ-же основаній, какія въ настоящее время приняты для государственныхъ финансовъ; или же слѣдуетъ искать причину этого явленія въ отсталости системы мѣстныхъ финансовъ, въ недостаточной разработкѣ, въ ея юности наконецъ?

Впрочемъ юностью нельзя попрекнуть ее; земскіе финансы, если не старше, то во всякомъ случаѣ и не моложе государственныхъ финансовъ. Нельзя тоже думать, будто мѣстныя потребности и способы ихъ удовлетворенія на столько разнятся отъ государственныхъ, что годное для послѣднихъ неудобно для первыхъ. Правильнѣе, кажется, видѣть искомую нами причину въ томъ пренебреженіи, въ какомъ земскіе финансы были, да отчасти и досель остаются, какъ въ наукѣ, такъ и въ законодательствѣ. Припомнимъ напримѣръ, что у нас въ Россіи сколько нибудь систематизированное постановленіе о земскихъ повинностяхъ явилось только въ 1851 году, тогда какъ существуютъ онѣ конечно столько же вѣковъ, сколько существуетъ сама Россія; и до сихъ поръ эта финансовая область далеко не достигла полной системы.

Зданіе мѣстныхъ сборовъ и повинностей воздвигалось само собою, въ силу естественной необходимости, не по какому либо общему, заранѣе обдуманному плану. Правда, то-же было большей частью и съ общегосударственными сборами и налогами, но для нихъ уже сдѣлано кое-что усиліями науки и законодательства. Въ отношеніи же къ мѣстнымъ сборамъ и повинностямъ, доселѣ остается не малое число весьма существенныхъ вопросовъ, не получившихъ не только никакого общаго теоретическаго рѣшенія, но даже и на практикѣ рѣшаемыхъ весьма различно и при томъ не всегда удачно. Даже самый основный вопросъ, вопросъ о томъ, *какія именно потребности слѣдуетъ считать мѣстными, земскими*, вопросъ, отъ рѣшенія котораго непосред-

---

отъ государственныхъ. Пожалуй это такъ, но только до того времени, когда устройство земскихъ финансовъ не получитъ большаго развитія, приближающаго ихъ къ строю государственныхъ финансовъ. *Ср. Faucher*, Vierteljahrsschrift für Volkswirthsch. u. Culturgeschichte. 1867, XIX.

ственно зависятъ самые размѣры земскихъ финансовъ — и этотъ даже вопросъ не имѣетъ еще общаго, повсюду примѣнимаго отвѣта.

Положимъ, что рѣшительный и окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ слишкомъ затруднителенъ, какъ обусловливаемый очевидно бо̀льшимъ или меньшимъ объемомъ развитія самоуправленія въ каждомъ данномъ государствѣ. Но остаются нерѣшенными окончательно и другіе, повидимому менѣе трудные вопросы. Таковы: 1) вопросъ о томъ, должны ли земскія нужды удовлетворяться исключительно изъ денежныхъ взносовъ мѣстныхъ жителей, т. е. *мѣстными налогами*, или могутъ быть допущены для удовлетворенія этихъ нуждъ и *натуральныя повинности*, какъ это издавна существуетъ на дѣлѣ? 2) Если допустить натуральныя повинности въ систему средствъ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, то какія именно изъ этихъ послѣднихъ могутъ быть съ наибольшимъ удобствомъ, или точнѣе, съ наименьшимъ неудобствомъ — отнесены на натуральную повинность? 3) Какъ уравновѣсить эти повинности съ денежными платежами тѣхъ, кто не несетъ повинности натурою? 4) Какъ устроить выполненіе данныхъ потребностей, по обращеніи натуральнаго удовлетворенія ихъ въ денежный сборъ?

Въ отношеніи къ денежнымъ сборамъ на мѣстныя потребности— или денежнымъ земскимъ повинностямъ, какъ называются они въ нашемъ законодательствѣ, представляются вопросы: 1) должна ли существовать какая либо особенная система мѣстныхъ, земскихъ налоговъ, или должны они непосредственно примыкать къ системѣ государственныхъ налоговъ, т. е. составляться изъ тѣхъ же источниковъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ эти послѣдніе, являясь напримѣръ въ видѣ прибавочныхъ, накладныхъ сборовъ къ налогамъ государственнымъ? 2) Если не всѣ источники государственныхъ налоговъ годны и для мѣстныхъ, то какіе именно виды собственности и доходовъ мѣстныхъ жителей должны подлежать этимъ сборамъ? 3) Кого именно слѣдуетъ считать мѣстными, ergo земско-податными жителями, — только ли владѣльцевъ недвижимой собственности въ данной мѣстности или всѣхъ лицъ, постоянно тамъ живущихъ и пользующихся мѣстными удобствами и выгодами? 4) Не могутъ ли земскіе сборы быть упрощены, объединены въ формѣ *одного* какого нибудь земскаго налога? 5) Какъ наконецъ должна быть устроена техническая сторона земскаго хозяйства, какой долженъ быть нормальный порядокъ раскладки и собиранія земскихъ сборовъ, составленія смѣтъ доходовъ

и расходовъ, порядокъ отчетности и проч. Пусть нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ могутъ быть рѣшены прямо практикой, но нѣкоторые безусловно требуютъ общихъ теоретическихъ соображеній для болѣе или менѣе правильнаго своего рѣшенія.

Постараемся дать посильное разрѣшеніе вопросовъ этой послѣдней категоріи. Къ рѣшенію ихъ можно придти двоякимъ путемъ: или прямо построеніемъ извѣстной теоріи, на общихъ научныхъ основаніяхъ, изъ которой за симъ сами собой должны вытечь отвѣты на всѣ представляющіеся вопросы, — или сама теорія будетъ состоять только въ частныхъ отвѣтахъ на изложенные выше вопросы. Въ вопросахъ, относящихся до человѣческаго общежитія, прямой способъ созданія теорій по большей части не имѣетъ практической годности, и гораздо удобнѣе оказывается другой путь, т. е. построеніе теоріи изъ фактовъ, на основаніи наблюденія ихъ, изученія, группировки и обобщенія. Этимъ путемъ мы и постараемся придти къ отвѣтамъ на поставленные нами вопросы.

Прежде всего слѣдуетъ, конечно, дать отвѣтъ на вопросъ: *какія именно потребности должны быть признаваемы за земскія, мѣстныя?* т. е. надо провести границу между потребностями мѣстными и общегосударственными, указать разницу, существующую между предметами общегосударственнаго и земскаго вѣдомства. Мы упомянули уже, что вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ объ объемѣ самоуправленія въ *данномъ* государствѣ. Понятно, что чѣмъ меньше правительство считаетъ необходимымъ водить своихъ гражданъ на помочахъ, чѣмъ способнѣе считаетъ ихъ для самодѣятельности, тѣмъ большій кругъ дѣлъ и попеченій предоставляетъ оно ихъ самоуправленію; а чѣмъ шире развито самоуправленіе, тѣмъ большее число предметовъ должно войти въ область его хозяйственной и финансовой дѣятельности — и наоборотъ.

Крайними представителями двухъ противуположныхъ направленій въ образованіи круга земскихъ потребностей являются Англія и Франція. Въ Англіи задача разграниченія области правительственной дѣятельности отъ области дѣятельности самого общества рѣшена наиболѣе удачно. И государственная власть, и общество тамъ здоровы и сильны, живутъ въ мирѣ и согласіи между собою; пререканія о границахъ ихъ дѣятельности давно уже покончены. Границы эти естественныя, наименѣе способныя быть предметомъ спора. Притомъ общество и администрація, одушевленныя одною

мыслью, одною цѣлью — содѣйствія благоденствію общаго обоихъ отечества, далеки отъ всѣхъ, нерѣдко встрѣчаемыхъ въ иныхъ государствахъ, мелочныхъ пререканій о предѣлахъ своей власти, о подчиненности, подвѣдомственности, формахъ взаимныхъ сношеній и т. п. [1]).

Напротивъ того во Франціи граница между областью дѣятельности правительственной и дѣятельности общества, земской,— еще не имѣетъ достаточной опредѣленности и прочности. Несогласія между администраціей и обществомъ есть и будутъ до тѣхъ поръ, пока правительство не отступится отъ своихъ централизаціонныхъ стремленій, отъ навязыванія обществу предметовъ его дѣятельности по своему усмотрѣнію и отъ крайне тягостнаго вмѣшательства въ земское и общинное хозяйство.

И такъ, гдѣ же должна оканчиваться дѣятельность государства и гдѣ начинаться дѣятельность земская? Отвѣтъ — въ существенномъ назначеніи той и другой дѣятельности. Существенное назначеніе государства — ограждать и осуществлять высшіе интересы общежитія; между тѣмъ, какъ земство и община имѣютъ главнымъ образомъ значеніе союзовъ хозяйственныхъ, главная цѣль которыхъ — попеченіе объ экономическомъ благосостояніи *своей* мѣстности, *своихъ* сочленовъ.

Государство и община два крайніе члена великаго общественнаго тѣла; между ними существуетъ множество промежуточныхъ административныхъ и хозяйственныхъ союзовъ съ названіями провинцій, губерній, округовъ, уѣздовъ, кантоновъ, графствъ, приходовъ. Чѣмъ подраздѣленія эти мельче, чѣмъ ближе они къ типу общины, тѣмъ слабѣе проявляется въ нихъ центрально-политическій характеръ, тѣмъ больше выступаетъ на видъ значеніе ихъ, какъ союзовъ хозяйственныхъ, и тѣмъ больше, разумѣется, кругъ дѣятельности ихъ ограничивается чисто мѣстными интересами.

Крупныя подраздѣленія государства (провинціи, губерніи, области) иногда входятъ въ составъ его съ сохраненіемъ своихъ мѣстныхъ, особенныхъ учрежденій, своего законодательства, своихъ собственныхъ финансовъ. Такого рода финансы можно,

---

[1]) Въ Англіи издавна нѣтъ противуположенія (а потому и антагонизма) между государствомъ и обществомъ въ администраціи, между коронным, бюрократическимъ (центральнымъ) и мѣстнымъ, общественнымъ управленіемъ. Органы послѣдняго такіе же государственные, какъ и органы перваго См. объ этомъ въ особенности въ сочиненіяхъ *Гнейста* объ англійскомъ самоуправленіи. *Ред.*

конечно, назвать мѣстными, какъ принадлежащіе извѣстной мѣстности, извѣстной части государственной территоріи; но это небудутъ земскіе финансы, ибо они служатъ для удовлетворенія потребностей общегосударственнаго, а не земскаго характера. Слѣдовательно, исторически или по политическимъ соображеніямъ установившіяся особенности въ финансовыхъ учрежденіяхъ той или другой части государства, самостоятельность ея финансовъ не даютъ повода называть эти финансы земскими.

Далѣе, тамъ, гдѣ дѣленіе жителей на сословія еще не утратило своего смысла, каждое сословіе, составляя замкнутое общество, имѣя свои особенные интересы, свое управленіе и пр. должно имѣть и свои средства для удовлетворенія сословныхъ нуждъ — словомъ, свои сословные финансы. И эти финансы тоже не будутъ земскими, какъ составляющіе принадлежность не земства, а лишь отдѣльныхъ частей его — сословій.

Существованіе земскихъ финансовъ вытекаетъ, такимъ образомъ, не изъ исторической или политической обособленности частей государства и не изъ особыхъ отношеній различныхъ классовъ его гражданъ, а какъ логическая посылка изъ существованія особаго круга задачъ, особаго рода цѣлей мѣстнаго — земскаго — характера. И слѣдовательно не все то будетъ земскимъ дѣломъ, что центральная власть вздумаетъ отнести на земскія средства. Изъ первоначальнаго хаоса обязанностей и расходовъ, возлагавшихся на земство и общину прежнимъ государствомъ, мало по малу выдѣляются тѣ предметы дѣятельности, которые по естественному порядку должны имъ принадлежать.

Правда, и теперь встрѣчаются иногда случаи довольно произвольнаго навязыванія правительствомъ земству предметовъ и попеченій, ему несвойственныхъ; точно также встрѣчается и другое явленіе, что государство, при своихъ централизаціонныхъ стремленіяхъ, захватываетъ въ кругъ своей дѣятельности и нѣкоторые предметы земскаго вѣдѣнія. Но это явленія ненормальныя, долженствующія исчезнуть съ развитіемъ въ обществѣ правильнаго пониманія общегосударственныхъ и мѣстныхъ интересовъ.

Съ теченіемъ времени устанавливается наконецъ естественная граница между вѣдомствомъ государства и вѣдомствомъ земства. И между тѣмъ какъ, въ прежнее время, государственная власть брала на себя слишкомъ многое, по праву сильнаго вторгаясь въ внутренній кругъ земской жизни, все уравнивая, все приводя къ одному знаменателю, — въ наше время гражданское общество,

представляемое земствомъ, долгое время остававшееся мало замѣтнымъ за всепоглощающей личностью государства, — вступило наконецъ въ свои прирожденныя права и получило для себя значительную долю общественной дѣятельности, той дѣятельности, отличительный характеръ которой есть — хозяйственный, экономическій. Приниженное сначала, въ періодъ политическаго развитія государства, значеніе земства и общины, какъ хозяйственныхъ союзовъ, все болѣе и болѣе возрастаетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и кругъ дѣятельности земства и общины очерчиваются все яснѣе и яснѣе.

Мы сказали, что эти организмы имѣютъ свои естественные круги дѣятельности. Это положеніе повидимому находится въ противорѣчіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что обыкновенно предметы земскаго и общиннаго хозяйства предъуказаны закономъ. Но законъ только облекаетъ жизненныя явленія въ юридическія нормы. Иначе, какъ несоотвѣтствующій требованіямъ жизни, онъ былъ бы мертвой буквой. Мы упомянули также о вліяніи объема развитія самоуправленія на объемъ земскаго хозяйства. Тутъ тоже какъ будто кроется нѣкоторое противорѣчіе; если мѣстные, государственно-общественные организмы, называемые земствами, имѣютъ естественный кругъ цѣлей и потребностей, то, повидимому, объемъ самоуправленія тутъ ни причемъ; естественный объемъ земскаго хозяйства долженъ установиться самъ собою, какъ нѣчто неизбѣжно необходимое. Но дѣло въ томъ, что чѣмъ самоуправленіе шире, тѣмъ скорѣе и непринужденнѣе устанавливается этотъ естественный объемъ земской дѣятельности; тѣмъ скорѣе она очищается отъ разныхъ несвойственныхъ ей задачъ и скорѣе усвоиваетъ себѣ задачи, по ея природѣ, ей принадлежащія.

Далѣе затѣмъ, размѣры самоуправленія имѣютъ вліяніе и на объемъ удовлетворенія каждой потребности, по степени ея важности или настоятельности, и на выборъ способовъ удовлетворенія, если только свобода выбора не стѣснена закономъ, съ большей или меньшей основательностью.

Чѣмъ же опредѣлится этотъ естественный кругъ земской и общинной дѣятельности или, что тоже, — мѣстныхъ потребностей? Какой ихъ существенный, отличительный характеръ?

Вопросы эти приводятъ къ вопросу о цѣли земской дѣятельности, а цѣль эта, какъ мы уже сказали, — есть благосостояніе и благоустройство данной мѣстности. Слѣдовательно — всѣ мѣры содѣйствія развитію мѣстнаго благосостоянія и благоустройства,

на сколько онѣ зависятъ отъ воли, силъ и средствъ земства или общины и на сколько онѣ, по свойству своему, не лежатъ на обязанности центральной власти — должны быть отнесены въ кругъ земской дѣятельности.

Оговорка „на сколько мѣры эти зависятъ отъ воли, силъ и средствъ земства или общины“ требуетъ нѣкотораго поясненія. Во-первыхъ, очевидно, что воля мѣстныхъ органовъ должна имѣть силу только въ предѣлахъ ихъ территоріи; слѣдовательно, всѣ такія мѣры по части общественнаго благоустройства и благосостоянія, выполненіе которыхъ требуетъ дѣятельности государственной власти или, по крайней мѣрѣ, соучастія нѣсколькихъ земствъ или общинъ, — не могутъ быть предметомъ дѣятельности одного даннаго земства или данной общины. И тутъ впрочемъ выполненіе мѣръ, требующихъ дѣятельности центральной власти, большею частію можетъ быть поручено мѣстнымъ же организмамъ, подъ руководствомъ центральной власти, играющей въ этихъ случаяхъ роль объединяющаго элемента, для направленія разрозненной дѣятельности отдѣльныхъ земствъ или общинъ къ одной общей цѣли. Во-второмъ случаѣ, взаимнымъ соглашеніемъ отдѣльныхъ мѣстныхъ союзовъ, принимаются мѣры, недоступныя для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Таковы, напримѣръ, мѣры по предупрежденію распространенія заразительныхъ болѣзней, по устройству путей сообщенія и др., коль скоро онѣ не вполнѣ достигаютъ своей цѣли, если ограничиваются только территоріей одного мѣстнаго союза.

Далѣе, во-вторыхъ, выполненіе нѣкоторыхъ мѣръ превышаетъ иногда средства мѣстнаго земскаго союза. Тутъ или должна придти на помощь центральная администрація, прямымъ вмѣшательствомъ въ дѣло, или, что правильнѣе — она должна только доставить нужныя средства или помочь ихъ полученію, напр. посредствомъ займа изъ государственной казны или у частныхъ лицъ.

Не слѣдуетъ однако думать, будто дѣятельность мѣстныхъ земскихъ союзовъ составляетъ родъ, совершенно отдѣльный отъ дѣятельности государства въ области попеченія о народномъ благосостояніи. Различіе есть, но оно не качественное, а количественное: общегосударственная или центральная власть работаетъ на пространствѣ всей государственной области; земство, община — дѣйствуютъ въ принадлежащихъ имъ территоріальныхъ предѣлахъ; государство выполняетъ какую либо задачу въ ея высшемъ, госу-

дарственномъ значеніи, — земство и община трудятся надъ однородною-же задачею въ ея значеніи для одной мѣстности. Таковъ напримѣръ смыслъ попеченій государства и земства о народномъ просвѣщеніи. „Самоуправленіе, говоритъ Гнейстъ, есть порученіе нѣкоторыхъ государственныхъ функцій мѣстнымъ союзамъ.“

И такъ разница задачъ мѣстнаго хозяйства и государственнаго состоитъ, главнымъ образомъ, въ пространствѣ дѣйствія и отчасти въ характерѣ дѣятельности; многіе же изъ предметовъ той и другой дѣятельности однородны между собою.

При всемъ этомъ правильный кругъ задачъ, подлежащихъ земскому и общинному вѣдѣнію, и правильный составъ мѣстныхъ финансовъ возможны только при развитіи самоуправленія. Только тогда можетъ осуществиться вполнѣ идея мѣстныхъ, земскихъ финансовъ; только тогда эти финансы будутъ представлять собою самостоятельную составную часть общаго государственнаго бюджета, а не простое маскированіе такихъ государственныхъ расходовъ, которые, по какимъ либо видамъ, правительство не желаетъ выставлять напоказъ въ подлежащихъ подраздѣленіяхъ общаго государственнаго бюджета. Только тогда земскіе финансы получаютъ свой истинный смыслъ, когда виды потребностей, размѣры и способы ихъ удовлетворенія, т. е. весь объемъ мѣстнаго хозяйства, опредѣляются не издали, центральной властью или, хотя бы и ближайшею бюрократическою властью, — тою и другою, не заинтересованными прямо въ мѣстныхъ дѣлахъ и выгодахъ, а опредѣляются самими участниками этихъ выгодъ, самими плательщиками тѣхъ средствъ, на которыя эти выгоды пріобрѣтаются.

Какъ же наконецъ распредѣлить между государствомъ и земствомъ сумму задачъ, подлежащихъ выполненію силами каждаго? Гнейстъ [1]) находитъ, что дѣленіе обязанностей между государствомъ и земствомъ можетъ существовать: по вѣдомству уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, по вѣдомству полиціи безопасности и полиціи благосостоянія, по вѣдомству финансовому и военному. Англійское самоуправленіе и возникло именно для этихъ хозяйственныхъ цѣлей, для содѣйствія къ лучшему ихъ достиженію.

Какія же въ частности обязанности лежатъ на мѣстныхъ земскихъ союзахъ въ этомъ отношеніи?

Составляющія коренное назначеніе самоуправленія мѣры со-

---

[1]) *Gneist* Engl. Verf. u. Verwalt. Recht, II; p. 1215.

дѣйствія народному благосостоянію и благоустройству распадаются на двѣ обширныя категоріи: 1) мѣры содѣйствія нравственному благосостоянію человѣка, и 2) мѣры содѣйствія его физическому благосостоянію. Та и другая категорія мѣръ заключаетъ въ себѣ мѣры положительныя и мѣры предупредительныя, т. е. мѣры непосредственнаго содѣйствія извѣстной цѣли и мѣры устраненія препятствій къ ея достиженію.

Мѣры содѣйствія нравственному благосостоянію человѣка приводятся главнымъ образомъ къ попеченію о развитіи народнаго просвѣщенія. На мѣстные союзы, въ этомъ отношеніи, обыкновенно возлагаются устройство и содержаніе училищъ для начальнаго общаго образованія, такъ какъ учебныя заведенія высшаго порядка, долженствующія отвѣчать извѣстнымъ государственнымъ требованіямъ, устраиваются и содержатся изъ средствъ государственной казны. Далѣе на земскую обязанность могутъ быть отнесены разныя косвенныя мѣры содѣйствія народному просвѣщенію, какъ-то: устройство собраній предметовъ, полезныхъ для развитія просвѣщенія въ низшихъ классахъ народа, содѣйствіе изданію книгъ для первоначальнаго обученія, содѣйствіе вообще развитію правильныхъ первоначальныхъ понятій о разныхъ предметахъ хозяйства и т. д.; выдача пособій учащимъ и учащимся, учреждёніе стипендій и т. п. Къ этой же категоріи мѣръ принадлежитъ попеченіе о религіозныхъ потребностяхъ человѣка, насколько это попеченіе не взято государствомъ на себя.

Гораздо обильнѣе числомъ и видами мѣры второй категоріи. Сюда принадлежатъ: мѣры содѣйствія развитію народнаго богатства и благосостоянія матеріальнаго, выражающіяся напримѣръ: содѣйствіемъ къ распространенію техническихъ знаній и т. п., устройствомъ выставокъ мѣстныхъ произведеній; далѣе, содѣйствіе торговому и промышленному движенію устройствомъ торговъ, ярмарокъ, устройствомъ и содержаніемъ мѣстныхъ путей сообщенія и др.

Къ мѣрамъ предупредительнымъ по части народнаго благосостоянія можно отнести: попеченіе о народномъ здравіи, ветеринарную часть; охраненіе мѣстной безопасности, какъ-то: устройство и содержаніе земской стражи, тюремъ, содержаніе арестантовъ; содержаніе мировой юстиціи и вообще часть полицейская. Къ болѣе отдаленнымъ мѣрамъ той-же категоріи принадлежатъ: попеченіе о народномъ продовольствіи; пособія въ случаѣ народныхъ бѣдствій; общественное призрѣніе въ разныхъ его видахъ;

мѣры для искорененія нищенства и пр. Вообще мѣры здѣсь разнообразятся смотря по мѣстнымъ соображеніямъ и нуждамъ.

Имѣя въ виду изложить лишь способы удовлетворенія земскихъ потребностей, мы не вдаемся въ подробную характеристику этихъ послѣднихъ. Вообще же предметы мѣстнаго, земскаго хозяйства, при всемъ своемъ разнообразіи, какъ мы уже говорили, приводятся къ одной общей задачѣ — попеченія о мѣстномъ благосостояніи; частію же на земствѣ лежитъ и содѣйствіе правительству къ достиженію нѣкоторыхъ общегосударственныхъ цѣлей.

Потребности, какъ собственно земскія, такъ и общегосударственныя, выполненіе коихъ возложено на земство, требуютъ для своего удовлетворенія извѣстныхъ средствъ, т. е. даютъ поводъ къ денежному расходу, а иногда и къ расходованію личныхъ силъ мѣстныхъ жителей.

Удовлетвореніе нѣкоторыхъ потребностей личными силами мѣстныхъ жителей составляетъ особый способъ, устарѣлый, но все еще отчасти существующій. Пока существуютъ эти „натуральныя повинности", онѣ безъ сомнѣнія должны имѣть свое мѣсто въ земскомъ бюджетѣ.

Итакъ, способы удовлетворенія земскихъ потребностей могутъ состоять: 1) въ непосредственномъ привлеченіи мѣстныхъ жителей къ удовлетворенію нѣкоторыхъ потребностей своимъ имуществомъ или прямымъ приложеніемъ своихъ физическихъ силъ; 2) въ денежныхъ сборахъ съ мѣстныхъ жителей въ формѣ мѣстныхъ, земскихъ налоговъ; 3) въ особенныхъ сборахъ за нѣкоторыя услуги мѣстныхъ учрежденій, — сборахъ, подобныхъ тѣмъ, которые беретъ государство за разныя свои услуги, — подъ названіемъ пошлинъ; 4) Иногда существуютъ особые земскіе и общественные капиталы, дающіе доходъ въ видѣ процентовъ; 5) Наконецъ для случаевъ особенныхъ и чрезвычайныхъ мѣстное самоуправленіе имѣетъ къ своимъ услугамъ кредитъ, а также возмездныя, безвозмездныя, иногда и совсѣмъ безвозвратныя пособія отъ государственной казны [1].

Изъ всѣхъ этихъ способовъ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей главное, преобладающее, значеніе, принадлежитъ первымъ двумъ: натуральныя повинности — историческая, уже отживающая

[1]) Еще одинъ видъ доходовъ, рѣдко находящійся въ земствѣ, имѣютъ общины: это доходы отъ общиннаго имущества, т. е. разныхъ земельныхъ угодій принадлежащихъ общинѣ. Кромѣ того община обыкновенно свободнѣе чѣмъ земство — въ выборѣ предметовъ обложенія. Здѣсь же и наибольшій просторъ сборамъ, основаннымъ на началѣ возмездія, равно какъ и кредиту.

свой вѣкъ форма; мѣстные налоги — форма новѣйшаго времени, еще продолжающая свое развитіе. На разсмотрѣніи этихъ двухъ способовъ удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ мы пока и остановимся.

II.

Наиболѣе древнимъ способомъ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей представляются *натуральныя повинности*.

Отбываніе натурою составляетъ дѣйствительно уже устарѣлый и малоупотребительный способъ удовлетворенія общественныхъ потребностей. Но доселѣ остается одна область, въ которой это натуральное отбываніе составляетъ преобладающій способъ. Это удовлетвореніе потребностей, вызываемыхъ существованіемъ войска, — воинскія повинности, состоящія въ снабженіи войскъ въ извѣстныхъ случаяхъ квартирами, подводами, пастбищами, лагерными мѣстами, иногда и продовольствіемъ и пр. Въ историческомъ порядкѣ повинности эти конечно самыя старыя, такъ какъ главной заботой всякаго государства, въ эпоху его образованія, является устройство и содержаніе военныхъ силъ, которое и раскладывалось на гражданъ въ видѣ натуральныхъ и денежныхъ повинностей, въ позднѣйшее время большею частію превратившихся въ налоги.

Повинности этого рода, насколько онѣ и доннѣ возлагаются на мѣстныхъ жителей, не имѣютъ земскаго характера. На жителей той или другой мѣстности онѣ упадаютъ совершенно случайно, вслѣдствіе размѣщенія или передвиженія тамъ войскъ, но не вслѣдствіе потребности мѣстныхъ жителей въ содѣйствіи вооруженной силы, — потребности, составляющей лишь рѣдкій, исключительный случай. Вообще же содержаніе войска и снабженіе его всѣмъ необходимымъ есть общее государственное дѣло, расходъ на которое долженъ лежать на средствахъ всего государства, какъ одного цѣлаго.

Наше законодательство относитъ къ разряду земскихъ повинностей, сверхъ воинскихъ, также содержаніе почтовыхъ станцій и нѣкоторыхъ другихъ; но все-таки чувствуя глубокую разницу, существующую между этимъ отдѣломъ повинностей (т. е. воинскими, почтовыми и нѣкоторыми другими), съ одной стороны, и собственно земскими, съ другой, оно разсматриваетъ первыя

особо подъ названіемъ государственныхъ земскихъ повинностей, а вторыя называетъ просто земскими, подраздѣляя ихъ по пространству дѣйствія, по сословіямъ и т. д. [1]). Наконецъ особую форму представляютъ отбываніе повинностей и вообще мѣстные налоги по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ.

Главный вопросъ, подлежащій рѣшенію въ отношеніи натуральныхъ повинностей, состоитъ въ томъ: должны ли въ наше время существовать этого рода повинности и, если оказывается необходимость допустить ихъ, то въ какихъ именно случаяхъ?

Первоначально натуральныя повинности были самымъ употребительнымъ способомъ удовлетворенія не только мѣстныхъ, но и большинства государственныхъ потребностей. Пока извѣстное общество не вкусило еще отъ плода цивилизаціи, пока его культурныя и общественныя условія стоятъ еще на весьма невысокомъ уровнѣ, и рабочая способность, экономическая производительность каждаго изъ членовъ такого общества, зависящая почти исключительно отъ ихъ физическихъ силъ, почти одинаковыхъ при сходныхъ условіяхъ жизни, представляетъ весьма мало различія. Потому и удовлетвореніе общественныхъ потребностей личными услугами членовъ такого общества, представляется способомъ весьма равномѣрнымъ и удобнымъ, какъ для общества и государства, такъ и для подлежащихъ лицъ. То-же можно сказать и въ отношеніи пользованія для общественныхъ надобностей собственностью членовъ общества: при простотѣ и сходствѣ условій быта, собственность эта представляетъ очень мало разницы у различныхъ лицъ. Слѣдовательно и въ случаѣ раскладки повинностей по имуществу, равномѣрность ея почти обезпечена.

Но съ развитіемъ общества, съ большимъ и большимъ въ немъ раздѣленіемъ труда и занятій, съ водвореніемъ все большей разности состояній и степени зажиточности, — натуральныя повинности все больше утрачиваютъ свою равномѣрность. Съ тѣмъ вмѣстѣ и замѣна ихъ денежными сборами становится не только необходимою, но и болѣе возможною, такъ какъ къ этому времени денежное хозяйство получаетъ окончательный перевѣсъ надъ натуральнымъ.

Тѣмъ не менѣе есть и въ настоящее время такія обстоятельства, при которыхъ оказывается необходимымъ допустить

[1]) Съ нынѣшняго 1875 года государственныя земскія повинности причислены къ общимъ государственнымъ налогамъ, чѣмъ и устраняется наконецъ изъ нашего законодательства этотъ странный терминъ.

отбыванiе нѣкоторыхъ повинностей натурою. Такъ, при бѣдности населенiя, при скудости денежныхъ заработковъ, превращенiе натуральныхъ послугъ въ денежные платежи не всегда удобно. Въ такихъ обстоятельствахъ, денежные платежи очень могутъ оказаться, для подлежащихъ лицъ, тяжелѣе непосредственной жертвы своими личными силами на общественную надобность. Кромѣ этого случая есть также цѣлый рядъ повинностей, по свойству своему недопускающихъ замѣны деньгами или не всегда допускающихъ таковую. Это уже упомянутыя нами воинскiя повинности—квартирная, подводная и другiя. Нерѣдко мѣстнымъ жителямъ приходится отбывать ихъ натурою. Конечно, справедливость требуетъ, чтобъ мѣстности, непосредственно подвергнувшiяся этимъ тягостямъ, получили вознагражденiе насчетъ прочихъ мѣстностей. Но и не взирая на вознагражденiе, тягость непосредственнаго отбыванiя все таки остается и нерѣдко приводитъ жителей этихъ мѣстностей въ непоправимое хозяйственное разстройство [1]).

Внѣ подобныхъ особенныхъ обстоятельствъ, превращенiе натуральныхъ повинностей въ денежные сборы, для удовлетворенiя данныхъ потребностей посредствомъ вольнаго найма, можетъ совершаться даже безъ всякихъ постороннихъ влiянiй и внушенiй, само собою, съ развитiемъ сознанiя въ обществѣ, что замѣна личныхъ послугъ денежными взносами выгоднѣе и удобнѣе для общества, чѣмъ приложенiе своего личнаго, такъ сказать, подневольнаго труда для этихъ службъ. Надобно только, чтобъ законодательство не ставило препонъ такимъ замѣнамъ, что однако, къ сожалѣнiю, бываетъ. Нерѣдко и доселѣ устарѣлый законъ служитъ тормазомъ развитiя, охраняемый бюрократiей, не взирая на заявленiя лицъ, вынужденныхъ нести на себѣ его неудобства.

На нѣкоторую постепенность въ дѣлѣ отмѣны натуральныхъ повинностей указываетъ и примѣръ Западной Европы. Не смотря на высокое культурное и экономическое развитiе ея, натуральныя

---

[1]) Не говоримъ уже о той натуральной повинности, которая и не можетъ быть замѣняема денежными взносами, — о повинности военной службы. Но это повинность не мѣстная и не земская, а общенародная. Замѣна здѣсь личной службы наймомъ хотя и существуетъ иногда, но разумѣется составляетъ мѣру неосновательную; ибо хорошимъ защитникомъ отечества можетъ быть только лицо, прямо заинтересованное въ цѣлости своего крова, своего благосостоянiя и своихъ близкихъ, а не наемникъ

повинности продолжаютъ тамъ отчасти существовать, кромѣ только Англіи, гдѣ онѣ отмѣнены съ 1836 года.

Еще болѣе основаній, чѣмъ на Западѣ Европы, можно, конечно, найти у насъ для сохраненія натуральныхъ повинностей до поры, до времени. При разсмотрѣніи этого вопроса, въ офиціальныхъ сферахъ, были выставлены въ пользу удержанія натуральныхъ повинностей слѣдующіе доводы:

1) „Опасеніе правительства, что замѣна ихъ денежными сборами ослабитъ податную способность низшихъ классовъ.“ Но не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что натуральныя повинности, отнимая у подлежащихъ имъ лицъ свободу распоряженія своимъ временемъ, трудомъ и имуществомъ, составляютъ не малое препятствіе развитію народнаго богатства, а слѣдовательно и расширенію податной способности народа. Извѣстно напримѣръ, что отмѣна натуральныхъ повинностей во Франціи, настояніями Тюрго, имѣла благодѣтельныя послѣдствія для развитія народнаго богатства, хотя была сдѣлана при самыхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ.

2) „Опасеніе, что въ случаѣ небрежности лицъ, коимъ сдано будетъ отбываніе повинностей съ подряда или наймомъ, явится двойное обремененіе жителей, сперва въ видѣ денежнаго сбора, а потомъ въ видѣ отбыванія все-таки натурою, за неисправностью съемщиковъ.“ Опасеніе этого рода можетъ имѣть мѣсто только при допущеніи неблагонадежныхъ съемщиковъ, подъ покровомъ неудовлетворительности законодательныхъ постановленій о подрядахъ и договорахъ. Если это такъ, то слѣдуетъ исправить недостатки этого законодательства, а не удерживать ради ихъ другія неудобства.

3) „Опасеніе, что заявленія мѣстныхъ властей объ отмѣнѣ натуральныхъ повинностей, быть можетъ, не составляютъ выраженія дѣйствительныхъ желаній мѣстныхъ жителей.“ Конечно, нельзя руководиться лишь мнѣніями мѣстныхъ властей; надо знать и мнѣнія личностей и классовъ, дѣйствительно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, — слѣдовательно надо дать имъ возможность выразить свои желанія непринужденно, безъ всякаго посторонняго давленія.

4) Указываютъ также на трудность предварительнаго исчисленія стоимости натуральныхъ повинностей, для перевода ихъ на деньги. Но нѣкоторыя данныя все же имѣются и, мало по малу, среднія нормальныя цѣны выяснятся безъ особенныхъ, надо по-

лагать, затрудненій. На первое же время, для избѣжанія недостатка въ денежныхъ средствахъ, можно принять повышенныя нормы оцѣнокъ.

5) Выражаютъ также опасеніе, что отбываніе наймомъ и подрядомъ можетъ оказаться слишкомъ дорогимъ, вслѣдствіе обширнаго спроса на рабочія руки и пр. Опасеніе это едва ли основательно: надо думать, что на работы и вообще на предметы повинностей, при денежномъ отбываніи ихъ, установятся среднія рыночныя цѣны, вмѣсто теперешней неопредѣленности. При томъ, такъ какъ работы по отбыванію повинностей, большею частію довольно просты, не требуютъ глубокихъ познаній, то и предложенія рабочихъ рукъ надо ожидать обильнаго. Если же наконецъ стоимость отбыванія денежнаго и будетъ дѣйствительно довольно высока, то все же она будетъ основана на законѣ спроса и предложенія; тогда какъ дѣйствительную, такъ сказать, внутреннюю стоимость натуральной повинности, — для лица, подлежащаго ей, опредѣлить невозможно [1]).

Всѣ эти опасенія оказываются, какъ видимъ, мало состоятельными. Тѣмъ не менѣе, основательны или неосновательны тѣ или другія неудобства отмѣны натуральныхъ повинностей, нельзя думать о немедленной и совершенной отмѣнѣ ихъ. Кромѣ того, можно еще поставить вопросъ, справедливо ли обращать натуральныя повинности въ денежныя, если нѣтъ на то единогласнаго желанія жителей, а есть только желаніе большинства или даже только меньшинства? Не лучше ли предоставить каждому дѣлать такъ или иначе, отбывать натурою или деньгами, по усмотрѣнію?

Рѣшеніе этого вопроса, въ частныхъ случаяхъ, кажется слѣдуетъ предоставить практикѣ, какъ обусловливаемое мѣстными соображеніями. Но надо помнить, что при всякой реформѣ оказываются недовольные; но эти недовольные голоса не должны конечно останавливать хода реформы, если большинство признаетъ ее полезною и необходимою.

Что касается самаго осуществленія превращенія натуральныхъ

---

[1]) Нѣкоторые предлагаютъ при этомъ, въ крайнихъ обстоятельствахъ обязывать общины выставлять рабочихъ отъ себя, изъ числа лѣнивыхъ и плохихъ плательщиковъ податей. Врядъ ли можетъ случиться такая надобность, за рѣдкими исключеніями. Къ тому же лѣнивый работникъ и пользы большой не принесетъ. Свободное соперничество рабочихъ, при свободномъ наймѣ, конечно сдѣлаетъ свое дѣло и чрезвычайныхъ мѣръ не попадобится, какъ тому отчасти и есть примѣры въ практикѣ нашихъ земскихъ повинностей.

повинностей въ денежный налогъ, то тутъ прежде всего необходимо рѣшить вопросъ: какія именно повинности могутъ еще до времени быть оставлены при прежнемъ порядкѣ отбыванія и для какихъ наступило уже время обращенія въ новую форму? Далѣе затѣмъ вопросъ: какія принять мѣры для уравновѣшенія денежныхъ платежей съ соотвѣтствующими имъ натуральными повинностями? Сортировка повинностей, опредѣленіе, какія изъ нихъ пора уже замѣнить денежными сборами, какія пока оставить въ прежнемъ видѣ, есть дѣло практики и законодательства, дѣло мѣстное. Теоретически, натуральное отбываніе должно, разумѣется, оставаться только для тѣхъ повинностей, которыя по природѣ своей не способны къ денежной замѣнѣ.

При полномъ, общемъ превращеніи натуральныхъ повинностей въ денежные сборы, — уравненіе этихъ послѣднихъ между плательщиками не можетъ представить особенно выдающихся трудностей. Но если натуральныя повинности продолжаютъ еще существовать, упадая при томъ на нѣкоторые только классы общества или на нѣкоторыя мѣстности въ государствѣ, то тутъ требуемое справедливостью уравновѣшеніе бремени между подлежащими натуральнымъ повинностямъ и неподлежащими имъ, достигаемое возложеніемъ на этихъ послѣднихъ денежныхъ взносовъ, — представляетъ весьма немалую задачу. Тутъ нужна точная оцѣнка стоимости отбываемыхъ натурою повинностей, для учрежденія соотвѣтственнаго налога; но достигнуть желаемой точности не легко.

Уравнительность раскладки собственно натуральныхъ повинностей между лицами, несущими ихъ, достигается въ извѣстной степени нѣкоторыми способами, какъ напр. чередованіемъ лицъ въ исполненіи обязанностей этого рода, — назначеніемъ ихъ для того или другаго дѣла на опредѣленные сроки, и вообще наконецъ — если повинность лежитъ одновременно на многихъ личностяхъ — всевозможнымъ уравненіемъ между ними ея тягости. Здѣсь-то и возникаютъ почти неодолимыя затрудненія. Однообразная раскладка между всѣми поровну не осуществитъ собой равномѣрности; это будетъ то-же, что поголовный налогъ, необращающій вниманія на платежную способность каждаго плательщика въ частности. Единственный исходъ здѣсь, кажется, тотъ, чтобъ предоставить всѣмъ и каждому отбывать повинность лично или наймомъ, или посредствомъ денежныхъ складокъ по

соглашенію съ другими, или наконецъ, съ общаго согласія обращать ее въ правильный земскій налогъ.

Въ томъ случаѣ, когда извѣстные классы или мѣстности отбываютъ какую либо повинность натурою, а другіе почему либо не несутъ ее и это изъятіе не имѣетъ основательной причины, то необходимо уравнять ихъ съ первыми, если не въ натурѣ, то по крайней мѣрѣ посредствомъ денежныхъ платежей. Необходимость подобнаго уравненія у насъ была сознаваема уже встарь: одни жители напримѣръ отбывали ямскую повинность натурой, а прочіе, жившіе всторонѣ отъ ямскихъ дорогъ, платили „ямскія деньги" на жалованье ямщикамъ.

Подобное уравненіе гражданъ въ несеніи общественнаго бремени, требуемое естественнымъ чувствомъ справедливости, представляетъ, какъ мы сейчасъ сказали, весьма нелегкую задачу. При оцѣнкѣ стоимости натуральныхъ повинностей на деньги не возможно, конечно, принимать въ соображеніе субъективную стоимость ихъ для каждаго лица въ частности. Но нужно опредѣлить по крайней мѣрѣ стоимость ихъ для наибольшаго числа лицъ, находящихся въ сходныхъ между собою экономическихъ условіяхъ. Иначе сказать, нужно оцѣнить каждую повинность по среднимъ мѣстнымъ цѣнамъ, и эти цѣны принять за основаніе для опредѣленія размѣра денежнаго сбора. Но собираніе нужныхъ для этого свѣдѣній о цѣнахъ на трудъ, матеріалы и пр. до сихъ поръ еще не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ.

Наконецъ самое удовлетвореніе потребностей, исполнявшихся натурою, по обращеніи натуральныхъ повинностей въ денежные взносы, можетъ совершиться всѣми тѣми способами, какіе окажутся пригодными по свойству потребности. Словомъ, тутъ примѣнимы тѣ-же самые способы (какъ — наемъ, подрядъ, хозяйственное исполненіе), которые употребляются для другихъ мѣстныхъ потребностей, издавна удовлетворяемыхъ посредствомъ мѣстныхъ налоговъ. Натуральная повинность, обращенная въ денежную, становится мѣстнымъ налогомъ и получаетъ свое мѣсто въ бюджетѣ земскихъ расходовъ.

Въ заключеніе скажемъ, что мы ставимъ натуральныя повинности почти наравнѣ съ необходимымъ зломъ, которое приходится терпѣть за невозможностью пока его устранить. Въ современномъ государствѣ равномѣрность распредѣленія всякаго рода обязанностей, повинностей, сборовъ между гражданами составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій правильнаго государственнаго быта. Един-

ственный правильный, удовлетворяющій этому условію и требованіямъ науки способъ удовлетворенія потребностей, какъ государственныхъ, такъ и мѣстныхъ, представляютъ только налоги. Къ этому способу удовлетворенія мѣстныхъ потребностей мы теперь и перейдемъ.

III.

Главная цѣль финансовой науки состоитъ въ томъ, чтобъ изслѣдовать на сколько нужны подати, какія и какъ ихъ устроить съ наименьшимъ обремененіемъ для платящихъ и какъ получить ихъ въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ потребности.

Безъ средствъ и безъ правильно составленнаго бюджета доходовъ дѣятельность мѣстнаго самоуправленія, очевидно, не только не можетъ развиваться, но и просто существовать, какъ не могло бы существовать безъ средствъ и государственное управленіе.

Хозяйственная свобода мѣстнаго самоуправленія, вытекающая изъ прямаго смысла этого слова, даетъ, повидимому, поводъ заключить, что и самые способы полученія необходимыхъ ему средствъ оно вольно опредѣлять по своему исключительному усмотрѣнію. Но полная свобода земствъ въ этомъ отношеніи допущена быть не можетъ потому уже, что дѣятельность его здѣсь сталкивается съ дѣятельностью государства, тоже пріискивающаго себѣ источники дохода. Поле, на которомъ государство и земство взимаютъ свои доходы, должно быть слѣдовательно размежевано; должно быть опредѣлено закономъ, какими источниками можетъ пользоваться земство (равно и община), какіе должны оставаться за государствомъ, т. е. за общегосударственною казною. При обращеніи же того и другаго къ однимъ и тѣмъ же источникамъ должна быть указана мѣра пользованія ими — для государства и земства.

Наконецъ самые пріемы для полученія доходовъ изъ указанныхъ въ законѣ источниковъ, и вообще вся техническая сторона дѣла могутъ быть предоставлены усмотрѣнію мѣстныхъ учрежденій, подъ общимъ конечно наблюденіемъ правительства. При этомъ возникаетъ опасеніе, что явятся чрезвычайная пестрота и безпорядочность въ мѣстныхъ сборахъ. Но опасеніе это нельзя не признать преувеличеннымъ: слишкомъ большому разнообра-

зію не даютъ мѣста достаточно уже установившіяся общія научныя требованія относительно устройства налоговъ. Нѣкоторая же разница окажется даже полезною: изъ опытовъ различныхъ земствъ можетъ выработаться общая, испытанная система мѣстныхъ налоговъ.

Необходимыми условіями для правильнаго строя земскаго хозяйства признаются слѣдующія:

1) Существованіе спеціализированнаго общественнаго права, т. е. точно и строго спеціализированнаго законодательства по каждому изъ верховныхъ правъ государства.

2) Лица, подлежащія мѣстнымъ налогамъ, предметы и цѣли этихъ налоговъ должны быть опредѣлены государственными законами.

3) Мѣстные налоги должны быть прямые; раскладка и взиманіе ихъ должны производиться почетными должностными лицами, при содѣйствіи лицъ, на жалованьи состоящихъ.

4) Контроль за употребленіемъ мѣстныхъ податей долженъ принадлежать исключительно плательщикамъ ихъ, а не бюрократическому учрежденію.

Условія эти, выведенныя Валькеромъ [1]) изъ изученія устройства мѣстныхъ налоговъ въ Англіи и С. Американскихъ Штатахъ, представляютъ едва-ли не первую попытку преподать общія основы для устройства земскаго хозяйства. Не слѣдуетъ только придавать всѣмъ этимъ правиламъ значенія категорическихъ предписаній, какое повидимому придаетъ имъ авторъ. Если государства континентальной Европы не выработали себѣ такой спеціализаціи законодательства, какая существуетъ въ Англіи, такъ какъ законодательства ихъ развивались при иныхъ условіяхъ, чѣмъ англійское, то съ этимъ обстоятельствомъ остается лишь примириться и нужно строить правила самоуправленія и устройство мѣстныхъ финансовъ на мѣстныхъ, исторически создавшихся основахъ.

Далѣе, необходимо конечно, чтобъ самоуправленіе въ дѣятельности своей опиралось на законъ; но едва ли хорошо, если вмѣшательство закона будетъ простираться до опредѣленія самомалѣйшихъ подробностей. Такъ напримѣръ законъ долженъ, конечно, указать предметы мѣстнаго вѣдѣнія, лица, подлежащія

---

[1]) *Walcker*, Die Selbstverwaltung des Steuerwesens und die Russische Steuerreform. 1869, стр. 79—80.

мѣстнымъ налогамъ и т. п.; но не думаемъ, чтобы указанія его должны были идти далѣе общихъ основаній. Достаточно, если законъ укажетъ лишь на главные предметы мѣстныхъ расходовъ, дастъ ихъ общую характеристику, не отнимая и собственной инниціативы у мѣстнаго самоуправленія въ принятіи на свое попеченіе того или другаго новаго предмета. Предметы, подлежащіе мѣстнымъ налогамъ, должны быть, конечно, указаны въ законѣ; но едва ли полезно, чтобъ онъ безусловно предписывалъ и самые способы обложенія, показывалъ бы, какой системы налоговъ держаться, въ какой мѣрѣ облагать тотъ или другой источникъ. Мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ, размѣры обложенія и процентное отношеніе между обложеніемъ различныхъ источниковъ, должны быть предоставлены усмотрѣнію мѣстнаго представительства.

Неумѣстность чрезмѣрнаго вмѣшательства закона въ опредѣленіе всѣхъ подобныхъ частностей и подробностей понятна изъ того, что въ хорошо устроенномъ самоуправленіи интересы всѣхъ классовъ мѣстныхъ жителей обезпечены на столько, что нѣтъ надобности законодателю брать ихъ подъ свое особое покровительство, выражающееся въ подробныхъ предписаніяхъ относительно предметовъ мѣстнаго хозяйства, размѣровъ обложенія, взаимнаго соотношенія между различными источниками земскихъ сборовъ и пр. [1]).

Въ Англіи право мѣстнаго обложенія строго централизовано. Никакой мѣстный налогъ не можетъ быть взимаемъ безъ утвержденія его законодательнымъ актомъ; общественныя деньги не могутъ быть употребляемы па что либо иное, кромѣ именно указанныхъ или дозволенныхъ закономъ цѣлей. Тоже въ Соединенныхъ Штатахъ: государство опредѣляетъ способы, которыми общины должны получать потребныя имъ средства, какіе предметы должны подлежать обложенію, по какимъ правиламъ. На материкѣ Европы въ этомъ отношеніи больше свободы. Въ Пруссіи, напримѣръ, государство предоставляетъ общинамъ, съ согласія администраціи, опредѣлять покрытіе ихъ потребностей тѣмъ

---

[1]) Гнейстъ указываетъ, что при системѣ автономіи въ распредѣленіи податей, отношенія очень важныя и долговременныя опредѣляются минутнымъ настроеніемъ и преобладаніемъ извѣстной партіи, а это ведетъ къ переложенію подати сильными классами на слабѣйшіе. Но случай этотъ, къ сожалѣнію не рѣдкій, возможенъ все-таки, кажется, только при неправильномъ составѣ мѣстныхъ — земскихъ и общинныхъ учрежденій, дающемъ возможность такого перевѣса одного класса жителей надъ другимъ классомъ.

или другимъ способомъ: прибавочными сборами къ классной или поземельной подати, дѣлать видоизмѣненія въ этихъ накладныхъ сборахъ, или назначать поземельные сборы по собственнымъ оцѣнкамъ и раскладкамъ, или наконецъ вводить у себя подоходное обложеніе.

Примѣры изъ жизни и порядковъ Англіи и С. Америки для Россіи не годятся. Характеръ дѣятельности государства тамъ совершенно иной. Тамъ стараются достигать государственнаго единства не созиданіемъ строгой административной централизаціи, а сосредоточеніемъ законодательной власти въ однихъ рукахъ. Но зато тамъ дѣятельность общества въ предѣлахъ закона совершенно свободна; администрація не навязывается тамъ съ своимъ руководствомъ, а тѣмъ менѣе — съ принужденіемъ дѣйствовать по ея желанію. Напротивъ, на материкѣ Европы законодательство, повидимому, даетъ больше свободы дѣйствія мѣстнымъ органамъ, особенно въ устройствѣ обложенія; но эта свобода только кажущаяся, такъ какъ, подъ предлогомъ предупрежденія злоупотребленія этой свободой, недостаточно опредѣленной закономъ, ее подвергаютъ почти неограниченному контролю и всякому вмѣшательству администраціи. Поэтому-то опредѣленіе закономъ различныхъ условій и отношеній, возникающихъ въ области земскаго финансоваго хозяйства, необходимо, какъ гарантія отъ непрошеннаго вторженія бюрократическаго усердія въ область земской и общинной дѣятельности. Но въ предѣлахъ закона дѣятельность эта должна быть совершенно свободна. Истинная свобода можетъ процвѣтать только на твердой почвѣ права и закона. Мы стоимъ только за то, что законодательная регламентація, какъ сказано выше, не должна идти до крайнихъ предѣловъ. Законодатель долженъ остановиться именно тамъ, гдѣ, по общему сознанію, дальнѣйшее вмѣшательство его было бы уже стѣснительнымъ или вреднымъ для общества.

Законъ, видѣли мы, долженъ обозначить лица, обязанныя нести мѣстные расходы. Кто же долженъ вообще подлежать этой обязанности и кого признаетъ таковымъ обыкновенно законъ?

Отвѣчая на первый вопросъ, мы скажемъ, что субъектомъ земскихъ податей должно быть всякое лицо какъ частное, такъ и юридическое, пользующееся мѣстными удобствами лично или по своему имуществу, имѣющее нужду въ услугахъ мѣстнаго самоуправленія, будетъ ли польза отъ этихъ услугъ прямая или косвенная.

Слѣдовательно доставленіе мѣстному самоуправленію средствъ для осуществленія его цѣли должно быть обязанностью, какъ владѣльцевъ собственности въ данной мѣстности, такъ и *всѣхъ* мѣстныхъ обывателей, хотя бы и несвязанныхъ съ нею владѣніемъ или промышленными предпріятіями и т. п.

Мы расширяемъ такимъ образомъ понятіе земско-податнаго субъекта даже далѣе общепринятыхъ и обыкновенно указываемыхъ въ законѣ предѣловъ, неограничивая это понятіе однимъ только владѣніемъ болѣе или менѣе прочною собственностью, какъ признакомъ принадлежности къ данному обществу, мѣсту, округу и пр. Если относительно государственныхъ потребностей принимается за непреложное правило, что каждый гражданинъ долженъ удѣлять на покрытіе ихъ извѣстную долю своего дохода, то нѣтъ повода отвергать это правило и по отношенію къ мѣстнымъ потребностямъ. Какъ въ государственной, такъ и въ земской жизни равно несправедливо, если одни лица или классы лицъ пользуются какими либо благами насчетъ другихъ. Для чего же здѣсь двѣ мѣры, одна для государства, другая для земства? Какое основаніе считать менѣе „земскимъ“ лицо, ничѣмъ невладѣющее въ данной мѣстности, но постоянно живущее въ ней, пользующееся всѣми, доставляемыми ею условіями благосостоянія, въ извѣстной степени сроднившееся съ своимъ мѣстомъ жительства, нерѣдко горячо сочувствующее его интересамъ, — чѣмъ лицо, хотя и владѣющее тамъ собственностью, но неживущее тамъ и можетъ быть даже никогда незаглядывающее въ свои владѣнія?

Правда, что владѣльцы недвижимой собственности тѣснѣе связаны съ мѣстностью, чѣмъ невладѣльцы — уже самымъ фактомъ владѣнія; полезные результаты земской дѣятельности отражаются, какъ говорятъ, прежде всего и съ особенной силою на поземельной собственности; вслѣдствіе этого интересы данной мѣстности должны быть ближе къ сердцу собственниковъ, чѣмъ къ прочему, большей частью наплывному населенію. Но изъ этого никакъ еще нельзя заключать, будто прочее населеніе, неприкрѣпленное такими узами къ своему мѣстопребыванію, ничѣмъ не обязано мѣстному самоуправленію, нисколько не заинтересовано въ мѣстныхъ дѣлахъ, въ мѣстномъ благосостояніи и пр.

Поэтому-то выставляемая нерѣдко за образецъ англійская система мѣстныхъ налоговъ, привлекающая къ нимъ только

однихъ владѣльцевъ недвижимости [1]), съ теоретической точки зрѣнія не можетъ быть признана правильною. Извѣстно впрочемъ, что первоначальный законъ объ англійскихъ мѣстныхъ налогахъ и не имѣлъ въ виду обложить одну только поземельную собственность. Это явилось уже впослѣдствіи [2]). Прочія европейскія законодательства привлекаютъ къ мѣстнымъ налогамъ, болѣе или менѣе, всѣхъ мѣстныхъ жителей, — какъ напримѣръ французское и прусское, - допуская, для мѣстныхъ цѣлей, накладные сборы со всѣхъ прямыхъ податей. А такъ какъ прямыя подати, въ этихъ государствахъ, постигаютъ всякаго гражданина, исключая завѣдомо бѣдныхъ и т. п., то и платежъ мѣстныхъ налоговъ лежитъ тамъ на всѣхъ мѣстныхъ жителяхъ. У насъ, ненормальность нашей податной системы вообще — отражается и на земскомъ податномъ устройствѣ, привлекающемъ къ налогу одни классы и безпричинно нетрогающемъ другіе, какъ не трогаетъ ихъ и государственная податная система.

Изъятія отъ налоговъ могутъ быть, какъ они вездѣ есть; но въ современномъ государствѣ и обществѣ они могутъ быть только вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ обстоятельствъ нѣкоторыхъ лицъ, какъ частный случай, а не какъ привиллегія для цѣлыхъ классовъ гражданъ. Привиллегіи этого рода большею частію уже пережили причину, давшую имъ основаніе и, существуя въ настоящее время, составляютъ своего рода эксплуатацію однихъ гражданъ другими.

Далѣе представляется вопросъ, какого рода должны быть мѣстные налоги? Должны ли быть они однородны съ общегосударственными или представлять собою самостоятельную систему мѣстнаго обложенія? Изъ чего создать такую систему, буде это нужно? Справедливо ли, что мѣстные налоги должны быть только прямые?

Задача заключается очевидно въ томъ, чтобъ создать *правильную* систему мѣстныхъ налоговъ. Но что такое правильная система? Отвѣты получаются различные, смотря по тому, будемъ ли стремиться къ осуществленію только абсолютной пра-

---

[1]) Въ Великобританіи подчинена мѣстному податному обложенію не одна только поземельная собственность, а всякое видимое, вещественное (недвижимое) имущество, — по своеобразному выраженію англійскаго законодательства (real property), — находящееся въ данной мѣстности. *Ред.*

[2]) *Kries*, (Die Gemeindesteuern in England; Zeitschr. f. die Staatswissensch. 1855) объясняетъ, что законъ 1601 г., служащій основаніемъ для всего законодательства объ общинныхъ податяхъ, имѣетъ тотъ смыслъ, что къ податямъ этимъ должна быть привлекаема и движимая собственность.

вильности, т. е. общности налоговъ, соразмѣрности ихъ съ средствами плательщиковъ и т. п. удовлетворенію основныхъ требованій теоріи, или же сверхъ того потребуемъ, чтобы услуги, получаемыя плательщиками отъ государства или земства, взамѣнъ ихъ жертвъ, были бы для каждаго равноцѣнны съ этими послѣдними.

Идея равновѣсія между платежемъ и получаемой за него услугой совершенно логична. Но за невозможностью оцѣнить для каждаго отдѣльнаго лица значеніе оказываемыхъ ему общественныхъ услугъ, приходится искать другихъ, болѣе общихъ условій. Не обращая вниманія на субъективныя впечатлѣнія отдѣльныхъ лицъ, финансовое хозяйство должно имѣть въ виду лишь требованія *общаго* блага. Частныя неправильности, нѣкоторое несоотвѣтствіе жертвъ отдѣльныхъ личностей получаемымъ ими выгодамъ – неизбѣжны. Но если выполнены общія теоретическія условія хорошей системы налоговъ, то можно надѣяться, что и въ частности немногіе будутъ обижены. Такъ, если налоги не влекутъ за собой вредныхъ экономическихъ послѣдствій, какъ вздорожаніе продуктовъ, сокращеніе производства, обѣдненіе народа и пр., то такіе налоги можно смѣло назвать экономически выгодными. Отсутствіе вредныхъ послѣдствій, а тѣмъ болѣе присутствіе хорошихъ экономическихъ послѣдствій, какъ расширеніе производства и пр., указываютъ и на то, что не только система налоговъ хороша, но что и самое употребленіе собранныхъ ими средствъ — производительно, т. е. содѣйствуетъ развитію общаго благосостоянія. А это даетъ поводъ заключить, что общая сумма пользы и услугъ, получаемыхъ гражданами отъ государства, соотвѣтствуетъ общей суммѣ ихъ жертвъ. Инаго, болѣе ясного признака для сужденія о достоинствахъ, какъ отдѣльныхъ налоговъ, такъ и цѣлой системы ихъ, мы не имѣемъ. Можно даже сказать, что нерѣдко дурныя качества налоговъ возмѣщаются для общества хорошимъ употребленіемъ собираемыхъ доходовъ.

Эти соображенія, кажется, вполнѣ примѣнимы и къ земскому (также и къ общинному) финансовому хозяйству. И не видно, почему, какъ настаиваютъ нѣкоторые, въ этомъ хозяйствѣ долженъ преимущественно имѣться въ виду принципъ соразмѣрности между жертвой и услугой [1]). Принципъ этотъ долженъ

---

[1]) Это начало было выставлено, между прочимъ, 9-мъ конгрессомъ нѣмецкихъ экономистовъ въ резолюціяхъ его относительно общинныхъ налоговъ. Ср. *Faucher*, Vierteljahrsschrift f. Volkswirthschaft u. Culturgeschichte. 1863, II. Также *Neumann*, Die progressive Einkommensteuer. 1874.

быть осуществляемъ, на сколько можно, во всякомъ финансовомъ хозяйствѣ, отъ самаго обширнаго государственнаго до самого мелкаго общиннаго.

Нѣтъ слѣдовательно никакого основанія утверждать, будто одни земскіе и общинные сборы должны подчиняться правилу возмездія (Gegenleistung), а государственные только правилу невыхожденія за предѣлы платежной способности (Leistungsfähigkeit) гражданъ.

Правда, въ дѣятельности земства и общины преобладаетъ хозяйственный элементъ, т. е. тотъ, который наиболѣе требуетъ осуществленія равновѣсія между жертвой и услугой; но и тутъ есть расходы, относительно которыхъ принципъ возмездія можетъ быть осуществимъ лишь въ общемъ своемъ содержаніи, а не въ частностяхъ. Напримѣръ расходъ на врачебную часть долженъ каждому обезпечить извѣстную сумму санитарныхъ условій; тутъ принципъ соразмѣрности жертвы каждаго съ получаемой услугой долженъ быть осуществленъ. Но возьмемъ напримѣръ учебную часть: школа нужна обществу, но не каждому члену его въ данное время, и слѣдовательно въ расходѣ на учебное дѣло упомянутая соразмѣрность осуществлена быть не можетъ.

Нельзя, кажется, сомнѣваться, что государство нашего времени, земство и община въ такомъ государствѣ, стараются употреблять собираемые ими доходы правильно и цѣлесообразно. Устраненіе же трудностей, здѣсь встрѣчающихся, идетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ правильнѣе строй государственныхъ, земскихъ и общинныхъ учрежденій, чѣмъ равномѣрнѣе и полнѣе представлены въ нихъ всѣ классы населенія, чѣмъ меньше возможенъ перевѣсъ личныхъ выгодъ однихъ классовъ надъ выгодами другихъ, чѣмъ болѣе всѣ и каждый проникнуты единою великою заботой о благѣ своихъ согражданъ.

Приходимъ къ тому заключенію, что нѣтъ надобности пріискивать для земскаго хозяйства какія либо руководящія начала, отличныя отъ тѣхъ, которыми руководится само государство въ своемъ финансовомъ хозяйствѣ; что если и можно особенно указывать въ земскомъ хозяйствѣ на соотвѣтствіе жертвы съ услугой, то единственно потому, что здѣсь это соотвѣтствіе достижимѣе, чѣмъ въ государственномъ хозяйствѣ; а не потому, что оно будто бы составляетъ отличительное свойство земскаго хозяйства. Свойство это, въ предѣлахъ возможности, должно

быть общимъ, какъ для государственнаго, такъ и для земскаго хозяйства.

Посмотримъ теперь, нельзя ли построить систему мѣстныхъ налоговъ на общихъ научныхъ основаніяхъ. Тутъ прежде всего предстоитъ рѣшить вопросъ: должны ли мѣстные налоги быть тождественны съ государственными или различны, т. е. должны ли субъекты и объекты ихъ быть одни и тѣ-же или разные?

Кто долженъ быть земско-податнымъ субъектомъ, мы уже сказали выше. Что касается самаго устройства земскаго обложенія, то въ этомъ отношеніи практика представляетъ примѣры, какъ самостоятельныхъ системъ мѣстныхъ податей, такъ и примѣненіе системы государственныхъ податей къ мѣстному хозяйству.

Тутъ можно различить даже три системы мѣстнаго обложенія: 1) самостоятельные земскіе налоги, взыскиваемые независимо отъ государственныхъ и мало имѣющіе съ ними общаго въ своемъ устройствѣ (напримѣръ наши земскіе сборы съ земель и недвижимыхъ имуществъ); 2) самостоятельныя же мѣстныя подати, группирующіяся около одной основной мѣстной подати, какъ исходной точки (англійскіе мѣстные налоги, раскладываемые по даннымъ налога для бѣдныхъ — poor-rate); 3) мѣстныя подати, взимаемыя одновременно съ государственными, въ видѣ накладнаго процента при этихъ послѣднихъ (какъ во Франціи, Бельгіи, Пруссіи) [1]. Съ другой стороны, въ литературѣ встрѣчаемъ предложенія замѣнить существующія системы мѣстныхъ податей, страдающія значительными неудобствами и несовершенствами, одною общею системой мѣстныхъ подоходныхъ налоговъ.

Каждый изъ этихъ способовъ пріобрѣтенія средствъ для покрытія мѣстныхъ расходовъ имѣетъ свои удобства и неудобства, свои достоинства и недостатки. Если и не мечтать о замѣнѣ всѣхъ налоговъ какимъ нибудь однимъ общимъ налогомъ, то все же вполнѣ разумно желать возможнаго упрощенія системъ налоговъ. Забота о такомъ упрощеніи должна быть несомнѣнно одною изъ главныхъ заботъ всякаго дѣльнаго финансоваго управленія.

Съ этой точки зрѣнія объединеніе, отождествленіе системы

[1]) Впрочемъ нѣмецкія государства не держатся такъ строго разъ принятой системы, какъ Франція и Англія. Такъ напримѣръ въ Виртембергѣ признано было необходимымъ сверхъ поземельной и промысловой общинныхъ податей ввести еще подоходную, отдѣльную отъ государственной подоходной подати. Въ Баденѣ нѣкоторые объекты привлекаются къ мѣстному налогу лишь въ размѣрѣ пользы, получаемой ими отъ мѣстныхъ учрежденій, а не по общему государственному принципу — платежной способности.

мѣстныхъ налоговъ съ системой налоговъ государственныхъ представляется, повидимому, великимъ шагомъ впередъ въ земскомъ финансовомъ быту. Но, вникая глубже, не трудно убѣдиться, что такое приведеніе къ одному знаменателю не даетъ еще ручательства въ томъ, что система мѣстныхъ финансовъ получитъ черезъ это дѣйствительное улучшеніе.

Во-первыхъ, всѣ существующія системы государственныхъ сборовъ еще далеки отъ совершенства. Какъ же рѣшиться навязать мѣстному финансовому самоуправленію систему, которая можетъ быть даже хуже той, къ которой оно давно уже привыкло, съ которой оно уже освоилось настолько, что недостатки ея стали малоощутительны для подлежащихъ лицъ? Это значило бы громоздить ошибку на ошибку. Всѣ недостатки государственной системы повторились бы и въ мѣстныхъ налогахъ. Тѣ же лица, на которыхъ наиболѣе отражаются недостатки государственной системы налоговъ, вынуждены были бы еще вторично испытывать ихъ въ мѣстныхъ сборахъ. Конечно, и при различіи системъ обложенія государственнаго и земскаго, можетъ случиться совпаденіе недостатковъ той и другой, во вредъ однимъ и тѣмъ же плательщикамъ; но зато тутъ возможенъ, по крайней мѣрѣ, и противоположный случай, что лицо, пострадавъ въ одномъ налогѣ, получитъ нѣкоторое облегченіе въ другомъ.

Во-вторыхъ, не надо забывать, что въ отечествѣ накладныхъ мѣстныхъ сборовъ (centimes additionnels), во Франціи, существуетъ особый взглядъ на значеніе общины и департамента, взглядъ, которымъ система эта совершенно оправдывается. Во Франціи община и департаментъ — не самостоятельные организмы, а только административныя (почти географическія) подраздѣленія государства и бюрократическаго управленія; финансы ихъ составляютъ какъ бы средство пополненія государственнаго бюджета. Слѣдовательно нѣтъ имъ и повода претендовать на свою собственную систему налоговъ.

Въ пользу системы накладныхъ мѣстныхъ сборовъ приводится впрочемъ довольно вѣскій доводъ: предполагается, что государственная система налоговъ достигла уже достаточной степени совершенства. Доводъ этотъ точно умѣстенъ тамъ, гдѣ система государственныхъ налоговъ соотвѣтствуетъ требованіямъ науки, а мѣстные налоги приходится создавать вновь. Такъ и было съ французской системой налоговъ, созданной въ концѣ прошедшаго столѣтія; система эта была признана тогда непогрѣшимою; есте-

ственно было, (по пословицѣ „отъ добра добра не ищутъ") распространить ее и на мѣстные финансы, хотя для нихъ существовали свои „ненаучныя", слѣдовательно негодныя системы. Дѣло въ томъ однако, что истинно-научной системы налоговъ ни одно государство еще не имѣетъ; да и сама наука еще не установила такой системы. Существующія на практикѣ системы налоговъ развивались, — за исключеніемъ французской и отчасти прусской, — исторически, какъ развивались и системы земскихъ налоговъ. Отчего же непремѣнно полагать, что эти послѣднія хуже первыхъ?

Нѣкоторые, оставляя въ сторонѣ эти практическія соображенія, выводятъ необходимость однородности системъ государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ изъ принимаемаго ими за аксіому тождества цѣлей государства, земства и общины. Если и согласимся съ этимъ, то все же изъ однородности цѣлей нельзя выводить необходимости тождества средствъ для ихъ достиженія. Точно также какъ изъ различія цѣлей нельзя заключать о неизбѣжности различія въ средствахъ [1]). Одни теоретическія соображенія тутъ недостаточны, такъ какъ многое въ этомъ отношеніи зависитъ отъ историческихъ и мѣстныхъ условій, равно какъ и отъ практическихъ удобствъ.

На нашъ взглядъ существенная причина необходимости различія между системою государственныхъ и системою мѣстныхъ налоговъ та, что послѣдніе должны взиматься съ источниковъ, въ данной мѣстности существующихъ, тогда какъ государственные налоги упадаютъ на всѣ вообще источники, гдѣ бы они ни находились. Хотя тѣ и другіе источники большею частію одни и тѣже, но государственное обложеніе относится къ нимъ повсюду довольно однообразно, тогда какъ мѣстное обложеніе, смотря по обстоятельствамъ, можетъ избрать тотъ или другой объектъ главнымъ въ своей системѣ. Во всякомъ случаѣ, наконецъ система налоговъ мѣстныхъ менѣе сложна, чѣмъ система государственныхъ налоговъ; ибо не въ каждой мѣстности существуютъ всѣ тѣ объекты, которые облагаются государствомъ; да сверхъ того, государство не всѣ объекты позволяетъ дѣлать вмѣстѣ и объектами мѣстныхъ налоговъ.

Нѣкоторые объекты оказываются такимъ образомъ подлежа-

---

[1]) Ср. Bluntschli, Staatsrecht, 4 изд. II, стр. 466. — *Faucher*, Vierteljahrsschrift. f. V. W. Kulturgeschichte 1867, Bd. XIX: Verhandlungen des 9 Kongresses der Volkswirthe.

щими и государственнымъ, и мѣстнымъ налогамъ. Справедливо ли такое двойственное обложеніе однихъ и тѣхъ же источниковъ? Говоря строго, если мы стоимъ за особую систему мѣстныхъ налоговъ, то это должна бы быть система совершенно отдѣльная, не только по способамъ обложенія, но и по податнымъ объектамъ. На дѣлѣ встрѣчаемъ однако не то: есть, правда, объекты, собственно принадлежащіе къ числу предметовъ мѣстнаго обложенія; но большею частію это тѣ-же объекты, что и въ государственныхъ налогахъ. Хотя такое сугубое паденіе налога на одинъ и тотъ же источникъ имѣетъ свои неудобства и какъ бы подрываетъ самостоятельность системы мѣстныхъ налоговъ, но, если оба налога въ совокупности не превышаютъ податной силы предмета, то бѣда не велика. Въ Англіи, напримѣръ, важнѣйшій объектъ мѣстныхъ налоговъ есть поземельная собственность; но она несетъ въ то-же время и государственный поземельный налогъ; причемъ оба эти налога вмѣстѣ остаются еще значительно ниже дѣйствительной податной силы тамошней поземельной собственности. Во Франціи и Пруссіи поземельная собственность несетъ на себѣ государственный поземельный налогъ и прибавочный процентъ мѣстнаго налога.

Существованіе отдѣльной системы мѣстныхъ налоговъ, съ особыми для нее податными объектами было бы весьма желательно. Устранилась бы черезъ это всякая возможность къ столкновенію фискальныхъ и другихъ интересовъ центральной администраціи съ интересами земства; исчезли бы для правительства поводы стѣснять чѣмъ бы то ни было финансовую дѣятельность земства и т. д.

Но осуществима ли такая самостоятельная система мѣстныхъ налоговъ? Есть ли для нея достаточное число и довольно обильныхъ источниковъ дохода, еще свободныхъ отъ государственнаго обложенія? Такіе источники есть, но большею частію они маловажны; потому безъ обложенія источниковъ, уже затронутыхъ казенными налогами, обойтись нельзя. Развѣ, что государство поступится нѣкоторыми источниками въ пользу земскаго обложенія. Нѣкоторые изъ поборниковъ самостоятельности мѣстныхъ налоговъ, желая установить систему ихъ во всей чистотѣ, идутъ дальше осуществленія подобной сдѣлки между государствомъ и земствомъ; они указываютъ на такой предметъ обложенія, который долженъ быть по ихъ мнѣнію единственно мѣстнымъ объектомъ налога. Объектъ этотъ, по ихъ мнѣнію, — земля, какъ

потому, что всѣ мѣстные интересы будто-бы совпадаютъ съ интересами мѣстнаго землевладѣнія, какъ бы входятъ въ плоть и кровь его; такъ и потому, что поземельный налогъ въ земскихъ рукахъ обыкновенно бываетъ гораздо доходнѣе, нежели въ рукахъ правительства [1]).

Иные смягчаютъ это требованіе, говоря, что поземельная собственность *преимущественно* должна быть привлекаема къ мѣстнымъ налогамъ, но допускаютъ существованіе и другихъ налоговъ, которые напримѣръ въ старой Германіи распредѣлились, стараніями землевладѣльцевъ, между всѣми членами общинъ, въ видѣ косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія, послѣ упадка цѣнъ на земли вслѣдствіе 30-тилѣтней войны.

Очевидно, что исключительное обремененіе однихъ землевладѣльцевъ, или и вообще владѣльцевъ недвижимой собственности мѣстными налогами, было бы только тогда справедливо, когда бы можно было доказать, что одна только эта собственность пользуется вообще услугами мѣстнаго самоуправленія. Но, какъ было уже замѣчено выше, услугами этими пользуются всѣ мѣстные жители, даже и временно пребывающіе въ данной мѣстности; а съ другой стороны не каждая услуга земства или общины непремѣнно полезна владѣльцамъ недвижимости. Было бы слѣдовательно несправедливо предоставлять однимъ пользоваться выгодами насчетъ другихъ.

Справедливо говорятъ, что вслѣдствіе развитія мѣстнаго благоустройства возрастаетъ цѣнность недвижимой собственности, что на ней такимъ образомъ прямо отражаются результаты полезной дѣятельности мѣстнаго самоуправленія. Но зато она же прежде другихъ источниковъ народнаго дохода терпитъ рискъ и потери въ цѣнности при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Движимая собственность легче избѣгаетъ подобныя потери.

Наконецъ, не безъ основанія можно полагать, что слишкомъ высокій налогъ на недвижимость (въ качествѣ единственнаго мѣстнаго налога онъ долженъ быть высокъ, чтобъ покрыть всѣ земскіе расходы) будетъ сопровождаться послѣдствіями, противоположными ожиданію: онъ будетъ переложенъ собственниками на

---

[1]) Къ приверженцамъ этого взгляда принадлежитъ въ особенности Гнейстъ (ср. его соч. объ англійскомъ самоуправленіи и соч. Verwaltung, Justiz und Rechtsweg). Въ Англіи однако мнѣніе его не всѣ раздѣляютъ. Скорѣе, можно сказать, тамъ смотрятъ на обложеніе одной visible real property въ общинѣ, какъ на исторически утвердившееся зло. Ср. *Hack*, Zur Reform des Gemeindesteuerwesens in Würtemberg, въ Zeitschr. f. die gesammte Staatwissenschaft, 1872.

лицъ, имѣющихъ съ ними дѣло — съемщиковъ, жильцовъ, покупателей земледѣльческихъ произведеній и пр. и такимъ образомъ, основная мысль сосредоточенія мѣстныхъ налоговъ на недвижимой собственности будетъ извращена.

Отдавая предпочтеніе самостоятельной системѣ мѣстныхъ налоговъ и не соглашаясь признавать поземельный налогъ за единственный земскій налогъ, посмотримъ теперь, изъ какихъ составныхъ частей могла бы быть построена система мѣстныхъ налоговъ?

Мы признали, что плательщиками мѣстныхъ налоговъ должны быть всѣ мѣстные жители, какъ участники въ пользованіи выгодами, доставляемыми самоуправленіемъ. Система мѣстныхъ налоговъ должна отвѣчать этому требованію. Но создавать новые налоги въ наше время мудрено, въ виду того, что всѣ возможные источники ихъ уже затронуты государственными налогами. Трудно ожидать также, чтобъ при современномъ положеніи финансовъ, государство рѣшилось уступить земству какіе либо изъ своихъ налоговъ [1]. Остается слѣдовательно разсмотрѣть, какіе именно изъ существующихъ налоговъ наиболѣе пригодны исполнять обязанность налоговъ мѣстныхъ.

Понятно, что прежде всего налоги эти должны соотвѣтствовать общимъ теоретическимъ условіямъ хорошаго налога. Изъ двухъ обширныхъ отдѣловъ, — налоговъ прямыхъ и косвенныхъ, теорія отдаетъ рѣшительное предпочтеніе налогамъ прямымъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что мѣстное обложеніе должно ограничиваться одною прямою формою налоговъ?

Косвенные налоги, что ни говорятъ о нихъ, имѣютъ между прочимъ то весьма важное качество, что посредствомъ ихъ есть возможность облагать дѣйствительно всѣ классы населенія; тогда какъ большинство прямыхъ налоговъ даютъ возможность облагать только лицъ, владѣющихъ какою либо *видимою* собственностью. Точнѣе сказать, изъ всѣхъ прямыхъ налоговъ только два: самый несовершенный — поголовный и самый совершенный — подоходный — даютъ возможность облагать всѣхъ и каждаго.

Не взирая однако на возможность привлекать посредствомъ

---

[1]) Наше отечество находится въ особенно удобномъ положеніи для созданія самостоятельной системы мѣстныхъ налоговъ: у насъ нѣтъ пока настоящаго государственнаго поземельнаго налога; этотъ налогъ и можетъ лечь всецѣло въ основаніе нашей системы земскихъ налоговъ. Къ этому коренному налогу могутъ примкнуть потомъ нѣкоторые другіе налоги земскаго характера. (См. объ этомъ между прочимъ, *В. П. Безобразова*, Земскія Учрежденія и Самоуправленіе).

косвенныхъ налоговъ всѣхъ вообще мѣстныхъ жителей къ участію въ расходахъ на земское хозяйство, мы останавливаемся передъ вопросомъ о возможности осуществленія системы мѣстныхъ косвенныхъ налоговъ. Дѣйствительно, примѣненіе ихъ въ качествѣ земскихъ налоговъ едва ли гдѣ имѣетъ мѣсто; въ качествѣ же общинныхъ (городскихъ) налоговъ они выполняютъ свое назначеніе съ успѣхомъ, хотя въ послѣднее время, подъ вліяніемъ увѣщаній науки, начинаютъ выходить изъ употребленія [1]). Какъ лежащіе на предметахъ потребленія, требуя для себя разныхъ предупредительныхъ и контрольныхъ мѣръ, налоги эти ставятъ значительныя препятствія свободному развитію торговаго и промышленнаго движенія. Чѣмъ больше будетъ отдѣльныхъ областей взиманія, тѣмъ больше будетъ препятствій для экономическаго развитія народа. Это возвратило бы насъ къ средневѣковымъ порядкамъ, когда каждая община, не только провинція, замыкалась отъ другихъ, строго соблюдая свои ложно понятые промышленные и фискальные интересы.

Существованіе земскихъ косвенныхъ налоговъ повело бы не къ отграниченію нѣкоторыхъ только общинъ отъ окружающихъ мѣстностей контрольною чертою, а къ созданію цѣлой сѣти таможенно-акцизныхъ перегородокъ губернскихъ и уѣздныхъ. Трудно и представить себѣ то страшное стѣсненіе всего экономическаго быта государства, какое могло бы возникнуть при совмѣстномъ существованіи государственныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ косвенныхъ налоговъ.

Вообще, косвенные налоги такая форма обложенія, которая только и можетъ быть допущена въ видѣ общегосударственной формы обложенія. Примѣняясь на обширномъ пространствѣ цѣлаго государства, съ соблюденіемъ единства въ своемъ устройствѣ, косвенные налоги до нѣкоторой степени утрачиваютъ свои неудобства. Но иное дѣло, когда каждая провинція была бы отдѣлена отъ сосѣднихъ провинцій контрольною чертой. Подобное положеніе невыносимо не только для провинцій одного и того же государства, но даже для самостоятельныхъ государствъ, имѣющихъ схожіе экономическіе интересы. Это доказывается особенно наглядно возникновеніемъ Нѣмецкаго Таможеннаго Союза и нѣсколькихъ отдѣльныхъ акцизныхъ союзовъ нѣмецкихъ государствъ.

---

[1]) Во Франціи, за послѣдніе годы появилось множество сочиненій, направленныхъ противъ octroi. Въ Бельгіи octrois отмѣнены съ 1860 года. Въ Германіи тоже распространяется настроеніе противъ городскихъ акцизовъ.

Соображенія эти приводятъ къ заключенію, что косвенные налоги не только не должны, но и не могутъ быть допущены въ составѣ системы мѣстныхъ налоговъ, въ качествѣ самостоятельныхъ налоговъ. Но несомнѣнно, что взиманіе ихъ въ видѣ накладнаго процента къ государственнымъ косвеннымъ налогамъ или просто уступка государствомъ нѣкоторой доли дохода отъ этихъ налоговъ въ пользу земства были бы весьма важнымъ подспорьемъ для земскаго хозяйства. Такая уступка со стороны государства, по нашему мнѣнію, обусловливается даже простымъ чувствомъ справедливости: доходность косвенныхъ налоговъ зависитъ отъ степени довольства и благосостоянія потребителей обложенныхъ предметовъ, а содѣйствіе этому благосостоянію есть существенная задача мѣстнаго самоуправленія.

Устранивъ косвенные налоги изъ числа самостоятельныхъ составныхъ частей искомой нами системы мѣстныхъ налоговъ, мы приходимъ такимъ образомъ къ выше приведенному положенію, что система мѣстныхъ налоговъ должна состоять изъ налоговъ прямыхъ.

Здѣсь прежде всего представляется мысль разложить всю потребную на мѣстныя нужды сумму на мѣстныхъ жителей, въ видѣ налога поголовнаго или личнаго. Практика дѣйствительно представляетъ примѣры такого личнаго обложенія, — какъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ общинахъ въ Германіи (Bürgersteuer, Wohnsteuer); наши подушные земскіе сборы представляли до нѣкоторой степени подобнаго же рода обложеніе.

Земскій личный налогъ имѣетъ, конечно, всѣ тѣ же неудобства, что и государственный. Не говоря уже о поголовномъ налогѣ, смягченная форма личнаго налога — подушная подать и классный налогъ — все-таки не составляетъ равномѣрнаго обложенія, такъ какъ этотъ налогъ движется въ предѣлахъ заранѣе опредѣленныхъ окладовъ, подъ которые не всегда удается подвести совершенно вѣрно податную силу плательщика. А чѣмъ больше эта послѣдняя принимается въ уваженіе при раскладкѣ личнаго налога, тѣмъ больше онъ облекается въ форму налога подоходнаго [1]).

---

[1]) Классный налогъ (въ томъ видѣ какъ онъ напр. существуетъ въ Пруссіи и былъ проектированъ Московскимъ земствомъ для замѣны государственной подушной подати) не заслуживаетъ такого строгаго осужденія, въ особенности потому что онъ составляетъ самый практическій переходъ къ подоходной подати (такъ и было въ. Пруссіи). *Ред.*

Устраняя личные налоги, какъ неудобные и несовременные, приходимъ къ необходимости поимущественнаго обложенія. Въ составъ его войдетъ: 1) обложеніе доходовъ недвижимой собственности; 2) обложеніе промысловаго дохода. Этими налогами два важнѣйшіе класса мѣстныхъ жителей будутъ уже привлечены къ земскому дѣлу. Но помимо владѣльцевъ недвижимости и промышленниковъ есть еще другія лица и другіе классы, которые тоже должны войти въ нашъ податной списокъ. Какимъ образомъ заставить и ихъ нести свою лепту на земскія нужды?

У государства, для привлеченія *всѣхъ* къ налогамъ, есть многосложная система налоговъ, своего рода сѣть, въ которую каждый, за немногими исключеніями, непремѣнно попадаетъ. Земство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи подобной сѣти, тѣмъ болѣе, что мы не признаемъ за нимъ правъ на взиманіе косвенныхъ налоговъ, представляющихъ собою наиболѣе тѣсныя и запутанныя петли этой сѣти.

Какимъ же инымъ налогомъ можно затронуть всѣ остальные классы мѣстныхъ жителей? Возможность эта дается только однимъ налогомъ *подоходнымъ*.

Но подоходный налогъ способенъ примѣняться ко всѣмъ видамъ доходовъ. Нельзя ли поэтому слить отдѣльные виды прямыхъ налоговъ въ одинъ налогъ подоходный и на немъ построить систему земскихъ финансовъ?

Всеобщая подоходная подать, берущая изъ чистаго годоваго дохода каждаго гражданина извѣстный опредѣленный процентъ на государственныя, земскія и прочія надобности, осуществила бы собою идеалъ обложенія. Дѣло останавливается лишь за практическими трудностями устройства такой подати. Ниже мы представимъ подробное разсмотрѣніе подоходнаго налога въ качествѣ земскаго, а теперь пока остановимся на той группѣ налоговъ, которая при существующемъ порядкѣ вещей удобно можетъ быть примѣнена и отчасти примѣняется въ мѣстномъ финансовомъ хозяйствѣ.

Не мѣшаетъ однако остановиться здѣсь на одномъ требованіи, высказываемомъ нѣкоторыми, какъ относительно налоговъ государственныхъ, такъ и мѣстныхъ: это — чтобъ система налоговъ состояла изъ налоговъ непереложимыхъ, т. е. остающихся на первомъ плательщикѣ. Но желаніе создать систему обложенія изъ такихъ налоговъ, кажется, не затрудняясь можно отнести въ

разрядъ желаній неисполнимыхъ. Дѣйствительно, называютъ [1]) два налога, якобы не переложимые, изъ которыхъ одинъ рекомендуютъ какъ истинно-государственную подать, а другой, какъ истинно-мѣстную. Первый — это всеобщая лично-подоходная подать, второй — подать съ недвижимой собственности.

Совершенно справедливо, что только тѣ налоги экономически выгодны, которые не производятъ въ хозяйственномъ быту общества пертурбаціи, называемой переложеніемъ налоговъ. Но существуютъ ли такіе налоги? Говорятъ, что подоходный налогъ и налогъ съ недвижимой собственности именно обладаютъ этимъ свойствомъ. Едва ли это такъ: безусловно непереложимымъ можно считать только тотъ налогъ, который беретъ у каждаго равномѣрную долю, совершенно-пропорціональную его чистому доходу; но такой налогъ неосуществимъ, такъ какъ въ основаніе его должны лечь совершенно добросовѣстныя показанія всѣхъ и каждаго о своихъ доходахъ, — чего никакъ нельзя ожидать. Другихъ же средствъ для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о доходахъ не имѣется.

Правда, финансовая наука представляетъ извѣстные доводы въ доказательство непереложимости двухъ названныхъ налоговъ; но доводы эти утрачиваютъ, въ значительной степени, свою силу, если смотрѣть на переложеніе налоговъ, не какъ на одиночное явленіе, присущее или неприсущее тому или другому налогу, а какъ на явленіе всеобщее, порождаемое стремленіемъ каждаго изъ податныхъ лицъ избавиться, хотя частію, отъ отягощающаго ихъ бремени налоговъ. Если взглянемъ на дѣло съ этой, высшей точки зрѣнія, если признаемъ, вмѣстѣ съ Л. Штейномъ, переложеніе налоговъ за bellum omnium contra omnes, то и все препирательство о переложимости или непереложимости того или другаго налога отдѣльно, безъ связи съ другими взятаго, окажется ни къ чему не ведущимъ, безполезнымъ дѣломъ. Очевидно, что съ этой точки зрѣнія всякій налогъ способенъ къ переложенію, каковы бы ни были его единичныя свойства, — если только лицо, его платящее, находится въ условіяхъ, дающихъ ему возможность потребовать и получить большую плату за свои услуги или произведенія.

Изъ этого можно заключить, что опредѣлять годность того

---

[1]) *Schulz*, Ueber Staats- u. Gemeindesteuern. Berlin, 1869.

или другаго налога его непереложимостью — пріемъ совершенно излишній и безполезный.

Кажется, что мы лучше достигнемъ цѣли, если, вмѣсто этой шаткой почвы теоретическихъ измышленій, останемся на болѣе твердой почвѣ практическихъ соображеній, указывающихъ намъ на необходимость привлеченія всѣхъ мѣстныхъ жителей къ земскимъ налогамъ и на формы этихъ послѣднихъ, соотвѣтствующія источникамъ доходовъ различныхъ классовъ земскихъ обывателей. Формы же эти, какъ выше было сказано: *налогъ на недвижимую собственность* въ различныхъ ея видахъ, *налогъ промысловой* — для класса промышленнаго и *налогъ подоходный* для тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которыхъ нельзя причислить ни къ разряду собственниковъ, ни къ разряду промышленниковъ.

Принявъ какіе бы то ни было налоги, какъ составныя части данной системы налоговъ, предстоитъ опредѣлить справедливую, законную степень участія каждаго изъ этихъ источниковъ въ составѣ общей суммы требуемаго дохода.

IV.

Въ земскомъ и общинномъ финансовомъ хозяйствѣ, точно также, какъ и въ государственномъ, общая сумма доходовъ должна опредѣляться суммой расходовъ, т. е. размѣръ средствъ, которыя слѣдуетъ получить, долженъ быть согласуемъ съ размѣрами расходовъ, которые предстоитъ выполнить. Эту общую сумму нужныхъ доходовъ слѣдуетъ затѣмъ разложить на отдѣльные источники доходовъ и, наконецъ, по каждому источнику между отдѣльными плательщиками. Естественно, что раскладка эта должна быть равномѣрная, т. е. каждый источникъ долженъ быть привлеченъ къ налогу соразмѣрно своей податной силѣ. Нѣтъ основанія обременять одинъ какой либо источникъ больше другихъ, если нѣтъ на это причины въ его преимущественной податной силѣ. Такое предпочтительное обремененіе однихъ источниковъ въ облегченіе другимъ было бы только тогда законно, когда существовали бы ясныя, убѣдительныя доказательства, что одни виды собственности или доходовъ пользуются, въ большемъ, чѣмъ другіе, размѣрѣ, выгодами мѣстнаго сожительства, мѣстнаго благоустройства.

Доказательства, приводимыя въ пользу преимущественнаго обложенія владѣльцевъ недвижимой собственности и главнымъ образомъ поземельной, оказываются, какъ мы видѣли, слабыми.

Нельзя также доказать, чтобъ какой нибудь другой разрядъ мѣстныхъ жителей пользовался бо̀льшей суммой мѣстныхъ выгодъ, чѣмъ другіе классы. Поэтому равномѣрность обложенія остается неприкосновеннымъ началомъ. Дѣло однако представляется нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, если обратить вниманіе на прочность источниковъ дохода. Доходъ, получаемый отъ существующаго уже вещественнаго капитала, конечно прочнѣе дохода, получаемаго отъ капитала невещественнаго, представляемаго знаніемъ, способностью къ труду и т. п. Доходы этого рода должны быть облагаемы умѣреннѣе также и съ тою цѣлью, чтобы дать возможность получателю ихъ сдѣлать сбереженія, чѣмъ самымъ увеличивается въ государствѣ масса капиталовъ и прочныхъ доходовъ. Но такое, болѣе снисходительное отношеніе налога въ нашемъ случаѣ примѣнимо только къ тому налогу подоходному, посредствомъ котораго, какъ явствуетъ изъ изложеннаго выше, мы желали бы привлечь къ участію въ мѣстныхъ расходахъ также и тѣ разряды жителей, которые, живя въ данной мѣстности, не имѣютъ тамъ ни недвижимой собственности, ни промышленныхъ предпріятій. Коль скоро однако лица эти имѣютъ капиталъ вещественный (денежный), то доходъ съ него естественно долженъ быть подведенъ подъ общую норму обложенія.

Послѣ этихъ общихъ соображеній мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію условій осуществленія каждаго изъ предполагаемыхъ нами земскихъ налоговъ.

1) *Налогъ съ недвижимой собственности.* Налогъ этотъ представляется въ двухъ видахъ: a) *налогъ поземельный и* b) *налогъ на доходъ отъ строеній.*

a) *Поземельный налогъ.* Устройство его для земскихъ цѣлей можетъ имѣть двѣ формы: или это налогъ самостоятельный, независящій отъ системы государственныхъ налоговъ; или налогъ — состоящій въ непосредственной связи съ этою системой, если взимается въ видѣ накладнаго процента на общую сумму казеннаго поземельнаго налога.

Въ первомъ случаѣ, по естественному порядку, весь процессъ устройства и раскладки налога находится въ рукахъ мѣстныхъ жителей, въ лицѣ ихъ представительства, — мѣстныхъ или земскихъ собраній. Правительство даетъ здѣсь только общія

указанія въ видахъ сохраненія нѣкотораго однообразія и подчиненія дѣятельности мѣстнаго самоуправленія общему духу законодательства.

Поземельный налогъ, даже по условіямъ его раскладки, представляетъ болѣе свойствъ хорошаго мѣстнаго налога, нежели государственнаго. Извѣстно, что при всей научности кадастровыхъ операцій и при всей добросовѣстности въ ихъ выполненіи, правильность раскладки поземельнаго налога ими все-таки не достигается. Многолѣтній трудъ и большія деньги, употребленныя нѣкоторыми государствами на производство кадастра, оказываются большею частію почти безполезно потраченными. Раскладки налога, произведенныя на основаніи кадастра, обыкновенно оказываются весьма неточными. Совершенно въ иномъ свѣтѣ является дѣло, когда правительство обращается къ содѣйствію общества въ лицѣ земства и общинъ. Община безъ всякихъ математическихъ изысканій знаетъ и степень годности земли у каждаго изъ своихъ сочленовъ, и ея урожайность, и даваемый ею доходъ. Раскладка поземельнаго налога, произведенная общиной, въ большинствѣ случаевъ, будетъ поэтому вѣрнѣе и лучше раскладокъ, сдѣланныхъ при помощи кадастровыхъ ухищреній. Взиманіе поземельнаго налога тоже производится гораздо удобнѣе общинными властями, чѣмъ администраціей.

Въ виду такихъ земско-общинныхъ свойствъ поземельнаго налога весьма естественно желать, чтобъ государство вполнѣ уступило его въ пользу земства и общинъ, исключивъ его изъ своего бюджета. Если же поземельный налогъ будетъ имѣть двойственное значеніе, какъ налогъ государственной и какъ мѣстный, то первый долженъ стать въ подчиненное отношеніе къ второму, какъ въ Англіи, а не наоборотъ, какъ во Франціи. Раскладка государственнаго поземельнаго налога на основаніи данныхъ мѣстнаго таковаго же налога — явленіе, совершенно естественное; но опредѣлять мѣстный поземельный налогъ по даннымъ государственнаго налога, значитъ браться за дѣло съ противоположнаго конца.

Итакъ всего ближе представляется самостоятельный земскій поземельный налогъ, съ оцѣнками и раскладками, производимыми самимъ обществомъ, чрезъ своихъ представителей или уполномоченныхъ выборныхъ лицъ. Что касается до техническихъ пріемовъ и подробностей раскладки, то установленіе ихъ есть дѣло практики и ближайшихъ земскихъ соображеній.

b) *Налогъ на доходъ отъ строеній.* Это налогъ по преимуществу городской, ибо только городскія постройки имѣютъ самостоятельную цѣнность съ проявленіемъ особаго дохода. Сельскія постройки рѣдко имѣютъ такую самостоятельность: онѣ обыкновенно входятъ въ составъ общей оцѣнки поземельнаго владѣнія, какъ необходимая хозяйственная принадлежность, и доходность ихъ входитъ слѣдовательно въ общую сумму поземельнаго дохода, какъ одна изъ его составныхъ частей.

Но, помимо обложенія доходовъ городскихъ зданій, есть и внѣ городовъ строенія, неимѣющія сельскохозяйственнаго назначенія, но могущія быть причисленными въ разрядъ доходныхъ строеній. Это строенія — для различныхъ промышленныхъ производствъ не сельскохозяйственнаго характера.

Обложеніе такихъ строеній хотя и можно допустить, какъ допускаетъ его наше положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, но въ существѣ оно не имѣетъ достаточнаго основанія. Промысловое помѣщеніе составляетъ для промышленника не статью дохода, а напротивъ — статью расхода. Поэтому обложеніе промышленныхъ помѣщеній можетъ существовать только въ смыслѣ обложенія промысловаго дохода. Пространство и устройство этихъ помѣщеній служатъ въ этомъ случаѣ, вмѣсто другихъ данныхъ, для сужденія о величинѣ промысловаго дохода. Тогда это не налогъ на доходъ отъ зданія, а на самый промыселъ, и притомъ налогъ, опредѣляемый по весьма шаткому признаку.

Вводя въ систему мѣстныхъ налоговъ особый земскій промысловый налогъ и полагая возможнымъ распредѣлить его на основаніи иныхъ, болѣе вѣрныхъ признаковъ, мы считаемъ неумѣстнымъ подвергать налогу промысловыя строенія, точно также какъ и сельскохозяйственныя, какъ такія, которыя нельзя признать источникомъ самостоятельнаго дохода.

Самостоятельное обложеніе остается такимъ образомъ только для тѣхъ городскихъ строеній, и между негородскими, только для тѣхъ, которыя служатъ для жительства, пользованіе которыми и отдача въ наемъ могутъ быть разсматриваемы какъ особая отрасль дохода съ недвижимости. Судьба городскихъ строеній тѣсно связана съ судьбою города; доходность и цѣнность первыхъ зависятъ отъ благосостоянія и промышленнаго развитія втораго. Поэтому и налогъ съ городскихъ строеній есть по преимуществу налогъ городской общины. Но признавая за этимъ налогомъ его городское значеніе, нельзя отрицать въ немъ и земскаго харак-

тера. Городъ есть часть земства; владѣльцы городской недвижимой собственности пользуются несомнѣнно услугами земскаго самоуправленія, интересы его имъ не чужіе. Поэтому и участіе городскихъ собственниковъ въ земскихъ налогахъ совершенно справедливо и необходимо. Наконецъ, помимо городскаго и земскаго обложенія, недвижимая собственность въ городахъ нерѣдко подлежитъ и третьему налогу — государственному. Не слишкомъ ли это уже много? Конечно, всѣ эти три налога вмѣстѣ не должны превышать податной силы своего объекта, а для плательщика все равно, платить ли одинъ налогъ извѣстнаго объема или платить три налога, сумма которыхъ не превышаетъ этого объема. Но не все равно это для земства и общины: чѣмъ больше государственный налогъ, тѣмъ скромнѣе будутъ ихъ доли и наоборотъ; а между тѣмъ это налогъ преимущественно городской и земскій. Чтобъ разрѣшить возникающее здѣсь затрудненіе, всего правильнѣе было бы, кажется, чтобъ государство отказалось отъ своего права на налогъ и съ этого вида недвижимой собственности. Но если такая мѣра найдена была бы почему либо неосуществимою (хотя бы по причинѣ нарушенія ею гармоніи въ системѣ государственныхъ налоговъ), то нѣтъ ничего ужаснаго, если будутъ существовать рядомъ три налога съ одного и того же предмета, лишь бы они не превышали податной силы его. Но главная доля въ этомъ тройственномъ налогѣ во всякомъ случаѣ должна принадлежать городу; второе затѣмъ мѣсто займетъ земскій налогъ и наконецъ третье, т. е. наименьшую долю, получитъ налогъ государственный. Два послѣдніе налога — земскій и государственный могутъ пожалуй быть выражены въ видѣ процентовъ съ суммы главнаго, — городскаго налога. Обратное отношеніе здѣсь столь же неумѣстно, какъ и въ поземельномъ налогѣ, земскомъ по преимуществу.

Устройство взиманія налога со строеній — въ видѣ ли непосредственнаго взиманія съ владѣльцевъ или взиманія съ нанимателей (въ формѣ квартирнаго налога — Miethsteuer) - составляетъ дѣло практики, точно также какъ и подробности при взиманіи налога поземельнаго.

2) *Налогъ промысловой.* Привлеченіе промышленныхъ капиталовъ къ мѣстному обложенію составляетъ существенную, логичеcкую необходимость, такъ какъ владѣльцы этихъ капиталовъ пользуются также выгодами, даваемыми мѣстнымъ благоустройствомъ. Правда, они и сами не мало содѣйствуютъ раз-

витію этого благосостоянія, слѣдовательно, можно сказать, должны бы имѣть право пользоваться имъ безвозмездно; но вѣдь содѣйствіе съ ихъ стороны совершенно пассивное; оно является помимо ихъ воли, какъ естественное послѣдствіе развитія промышленности въ данной мѣстности.

Почти единственный, сколько нибудь значительный доводъ противъ земскаго налога на промышленность состоитъ въ томъ, что она несетъ уже на себѣ государственный промысловой налогъ, — слѣдовательно является опасность двойнаго обремененія одного и того же источника. На это можно возразить, что вопервыхъ, при нынѣ существующихъ системахъ промысловаго налога, онъ взимается въ размѣрѣ, гораздо меньшемъ дѣйствительной податной силы промысловаго дохода; а во-вторыхъ, для окончательнаго успокоенія тѣхъ, кто опасаются потрясенія промышленныхъ силъ страны, отъ чрезмѣрнаго будто бы обремененія промышленности налогами, можно напомнить, что налоги эти, въ большинствѣ случаевъ, входятъ въ составъ издержекъ производства, т. е. перелагаются на потребителей произведеній промышленности и слѣдовательно распредѣляются довольно равномѣрно между всѣми жителями страны, такъ какъ всѣ они — потребители.

Необходимость обложенія на мѣстныя надобности денежныхъ и вообще движимыхъ (промышленныхъ) капиталовъ сознается въ настоящее время даже въ Англіи, странѣ, не особенно склонной къ крутому измѣненію старыхъ порядковъ. Возраженія, которыя тамъ слышатся противъ обложенія этихъ капиталовъ, сводятся лишь къ практическимъ трудностямъ его устройства. Указываютъ напримѣръ, что деньги не имѣютъ постояннаго мѣста жительства и потому несправедливо было бы облагать ихъ въ пользу той мѣстности, гдѣ имъ случилось очутиться въ день собиранія налога. Но, понятное дѣло, нельзя же толковать объ обложеніи наличныхъ денегъ: облагается доходъ, доставляемый капиталомъ, котораго деньги суть только выраженіе, а для доставленія дохода капиталъ долженъ быть затраченъ въ какое либо промышленное предпріятіе въ опредѣленной мѣстности. Да и во всякомъ случаѣ, наконецъ, — облагать капиталъ по мѣсту пребыванія его хозяина совершенно основательно, даже и въ томъ случаѣ, когда капиталъ этотъ заключается въ процентныхъ бумагахъ. Капиталистъ пользуется мѣстнымъ благоустройствомъ и нѣтъ основанія доставлять ему это удобство безвозмездно.

Допуская обложеніе торговыхъ и т. п. капиталовъ говорятъ

однако, что облагать ихъ наравнѣ съ недвижимой собственностью нелѣпо. Едва ли однако есть въ этомъ что нибудь нелѣпаго: каждый доходъ долженъ быть обложенъ соразмѣрно своей величинѣ. Если поземельный доходъ и считается болѣе прочнымъ, за то промысловой доходъ быстрѣе выручается и потери промышленника даже легче возмѣщаются, чѣмъ потери поземельнаго собственника. Дальнѣйшія возраженія противъ мѣстнаго промысловаго обложенія въ Англіи сводятся къ неудобствамъ полученія свѣдѣній о доходахъ капиталистовъ и промышленниковъ — иначе, какъ путемъ собственныхъ показаній, что превратило бы этотъ налогъ въ мѣстный подоходный, — примѣровъ котораго нѣтъ, за исключеніемъ неудавшагося опыта въ С. Америкѣ. Бояться чего нибудь еще неизвѣданнаго нѣтъ основанія, если нѣтъ достаточныхъ доказательствъ опасности. Неудавшійся опытъ въ Америкѣ тоже не можетъ служить доказательствомъ противъ мѣстнаго подоходнаго налога. Неудача могла зависѣть и не отъ свойствъ налога, а отъ какихъ нибудь иныхъ обстоятельствъ [1]).

Англійскія сужденія о неудобствахъ мѣстнаго промысловаго налога не должны никого смущать: они легко объясняются нерасположеніемъ англичанъ къ обложенію промысловъ, вслѣдствіе чего у нихъ нѣтъ и государственнаго промысловаго налога, какъ общаго обложенія промышленности. Правда, промысловой доходъ облагается въ Англіи какъ одна изъ категорій подоходнаго налога; но извѣстно, что и подоходный налогъ не пользуется тамъ сочувствіемъ общества.

Что касается до способовъ раскладки мѣстнаго промысловаго налога, то нѣтъ необходимости придавать ему для этого форму подоходнаго налога. Если существуетъ государственное обложеніе въ видѣ патентовъ, гильдейскихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ, то мѣстное обложеніе удобно можетъ примкнуть къ государственному, въ видѣ накладнаго процентнаго сбора съ цѣны патентовъ, свидѣтельствъ и пр. Правда, способъ этотъ весьма далекъ отъ совершенства, въ особенности при нашей системѣ промысловаго обложенія. Признаки податной способности, на которыхъ основывается размѣръ окладовъ налога въ патентной системѣ, — признаки вообще шаткіе, а у насъ они въ особенности шатки. Вслѣдствіе этого, обложеніе промысловаго дохода у насъ оказывается состоящимъ внѣ всякой правильной

[1]) Ср. Economist, 1871, № 1441.

пропорціональности не только съ величиною доходовъ, но и по взаимному соотношенію окладовъ налога между собою; такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается обложеніе обратно пропорціональное податной силѣ объектовъ [1]). Изъ этого однако не слѣдуетъ, что система эта совсѣмъ негодится: въ ней возможны нѣкоторыя поправки, и, напримѣръ, французская патентная система представляетъ уже гораздо болѣе пропорціональности въ обложеніи, чѣмъ наша система промысловыхъ сборовъ. Несомнѣнно, что предоставленіе внутренней раскладки узаконенныхъ окладовъ обществамъ промышленниковъ между своими сочленами, — какъ это дѣлается напримѣръ у насъ съ городскимъ трактирнымъ сборомъ или въ Пруссіи относительно нѣкоторыхъ видовъ промысловъ, — значительно устранило бы существующую неравномѣрность обложенія.

Въ отношеніи земскаго (равно какъ и общиннаго) промысловаго налога представляется еще вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи долженъ стоять размѣръ этого налога къ государственному промысловому налогу, т. е. какъ великъ долженъ быть процентъ перваго по отношенію къ второму? Нѣкоторыя законодательства опредѣляютъ норму этого отношенія, другія не опредѣляютъ. Во Франціи напримѣръ, узаконенные размѣры мѣстнаго промысловаго сбора составляютъ отъ 2 до 5 и 10% по отношенію къ суммѣ государственнаго патентнаго налога. Въ Пруссіи допускается полное освобожденіе промысловаго налога отъ мѣстныхъ сборовъ, въ случаѣ же неосвобожденія, окладъ его не долженъ быть выше того, который будетъ назначенъ для мѣстнаго поземельнаго и подомовнаго налога (взимаемыхъ въ видѣ накладнаго процента съ государственнаго оклада), а эти въ свою очередь не могутъ быть ниже половины и выше цѣлаго оклада, взимаемаго на мѣстныя надобности въ извѣстномъ процентѣ съ государственныхъ классной и подоходной податей. Точный процентъ обложенія закономъ не опредѣленъ, слѣдовательно установленіе его предоставлено въ нѣкоторой степени мѣстнымъ собраніямъ [2]).

---

[1]) Недостатки нашего Положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ прекрасно разъяснены въ статьѣ Г.-М., помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы, 1871 г. № IX и X.

[2]) Ср. *Mascher*, Handbuch zum praktischen Gebrauch der Kreis- u. Amtsordnung etc. 1874. *Gneist*, Die Preussische Kreisordnung. 1870.

У насъ, закономъ 21 ноября 1866 г. размѣръ земскаго промысловаго обложенія опредѣленъ въ 25% и въ 10% съ цѣны промысловыхъ свидѣтельствъ, смотря по роду ихъ.

Такое положительное опредѣленіе нормы промысловаго налога нельзя признать удобнымъ: черезъ это земскіе налоги тяжелѣе ложатся на тѣ источники, норма обложенія которыхъ не указана въ законѣ, и такой выгодный объектъ налога, какъ промысловой доходъ и притомъ столь слабо обложенный и государственнымъ у насъ налогомъ, получаетъ льготу въ ущербъ другимъ, менѣе обильнымъ источникамъ. Если опредѣлять какую либо норму налога, то, или слѣдуетъ опредѣлить ее для большинства видовъ земскаго обложенія, какъ во Франціи, или же слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ численныхъ нормъ и обратить особенное вниманіе только на общую равномѣрность процента обложенія, какъ это дѣлаетъ Пруссія, предоставляя засимъ установленіе высоты процента обложенія самимъ земскимъ собраніямъ. Можетъ, правда, явиться опасеніе, что обложеніе будетъ неравномѣрно, смотря по преобладанію того или другаго класса въ собраніи, распредѣляющемъ налоги; но, какъ мы уже замѣтили выше, это возможно только при неправильномъ составѣ собраній; наконецъ, во всякомъ случаѣ, для обиженныхъ раскладкою есть путь жалобы на ея неправильность. Но если эта неправильность создана самимъ закономъ, то тутъ ничего уже не остается дѣлать, какъ ходатайствовать объ измѣненіи закона въ духѣ предоставленія большей свободы дѣйствія раскладывающему налоги учрежденію, съ цѣлію болѣе равномѣрнаго распредѣленія ихъ между всѣми плательщиками.

3. *Налогъ подоходный.* Этотъ налогъ мы признаемъ необходимымъ ввести въ систему мѣстныхъ налоговъ потому, что по привлеченіи къ нимъ капиталовъ недвижимыхъ и промышленныхъ, останутся свободными отъ мѣстнаго обложенія капиталы движимые, денежные, незатраченные въ производствѣ, а также и личные заработки. Между тѣмъ лица, владѣющія этими капиталами, равно личнымъ трудомъ заработывающія свои доходы, пользуются мѣстными удобствами и полезными результатами дѣятельности земскихъ и общинныхъ учрежденій, столько же какъ и прочіе жители данной мѣстности.

Если признаемъ за земскимъ подоходнымъ налогомъ право существованія (какъ оно признано въ Пруссіи, но только въ формѣ накладнаго, а не самостоятельнаго сбора), то останется

только разсмотрѣть, какіе именно виды доходовъ должны быть отнесены къ числу подлежащихъ этому налогу и какъ лучше можетъ быть выполнено самое обложеніе.

Если существуетъ въ государствѣ подоходный налогъ, то всѣ разнообразные виды доходовъ платятъ его и земское обложеніе можетъ выразиться въ накладномъ сборѣ по суммѣ государственнаго налога. Но если въ системѣ государственныхъ налоговъ подоходнаго налога нѣтъ, какъ у насъ напримѣръ, то земскій подоходный налогъ потребуетъ особыхъ мѣръ и указаній для своего устройства. Такимъ образомъ при существованіи земскихъ — поземельнаго и промысловаго налоговъ, подоходный налогъ будетъ лишь дополнительнымъ налогомъ къ первымъ двумъ, — служа для обложенія доходовъ, ими не затронутыхъ.

Въ частности доходы эти суть: доходы отъ процентныхъ и вообще кредитныхъ бумагъ, отъ служебныхъ содержаній, отъ высшихъ разрядовъ личнаго труда или такъ называемыхъ свободныхъ профессій.

Обложеніе первыхъ двухъ родовъ доходовъ можетъ быть устроено очень просто, посредствомъ вычетовъ назначеннаго процента, при выдачѣ этихъ полученій, учрежденіями, ихъ выдающими. Что же касается до обложенія доходовъ, получаемыхъ отъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій, то его можно осуществить въ видѣ патентнаго сбора [1]). Способъ удобный, но представляющій здѣсь еще больше несоразмѣрности съ величинами доходовъ, чѣмъ при патентномъ обложеніи промышленныхъ предпріятій. Завися главнымъ образомъ отъ личныхъ способностей, отъ таланта дѣятелей, посвятившихъ себя этимъ занятіямъ, доходы ихъ представляютъ чрезвычайное разнообразіе при всей повидимому одинаковости внѣшнихъ условій. Потому-то патентное обложеніе свободныхъ профессій, не смотря на его кажущіяся удобства, оказывается мало пригоднымъ, а единственнымъ правильнымъ способомъ надо признать обложеніе собственно подоходное. Вопросъ только въ способахъ осуществленія его.

Всегдашнее больное мѣсто подоходнаго налога — трудность полученія прочныхъ основаній для его раскладки. Если онъ взимается тамъ, гдѣ это возможно, посредствомъ прямыхъ вычетовъ при платежахъ изъ казны, то его большею частію и

---

[1]) Какъ напримѣръ у насъ это сдѣлано недавно относительно профессіи частныхъ повѣренныхъ, ходатаевъ, по судебнымъ дѣламъ.

называютъ тогда налогомъ на процентный доходъ, на жалованье, а не подоходнымъ. Другіе виды доходовъ изъ названныхъ нами, не представляютъ достаточной осязательности, легко ускользаютъ отъ изслѣдованія, а потому и отъ налога. Какъ извѣстно, главное основаніе для раскладки подоходнаго налога составляютъ собственныя показанія получателей доходовъ, съ повѣркой ихъ черезъ особыя коммиссіи. Все это, разумѣется, недостаточно вѣрно. Если, напримѣръ, довольно легко провѣрить свѣдѣнія о доходѣ адвоката, — по справкамъ изъ судебныхъ мѣстъ о количествѣ веденныхъ имъ дѣлъ и основываясь на нормальной таксѣ вознагражденія, — то уже гораздо труднѣе провѣрить показанія о доходѣ художника, врача, писателя и т. д.

Но весь этотъ классъ лицъ составляетъ главнымъ образомъ интеллигенцію страны; надо полагать, что имъ понятно чувство долга въ отношеніи государства и общества; смѣемъ думать, это люди, отъ которыхъ всего больше можно ожидать истинныхъ показаній.

Вопросъ о размѣрѣ обложенія здѣсь, какъ и относительно другихъ налоговъ, рѣшается практикой.

V.

Разсмотримъ теперь подоходный налогъ, какъ *единственный* мѣстный налогъ. Подоходный налогъ, какъ идеально-правильная форма обложенія, естественно всегда имѣлъ горячихъ поклонниковъ. Ему принадлежитъ самое видное и самое законное мѣсто въ ряду предположеній о замѣнѣ всей системы налоговъ единымъ общимъ налогомъ.

Горячее время этихъ предположеній для реформы въ такомъ смыслѣ государственныхъ податей уже миновало. Защитники и противники подоходнаго налога остались при своихъ убѣжденіяхъ. Зато, въ послѣднее время, являются новыя предложенія относительно подоходнаго налога въ качествѣ мѣстнаго налога.

Валькеръ, перебирая всѣ мѣстные налоги и находя въ нихъ различные недостатки, приходитъ къ заключенію, что единственный

справедливый мѣстный налогъ есть подоходный. Тоже высказываетъ Эйзенгартъ [1]).

Валькеръ [2]) даетъ подоходному налогу всеобъемлющее значеніе. Основою обложенія онъ ставитъ общинный подоходный налогъ. Къ этому налогу, по его мнѣнію, должны примыкать, въ видѣ накладныхъ сборовъ — уѣздные, провинціальные и государственные сборы. Это будетъ, какъ онъ называетъ, *децентрализированная* подоходная подать. Необходимость преобладанія общинной подоходной подати передъ другими ея видами объясняется тѣмъ, что община для себя производитъ оцѣнки и раскладки добросовѣстнѣе, нежели для казны. И слѣдовательно правильнѣе, чтобъ государственные податные интересы примкнули къ общиннымъ, а не на оборотъ, какъ требуютъ нѣкоторые писатели [3]). Наконецъ и взиманіе налога общиною дешевле, нежели взиманіе казенными финансовыми учрежденіями.

Примѣры такой общинной подоходной подати существуютъ, въ настоящее время, во многихъ городахъ Пруссіи. Примѣнимость подоходной подати къ общиннымъ сборамъ даетъ возможность заключить о примѣнимости ея и къ цѣлой провинціи, къ цѣлому земству. „Провинція есть распространенная община, хозяйственный союзъ, являющійся на выручку тамъ, гдѣ прекращается обязанность мѣстныхъ и общинныхъ союзовъ по отношенію выполненія извѣстныхъ хозяйственныхъ услугъ“. Самая „община не есть только принудительный союзъ сосѣдей; она обязана удовлетворять не однимъ только интересамъ, ограниченнымъ ея мѣстностью; задачи ея могутъ и выходить изъ границъ городской или общинной территоріи“ [4]).

Возможность и польза преобразованія мѣстныхъ налоговъ въ подоходную форму обложенія сознаны и въ Англіи. Уже въ 1850 году Палата Лордовъ, находя, что пособіе бѣднымъ должно быть общенароднымъ дѣломъ, предложила привлечь къ

---

[1]) *Walcker*, Die Selbstverwaltung des Steuerwesens, стр. 95.
Eisenhart, Die Kunst der Besteuerung, 1869, стр. 151.

[2]) Обязанностью нашею считаемъ замѣтить, что г. Валькеръ не пользуется въ финансовой наукѣ авторитетомъ, который могъ бы быть выведенъ изъ пространныхъ ссылокъ на него автора. *Ред.*

NB. Ссылки эти объясняются тѣмъ, что г. Валькеръ гораздо подробнѣе другихъ, болѣе авторитетныхъ писателей, изслѣдовалъ вопросъ о мѣстныхъ налогахъ. *Авт.*

[3]) *Sparre*, Die Einkommensteuer, 1855; также *Laspeyres*, *Eminghaus*, *Rentzsch*. см. Walcker, стр. 101.

[4]) *Schulz*, стр. 41 — 43.

нему всѣхъ жителей (а не нѣкоторыхъ только, какъ это дѣлается существующею тамъ poor-rate), по ихъ платежной способности — посредствомъ мѣстной подоходной подати. Хотя преобразованія не сдѣлано, но подобное предложеніе указываетъ на существованіе въ обществѣ убѣжденія въ томъ, что подоходная подать была бы болѣе правильнымъ способомъ обложенія на мѣстныя нужды. Правда, Гнейстъ, этотъ глубокій знатокъ англійскаго самоуправленія, находитъ, что общинныя подати не должны быть подоходными. Причину онъ видитъ въ томъ, что (англійская) община не имѣетъ права привлекать къ налогу тѣ владѣнія и доходы, которые не прикрѣплены, такъ сказать, къ почвѣ общины. Общинныя подати, по его мнѣнію, должны лежать на аристократіи и дворянствѣ (Adel und Landgentry). Но онъ упускаетъ изъ виду, что дѣйствительными плательщиками этихъ податей оказываются, по всей вѣроятности, съемщики земель, а не собственники (за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которые хозяйничаютъ сами). Вслѣдствіе возрастающаго скопленія поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, уже съ 1815 г. въ Англіи арендная плата все ближе приравнивается къ дѣйствительной доходности земель и, соотвѣтственно тому, прибыль арендаторовъ дѣлается все меньше. При такихъ условіяхъ весьма вѣроятно, что настоящими плательщиками общинныхъ податей являются не столько землевладѣльцы, сколько арендаторы, далѣе — рабочій классъ и вообще потребители.

Такимъ образомъ, хотя англійскія общинныя подати и имѣютъ характеръ преимущественно поземельныхъ сборовъ, но въ сущности лежатъ на всемъ обществѣ, съ тѣмъ только неудобствомъ противъ общаго подоходнаго налога, что вмѣсто непосредственной раскладки на подлежащихъ лицъ, налогъ распредѣляется между ними при помощи тяжкаго для многихъ процесса переложенія налоговъ. И наконецъ вовсе нежелательно, чтобъ мѣстные налоги лежали всею своею тяжестью на землевладѣльческомъ классѣ: если самоуправленіе есть не иное что, какъ передача нѣкоторыхъ обязанностей государства земству и общинѣ въ цѣломъ ихъ составѣ, а не однимъ владѣльцамъ недвижимой собственности, то и бремя земскихъ и общинныхъ расходовъ должно лежать на всѣхъ членахъ земства и общины, а не на одномъ ихъ классѣ.

На 9-мъ конгрессѣ нѣмецкихъ экономистовъ была высказана мысль, что общинная подоходная подать вредна тѣмъ, что поражаетъ (brandschätzt) богатаго къ выгодѣ поземельнаго соб-

ственника. Но что же тутъ дурнаго? Подать должна упадать на всѣхъ жителей общины, слѣдовательно и поземельные собственники заплатятъ ее соразмѣрно своимъ средствамъ. Правда, имъ будетъ легче, такъ какъ подоходную подать будутъ платить и тѣ, кто дотолѣ не несли на себѣ мѣстныхъ налоговъ; но развѣ можно осуждать такое законное, справедливое облегченіе поземельныхъ владѣльцевъ?

Итакъ, въ принципѣ, подоходный налогъ въ качествѣ мѣстнаго налога представляетъ по крайней мѣрѣ столь же удачное рѣшеніе вопроса о лучшей системѣ мѣстныхъ налоговъ, какъ и общій государственный подоходный налогъ — рѣшеніе вопроса о лучшей системѣ государственныхъ налоговъ. Скажемъ даже, что первое рѣшеніе удачнѣе втораго, ибо общинная и земская раскладка несомнѣнно будутъ удовлетворительнѣе казенной.

Но засимъ возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе разныя обстоятельства, могущія проявиться при примѣненіи мѣстнаго подоходнаго налога къ практикѣ.

Подоходный налогъ есть налогъ, связанный болѣе съ личностью получателя дохода, чѣмъ съ источниками послѣдняго. А вслѣдствіе этого является опасность двойнаго обложенія однихъ и тѣхъ же доходовъ — разъ по мѣсту нахожденія источниковъ дохода и другой разъ по мѣсту жительства получателя дохода. Мы не видимъ однако въ этомъ несправедливости. Въ одномъ случаѣ, лицо платитъ какъ бы за то, что данное общество, гдѣ находится его имущество, содѣйствуетъ извлеченію дохода отъ этого имущества, способствуя его процвѣтанію. Налогъ тутъ какъ бы входитъ въ составъ издержекъ производства дохода. Во второмъ случаѣ, платя налогъ съ дохода по мѣсту своего жительства, въ пользу этого мѣста, лицо платитъ за тѣ удобства, которыми оно здѣсь пользуется для своей жизни.

Единственное неудобство такого двойственнаго обложенія то, что налогъ можетъ оказаться черезъ-чуръ тяжелымъ. Но если кто живетъ не тамъ, гдѣ получается его доходъ, то значитъ находитъ это для себя болѣе выгоднымъ или болѣе пріятнымъ. Нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, чтобъ эти лица и платили нѣсколько больше. Если же они находятъ это для себя обременительнымъ, то никто имъ не воспрепятствуетъ поселиться тамъ, гдѣ ихъ доходъ производится, и такимъ образомъ избавиться отъ двойнаго обложенія. Это было бы даже экономически полезно: трата доходовъ въ мѣстѣ ихъ полученія содѣй-

ствовала бы развитію мѣстнаго благосостоянія. Да притомъ лица эти, нерѣдко безполезно пребывающія внѣ мѣстности, въ которой сосредоточены ихъ хозяйственные интересы, могли бы быть здѣсь полезны какъ земскіе и общинные дѣятели.

Впрочемъ двойное обложеніе одного и того же дохода можетъ быть устроено и прямо, т. е. законодательнымъ опредѣленіемъ, въ какомъ соотношеніи должны стоятъ требованія различныхъ земствъ или общинъ отъ одного и того же лица. Соотношеніе это должно бы, кажется, быть установлено съ нѣкоторымъ перевѣсомъ въ пользу той мѣстности, гдѣ доходъ производится.

Наконецъ — опасеніе двойнаго обложенія можетъ быть устранено и иначе. А именно, всѣ доходы каждой личности можно раздѣлить на два вида: по мѣсту ихъ происхожденія и по мѣсту жительства ихъ получателя. Первые облагались бы исключительно въ пользу той мѣстности (или вообще того земства), гдѣ они производятся, а вторые — въ пользу той, гдѣ лицо, ихъ пріобрѣтающее, имѣетъ постоянное пребываніе.

Этотъ выходъ изъ представляющагося затрудненія — имѣетъ однако то неудобство, что имъ подоходный налогъ разлагается на отдѣльныя составныя части, т. е. вмѣсто одного общаго подоходнаго налога получаемъ тѣ три мѣстные налога, о которыхъ мы говорили выше. Лицо будетъ платить слѣдовательно: налогъ съ дохода отъ недвижимой собственности и промысловъ, по мѣсту ихъ нахожденія и налогъ собственно подоходный съ той части своихъ доходовъ, которая имъ пріобрѣтается въ мѣстѣ его жительства отъ иныхъ источниковъ.

Такой исходъ грѣшитъ, пожалуй, противъ требованій абсолютной чистоты подоходнаго налога; но все-таки это повидимому удобнѣйшій способъ, чтобъ выйти изъ представляющихся практическихъ затрудненій при осуществленіи мѣстнаго подоходнаго обложенія.

Наконецъ, при существованіи общей мѣстной подоходной подати представляется еще вопросъ: не было ли бы умѣстнымъ, чтобъ весь окладъ, слѣдующій съ даннаго лица, уплачивался именно по мѣсту жительства его? Подоходный налогъ имѣетъ въ виду податную способность лицъ вообще взятую, а не податную силу составныхъ частей имущества, и потому кажется правильнымъ привлекать каждое лицо къ налогу именно въ пользу той мѣстности, гдѣ оно имѣетъ постоянное пребываніе.

Но, въ существѣ дѣла — это несправедливо: въ силу владѣнія собственностью въ другомъ мѣстѣ лицо въ юридическомъ отношеніи есть гражданинъ этого послѣдняго; оно имѣетъ прочную, фактическую связь съ этой мѣстностью; тогда какъ связь съ мѣстомъ жительства нерѣдко есть внѣшняя, случайная, неимѣющая никакихъ преданій. Наконецъ, при такомъ устройствѣ обложенія, нѣкоторыя мѣстности остались бы при самыхъ незначительныхъ средствахъ, если бы крупные источники ихъ доходовъ пошли этимъ путемъ на пользу другихъ мѣстностей.

Раскладка подоходнаго налога, какъ извѣстно, имѣетъ свои трудности и неудобства, которыя и служатъ главными поводами къ возраженіямъ противъ него. Извѣстно также, что лучшее средство для устраненія этихъ неудобствъ, на сколько можно, состоитъ въ предоставленіи производства раскладки самимъ обществамъ, въ лицѣ ихъ уполномоченныхъ и что только при этомъ способѣ можно достигнуть истинной, а не воображаемой, оффиціальной равномѣрности въ распредѣленіи налога. Нѣкоторые писатели, проектирующіе подоходный налогъ какъ земскій, признаютъ необходимымъ, для раскладки его, существованіе особаго финансоваго жюри, избираемаго общиной. Порядокъ же составленія и выбора этого жюри они ставятъ въ зависимость отъ того обстоятельства, — будетъ ли подоходная подать единственнымъ государственнымъ и мѣстнымъ налогомъ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, право выбора въ мѣстное представительство они полагаютъ опредѣлять по размѣру подоходной подати каждаго плательщика и по стоимости несомой имъ почетной должности или военной службы. Представители общинъ являются избирателями уѣзднаго представительства, а члены этого послѣдняго — избирателями представительства провинціальнаго. Члены этого послѣдняго въ государствахъ конституціонныхъ должны быть избирателями народнаго представительства. Если подоходная подать еще не введена или не составляетъ единственнаго налога, то избирательныя права должны опредѣляться суммою всѣхъ налоговъ, пошлинъ и повинностей, лежащихъ на податномъ лицѣ [1]). Такимъ образомъ получилось бы безсословное финансовое жюри, представляющее конечно больше ручательства въ правильности и безпристрастіи раскладки, чѣмъ какія либо сословныя раскладочныя коммиссіи. Является только

---

[1]) См. *Вальмеръ*.

сомнѣніе, будетъ ли такое жюри, составленное изъ представителей всякого рода собственности, совершенно компетентнымъ оцѣнщикомъ и раскладчикомъ? Кажется, что нѣтъ. Потому намъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ учрежденіе, для непосредственнаго производства оцѣнокъ, отдѣльныхъ жюри по каждому виду собственности изъ выборныхъ отъ соотвѣтственнаго разряда податныхъ лицъ. Эти жюри также будутъ всесословныя или безсословныя, такъ какъ въ составъ ихъ войдутъ лица различныхъ же классовъ, въ качествѣ поземельныхъ владѣльцевъ, промышленниковъ и пр.

Упомянемъ еще, что едва ли не самая дѣйствительная мѣра для полученія правильныхъ оцѣнокъ заключается въ гласности податныхъ списковъ. Справедливо говорятъ что эта гласность есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, находящихся во власти государства для развитія нравственнаго чувства и патріотизма [1]).

Остается разсмотрѣть еще, чѣмъ должна опредѣляться высота податнаго процента при земскомъ (равно и общинномъ) подоходномъ налогѣ. Намъ кажется, что здѣсь она должна слѣдовать иному порядку опредѣленія, нежели въ государственномъ подоходномъ налогѣ. Тутъ она опредѣляется закономъ на неопредѣленное время. Въ земскомъ же и общинномъ обложеніи она должна измѣняться сообразно величинѣ потребности въ средствахъ, — слѣдовательно установленіе податнаго процента на каждый финансовый періодъ должно зависѣть отъ учрежденія, составляющаго земскій или общинный бюджетъ, т. е. отъ земскаго и общиннаго представительства. Тоже впрочемъ должно бы быть и при замѣнѣ всѣхъ государственныхъ налоговъ однимъ подоходнымъ.

Законъ можетъ предписать высшій размѣръ податнаго процента; но это безполезно: обойти законъ можно повышеніемъ оцѣнокъ доходовъ, и къ этому всегда есть возможность, такъ

---

[1]) Извѣстно напримѣръ, что англійская и австрійская система храненія податныхъ списковъ въ тайнѣ имѣетъ послѣдствіемъ множество ложныхъ показаній. Въ Пруссіи, въ виду опытомъ доказаннаго неудобства этой таинственности, уже съ 1855 г. стали публиковать въ Kreisblatt'ахъ свѣдѣнія объ окладахъ подоходной подати. Примѣръ весьма широкой гласности въ подоходной подати представляетъ Цюрихъ; затѣмъ Италія относительно промысловаго налога, составляющаго тамъ часть общаго подоходнаго налога. Валькеръ желаетъ даже, чтобъ оцѣночные списки пользовались самой широкой гласностью, чтобы они публиковались въ газетахъ и обращались въ книжной торговлѣ, что имѣло бы, по его мнѣнію, большую пользу для всего промышленнаго и торговаго міра. См. Walcker, стр. 145—148.

какъ оцѣнки обыкновенно остаются ниже дѣйствительной податной силы доходовъ; а слѣдовательно есть и нѣкоторый просторъ для повышенія оцѣнокъ съ цѣлью обойти стѣснительный законъ. Напротивъ того, при свободномъ и безпристрастномъ примѣненіи мѣстными учрежденіями своего права установлять высоту обложенія каждаго источника дохода, можетъ установиться для каждой мѣстности обложеніе, совершенно пропорціональное податной силѣ облагаемыхъ доходовъ, соотвѣтствующее ихъ мѣстному экономическому значенію и мѣстной потребности въ средствахъ.

Итакъ — собственныя показанія податныхъ лицъ передъ финансовыми присяжными, повѣрка показаній этими послѣдними и процентъ налога, измѣняемый смотря по потребности мѣстнаго бюджета и по экономическому положенію того или другаго источника — вотъ основанія, на которыхъ должна построиться и развиваться система земскаго подоходнаго налога.

Мы разсмотрѣли, въ общихъ чертахъ, современное положеніе вопроса о мѣстныхъ налогахъ и изложили основныя черты того устройства, которое они должны-бы имѣть сообразно характеру и условіямъ мѣстнаго самоуправленія. Что касается предположеній о замѣнѣ всѣхъ мѣстныхъ налоговъ однимъ подоходнымъ, то, не взирая на всю завлекательность его основной мысли, мы, не обинуясь, отнесемъ его пока въ область мечтаній, куда сдается многое въ ожиданіи своей очереди проведенія въ жизнь. Очередь эта однако въ нѣкоторыхъ странахъ повидимому уже наступаетъ. На это указываютъ все чаще встрѣчающіяся, напримѣръ въ Германіи, заявленія о неудовлетворительности существующихъ прямыхъ налоговъ, въ виду ихъ малой способности примѣняться къ измѣняющимся финансовымъ нуждамъ государства и общины. Въ подоходной подати видятъ единственный исходъ изъ финансовыхъ затрудненій, возникающихъ вслѣдствіе расширенія объема государственныхъ и мѣстныхъ потребностей. Особенно пропагандируется притомъ подоходная подать съ прогрессивнымъ процентомъ, который, кажется, все болѣе и болѣе перестаетъ производить на умы впечатлѣніе чего-то чудовищнаго и противуестественнаго [1]).

---

[1]) Ср. *Neumann*. Die progressive Einkommensteuer. 1874.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ ОТХОЖІЕ ПРОМЫСЛЫ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЕМЪ КРЕСТЬЯНЪ.

В. И. ЧАСЛАВСКАГО.

I.

Вездѣ, гдѣ хозяйство русскаго крестьянина не даетъ ему необходимыхъ средствъ для существованія и уплаты налоговъ, способомъ пополненія этого недостатка служатъ ему промыслы: мѣстные или отхожіе. При скудныхъ размѣрахъ земельныхъ надѣловъ въ 2—4 десятины на душу, какіе получило большинство крестьянъ, при тягости налоговъ, которые приходится имъ платить въ трудное переходное время послѣ освобожденія и выкупа, понятно, до какой степени важную роль въ быту крестьянъ играютъ эти промыслы. Во многихъ мѣстахъ они составляютъ не подспорье, а главное средство для существованія.

Мѣстные промыслы существуютъ вездѣ, во всѣхъ полосахъ Россіи. Для крестьянина они представляютъ самое удобное, самое сподручное средство для пополненія того, чего не можетъ дать ему надѣлъ. Эти мѣстные промыслы заключаются:

во-1-хъ, въ наймѣ въ работники въ своей же мѣстности (на сельскія работы или на фабрики и заводы) или въ съемкѣ земли для обработки гдѣ-нибудь по сосѣдству;

и во-2-хъ, въ приготовленіи разныхъ издѣлій, преимущественно для крестьянъ-же, которыя имѣютъ сбытъ или по деревнямъ, или на небольшихъ мѣстныхъ рынкахъ.

Наконецъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, преимущественно въ такъ называемыхъ промышленныхъ, развито приготовленіе и такихъ издѣлій, которыя сбываются на довольно далекіе рынки (кустарные промыслы).

Но мѣстные промыслы, по разнымъ причинамъ, далеко не даютъ крестьянамъ средствъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ, и потому почти изъ всѣхъ губерній ежегодно уходятъ цѣлыя массы народа въ промыслы отхожіе. Идутъ крестьяне или на лѣто, или на зиму, или наконецъ на круглый годъ. И это ежегодное передвиженіе народа, до сихъ поръ совершенно неизслѣдованное, до такой степени велико, что трудно сказать, какіе промыслы даютъ крестьянамъ больше заработковъ, мѣстные ли, или отхожіе. По крайней мѣрѣ есть много мѣстностей, откуда уходятъ не только всѣ взрослые работники, но и подростки, такъ что дома остаются только женщины, да старики и дѣти, и женщины выполняютъ всѣ полевыя работы, даже пашутъ и косятъ сами. Значеніе отхожихъ промысловъ возрастаетъ постоянно, такъ какъ эти промыслы, послѣ освобожденія крестьянъ, все болѣе и болѣе развиваются какъ въ сѣверной, нечерноземной, такъ и въ южной половинѣ Россіи.

Отхожіе промыслы, по общему ихъ характеру, можно раздѣлить на два главныхъ вида: промыслы земледѣльческіе, когда крестьяне уходятъ на полевыя работы или для съемки земель, и промыслы, не имѣющіе чисто земледѣльческаго характера.

Послѣдніе распространены въ губерніяхъ сѣверной половины Россіи, въ ея нечерноземной части, и развиты болѣе всего въ губерніяхъ промышленныхъ. Здѣсь народъ идетъ въ плотники, каменьщики, штукатуры, маляры, въ дворники, сидѣльцы, трактирщики; идетъ въ сельскіе портные, шерстобиты, землекопы, судовщики, извощики и пр.; наконецъ идетъ на фабрики. Большая часть этихъ рабочихъ направляется въ Петербургъ и Москву, затѣмъ въ Сибирь, на югъ и востокъ европейской Россіи.

Напротивъ въ черноземныхъ губерніяхъ развиты отхожіе промыслы чисто земледѣльческаго характера, и эти-то промыслы служатъ тамъ почти единственнымъ средствомъ для пополненія необходимаго для существованія и уплаты налоговъ. Развитіе этихъ земледѣльческихъ промысловъ, размѣры движенія народа,

идущаго въ заработки, едва ли менѣе, чѣмъ въ губерніяхъ нечерноземныхъ. Все передвиженіе сельскихъ рабочихъ происходитъ почти исключительно въ предѣлахъ черноземной полосы [1]) и направляется на югъ и юго-востокъ, — изъ сѣверной, гуще населенной, половины чернозема въ южныя и юго-восточныя, его окраины, степныя и рѣдко населенныя.

Мѣстность, которая привлекаетъ сельскихъ рабочихъ, тянется по южной и восточной окраинамъ чернозема, начиная почти отъ границъ Молдавіи и вплоть до Сибири. Она заключаетъ въ себѣ: небольшую часть Бессарабіи, большую часть Херсонской губерніи, губернію Таврическую, восточные уѣзды губерніи Екатеринославской, область Кубанскую, Ставропольскую губернію, область Донскую, южныя украины Саратовской губерніи, южную половину Самарской и части губерній Оренбургской и Уфимской. Во всей этой мѣстности большая часть сельскихъ работниковъ состоитъ изъ людей пришлыхъ. Часть ихъ приходитъ на время съ весны до осени, это такъ называемые сроковые рабочіе; но большая часть приходитъ только лѣтомъ, на короткое время, для спѣшныхъ работъ, именно на такъ называемую косовицу, т. е. для уборки травъ и хлѣбовъ. Эти послѣдніе нанимаются или на все время уборки, или по-десятинно, или наконецъ просто поденно.

Полоса, изъ которой идутъ всѣ эти рабочіе, лежитъ сѣвернѣе очерченной полосы, въ сѣверной половинѣ чернозема. Главными мѣстностями, изъ которыхъ идетъ большая часть этихъ рабочихъ, могутъ быть названы двѣ. Центромъ первой можно считать сѣверо-западные уѣзды Харьковской губерніи: Богодуховскій и Ахтырскій, и уѣздъ Грайворонскій, Курской губерніи. Къ нему съ запада примыкаетъ группа сѣверныхъ уѣздовъ Полтавской губерніи и далѣе

---

[1]) Не считая совершенно ничтожныхъ частныхъ передвиженій сельскихъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной половины Россіи и промысла огородниковъ. Огородники изъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, расходятся, какъ извѣстно, по всей Россіи; въ замѣнъ того въ Ростовскій уѣздъ приходятъ для огородныхъ работъ крестьяне изъ Кашинскаго уѣзда и пастухи изъ Владимірской губерніи. Затѣмъ для сельскихъ работъ приходятъ крестьяне въ мещорскій край; идутъ сельскіе работники въ окрестности Петербурга; въ нѣкоторые уѣзды Ярославской губерніи передвигаются крестьяне изъ Бѣжецкаго и Весьегонскаго уѣздовъ; да въ послѣднее время идутъ въ разныя мѣста крестьяне изъ самыхъ нуждающихся мѣстностей: изъ Смоленской губерніи (напр. въ Тверскую), изъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи: Мглинскаго и Суражскаго, и изъ Пинскаго полѣсья. Вотъ почти всѣ передвиженія для земледѣльческихъ работъ въ предѣлахъ нечерноземной полосы; притомъ размѣры этихъ передвиженій вообще очень не велики.

на сѣверо-западъ нѣкоторые уѣзды губерніи Черниговской. На востокъ отъ него лежитъ группа уѣздовъ Курской губерніи, большинство которыхъ высылаетъ также много рабочихъ; на сѣверѣ сюда примыкаютъ уѣзды Орловской губерніи и на юго-востокѣ юго-западные уѣзды Воронежской губерніи.

Вторая мѣстность, начинаясь въ губерніи Рязанской, въ уѣздахъ Скопинскомъ, Михайловскомъ и Пронскомъ, тянется затѣмъ на востокъ, охватывая уѣзды Моршанскій, Шацкій, Елатомскій и Кирсановскій Тамбовской губерніи, проходитъ затѣмъ по всей серединѣ губерніи Пензенской, захватывая на сѣверѣ уѣздъ Лукояновскій, а на югѣ Кузнецкій, и оканчивается западными уѣздами губерніи Симбирской: Ардатовскимъ, Алатырскимъ, Корсунскимъ, Курмышскимъ и частями Сенгилеевскаго и Сызранскаго.

Обѣ эти мѣстности почти сливаются между собою, составляя почти одну сплошную полосу, такъ какъ многіе изъ промежуточныхъ уѣздовъ высылаютъ также на югъ болѣе или менѣе рабочихъ. На западѣ къ этой полосѣ примыкаютъ ближайшіе уѣзды Екатеринославской губерніи, изъ которой рабочіе также уходятъ на юго-востокъ (по большей части въ Ставропольскую губернію); затѣмъ еще западнѣе южные уѣзды Кіевской губерніи и нѣкоторые уѣзды губерніи Подольской, на крайнемъ западѣ уѣздъ Новоушицкій. На востокъ отъ этой полосы лежитъ одинъ только уѣздъ Чистопольскій Казанской губерніи, изъ котораго также уходятъ рабочіе.

Полосу, куда направляются массы рабочихъ, можно также раздѣлить на нѣсколько болѣе или менѣе типичныхъ мѣстностей:

1) Полоса заключающая въ себѣ южную половину Самарской губерніи и примыкающія части губерній Оренбургской и Уфимской; сюда идутъ рабочіе преимущественно изъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской губерніи, а также изъ уѣздовъ Лукояновскаго, Кузнецкаго и Чистопольскаго;

2) Область Донская, куда рабочіе приходятъ изъ губерній Тамбовской, Рязанской, Курской и Воронежской;

3) Сѣверный Кавказъ, привлекающій рабочихъ изъ губерній Воронежской, Курской, Харьковской и Екатеринославской;

4) Южныя и восточныя части Екатеринославской губерніи и губернія Таврическая, куда рабочіе приходятъ изъ Курской, Харьковской, Полтавской и Черниговской губерній.

И 5) Губернія Херсонская, куда идутъ преимущественно изъ

Полтавской и Черниговской губерній; прежде шли сюда рабочіе изъ южныхъ уѣздовъ Кіевской губерніи и изъ губерніи Подольской; теперь приливъ ихъ почти прекратился, и только изъ Новоушицкаго уѣзда идутъ рабочіе въ Бессарабію.

Таково общее направленіе передвиженія сельскихъ рабочихъ въ юго-восточной половинѣ Россіи [1]).

При взглядѣ на карту мы увидимъ, что вся мѣстность, высылающая на югъ и юго-востокъ массу рабочихъ, лежитъ почти исключительно въ предѣлахъ трехпольной черноземной полосы, т. е. что крайній сѣверный предѣлъ ея составляетъ сѣверная граница чернозема, а предѣломъ южнымъ служитъ южная граница преобладанія трехпольной системы хозяйства. Напротивъ мѣстность, привлекающая рабочихъ, лежитъ въ области хозяйства степнаго, переложнаго, и самый ея предѣлъ совпадаетъ съ южной границей чернозема въ европейской Россіи. Мы увидимъ также, что граница между этими двумя мѣстностями рѣзко обозначается различіемъ въ густотѣ населенія. Сѣвернѣе этой границы лежитъ мѣстность, самая населенная въ европейской Россіи. Это-то именно и есть мѣстность, высылающая рабочихъ. Южнѣе границы лежитъ напротивъ полоса степная, рѣдко населенная, особенно восточная и юго-восточная ея окраины.

Эти-то причины: малоземеліе и густота населенія, съ одной стороны, многоземеліе, свѣжесть дѣвственной почвы и недостатокъ населенія, съ другой стороны, и обусловливаютъ прежде всего то громадное передвиженіе рабочихъ изъ одной полосы въ другую, которое мы и хотимъ разсмотрѣть.

II.

Густота населенія отдѣльныхъ уѣздовъ и мѣстностей въ полосѣ, высылающей рабочихъ, колеблется между 27 и 65 жителей на кв. версту. Населенность же полосы, привлекающей ихъ, составляетъ отъ 5,1 (у. Новоузенскій) до 20 (губ.

---

[1]) См. прилагаемую карту земл. отхож. промысловъ. Болѣе или менѣе сильный отливъ рабочихъ изъ разныхъ уѣздовъ и ихъ приливъ въ разныя мѣстности, обозначены на картѣ болѣе или менѣе густыми тѣнями.

Херсонская) жителей на кв. версту, если не считать калмыцкихъ сотенъ въ области Донской, где густота населенія равна 1,3.

Переводя этотъ расчетъ на десятины, получаемъ:

въ полосѣ, изъ которой уходитъ много рабочихъ, на каждаго жителя мужескаго пола приходится отъ 3,5 до 7,7 десятинъ изъ всей поверхности данной области;

въ полосѣ, куда идутъ рабочіе, отъ 10,4 до 41 десятины.

Разсмотримъ значеніе послѣднихъ цифръ.

Извѣстно, что увеличеніе населенія въ какой бы то ни было мѣстности и связанное съ нимъ стѣсненіе въ земляхъ всегда вынуждаютъ переходъ къ новой системѣ хозяйства. Наблюденія показываютъ, что кочевыя племена въ европейской Россіи должны переходить къ земледѣлію и осѣдлости при уменьшеніи ихъ земель до 40 десятинъ на каждаго жителя мужскаго пола, какъ это и случилось недавно съ башкирами Николаевскаго уѣзда. Киргизы Букеевской орды имѣютъ еще по 81 десятинѣ; калмыки Донской области болѣе 100 десятинъ. Наблюденія показываютъ также, что при 10 десятинахъ постояннаго надѣла на душу мужскаго пола наши крестьяне должны уже оставлять переложную систему, какъ бы ни былъ плодороденъ черноземъ; эти факты можно наблюдать теперь и въ Екатеринославской, и въ Воронежской, и въ Самарской губерніяхъ. Въ полосѣ, гдѣ на жителя мужскаго пола приходится болѣе 20 десятинъ земли, нельзя встрѣтить инаго хозяйства, какъ переложное, ни у казаковъ, ни у крестьянъ, ни у помѣщиковъ; но разъ надѣлъ крестьянина, хотя бы и на самомъ свѣжемъ черноземѣ, стѣсняется до 10 десятинъ, крестьянинъ оставляетъ перелоги. Онъ выбираетъ обыкновенно сначала двупольную систему, т. е. сѣетъ хлѣбъ на одной половинѣ надѣла, оставляя другую отдыхать. Но это продолжается не долго, и онъ скоро переходитъ къ системѣ трехпольной. Первое время, на свѣжія земли, онъ не кладетъ удобренія и сѣетъ пшеницу, но скоро пшеница начинаетъ родиться плохо, онъ замѣняетъ ее рожью; потомъ и урожаи ржи уменьшаются, и онъ переходитъ, по необходимости, къ удобренію. При 8 десятинахъ надѣла нигдѣ въ Россіи нельзя встрѣтить у крестьянъ иной системы, какъ трехпольную.

Крестьянскіе надѣлы, въ дѣйствительности, далеко не заключаютъ въ себѣ того, что приходится въ среднемъ на каждаго жителя мужскаго пола въ данной области, и надѣлы, подходящіе къ даннымъ нормамъ, встрѣчаются только у не-

большой части государственныхъ крестьянъ; у помѣщичьихъ крестьянъ они гораздо меньше. Причины, почему надѣлы большинства крестьянъ гораздо ниже этихъ нормъ, заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ, изъ всего пространства данной области болѣе или менѣе значительную долю составляютъ воды, болота, неудобныя земли и пр.; затѣмъ болѣе или менѣе значительная доля земель принадлежитъ помѣщикамъ, казнѣ, удѣлу, городамъ и пр., слѣдовательно также исключается изъ владѣнія всего остальнаго населенія. Самые надѣлы крестьянъ въ одной и той же мѣстности очень разнообразны по своимъ размѣрамъ; крестьяне государственные и удѣльные получили вообще гораздо большіе надѣлы, чѣмъ крестьяне бывшіе помѣщичьи; притомъ и эти послѣдніе надѣлены до того неравномѣрно, что maximum и minimum ихъ надѣловъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ относятся, какъ 4 : 1.

Понятно, что при такомъ разнообразіи поземельныхъ условій у крестьянъ разныхъ категорій, даже у живущихъ бокъ о бокъ, могутъ встрѣчаться совершенно разнородныя культуры и системы хозяйства. Такъ въ центральной полосѣ Самарской губерніи, въ ю.-в. окраинѣ губ. Екатеринославской у государственныхъ крестьянъ можно найти еще перелоги, между тѣмъ какъ у помѣщичьихъ хозяйство уже трехпольное. У колонистовъ-болгаръ на берегу Азовскаго моря, близь Бердянска, при большомъ надѣлѣ, хозяйство переложное, между тѣмъ рядомъ у помѣщичьихъ крестьянъ трехпольное.

Ограниченные надѣлы крестьянъ дѣлаютъ то, что и во многихъ мѣстахъ степной полосы, какъ-то въ губ. Херсонской, въ степныхъ частяхъ губ. Харьковской, Воронежской, въ южныхъ частяхъ Полтавской, Саратовской и пр., у помѣщиковъ переложное хозяйство, а у крестьянъ трехпольное; по правому берегу Днѣпра трехпольное хозяйство у крестьянъ спускается на югъ вплоть до Чернаго моря. Эта полоса съ перемежающимися системами хозяйства, смотря по категоріямъ владѣльцевъ земли, обусловливаемая двумя причинами: степенью населенности и размѣрами крестьянскихъ надѣловъ, лежитъ тотчасъ же на югъ отъ полосы чисто трехпольной. Южнѣе ея лежитъ уже полоса чисто-степная, переложная. Эта переходная полоса имѣетъ среднюю населенность въ 10 — 20 жителей обоего пола на квадр. версту, именно около 10 жителей на востокѣ и около 20 на западѣ. При расчетѣ на десятины это составляетъ отъ 10 де-

сятинъ на каждаго жителя мужскаго пола, на западѣ, до 20 десятинъ на крайнемъ востокѣ европейской Россіи.

Итакъ наблюденія обнаруживаютъ слѣдующій фактъ: при населенности на каждыя 10 десятинъ всей поверхности извѣстной области по одному жителю мужскаго пола и болѣе трехпольная система существуетъ повсемѣстно. Полоса, гдѣ на жителя мужскаго пола приходится отъ 10 до 20 десятинъ, представляетъ переходъ отъ переложнаго хозяйства къ трехпольному, причемъ перелоги, преобладаютъ на земляхъ помѣщиковъ, а трехпольное хозяйство у крестьянъ. Затѣмъ полоса, населенная рѣже, гдѣ на жителя мужскаго пола приходится отъ 20 до 40 десятинъ, есть полоса степнаго, переложнаго хозяйства. Свыше 40 десятинъ можетъ существовать кочевое хозяйство, основанное на одномъ скотоводствѣ, лучшая норма для него 80—100 десятинъ на жителя мужскаго пола.

Передвиженіе сельскихъ рабочихъ совершается почти исключительно изъ первой полосы въ третью, т. е. изъ чисто-трехпольной въ полосу съ хозяйствомъ переложнымъ.

Разсмотримъ ближе различія въ поземельныхъ условіяхъ этихъ двухъ полосъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе различіе въ давности заселенія и обработки этихъ двухъ полосъ. Трехпольная черноземная полоса начала заселяться вмѣстѣ съ началомъ существованія Руси; она заселялась постепенно, по мѣрѣ того, какъ черноземныя степи отвоевывались русскими у кочевниковъ, и во время удѣльнаго періода, и при московскихъ царяхъ. При послѣднихъ она была присоединена окончательно, и можно сказать, что вся она была занята уже въ XVI столѣтіи.

Напротивъ почти вся степная полоса начала заселяться и поступила въ распашку только во 2-й половинѣ XVIII столѣтія, хотя нѣкоторыя части ея принадлежали Россіи гораздо ранѣе, какъ напр. заволжскія самарскія степи. Только въ нѣкоторыхъ частяхъ Донской области земледѣліе возникло въ концѣ XVII столѣтія. Поселенія казаковъ на Дону относятъ къ 2-й четверти XVI столѣтія. Но первыя поселенія ихъ основались только на нижнемъ Донѣ, между Черкасскомъ и Цымлянскою станицей, и этими небольшими поселеніями и ограничилось почти, на первый разъ, занятіе новой страны. Хоперъ и верхній Донъ начали значительно заселяться только въ концѣ XVII столѣтія; въ это же время и въ началѣ XVIII стол. заселялись и округа

Міусскій и Донецкій бѣглыми малороссами. Теченіе средняго Дона, между рр. Цымлою и Чиромъ, оставалось почти пусто и теперь еще мало заселено До этихъ значительныхъ заселеній конца XVII и начала XVIII столѣтія, земледѣліе на Дону почти не существовало. Казаки жили рыбною ловлей, охотой, войной и жалованьемъ московскихъ царей, и еще въ 1690 году войсковымъ кругомъ было запрещено казакамъ сѣять хлѣбъ; въ случаѣ нарушенія этого приказа, велѣно было бить до смерти и грабить того, кто будетъ пахать

Южная часть Самарской губерніи (уу. Николаевскій и Новоузенскій) еще въ 1770-хъ годахъ, во время пугачевскаго бунта, была совсѣмъ пуста. Только кое-гдѣ на Иргизѣ были старовѣрческіе скиты, да на Узеняхъ жили *пустынники*, какъ ихъ тогда называли, тоже старовѣры. Одно прибрежье Волги было уже заселено. Самымъ старымъ поселеніемъ была здѣсь слобода Покровская, на сѣверъ и на югъ отъ которой только что передъ этимъ поселились колонисты-нѣмцы. Заселеніе этого края шло послѣ того очень медленно и только въ 40 годахъ нынѣшняго столѣтія начали заселяться южныя части Новоузенскаго уѣзда переселенцами — государственными крестьянами.

На сѣверномъ Кавказѣ появленіе первыхъ русскихъ относятъ еще къ временамъ Іоанна Грознаго. Это были гребенскіе казаки, поселившіеся на Терекѣ; но это были ничтожныя поселенія, и только при Петрѣ начали на Терекѣ основываться вновь казацкія станицы. Поселенія подвигались все болѣе на западъ, вверхъ по Тереку, до Малки и Кумы, основанъ былъ городъ Св. Креста и заложено нѣсколько редутовъ, между прочимъ и на мѣстѣ нынѣшняго Ставрополя. Но это были только военныя укрѣпленія, и затѣмъ лишь въ 1760-хъ годахъ стали возникать новыя поселенія по Кумѣ, Буйволѣ (села Просковея и Благодарное 1764 г.), основанъ Ставрополь и затѣмъ въ 90-хъ годахъ станицы по правому берегу Кубани и въ бывшей Черноморіи до береговъ Азовскаго моря; одна станица (Лабинская, 1793) выдвинута даже за Кубань на р. Лабу. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія вся эта линія была соединена съ Донской областью поселеніями отъ Ставрополя къ Ростову. Такимъ образомъ земледѣльческое населеніе начало водворяться на сѣверномъ Кавказѣ только съ 1760-хъ годовъ. Эти первыя села и станицы были населены или казаками донскими и запорожскими, или отставными солдатами, или однодворцами, или

наконецъ крестьянами-малороссами. Затѣмъ поселенія мало по малу раздвигались и по направленію къ горамъ, и на сѣверо-востокъ, отодвигая мало по малу кочевья. Только за Кубанью не могли долго образоваться сельбища; первыя изъ нихъ основались въ 40-хъ годахъ по р. Чамлыку; а затѣмъ въ 60-хъ годахъ, при покореніи горцевъ, заселился и закубанскій край.

Новороссія и Крымъ заселялись, по мѣрѣ присоединенія ихъ къ Россіи, въ теченіе XVIII столѣтія и окончательно заняты въ 1780-хъ годахъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей въ области Донской, занятыхъ ранѣе другихъ, вся степная часть чернозема начала заселяться и разработываться только во второй половинѣ XVIII столѣтія. До тѣхъ поръ она была почти совершенно пуста и представляла дѣвственныя, нетронутыя черноземныя степи.

Слѣдовательно разность въ давности культуры въ этихъ двухъ полосахъ, въ давности эксплуатаціи ихъ почвы, истощаемой понемногу посѣвами безъ удобренія, нигдѣ не менѣе двухъ вѣковъ. Періодъ эксплуатаціи переложной полосы составляетъ не болѣе 100 лѣтъ; періодъ эксплуатаціи самыхъ свѣжихъ земель въ области трехпольной не менѣе 300 лѣтъ; слѣдовательно отношеніе въ степени истощенія земель въ этихъ двухъ полосахъ, при одинаковыхъ условіяхъ плодородія почвы и пр., должно равняться 1 : 3, 1 : 4, 1 : 5 и т. д. Поэтому-то ранѣе другихъ занятыя и разработанныя земли въ предѣлахъ трехпольной черноземной полосы давно уже начали удобряться; въ южной части этой полосы, на земляхъ болѣе свѣжихъ удобренія почти нѣтъ (кромѣ удобренія подъ коноплю); удобреніе въ чисто переложной полосѣ считается и до сихъ поръ немыслимымъ. Признаки относительнаго истощенія земель обнаруживаются въ различіи хлѣбовъ, производимыхъ въ двухъ этихъ полосахъ. Въ трехпольной полосѣ главные хлѣба: рожь, овесъ и гречиха; въ степной пшеница, при томъ виды пшеницы очень цѣнные, какъ: бѣлотурка, кубанка, турка, гарновка, арнаутка, карасубазарка, гирка и пр. Кромѣ пшеницы производится много другихъ цѣнныхъ растеній: просо и особенно въ послѣднее время льняное сѣмя на всемъ пространствѣ азовскаго и черноморскаго районовъ. Всѣ эти продукты даютъ большой доходъ.

III.

Второе различіе представляется въ характерѣ землевладѣнія въ этихъ двухъ полосахъ. Это различіе сохранилось, какъ естественное послѣдствіе прошедшаго, въ которомъ главную роль играло крѣпостное право. Извѣстно, что въ трехпольной полосѣ крѣпостное право было изстари развито и что большая часть земель находилась подъ хозяйствомъ помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, служившихъ большею частью барщину.

Число крѣпостныхъ крестьянъ составляло въ губерніяхъ Полтавской, Курской, въ сѣверныхъ уѣздахъ Харьковской, въ губерніяхъ Черниговской, Тамбовской, Пензенской, Орловской и Рязанской отъ 40 до 60% всего сельскаго населенія [1]); въ Симбирской число крѣпостныхъ крестьянъ, вмѣстѣ съ удѣльными, составляло 91%; въ губерніяхъ юго-западныхъ крѣпостное населеніе было еще больше и процентъ однихъ только помѣщичьихъ крестьянъ доходилъ въ Подольской губерніи до 76,2, въ Кіевской до 89,7.

Въ степной полосѣ крѣпостное право было развито болѣе всего въ Херсонской губерніи, гдѣ крѣпостное населеніе составляло 39,7% всего сельскаго населенія. Во всей остальной части степной полосы оно было очень не велико и составляло: въ губерніяхъ Оренбургской съ Уфимской 15,7, Таврической 7,2, Екатеринославской 4,6, въ Ставропольской еще менѣе; такъ-же мало было въ южныхъ уѣздахъ Самарской губерніи, особенно въ Новоузенскомъ. Наконецъ въ Донской области, за исключеніемъ Міусскаго и Донецкаго округовъ, самое незначительное число крестьянъ было только въ Хоперскомъ и Усть-Медвѣдицкомъ округахъ. Въ Кубанской области не было ни одного крѣпостнаго крестьянина.

Вслѣдствіе этого различія въ количествѣ крѣпостнаго населенія въ обѣихъ этихъ полосахъ, между ними осталось и по уни-

---

[1]) Въ Полтавской 40,7%
» Курской 43,6
» Черниговской 44,4
» Тамбовской 45,4
» Пензенской 50,5
» Орловской 56,5
» Рязанской 61,2

чтоженіи крѣпостнаго права большое различіе въ характерѣ землевладѣнія. Доля частнаго землевладѣнія въ губерніяхъ Воронежской, Симбирской и Орловской составляетъ отъ 22,7 до 26% всего пространства этихъ губерній; въ губерніяхъ Курской, Тамбовской, Харьковской и Пензенской отъ 30 до 35%, въ Подольской 42, Кіевской 48 и въ Полтавской 64; почти то-же и въ ближайшихъ къ ней уѣздахъ губерніи Черниговской. Казенныхъ земель во всѣхъ этихъ губерніяхъ весьма немного. Удѣльныхъ много только въ Симбирской губерніи. Остальныя земли принадлежатъ крестьянамъ.

Такимъ образомъ главными, почти исключительными владѣльцами земель въ этой полосѣ являются крестьяне и помѣщики, изъ которыхъ послѣднимъ принадлежитъ весьма значительная доля всѣхъ земель. Посмотримъ, что происходитъ изъ такихъ условій. При густомъ населеніи въ этой полосѣ крестьяне имѣютъ на душу въ среднемъ отъ 2-хъ до 4-хъ десятинъ. Такіе надѣлы вовсе не обезпечиваютъ крестьянъ, т. е. не могутъ давать имъ необходимаго для существованія и для уплаты налоговъ. Но надо при этомъ замѣтить, что нѣсколько большіе размѣры надѣла, именно около 4-хъ десятинъ на душу (въ среднемъ по цѣлымъ губерніямъ), имѣютъ только государственные и нѣкоторые удѣльные крестьяне. Изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ этой полосѣ никто не получилъ болѣе 3½ десятинъ; въ среднемъ же, по цѣлымъ губерніямъ, надѣлъ ихъ составляетъ менѣе 3-хъ десятинъ на душу, а въ нѣкоторыхъ 2½ (Курская) и даже 2 (Полтавская). Кромѣ того во всей этой полосѣ есть много крестьянъ, получившихъ четвертной, даровой, такъ называемый нищенскій надѣлъ, по ¾—1 десятинѣ на душу. Самыя тщательныя изслѣдованія показываютъ, что съ своихъ надѣловъ средства для существованія могутъ имѣть только такіе крестьяне, которые получили не менѣе 4-хъ десятинъ на душу, т. е. большая часть государственныхъ крестьянъ, средніе надѣлы которыхъ, какъ мы сказали, подходятъ подъ эту норму, и отдѣльныя селенія которыхъ получили 6, 7 и даже 8 десятинъ на душу. Крестьяне же бывшіе помѣщичьи, не говоря уже о тѣхъ, которые получили въ даръ ¼ надѣла, но даже и тѣ, которые имѣютъ 2, 2½ и до 3-хъ десятинъ, не могутъ получить съ своихъ надѣловъ даже необходимыхъ продовольственныхъ средствъ, какъ бы ни были хороши земли. Притомъ въ такихъ надѣлахъ нѣтъ ни достаточныхъ сѣнокосовъ, ни выгоновъ, ни наконецъ лѣса,

и. все это, конечно, крестьянамъ надо нанимать на сторонѣ. Государственные и удѣльные крестьяне въ отношеніи угодій надѣлены лучше, и государственные получили кромѣ того особые лѣсные участки, хотя, правда, и небольшіе.

Извѣстно, что размѣры платежей государственныхъ крестьянъ за земли гораздо меньше, чѣмъ размѣры платежей бывшихъ крѣпостныхъ. Поэтому та часть государственныхъ крестьянъ, которая надѣлена лучше другихъ, можетъ съ своихъ надѣловъ получать столько, чтобъ кормиться и уплачивать налоги; остальная часть ихъ и крестьяне бывшіе помѣщичьи должны искать этихъ средствъ на сторонѣ. Изъ получившихъ $^1/_4$ надѣла, т. е. однѣ усадьбы, образовалось и теперь уже нѣчто въ родѣ полубродячаго населенія, которое должно искать постоянныхъ заработковъ на сторонѣ,—нѣчто въ родѣ будущихъ батраковъ. А число ихъ очень велико въ трехпольной черноземной полосѣ: и въ приволжскомъ краѣ, и въ западныхъ симбирскихъ уѣздахъ, и въ губерніяхъ Тамбовской, Харьковской, Курской и пр. Понятно, что эти крестьяне должны уходить куда нибудь въ заработки. Но и тѣ крестьяне, которые имѣютъ 2 - 3 десятины, не могутъ также обойтись безъ постороннихъ заработковъ.

Вся область трехпольной черноземной полосы есть страна самая земледѣльческая во всей Россіи. Внѣ сферы земледѣлія здѣсь не была развита ни одна отрасль промышленности. При густомъ населеніи, все, что могло быть распахано, было распахано, и вся эта полоса представляется почти сплошнымъ пахотнымъ полемъ, особенно все пространство на западъ отъ береговъ Цны вплоть до австрійской границы. Пашни расширены въ ущербъ выгонамъ и сѣнокосамъ до такой степени, что подъ лугами во многихъ мѣстностяхъ остались одни только заливныя мѣста, которыхъ уже нельзя пахать. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курской губерніи, какъ напр. въ Тимскомъ, распаханы уже не только крутые склоны балокъ, но даже въ послѣднее время спускаются пруды, чтобъ на осушенныхъ пространствахъ разводись бахчи, дающія хорошій доходъ. Не смотря однакоже на усиленные посѣвы почти безъ удобрѣнія, черноземныя поля сохранили еще настолько плодородія, что неурожаи въ этой полосѣ довольно рѣдки, хотя страна производитъ съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе пшеницы, и главнымъ хлѣбомъ въ ней сдѣлались рожь, овесъ и гречиха. Понятно, что въ такой земледѣльческой странѣ, особенно при крѣпостномъ правѣ, все населеніе имѣло

чисто земледѣльческій характеръ. Даже ремесленниковъ и мастеровыхъ было мало между крестьянами; фабричныхъ вовсе не было. Понятно поэтому, что крестьяне должны искать заработковъ въ сферѣ земледѣльческихъ работъ. Средствъ для заработковъ представляется два: или идти въ полевые работники, или пуститься въ съемку земель. Конечно, съемка и аренда земель удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ служба въ работникахъ. Притомъ аренда земли увлекаетъ всегда крестьянина надеждами на урожай. Вотъ почему крестьяне этой полосы, послѣ развязки обязательныхъ отношеній, бросились на съемку земель. Сперва они брали ихъ на обработку съ извѣстной части урожая; но когда открылись желѣзныя дороги, усилился спросъ на хлѣбъ и возвысились на него цѣны, аренда земель перешла въ денежную, и арендныя цѣны начали быстро расти. Теперь цѣны эти очень высоки и въ приволжскихъ черноземныхъ уѣздахъ сѣвернѣе Самарской луки, и особенно въ полосѣ, идущей отъ Тамбова и Моршанска вплоть до Полтавской губерніи. Особенно высоки онѣ тамъ, гдѣ желѣзныя дороги сходятся узлами: такъ въ сѣверовосточныхъ уѣздахъ Курской губерніи и въ уѣздѣ Малоархангельскомъ (Орловской губ.) цѣна десятины подъ озимь доходитъ до 20 руб., подъ ярь до 13 — 15 руб.; въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи цѣна за пару десятинъ (одну подъ озимь, другую подъ ярь) доходитъ до 50 руб. Вообще въ этой полосѣ развились самыя высокія арендныя и продажныя цѣны на земли во всей Россіи. При густотѣ населенія и относительномъ малоземеліи спросъ на земли такъ великъ, что земли разбираются охотно и безъ остатка крестьянами, и землевладѣльцы получаютъ такой доходъ, о которомъ при крѣпостномъ правѣ они не могли и мечтать, и потому въ этой полосѣ изъ помѣщиковъ хозяйничаютъ сами очень немногіе, справедливо предпочитая раздачу земель въ аренду крестьянамъ подесятинно и погодно. Но при высокихъ арендныхъ цѣнахъ барыши крестьянъ-съемщиковъ не велики, и часто они не могутъ все-таки свести концовъ съ концами. Вотъ почему они, не смотря на съемку большихъ земель, цѣлыми массами уходятъ на югъ въ отхожіе земледѣльческіе промыслы. Въ Курской губерніи есть селенія, которыя арендуютъ (подесятинно) цѣлыя большія имѣнія, и изъ которыхъ болѣе половины взрослаго мужскаго населенія все-таки идетъ на югъ въ степи, въ отхожіе промыслы: или для найма въ сроковые рабочіе, т. е. на лѣто, или на косовицу, или же на задѣльныя работы.

Тоже встрѣчается и въ Орловской, и въ Тамбовской, и въ Рязанской губерніяхъ, и въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи Воронежской; то-же встрѣчается и въ Чистопольскомъ и Спасскомъ уѣздахъ Казанской губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой полосы даже сами волости гонятъ рабочихъ въ степи, заставляя, т. е. законтрактовывая недоимщиковъ подрядчикамъ. Если на югѣ въ степяхъ урожаи хороши и цѣны на рабочія руки высоки, крестьяне возвращаются съ деньгами и вносятъ повинности; если нѣтъ, они приходятъ съ пустыми руками и на нихъ накопляются недоимки.

Вотъ причины, которыя гонятъ крестьянъ въ отхожіе промыслы на югъ и востокъ изъ всей великорусской части трехпольной черноземной полосы. Изъ мѣстностей, удаленныхъ отъ желѣзныхъ дорогъ, какъ напр. изъ Пензенской, изъ западныхъ уѣздовъ Симбирской губерніи, изъ Лукояновскаго и т. п., идутъ рабочіе или по причинѣ плохихъ качествъ почвы, вмѣстѣ съ отсутствіемъ мѣстныхъ промысловъ и заработковъ, или по причинѣ безземелія, такъ какъ во многихъ мѣстахъ есть много получившихъ $^1/_4$ надѣла. Изъ коренной Малороссіи, т. е. изъ губерніи Полтавской, изъ южныхъ уѣздовъ Черниговской и сѣверныхъ уѣздовъ Харьковской, гдѣ арендованіе земель менѣе развито, рабочихъ гонитъ просто малоземеліе, малые надѣлы и слишкомъ большая густота населенія по отношенію къ существующей системѣ хозяйства. Съемка земель здѣсь менѣе развита и арендныя цѣны на земли ниже. Особенно много уходило рабочихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ усиливается разведеніе табака.

Положеніе крестьянъ въ губерніяхъ Кіевской и Подольской до освобожденія было почти такое-же, какъ и въ остальныхъ частяхъ трехпольной черноземной полосы; населеніе было такъ-же густо, — еще гуще, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, слѣдовательно относительное малоземеліе было еще ощутительнѣе; та-же барщина и тотъ-же исключительно земледѣльческій характеръ населенія. Поэтому, тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, очень много рабочихъ уходило на югъ въ Новороссію изъ южныхъ уѣздовъ Кіевской губерніи и изъ разныхъ уѣздовъ губерніи Подольской. Но, какъ извѣстно, крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ совершилось на нѣсколько иныхъ началахъ: крестьяне получили надѣлы нѣсколько лучшіе, выкупъ совершился разомъ и, главное, платежи за земли установлены ниже, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Эти причины и развитіе

въ краѣ заводской промышленности нѣсколько измѣнили дѣло. И вотъ отливъ рабочихъ мало по малу прекращается, и теперь изъ Кіевской и Подольской губерній въ Новороссію идетъ очень мало рабочихъ; главный контингентъ рабочихъ въ губ. Херсонской образуютъ теперь полтавцы и черниговцы.

Степная полоса, по характеру и размѣрамъ землевладѣнія, раздѣляется на двѣ типичныя части. Къ первой изъ нихъ принадлежатъ губерніи Херсонская, Екатеринославская и Таврическая, т. е. вся так называемая Новороссія съ Крымомъ; ко второй области Донская и Кубанская, губернія Ставропольская, южные уѣзды Самарской губерніи и нѣкоторые уѣзды губерній Оренбургской и Уфимской.

Въ Новороссіи частному землевладѣлію принадлежитъ довольно значительная доля всѣхъ земель. Такъ въ губерніи Екатеринославской эта доля составляетъ 47,6%, въ Таврической 49, въ Херсонской 51,7. При такихъ значительныхъ размѣрахъ частное землевладѣніе играетъ здѣсь значительную роль. Большая часть землевладѣльцевъ ведетъ хозяйство или непосредственно, или при помощи арендаторовъ, особенно въ западной ея части; небольшая сравнительно часть земель сдается для обработки мѣстнымъ крестьянамъ. Поэтому сюда приходятъ крестьяне съ сѣвера, исключительно какъ рабочіе, въ частныя хозяйства. Идутъ они преимущественно изъ губерній Полтавской, Черниговской, Курской и изъ сѣверныхъ уѣздовъ Харьковской.

Что касается мѣстныхъ крестьянъ въ Новороссіи, то поземельныя условія ихъ нѣсколько лучше, чѣмъ въ полосѣ трехпольной. Крѣпостныхъ крестьянъ было много въ одной только Херсонской губерніи, въ другихъ главная масса населенія состояла изъ госуд. крестьянъ разныхъ наименованій и колонистовъ. Бывшіе помѣщичьи крестьяне въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской и Таврической получили въ надѣлъ отъ 3 до 6½ десятинъ на душу въ разныхъ уѣздахъ. Государственные крестьяне получили болѣе. Колонисты, и особенно менониты, какъ извѣстно, надѣлены землею очень щедро. Хотя надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ вообще малы, особенно въ западной части Новороссіи, но обиліе земель въ окрестностяхъ, которыя можно брать для обработки, ихъ свѣжесть и плодородіе, относительная дешевизна арендной платы, и первобытный способъ обработки безъ удобренія, требующій мало труда, даютъ крестьянамъ возможность арендовать земли довольно выгодно и существовать.

Тѣмъ не менѣе, въ тѣхъ мѣстахъ этой полосы, гдѣ крестьянамъ приходится или терпѣть отъ стѣсненія въ землѣ, или переходить отъ переложнаго хозяйства къ трехпольному, требующему, какъ извѣстно, гораздо большаго труда и болѣе тщательной обработки, и не дающему уже прежнихъ урожаевъ пшеницы и льна, — тамъ между крестьянами обнаруживается стремленіе къ переселеніямъ въ болѣе привольныя мѣста, на свѣжія дѣвственныя земли, гдѣ многоземеліе и раздолье даютъ еще возможность пахать однѣ ковыльныя степи, сѣять на нихъ цѣнную пшеницу и держать въ степяхъ много скота. Такое стремленіе къ переселенію лѣтъ 20 — 30 тому назадъ было сильно развито между крестьянами губерній Харьковской, Воронежской и Тамбовской, частью Курской и Полтавской, преимущественно между малороссами; теперь оно обнаруживается также между малороссами въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи и южныхъ уѣздахъ губерніи Воронежской. Прежде переселенцы шли въ южные уѣзды Самарской губерніи, въ Оренбургскій край, въ Ставропольскую губернію и Кубанскій край. Въ послѣднее время болѣе всего манилъ ихъ край Закубанскій.

Никакихъ стѣсненій, подобныхъ описаннымъ, нѣтъ въ болѣе восточныхъ частяхъ степной полосы. Тамъ рѣдкое населеніе, просторъ, — тамъ свѣжія, ковыльныя, если не совершенно дѣвственныя, степи, съ посѣвами цѣнныхъ хлѣбовъ; тамъ огромное степное скотоводство, не требующее почти ухода, такъ какъ скотъ ходитъ круглый годъ въ степи, добывая зимою кормъ изъ подъ снѣга; тамъ при первобытномъ способѣ обработки, требующемъ ничтожнаго труда, бываютъ превосходные урожаи; тамъ большіе земельные надѣлы, дешевыя арендныя цѣны; тамъ частное землевладѣніе ничтожно, и почти всѣ земли принадлежатъ или крестьянамъ, или казакамъ, или наконецъ казнѣ и сдаются дешево въ аренду [1]).

---

[1]) Въ области Донской, за исключеніемъ Міусскаго округа, земли частныхъ владѣльцевъ составляютъ около 6%, не считая калмыцкихъ земель за Дономъ. Въ южныхъ уѣздахъ Самарской губерніи и въ области Кубанской частное землевладѣніе лѣтъ 15—20 тому назадъ почти не существовало, и только въ послѣднее время образовалось вслѣдствіе пожалованія земель частнымъ лицамъ: въ Самарской губерніи земель казенныхъ, къ Кубанской области оставленныхъ горцами, ушедшими съ западнаго Кавказа послѣ окончанія войны. Теперь земли частныхъ владѣльцевъ составляютъ: въ Николаевскомъ уѣздѣ 28%, въ Новоузенскомъ 16%, въ Кубанской области 7% изъ всей такъ называемой *плоскости*, т. е. за исключеніемъ нагорной полосы. Въ Ставропольской губерніи

Вся эта огромная страна, заключающая въ себѣ область Кубанскую, губернію Ставропольскую, большую часть области Донской, южныя части Самарской губерніи и ближайшія къ послѣдней части губерній Оренбургской и Уфимской, болѣе всего манитъ къ себѣ и рабочихъ и переселенцевъ.

Мы увидимъ ниже, что отхожіе промыслы въ эту страну такъ тѣсно связаны съ переселеніями, что между ними невозможно провести никакой разграничительной черты, и что, при дѣйствующемъ законодательствѣ относительно перехода крестьянъ съ однѣхъ земель на другія, переселенія могутъ совершаться въ дѣйствительности почти исключительно при помощи отхожихъ промысловъ.

Остановимся еще разъ на причинахъ, вызывающихъ передвиженія земледѣльческаго населенія изъ одной мѣстности въ другую. Причины эти въ трехпольной полосѣ: малоземеліе, малые надѣлы, развитіе при крѣпостномъ правѣ частной поземельной собственности, которой принадлежалъ до того большой процентъ (вмѣстѣ съ землями помѣщичьихъ крестьянъ), что земли государственныя въ этихъ губерніяхъ составляли отъ 0,1 до 8,3% всего пространства. Эти причины вызвали ненормальное возвышеніе арендныхъ цѣнъ на земли въ великорусскихъ губерніяхъ и развили какъ въ нихъ, такъ и въ Малороссіи отхожіе промыслы. Въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, гдѣ крестьяне получили на выкупъ нѣсколько большіе надѣлы, за повинности меньшія въ 1½ раза [1]), и гдѣ при этомъ крестьянамъ даютъ много заработковъ мѣстные заводы, тамъ эти неблагопріятныя условія парализованы, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время.

Въ Новороссіи, у помѣщичьихъ крестьянъ надѣлы также не велики, частная поземельная собственность также развита значительно, и хотя населеніе въ этой полосѣ довольно рѣдко, но свободныхъ земель, кромѣ помѣщичьихъ, очень мало, и владѣнія казны составляютъ ничтожный процентъ всѣхъ земель, именно: въ Ека-

---

помѣщичьи земли существовали издавна, но ихъ было очень мало; въ послѣднее время частное землевладѣніе также увеличилось вслѣдствіе раздачи земель, оставленныхъ послѣ войны Нагайцами, и теперь земли частныхъ владѣльцевъ составляютъ около 11,5% изъ всей площади, занятой осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ.

[1]) Средняя стоимость выкупленной десятины въ губерніи Курской 43 р., въ черноземныхъ частяхъ Орловской, Рязанской и Тамбовской около 40 р., въ губерніи Воронежской 38 р., между тѣмъ въ губерніи Подольской 30 р., въ Кіевской 27 р.

теринославской губерніи около 3, въ Херсонской около 8 и только въ Таврической около 17,5%. Средняя выкупная цѣна десятины земли, не смотря на то, что эта земля лежитъ въ области перелоговъ, достигаетъ въ Екатеринославской губерніи 31 р., въ Херсонской 26 р., т. е. равняется цѣнности земли въ губерніяхъ Подольской и Кіевской. Крестьянамъ, имѣющимъ надѣлы въ 3 — 6½ десятинъ на душу, — надѣлы, на которыхъ можно вести только трехпольное хозяйство, окруженнымъ землями частныхъ владѣльцевъ, на которыхъ ведется еще переложное хозяйство, или колонистами, владѣющими большимъ количествомъ земли и пользующимися разными льготами, приходится трудно, особенно при большихъ повинностяхъ, которыя они несутъ. Вотъ почему между ними и проявляются стремленія къ переселенію.

Всѣ эти условія, вызывающія передвиженія народа и изъ трехпольной полосы, и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Новороссіи, суть прямыя послѣдствія крѣпостнаго права. Эти послѣдствія выразились во-1-хъ въ чрезмѣрномъ сгущеніи населенія въ одной полосѣ Россіи, между тѣмъ какъ рядомъ лежитъ почти пустая страна съ дѣвственными степями, ожидающая еще населенія и разработки; во 2-хъ, въ надѣленіи этихъ крестьянъ ничтожными участками земли, даже въ многоземельной Новороссіи, — участками, съ которыхъ они, въ большинствѣ, не могутъ добывать даже средствъ продовольствія и за которыя они должны платить большія повинности.

IV.

Посмотримъ теперь, что манитъ рабочихъ и переселенцевъ въ степную полосу. Вся страна отъ предгорій Кавказа на сѣверъ и сѣверо-западъ, идущая широкою полосою къ низовьямъ Дона, обнимающая затѣмъ всѣ земли придонскія, земли по Хопру, Медвѣдицѣ и Иловлѣ до Волги и охватывающая заволжскую самарскую степь, южнѣе р. Самары, и весь черноземъ Оренбургской и Уфимской губерній вплоть до предгорій Уральскаго хребта, представляется почти ровною степью, съ небольшими холмистыми возвышенностями только по склонамъ общаго Сырта, кое-гдѣ въ предѣлахъ Донской области и у Ставрополя. Вся эта степь покрыта болѣе или менѣе толстымъ слоемъ плодороднаго черно-

зема, который по окраинамъ, обращеннымъ къ Каспійскому морю, дѣлается беднѣе и тоньше, все болѣе и болѣе пересѣкается солончаками и переходитъ мѣстами въ сѣрый суглинокъ, имѣющій сравнительно небольшое содержаніе черноземныхъ частей; этотъ сѣрый суглинокъ покрываетъ всю южную окраину Самарской губерніи, тянется въ предѣлахъ Букеевской орды, встрѣчается въ калмыцкихъ земляхъ Астраханской губерніи и въ кочевьяхъ губерніи Ставропольской; онъ составляетъ очень хорошую почву, на которой отлично родится пшеница. Ближе къ берегамъ Каспійскаго моря лежатъ уже громадныя пространства солончаковъ и песковъ.

Недавно еще, лѣтъ 40 — 50 тому назадъ, вся эта полоса была по преимуществу полосою скотоводства. Огромныя стада паслись на нетронутыхъ еще степяхъ, сами добывая зимою кормъ изъ-подъ снѣга. Главная масса скота состояла изъ овецъ, но много было и табуновъ, и рогатаго скота. На случай гололедицы, которая лишаетъ скотъ возможности пробивать копытомъ снѣгъ, запасалось сѣно, даже кочевниками, въ степяхъ, большею частью по лиманамъ рѣкъ, т. е. по заливнымъ мѣстамъ. То-же почти существуетъ и теперь: тѣ-же огромныя стада, тотъ же уходъ за скотомъ. Но въ теченіе этихъ 40 — 50 лѣтъ и самарскія степи, и сѣверный Кавказъ освободились понемногу отъ набѣговъ и грабежей кочевниковъ и горцевъ, понемногу заселились до теперешнихъ предѣловъ, и въ нихъ развилось земледѣліе [1]); скотоводство отступило на второй планъ.

Климатъ во всей этой полосѣ континентальный, съ довольно суровыми зимами; только въ Закубанскомъ краѣ мягче; лѣто вездѣ очень знойное. Суровыя безснѣжныя зимы дѣлаютъ то, что во всей полосѣ сѣется почти одинъ только яровой хлѣбъ [2]), и почти исключительно пшеница, притомъ пшеница самая цѣнная, извѣстная подъ множествомъ разныхъ названій, изъ которыхъ главныхъ три: бѣлотурка, кубанка и гарновка. Пшеница эта требуетъ, если не дѣвственныхъ, то по крайней мѣрѣ ковыльныхъ степей, т. е. старыхъ залежей, иначе она не удается, начинаетъ мало

---

[1]) Земледѣліе въ Кубанской области было до того ничтожно, что еще въ 1858 г. хлѣбъ на Кубань привозился изъ Ставропольской и Воронежской губерній; во всей Черноморіи засѣвалось не болѣе 50 тыс. четвертей всего хлѣба.

[2]) Исключеніемъ служитъ очень небольшая часть Ставропольской губерніи и очень немногія мѣстности области Донской, — гдѣ сѣютъ отчасти и озимые хлѣба.

по малу перерождаться, сперва въ такъ называемый перародъ, потомъ въ русскую пшеницу, которая цѣнится уже гораздо дешевле. Поэтому въ степной полосѣ цѣнятся почти однѣ только ковыльныя степи и старыя залежи, и аренда на нихъ бываетъ въ 5 — 10 разъ выше, чѣмъ на земли мягкія и мѣста для пастьбы скота.

Главный порокъ степной полосы заключается въ недостаткѣ рѣкъ и рѣчекъ и, главное, дождя, особенно весною и въ началѣ лѣта, когда молодой хлѣбъ нуждается въ немъ болѣе всего. Бываютъ года, когда во все время роста хлѣба не выпадаетъ ни одного дождя. Тогда случаются въ степяхъ такіе неурожаи, о какихъ въ средней Россіи нельзя составить себѣ и понятія; выгораетъ все: и хлѣбъ и кормы, такъ что степь дѣлается черною и небольшой вѣтеръ поднимаетъ густые облака черноземной пыли. При такихъ неурожаяхъ ужаснѣе всего бываетъ безкормица; скотъ перегоняютъ тогда на сѣверъ или далѣе въ кочевья и продаютъ за ничто. Но зато два, три хорошихъ дождя во время, и урожай приходитъ великолѣпный. Самые большіе урожаи, о которыхъ намъ случалось слышать, даютъ болѣе 300 пудъ пшеницы съ сотенной десятины (40 × 100) при посѣвѣ 6 пудъ, т. е. болѣе самъ 50.

Солончаки, о которыхъ въ Россіи составилось такое нелестное понятіе, составляютъ по большей части очень хорошія мѣста для пастьбищъ.

Способъ обработки земли въ степяхъ самый первобытный. Болѣе всего распространенъ, особенно на сѣверномъ Кавказѣ и въ Донской области, такъ называемый наволокъ, при которомъ плугомъ поднимается только цѣлина подъ первый хлѣбъ, а затѣмъ подъ второй, третій и т. д. земля не пашется вовсе, сѣмена просто разбрасываются и задѣлываются (наволакиваются) раломъ или просто бороною [1]). Удобренія не существуетъ никакого, молотятъ хлѣбъ тамъ-же въ степи, гоняя лошадей и воловъ, по разосланнымъ снопамъ, или телѣгами. При такихъ способахъ обработки крестьянинъ можетъ сѣять много, тѣмъ болѣе,

---

[1]) Этотъ наволокъ занесенъ на югъ и востокъ малороссами и былъ, какъ видно, изстари главнымъ способомъ обработки въ степяхъ у казаковъ и черкасъ. Онъ встрѣчается и теперь повсюду у малороссовъ въ южныхъ частяхъ Воронежской и Харьковской губерній и въ губерніи Екатеринославской. Въ южной окраинѣ Самарской губерніи его можно встрѣтить только у малороссовъ; у русскихъ поселенцевъ его нѣтъ.

что время посѣва довольно велико и что посѣвы, въ предупрежденіе огульныхъ неурожаевъ, дѣлаются обыкновенно въ три срока: раннія, средніе и поздніе. Если у крестьянина надѣлъ не великъ и притомъ уже выпаханъ такъ, что на немъ нельзя сѣять бѣлотурки или гарновки, онъ снимаетъ земли или казенныя, или у кочевниковъ. Новоузенцы сѣютъ въ степяхъ Букеевской орды, ставропольцы — въ земляхъ кочевниковъ ихъ губерніи. Только казаки не арендуютъ земель: у нихъ надѣлы отъ 20 до 30 десятинъ на душу [1]), скотоводство большое, повинностей денежныхъ почти нѣтъ, и потому имъ незачѣмъ много сѣять и работать.

При знойномъ лѣтѣ кормы въ степяхъ поспѣваютъ вдругъ, а за ними и хлѣба. Настаетъ горячее время такъ называемой *косовицы*. Тутъ-то въ степи нужны руки и тутъ-то онѣ особенно дороги. На эту-то косовицу и идетъ главная масса рабочихъ. При хорошихъ урожаяхъ цѣны за косьбу и жатву подымаются очень высоко, и въ 1869 г. въ Самарской губерніи за уборку сотенной десятины пшеницы платили до 23 рублей. Такія цѣны и привлекаютъ въ степи массы рабочихъ на косовицу. Конечно, они идутъ туда, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній объ урожаѣ, и часто, приходя на мѣсто, находятъ неурожай и недостатокъ требованій; тогда они должны пробираться дальше, отыскивая работу, и обыкновенно при неурожаяхъ въ главныхъ пунктахъ сбора этихъ рабочихъ встрѣчаются массы нищихъ, которымъ не съ чѣмъ вернуться домой [2]).

Массы казенныхъ и удѣльныхъ земель въ Самарской губерніи, сдаваемыя съ торговъ въ аренду, массы такихъ же земель, составляющихъ такъ называемый войсковой запасъ въ областяхъ Донской и Кубанской и юртовые запасы, привлекаютъ къ арендѣ не только крестьянъ, но и оптовыхъ съемщиковъ. Дешевыя арендныя цѣны, простой, недорогой способъ обработки и случайные превосходные урожаи вызываютъ рискъ, и порождаютъ извѣстнаго рода азартную игру на урожай. Поэтому и въ Самарской губерніи и въ области Донской издавна уже существуютъ гуртовые съемщики земель. Въ Самарской губерніи они берутъ

---

[1]) Самый низшій 16 десятинъ.

[2]) Такихъ нищихъ при неурожаяхъ можно встрѣтить во всѣхъ мѣстахъ сбора рабочихъ, особенно въ Балаковѣ, Покровской слободѣ, Царицынѣ, Каховкѣ, и по большимъ станицамъ областей Донской и Кубанской.

съ торговъ казенныя и удѣльныя земли и арендуютъ участки, пожалованные частнымъ лицамъ. Въ области Донской они арендуютъ земли, называемыя войсковымъ запасомъ, и офицерскіе участки; въ Кубанской области тоже. Менѣе всего развиты такія крупныя аренды въ Ставропольской губерніи. Многіе изъ этихъ съемщиковъ въ прежнее время были также и посѣвщиками и нѣкоторые изъ нихъ сѣяли до 100 тыс. десятинъ. При неурожаяхъ послѣдняго времени многіе изъ нихъ разорились. Напуганные, они сдѣлались теперь осторожнѣе и сѣятъ обыкновенно по немногу, стараясь раздать остальное въ аренду крестьянамъ, или участками или по десятинно. Богатые крестьяне берутъ у нихъ иногда очень большіе участки; есть нѣкоторые крестьяне и колонисты, которые арендуютъ до 10 тыс. десятинъ, раздавая ихъ также въ свою очередь крестьянамъ. Такъ какъ цѣнны бываютъ только ковыльныя земли подъ первые посѣвы пшеницы, то и казна, и удѣлъ, и войсковыя управленія опредѣляютъ обыкновенно извѣстный срокъ для пашни, извѣстный сѣвооборотъ, который обязателенъ для арендатора. Сѣвооборотъ этотъ, въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ качествахъ почвы, бываетъ обыкновенно 7—15-лѣтній, т. е. позволяется ежегодно распахивать $^1/_7$ — $^1/_{15}$ часть и сѣять на каждомъ участкѣ два, три хлѣба. Эти-то участки и сдаются подъ посѣвы крестьянамъ; остальное арендаторъ сдаетъ подъ пастьбу скота: подъ гурты, или овцеводамъ, какъ напримѣръ въ Кубанской области, куда все болѣе и болѣе перебираются въ послѣднее время тавричане съ своими стадами тонкорунныхъ овецъ. Такимъ образомъ на съемкѣ земель спекулируетъ множество и крупныхъ, и мелкихъ съемщиковъ. Всѣ они нуждаются въ пришлыхъ рабочихъ.

Крестьяне, приходящіе на работы, не всегда берутъ ихъ за деньги; часто они нанимаются изъ извѣстной части урожая. Это также своего рода игра, основанная на надеждѣ на урожай. Этимъ занимаются и приходящіе на косовицу, а еще больше приходящіе на все лѣто. Они берутъ иногда обработку цѣлаго небольшаго участка изъ извѣстной части урожая; затѣмъ, ходя туда на работы изъ года въ годъ, начинаютъ снимать землю за деньги и такимъ образомъ дѣлаются арендаторами, особенно, если первые опыты имъ удаются. Часто они снимаютъ участки на нѣсколько лѣтъ или у крупныхъ съемщиковъ, или у офицеровъ въ казачьихъ земляхъ, строятъ землянки, переводятъ туда семейства или своихъ односельцевъ, а затѣмъ и навсегда остаются тамъ,

приписываясь къ новымъ землямъ. Такихъ арендаторовъ—крестьянъ много и въ Донской области, особенно въ Донецкомъ округѣ (преимущественно воронежскихъ и харьковскихъ), и въ Кубанской области (воронежскихъ и екатеринославскихъ), и въ Ставропольской губ.; есть они и въ Самарской губ. Здѣсь они находятъ прежнія привольныя степи, которыя исчезаютъ въ ихъ мѣстахъ, прежнее большое скотоводство; здѣсь они могутъ по прежнему пахать наволокомъ и ѣсть пшеничный хлѣбъ, тогда какъ дома, при стѣсненіи въ земляхъ, имъ приходится переходить къ трехпольной системѣ, требующей паханія нѣсколько разъ и тщательной обработки, — приходится переходить къ ржаному хлѣбу, почти не ѣсть мяса и молока. Здѣсь вокругъ они видятъ богатство и довольство, между тѣмъ какъ дома нужда и недоимки. Вотъ что вызываетъ переселенія: и явныя и тайныя, и съ разрѣшенія, и самовольныя.

Не смотря на стѣсненія, существующія въ нашемъ законодательствѣ относительно переселеній, не смотря на то, что свободныхъ земель для переселенцевъ нѣтъ ни въ Кубанской, ни въ Донской области, и очень трудно получить землю въ губерніи Ставропольской, постоянныя переселенія въ эти области все-таки идутъ своимъ чередомъ, и населеніе въ нихъ растетъ ежегодно, хотя, конечно, не такъ быстро, какъ было-бы это желательно. Въ Кубанской области напр., всѣ земли принадлежатъ или станицамъ и ауламъ, или составляютъ войсковой запасъ, или наконецъ принадлежатъ офицерамъ. Земли за Кубанью, оставленныя послѣ войны горцами, розданы въ частное владѣніе разнымъ лицамъ, служившимъ на Кавказѣ и почетнымъ туземцамъ. Свободною землею считается только нагорная полоса, на которой могли хозяйничать одни только горцы, и гдѣ даже поселенные отставные кавказскіе солдаты не могутъ ужиться и вымираютъ. На такъ называемой *плоскости* нѣтъ ни одной свободной десятины для переселенцевъ. Казаки, имѣющіе 20—30 десятинъ на душу, не принимаютъ ихъ на свои земли, не находя въ этомъ никакого расчета. А между тѣмъ переселенія даже въ такую замкнутую область, какъ Кубанская, существуютъ, и въ 1872 году населеніе Кубанской области, кромѣ приращенія естественнаго, увеличилось еще на 54,106 душъ отъ прилива пришлыхъ людей. Эти люди или приписываются къ городамъ, или покупаютъ земли у частныхъ владѣльцевъ. Послѣднихъ, впрочемъ, немного, и владѣльцы пожалованныхъ участковъ за неимѣніемъ крупныхъ

арендаторовъ и рабочихъ рукъ, почти не получали до сихъ поръ доходовъ съ своихъ земель, кромѣ дохода отъ рубки лѣса, который вообще истребляется довольно быстро въ Закубанскомъ краѣ.

Большая часть крестьянъ, переселяющихся теперь въ Кубанскую область, приписывается къ городамъ. Дѣлаютъ это они, во-первыхъ потому, что для причисленія къ новымъ городамъ этой области не требуется пріемныхъ приговоровъ городскихъ обществъ, а, какъ извѣстно, пріемные приговоры составляютъ одно изъ самыхъ большихъ затрудненій при переселеніяхъ; во-вторыхъ потому, что всѣ города Кубанской области имѣютъ болѣе или менѣе значительные участки земли, на которыхъ переселенцамъ, если нельзя пахать, то по крайней мѣрѣ можно держать скотъ и арендовать земли гдѣ-либо въ окрестностяхъ. Очень немногимъ крестьянамъ, и почти исключительно такимъ, у которыхъ много взрослыхъ сыновей, годныхъ на казацкую службу, удается приписаться къ станицамъ. Чаще случается крестьянину нанять усадебную землю въ станицѣ за извѣстную плату и построить на ней избу, съ правомъ пасти скотъ на станичной землѣ; это обыкновенно дѣлаютъ крестьяне, арендующіе офицерскіе участки гдѣ нибудь по близости станицъ. Такимъ образомъ, если въ Кубанской области населеніе въ дѣйствительности и растетъ, то во всякомъ случаѣ коренное ея населеніе, приписанное къ ней, увеличивается очень медленно. Причина этому заключается въ исключительныхъ условіяхъ, присущихъ нашимъ казацкимъ областямъ. Въ нихъ нѣтъ земель; хотя сказать, что нѣтъ земли въ такой области, какъ Кубанская, все равно, еслибы сказать, что въ морѣ нѣтъ воды. Всѣ земли, за исключеніемъ розданныхъ въ послѣднее время лицамъ, служившимъ на Кавказѣ и почетнымъ туземцамъ (такихъ земель до 431 тыс. дес.), принадлежатъ или станицамъ и ауламъ, или составляютъ такъ называемый войсковой запасъ. Если расчитать эти земли по числу населенія, то на каждаго жителя мужскаго пола придется около 30 десятинъ; и, если даже не считать вовсе нагорной полосы (до 1.500,000 десятинъ), то все-таки остается по 24 десятины. При такомъ многоземеліи и при легкости натуральной повинности, казакамъ нѣтъ никакой причины много трудиться, и хозяйство ихъ останется еще очень на долго переложнымъ, т. е. такимъ же первобытнымъ и непроизводительнымъ, какъ и теперь. Къ трехпольной системѣ, этому первому шагу

улучшенія, Кубанская область можетъ перейти только тогда, когда населеніе ея увеличится въ $2\frac{1}{2}$ раза, т. е. когда на каждыя 10 десятинъ будетъ по 1 жит. муж. пола; а ждать этого отъ естественнаго приращенія населенія придется слишкомъ долго. На земляхъ частныхъ владѣльцевъ, т. е. какъ на крупныхъ участкахъ, такъ и на участкахъ офицерскихъ, населеніе будетъ несомнѣнно увеличиваться. Но это будутъ или мелкіе съемщики, или просто рабочіе батраки, т. е. населеніе, какое существуетъ въ остзейскихъ губерніяхъ и котораго почти нѣтъ еще въ русскихъ губерніяхъ, и увеличеніе котораго вовсе не желательно.

Въ области Донской населеніе также увеличивается приливомъ пришлаго люда. Это также или рабочіе, или съемщики-крестьяне. Послѣ разрѣшенія владѣльцамъ продавать земли лицамъ всѣхъ сословій нѣкоторые крестьяне покупаютъ участки земли. Но такихъ опять таки не много. И затрудненія для переселенія въ Донскую область существуютъ тѣ-же, какъ и въ область Кубанскую, — тоже исключительное положеніе казаковъ. На каждаго казака муж. пола приходится въ среднемъ по 21 десятинѣ удобной земли и еще около 3 десятинъ неудобной, преимущественно солончаковъ, которые составляютъ очень хорошія пастьбища. Слѣдовательно ждать перваго прогресса въ хозяйствѣ и производительности страны можно только при увеличеніи и здѣсь населенія почти въ $2\frac{1}{2}$ раза, если исключительныя условія Донской области не измѣнятся къ лучшему. До тѣхъ поръ она останется по прежнему пустыней среди другихъ губерній, мало производящей и слѣдовательно приносящей мало пользы и себѣ и всему государству.

Но кромѣ станичныхъ земель, въ Донской области есть много земель войсковыхъ,—общественныхъ. Онѣ сдаются теперь за очень низкую плату въ аренду, почти исключительно крупнымъ съемщикамъ — спекулянтамъ, и приносятъ очень мало пользы даже самой области. Такихъ земель, составляющихъ войсковой запасъ, считается 1.562,000 десятинъ. Кромѣ того земель, отводимыхъ подъ табуны заводчиковъ, 802,000, и 2 займищныхъ участка 78,000 дес., всего до 2.640,000 дес., не считая калмыцкихъ степей за Дономъ. На этихъ земляхъ могло-бы водвориться безъ всякаго стѣсненія, до 500,000 жителей обоего пола, нуждающихся въ земляхъ; а такихъ не мало въ Россіи. Это дало-бы надѣлъ въ 10 десятинъ на каждаго жителя муж. пола.

Въ Ставропольской губерніи есть казенныя земли и пересе-

лятъся туда возможно, но, по многимъ причинамъ, и главное за совершеннымъ отсутствіемъ какой бы то ни было организаціи переселеній, они идутъ и медленно, и безъ всякой системы и порядка. Во внутреннихъ губерніяхъ никто не знаетъ, есть-ли тамъ земли для переселеній, какія именно, гдѣ, на какихъ условіяхъ онѣ отдаются и пр. Обнародованія объ этомъ и вызовы желающихъ переселяться производили, какъ извѣстно, только одни безпорядки. Во многихъ мѣстахъ, какъ напр. въ области Донской, подобные вызовы въ Кубанскую область производили почти поголовныя заявленія всѣхъ крестьянъ о желаніи идти туда, такъ что крестьянъ этихъ должны были усмирять военною силой. Въ другихъ мѣстахъ останавливали на дорогѣ цѣлыя толпы народа, шедшаго на подобные вызовы.

Случается, что и добравшимся уже до мѣста крестьянамъ не удается скоро найти землю и пристроиться, и они долго хлопочутъ и бѣдствуютъ, пока не водворятся на новыхъ мѣстахъ. Легче всего достигаютъ этого крестьяне, ходящіе туда изъ года въ годъ въ отхожіе промыслы и знакомые хорошо съ краемъ. Вотъ почему отхожіе промыслы служатъ лучшимъ средствомъ для переселеній.

Случается и такъ, что новымъ поселенцамъ не понравится отведенная земля, и они самовольно поселяются на другой, иногда даже на частно-владѣльческой. Такъ недавно было съ новыми поселенцами-греками въ Пятигорскомъ уѣздѣ: они самовольно поселились на земляхъ, пожалованныхъ предъ тѣмъ кн. Орбельяни и гр. Евдокимову, и ихъ должны были сводить силою.

Случаются и совершенно самовольныя поселенія. Вдругъ окажется поселокъ, выстроившійся въ степи среди кочевьевъ, конечно, за небольшое вознагражденіе кочевникамъ. Или выстроится на свободной землѣ цѣлая деревня крестьянъ, прошедшихъ чрезъ большую половину Россіи. Фактъ признается совершившимся и крестьянъ оставляютъ жить въ покоѣ. Конечно, это было всегда и вездѣ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ существуетъ и теперь деревня, называющаяся Самовольная-Ивановка. Когда-то крестьяне поселились тамъ безъ разрѣшенія; ихъ два или три раза сгоняли и разоряли деревню, они опять строились и поселялись; наконецъ увидѣли, что съ ними ничего нельзя сдѣлать, и оставили въ покоѣ. Но въ то время, когда и государственные крестьяне, и государственныя земли были подъ вѣдѣніемъ одного и того-же управленія, существовала все таки какая бы то ни было орга-

низація переселеній. Государственныя земли въ многоземельныхъ губерніяхъ имѣли главнымъ назначеніемъ служить запасомъ для переселеній. Онѣ измѣрялись, изъ нихъ нарѣзались заблаговременно участки для поселенцевъ, число нуждающихся крестьянъ приводилось въ извѣстность, переселенія разрѣшались тѣмъ, кто дѣйствительно нуждался; — въ этомъ управленіе было прямо заинтересовано, хотя-бы и въ фискальныхъ видахъ, чтобы доставить крестьянамъ средства существовать и платить налоги; — выдавались пособія, оказывалась помощь и въ пути, и при водвореніи и пр.

А между тѣмъ въ Ставропольской губерніи не мало земель, годныхъ для поселеній. Кромѣ свободныхъ государственныхъ земель, послѣ ухода нагайцевъ осталось 895,000 десятинъ, изъ которыхъ 220,000 десятинъ тогда же были предназначены для поселеній. Кромѣ того отъ кочевьевъ ежегодно прирѣзаются участки, которые могли бы также итти подъ поселенія. Эти послѣднія земли, какъ совершенно свѣжія, могутъ считаться однѣми изъ лучшихъ въ Ставропольской губерніи.

Въ Самарской губерніи также не мало свободныхъ земель. Всѣхъ казенныхъ земель считается въ губерніи до 1,528,000 десят., изъ нихъ въ Николаевскомъ уѣздѣ около 240,000 десят. и въ Новоузенскомъ 695,000 десят. Земли эти, при сдачѣ въ аренду, приносятъ отъ 18 коп. до 1 р. 33 коп. дохода въ годъ съ десятины, въ среднемъ 38 — 54 коп. Конечно, при заселеніи ихъ, легко было-бы получать этотъ доходъ. Затѣмъ не мало свободныхъ казенныхъ земель есть въ губерніяхъ Оренбургской, Уфимской и Таврической.

Въ послѣднее время дѣло переселеній въ Самарскую губернію организуется, и тамъ нарѣзаются участки для заселеній въ шахматномъ порядкѣ.

V.

Такимъ образомъ переселенія, въ строгомъ значеніи этого слова, у насъ или вовсе почти не существуютъ, какъ напр. въ области Кубанскую и Донскую, или, если и существуютъ въ такія губерніи, гдѣ есть свободныя казенныя земли, то по многимъ причинамъ совершенно ничтожны и, за отсутствіемъ организаціи, дѣлаются случайно.

За невозможностью переселеній, они замѣняются у насъ такъ называемыми отхожими земледѣльческими промыслами, т. е. постоянными перекочевываньями изъ года въ годъ огромной массы народа изъ одной полосы Россіи въ другую. Въ эти передвиженія народъ пускается по большей части на авось, теряетъ и время и силы при переходахъ, подвергается болѣзнямъ, приноситъ ихъ домой, иногда возвращается и вовсе безъ заработковъ. Поэтому эти передвиженія не могутъ быть выгодны для народнаго хозяйства. Они составляютъ одну изъ темныхъ сторонъ въ бытѣ народа и суть прямыя послѣдствія крѣпостнаго права, сгустившаго чрезмѣрно населеніе въ одной полосѣ государства, между тѣмъ какъ почти рядомъ лежитъ другая огромная полоса, въ которой едва возникаетъ еще сельское хозяйство,— страна съ безконечными степями, съ ничтожными относительно посѣвами, съ рѣдкимъ населеніемъ; страна, колонизація которой еще не окончена.

Эти передвиженія народа не выгодны никому: ни самимъ крестьянамъ, ни частнымъ владѣльцамъ, ни наконецъ государству.

Владѣльцы земель въ трехпольной полосѣ жалуются, что отхожіе промыслы отвлекаютъ у нихъ много народа, что часто уходятъ цѣлыя деревни и у нихъ оказывается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, что крестьяне, уходя въ промыслы, возвращаются часто съ пустыми руками, разоряются, на нихъ накопляются недоимки, что они приносятъ домой болѣзни, развратъ и проч. Наконецъ жалуются на то, что южные, степные хозяева, производя первобытнымъ способомъ, съ малою затратою труда, дешевые хлѣба, подрываютъ возможность не только улучшеній въ трехпольной полосѣ, но даже и правильнаго веденія хозяйства.

Владѣльцы степной полосы въ свою очередь жалуются, что у нихъ нѣтъ рабочихъ рукъ для хозяйства, что поэтому нельзя вести никакого правильнаго расчета, что при урожаяхъ рабочіе требуютъ чрезмѣрно высокія цѣны, а при малѣйшемъ столкновеніи и вовсе бросаютъ работы, что отъ этого хлѣбъ часто остается на корню и они разоряются.

Всѣ жалобы эти имѣютъ много справедливаго. Дѣйствительно, при хаотическомъ характерѣ передвиженій, часто въ той или другой мѣстности оказывается временный недостатокъ рукъ, невыгодный для мѣстныхъ хозяевъ. Но жалобы на недостатокъ рукъ въ трехпольной черноземной полосѣ, какъ на явленіе всеобщее, не могутъ имѣть никакого основанія. Напротивъ, при существующей системѣ хозяйства трехпольной, страна слишкомъ переполнена населеніемъ, которое

могло удержаться тамъ до сихъ поръ единственно крѣпостнымъ правомъ и прикрѣпленіемъ къ землѣ. Поэтому-то и уходитъ изъ нея въ заработки такъ много народа. Безъ прикрѣпленія къ землѣ и при свободномъ трудѣ должно было случиться что либо изъ двухъ: или излишнее населеніе должно было отхлынуть, или эта полоса должна была перейти къ болѣе интензивному, болѣе производительному хозяйству. — При близости пустой степной полосы, при возможности переселеній, неизбѣжно произошло-бы первое, т. е. отливъ избытка рабочихъ силъ, но отливъ нормальный, который уничтожилъ бы рѣзкія противоположности двухъ этихъ полосъ, и прекратилъ антагонизмъ, существующій теперь между ними. Только съ отливомъ населенія въ степную полосу, съ окончаніемъ ея колонизаціи и водвореніемъ въ ней трехпольной системы хозяйства, т. е. системы постоянной, а не кочевой, какова переложная, — конкуренція ея, такъ опасная теперь для трехпольной полосы, будетъ уничтожена, и только тогда для послѣдней явится возможность идти къ болѣе раціональному, болѣе продуктивному и слѣдовательно болѣе выгодному хозяйству. Конкуренціи другихъ полосъ трехпольной полосѣ опасаться нечего. Ея естественныя силы, ея населенность, которая останется все-таки самою высокою въ Россіи, ея близость къ промышленной части государства и къ западнымъ рынкамъ и портамъ, все это такія условія, которыя будутъ давать ей всегда преимущество предъ всѣми другими полосами.

Но болѣе всего желательно правильное распредѣленіе населенія въ разныхъ частяхъ государства съ точки зрѣнія интересовъ самаго государства. Только съ окончаніемъ колонизаціи всей страны, съ распредѣленіемъ народныхъ силъ сообразно естественнымъ богатствамъ разныхъ ея частей возможенъ правильный прогрессъ въ развитіи народныхъ силъ и богатства. Огромная пустынная полоса въ 400 тыс. кв. верстъ, съ ея перелогами, съ первобытною культурою, рѣдкимъ населеніемъ, представляетъ уже сама по себѣ мало выгодную область, не говоря о томъ вредѣ, который причиняетъ она другимъ частямъ государства. А между тѣмъ эта огромная полоса, при ея заселеніи, могла бы съ избыткомъ дать казнѣ всѣ тѣ налоги: и прямые, и поземельные платежи, которые платятъ теперь малоземельные крестьяне, ходящіе туда по нуждѣ изъ года въ годъ, чтобы пахать ее, косить и обработывать.

Мы не имѣли цѣли разсмотрѣть здѣсь подробно вопросъ о переселеніяхъ крестьянъ въ Россіи, вопросъ весьма обширный и

важный. Размѣры настоящей статьи не позволили-бы этого сдѣлать. Мы желали указать на тотъ лишь фактъ, что переселенія въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ видѣ, въ которыхъ они необходимы, или вовсе не существуютъ у насъ, или не организованы и потому, если и бываютъ, то бываютъ случайны и незначительны.

Мы желали познакомить читателей съ переселеніями крестьянъ лишь на столько, на сколько они связаны къ отхожими земледѣльческими промыслами и объясняютъ значеніе послѣднихъ. Прямой цѣлью настоящей статьи было представить очеркъ отхожихъ промысловъ, какъ явленія, которое имѣетъ серьезное значеніе въ народномъ хозяйствѣ и о которомъ до сихъ поръ было очень мало свѣдѣній въ русской литературѣ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВМѢШАТЕЛЬСТВО.

М. Н. КАПУСТИНА,

директора Демидовскаго юридическаго лицея.

Вопросы международнаго права выдвинуты теперь на первый планъ; на очереди стоитъ международный кодексъ, составляющій предметъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Нельзя отказать въ сочувствіи всѣмъ трудящимся на этомъ поприщѣ. Вѣра въ возможность замиренія народовъ посредствомъ права должна принести много пользы. По выраженію Ренана, человѣкъ имѣетъ цѣну лишь въ мѣрѣ того, во что̀ онъ вѣритъ и что̀ онъ любитъ. Поддерживать и развивать идеалы, пріучать общественную мысль къ господству юридическаго порядка въ мірѣ значитъ идти вѣрнымъ путемъ къ этому порядку.

Но одними вѣрованіями не создается право; одни общія построенія и опредѣленія недостаточны для него. Юристъ долженъ помнить завѣтъ исторической школы, которая указала на органическій ростъ права и на корень его въ наличныхъ данныхъ общественной жизни. Право должно считаться съ несовершенствами этой жизни. Вѣрность такого положенія давно сознана въ области гражданскаго права; силою вещей поколебалась вѣра въ непреложность отвлеченныхъ государственныхъ теорій. Международное право, если оно имѣетъ притязаніе на практическое значеніе, должно также избѣгать крайнихъ обобщеній.

На дѣлѣ это требованіе не выполняется, и наука должна нести на себѣ извѣстную долю отвѣтственности за тотъ разладъ, который существуетъ между нею и дѣйствительностію.

Избираю для примѣра вопросъ о вмѣшательствѣ, какъ потому, что на немъ яснѣе всего отражаются общіе недостатки теоріи, такъ и потому, что это дастъ мнѣ случай указать на интересный по этому предмету трудъ молодого русскаго ученаго, вышедшій въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года.

I.

Интересы государствъ и отдѣльныхъ лицъ все болѣе и болѣе связываются и перекрещиваются между собою. Это одинъ изъ знаменательныхъ фактовъ международной жизни новаго времени. Государство обязано слѣдить за всѣмъ, что̀ совершается въ другой странѣ, и не оставаться равнодушнымъ зрителемъ. Въ законодательныхъ собраніяхъ обсуждаются нерѣдко вопросы, касающіеся не только внѣшней политики, но также положенія дѣлъ въ чужомъ государствѣ. Извѣстія изъ за-границы ожидаются всѣми съ нетерпѣніемъ и составляютъ предметъ обсужденія въ печати.

Отсюда понятно, что каждое государство вынуждено силою вещей принимать участіе въ общеевропейскихъ дѣлахъ и интересахъ. Первый вопросъ, который возникаетъ при всякомъ крупномъ событіи, состоитъ въ томъ: какъ отнесутся къ нему главныя державы Европы? Какъ поступитъ напр. Англія въ виду воинственнаго настроенія сербской скупщины и пр.? „При теперешнемъ положеніи цивилизованнаго міра, - говорилъ еще не очень давно одинъ англійскій ораторъ—интересы народовъ такъ перемѣшаны и тождественны, что невозможно установить и поддерживать начало невмѣшательства.“

И въ самомъ дѣлѣ, вопреки какой бы то ни было теоріи, вмѣшательство есть необходимое явленіе общественной жизни. Оно можетъ не называться своимъ именемъ, но существуетъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Признаніе новаго государства или правительства, выраженіе сочувствія или порицанія, предложеніе обсудить тотъ или другой вопросъ,—все это представляетъ болѣе или менѣе явное вмѣшательство, матеріяльную или нравственную поддержку чужому правительству, даже иностранной политической партіи. Признаніе диктатуры маршала Серрано, пророчество Гранта о постепенномъ превращеніи государствъ въ

республики, предложеніе князя Бисмарка о контролѣ надъ выборами папы,—въ строгомъ смыслѣ все это вмѣшательство, хотя при этомъ постоянно указывалось на государственную независимость. Талейранъ очень мѣтко сказалъ: le nonintervention est une phrase diplomatique qui signifie précisement la même chose qu'intervention.

Казалось бы, что, въ виду фактовъ дѣйствительной жизни, теорія должна была опредѣлить юридическія формы вмѣшательства. Но она поступила иначе. Отправляясь отъ положенія о прирожденныхъ правахъ, почти всѣ писатели выставляютъ начало невмѣшательства, какъ основной принципъ международной жизни. Затѣмъ, сознавая, что такое начало немыслимо, такъ какъ нельзя принять всѣхъ его послѣдствій, теорія пытается ограничить понятіе о вмѣшательствѣ и формулировать исключенія изъ него.

Такъ, прежде всего большинство писателей, и въ томъ числѣ новый писатель выступившій у насъ на поприще науки международнаго права гр. Комаровскій [1], прилагаютъ понятіе о вмѣшательствѣ лишь къ такимъ дѣйствіямъ, которыя касаются исключительно внутренней жизни государства или же имѣютъ своимъ мотивомъ не защиту права, а интересы. Этимъ путемъ вмѣшательство отдѣляютъ съ одной стороны отъ права участія государства въ международныхъ событіяхъ, а съ другой отъ права войны.

На практикѣ такое выдѣленіе оказывается несостоятельнымъ. Признаки, опредѣляющіе характеръ того или другаго явленія, часто неуловимы; событія, совершающіяся въ другомъ государствѣ, оцѣниваются въ данную минуту не съ точки зрѣнія общихъ началъ, они возбуждаютъ тревогу и опасенія въ связи съ извѣстнымъ настроеніемъ умовъ и съ общимъ ходомъ европейской политики. Международный союзъ представляетъ собою не простой агрегатъ государствъ, а единое цѣлое, въ которомъ положеніе одного члена отражается на всемъ организмѣ. Правительство, которое рѣшилось бы строго держаться невмѣшательства, тѣмъ самымъ стало бы иногда въ разрѣзъ съ симпатіями своего народа. Еще памятно то время, когда даже папа принужденъ былъ уступить общему потоку и, какъ онъ выразился недавно, далъ революціи себя увлечь.

Что касается интересовъ, какъ отличительнаго признака вмѣ-

---

[1] См. гр. *Комаровскаго*: «Начало не вмѣшательства», Москва, 1874.

шательства, то пока невозможно опредѣлить для государства право войны, до тѣхъ поръ останется призрачною черта, отдѣляющая интересы отъ права. Но и независимо отъ этого, останется всегда одинъ интересъ, который постоянно тождественъ съ правомъ: это интересъ безопасности. Существуетъ ли угроза и когда государство дѣйствуетъ во имя самозащиты — этотъ вопросъ всегда останется открытымъ. Основательно ли было опасеніе Франціи въ 1870 году — рѣшить трудно, ибо невозможно опредѣлить степень непрямого насилія, при которой самооборона становится необходимостью.

Война и вмѣшательство суть двѣ стороны одной и той же власти, которая въ международномъ быту принадлежитъ государству. Война есть вмѣшательство и вмѣшательство есть война, хотя бы она и не сопровождалась сраженіями — справедливо говоритъ Туркотти въ недавно вышедшемъ сочиненіи о международномъ кодексѣ. Если мы обратимъ вниманіе на всѣ мнѣнія, высказанныя писателями по вопросу о вмѣшательствѣ и тщательно собранныя гр. Комаровскимъ въ его книгѣ, то убѣдимся, что, отвергая вмѣшательство какъ общее правило, каждый авторъ въ сущности говоритъ только, что война не есть нормальное состояніе государствъ. Всѣ сознаютъ, что поддерживать безусловно невмѣшательство значитъ безусловно отвергать право войны.

Для примѣра возьмемъ два или три мнѣнія. Нѣмецкіе писатели признаютъ вмѣшательство исключеніемъ, которое однако можетъ быть оправдано при извѣстныхъ условіяхъ; „вмѣшательство можетъ быть несправедливо въ данномъ случаѣ, говоритъ Фрикеръ, но оно служитъ иногда выраженіемъ права, а потому должно быть допускаемо.“ Англичане, правительство которыхъ вмѣшивалось особенно часто въ дѣла другихъ государствъ, точно также признаютъ, что „вмѣшательство можетъ быть благоразумно, справедливо и даже необходимо“, хотя въ настоящее время Англія не расположена вмѣшиваться въ европейскіе дѣла, — за исключеніемъ, конечно, вопросовъ о Константинополѣ и Антверпенѣ. Гр. Комаровскій допускаетъ вмѣшательство въ трехъ случаяхъ: если иностранное государство начнетъ гоненіе противъ собственныхъ подданыхъ на основаніи ихъ религіозныхъ вѣрованій; если юное государство будетъ взывать о помощи противъ притѣснителей; наконецъ если иноземный деспотизмъ приметъ огромные размѣры.

Всѣ выставленныя исключенія сводятся къ тому, что Герма-

нія, Англія и Россія не желаютъ войны, но могутъ быть вынуждены къ ней по такимъ-то причинамъ. Гр. Комаровскій показалъ даже излишнюю предусмотрительность: едва ли есть надобность говорить о деспотизмѣ въ огромныхъ размѣрахъ, потому-что воевать съ Хивою и Бухарою можно и безъ ссылки на международное право, помогать же „юнымъ“ государствамъ славянскимъ едва ли намъ безпрепятственно дозволятъ другія державы.

Желая найти для выставленныхъ имъ исключеній общій принципъ, гр. Комаровскій сводитъ ихъ къ защитѣ „общечеловѣческихъ правъ“. Такое формулированіе рѣшительно неудачно и подрываетъ совершенно невмѣшательство. Общечеловѣческія права понятіе въ высшей степени эластическое. Революціонная Франція конца прошлаго столѣтія полагала, что она защищаетъ общечеловѣческіе права; извѣстно, сколько зла произвело такъ называемое освобожденіе ею угнетенныхъ національностей; можетъ быть даже нѣкоторые члены коммуны были увѣрены, что ихъ дѣло общечеловѣческое. А между тѣмъ гр. Комаровскій осуждаетъ революціонную пропаганду и считаетъ законною общеевропейскую борьбу противъ интернаціоналки.

Такимъ образомъ, всѣ теоретическія построенія вопроса о вмѣшательствѣ сводятся къ очень бѣдному результату и оправдываютъ приведенныя выше слова Талейрана.

II.

Къ другимъ результатамъ и нельзя было прійти. Въ своихъ построеніяхъ теорія отправляется отъ понятія о безусловной самостоятельности государства, подобно тому, какъ въ политической области она выводила все изъ понятія о гражданинѣ. На международную жизнь перенесено было ученіе о томъ, что задача государства ограничивается лишь защитою права (Rechtsstaat) [1]. Къ этому присоединился протестъ противъ случайныхъ уклоненій пентархіи и ея односторонности. Начало невмѣшательства, выраженное въ самой общей формѣ, казалось, удовлетворяло и теоріи, и практическимъ требованіямъ.

---

[1]) Въ тѣсномъ смыслѣ. *Ред.*

Но въ сущности оно не удовлетворяетъ ни той, ни другимъ. Разсматриваемый съ теоретической точки зрѣнія, вопросъ о вмѣшательствѣ входитъ въ область не права, а администраціи.

Несомнѣнно, что каждому лицу въ государствѣ и каждому государству въ международномъ союзѣ должна быть юридически охранена извѣстная область ихъ отдѣльной индивидуальной жизни. Размѣръ этой области всегда согласуется съ требованіями общественной жизни, отъ которыхъ онъ зависитъ. Но правительственная власть, какъ представительница интересовъ цѣлаго, уполномочена дѣйствовать не только въ предѣлахъ права; она можетъ, въ крайнихъ случаяхъ, пріостанавливать юридическія гарантіи лица. Такое отношеніе правительственной власти къ праву находитъ для себя оправданіе въ необходимости и поддержку въ тѣхъ убѣжденіяхъ и требованіяхъ, которыя господствуютъ, въ данное время, и оказываютъ нравственное давленіе на правительство.

Очевидно, и въ международномъ быту повторяется то же, что мы замѣчаемъ въ жизни отдѣльныхъ государствъ. Возможны случаи, когда международный союзъ нуждается въ административной дѣятельности. Общее чувство опасенія и неизвѣстности вызываетъ власть, которая не ограничивалась бы установленіемъ права, но водворила спокойствіе.

Потребность такой власти сказывалась неоднократно, хотя организація ея не получила опредѣленности.

Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ этомъ смыслѣ представляется пентархія. Къ административной дѣятельности пяти главныхъ европейскихъ державъ относятся всѣ очень строго, осуждая ея съ точки зрѣнія настоящаго времени. Гр. Комаровскій посвятилъ ей большую половину своего труда. Онъ излагаетъ подробно исторію конгрессовъ, съ цѣлью доказать несостоятельность того, что онъ называетъ „охранительнымъ вмѣшательствомъ“ и что правильнѣе было бы назвать поддержаніемъ начала легитимизма. Во всѣхъ мѣропріятіяхъ пентархіи авторъ видитъ рядъ ошибокъ и нарушеній права.

Можно имѣть различныя мнѣнія о конгрессахъ, собиравшихся съ 1815 до 1822 года. Но во всякомъ случаѣ о нихъ слѣдуетъ судить съ точки зрѣнія не права, а цѣлесообразности, — подобно тому, какъ, говоря о пріостановкѣ *habeas corpus*, объ осадномъ положеніи и тому подобныхъ правительственныхъ мѣрахъ, мы прежде всего имѣемъ въ виду ихъ необходимость и пользу. Пентархія пріостановила *habeas corpus* народовъ, какъ

доказали послѣдствія, безо всякой нужды и не достигнувъ своей цѣли. Но, въ то время, это казалось или могло казаться главною задачею администраціи, и, въ качествѣ административной власти, пентархія была, по крайней мѣрѣ въ началѣ, представительницею общественныхъ воззрѣній и требованій. Поддержаніе легитимизма и противудѣйствіе конституціоннымъ формамъ признавались мудрою административною мѣрою, принятою подъ впечатлѣніемъ недавней революціи и недавнихъ побѣдъ императора. Въ конституціяхъ видѣли первый шагъ къ анархіи; въ легитимизмѣ искали опоры противъ искателей престоловъ и противъ династической борьбы.

Съ тѣхъ поръ, конечно, взгляды перемѣнились. Вѣра въ политическія формы поколебалась, и ни одно государство не станетъ тратить своихъ силъ для поддержанія въ другой странѣ извѣстнаго государственнаго строя. Республики оказались безсильны, а потому и неопасны. Мало того. Крайнія увлеченія сосѣднихъ республикъ приносятъ даже пользу монархическому началу: князь Бисмаркъ свидѣтельствуетъ, что, благодаря парижской коммунѣ, многіе изъ Нѣмцевъ, которые были прежде радикалами, сдѣлались умѣреннѣе въ своихъ политическихъ вѣрованіяхъ, а нѣкоторые стали даже консерваторами.

Такимъ образомъ нельзя ожидать ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ повторенія тѣхъ административныхъ мѣръ или того вмѣшательства, къ которому обращалась пентархія. Но это не значитъ, чтобы вмѣшательство не было вызвано по поводу аналогическихъ явленій. Нельзя сказать съ увѣренностью, что Европа не будетъ встревожена соціальною революціею, противъ которой потребуется административная дѣятельность международнаго союза. Парижская коммуна возбудила уже общую тревогу; Лоримеръ предлагалъ уравнять приверженцевъ коммуны съ варварами, противъ которыхъ дозволяется всякаго рода принужденіе.

Какъ бы то ни было, если вмѣшательство по поводу политическихъ формъ или династическихъ правъ другаго государства оказывается несостоятельнымъ, то этотъ результатъ вытекаетъ не изъ общаго начала невмѣшательства. Поэтому было бы безполезно вносить въ международный кодексъ такое начало: пріуроченное къ данному случаю, оно излишне, а выраженное въ общей формѣ оно неизбѣжно подвергнется нарушенію.

Съ тѣмъ же характеромъ административнаго акта является

вмѣшательство въ приложеніи и къ другимъ вопросамъ международной жизни.

Наиболѣе часто возникаетъ вопросъ о признаніи новаго государства или правительства. Коллективное объявленіе независимости Бельгіи и Греціи, матеріальная и нравственная поддержка, оказанная Италіи — все это были акты международные, которые не основывались ни на какомъ правѣ, а представляли собою административныя мѣры, опиравшіяся на общее сочувствіе Европы. Точно также нельзя прилагать юридической мѣрки къ недавнему признанію мимолетнаго правительства Серрано со стороны Германіи; это была административная мѣра, вызванная общественнымъ мнѣніемъ, которое сложилось подъ впечатлѣніемъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ жестокостей карлистовъ.

Вообще нѣтъ возможности опредѣлить съ точностью тѣ признаки, по которымъ слѣдуетъ считать новое государство образовавшимся вполнѣ и потому имѣющимъ право на самостоятельное бытіе. Достаточно вспомнить, какъ близки были Англія и Франція къ признанію южанъ, какъ еще раньше Сѣвероамериканскіе Штаты готовы были признать Венгрію и проч. Междуусобная война ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ, и ни для одной изъ воюющихъ сторонъ не существуетъ титула давности. Для президента Гранта, въ настоящее время, кажется очевиднымъ, что Испанія не можетъ возстановить своей власти на островѣ Кубѣ, и тотъ же Грантъ несомнѣвался въ покореніи южанъ послѣ пятилѣтней нерѣшительной борьбы.

Ясно, что не одно право становится рѣшающимъ въ подобныхъ случаяхъ. Иначе вопросъ о признаніи былъ бы излишнимъ; государство могло бы требовать такого признанія на юридическомъ основаніи. Но въ дѣйствительности этого не бываетъ. Наоборотъ, если большинство державъ признаютъ новое государство, — другими словами, если общее мнѣніе Европы высказывается въ его пользу,—то признанное такимъ образомъ государство становится членомъ международнаго союза, не нуждаясь ни въ какомъ иномъ юридическомъ титулѣ.

Правда, нѣкоторые писатели дѣлаютъ попытки опредѣлить основанія для вмѣшательства или образъ дѣйствій государствъ въ случаѣ междуусобія. По мнѣнію Геффтера, существуетъ право для всѣхъ державъ положить конецъ безцѣльной международной и междуусобной войнѣ. Американскій публицистъ Вулси считаетъ незаконною помощь возмутившейся провинціи и колоніи, но

оправдываетъ поддержку существующаго правительства. Мотивы первыхъ двухъ мнѣній заключаются или въ правѣ прекращать продолжительныя безпокойства, или въ сохраненіи порядка и *statu quo*, что входитъ именно въ область администраціи.

Продолжать разсмотрѣніе вопросовъ, вызывавшихъ вмѣшательство, значило бы излагать исторію международныхъ сношеній за послѣднія сто лѣтъ, — такъ какъ эта исторія представляетъ собою рядъ почти постоянныхъ вмѣшательствъ. Теорія обыкновенно останавливается еще на двухъ возможныхъ случаяхъ коллективной или единичной интервенціи: по поводу религіи и для противудѣйствія уже совершающемуся вмѣшательству.

Международная администрація въ интересахъ защиты религіи, рѣшительно осуждаемая теоріею, конечно, еще не потеряла своего практическаго значенія. Но, съ одной стороны, утвердившаяся всюду вѣротерпимость, а съ другой религіозный индиферентизмъ ослабили это значеніе. Вопросы вѣры все болѣе и болѣе замыкаются въ области нравственности; религіозныя преслѣдованія въ прежней формѣ едва ли могутъ повториться; сочувствіе къ единовѣрцамъ находитъ себѣ безпрепятственный исходъ и не возбуждаетъ политической борьбы. Тѣмъ не менѣе было бы преждевременно утверждать, что вмѣшательство въ интересахъ религіи слѣдуетъ считать упраздненнымъ вопросомъ въ области международной. Поэтому крайне опрометчиво ставить безусловнымъ правиломъ невмѣшательство во имя такихъ интересовъ, которые способны вызвать тревогу и опасенія въ массахъ народа. Управляющая власть можетъ быть вынуждена принять мѣры для успокоенія взволнованнаго чувства.

Наконецъ, защитники невмѣшательства, для охраненія выставляемаго ими начала и въ видѣ кары за его нарушеніе, считаютъ законнымъ, чтобы государство вмѣшалось съ цѣлію прекратить вмѣшательство. Такая угроза или гарантія имѣетъ уголовный характеръ и придумана по аналогіи съ лишеніемъ правъ. На практикѣ она повела бы къ всеобщей войнѣ и, къ счастію, никогда не прилагалась.

Вотъ главные поводы вмѣшательства. Конечно, ими не исчерпываются всѣ случаи, которые могутъ вызвать административныя мѣры въ международномъ быту. Но уже изъ приведенныхъ примѣровъ можно убѣдиться, что вмѣшательство не составляетъ исключительнаго явленія и что вопросъ о немъ не можетъ быть рѣшенъ только на основаніи права.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить еще одно соображеніе. Если-бы дѣйствительно невмѣшательство представлялось юридическимъ началомъ, то рѣшающею для него нормою должны бы служить трактаты. А между тѣмъ соглашенія о вмѣшательствѣ объявляются постоянно не имѣющими силы. Затѣмъ, вмѣшательство по приглашенію заинтересованной стороны не должно бы считаться нарушеніемъ права, по основному началу: volenti non fit injuria. Какъ извѣстно, пентархія строго соблюдала эту форму и приступала къ извѣстному рѣшенію не иначе, какъ по приглашенію той страны, положеніе которой возбуждала тревогу. Это соблюденіе юридическихъ формъ не защитило однако пентархію отъ порицанія.

III.

Административный характеръ вмѣшательства не служитъ однако препятствіемъ къ юридическому опредѣленію столь знаменательнаго факта международной жизни. Это опредѣленіе необходимо теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь: при современномъ положеніи Европы можно ожидать постоянно или скрытаго вмѣшательства, или явной гегемоніи. Предоставить дѣло рѣшенію случая было бы опасно.

Только организація международной административной власти можетъ рѣшить окончательно вопросъ о вмѣшательствѣ.

Общее основаніе такой организаціи несомнѣнно. По существу международнаго союза, правительственная власть въ немъ не можетъ быть предоставлена ни каждому члену въ отдѣльности, ни нѣсколькимъ членамъ (какъ было въ эпоху пентархіи), а должна принадлежать цѣлому союзу. Только при этомъ условіи вмѣшательство удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ, и каждое государство въ отдѣльности могло бы отказаться отъ него. Какъ отдѣльное лицо въ государствѣ не въ правѣ брать на себя функціи правительства, такъ и государство не можетъ совершать то, что предоставлено лишь цѣлому международному союзу.

Коллективная форма вмѣшательства соотвѣтствуетъ вполнѣ и теоретическимъ и практическимъ требованіямъ. Представителями потребностей и убѣжденій, служащихъ всегда оправданіемъ административныхъ мѣръ, могутъ быть, по отношенію къ цѣлой Европѣ, только всѣ государства въ совокупности. Участіе ихъ

въ управленіи служило бы ручательствомъ, что извѣстная мѣра принимается въ интересахъ цѣлаго. Отдѣльныя національныя стремленія отступили бы на второй планъ; различіе государственныхъ формъ имѣло бы слѣдствіемъ не преобладаніе одной надъ другою, а обезпеченіе каждой изъ нихъ; признаніе новыхъ государствъ совершалось бы не случайно; религіозные вопросы не служили бы предлогомъ расшатыванія государственнаго строя.

Замиреніе Европы немыслимо безъ правительственной власти, которая одна способна успокоить національное самолюбіе и сдерживать увлеченія. Народы подчиняются только необходимости матеріальной и нравственной. Для народнаго самолюбія тяжело поступиться интересами личными въ пользу одного государства, но ничего нѣтъ оскорбительнаго въ уступкѣ цѣлому международному союзу; власть этого послѣдняго можетъ положить юридическій предѣлъ выраженію народныхъ симпатій и антипатій.

Такимъ образомъ, организація международной правительственной власти есть настоятельный вопросъ дня; пока эта власть не существуетъ, всѣ теоріи невмѣшательства останутся пустымъ словомъ; гдѣ нѣтъ управленія, тамъ выступаетъ всегда самоуправство; возможность захвата власти однозначительна съ анархіею.

Коллективное вмѣшательство не есть утопія, лишенная корней въ дѣйствительной жизни. Попытки установить его появлялись не разъ и вызваны были силою вещей. Парижскій конгрессъ 1856 года призналъ его относительно Турціи, и такой порядокъ на опытѣ оказался удовлетворительнымъ. Еще прежде весь международный союзъ установилъ административную мѣру осмотра кораблей съ цѣлію прекратить торговлю неграми. Санитарныя конференціи относятся къ той же категоріи международнаго управленія. Установляющееся единомысліе главныхъ державъ привѣтствуется всегда какъ залогъ общаго спокойствія, и въ минуты колебаній и сомнѣній особенно живо чувствуется потребность правящей силы.

Во всякомъ случаѣ для международной администраціи существуетъ не менѣе прецедентовъ, чѣмъ для международной юстиціи. Дѣло науки — воспользоваться данными дѣйствительной жизни и отъ нихъ идти въ своихъ построеніяхъ; задача кодекса — формулировать свои положенія такъ, чтобъ они могли разсчитывать на прочность и были примѣнимы на практикѣ. Исполненіе этой задачи въ будущемъ; но забота о будущемъ лежитъ на обязанности настоящаго.

НАУЧНАЯ ПОСТАНОВКА ЦЕРКОВНОСУДНАГО ПРАВА[1])

М. И. ГОРЧАКОВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Десять лѣтъ прошло со времени провозглашенія въ Россіи суда правды и милости, суда независимаго и внѣсословнаго. Десять лѣтъ также протекло съ того времени, какъ „Св. Синодъ, отклоняя упрекъ въ несовершенствѣ духовныхъ судовъ, далъ почти рѣшительное обязательство (предъ государствомъ) улучшить свои суды такъ, чтобы они сдѣлались столько же способными къ раскрытію истины (къ установленію правды), какъ и суды свѣтскіе, государственные [2]). Ноября 20-го дня 1874 г. Россія отпраздновала десятилѣтіе со времени утвержденія закона

---

[1]) Для предотвращенія всякаго рода недоразумѣній на счетъ предлагаемой статьи считаемъ необходимымъ предупредить читателей, что цѣль ея *исключительно научная*, т. е. желаніе — содѣйствовать теоретическому разъясненію существа излагаемаго въ ней предмета, который болѣе десяти лѣтъ занимаетъ наше общество. Но статья наша *чужда цѣли публицистической*, т. е. желанія привлечь сторонниковъ въ пользу нашихъ воззрѣній на разсматриваемый въ ней предметъ, для проведенія этихъ воззрѣній въ жизнь, — и *практической*, т. е. желанія — имѣть какое бы то ни было вліяніе на законодательную работу по вопросу о церковносудебной реформѣ.

[2]) См. «Предполагаемая реформа церковныхъ судовъ». Спб. 1873 г. Вып. 1, стр. 90.

объ устройствѣ государственныхъ судебныхъ установленій на началахъ правды и милости. Обязательство же Св. Синода — преобразовать согласно этимъ началамъ церковные суды, — данное имъ въ 1864 г., остается до сихъ поръ еще не выполненнымъ.

Но нельзя отрицать того, что „вѣдомство православнаго исповѣданія“ стремилось къ исполненію даннаго Св. Синодомъ въ 1864 г. обязательства предъ государствомъ. Въ теченіе всего истекшаго десятилѣтія, почти безпрерывно продолжалась при Св. Синодѣ законодательная работа надъ составленіемъ проекта новыхъ судебныхъ учрежденій Православной церкви. Съ 1864 г. существовали при Синодѣ, послѣдовательно одинъ за другимъ, два комитета для составленія проекта церковносудной реформы. Занятія перваго комитета, подъ предсѣдательствомъ преосвящ. архіепископа Филоѳея Тверскаго, продолжались лѣтъ пять (1864—1869 гг.); но результатовъ отъ этихъ занятій не оказалось никакихъ. Второй комитетъ, подъ предсѣдательствомъ преосвящ. архіепископа литовскаго Макарія, былъ учрежденъ 12-го января 1870 г., состоялъ изъ представителей самыхъ разнообразныхъ установленій — церковныхъ и государственныхъ, изъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ, изъ чиновниковъ и ученыхъ,— усиленно трудился въ теченіе трехъ лѣтъ и къ 12-му января 1873 г. успѣлъ составить только „проектъ *основныхъ* положеній преобразованія духовносудебной части“. Но принятіе этого проекта въ основу для составленія проекта церковносудебныхъ уставовъ, судя по публиковавшимся въ газетахъ извѣстіямъ, встрѣтило „серьезныя затрудненія“.

„Проектъ основныхъ положеній преобразованія духовносудебной части, составленный Комитетомъ 12-го января 1870 года, съ двумя (обширною и краткою) объяснительными записками, — около половины 1873 г., согласно Высочайше утвержденному опредѣленію Св. Синода, былъ препровожденъ ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и въ консисторіи, съ тѣмъ, чтобы изъ каждой епархіи архіерей и консисторія, независимо другъ отъ друга, представили въ Св. Синодъ свои отзывы о проектѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ поступило въ Синодъ значительное число отзывовъ отъ архіереевъ и консисторій. Намъ случайнымъ образомъ удалось прослѣдить содержаніе двадцати отзывовъ преосвященныхъ и двадцати девяти — консисторій [1]. Большая часть извѣстныхъ

[1]) См. обзоръ ихъ ниже въ Отд. II настоящаго Сборника, стр. 3—24.

нами отзывовъ — не въ пользу проекта. Критическая, *отрицательная* часть нѣкоторыхъ отзывовъ, неодобряющихъ проекта, весьма сильна: едва ли, въ дальнѣйшемъ процессѣ своего движенія въ законодательномъ порядкѣ, онъ выдержитъ этотъ напоръ критики. Но, съ другой стороны, отзывы, сильные отрицаніемъ, не указываютъ тѣхъ основныхъ, общихъ, *положительныхъ* принциповъ, на основаніи которыхъ должна быть произведена „духовносудебная реформа" въ русской православной церкви и на которыхъ должно быть установлено церковносудебное право, во всей его цѣлости, послѣдовательности и всесторонности, соотвѣтственно его существу.

Одновременно съ оффиціальными работами надъ составленіемъ проекта церковносудебной реформы неустанно трудилась надъ этимъ вопросомъ и русская печать. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ явилось въ разнообразныхъ газетахъ и журналахъ безчисленное множество крупныхъ и мелкихъ статей, трактовавшихъ о церковносудебной реформѣ. Главное и безспорно важное значеніе всѣхъ этихъ статей, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что ими доказывается и со стороны общества настойчиво заявляется *неотложная необходимость преобразованія церковныхъ судовъ въ Россіи*. Но было бы, намъ кажется, несправедливо и невѣрно утверждать, что публицистическія и журнальныя газетныя статьи, посвященныя вопросу о духовносудебной реформѣ, а равно отдѣльныя сочиненія, изданныя въ послѣдніе два-три года, и въ публицистическомъ духѣ трактующія о томъ же предметѣ, *научно разъяснили* для общественнаго сознанія тѣ *начала*, на которыхъ должно быть поставлено *церковносудебное право* въ Россіи, согласно съ его существомъ, съ назначеніемъ церкви и съ существомъ отношеній государства къ церкви. Кто, съ точки зрѣнія *науки* церковнаго права и въ положеніи безпристрастнаго наблюдателя современнаго состоянія русской православной церкви, слѣдилъ въ теченіе истекшаго десятилѣтія за развитіемъ предположеній, относящихся до церковносудебной реформы, и имѣлъ возможность ознакомиться (по журналамъ Комитета 12-го января 1870 г. и по приложеніямъ къ нимъ) съ воззрѣніями лицъ, призванныхъ и имѣющихъ оффиціальныя отношенія къ законодательной работѣ по этому предмету; тотъ безъ особенныхъ, полагаемъ, затрудненій могъ замѣтить, что въ разрѣшеніи вопроса о церковносудебной реформѣ участвуютъ представители *двухъ церковнополитическихъ направленій*, изъ которыхъ одно

мы имѣемъ основаніе называть *бюрократическимъ*, а другое — *іерократическимъ*. Представители перваго направленія - чиновники отъ государства и между ними, по преимуществу, чиновники „вѣдомства православнаго исповѣданія“; представители втораго направленія — церковные іерархи и теологи-канонисты ab consistoriis. Первое изъ означенныхъ направленій стремится, въ ущербъ возстановленію въ церковномъ устройствѣ церковно-общественнаго элемента, къ ослабленію іерократическаго абсолютизма въ епархіяхъ, къ усиленію въ строѣ церкви началъ и формъ государственности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ размноженію и усиленію бюрократическаго элемента, въ отправленіяхъ церковной власти, который и въ настоящее время имѣетъ если не исключительное, то преобладающее, не встрѣчающее достаточнаго противовѣса, значеніе въ „центральныхъ установленіяхъ Главнаго Духовнаго Управленія“. Іерократическое же направленіе старается удержать положеніе церковносудебнаго права, въ сущности, in statu quo, т. е. съ преобладаніемъ въ церковномъ устройствѣ, особенно въ епархіяхъ, абсолютизма іерократіи въ смыслѣ и духѣ ультрамонтанства, но въ тоже время стремится проложить путь и къ усиленію священно-служительскаго класса — въ центральныхъ церковныхъ установленіяхъ. Представители того и другаго направленій въ воззрѣніяхъ на устройство предполагаемыхъ церковныхъ судовъ, раздѣлившись въ Комитетѣ 12 января 1870 г., нашли себѣ публицистовъ, которые, съумѣли внести въ русскую печать свои „вклады“ по вопросу о церковносудебной реформѣ,— отъ времени до времени, въ теченіе двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ, въ разныхъ газетахъ варіируютъ эти „вклады“ не въ существѣ, не по содержанію, но въ грамматическихъ выраженіяхъ и во внѣшней перетасовкѣ обсуждаемыхъ предметовъ и искусно стараются выдавать воззрѣнія каждой партіи за выраженіе различныхъ органовъ общественнаго мнѣнія [1]). Борьбою означенныхъ двухъ направленій объясняются всѣ явленія литературы, касавшейся вопроса церковносудебной реформы. Борьба эта и служитъ главною причиною медленности и безуспѣшности законодательныхъ проектовъ относительно реформы церковныхъ судовъ. Въ окон-

---

[1]) Эта сторона газетной публицистической полемики по вопросу о церковносудебной реформѣ отчасти обнаружена въ соч. «Предполагаемая реформа», вып. 2, стр. 165—190.

чательномъ результатѣ она грозитъ отсрочкою реформы на неопредѣленное время....

Между тѣмъ, необходимость реформы церковныхъ судовъ представляется настойчивою не только въ сферахъ государственнаго и церковнаго управленій, не только въ обществѣ, но, и еще болѣе, среди бѣлаго духовенства, — того класса лицъ нашего общества, который по преимуществу страдаетъ отъ недостатковъ дѣйствующей церковной юстиціи. Въ средѣ бѣлаго духовенства, цѣлые десятки лѣтъ, громко раздаются, чрезъ посредство печати, отечественной и заграничной, оффиціально и не оффиціально, жалобы на его положеніе въ церкви, обществѣ и государствѣ. По воззрѣніямъ православнаго духовенства [1]), отличительная особенность его положенія въ православной Россіи, это „прикрѣпленность его къ особому состоянію“ и принадлежность въ государственномъ отношеніи „*къ вѣдомству* православнаго исповѣданія“. Отсюда проистекаютъ его политическая, общественная, гражданская и церковная безправность, беззащитность и безсиліе. „Духовенство является безправнымъ и безсильнымъ даже тамъ, гдѣ оно имѣло бы всѣ права — проявлять свойственную его миссіи духовную силу“. Когда было возвѣщено объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи и когда подняли вопросъ „объ улучшеніи быта духовенства“, какъ класса лицъ, посвятившихъ себя служенію въ народѣ началамъ христіанской вѣры и церкви, все духовенство оживилось надеждами на быструю перемѣну въ церковномъ строѣ и въ церковной жизни. „Улучшеніе быта духовенства“ духовенство понимало почти въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялось до 1861 г. выраженіе „улучшеніе быта сельскаго состоянія“, т. е., въ смыслѣ освобожденія. Но всѣ изданныя до настоящаго времени законоположенія, направленныя „къ улучшенію быта православнаго духовенства“, при раціональности многихъ изъ нихъ въ основѣ, не уничтожили крѣпостнаго состоянія священнослужителей и не поставили ихъ въ положеніе, соотвѣтственное ихъ призванію и уравнительное съ полноправными гражданами въ государствѣ. Надежды духовенства на улучшеніе матеріальнаго быта не сбылись, заботы о воспитаніи

---

[1]) Воззрѣнія эти мы стараемся высказать выдержками изъ различныхъ духовныхъ журналовъ. Указывать частные цитаты не находимъ нужнымъ, безъ особеннаго сторонняго вызова насъ на это.

дѣтей смѣнились заботами о содержаніи духовныхъ училищъ и параллельныхъ классовъ въ семинаріяхъ на средства, собираемыя самимъ же духовенствомъ; новые порядки духовноучебнаго дѣла и епархіальной жизни потребовали постоянныхъ жертвъ; съѣзды, разрѣшенные духовенству, въ которыхъ оно мечтало обрѣсти силу, призваны, какъ оказывается въ дѣйствительности, исключительно къ установленію повинностей и сборовъ съ церквей и духовенства; поборы съ церквей и духовенства, прекращенные и запрещенные при Екатеринѣ II, въ новѣйшее время возстановлены, но въ усиленной степени и т. п. Всѣ новыя учрежденія, состоявшіяся „по духовному вѣдомству" и соотвѣтствующія цѣлямъ церкви, только тогда могутъ получить правильное и плодоносное развитіе и имѣть успѣхъ, когда „въ духовенствѣ будетъ поднято и ограждено *право личности* и когда духовному лицу предоставлена будетъ *законная свобода дѣятельности, соотвѣтственная его призванію* и не нарушаемая стороннимъ произволомъ". А право личности и законная свобода дѣятельности духовныхъ лицъ, какъ и всякаго общественнаго класса людей въ государствѣ, могутъ найти себѣ опору и гарантію исключительно въ вѣрной постановкѣ этихъ лицъ, въ судебно-правовомъ отношеніи, въ государствѣ вообще и въ частности, — въ вѣрной постановкѣ церковныхъ судовъ и церковно-судебнаго права. *„Духовенство смотритъ на духовносудебную реформу именно со стороны ея практическаго значенія, и утомленное долгими ожиданіями, неудовлетворенное исходомъ другихъ реформъ, въ ней чаетъ найти начало своего общественнаго возрожденія"*. Но и этому чаянію не суждено кажется скоро осуществиться.

Не смотря на широкую распространенность среди бѣлаго духовенства сознанія въ крайней необходимости неотложной реформы его положенія въ судебныхъ его отношеніяхъ, это духовенство, въ виду борьбы двухъ направленій, о которыхъ мы выше сказали, — по свидѣтельству лица іерократическаго направленія [1]), — хранитъ *полное безмолвіе* по вопросу о духовносудебной реформѣ, затрогивающему важнѣйшіе и существеннѣйшіе церковные интересы". „Безмолвіе" это, при современномъ безправіи беззащитности бѣлаго духовенства предъ „высокопо-

[1]) См. предисловіе къ соч. «Предполагаемая реформа церковнаго суда», вып. 1.

ставленными“ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія предъ іерархами и консисторіями, объяснить не трудно [1]). „Безмолвіе“ это было *даже*, по нашему мнѣнію, благоразумно [2]). Оно открыло возможность каждому изъ вышеозначенныхъ двухъ сторонъ безпрепятственно сразиться оффиціально и въ печати съ своимъ противникомъ, обличить его въ крайности требованій и въ недостаткахъ современной его практики и вынудило войти въ сближеніе съ бѣлымъ духовенствомъ. Благодаря борьбѣ бюрократизма съ іерократизмомъ, многое выяснилось и высказано касательно современнаго состоянія церковнаго устройства и управленія, о чемъ не было прежде и рѣчи. Для разъясненія современныхъ порядковъ управленія и суда въ русской церкви было бы полезно продолженіе выясненія этихъ порядковъ въ оффиціальной средѣ. Но борцы какъ бы сами ужаснулись, когда замѣтили, что они раскрываютъ такіе недостатки своей среды, которые прежде тщательно скрывались отъ сторонняго взора, и что виновники этихъ недостатковъ — они сами. Между ними стала пробиваться и утверждаться мысль — отложить реформу. Между тѣмъ, безуспѣшная десятилѣтняя дѣятельность „вѣдомства православнаго исповѣданія“ по составленію проекта реформы церковныхъ судовъ, — безуспѣшная, не смотря на крайнюю и настойчивую въ реформѣ необходимость, сознаваемую и государственною и церковною властями и требуемую обществомъ и духовенствомъ, начинаетъ возбуждать въ публикѣ мнѣнія и сужденія весьма неблагопріятныя для самой церкви православной. Въ обществѣ слышны сомнѣнія — не заключается-ли въ

---

[1]) Къ тому же, въ послѣдніе три-четыре года органы свѣтской и даже духовной (Церковнообщественный Вѣстникъ, Христіанское Чтеніе, Странникъ) періодической литературы, едва ли не всѣ безъ исключенія, превратились въ защитниковъ канцелярски-чиновничьихъ воззрѣній на церковь какъ на вѣдомство православнаго исповѣданія. Партія бюрократическаго направленія въ разрѣшеніи вопроса о церковносудной реформѣ получила такой перевѣсъ въ газетахъ, что бѣлое духовенство, желающее, чтобы церковносудное право установилось согласно съ существомъ права, церкви и отношеній государства къ церкви, не находило въ послѣднее время такой газеты, въ которой бы церковь понималась согласно съ вѣроученіемъ христіанскимъ, а не съ точки зрѣнія «бюрократовъ».

[2]) Правда, заговорилъ было въ «Православномъ Обозрѣніи» о церковной реформѣ недавно скончавшійся профессоръ церковнаго права въ Московскомъ университетѣ Н. К. Соколовъ, съ точки зрѣнія интересовъ церкви, какъ общества и отъ лица бѣлаго духовенства. Но оказалось, что его рѣчь была преждевременна,— въ чемъ скоро убѣдилась и сама редакція «Обозрѣнія», объяснившая, по поводу смерти Соколова, что она нашла нужнымъ «до времени молчать по вопросу о церковной реформѣ». Было бы благоразумнѣе съ ея стороны,— ранѣе понять необходимость «молчать до времени».

своемъ существѣ православной церкви условій, несоотвѣтственныхъ постановкѣ церковносудебной власти на началахъ христіанской правды и справедливости. Съ этими сомнѣніями въ обществѣ приходится встрѣчаться конечно не „чиновникамъ вѣдомства православнаго исповѣданія“, даже не іерархамъ и консисторіямъ, — а все тому же бѣлому духовенству. Бѣлое духовенство уже не можетъ и не должно болѣе молчать, когда теченіе дѣлъ посѣваетъ въ обществѣ сомнѣніе относительно истинности началъ христіанской вѣры, правды, справедливости и церкви. Намъ кажется (если только не ошибаемся), что положеніе вопроса о церковносудебной реформѣ и въ правительственныхъ сферахъ достигло такого фазиса въ своемъ ходѣ, когда и бѣлое духовенство, помимо консисторій и должностныхъ лицъ, можетъ „свое сужденіе имѣть“, не опасаясь за „свою личность и законную свободу дѣятельности“. И представители „вѣдомства православнаго исповѣданія“, и іерархи, и канонисты-теологи ab consistoriis довольно ясно высказались по означенному вопросу. Потому теперь кажется настала очередь и для рядоваго бѣлаго духовенства, обязаннаго оказать этому дѣлу и свою посильную помощь, согласно съ ученіемъ и духомъ самой православной церкви. Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ положенія дѣла относительно церковносудебной реформы въ Россіи, и мы находимъ *благовременнымъ* въ нижеслѣдующей статьѣ изложить, по возможности, коротко научныя основанія для правильнаго пониманія значенія церковносудебнаго права въ устройствѣ православной церкви, государства и общества, или, что тоже, *указать начала для научной постановки церковносудебнаго права* [1]).

Научною постановкою церковно-судебнаго права мы называемъ изложеніе, разъясненіе и опредѣленіе теоретическихъ положеній

---

[1]) Принимая во вниманіе, что мнѣ лично приписывали нѣкоторыя публицистическія статьи въ разныхъ газетахъ, касавшіяся церковносудебной реформы, вовсе не принадлежавшія мнѣ, я считаю необходимымъ здѣсь заявить, что *я въ послѣднія пять лѣтъ* ни въ одной газетѣ не печаталъ ни одного слова о церковносудебной реформѣ. Рѣшившись теперь напечатать предлагаемую статью, я предварительно бесѣдовалъ объ ея содержаніи со многими священниками, даже прочитывалъ имъ ея отрывки и встрѣтилъ въ нихъ одинаковость воззрѣній и убѣжденій по ея содержанію. Священники эти по своему характеру и образованію не могутъ быть заподозрены ни въ какомъ одностороннемъ направленіи, ни въ либерализмѣ, ни въ ретроградствѣ. Поэтому я считаю себя въ правѣ высказать, что настоящая статья есть *голосъ изъ среды бѣлаго духовенства* по вопросу, относительно котораго оно сохраняло доселѣ «полное безмолвіе», голосъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ *научнаго* пониманія церковносудебнаго права.

относительно этого права, которыя вытекают изъ понятія о существѣ православной церкви и ея судебной власти, согласны съ вѣроученіемъ и принципами законодательства вселенской церкви и соотвѣтствуютъ современнымъ понятіямъ юриспруденціи о правѣ, государствѣ и обществѣ.

Судебное право православной церкви, понимаемое въ истинномъ научномъ смыслѣ, не можетъ быть организовано внѣ всякаго отношенія къ тѣмъ истинамъ вѣроученія церкви, которыя съ нимъ соприкасаются или въ немъ находятъ свое выраженіе. Равно оно не можетъ быть разъяснено и установлено научнымъ образомъ внѣ господствующихъ въ наукѣ, въ обществѣ и законодательствѣ юридико-политическихъ воззрѣній на существо государства, общественныхъ союзовъ и отношеній государства къ общественнымъ союзамъ. Поэтому, для научнаго разъясненія началъ судебнаго права православной церкви, необходимо допустить, съ одной стороны, богословскія разсужденія, съ другой — имѣть въ виду современныя юридико-политическія воззрѣнія, имѣющія отношеніе къ церкви. Иначе говоря, мы думаемъ, что *церковносудебное право слѣдуетъ разсматривать какъ въ смыслѣ юридическомъ, такъ и богословскомъ.* — Разъясненіе церковносудебнаго права съ этихъ двухъ сторонъ требуется самымъ существомъ предмета. Юридическій и богословскій элементы соприкасаются и взаимно переплетаются въ церковносудебномъ правѣ столько же, если не болѣе, какъ и во всѣхъ предметахъ, составляющихъ содержаніе церковнаго права, понимаемаго въ смыслѣ объективномъ, т. е. въ смыслѣ порядка, установленнаго и признаваемаго въ церкви, государствѣ и обществѣ, на началахъ христіанской правды и справедливости, для достиженія членами церкви религіозныхъ цѣлей. Но соприкосновеніе въ церковносудебномъ правѣ элементовъ — юридическаго и богословскаго — имѣетъ свои опредѣленныя границы, вѣрное указаніе которыхъ возможно только при правильномъ пониманіи православнаго христіанскаго вѣроученія и существа церкви, права и государства. Какъ при смѣшеніи элементовъ богословскаго и юридическаго, такъ и при неумѣстной обособленности и раздѣльности ихъ и въ теоретическихъ разсужденіяхъ о церковносудебномъ правѣ, или въ практическомъ разрѣшеніи вопросовъ, его касающихся, невозможна правильная, согласная съ существомъ предмета, постановка церковносудебнаго права въ современномъ законодательствѣ — ни въ общихъ на-

чалахъ, ни въ частностяхъ. По нашему мнѣнію, *смѣшеніе богословскихъ понятій съ юридико-политическими* въ разсужденіяхъ о церковносудебномъ правѣ — съ одной стороны, — и крайняя разобщенность и *обособленность богословскаго элемента отъ юридическаго,* — съ другой стороны, служатъ главными причинами всѣхъ недоразумѣній, неудачъ, споровъ, пререканій, обличеній и пр. и пр., десять лѣтъ волнующихъ русское общество по вопросу касательно реформы церковныхъ судовъ. Спорятъ между собою по вопросамъ, касающимся этой реформы, теологи и юристы. Теологи, не знакомые съ юриспруденціею, въ своихъ разсужденіяхъ о судебномъ правѣ церкви переступаютъ границы, до которыхъ должны простираться богословскія сужденія и за которыми должна начаться дѣятельность юридическаго мышленія. Юристы, не знающіе богословія въ такой степени, при какой они могутъ трактовать о предметахъ церковнаго права, оказываются не въ силахъ — указать теологамъ границы между *богословіемъ* и *правомъ:* выслушивая богословскія и нравственныя истины и положенія, высказываемыя теологами въ разсужденіяхъ о вопросахъ церковносудебнаго права, юристы недоумѣваютъ — къ чему клонятся сужденія ихъ противниковъ — и удивляются, какъ можно высказывать въ вопросахъ права тѣ или другія истины, съ нравственной и религіозной точки зрѣнія, быть можетъ, и совершенно вѣрныя, но рѣшительно не относящіяся къ праву. Юристы, съ своей стороны, иногда вторгаясь въ своихъ разсужденіяхъ въ область богословскихъ понятій, силятся подвести подъ юридическія нормы такія отношенія въ церкви, которыя, по самому существу своего содержанія, не могутъ поддаваться юридическимъ формуламъ. Вслѣдствіе указанной встрѣчи разсужденій юристовъ и теологовъ и происходитъ то, что теологи и юристы спорятъ, разсуждаютъ, — а въ итогѣ законодательной ихъ работы не оказывается никакихъ результатовъ. — Къ такому итогу подводится десятилѣтняя дѣятельность составителей проектовъ церковносудебной реформы въ „вѣдомствѣ православнаго исповѣданія" еще и потому, что въ Россіи ни наука, ни историческое развитіе самаго церковносудебнаго права, ни дѣйствующее законодательство не даютъ ясныхъ указаній на тѣ общія начала правильной постановки этого предмета, которыя могутъ и должны быть выведены изъ понятій о существѣ церкви, права и государства, согласно съ современными научными юридико-политическими воззрѣніями на отношенія

государства къ церкви и къ общественнымъ союзамъ. Но, въ тоже время, научное, отчетливое и ясное пониманіе *историческаго развитія* въ Россіи церковносудебнаго права крайне необходимо для того, чтобы съ прошлымъ его развитіемъ соединить его будущность. Съ своей стороны, мы, не входя, для краткости, въ исторію, постараемся разъяснить общія начала церковносудебнаго права такъ, чтобы наши положенія объ этомъ предметѣ были понятны и теологамъ и юристамъ.

Церковносудебное право должно быть выведено изъ понятія о существѣ церкви и объ ея назначеніи и согласовано съ понятіями о существѣ права и объ отношеніяхъ государства къ церкви. Это положеніе — основное въ разсужденіяхъ о церковносудебномъ правѣ. Едва ли кто можетъ оспаривать истинность этого положенія. Опредѣлимъ же, прежде всего, что такое церковь и укажемъ ея назначеніе.

Понятіе о существѣ церкви дается вѣроученіемъ самой церкви, принадлежитъ къ числу элементарныхъ положеній ея догматическаго ученія и излагается въ катихизисѣ.

Въ пространномъ православномъ катихизисѣ, въ объясненіи 9-го члена, на вопросъ: „что есть церковь"? дается слѣдующій отвѣтъ: „*Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ между собою православною вѣрою, закономъ Божіимъ, таинствами и священноначаліемъ*". Изъ разложенія сего понятія на составныя его части, между прочимъ, оказывается, что въ составѣ существа церкви заключаются слѣдующіе существенные, неотъемлемые у церкви, признаки: она, съ одной стороны, есть божественное *установленіе* или, какъ чаще выражаются, *учрежденіе*,— съ другой — она есть *общество людей*. Будучи установленіемъ и обществомъ, церковь является во внѣшнихъ формахъ, въ данномъ государствѣ и народѣ; поэтому она должна имѣть опредѣленное положеніе въ государствѣ. Такимъ образомъ церковь слѣдуетъ понимать, *во-первыхъ* — какъ божественное *установленіе*,— *во-вторыхъ* — какъ *общество людей* для религіозныхъ цѣлей, и *въ третьихъ* — какъ общество и установленіе, занимающія *опредѣленное положеніе въ государствѣ*. Разъяснимъ значеніе церкви съ этихъ трехъ сторонъ нѣсколько полнѣе, по отношенію къ церковносудебному праву.

1) Церковь есть божественное *установленіе*. Какъ божественное установленіе, она имѣетъ своимъ назначеніемъ — сообщать каждому члену, входящему въ составъ ея, какъ обще-

ства, средства къ его спасенію или, что тоже, къ установленію и развитію имъ своей жизни, на основаніи законовъ нравственной человѣческой природы, разъясненныхъ Божественнымъ Основателемъ вѣры. По ученію православной церкви, для спасенія человѣка необходимы — правая (православная, истинная) вѣра въ Бога и образъ жизни, согласный съ таковою вѣрою. Ученіе о вѣрѣ и нравственной христіанской жизни сохраняется, распространяется и поддерживается церковію. Вѣра въ Бога служитъ для человѣка средствомъ къ полученію чрезъ церковь, какъ установленіе, благодати или такой божественной силы, которая содѣйствуетъ его спасенію, т. е. православной, согласной съ христіанскимъ ученіемъ и законами человѣческой природы, нравственной жизни. Благодать сообщается человѣку отъ церкви чрезъ таинства и поддерживается въ немъ молитвою, — богослуженіемъ. Такимъ образомъ въ составъ содержанія церкви, какъ божественнаго установленія, входятъ — вѣроученіе, законъ божій или, что тоже, ученіе о нравственной христіанской жизни и таинства, съ которыми соединено богослуженіе. Слѣдовательно, вѣроученіе, нравственное ученіе и богослуженіе суть божественныя учрежденія въ церкви и составляютъ содержаніе ея божественной стороны.— Всѣ положенія, сейчасъ высказанныя нами о церкви, какъ установленіи, относятся къ догматическому вѣроученію церкви, — слѣдовательно — положенія богословскія. Ихъ нельзя опускать изъ виду въ разсужденіяхъ о предметахъ церковносудебнаго права *даже и юристамъ*. Юристъ, не признающій вѣрности этихъ положеній, не долженъ, по нашему, и приниматься за разсужденія о церковно-судебномъ правѣ, — и еще менѣе участвовать въ законодательной работѣ по этому предмету [1]); иначе онъ только будетъ запутывать дѣло, а не разрѣшать вопросъ о церковносудебной реформѣ.

2) Присоединимъ къ высказаннымъ богословскимъ положеніямъ и юридико-политическія. Для того, чтобы люди могли пользоваться церковію, какъ божественнымъ установленіемъ, должны непремѣнно существовать опредѣленные способы пользованія каждымъ ея учреж-

---

[1]) На насъ, православныхъ священниковъ, крайне неблагопріятно подѣйствовало то, что въ Православной Руси въ составъ Комитета о церковносудебной реформѣ при св. Синодѣ назначенъ былъ членъ, — принадлежащій къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Ужели II-е Отдѣленіе Канцеляріи Его Величества не могло отыскать среди своихъ чиновниковъ лица православнаго исповѣданія, способнаго для занятій въ составѣ Комитета при Св. Синодѣ?

деніемъ, — требуются отъ желающихъ пользоваться церковными учрежденіями, входящими въ содержаніе ея божественной стороны, извѣстныя условія, — необходимы лица, чрезъ посредство которыхъ была бы открыта возможность для пользованія. Въ церкви все должно быть, по выраженію священнаго писанія, *благообразно и по чину;* то есть, въ церкви долженъ существовать *опредѣленный порядокъ* для пользованія со стороны людей божественными ея учрежденіями, — порядокъ, признаваемый въ церкви и обществѣ правильнымъ (каноническимъ), справедливымъ и цѣлесообразнымъ. Иначе говоря - въ церкви должно существовать *право* въ объективномъ значеніи этого слова. Это-то право, этотъ-то порядокъ, которымъ опредѣляются условія пользованія въ церкви божественными учрежденіями, юристами вовсе игнорируется при разсужденіяхъ о церковносудебномъ правѣ, а богословами трактуется не съ точки зрѣнія права, а съ точки зрѣнія богословскаго ученія. Поэтому-то многія теоретическія сужденія тѣхъ и другихъ по вопросамъ судебнаго права церкви не тверды и не вѣрны.

Далѣе, — человѣкъ можетъ пользоваться учрежденіями церкви, понимаемой въ смыслѣ божественнаго установленія, не иначе, какъ *въ союзѣ съ людьми*, единовѣрными съ нимъ. Поэтому понятіе о церкви, въ смыслѣ божественнаго установленія, не мыслимо безъ понятія объ обществѣ. Слѣдовательно, церковь есть *не только* божественное установленіе, *но и общество,* — общественный союзъ людей, соединившихся для пользованія ученіемъ вѣры, для полученія благодатныхъ средствъ къ установленію правильной христіанской жизни и для общенія въ таинствѣ и богослуженіи, вообще говоря — для опредѣленныхъ религіозныхъ цѣлей, достиженіе которыхъ членами церкви признается необходимымъ. — Церковь, какъ *общество*, съ точки зрѣнія права, по самому существу своему, имѣетъ точно такое же значеніе, какъ и всякой другой общественный союзъ, сложившійся въ государствѣ для опредѣленныхъ, самостоятельныхъ цѣлей. Каждый общественный союзъ, образовавшійся въ данномъ народѣ и государствѣ для достиженія членами его такихъ цѣлей, необходимо долженъ имѣть соотвѣтственное цѣлямъ его существованія устройство, свои уставы, формы и органы управленія, правила, которыми опредѣляются права, обязанности и взаимныя отношенія членовъ, и порядокъ, которому долженъ слѣдовать каждый членъ въ пользованіи учрежденіями союза. И церковь, какъ общество,

имѣющее свои опредѣленныя, своеобразныя, недостижимыя никакимъ другимъ общественнымъ союзомъ, религіозныя цѣли, подобно всякому общественному союзу, преслѣдующему опредѣленныя цѣли, по самой природѣ своей, должно имѣть и дѣйствительно имѣетъ соотвѣтственное ея цѣлямъ устройство, свои уставы, органы и формы управленія, правила, которыми опредѣляются права, обязанности и взаимныя отношенія членовъ, и порядокъ, которому долженъ слѣдовать каждый ея членъ въ пользованіи ея божественными учрежденіями. Отличается церковь, въ смыслѣ общества, отъ всякихъ другихъ общественныхъ союзовъ главнымъ образомъ своими *цѣлями*, недостижимыми ни государствомъ, ни какимъ другимъ общественнымъ союзомъ.

3) Всякій общественный союзъ, сложившійся въ данномъ народѣ и государствѣ для достиженія своихъ самостоятельныхъ цѣлей, ставится въ опредѣленныя, соотвѣтственныя своимъ и государственнымъ цѣлямъ, отношенія. По современнымъ воззрѣніямъ науки государственнаго права, въ предѣлахъ государства не только допускаются, но и покровительствуются разные общественные союзы для достиженія членами ихъ дозволенныхъ и полезныхъ жизненныхъ цѣлей, не вредныхъ и не опасныхъ для государства. Покровительство, оказываемое государствомъ общественнымъ союзамъ, сложившимся въ немъ, бываетъ разнообразно и различно опредѣляется въ положительныхъ законодательствахъ, хотя современная наука и законодательства всѣхъ европейскихъ и американскихъ государствъ съ достаточною ясностію уже указали на нѣкоторыя общія теоретическія начала для юридическаго положенія общественныхъ союзовъ въ государствѣ. Къ числу общихъ началъ, которыми опредѣляются отношенія государства къ общественнымъ союзамъ, преслѣдующимъ самостоятельныя цѣли, относится и слѣдующій принципъ: *ни одинъ общественный союзъ*, допущенный въ государствѣ для достиженія своихъ особенныхъ цѣлей, не въ правѣ, *не можетъ и не долженъ присвоивать себѣ власти—распоряжаться гражданскими и политическими правами своихъ членовъ;* только государственная судебная власть, на основаніи положительныхъ законовъ, можетъ лишать членовъ государства гражданскихъ и политическихъ правъ; предоставленіе же со стороны государства какому либо общественному союзу государственной уголовной или судногражданской власти есть признакъ слабости и ненормальнаго строя государства. Такого рода отношеній къ государству добивается латинская церковь и она

всюду встрѣчаетъ отпоръ своимъ домогательствамъ. Православная церковь, какъ общество, должна находиться въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ государству, — въ отношеніяхъ, соотвѣтственныхъ ея цѣлямъ и существу государства. Правда, существуютъ и въ теоріи и въ дѣйствительной жизни различныхъ государствъ разнообразныя системы отношеній государства къ церкви: покровительство государства къ церкви можетъ, напримѣръ, выражаться въ различныхъ формахъ, касаться многихъ сторонъ и предметовъ церкви, проявляться въ неодинаковой степени; но ни церковь православная, по своему вѣроученію, не можетъ требовать, ни государство, по современнымъ научнымъ воззрѣніямъ на его существо и значеніе его власти, не можетъ допускать, чтобы церковь могла располагать политическими и гражданскими правами своихъ членовъ. Всемірное движеніе противъ латинскаго ультрамонтанства всего лучше это подтверждаетъ. Церковь — царство не отъ міра сего: уголовная и судногражданская власть не должна ей принадлежать и несовмѣстима съ природою ея, и какъ божественнаго установленія, и какъ союза людей, соединенныхъ для *религіозныхъ* цѣлей.

Какъ богословскія положенія о существѣ церкви, нами выше приведенныя, составляютъ элементарныя истины въ богословіи и излагаются въ катихизисѣ, такъ и юридико-политическія начала, нами изложенныя, имѣютъ значеніе общеизвѣстныхъ истинъ и безспорныхъ положеній въ современной наукѣ о правѣ и государствѣ. Надѣемся, ни одинъ теологъ не усмотритъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ какой либо тѣни неправомыслія; равно и юристъ не назоветъ ихъ несогласными съ воззрѣніями современной науки права и опасными для общества и государства. Поэтому тѣ и другія положенія, какъ безспорныя, должны быть поставлены въ основу разсужденій о церковносудебномъ правѣ.

Указавъ существо церкви, какъ божественнаго установленія и общества, долженствующаго занимать опредѣленныя отношенія въ государствѣ, соотвѣтственныя ея цѣлямъ и существу государства, мы могли бы сейчасъ же приступить къ изложенію логическихъ выводовъ изъ указанныхъ положеній, служащихъ къ указанію существа церковносудебной власти, и къ приведенію основаній, по которымъ церковь обладаетъ таковою властію. Но въ нашемъ обществѣ существуютъ одностороннія воззрѣнія на существо церкви. Одни видятъ въ церкви *исключительно* божественное учрежденіе, другіе считаютъ ее *вѣдомствомъ* въ строѣ

государственныхъ установленій. На основаніи одностороннихъ воззрѣній на существо церкви воздвигаются теоріи церковносуднаго права, церковнаго судоустройства и судопроизводства. Но такъ какъ самыя основныя начала указанныхъ воззрѣній на существо церкви, по своей односторонности и исключительности, не соотвѣтствуютъ природѣ церкви, то и теоріи о церковносудебномъ правѣ, созидаемыя на такихъ началахъ, сами по себѣ не состоятельны, и представляютъ, въ настоящее время, юридическій анахронизмъ и потому совершенно не удобны для проведенія ихъ въ дѣйствительную жизнь нашего времени. Между тѣмъ означенныя два одностороннія воззрѣнія на существо церкви борются между собою и въ процессѣ законодательныхъ работъ относительно церковносудебной реформы и въ литературѣ. Поэтому мы находимъ нужнымъ указать существенныя особенности этихъ воззрѣній.

Первое одностороннее въ государственно-юридическомъ отношеніи воззрѣніе на существо церкви, по преимуществу, господствуетъ между іерархами русской церкви, въ нѣкоторыхъ консисторіяхъ между членами ихъ присутствій и въ средѣ благочестивыхъ свѣтскихъ лицъ, не могущихъ отличить въ содержаніи церкви ея божественную сторону отъ человѣческой. Мы изложимъ это воззрѣніе въ томъ видѣ, какъ оно высказалось въ нѣкоторыхъ представленныхъ св. синоду консисторіями и преосвященными отзывахъ о проектѣ основныхъ положеній относительно духовно-судебной реформы. Такъ одна изъ консисторій отзывъ свой о проектѣ начинаетъ слѣд. словами: „Церковь Христова есть *учрежденіе божественное*, а потому какъ въ *цѣломъ составѣ*, такъ и въ *частныхъ своихъ бытовыхъ (?) отправленіяхъ* она должна крѣпко и неизмѣнно держаться тѣхъ основъ и началъ, которыя положены и указаны I. Христомъ и апостолами, утверждены и освящены многовѣковою, непрерывною практикою вселенской церкви. Тогда только она останется обществомъ богоучрежденнымъ, сохранитъ къ себѣ благоговѣйное уваженіе и удержитъ за собою право на безусловное (?) послушаніе. Въ противномъ случаѣ (?) церковь Христова неизбѣжно утратитъ свой божественный характеръ, потеряетъ нравственно-обязательный авторитетъ свой, получитъ типъ обыкновеннаго общества и сдѣлается простымъ человѣческимъ учрежденіемъ“ (Отзывы консисторій, кн. I, стр. 167—168). Очевидно, консисторія не отдѣляетъ божественную сторону въ церкви отъ

человѣческой и смѣшиваетъ ея „нравственно-обязательный авторитетъ“ съ „правомъ на безусловное ей послушаніе“ во всѣхъ отношеніяхъ ея членовъ къ обществу и государству. — Подобнымъ же образомъ излагается тоже воззрѣніе на существо церкви въ отзывѣ одного изъ преосвященныхъ слѣдующими словами: „главное существенное свойство суда духовноокружнаго состоитъ въ томъ, что *право его условливается благодатію Божіею*, которая сообщается преимущественно чрезъ *таинственное* рукоположеніе. Господь Іисусъ Христосъ, еще во время своей земной жизни предоставившій церкви право произносить окончательный судъ на нераскаянныхъ грѣшниковъ и, какъ представителямъ этого суда, св апостоламъ давшій власть вязать и рѣшить (Матѳ. XXVII, 15 —19), по воскресеніи своемъ подтвердилъ за ними это право суда даже особеннымъ внѣшнимъ образомъ (Іоан. XX, 21—23). Здѣсь-то именно лежитъ основное божественное опредѣленіе, по которому *св. апостолы передавали свою власть и право суда своимъ преемникамъ чрезъ* видимое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *таинственное рукоположеніе*“ (Мнѣнія преосвященныхъ, кн. 1, стр. 115 - 116). Приведенныя слова преосвященнаго, понимаемыя въ богословскомъ смыслѣ и съ богословской точки зрѣнія, совершенно справедливы; но съ точки зрѣнія *науки права*, въ юридическомъ своемъ значеніи, они крайне не ясны, не точны и никакъ не могутъ быть уложены въ юридическія формулы. Такъ преосвященный говоритъ, что „главное свойство суда духовно-церковнаго состоитъ въ томъ, что право его обусловливается благодатію Божіею, которая сообщается преимущественно *чрезъ таинственное рукоположеніе*“. Но юриспруденція, въ чисто человѣческихъ отношеніяхъ церкви, не можетъ производить *право* въ строгомъ юридическомъ смыслѣ изъ божественной благодати; церковь и не нуждается въ томъ, чтобы производить *право* въ юридическомъ значеніи слова изъ вліянія благодати Божіей. Напримѣръ: церковный причтъ не правильно, противозаконно израсходовалъ церковныя суммы, — ужели постановленіе судебнаго приговора надъ членами этого причта должно обусловливаться благодатію Божіею, которая сообщается въ таинствѣ священства? Едва ли самъ преосвященный, слова котораго мы привели, рѣшится утверждать это. — Другой преосвященный развиваетъ одностороннее воззрѣніе на существо церкви по приложенію къ церковносудному праву съ большею подробностію и впадаетъ въ ультрамонтантскую крайность, которой чуж-

да православная церковь. „Необходимость удержанія и даже расширенія единоличнаго архипастырскаго суда, — пишетъ онъ, — можно усматривать и изъ особенныхъ отношеній духовныхъ лицъ къ ихъ архипастырю. Епископъ въ своей (!) церкви, въ своей епархіи есть *глава* (буквально это значило бы, что глава церкви — не Іисусъ Христосъ?) религіознаго и церковнаго общества, а клирики — ближайшіе его помощники въ дѣлѣ нравственнаго назиданія и воспитанія вѣрующихъ. У нихъ одно дѣло, одна цѣль, одни желанія — спасеніе вѣрующихъ. Раздѣлить епископа отъ клира, или клиръ отъ епископа, поставить между ними средостѣніе — невозможно, какъ невозможно раздѣлить отца съ дѣтьми. Ибо *епископъ есть отецъ* (уже — не глава?) религіознаго и церковнаго *семейства, въ которомъ всѣ прочіе члены суть его чада*... Въ этомъ религіозномъ *обществѣ и семействѣ* (но семейство и общество — не одно и то-же) клирики суть ближайшія *орудія* (! а уже не помощники?) пастырской и святительской *дѣятельности на паству. Близостію* (!) положенія и обязанностями служенія они поставлены въ такое же отношеніе къ епископу, какъ *домочадцы къ главѣ семейства* (?) [1]. Изъ такого ихъ положенія вытекаютъ нѣкоторыя особенности епископскаго суда надъ ними (крайне невыгодныя для нихъ). Главѣ семейства свойственно, и онъ имѣетъ право нѣкоторые (какіе же?) проступки домочадцевъ судить *своимъ домашнимъ судомъ* съ цѣлями, главнымъ образомъ исправительными. Подобнымъ сему образомъ и *глава духовнаго (?) семействй клириковъ* (духовное семейство клириковъ?!) епископъ всегда имѣлъ и донынѣ (въ Россіи?) сохраняетъ власть *своего* единоличнаго (домашняго?) суда надъ клириками по нѣкоторымъ проступкамъ" (Мнѣнія преосвященныхъ, кн. 1 стр. 81—82). На основаніи изложенныхъ воззрѣній преосвященный предлагаетъ *расширить* юрисдикцію единоличнаго суда архіерея, по сравненію съ объемомъ этой юрисдикціи по дѣйствующему праву, до такихъ предѣловъ,

---

[1]) Между тѣмъ въ отзывѣ одной изъ консисторій такъ изображаются *дѣйствительныя* отношенія русскихъ епископовъ къ духовенству: «власть въ епархіи архіерея, какъ *всякому* въ епархіи извѣстно, установилась въ такое *грозное* положеніе, что *духовенство боится этой власти рабскимъ страхомъ и постоянно безпокоится за свою безопасность. Положеніе же всего духовенства предъ епархіальною властію такое приниженное и подавленное*, вслѣдствіе и матеріальной бѣдности, и прикрѣпленности къ мѣстамъ, которыя раздаются этою властію по усмотрѣнію, *что нѣтъ возможности и стать ему предъ этою властію въ болѣе свободное и спокойное положеніе.*»

которыхъ и указать не могъ. Не входя въ критику и разборъ изложеннаго воззрѣнія преосвященнаго, замѣтимъ лишь, что въ приведенныхъ его словахъ указывается то теоретическое основаніе (весьма и весьма не прочное), на которомъ многіе преосвященные стараются утвердить государственную, общественную и церковную безправность и беззащитность духовенства. Къ такимъ страннымъ выводамъ можно придти на основаніи одностороннято пониманія существа церкви, какъ исключительно божественнаго учрежденія.

Діаметрально противоположную разъясненному воззрѣнію на существо церкви крайность представляетъ другое одностороннее пониманіе того же предмета, по которому церковь есть не болѣе, какъ „*вѣдомство православнаго исповѣданія*“ въ государствѣ. Воззрѣніе на церковь, какъ на „вѣдомство“ въ государствѣ, возникло на западѣ, во времена реформаціи, усвоено политикою русскаго государства XVIII в., подъ вліяніемъ понятій о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ государства“, развилось и окрѣпло на Руси въ теченіи текущаго столѣтія при оберъ-прокурорахъ св. синода Голицынѣ и Протасовѣ, за которыми, въ духовенствѣ, сохранилась слава самовластныхъ, но вовсе не ученыхъ и не образованныхъ бюрократовъ. Это пониманіе со всею силою господствуетъ у насъ въ современномъ дѣйствующемъ правѣ. Извѣстно, что офиціальное названіе православной церкви въ Россіи — „вѣдомство православнаго исповѣданія“; нашему законодательству православная церковь въ смыслѣ общества вовсе неизвѣстна; вездѣ, гдѣ говорится въ сводѣ законовъ о правахъ православной церкви въ Россіи, употребляется выраженіе „Православная Грекороссійская Вѣра“; слово „церковь“ въ нашемъ государственномъ законодательствѣ имѣетъ лишь значеніе храма, но не общества. Составители проекта основныхъ положеній преобразованія духовносудной части, въ большинствѣ чиновники, сочинили свой проектъ подъ давленіемъ воззрѣнія на церковь, какъ на „вѣдомство“. Такое воззрѣніе ихъ, между прочимъ, выражается въ томъ, что они и въ проектѣ и въ объяснительной къ нему запискѣ (краткой) тщательно избѣгаютъ употребленія слова „церковь“, въ смыслѣ общества и божественнаго установленія. Они молчаливо отрицаютъ церковь, какъ общество. Указаннымъ воззрѣніемъ объясняется весь смыслъ, все содержаніе проекта. По проекту, *церковнаго* суда не должно существовать, а долженъ быть судъ *духовный* (?), то есть — сословный, для священнослужителей и монаховъ, какъ

лицъ, состоящихъ въ „вѣдомствѣ православнаго исповѣданія". Защитники проекта, подъ вліяніемъ своего воззрѣнія на существо церкви, несогласнаго съ символическимъ ея ученіемъ, — со смѣлостію, оскорбительною для религіозной совѣсти православновѣрующихъ, въ газетахъ оспариваютъ обязательность для русской православной церкви даже правилъ законодательства церкви вселенской. По ихъ мысли и словамъ,— проектъ выше и обязательнѣе для церкви, чѣмъ каноны церкви вселенской. Одностороннее пониманіе составителями проекта существа православной церкви открываетъ лицамъ противоположнаго, также односторонняго направленія въ пониманіи того-же предмета, возможность смѣло вооружаться противъ проекта: критика большей части отзывовъ преосвященныхъ и консисторій направлена главнымъ обзорамъ на тѣ части проекта, въ которыхъ съ наибольшею ясностію выражается основное воззрѣніе составителей его на существо церкви; критика эта иногда доходитъ до рѣзкихъ формъ, потому что исходитъ изъ началъ совершенно противуположнаго, также односторонняго воззрѣнія на существо церкви. Впрочемъ, составители проекта, вѣроятно подъ напоромъ противоположнаго крайняго воззрѣнія, не выдерживаютъ съ послѣдовательностію въ своей работѣ усвоеннаго ими пониманія существа церкви. Непослѣдовательность проекта вѣрно подмѣчена въ отзывѣ о немъ кіевской консисторіи, два члена которой были въ составѣ комитета, составившаго проектъ, и которая въ отзывѣ своемъ настойчиво требуетъ отъ проекта логической послѣдовательности. Указавъ достоинства проекта, кіевская консисторія пишетъ: „но нельзя сказать, чтобы проектированныя основныя положенія духовнаго (?) судоустройства и судопроизводства во всѣхъ своихъ частяхъ были вполнѣ сообразны съ началами, на которыхъ совершено преобразованіе суда „*по гражданскому, военносухопутному и морскому вѣдомствамъ*" и затѣмъ, сравнивая предѣлы юрисдикціи и судопроизводство въ предположенныхъ „духовныхъ" судахъ съ объемомъ юрисдикціи и съ процессомъ въ военныхъ вѣдомствахъ, консисторія часто употребляетъ фразу: „при устройствѣ правильнаго *духовнаго* суда на началахъ новыхъ, вѣдѣнію его надлежало бы, *по примѣру суда военносухопутнаго и морскаго вѣдомствъ* подчинить" и т. д. Консисторіи кіевской желательно, чтобы церковь организована была по судебной части точно также, какъ организовано по этой части войско, какъ будто церковь есть вѣдомство, имѣющее значеніе физической силы въ государствѣ.

Но и кіевская консисторія, съ своей точки зрѣнія на существо церкви, какъ „духовнаго вѣдомства“, не доводитъ послѣдовательно до конца своихъ требованій объ устройствѣ *„суда духовнаго вѣдомства“*. Самымъ послѣдовательнымъ мыслителемъ на основаніи принципа, по которому церковь есть „вѣдомство“ въ государствѣ, явился преосвященный Таврическій въ своемъ мнѣніи о „проектѣ основныхъ положеній реформы духовносудебной части“. Преосвященный предлагаетъ принять слѣдующее положеніе для церковносудебной реформы: „лица *духовнаго вѣдомства*, по ихъ особому положенію въ обществѣ (нужно ли для общества и для самаго духовенства исключительное, *сословное* положеніе?) и въ церкви и въ облегченіе (!) гражданскихъ (?) судовъ, *по всѣмъ* (т. е. уголовнымъ?) преступленіямъ *и окончательно судятся въ судѣ духовномъ*, при чемъ, конечно принимаются во вниманіе (?) и законы гражданскіе (уголовные?), существующіе на данный (?) случай — *безъ послабленія и понаровки*“. Изъ этихъ словъ можно бы вывести, что церковь, можетъ налагать всѣ виды уголовныхъ наказаній, не исключая и смертной казни, не говоря уже о лишеніи всѣхъ правъ состоянія и о каторгѣ въ рудникахъ!

Крайности сходятся! Истина эта подтверждается двумя крайними, односторонними, взаимно-противоположными воззрѣніями касательно существа церкви, въ примѣненіи ихъ къ постановкѣ церковносудебнаго права. Въ окончательныхъ, послѣдовательно развитыхъ выводахъ относительно объема церковной юрисдикціи, воззрѣнія эти сходятся. Послѣдовательные приверженцы того и другаго воззрѣній выражаютъ по этому предмету въ сущности слѣдующее положеніе: „отдайте намъ духовенство въ полное наше распоряженіе, — и пусть государство не вмѣшивается въ наши отношенія къ духовенству; мы будемъ раздѣлываться съ духовными лицами „по домашнему“, „безъ послабленія и понаровки“. Но согласно ли такое отношеніе церковноіерархической власти и „вѣдомства православнаго исповѣданія“ къ священнослужителямъ церкви, которые въ тоже время полноправные члены государства, — согласно ли, говоримъ, съ вѣроученіемъ самой церкви, съ справедливостью, съ указаніями науки права и современныхъ законодательствъ на существо государства и отношеній его къ общественнымъ союзамъ?

Мы указали на односторонность изложенныхъ воззрѣній на церковь въ виду того, что на основаніи ихъ невозможно, по

самому существу предмета, выяснить правильнымъ образомъ существо и основаніе судебной власти церкви. Понимая же церковь во всей цѣльности ея содержанія — такъ, какъ учатъ о томъ сама церковь и наука права, то есть, зная, что церковь есть 1) божественное установленіе, 2) общество людей для достиженія самостоятельныхъ, религіозныхъ цѣлей, и 3) сверхъ того, общество и установленіе, покровительствуемыя государствомъ, — мы, соотвѣтственно троякому значенію церкви, находимъ трояка̀го вида основанія, по которымъ церкви принадлежитъ судная власть. Основанія эти: 1) богословское или богословско-каноническое, 2) общественно-каноническое и 3) историко-политическое или юридико-политическое. Разъяснимъ всѣ эти основанія и существо церковносудебной власти, на нихъ утверждающейся.

1) Церковь обладаетъ судною властію по ея вѣроученію, которое и есть богословское основаніе права церкви на судебную власть. По вѣроученію православной церкви, она, между прочимъ, есть божественное установленіе. Въ составъ церкви, какъ божественнаго установленія, входятъ, по вышеизложенному нами разъясненію, таинства и, въ частности, таинство покаянія. Совершители сего таинства — священнослужители: епископы и священники. Принятіе сего таинства есть непремѣнная обязанность каждаго члена православной церкви — и духовнаго и мірянина, если только послѣдній считаетъ себя православнымъ не для одного лишь формуляра по государственной службѣ. Дѣйствія священнослужителей въ таинствѣ покаянія по отношенію къ исповѣдующимся составляютъ содержаніе отправленій *судебной церковной власти*. Эту власть церковь получила отъ божественнаго своего Основателя. Онъ говорилъ апостоламъ: *„что вы свяжете на земли то будетъ связано на небѣ; и что, разрѣшите на земли, то будетъ разрѣшено на небѣ“* (Матѳ. XVIII, 19) и въ другой разъ: *„пріимите духа святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся“* (Іоанн. XX, 22—23). Эта власть и есть та самая, о которой іерархи говорятъ въ своихъ отзывахъ Св. Синоду на проектъ духовносудебной реформы, что она „условливается благодатію Божіею“. Ею не можетъ обладать ни государство, никакое другое общество человѣческое, кромѣ церкви. Она неотъемлемо принадлежитъ церкви. Эта власть, по существу своему, можетъ, и только она одна должна называться

„духовною“ [1]); по субъектамъ же, чрезъ которыхъ она выражается, она можетъ называться судноіерархическою. Но *судебноіерархическая власть въ церкви*, проявляющаяся въ таинствѣ покаянія, *въ высшей степени отлична отъ судебной власти* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается этотъ терминъ юристами. Отличительныя особенности судебноіерархической власти, осуществляемой въ таинствѣ покаянія, слѣдующія: предметы юрисдикціи этой власти — дѣла совѣсти, грѣхи, всякаго рода противухристіанскія и противуцерковныя дѣянія, даже чувства и желанія кающагося; дѣйствующія лица на судѣ въ этомъ таинствѣ — духовникъ и кающійся, судопроизводство состоитъ здѣсь въ самообличеніи кающагося его совѣстію, въ свободномъ исповѣданіи имъ своихъ грѣховъ предъ Богомъ; дѣйствія судной власти выражаются въ разрѣшеніи совѣсти покаявшагося отъ грѣховъ и въ наложеніи на него епитиміи; судъ таинства покаянія совершенно чуждъ всякой публичности, — тайна и неприкосновенность исповѣди строго охраняются какъ церковными правилами (см. номоканона при маломъ требникѣ статью 75), такъ и современнымъ русскимъ государственнымъ законодательствомъ (Уст. Угол. Суд. 704 п. 2). Кругъ вліянія духовнаго суда, практикуемаго въ таинствѣ покаянія, ограничивается *исключительно областію личной нравственнорелигіозной и церковной* жизни кающагося; но этотъ судъ не простирается на дѣятельность и положеніе человѣка въ общественной, гражданской и государственной жизни, не можетъ касаться юридическихъ и политическихъ явленій и не можетъ облекаться въ строгія юридическія формулы. Матеріальное судное право, осуществленное судноіерархическою властію въ таинствѣ покаянія, регулируется и нормируется законодательною властію помѣстныхъ церквей, независимо отъ государства, на основаніи каноновъ вселенской церкви, въ такъ называемыхъ эпитимійныхъ или исповѣдныхъ номоканонахъ или, въ латинской

---

[1]) Между тѣмъ составители проекта и кіевская консисторія неправильно пользуются терминомъ «духовный». Они, въ виду того, что духовенство, по русскому законодательству, есть особое «состояніе» въ государствѣ, даютъ этому термину значеніе «*сословный*». Но должно ли духовенство составлять особое «состояніе» или «сословіе» въ государствѣ? Новѣйшее законодательство стремится, какъ всѣмъ извѣстно, уничтожить «сословность духовенства». Слѣдовательно, составители проекта, стараясь устроить сословный судъ для духовенства, идутъ въ разрѣзъ съ политикою новѣйшаго государственнаго законодательства и съ общественнымъ мнѣніемъ. Духовенство, клиръ, *въ церкви* составляетъ особый классъ лицъ, — а *въ государствѣ* эти лица не должны быть лишены равенства со всѣми полноправными гражданами.

церкви, Poenitentiles [1]). Научное изученіе этихъ номокановъ, составляющихъ содержаніе церковнаго права, есть такая необходимость, безъ которой ни одинъ юристъ и ни одинъ теологъ не можетъ съ успѣхомъ трудиться въ законодательной работѣ надъ реформою церковныхъ судовъ. — Мы указали съ нѣкоторою подробностію отличительныя особенности судноіерархической власти, дѣйствующей на судѣ въ таинствѣ покаянія, между прочимъ, потому, что эту власть неправильно понимаютъ современные наши русскіе теологи и юристы. Теологи и іерархи, справедливо отстаивая неотъемлемость отъ архіереевъ судебной власти, опираются въ своихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ главнымъ и почти исключительнымъ обзоромъ на вышеприведенныхъ нами словахъ Спасителя, высказанныхъ апостоламъ, — словахъ, въ которыхъ говорится именно о судноіерархической власти. Но іерархи въ своихъ отзывахъ о проектѣ духовносудебной реформы смѣшиваютъ и отождествляютъ судноіерархическую власть съ церковнообщественною сўдною или даже уголовною государственною властію, они подводятъ подъ богословскія понятія о судной власти, данной церкви, въ лицѣ ея апостоловъ, Іисусомъ Христомъ, содержаніе дѣйствій, подлежащихъ компетенціи открытыхъ церковнообщественныхъ и уголовныхъ государственныхъ судовъ. Въ этомъ смѣшеніи богословскихъ, богословскоканоническихъ и юридическихъ понятій и заключается главный недостатокъ сужденій іерарховъ въ отзывахъ о проектѣ, составленномъ Комитетомъ 12-го января 1870 г. Къ такому смѣшенію понятій подаетъ имъ поводъ, между прочимъ пресловутая 165-я статья Устава духовныхъ Консисторій 1841 г. о такъ называемомъ „непосредственномъ архіерейскомъ судѣ". „Непосредственный архіерейскій судъ" какъ особый юридическій институтъ въ судномъ правѣ православной русской церкви, впервые явился въ ней въ 1800 г. (П. С. З. № 19,337 и „Исторія Московскаго еп. управленія" Н. Розанова, ч. 3-я, кн. 1. М. 1870 г. стр. 233), сложился по образцу и подъ вліяніемъ знаменитаго своими вредными послѣдствіями въ римскокатолической церкви судебнаго процесса „ex informata episcopi conscientia", запрещеннаго нынѣ во многихъ европейскихъ государствахъ, и окончательно формулированъ

---

[1]) См. нашу брошюру «Къ исторіи эпитимійныхъ номокановъ православной церкви». Спб. 1874 г. и *А. Павлова* «Номоканонъ при Большомъ Требникѣ». Одесса. 1872 г.

въ означенной статьѣ консисторскаго устава. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ формулированъ въ уставѣ и практикуется въ епархіяхъ, это — не судъ, но безконтрольная и безапелляціонная, часто своевольная, расправа архіереевъ надъ священнослужителями, которые подвергаются этому суду иногда по анонимнымъ письмамъ, тайнымъ доносамъ, наговорамъ и по преднамѣреннымъ цѣлямъ власти - проучить „домашними архипастырскими мѣрами“ человѣка, представляющагося ей гордецомъ, зазнавшимся, свободномыслящимъ, непокорнымъ, — и которымъ ни государственный, ни церковный законъ не предоставляетъ рѣшительно никакихъ средствъ для самозащищенія противъ лжи, несправедливости, злобы и своеволія. Преобразованіе такого суда крайне необходимо: онъ много зла причинилъ и причиняетъ священнослужителямъ, — много молодыхъ, здоровыхъ силъ надломлено этимъ судомъ, — много жизней имъ сокращено. Преобразованіе непосредственнаго архіерейскаго суда должно состоять не въ расширеніи его юрисдикціи, какъ предлагаетъ Московскій преосвященный въ своемъ мнѣніи о проектѣ 12-го января 1873 г., а во введеніи его въ тѣ же предѣлы, въ которыхъ дѣйствуетъ судная власть *духовника*-священника въ таинствѣ покаянія, и въ изданіи эпитимійнаго номоканона, соотвѣтственнаго правиламъ церкви вселенской и современному состоянію нравственной жизни членовъ православной церкви. Между тѣмъ, составители проекта духовносудной реформы, исходя изъ своихъ воззрѣній на существо церкви, какъ на „вѣдомство“ православнаго исповѣданія, превращаютъ непосредственный архіерейскій судъ въ „административныя взысканія“ и, усиливая тѣмъ безапелляціонную и безконтрольную расправу архіереевъ-начальниковъ надъ священнослужителями, окончательно извращаютъ судноіерархическую власть, основанную на заповѣди Спасителя, которая должна осуществляться, въ таинствѣ исповѣди, посредствомъ нравственнаго самоисправленія и примиренія совѣсти кающагося.

2) Второе основаніе права церкви на судную власть — *общественно-каноническое*. Мы разъясняли выше, что церковь есть *общество*, имѣющее соотвѣтственное религіознымъ цѣлямъ устройство, свои уставы, правила, которыми опредѣлены отношенія, права и обязанности ея членовъ, и порядокъ, который установленъ ею для пользованія ея учрежденіями. Во всякомъ общественномъ союзѣ, сложившемся для опредѣленныхъ цѣлей, возможны между членами его, съ одной стороны, нарушенія су-

ществующихъ въ немъ постановленій, съ другой — взаимные споры и пререканія касательно правъ и обязанностей по отношеніямъ, опредѣленнымъ правилами общества. И въ церкви, какъ обществѣ, состоящемъ изъ людей, подверженныхъ всѣмъ слабостямъ человѣческой природы, возможны и въ дѣйствительности происходятъ, съ одной стороны, нарушенія ея членами правилъ, ею постановленныхъ и хранимыхъ для успѣшнаго достиженія религіозныхъ цѣлей, — съ другой стороны, могутъ быть и дѣйствительно бываютъ между ея членами споры и пререканія касательно правъ, обязанностей и отношеній ихъ въ дѣлахъ церкви. Никакой общественный союзъ не можетъ имѣть ни твердости и устойчивости въ своемъ существованіи, ни успѣха въ достиженіи предположенныхъ имъ цѣлей, если въ немъ не предпринимаются, не установлены и не существуютъ опредѣленныя мѣры къ охраненію узаконеннаго въ немъ порядка отъ нарушеній со стороны его собственныхъ членовъ и къ предотвращенію или къ разрѣшенію возникающихъ среди его членовъ споровъ и пререканій по предметамъ, касающимся управленія въ обществѣ, также правъ, обязанностей и отношеній членовъ къ дѣламъ союза. Мѣры эти выработываются внутренними силами самого общества и опредѣляются его цѣлями. Чѣмъ благоустроеннѣе общественный союзъ, сложившійся для опредѣленныхъ цѣлей,—чѣмъ живѣе въ членахъ его сознаніе важности и необходимости цѣлей, достигаемыхъ обществомъ, и порядка, въ немъ установленнаго и соотвѣтствующаго его цѣлямъ, тѣмъ цѣлесообразнѣе предпринимаются и мѣры къ охраненію порядка, и тѣмъ онѣ — дѣйствительнѣе. Мѣры, устанавливаемыя обществомъ къ предотвращенію правонарушеній среди его членовъ и къ возстановленію нарушенныхъ правоотношеній, служатъ показателемъ какъ жизненности и богатства внутреннихъ силъ даннаго общества въ цѣломъ его составѣ, такъ и степени сознанія въ отдѣльныхъ его членахъ необходимости и важности цѣлей и порядка общественнаго союза. Каждый членъ благоустроеннаго общества, сознающій важность и необходимость цѣлей, достигаемыхъ союзомъ, и порядка, въ немъ существующаго, считаетъ своимъ долгомъ предъ обществомъ — подчиняться мѣрамъ, которыя предпринимаются, согласно правиламъ общества, властію этого общества въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нарушилъ правила или обнаружилъ притязанія неправильныя, несогласныя съ постановленіями и цѣлями общества. Если же въ благоустроен-

комъ общественномъ союзѣ является членъ, который не желаетъ подчиняться общепризнанному въ обществѣ порядку, то онъ, по принятіи противъ него обществомъ установленныхъ мѣръ, оказавшихся по отношенію къ нему недѣйствительными, исключается изъ состава общества и иногда съ преданіемъ суду государства.

Каждый членъ общества въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считаетъ права свои неправильно нарушенными со стороны общества, можетъ обратиться для защиты и возстановленія неправильно нарушенныхъ обществомъ его правъ къ государственному суду. Въ такихъ случаяхъ является вмѣшательство государственной власти въ споры общества. Но всякій благоустроенный общественный союзъ, обладающій въ достаточной степени внутренними силами для охраненія своего порядка, неохотно обращается въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ къ государственной власти и призываетъ ее на помощь лишь въ случаяхъ крайности: обращеніе общества къ помощи государственной власти — судебной или полицейской — для возстановленія въ немъ порядка. нарушаемаго проступками или спорами его членовъ, считается и является признакомъ его неблагоустроенности и безпорядковъ, въ немъ существующихъ. Дѣйствія же государственной власти въ средѣ общества, въ его дѣлахъ, помимо обращенія къ ней самого общества за помощію, считаются вмѣшательствомъ въ его дѣла, неодобряемымъ ни законодательствомъ многихъ государствъ, ни наукою, ни справедливостію. Совокупность правъ, предоставляемыхъ органамъ власти въ извѣстномъ обществѣ для принятія мѣръ къ возстановленію въ немъ порядка, нарушаемаго неправильными дѣйствіями и спорами его членовъ, можно назвать судебною властію общества.

Все сказанное нами о необходимости существованія во всякомъ общественномъ союзѣ мѣръ къ устраненію правонарушеній въ его средѣ имѣетъ полное приложеніе и по отношенію къ церкви. Всякаго вида общественные союзы, даже клубы, могутъ обладать властію — устранять безпорядки въ своей средѣ мѣрами, соотвѣтственными цѣлямъ, которыя ими достигаются. Ужели церковь, какъ общество, и только одна церковь не можетъ обладать судною властію по отношенію къ своимъ членамъ, властію, соотвѣтственною цѣлямъ ея существованія? Отрицать права церкви на обладаніе такою властію, съ точки зрѣнія современныхъ воззрѣній на организацію общественныхъ союзовъ, есть несправед-

ливость, не оправдываемая ни съ какой стороны. Скажемъ рѣшительнѣе. Въ церкви болѣе необходимо, чѣмъ во всякомъ другомъ общественномъ союзѣ, существованіе и практическое приложеніе мѣръ, соотвѣтственныхъ ея цѣлямъ, на случай нарушенія ея членами порядка, въ ней установленнаго, — нарушенія, учиняемаго посредствомъ преступленій или споровъ и пререканій между ея членами. Кромѣ тѣхъ оснований, по которымъ признается необходимымъ существованіе таковыхъ мѣръ во всякомъ общественномъ союзѣ, для церкви существуютъ еще особыя, своеобразныя основанія, которыя мы и укажемъ.

Въ высшей степени замѣчательно прежде всего то, что, по изслѣдованіямъ ученыхъ [1]), во всякомъ религіозномъ обществѣ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовала и существуетъ своеобразная религіозная судная власть, проявляющаяся во внѣшнихъ формахъ по отношенію къ его членамъ Чрезъ посредство такой власти лица, принадлежащія къ обществу, виновныя противъ его правилъ, подвергаются религіознымъ наказаніямъ, высшая степень которыхъ состоитъ въ болѣе или менѣе торжественной формѣ исключенія виновныхъ изъ состава религіознаго общества. Consensus gentium въ допущеніи религіозныхъ наказаній служитъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ того, что существованіе религіозносудной власти есть необходимость, проистекающая изъ существа религіи и религіознаго общества. Въ Россіи всѣ вѣроисповѣдныя общества — языческія, еврейскія, магометанскія, евангелическо-реформатскія, церкви — евангелическо-лютеранская, римско-католическая и армяно-грегоріанская обладаютъ, въ отношеніяхъ къ членамъ своего вѣроисповѣданія, судною, независимою отъ государственнаго управленія, властію, въ различныхъ объемахъ и по различнымъ правиламъ регулированною по различію вѣроисповѣданій. Православной церкви во всей Европѣ справедливо поставляютъ въ особенную заслугу то, что она неизмѣнно сохраняетъ ученіе I. Христа и преданіе апостольское; слѣдовательно въ ней, сохраняется совершеннѣйшая христіанская религія. По законодательству русскаго государства, православная вѣра христіанская признается въ Россіи не только дозволенною и покровительствуемою религіею, какъ и всѣ прочія вѣроисповѣданія,

---

[1]) На это обстоятельство съ особенною силою указываетъ протестантскій писатель *Fabri*, въ соч. Ueber Kirchenzucht im Sinne und Geiste des Evangeliums, Stuttg. 1854. S. 32., въ доказательство необходимости въ церкви общественной судной власти.

существующія въ государствѣ, но „первенствующею и господствующею“. Можетъ ли же православная русская церковь отказаться отъ права — обладать самостоятельною и независимою отъ государственнаго управленія общественносудною властію въ отношеніи къ своимъ членамъ и въ предметахъ, касающихся ея религіозныхъ цѣлей. Нѣтъ, не можетъ отказаться, — не измѣняя началамъ своего вѣроученія, правиламъ законодательства вселенной церкви, своей исторіи, своему назначенію и даже теоріи отношеній русскаго государства къ церкви, на сколько эта теорія выражается въ государственномъ законодательствѣ.

Православная русская церковь усвояетъ себѣ права на *общественносудную* власть на основаніи своего вѣроученія. Въ священномъ писаніи есть положительныя указанія, по которымъ церковь, какъ *общество*, должна обладать общественною судною властью по отношенію ко *всѣмъ своимъ членамъ*. Самъ Спаситель далъ своимъ послѣдователямъ слѣдующее наставленіе: „если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой; пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ. Если онъ послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ онъ: возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтверждалось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви. А если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ язычникъ и мытарь“ (Матѳ. XVIII, 15 - 17).

Правда, — эти слова заключаютъ въ себѣ *нравственное* наставленіе; но оно можетъ облечься и дѣйствительно облекалась въ исторіи въ форму каноническихъ правилъ, которыми регулировались отправленія церковнообщественной судной власти. Приведенное мѣсто евангелія признается канонистами, какъ locus classicus [1]), на которомъ утверждается самое существованіе церковнообщественной судной власти, какъ института каноническаго. Дѣйствительно, на основаніи указаннаго наставленія Спасителя и развилась въ исторіи церковнообщественная власть и сложился особой церковный процессъ — *евангельско*-обличительной (ἔλεγχος, denunciatio evangelica). - Еще яснѣе положительныя и прямыя свидѣтельства о необходимости въ церкви *общественной* судной власти находятся въ посланіяхъ св. апостола Павла. Такъ апостолъ, сдѣлавъ въ своемъ посланіи упрекъ христіанамъ коринѳской цер-

---

[1]) См. напр. *Kellner*, Buss- und Strafverfahren gegen Kleriker in den sechs ersten christlichen Jahrhunderten. Trier. 1863, S. 1.

кви за то, что они не предприняли мѣръ къ „изъятію изъ среды“ своего общества кровосмѣсителя, вступавшаго въ связь съ женою своего отца, пишетъ имъ: „я, отсутствуя тѣломъ, но присутствуя у васъ духомъ, уже рѣшилъ, какъ бы находясь у васъ, — сдѣлавшаго такое дѣло какъ въ *собраніи вашемъ* во имя Господа нашего Іисуса Христа, обще съ моимъ духомъ, силою Господа нашего Іисуса Христа, передать сатанѣ въ изнеможеніи плоти, чтобы духъ былъ спасенъ“ (1 Кор. V, 35). Въ томъ же посланіи апостолъ, не одобряя коринѳскихъ христіанъ за то, что между ними происходятъ жалобы и споры, и за то, что они въ своихъ тяжбахъ обращаются къ суду язычниковъ, замѣчаетъ: „къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ *между вами* ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими (1 Кор. VI, 5). — Изъ приведенныхъ мѣстъ Священнаго Писанія ясно, 1) что церкви, какъ *обществу*, усвояется судная власть, 2) что эта церковнообщественная власть простирается *на членовъ* общества христіанскаго, безъ различія духовныхъ и мірянъ, и 3) что она, по содержанію своей дѣятельности и по внѣшнимъ формамъ своихъ отправленій, не находится въ зависимости отъ государственной власти и не составляетъ ея части, но совершенно самостоятельна, и по содержанію и по внѣшнимъ отправленіямъ.

Кромѣ положительныхъ указаній Священнаго Писанія на то, что церковь, какъ общество, имѣетъ право обладать открытою, внѣшнею, общественною судною властію, необходимость существованія церковнобщественной власти является неизбѣжнымъ результатомъ христіанскаго ученія о нравственномъ строѣ и о нравственныхъ взаимныхъ отношеніяхъ ея членовъ.

Въ Священномъ Писаніи церковь, въ смыслѣ общества вѣрующихъ, сравнивается съ тѣлеснымъ организмомъ. Въ тѣлесномъ организмѣ всѣ части тѣла, всѣ отдѣльные его члены находятся въ тѣсной органической взаимной связи и объединяются однимъ физіологическимъ процессомъ жизни. Вслѣдствіи такой связи между всѣми членами, состояніе каждаго отдѣльнаго члена имѣетъ вліяніе на всѣ прочіе члены. Если одинъ членъ поражается болѣзнію, его болѣзненное состояніе сообщается прочимъ членамъ, и все тѣло становится больнымъ. Для сохраненія здоровья во всемъ организмѣ необходимо употреблять мѣры противъ болѣзней, поражающихъ отдѣльныя его части. Церковь есть общественный организмъ („тѣло Христово“), въ которомъ совершается

религіознонравственная жизнь ея членовъ. Содержаніе этой жизни составляютъ вѣра членовъ церкви, нравственныя ихъ стремленія и взаимное общеніе въ молитвахъ и таинствахъ. Въ этой жизни участвуютъ всѣ члены церкви. Процессъ религіознонравственной жизни каждаго отдѣльнаго члена церковнаго общества входитъ въ составъ процесса жизни всего общества. Религіознонравственное состояніе каждаго изъ нихъ имѣетъ большее или меньшее значеніе въ общемъ движеніи религіозной жизни всего церковнаго организма. Нравственная болѣзнь, поразившая отдѣльнаго члена церкви, вноситъ заразу въ процессъ жизни всего церковнаго организма, понижаетъ уровень общественной нравственности въ церковномъ обществѣ, кладетъ пятно на „тѣло церкви", можетъ колебать и разрушать нравственный строй всего общества, навлекаетъ упреки и укоризны на все церковное общество со стороны лицъ, къ церкви не принадлежащихъ, и ослабляетъ силу значенія и миссіи церкви среди народа, въ которомъ она существуетъ. Церковное общество, для охраненія нравственнаго своего строя и правильнаго процесса своей жизни отъ нарушеній, допускаемыхъ отдѣльными его членами, для поддержанія миссіи церкви на высотѣ ея назначенія, для предотвращенія укоризнъ вѣрѣ и церкви за нравственные недостатки ея членовъ, укоризнъ, которыя могутъ происходить со стороны лицъ, къ ней не принадлежащихъ, — должно стремиться къ устраненію отъ церкви всего, что колеблетъ и разрушаетъ ея существо и значеніе, какъ религіознонравственнаго организма [1]). Церковь должна предпринимать мѣры къ излѣченію и устраненію религіознонравственныхъ болѣзней, поражающихъ отдѣльныхъ ея членовъ и могущихъ заразить весь ея организмъ. Принятіе церковію таковыхъ мѣръ противъ болѣзненнаго настроенія въ жизни ея членовъ и есть содержаніе дѣятельности церковнообщественной судной власти. Отсутствіе въ церкви практическаго приложенія таковыхъ мѣръ есть признакъ ея нравственнаго разстройства. Слѣдовательно церковнообщественная судная власть необходимое въ церкви средство для сохраненія и поддержанія церковной жизни въ нормальномъ ея состояніи. Но средство это тогда только можетъ быть дѣйствительнымъ, когда оно

---

[1]) Изложеніе представленнаго ученія о нравственномъ строѣ церкви основываетъ на слѣд. мѣстахъ священнаго писанія: 1 Кор. V, 6. 7. VI, 8. XII, 26. Ефес. II, 21. Колосс. V, 23—32. Іаков. V, 19. 20 и мн. др.

организовано и практикуется цѣлесообразно. Слѣдовательно цѣлесообразная организація церковнообщественной судной власти есть необходимость при нормальномъ строѣ церкви.

Далѣе,— всѣ члены церкви должны находиться во взаимной связи и взаимномъ единеніи по вѣрѣ, любви и общенію въ молитвахъ и таинствахъ. Взаимная любовь вѣрующихъ налагаетъ на каждаго изъ насъ обязанность — содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, спасенію ближнихъ. Въ силу таковой обязанности каждый долженъ отклонять ближнихъ отъ грѣха, ослаблять въ нихъ дурныя наклонности, указывать средства къ исправленію, прибѣгать въ своей дѣятельности къ содѣйствію другихъ вѣрующихъ и церкви. Для того, чтобы открыта была въ церкви возможность каждому ея члену, въ духѣ братской любви, содѣйствовать къ устраненію неправильностей, производимыхъ его сочленами, необходима организація церковнообщественной власти, которая бы поддерживала и восполняла усилія отдѣльныхъ членовъ церкви, въ исправленіи нравственныхъ недостатковъ ближнихъ.

Затѣмъ, — при тѣсномъ общеніи членовъ какого-либо церковнаго общества (прихода, монастыря), въ его средѣ образуется общественное мнѣніе относительно отдѣльныхъ его членовъ. Можетъ случиться и случается, что какой либо членъ общества открыто, завѣдомо для всего общества, совершаетъ дѣянія противунравственныя, противухристіанскія, но не преслѣдуемыя законами государства. Дѣяніями сего члена возмущается общественная совѣсть, нарушается порядокъ общественноцерковной жизни, оскорбляется нравственное настроеніе общества. Дѣянія эти — стыдъ, позоръ, вредъ для общества. Между тѣмъ виновникъ ихъ, пользуясь своимъ положеніемъ въ государствѣ или въ гражданскомъ обществѣ, при отсутствіи церковнообщественной судной власти продолжаетъ безнаказанно оставаться въ составѣ церковнаго общества, имѣетъ развращающее вліяніе на дѣла въ церкви, получаетъ въ ней даже преобладаніе, которымъ подавляется всякая нравственная дѣятельность, направленная къ устраненію зла, производимаго безстрашнымъ и безстыднымъ попирателемъ правилъ церкви и нравственныхъ законовъ христіанской вѣры. Какъ можетъ церковнообщественное мнѣніе произнести свой судъ надъ такимъ членомъ церковнаго общества, — если въ немъ нѣтъ организованной судной власти? При отсутствіи этой власти, въ обществѣ неизбѣжны раздоры, несогласія; а общественное мнѣніе, за недостаткомъ законныхъ формъ для своего выраженія, мо-

жетъ проявиться въ формахъ, закономъ осужденныхъ, — что̀ и бываетъ.

Сверхъ того, принадлежность каждаго лица къ церкви обусловливается исполненіемъ его обязанностей по отношенію къ церкви. Лицо, считающееся членомъ церкви, но не исполняющее своихъ обязанностей къ ней, есть мертвый членъ церковнаго общества. При отсутствіи организованной церковносудной общественной власти, церковное общество наполняется такими членами, которые лишь по имени, для формулярнаго списка по государственной службѣ, лишь внѣшнимъ образомъ, принадлежатъ къ церкви. Но эти лица, по устройству церкви, могутъ пользоваться особенными въ ней правами. Есть ли справедливость въ томъ, чтобы членъ церкви правами въ ней пользовался, а обязанностей въ отношеніи къ ней не исполнялъ?

Отсутствіе въ церкви организованной, соотвѣтственной церковнымъ цѣлямъ, общественной судной власти, самостоятельной и независимой отъ государства, сопровождается безчисленными безпорядками и вредомъ для церкви. Церковь, при такомъ отсутствіи, становится совершенно безсильною въ уничтоженіи нравственныхъ недостатковъ, вкравшихся въ среду ея членовъ, въ возвышеніи нравственной жизни въ ея обществѣ и во вліяніи на укрѣпленіе нравственныхъ отношеній въ государственной и гражданской жизни своихъ членовъ.

Вселенская православная церковь, вѣрная ученію своего Основателя и преданію апостольскому, существованіе церковно-общественной судной власти всегда признавала необходимымъ условіемъ своего устройства. Эта власть въ правилахъ, имѣющихъ значеніе законодательства вселенской церкви, получила твердую постановку и солидную организацію. Организація, данная вселенскою церковію церковно-общественной судной власти, — довольно полна какъ по внутреннему содержанію (т. е. со стороны матеріальнаго права), такъ и по внѣшнимъ формамъ судоустройства и судопроизводства. На основаніи многочисленныхъ правилъ законодательства церкви, имѣющаго значеніе, обязательное для всѣхъ помѣстныхъ церквей и на всѣ времена, при пособіи историческихъ свидѣтельствъ, посредствомъ научныхъ пріемовъ разработки, употребляемыхъ въ юридическихъ наукахъ, можно разъяснить отличительныя особенности и основанія организаціи церковно-общественной судной власти.

Правила церкви вселенской и исторія церковнаго права во всѣхъ помѣстныхъ церквахъ съ несомнѣнностію могутъ убѣдить всякаго, желающаго научно отнестись къ занимающему насъ предмету, что церковно-общественная судная власть есть своеобразный и самостоятельный институтъ въ устройствѣ православной церкви. Эта власть, съ одной стороны, отличается отъ судно-іерархической церковной власти, — съ другой — независима отъ государства. Существенное отличіе церковно-общественной судной власти отъ судно-іерархической (*духовной* — въ тѣсномъ значеніи слова) состоитъ въ томъ, что духовная судная власть дѣйствуетъ въ таинствѣ покаянія, тайно, не обнаруживается предъ обществомъ во внѣшнихъ формахъ, не подчинена въ своихъ отправленіяхъ правиламъ внѣшняго судопроизводства и ограничивается исключительно цѣлями личной религіозно-нравственной свободной жизни членовъ церкви, принимающихъ таинство покаянія; дѣйствія же и отправленія церковно-общественной судной власти — помимо и внѣ установленныхъ церковію формъ — незаконны и недѣйствительны и являются дѣйствіями церкви, какъ общества. Смѣшеніе церковно-общественной и духовной власти противно существу той и другой и служитъ обыкновенно причиною разстройства и паденія ихъ обѣихъ. Обнаруженіе, напр., дѣйствій судно-іерархической власти въ таинствѣ покаянія предъ обществомъ или государствомъ, стѣсняя свободныя проявленія совѣсти членовъ церкви, принимающихъ таинство, закрываетъ имъ путь къ свободному самоисправленію ихъ въ нравственной жизни чрезъ церковь и подрываетъ въ обществѣ довѣріе къ религіозному служенію духовенства. Недостатокъ же и несовершенство формъ открытаго церковно-общественнаго суда могутъ служить и въ дѣйствительной жизни служатъ причинами развитія произвола представителей церковной власти въ отношеніяхъ ихъ къ членамъ церкви, находящимся отъ нихъ въ зависимости церковной,—произвола стѣснительнаго и опаснаго въ особенности потому, что произволъ этотъ, прикрываясь религіозными цѣлями, можетъ направиться къ стремленіямъ, совершенно чуждымъ религіи. — Церковно-общественная судная власть, отличаясь отъ судно-іерархической, есть въ то-же время институтъ самостоятельный и независимый и отъ государства. Самостоятельность церковно-общественной судной власти отъ государственной судебной есть основный принципъ устройства первой и основное условіе церковно-общественнаго ея зна-

ченія. Отличительныя особенности ея самостоятельности въ отношеніяхъ къ государственной судной власти — слѣдующія:

а) *Начала*, на основаніи которыхъ должно утверждаться и развиваться содержаніе церковносуднаго права, матеріальнаго и формальнаго, *извлекаются* не изъ стороннихъ для церкви источниковъ, но *изъ внутренняго ея содержанія — изъ понятій о существѣ церкви, ея назначеніи и цѣляхъ*. Церковь существенно отличается отъ государства, между прочимъ, своеобразнымъ своимъ назначеніемъ, особою, ей одной свойственною цѣлію. Цѣль и призваніе церкви — веденіе ею членовъ своихъ къ спасенію, то-есть, къ православной, христіанской, религіозно-нравственной жизни. Этою цѣлію опредѣляется и на практикѣ должно опредѣляться все содержаніе церковно-суднаго права.

б) *Церковно-общественному суду подсудны только члены церковнаго общества, но всѣ*, то-есть, и міряне и духовные. Изъятіе мірянъ, какъ членовъ церкви, изъ-подъ вѣдѣнія ея суда по предметамъ церковнымъ равняется исключенію мірянъ изъ состава церковнаго общества и непризнанію церкви, какъ общества, — что противно догматическому вѣроученію церкви о своемъ существѣ.

в) Члены церкви подлежатъ вѣдѣнію церковно-общественной судной власти: аа) въ такихъ *преступныхъ дѣяніяхъ* противъ вѣры, нравственныхъ законовъ и правилъ церкви, *которыя несовмѣстны съ цѣлями и существомъ церкви и съ условіями принадлежности лицъ, въ нихъ виновныхъ, къ составу церковнаго общества и которыя церковь, чрезъ посредство законодательной власти, признаетъ необходимымъ повергать на общественный судъ*, и бб) *во взаимныхъ спорахъ и пререканіяхъ касательно правъ и отношеній въ церкви*.

г) *Устройство церковно-общественной судной власти должно соотвѣтствовать понятію о церкви*, какъ о своеобразномъ обществѣ и божественномъ установленіи, а не какъ объ особомъ административномъ „вѣдомствѣ", состоящемъ въ строѣ административныхъ органовъ государственнаго управленія. Судная власть въ церкви есть видъ *церковнаго правительства*, а не достояніе „чиновничества" какого бы то ни было „вѣдомства". Привнесеніе во внутренній составъ церковно-правительственной власти государственнаго чиновничества есть вторженіе государственнаго „бюрократизма" въ строй церкви и извращеніе нормальнаго ея устройства.

д) *Церковныя наказанія, по содержанію, состоять въ лишеніи членовъ церкви*, виновныхъ въ нарушеніи ея постановленій, —*церковныхъ правъ и благъ* (преимуществъ) *и въ назначеніи имъ благочестивыхъ упражненій* (поста, молитвы, благотворительныхъ дѣлъ и т. п.), - но *не должны касаться гражданскаго и политическаго положенія наказуемыхъ*. Цѣль церковныхъ наказаній — нравственное исправленіе согрѣшившихъ и охраненіе святости божественныхъ установленій противъ оскорбителей религіозной совѣсти членовъ церковнаго общества.

е) *Каноническій процессъ въ преслѣдованіи преступныхъ дѣяній членовъ церкви* — по существу *обвинительный;* но онъ имѣетъ *свои* отличительныя особенности, соотвѣтственныя цѣлямъ и духу церковно-общественной судной власти, и имѣетъ свою исторію. Исходя изъ началъ, указанныхъ Спасителемъ въ евангеліи отъ Матѳея гл. XVIII, 15 — 17, каноническій процессъ, въ историческомъ своемъ развитіи въ первые вѣка христіанства, не теряя своей самостоятельности, подвергался, съ одной стороны, вліянію греко-римскаго права,— съ другой производилъ свое вліяніе на процессъ уголовный въ европейскихъ государствахъ; кромѣ того, церковный процессъ въ исторіи проявился въ разныхъ видахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе, если называть ихъ по латынѣ, слѣд.: denunciatio evangelica, accusatio, inquisitio, purgatio canonica. Въ Россіи церковный процессъ также имѣетъ весьма любопытную исторію, въ которой онъ въ послѣдніе два-три вѣка совсѣмъ, такъ сказать, затертъ слѣдственнымъ уголовнымъ процессомъ; а этотъ въ свою очередь обязанъ развитіемъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ тому процессу, который практиковался въ древней русской церкви подъ вліяніемъ своеобразно понятыхъ началъ византійскаго права.

ж) Церковный процессъ въ спорахъ и пререканіяхъ членовъ церкви касательно церковныхъ правъ и отношеній — слѣдственный, а не состязательный, и служитъ средствомъ къ возстановленію церковныхъ правоотношеній въ томъ видѣ, въ какомъ они опредѣляются правилами церкви. Судебное рѣшеніе по церковнымъ спорамъ и пререканіямъ должно утверждаться не только на тѣхъ основаніяхъ, которыя могутъ быть представлены въ подтвержденіе претензій спорящими сторонами, но въ особенности на тѣхъ, которыя положены церковнымъ законодательствомъ для пользованія тѣми или другими правами въ церкви.

Самостоятельность и независимость церковно-общественной

судной власти отъ государства не исключаетъ однакоже законами опредѣленнаго положенія церкви въ государствѣ и опредѣленныхъ отношеній государственной власти къ отправленіямъ и дѣйствіямъ церковной власти. По современнымъ воззрѣніямъ науки права, государство имѣетъ своимъ назначеніемъ регулировать и охранять порядокъ права; нынѣ государство есть правомѣрное государство—Rechts-Staat. И по отношенію къ церкви государство имѣетъ полное право и достаточную силу—сохранить свое назначеніе. Можетъ случиться и случается, что церковно-общественная судная власть въ своихъ дѣйствіяхъ и отправленіяхъ переступаетъ границы, которыми ограничивается законная ея дѣятельность; она можетъ коснуться политическихъ и гражданскихъ правъ лицъ, подсудныхъ ей по отношеніямъ въ церкви, — можетъ нарушить установленныя для церковнаго процесса правила; можетъ также оказаться и слабою въ уничтоженіи безпорядковъ, производимыхъ въ строѣ церкви преступными дѣяніями и пререканіями ея членовъ, безпорядковъ, могущихъ нарушить общественную тишину и спокойствіе и пр. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, которые возможны во всякомъ общественномъ союзѣ, государственная судебная власть можетъ и должна явиться на защиту правъ членовъ церкви, но неиначе, какъ по обращенію ихъ къ государству за помощію и притомъ послѣ того, какъ истощены были всѣ средства къ возстановленію нарушенныхъ правоотношеній, установленныхъ въ церкви ея законодательною властію. Правила церкви вселенской [1]) допускаютъ такъ называемыя — appellatio ab abusu и appellatio ad principem, послѣ того, какъ недовольный рѣшеніями церковныхъ судовъ испробовалъ всѣ средства къ защитѣ своего дѣла, установленныя правилами, и не получилъ удовлетворенія.

Православная русская церковь, съ самаго своего основанія, приняла, всегда считала источникомъ дѣйствующаго права и по настоящее время крѣпко сохраняетъ *въ сознаніи* своихъ членовъ, въ смыслѣ непреложно обязательнаго для насъ законодательства, тѣ правила законодательства вселенной церкви, которыми организована была въ первенствующей христіанской церкви церковно-

---

[1]) Такъ 6-е правило втораго вселенскаго собора осуждаетъ такихъ лицъ, которыя, не обратившись съ аппеляціею на низшій церковный судъ въ высшую церковно-судную инстанцію, дерзаютъ утруждать слухъ царскій или суды мірскихъ начальниковъ; но оно не находитъ вины въ томъ случаѣ, если недовольный, не получившій удовлетворенія во всѣхъ церковно-судебныхъ инстанціяхъ, обращается съ аппеляціей къ государственной власти.

общественная судная власть. Но историческія судьбы русской помѣстной церкви, поставившія ее въ своеобразныя отношенія къ государству, произвели въ ея законодательствѣ и судебной практикѣ смѣшеніе церковнообщественной судной власти съ государственною гражданскою и уголовною, съ XVII в., постепенно вытѣсняли сначала изъ церковнаго законодательства, а потомъ и изъ церковной практики, отправленія церковнообщественной судной власти, самостоятельной и независимой отъ государства, въ XVIII и XIX вѣкѣ совершенно замѣнили ее государственною уголовною и гражданскою властію, предоставленною церковной власти отъ государства, и лишь въ наше время открываютъ нѣкоторую возможность проявляться церковнообщественной судной власти — въ приходскихъ обществахъ [1]), на съѣздахъ духовенства благочинническихъ округовъ и въ благочинническихъ совѣтахъ, составляющихся изъ членовъ, избираемыхъ самимъ духовенствомъ [2]). Исчезновеніе церковнообщественной судной власти изъ строя и жизни православной русской помѣстной церкви произошло вслѣдствіе того, что церковная власть, пользуясь предоставленными ей отъ государства правами государственной власти, на основаніи государственнаго законодательства усвоила и продолжаетъ удерживать, въ своихъ судебныхъ отправленіяхъ, черты государственной уголовной, судногражданской и полицейской власти даже до настоящаго времени, когда прежнее законодательство смѣнилось совершенно новыми, по своимъ началамъ, „Судебными Уставами 1864 г.“; примѣненіемъ къ дѣламъ церкви государственнаго — уголовнаго и гражданскаго — законодательства церковная власть постепенно вытѣсняла и замѣняла дѣйствія церковнообщественной власти, которая должна утверждаться на правилахъ законодательства церкви вселенской, а не на законахъ государственныхъ. Такимъ-то образомъ въ русской православной церкви создалась судебная церковная власть не на основѣ общественно-канонической, а на историко-политической или юридико-политической. Объ этомъ видѣ церковносудной власти мы и скажемъ теперь нѣсколько словъ.

3) Третье основаніе принадлежности церкви судной власти — *историко-политическое* или *юридико-политическое*. Со времени

---

[1]) Извѣстно напр., что во многихъ мѣстахъ приходскія общества установили взысканіе денежныхъ штрафовъ въ пользу церковныхъ учрежденій съ лицъ, напивающихся до-пьяна.

[2]) Замѣчательно, что тѣ консисторіи, которымъ судная власть служитъ источникомъ доходовъ, всѣми мѣрами стараются противодѣйствовать учрежденію благочинническихъ совѣтовъ и выборныхъ благочинныхъ.

признанія въ Римской имперіи христіанской церкви обществомъ дозволеннымъ и христіанской вѣры — религіею господствующею, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ христіанскаго міра *государство предоставляло церкви права судебной власти.* Права судебной власти, какія предоставлялись церкви со стороны государства, въ объемѣ и содержаніи значительно разнообразились по различію времени, вѣроисповѣданій, историческихъ и политическихъ условій и національныхъ особенностей каждаго государства. Но существо и содержаніе всѣхъ этихъ правъ можно исчерпать въ слѣдующихъ положеніяхъ: государство *отводило въ область юрисдикціи церкви* такіе предметы, которые, по ихъ значенію въ гражданской и государственной жизни, должны подлежать вѣдѣнію государственной судной власти, то есть, *уголовныя преступленія и споры о гражданскихъ правахъ и отношеніяхъ;* церковь, *по уполномочію отъ государства*, пріобрѣтала власть судить и наказывать преступныя дѣянія своихъ членовъ, *не только какъ нарушенія правилъ церкви, но какъ преступленія уголовныя;* практикуя *уголовную* судную власть, *церковь*, при отправленіяхъ этой власти, *усвояла правила уголовнаго процесса*, дѣйствовавшаго въ государствѣ, и съ этимъ ослабляла силу и значеніе каноническаго процесса, соотвѣтственнаго ея религіознымъ цѣлямъ; *государство сообщало* всѣмъ дѣйствіямъ церковно-судной власти суровый, *принудительный*, въ строгомъ смыслѣ *уголовно-юридическій характеръ;* судебные приговоры и рѣшенія церкви признавались въ предѣлахъ государства совершенно равнозначущими съ приговорами и рѣшеніями государственныхъ уголовныхъ и гражданскихъ судовъ; *съ церковными наказаніями*, которыя, по существу, должны состоять исключительно въ лишеніи церковныхъ правъ и благъ и въ благочестивыхъ упражненіяхъ поста, молитвы и благотворительной дѣятельности, *соединялись послѣдствія для гражданскихъ и политическихъ правъ* лица, наказуемаго церковію; наконецъ, государственная власть принимала на себя обязанность — приводить въ исполненіе приговоры церковныхъ судовъ посредствомъ полицейскихъ принужденій. Короче, — *церковь получала отъ государства* по отношенію къ своимъ членамъ *уголовную и судногражданскую власть.*

Но таковая власть, пріобрѣтаемая церковію отъ государства, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться учрежденіемъ, вытекающимъ изъ существа и назначенія церкви; ее нельзя признавать согласною и совмѣстною *съ вѣроученіемъ* право-

славной христіанской церкви о существѣ судной церковной власти; такая власть *никогда* не была устанавливаема правилами законодательства вселенной церкви; она — институтъ государственный, вносимый въ устройство церкви извнѣ; слѣдовательно обладаніе церкви уголовною и судногражданскою государственною властью не составляетъ для церкви необходимости.

Были времена въ исторіи христіанскихъ народовъ, когда уголовная и гражданская власть, въ рукахъ церкви, по убѣжденіямъ очень многихъ, приносила несомнѣнную пользу народамъ, въ жизнь которыхъ вносились, чрезъ посредство церковной юрисдикціи, начала христіанской цивилизаціи. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что такая власть непримирима съ существомъ и назначеніемъ церкви, а по современнымъ научнымъ общепризнаннымъ понятіямъ — и съ существомъ самаго государства. Опытъ исторіи всѣхъ христіанскихъ странъ, народовъ и государствъ доказываетъ, что обладаніе уголовною и судногражданскою властію производитъ въ церкви смѣшеніе духовной и свѣтской власти — отправленій церкви и государства, со всѣми послѣдствіями, проистекающими отъ такого смѣшенія, вредными и для церкви и для государства.

Церковь, при обладаніи уголовною властію, практикуя уголовный процессъ и уголовныя наказанія, допускаетъ такія дѣйствія и отправленія, которыя несовмѣстны съ началами христіанской любви и съ назначеніемъ церкви — исправлять согрѣшающихъ *духомъ кротости;* при обладаніи судною уголовною властію, церковь превращается въ институтъ государственный, становится учрежденіемъ, подчиненнымъ государственнымъ установленіямъ не только въ дѣлахъ судебной власти, предоставленныхъ ей отъ государства, но теряетъ самостоятельность и въ такихъ отправленіяхъ, въ которыхъ она, по существу своего назначенія, какъ божественное установленіе и религіозное общество, должна пользоваться совершенною независимостію отъ государственнаго управленія; съ обладаніемъ уголовною властію, въ ея устройство вторгается элементъ государственнаго чиновничества,—чиновничество это, разъ утвердившись въ строѣ церкви, получаетъ, по своему количеству и по силѣ власти, преобладаніе надъ церковною властію, нерѣдко съ попраніемъ самыхъ священныхъ ея правъ, которыя она утверждаетъ на догматическомъ вѣроученіи; церковныя должностныя лица, опираясь на силу уголовной власти, которою они овладѣли, не заботятся о развитіи, возвышеніи и организаціи нравственныхъ силъ церкви;

вслѣдствіе этого, церковнообщественная и духовная (въ таинствѣ исповѣди) судная власть въ церкви ослабѣваетъ, падаетъ, а наконецъ или совсѣмъ исчезаетъ или становится одною внѣшнею формальностію; вмѣстѣ съ тѣмъ церковь утрачиваетъ свое нравственное вліяніе въ обществѣ; научная дѣятельность, богословская литература, самостоятельная церквообщественная дѣятельность, нравственно-религіозная жизнь членовъ общества, подъ гнетомъ духовной власти, облеченной аттрибутами государственной власти, ослабѣваетъ и замираетъ; въ правоотношенія церковныя вносятся однѣ внѣшнія формальности безъ содержанія, безъ жизни и нравственной силы; божественныя учрежденія церкви въ сознаніи ея членовъ теряютъ характеръ духовный, священный, и считаются учрежденіями, пользованіе которыми навязывается членамъ церкви со стороны государства. Вообще церковь, при обладаніи уголовною и судногражданскою властію, становится внѣшнею прикрасою государственной жизни, безъ внутренняго содержанія и безъ значенія въ религіознонравственномъ воспитаніи народа [1]).

Предоставленіе государствомъ церкви уголовной и судно-гражданской власти сопровождается невыгодами и для самого государства. Уголовная и судногражданская власть—неотъемлемый аттрибутъ государственнаго правительства; отчужденіе имъ этой власти въ пользу какого бы то ни было общественнаго союза, слѣдовательно и церкви, есть признакъ его слабости или ненормальнаго строя. Такимъ отчужденіемъ нарушается единство устройства судебныхъ установленій въ государствѣ: оно должно сопровождаться учрежденіемъ особыхъ вѣдомственныхъ и сословныхъ судовъ на ряду съ общими государственными судами; при существованіи въ данномъ государствѣ многочисленныхъ вѣроисповѣданій, имъ покровительствуемыхъ, количество вѣдомственныхъ „духовныхъ судовъ", отдѣльныхъ отъ общихъ государственныхъ судебныхъ установленій, должно равняться количеству вѣроисповѣданій; въ Россіи существуетъ множество вѣроисповѣданій (христіанскихъ болѣе 5-ти,

---

[1]) Мы указали лишь на самыя видныя и общія явленія, проистекающія отъ предоставленія церкви государственной уголовной власти, — но не напоминаемъ объ историческихъ основахъ ужасовъ инквизиціи, религіозныхъ войнъ, уголовныхъ процессовъ противъ колдовства, еретиковъ и раскольниковъ, и о злоупотребленіяхъ представителей церковной власти правами уголовной юрисдикціи противъ государства, частныхъ лицъ и т. п. Многія, очень многія безотрадныя явленія и въ современной церковной и религіозной жизни русскаго общества объясняются ненормальнымъ положеніемъ нашей церкви въ государствѣ... Пора, наконецъ, не только замѣчать и сознавать это, но и высказывать.

еврейскихъ — два, магометанское и нѣсколько языческихъ); сколько вѣдомственныхъ „духовныхъ“ судовъ слѣдовало бы учредить въ Россіи по различію вѣроисповѣданій лицъ, принадлежащихъ къ ея подданнымъ! При существованіи особыхъ вѣдомственныхъ судовъ нарушается единство надзора за судебною практикою, становится невозможнымъ одинаковое примѣненіе общихъ законовъ во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ — вѣдомственныхъ и общихъ, вносятся противорѣчія и разнообразіе въ развитіе уголовнаго и гражданскаго права, — а вслѣдствіе всего этого подрывается въ народѣ уваженіе къ общимъ государственнымъ законамъ и судебнымъ установленіямъ. Кромѣ того, существованіе вѣдомственныхъ церковныхъ судовъ съ уголовною властію уничтожаетъ равноправность подданныхъ государства предъ закономъ, служитъ неизбѣжною причиною пререканій между общими и вѣдомственными судебными установленіями о подсудности, вноситъ рознь въ общественные классы народа, созидаетъ сословія, возбуждаетъ въ обществѣ сомнѣнія относительно безпристрастія привиллегированныхъ судовъ, содѣйствуетъ къ распространенію въ народѣ преувеличенныхъ предположеній о степени преступности лицъ, подчиненныхъ привилегированнымъ вѣдомственнымъ судамъ, возбуждаетъ подозрѣнія о скрытіи преступленій, совершаемыхъ лицами, подсудными отдѣльному вѣдомству и т. п.

Научныя сочиненія по юриспруденціи и исторія церковно-суднаго права въ Западной Европѣ давнымъ-давно разъяснили и развили въ обществѣ сознаніе о несовмѣстимости съ существомъ христіанской церкви и современнаго государства обладанія уголовною и судногражданскою властію. Законодательства большей части государствъ Западной Европы, въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ столѣтій, постепенно ограничивали судную уголовную и гражданскую власть церкви въ ея объемѣ и въ содержаніи; законодательства новѣйшаго времени въ Пруссіи (1873 г.) и Австріи (1874 г.) оставили за церковью эту власть лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и притомъ подчинили дѣйствія этой власти строгому контролю государственнаго правительства. Наука же права въ принципѣ совершенно отрицаетъ право церкви, какъ и всякаго религіознаго общества, на обладаніе судногражданскою властію по дѣламъ касающихся гражданскихъ правъ и отношеній ея членовъ, и — уголовною — въ преслѣдованіи преступленій, наказуемыхъ государствомъ, и въ примѣненіи уголовныхъ наказаній за нарушенія правилъ церкви.

Русская православная церковь, съ самаго начала своего основанія до настоящаго времени, обладаетъ, по уполномочію отъ государства, уголовною и судногражданскою властію. Объемъ юрисдикціи церкви въ древней Россіи былъ, какъ извѣстно, чрезвычайно обширенъ; съ Петра, онъ сталъ съуживаться; сокращеніе церковной юрисдикціи продолжалось въ XVIII и XIX вв. до изданія судебныхъ уставовъ 1864 г., начала которыхъ открывали основанія къ надеждѣ на совершенное уничтоженіе уголовной и судногражданской компетенціи церковныхъ судовъ. Но надежда эта не сбывается и по настоящее время. Объемъ уголовной и судногражданской юрисдикціи русской православной церкви и въ настоящее время оказывается обширнымъ, хотя онъ уступаетъ объему юрисдикціи духовныхъ судовъ иныхъ вѣроисповѣданій, покровительствуемыхъ въ Россіи государствомъ, — какъ-то: римско-католической церкви, евангелическо-лютеранской, армяно-грегоріанской и особенно магометанскихъ и еврейскихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ. Если же православная русская церковь уступаетъ означеннымъ вѣроисповѣднымъ обществамъ въ объемѣ юрисдикціи, предоставленной ей отъ государства; то уголовною карательною властью по отношенію къ духовнымъ лицамъ, ей подвѣдомственнымъ, она располагаетъ въ такой степени и такъ безконтрольно, какъ не дѣйствуетъ въ настоящее время ни одна церковная власть ни въ одной христіанской странѣ.

Изъ сказаннаго нами о существѣ церкви, объ основаніяхъ, на которыхъ утверждается церковносудная власть, и о различныхъ, по различію основаній, видахъ этой власти, намъ кажется, могутъ и богословы и юристы вывести руководительныя начала какъ для научныхъ теоретическихъ разсужденій о церковносудномъ правѣ въ его матеріальномъ содержаніи и формальномъ построеніи, такъ и для критики его организаціи въ историческомъ развитіи его въ Россіи, въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ и въ проектѣ „основныхъ положеній для реформы духовносудебной части“, сочиненномъ въ Комитетѣ 12 января 1870 г. Эти начала могутъ показать 1) что, православная русская церковь, какъ божественное учрежденіе и общество, должна быть освобождена отъ уголовной и судногражданской власти, которая предоставлена ей отъ государства и которая несовмѣстна съ существомъ и назначеніемъ св. Церкви, — 2) что въ русской церкви нѣтъ самостоятельнаго церковносуднаго права и самостоя-

тельной церковнообщественной власти, которая составляла бы неотъемлемую составную часть строя церкви, согласно съ ея назначеніемъ и правилами законодательства вселенской церкви, Слѣдовательно церковносудная реформа въ Россіи, въ настоящее время, должна состоять: а) въ рѣшительномъ освобожденіи іерарховъ и правительственныхъ учрежденій церкви отъ уголовной власти, б) въ организаціи самостоятельнаго церковнообщественнаго суднаго права и церковнообщественной судной власти, независимой во внутреннемъ ея строѣ и дѣятельности отъ государства, но подъ аппеляціею ex abusu къ государству и ad Principem, — и въ томъ, чтобы организація эта соотвѣтствовала существу и назначенію церкви, а равно и началамъ законодательства вселенской церкви, которыя указываются въ книгѣ правилъ.

Всѣ теоретическія разсужденія о церковносудномъ правѣ, въ его научной постановкѣ и во внѣшней конструкціи, могутъ быть изложены примѣрно по нижеслѣдующей программѣ [1]).

Церковная судебная власть.

Ея существо, назначеніе и отличіе отъ государственной судебной власти. Предметы, составляющіе содержаніе церковносудебной власти.

А. Вѣдомство церковнаго суда.

Виды церковнаго суда по различію существа предметовъ, подлежащихъ компетенціи церковносудной власти:

---

[1]) Мы, не имѣя возможности теперь же представить цѣльный трактатъ о церковносудномъ правѣ, находимъ неизлишнимъ предложить нашу программу этого предмета а) въ виду того, что комитетъ 12 января 1870 г., какъ замѣтно изъ его журналовъ, крайне затруднялся въ порядкѣ разсужденій о предметахъ, входящихъ въ составъ церковносуднаго права, — и б) въ виду того, что во многихъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, посвященныхъ разсужденіямъ о церковносудебной реформѣ, разные отдѣлы и предметы, составляющіе составныя части церковносуднаго права, до такой степени спутываются и перемѣшиваются, что не только читатель — не спеціалистъ въ церковномъ правѣ — никоимъ образомъ не можетъ научнымъ образомъ придти къ сознанію того, что должно составлять содержаніе церковносуднаго права, но и занимающійся десятки лѣтъ церковнымъ правомъ иногда не можетъ понять — къ чему направляются тенденціи нѣкоторыхъ публицистовъ и чего они желаютъ, и иногда становится въ раздумье, не видя, чтобы публицистъ сколько нибудь понималъ то, относительно чего онъ взялся просвѣщать русское общество.

I. Судъ по преступленіямъ членовъ церкви (ἐγκληματικὴ δίκη, церковная дисциплина, jurisdictio ecclesiastica criminalis, Kirchliche Straf- und Disciplinar-Gerichtsbarkeit, juridiction ecclésiastique criminelle). Судная власть церкви въ отношеніи *къ преступленіямъ членовъ церкви* состоитъ въ принятіи мѣръ къ исправленію ихъ по началамъ христіанской любви и въ устраненіи безпорядковъ, подрывающихъ существо и святость церкви, какъ божественнаго установленія и благоустроеннаго общества, — иначе — въ наложеніи *церковныхъ наказаній.*

1) Церковныя наказанія (ἐπιτίμια, censurae, poenae, Strafen, peines écclésiastiques). Они состоятъ или въ лишеніи правъ и благъ церковныхъ или въ благочестивыхъ упражненіяхъ. Частные виды и существо церковныхъ наказаній. Начала примѣненія ихъ. Способы исполненія ихъ и основанія для ихъ прекращенія. Гражданскія и уголовныя послѣдствія, соединенныя съ церковными наказаніями по дѣйствующему русскому праву, чужды цѣли и существа церкви.

2) Преступленія, подлежащія церковному суду (ἐκκλησιαστικὰ ἐγκλήματα, ἐγκληματικαὶ αἰτίαι, αἰτιάσεις, δίκαι, — ecclesiastica delicta, kirchliche Vergehen), суть такія *внѣшнія дѣянія* членовъ церкви, которыя, по существующимъ въ данное время и въ данной мѣстной церкви воззрѣніямъ, признаются на основаніи правилъ церкви несовмѣстимыми съ благоустройствомъ церкви, какъ общества и божественнаго установленія, и требуютъ открытаго церковно-общественнаго осужденія. Частные виды такихъ преступленій. Составъ каждаго такого преступленія и степень его наказуемости.

II. Церковный судъ по спорамъ и пререканіямъ между членами церкви относительно церковныхъ правоотношеній (ἐκκλησιαστικὰ ζητήσεις καὶ ἀμφισβητήσεις, jurisdictio contentiosa, die kirchliche streitige Gerichtsbarkeit). Таковы, напримѣръ, споры между прихожанами и членами причта, проистекающіе при выборѣ церковнаго старосты, по управленію церковно-приходскимъ имуществомъ и т. п., также споры между представителями различныхъ церковныхъ установленій и т. д.

B. Церковное судоустройство.

I. Самостоятельное церковное судоустройство.

Три инстанціи церковныхъ судовъ для каждаго рода дѣлъ:

судоустройство въ приходахъ и монастыряхъ (*первая* инстанція для мірянъ и клириковъ), судъ епархіальный (для мірянъ и клириковъ, по однимъ, болѣе важнымъ, дѣламъ — *первая*, по другимъ — *вторая* инстанція), окружный соборъ (*вторая* инстанція для мірянъ и клириковъ по важнымъ дѣламъ, *первая* — для епископовъ по преступленіямъ противъ церковной должности и по жалобамъ на правонарушенія по должности), соборъ помѣстной церкви или судебное его отдѣленіе (*кассаціонная* инстанція для мірянъ и клириковъ, *вторая* для епископовъ), великій соборъ (кассаціонная инстанція для епископовъ и особенно важныхъ дѣлъ).

II. Отношенія церковныхъ судовъ къ государству.

1) по уголовнымъ дѣламъ, производимымъ съ участіемъ церковнаго вѣдомства (Уст. угол. суд. ст. 1001 – 1029).

2) по преступленіямъ противъ правилъ церкви, но не наказуемымъ со стороны государства, и по спорамъ, разрѣшаемымъ въ церковныхъ судахъ несогласно съ существующими правилами — appellatio ex abusu et appellatio ad Principem.

3) государственный надзоръ за *внѣшнимъ порядкомъ* въ засѣданіяхъ церковныхъ судовъ.

В. Церковное судопроизводство.

Виды и исторія церковнаго процесса по обвиненію въ преступленіяхъ и въ дѣлахъ по спорамъ и пререканіямъ касательно церковныхъ правоотношеній.

Указывая руководительныя начала для сужденія о церковно-судномъ правѣ и научную конструкцію этого предмета, мы *теперь* воздерживаемся и отъ болѣе или менѣе подробнаго, съ нашей точки зрѣнія, изложенія предметовъ, означенныхъ въ предложенной программѣ, и отъ критики какъ дѣйствующаго въ современныхъ церковныхъ судахъ права, такъ и „проекта основныхъ положеній для преобразованія духовно-судебной части“, составленнаго комитетомъ 12 января 1870 г. Прежде, чѣмъ подробно разъяснять и развивать церковно-судебное право, согласно съ научными началами и въ виду практическихъ цѣлей, необходимо установить твердо, на безспорныхъ основаніяхъ, понятіе о существѣ церкви и церковно-судной власти. Но мы показали, какъ намъ кажется, ясно до очевидности, что не только

въ нашемъ обществѣ, но и въ средѣ лицъ, призванныхъ и имѣющихъ оффиціальныя отношенія къ разрѣшенію „вопроса о духовносудебной реформѣ", господствуютъ спутанныя, сбивчивыя и даже неправильныя понятія о существѣ церкви и объ отношеніяхъ къ ней государства. Мы лично готовы, по своимъ силамъ, содѣйствовать, съ точки зрѣнія науки, разъясненію церковносуднаго права и устраненію недоразумѣній въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ; но заранѣе отказываемся отъ всѣхъ споровъ съ такими людьми, которые считаютъ церковь не болѣе, какъ за „вѣдомство православнаго исповѣданія", или видятъ въ ней исключительно божественное учрежденіе, въ которомъ архіереи — единственные распорядители во всѣхъ сферахъ и отношеніяхъ, по ихъ исключительно личному усмотрѣнію. Съ такими людьми мы не желаемъ спорить; потому что мы расходимся съ ними въ пониманіи догматическаго вѣроученія православной церкви объ ея существѣ. Вѣрованіе въ церковь въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ она опредѣляется въ православномъ катихизисѣ, обязательно для всякаго православнаго ея члена: отступленіе отъ этого вѣрованія въ законодательствѣ есть измѣна церкви. Но какъ бы „чиновники" или „іерархи и консисторіи" не усиливались устроить церковносудную часть въ русской церкви, по своимъ одностороннимъ понятіямъ о существѣ церкви, несогласнымъ съ вѣроученіемъ самой церкви (т. е. съ точки зрѣнія бюрократической или исключительно іерократической), — мы уповаемъ, что на православной Руси всегда будутъ существовать тысячи и тысячи духовныхъ лицъ, священниковъ, которые будутъ неизмѣнно учить, и милліоны міряиъ, которые будутъ неизмѣнно держаться вѣры, что православная „*церковь есть отъ Бога установленное общество людей, соединенныхъ между собою православною вѣрою, Закономъ Божіимъ, таинствами и священноначаліемъ*". Къ законодательству же, несогласному съ этимъ ученіемъ церкви, православное русское духовенство всегда будетъ относиться *по началамъ исконной своей политики* къ оффиціальнымъ распоряженіямъ, которыя не отвѣчаютъ ихъ вѣрованіямъ и надеждамъ, — то есть, безучастно, пассивно, съ терпѣніемъ и упованіемъ на лучшія времена. По обѣщанію слова Божія, *упованіе не посрамитъ*, а *претерпѣвый до конца спасенъ будетъ*. Тѣмъ болѣе духовенство должно держаться указанной исконной своей политики (единственно возможной при безправіи), что въ православныхъ воззрѣніяхъ на существо Церкви

его поддерживаетъ и современная наука права, по указанію которой современныя воззрѣнія на существо права, государства, и отношеній государства къ общественнымъ союзамъ и къ церкви не только совмѣстны, но и совершенно согласны съ вѣроученіемъ самой церкви объ ея существѣ и о назначеніи церковносудной власти.

ЗНАЧЕНІЕ

ПОДГОТОВКИ КЪ ВОЙНѢ

ВООБЩЕ

И

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ

СТРАТЕГИЧЕСКИХЪ ОПЕРАЦІЙ

ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Г. А. ЛЕЕРА,

ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

„Существуютъ *общія причины*, нравственныя „или физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждой „монархіи, возвышая, поддерживая, или низпровергая ее; *всѣ случаи подчинены этимъ причинамъ* „и если случайность какого нибудь сраженія, т. е. „*частная причина* разрушила какое нибудь государство, то, слѣдовательно, была *общая причина*, „сдѣлавшая то, что государство это должно было „погибнуть отъ одного сраженія. Однимъ словомъ, „*главное положеніе влечетъ за собою всѣ частные* „*случаи*“ (Montesquieu. Grandeur et décadence des Romains. Ch. XVIII, p. 172).

Арміи, которыя были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты. Главныя (коренныя) и второстепенныя (ближайшія) причины военныхъ явленій войны 1870—71 г. Ошибки въ дѣлѣ первоначальнаго сосредоточенія войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій едва ли могутъ быть исправлены въ теченіе цѣлыхъ кампаній. Параллельный разборъ плана (мемуара 1868) Мольтке и плана Наполеона III. Пріемы обоихъ (Стратегія расчитывающая и Стратегія фантазирующая).

Общность поставленнаго мною во главѣ настоящаго изслѣдованія положенія („арміи, которыя были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты“) нерѣдко оспаривается и не всегда достаточно уважается тѣми, которые склонны успѣхи на войнѣ относить исключительно, или по крайней мѣрѣ предпочтительно,

къ *импровизаціи*, къ *счастливымъ вдохновеніямъ*, а не въ то-же время къ *настойчивому и терпѣливому труду*, не къ *тщательной подготовкѣ* рѣшенія тѣхъ грозныхъ вопросовъ, которые, въ послѣдней инстанціи, рѣшаются *„желѣзомъ и кровью"*. Высказанное нами положеніе недостаточно уважается и тѣми военно-историческими писателями, которые или не обращаютъ вовсе вниманія, или обращаютъ слишкомъ поверхностное вниманіе на „подготовительныя операціи",— которые слишкомъ торопятся *на* поле сраженія, обходя или развѣ только слегка касаясь столь важныхъ дѣйствій *до* поля сраженія.

Мало того, большинство привыкло на столько видѣть *всю* военную исторію въ описаніи только маршей и битвъ, что склонно даже поставить въ упрекъ изслѣдователю той или другой войны, еслибы онъ вздумалъ долго останавливаться на разборѣ столь существенно важныхъ „подготовительныхъ операцій".

Все это вызываетъ необходимость возможно тщательной постановки на видъ важности *подготовки*, что и составляетъ главную задачу настоящей статьи.

Въ видахъ лучшаго уясненія справедливости приведеннаго основнаго положенія обратимся къ послѣдней Франко-Прусской войнѣ 1870—71 г., и, при этомъ, будемъ имѣть въ виду, что каждый фактъ слагается подъ вліяніемъ цѣлой совокупности причинъ, дѣйствующихъ въ извѣстной зависимости другъ отъ друга, въ теченіи извѣстнаго промежутка времени, и что, на этомъ основаніи, одна изъ главныхъ задачъ военной исторіи должна заключаться въ томъ, чтобы раскрыть *главныя* причины военныхъ явленій, зависимость, логическую связь между причинами и послѣдствіями, между *главными* (первоначальными, основными, болѣе отдаленными) и *второстепенными* (ближайшими) причинами.

Военныя явленія послѣдней войны, по крайней мѣрѣ, главныя, достаточно извѣстны. *Гдѣ же и въ чемъ заключается ихъ основная причина?* Человѣкъ, несклонный восходить до основныхъ причинъ, на этотъ вопросъ отвѣтитъ, что главная причина всѣхъ успѣховъ нѣмцевъ и неудачъ французовъ заключалась въ первоначальномъ, крайне невыгодномъ положеніи послѣднихъ непосредственно предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, въ странной разброскѣ ихъ силъ и въ сосредоточенности германскихъ

войскъ. И дѣйствительно это была *ближайшая* причина только что указанныхъ явленій; но и эта причина, въ свою очередь, была лишь *слѣдствіемъ* другихъ причинъ и притомъ на столько, что французамъ пришлось принять эту крайне неблагопріятную обстановку за *неизбѣжную исходную точку* своихъ операцій, короче они этой обстановки, выразившейся въ крайне невыгодномъ для нихъ сочетаніи условій: *силы, времени* и *мѣста,* ничѣмъ не могли предотвратить, а *неизбѣжно должны были ей подчиниться.* [1])

Эта крайне невыгодная для французовъ обстановка, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что они, содержавшіе въ мирное время 400 т. и расходуя на нихъ 370 мил. франковъ, могли въ 25 дней выставить 210 т., которыя, въ минуту открытія военныхъ дѣйствій, были разбросаны на 300 верстъ, а *пруссаки,* содержавшіе, въ мирное время, только 300 т. и расходовавшіе на нихъ 250 мил. франк., могли, въ тѣ-же 25 дней, выставить 400 т., сосредоточенныхъ на 100 верстахъ. Вотъ какъ въ минуту, непосредственно предшествовавшую открытію военныхъ дѣйствій, сложились для обѣихъ сторонъ условія: *силы, времени* и *мѣста.*

Для того, кого въ послѣдней войнѣ итересуетъ только одна *тактическая, оперативная* сторона дѣла, тотъ за исходную точку своего критико-историческаго изслѣдованія смѣло можетъ принять только что приведенную обстановку, т. е. въ своемъ *спеціально-одностороннемъ* изслѣдованіи [2]) имѣетъ право остановиться только на одной *ближайшей* причинѣ явленій послѣдней войны; но тотъ, кто смотритъ на войну широко, какъ это и должно быть, какъ напр. на нее смотрѣлъ Клаузевицъ, видѣвшій въ ней не что-то такое само по себѣ отдѣльно стоящее, а лишь *продолженіе политики,* короче ту-же политику, но

---

[1]) Единственно, что Французы могли еще сдѣлать, чтобы измѣнить эту первоначальную обстановку, непосредственно передъ открытіемъ операцій, хоть въ нѣсколько менѣе для нихъ неблагопріятную форму, это или: 1) броситься съ 60 т. войскъ, собранными съ 25 іюля на границѣ, впередъ (до Майнца или до Кайзерслаутерна) и выиграть, такимъ образомъ, хоть нѣсколько *времени* и *мѣста,* для сосредоточенія своихъ силъ, или же 2) сосредоточиться назадъ на линіи р. Мозеля (Мецъ-Нанси). И то и другое, какъ извѣстно, было упущено. Если бы Французы своевременно рѣшились бы на то или другое, или правильнѣе говоря *могли бы* рѣшиться, то обстановка для нихъ нѣсколько улучшилась бы, но все-таки, въ виду *двойнаго численнаго перевѣса Пруссаковъ,* она осталась бы крайне невыгодною.

[2]) Оно и не можетъ быть названо *Военною Исторіею,* а развѣ только *стратегическимъ* (*тактическимъ*) *описаніемъ войны 1870—71 г.*

только орудующую другими средствами, тотъ не позволитъ себѣ принять ближайшей причины за исходную точку своего изслѣдованія и зная, что война вытекаетъ изъ политики и что въ политикѣ коренятся, какъ ея причина, такъ и *коренныя, основныя* причины всѣхъ чисто военныхъ явленій, пойдетъ далѣе, онъ не ранѣе обратится къ тактической, оперативной сторонѣ войны, пока не раскроетъ главныхъ, коренныхъ, основныхъ, хотя и болѣе отдаленныхъ причинъ военныхъ явленій.

И такъ намъ предварительно важно знать: *откуда взялась вышеприведенная столь невыгодная для французовъ обстановка?* Вѣдь и она, въ свою очередь, была лишь *послѣдствіемъ* другихъ причинъ, нѣсколько болѣе отдаленныхъ. И дѣйствительно, она была, прежде всего, послѣдствіемъ *уродливой централизаціи военнаго управленія*, крайне замедлившей процессъ мобилизаціи и убившей иниціативу частныхъ начальниковъ. Вотъ коренная причина вышеприведенной обстановки, т. е. прежде всего страшная централизація, приведшая къ медленной мобилизаціи. Мало того, медленность мобилизаціи помѣшала и еще возможному до нѣкоторой степени исправленію обстановки для французовъ путемъ немедленнаго перехода въ наступленіе съ 60 т., такъ какъ 28 іюля, въ день прибытія Наполеона III въ Мецъ, ни одинъ изъ трехъ корпусовъ (помимо некомплекта) не имѣлъ ни лазаретовъ, ни парковъ, короче, не могъ тронуться съ мѣста.

Далѣе, при разборѣ чисто военныхъ явленій послѣдней войны, поражаетъ еще и тотъ фактъ, что *всѣ славныя военныя традиціи эпохи Наполеона I какъ будто бы никогда не существовали для французовъ;* но, познакомившись съ *французскимъ генеральнымъ штабомъ*, который, прежде всего, долженъ бы быть *носителемъ боевыхъ преданій и хранителемъ, въ полной ихъ чистотѣ, истинныхъ военныхъ принциповъ*, и который между тѣмъ, построенъ на ложныхъ началахъ [1]) и проводилъ большую часть своего служебнаго времени въ пріемныхъ старшихъ генераловъ и въ министерскихъ бюро, мы уже не должны быть поражены такимъ явленіемъ. Послѣ этого нечего удивляться тѣмъ *грубымъ нарушеніямъ основныхъ принциповъ*, которые встрѣчаются въ дѣйствіяхъ французовъ чуть ли не на каждомъ шагу: вмѣсто *объединенія власти* въ рукахъ общаго главно-

---

[1]) Между прочимъ хоть на отбираніи у арміи лучшихъ ея офицеровъ, никогда болѣе не возвращаемыхъ въ ея ряды.

командующаго находимъ раздѣленіе ея между двумя, тремя, а иногда и большимъ числомъ лицъ; вмѣсто предоставленія *полновластія* главнокомандующему—дерганье изъ Парижа (Паликао и Макъ-Магонъ); вмѣсто *прочнаго базированія*—крѣпости безъ запасовъ (Страсбургъ и Мецъ) и скопленіе запасовъ въ открытыхъ пунктахъ (Форбахъ, Сааргемюндъ, Люневилль); вмѣсто *сосредоточенія силъ*—страшную разброску; вмѣсто *усиленнаго занятія важнѣйшихъ пунктовъ поля сраженія*—почти пренебреженіе ими (С. Прива); вмѣсто *движенія на выстрѣлы*—оставленіе сосѣдей безъ поддержки; вмѣсто *быстроты* въ маршахъ—крайнюю медленность (движеніе Макъ-Магона къ Седану) и т. д. Мы встрѣчаемъ не только грубое пренебреженіе основными принципами, но и даже незнакомство со свойствами различныхъ дѣятелей, факторовъ на войнѣ, какъ напр. *незнакомство со свойствами желѣзныхъ дорогъ*, вполнѣ выразившееся въ движеніи корпуса Канробера изъ Шалона въ Мецъ, и въ движеніи Бурбаки на Востокъ.

Все это, конечно, не случилось бы, еслибы Французскій Генеральный Штабъ находился *въ болѣе тѣсной связи съ арміею*, и еслибы онъ занимался въ мирное время своимъ прямымъ дѣломъ; еслибы онъ былъ *хранителемъ, въ полной ихъ чистотѣ, основныхъ принциповъ военнаго дѣла и распространителемъ таковыхъ въ арміи*. Позволяютъ себѣ иногда, и, какъ кажется, не безъ основанія, уподоблять функцію Генеральнаго Штаба въ арміи функціи *нервовъ* въ организмѣ. Если нервы убиты въ извѣстномъ органѣ, то послѣдній подвергается параличи. И въ близкомъ къ такому положенію находилась французская армія, благодаря *недостатку подготовки* ея Генеральнаго Штаба, т. е. причинѣ, относящейся къ дѣятельности мирнаго времени.

Къ не менѣе поразительнымъ явленіямъ послѣдней войны слѣдуетъ отнести также: 1) что числившіяся у Французовъ на бумагѣ 800 т. резервныхъ войскъ на самомъ дѣлѣ обратились много въ 250 т.; причина тому крайне ошибочная *система резервовъ*, не построенная на *прочныхъ кадрахъ* и на *достаточномъ обученіи людей*; 2) интеллигенція и дисциплина въ арміи были слабы; — причина тому *система комплектованія*, снабжавшая армію почти исключительно *наемниками* и *пролетаріями*; 3) оружіе (Шаспо) болѣе превосходное чѣмъ прусское было крайне неудовлетворительно употребляемо,—причина тому *ложная система обученія*; 4) не было даровитыхъ руководителей на верху; причина

тому система протекціонизма и фаворитизма, возвышающая только людей пріятныхъ, но не полезныхъ.

И такъ *уродливая централизація военнаго управленія, крайне неудовлетворительное состояніе Генеральнаго Штаба, важные недостатки въ системѣ комплектованія арміи и въ системѣ резервовъ, ложная система обученія, протекціонизмъ и фаворитизмъ,* — вотъ цѣлый рядъ причинъ, хотя и болѣе *отдаленныхъ*, дѣйствующихъ далеко еще до поля сраженія, но за то и рядъ болѣе важныхъ, *коренныхъ основныхъ* причинъ неудачъ французовъ въ послѣднюю войну, подтверждающихъ собою лишь ту истину, что *на театрѣ военныхъ дѣйствій и на поляхъ сраженій подводятся только грозные итоги того, что сдѣлано въ мирное время* (т. е. арміи, которыя были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты). Всѣ остальныя *ближайшія* причины пораженія французовъ, являясь лишь *неизбѣжнымъ слѣдствіемъ* вышеприведенныхъ, имѣютъ по отношенію къ послѣднимъ только *второстепенное* значеніе.

Послѣ всего сказаннаго, спрашивается: поставивъ себѣ цѣлью *всестороннее* изученіе извѣстнаго военнаго событія (а такой вопросъ становится всегда для военнаго историка), т. е. раскрытіе *всѣхъ* причинъ его произведшихъ и въ ряду ихъ въ особенности *основныхъ*, первоначальныхъ, неужели позволительно было бы обратиться прямо къ *оперативной* сторонѣ, къ маршамъ и битвамъ, броситься *на* поле сраженія и обойти молчаніемъ, или слегка коснуться этого столь важнаго „*до* поля сраженія?“ Мало того, но я склоненъ, если и не переносить центра тяжести всего изслѣдованія *съ* поля сраженія въ *до* поля сраженія, то по крайней мѣрѣ сильно приблизить его къ послѣднему, и это по слѣдующимъ, смѣю надѣяться, весьма вѣскимъ причинамъ.

1) Для чего изучаемъ мы военную исторію? Намъ важно знать: *какое дѣйствіе производитъ та или другая причина*, напр. хоть *излишняя централизація военнаго управленія?* На основаніи возможно тщательнаго критическаго изслѣдованія послѣдней войны, мы знаемъ теперь, что она ведетъ къ замедленію мобилизаціи, ведетъ къ разброскѣ силъ, а разброска силъ ведетъ къ частнымъ пораженіямъ. Мало того, мы знаемъ, что она убиваетъ частную инициативу, т. е. ни болѣе, ни менѣе какъ то единственное средство, при номощи котораго невыгоды разброски силъ могли бы быть хоть отчасти устранены. Вотъ цѣлый рядъ *послѣдствій* (дѣйствій) этой *первоначальной причи-*

ны. Наконецъ мы знаемъ, что тотъ, кто будетъ упорствовать на излишней централизаціи военнаго управленія, тотъ, по неумолимымъ и ничѣмъ неотвратимымъ законамъ логики (такъ какъ одна и таже причина приводитъ къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ), долженъ будетъ непремѣнно вынести на своихъ плечахъ всѣ приведенныя невзгоды, какъ это и было съ французами въ послѣднюю войну.

Отсюда уже ясно, что историческое изслѣдованіе можетъ быть признано полнымъ и основательнымъ только тогда, когда оно доведено до раскрытія *главныхъ*, *коренныхъ* причинъ военныхъ явленій, а эти причины (устройство военнаго управленія, генеральнаго штаба, система комплектованія арміи, система резервовъ, система обученія) дѣйствуютъ далеко еще до поля сраженія, благодаря чему уже разсматриваемое нами основное положеніе „арміи, которыя были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты“ вѣрно.

и 2) Подъ только что приведеннымъ основнымъ положеніемъ скрывается ни болѣе, ни менѣе какъ вещь всѣми несомнѣнно признаваемая, но не всѣми одинаково ясно понимаемая, именно: *„важность подготовки на войнѣ“*. И она дѣйствительно важно: потому что, какъ весьма справедливо замѣчаетъ Мольтке, въ своемъ мемуарѣ 1868, посвященномъ плану дѣйствій нѣмецкихъ армій на случай войны съ Франціею, *„ошибки, сдѣланныя при первоначальномъ сосредоточеніи войскъ, едва ли могутъ быть исправлены въ теченіе цѣлыхъ кампаній“* (а это первоначальное сосредоточеніе войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, т. е. такъ называемый нѣмцами *„Strategischer Aufmarsch“*, и есть послѣднее слово подготовки, послѣдняя изъ подготовительныхъ стратегическихъ операцій). Военная исторія какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость только что приведеннаго положенія. Укажемъ хотя бы только на нѣкоторые изъ ближайшихъ къ намъ фактовъ. Такимъ образомъ французамъ *въ войну 1870* г. не удалось исправить вредныхъ послѣдствій ихъ первоначальной разброски. Послѣ Верта и Саарбрюкена-Форбаха (6 августа) они группируются въ три массы (1) гвардія), II, III, IV и VI корпуса, 2) I и V и 3) VII корпусъ), затѣмъ въ *двѣ* (1) *корпуса Базена* подъ Мецомъ — гвардія, II, III, IV и VI и 2) *корпуса Макъ-Магона* I, V, VII и XII подъ Шалономъ), въ промежуткѣ отъ 12—20 августа. Каждая изъ этихъ двухъ массъ капитулируетъ отдѣльно: одна подъ Седаномъ, другая подъ Ме-

цомъ, т. е. ошибочное первоначальное расположеніе французскихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ послѣднюю войну такъ и осталось неисправленнымъ. Въ *1812 г.* первоначальное расположеніе нашихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, какъ извѣстно, благодаря теоретическимъ бреднямъ генерала Фуля, желавшаго, на перекоръ требованіямъ обстановки, приложить къ дѣлу одинъ изъ стратегическихъ рецептовъ систематика Бюлова, грѣшило тоже излишнею разброскою силъ, выразившеюся въ неумѣстномъ раздѣленіи нашихъ войскъ, предназначавшихся для дѣйствія по сѣверную сторону Полѣсья, на двѣ отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга арміи (I Барклая и II Багратіона). Послѣ долгихъ и почти невѣроятныхъ усилій, — цѣлаго ряда форсированныхъ маршей въ теченіе 38 дней, — намъ удалось соединить обѣ арміи подъ Смоленскомъ. И этимъ путемъ только отчасти первоначальная ошибка наша была устранена, силы были правда соединены, но во главѣ ихъ стояло два равноправныхъ и другъ другу неподчиненныхъ главнокомандующихъ, что должно было отразиться крайне неблагопріятно, и дѣйствительно неблагопріятно отразилось на дѣйствіяхъ соединенныхъ нашихъ силъ до прибытія къ арміи общаго главнокомандующаго, Кутузова (передъ Бородинскимъ сраженіемъ) т. е. *2½ мѣсяца* спустя послѣ открытія военныхъ дѣйствій. И такъ французы, въ послѣднюю войну не могли вовсе исправить ошибокъ въ первоначальномъ расположеніи своихъ войскъ, а намъ въ 1812 г. потребовалось на это 2½ мѣсяца и цѣлый рядъ страшныхъ усилій. Вотъ съ какимъ трудомъ исправляются ошибки въ *первоначальномъ сосредоточеніи войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій*, являющимися *послѣднею* изъ подготовительныхъ стратегическихъ операцій и служащемъ въ то же время, *исходною точкою* собственно такъ называемыхъ *„операцій“*, т. е. маршей и битвъ съ ихъ послѣдствіями. Громадное значеніе *подготовки* такимъ образомъ болѣе чѣмъ очевидно.

Подготовка еще важна и потому, что всѣ *подготовительныя стратегическія операціи* (1) организація силъ, 2) устройство базиса, 3) сосредоточеніе къ нему войскъ и запасовъ), *по свойствамъ своимъ, не только могутъ, но и должны быть тщательно разсчитаны даже съ математическою точностью*. Извѣстно, что на войнѣ всего заранѣе предвидѣть нельзя (внезапнаго разлива рѣкъ, ломки мостовъ, порчи дорогъ, тѣхъ или другихъ порывовъ, которымъ подвержены наши и непріятельскія

войска, намѣреній противника...), [1]) т. е. безъ случайностей обойтись невозможно. Отъ того и строгій, математическій разсчетъ на войнѣ не возможенъ. Это и придаетъ совершенно особый характеръ искуству веденія военныхъ дѣйствій, которое не будучи, съ одной стороны, строгимъ математическимъ *разсчетомъ*, не является съ другой, и исключительно *игрою* (какъ то нѣкоторыми ошибочно полагается), т. е. дѣломъ однихъ случайностей, а занимаетъ какъ бы середину между этими двумя крайностями, т. е. является своего рода *теоріею вѣроятностей*. Таковъ вообще характеръ всего военнаго дѣла и въ частности въ особенности *главныхъ операцій* (маршей и битвъ), но не таковъ характеръ *подготовительныхъ операцій*, исполняемыхъ *вдали* и *заранѣе* до встрѣчи съ непріятелемъ. Здѣсь нѣтъ случайностей, здѣсь *воля противника*, являющаяся большею частью въ видѣ данной *гадательной*, крайне рѣдко въ видѣ данной положительной, не имѣетъ еще пока того значенія, которое она, вмѣстѣ съ прочими случайностями, получаетъ собственно въ *операціяхъ*. Вотъ почему если веденіе главныхъ военныхъ операцій принадлежитъ теоріи вѣроятностей, — то соображеніе и исполненіе подготовительныхъ стратегическихъ операцій относится къ строгому математическому разсчету. Здѣсь все до послѣдняго человѣка, до послѣдняго поѣзда съ войсками, до послѣдняго куля и гвоздя, *все должно быть заранѣе разсчитано*, что и было съ мастерствомъ, достойнымъ полнѣйшаго подражанія, исполнено пруссаками въ послѣднюю войну. И этому-то они главнымъ образомъ обязаны своими блестящими успѣхами.

Важное значеніе подготовки и только что приведенная нами существенная разница между подготовительными и главными операціями до того мѣтко охарактеризованы въ мемуарѣ (1868 г.) Мольтке, что я считаю долгомъ касающееся этого предмета мѣсто привести здѣсь въ подлинникѣ:

„Къ числу задачъ Генеральнаго Штаба въ мирное время относится тщательная обработка до послѣднихъ деталей всего, касающагося сосредоточенія войскъ и ихъ перевозки въ виду

---

[1]) Что и заставило Наполеона I выразиться слѣдующимъ образомъ: «Предпріятіе на войнѣ уже достаточно хорошо разсчитано, если $^2/_3$ шансовъ подчинены разсчету, а $^1/_3$ отдана на долю случая. Тому, кто желалъ бы на войнѣ все подчинить разсчету, можно дать одинъ совѣтъ: никогда ничего не предпринимать».

всѣхъ вѣроятныхъ войнъ. Выработанные такимъ образомъ планы должны быть постоянно въ готовности".

„При первоначальномъ сосредоточеніи арміи, рядомъ съ военными соображеніями, принимаются во вниманіе еще многостороннія политическія и географическія. Ошибки въ первоначальномъ сосредоточеніи войскъ едва ли могутъ быть исправлены въ теченіе цѣлыхъ компаній. Всѣ необходимыя къ тому распоряженія могутъ быть однако исполнены задолго впередъ..."

„Совершенно въ другомъ видѣ представляется дальнѣйшая задача стратегіи, касающаяся боеваго употребленія уже заготовленныхъ средствъ, т. е. *операцій*".

„Здѣсь наша воля очень скоро сталкивается съ независимою волею противника. Хотя послѣдняя и можетъ быть ограничена своевременнымъ и рѣшительнымъ захватомъ иниціативы, но сломить ее окончательно можно только *боемъ*"....

Въ *главныхъ операціяхъ*, гдѣ, во всѣ разсчеты приходится вводить данную *воли противника* (что непріятель сдѣлаетъ въ томъ или другомъ случаѣ? *какъ* онъ будетъ противодѣйствовать той или другой изъ принятыхъ мною мѣръ?), всегда являющуюся въ видѣ данной болѣе или менѣе *гадательной* и крайне рѣдко въ видѣ данной *положительной*, — далѣе крайне капризное проявленіе нравственнаго элемента въ войскахъ, — одно уже это не допускаетъ въ этой сферѣ дѣйствій строгаго *разсчета*, способнаго предусмотрѣть всѣ случайности и дѣло начинаетъ уже принимать характеръ *игры* (отсюда и *„выигралъ сраженіе"* и *„проигралъ сраженіе"*, выраженія совершенно правильныя), въ которую однако отнюдь оно окончательно не должно обращаться. *Разсчетъ и тутъ всегда долженъ брать перевѣсъ надъ игрою* (См. вышеприведенное мнѣніе Наполеона I), иначе это свидѣтельствовало бы только о крайне неискусномъ веденіи дѣла.

И такъ въ *подготовительныхъ* стратегическихъ операціяхъ все до мельчайшихъ подробностей должно быть дѣломъ строгаго, математическаго разсчета. Здѣсь *импровизаціи* всякаго рода не должны быть терпимы, они должны быть разсматриваемы какъ зло. Въ *главныхъ же операціяхъ* все не можетъ быть подведено подъ разсчетъ, достаточно уже если большая часть шансовъ будетъ подчинена разсчету, остальное поневолѣ приходится отдать на долю случая. Здѣсь уже неизбѣжны и *импровизаціи*,

всякаго рода *случайности*. *игра* и въ концѣ концовъ *счастіе*. Короче въ подготовительныхъ операціяхъ все зависитъ отъ разсчета и только отъ одного *разсчета*, въ главныхъ же отъ *таланта* (разсчета) и отъ *счастія*.

Имѣя въ виду только что приведенную существенную разницу въ характерѣ тѣхъ и другихъ стратегическихъ операцій: *подготовительныхъ* и *главныхъ*, далѣе врожденное каждому мыслящему человѣку стремленіе подчинять все, что только возможно, въ дѣлахъ своихъ, разсчету и наконецъ, особенную важность подготовительныхъ операцій на войнѣ, заключающихъ въ себѣ, коренную, основную причину успѣха въ главныхъ операціяхъ, по отношенію къ которымъ онѣ служатъ исходною отправною точкою, — имѣя все это въ виду, весьма естественно должно возникнуть стремленіе: перевести войну изъ области игры и случайностей въ сферу точнаго разсчета, и если это невозможно вполнѣ, то дать по крайней мѣрѣ разсчету перевѣсъ надъ случайностями и импровизаціями, короче *разсчитать все, что только возможно разсчитать на войнѣ*.

Эту-то цѣль конечно должны были поставить себѣ Прусскій король и Мольтке, въ предвидѣнія того, что рѣшеніе самаго капитальнаго вопроса для Германіи — борьбы съ Франціею — можетъ выпасть на ихъ долю. Къ рѣшенію его готовилось, и готовилось образцовымъ образомъ съ Тильзитскаго мира нѣсколько преемственныхъ поколѣній Прусскихъ государственныхъ людей, начиная съ *Штейна*, *Шарнгорста* и *Гнейзенау* вплоть до *Бисмарка*, *Мольтке* и *Роона*. Въ этомъ, и именно въ этомъ, т. е. *въ возможно тщательной, настойчивой и продолжительной подготовкѣ во всѣхъ смыслахъ* и заключается *главная*, *коренная*, *основная причина* всѣхъ чисто военныхъ явленій послѣдней войны, и не только однихъ военныхъ явленій, но *всего истинно великаго во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности Пруссіи*. „Безъ *времени* и *труда*" (говоритъ Карріонъ Низасъ по поводу плана кампаніи 1796", составленнаго генераломъ Бонапарте *задолго* до принятія имъ начальства надъ Французскою арміею въ Италіи *), „нельзя создать чего

[1]) Въ томъ же сочиненіи Карріонъ-Низаса (Essai sur l'histoire générale de l'art militaire II, p. 632—634) помѣщенъ разсказъ извѣстнаго путешественника и академика *Вольнея* о томъ, что еще въ Ниццѣ, во время конвента. Бонапарте, крайне недовольный образомъ дѣйствій Французовъ въ Италіи, неоднократно высказывалъ необходимость перейти Альпы и внести войну въ самое сердце

либо истинно великаго. И если въ дѣлахъ, которыя становятся выше уровня минуты, кажется что причиною ихъ была импровизація, то въ сущности эта *кажущаяся импровизація* объясняется тѣмъ, что объ этихъ вещахъ думали (т. е. къ нимъ тщательно *готовились)*, въ то время, когда никто о нихъ не думалъ, такъ что когда наступитъ минута, что общественное вниманіе устремляется на нихъ, то люди, думавшіе о нихъ ранѣе другихъ, оказываются къ нимъ и наиболѣе подготовленными. Вотъ тайна великихъ дѣлъ. Она заключается въ настойчивой и продолжительной работѣ мысли въ извѣстномъ направленіи (Le secret des grandes choses est dans la force de la méditation unie à la puissance du temps). Проницательность, умъ, геній собственно въ томъ и заключаются, чтобы умѣть предвидѣть то, чему суждено будетъ современемъ обратить на себя вниманіе всѣхъ и къ тому тщательно подготовляться. Смѣло можно сказать, что есть что-то уже исполненнаго въ томъ, что было долгое время и настойчиво обдумываемо". Не мѣшало бы этими замѣчательными словами поглубже проникнуться поклонникамъ разнаго рода *импровизацій*, которые видятъ только такъ называемыя *„великія дѣла"*, совершаемыя *„геніями"* безъ труда и подготовки, а по вдохновенію, пренебрегаютъ трудомъ, а слѣдовательно и тружениками и считаютъ слово „труженикъ" синонимомъ съ „бездарностью". Таковъ обыкновенно взглядъ людей *легкихъ* (хотя бы и очень способныхъ), берущихъ все *слегка*, смотрящихъ на все *слегка* и на науку и на общественныя дѣла. Они во всемъ изъ ряда

Италіи и, мало того, однажды развилъ свой планъ дѣйствій до мельчайшихъ подробностей. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этихъ частыхъ бесѣдъ Вольнея съ Бонапарте, Вольней находился въ Америкѣ, гдѣ онъ изъ газетъ узнаетъ о назначеніи Бонапарте главнокомандующимъ французскою арміею въ Италіи. Американцы въ фактѣ назначенія 26 лѣтняго генерала главнокомандующимъ видѣли только то, что должно быть Французы окончательно потеряли голову. Вольней же, съ своей стороны, заявилъ имъ, что это назначеніе, напротивъ того, какъ нельзя болѣе удачное и тутъ же сообщилъ имъ, что онъ знаетъ какъ этотъ генералъ будетъ дѣйствовать и разсказалъ въ подробности слышанный имъ въ Ниццѣ планъ генерала Бонапарте. Надо было видѣть удивленіе Американцевъ, когда газеты начали отъ слова до слова подтверждать сообщеніе Вольнея. Вольнея Американцы начали подозрѣвать въ томъ, что онъ вовсе не ученый и писатель, а просто какая нибудь военная французская знаменитость, поставленная въ необходимость искать у нихъ убѣжище. Чтобы положить конецъ всѣмъ толкамъ, Вольней передалъ истину о бесѣдахъ въ Ниццѣ Фактъ этотъ, не лишенный интереса самъ по себѣ, намъ дорогъ въ особенности потому, что онъ показываетъ, что лучшій изъ наполеоновскихъ плановъ кампаніи имъ составленъ былъ задолго до минуты приведенія его въ исполненіе, что онъ работалъ надъ нимъ долго и настойчиво, что планъ этотъ, независимо отъ генія, былъ плодомъ *труда и терпѣнія*.

выходящемъ склонны видѣть *„импровизаціи“* и нигдѣ не видятъ *„труда“*, которымъ они пренебрегаютъ во всѣхъ смыслахъ. Да оно и вполнѣ естественно, такъ какъ во всемъ человѣкѣ прежде всего видитъ самого себя. Такихъ людей въ обществахъ молодыхъ, а иногда и не молодыхъ, да легкомысленныхъ (Франція въ 1870 г.), недостаточно освоенныхъ еще съ серьезными испытаніями, невыработавшихъ въ себѣ еще довольно серьезнаго взгляда на науку и общественныя дѣла, не понимающихъ еще того, какая это страшная сила *трудъ*, — наберется не мало, и иногда, къ крайнему сожалѣнію, изъ нихъ слагается и большинство дѣятелей въ извѣстныя минуты. Тогда, конечно, о тщательной подготовкѣ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ и рѣчи быть не можетъ. Пусть подобныя личности, проводящія жизнь только въ наслажденіи и пренебрегающія честнымъ, настойчивымъ трудомъ, подумаютъ посерьезнѣе надъ вышеприведенными замѣчательными словами Карріона Низаса, пусть они съ этой точки углубятся въ исторію, да изучатъ повнимательнѣе хоть нѣсколько біографій великихъ людей. Сдѣлавъ все это, они не могутъ не прійти къ тому заключенію, какъ то, которое приведено въ сочиненіи *Смайльса* (Характеръ, стр. 98 русскаго перевода), а именно, что „величайшіе геніи, всѣ безъ исключенія, были вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшими тружениками. Они не только работали болѣе обыкновенныхъ людей, но внесли въ свой трудъ высшія способности и болѣе пламенную душу. Ничто великое и безсмертное не являлось вдругъ экспромтомъ. Геніальныя произведенія созидались посредствомъ благороднаго терпѣнія и благороднаго труда“.

Вотъ какъ къ *труду* относятся люди серьезные. Такъ къ нему относились и Прусскіе государственные люди, въ теченіе 53 лѣтъ, и въ ихъ *благородномъ терпѣніи* и въ ихъ *благородномъ трудѣ*, говоря словами Смайльса, надо видѣть, позволимъ мы себѣ еще разъ повторить (есть вещи, которыхъ нельзя ни слишкомъ много, ни слишкомъ часто повторять, такъ какъ только этимъ путемъ онѣ и могутъ быть привиты къ большинству), заключается *главная, коренная, основная* причина результатовъ послѣдней войны.

Въ статьѣ военной, конечно, не мѣсто говорить о подготовкѣ вообще, о подготовкѣ въ политическомъ смыслѣ послѣдней войны (вопросъ этотъ въ главныхъ чертахъ былъ мною развитъ на моихъ

публичныхъ лекціяхъ) [1]). Мы остановимся на одной чисто военной сторонѣ дѣла. Попробуемъ охарактеризовать подготовительную работу Мольтке, насколько о томъ можно судить, какъ по фактамъ послѣдней войны, такъ въ особенности по его мемуару 1868 г., документу, который долженъ сдѣлаться предметомъ самого настойчиваго изученія военныхъ государственныхъ людей. Конечно, намъ придется нѣсколько гадательно начертить путь умственной работы Мольтке въ подготовительномъ военномъ трудѣ, такъ какъ Мольтке самъ объ этомъ предметѣ не упоминаетъ, но, вооружась фактами послѣдней войны и мемуаромъ, мы надѣемся не впасть въ большія погрѣшности.

Прежде всего, само собою разумѣется, Мольтке долженъ былъ проникнуться неизбѣжностью вооруженнаго столкновенія между Германіею и Франціею, далѣе великостью и важностью этой задачи и сообразно съ этимъ необходимостью заготовить средства, вполнѣ соотвѣтствующія великости политической задачи [2]). Еще далѣе онъ долженъ былъ, въ виду приведенной нами выше отличительной характеристической черты военнаго дѣла, поставить себѣ задачею: строго отдѣлить то, что въ военномъ дѣлѣ подлежитъ точному *математическому разсчету* отличивъ то, что можетъ быть разсчитано лишь съ нѣкоторою *приблизительною вѣроятностью,* т. е. рѣзко отдѣлить *стратегическія подготовительныя операціи* отъ *главныхъ*. Съ этого и начинается мемуаръ (какъ выше приведено).

Строгій математическій разсчетъ въ подготовительныхъ операціяхъ, выразился: 1) прежде всего, еще задолго до войны въ *строгой регулировкѣ чрезвычайно важнаго процесса мобилизаціи,* относившагося прежде къ области импровизаціи, т. е. въ составленіи еще въ мирное время полнаго плана мобилизаціи, въ которомъ по днямъ росписано, что должно быть исполнено военными и гражданскими властями, начиная съ корпусныхъ командировъ и оберъ-президентовъ провинцій до окружныхъ фельдфебелей и амтмановъ и всѣхъ резервистовъ, списки которыхъ ведутся вдвойнѣ, какъ въ дѣйствующихъ войскахъ, такъ и въ соотвѣтствующихъ имъ ландверныхъ (списки эти провѣ-

---

[1]) Ср. также *В. Безобразова*, Война и революція.

[2]) Что вызвало извѣстную военную реформу 1861 г., увеличившую наличное число войскъ, содержимыхъ Пруссіею въ мирное время, до 300 т., съ возможностью, въ минуту мобилизаціи, довести ихъ почти до 1 мил. и съ сохраненіемъ въ резервѣ, въ видѣ сыраго матеріала, еще болѣе полумилліона.

ряются ежегодно въ промежуткѣ отъ 1-го ноября до 1-го февраля). При этомъ условіи страшный процессъ призыва 650 т. человѣкъ, ихъ снаряженія и размѣщенія по соотвѣтствующимъ кадрамъ могъ быть исполненъ въ *6 дней*, примѣръ небывалый до сихъ поръ въ военныхъ лѣтописяхъ. Даже въ 1866 г. Пруссіи потребовалось на это *15 дней*, т. е. къ 1870 г. машина была на столько усовершенствована, что на 15 дней она дала 9 дней экономіи, — экономіи громадной, если принять въ разсчетъ, что *каждый день выигранный въ дѣлѣ мобилизаціи равенъ стратегической побѣдѣ*. Какъ извѣстно, Пруссаки въ 1870 году, подъ вліяніемъ глубокаго уваженія къ чрезвычайно важному принципу *тѣсной, внутренней органической связи* [1]), изъ означенныхъ 9-ти дней употребили отъ 3—4-хъ дней на ученья мобилизованныхъ частей, на внутреннюю ихъ спайку. Далѣе строгій математическій разсчетъ выразился: 2) *въ регулировкѣ другаго чрезвычайно важнаго процесса, процесса перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ*, регулировкѣ доведенной до мельчайшихъ подробностей, до заблаговременнаго составленія росписанія поѣздовъ всѣхъ частей, въ виду различныхъ вѣроятныхъ сосредоточеній войскъ на границѣ, соображенныхъ, въ свою очередь, тоже еще въ мирное время, такъ что въ эти заранѣе составленныя росписанія оставалось вставить только *день* и *часъ* отправленія поѣздовъ. Регулировка этого дѣла дала возможность Пруссакамъ на *13-й день* отъ начала мобилизаціи (къ 28 іюля) имѣть на границѣ 60 т., въ готовности къ бою; на *18-й день* (2-го августа) 300 т., а на *20-й день* (4-го августа) полную боевую готовность, — результатъ до сихъ поръ тоже не бывалый, какъ прямое послѣдствіе до сихъ поръ небывалой подготовки.

Для регулированія перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ до степени указанныхъ подробностей, необходимо: 3) *предварительное соображеніе сосредоточенія войскъ къ тѣмъ или другимъ пунктамъ той или другой границы, въ виду различныхъ наиболѣе вѣроятныхъ гипотезъ*. Эта чрезвычайно важная работа должна быть, само собою разумѣется, исполнена генеральнымъ штабомъ еще въ мирное время, такъ какъ она служитъ *основаніемъ* регулированія перевозки войскъ по желѣзнымъ до-

---

[1]) *Образцовая подготовка* — это одна поучительная сторона войны 1870 г., — *глубокое уваженіе всѣхъ основныхъ принциповъ военнаго дѣла* со стороны Пруссаковъ — это другая ея поучительная сторона.

рогамъ. Этотъ вопросъ до такой степени превосходно разработанъ въ мемуарѣ Мольтке, — превосходно въ особенности по тѣмъ отличнымъ *пріемамъ,* которые положены въ основу его разработки, что мы позволимъ себя остановиться на немъ нѣсколько съ большимъ вниманіемъ и именно потому, что если для насъ и важны *выводы* Мольтке, *результаты* его разсчета, то для насъ во сто разъ важнѣе *путь,* по которому онъ дошелъ до нихъ, его *пріемы,* короче, его *методъ* обращенія съ подобными вопросами.

Разсматривая съ точки пріемовъ, съ точки метода, указанную часть мемуара Мольтке, мы должны, прежде всего, отдать ему должную справедливость относительно: *основательности изученія обстановки,* т. е. условій *силы, времени* и *мѣста,* при чемъ въ дѣлѣ сравнительной ихъ оцѣнки, для французовъ и нѣмцевъ, онъ съ необыкновенною логическою послѣдовательностью вѣренъ превосходному пріему, именно тому пріему, который и ведетъ къ *разсчету,* а не къ *иллюзіямъ* и *фантазіямъ,* т. е. *заключается въ томъ, чтобы принимать для себя наименѣе выгодныя, а для противника наиболѣе выгодныя условія.* Тотъ, кто готовъ на худшее, тѣмъ самымъ уже готовъ и на все лучшее, по сравненію съ этимъ худшимъ, короче, готовъ на все. Такимъ образомъ при оцѣнкѣ *силъ* обѣихъ сторонъ, зная очень хорошо, что французы въ кампанію 1859 г., вмѣсто предполагаемыхъ 300 т., выставили только 230 т., (изъ которыхъ въ сраженіи при Сольферино участвовало только 107 т.), далѣе зная на столько же хорошо, что съ 1859 г. во французской арміи не произошло существенныхъ перемѣнъ, [1]) — Мольтке силы французовъ принимаетъ въ 250 т. до прибытія резервовъ и въ 343 т. съ прибытіемъ резервовъ, т. е. принимаетъ для французовъ самыя выгодныя условія. Свои же силы онъ разсчитываетъ только въ 330 т. (въ 10 корпусовъ), потому что, *разсчитывая на худшее для себя,* онъ не принимаетъ даже въ разсчетъ войскъ Южной Германіи (около 100 т.), на которыя, въ силу заключенныхъ трактатовъ, онъ имѣлъ право разсчитывать, и далѣе 3-хъ корпусовъ, которые

---

[1]) Хотя законъ 1868 г. и нѣсколько усилилъ число рекрутъ ежегоднаго контингента противъ прежнихъ лѣтъ, но контингентъ все-таки не превосходилъ 100 т., между тѣмъ какъ французская армія въ Италіи въ 1859 г. заключала въ себѣ три большихъ контингента, каждый въ 140 т., набора временъ Крымской кампаніи.

необходимо было, на первое время, до разъясненія обстановки, въ политическомъ смыслѣ, оставить въ Германіи, для обезпеченія прибрежья морскаго, вообще тыла; но и при этомъ въ высшей степени *осторожномъ* разсчетѣ выгоды *силы* должны были оказаться на сторонѣ Пруссіи, 330 т. (а со включеніемъ Южно-Германскихъ контингентовъ 430 т.) противъ 250 т.

Переходя къ сравнительной оцѣнкѣ условій *времени* для обѣихъ сторонъ, Мольтке принимаетъ въ разсчетъ существованіе въ Пруссіи выработаннаго до послѣднихъ мелочей плана мобилизаціи, съ одной стороны (у французовъ, какъ извѣстно, таковаго не было), и шести параллельныхъ желѣзныхъ дорогъ (для войскъ одного Сѣверо-Германскаго Союза, и, сверхъ того, три для Южно-Германскихъ), ведущихъ къ западной границѣ, и вполнѣ основательно, считаетъ себя, относительно условій *времени*, сравнительно съ французами, въ болѣе благопріятномъ положеніи. На этомъ основаніи, онъ рѣшаетъ вопросъ относительно первоначальнаго сосредоточенія силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій (Strategischer Aufmarsch, — а это, какъ извѣстно, есть послѣдняя изъ подготовительныхъ стратегическихъ операцій, создающая исходное положеніе собственно для *„операцій“*, т. е. для *главныхъ операцій* — маршей и битвъ) *впереди средняго Рейна*.

Благопріятно для Мольтке сложившіяся условія *силы* и *времени* давали ему полное право остановиться на подобномъ рѣшеніи, но, для окончательной остановки на немъ, необходимо было еще продолжить работу *анализа* и принять въ разсчетъ условія *мѣста*, а равно и наиболѣе *вѣроятныя гипотезы*, касающіяся предпріятій противника; на этой грани, гдѣ кончаются подготовительныя операціи и начинаются главныя, необходимо было уже введеніе въ дальнѣйшій разсчетъ данной *воли противника*, данной весьма капризной и гадательной.

Мы видѣли уже какими превосходными *пріемами* руководствовался Мольтке въ анализѣ условій *времени* и *силы* для обѣихъ сторонъ.

Приступая къ изслѣдованію вопроса о наиболѣе вѣроятныхъ *комбинаціяхъ* противника, Мольтке опять таки примѣняетъ къ дѣлу вышеприведенный *пріемъ*, т. е. начинаетъ съ наименѣе благопріятныхъ для себя комбинацій, съ обороны. *Первая* изъ разбираемыхъ имъ *гипотезъ* касается того предположенія, что если французы рѣшатся нарушить нейтралитетъ Бельгіи и двинутся къ Кельну,

то, по его предположенію, сосредоточенныя впереди средняго Рейна, въ Пфальцѣ, вплоть у границы, Германскія войска, пользуясь своимъ фланговымъ положеніемъ, могутъ броситься на обнаженную французскую операціонную линію, или же, пользуясь болѣе короткими разстояніями, встрѣтить съ фронта французовъ у Кельна. Слѣдовательно этой гипотезѣ сосредоточеніе Германскихъ войскъ впереди средняго Рейна вполнѣ отвѣчало. *Второй* гипотезѣ — тоже оборонительной для Германіи и наступательной для французовъ (наступленіе французовъ черезъ Швейцарію въ обходъ слѣва оборонительной линіи нѣмцевъ по Рейну) — сосредоточеніе нѣмецкихъ войскъ впереди средняго Рейна точно также отвѣчало, равно какъ и *третьей* гипотезѣ, — наступленію французовъ на Максау [1]).

Начавъ съ наименѣе благопріятныхъ для себя гипотезъ, Мольтке постепенно переходитъ къ разбору болѣе благопріятныхъ. Такимъ образомъ *четвертая* изъ разбираемыхъ имъ въ мемуарѣ гипотезъ уже касается обороны, со стороны французовъ, при чемъ онъ предполагаетъ, въ виду расположенія французской желѣзнодорожной сѣти, что войска французовъ будутъ сгруппированы въ 2-хъ массахъ: у Меца и Страсбурга, раздѣленныхъ Вогезскими горами.

И этому предположенію сосредоточеніе нѣмецкихъ войскъ впереди средняго Рейна тоже вполнѣ отвѣчаетъ, такъ какъ, говорится въ мемуарѣ, „въ Пфальцѣ мы находимся въ внутреннемъ положеніи, т. е. можемъ дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, обращаясь то противъ одной группы, то

---

[1]) Условій *мѣста*, изъ опасенія придать статьѣ черезъ-чуръ уже спеціальный характеръ, мы здѣсь не разбираемъ подробно, а замѣтимъ только, въ видѣ окончательнаго вывода, что разъ какъ *Рейнъ*, самая важная изъ естественныхъ преградъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, отъ Эммериха до Базеля, со всѣми крѣпостями, находилась во власти Нѣмцевъ, разъ какъ на большемъ протяженіи отъ Эммериха до Лаутербурга Нѣмцы владѣли обоими берегами Рейна и разъ какъ Пфальцъ клиномъ врѣзывался въ сѣверо-восточную границу Франціи, то всѣ выгоды болѣе благопріятной подготовки театра военныхъ дѣйствій находились уже на сторонѣ Нѣмцевъ. Шансы для борьбы были одинаковы для обѣихъ сторонъ только на пространствѣ отъ Базеля до Лаутербурга. Мало того, на этомъ пространствѣ, между прочимъ, находилась относительно слабѣйшая точка оборонительной линіи по Рейну, именно: *участокъ отъ Раштадта до Майнца*, слабо защищенный ничтожною кр. Ландау и хотя и сильною кр. Гермерсгеймомъ, но, въ то-же время, слабою по своему ошибочному стратегическому положенію. Сюда (къ Максау) Наполеонъ и готовился направить главный ударъ. И это рѣшеніе было бы правильно, еслибы оно отвѣчало и прочимъ условіямъ обстановки, чего однако, какъ увидимъ ниже, не было.

противъ другой, или же заразъ противъ обѣихъ вмѣстѣ, само собою разумѣется при достаточныхъ на то силахъ."

Изъ всего приведеннаго дѣлается слѣдующій окончательный *выводъ*: „сосредоточеніе всѣхъ силъ въ Пфальцѣ прикрываетъ нижній и верхній Рейнъ и допускаетъ наступательныя дѣйствія въ непріятельскую страну; если онѣ будутъ начаты своевременно, то по всей вѣроятности предупредятъ возможность перехода французовъ на Германскую территорію", т. е. другими словами, *сосредоточеніе всѣхъ Германскихъ войскъ впереди средняго Рейна, въ Пфальцѣ, отвѣчаетъ всѣмъ наиболѣе вѣроятнымъ гипотезамъ* (тѣмъ болѣе, что, на случай перехода нѣмцевъ въ наступленіе, отсюда же отходила и наиболѣе выгодная для нихъ операціонная линія, Саарбрюкенъ—Мецъ...).

Вотъ выводъ, полученный путемъ чрезвычайно осторожнаго анализа, выводъ, тщательно мотивированный, на которомъ, кажется, Мольтке имѣлъ бы полное право и остановиться, но стремленіе къ возможно *строгому разсчету*, къ устраненію всевозможныхъ случайностей, стремленіе къ готовности на худшее, составляющее, повторяемъ, лучшую гарантію успѣха на войнѣ, заставляетъ Мольтке еще далѣе продолжить работу анализа и допустить еще *пятую гипотезу*, хотя и мало вѣроятную, но тѣмъ не менѣе возможную, въ особенности когда приходится имѣть дѣло съ непріятелемъ, отличающимся склонностью къ легкомысленному способу веденія войны, какъ то и было, въ данномъ случаѣ, съ французами, именно: *какъ поступить, если французы, не ожидая окончанія мобилизаціи, съ 150 т.* [1]) *приблизительно перешли бы границу?* Будетъ ли вышеприведенное рѣшеніе отвѣчать и этой гипотезѣ? Нѣтъ, этой гипотезѣ упомянутое рѣшеніе уже не вполнѣ отвѣчало, въ особенности по отношенію къ II-й арміи, такъ какъ I-я армія, которая должна была наступать на правомъ флангѣ, была обезпечена нейтралитетомъ Люксембурга и имѣла въ своемъ распоряженіи не мало удобныхъ позицій, а III-я — на лѣвомъ флангѣ имѣла противъ себя лишь незначительныя силы. Принимая это въ разсчетъ, въ видахъ большей безопасности сосредоточенія силъ, въ вышеприведенное

---

[1]) И тутъ мы видимъ тотъ же пріемъ (разсчетъ на худшее для себя), потому что если бы, въ промежуткѣ отъ 28 іюля до 2 августа, Французы и перешли бы въ наступленіе, то, на самомъ дѣлѣ, они могли бы это исполнить только съ 3-мя неукомплектованными корпусами (II, IV и V, въ каждомъ около 20 т.), т. е. съ 60 т., а никакъ не съ 150 т.

окончательное рѣшеніе вводится та *поправка*, что сосредоточеніе одной только II-й арміи предполагается исполнить не *впереди* средняго Рейна, а *на* среднемъ Рейнѣ, у Майнца.

Вотъ окончательное рѣшеніе вопроса. Въ немъ нельзя не замѣтить громадной жертвы со стороны Мольтке, потери *времени* — элемента столь важнаго на войнѣ — до 6-ти дней (отъ Майнца до границы отъ 6—7 переходовъ); но жертва эта была принесена чрезвычайно важному принципу *сосредоточенія силъ* (весь мемуаръ построенъ на томъ, чтобы, въ рѣшительную минуту, на рѣшительномъ пунктѣ, располагать 300 т.). Ему и должны быть приносимы всевозможныя жертвы на войнѣ [1]).

Далѣе мемуаръ переходитъ къ разбору подробностей относительно *организаціи* и *частной группировки* каждой изъ армій на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ обстоятельный разборъ этой части мемуара мы не входимъ. Намъ, для настоящей нашей цѣли, достаточно только намѣтить, что онъ обнимаетъ изслѣдованіе и этихъ вопросовъ.

Разобранный нами мемуаръ Мольтке представляетъ явленіе въ высокой степени поучительное, достойное основательнаго изученія и подражанія, — во всемъ, конечно, что касается методы, пріемовъ. Онъ даетъ превосходный урокъ въ томъ *что* и *какъ* должно быть сдѣлано еще въ мирное время, въ виду той или другой возможной войны, чтобы стѣснить по возможности крайне опасную сферу *случайностей* на войнѣ и расширить сферу *расчета*.

Что же должно быть исполнено въ мирное время, въ предвидѣніи той или другой войны?

1) Планъ мобилизаціи, доведенный до мельчайшихъ подробностей, чтобы *каждый* зналъ *что* и *когда* ему дѣлать, не ожидая ни приказаній, ни разрѣшеній свыше.

---

[1]) Само собою разумѣется, что это положеніе не должно быть понимаемо въ слишкомъ безусловномъ смыслѣ. Дѣло *теоріи*, разбирающей свойства элементовъ и устанавливающей общіе принципы, *помимо обстановки*, указать ихъ важность. Дѣло *практики*, комбинирующей эти элементы и примѣняющей установленные теоріею принципы, *всегда къ условіямъ извѣстной обстановки*, согласно требованіямъ послѣдней, окончательно рѣшать *что* и *чему*, въ данномъ случаѣ, должно быть принесено въ жертву, что должно быть поставлено на первомъ планѣ, что на второмъ. Такимъ образомъ Мольтке, въ разсматриваемомъ случаѣ, жертвуетъ *временемъ* въ пользу *принципа сосредоточенія силъ*, а Наполеонъ подъ Фридландомъ поступаетъ какъ разъ обратно. И оба дѣйствуютъ совершенно правильно съ полнымъ уваженіемъ, какъ къ *принципамъ*, такъ и къ *обстановкѣ*.

2) Предварительное соображеніе, касающееся сосредоточенія войскъ къ тѣмъ или другимъ пунктамъ той или другой границы, въ виду различныхъ наиболѣе вѣроятныхъ гипотезъ;

и 3) Подробный разсчетъ перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, т. е. подробные маршруты, составленные на основаніи приведенныхъ соображеній.

Какъ все это должно быть исполнено, т. е. какими *пріемами* въ этомъ важномъ дѣлѣ слѣдуетъ руководствоваться? Само собою разумѣется, не иначе какъ тѣми, которыми руководствовался Мольтке, т. е. *брать для себя, при всѣхъ расчетахъ, наименѣе выгодныя, а для противника наиболѣе выгодныя условія*, рискуя, въ противномъ случаѣ, впасть въ *иллюзіи фантазіи* и *импровизаціи* взамѣнъ строгаго *расчета*. Къ послѣднему ведетъ только, и только, тотъ путь, по которому шелъ Мольтке.

Подробный планъ мобилизаціи, соображенія о сосредоточеніи войскъ къ тому или другому пункту той или другой границы войскъ, въ виду вѣроятности той или другой войны, и составленный, на основаніи ихъ, подробный разсчетъ перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ еще не исчерпываютъ *подготовительной работы мирнаго времени*. Сюда должно быть отнесено еще и 4) *регулированіе военно-этапной службы*, которую мы въ законченномъ видѣ встрѣчаемъ въ первый разъ у Пруссаковъ въ войну 1870—71 г.

Всѣ великіе полководцы и лучшіе генералы какъ нельзя лучше понимали и превосходно примѣняли къ дѣлу чрезвычайно важный законъ стратегіи *„о безопасности операціонной линіи"*, т. е. тыла и фланговъ арміи во всевозможныхъ ея положеніяхъ. Всѣ они принимали соотвѣтствующія къ тому мѣры, заключавшіяся въ оставленіи достаточнаго числа войскъ въ тылу, въ видѣ такъ называемыхъ *стратегическихъ резервовъ*, на важнѣйшихъ пунктахъ и рубежахъ; но во всѣхъ войнахъ, до послѣдней, мало мальски сносное рѣшеніе этого чрезвычайно важнаго вопроса требовало генія, высокаго развитія *творчества* и это собственно потому, что до послѣдней войны главнокомандующимъ, располагавшимъ *одною* только арміею, приходилось одновременно преслѣдовать *двѣ* діаметрально противоположныя другъ другу цѣли: *впереди сосредоточиться*,— отъ этого ближе всего зависитъ участь боя („на полѣ сраженія не можетъ быть лишняго баталіона, или лишняго эскадрона" Наполеонъ I), — а *назади разбросаться*, — этого требовала безопасность опера-

ціонной линіи. Мало мальски сносный выходъ изъ такой дилеммы требовалъ конечно генія. И въ какое критическое положеніе, благодаря этому, становился даже такой полководецъ какъ Наполеонъ I (его положеніе передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ или передъ Асперискимъ и Ваграмскимъ сраженіями)!

Мольтке, какъ это ближе всего видно изъ фактовъ послѣдней войны, поставилъ себѣ задачею жизни: *подчинить разсчету на войнѣ все, что только можетъ быть заблаговременно разсчитано, стѣснить тѣмъ до нельзя сферу случайностей и вывести изъ области творческой части стратегіи, все, что только допускаетъ механическое рѣшеніе*; поэтому онъ долженъ былъ при обсужденіи разсматриваемаго вопроса, прійти къ весьма *простой мысли* [1]): „да вѣдь вся неимовѣрная трудность положенія заключается въ томъ, что двѣ діаметрально противоположныя цѣли должны быть одновременно достигнуты одною арміею, — а если послѣднихъ будетъ двѣ и каждой изъ нихъ будетъ поставлена исключительно одна изъ этихъ двухъ цѣлей, то одна армія будетъ имѣть въ виду только бой и заботиться только о сосредоточеніи своихъ силъ, — а другая будетъ преслѣдовать только цѣль обезпеченія операціонной линіи и для этого, безъ всякаго вреда, разбрасываться“. Вѣроятно такъ, или приблизительно такъ разсуждалъ Мольтке и результатомъ такихъ разсужденій явились *тщательная организація, регулированіе военно-этапной службы*, выразившіяся въ созданіи, сверхъ *полевой* — дѣйствующей арміи, особой *резервной* арміи, исключительно предназначенной для охраненія тыла, — а результатомъ этого было снятіе съ главнокомандующаго одной изъ страшныхъ обузъ, крайне неблагопріятно отражавшейся до сихъ поръ на „*главныхъ стратегическихъ операціяхъ*“.

Изъ статьи нашей, посвященной исключительно разбору важности *подготовки, подготовительныхъ операцій*, необходимости подчиненія ихъ строгому разсчету, тщательнаго регулированія (организаціи), проглядываетъ на каждомъ шагу, до какой степени подобное ихъ регулированіе должно благотворно отразиться собственно на дѣлѣ веденія *главныхъ операцій* (маршей и битвъ), какъ это между прочимъ и видно изъ только-что разобраннаго нами вопроса.

---

[1]) Самыя простыя рѣшенія, какъ извѣстно, и приходятъ обыкновенно послѣдними на умъ.

Это благотворное вліяніе выражается ближе всего въ томъ: во 1) что къ минутѣ открытія главныхъ операцій (маршей и битвъ) сторона лучше подготовленная располагаетъ и *лучшею обстановкою*, какъ это и было въ послѣднюю войну, когда у Нѣмцевъ было 400 т., сосредоточенныхъ на 100 верстахъ противъ 200 т. французскихъ войскъ, раскинутыхъ на 300 верстахъ. И благодаря этому

во 2) что сторона лучше подготовленная захватываетъ въ свои руки *иниціативу*, т. е. ни болѣе, ни менѣе какъ господство надъ волею и умомъ противника, возможность вводить крайне капризную въ своихъ проявленіяхъ данную „волю противника" въ стратегическіе и тактическіе разсчеты не въ видѣ данной гадательной, а въ видѣ данной положительной, слѣдовательно и самое веденіе операцій, если и не обратить въ окончательно точный разсчетъ, то, по возможности, къ нему приблизить. Мало того, что сторонѣ, располагающей иниціативою, въ значительныхъ размѣрахъ, облегчается столь трудное *оріентированіе на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія*, угадываніе обстановки, обыкновенно представляющейся въ хаотическомъ видѣ, *она пріобрѣтаетъ возможность сама себѣ создавать благопріятную обстановку и навязывать ее противнику*. Весьма справедливо сравниваютъ положеніе стороны, обладающей иниціативою съ *молотомъ*, и положеніе противной стороны съ *наковальнею*. Быть ли молотомъ или наковальнею въ періодѣ главныхъ военныхъ операцій составляетъ громадную разницу, а между тѣмъ эти роли раздаетъ никто иной, какъ подготовка.

Наконецъ, 3) ранняя готовность и иниціатива даютъ сторонѣ, располагающей ими право дѣйствовать наступательно (что уже гораздо легче обороны. „On ne périt que par la défensive. Villars), возвысить этимъ нравственныя силы войскъ, перенести войну въ непріятельскую страну, въ боѣ прибѣгать къ самымъ смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, короче *тщательная подготовка доставляетъ въ высокой степени свободу и независимость главнымъ операціямъ и тѣмъ значительно облегчаетъ веденіе ихъ* („арміи, которыя были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты" и обратно).

Для большей убѣдительности сдѣланныхъ нами выводовъ не мѣшало бы разобрать конечно еще нѣсколько фактовъ, но, ни

время, ни мѣсто не позволяютъ намъ этого исполнить въ настоящемъ случаѣ. Я ограничусь только приведеніемъ взгляда *Клаузевица* на погромъ 1806 г., взгляда, какъ нельзя ближе подтверждающаго всѣ приведенныя мною положенія и, прежде всего, главное въ ряду ихъ, именно, что „арміи, которыя были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты". Онъ говоритъ: „катастрофа 1806 г. была *необходимымъ слѣдствіемъ* того состоянія, въ которомъ находились: прусская армія, народъ и политика". И въ другомъ мѣстѣ онъ полагаетъ *главную причину* погрома въ дурной организаціи и администраціи арміи, неудовлетворительномъ способѣ ея снабженія продовольственными запасами, въ неспособности выжившихъ изъ лѣтъ офицеровъ, въ слабой политикѣ, *а не столько въ операціяхъ*.

Вотъ что было высказано Клаузевицомъ, широко смотрѣвшимъ на войну и на военное дѣло [1]) тѣмъ узкимъ теоретикамъ, которые главную причину погрома видѣли исключительно въ *первоначальномъ расположеніи Прусскихъ войскъ за р. Саалою съ путемъ отступленія за флангомъ*.

И такъ новая война, новый фактъ, и такой цѣнитель дѣла какъ Клаузевицъ опять-таки подтверждаютъ справедливость разобраннаго нами основнаго положенія. По только-что приведенному мнѣнію Клаузевица, прусская армія въ 1806 г. была разбита еще до поля сраженія, до Іены и Ауэрштадта. И дѣйствительно положеніе это на столько обще, что оно, сколько намъ кажется, можетъ оказаться невѣрнымъ развѣ только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда одною изъ сторонъ командуетъ геніальный полководецъ; но геній есть прежде всего первая изъ бездны случайностей на войнѣ, на геніевъ никогда разсчитывать нельзя, ихъ приходится среднимъ счетомъ по одному на 200 лѣтъ,—да наконецъ и для генія подготовка важна (лучшій изъ Наполеоновскихъ плановъ кампаній былъ планъ кампаніи 1796 г., надъ которымъ онъ дольше другихъ работалъ), и 2) когда обѣ стороны точь въ точь одинаково готовы къ войнѣ, къ минутѣ открытія военныхъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что это случай чисто теоретическій и едва ли возможный на дѣлѣ.

Я считалъ бы свое изслѣдованіе однако далеко не полнымъ, если бы, въ видахъ болѣе осязательной оцѣнки важности подго-

---

[1]) Его взглядъ на *значеніе войны* нами приведенъ выше.

товки, рядомъ съ фактами изъ послѣдней войны, въ высокой степени поучительными въ *положительномъ* смыслѣ, касающимися прусской подготовки, не разобралъ бы, хотя бы въ главныхъ чертахъ, и фактовъ, настолько же поучительныхъ, съ точки разбираемаго нами общаго вопроса, но только въ *отрицательномъ* смыслѣ, фактовъ, касающихся французской подготовки.

Разбирая *планъ Мольтке*, мы видѣли какими онъ руководствовался пріемами, на сколько планъ его носитъ характеръ разсчета и на сколько онъ отвѣчалъ требованіямъ обстановки. Разберемъ съ тѣхъ же точекъ *планъ Наполеона*, насколько онъ сдѣлался извѣстнымъ изъ приписываемой ему брошюры „о причинахъ Седанской капитуляціи".

Наполеонъ разсчитывалъ располагать 300 т., которые онъ предполагалъ сосредоточить такъ: 150 т. у Меца, 100 т. у Страсбурга и 50 т. въ видѣ резерва у Шалона. Такое первоначальное расположеніе силъ имѣлось въ виду для развлеченія вниманія непріятеля и скрытія истиннаго намѣренія Наполеона, заключавшагося въ томъ, что какъ только сосредоточеніе армій у вышеприведенныхъ пунктовъ будетъ окончено, тотчасъ же соединить мецкую и страсбургскую арміи и, въ числѣ 250 т., переправиться черезъ Рейнъ у Максау, вторгнутыя въ южную Германію, принудить ее къ нейтралитету и далѣе двинуться на встрѣчу пруссакамъ, между тѣмъ какъ резервъ въ 50 т. долженъ былъ передвинуться изъ Шалона въ Мецъ, для обезпеченія операціонной линіи наступающей арміи, а балтійскій флотъ, крейсируя у береговъ С.-Германскаго Союза и угрожая десантомъ, отвлечь часть непріятельскихъ силъ.

Чтобы судить о достоинствахъ или недостаткахъ этого плана, необходимо, прежде всего, приложить его къ *обстановкѣ*, при которой предполагалось его привести въ исполненіе, т. е. къ извѣстнымъ условіямъ *силы, времени* и *мѣста*, такъ какъ въ безвоздушномъ пространствѣ, т. е. *помимо обстановки*, всѣ планы одинаково хороши и одинаково дурны, т. е. собственно говоря, помимо обстановки, нѣтъ ни хорошихъ, ни дурныхъ плановъ.

Обстановка, какъ выше было приведено, сложилась такъ, что въ то время, какъ къ минутѣ открытія военныхъ дѣйствій, пруссаки въ 25 дней собрали 400 т. на 100 верстахъ, французы, въ тѣ-же 25 дней могли выставить только 200 т., раскинутыхъ на 300 верстъ. Вотъ какъ на самомъ дѣлѣ должна

была сложиться обстановка (условія *силы*, *времени* и *мѣста*) для обѣихъ сторонъ.

Очевидно, такимъ образомъ, что обстановка неблагопріятствовала исполненію плана Наполеона; но теперь вопросъ: *зналъ ли онъ, что, къ минутѣ открытія военныхъ дѣйствій, обстановка сложится для него такъ неблагопріятно?* Если бы онъ склоненъ былъ *строго разсчитывать*, подобно Мольтке, а не *фантазировать*, то онъ долженъ былъ бы это знать. Данными для такого вывода ему могли бы послужить: 1) факты, касающіеся *силъ*, выставленныхъ Франціею въ 1859 г., и *времени*, употребленнаго на ихъ мобилизацію. Какъ выше было сказано, съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось во французской арміи. Въ 1859 г. Франція считала 640 т. войска. Изъ нихъ Наполеонъ предполагалъ выставить на театръ военныхъ дѣйствій 300 т. На самомъ же дѣлѣ въ Италію вступило 230 т. (въ сраженіи при Сольферино эта цифра пала до 107 т.). Мобилизація ихъ и перевозка на театръ военныхъ дѣйствій продолжалась *25 дней* (съ 20 апрѣля по 15 мая). И такъ, взвѣшивая вѣрно эти два чрезвычайно важные элементы (*силы* и *времени*), Наполеонъ III не могъ придти къ иному заключенію, что и въ 1870 г. онъ, приблизительно тѣ-же 230 т., въ тѣ-же 25 дней, можетъ сосредоточить на границѣ, и 2) изъ донесеній *Стоффеля* (военнаго агента въ Берлинѣ) Наполеону вполнѣ точно было извѣстно, что, въ теченіе 20—25 дней, С.-Германскій Союзъ можетъ выставить армію въ 540 т.

Данныхъ кажется было достаточно, чтобы вѣрно оцѣнить обстановку и, на основаніи этой оцѣнки, прійдти къ заключенію, что предполагаемый имъ планъ, при этихъ условіяхъ, неисполнимъ.

Наполеонъ III, какъ видно изъ той же брошюры, разсчитывалъ съ самаго начала на значительное превосходство нѣмцевъ, онъ предполагалъ, что они будутъ имѣть 550 т., слѣдовательно онъ считалъ ихъ вдвое сильнѣе, но это численное ихъ превосходство онъ разсчитывалъ парализовать *быстрымъ наступленіемъ* по ту сторону Рейна („Ce plan, какъ говоритъ онъ въ брошюрѣ, n'avait de chance de réussite qu'en gagnant l'ennemi de vitesse“). При этомъ условіи, *при особенной способности французской арміи къ быстрымъ движеніямъ*, онъ имѣлъ право разсчитывать на успѣхъ; но спрашивается, имѣлъ ли онъ, послѣ всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя ему должны были быть

хорошо извѣстны, право разсчитывать на эту быстроту? Развѣ онъ не зналъ: 1) что, въ то время, какъ прусскій солдатъ несъ на своихъ плечахъ снаряженіе въ 65 фунтовъ, французскій несъ снаряженіе въ 85 фунтовъ. Развѣ ему не было извѣстно 2) что, въ то время, какъ французскія войска были загромождены массою повозокъ, *непосредственно* слѣдовавшихъ за войсками и страшно стѣснявшихъ и скорость движенія послѣднихъ и свободу ихъ дѣйствій [1]), прусскія войска, имѣя никакъ не меньшее, въ общемъ итогѣ, число повозокъ, распредѣляли ихъ такъ, что непосредственно при войскахъ находилось лишь только крайне ограниченное число повозокъ, въ которыхъ могла оказаться ежеминутная надобность, а остальныя слѣдовали за войсками отъ ½ перехода до 1 перехода, нисколько не стѣсняя, ни скорости движенія войска, ни свободы ихъ дѣйствій, образуя за ними какъ бы особую *обозную армію*, двигавшуюся и маневрировавшую позади *войсковой арміи*. Наконецъ развѣ ему не былъ извѣстенъ

---

[1]) Въ послѣднюю войну обстоятельство это не замедлило обнаружиться въ полномъ блескѣ. Масса повозокъ, *непосредственно* слѣдовавшихъ за французскими войсками, была такъ велика и такъ была неловко распредѣлена, что общая глубина корпуса (войскъ и обозовъ) въ походѣ доходила до 25 верстъ, а, принимая въ разсчетъ неизбѣжное растягиваніе колоннъ во время движенія, она доходила даже до 40—45 верстъ (10—11 часовъ во времени).

До чего же должны были возрасти затрудненія, *когда*, по обстоятельствамъ, *двѣ корпуса должны были слѣдовать одинъ за другимъ*, это видно изъ приступа къ исполненію Седанской операціи, изъ движенія XII и V корпусовъ отъ Шалона къ Реймсу. Они должны были слѣдовать по одной и той же дорогѣ, впереди XII корпусъ, за нимъ V. далѣе обозъ V корпуса, и, наконецъ, обозъ XII корпуса (длина перехода 35 верстъ). XII корпусъ, выйдя изъ Шалона на разсвѣтѣ, прибылъ къ Реймсу лишь поздно вечеромъ, V не дошелъ до Реймса на 12 верстъ и остановился у Силлери, обозъ V-го корпуса долженъ былъ остановиться по дорогѣ позади Силлери, а обозъ XII корпуса не могъ даже вполнѣ вытянуться изъ Шалона. Результатомъ всего этого было, помимо медленности движенія, крайнее утомленіе войскъ и лишеніе ихъ необходимыхъ удобствъ, такъ какъ на ночлегѣ большая часть войскъ осталась безъ обозовъ.

Тоже видимъ мы и въ *маршѣ VII* корпуса (Дуэ) *29 и 30 августа*. 29 августа корпусъ этотъ долженъ былъ перейти изъ Бельвиля въ Ла-Безасъ, а 30 перейти р. Маасъ у Музона. Будучи загроможденъ большимъ обозомъ и, въ тоже время, обезпокоиваемъ непріятелемъ, во время марша, онъ двигается крайне медленно и 29 числа доходитъ только до Ошъ, ставя себѣ, во время марша, главною задачею *прикрытіе своего транспорта* и, на слѣдующій день (30), на столько былъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ этимъ спеціальнымъ назначеніемъ, что не могъ своевременно поддержать сосѣдній V корпусъ, подвергшійся печаянному нападенію при Бомонѣ. Вотъ какого рода сковывающее вліяніе на операціи обнаружено было этими громадными обозами, которыми были загромождены французскія войска и вотъ почему, чтобы не попасть въ описанное положеніе VII корпуса, французскіе корпусные командиры не рѣдко предпочитали бросать свои обозы. Вотъ факты, которые свидѣтельствуютъ о малой способности французскихъ армій къ быстрымъ движеніямъ и которые сдѣлались общеизвѣстными лишь послѣ войны, но французскіе генералы и Наполеонъ, зная устройство обозной части въ своей арміи, должны были бы это предвидѣть.

3) и тотъ фактъ кампаніи 1859 г., который такъ мѣтко свидѣтельствовалъ на сколько французская армія была мало способна къ быстрымъ движеніямъ, именно что пространство отъ Мадженты до Сольферино было пройдено *со скоростью 7 верстъ въ 1 день.* Вотъ цѣлый рядъ точныхъ данныхъ, которыя Наполеонъ долженъ былъ бы имѣть въ виду и которыя если бы имъ были приняты въ разсчетъ, то онъ долженъ былъ бы себѣ сказать, что и на быстроту движеній своихъ войскъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права разсчитывать, а слѣдовательно не можетъ принять къ исполненію и вышеприведеннаго плана. Тѣмъ не менѣе онъ не отказывается же отъ него, когда условія времени, условія силы и неспособность его арміи къ быстрымъ движеніямъ, самымъ настоятельнымъ образомъ говорятъ противъ него. На что же, послѣ этого, онъ продолжаетъ разсчитывать, упорствуя въ сохраненіи плана? *Можетъ быть на благопріятныя для него политическія условія?*

Тщательный анализъ показываетъ, что Наполеонъ III и на это разсчитывать не могъ. На *союзъ съ Южною Германіею,* послѣ заключенныхъ ею трактатовъ съ Сѣверною Германіею, нечего было разсчитывать. Наполеонъ на него прямо и не разсчитывалъ, а предполагалъ только быстрымъ захватомъ линіи Майна *принудить Южную Германію къ нейтралитету;* но и это предположеніе нельзя признать основаннымъ на вѣрномъ разсчетѣ, такъ какъ для того, чтобы принудить Южную Германію, располагавшую 100 т. войскъ, необходимо было бы оставить столько же или по крайней мѣрѣ 50 т., да столько же minimum, чтобы обезпечить тылъ, чтобы парализовать гарнизоны кр. Майнца, Гермерсгейма, Раштадта и Ландау, итого по крайней мѣрѣ 100 т.; что же онъ сдѣлалъ бы съ остальными 130 т., по ту сторону Майна противъ по крайней мѣрѣ 300 т. сѣверогерманскихъ войскъ? Очевидно, такимъ образомъ, что если бы даже французская армія располагала способностью къ быстрымъ движеніямъ, еслибъ Наполеонъ III предупредилъ даже пруссаковъ въ захватѣ линіи Майна, то далѣе его ожидала та же неудача. До такой степени всѣ разсчеты Наполеона III были шатки, съ какой бы стороны на нихъ ни взглянуть [1]). На

---

[1]) Разсматривая открытіе кампаніи, какъ оно было задумано по плану Наполеона III, нельзя не замѣтить въ немъ большаго сходства съ открытіемъ кампаніи 1806 г. Наполеономъ I-мъ (таже линія Майна, таже французская и прусская арміи); но, вникая ближе, не трудно будетъ убѣдиться, что это сходство

союзъ съ Австріею, занятою въ это время политическою реформою (устройствомъ новыхъ отношеній между обѣими половинами Имперіи) и военною реформою, вызванною неудачами 1866 г., онъ тоже не могъ разсчитывать. Что касается до *Италіи*, то, не смотря на личное къ нему расположеніе короля Виктора Эммануила, не смотря на содѣйствіе Наполеона къ возвращенію Ломбардіи и Венеціи, итальянскій народъ не могъ простить ему отторженіе Ниццы и Савои, а итальянскіе патріоты занятія Рима. При такихъ условіяхъ, нельзя было разсчитывать и на содѣйствіе Италіи.

Наконецъ, если бы даже *Австрія* и *Италія* были расположены оказать содѣйствіе Наполеону, то этому мѣшало чрезвычайно важное обстоятельство, именно: *война была объявлена слишкомъ внезапно*; такъ что ни та, ни другая не могли изготовиться къ ней.

И такъ ни *политическія условія*, ни *свойства французской арміи* (мы имѣемъ, на этотъ разъ, въ виду только ея малую способность къ быстрымъ движеніямъ), ни условія *силы*, *времени* и *мѣста*, короче, *обстановка*, — ничто не способствовало къ исполненію плана Наполеона III, который, послѣ всего этого, является какимъ-то произведеніемъ *фантастическимъ*, *стратегическою химерою*, измышленною пылкимъ воображеніемъ („A la guerre il ne faut jamais se faire des tableaux" говоритъ Наполеонъ I, т. е. не слѣдуетъ давать, на войнѣ, слишкомъ разгуливаться воображенію).

Сравнивая планъ Наполеона III съ планомъ Мольтке, нельзя не замѣтить, что эти два плана, во всѣхъ отношеніяхъ, представляютъ рѣшительный контрастъ:

У *Мольтке* мы видимъ прежде всего основательное изслѣдованіе, самый тщательный анилизъ обстановки, условій: *силы*,

---

лишь чисто *внѣшняго* свойства и что, по *внутреннему содержанію*, между положеніемъ Наполеона III, еслибы ему и удалось захватить линію р. Майна, и между положеніемъ Наполеона I, на той же линіи въ 1806 г., существуетъ громадная разница. И дѣйствительно: 1) крѣпости по Майну и Рейну находились въ рукахъ Наполеона I, благодаря чему тылъ его былъ вполнѣ безопасенъ; Наполеону же III, для этой цѣли, необходимо было бы отдѣлить до 100 т.; и 2) у Наполеона I было подъ рукою, въ минуту открытія военныхъ дѣйствій до 200 т. превосходныхъ войскъ, предводимыхъ геніальнымъ полководцемъ, противъ 150 т. хотя и храбрыхъ солдатъ, но дурно предводимыхъ. У Наполеона же III, какъ выше приведено, было бы 130 т. войскъ, дурно предводимыхъ противъ покрайней мѣрѣ 300 т. войскъ одного С. Германскаго Союза и притомъ войскъ, превосходно предводимыхъ. Какая безконечная разница въ положеніи обоихъ Наполеоновъ!

времени и *мѣста*. Приступая къ *комбинаціямъ*, къ разбору наиболѣе вѣроятныхъ гипотезъ, Мольтке начинаетъ съ наименѣе благопріятныхъ для себя, переходя постепенно все къ болѣе и болѣе благопріятнымъ; онъ начинаетъ и долѣе всего останавливается на оборонѣ и, въ заключеніе, переходитъ уже къ обсужденію наступательныхъ гипотезъ, а, въ концѣ концовъ, окончательное рѣшеніе вопроса *о сосредоточеніи войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій* пріурочиваетъ къ наименѣе благопріятному для себя условію, даже мало вѣроятному, но тѣмъ не менѣе возможному, именно что французы съ 150 т. немобилизованныхъ войскъ перейдутъ границу. Отъ того и весь планъ Мольтке имѣетъ характеръ *строгаго разсчета* на столько строгаго, на сколько вообще могутъ быть таковы планы на войнѣ.

Вотъ *пріемы* (метода), которымъ слѣдуетъ подражать.

У *Наполеона III* мы видимъ все на оборотъ. Ни малѣйшаго разсчета, и лишь только однѣ иллюзіи, вообще цѣлый рядъ пріемовъ, которымъ не должно подражать и противъ которыхъ слѣдуетъ предостерегать, тѣмъ болѣе что большинство общества, не вникая въ основаніе, въ *суть* стратегіи, именно склонно, въ стратегическихъ вопросахъ, скорѣе *фантазировать* à la Napoléon III, чѣмъ *разсчитываетъ* à la Moltke.

Поставленный нами вопросъ „о значеніи подготовки къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ частности“ мы полагаемъ достаточно уясненъ настоящимъ изслѣдованіемъ; но намъ могутъ замѣтить *„что тутъ нѣтъ ничего новаго“* – первое изъ обыкновенныхъ возраженій людей легкаго закала (мы очень хорошо знаемъ, что для нихъ нѣтъ ничего новаго, разъ какъ они все знаютъ и это прежде всего потому, что они ничего не изучаютъ) и что всѣ приведенныя мною выгоды тщательной подготовки понимаются и всегда понимались если не всѣми, то большинствомъ. На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что если это и понималось большинствомъ, то никакъ не болѣе какъ *инстинктивно* и *поверхностно*, а такое пониманіе почти равносильно непониманію. Необходимо *вполнѣ сознательное* пониманіе важности подготовки и вѣрнѣйшимъ путемъ къ тому мы считаемъ путь тщательнаго анализа значенія подготовки, на основаніи фактовъ военной исторіи, путь, который нами и былъ избранъ, въ настоящемъ случаѣ.

Такимъ образомъ едвали понимали *сознательно* важное значеніе подготовки Наполеонъ III и всѣ французскіе генералы, стоявшіе въ главѣ французской арміи въ послѣднюю войну? Едва ли *сознательно* понимали важность подготовки тѣ, которые, въ періодъ читаемыхъ мною публичныхъ лекцій о войнѣ 70—71 г., меня упрекали въ томъ, что я не бросился прямо *на* поле сраженія, не обратился прямо къ разбору маршей и битвъ, а изъ 10 лекцій почти половину (4-ре) употребилъ на изслѣдованіе вопроса о подготовкѣ обѣихъ сторонъ. Наконецъ едвали *сознательно* понимаютъ важность подготовки тѣ изъ военныхъ историковъ, — а упрекъ этотъ касается большинства ихъ, — которые на подготовку и на подготовительныя операціи не обращаютъ или никакого вниманія, или мало? Большинство и теперь склонно понимать подъ военною исторіею только описаніе и разборъ маршей и битвъ, между тѣмъ какъ подобные трактаты правильнѣе всего, на основаніи ихъ внутренняго содержанія, могли бы быть названы *стратегическими и тактическими описаніями войны* (кампаніи), — но никакъ не военною исторіею. Послѣ всего этого нельзя сказать, чтобы это столь важное дѣло было бы вполнѣ правильно поставлено, между тѣмъ какъ именно *раціональное изученіе военной исторіи* и представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ *лучшую* (хотя и очень трудную) школу для военныхъ. Военная исторія вселяетъ глубокое уваженіе къ обстановкѣ, она показываетъ, что можно исполнить при тѣхъ или другихъ условіяхъ; она вселяетъ уваженіе къ неизмѣннымъ основнымъ принципамъ и освоиваетъ, въ тоже время, съ безконечною гибкостью въ дѣлѣ ихъ примѣненія, подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ условій обстановки; — *она пріучаетъ къ тщательной работѣ анализа и къ вѣрнымъ разсчетамъ, чѣмъ надѣваетъ узду на воображеніе и спасаетъ отъ иллюзій, химеръ и увлеченій.* Наконецъ только одни обширные военно-историческіе труды, т. е. настойчивая и продолжительная работа мысли въ одномъ и томъ же направленіи ведетъ къ вполнѣ *сознательному* пониманію всего, касающагося *сущности* военнаго дѣла. Нѣтъ ничего легче, какъ обнять умомъ главныя основныя положенія военнаго дѣла, — они крайне просты, даже элементарны; но, не смотря на ихъ простоту, они сплошь и рядомъ забываются и нарушаются на практикѣ. Все это показываетъ, что понимать ихъ еще значитъ весьма мало, ихъ надо сознательно носить въ се-

бѣ, ихъ слѣдуетъ воплотить въ себя, не иначе, конечно, *какъ путемъ безпрестаннаго повторенія ихъ, непрерывной работы надъ ними*, и въ этомъ отношеніи обильные военно-историческіе труды, раціонально направленные, являются самымъ дѣйствительнымъ средствомъ. Чтеніе философскихъ, догматическихъ трактатовъ производитъ *легкое* впечатлѣніе, легко изглаживаемое временемъ. Тщательное же изученіе военной исторіи,— чѣмъ обширнѣе и глубже въ тоже время, тѣмъ лучше, — производитъ впечатлѣніе болѣе глубокое, котораго время уничтожить не можетъ. Прочтите внимательно хоть *10 теоретическихъ трактатовъ*, разбирающихъ вопросъ о важности подготовки къ войнѣ, я не поручусь за то, чтобы вы *вполнѣ сознательно* и *навсегда* проникались бы этою важностью и притомъ на столько, чтобы никогда не погрѣшить противъ нея на дѣлѣ. Изучите основательно только *одну* послѣднюю войну съ точки подготовки и этого одного уже будетъ достаточно для вполнѣ *сознательнаго* пониманія ея важности. Главную причину того явленія, что большинство до сихъ поръ слишкомъ легко относилось къ столь важному дѣлу подготовки, я положительно отношу на долю недостатковъ военной исторіи.

МОМЕНТЫ

ИСТОРІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕЧАТИ.

И. Я. ФОЙНИЦКАГО,

ДОЦЕНТА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

„Quand l'impie a porté l'outrage au sanctuaire,
Tout fuit le temple en deuil de splendeur depouillé.
Mais le prêtre fidèle, à genoux sur la pièrre,
Prodigue plus d'encens, répant plus de prière,
Courbe plus bas son front devant l'autel souillé.
Victor Hugo.

I.

Столица Франціи приготовлялась слѣдить въ 1465 году за процессомъ о волшебствѣ, совершенно новомъ по своему содержанію. Нѣкто Иванъ Фустъ, майнцскій горожанинъ, пріѣхалъ въ Парижъ съ невиданными до тѣхъ поръ экземплярами Biblia latina, выдавалъ ихъ за рукописи и успѣлъ распродать часть ихъ съ большою для себя выгодою. Извѣстный покровитель наукъ и искусствъ, король Людовикъ XII, впослѣдствіи щедро заплатилъ за одинъ изъ нихъ. Но поразительное сходство всѣхъ экземпляровъ[1], замѣчательная по своей точности отдѣлка буквъ и гравюръ въ этомъ изданіи, дали чиновникамъ города Парижа поводъ заподозрить здѣсь участіе сатаны, и Фустъ очутился въ тюрьмѣ. Наступившая чума (1466 года) похитила узника, и

судебное преслѣдованіе типографскаго искусства, незадолго передъ тѣмъ открытаго Гуттенбергомъ, осталось на этотъ разъ безъ послѣдствій [1]).

Но на сколько таинственны были первые шаги типографскихъ произведеній, на столько же быстро вошло это искусство въ жизнь человѣчества [2]). Масса условій, сложившихся къ тому времени, подготовили ему богатую почву и вызвали его какъ необходимое явленіе времени, какъ самую характерную черту эпохи. Зарожденіе книгопечатанія неразрывно связано съ періодомъ возрожденія наукъ, безъ него Гуттенбергъ былъ бы не мыслимъ и имъ, можно сказать, созданъ Гуттенбергъ. Любовь къ чтенію, охватившая, вслѣдствіе открытія замѣчательныхъ произведеній классическаго міра, сначала Италію, затѣмъ Францію, Германію и Англію, побуждавшая папъ на симонію, а королей — на войны для захвата силою у своихъ вассаловъ такихъ сочиненій, которыя они не уступали добровольно, — достигаетъ своего апогея въ половинѣ XV ст. Рукописный трудъ оказался недостаточнымъ для удовлетворенія громаднаго запроса, поставленнаго на книгу [3]). Не только короли и владѣльцы

---

[1]) Приведенный фактъ сообщается многими историками типографскаго искуства, берущими его у *De-la-Caille*, Histoire de l'imprimerie et de la librairie où l'on voit son origine et son progrès jusqu'en 1689. A Paris, 1689, avec privilège du Roy. Въ прежнее время печатныя книги выдавались за рукописи, съ цѣлію сбыть ихъ подороже; типографы направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы по формѣ онѣ какъ можно ближе напоминали рукописи, а общество, видя въ нихъ поддѣлку рукописей, избѣгало какъ всякую другую поддѣлку. Лишь изрѣдка типографы рѣшались отмѣчать на напечатаемыхъ книгахъ, что онѣ приготовлены «безъ пера и чернила» или «свинцовою рукою». См. Библіографическія записки 1858 года, «Книжная келья» Минцлофа.

[2]) До 1501 года, по вычисленіямъ Petit-Radel, всѣ европейскія типографіи напечатали 5,153,000 экземпляровъ книгъ различной величины и формата. Дану, находя эту цифру нѣсколько преувеличенною, полагаетъ, что число всѣхъ напечатанныхъ до 1501 г. экземпляровъ не превышало *четырехъ* милліоновъ. Въ первые 36 лѣтъ XVI ст., по вычисленіямъ Petit-Radel, европейскія типографіи оттиснули уже 17,779,000 экземпляровъ, т. е. въ $3^1/_2$ раза больше чѣмъ въ предъидущій 36-лѣтній періодъ. Впослѣдствіи увеличеніе типографской работы шло еще въ большихъ размѣрахъ.

[3]) Доказательствомъ служатъ весьма высокія цѣны на рукописи въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. За рукопись Тита Ливія можно было купить дачу близъ Флоренціи; по вычисленію Дану, средняя цѣна на одну рукопись во Франціи въ XIV и XV ст. была отъ 400 до 500 франковъ; студенты Сорбонны платили своимъ профессорамъ за лекціи перепискою одного-двухъ сочиненій. См. *Peignot*, Essai historique sur la liberté d'écrire chez les anciens et au moyen âge, стр. 21, 22. Въ Россіи рукописи также были мало доступны по своимъ высокимъ цѣнамъ; въ 1288 кн. Владиміръ Васильковичъ, въ числѣ прочихъ вещей, пожертвовалъ въ церковь св. Георгія въ Любашѣ списанный молитвенникъ, оцѣненный въ 8 гривенъ кунъ; 7 гривенъ кунъ равнялись 10 рублямъ. См. *Собраніе Русскихъ лѣтописей*, II, стр. 323.

замковъ, но даже мало-мальски зажиточные горожане стали чувствовать потребность въ книгѣ, какъ въ лучшемъ орудіи науки. Протестантизмъ не замедлилъ возвести эту потребность въ религіозную догму; соціальное броженіе того времени, выдвигавшее города и затемнявшее замки, сдѣлало ее политическою необходимостью; расширеніе торговаго рынка открытіемъ иныхъ, невѣдомыхъ до того времени, странъ свѣта, требовало удовлетворенія ея какъ весьма важной коммерческой необходимости [1]). Удовлетворяемыя долго весьма недостаточно, доросшія уже до значительныхъ размѣровъ, эти потребности подготовили широкое примѣненіе типографскому дѣлу. Гуттенбергъ умеръ въ бѣдности и процессахъ за свое изобрѣтеніе, какъ бы подтверждая на себѣ тотъ законъ злаго рока, въ силу котораго великія изобрѣтенія приносятъ пользу всѣмъ, кромѣ ихъ творцовъ. У него оспаривали даже честь его изобрѣтенія, которое, по словамъ Дидо (Didot), „отдѣляетъ старый міръ отъ новаго, открываетъ новый горизонтъ человѣческому генію и, благодаря тѣсной связи съ міромъ идей, образуетъ какъ бы новое чувство, которымъ мы одарены съ XV стол.“ Но уже его ближайшіе преемники могли пожать обильные плоды съ посаженной имъ идеи, а въ настоящее время трудно найти уголокъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, который не считалъ бы типографію самою настоятельною потребностью жизни.

Едва-ли какое либо другое изобрѣтеніе было такъ обильно послѣдствіями, произведенными имъ въ судьбахъ человѣчества, какъ именно книгопечатаніе. Обнять ихъ во всей полнотѣ не можетъ самое богатое воображеніе, а изслѣдователю соціальныхъ явленій, обязанность котораго—строить общіе выводы на основаніи частныхъ данныхъ, подлежащихъ совершенно точному констатированію, задача эта еще менѣе по силамъ. Ему доступны лишь

---

[1]) Каждый видъ этой потребности создалъ особый родъ печатныхъ произведеній, каждый отразился своеобразными послѣдствіями на продуктахъ типографскаго станка и на отношеніяхъ къ нимъ государственной власти. Наука и религія создали книгу, политика — памфлетъ, торговля — газету. Чѣмъ болѣе у даннаго народа преобладаетъ та или другая потребность, тѣмъ сильнѣе развита въ ней и соотвѣтствующая отрасль литературы. Ученая Германія богата книгами, Англія и Америка, самая политика и наука которыхъ окрашены коммерческимъ цвѣтомъ — періодическими произведеніями, Франція — памфлетами. Это явленіе наблюдается даже въ исторіи націй. Вся періодическая печать Франціи во время первой революціи была печатью памфлетовъ; фронда, эпоха борьбы англійскаго парламета съ короной, время борьбы за освобожденіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ — ихъ золотой вѣкъ.

весьма немногія стороны этого вліянія, отражающіяся замѣтными измѣненіями соціальныхъ отношеній, между тѣмъ какъ почти вся обширная область измѣненій индивидуальныхъ, каждый день и каждый часъ производимыхъ теперь книгопечатаніемъ, совершенно скрыты отъ его анализа. Доступныя наукѣ соціальныя измѣненія, вызванныя книгопечатаніемъ, притомъ, могутъ быть въ точности опредѣлены лишь на основаніи предварительнаго знакомства съ отношеніями государства и общества къ литературѣ, которыя существовали до изобрѣтенія типографскаго станка. Съ нихъ мы и должны, поэтому, начать наше изслѣдованіе.

II.

Потребность въ обновленіи и обмѣнѣ мыслей посредствомъ чтенія находила себѣ удовлетвореніе и до изобрѣтенія книгопечатанія. За отсутствіемъ машинъ здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, прибѣгали къ работѣ рукодѣльной: манускрипты отправляли функціи печатныхъ книгъ. Къ исходу среднихъ вѣковъ, потребность эта доросла до размѣровъ весьма почтенныхъ и вызвала регламентацію довольно обширнаго класса переписчиковъ, переплетчиковъ, рисовальщиковъ и книгопродавцевъ, созданнаго этою потребностью. Опредѣлить съ *одной стороны* природу и движеніе идей, произведшихъ эту регламентацію, *съ другой* — содержаніе ея и цѣли, которыя преслѣдовались ею, — такова наша ближайшая задача.

Для рѣшенія перваго вопроса, существенную важность имѣетъ законъ историческаго развитія духовнаго состоянія человѣка, добытый новѣйшими изслѣдованіями по антропологіи и философіи исторіи, каковы работы Кондорсе, Огюста Конта, Тэйлора, Лекки и др. Человѣкъ молодой, начинающейся культуры вступаетъ въ жизнь съ крайнимъ субъектированіемъ всѣхъ окружающихъ его явленій. Онъ или переноситъ на себя качества внѣшней природы и глубоко вѣритъ въ непосредственную отъ нихъ зависимость самого себя, или на явленія и силы природы переноситъ свои собственныя качества. Глотаніе твердыхъ камешковъ, по мнѣнію многихъ дикихъ народовъ, должно сообщать человѣку твердость духа; они остерегаются ѣсть передъ войною мясо серны какъ животнаго боязливаго, опасаясь пріобрѣсти это качество, а римскіе солдаты еще во времена императорскія обра-

щались къ своимъ волхвамъ за зубами тигровъ, леопардовъ и т. п. хищныхъ звѣрей, въ полной увѣренности, что имѣя ихъ на себѣ они пріобрѣтутъ и хищныя свойства этихъ животныхъ. Во всемъ мірѣ люди молодой культуры видятъ такія-же живыя существа, какъ они сами, одаренныя тѣми же физическими и душевными силами, какъ и у нихъ. Отъ бичеванія человѣкъ испытываетъ боль, — и это ощущеніе, безъ всякой его провѣрки, Ксерксъ переноситъ на море и бичуетъ его за дурное поведеніе во время переправы его флота. Не умѣя еще повелѣвать природой при помощи наблюденія законовъ, управляющихъ ею, но заключая въ себѣ обширный запасъ повелѣвательныхъ стремленій, — естественный результатъ необходимости удовлетворенія различныхъ потребностей физическаго существованія, — человѣкъ того времени находитъ имъ единственный выходъ въ отожествленіи качествъ силъ природы со своими собственными. Его воображеніе представляетъ себѣ силы природы такими же живыми существами или проявленіями такихъ же живыхъ существъ, какъ онъ самъ, и къ нимъ-то онъ обращается съ просьбами, мольбами и заклинаніями для достиженія своихъ желаній. На тѣхъ раннихъ ступеняхъ культуры, когда человѣкъ всецѣло зависитъ отъ стихійныхъ силъ, принаравливать которыя къ своимъ потребностямъ и управлять которыми еще не научила его жизнь, онъ необходимо чувствуетъ сильное ихъ тяготѣніе надъ его участью и склоненъ признавать ихъ проявленіями другихъ высшихъ существъ, съ которыми трудно бороться его слабой природѣ. Потому-то ему открывается настоятельная необходимость войти въ близкія сношенія съ представителями этихъ силъ, чтобы однихъ задобрить въ свою пользу. другихъ сдѣлать для себя безвредными, становясь подъ покровительство ихъ антагонистовъ. Его молодое воображеніе наполняетъ весь міръ такими существами, и вся пытливость его ума направляется къ распознаванію и ублаженію ихъ. Отсюда — фетишизмъ, смѣняющійся потомъ политеизмомъ, какъ первичная форма религіозной идеи; отсюда же — безконечная цѣпь примѣтъ, ежеминутные обряды, условные знаки, слова и талисманы. Тамъ, гдѣ человѣка безапелляціонно косятъ болѣзни, раззоряютъ бури и наводненія, гдѣ покровомъ отъ стужи и непогодъ служатъ небесный сводъ, дрянная яма, да полдесятка истлѣвшихъ листьевъ, гдѣ на каждомъ шагу его ожидаютъ опасности со стороны дикихъ звѣрей и не менѣе дикихъ людей, — тамъ существуетъ богатая масса

условій, заставляющихъ его всюду опасаться грозныхъ враговъ, мощь которыхъ значительно превышаетъ его слабыя силы. Ихъ-то онъ олицетворяетъ въ представителей, преслѣдующихъ его силъ природы, а чувство самосохраненія побуждаетъ его присоединить къ этому циклу сверхъестественныхъ существъ другую, болѣе благопріятную для него группу ихъ.

Только мало по малу, по мѣрѣ накопленія знаній и развитія способности сопоставлять ихъ между собою, сравнивать ихъ и дѣлать изъ наблюдаемыхъ явленій опытные выводы, человѣкъ начинаетъ отдѣлять себя отъ остальнаго міра, прилагая къ послѣднему критерій оцѣнки, который дается его собственными законами. Съ этой поры, начинается новое отношеніе человѣка къ окружающимъ его явленіямъ, и тѣ субъективныя краски, та непосредственность между ними и человѣкомъ, которыя характеризуютъ дѣтство исторіи, болѣе и болѣе сглаживаются, уступая мѣсто объективному отношенію человѣка къ окружающему міру. Явленія сна, которыя человѣкъ молодой культуры склоненъ признавать дѣйствительными существами иного міра, посѣщающими его во время отдыха, дающими ему совѣты и предостереженія свыше, начинаютъ затѣмъ разсматриваться какъ естественные продукты мозговой работы спящаго, не имѣющіе ничего общаго съ представляемыми ими образами. Талисманы и примѣты теряютъ прежнюю обаятельную силу, воображеніе получаетъ для своей работы другое направленіе. Этотъ переходъ отъ субъективнаго пониманія внѣшнихъ явленій къ объективной ихъ оцѣнкѣ, это прекращеніе непосредственности связи между человѣкомъ и внѣшней природой для однихъ отношеній наступаетъ раньше, для другихъ позднѣе; сложныя явленія поддаются дѣйствію этого процесса медленнѣе, чѣмъ простыя; нѣкоторые кружки общества удерживаютъ прежніе взгляды долго послѣ того, когда другіе успѣли уже отрѣшиться отъ нихъ и стали на новую почву мысли; отживающія представленія отходятъ въ область предразсудковъ и суевѣрій, кругъ которыхъ постепенно съуживается. Но нерѣдко даже въ тѣхъ классахъ общества, которые смѣются надъ предразсудками своихъ младшихъ собратій, долго еще можно найти массу представленій и взглядовъ, имѣющихъ свои корни въ старомъ, уже отжившемъ порядкѣ крайняго субъективизма. Это именно явленіе, какъ увидимъ, объясняетъ массу фактовъ въ исторіи законодательства и практики по дѣламъ печати.

Намѣченный выше законъ духовнаго развитія человѣка не могъ не коснуться и той группы явленій, которыя встрѣчаютъ его при самомъ рожденіи, сопровождаютъ каждый шагъ его жизни, даютъ ему семью и ближнихъ людей, т. е. явленій соціальныхъ, которыя ложатся въ основаніе юридическаго быта народовъ. Исторія права, въ самомъ дѣлѣ, открывается картинами, совершенно чуждыми современному правосостоянію. Смѣшеніе субъективнаго съ объективнымъ на раннихъ страницахъ ея выступаетъ весьма замѣтно. Идя, вслѣдствіе инстинктивнаго чувства самосохраненія, къ удовлетворенію своихъ потребностей, и, сталкиваясь съ потребностями другихъ, человѣкъ того времени, не наученный еще признавать ихъ, относиться къ нимъ объективно, стремится дать выходъ своимъ желаніямъ полнымъ отрицаніемъ желаній ближняго. Потребности другихъ представляются ему голыми интересами, которые становятся призрачными, какъ только съ ними сталкиваются его собственные интересы. Понятно, что и со стороны другихъ онъ долженъ встрѣчать тоже отношеніе. Правъ еще нѣтъ, есть только субъективные интересы; нѣтъ правонарушеній, а только оскорбленіе субъективнаго чувства господства или власти, „обида"; не можетъ быть, поэтому, и спора о правахъ, а лишь столкновеніе между обидчикомъ и обиженнымъ. Выходъ изъ этого положенія единственный — на чьей сторонѣ больше силы, интересы того крѣпче, лучше. Пока интересъ не сталъ правомъ, пока онъ не признанъ другими и имѣетъ единственнаго защитника и представителя въ лицѣ заинтересованной стороны, до тѣхъ поръ замиреніе сталкивающихся интересовъ возможно только при посредствѣ физической силы, путемъ битвы противниковъ. Месть за обиду, самовольная расправа съ обидчикомъ самаго обиженнаго, его рода и общины - вотъ чѣмъ замѣняется судъ среди народовъ ранней культуры. Зарожденіе общественной власти и суда имѣетъ корни въ начинающемся порядкѣ объективированія, переносимомъ въ сферу юридическихъ отношеній, и въ свою очередь содѣйствуетъ его упроченію. Интересы признаются третьими и превращаются въ права; дѣйствительность ихъ стоитъ уже въ зависимости не отъ субъективнаго желанія и силы ихъ представителей, а отъ голоса третьихъ лицъ, вѣщаемаго по напередъ слагающимся началамъ. Тотъ повсемѣстный фактъ, въ силу котораго дѣятельность молодой власти носитъ преобладающій, а нерѣдко даже исключительный характеръ судебнаго разсмотрѣнія споровъ частныхъ лицъ и обще-

ственныхъ кружковъ, показываетъ, что потребность объективированія въ юридической сферѣ была весьма настоятельна. Но смѣна одного порядка другимъ, разумѣется, не могла совершиться сразу: природа не дѣлаетъ скачковъ, исторіи необходимы переходные періоды. Исторія государственной власти представляетъ лишь поступательное движеніе этого закона духовнаго развитія. Глядя на нее съ такой точки зрѣнія, мы можемъ различить въ ней слѣдующіе періоды: *теократическій, владѣльческій* или *вотчинный, попечительный, полицейскій и правовой.*

На первыхъ страницахъ лѣтописей каждаго народа мы встрѣчаемъ сказаніе о божескомъ происхожденіи общества, государства и власти. Духовенство, какъ органъ воли божества, стоитъ во главѣ управленія, опираясь на классъ воиновъ, подающій ему руку. Власть и каждый актъ ея дѣятельности — не земного, а божескаго происхожденія, какъ и всѣ блага міра, всѣ хорошія и дурныя стороны вселенной. Дѣйствуя именемъ божіимъ, власть охраняетъ себя подъ прикрытіемъ той-же идеи. Какъ представительница на землѣ велѣній высшаго существа, она объявляетъ за собою исключительное право толкованія ихъ и ревностно противодѣйствуетъ всякому враждебному посягательству. Дѣла рукъ человѣческихъ никогда не встрѣтили-бы такой защиты, общество никогда не дошло бы такъ быстро до такой прочной организаціи и подчиненности низшихъ высшему, если бы къ сознанію его членовъ не примѣшивалась первоначально мысль, что того требуютъ высшія силы, что повиновеніе необходимо для исполненія воли Творца вселенной.

Уступая мало по малу бразды правленія кастѣ воиновъ, духовенство вмѣстѣ съ тѣмъ уступаетъ ей и тотъ порядокъ представленій, которыми оно руководилось въ своей дѣятельности. Но практика новыхъ органовъ сообщаетъ имъ новыя краски. Духовенство дѣйствуетъ какъ органъ небесныхъ силъ на землѣ, какъ исполнитель велѣній божества, съ которымъ оно стоитъ въ непосредственной связи; оно проводитъ не свою волю, а Его желанія, голосу духовенства повинуются, только потому, что въ каждомъ звукѣ его видятъ волю божества. Власть свѣтская, также считая себя намѣстникомъ божества, объявляетъ однако за собою гораздо большую долю самостоятельности, чѣмъ на какую могло претендовать духовенство. Послѣднее каждый актъ своей дѣятельности сводитъ къ велѣніямъ высшихъ силъ; свѣтское правительство

концентрируетъ въ самомъ себѣ всю полноту соціальной жизни, указываетъ на свою, свыше данную ему власть, какъ на источникъ всего юридическаго строя общежитія, нормируетъ интересы частныхъ гражданъ по своему усмотрѣнію, съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ. Представитель правительства становится хозяиномъ государства, единственнымъ распорядителемъ по своему произволу всѣмъ ходомъ соціальной жизни. Начинается владѣльческій періодъ государственной жизни, субъективная окраска правительствомъ всѣхъ общественныхъ и индивидуальныхъ интересовъ.

Попечительный періодъ составляетъ переходную форму между владѣльческою и полицейскою эпохами. Интересы отдѣльныхъ гражданъ и общественныхъ кружковъ, подчиненные власти, начинаютъ доходить до сознанія своей самостоятельности; само правительство убѣждается, что его собственные интересы могутъ достигнуть полнаго осуществленія лишь тогда, когда будутъ признаны интересы элементовъ, стоящихъ подъ его властью, когда его программа включитъ въ себя задачи общаго блага. Но, съ другой стороны, подчиненные правительству элементы еще не успѣли запастись силами, достаточными для того, чтобъ выступить прямо на поприще государственной дѣятельности. Правительство не можетъ болѣе основывать свою власть на принципахъ владѣльческой эпохи, на личныхъ вотчинныхъ правахъ его по отношенію къ цѣлому государству; въ оправданіе своихъ мѣръ оно вынуждено приводить соображенія общественной пользы, благосостояніе всѣхъ гражданъ государства. Но единственнымъ судьею и цѣнителемъ этой пользы, единственнымъ представителемъ чуждыхъ лично имъ интересовъ, остаются органы самого правительства: элементы подчиненные управленію не допускаются, ихъ голоса не спрашиваютъ, о нихъ заботятся какъ опекуны о малолѣтнихъ. Ясное дѣло, что въ этой системѣ, рядомъ съ мѣрами дѣйствительно полезными для всего государства, оставалось широкое мѣсто для мѣръ, которыя проводили личные интересы власти, лишь прикрываясь соображеніями общей пользы и общаго блага. Субъективная окраска общественныхъ интересовъ со стороны правительства продолжаетъ существовать, измѣнивъ лишь свои аргументы.

Въ совершенно иномъ порядкѣ представленій лежатъ корни мѣропріятій полицейской эпохи. Въ исторіи человѣчества, она всегда совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ развитія мысли, который,

на языкѣ Огюста Конта, извѣстенъ подъ названіемъ метафизическаго. Личность, освобождаясь отъ охватившихъ ее со всѣхъ сторонъ правительственныхъ узъ, стремится навязать государственной дѣятельности *свое* субъективное отношеніе къ соціальнымъ интересамъ, выдвигая на первый планъ интересы неограниченной личной свободы и личнаго блага. Ломка стараго, отрицаніе прежнихъ авторитетовъ и порядковъ, стремленіе поставить умозрительный критерій субъективнаго философствованія на мѣсто опыта и длинной традиціи вѣковъ, вотъ чѣмъ проявлялось это новое направленіе въ области науки, искусства и политики. Правительство, по самому призванію своему служить общимъ, а не личнымъ цѣлямъ, охранительнымъ, а не разрушительнымъ задачамъ, не могло искренно протянуть ему руку. Всего правильнѣе, конечно, было бы видѣть въ этомъ новомъ направленіи лишь необходимый протестъ противъ прежняго безусловнаго подчиненія человѣка правительству, и постараться согласить оба эти важные элемента государственности. Но для этого требовалось время, объективированіе смѣняетъ субъективный порядокъ не сразу. Первоначально же метафизическія (отвлеченныя) стремленія личности показали лишь глубокую разницу между элементами, которые прежде смѣшивались, и самостоятельность каждаго изъ нихъ: личность стала враждебною правительству, съ сильными претензіями на независимость. Эти претензіи не могли не быть признаны, опека съ личности снята, но вмѣстѣ съ тѣмъ были сняты и тѣ мѣры попеченія о ея благополучіи, которыя до того, подчасъ съ полною искренностью, принимались правительствомъ: личность видѣла въ правительствѣ элементъ традиціонный, противорѣчащій умозрительнымъ началамъ, опасный для свободы, — правительство же увидѣло въ личности элементъ столь враждебный общежитію, что его нужно беречься, — противъ него нужно принимать энергическія предупредительныя мѣры. Подъ систему ихъ поставлены всѣ акты личности, всѣ проявленія личной дѣятельности. Это-то натянутое враждебное положеніе и правительства, выступающаго противъ личности во имя государственныхъ интересовъ, и личности, выступающей противъ правительства во имя интересовъ индивидуальныхъ, было въ теченіе всей полицейской эпохи.

Ясно, что въ этомъ положеніи заключалось величайшее недоразумѣніе. Личность и правительство составляютъ необходимѣйшіе элементы государственнаго тѣла, для котораго существенно необходимо полное соглашеніе ихъ интересовъ:

представляемыхъ правительствомъ общихъ интересовъ и представляемыхъ личностью индивидуальныхъ интересовъ. Эпоха владѣльческая или вотчинная приносила вторые въ жертву первымъ, притомъ въ ихъ односторонней окраскѣ, мало смягченной началами попечительнаго періода; въ этомъ заключалась и причина паденія началъ этой эпохи. Метафизическія стремленія личнаго ума въ области политики создали пропасть между государственнымъ центромъ и отдѣльными элементами государства, которую предстояло уничтожить. Справедливость обязываетъ сказать, что инипіатива этой великой задачи взята была на себя личностью, въ той сферѣ, которая составляетъ ея благороднѣйшее достояніе, — именно въ сферѣ науки. Накопляя матерьялъ наблюденій и опыта, пріучаясь распознавать законы изслѣдуемыхъ явленій на основаніи ихъ собственной природы, наука указала предѣлы личному уму, не желавшему въ метафизическій періодъ признавать какія бы то ни было ограниченія, и такимъ образомъ выучила его подчиняться. Въ свою очередь правительство съ радостью протягиваетъ руку индивиду, начинающему признавать цѣну общихъ интересовъ на ряду съ его собственными, личными интересами, и этотъ союзъ важнѣйшихъ элементовъ государственности, основанный на соглашеніи взаимно представляемыхъ ими интересовъ, открываетъ въ исторіи юридической жизни народовъ новый періодъ — періодъ правомѣрнаго государства.

Изъ приведеннаго въ этихъ, по необходимости, самыхъ сжатыхъ чертахъ, общаго развитія государственной жизни, съ достаточною ясностью вытекаетъ, что смѣна субъективной окраски окружающихъ человѣка явленій объективнымъ къ нимъ отношеніемъ, составляющая основной законъ развитія духовной природы человѣка, управляетъ также явленіями политической жизни народовъ, которыя выражаются въ отношеніяхъ между правительствомъ и управляемыми. Зависимость отъ него юридическихъ явленій мы можемъ прослѣдить не только въ крупныхъ, но даже въ самыхъ мелкихъ областяхъ права: безъ преувеличенія можно сказать, что каждая отрасль публичнаго и частнаго права проходила тѣ послѣдовательные моменты развитія, которые намѣчены въ предъидущемъ изложеніи. Поземельная собственность имѣла прежде характеръ священный; затѣмъ она всецѣло переходитъ къ правительству, и за частными лицами признается не право собственности на землю, а лишь возможность владѣть и пользоваться ею на правѣ пожалованія, аренды

и т. п.; еще позже земельная собственность становится неограниченнымъ личнымъ правомъ, дающимъ индивиду полную власть на всѣ ея естественныя богатства, на все произрастающее на ней и на все живущее на ней; наконецъ, личное право индивида на землю начинаетъ ограничиваться по соображеніямъ общественнаго интереса, подчиняется законамъ о путяхъ сообщенія, о лѣсномъ хозяйствѣ и т. п. Исторія личныхъ обязанностей гражданъ относительно государственной службы, исторія выборнаго начала и многихъ другихъ институтовъ юридической жизни, достойныхъ въ этомъ отношеніи самаго серьезнаго изученія, также подтверждаетъ важную роль интересующаго насъ закона въ области права.

Проникая такъ глубоко въ сферу юридическихъ и соціальныхъ отношеній, этотъ законъ долженъ былъ съ особенною силою отразиться на томъ мірѣ явленій, который наиболѣе чуждъ области матерьяльнаго и потому всего медленнѣе поддается порядку объективированія, начинающему свой поступательный ходъ съ явленій осязательныхъ, чувственныхъ, легче другихъ провѣряемыхъ путемъ простыхъ пріемовъ наблюденія и опыта. Таковъ именно *міръ человѣческой мысли,* сокрытый отъ глазъ другаго, рѣзко отличающійся по своему таинственному процессу отъ другихъ явленій будничной жизни человѣка. Въ эпохи ранней культуры, благодаря изложеннымъ выше характеристическимъ чертамъ ихъ духовнаго состоянія, человѣкъ не можетъ объективно относиться къ чужой мысли. Сумма взглядовъ и представленій молодаго общества весьма невелика по объему, но къ нимъ онъ относится съ такою вѣрою и стойкостью, какую трудно встрѣтить у людей современнаго общества, умъ которыхъ обогащенъ наблюденіемъ, привыкъ анализировать различные взгляды и собственнымъ голосомъ отдавать предпочтеніе однимъ передъ другими. Напротивъ, человѣкъ молодой культуры не допускаетъ возможности измѣнять взгляды и идеи, которыми обладаетъ, такъ какъ ихъ онъ считаетъ данными свыше, отъ верховныхъ представителей силъ природы. Тотъ же порядокъ представленій, который побуждаетъ его наполнять каждый уголокъ лѣшими, водяными и домовыми, не исключая даже глазъ своего сосѣда — причина, почему онъ прибѣгаетъ къ серьезнымъ мѣрамъ предосторожности противъ „дурнаго глаза“, — заставляетъ его видѣть въ мысляхъ и идеяхъ, несогласныхъ съ его собственными, голосъ представителей высшихъ, но враждебныхъ ему силъ. Въ этой вѣрѣ кроется то

мистическое значеніе, которое имѣетъ слово въ глазахъ молодаго общества: словомъ можно отогнать бѣсовъ, словомъ же можно вызвать ихъ; слово само по себѣ, безъ всякихъ лѣкарствъ, исцѣляетъ болѣзни, создаетъ недуги, производитъ самыя неожиданныя измѣненія въ судьбѣ людей. Та непосредственность связи съ явленіями внѣшняго міра, которая характеризуетъ представленія молодой культуры, переносится въ полной степени на слово, какъ устное, такъ и записанное. Любопытныя подтвержденія этой истины читатель можетъ найдти въ работахъ Тэйлора и Лекки. Придавая такое громадное значеніе слову, тогдашній человѣкъ долженъ былъ поэтому относиться къ нему съ сильными мѣрами предупрежденія и борьбы [1]). Онъ возставалъ на дурное слово во имя божества, онъ боролся съ нимъ какъ съ врагомъ своего Творца [2]). Создавъ прочную корпорацію духовенства, онъ поручилъ ей охранять наличныя идеи и провозглашать новыя, открываемыя постепенно божествомъ. Даже много вѣковъ спустя послѣ того, какъ общество отказалось отъ теократической формы правленія, этотъ взглядъ держится въ

[1]) Уже въ глубокой древности встрѣчаются запрещенія имѣть у себя книги, отъ которыхъ духовенство — языческое или христіанское — опасалось порчи для своихъ духовныхъ дѣтей. Въ Римѣ, во времена Ульпіана были запрещены книги маговъ и подобныя имъ; предшественникъ его по времени, юристъ Павелъ, говоритъ, что «libros magice artis apud se neminem habere licet.. Non tantum huius artis professio, sed *etiam scientia* prohibita est»; отъ книгъ гадальныхъ Павелъ также совѣтуетъ воздерживаться. Въ lex Wisigothicis мы также встрѣчаемъ запрещеніе читать еврейскія книги, или держать ихъ у себя въ дому, подъ угрозою 100 ударовъ розгами. См. *Böhmer*, de jure circa libros improbate lectionis, стр. 22 и др. У богемцевъ, чернокнижіе преслѣдовалось уже во времена весьма отдаленныя; книгою, въ эпоху славянскаго язычества, называлась отдѣльная буква, «заниматься чернокнижіемъ» значило писать чародѣйственныя буквы и вызывать ими духовъ тьмы. См. *Palacky*, Geschichte von Böhmen, Prag 1836, I, стр. 182.

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ сожженія рукописей и цѣлыхъ библіотекъ изъ-за религіознаго фанатизма. Сибильскія книги брошены въ огонь въ 406 или 407 г. Александрійская библіотека, основанная Птоломеемъ Сотеромъ, по совѣту Деметрія Фалерскаго, сожжена въ 642 году сарацинами; въ теченіи 6 мѣсяцевъ, рукописями топились всѣ александрійскія бани; мотивъ распоряженія мусульманскаго военачальника о сожженіи ихъ выразился въ его отвѣтѣ на ходатайство о пощадѣ: «если въ книгахъ этихъ повторяется тоже, что въ коранѣ, онѣ безполезны; если иное, то онѣ вредны». Въ VI в., по свидѣтельству писателя XII в. John'a Sarisbury, сожжены многія книги языческихъ авторовъ по приказанію Григорія Великаго.

Въ XI в., по распоряженію шведскаго короля Олая, брошены въ огонь руническія книги, чтобъ облегчить введеніе христіанства.

Въ 1508 г. кардиналъ Ксименесъ крестилъ силою мусульманъ и сжегъ около 100,000 магометанскихъ рукописей.

Въ 1510 г. имп. Максимиліанъ предписалъ сжигать всѣ еврейскія книги, кромѣ библіи.

См. также Cod. I, 3, §§ 1 и 4; Cod. I, 1, l. 5 и 6.

жизни примѣнительно къ цѣлой и весьма важной въ системѣ общественной жизни группѣ мыслей, именно религіозныхъ. Формулируя, на началѣ владѣльческомъ, догматы христіанской церкви, назначая строгія кары за ереси, перечисляемыя щедрою рукой, римскіе императоры не довольствуются всѣми этими мѣрами и ставятъ чистоту вѣры подъ охрану духовенства [1]). Публичное преподованіе догматовъ вѣры составляетъ ихъ исключительную привиллегію и безусловно запрещается частнымъ лицамъ [2]). Самому духовенству указана высшая инстанція мысли, къ которой оно должно было обращаться въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній въ вопросахъ религіозныхъ и церковнаго устройства, именно константинопольская митрополія [3]). Овладѣвъ свѣтскою властью и получивъ широкое вліяніе на правительство, римское духовенство съумѣло довести идею о принадлежности ему, какъ намѣстнику божества на землѣ, религіозной мысли до ея крайнихъ предѣловъ. Первоначальная его исторія рисуетъ намъ дѣятельность папства проникнутою глубокимъ убѣжденіемъ въ своемъ верховномъ призваніи къ сохраненію чистоты религіозной истины. Болѣе ранніе шаги папства отличаются поразительною скромностью, и оно ставитъ себѣ задачею, по евангельскому принципу, держаться въ предѣлахъ поученія и увѣщанія, имѣющихъ единственнымъ прикрытіемъ моральный авторитетъ римскаго епископа [4]). Даже анаѳемы, къ которымъ папы считали себя вынужденными прибѣгать, имѣли прежде условную силу: онѣ были дѣйствительны только тогда, „если отлучаемый будетъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ“, и давались въ формѣ обыкновеннаго пастырскаго увѣщанія, но отлучаемый отнюдь не выдавался свѣтской власти для наказанія; Анаѳемою вѣрующіе предостерегались лишь о возможности быть испорченными отлучаемымъ [5]). Но мало по малу римское духовенство получало новую паству, духовное состояніе которой болѣе соотвѣтствовало культивированію идеи, лежащей въ его призваніи. Тогда-то и

---

[1]) См. весь 1 Tit. Cod. de summa Trinitate.

[2]) Tit. 2 Cod. L. 1 de sacrosanctis ecclesiis, fr. 6; tit. 3 ibid. de Episcopis et Clericis; tit. 5 ibid. de Haereticis, 2.

[3]) Fr. 21 Cod. de sacrosanctis ecclesiis (I, 2). Constantinopolitana ecclesia omnium aliarum est caput.

[4]) Bullarum diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum Pontificum, Taurinensis editio, 1857 — 1872. T. I, стр. 49, 71, 189.

[5]) Такова напр. анаѳема Павла Ѳессалоникскаго въ 649 году, — Bullarium, I, 192. См. также Bullarium I, 91.

характеръ его дѣятельности выступаетъ рѣзче, его буллы яснѣе ставятъ мысль, что только за нимъ можетъ быть признано право поучать народы, и это право — божескаго происхожденія. Уже въ XII ст., при папѣ Люціѣ III, римская курія, поддерживаемая императорскою властью, рѣшается общимъ образомъ высказать, ad gloriam Dei, анаѳему всѣмъ, кто осмѣлится проповѣдывать слово Божіе безъ посвященія и разрѣшенія апостольскаго престола [1]). Вся сумма религіозныхъ знаній вышла изъ гражданскаго оборота, сдѣлавшись достояніемъ одного класса, который пропогандировалъ ихъ не во имя соображеній человѣческаго общества, а во исполненіе велѣній божества. Ихъ единственнымъ источникомъ признано Верховное Существо, намѣстники же на землѣ — лишь его орудіями. Ясно, въ этомъ порядкѣ идей не могло быть мѣста праву авторства, какъ понимаетъ его современность. Но тѣмъ грознѣе были громы преслѣдованія, которые направлялись противъ ученій, расходившихся съ ученіями духовенства; вѣря въ свое призваніе насадить Царство Божіе на землѣ, оно не останавливалось ни предъ какими преградами. Свою кульминаціонную точку въ исторіи римско-католической церкви эта идея праздновала въ XII и XIV вѣкахъ, позднѣе же она клонится къ упадку и извращается посторонними примѣсями, которыя начали ложиться на дѣятельность римской куріи болѣе и болѣе толстыми пластами, вслѣдствіе неудачъ въ погонѣ за свѣтскимъ могуществомъ. Такъ, уже папа Юлій II, при которомъ разыгралась лютеровская ересь, не стѣсняясь обзываетъ еретиковъ, осужденныхъ на лютеранскомъ соборѣ, разбойниками, ворами и собаками (пизанское conciliabulum), а булла папы Льва X „Exurge, Domine" отъ 15 іюня 1520, направленная противъ Лютера, наполнена еще болѣе грубыми ругательствами, причемъ въ ней совершенно явственно высказывается, что причина злобы папской лежитъ въ раздѣленія его стада, т. е. въ уменьшенія его доходовъ и власти; этого онъ уже не считаетъ нужнымъ скрывать. Потому-то дальнѣйшая исторія папства характеромъ своихъ постановленій относится къ иному порядку идей, который извѣстенъ подъ именемъ „владѣльческаго".

[1]) *Bullarium*, III, 20 и слѣд., §§ 3 и 8. Еще Иннокентій II считалъ себя обязаннымъ опирать свои постановленія на рѣшенія соборовъ, и отлученіе Петра Абеляра (*Bullarium*, II, 449 — 1140 іюля 21) объясняетъ такимъ юридическимъ основаніемъ: nam *injuriam* facit judicio reverrendissimae synodi, si quis semel judicata et recte disposita revolvere, et iterum disputare contendit.

Исторія протестантизма начинается съ открытія книгопечатанія, а потому и вліяніе его на отношеніе государства къ мысли будетъ указано ниже. Но тѣмъ интереснѣе для насъ результаты теократической окраски мысли въ вѣкъ письменности въ Россіи.

У насъ весьма долго мысль составляла исключительную принадлежность духовенства, какъ потому, что общество, постоянно стоявшее подъ его опекою, предъявляло запросъ лишь на религіозную литературу [1]), такъ и потому, что духовенство, считая себя, въ качествѣ намѣстника божества, единственнымъ обладателемъ истины, ревниво слѣдило за нею и не рѣшалось выпускать изъ своихъ рукъ дѣла народнаго просвѣщенія, еще со временъ Ярослава отданнаго на его заботу. Заѣзжіе путешественники единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ фактѣ, но объясняютъ его эгоистическими стремленіями русскаго духовенства. „Епископы, лишенные всякаго образованія — говоритъ Флетчеръ о времени Бориса Годунова, — слѣдятъ съ особенною заботою, чтобы образованіе не распространялось, боясь, чтобы ихъ невѣжество и ихъ нечестіе не были обнаружены. Съ этою цѣлію они стараются увѣрить царя, что всякое новое знаніе, вводимое въ государство, возбудитъ стремленіе къ новизнамъ и будетъ для него опасно [2]). То-же высказывали и нѣкоторые изъ русскихъ; вотъ что, напр., говоритъ о нашихъ епископахъ князь Курбскій: „я самъ слыхалъ отъ нихъ, будучи еще въ русской землѣ, подъ державою московскаго царя: прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навыкнуть писанію, и говорятъ имъ: не читайте книгъ многихъ, и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ“ [3]). Человѣкъ, принадлежащій къ противоположному чѣмъ духовенство лагерю, не можетъ имѣть иного взгляда на дѣятельность тогдашняго нашего духовенства. Но, ставъ на точку зрѣнія послѣдняго и отбрасывая единичные примѣры, когда епископы и другіе духовные пастыри старались держать другихъ въ невѣжествѣ для болѣе легкаго прикрытія своихъ „безчинствъ“, мы должны будемъ приложить къ дѣятельности духовенства иной масштабъ оцѣнки. Единственное вѣрное объясненіе ея мы найдемъ въ той же самой причинѣ, которая руководила первыми шагами папства. Всякая новизна мысли для

---

[1]) О священныхъ книгахъ Грозный говоритъ, что «съ нихъ и учатся и пишутъ». Царскій вопросъ стоглавому собору, 3.

[2]) *Fletscher*, II, 90.

[3]) Описаніе рукописей Румянцовскаго Музея, стр. 587.

ревностныхъ представителей религіи представляется явленіемъ въ высшей степени опаснымъ; старое несомнѣнно исходитъ отъ Бога, новое же можетъ имѣть свой источникъ только въ козняхъ діавола. Потому-то они охотно убѣждаются, что непремѣнная обязанность ихъ какъ служителей божества заключается въ противодѣйствіи всякому новому знанію. Эту истину наши духовные дѣятели высказывали при такихъ положеніяхъ, когда искренность ихъ отнюдь не могла быть заподозрѣна. Ѳедоръ Дьяконъ о знаменитомъ своею ученостью Арсеніѣ Грекѣ, который на западѣ занялъ бы весьма почетное мѣсто, отзывался такъ: „Арсеній Грекъ — врагъ божій, научилъ Никона покупать прокаженныя книги еретическія, греколатинскія печатныя; онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій и тѣмъ онѣ развратъ сотворили всей русской землѣ, и пагубы навели противными книгами, и чужими догматы нововводимы“ [1]). Въ этихъ словахъ весь тогдашній человѣкъ, проникнутый религіозною идеею, вооружающійся на нововведенія какъ на источникъ соблазна и безвѣрія; этими строками обрисовывается и болѣе ранній нашъ дѣятель, знаменитый Іосифъ Волоколамскій, который съ величайшею энергіею „опровергалъ ложную мысль, что еретиковъ осуждать не должно“ [2]), и доказавшій свое убѣжденіе собственными поступками; не довѣряя имъ, было бы невозможно объяснить энергическія преслѣдованія ересей и иновѣрцевъ на соборахъ и со стороны народной массы. Какъ-бы то ни было, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, духовенство объявляло свое исключительное право на мысль, ссылаясь на свое призваніе охранять чистоту христіанскаго ученія. Но у него не было тѣхъ обширныхъ мѣръ надзора за письменностью, которыя успѣло создать западное духовенство.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, книги сначала были писанныя. Письмо раздѣлялось на три рода: уставное, полууставное и скорописное. Для письма первоначально употребляли пергаментъ и даже бересту [3]), а потомъ и бумагу. Древнѣйшія книги на славяно-русскомъ языкѣ писаны были письмомъ уставнымъ, буквами крупными, почти квадратными, въ красныхъ стро-

---

[1]) *Иконниковъ*, Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка, Кіевъ, 1866 г. (прекрасный трудъ, мастерски рисующій читателю образы прошлаго).

[2]) Прибавленія къ Твореніямъ Отцевъ Церкви, изд. Моск. Акад. т. V, стр. 258.

[3]) Въ уставѣ Іосифа Волоколамскаго, гл. 10, сказано, что по бѣдности «въ обители блаженнаго Сергія Радонежскаго и самыя книги не на хартіяхъ писаху, а *на берестахъ*».

кахъ, вязью; впослѣдствіи письмо это обратилось въ скоропись съ буквами связными, смежными, крючковатыми. Книги рукописныя время отъ времени измѣнялись и теряли свое достоинство: происходило это отъ невѣжества, суевѣрія, умствованій и поспѣшности, потому что дѣло переписки священныхъ книгъ, первоначально сосредоточенное въ монастыряхъ, затѣмъ обратилось въ ремесло переписчиковъ, за которыми никто не наблюдалъ. Неисправность книгъ причиняла различныя злоупотребленія въ дѣлѣ богослуженія, которыя въ XVI ст. вызвали — еще до введенія книгопечатанія въ Россіи — настойчивое вмѣшательство свѣтской власти. На стоглавомъ соборѣ въ 1551 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный жаловался, что „божественныя книги писцы пишутъ съ неисправныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ ихъ, опись къ описи прибавляютъ и недописи, и точки не прямыя, и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ божіихъ чтутъ и поютъ, и учатся и пишутъ съ нихъ“. Соборъ призналъ царскія жалобы на неисправность книгъ уважительными и постановилъ: „въ каждой церкви, въ каждомъ городѣ, протопопамъ, старшимъ и избраннымъ священникамъ и всѣмъ священникамъ смотрѣть, нѣтъ-ли неисправныхъ священныхъ книгъ; если найдутся таковыя, то ихъ исправлять съ добрыхъ переводовъ“. Писцамъ по городамъ велѣно было писать съ вѣрныхъ переводовъ, и притомъ написанное исправлять, а неисправныхъ книгъ не продавать. „Если который писецъ продастъ неисправленную книгу, то имъ строго запрещать это, чтобы впередъ такъ не дѣлали, а если еще будутъ обличены, такой купецъ или продавецъ, то отнявши у нихъ книги и исправивши ихъ отдать въ тѣ церкви, которыя имѣютъ въ томъ недостатокъ“. (Стоглавъ, гл. 27, 28).

Эти-то взгляды унаслѣдовала въ Россіи отъ вѣка письменности эпоха, на которую выпало начало книгопечатанія: теократическое отношеніе къ мысли, къ которому начинаетъ примѣшиваться желаніе правительства поставить духовенство, а вмѣстѣ съ нимъ и религіозную мысль, подъ свое ближайшее завѣдываніе. Между тѣмъ въ западной Европѣ развитіе умственнаго состоянія народовъ сдѣлало нѣсколько шаговъ дальше, а потому и отношенія, унаслѣдованныя тамъ вѣкомъ печати, представляются болѣе сложными. На теократическій порядокъ представленій успѣлъ уже лечь толстый пластъ идей вотчиннаго отношенія правительства къ элементамъ государственности, который высказался съ особенною силою относительно мысли политической; по

связи съ областью ея, даже религіозная мысль подпадала нерѣдко этимъ взглядамъ, и правительство начало оспаривать владѣніе ею у духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ XV столѣтію идея попечительнаго государства съ достаточною ясностью начала проникать въ жизнь западно-европейскихъ народовъ, ихъ правительства заботились о развитіи матеріальнаго благосостоянія, наукъ и искусствъ среди своихъ подданныхъ; эпоха возрожденія дала ей особенно богатую почву. Согласно этому тѣ области мысли, которыя правительство признавало общеполезными, культивировались при дѣятельной съ его стороны поддержкѣ, но, разумѣется, подъ непремѣннымъ условіемъ безусловнаго ихъ подчиненія правительству и вѣрной службы *его* интересамъ.

III.

При такой системѣ отношенія къ мысли, представлялись крайне необходимыми сложныя мѣры наблюденія за ея чистотою и благонравіемъ. Программа ихъ намѣчена впервые духовенствомъ. Согласно евангельскому правилу, каждый христіанинъ, узнавъ о прегрѣшеніи своего собрата, обязанъ былъ увѣщевать его — въ первый разъ съ глазу на глазъ, во второй при свидѣтеляхъ, а при упорствѣ сообщать духовному пастырю; если увѣщанія послѣдняго также оставались безъ успѣха, упорствующій отлучался отъ церкви. Это начало положило основаніе епископской власти въ вопросахъ мысли; при ежегодныхъ объѣздахъ діоцезъ, епископъ лично или черезъ представителя освѣдомлялся о всѣхъ богопротивныхъ словахъ и ученіяхъ, раздававшихся среди его стада, и привлекалъ ихъ къ синодальному суду. Въ важнѣйшихъ случаяхъ противъ еретиковъ составлялись соборы, опровергавшіе ихъ ученія. Впослѣдствіи эти мѣры показались недостаточными римскому престолу; какъ уже замѣчено выше, папы начали запрещать поученіе слову божію лицамъ не посвященнымъ, читать въ домахъ божественныя книги [1]), угрожать ана-

[1]) Интересенъ мотивъ этого запрещенія. Папа Иннокентій III узналъ, что Евангеліе, Посланіе ап. Павла, Псалтырь, пѣснопѣнія Іова и многія другія божественныя книги переведены на гальскій языкъ и сильно распространены въ Метелѣ, жители котораго читаютъ ихъ на домахъ, тайно. Папа (въ 1199 году) сильно встревожился; «angelus Sathanae se in angelum lucis simulate trans-

өемою всѣмъ бывшимъ, настоящимъ и будущимъ еретикамъ, которые aliter *sentire* aut *docere* non metuunt, quam saccrosancta Romana Ecclesia praedicat et observat [1]), заручаются обязательствами императоровъ всѣми силами преслѣдовать еретиковъ [2]) и судить ихъ въ свѣтскихъ судахъ. Мало по малу, папы начинаютъ сокращать власть прочихъ епископовъ, съуживая ихъ право оцѣнки религіозной истины и передавая это дѣло своимъ кардиналамъ конгрегаціи преслѣдованія ересей или другимъ уполномоченнымъ. Съ этою цѣлію папы обращались нерѣдко къ ученымъ теологамъ и профессорамъ богословскихъ факультетовъ, поручая имъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ сочиненій или цѣлыхъ партій книгъ [3]), а при папѣ Урбанѣ VI состоялась мѣра, которая имѣла мѣсто и у насъ на Стоглавомъ соборѣ по предложенію Грознаго: епископамъ и прелатамъ всѣ входящія въ обращеніе божественныя книги велѣно просматривать и одобрять къ употребленію въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда онѣ переписаны вѣрно и въ нихъ не содержалось ничего, расходящагося съ правилами римско-католической церкви. Позднѣе, папа Мартинъ V (1418 г.) жалуется на медленность въ изготовленіи божественныхъ книгъ, которая происходила отъ лѣности епископовъ, прелатовъ и ихъ депутатовъ, которымъ поручался такой предварительный просмотръ; на этомъ основаніи Мартинъ V отнимаетъ данную Урбаномъ духовенству привиллегію и передаетъ право предварительнаго просмотра священныхъ книгъ особымъ по его назначенію депутатамъ на срокъ (judices, executores seu impetrantes), запрещая употреблять священныя книги безъ ихъ предварительнаго дозволенія, по формулѣ Vidimus, Placet или иной по ихъ усмотрѣнію [4]).

---

format», восклицаетъ онъ въ посланіи къ метельцамъ; «развѣ вы забыли, что Богъ, открывая апостоламъ свое ученіе какъ великую тайну, предписалъ имъ распространять его всенародно и гласно. (Quod dico vobis in tembris, dicite in lumine)?» Однако, прямого запрещенія читать переводныя книги Иннокентій еще не дѣлаетъ, онъ только даетъ совѣтъ не читать ихъ. См. *Bullarium*, III, 159 и слѣд.

[1]) *Bullarium*, III, 20 и сл. § 4.

[2]) Фридрихъ II подтвердилъ прежнія привиллегіи духовенства и обязался въ 1220 и 1243 преслѣдовать еретиковъ и очищать свою землю отъ невѣрующихъ; Венцеславъ Богемскій и Карлъ въ 1382 обязались передъ папою Урбаномъ VI не вступать ни въ какія сдѣлки съ еретиками (Bullarium, IV, 584); дальнѣйшіе примѣры см. у *Ranke*, Geschichte der Päbste.

[3]) *Llorente*, Histoire critique de l'inquisition d'Espagne. Paris, 1817, I, 456 и слѣд.

[4]) *Bullarium*, IV, 678, §§ 2, 3 и 4. Развитіе этой мѣры Львомъ X — котораго изслѣдователи неправильно называютъ отцемъ цензуры — и Клементомъ VII см. Bullarium V, 346, 714; VI, 120; о нихъ см. ниже.

Этотъ памятникъ, сколько мнѣ извѣстно, не упоминаемый ни однимъ изслѣдователемъ исторіи цензуры (потому, быть можетъ, что онъ относится еще къ вѣку *письменности*), долженъ быть разсматриваемъ какъ зерно развившагося впослѣдствіи въ такихъ широкихъ размѣрахъ института предварительной цензуры. Его характеристическія особенности заключаются съ одной стороны въ томъ, что депутаты назначались папою на срокъ, обыкновенно изъ епископовъ по его выбору, и всѣмъ остальнымъ епископамъ и пресвитерамъ велѣно исполнять ихъ распоряженія, подъ угрозою 3-хъ-мѣсячнаго отлученія отъ исполненія церковныхъ требъ; съ другой стороны — что ихъ право предварительнаго просмотра обнимало лишь священныя книги, literas apostolicas, и ограничивалось свѣркою ихъ съ правильными экземплярами.

Мѣры, находившіяся въ рукахъ свѣтской власти для искорененія опасныхъ рукописей, носили иной характеръ. Правда, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она шла на защиту религіозныхъ интересовъ, она обращалась къ тѣмъ же мѣрамъ, какъ и духовенство, именно къ совѣту лицъ свѣдущихъ, преимущественно университетскихъ профессоровъ. По выслушаніи ихъ, власть поступала съ виновными точно также, какъ и духовенство, отправляя ихъ къ суду и сожигая ихъ книги рукою палача [1]). Но независимо отъ этого, въ соціальныхъ условіяхъ того времени, свѣтское правительство нашло почву для особенныхъ предупредительныхъ и покровительственныхъ мѣръ относительно письменной литературы. Я имѣю въ виду цеховое устройство общества, монополизировавшее по отдѣльнымъ центрамъ всѣ стороны общественной жизни. Между прочимъ и знаніе также имѣло свой привиллегированный цехъ, состоявшій изъ людей, спеціально посвящавшихъ себя штудированію науки, распредѣлившій даже че-

---

[1]) Иногда связь мѣръ духовныхъ и правительственныхъ противъ книгъ была еще болѣе тѣсна. Такъ въ южной Франціи, въ XV—XVI ст., тулузская инквизиція имѣла одновременно духовный и свѣтскій характеръ; духовный — потому что она разсматривалась какъ отпрыскъ епископской юрисдикціи и инквизиторъ носилъ титулъ депутата святаго престола; свѣтскій — потому что инквизиторъ, назначаемый королемъ, носилъ титулъ conseilleur du roi и получалъ предписанія отъ парламента. Въ XVI ст. свѣтская власть въ дѣлѣ инквизиціи имѣла уже во Франціи явный перевѣсъ надъ духовной; Францискъ I по своему собственному усмотрѣнію предписываетъ преслѣдованіе лютеранъ; на основаніи этого распоряженія, инквизиторъ Antoine du Prat назначаетъ судъ, большинство членовъ котораго состояло изъ свѣтскихъ лицъ. См. *Treville*, La police des livres au XVI siècle, Paris 1853.

ловѣческую мысль на нѣсколько подраздѣленій, такъ, что право заниматься каждымъ изъ нихъ предоставлялось лишь тѣмъ членамъ, которые принадлежали къ опредѣленной группѣ или факультету; таковы именно западно-европейскіе университеты. Этому-то цеху человѣческой мысли подчинены лица, занимавшіяся перепиской сочиненій, переплетомъ ихъ, продажею и т. под., и они поставлены подъ бдительный цеховой надзоръ. Само собою разумѣется, въ однихъ странахъ къ началу книгопечатанія организація людей письма сдѣлала большіе успѣхи, въ другихъ несравненно меньшіе. Мы остановимся преимущественно на положеніи ихъ въ столицѣ Франціи, какъ потому, что здѣсь существовалъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ университетовъ того времени, Сорбонна, такъ и потому, что въ Парижѣ попытки организаціи „людей письма" начинаются очень рано и ко времени книгопечатанія успѣли создать весьма прочную корпорацію.

Здѣсь уже задолго до изобрѣтенія типографскаго искусства [1]) существовала прочно организованная община писцовъ, *stationarii*, входившая въ университетскую корпорацію [2]); съ появленіемъ книгопечатанія, типографы безъ труда заняли ихъ мѣсто и, какъ ихъ преемники, тоже примкнули къ университету. Книгопродавцы первоначально были лишь простыми агентами, при посредствѣ которыхъ писцы сбывали, за небольшой коммиссіонный процентъ съ покупателя, свои работы въ публику; если покупщикомъ являлся профессоръ или слушатель университета, то коммиссіонный процентъ понижался на $^1/_3$. Съ 1275 года встрѣчаются уже письменные статуты Сорбонны, регулирующіе положеніе людей письма. Въ нихъ книгопродавцы рисуются замкнутымъ цехомъ, примыкавшимъ къ университету въ качествѣ его officiers et suppôts; они пользовались тѣми-же привиллегіями и вольностями, какъ профессора и студенты (статуты 1342 и 1351); они присягали университету въ вѣрности и добросовѣстности (loyauté), возобновляя присягу по мѣрѣ требованія университета. Университетъ составлялъ для нихъ обязательные регламенты и статуты.

---

[1]) *De la Caille*, Histoire de l'imprimerie et de la librairie où l'on voit son origine et son progrès, Paris, 1689; прекрасная статья въ Encyclopédie moderne par *Firmin Didot frères*, Paris, 1851, m. *XXVI*, *sub voce* Typographie; *Dupont*, Histoire de l'imprimerie 1854, I, стр. 78 и слѣд.

[2]) Установленіе этой мѣры во Франціи приписывается Филиппу Смѣлому, который подчинилъ Университету продавцевъ рукописей. См. *Baudouin*, Notice sur la police de la presse sous la Monarchie, la Republique et l'Empire. Paris, 1852.

Надзоръ за taxandum libros и вообще за дѣйствіями книгопродавцевъ отправлялся университетомъ при посредствѣ выбираемыхъ имъ четырехъ „главныхъ книгопродавцевъ“: въ статутахъ они нерѣдко называются „депутатами Университета.“ Новые члены принимались въ цехъ книгопродавцевъ не иначе, какъ по представленіи залога (cautione centum librorum parisis) и поручительства (nisi habito testimonio *deputatorum* suae fidelitatis, статутъ 1323 г.) главныхъ книгопродавцевъ. Залогъ, требовавшійся со стороны 4 majores librarii былъ крупнѣе — 200 librorum parisis (статутъ 1559). Пріемъ производился въ общемъ собраніи Университета по докладу ректора. Отъ книгопродавца требовалось, чтобъ онъ пользовался хорошей репутаціей, зналъ цѣну книгъ и былъ бы достаточно образованнымъ, а для констатированія послѣдняго обстоятельства Университетъ производилъ ему экзаменъ. Въ случаѣ неповиновенія Университету и нарушенія данной присяги, книгопродавцы могли быть лишены своего патента (статуты 1275, 1342 и др.); для отвѣта во вмѣняемыхъ имъ нарушеніяхъ они обязаны были являться предъ Университетское Собраніе (статутъ 1342). Въ Парижѣ число присяжныхъ книгопродавцевъ было 28, изъ нихъ четыре главныхъ; въ 1448, оно понизилось до 24; патентованное письмо Карла VIII отъ 1488 года насчитываетъ при Сорбоннѣ 24 книгопродавца, 2 рисовальщиковъ (enlumineurs) 2 переплетчиковъ и 2 писцовъ (ecrivains des livres). По статуту 1275 никто не могъ покупать или продавать книгъ безъ разрѣшенія ректора Университета, эта привиллегія, гарантировавшая цеховыхъ книгопродавцевъ отъ конкуренціи со стороны частныхъ лицъ, подтверждена въ 1411 году патентованными письмами Карла VI; такъ что частные собственники книгъ могли сбывать ихъ не иначе, какъ при посредствѣ оффиціальныхъ продавцевъ. Цѣны книгъ опредѣлялись исключительно четырьмя главными книгопродавцами съ утвержденія Университета (статутъ 1342 года), но позволялось продавать и книги, которыхъ Университетъ не успѣлъ еще таксировать, съ тѣмъ лишь, чтобы ultra justum et moderatum salarium non exigent (ibid.). Впрочемъ, какъ уже замѣчено, цѣны на рукописи были высоки; по вычисленію Дану, средняя цѣна рукописи, въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтія, составляла отъ 400 до 500 франковъ. Надзоръ Университета не ограничивался опредѣленіемъ цѣнъ на книги, онъ шелъ дальше, именно до преслѣдованія содержанія

рукописи въ видахъ исправленія вкравшихся неточностей и даже наказанія виновныхъ. Университетскіе статуты для книгопродавцевъ начиная съ 1323 года, указываютъ совершенно ясно на зародыши предварительной цензуры въ вѣкъ письменности. Присяга обязывала всѣхъ книгопродавцевъ слѣдить за тѣмъ, чтобы книги были правильны, за книги неправильныя (corrupta), о которыхъ всякій долженъ былъ доносить ректору, книгопродавцы отвѣчали передъ Университетомъ. Имъ запрещалось скрывать дурныя книги и предписывалось предъявлять ихъ опредѣленнымъ лицамъ и въ указанное время (quod libros venales non supprіment neque coelabunt, sed ipsod semper loco et tempore exponent quando petentur, статутъ 1342 года). Эти лица — профессора Сорбонны, смотря по содержанію книги; всякую переписанную книгу, присяжный книгопродавецъ обязанъ былъ предъявить депутату соотвѣтствующаго факультета, который дозволялъ или запрещалъ ея продажу (статутъ 1323). Писцы стояли съ книгопродавцами или въ отношеніи продавца къ коммиссіонеру, или рабочаго къ заказчику; имъ запрещалось давать книгопродавцамъ свои манускрипты для продажи или для ссуды свыше цѣны, назначенной Университетомъ, и притомъ прежде исправленія ихъ (nullus stationarius exemplar *locet* antequam corrigatur et taxetur per Universitatem, статутъ 1323). По тому же статуту, ни книгопродавецъ, ни присяжный писецъ не могъ отказать въ дачѣ книги для прочтенія или для переписки, какъ скоро изъявлявшій на то желаніе представлялъ достаточное обезпеченіе и исполнялъ формальности, требуемыя Университетомъ. На книгопродавцевъ возлагалась обязанность заботиться о быстромъ и возможно большемъ заготовленіи книгъ, которыя требовались въ различныхъ факультетахъ Сорбонны для студентовъ и профессоровъ (статутъ 1342). Отъ студентовъ и учениковъ книгопродавцы могли покупать книги лишь съ разрѣшенія ректора (ibid.). Въ каждой книжной лавкѣ долженъ былъ находиться каталогъ всѣхъ книгъ съ обозначеніемъ назначенныхъ за нихъ цѣнъ. Отчужденіе книжной торговли въ другія руки допускалось лишь съ согласія Университета (ibid.).

Таковы правила, регламентировавшія положеніе присяжныхъ книгопродавцевъ. Но были еще книгопродавцы *неприсяжные*. Представляя Университету небольшой залогъ, въ обезпеченіе могущей пасть на нихъ отвѣтственности за нарушенія, они получали право продавать книги цѣною не болѣе 10 су, и притомъ

не иначе, какъ на лоткахъ (nullus non juratus habeat aliquem librum venalem ultra valorem decem solitorum; nec sub tecto sedeat — статутъ 1323).

Бумага во Франціи, по средневѣковому, весьма характеристическому выраженію, была всегда свободна de tout droit [1]), но пергаментъ подлежалъ правамъ Университета. Вслѣдствіе этого пергаменщики (parcheminiers), какъ и книгопродавцы, принадлежали къ составу Университета. Патентованныя письма Карла V къ парижскому прево̂ отъ 5 ноября 1368 насчитываютъ въ этомъ городѣ 18 присяжныхъ пергаменщиковъ при 14 книгопродавцахъ, 11 писцахъ и 6 переплетчикахъ; съ теченіемъ времени, число ихъ понизилось, такъ что уже въ 1488 году было всего 4 присяжныхъ пергаменщика при 2 писцахъ и 12 присяжныхъ торговцахъ бумаги (4 въ Парижѣ, 4 въ Труа и 4 въ Эссонѣ).

Парижскіе книгопродавцы имѣли право торговли во всемъ государствѣ (статутъ 1351). Процентъ за коммиссію вычитался ими съ покупщика, а не съ продавца (статутъ 1275 г.). Въ случаѣ какихъ либо нарушеній присяги, книгопродавцы и писцы обязаны были взаимно доносить другъ на друга Университету (статутъ 1323). Ордонансъ Людовика XI отъ 1467 представляетъ собою первую попытку разорвать тѣсную связь цеха людей письма съ Университетомъ и приблизить ихъ къ государству: онъ налагаетъ на книгопродавцевъ, писцевъ, рисовальщиковъ, переплетчиковъ и ихъ рабочихъ подати въ пользу государства. Таково положеніе людей письма во Франціи наканунѣ открытія типографскаго искусства. Въ другихъ странахъ классъ людей письма менѣе организованъ. Такъ въ *Англіи* въ 1403 году образовалось общество переписчиковъ и продавцевъ книгъ (stationer's Company), которое впослѣдствіи получило административный оттѣнокъ и въ своемъ измѣненномъ видѣ продолжаетъ существованіе до нашихъ дней. Политическое отличіе статутовъ этого общества отъ парижскаго состоитъ почти исключительно въ томъ, что первое не находилось въ такой тѣсной связи съ Университетомъ; со стороны же гражданской, отличіе ихъ касается положенія книгопродавцевъ; они не были только коммиссіонерами-

[1]) Эта свобода отъ пошлинъ дана ей, по словамъ Генриха II (1552 года), «pour le grand besoin qu'elle fait à la chose publique: en plusieures et maintes manières, comme chacun sait, et entre à imprimer les livres, pour l'entretenement et accroissance des bonnes estudes et sciences.»

агентами Университета, но могли вести дѣла самостоятельно за свой счетъ. Впрочемъ, и въ статутахъ этой компаніи на первомъ планѣ стоятъ интересы читателя, заботы о которыхъ выражались въ надзорѣ за правильностью текста и за соблюденіемъ таксъ, права авторскія имъ также неизвѣстны, и на почвѣ отношеній этого рода стоятъ исключительно, матерьальные дѣятели письменности — переписчики, книгопродавцы, переплетчики и рисовальщики. Здѣсь тотъ-же порядокъ цеховаго устройства и присяги какъ генеральныхъ средствъ противъ злоупотребленій отдѣльныхъ лицъ, таже система государственной опеки интересующаго насъ предпріятія. Но, появляясь позже французскихъ, англійскіе статуты со времени открытія типографскаго искусства еще не успѣли выработать ихъ подробной регламентаціи и множества мелочныхъ запрещеній, которыми богаты статуты Сорбонны; такъ, Англія не знаетъ запрещенія частнымъ лицамъ покупать и продавать книги безъ предварительнаго каждый разъ разрѣшенія, процентъ дозволенной коммиссіи не опредѣленъ въ ея статутахъ и предоставленъ добровольному соглашенію [1]). Въ исторіи англійской печати мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться съ дѣятельностью этого общества.

У народовъ, стоявшихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, организація людей письма сдѣлала еще меньшіе успѣхи. Примѣромъ этого рода можетъ служить Россія [2]). Первоначально у насъ переписка религіозныхъ сочиненій разсматривалась какъ дѣло богоугодное и съ этой стороны привлекало къ себѣ лучшія грамотныя силы; мало по малу, къ концу XV ст., она обратилась въ ремесло, наплодивъ массу полуграмотныхъ писцовъ, которые искажали текстъ переписываемыхъ сочиненій самымъ безцеремоннымъ образомъ. Грозный нашелся вынужденнымъ обратить вниманіе на это зло и заставилъ стоглавый соборъ — какъ уже замѣчено выше — установить нѣкоторый надзоръ за писцами. Но и послѣ этой мѣры, писцы въ московской Руси, оказывая путемъ единичныхъ интригъ сильное вліяніе на невѣжественную массу народную, не сформировались въ какую либо организацію. Ни цеха, ни частныхъ обществъ писцовъ у насъ не существовало. Иную картину представляетъ южная Русь, группировав-

---

[1]) Статуты этого общества я изучалъ на мѣстѣ, въ Лондонѣ.

[2]) Списываніе книгъ въ древнія времена, въ *Правосл. Собесѣд.* 1862, №№ 2 и 5.

шаяся около Кіева. Тамъ между рукописными священными книгами въ XV ст. трудно было найти вѣрные списки, но главнымъ образомъ порча священныхъ православныхъ книгъ производилась католиками и уніатами, а не переписчиками [1]). Для противодѣйствія этому злу среди православныхъ образовались частныя общества или братства, имѣвшія во главѣ своей людей просвѣщенныхъ. Ихъ задача состояла въ томъ, чтобы дать православнымъ церквамъ южной Руси точные, не искаженные католиками и уніатами или невѣжествомъ полуграмотныхъ писцовъ, списки религіозныхъ книгъ; они имѣли собственное управленіе и нерѣдко располагали значительными средствами. Первое изъ такихъ обществъ явилось во Львовѣ въ 1439, за нимъ въ Вильнѣ въ 1458; впослѣдствіи братства возникли по всѣмъ, болѣе или менѣе значительнымъ южнорусскимъ городамъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. въ Вильнѣ, было по пяти братствъ. Ихъ стараніями обезпеченъ былъ впослѣдствіи успѣхъ типографскаго дѣла въ южной Руси, между тѣмъ какъ въ государствѣ московскомъ предпріятіе это долгое время вело тщетную борьбу съ эгоистическими интересами переписчиковъ.

IV.

Резюмируемъ теперь положеніе письменности до изобрѣтенія типографскаго искусства, въ связи съ условіями, подъ вліяніемъ которыхъ оно сложилось. Мы замѣчаемъ всюду, гдѣ только успѣлъ организоваться особый классъ людей письма, порядокъ цеховъ и присяги; это обыкновенное явленіе того времени, охватившее собою и дѣло письменности. Пока личность не доростетъ до той степени самостоятельности, когда она способна представлять за себя гарантію въ самой себѣ, ей приходится выступать коллективно даже въ частной дѣятельности; отсюда — порядокъ цеховъ [2]). Идея присяги лежитъ въ той же сферѣ представленій, дѣлая божество поручителемъ за человѣка и подвергая послѣдняго божескому

---

[1]) Опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 316, 317.

[2]) На этой мысли я не останавливаюсь подробно, такъ какъ она прекрасно развита *Тэйлоромъ*.

гнѣву, если онъ нарушитъ свое торжественное обязательство. Гораздо болѣе интереса для нашей задачи представляютъ тѣ внутреннія отношенія, которыя сложились въ эпоху письменности между различными дѣятелями и распространителями послѣдней. Такъ прежде всего мы замѣчаемъ явленіе, непонятное съ точки зрѣнія нашего времени, что въ этой области дѣйствуютъ исключительно матерьальные агенты производства, между тѣмъ какъ умственнаго дѣятеля его — автора — совершенно не видно. Статуты молчатъ о немъ, въ цехъ людей письма авторъ не внесенъ, его какъ бы вовсе не существуетъ для законодателя того времени. Это странное явленіе объясняется двумя причинами: особеннымъ складомъ литературы той эпохи и отсутствіемъ типографскаго станка. Средневѣковая письменность кормилась авторами классической древности и священными книгами; списки книгъ, печатавшихся въ XV и первой половинѣ XVI вѣка, даютъ едва 5 новыхъ изслѣдованій на 95 сочиненій такого рода; авторы послѣднихъ, давно умершіе, не могли претендовать на участіе въ выгодахъ отъ своихъ книгъ, а въ массѣ ихъ совершенно тонуло незначительное число новыхъ изслѣдователей. Другая причина состоитъ въ томъ, что размноженіе произведеній мысли, которое могло бы обезпечить участіе въ выгодахъ отъ продуктовъ авторства, было трудомъ тяжелымъ и почетнымъ; переписчиковъ въ тотъ вѣкъ найти было не легко, такъ что напр. профессора университетовъ получали свой гонораръ со слушателей не деньгами, а перепискою опредѣленнаго числа сочиненій (обыкновенно двухъ) [1]; до насъ изъ исторіи того времени дошло много другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ почетѣ, который соединялся съ занятіемъ перепиской [2].

---

[1]) *Peignot*, Essai historique sur la liberté d'ecrire chez les anciens et au moyen âge, et sur la liberté de la presse depuis le XV siècle jusqu'en 1831, стр. 21. Наоборотъ, *Taillandier*, Résumé historique de l'introduction de l'imprimerie à Paris; въ одномъ Парижѣ насчитываетъ около 6000 лицъ, занимавшихся перепиской.

[2]) Вотъ напр. письмо Антонія Беккадели Палормиты къ Альфонсу, королю Неаполя и Сициліи. «Въ послѣднемъ письмѣ изъ Флоренціи, В. В. сообщаете мнѣ, что тамъ между прочимъ есть въ продажѣ хорошій экземпляръ Тита Ливія, цѣною въ 120 золотыхъ экю. Поэтому я прошу В. В. распорядиться о покупкѣ его для меня и за мой счетъ, а тѣмъ временемъ я соберу необходимыя для того деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ я бы желалъ знать Ваше мнѣніе, кто изъ насъ двоихъ поступилъ лучше, Поже или я. Поже продалъ экземпляръ Тита Ливія, прекрасно переписанный его собственной рукой, съ тѣмъ, чтобъ купить себѣ помѣстье близъ Флоренціи, я же продаю свое имѣніе, чтобъ заплатить имъ за Тита Ливія. Ваша всегдашняя благосклонность даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ съ этимъ вопросомъ.»

Кропотливость и медленность исполненія этой работы, въ связи съ отсутствіемъ публикацій, которыя объявляли бы о выходѣ новыхъ книгъ, обѣщали автору лишь самое ничтожное вознагражденіе, котораго не стоило даже добиваться, и онъ ограничивался уваженіемъ, которымъ расплачивалось общество со своими лучшими представителями за интеллектуальный трудъ.

Таковы бытовыя условія, силою которыхъ авторъ былъ совершенно вытѣсненъ изъ ряда лицъ, пользовавшихся доходомъ съ произведеній его мысли. Другое, не менѣе характеристическое явленіе того времени по отношенію къ предпріятію письменности, заключается въ его ничтожномъ соціально-экономическомъ значеніи. Та-же трудность и медленность размноженія произведеній мысли, которыя были одною изъ преградъ къ возникновенію авторскаго права, удерживали это предпріятіе въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Сумма производства его была весьма незначительна, число занятыхъ имъ рабочихъ рукъ весьма скромно, въ общемъ торговомъ оборотѣ страны оно почти совсѣмъ не было замѣтно; исторіи не извѣстно другаго, болѣе поразительнаго разлада въ количествѣ духовныхъ и матерьальныхъ выгодъ, въ духовной и экономической стоимости предпріятія. Другая черта этой эпохи, рекомендующая практическій тактъ ея передовыхъ людей, и, къ сожалѣнію, постоянно забываемая новѣйшими изслѣдователями юридической природы печати, — хотя безъ нея здѣсь нѣтъ силъ дать сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ,—это—то уваженіе интересовъ читателя, то возведеніе ихъ на степень права, хотя бы и въ средневѣковой обрисовкѣ, которое было бы весьма желательнымъ явленіемъ даже во многихъ современныхъ законодательствахъ. Уже одно сознаніе и провозглашеніе идеи, что въ дѣлѣ письменности заинтересованъ не только авторъ, но и читатель, составляетъ весьма крупное пріобрѣтеніе для цивилизаціи, такъ какъ эта идея богата самыми плодотворными выводами. Письмо, печать, слово существуютъ для читателя, а не для автора; авторъ и матерьальные агенты этихъ орудій мысли извлекаютъ изъ нихъ свой интересъ лишь подъ условіемъ удовлетворенія интереса слушателей и читателей; поэтому интересы читателя должны быть необходимо призваны на совѣтъ, какъ скоро заходитъ рѣчь о регламентаціи способовъ проявленія мысли. Эту-то идею бросили въ міръ тѣ заплеснѣвѣлые въ настоящее время статуты, которые регламентировали положеніе людей письма. Окраска, сообщенная ей, была, конечно, въ духѣ своего вре-

мени — попечительства свыше; но тотъ же попечительный характеръ представляютъ и постановленія, которыми ограждаются интересы книгопродавцевъ, переписчиковъ, переплетчиковъ и т. п. Въ статутахъ болѣе развитаго періода мы встрѣчаемъ заботы о томъ, чтобъ рукописи продавались не свыше цѣны, опредѣленной таксами, — чтобъ онѣ были правильными снимками съ оригиналовъ, — чтобъ книгопродавецъ безпрекословно выдавалъ находящіяся у него рукописи для переписки; въ нихъ точно опредѣляется размѣръ коммиссіонной платы, которую можетъ взимать книгопродавецъ; къ интересамъ лицъ, болѣе нуждающихся въ книгахъ, каковы профессора и студенты университета, статуты относятся гораздо внимательнѣе и нерѣдко ставятъ все дѣло письменности въ руки учрежденій, составляющихъ вмѣстилище въ себѣ высшаго образованія страны. Хотя съ теченіемъ времени многообразная система мѣръ, созданныхъ подъ вліяніемъ этой идеи, была примѣнена для полицейскаго надзора за произведеніями мысли, но первоначальная цѣль ихъ установленія совершенно чужда этого элемента. Люди, стоявшіе во главѣ управленія того времени, были глубоко проникнуты сознаніемъ пользы просвѣщенія, такъ какъ ихъ самихъ всецѣло охватывала струя классической образованности, оказавшаяся живительнымъ лучемъ среди холоднаго мрака средневѣковаго невѣжества. Желающіе убѣдиться въ этомъ могутъ прочитать безъискусственные, но глубоко прочувствованные ордонансы королей Франціи, Англіи и Италіи, которыми они встрѣчали зарю типографскаго искусства. Наконецъ третье, не менѣе характеристическое явленіе эпохи, состоитъ въ томъ, что преслѣдованія письменности, имѣвшія мѣсто въ томъ вѣкѣ, направлялись не на личность, а на содержаніе самого слова: въ XV вѣкѣ встрѣчаются иногда запрещенія сочиненій такихъ лицъ, другіе труды которыхъ пользовались громаднымъ уваженіемъ со стороны церкви [1]), и которыя занимали почетное мѣсто въ тогдашней церковной іерархіи [2]). Глав-

---

[1]) Извѣстно, что римскій дворъ подвергалъ строгой цензурѣ даже сочиненія отцевъ церкви, основываясь на приведенныхъ выше постановленіяхъ Урбана VI и Мартина V.

[2]) Нѣкто Vallé или Valla, род. 1415, высказалъ нѣсколько нелестныхъ замѣчаній о монахиняхъ того времени; противъ него направлено было обвиненіе въ ереси, но неаполитанскому королю Альфонсу удалось спасти Балле отъ результатовъ этого преслѣдованія: онъ отдѣлался потасовкою, которую ему задали монахи. Послѣ этого онъ поѣхалъ на мѣсто профессора Университета въ Римѣ.

нѣйшее вниманіе обращалось на то, чтобы признаваемое вреднымъ слово не распространялось, чтобы оно не оказало своего вліянія на читателя, на общество (ne populos corrumpant — выраженіе буллы Льва I отъ 444 года); этимъ объясняется, что раннія постановленія духовенства и власти направлены главнымъ образомъ не къ запрещенію писать, а къ запрещенію *читать* вредныя книги,—обстоятельство, получившее затѣмъ такое широкое развитіе въ духовныхъ и свѣтскихъ кодексахъ; тѣмъ же объясняются весьма строгія постановленія противъ укрывателей и распространителей запрещенныхъ книгъ, которыя попадаются въ папскихъ буллахъ уже начиная съ VII столѣтія, преимущественно же развиваются папскою практикою XII—XIV столѣтіяхъ. Тогда же папы начали заручаться поддержкою свѣтскихъ правителей въ преслѣдованіи всѣхъ распространителей и укрывателей лжеученій, направленныхъ противъ религіи, книгъ и т. под.: подобное обѣщаніе въ 1228 дано Людовикомъ Св. [1]), Фридрихомъ II въ 1243, Венцеславомъ Богемскимъ въ 1382 и т. д. Когда ереси стали размножаться и угрожать римскому престолу, послѣдній легко добивается отъ свѣтскаго правительства примѣненія самыхъ строгихъ мѣръ противъ еретиковъ; обвиненія въ ереси падаютъ нерѣдко на писателей, которые въ такихъ случаяхъ приговаривались къ сожженію лично или въ чучелѣ. Эта участь постигла мистика, астролога и поэта Чекко, который по приговору инквизиціи сожженъ живымъ въ Булони въ 1327 [2]); Ивана Гусса, ректора пражскаго университета, автора многихъ теологическихъ трактатовъ, сожженнаго въ 1415 году; Петра д'Осма, испанскаго теолога XV вѣка, сочиненіе котораго „Traité de la Confession" сожжено вмѣстѣ съ кресломъ автора [3]), и многихъ другихъ. Ко времени появленія типографскаго станка особенное вниманіе римскаго духовенства начинаютъ обращать тѣ сочиненія, которыя направлены противъ правъ и прерогативъ римскаго престола. Въ авторахъ и послѣдователяхъ ихъ римская курія уже видитъ своихъ личныхъ враговъ и направляетъ противъ нихъ всѣ оружія, находившіяся въ ея распоряженіи (гуситы).

---

[1]) *Lauriere*, Ordonnances des rois de France de la troisième race, t. I, v. Absolution.

[2]) *Peignot*, Dictionnaire critique, litteraire et bibliographique des livres condamnés au feu, supprimés ou censurés. Paris, 1816, sub voce Cecco.

[3]) *Peignot*, ibid., *sub voce* d'Osma.

V.

Эти-то отношенія отъ вѣка письменности унаслѣдовалъ печатный станокъ. Созданныя имъ въ скоромъ времени бытовыя измѣненія въ положеніи дѣятелей литературнаго производства должны были отразиться и на постановленіяхъ законодательства относительно человѣческаго слова и человѣческой мысли.

Печать впервые дала человѣчеству понятіе „автора", въ смыслѣ юридическомъ. Получивъ возможность отпечатать во множествѣ экземпляровъ свое произведеніе, онъ тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ весьма серьезное общественное значеніе: онъ говоритъ со всѣмъ обществомъ или съ весьма значительною его частью. Съ другой стороны, станокъ далъ автору или его представителямъ возможность получать экономическую выгоду отъ произведеній мысли: оттискиваемыя во множествѣ экземпляровъ, онѣ могли въ продажѣ давать доходъ, значительно превышающій издержки на ихъ изготовленіе.

Отсюда открывается, что авторскія права, которыя образуютъ одну изъ важныхъ составныхъ частей права печати, подъ вліяніемъ изобрѣтенія типографій должны были включить въ себя *права авторства* и такъ называемыя *права литературной собственности*.

Первыя образуютъ соціально-политическую сторону авторскаго права. Онѣ связаны съ данною личностью, степень признанія ихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ мѣра политической полноправности индивида въ государствѣ. Онѣ входятъ, такимъ образомъ, въ область права государственнаго.

Вторыя образуютъ экономическую сторону авторскаго права. Ими для автора, или для его представителей, обезпечивается пользованіе имущественными выгодами отъ продажи произведеній печати; онѣ входятъ въ область права гражданскаго.

Другая составная и весьма важная часть права печати — это *право читателя*. Имъ обнимается, съ одной стороны — его право на полученіе путемъ печати свѣдѣній о тѣхъ фактахъ и направленіяхъ, которыя замѣчаются въ общественной жизни, съ другой—право его на то произведеніе печати, которое пріобрѣтено имъ на юридическомъ основаніи. Въ немъ, слѣдовательно, есть также двѣ стороны: политическая и гражданская.

Наконецъ, третью, не менѣе важную составную часть права печати, образуютъ *права общества въ печати.* Типографскій станокъ, по мѣрѣ распространенія его, становится въ общественной жизни весьма серьезною силою. Доставляемыя имъ націи духовныя и матерьяльныя богатства, съ одной стороны, представляемая имъ въ извѣстные фазисы народной жизни общественная опасность, съ другой, — побуждаютъ общество и правительство относиться весьма внимательно къ дѣлу книгопечатанія, привлекаютъ къ нему ихъ интересы, придаютъ ему характеръ дѣятельности не только частной, но и публичной.

Всѣ эти разнообразные интересы, вызванные къ жизни печатнымъ станкомъ, лишь постепенно и далеко неодновременно достигали значенія правъ. Благодаря особому свойству человѣческаго ума, въ силу котораго, прежде чѣмъ дойти до обобщенія какого либо понятія, человѣкъ долженъ пережить его въ длинной цѣпи частностей, и которое играетъ также важную роль въ исторіи отношеній юридическихъ [1]), правообразовательный процессъ начинается съ простѣйшихъ отношеній печати и лишь мало по малу распространяется на болѣе сложныя, и такъ какъ простѣйшія въ юридической области суть отношенія гражданскія, сложныя — отношенія публичныя, то созданные печатнымъ станкомъ экономическіе интересы гораздо раньше получили признаніе законодательства и стали такимъ образомъ на ступень правъ, чѣмъ вызванные имъ къ жизни интересы публичные, весьма долго опредѣлявшіеся подъ вліяніемъ субъективной окраски ихъ со стороны правительства и общества. Владѣльческая идея, проникавшая въ дѣятельность прежнихъ правительствъ, по закону солидарности единовременно существующихъ явленій, отразилась и на обрисовкѣ вопросовъ права печати. Смѣна ее другими взглядами, принадлежащими болѣе развитому пласту исторической жизни народовъ, происходитъ не вдругъ, а мало по малу. Весьма долгое время послѣ того, когда экономическіе интересы автора и читателя успѣли уже пережить вѣкъ владѣльческій, попечительный и полицейскій и стали на степень правъ, публичная сторона печатнаго станка продолжаетъ еще оставаться на прежнемъ, владѣльческомъ или попечительно полицейскомъ, положеніи. Явленіе это для исторія законодательства печати отнюдь не представляется чѣмъ-то новымъ, особеннымъ, не имѣющимъ мѣста въ

---

[1]) *Jhering,* Geist des römischen Rechts.

другихъ областяхъ права. Вездѣ, у всѣхъ безъ исключенія народовъ, гражданская полноправность достигается гораздо раньше политической, которая долгое время остается удѣломъ немногихъ, относящихся къ политическимъ интересамъ съ одностороннимъ субъективнымъ взглядомъ. Но, съ другой стороны, признаніе правъ гражданскихъ есть предвѣстникъ обезпеченія правъ политическихъ и необходимо ведетъ ихъ за собою.

Вызывается это послѣднее обстоятельство съ достаточною силою уже тѣмъ, что прочность гражданскихъ правъ весьма шатка и условна, пока не обезпечены гарантирующія ихъ права политическія. Наиболѣе рельефно это положеніе вещей въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ интересы гражданскіе и политическіе вытекаютъ изъ одного факта, группируются около него и не могутъ быть разъединены; таковы отношенія, создаваемыя печатнымъ станкомъ. Лучшимъ доказательствомъ выставленнаго положенія можетъ служить настоящее состояніе русской печати. Она переживаетъ теперь эпоху полицейскую: законъ 6 апрѣля, замѣняя крѣпостное состояніе отечественной мысли такъ сказать временно-обязаннымъ, основывался на соображеніи, что „въ настоящее время господствуетъ въ обществѣ какая-то болѣзненная чувствительность ко всему печатному, которая не могла бы вынести свободнаго голоса печатнаго слова во многихъ случаяхъ, когда судебныя мѣста оставляли бы оное безъ взысканія“ [1]). Въ этихъ видахъ къ намъ были пересажены чужеземные институты противъ злоупотребленій періодической печати, ставящіе ее въ зависимость отъ администраціи, каковы: крупные залоги, административное разрѣшеніе изданія, административныя взысканія разнаго рода и т. п.; на томъ же основаніи законодатель отнесся недовѣрчиво къ мелкой прессѣ, а для болѣе крупной согласился дать нѣкоторыя льготы въ немногихъ мѣстностяхъ имперіи. Не слѣдуетъ однако думать, что рѣшительно всѣ отношенія, возникающія вслѣдствіе типографскаго станка, находятся у насъ въ этомъ полицейскомъ состояніи. Правительство, держась этого порядка, имѣло въ виду лишь публичную сторону

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія (А. В. Головнина) отъ 10 декабря 1862 г., стр. 3. Другое соображеніе, въ виду котораго правительство не рѣшилось окончательно принять тогда порядокъ карательной цензуры, признававшійся болѣе умѣстнымъ, чѣмъ порядокъ цензуры предварительной и административныхъ взысканій, состояло въ недовѣріи къ старой организаціи уголовныхъ судовъ; Уставы 20 ноября коммиссія о печати представлялись еще чѣмъ-то весьма отдаленнымъ.

печати, которая можетъ имѣть соприкосновеніе съ уголовными судами, и для нее только оно еще не рѣшилось замѣнить полицію судомъ, личное усмотрѣніе бюрократа точнымъ текстомъ закона. Другія же стороны, представляемыя нашей печатью, уже давно начали выходить изъ-подъ полицейскаго вѣдомства. Такова обширная область гражданскихъ правъ, возникающихъ изъ типографскаго производства для различныхъ, какъ духовныхъ, такъ и матерьальныхъ дѣятелей этого предпріятія. Уже съ 1776 года нашъ законодатель категорически признаетъ право литературной собственности и запрещаетъ перепечатку сочиненій безъ дозволенія ихъ авторовъ, путемъ же обычая, какъ увидимъ, это право практиковалось еще раньше. Не менѣе, если не болѣе прочно обезпечены интересы матеріальныхъ агентовъ типографскаго производства, такъ что ни одинъ актъ правительства не позволяетъ упрекнуть его въ желаніи подчинять эту обширную область интересовъ полицейскому усмотрѣнію [1]). Точно также экономическіе интересы читателя уже давно получили у насъ правовую природу; на пріобрѣтенныя книги, читатель имѣетъ право собственности, охраняемое судами; отношенія подписчиковъ къ издателямъ періодическихъ произведеній печати имѣютъ строго гражданскій характеръ, и т. д. Затѣмъ, въ ряду общественныхъ предпріятій типографскій станокъ разсматривается какъ одна изъ отраслей промышленности, продажа книгъ — какъ одна изъ отраслей торговли; съ послѣдней взимаются пошлины, отправленіе ея требуетъ взятія купеческаго свидѣтельства на общемъ основаніи, и т. д. Но, сохраняя полицейскія условія для тѣхъ отношеній, создаваемыхъ печатью, которыя соприкасаются съ областью публичнаго интереса, русское законодательство тѣмъ самымъ подрываетъ правомѣрную самостоятельность печати даже въ тѣхъ ея областяхъ, которыя оно желало бы вполнѣ освободить отъ полицейскаго режима. Право литературной собственности становится призрачнымъ, коль скоро оно поставлено каж-

---

[1]) Ст. 314 Уст. Цензурн. «Всѣ споры между сочинителями, переводчиками, первыми издателями, или типографщиками и книгопродавцами, на собственность книги или иного произведенія наукъ и искусствъ, рѣшаются третейскимъ судомъ, а въ случаѣ несогласія на оное спорящихъ, *обыкновенными* (т. е. судебными) присутственными мѣстами. Ст. 315. Тяжбы по несоблюденію заключенныхъ условій производятся обыкновеннымъ порядкомъ съ нижнихъ инстанцій. Ст. 319. Дѣла сего рода производятся въ судебныхъ мѣстахъ въ общемъ порядкѣ, для тяжебныхъ дѣлъ установленномъ».

дый разъ въ зависимость отъ разрѣшенія или запрещенія администраціи, какъ напр. въ періодическихъ произведеніяхъ; гражданскія права читателя также далеко не могутъ быть признаны вполнѣ обезпеченными, если полицейскій органъ по своему усмотрѣнію можетъ распорядиться произведеніемъ печати; наконецъ, и экономическіе интересы общества въ печати при этомъ порядкѣ вещей стоятъ въ положеніи весьма неблагопріятномъ: тѣ стѣсненія печатной литературы, которыя признаются необходимыми при этомъ порядкѣ, отражаются весьма тяжело на отечественныхъ типографской и книгопродавческой дѣятельности, отнимая у нея возможность создавать богатства, которыя она была бы въ силахъ создать при иномъ порядкѣ вещей. Отсюда-же въ системѣ правительственныхъ мѣропріятій по дѣламъ печати происходятъ весьма вредная двойственность и неопредѣленность, лишающія правительство точнаго руководящаго принципа дѣятельности. Два противоположныя теченія — полицейское и правовое — ежеминутно сталкиваются между собою, взаимно ослабляются и производятъ полнѣйшій хаосъ представленій, тягостный какъ для литературы, такъ и для правительства. Имъ подрывается надлежащее уваженіе къ закону и власти, поддерживается печальный развратъ будничной литературы, унаслѣдованный отъ полицейскаго порядка, ежеминутно дается поводъ къ неудовольствіямъ со стороны общества. Само правительство, при подготовленіи дѣйствующаго теперь закона 6 апрѣля, сознавало серьезныя неудобства заключающейся въ немъ двойственности и потому рѣшилось назвать его лишь „временною мѣрою", долженствующею служить послѣднею переходною ступенью къ другому, болѣе прочному порядку вещей — правовому.

Намѣтивъ существо новыхъ интересовъ, вызванныхъ къ жизни типографскимъ станкомъ и неизвѣстныхъ еще во всей своей полнотѣ вѣку письменности, мы должны перейти теперь къ разсмотрѣнію идей, руководившихъ государственными мѣропріятіями относительно печати, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

VI.

Мы оставили западную Европу въ періодѣ упадка теократическаго отношенія къ произведеніямъ мысли и начала заботъ о письменности въ интересахъ читателя. Эпоха возрожденія под-

готовила типографскому искусству пріемъ самый дружественный. Власть, какъ духовная, такъ и свѣтская, отнеслись къ нему сначала весьма сочувственно, такъ какъ первая видѣла въ немъ прекрасное средство для распространенія идей религіозныхъ, вторая — орудіе благосостоянія народнаго, новое и весьма доходное производство, та и другая – путь къ истинному просвѣщенію путемъ изученія авторовъ классическаго міра. Французскій король Людовикъ XII, давшій многія льготы участникамъ типографскаго производства, не колебался назвать его „скорѣе божескимъ, чѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ". (Ordon. de Blois 1513). Даже со стороны прежняго класса людей письма, по незначительности интересовъ, представляемыхъ ими, оно встрѣтило весьма слабый отпоръ. Упроченіе типографскаго производства, какъ предпріятія экономическаго, и перенесеніе на дѣятелей его тѣхъ же, иногда даже большихъ еще правъ и прерогативъ, какія прежде принадлежали людямъ письма — такова характеристическая черта первоначальныхъ заботъ власти о книгопечатаніи. Имъ еще остается чуждъ авторъ, онѣ направлены къ интересамъ хозяевъ типографскаго предпріятія — типографовъ и книгопродавцевъ, на которыхъ переносится цеховой порядокъ, унаслѣдованный отъ вѣка письменности; имъ даются привиллегіи на печатаніе различныхъ произведеній, съ цѣлію обезпечить ихъ отъ конкурренціи со стороны другихъ издателей; и если мы припомнимъ, что типографскіе станки въ первое время были заняты по преимуществу воспроизведеніемъ трудовъ классической литературы или отцевъ церкви, то запоздалый приходъ автора къ пользованію экономическими выгодами книгопечатанія и сравнительно нескорое обезпеченіе законодательствомъ его гражданскихъ правъ въ печати станутъ для насъ совершенно понятными [1]).

Однако, въ соціальной атмосферѣ того времени носилось очень много горючихъ элементовъ, для воспламененія которыхъ была достаточна едва тлѣющая искорка. Представители власти ждали отъ печатнаго станка помощи только для религіи и науки; но эпоха возрожденія совпала съ броженіями религіознаго

---

[1]) Еще *Pütter*, писатель второй половины XVIII ст., въ сочиненіи своемъ der Büchernachdruck, 1774, энергически вооружается противъ книжной контрафакціи. считаетъ субъектомъ права литературной собственности издателя сочиненія. автора-же въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда онъ самъ издавалъ свое собственное сочиненіе, или сохранилъ за собою право литературной собственности посредствомъ особаго договора съ издателемъ. См. § 75 привед. сочиненія.

и политическаго свойства, а потому противники власти незамедлили воспользоваться тѣмъ-же орудіемъ и открыли изъ типографій жаркую канонаду противъ папства и короны, поддерживавшихъ ее. Буря памфлетовъ и летучихъ листковъ, во множествѣ распространяемыхъ протестантскими типографіями, задѣвавшими не только римское духовенство, но и свѣтскіе дворы, не могли не оказать вліянія на отношенія государства къ печати въ тотъ вѣкъ, когда субъективное отношеніе къ чужой мысли еще не вполнѣ успѣло смѣниться объективнымъ. Лишь двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Франція, устами своего короля, назвала типографское искусство „изобрѣтеніемъ божескимъ", при другомъ королѣ ея, Францискѣ I, Сорбонна настойчиво подняла вопросъ объ уничтоженіи навсегда всѣхъ типографій, появившихся во Франціи, и запрещеніи основывать когда-бы то ни было новыя типографіи. Францискъ уже готовъ былъ подписать проектъ Сорбонны, но былъ удержанъ представленіями парижскаго епископа Jean du Bellay и нѣкоего Guillaume Gudé, замѣтившихъ, что типографіи — орудіе обоюдуострое, которое можетъ быть употребляемо не только ко вреду, но и съ большею пользою для государства, и что „сохраненіе ихъ необходимо для того, чтобы имѣть возможность, при помощи типографскаго-же станка, противодѣйствовать тѣмъ самымъ злоупотребленіямъ, на которыя со всѣхъ сторонъ слышатся справедливыя жалобы" [1]).

Къ концу вѣка письменности, какъ мы видѣли, въ политикѣ римской куріи теократическая окраска мысли смѣняется мало по малу другимъ направленіемъ, широкое развитіе котораго принадлежитъ свѣтскимъ правительствамъ. Но въ обществѣ XV—XVI ст. религіозная идея имѣла едва-ли не большее значеніе, чѣмъ когда либо въ другое время; тогда уже встрѣчаются, конечно, примѣры дѣятелей, которые видѣли въ вопросахъ религіозныхъ лишь политическое орудіе, весьма умѣстное для борьбы со своими врагами [2]), но масса общества и значительнѣйшая

---

[1]) *Peignot*, Essai, стр. 55.

[2]) *Leber*, De l'état réel de la presse et des pamphletes depuis François I jusqu'à Louis XIV, Paris 1834, стр. 7: «L'expansion du schisme de Luther avoit élargi le champs de la controverse et *donné l'essor à toute les rivalités et les ambitions religieuses*. Des ecrits imprudents, passionnés, haineux, qui degénererent en libelles, n'étaient propres qu'à exasperer les parties; *une guerre de plumes* envenimée appelait l'attention de François I sur ce nouveau ferment de discordes et de revolte.

часть его вождей относились къ нимъ съ горячею и безукоризненною искренностію. Нужно проникнуться вполнѣ духомъ того времени, нужно помнить, что, при ненасытной, молодой жаждѣ къ знанію и окончательному рѣшенію множества представлявшихся ему вопросовъ у него былъ почти единственный для того источникъ — религіозная наука, да нѣсколько классическихъ сочиненій древнихъ авторовъ, чтобъ понять, какъ глубоко волновала теологія умы тогдашняго общества, какъ безъискусственно и полно интересовались всѣ ея существованіемъ и неприкосновенностью отъ дерзкихъ посягательствъ. Въ этихъ условіяхъ лежитъ объясненіе замѣчательнаго факта: университеты, какъ вмѣстилище религіозной науки, постоянно имѣли на своей сторонѣ общественное вниманіе. Въ стѣнахъ ихъ постоянно происходила борьба тезисовъ и антитезисовъ, волновавшая не только ученыхъ богослововъ, но и простыхъ смертныхъ, смиренно испрашивавшихъ разрѣшеніе перешагнуть за университетскій порогъ. Побѣда или пораженіе тезисовъ тогда имѣли еще большее значеніе, чѣмъ повышеніе и пониженіе учета лондонскимъ банкомъ въ наши дни: ими направлялись политика внутренняя и внѣшняя, народное просвѣщеніе, народное воспитаніе; отъ нихъ зависѣли иногда миръ или ссора монарховъ, крестовые походы, торговля; онѣ создавали эшафоты, воздвигали костры, наполняли тюрьмы. Когда въ 1543 году профессоръ Сорбонны *Ramus* — личность, въ высшей степени замѣчательная своимъ трудолюбіемъ, начитанностью и высокою нравственностью, — двумя своими сочиненіями: Animadversiones in diabolicam Aristotelis libri XX и Institutiones dialectae, выступилъ противъ славнаго въ то время Аристотеля, котораго долженъ былъ вызубрить каждый средневѣковой школяръ, и, во имя чистоты христіанской религіи, требовалъ изгнанія его сочиненій изъ преподаванія, то между докторами Сорбонны поднялась цѣлая буря, скоро увлекшая за собою парижское общество, парижскій парламентъ и короля Франциска I. Назначены были commissaires arbitres, одни для защиты греческаго мыслителя, другіе — для оцѣнки возраженій, приведенныхъ противъ него Рамюсомъ. Послѣ оживленныхъ и продолжительныхъ дебатовъ, Рамюсъ былъ побѣжденъ, противъ него и его сочиненій постановлено третейское рѣшеніе коммисаровъ, утвержденное парламентомъ 30-го мая 1543 и 19-го марта 1544. Парламентъ приговорилъ Animadversiones и Institutiones къ сожженію, какъ „наполненныя ложью, злословіемъ и непристойными выходками“.

Король, съ своей стороны, подтвердилъ рѣшеніе парламента и запретилъ Рамюсу преподаваніе философіи „jusqu'à nouvel ordre": появленіе его въ качествѣ автора было результатомъ его оффиціально-ученаго положенія какъ профессора, будучи признанъ недостойнымъ авторомъ, онъ тѣмъ самымъ признается недостойнымъ профессоромъ. Общественное мнѣніе также высказалось противъ Рамюса и театры очень долго забавляли имъ публику: говорятъ, на диспутѣ онъ былъ не достаточно остроуменъ и находчивъ [1]). Приведенный случай—далеко не единственный; но въ немъ всего нагляднѣе отражается состояніе тогдашняго общества.

Впрочемъ, въ странахъ католическихъ, вліяніе университетовъ на проявленія народной мысли сдерживалось духовенствомъ, и самые университеты считались лишь его слугами, его учеными агентами. Гораздо большее значеніе получили они въ странахъ протестантскихъ. Тамъ теологическіе факультеты скоро сдѣлались верховными хранителями и защитниками религіозной истины, ближайшими охранителями ея чистоты въ протестантской обрисовкѣ. Не смотря на то, что глава протестантизма, Лютеръ, настойчиво защищалъ свободу религіозной мысли и даже потребовалъ признанія вытекающихъ изъ нея выводовъ — права авторства и права литературной собственности [2]), — протестантскіе университеты усвоили себѣ принципы инквизиціи римской куріи и привлекали къ своему суду всякую мысль, которая отступала отъ ихъ изложенія. Извѣстенъ споръ, получившій историческое значеніе, который въ первые-же годы германскаго протестантизма

---

[1]) *Peignot*, Dictionnaire, *voc.* Ramus. Кстати отмѣчу, что во Франціи нападки на философію Аристотеля изъ-за религіозныхъ побужденій начались гораздо раньше Рамюса, именно съ XIII в., и первоначально имѣли успѣхъ. Въ 1209 году, книги Аристотеля о метафизикѣ были сожжены въ Парижѣ рукою палача, держаніе и чтеніе ихъ запрещено подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Но уже въ 1215 г., благодаря заступничеству кардинала-легата, онѣ снова были допущены въ библіотеки. «Діалектика» Аристотеля всегда пользовалась уваженіемъ.

[2]) Нападки Лютера на контрафакторовъ общеизвѣстны. Впрочемъ, и самъ Лютеръ далеко не свободенъ отъ порядка субъективизма въ отношеніяхъ къ мысли: онъ настаивалъ у саксонскаго правительства на запрещеніи сочиненій Карлштадта, и когда послѣдній, по окончаніи крестьянскихъ войнъ, искалъ убѣжища въ Виттенбергѣ, то получилъ его отъ Лютера подъ непремѣннымъ условіемъ печатно отказаться отъ своихъ прежнихъ возраженій и признать справедливость лютеранскаго ученія. Вмѣстѣ съ Меланхтономъ, Лютеръ ревностно изгонялъ изъ школъ всѣ сочиненія, которыя ему неправились. См. *Wiesner*, Denkwürdigkeiten der österreichischen Zensur, Stuttgart, 1847, стр. 16.

разразился между богословами Галле и Виттенберга [1]). Отъ протестантскаго фанатизма, черезъ посредство германскихъ университетовъ, между прочимъ пострадали: *Томазій* въ 1690 году, за сочиненіе De libertate matrimonii inter Lutheranos et Calvinianos contrahendi, *Вольфъ* въ 1723 за книгу: „Cogitationes rationales de deo, anima et mundo", и многіе другіе [2]). Въ Англіи, университеты также имѣли религіозноохранительную власть надъ книгами, хотя въ меньшей степени; еще въ послѣднихъ годахъ XVII ст. оксфордскій университетъ присудилъ къ сожженію книгу *Bury*, the naked Gospel, London 1691.

Это привлеченіе къ охранительной власти надъ мыслью университетовъ, которые, по характеру своего устройства и природѣ преслѣдуемыхъ ими задачъ, стояли въ гораздо болѣе тѣсной связи и зависимости отъ свѣтскихъ правительствъ, чѣмъ церковь разсматриваемой эпохи, было яснымъ свидѣтельствомъ состоявшагося измѣненія въ отношеніи государства къ мысли. Начала порядка теократическаго болѣе и болѣе вымираютъ, уступая мѣсто идеямъ владѣльческимъ и попечительнымъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы познакомимся съ существомъ созданныхъ ими мѣръ по отношенію къ печати; теперь-же намъ необходимо обратиться къ странѣ, которую печатный станокъ засталъ на болѣе ранней ступени культурнаго развитія, въ самомъ разгарѣ теократическаго порядка. Рѣчь, разумѣется, идетъ о нашемъ отечествѣ.

Первыя славянскія типографіи, какъ и слѣдовало ожидать, устроились въ южной Руси [3]). Свѣдѣнія-же о заведеніи первыхъ типографій въ московскомъ государствѣ не отличаются точностью, а потому мнѣнія отечественныхъ изслѣдователей по этому вопросу не сходятся между собою. Одни [4]) полагаютъ, что мыслью объ учрежденіи типографіи въ Москвѣ Грозный обязанъ датскому королю Христіану III, который, будучи ревностнымъ послѣдова-

---

[1]) См. *Stenzel*, IV, стр. 340 и слѣд. По настояніямъ Кальвина, въ октябрѣ 1553 нѣкто *Servet*, за нѣсколько брошюръ, наполненныхъ нападками на таинство крещенія, на догматъ Троицы и на божественную натуру человѣка, былъ сожженъ въ Женевѣ вмѣстѣ со своими сочиненіями.

[2]) См. *Quick*, Synodicon in Gallia, London, 1792. *Aymon*, Actes de tous les Synodes des Eglises reformées en France, La Haye 1710. *Klotz*, De libris auctoribus suis fatalibus, Lipsiae, 1761.

[3]) *Шафарикъ*, О древнеславянскихъ, именно Кириловскихъ типографіяхъ въ южно-славянскихъ земляхъ, Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1846. № 3. *Срезневскій*, Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. LI, т. V.

[4]) *Снегиревъ*, въ IV т. Рус. Ист. Сбор., Москва 1840; Ж. М. Нар. Просв. 1861, VI, стр. 162 и слѣд.

телемъ Лютерова ученія, предложилъ московскому царю, посредствомъ книгопечатанія, распространить въ Россіи Св. Писаніе, а также переведенные тогда на славянскій языкъ Лютеровъ катехизисъ и Аугсбургское исповѣданіе; по этому случаю онъ вошелъ съ Грознымъ въ переписку и прислалъ одного книгопечатника Ганса или Іоганна Миссингеръ Бокбиндера, который прибылъ въ Москву въ 1552 году со славянскою *Библіею* и съ предложеніями принять Лютерово ученіе [1]); ему-то и приписывается устройство первой въ московскомъ государствѣ типографіи, начавшей свою дѣятельность съ изданія въ 1564 г. книги *Апостолъ* на славянскомъ языкѣ. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что мысль объ устройствѣ типографій явилась у Грознаго еще до собора 1551 года, и притомъ совершенно самостоятельно: желая оказать противодѣйствіе порчѣ священныхъ книгъ переписчиками, царь Иванъ Васильевичъ самъ обратился въ 1550 году съ просьбою къ датскому королю Христіану III о присылкѣ ему книгопечатниковъ, результатомъ чего былъ пріѣздъ Бокбиндера со славянскою библіею и предложеніями примкнуть къ протестанству; какъ былъ принятъ Бокбиндеръ и долго-ли онъ оставался въ Москвѣ, неизвѣстно, но невѣроятно, чтобы царь поручилъ ему заведеніе типографіи, зная, что онъ пріѣхалъ съ явною цѣлію введенія протестантской вѣры [2]). Въ дѣятельности московской типографіи, дѣйствительно, имени Бокбиндера не встрѣчается, но весьма вѣроятно, что онъ подготовилъ къ книгопечатному дѣлу, по царскому повелѣнію, діакона церкви св. Николая Гостунскаго, въ Кремлѣ, Ивана Федорова Москвитина, и Петра Тимофѣева Мстиславца: иначе раздавшіяся впослѣдствіи противъ этихъ лицъ обвиненія въ ереси не имѣли бы никакой почвы. Гдѣ происходила ихъ подготовка и въ чемъ она состояла, также неизвѣстно; по свидѣтельству Флетчера, славянскія печатныя буквы привезены къ намъ изъ Польши, и потому исполненіе этого дѣла едва ли принадлежало Миссингейму. Какъ бы то ни было, изъ первоначальной исторіи типографскаго дѣла въ Москвѣ съ несомнѣнною достовѣрностью

---

[1]) *Соловьевъ*, Истор. Рос., VII, стр. 243.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Замѣтки о рукописной литературѣ простаго народа, Библ. Зап. 1858, стр. 50: «изъ типографій (русскихъ) долго выходили однѣ только богослужебныя и душеспасительныя книги; печатать другаго рода книги, значило-бы тогда профанировать искусство, узко понимаемое и потому имѣвшее одностороннее направленіе».

открывается, что оно зародилось при Грозномъ, около 1552 г., при содѣйствіи датской короны, которая при этомъ преслѣдовала недостигнутыя ею цѣли; несомнѣнно также, что типографіи заведены для печатанія религіозныхъ книгъ, въ которыхъ настоятельно нуждались церкви, и для противодѣйствія ихъ порчѣ со стороны переписчиковъ [1]). Этимъ, съ одной стороны, вызвана ненависть переписчиковъ къ типографщикамъ, въ которыхъ они видѣли опасныхъ для себя конкурентовъ; имъ удавалось вооружать массы народныя противъ новаго изобрѣтенія; типографія была разграблена и сожжена; Москвитинъ и Мстиславецъ, заподозрѣнные въ ереси, бѣжали въ Польшу, гдѣ они съ успѣхомъ продолжали заниматься типографскимъ дѣломъ [2]). Московская же типографія, возобновленная въ 1568 году въ слободѣ Александровской, дѣйствовала весьма робко, нерѣшительно, печатая лишь изрѣдка нѣкоторыя богослужебныя книги: общественное довѣріе не было на ея сторонѣ и потому она боялась раздражать своихъ противниковъ. До Требника, изданнаго при Филаретѣ, въ ея изданіяхъ не прекращаются обращенія къ читателямъ и переписчикамъ въ такомъ родѣ: „хотящимъ сіи книги святыя прочитати или переписовати любезно молимъ васъ, милостиви намъ будите.“ Общественное мнѣніе было противъ типографій. Народъ по прежнему обращался къ списчикамъ за книгами, такъ что списываніе книгъ во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII ст. едва ли не болѣе распространено, чѣмъ во времена предъидущія. Доказательствомъ служатъ многочисленныя рукописи, оставшіяся намъ отъ этого періода. Только со временъ Никона, рукописи рѣдѣютъ; значитъ, типографія къ этому времени вышла побѣдительницей изъ продолжительной борьбы съ переписчиками. Тогда она развернула свои силы, начавъ печатать, кромѣ книгъ богослужебныхъ, и поучительныя въ значительномъ числѣ экземпляровъ; рукодѣльное-же производство книгъ дѣлается преимущественно, а затѣмъ

---

[1]) *Полуденскій*, Трехсотлѣтіе Московскаго книгопечатанія 1-го марта 1864 года (Соврем. Лѣтопись 1861 г. № 9).

[2]) Въ послѣсловіи къ книгѣ «*Апостолъ*», изданной Иваномъ Федоровымъ во Львовѣ въ 1574 году, онъ подробно описываетъ гоненія, которымъ подверглись первые русскіе типографы въ Москвѣ «не отъ самаго государя, но отъ многихъ начальникъ и учитель, которые на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли.» О заграничной, довольно богатой типографской дѣятельности Ивана Федорова, см. *Полуденскій*, в. с.; этотъ «Друкарь книгъ пред тым невиданныхъ», какъ гласитъ его надгробная надпись (Вѣстникъ Европы 1822, № 14), умеръ во Львовѣ, въ 1583 году.

и исключительно достоянiемъ раскольниковъ, пока наконецъ и они не начали заводить типографiй [1]).

Другое, еще болѣе важное послѣдствiе исключительно религiознаго предназначенiя первыхъ типографiй московскаго государства состояло въ томъ, что дѣло печатнаго станка поступило у насъ, съ первыхъ же своихъ шаговъ, въ вѣдѣнiе духовенства. Это положенiе вещей оставалось безъ всякихъ перемѣнъ вплоть до петровскихъ реформъ. Всѣ типографiи старой Руси составляли исключительную принадлежность духовенства, никто другой заводить ихъ былъ невправѣ, и печатались въ нихъ тѣ только книги, напечатать которыя признавало необходимымъ само духовенство. Ясно, что, при такомъ порядкѣ, праву печати не было мѣста; тѣмъ болѣе, что почти всѣ раннiя изданiя нашихъ первыхъ типографiй состояли изъ сочиненiй отцевъ церкви, давно умершихъ и потому не имѣвшихъ возможности претендовать на права авторства, а экономическiя выгоды отъ типографскаго станка поступали къ духовенству на основанiи исключительнаго права издательства [2]). Мысль, расходившаяся съ догматами вѣры или церковною практикою, встрѣчала рѣзкое осужденiе на соборахъ, которые созывались властью епископовъ и митрополитовъ. Председатель собора, принимавшiй на себя обязанности защитника вѣры, излагалъ заблужденiя лица, противъ котораго сошелся соборъ; затѣмъ слѣдовали пренiя, которыя велись болѣе или менѣе оживленно; они заканчивались соборнымъ приговоромъ, осуждавшимъ заблужденiя еретика, требовавшимъ у него отказа отъ своихъ лжеученiй, а въ случаѣ несогласiя отлучавшимъ его отъ церкви съ тяжкимъ заточенiемъ въ монастырѣ [3]).

---

[1]) Списыванiе книгъ въ древнiя времена, *Правосл. Собесѣд.* 1862, Январь, 355 и слѣд.

[2]) О книгахъ, обращавшихся въ старой Руси, см. *Медвѣдевъ*, Оглавленiе книгъ, кто ихъ сложилъ, въ Чт. Ист. Др. 1846, № 3, Смѣсь, стр. 1—30; *Ундольскiй*, Опись греч., греко-латинскимъ и славянскимъ книгамъ, поступившимъ въ 1675 году изъ Воскресенскаго Монастыря въ патрiаршую ризницу, Чт. Ист. Др. 1847, № 5, Смѣсь, стр. 1 - 20; тоже 1848, № 6 и 7. Всякимъ знанiемъ духовенство пренебрегало, искренно думая, что человѣка спасаетъ не многознанiе, а вѣра. См. напр. Чт. Имп. Общ. Люб. Ист. и Др. 1847, № 3, *Мат. От.*, стр. 1 и 2.

[3]) Московскiе соборы на еретиковъ XVI в. въ Чт. Ист. Др. 1847, № 3, *Мат. От.*, 1—30; № 9, *Смѣсь*, стр. 1—28. Порядокъ пренiй въ соборахъ напоминаетъ средневѣковую борьбу тезисовъ и антитезисовъ въ западно-европейскихъ университетахъ. Съ половины XVI ст. свѣтская власть получаетъ сильное влiянiе на церковные соборы, посылая на нихъ своихъ бояръ и дьяковъ, а позднѣе соборы созываются лишь для прочтенiя отреченiя бывшаго еретика отъ прежнихъ заблужденiй, послѣ царскаго суда и тяжкихъ истязанiй монастырскаго

Идеи этого порядка такъ глубоко проникли въ міръ русской жизни, что даже Петръ I своими реформами не рѣшился произвести въ нихъ явнаго измѣненія, и, оставляя за духовенствомъ, хотя въ новой формѣ его устройства, исключительное обладѣніе религіозною истиною [1]), довольствовался тѣмъ, что расширилъ область публичной мысли, ставшей достояніемъ книгопечатанія, и подчинилъ новыя сферы ея своему непосредственному вѣдѣнію. Важнѣйшій актъ его царствованія по вопросамъ религіознымъ, регламентъ или уставъ Духовной Коллегіи 25-го января 1721, проникнутъ по отношенію къ религіозной мысли тѣми-же взглядами объ исключительной въ сферѣ ея компетентности духовенства, которые господствовали въ московской Руси. Въ немъ прямо высказывается, что въ дѣлахъ вѣры частный человѣкъ не можетъ имѣть голоса, что всякое отступленіе его мнѣній отъ занесенныхъ въ Св. Писанія „воню безбожія издаетъ отъ себе“, и потому каждому христіанину православнаго исповѣданія предписывается „слушать (только) отъ своихъ пастырей.“ Въ такомъ видѣ эта обширная область мысли остается до нашихъ дней, оставаясь въ ближайшемъ подчиненіи духовенству; но измѣнившееся положеніе послѣдняго въ системѣ государственной жизни, постепенное превращеніе его изъ самостоятельной корпораціи въ служилыхъ людей государства, легло своеобразными красками и на положеніе религіозной мысли, введя ее во владѣльческую эпоху. Благодаря самой тѣсной, родственной связи съ эпохою попечительною, начала той и другой могутъ быть прослѣжены совмѣстно.

VII.

Постепенно окрѣпая и выдѣляясь изъ духовной власти, свѣтская власть наслѣдуетъ ея прежнія правительственныя функціи,

---

заключенія; такъ было напр. съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, сочиненіе котораго «Манна» возбудило сильныя преслѣдованія духовной и свѣтской властей, см. Чт. Ист. Др. 1846, № 3, *Смѣсь*. стр. VIII и слѣд.

[1]) Такъ, грамота 10 февраля 1700 позволяетъ иностранцу Тесингу печатать всякія книги «кромѣ церковныхъ славянскихъ греческаго языка книгъ; потому, что книги церковныя славянскія греческія, съ исправленіемъ всего православнаго Устава Восточныя церкви, печатаются въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ», въ тогдашней патріаршей типографіи, перешедшей вскорѣ затѣмъ къ монастырскому приказу — I П. С. З. т. IV, № 1751. См. также указы 1721 г. марта 20 (№ 3765), 1724 октября 13 (№ 4758), 1743 декабря 9 (№ 8832), 1776 октября 17 (№ 14,520) и мн. др.

но видоизмѣняетъ ихъ подъ вліяніемъ особенностей, лежащихъ въ ея собственной природѣ. Это видоизмѣненіе, какъ мы уже видѣли, состоитъ въ условіяхъ вотчинныхъ отношеній къ факторамъ общественной жизни, ложащихся на правительственную дѣятельность. Власть начинаетъ смотрѣть на себя какъ на вотчинника всего государства и всѣхъ элементовъ его въ отдѣльности, устроиваетъ правительственныя функціи на основаніи интересовъ правителей и распоряжается судьбами государства по своему собственному, ничѣмъ не сдерживаемому личному усмотрѣнію. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ, правительство не могло не считать себя единственнымъ компетентнымъ судьею всѣхъ духовныхъ потребностей ввѣреннаго ему стада и ревниво охраняло его отъ всякаго посторонняго вліянія. Мысль становится исключительнымъ достояніемъ правительства, и къ публичному выраженію ея получаютъ доступъ только тѣ учрежденія и лица, которыя имъ спеціально на то уполномочиваются. Выборъ ихъ, разумѣется, зависѣлъ отъ особыхъ бытовыхъ условій времени и мѣста.

Слѣдя исторію папства, мы имѣли уже случай замѣтить и въ ней эту владѣльческую струю въ отношеніяхъ къ мысли, которая проявляется, съ одной стороны, въ усиленномъ вниманіи папства къ сферѣ публичнаго слова, когда оно направлялось не столько противъ догматовъ вѣры, сколько противъ высокаго политическаго положенія римской куріи, а съ другой — въ увеличеніи мѣръ физическаго принужденія, смѣнившихъ мало по малу прежнюю практику нравственнаго вліянія на заблуждающихся [1]). Языкъ папскихъ буллъ начинаетъ дѣлаться повелительнымъ, раздражительнымъ; по мѣрѣ своего упадка, открываю-

---

[1]) Общій характеръ средневѣковаго порядка въ достаточной степени объясняетъ это явленіе. При отсутствіи прочной власти, при существованіи множества правителей, претендовавшихъ на самостоятельность, писатель, принимая сторону одного, становился врагомъ другаго; преслѣдованія должны были носить характеръ личной мести, но отъ нея было легко укрыться бѣгствомъ къ противнику. Запрещенія такъ называемыхъ еретическихъ книгъ не слѣдуетъ исключать изъ дѣйствія этого правила; борьбы католицизма съ протестантизмомъ, лигистовъ съ роялистами, фрондеровъ съ дворомъ, очень часто принимая религіозный оттѣнокъ, тѣмъ не менѣе принадлежатъ во всѣхъ своихъ частяхъ политической исторіи. Выступавшіе противъ папы очень часто имѣли въ виду не его религіозные догматы, а его свѣтскую власть; всѣ они безъ различія объявлялись еретиками. Одинъ изъ раннихъ примѣровъ послѣдняго рода записанъ въ старой мецкой хроникѣ: «En celuy temps (1328 г.) furent condampnez du pape (Иванъ XXII) deux clercs qui avoient composé ung liure plain de mauuais erreurs en huit liures. Ils s'efforçoient de prouver que l'empereur pouuoit corrigiere, mettre et desposer le pape selon sa voulenté, et que les biens de l'esglise sont à la voulenté de l'empereur.»

щагося распространеніемъ расколовъ въ средѣ католической паствы, болѣе и болѣе уменьшавшихъ ея численность съ XV и особенно XVI ст., римская курія силится остановить ихъ не реформами католическаго духовенства, а запрещеніемъ говорить о немъ что либо дурное, ревностнымъ преслѣдованіемъ всякаго слова, направленнаго противъ него. Это явленіе историкъ можетъ замѣтить не на одной только исторіи папства: всюду, во всѣ времена, стѣснительныя мѣры противъ мысли принимались правительственными органами въ эпохи разложенія стараго строя, какъ крайняя мѣра, при помощи которой они расчитывали искусственно поддержать свою власть въ прежнемъ ея видѣ, не поддаваясь требованіямъ новыхъ условій. Въ нихъ не нуждается тотъ строй, который находится въ состояніи цвѣтущемъ, за который стоятъ народъ и общественное мнѣніе. Но, какъ мѣры въ высшей степени искусственныя, направленныя не противъ причинъ зла, а противъ его отдѣльныхъ проявленій, онѣ обращались во вредъ тѣмъ самымъ элементамъ, которые къ нимъ прибѣгали; раздражая недовольныхъ, онѣ не устраняли причинъ самаго недовольства. Такъ, папство съ наибольшею энергіею начало прибѣгать къ нимъ съ XV ст., а его обаяніе, по свидѣтельству Ранке, стало замѣтно падать съ XIV стол., подъ вліяніемъ нравственной порчи въ его собственной средѣ; въ XVI ст. не остается уже и тѣни прежняго религіознаго всемогущества римской куріи. Имперское правительство прибѣгаетъ къ этимъ мѣрамъ съ XVI ст., а наибольшаго развитія въ средѣ его онѣ достигаютъ въ XVIII; золотой вѣкъ имперіи прошелъ безъ нихъ, онѣ не удержали имперію отъ распаденія. Пока французская королевская власть имѣла поддержку въ народѣ, она покровительствовала наукамъ и искусствамъ; вѣкъ Генриха служитъ лучшимъ тому примѣромъ. Со временъ Людовика XIV, начинается распаденіе ея, тогда же начинаются и энергическія мѣры противъ мысли; эпоха послѣднихъ Людовиковъ, на которую выпалъ процессъ окончательнаго разложенія французской монархіи, наиболѣе богата мѣрами физическаго принужденія противъ мысли: тогда-то эшафотъ и Бастилія остались въ рукахъ правительства единственными мѣрами, чтобъ убѣдить автора, что онъ ошибается. Почва, на которой стояло правительство Наполеона I, была въ высшей степени не надежна, и его мѣры противъ печати не знали предѣловъ; но онѣ не только не помѣшали, а даже ускорили его паденіе. Чѣмъ ближе былъ конецъ бурбоновъ

и орлеанистской династіи, тѣмъ настойчивѣе они хватались за соломенку цензуры, ускоряя этимъ только свое паденіе. Тоже мы замѣчаемъ въ Россіи: Петръ I не нуждался въ стѣсненіи мысли; Екатерина II имѣла возможность поставить типографское производство въ положеніе, одинаковое съ другими промыслами; но всякій разъ, какъ только въ правительственной дѣятельности ставилась программа биронизма, вынуждены были прибѣгать къ иному порядку печати, который однако не останавливалъ ни на минуту паденія режима бироновъ. Таковъ общій историческій законъ. Правительства, имѣющія поддержку въ общественномъ мнѣніи, не нуждаются въ преслѣдованіяхъ величайшаго дара, которымъ природа надѣлила ихъ подвластныхъ — свободы мысли. Иной удѣлъ достается правительствамъ, которыя на первый планъ выдвигаютъ свои эгоистическіе интересы, принося имъ въ жертву нужды общія; ихъ окружаетъ густая сѣть подозрѣнія и стѣсненій мысли, пагубная для нихъ самихъ, разорительная для государственнаго хозяйства, деморализирующая самые элементы государственности.

Владѣльческая идея, проникая въ программу дѣятельности духовенства, открываетъ и свѣтскому правительству доступъ къ вліянію на религіозную мысль. Точекъ соприкосновенія между ними оказалось не мало. Римская курія или вступала въ столкновеніе со свѣтскимъ правительствомъ, или искала у него поддержки; въ обоихъ случаяхъ, свѣтская власть получала возможность распространить свое вліяніе на вопросы, которые прежде подлежали исключительному вѣдѣнію духовенства. Въ самомъ дѣлѣ, пока послѣднее держалось на почвѣ догматовъ, доказываемыхъ вѣрою, оно имѣло область дѣйствія, застрахованную отъ всякаго посторонняго вмѣшательства; но какъ только защита догматовъ смѣнилась защитою существовавшаго церковнаго порядка и политическаго главенства папы, коллизіи между духовною и свѣтскою властью стали неизбѣжны. Въ первое время протестантизма, помня свою прежнюю силу, папство преувеличило свое настоящее вліяніе на общественное мнѣніе XVI вѣка, и выбранная имъ рѣзкая програма создала ему политическихъ враговъ въ лицѣ императора и мелкихъ германскихъ князей; этимъ обстоятельствомъ какъ нельзя лучше воспользовался протестантизмъ. Характеристическимъ доказательствомъ того, до какой степени увлекалась римская курія ошибочнымъ убѣжденіемъ о своей силѣ, можетъ служить далеко не случайный историческій

эпизодъ поощренія папствомъ литературы цареубійства, теорію котораго достойные ученики Лойолы стремились насадить въ умахъ католической паствы [1]). Въ интересахъ собственной безопасности и общественнаго спокойствія, свѣтская власть вынуждена была вмѣшиваться въ подобнаго рода „религіозные" вопросы и привлекала ихъ къ своему трибуналу. Позднѣе, испытавъ нѣсколько неудачъ, папство стало уступчивѣе передъ правительствами и искало у нихъ поддержки, прося ихъ быть покровителями вѣры. Это открывало еще большую возможность ко вмѣшательству свѣтской власти въ религіозныя дѣла и усиливало владѣльческій элементъ въ отношеніяхъ государства къ религіозной мысли [2]).

Тѣ-же учрежденія, къ которымъ обращалось духовенство для преслѣдованія несогласныхъ съ догматами вѣры мыслей, даютъ и коронѣ свою помощь для защиты вѣры. Мы уже имѣли случай замѣтить, что инквизиціонные трибуналы южной Франціи зависѣли въ XVI ст. отъ свѣтской власти гораздо болѣе, чѣмъ отъ духовной. Еще легче было добиться этого результата отъ университетовъ, между членами которыхъ всегда было значительное число романистовъ, защищавшихъ права короны по призванію своей профессіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что уже

---

[1]) Я имѣю въ виду литературу, въ которой приняли участіе Маріана, Барклай, Беларменъ и мн. др.; іезуиты разсуждали слѣдующимъ образомъ: папѣ принадлежитъ не только духовная, но и свѣтская власть; король и императоръ царствуютъ потому только, что имъ даетъ благословеніе папа; снимая это благословеніе и согласіе, онъ тѣмъ самымъ позволяетъ каждому убить своего монарха. Во Франціи, сочиненія этого рода вызывали неоднократныя запрещенія парламента и короны; см. *Peignot*, Dict. *voce Bellarmin*. Въ Германіи, онѣ запрещались императоромъ и отдѣльными князьями; см. *Cramer*, Wetzlarische Nebenstunden, art. 53 (1765, Ulm). стр. 137 и слѣд., статью: vom Reichsgesetzmässigen Verkehr gegen unerlaubte Bücher.

[2]) Такъ, во Франціи свѣтская власть уже въ началѣ XVI ст. предпринимаетъ общія мѣры, имѣющія цѣлью запретить протестантскія проповѣди и подчиняющія всѣ проповѣди разсмотрѣнію и утвержденію епископа; всѣ проповѣдники, неуполномоченные на то, объявлены въ 1560 г. врагами общественнаго спокойствія и короны. Вскорѣ за тѣмъ ограниченія распространяются и на католическихъ проповѣдниковъ, такъ какъ уголовныя запрещенія книгъ обнимали безразлично всѣ «discours convincieux faits par les prédicateurs pour exciter le peuple à l'esmotion, sedition et desobeissance à l'autorité; таковы: эдиктъ Карла IX 1563, art. 13; январьскій эд. 1580 Генриха III, art. 6. См. *Leber*, 1. c., 14 и слѣд. Отдѣльныя попытки правительственнаго ограниченія католическихъ проповѣдниковъ встрѣчаются еще раньше; такъ, въ Англіи въ 1389 году постановлены наказанія за объявленіе папскихъ буллъ и запрещеній безъ согласія короны. 7 марта 1525, по пріѣздѣ въ Парижъ курьера, сообщившаго о сраженіи подъ Павіей и плѣнѣ Франциска I, президентъ парламента получилъ отъ двора, l'ordre de mander les predicateurs en sa maison pour leur dire la manière *dont ils devaient* precher sur l'estat des affaires. *Leber*, 11 и слѣд.

въ началѣ XVI ст. свѣтская власть, по просьбамъ римской куріи, даетъ имъ порученія въ смыслѣ охраненія чистоты религіозной истины и привыкаетъ видѣть въ нихъ своихъ чиновниковъ, уполномоченныхъ ею быть наставниками націи. Независимо отъ того, въ рукахъ правительства были еще общія полицейскія и судебныя учрежденія, совокупными усиліями которыхъ развивался вотчинный порядокъ государственной жизни и публичная религіозная мысль болѣе и болѣе подпадаетъ вліянію свѣтской власти.

Впрочемъ, въ странахъ, которыя оставались католическими, духовенство сохраняло значительную долю прежняго вліянія. Карлъ V даетъ лувенскому университету порученіе составить индексъ запрещенныхъ книгъ, но университетъ выжидаетъ папскую буллу, подтверждающую приказъ императора, и приступаетъ къ работамъ только по полученіи ея. Булла Льва X „Inter solicitudines nostris humeris", [1]) предписывающая предварительный просмотръ всѣхъ печатаемыхъ книгъ: въ Римѣ — per vicarium nostrum et sacri palatii magistrum, въ другихъ мѣстахъ — епископами, ихъ депутатами и членами инквизиціи преслѣдованія ересей, получаетъ силу не только во владѣніяхъ папы, но и въ другихъ католическихъ государствахъ [2]). Австрійское правительство періодически приглашаетъ изъ Рима іезуитовъ и вручаетъ имъ дѣло воспитанія юношества и религіозную мысль народа. Представители свѣтскаго правительства лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ возставали противъ распоряженій римской куріи [3]), обыкновенно же отправляли къ самому духовенству для „очищенія" отъ еретическихъ мыслей всѣхъ авторовъ, провинившихся въ нихъ [4]).

Гораздо большее вліяніе на религіозную мысль получаетъ свѣтская власть въ странахъ, отдѣлившихся отъ Рима. Проте-

---

[1]) *Bullarium*, V, стр. 613 и слѣд.

[2]) Ст. 9 австр. конкордата постановляетъ, что цензура принадлежитъ епископамъ, и это ихъ право охраняется государствомъ; см. *Филипса* ист. канонич. пр., VI, 620. Они раздѣляли ее съ университетами, пока не были назначены особые цензора отъ государства; см. *Mailath*, Geschichte des österreich. Kaiserstaates, II, 374 и сл.

[3]) Примѣры этого рода вызывались попытками римской куріи захватить свѣтскую власть, почему уже издавна папскія буллы запрещалось обнародовать безъ разрѣшенія правительства.

[4]) О каноническомъ *очищеніи* еретиковъ отъ ихъ заблужденій, по распоряженію свѣтской власти, см. у *Llorente*, Histoire de l'inquisition, и приводимый ниже статутъ 2 Henr. IV, cap. 15, art. XV.

стантская Германія сосредоточила ее въ рукахъ своихъ князей и университетовъ; германскіе государи взялись за это дѣло въ интересахъ упроченія протестантизма, не успѣвшаго еще стать твердою ногою и обуреваемаго постоянными спорами въ своей средѣ, чрезвычайно жаркими благодаря напряженному вниманію, съ которымъ общество того времени слѣдило за религіозными вопросами. Извѣстный своею терпимостью Фридрихъ Вильгельмъ III, при которомъ Пруссія еще не знала цензуры сочиненій ученыхъ и политическихъ, въ интересахъ сохраненія спокойствія въ средѣ протестантизма вынужденъ былъ принимать мѣры, рѣзко расходившіяся съ его политикой. Проповѣдникъ церкви св. Николая въ Берлинѣ, *Шаде,* извѣстный своею пропагандою въ пользу общественной исповѣди, едиктомъ 30 іюля 1698 вынужденъ былъ представить поручительство въ томъ, что онъ откажется отъ защищаемой имъ доктрины или оставитъ занимаемое имъ мѣсто; его сочиненія конфискованы, подъ предлогомъ того, что были напечатаны безъ дозволенія существовавшей уже духовно-университетской цензуры. Сочиненіе „реформатскій катихизисъ" сожжено, по распоряженію Фридриха, рукою палача въ Берлинѣ и Галлѣ. Та-же участь постигла сочиненіе гамбургскаго профессора *Эцарди,* возбуждавшее лютеранъ противъ кальвинистовъ.

Отнюдь не меньшее вліяніе на книги по религіознымъ вопросамъ сообщила свѣтской власти и протестантская Англія. До 1539 года, когда Генрихъ VIII рѣшительно порвалъ связи съ римскимъ дворомъ, англійское правительство такъ-же ревностно служило папству, какъ и правительства другихъ государствъ: статутомъ 1382, оно гарантировало свою помощь духовенству для искорененія ересей, предписавъ учреждать отъ времени до времени особыя королевскія коммисіи подъ предсѣдательствомъ шерифа или иныхъ лицъ, которымъ вмѣнено въ обязанность арестовать всѣхъ „лживыхъ проповѣдниковъ, поучающихъ народъ ересямъ", и поступать съ ними по всей строгости законовъ, пока они не примутъ доктринъ св. церкви [1]). Затѣмъ, вслѣдствіе быстраго распространенія ересей, которыя „проповѣдуются и въ церквахъ, и въ школахъ, и въ книгахъ", и по настояніямъ вліятельныхъ духовныхъ лордовъ, англійская корона при-

---

[1]) *Statutes of the Realm,* II, 25, 26, по англійскому обозначенію 5 Ric. II, Stat. 2, cap. 5.

нимаетъ еще болѣе сильныя мѣры. Статутомъ Генриха IV 1400—1401 (2 Henr. IV cap. 15 ст. XV) постановлено: ограничить право публичной проповѣди лицами, имѣющими на то особое разрѣшеніе отъ начальника діоцезы; запретить проповѣди рѣчи и сочиненія, противныя католическому ученію; обязать всѣхъ, имѣющихъ еретическія книги, представить ихъ, подъ угрозою наказанія, въ опредѣленный срокъ въ епархіальныя канцеляріи, а нарушителей этого правила и ересіарховъ арестовать и держать до тѣхъ поръ, пока они не будутъ канонически *очищены* (pure) отъ лжеученія; при отказѣ отречься отъ своихъ лживыхъ и скверныхъ взглядовъ, еретиковъ передавать шерифу или мэру для суда и сожженія всенародно на открытомъ мѣстѣ [1]). Впрочемъ, эта податливость короны не нравилась общественному мнѣнію, и парламенту; въ сессію 1533—1534 года удалось добиться отмѣны статута 1400—1401; для ересей введенъ общій порядокъ преслѣдованія преступленій, по обвинительному акту, утверждаемому большимъ жюри; важная особенность состояла въ томъ лишь, что раскаяніе освобождало подсудимаго отъ всякаго наказанія; кромѣ того постановлено, что рѣчи и сочиненія противъ свѣтской власти папы не считаются ересью [2]). Эта мѣра была близкимъ предвѣстникомъ разрыва съ римской куріей. семь лѣтъ спустя, король объявляетъ себя главою церкви и собственною властью провозглашаетъ догмы англиканской религіи, нападеніе на которыя обложено смертною казнью и другими карами; право преслѣдованія ихъ оставлено за англиканскими епископами, но рядомъ съ ними поставлены мировые судьи (Justices at their sessions); отводъ присяжныхъ безъ указанія причинъ въ дѣлахъ этого рода былъ запрещенъ [3]). Вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе смѣны площади типографскимъ станкомъ, и каѳедры проповѣдника и учителя печатною книгою, потребовалось распоряженіе, которое опредѣлило бы точнѣе права автора и читателя. Оно состоялось при томъ-же Генрихѣ VIII, въ парламентскую сессію 1542—43 года; но замѣчательно, что, отнимая надзоръ за религіозною мыслью у папства, свѣтское правительство Англіи провозглашаетъ тѣ-же принципы дѣятельности, которыми руководилось римское духовенство. Этотъ зна-

---

[1]) *Statutes of the Realm*, II, 126.
[2]) 25 Henr. VIII cap. XIV.
[3]) *Statutes of the Realm*, III, 739 и слѣд., an Act abolishing diversity of opinion.

менитый законъ 1542—43, извѣстный подъ титуломъ an Act for the advancement of true religion and for the abolishment of the contrarie [1]), въ одно и то-же время есть индексъ запрещенныхъ книгъ, уголовное и предупредительно-полицейское постановленіе. Имъ запрещаются библія въ переводѣ Тиндаля и всѣ произведенія этого автора; подъ угрозою конфискаціи, пожизненной или срочной тюрьмы и денежныхъ взысканій запрещается писать, читать и имѣть у себя сочиненія противъ св. англиканской церкви, ея доктринъ и обрядовъ; для печатанія религіозныхъ книгъ вводится предварительная цензура „короля и его духовенства", сочиненія же нерелигіозныя объявляются вполнѣ свободными; публичное чтеніе библіи и иныхъ книгъ св. писанія, а также разъясненіе ихъ, дозволяется лишь духовнымъ лицамъ, назначаемымъ королемъ, и нѣкоторымъ свѣтскимъ чиновникамъ въ произносимыхъ ими публичныхъ рѣчахъ; чтеніе на дому книгъ св. писанія дозволяется только женщинамъ знатнаго происхожденія, но для женщинъ низшихъ классовъ дозволеніе читать библію и св. писаніе по-англійски признано сопряженнымъ съ опасностью для государства, и потому за такое дѣйствіе съ ихъ стороны законъ угрожаетъ тюремнымъ заключеніемъ на 1 мѣсяцъ, unless permitted by King's indolence [2]).

Характеристическія черты, однородныя съ описанными, мы встрѣчаемъ и въ исторіи нашего отечества. Впрочемъ, *причины* вмѣшательства свѣтской власти въ религіозные вопросы были у насъ совершенно инаго рода. Онѣ коренились въ необразованности духовенства, созданномъ татарскимъ игомъ, и въ неудовлетворительномъ исполненіи лежавшихъ на немъ обязанностей церковныхъ. Уже Грозный обращается къ нему съ вопросами, имѣвшими характеръ приказаній, и добивается утвержденія на Стоглавомъ соборѣ указанныхъ выше мѣръ для исправленія богослужебныхъ книгъ. Позднѣе, вліяніе свѣтской власти увеличивается; съ духовенствомъ она говоритъ языкомъ начальника. На церковныхъ соборахъ являются ея бояре и дьяки, она же принимаетъ на себя заботы объ исполненіи духовенствомъ соборныхъ постановленій. Такъ, московскимъ соборомъ 1651 г.

---

[1]) Statutes of the Realm, III, 894 и слѣд.

[2]) Этимъ постановленіемъ объясняется, кажется, сохранившійся до сихъ поръ въ Англіи обычай, по которому св. писаніе по вечерамъ читается для прислуги самою хозяйкою дома.

февраля 9 положено было ввести во всѣхъ церквахъ однообразное пѣніе, избрать для надзора искусныхъ священниковъ, во всѣхъ церквахъ для вѣдома читать списокъ соборнаго уложенія, подвергать наказанію и доправленію пени всѣхъ священниковъ, виновныхъ въ неисполненіи этихъ правилъ. Грамоты лицамъ бѣлаго и черкаго духовенства, содержащія въ себѣ соборныя постановленія, съ предписаніемъ соблюдать ихъ и угрозою за неисполненіе, посылаются не патріаршею, а государевою властью [1]). Съ уничтоженіемъ-же патріаршества, духовное управленіе стало одною изъ частей общаго государственнаго управленія, что, разумѣется, еще болѣе облегчало свѣтскому правительству доступъ къ надзору за религіозной мыслью.

VIII.

Гораздо явственнѣе выдвинулась владѣльческая струя отношеній свѣтскаго правительства къ мысли политической, когда она касалась личныхъ отношеній государственной власти. Уже ранніе шаги окрѣпающей власти, не успѣвшей еще запастись общими, напередъ постановленными правилами, проникнуты сознаніемъ, что отъ государя непосредственно зависитъ распорядиться такъ или иначе съ лицемъ, заявляющимъ мнѣнія, несогласныя съ его интересами и взглядами. То, что проходило безнаказанно врагамъ Генриха IV, вызывало строгія кары противникамъ Людовика XI; одни государи позволяли бранить себя въ печатныхъ брошюрахъ, но весьма ревниво преслѣдовали всякое неуважительное слово о любимой женѣ или дочери, другіе защищали строгими карами по преимуществу свою личность [2]). Эластическія по-

---

[1]) Грамота Государя Царя и В. К. Алексѣя Михайловича въ Кострому, игумену богоявленскаго монастыря Герасиму и Никольскому попу Георгію Алексѣеву, о надзорѣ за правильнымъ чтеніемъ и пѣніемъ во время церковной службы, напечатана въ Русскомъ Временникѣ, Москва 1790, ч. II, стр. 3?2, 823; тоже, въ Сійскій монастырь игумену Θеодосію, въ А. Арх. Э. V, № 327.

[2]) При Людовикѣ XI, въ іюнѣ 1471 года на стѣнахъ Парижа появились объявленія (placards), оскорбительныя для чести конетабля и непонравившіяся королю; тотчасъ за голову виновнаго обѣщана высокая сумма и назначена смертная казнь тому, кто, зная его, не донесетъ о немъ. Людовикъ XII принималъ остроты на свой счетъ весьма снисходительно: Laissons les s'amuser, говаривалъ онъ; je leur permet de parler de moi et de ma court; mais respect à la reine (Анна Бретанская)! sinon je les ferais pendre tous. Карлъ IX преслѣдовалъ еретическія книги (Варѳоломеевская ночь), но прощалъ либелистамъ, позорно отзывав-

становленія римскаго права объ обидахъ чести и оскорбленіяхъ величества оставляли имъ самый широкій просторъ. Затѣмъ, по мѣрѣ внесенія въ правительственную программу общихъ правилъ дѣятельности, объявляются напередъ преступными всякія посягательства на права и прерогативы короны. Ихъ широкій объемъ, вызванный взглядами владѣльческой эпохи, которая превращаетъ все государство въ вотчину государя [1]), не замедлилъ сдѣлать всѣ области политической мысли принадлежностью свѣтскаго правительства, такъ какъ она касалась его личнаго дѣла, его собственныхъ интересовъ.

Расширеніе политическихъ функцій государства, естественно, не дозволяло монарху лично отправлять свои права по надзору за политическою мыслью; подобно тому, какъ имъ посылались прикащики въ свои помѣстья, учреждаются различныя государственныя установленія, которымъ отводится опредѣленная часть государственной жизни; они управляютъ ею именемъ монарха, на его правѣ владѣнія и господства. Готовая система мѣръ и установленій, выработанная совмѣстною дѣятельностью духовенства и свѣтской власти для религіозной мысли, мало по малу переносится на мысль политическую, которая подпадаетъ тому же режиму. Притомъ, и здѣсь обращается первоначально наибольшее вниманіе на устное слово проповѣдниковъ и наставниковъ, пока типографскій

шихся о немъ или о его семействѣ. На просьбы придворныхъ о преслѣдованіи автора (Thomas Artus, не назвавшаго своего имени) сочиненія: Description de l'isle des Hermaphrodites, Генрихъ IV добродушно отвѣчалъ: Ventre saint-gris! je me ferois conscience de molester un homme d'esprit, pour vous avoir dit vos verités. Монтень, Маро, Дюмуленъ, Рабле, — все это писатели XVI и XVII ст., не подвергавшіяся никакимъ серьезнымъ преслѣдованіямъ за свои сочиненія. Но другіе были менѣе счастливы; при извѣстномъ покровителѣ наукъ и искусствъ, Францискѣ I, нѣкто Louis Berquin, членъ королевскаго совѣта, подвергнутъ смертной казни за свои сочиненія какъ рецидивистъ. См. *Leber*, de l'état actuel de la presse, стр. 27 и слѣд.

[1]) Даже попечительная эпоха, хотя по инымъ нѣсколько соображеніямъ, оставляетъ ихъ въ прежней безграничности. *Мозеръ*, знаменитый публицистъ конца XVIII в., въ своемъ сочиненіи: v. d. Landeshoheit in Polizeisachen, 1773, стр. 38 пишетъ: Ein jeder Regent ist, *als Landesvater*, auch um seines eigenen Nutzens und des gemeinen Wesens Bestens willen, schuldig und befugt, dahin zu sehen, dass seine Unterthanen sich selbsten, dem Herrn und dem Staat, auf die möglichste Weise brauchbar und nützlich werden. Опредѣленіе мѣръ для достиженія этой цѣли вполнѣ зависитъ отъ государя, изъ нея-же вытекаетъ и необходимость пещись объ ихъ образованіи и воспитаніи. См. также *Mailath*, в. с. V, стр. 377 и слѣд.: «Die Regierungsgrund[illegible]n: Aufrechterhaltung der Souverainetätsrechte, Verneinung eines j[illegible] der [illegible] ker an jene Rechte und Begünstigung des Katholicism[illegible] triarchalischer Weise durchgeführt werden. Aber *ma*[illegible] *waltete blos*». Эти слова сказаны о правленіи Франца

станокъ не успѣлъ смѣнить площади, книга — каѳедры. Какъ священники были объявлены лицами, единственно компетентными для проповѣди и толкованія слова божія,— какъ профессора теологическихъ факультетовъ получили привиллегію наставлять протестантское юношество въ религіозной истинѣ и стали источникомъ ея для всей церковной паствы, — такъ профессора правъ, (Rechtsgelehrte) были уполномочены короною трактовать, въ отводимыхъ ею границахъ, о вопросахъ юридическихъ и политическихъ. Весьма долго общественное мнѣніе не требовало большаго, потому что наставники юношества были вмѣстѣ съ тѣмъ наставниками націи. Еще Мозеръ, германскій публицистъ XVIII ст., не мало поработавшій по вопросу объ отношеніяхъ государства къ печати [1]), смотритъ весьма оригинально на требуемую имъ свободу печати. Ее онъ понимаетъ лишь какъ право одной стороны (политической партіи) высказывать печатно свой голосъ въ случаѣ, если другая уже высказалась противъ, и субъектами ея считаетъ не всякаго смертнаго, а лишь научно образованныхъ лицъ, засѣдающихъ въ университетѣ. Говоря даже о религіозныхъ спорахъ, онъ ставитъ центръ тяжества свободы печати не въ общей свободѣ говорить и писать, а только въ свободѣ ея для Rechtsgelehrten: ученымъ юристамъ обѣихъ партій, протестантской и католической, должно быть или дозволено, или запрещено обсуждать возникающія между ними юридическія пререканія, — и въ эти-то скромныя рамки Мозеръ заключаетъ понятіе религіозной равноправности [2]). Такое же положеніе существовало и во Франціи, гдѣ къ университетамъ перешли тѣ же права относительно лицъ, занимавшихся типографскимъ производствомъ и книжною торговлею, которыя имъ принадлежали прежде относительно переписчиковъ, переплетчиковъ и продавцевъ рукописей [3]). Мы встрѣчаемъ его и въ австро-венгерскихъ владѣніяхъ [4]), и въ протестантскихъ государствахъ Германіи [5]).

---

[1]) Joh. Jac. *Moser*, von der Reichsverfassungsmässigen Freiheit, von Teutschen Staats-Sachen zu schreiben, Göttingen und Gotha, 1772.
—, Praecogniti juris publici Germanici generalissima, 1732, гл. III.
—, Von den Kaiserlichen Regierungsrechten und Pflichten, 1773, ч. II.
—, Landeshoheit in Polizeisachen, 1773, гл. III, «Besserung des Verstandes und Willens.»

[2]) *Moser*, von der Reichsverfassungsmässigen Freiheit, etc., стр. 53 и слѣд.

[3]) *Leber*, De l'état réel de la presse, 9 и слѣд. *Dupont*, Histoire de l'imprimerie, 1868; *Peignot*, Essai, 68 и слѣд. *Bouchel*, Recueil des statuts et reglements des libraires et imprimeurs de Paris, 1620, passim.

[4]) *Mailath*, II, 375. *Wiesner*, стр. 18.

[5]) *Stenzel*, II, 92 и слѣд.

Но въ рукахъ университетовъ надзоръ за политическою мыслью держится не долго. Лежавшіе на немъ посторонніе, но толстые слои религіознаго призванія и окрѣпавшая мало по малу идея, что управленіе составляетъ личное дѣло правительства, побуждаютъ послѣднее взять ее исключительно въ свои руки и распредѣлить надзоръ за нею между органами, непосредственно ему подчиненными. Цензура публичнаго слова, по характеру своему, есть институтъ полицейскаго періода законодательства печати; какъ вѣтвь предупредительной полиціи, она беретъ на себя задачу отрицательную — ставить преграды къ публичному обнаруженію таких областей мысли, которыя признаются опасными для государства. Это полицейское отношеніе къ печати появляется на страницахъ правительственной дѣятельности тогда уже, когда владѣльческіе взгляды уступаютъ мѣсто другимъ, принадлежащимъ позднѣйшему періоду, и мысль начинаетъ разсматриваться какъ достояніе индивидуальнаго ума, который можетъ вступать въ коллизію съ интересами общественной пользы. Но нѣкоторыя формы и виды цензуры совмѣстимы и съ владѣльческимъ отношеніемъ правительства къ народному знанію и народной мысли; въ такомъ случаѣ, цензура носитъ иной характеръ, не ограничиваясь задачами отрицательными, а преслѣдуя задачи положительныя — обезпечить за правительствомъ неприкосновенность въ дѣлѣ управленія государственнаго и доставить народу средства просвѣщенія по выбору правительства-же. Завѣдывавшій опредѣленною областью государственнаго управленія имѣлъ и надзоръ за мыслью, относившеюся къ этой области, или, еще точнѣе, за нимъ признавалось исключительное право на такого рода мысль. Съ точки зрѣнія вотчинной эпохи, это явленіе представляется совершенно естественнымъ. Пока управленіе разсматривается какъ частное дѣло правительства, то предоставленіе органамъ его власти, въ опредѣленномъ кругѣ администраціи, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ власть надъ всѣми проявленіями общественной жизни, приходящими въ соприкосновеніе съ ввѣреннымъ имъ кругомъ вопросовъ. Такъ напр., если Министерству Иностранныхъ Дѣлъ ввѣрена внѣшняя политика страны, то, съ точки зрѣнія вотчиннаго порядка, это значитъ, что оно признано единственнымъ хозяиномъ вопросовъ этого рода, а слѣдовательно ему должна [illegible] предоставлена власть и надъ тѣми произведеніями литер[illegible] въ ко[illegible] могутъ проникать сообщенія изъ ввѣреннаг[illegible]йства.

четностью оно обязано только передъ монархомъ. Цензуру отправляютъ органы, которые считаются хозяевами, владѣльцами данной сферы мысли, и ихъ программа проникнута этими взглядами. Отсюда—множество явленій, которыя кажутся непонятными съ перваго осмотра. Свѣтскія правительства застаютъ уже, въ XVI ст., совершенно готовый институтъ духовной цензуры, достигшій значительной централизаціи; казалось бы, имъ всего проще было перенести его и на сферу политической мысли. На самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ иное: правительства принимаютъ его, назначаютъ даже отъ себя цензоровъ, но только для области религіозной мысли; мысль-же политическая и общественная почти вплоть до XVIII ст. не знаетъ общаго института цензуры, ее размѣщаютъ между отдѣльными государственными установленіями и чинами, которые отправляютъ ее на началѣ владѣльческомъ. Мѣры полицейскаго порядка еще не имѣли почвы, онѣ укореняются позднѣе. Точно также, руководящими началами разсматриваемой эпохи объясняется взглядъ на книжное производство какъ на регалію государеву. Держится онъ весьма долго, такъ что еще германскіе публицисты начала XIX ст. продолжаютъ называть отношеніе правительства къ печати „книжною регаліею" (Bücher-Regal), составляющую неотъемлемую принадлежность короны и вѣтвь болѣе обширной ея регаліи — „образовательной и воспитательной" [1]). Ее оно не выпускало изъ своихъ рукъ, и если иногда предоставляло ученымъ [2]) или административнымъ институтамъ возможность выступать съ публично-выраженною мыслью, то считало такую ихъ дѣятельность видомъ оффиціальной, служебной и не стѣснялось ограничивать ихъ при первомъ неудовольствіи, возникавшемъ вслѣдствіе переступленія отведенныхъ ею границъ. Цвѣтущая эпоха просвѣщеннаго абсолютизма наиболѣе богата жалобами университетовъ и людей науки, выступавшихъ съ сочиненіями политическаго и общественнаго содержанія, на стѣсненія ихъ правительственными органами [3]). Акты своей дѣятельности не только верховное правитель-

---

[1]) *Klüber*, Oeffentliches Recht des teutschen Bundes und der Bundesstaaten, 3-е изд. 1831 (1-е изд. вышло въ 1817), § 503. Отголоски этого взгляда замѣчаются даже у Штейна.

[2]) Право университетовъ, академій, ученыхъ обществъ и т. под. издавать безъ цензуры свои сочиненія представляется именно остаткомъ ихъ прежнихъ владѣльческихъ правъ на мысль.

[3]) *Moser*, Praecognita, стр. 71, 72: Einer, der in jure publica etwas zu schreiben gedenket, hat auch noch (независимо отъ соблюденія разныхъ требо-

ство, но и служебные правительственные органы считали своимъ частнымъ дѣломъ, дозволяя или запрещая писать о немъ по своему усмотрѣнію. Во времена Мозера, многіе германскіе университеты лишены были возможности напечатать какую либо юридическую книгу, особенно же касающуюся области государственнаго права, не испросивъ предварительно разрѣшенія двора мѣстнаго правительства [1]); имперскіе города уже не дѣлали тайны изъ своихъ совѣщаній, но постановленія графскихъ съѣздовъ, мирные трактаты, пререканія императоровъ съ сословіями и многіе другіе вопросы внутренней и внѣшней политики были строго изъяты не только отъ права анализа, но даже отъ простаго упоминанія ихъ на печатной бумагѣ [2]). Совѣщанія, происходящія въ средѣ англійскаго парламента, до сихъ поръ изъяты de jure (по аналогіи съ прежними узаконеніями о королевскомъ тайномъ совѣтѣ) отъ публичнаго анализа и оглашенія, такъ что парламентъ, на основаніи неотмѣненныхъ до настоящаго времени законовъ, въ любую минуту можетъ привлечь къ своему суду всѣ англійскія газеты, столбцы которыхъ наполнены происходящими въ его стѣнахъ дебатами, и только de facto, по обычаю, англійская пресса имѣетъ возможность безопасно говорить о парламентской дѣятельности [3]). Эти мѣры, направленныя противъ народнаго *знанія*, выдѣляющія цѣлыя области фактовъ изъ вѣдѣнія народнаго, составляютъ характеристическое достояніе вотчинной эпохи. Мысль о принадлежности правительству всего знанія народнаго, о правѣ пополнять и ограничивать его по своему субъективному усмотрѣнію, выступаетъ тутъ чрезвычайно рельефно.

ваній закона, постановленныхъ на случай печатанія книги) zu beobachten, nicht nur, was recht und wahr seye, sondern auch, was die Klugheit verstatte, zu schreiben oder nicht; denn es ist vieles wahr, und der Gerechtigkeit gemäss, dass man aber doch nicht schreiben darf, und es geschehet vieles, dass nicht recht ist, indessen darf es doch kein privater wagen, scapham zu nennen.

[1]) *Moser*, Landeshoheit, стр. 68.

[2]) *Moser*, von der Reichsverfassungsmässigen Freyheit etc., стр. 27, 37, 53 и др. Въ 1760 году всѣмъ, и особенно профессору Струбе, запрещено писать что бы то ни было о вестфальскомъ мирѣ. *Moser*, ib., стр. 56. Подобные примѣры составляли самое обыкновенное явленіе и въ исторіи другихъ государствъ этой эпохи. Разумѣется, и инквизиція руководилась такими началами. Напр. сочиненіе горячаго ея защитника, *Paramo*, de origine et progressu officii sanctae inquisitionis, éjusque dignitate et utilitate, Madriti, 1598, запрещено испанскою инквизиціею потому только, что она не желала, чтобы кто либо зналъ о ея дѣятельности.

[3]) *Erskine May*, das Englische Parlament und sein Verfahren, пер. Оппенгейма, Leipzig, 1869, гл. III, стр. 78—80. Примѣры см. у *Duboc*, Geschichte der englischen Presse, стр. 23 и сл.

Разсматривая народную мысль и народное знаніе, въ ихъ полнотѣ, какъ свою вотчину, правительство естественно могло придти къ привиллегіямъ на мысль и знаніе въ пользу нѣкоторыхъ классовъ общественныхъ, по принципу, извѣстному въ римскомъ правѣ: уполномоченный на цѣлое уполномоченъ и на часть. Знаніе распредѣлялось „въ нужной для каждаго мѣрѣ"; многія области его, запрещенныя для массы народной, дозволялись нѣкоторымъ лицамъ или сословіямъ лицъ, многія книги и сочиненія, изъятыя изъ общаго обращенія, получали безпрепятственный доступъ въ кабинеты и библіотеки лицъ привиллегированныхъ. Эта политика замѣчается уже въ исторіи папства; запрещая различныя сочиненія, папы удерживали за собою право дозволять чтеніе ихъ различнымъ лицамъ по своему усмотрѣнію. Въ до-революціонной Франціи, печатныя записки адвокатовъ по судебнымъ дѣламъ были свободны отъ цензуры и всякихъ репрессивныхъ мѣръ, по фикціи, что онѣ изготовляются исключительно для чиновъ судебнаго сословія; ограниченія этой свободы начинаются съ того времени, когда адвокаты стали пытаться распространять свои записки въ другихъ сферахъ общества. Въ Австріи, члены знатныхъ классовъ, долгое время, пользовались широкою привиллегіею получать такія книги и сочиненія, которыя были строго запрещены для всѣхъ остальныхъ лицъ (Wiesner, в. с. стр. 118 и слѣд.). Тожественныя постановленія мы встрѣтили въ исторіи англійскаго законодательства. Въ Россіи, до сихъ поръ индексы запрещенныхъ книгъ имѣютъ двойственный характеръ: для массы народной объемъ ихъ шире, для лицъ привиллегированныхъ гораздо тѣснѣе; въ послѣднемъ случаѣ на полученіе книги, подпавшей общему запрещенію, требуется особое разрѣшеніе цензурнаго комитета.

IX.

За выдѣломъ религіозной и политической литературы, оставались еще два ея рода, которые не стояли въ такомъ безусловномъ подчиненіи духовной и свѣтской власти: изъ нихъ первый — литература отвлеченной науки, чуждая практическихъ интересовъ минуты, не вмѣшивавшаяся въ тогдашніе политическіе споры. При соблюденіи этого условія, она была свободна отъ преслѣдованій

и дѣятели ея пользовались почетомъ и уваженіемъ, какъ представители интеллектуальныхъ силъ своего времени. Но до какой степени было трудно удержаться на рубежѣ, отдѣлявшемъ, по понятіямъ того времени, даже самые отвлеченные научные вопросы отъ религіозныхъ и политическихъ, показываютъ неоднократные примѣры преслѣдованія авторовъ этого рода, сохранившіеся до нашихъ дней. Духовенство во всякомъ ученомъ трудѣ, прямо или косвенно опровергавшемъ установившіяся суевѣрія и предразсудки, видѣло посягательство на чистоту вѣры. Участь, постигшая Галилея за его „dialogo della due massime systeme del mondo, Tolemaico et Copernicano", получила міровую извѣстность; папа Урбанъ VIII заключилъ его въ пенитенціарій какъ еретика, заставилъ его отказаться отъ своихъ доктринъ, и величайшій астрономъ принужденъ былъ пѣть покаянные псалмы Давида; только по истеченіи 5 лѣтъ онъ получилъ свободу, но навсегда утратилъ возможность писать въ прежнемъ направленіи. Другой мыслитель изъ однородной области науки, Гумбольдтъ XVI ст., Іорданъ Брунъ, своимъ сочиненіемъ, „de innumerabilibus immenso et infigurabile, seu de universo et mundo", 1591, возбудилъ противъ себя самое горячее преслѣдованіе, со стороны протестантскихъ богослововъ, которые увидѣли въ утвержденіи автора, что все существующее объясняется естественными законами, „желаніе заключить всемогущество божіе въ ограниченный кругъ"; они добились внесенія этого труда въ протестантскій Catalogum Atheorum [1]. За свое ученое изслѣдованіе о планетахъ и кометахъ, поставленное на почву законовъ естественныхъ, Петръ *Бальи* въ началѣ XVIII ст. потерялъ мѣсто профессора Сорбонны, а написанное имъ въ разъясненіе „письмо г. доктору Сорбонны, гдѣ доказывается философскими и теологическими доводами, что кометы не суть предвозвѣстники какого бы то ни было несчастія, со многими историческими замѣчаніями и опроверженіемъ нѣкоторыхъ народныхъ заблужденій", вызвало противъ автора серьезныя личныя преслѣдованія. Органы власти, объявившіе народное знаніе своимъ доменомъ, отпускали его небольшими, ими же установлявшимися, порціями и, подобно духовенству, твердо стояли на мысли, что человѣку нужно не многознаніе, а только вѣра и слѣпое повиновеніе. Въ своей образовательной и воспитательной дѣятельности, іезуиты явно руководились прин-

---

[1]) *Klotz*, De libris auctoribus suis fatalibus. Lipsiae, 1761.

ципомъ, по которому „науки моральныя и математическія могутъ быть терпимы на столько лишь, на сколько нужно для достиженія преслѣдуемыхъ нами цѣлей“ [1]). Еще тяжеле была участь лицъ, которыя занимались науками философскими и историческими; имъ приходилось маневрировать среди множества властей, существовавшихъ въ то время, стоявшихъ на-сторожѣ одна противъ другой и употреблявшихъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры, чтобы подкопаться подъ своего противника; въ силу того же закона, по которому человѣкъ мало образованный не любитъ слышать похвалъ своему врагу и видитъ въ нихъ личную для себя обиду, историки подвергались иногда серьезнымъ преслѣдованіямъ не только за порицанія, но и за похвалы. Они естественно искали покровительства у враговъ тѣхъ, кто считалъ себя оскорбленнымъ ими, и нерѣдко получали его, но безъ затрудненій были приносимы въ жертву по самымъ слабымъ соображеніямъ политической выгоды: при заключеніи мира постановлялось иногда о внесеніи тѣхъ или другихъ книгъ въ списокъ запрещенныхъ [2]). За малѣйшій намекъ въ философской или исторической работѣ на современныхъ политическихъ дѣятелей авторъ рисковалъ своею свободою и даже жизнью; печальнымъ примѣромъ можетъ служить участь Ѳомы Кампанеллы, который въ своемъ сочиненіи „De recta ratione studendi“, направленномъ противъ Аристотеля, отнесся въ предисловіи „безъ достаточнаго уваженія“ къ неаполитанскому королю; его заключили въ тюрьму, гдѣ онъ оставался въ теченіи 25 лѣтъ, выдерживая пытки и утомительные допросы, которые иногда продолжались по 35 часовъ безъ перерыва Понятно, что при этихъ условіяхъ не могло быть рѣчи ни объ авторскихъ правахъ, ни о правахъ читателя и общества въ печати; авторъ имѣлъ почти единственное право — страдать за свои мнѣнія и изслѣдо-

---

[1]) «Scientia moralis et mathematica tantumodo tradentur, quantum conveniunt ad finem nobis propositum. Ita demum nostri philosophiam interpretentur, ut eam theologiae scholasticae ancillari faciant». См. *Hormayer*, Anemonen, IV, 90. На основаніи однородныхъ фактовъ *Палеарій*, писатель XVI в., называлъ инквизицію «кулакомъ, постоянно направленнымъ на горло людей науки» (inquisitionem sicam esse distrectam in jugulae litteratorum). Замѣчательна его судьба. Свое имя Antonius онъ писалъ Aonius, по модѣ того времени принимать древнегреческія имена. Нелюбившая его инквизиція воспользовалась этимъ, и по доносу Латина онъ присужденъ къ повѣшенію и сожженію въ Римѣ (1566 †) за нелюбовь буквы *t* потому будто-бы, что она напоминаетъ собою крестъ.

[2]) Эта участь постигла напр. сочиненія *Casaubon'а*, стоявшаго на сторонѣ венеціанской республики противъ папы; послѣ примиренія ихъ въ 1607 г. онѣ были запрещены. Даже рѣшенія парламентовъ и буллы папъ попадали въ списокъ запрещенныхъ книгъ; см. *Peignot*, Diction., *sub voce* Bulles и Boucher.

ванія, читатель — узнавать только тѣ положенія науки, которыя ему соглашалось отпустить духовное или свѣтское правительство, и владѣть сочиненіями пока оно не находило нужнымъ отобрать ихъ; общественная сторона печати находилась въ полномъ подчиненіи правительству. Единственный выходъ изъ этаго положенія былъ въ меценатствѣ, но оно прикрывало людей науки до тѣхъ лишь поръ, пока ихъ покровитель имѣлъ достаточно силы и желанія защищать ихъ.

Другая отрасль литературы - изящная словесность — находилась въ положеніи отнюдь не лучшемъ. Въ вопросахъ политическихъ, мы видѣли мысль достояніемъ правительства; изящную словесность, подъ вліяніемъ тѣхъ же владѣльческихъ взглядовъ, считаютъ своею принадлежностью высшіе классы общества. Незначительное число лицъ грамотныхъ отнимало у литературы возможность быть слугою общества, ей пришлось сдѣлаться слугою немногихъ. Изящная литература первоначально представляется трубадурами и минезингерами, затѣмъ — частными пѣвцами, которые живутъ небольшими подачками двора или вельможъ, во Франціи — преимущественно женскаго пола. Меценатство практикуется здѣсь еще въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ относительно литературы научной [1]). Но и тутъ меценатство далеко не спасало отъ преслѣдованій [2]); поэты и романисты, изъ слишкомъ усерднаго служенія своимъ патронамъ бросавшіе черезъ-чуръ мрачныя тѣни на ихъ недруговъ, по домогательствамъ послѣднихъ

---

[1]) См. напр. относительно французской литературы *Hatin*, Histoire politique et litteraire de la presse en France, Paris, 1859, т. I. *Лоре* (Loret), пенсіонеръ княгини де-Лонгевилясъ, герцогини Немюръ, печатно называетъ даже сумму, которая ему полагалась за стихи:

Princesse, enfin votre ordonnance
M'a fait touché quelque finance;
On m'a payé tout un quartier
De ma charge de gazetier.
Il faut donc que je pérsèvere,
Et si le ciel, en qui j'espère,
M'éclaire un peu l'intendement,
Vous aurez de contentement
Pour vos *deux cent cinquante* livres,
Ou bien j'y brûlerai mes livres.

Hatin, I, 323 и слѣд.

[2]) Сатиру Еразма «Laus stultiae», папа Левъ X читалъ съ большимъ удовольствіемъ и бралъ ее подъ свою защиту, но Сорбонна тѣмъ не менѣе настояла на внесеніи ея въ римскій [illegible] запрещенныхъ [illegible] Другъ Еразма, Louis de Berquin, передавшій нѣкото[illegible]ъ его сочинен[illegible] вольномъ переводѣ, былъ преданъ Сорбонной свѣт[illegible]авосудію по [illegible]ію въ ереси и сожженъ живымъ въ 1529 году, въ П[illegible] присутств[illegible]ска I и многихъ членовъ королевскаго семейства

въ скоромъ времени могли найти свои сочиненія въ спискахъ запрещенныхъ книгъ, а нерѣдко платились даже денежными взысканіями и свободою по приговору судовъ [1]). Затѣмъ, когда изящная литература оставляетъ службу отдѣльнымъ лицамъ и, примѣтивъ зародившуюся жизнь общественную, начинаетъ служить всему обществу, — власть и привиллегированные классы видятъ въ этомъ явленіи посягательство на свои владѣльческія функціи, отрицаніе своихъ прерогативъ и регалій, а потому встрѣчаютъ такія произведенія весьма неблагопріятно. Уже въ XVI ст. въ спискахъ запрещенныхъ книгъ оказались имена Рабле [2]), Эразма и Торквато Тассо [3]), въ XVII — Паскаля [4]) и Фенелона [5]), котораго офиціальное положеніе при французскомъ дворѣ въ качествѣ воспитателя дофина избавило лишь отъ личнаго преслѣдованія, но не спасло его трудовъ отъ запрещенія королевскою властью; еще тяжеле поплатился Теофиль, авторъ юмористическою произведенія „Le Parnasse des poêtes satyriques“, 1625, который при-

---

[1]) Нѣкто *Squitina*, по порученію императора написавшій памфлетъ Della liberta veneta, 1612, гдѣ онъ утверждалъ, что венеціанская республика была прежде императорскимъ владѣніемъ и что потому притязанія на нее императора совершенно основательны, вызвалъ противъ своей книги распоряженіе венеціанскаго сената о сожженіи публично рукою палача. См. *Peignot*, Dict., *sub voce* Squitim. Извѣстный трактатъ *Мильтона*, Pro populo anglicano defensio, 1651, получилъ въ Англіи премію въ 1000 фун. ст., а въ католическихъ государствахъ континентальной Европы присужденъ къ сожженію.

[2]) *Rabelais*, Les faits et dits héroiques du bon Pantagruel — сатира эта въ 1545 цензурована Сорбонной и осуждена парламентомъ парижскимъ.

[3]) *T. Tasse*, Di Jerusalemme conqiustata, 1595 — запрещено рѣшеніемъ парижскаго парламента 10 сент. 1595.

[4]) *Pascal*, Lettres écrites à un provincial, Paris, 1657 — запрещено декретомъ папы Александра V и сожжено по распоряженію ахенскаго парламента. Въ авторѣ этого сочиненія многіе позднѣйшіе критики видятъ отца французскаго литературнаго языка; его изложеніе, по отзывамъ многихъ соединяетъ въ себѣ силу краснорѣчія Мирабо, соль Мольера и діалектику Боссюэта.

[5]) «Похожденія Телемака» захвачены при печатаніи и тщательно уничтожены, типографы подверглись жестокому наказанію, всѣ тайныя изданія преслѣдовались очень ревностно. Причина та, что Людовикъ XIV видѣлъ въ этомъ сочиненіи злую сатиру на себя и на свой дворъ; въ Сезострисѣ онъ узнавалъ себя, въ Калипсѣ — m-lle de Montespan, въ Euctaris — m-lle de Fontaigne и пр. Другое его сочиненіе — Direction pour la conscience d'un Roi, гдѣ онъ высказываетъ положенія, въ высшей степени замѣчательныя для своего времени — что всякій хорошій правитель долженъ воздерживаться отъ актовъ произвола, защищать свободу во всѣхъ ея видахъ и строгую справедливость — преслѣдовалось еще жарче; оно печаталось тайно въ Голландіи; первое полное французское изданіе вышло лишь при Людовикѣ XVI, по его личному разрѣшенію. Трактатъ Фенелона Explications des maximes des Saints sur la vie interieure, по проискамъ Боссюэта, его личнаго врага, запрещенъ папою Иннокентіемъ XII «даже для тѣхъ лицъ, относительно которыхъ требуется спеціальное запрещеніе»; подтвержденіе королемъ папскаго запрещенія занесено въ реэстры парижскаго парламента въ августѣ 1699 года.

говоренъ былъ къ сожженію вмѣстѣ съ своею книгою: ему едва удалось отдѣлаться отъ костра ссылкою. Затѣмъ, въ XVIII ст. почти всѣ выдающіяся произведенія своего времени оказались запрещенными: Деформъ, Дидеро, Даламберъ, противникъ феодальныхъ правъ Бонсерфъ, матеріалисты Гольбахъ и Ла-Меттри, Гельвецій и Руссо; Вольтеръ и Бомарше были строго запрещены наканунѣ французской революціи.

X.

Мѣры, къ которымъ прибѣгала общественная власть для проведенія владѣльческихъ идей въ отношеніяхъ къ мысли, сводились къ слѣдующимъ: изслѣдованіе заподозрѣннаго сочиненія и запрещеніе его, сопровождавшееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ сожженіемъ книги; преслѣдованіе авторовъ судебнымъ порядкомъ и наказаніе ихъ; учрежденіе индексовъ запрещенныхъ книгъ; учрежденіе цеховаго порядка людей, занимавшихся типографскимъ производствомъ и книжною торговлею, поставленныхъ въ полную зависимость отъ правительства; наконецъ, учрежденіе цензуры какъ мѣры закрѣпощенія мысли за данными сферами правительства и предупрежденія вторженій въ нихъ простыхъ гражданъ. Изъ этихъ мѣръ, двѣ первыя употреблялись уже и прежде духовенствомъ, послѣдняя составляетъ переходъ къ эпохѣ полицейской.

Характеристическая черта, отмѣчающая названныя мѣры и составляющая любопытный признакъ времени, состоитъ въ томъ, что изобрѣтенныя духовенствомъ и примѣнявшіяся первоначально лишь къ циклу религіозныхъ вопросовъ, онѣ принимаются мало по малу правительствомъ для упроченія власти его надъ религіозною-же мыслью [1]); другія области мысли подпадаютъ имъ значительно позднѣе. Только личныя преслѣдованія авторовъ имѣли фундаментъ, заложенный не духовенствомъ, а свѣтскимъ, именно римскимъ законодательствомъ въ постановленіяхъ его относительно оскорбленія величества и частныхъ лицъ.

---

[1]) Явленіе это стоитъ въ связи съ общимъ направленіемъ XVI—XVIII вѣковъ; религіозная мысль, освобождаясь отъ духовенства, пріобрѣтаетъ себѣ новаго владыку въ лицѣ правительства; процессъ дѣйствительнаго зарожденія религіозной свободы начался гораздо позже, въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ; протестантизмъ-же, галликанизмъ и англиканство поняли свободу религіозной мысли въ формѣ смѣны духовной надъ нею власти свѣтскою. См. *Драгомановъ*, Борьба за религіозную свободу въ XVI и XVII в.

Изслѣдованіе заподозрѣннаго сочиненія производилось послѣ выхода его въ свѣтъ. Папа, епископы или инквизиція съ одной стороны, императоры, короли и государи съ другой, обращались съ порученіями подобнаго рода къ соотвѣтствующимъ спеціалистамъ, преимущественно къ факультетамъ наиболѣе извѣстныхъ университетовъ, передавая на обсужденіе ихъ сомнительную книгу. Заключенія избранныхъ лицъ или мѣстъ получали окончательную санкцію давшаго порученіе, и затѣмъ приводились въ исполненіе: книга запрещалась вполнѣ или частью, иногда подвергалась сожженію; всѣмъ пріобрѣтшимъ ее предписывалось возвращать пріобрѣтенные экземпляры назначаемому для того учрежденію, а въ противномъ случаѣ опредѣлялись болѣе или менѣе тяжкія взысканія; карательныя послѣдствія угрожали не только авторамъ, но также распространителямъ и продавцамъ подобныхъ запрещенныхъ сочиненій.

Личное преслѣдованіе автора и другихъ участниковъ въ изготовленіи и распространеніи книгъ, несоотвѣтствовавшихъ интересамъ власти, начиналось или послѣ процесса запрещенія книги, или соединялось съ нимъ въ одно производство. Уголовныя постановленія римскаго законодательства служили здѣсь важнѣйшимъ матеріаломъ. Расчитанныя только на рукописи, онѣ перенесены съ XV ст. и на печатныя произведенія, которыя преслѣдовались какъ преступныя оскорбленія частныхъ лицъ (libellum famosum, libelle diffamatoire, Pasquille, libell), или какъ оскорбленія величества божескаго и земнаго. Сочиненія возмутительнаго содержанія съ XVI вѣка прочно стали между этими двумя группами и вызывали весьма тяжкія наказанія. Вообще, до половины XVII ст. карательныя мѣры за противорелигіозныя и противогосударственныя сочиненія были очень строги: со смертною казнею (сожженіемъ) лишь изрѣдка чередовались мѣры болѣе мягкія. Осужденіе автора, совпадая съ процессомъ о книгѣ, сопровождалось запрещеніемъ, а нерѣдко и сожженіемъ ея. Лица, привлекавшіяся къ преслѣдованію, судились за прецеденты весьма разнородные; костеръ, висѣлица и тюрьма угрожали автору, переписчику его печатной книги, продавцу и переплетчику его произведеній, типографу, наборщикамъ и разносчикамъ. Въ жару политической борьбы XV и XVI в., въ эпоху лиги, крестьянскихъ войнъ, феодальныхъ и городовыхъ броженій, самое легкое участіе въ изготовленіи и распространеніи враждебныхъ сочиненій было тяжкой уликой принадлежности къ враждебному лагерю.

Съ другой стороны, конечно, самое это разновѣріе религіозное и политическое подготовляло мало по малу почву для новаго отношенія государства къ мысли, и даже въ то время спасало нерѣдко дѣятелей типографскаго производства, такъ какъ лица, преступныя въ глазахъ одной партіи, были почтенными героями въ глазахъ другой, пользовались ея защитой и покровительствомъ; но участь побѣжденныхъ или побѣждаемыхъ была для нихъ весьма тяжела. Органы преслѣдованія и назначенія карательныхъ мѣръ были, разумѣется, весьма разнородны. Священная Римская Имперія вручаетъ первоначально эту власть отдѣльнымъ германскимъ правительствамъ, предписывая имъ обращаться къ надлежащимъ судамъ, но сохраняя право вмѣшательства при ихъ бездѣйствіи [1]); затѣмъ, она децентрализуется еще болѣе въ рукахъ отдѣльныхъ правительствъ, обыкновенно не спѣшившихъ блюсти интересы императора и ревностно преслѣдовавшихъ лишь своихъ собственныхъ враговъ. Во Франціи, она въ распоряженіи королевской власти непосредственно, затѣмъ — въ королевскихъ совѣтахъ и парламентахъ; суровая практика послѣднихъ ревностнѣе охраняла права короны, чѣмъ даже самъ король и его совѣты [2]). Въ Англіи, право преслѣдованія и суда преступныхъ ляйбелей [3]), еретическихъ и возмутительныхъ сочиненій [4]) изстари принадле-

---

[1]) Уставъ Полиціи 1548, § 3, уст. 1577, § 4 и слѣд., см. *Collmann*, Quellen, Materialien und Commentar des gemeinen deutschen Pressrechts, Berlin 1844, стр. 5—8. *Wiesner*, в. с. стр. 50—52.

[2]) *Leber*, De l'état réel de la presse, *passim*. Рецидивъ преступленій печати въ XVI столѣтіи во Франціи наказывался смертною казнью, см. напр. ст. XIII ордон. Карла IX, 17 янв. 1571.

[3]) Слово *libel*, *libell*, на старо-французскомъ языкѣ имѣло первоначально значеніе, которое далеко не ограничивалось оскорбительными писаніями: оно означало, кажется, всякую писанную бумагу, всякій документъ. Англія также первоначально знала его въ этомъ только смыслѣ; въ статутѣ 2 Henr. V c. 4, 5 (1414 года), въ ст. III, говорится, что разныя лица, вызываемыя въ духовные суды, являются туда and demand a *libel* of that what against them is surmised (Stat. of the Realm, II, 176). Лишь впослѣдствіи ему усвоили болѣе тѣсный смыслъ, который имѣлъ libellum famosum римскаго законодательства. См. 37 Henr. VIII cap. X (1545 года).

[4]) Преслѣдованія ихъ основывались не на спеціальныхъ узаконеніяхъ о проступкахъ печати, а на общемъ запрещеніи ересей, преступленій противъ величества и распространенія возмутительныхъ и ложныхъ слуховъ противъ короля или *знатныхъ лицъ*. Понятіе high Treason при Генрихѣ VIII, сдѣлалось очень широко; см. *Statutes of the Realm*, III, 473, 508, 782, 783; основной о ней актъ Эдуарда III возстановляется Маріей (1553 г.), но затѣмъ ею же и ея наслѣдниками составъ этаго преступленія снова расширяется. Мало по малу, дѣйствія путемъ слова, письма и т. под., противъ короля какъ личности отходятъ къ понятію praemunire, а high Treason ограничивается дѣйствіями противъ безопасности и неприкосновенности, внутренней и внѣшней, всего государства

жить общимъ судамъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей [1]); преслѣдованіе возбуждалось правительственными чиновниками или парламентомъ; въ случаѣ нарушенія парламентскихъ привиллегій, ему же — согласно общимъ началамъ мѣстнаго законодательства — принадлежало и право суда надъ нарушителемъ. Религіозная, философская, естественно-историческая литература и поэзія были подсудны духовенству [2]). Независимо отъ того, звѣздная палата (Camera Stellata) привлекала иногда людей печати къ своему суду [3]), но подобные поступки ея всегда разсматривались какъ нарушеніе общаго права (common law) и не могли болѣе повторяться послѣ 1640 года, когда звѣздная палата была закрыта долгимъ парламентомъ, объявившимъ, что король и его чиновники не могутъ присвоивать себѣ судебныхъ функцій [4]).

Значительное число случаевъ запрещенія книгъ, разсмотрѣнныхъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ, подало мысль заносить ихъ въ особо составленные для того списки, которые могли значительно облегчить надзоръ за тѣмъ, чтобы подобныя книги не находились въ оборотѣ. Уже во времена отдаленныя, духовные пастыри, желая оградить членовъ своей паствы отъ злаго слова, давали имъ совѣты воздерживаться отъ чтенія еретическихъ и богохульныхъ книгъ; изъ нихъ составлялись списки или индексы книгъ ложныхъ, беречься которыхъ рекомендовалось каждому истинному христіанину [5]). Владѣльческая эпоха превращаетъ совѣщательный, наставительный характеръ такихъ индексовъ въ принудительный, начиная дѣлать прямыя запрещенія читать означенныя въ нихъ книги и угрожая за чтеніе или имѣніе ихъ у себя

---

[1]) Конечно, со стороны правительства были неоднократныя попытки свести это право въ возможно болѣе тѣсныя границы. Предварительное слѣдствіе иногда производилось въ подобныхъ случаяхъ членами королевскаго совѣта, которые существенно нарушали права защиты, напр. въ процессѣ John Hal'я 1689 г.; дѣятельность присяжныхъ пытались свести къ рѣшенію фактическаго вопроса, писалъ ли обвиняемый данное сочиненіе, отнимая у нихъ право рѣшать вопросъ о юридическомъ свойствѣ сочиненія. При Джефрейсѣ, правительство успѣвало въ этомъ, но уже въ XVII ст., напр. въ извѣстномъ процессѣ Lilburn'a, судившагося съ присяжными экстраординарною коммиссіею, оно терпѣло пораженія: присяжные объявляли себя судьями факта и права. Этотъ вопросъ, законченный рѣчами Эрскина, встрѣтится еще въ дальнѣйшемъ изложеніи.

[2]) Право духовенства назначать тѣлесныя и другаго рода свѣтскія наказанія для мірянъ отмѣнено въ Англіи лишь въ 1640 году.

[3]) См. о процессѣ *Prynn'a* у *Clarendon*, History. I, 73, 158.

[4]) 16 Car. 1 cap. X, въ Statutes of the Realm V, 110 и слѣд.

[5]) По Филиппсу, Kirchenrecht, изд. 1864, VI, § 324, первый примѣръ такого индекса относится въ римско-католической церкви къ 496 году; онъ былъ составленъ папою Гелазіемъ I. и обозначенныхъ въ немъ апокрифическихъ книгъ римскій соборъ этого года рѣшилъ не употреблять при богослуженіи.

карательными послѣдствіями [1]). Начатая духовенствомъ [2]), эта мѣра принимается затѣмъ и свѣтскими правительствами. Индексы австрійскій, русскій и нѣкоторые другіе получаютъ извѣстность, не уступающую знаменитому римскому Index librorum prohibitorum.

Самою характеристическою чертою владѣльческой эпохи было положеніе, отведенное ею для людей печатнаго производства и книжной торговли. Мы уже видѣли, какъ долго въ Германіи держится взглядъ на книжное производство какъ на государственную регалію, Bücher-Regal, непосредственно подчиненную правительству; подъ вліяніемъ его, послѣднее регламентируетъ классъ людей печати, ставитъ особыхъ чиновниковъ для надзора за ними и обязываетъ ихъ блюсти свои интересы. Имперскій книжный коммиссаріатъ, учрежденный во Франкфуртѣ на Майнѣ, который славился своею книжною торговлею, играетъ роль начальника надъ книжными торговцами, служебно ему подчиненными: онъ собираетъ съ нихъ пошлины, обыскиваетъ ихъ лавочки, конфискуетъ всѣ противозаконныя книги и подвергаетъ виновныхъ судебному преслѣдованію. Дѣйствовалъ онъ столь успѣшно, что германская книжная торговля изъ Франкфурта перекочевала въ Лейпцигъ, стоявшій независимо отъ имперскаго правительства [3]). Тоже положеніе вещей встрѣчаемъ во Франціи. Вызванные изъ Германіи университетомъ, типографы поступили на мѣсто прежнихъ людей письма и образовали изъ себя, книжныхъ торгов-

[1]) Изслѣдованія о запрещенныхъ книгахъ по такимъ спискамъ духовенство обыкновенно производило постомъ — время, самое богатое доносами. См. *Llorente*. Histoire de l'Inquis. I, 456 и слѣд.

[2]) Время появленія перваго печатнаго индекса спорно. На основаніи постановленія латеранскаго собора 1515, Карлъ V поручилъ Лувенскому университету составить списокъ опасныхъ книгъ, но онъ былъ оконченъ только въ 1546 году. Сепаративные индексы появляются раньше; Тулузскій синодъ издалъ такой индексъ въ 1541 году, предписывая всѣмъ доносить на лицъ, которыя за 3 года и менѣе до изданія его читали, имѣли у себя, переплетали и продавали обозначенныя въ немъ еретическія книги. Index generalis scriptorum interdictorum появился въ Венеціи въ 1543 году. Одновременно съ нимъ изданъ индексъ Сорбоны Catalogus librorum visitatorum et qualificatorum per facultatem Theologiae Parisiensis, anno Domini 1542 (по новому стилю мартъ 1543); составители его пользовались сочиненіемъ *Plessis d'Argentrie*, Collectio judiciorum de novis erroribus; сорбонскій индексъ былъ представленъ королевскому прокурору, для воспрепятствованія печатать и продавать обозначенныя въ немъ книги; между прочимъ, имъ предусмотрѣны сочиненія Рабэлэ. Съ 1543 по 1758, Пеньо досчитываетъ до 50 различныхъ индексовъ, изъ нихъ многіе издавались періодически. См. *Peignot*, Essai, 55, 56; *Treville*, la Police des livres, стр. 11.

[3]) О причинахъ упадка франкфуртской книжной торговли, см. *Pütter*, der Büchernachdruck. Göttingen 1774. стр. 195 въ примѣч.

цевъ и переплетчиковъ корпорацію, подчиненную университету; мало по малу, они ставятся въ непосредственную зависимость отъ свѣтскаго правительства, подчиняясь синдикамъ, королевскимъ прокурорамъ, частному королевскому совѣту и парламентамъ. Число типографовъ и книгопродавцевъ было опредѣленное; поступленіе въ эту корпорацію зависѣло отъ правительства; при пріемѣ, поступавшій приносилъ присягу воздерживаться отъ печатанія и продажи книгъ запрещенныхъ и преступныхъ, какъ-то: возмутительныхъ, ябедническихъ, оскорбительныхъ сочиненій и т. под., подъ страхомъ подвергнуться въ противномъ случаѣ тяжкому наказанію. Собственный интересъ заставлялъ ихъ быть осмотрительными къ матерьялу, поступавшему на ихъ станки или полки; независимо отъ того, выбранныя изъ среды ихъ лица и правительственные делегаты обязаны были дѣлать періодическіе осмотры въ ихъ лавкахъ и типографіяхъ, привлекая ихъ къ суду за все противозаконное. Разумѣется, лицамъ не принадлежащимъ къ корпораціи запрещено было заниматься типографскимъ производствомъ и книжною торговлею. Подобныя же опредѣленія мы встрѣчаемъ въ Англіи, гдѣ также существовала весьма замкнутая и подчиненная правительству корпорація людей печати. Какъ и во Франціи, она заняла мѣсто прежде существовавшей корпораціи людей письма и даже унаслѣдовала ея имя — Company of Stationers; число типографовъ, книгопродавцевъ и переплетчиковъ было въ XV и XVI ст. ограниченное, вступленіе въ этотъ цехъ зависѣло отъ правительства; университеты имѣли своихъ типографовъ. Число прессовъ, мастеровъ, подмастерьевъ и т. под. также было регламентировано въ высшей степени тщательно. Періодическіе обыски производились лицами, назначаемыми различными органами духовнаго и свѣтскаго управленія, при участіи главнаго мастера и надзирателей корпораціи.

Для дѣятелей книжнаго производства и торговли эти предупредительныя и карательныя мѣры были, безспорно, весьма суровы. Но онѣ вытекали изъ взгляда на нихъ какъ на лицъ, которыя занимаются частнымъ дѣломъ правительства, служатъ лучшему осуществленію его регаліи. Смотря на ихъ производство какъ на свое, правительства заботились также о процвѣтаніи его и принимали мѣры, имѣвшія своею задачею поставить его на прочную ногу. Таковы запрещенія привоза изъ-за границы печатныхъ книгъ на томъ языкѣ, на которомъ по преимуществу печатали отечественныя типографіи; онѣ тянутся, напр. въ Англіи въ

теченіи всего XVII ст. [1]). Тотъ-же характеръ носятъ запрещенія ввозить переплетенныя книги, дававшіяся въ интересахъ отечественныхъ переплетчиковъ [2]); предписанія каждому типографу имѣть не болѣе опредѣленнаго числа работниковъ, имѣвшія своею цѣлью предупредить монополію въ средѣ типографскаго производства. Сюда же, наконецъ, должны быть отнесены *привиллегіи*, которыя правительство давало типографіямъ на исключительное печатаніе той или другой книги; служа первоначально промышленной собственности, онѣ впослѣдствіи утвердили такъ называемое право литературной собственности.

Старѣйшія привиллегіи принадлежатъ концу XV вѣка [3]), но наибольшаго развитія онѣ достигаютъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Онѣ имѣли весьма серьезное основаніе. Эпоха возрожденія дала матерьялъ, бывшій не по силамъ для рукодѣльной работы, но оказавшійся, при незначительномъ еще спросѣ на печатныя произведенія, ничтожнымъ для типографскаго станка. Появлявшіяся весьма быстро одна вслѣдъ за другой, типографіи живо расхватывали наличный матерьялъ и отбивали покупателей другъ у друга; затраты перваго издателя, по необходимости самыя крупныя, оказывались негарантированными при перепечаткѣ его изданія другими, которые могли пустить книгу дешевле. Желая обезпечить себя, издатели обращались къ правительству съ просьбой запретить другимъ типографамъ перепечатывать предпринимаемое ими изданіе какой либо божественной книги или сочиненій классическаго автора. Эти домогательства разрѣшались привиллегіями, которыя носили срочный характеръ; онѣ выдава-

---

[1]) Декретъ звѣздной палаты 11 іюля 1637, ст. XI, напечатанъ въ *Milton's* Areopagitica, изд. Edward Arber, London, 1868.

[2]) 25 Henr. VIII cap. XV (1533—34 года).

[3]) Въ Германіи — съ 1464, давались сословіями, городами и т. под.; первый примѣръ императорской привиллегіи относится къ 1501 году, см. *Pütter*, в. с. стр. 170, пр. II; она запрещаетъ перепечатку сочиненій Цельта только въ имперскихъ городахъ 6, мая 1514 императоръ Максимиліанъ I выдаетъ Страсбургскому типографу Шурерію общую привиллегію на всѣ печатаемыя имъ книги. Около того же времени начали выдаваться привиллегіи въ Италіи. Такъ, въ Венеціи сохранилась древнѣйшая изъ дошедшихъ до нашего времени привиллегій, выданная въ 1494 году Vincentii Bellovacensis на сочиненіе Speculo historiali; см. *Beckmann*. Beyträge zur Geschichte der Erfindungen, I, стр. 85 и сл. Во Франціи, онѣ начинаются нѣсколько позже; онѣ выдавались королевскимъ совѣтомъ; *Пеньо*, Essai, стр. 64 указываетъ привиллегію Réne Bennoit, какъ самую раннюю (1566 года); Леберъ и Бекманъ начинаютъ исторію ихъ съ 1507 года; въ 1515, нѣкто André Fauste, poête du Roi (?), получилъ привиллегію печатать нѣкоторыя книги, съ запрещеніемъ другимъ книгопродавцамъ перепечатывать ихъ; см. *Leber*, de l'état réel de la presse, стр. 8 и слѣд. *Спасовичъ*, Права авторскія и контрафакція, Спб. 1865.

лись на опредѣленное изданіе, или же на всѣ изданія, выходившія изъ типографіи, которой онѣ давались. Въ нихъ же обозначалось наказаніе за недозволенную перепечатку, которая со стороны юридической являлась нарушеніемъ королевской привиллегіи, ослушаніемъ воли государевой [1]. Съ теченіемъ времени, правительства стремятся превратить полученіе привиллегіи изъ права въ обязанность издателей: тѣ изданія, которыя напечатаны безъ привиллегіи, объявляются противозаконными, назначаются особые органы для раздачи привилегій и опредѣляются наказанія за нарушеніе ихъ [2].

Порядокъ привиллегій въ этомъ позднѣйшемъ очертаніи, безспорно, въ весьма значительной степени содѣйствовалъ правительственному надзору за книжнымъ дѣломъ [3]. Нельзя отрицать, что правительство, настаивая на немъ, имѣло въ виду и такія его стороны. Тѣ суровыя преслѣдованія, та настойчивость правительства, особенно имперскаго [4], съ которою оно превращало привиллегіи изъ исключительныхъ случаевъ въ общее правило, не могли бы быть объяснены однимъ желаніемъ обезпечить экономическіе интересы издателей. Притомъ, привиллегіи выдавались не только типографамъ, а и другимъ лицамъ, пользовавшимися вліяніемъ, въ видахъ обогащенія ихъ зависѣвшей отъ правительства доходной статьей; впослѣдствіи авторъ незамѣтно становится на мѣсто типографа и продолжаетъ пользоваться охраной, которая прежде давалась послѣднему. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что незначительные сроки, на которые выдавались привиллегіи въ XV и XVI ст. (1 годъ, 3, 5, 8, 10, очень рѣдко 20 лѣтъ), не представляются рѣшительнымъ доказательствомъ сильной заботы правительства объ экономическихъ интересахъ лицъ,

---

1) Текстъ древнѣйшихъ привиллегій см. у *Pütter*'а, в. с., стр. 170 и слѣд.

2) *Pütter*, стр. 177; *Leber*, стр. 4 и слѣд.; *Dalloz*, в. с. стр. 356. Это было связано съ доходомъ, который правительство имѣло отъ привиллегій и отъ «книжнаго товара», гарантированнаго ими.

3) При выдачѣ привиллегіи ставилось условіемъ, чтобъ изданіе дѣлалось со свѣреннаго оригинала, а также чтобъ въ немъ не содержалось ничего противъ религіи, государя, государства, сословій и правъ частныхъ лицъ. *Dalloz*, Repertoire methodique et alphabetique de législation de doctrine et de la jurisprudence, t. XXXVI, стр. 386 и слѣд.

4) *Moser*, Kaiserl. Reg. R. Pfl., II, стр. 734 и слѣд. Органомъ наблюденія за исполненіемъ законовъ о привиллегіяхъ былъ *Reichs-Hofrath* въ качествѣ высшаго судебнаго мѣста и раздавателя привиллегій; *Reichs-Fiscal*, возбуждавшій преслѣдованія за нарушенія привиллегій, и *Bücher-Commissariat*, которому принадлежало ближайшее управленіе типографовъ и книгопродавцевъ. См. также *Pütter* и *Wiesner*, вв. сс.

которымъ онѣ выдавались. Несмотря на совокупность представленныхъ условій, однако, было-бы совершенно ошибочно относить привиллегіи къ циклу мѣръ предупредительныхъ, опередившихъ нѣсколько цензуру и замѣнившихъ ее для своего времени [1]). Ихъ корни и ихъ результаты представляются столь различными, что привиллегіи и цензура, напротивъ, должны быть разсматриваемы какъ учрежденія, принадлежащія совершенно разнороднымъ цикламъ мѣропріятій.

Привиллегія не замѣняла цензуру. Доказательствами этой истины источники весьма богаты. Привиллегіи не спасали автора отъ преслѣдованія, если въ книгѣ оказывалось что либо противозаконное [2]); привиллегіи выдавались обыкновенно безъ просмотра сочиненія, по прошенію заинтересованнаго лица: когда развилась цензура, получившій привиллегію долженъ былъ запастись для печатанія книги цензурнымъ разрѣшеніемъ; затѣмъ вводится начало, по которому привиллегіи могутъ быть выдаваемы только на сочиненія, разрѣшенныя уже цензурою къ печатанію [3]). По словамъ Мозера, „привиллегія установляла, на случай отсутствія спора, только частное право на продажу книги, отнюдь не касаясь ея содержанія; книжный комиссаріатъ, которому представлялись книги на цензуру, обязанъ былъ просматривать ихъ цѣликомъ не смотря на привиллегіи, такъ какъ послѣднія нерѣдко выдавались надворнымъ совѣтомъ для книгъ, которыхъ онъ и въ глаза не видалъ“. Съ другой стороны, привиллегіи выдавались на такія сочиненія, которыя прежде не нуждались въ цензурномъ разрѣшеніи. Самые органы, отъ которыхъ зависѣла выдача привиллегіи и предварительное разрѣшеніе книги, были различны: право выдачи привиллегій было личнымъ правомъ императоровъ, королей и Landesherr'овъ въ ихъ владѣніяхъ [4]), цензура же отправлялась духовными и затѣмъ свѣт-

---

[1]) Мнѣніе это высказываютъ Dalloz, Maiseau и нѣкоторые другіе французскіе юристы.

[2]) René Benoit получилъ отъ короля привиллегію на изданіе своего перевода Библіи въ 1566, но былъ привлеченъ къ отвѣтственности Сорбонною, которая добилась запрещенія королевскимъ совѣтомъ продажи его подъ угрозою тѣлеснаго наказанія. *Peignot*. Essai, 64.

[3]) *Moser*, Kaiserl. R. Pfl. стр. 588, 592. Но это правило въ практикѣ надворнаго суда не соблюдалось.

[4]) Въ Германіи, оно принадлежало надворнымъ совѣтамъ или судамъ, всего ближе представлявшимъ интересы императора, и дворамъ сепаратныхъ правительствъ; во Франціи — канцлеру (эдиктъ Генриха II, отъ 11 декабря 1547, подтвержденный орлеанскимъ ордон. 1560 art. 26, мулэнскимъ 1566 art. 78, ord. de Blois 1580 art. 36); въ Англіи, оно принадлежало звѣздной палатѣ.

скими чиновниками или особыми канцеляріями. Цензурное запрещеніе книги имѣло своимъ результатомъ лишеніе права печатать и продавать ее, а отсутствіе привиллегіи давало лишь третьимъ лицамъ право безнаказанной перепечатки. Изъ привиллегій образовалось мало по малу право литературной собственности, цензура же преслѣдовала интересы публичные. Словомъ, между этими институтами нѣтъ ни одной точки родственнаго соприкосновенія.

Въ интересахъ предупрежденія злоупотребленій печати, издавна уже принимались предварительныя мѣры, которыя имѣли въ виду облегчить судебное преслѣдованіе и розыскъ виновныхъ въ напечатаніи противозаконныхъ сочиненій. Начиная со второй половины XVI стол., мы встрѣчаемъ предписанія обозначать на каждомъ печатномъ изданіи адресъ типографіи, имя издателя и автора, а въ случаяхъ анонима и псевдонима, типографамъ вмѣнялось въ обязанность сообщать его правительству при первомъ требованіи [1]; опредѣленіе мѣстъ, гдѣ дозволены типографіи, и уголовное преслѣдованіе всѣхъ занимавшихся типографскимъ производствомъ и книжною торговлею, если они не принадлежали къ цеху людей печати. Но наиболѣе видное мѣсто среди нихъ принадлежитъ цензурѣ.

Предварительная цензура достигаетъ своего полнаго развитія въ вѣкъ книгопечатанія [2], и починъ введенія ея, какъ мы уже видѣли, данъ римской куріей [3]. Цензура теократической эпохи

---

[1]) *Collmann*, Quellen, стр. 16.

[2]) Классическому міру предварительная цензура вовсе не извѣстна. Римскіе цензора были судьями нравственности, а не мысли. Сочиненія Нумы Помпилія, найденныя послѣ смерти въ его гробу, сенатъ приказалъ сжечь не читая ихъ, по удостовѣренію претора Петиллія, что онѣ направлены противъ религіи, — но это былъ случай исключительный и имѣвшій весьма отдаленную связь съ институтомъ предварительной цензуры. Тоже слѣдуетъ сказать объ однородной участи, постигшей сочиненія Лабіена (Seneca Contrav. V) и Кремуція Корда (Tacit. Annal. IV, 34, 35); притомъ, запрещеніе ихъ было не передъ выходомъ, а послѣ выхода въ свѣтъ. Иногда Зоила называютъ цензоромъ Гомера, Платона и Изократа (Dion. de Zoilo in judic.), Дидима Халсентера — цензоромъ Цицерона (Amnian. Marcel. lib. 22, de Didymo), указываютъ также другихъ цензоровъ въ классическомъ Римѣ; но въ такомъ случаѣ выраженіе «цензура» употребляется въ иномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ критики, который держался до XVIII ст. Такъ, еще *Baillet*, Jugements des savans sur les principaux ouvrages des Auteurs, Amsterdam, 1725, I, стр. 5, употребляетъ выраженіе «Personne n'est exempt de la censure» въ смыслѣ «ни одинъ писатель не можетъ избѣжать *критики* читателей».

[3]) Мартинъ V, отецъ цензуры, принадлежитъ вѣку письменности. Первый примѣръ упоминанія о цензурѣ въ вѣкъ печати принадлежитъ германской исторіи. Майнцскій курфирстъ Бертольдъ, въ 1486, назначилъ нѣсколько лицъ для

предпринималась въ видахъ очищенія вѣрующихъ отъ скверныхъ мыслей, и раздѣлявшій ихъ приговаривался иногда къ haeretico perpetuum silentium [1]). Бывали случаи, что духовныя лица, по собственной иниціативѣ, просили у высшихъ членовъ духовенства благословенія и разрѣшенія на выпускъ составленнаго ими труда; еще въ 768 году, бенедиктинскій монахъ (Autpertius) послалъ свое сочиненіе „объ откровеніи Іоанна" папѣ Стефану II, прося его благословенія на продолженіе работы и на обнародованіе ея; Аутпертъ прямо замѣчаетъ при этомъ, что онъ — первый писатель, ищущій папскаго согласія, и надѣется, что своимъ добровольнымъ, ни для кого не обязательнымъ подчиненіемъ онъ не подрываетъ свободы писать все, согласное съ ученіемъ отцевъ церкви. Владѣльческая эпоха, удерживая институтъ цензуры, существенно измѣняетъ его характеръ и задачи. Цензура становится мѣрою, долженствующею предупреждать вторженіе посторонних элементовъ въ области знанія и мысли, на которыя духовная или свѣтская власть объявила свое исключительное право; выше (§ IX) указаны уже общія черты ея, которыми она опредѣлялась въ этотъ періодъ.

Появленіе новаго монашескаго ордена, оказавшаго впослѣдствіи такъ много серьезныхъ услугъ римской куріи, нагляднымъ образомъ проводитъ разграничительный рубежъ между теократической и владѣльческой эпохами въ исторіи папства. Францисканцы, бенедиктинцы, всѣ древнѣйшіе ордена католическаго монашества, на первомъ планѣ ставятъ спасеніе души и общія задачи христіанской религіи; іезуиты начинаютъ съ клятвы въ безусловномъ повиновеніи римскому первосвященнику. Интересы перемѣнились, должны были перемѣниться и служители ихъ, не могли остаться въ прежнемъ положеніи и тѣ мѣры, отъ которыхъ ожидали ихъ осуществленія. Булла Льва X „Inter solicitudines" круто измѣняетъ характеръ цензуры [2]); назначенные

просмотра до напечатанія божественныхъ книгъ. Явнымъ эдиктомъ его, задача ихъ поставлена въ томъ, чтобы слѣдить за соотвѣтствіемъ между оригиналомъ и печатнымъ изданіемъ, предупреждая невѣрные и искажающіе смыслъ переводы; тайною же инструкціею имъ было предписано слѣдить за тѣмъ, чтобъ не печаталось безнравственныхъ и противурелигіозныхъ книгъ. См. *Beckmann*, Beyträge zur Geschichte der Erfindungen. Leipzig, 1786, I, 96 и слѣд.

[1]) *Bularium*, II, 449 и слѣд.

[2]) Еще раньше, буллою Александра VI (1501 г.) Inter multiplices, предварительная цензура введена для провинцій Кэльна, Майнца, Тріера и Магдебурга, т. е. такихъ, гдѣ книгопечатаніе было наиболѣе распространено. См. *Philipps*, Kirchenrecht, изд. 1864, т VI, § 324, v.

ею цензурные органы обязываются тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы отнюдь не печаталось книгъ противъ религіи и церкви; на нихъ возлагается охраненіе исключительной власти папы надъ религіозною мыслью. Климентъ VII, Павелъ III, Пій IV и послѣдующіе папы остаются вѣрными программѣ Льва X, развивая ее въ частностяхъ; такъ между прочимъ цензурные органы обложены тяжкими дисциплинарными и карательными мѣрами въ случаѣ пропуска чего либо, несогласнаго съ ученіями и интересами папства.

Въ такомъ видѣ цензура принята и свѣтскими правительствами для надзора за религіозной мыслью. Священная Римская Имперія оставалась дольше другихъ вѣрна ея программѣ. Императоры во всѣхъ своихъ коронныхъ владѣніяхъ окружали народную мысль іезуитами [1]) и ставили ихъ во главѣ духовной цензуры; прочіе-же отрасли мысли подпадали цензурному порядку лишь мало по малу, поступая подъ управленіе другихъ органовъ [2]). Что-же касается германскихъ государствъ, не составлявшихъ личныхъ владѣній императора, то положеніе вещей до XIX ст. находилось здѣсь въ состояніи самомъ хаотическомъ. Цензура религіозныхъ книгъ въ католическихъ государствахъ принадлежала епископамъ и университетамъ, въ протестантскихъ — университетамъ. Другіе роды книгъ были подчинены цензурѣ различныхъ вѣдомствъ и управленій, но правила ея не соблюдались съ достаточною строгостью [3]), исключая весьма рѣдкіе случаи, когда самъ глава государства исполнялъ обязанности цензора [4]). Наиболѣе строгій надзоръ производился за сочиненіями историческими и политическими, затрогивавшими

---

1) *Wiesner*, Denkwürdigkeiten der österreichischen Censur, *passim*.

2) *Collmann*, Quellen, 3—18; *Moser*, K. R. Pfl. Центральнымъ мѣстомъ имперской книжной цензуры былъ книжный коммиссаріатъ, учрежденный въ концѣ XVI ст. во Франкфуртѣ на Майнѣ. Онъ имѣлъ право цензуры и конфискаціи противозаконныхъ книгъ, отправляя виновныхъ къ надворному совѣту. Онъ состоялъ изъ 2 членовъ, духовнаго и свѣтскаго, оба католическаго исповѣданія; въ 1669 corpus evangelicorum просилъ императора, чтобъ, во исполненіе началъ религіозныхъ мирныхъ договоровъ, при назначеніи цензурныхъ чиновниковъ соблюдался принципъ религіознаго равенства; въ 1741 послы германскихъ князей просили императора, чтобъ для протестантскихъ книгъ былъ учрежденъ особый книжный коммиссаріатъ изъ лицъ протестантскаго исповѣданія; но эти ходатайства не были уважены.

3) *Moser*, v. d. Reichsverfas Freyheit, стр. 75: «спрашивающій дозволеніе, обыкновенно получаетъ отказъ; но если онъ печатаетъ неспросясь никто не обращаетъ вниманія на его книгу».

4) *Moser*, ibid., 78.

интересы мѣстнаго двора. Общее явленіе, замѣчаемое въ германской исторіи, состоитъ въ томъ, что цензура свѣтской мысли представляетъ въ XVI – XVIII ст. совершенно иной характеръ, чѣмъ цензура религіозная: послѣдняя была вполнѣ организована и дѣйствовала по точнымъ инструкціямъ; первая не существовала еще какъ спеціальное учрежденіе и принимала свои мѣры на удачу, подъ вліяніемъ минуты [1]). Такъ напр., въ Пруссіи свѣтская цензура стала прочною ногою только въ 1749 году [2]), а до тѣхъ поръ предварительное разрѣшеніе требовалось лишь для сочиненій теологическихъ; въ Баваріи, самостоятельное Bücher-Collegium для цензуры всѣхъ родовъ книгъ образовалась только въ 1769 году; до тѣхъ поръ, она принадлежала многочисленнымъ учрежденіямъ, которыя отправляли ее для охраненія своего исключительнаго права власти на данныя области мысли [3]).

Во Франціи, цензура въ смыслѣ разсмотрѣнія и преслѣдованія противозаконныхъ сочиненій принадлежала прежде Университету, котораго интересовали лишь книги религіознаго содержанія; памятники XVI ст. категорически признаютъ за нимъ право цензуры исключительно для духовныхъ книгъ; надзоръ же за юридическими и историческими книгами принадлежитъ до XVII ст. aux maîtres des requêtes. Патентованнымъ письмомъ 1624 года, Людовикъ XIII поручаетъ надзоръ за религіозными книгами четыремъ отвѣтственнымъ докторамъ теологическаго факультета; книги же свѣтскія имѣли своихъ, хотя неизвѣстныхъ намъ, свѣтскихъ

---

[1]) *Moser*, Landeshoheit in Polizeisachen, говоритъ на стр. 67: Was die Censur anbetrifft, so ist an vielen grossen und denen Reichsfiscalen wohl bekannten Orten gar keine obrigkeitliche Censur eingeführt, sondern jeder darff, zu *Beförderung Handels und Wandels*, drucken lassen, was er will, und lässt er etwas verfängliches drucken, so muss er es verantworten *und sich darfür abstrafen lassen*. Нерѣдко сочиненіе должно было послѣдовательно пройти нѣсколько цензуръ; такъ, Grundsätze der deutschen Staatsverfassung Мозера прошло цензуры: тюбингенскаго университета (Colleg. illustr.), Regierungs-Raths-Collegium, Geheimen-Raths-Collegium и тайнаго герцогскаго кабинета.

[2]) *Stenzel*, IV, 315 и слѣд. Бранденбургское положеніе 1730 года во главѣ цензуры ставитъ надворный совѣтъ; ему предписывалось наблюдать, чтобъ ничто, касающееся мѣстнаго государственнаго права, не печаталось до полученія отъ двора наставленія, какъ поступать. До 1749 года, это положеніе имѣло лишь призрачное существованіе.

[3]) Германская цензура, конечно, имѣла свои корни въ Римѣ, но прямо изъ Рима она придти сюда не могла, такъ какъ авторитетъ папства уже былъ расшатанъ; императоръ Максимиліанъ издѣвался надъ папскими буллами. Здѣсь оказалось нужнымъ посредничество Испаніи, въ лицѣ императоровъ Св. Римской Имперіи; оказалось также нужнымъ, чтобъ религіозное волненіе соединилось съ политическимъ въ крестьянскихъ войнахъ XVI ст., которыя привлекли на сторону императора и королей все дворянство.

надсмотрщиковъ; со времень ордонанса 1629 года, дѣятельность ихъ опредѣлена точнѣе и даже установлена разрѣшительная формула [1]). Но такіе свѣтскіе надсмотрщики первоначально назначались лишь въ случаяхъ экстраординарныхъ, для разсмотрѣнія какой либо одной книги, обращавшей на себя именемъ своего автора, или другими обстоятельствами особое вниманіе. Не ранѣе 1741 года образовалась самостоятельная цензурная коллегія изъ королевскихъ цензоровъ для каждой отрасли человѣческаго знанія [2]), и съ постояннымъ титуломъ. Она удержалась до 1787 г. [3]). Независимо отъ нея, цензуру отправляли и другія учрежденія, а именно: парламенты, иногда запрещавшіе печатать и выпускать въ свѣтъ книги до разсмотрѣнія и разрѣшенія ихъ своими commis, или цѣлымъ составомъ [4]); лейтенантъ полиціи съ 1667 года; государственный совѣтникъ (conseilleur d'Etat) и maîtres des requetes, составлявшіе съ 1717 года бюро его совѣта для дѣлъ о книжной торговлѣ; directeurs generaux de la librairie, получившіе съ 1672 года надзоръ за книжною торговлею, и приписанные къ нимъ съ 1737 года секретари и инспекторы; наконецъ, канцлеръ и его совѣтъ, отъ котораго прежде зависѣла выдача привиллегій на книги. Дѣятельность этого многочисленнаго класса цензурныхъ органовъ, которые весьма часто не могли дать окончательнаго разрѣшенія и обязывались выжидать отвѣта другихъ учрежденій и лицъ, затрогиваемыхъ сочиненіемъ прямо или косвенно, имѣла своею главною задачею обезпечить личное преслѣдованіе провинявшихся въ нарушеніи государственныхъ законовъ. До какой степени имъ были чужды задачи, которыя затѣмъ преслѣдовала цензура полицейской эпохи, можно видѣть изъ того, что полиція, будучи призвана къ цензурнымъ функціямъ, наименѣе симпатизировала имъ: по свидѣтельству Мазерба [5]),

---

1) «Я, по приказу г. Канцлера, читалъ манускриптъ, озаглавленный . . . . . Въ немъ я не нашелъ ничего, что могло бы препятствовать его напечатанію»; подпись цензора на каждой страницѣ манускрипта.

2) 10 для теологіи, 10 для правъ, 1 для морскаго права, 10 для медицины, государственной исторіи и химіи, 2 для хирургіи и анатоміи, 8 для математики, 35 для изящной словесности, 1 геологіи и путешествій, 1 для рисованія, черченія и скульптуры, 1 для архитектуры, всего 79.

3) *Lattin de Saint-Germain*, Catalogue chronologique des libraires. Paris 1787, I, p. 280 — 284.

4) Таково напр. предписаніе парижскаго парламента 18 авг. 1526, см. *Leber*, стр. 9.

5) *Lamoignon de Malesherbes*, Mémoire sur la liberté de la presse, 1814. гл. III, гдѣ авторъ говоритъ о permissions tacites и другихъ незаконныхъ поблажкахъ полиціи до революціи.

авторы всегда могли надѣяться на поблажку съ ея стороны. Лишь парламенты, въ дѣятельности которыхъ съ наибольшею полнотою выразились идеи вотчиннаго порядка, продолжали свирѣпствовать и назначать смертную казнь для авторовъ и книгопродавцевъ почти до самой революціи.

Въ Англіи, какъ мы видѣли, надзоръ за книгами присвоенъ „королю и его духовенству". Памятники XVI ст. точнѣе опредѣляютъ органы надзора и мѣры его. Еще звѣздная палата, въ послѣдніе годы своего существованія, совмѣстно съ порядкомъ личныхъ наказаній за противозаконныя книги, рукописи и устныя рѣчи, подчиняетъ всѣ печатныя произведенія предварительной цензурѣ. Декретомъ 11 іюля 1637, свободными отъ преслѣдованія объявлены только тѣ книги, которыя напечатаны съ рѣзрѣшенія соотвѣтствующихъ цензурныхъ органовъ, а именно: книги по отечественному законовѣденію — съ разрѣшенія Lord Chief Justice или Lord Chief Baron, или ихъ уполномоченныхъ; книги историческія и политическія — съ разрѣшенія одного изъ главныхъ государственныхъ секретарей или ихъ уполномоченныхъ; книги геральдическія и т. под. представлялись маршалу (Earle Marshall), книги же богословскія и поэзія подчинены цензурѣ архіепископовъ кэнтерберійскаго или лондонскаго, канцлера или вице-канцлера одного изъ университетовъ [1]). Книги привозныя разсматривались особыми таможенными чиновниками, и каталоги ихъ представлялись архіепископамъ кэнтерберійскому или лондонскому. Company of Stationers, въ лицѣ своихъ представителей, обязана содѣйствовать органамъ цензуры. Закрытіе звѣздной палаты въ 1640 году передаетъ надзоръ за мыслью англійскому парламенту; уже въ 1643 состоялось распоряженіе его [2]), по которому ни какое парламентское постановленіе не могло быть напечатано безъ его собственнаго приказа, а иного рода книги, бумаги и т. под. произведенія запрещено печатать безъ предварительнаго разрѣшенія цензурныхъ чиновниковъ, по назначенію парламента; прежнія правила о внесеніи всѣхъ печатаемыхъ книгъ въ списокъ общества стэшнеровъ и о помѣщеніи адреса типографіи на печатаемой книгѣ подтверждены вновь. Въ средѣ пар-

[1]) Впрочемъ, цензура надъ означенными книгами принадлежали университетомъ въ томъ только случаѣ, если печатаніе книги производилось въ ихъ округѣ.

[2]) An order of the Lords and Commons assembled in Parliament for the regulating of printing, 11 іюля 1643.

ламента образованъ особый комитетъ для розыска и преслѣдованія всѣхъ сочиненій, напечатанныхъ безъ цензуры; прежнія суровыя наказанія удержаны [1]). Лучшимъ доказательствомъ того, какъ далеко было англійское законодательство отъ цензуры въ ея полицейской окраскѣ, обезпечивающей автора отъ личнаго преслѣдованія, можетъ служить статутъ „о предупрежденіи частныхъ злоупотребленій, происходящихъ вслѣдствіе печатанія возмутительныхъ, измѣнническихъ и нецензурныхъ книгъ", данный при Карлѣ II въ 1661 году [2]). Это — послѣдній законодательный актъ Англіи, регламентирующій цензуру въ ея владѣльческомъ очертаніи. Большая часть его статей цѣликомъ переписана съ декрета звѣздной палаты 1637 года, съ незначительными лишь измѣненіями. По прежнему примѣру, книги раздѣляются на 4 категоріи съ отдѣльными органами цензуры для каждой [3]); замкнутый цеховой порядокъ типографскаго производства и книжной торговли, правило о представленіи рукописи для просмотра въ двухъ экземплярахъ, обязанность издателя сообщать по первому требованію цензора имя автора рукописи или напечатанной безъ дозволенія книги, ограниченіе числа станковъ и рабочихъ въ типографіяхъ, — все это перенесено изъ декрета 1637 года. Важнѣйшія особенности новаго статута состояли въ слѣдующемъ: книги, со времени отпечатанія которыхъ прошла десятилѣтняя давность, дозволено всякому книгопродавцу ввозить въ Англію не подвергая ихъ просмотру (ст. 19); книжная продажа въ раздробъ на улицахъ безъ надлежащаго разрѣшенія запрещается, требуемое же разрѣшеніе предписано давать лишь тѣмъ свободнымъ уроженцамъ даннаго города, которые не менѣе 7 лѣтъ были въ обученіи у книгопродавцевъ присяжныхъ и состоятъ членами Company of Stationers; нѣкоторыя частныя лица, особо поименованныя (John Streator, вестминстерскіе торговцы и нѣкоторые другіе), изъяты отъ дѣйствія этого статута. Карательныя взысканія за нарушенія цен-

---

[1]) Это именно распоряженіе вызвало знаменитый трудъ Мильтона *Areopagitica*, 1644 года, гдѣ онъ энергически возстаетъ противъ преслѣдованій мысли и особенно противъ цензурнаго режима своего времени. «Убить человѣка — преступленіе; но убить мысль, составляющую лучшій даръ божества, — преступленіе несравненно болѣе тяжкое». Таково основное положеніе Мильтона.

[2]) 14 Car. II cap. 33, въ Stat. of the Realm, V, стр. 428 и слѣд.

[3]) Особенность стат. 1662 для книгъ геральдическихъ состоитъ въ томъ, что, при отсутствіи Earl Marshall, право цензуры ихъ принадлежитъ подчиненнымъ ему воинскимъ начальникамъ.

зурныхъ правилъ статутъ указываетъ рядомъ со взысканіями за содержаніе сочиненія: авторъ могъ быть подвергнутъ преслѣдованію по рукописи, которая не разрѣшена къ печатанію. Независимо отъ того, потребность въ нихъ вызывалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Англіи того времени появлялось множество безцензурныхъ памфлетовъ, преимущественно политическаго свойства. Статутъ 1662 года постановленъ на срокъ, и притомъ весьма короткій — на два года: эта оговорка, вѣроятно, прибавилась при окончательномъ обсужденіи его, такъ какъ редакція постановленій статута показываетъ, что онъ расчитывался его составителями на продолжительное существованіе.

Имъ, собственно, заканчивается законодательная исторія англійской цензуры; въ 1664 году, сила его продолжена „до конца настоящей сессіи парламента“ [1]), въ слѣдующую сессію — до конца будущей [2]). Затѣмъ, до 1685 года онъ дѣйствовалъ безъ парламентскаго подтвержденія, а въ 1685 году продолженъ на 7 лѣтъ [3]). Въ практикѣ, впрочемъ, онъ потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія: для цензуры назначались отдѣльныя лица, разсматривавшія рукописи безъ различенія ихъ по тѣмъ категоріямъ, которыя были установлены статутомъ 1662 года [4]). Голосованіе 1693 года производилось при обстоятельствахъ, не вполнѣ для него благопріятныхъ: извѣстный памфлетистъ Блоунтъ (Blount) воспроизведеніемъ идей забытой обществомъ Ареопагитики Мильтона въ своихъ безцензурныхъ изданіяхъ и составленіемъ безъименной статьи въ духѣ анти-парламентскомъ, которую тогдашній цензоръ Bohun разрѣшилъ весьма охотно, успѣлъ возбудить общественное мнѣніе противъ цензуры и цензоровъ. Тѣмъ не менѣе, однако, большинствомъ 99 голосовъ противъ 80 въ палатѣ общинъ и за протестомъ одиннадцати лишь членовъ въ палатѣ лордовъ, статутъ былъ продолженъ еще на два года. Но по истеченіи этого срока онъ болѣе не возобновлялся, и англійская печать всецѣло переходитъ къ судебному порядку. *Цензура полицейской эпохи ей вовсе не была извѣстна*, и этотъ знаменательный фактъ показываетъ, что она вовсе не представляется историческою необходимостью, составляющею непремѣнную принадлежность опредѣленнаго періода

---

1) 16 Car. II cap. VIII, см. *Statutes of the Realm*, V, 524.
2) 16 и 17 Car. II cap. VII, — см. St. R. V, 556.
3) 1 Jac. II cap. XVII ст. 15, см. St. Realm, VI, 20.
4) *Macaulay*, The history of England, VII, chap. XIX.

историческаго развитія каждаго народа; безъ нея преспокойно обошлась цѣлая нація.

Коротко, мѣры владѣльческой эпохи сводились къ *преслѣдованіямъ* и *запрещеніямъ*, имѣвшимъ своею задачею обезпечить за правительствомъ исключительное обладаніе народнымъ знаніемъ и народною мыслью въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ; и чѣмъ ненадежнѣе была почва, на которой стояло данное правительство, тѣмъ охотнѣе, но безъ всякой для себя пользы, прибѣгало оно къ преслѣдованіямъ и запрещеніямъ. Мѣры предупредительныя также появляются во владѣльческую эпоху, особенно къ концу ея, но имѣютъ служебное, вспомогательное значеніе. Онѣ предпринимаются для того лишь, чтобы облегчить главныя мѣры, на которыя опиралась владѣльческая эпоха, и закрѣпостить съ большимъ успѣхомъ различныя сферы народнаго знанія и народной мысли за правительственными элементами.

Бросая общій взглядъ на положеніе *права* печати во владѣльческую эпоху, слѣдуетъ сказать, что ей оно вовсе не извѣстно. Ранніе акты ея, когда правительство не познакомилось еще съ опасными для себя сторонами типографскаго станка, оттѣнялись покровительственнымъ элементомъ; государи поощряли типографовъ наградами, обширными заказами, почетнымъ положеніемъ и т. под., съ цѣлію создать изъ типографскаго производства новую отрасль промышленности для обогащенія государства и распространить въ средѣ его полезныя свѣденія. Но этой промышленности они позволяли существовать подъ условіемъ, чтобъ она оставалась въ ихъ рукахъ, этимъ свѣденіямъ они позволяли распространяться подъ условіемъ-же, чтобъ они вполнѣ зависѣли отъ правительства. Покоривъ себѣ публичную сторону печати, они подорвали и ея частно-правовое значеніе. Къ концу владѣльческой эпохи зарождается частное авторское право, но оно существуетъ въ формѣ промышленной собственности, основанной на исключительномъ распоряженіи власти, а не въ формѣ литературной собственности, опирающейся на общее правило закона [1]). Значеніе печати какъ экономической силы общежитія исказилось, она превращается въ „книжную регалію“, въ частный промыселъ правительства, отправляемый его агентами. Даже

---

[1]) Исключеніе составляетъ развѣ одна Англія, и въ этомъ отношеніи, ее напоминаетъ Россія.

гражданскія права читателя не были гарантированы владѣльческимъ порядкомъ. Объявивъ себя единственнымъ источникомъ народнаго знанія, правительства предпринимали иногда мѣры въ экономическихъ интересахъ читателя, обязывая, напр., издателей продавать книги по таксамъ; но въ то-же время признанныя неумѣстными сочиненія отбирались у лицъ, уже пріобрѣвшихъ ихъ въ собственность.

XI.

Владѣльческое отношеніе правительства къ публичной мысли проникало и на страницы русской исторіи. Типографское производство въ до-петровской Руси, какъ мы уже знаемъ, было оффиціальнымъ дѣломъ духовенства и исключительною его доходною статьею: ни одинъ частный человѣкъ не могъ заводить типографій для печатанія религіозныхъ книгъ. Индексы, запрещенія ложныхъ сочиненій, преслѣдованія еретиковъ также извѣстны нашему духовенству [1]), хотя не въ такихъ размѣрахъ, какъ римско-католическому.

Раздвигая границы публичной мысли, Петръ Великій вполнѣ подчинилъ новыя формы ея своему непосредственному усмотрѣнію. Въ собственное его царствованіе, всѣ свѣтскія типографіи въ Россіи были правительственныя, такъ что типографское производство стало оффиціальнымъ дѣломъ. Такой характеръ ихъ подтверждается тѣмъ еще, что всѣ онѣ печатали сочиненія, которыя указывались самимъ Петромъ, присвоившимъ право литературной собственности правительству; даже иностранныя типографіи, работавшія съ дозволенія царя русскимъ шрифтомъ, воспроизводили книги по его заказу. Публичная мысль становится всецѣло достояніемъ правительства, типографскій станокъ — однимъ изъ орудій его дѣятельности. Любопытнымъ подтвержденіемъ

---

[1]) Первый религіозный индексъ Россіи, XVII ст., см. у *Калайдовича*, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, стр. 208 — 21?; за чтеніе и имѣніе у себя обозначенныхъ въ немъ запрещенныхъ книгъ положены церковныя наказанія. Запрещенія ложныхъ сочиненій встрѣчаются раньше, точно также какъ и преслѣдованія еретиковъ; любопытныя свѣдѣнія о преслѣдованіи Сильвестра Медвѣдева, которому «за многія злодѣйственныя умышленія» отсѣкли голову, см. въ Чт. Ист. Древ. Рос. 1846, № 3. *Смѣсь*, стр. VIII и слѣд.

этого взгляда является особое отношеніе русскихъ того времени къ такимъ идеямъ, которыя не нравились имъ. Критика появляется тогда лишь, когда человѣкъ доросъ до сознанія, что мысль есть достояніе автора и можетъ подлежать оцѣнкѣ такой же частной мысли рецензента. Пока эта идея не пустила еще корней въ жизнь, пока мысль данной области разсматривается не какъ продуктъ личнаго ума, составляющій общее достояніе литературы и опредѣляемый самостоятельными законами развитія, а лишь какъ частный доменъ правительства, до тѣхъ поръ компетентною инстанціею для оцѣнки выражаемыхъ взглядовъ долженъ быть не умъ личный, а верховный обладатель мысли — правительство. Доносъ замѣняетъ критику. Это именно явленіе мы замѣчаемъ въ петровской Руси и при его преемникахъ. „Тогда находили болѣе удобнымъ, вмѣсто критической оцѣнки тѣхъ или другихъ произведеній, подлежащихъ суду публики, дѣлать оффиціальные доносы на сочиненія, которыя по чему-либо не нравились доносчику“ [1]). Публичная мысль стала орудіемъ правительственной дѣятельности. Вѣкъ Петра не могъ составить исключенія, и геніальный реформаторъ отличается отъ своихъ преемниковъ только способомъ, которымъ онъ пользовался этимъ орудіемъ. На литературу, онъ смотрѣлъ какъ на одно изъ самыхъ серьезныхъ средствъ для борьбы съ суевѣріями и предразсудками, выступившими противъ его нововведеній, и потому, не притѣсняя ее, онъ стремится, напротивъ, при помощи

---

[1]) *Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., I, 495. Почтенный авторъ объясняетъ это явленіе съ одной стороны немногосложностью и доступностью такого пріема для каждаго, слѣдующаго въ жизни «извѣстнымъ правиламъ», а съ другой — рѣшительнымъ отсутствіемъ общественнаго мнѣнія, которое карало бы доносъ и лице, на него рѣшившееся. Но этимъ дѣло едва ли объясняется. Написать доносъ — задача столько же сложная, какъ и написать критику; въ каждомъ доносѣ заключалась рецензія, — конечно, окрашенная въ субъективныя краски, но это уже вызывалось духомъ времени. Доносы встрѣчали поддержку въ общественномъ мнѣніи; послѣднее, въ той или иной формѣ, *всегда* существуетъ и существовало, отсутствіе его — нелѣпость. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, почему же общественное мнѣніе шло такимъ, а не другимъ путемъ, почему оно одобряло доносы, а не порицало ихъ? Объясненіе г. Пекарскаго не полно и въ другомъ отношеніи; оно не отвѣчаетъ, почему же правительство принимало доносы на литературу и давало имъ ходъ? Остается принять объясненіе, приведенное въ текстѣ. Считая правительство верховнымъ владѣльцемъ соціальной мысли, недовольные нѣкоторыми ея проявленіями обращались къ самому правительству; дѣло критики отправлялъ доносъ, пока общественное мнѣніе проявлялось въ формѣ мнѣнія правительственнаго. Въ этомъ своемъ качествѣ, правительство принимало доносы, и потому же послѣдніе не считались предосудительными.

ся бороться со своими злѣйшими врагами. Самъ Петръ создаетъ гражданскій печатный шрифтъ [1]), самъ онъ пишетъ статьи и выбираетъ иностранныя сочиненія для переводовъ на русскій языкъ; лучшіе авторы, писавшіе въ его время по вопросамъ государственнымъ и научнымъ, работали по его указаніямъ и подъ его ближайшимъ хозяйскимъ присмотромъ. „Во времена Петра, реформа напр. духовнаго управленія производилась при пособіи разныхъ сочиненій и трактатовъ, въ которыхъ проводились главныя идеи преобразователя“ [2]). Этимъ же объясняется, что положеніе публичной мысли измѣнялось не по причинамъ, лежавшимъ въ ней самой, а по непосредственному усмотрѣнію правительства, по тому, какое оно желало сдѣлать изъ нея употребленіе. „Впослѣдствіи, говоритъ г. Пекарскій, сочиненія и трактаты найдены были ненужными; болѣе же раціональнымъ и удобнымъ признано усиленіе предупредительныхъ и принудительныхъ мѣръ“. Легкость, съ которою послѣднія заняли мѣсто прежняго положенія печати, наглядно показываетъ, что всю область печатнаго слова общество того времени считало исключительною принадлежностью правительства, его частнымъ дѣломъ [3]). Горячо отстаивая бороду, выступая со всею силою религіознаго фанатизма противъ церковныхъ реформъ [4]), умѣвъ поразить въ зародышѣ начало первородства, которое Петръ такъ ревностно желалъ пересадить на русскую почву, оно совершенно безучастно смотрѣло на тѣ мѣропріятія, которыя предпринимались правительствомъ въ сферѣ типографскаго производства [5]).

Этотъ порядокъ представленій завѣщанъ и наслѣдникамъ

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. т. 61, VI, стр. 162 и слѣд.

[2]) *Пекарскій*, в. с. I, 501.

[3]) Взамѣнъ печатнаго, общество продолжало пользоваться рукописнымъ словомъ. *Аѳанасьевъ*, замѣтки о рукописной литературѣ простаго народа, Биб. Зап. 1858, стр. 50.

[4]) Извѣстны имена Родышевскаго и Аврамова, нерѣдко выступающіе въ петровскую эпоху съ протестомъ противъ его церковныхъ реформъ; ни застѣнокъ, ни монастырь не останавливали ихъ. Еще болѣе извѣстно противодѣйствіе, оказанное Петру расколомъ.

[5]) Лучшіе люди защищали стѣснительныя мѣры противъ печати; о Ломоносовѣ см. *Пекарскій*, редакторы, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764, Зап. Ак. Наукъ, отд. рус. яз. и слов. 1868, т. II, стр. 3. Третьяковскій въ спорѣ съ Миллеромъ восклицаетъ: «по какой бы онъ власти и по чьему повелѣнію лишаетъ меня моего законнаго права, тѣмъ, что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ книжки, и *аппробованныхъ* не печатаетъ?» Ibid. стр. 15.

Петра. Появляясь у насъ въ то время, когда Россія начала уже вступать въ близкія сношенія съ западной Европой, въ общественной жизни которой начали давать ростки идеи другаго порядка, служившаго для русскихъ передовыхъ людей зеркаломъ идеаловъ, онѣ не могли не подчиняться ихъ вліянію. Уже Петръ пашелъ за Нѣманомъ, хотя и въ зародышѣ, идею права авторства; уже онъ признавалъ авторитетъ людей мысли, и, предписывая Веселовскому сыскать книги „лексиконъ универсалисъ, которой печатанъ въ Лейпцигѣ у Симона, и другой лексиконъ универсалисъ же, въ которомъ есть всѣ художества, которой выданъ въ Англіи на ихъ языкѣ", чтобы перевести ихъ на русскій и издать въ своемъ отечествѣ, вовсе не справляясь съ желаніемъ первыхъ издателей, прибавлялъ: „въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ сіе зѣло нужно". Двойственность эта, замѣчаемая при самомъ началѣ реформы, тянется и въ позднѣйшія царствованія. Результатомъ взглядовъ новаго порядка было обезпеченіе авторскаго права, высказанное запрещеніемъ контрафакцій уже въ законодательствѣ Екатерины II [1]); но и первый порядокъ взглядовъ явственно проглядываетъ сквозь завѣсу оттѣснявшихъ его представленій, его мы можемъ слѣдить вплоть до настоящаго времени. Развитіемъ отечественнаго законодательства подъ вліяніемъ не только нашихъ собственныхъ условій, но и заграничныхъ идей, объясняется, что въ исторіи его нельзя такъ категорически отмѣтить моменты, когда кончается одинъ періодъ отношеній государства къ мысли и начинается другой: мѣры вотчинной, попечительной и полицейской эпохъ, выступающія на западѣ во всей ихъ отдѣльности, у насъ сплошь и рядомъ практикуются одновременно, разнообразныя направленія государственной дѣятельности сталкиваются между собою и взаимно ослабляютъ другъ друга. Содѣйствіе правительства типографскому производству, какъ орудію просвѣщенія, которое признавалось необходимымъ въ интересахъ матеріальной пользы государства и потому ограничивалось распространеніемъ прикладныхъ знаній, замѣчается какъ при Петрѣ В., такъ и во многихъ узаконеніяхъ Екатерины II [2]) и Алек-

---

[1]) Даже до Екатерины, контрафакція со стороны частныхъ лицъ предупреждалась тѣмъ, что всѣ типографіи были офиціальныя, исполнявшія лишь заказы духовнаго и свѣтскаго правительства.

[2]) П. С. З. т. XIX № 13572; т. XX № 14495.

сандра I [1]). Но эта струя встрѣчала у насъ сильные подводные камни. Съ одной стороны, духовенство уже издавна успѣло заручиться исключительной привиллегіей печатать религіозныя книги и отстаивало ее какъ изъ-за экономическихъ, такъ и политическихъ соображеній. Съ другой, позднее появленіе русской литературы свѣтскаго характера, которому предшествовало знакомство съ просвѣщеннымъ западомъ, открыло передовымъ людямъ богатую сокровищницу идей, изъ которой они склонны были черпать даже вопреки ближайшимъ интересамъ и желаніямъ высшаго правительства [2]). Литература скоро оставила рубежъ, намѣченный ей сверху, и шагнула дальше на пути идеаловъ, а люди, стоявшіе во главѣ правительства, по условіямъ времени, не успѣли еще дойти до той степени развитія, когда человѣкъ привыкаетъ объективно относиться къ чужой мысли и не мѣряетъ ее на свой субъективный аршинъ. Вся сила была на сторонѣ правительства; литература не имѣла никакой поддержки со стороны русскаго общества, служа большею частью непонятнымъ ему интересамъ, которые выяснились за-границей; правительству не составляло никакого труда перенести на русскую литературу тѣ стѣснительныя мѣры, которыя выработались на западѣ, благодаря тамошнимъ злоупотребленіямъ со стороны людей печати, и обширная сѣть карательныхъ и предупредительныхъ мѣропріятій скоро окружаетъ нашу литературу своимъ желѣзнымъ поясомъ. Сначала они идутъ одновременно съ мѣропріятіями попечительнаго свойства [3]), затѣмъ чередуются съ ними [4]) и наконецъ совершенно вытѣсняютъ ихъ, со второй половины царствованія Александра I и во все царствованіе Николая Павловича, изъ системы законодательства и административной практики [5]). Не смотря на эти періодическія колебанія въ прави-

---

[1]) П. С. З. т. XXVII №№ 20139, 20144, 20153.

[2]) *Пыпинъ*, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Спб. 1873, стр. 10, 17 и слѣд.

[3]) Таковы еще во времена петровскія указъ 5 октября 1720 (I П. С. З. VI, № 3653), уставъ Духовн. Консисторіи, установляющій (ч. III п. 3) предварительную цензуру для религіозныхъ сочиненій, и мн. др.

[4]) Такъ, при Екатеринѣ II, въ параллель съ приведенными выше попечительными узаконеніями, вотчинный характеръ носятъ: ук. 23 дек. 1785 (П. С. З. № 16301), 15 мая 1790 п. 6 (ib. № 16868) и особенно 16 сентября 1796 (ib. № 17508), а въ царствованіе Александра I ук. 1 мая 1803 (ib. № 20741), уст. 9 іюля 1804 (ib. № 21388), 23 іюня 1824 и мн. др.

[5]) См. Сборникъ распоряженій по цензурѣ съ 1828 по 1862. Изданъ по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1862 году.

тельственной дѣятельности однихъ и тѣхъ же царствованій, изслѣдователь можетъ разглядѣть въ нашей исторіи законодательства печати тѣ-же самыя направленія въ государственной постановкѣ публичной мысли, которыя замѣчались въ западной Европѣ.

Такъ, вотчинное отношеніе правительства къ публичной мысли можетъ быть наблюдаемо въ мѣропріятіяхъ Екатерины II, Александра I и Николая I, имена которыхъ, въ полномъ смыслѣ слова, представляютъ каждое свою эпоху. При Екатеринѣ, еще до Новиковскаго дѣла, начальникъ тайной канцеляріи Шишковскій успѣлъ получить громкую извѣстность своею расправою съ авторами, и одинъ изъ нихъ, П. А. Радищевъ, называетъ его „великимъ инквизиторомъ Россіи". „По дѣлу о каррикатурахъ и ругательныхъ сочиненіяхъ въ семидесятыхъ годахъ — говоритъ Радищевъ (Русская Старина, II, стр. 637) — нѣсколько придворныхъ особъ были у него въ передѣлкѣ. Въ С.-Петербургѣ у него было много дѣла всякій день, однакожъ онъ былъ посылаемъ и въ другіе города. Когда напримѣръ многими недовольными въ Москвѣ были говорены неприличныя рѣчи и это дошло до свѣдѣнія императрицы, она (въ девяностыхъ годахъ) видѣла въ нихъ сѣмена возмущенія и старалась его подавить. Она прислала туда Шишковскаго. Вся Москва встрепетала, и это дѣло, по оштрафованіи нѣсколькихъ лицъ, было оставлено" [1]). Выше замѣчено уже, что типографское производство первое время цѣликомъ находилось въ рукахъ духовенства и правительства. Первый, занесенный въ законодательные акты нашего отечества, примѣръ заведенія „вольной" или частной типографіи въ предѣлахъ Россіи относится къ 1771 году, когда иноземцу Гартунгу дана привиллегія на устройство въ С.-Петербургѣ вольной типографіи, но лишь для иностранныхъ языковъ [2]). Не ранѣе 1776 года (привиллегія Вейтбрехту и Шнору) вольнымъ типографіямъ, находящимся въ предѣлахъ Россіи, дозволено печатать книги и на русскомъ языкѣ [3]). Наплывъ либеральныхъ идей

[1]) См. также, для характеристики екатерининскаго времени, кромѣ Новиковскаго, розыскное дѣло о трагедіи Княжнина «Вадимъ Новгородскій»,— Рус. Арх. 1868, X, стр. 605 по 2 изд.; *Лонгиновъ*, о томъ же, Рус. Вѣст. 1860 № 4.

[2]) I. П. С. З. т. XIX № 13572.

[3]) П. С. З. XX № 14495. Привиллегія эта дана, по словамъ ея, «*сообразуясь съ прежними* о заведеніи вольныхъ типографій *производствами*», но отсюда едва ли можно заключить, что и болѣе раннимъ вольнымъ типографіямъ дозволялось печатать на русскомъ языкѣ. Привиллегія Гартунгу даетъ здѣсь отрицательный отвѣтъ.

далъ жизнь указу 15 января 1783 [1]), повелѣвшему не различать типографій отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и предоставившему „каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ Управѣ Благочинія того города, гдѣ онъ ту типографію имѣть хочетъ“ [2]). Но дѣла Радищева и Новикова [3]), постоянныя жалобы духовенства на нарушеніе чистоты христіанскаго ученія, а казенныхъ типографій — на умаленіе дохода государственнаго, вызвали указъ 16 сентября 1796 г. [4]), повелѣвавшій всѣ вольныя типографіи, кромѣ устроенныхъ по *особому* Высочайшему повелѣнію, упразднить, „тѣмъ болѣе, что для печатанія полезныхъ и нужныхъ книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разныхъ училищахъ устроенныхъ“. Это позднѣйшее теченіе, замѣчаемое въ екатерининскомъ законодательствѣ подъ вліяніемъ опасеній, созданныхъ французскою революціею, достигаетъ своего апогея въ царствованіе императора Павла: всѣ мѣропріятія его относительно печати подернуты владѣльческими красками. Указъ 1797 года повелѣваетъ всѣ сомнительныя книги, до разрѣшенія ихъ цензурою, представлять на разсмотрѣніе совѣта государева [5]); на всѣхъ таможняхъ устроены заставы мысли, и когда онѣ показались безсильными, предписано поставить сплошную стѣну между западною и русскою мыслью: 18 апрѣля 1800 года, впредь до указа, повелѣно запретить впускъ изъ-за границы въ Россію всякаго рода книгъ, безъ изъятія, на какомъ бы языкѣ оныя ни были [6]). Два слѣдующія царствованія представляютъ то-же броженіе отъ началъ новаго порядка къ владѣльческимъ, тотъ же переходъ отъ свободнаго положенія типографій къ подчиненному. Александръ I началъ свое царствованіе отмѣною указа 1800 года и возстановленіемъ силы указа 1796, мотивируя этотъ актъ пользою русскихъ гражданъ и своимъ жела-

---

[1]) П. С. З. XXI, № 16534.

[2]) Эти мѣры были весьма благодѣтельны для типографскаго производства: при Екатеринѣ, начали заводиться типографіи *даже въ русскихъ селахъ*, см. *Бартеневъ*, зам. о сельскихъ типографіяхъ въ Россіи, Библ. Зап. I, стр. 279 и слѣд. Дальнѣйшая политика совершенно убила промышленность, которая обѣщала развиться въ значительныхъ размѣрахъ.

[3]) Объ исполненіи указа 23 дек. 1785, даннаго по Новиковскому дѣлу, см. XVIII Вѣкъ, I, стр. 425 и слѣд.

[4]) П. С. З. XXIII № 17508.

[5]) П. С. З. № 18032.

[6]) П. С. З. № 19387.

ніемъ доставить имъ всѣ возможные способы къ распространенію наукъ и художествъ [1]), а годъ спустя онъ нашелъ даже возможнымъ воротиться къ указу 1783 года, сравнивавшему типографіи съ прочими фабриками и рукодѣльями [2]). Но, достигши этого кульминаціоннаго въ либеральномъ направленіи пункта, законодательство Александра, безъ всякаго повода со стороны литературы, начинаетъ, подобно екатерининскому, обратное шествіе. Административная практика по дѣламъ печати измѣняется, типографы получаютъ строгія внушенія не торговать запрещенными, хотя совершенно невинными, книгами и, безъ предварительнаго постановленія закона, провинившіеся въ этомъ иностранные подданные высылаются за-границу [3]).

Въ подтвержденіе владѣльческаго отношенія правительства къ публичной мысли, мы можемъ сослаться еще на положеніе періодическихъ изданій. Долго, какъ мы видѣли, у насъ не было частныхъ типографій; еще дольше не существовало частныхъ періодическихъ изданій, а лишь правительственныя, оффиціальныя; даже до настоящаго времени наша повременная пресса не успѣла достигнуть правоваго положенія и зависитъ въ своемъ начальномъ и конечномъ пунктѣ отъ усмотрѣнія администраціи. Высшіе представители власти, сперва непосредственно, какъ при Петрѣ, который, подобно Ришелье, лично давалъ матеріалъ для оффиціальной газеты, — затѣмъ при посредствѣ различныхъ вѣдомствъ и служилыхъ людей, слѣдили за содержаніемъ повременныхъ листковъ, отмѣчали факты, которые должны были найдти мѣсто на страницахъ ихъ, и вычеркивали изъ народнаго знанія группы явленій, которыя они желали оставить своимъ частнымъ доме-

---

[1]) Указъ 31 марта 1801 — П. С. З. XXVI, № 19807.

[2]) Указъ 9 февраля 1802 — П. С. З. XXVII. № 20139.

[3]) П. С. З. т. XXVII, № 20741. Есть лица, желающія возвести на степень какого-то историческаго закона двойственность политики въ каждомъ царствованіи Россіи, даже до настоящаго времени. Отъ нихъ мнѣ не разъ приходилось слышать благожелательное предостереженіе воздержаться въ настоящее время отъ разработки законодательства печати. Голоса эти не новые, они постоянно слышатся изъ лагеря пессимистовъ. Относительно правительства настоящаго царствованія, мы отнюдь не можемъ раздѣлять этого мнѣнія. По своему характеру, оно напоминаетъ не эпохи Екатерины II и Александра I, а вѣкъ Петра и Елисаветы Петровны, не знавшій второй половины въ томъ мрачномъ смыслѣ, который пугаетъ слабые умы и даетъ обильную пищу пропагандистамъ анархіи. Такая неустанная цѣпь реформъ, какъ прошедшая передъ нашими глазами и до сихъ поръ продолжающаяся, даетъ полное основаніе смотрѣть на правительство съ довѣріемъ, и ожидать дальнѣйшихъ, еще болѣе рѣшительныхъ реформъ въ законодательствѣ печати.

ному, „непринадлежащимъ къ вѣдѣнію народному“ [1]). Назначая чиновнаго редактора, правительство предоставляло ему „выборъ къ сему дѣлу чиновниковъ“ и смотрѣло на газету какъ на особый канцелярскій столъ департамента, управлявшаго имъ и обязаннаго, въ особенно важныхъ случаяхъ, испрашивать высочайшія разрѣшенія. Такова напр. инструкція тайному совѣтнику Козодавлеву, поставленному въ 1809 году во главѣ учрежденной тогда „Сѣверной почты“. До закона 1865, частныя лица могли издавать газеты только съ высочайшаго дозволенія, и правительство въ такомъ случаѣ смотрѣло на нихъ какъ на своихъ чиновниковъ: оно даетъ свои предписанія „редакторамъ и цензорамъ“ безразлично [2]), иногда называетъ цензоровъ „непосредственнымъ начальствомъ“ редакторовъ [3]), словомъ — отрицаетъ за послѣдними всякій индивидуальный починъ, всякую индивидуальную самобытность [4]). Понятно, что при этомъ порядкѣ вещей нельзя серьезно говорить ни о правахъ авторскихъ, ни о правахъ читателя и общества въ печати.

Какъ и на западѣ, вотчинная идея въ законодательной и исполнительной дѣятельности русскаго правительства проявлялась нѣсколько различно въ вопросахъ управленія и въ вопросахъ народнаго просвѣщенія. Относительно первыхъ, она выступаетъ въ формѣ безусловнаго господства органовъ власти надъ данными группами явленій и фактовъ, устранявшаго всякое вмѣшательство чуждыхъ ей элементовъ; относительно вторыхъ, эта идея раскрывается заботами о народной нравственности, религіи и образованіи, единственнымъ источникомъ и судьею которыхъ

---

[1]) П. С. З. т. VII № 4964; т. XX № 15001; т. XXX № 23768, о Сѣверной Почтѣ. *Сборникъ* распоряженій и постановленій по цензурѣ съ 1720 по 1862, изд. М. Н. Пр., приводитъ обширный рядъ узаконеній, выдѣлявшихъ изъ сферы публичности многія группы фактовъ и такимъ образомъ отрицавшихъ право читателя на знаніе ихъ; стр. 22 — о нѣкоторыхъ сенатскихъ указахъ, не принадлежащихъ къ народному свѣдѣнію; стр. 417, распоряженіе 2 ноября 1857, которымъ запрещается писать о гласности судопроизводства; стр. 418, секретное распоряженіе 14 ноября 1857, запрещающее сообщать какіе бы то ни было политическіе факты съ тенденціями къ государственнымъ нововведеніямъ и мн. др.

[2]) Сборникъ распор. и пост. по цензурѣ, стр. 285

[3]) Сборникъ, стр. 266.

[4]) Любопытно при этомъ, что редакторамъ и издателямъ секретно запрещалось обозначать, въ объявленіяхъ о подпискѣ, что изданіе ихъ ведется «съ Высочайшаго соизволенія», — «такъ какъ, на основаніи цензурныхъ постановленій, Высочайшее соизволеніе необходимо для каждаго новаго періодическаго изданія, то и нѣтъ никакой надобности упоминать объ ономъ въ частныхъ объявленіяхъ, которыя такою оговоркою могутъ возбуждать неосновательное толкованіе». См. предложеніе М. Н. Пр. 10 октября 1857 г., въ *Сборн. распор. и пост. по цензурѣ*, стр. 416.

становится правительство. Тамъ и здѣсь царилъ принципъ Меттерниха: Alles für das Volk, Nichts durch das Volk.

Глядя на политику внутреннюю и внѣшнюю какъ на свое частное дѣло, отправляемое по его непосредственному усмотрѣнію и при помощи его собственныхъ, отъ него одного зависящихъ органовъ, высшее правительство не могло не считать малѣйшую попытку указанія въ печати на постановку вопросовъ управленія, а тѣмъ болѣе на дѣятельность его чиновниковъ, тяжкимъ нарушеніемъ своихъ правъ верховенства. Обширная сфера фактовъ соціальной жизни дѣлается запретнымъ плодомъ для печатнаго станка [1]. Тѣмъ же порядкомъ идей объясняется явленіе, однородное съ замѣченнымъ уже въ исторіи западно-европейской практики. Публичная мысль и народное знаніе распредѣляются между множествомъ отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій, соотвѣтственно характеру лежавшихъ на нихъ правительственныхъ функцій. Общій надзоръ за печатью, по словамъ закона, долженъ былъ находиться въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, на самомъ же дѣлѣ, его ограничивали множество особенныхъ цензуръ при другихъ вѣдомствахъ, безъ разрѣшенія которыхъ запрещено было пропускать въ печать весьма значительный процентъ сочиненій; выражаясь словами закона, послѣднія „печа-

---

[1]) Въ сороковыхъ годахъ эта идея проводилась у насъ наиболѣе послѣдовательно. Вотъ прекрасный примѣръ, выставляющій ее во всей рельефности. Конфиденціальное предложеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 19 іюня 1848 г. гласитъ: «Въ фельетонѣ 21 № «Сѣверной Пчелы» (2 іюня) разсказывается, что для недѣльныхъ концертовъ Гунгля въ Павловскомъ вокзалѣ учреждены отдѣльныя поѣздки по желѣзной дорогѣ и посѣтители могутъ возвращаться часомъ позже», а затѣмъ прибавлено: «слово: «возвращаться» производитъ всегда какое-то гальваническое потрясеніе. Пріѣхать въ Петербургъ, ночью, въ дурную погоду, и предаться на жертву легковымъ извощикамъ, это ужасно. Мы часто сравнивали прекрасное учрежденіе таксы въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ съ произвольною цѣною петербургскихъ извощиковъ, *но на дняхъ убѣдились, что и тамъ, гдѣ такса существуетъ, надобно торговаться.* Въ случаѣ дурной погоды, въ особенности, царскосельскіе извощики точно также неумолимы, какъ и столичные. Мы видѣли примѣръ, что отъ станціи желѣзной дороги до дворца должно было заплатить 40 коп. сер. Это были женщина и дѣти, застигнутыя дождемъ; что имъ было дѣлать? *уступить необходимости!*» (курсивъ въ циркулярѣ). «Государь императоръ — продолжаетъ циркуляръ — изволилъ замѣтить, что цензурѣ не слѣдовало пропускать сей выходки. Каждому скромному желанію лучшаго, каждой умѣстной жалобѣ на неисполненіе закона, или установленнаго порядка, указаны у насъ законные пути. Косвенныя укоризны начальству царскосельскому, а отчасти и с.-петербургскому, въ приведенномъ фельетонѣ содержащіяся, конечно не важны; *но важно то, что онѣ изъяснены не передъ надлежащею властью,* а преданы на общій приговоръ публики; допустивъ же единожды сему начало, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства». См. *Сборникъ* распор. и постановленій по цензурѣ, стр. 249.

таются подъ надзоромъ и отвѣтственностью сихъ мѣстъ“ [1]). Независимо отъ особенныхъ территоріальныхъ цензуръ, сравненныхъ въ кругѣ вѣдомства съ центральною [2]), по содержанію сочиненій существовали у насъ слѣдующія особенныя цензуры *на основаніи закона:* духовная, для всѣхъ книгъ религіознаго содержанія; иностранная, для просмотра книгъ, печатавшихся за границей на иностранныхъ языкахъ и привозимыхъ въ Россію; цензуры сената, главнаго военнаго штаба, министерствъ и мѣстныхъ начальствъ военскихъ и гражданскихъ — для просматриванія оффиціальныхъ актовъ, законоположеній и распоряженій, издаваемыхъ ими, а также отзывовъ о ихъ дѣятельности; академіи и университетовъ — для просмотра актовъ, рѣчей, разсужденій, программъ, отчетовъ и другихъ сочиненій, издающихся отъ ихъ имени; цензура московскаго ученаго комитета, духовно-учебнаго управленія, римско-католическаго и армянскаго митрополитовъ и мѣстныхъ архіереевъ, II и III отдѣленій собственной Е. И. В. канцеляріи, почтовая цензура, цензура министерства иностранныхъ дѣлъ по вопросамъ иностранной политики, цензура министерства внутреннихъ дѣлъ для афишъ и мелкихъ объявленій всякаго рода. *Независимо отъ того*, въ „Сборникѣ распоряженій и постановленій по цензурѣ“ упоминаются слѣдующіе особенные виды цензуры, не вошедшіе въ „Сводъ“: цензура мѣстнаго полицейскаго начальства — для афишъ и мелкихъ объявленій [3]); цензура министерства двора — для статей объ императорскихъ театрахъ [4]) и извѣстій объ особахъ императорской фамиліи [5]); цензура военно-топографическаго депо, для просмотра географическихъ и топографическихъ картъ, атласовъ и плановъ [6]); цензура военнаго министра — для всѣхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ описаніе военныхъ дѣйствій русскаго войска, кромѣ стихотворнаго описанія битвъ въ эпической формѣ [7]); шефа жандармовъ — для всѣхъ безъ изъятія произведеній кого либо изъ служащихъ въ жандармскомъ корпусѣ, лейбъ-гвардіи, кавказскомъ горскомъ полуэскадронѣ и собственномъ конвоѣ Государя [8]). Рядомъ съ этими

[1]) Св. Зак. Россійской Имп. изд. 1857 года, т. XIV, Уст. Ценз., ст 32, 33, 36 и друг.
[2]) Таковы напр., цензуры кавказская, финляндская и др.
[3]) Сборникъ, стр. 218, годъ 1828.
[4]) Сборникъ, стр. 218, годы 1830 и 1846.
[5]) Сборникъ, стр. 232, годъ 1841.
[6]) Сборникъ, стр. 222, годы 1833 и 1846.
[7]) Сборникъ, стр. 223, годы 1833, 1835 и 1850.
[8]) Сборникъ, стр. 227, годъ 1836.

постоянными, учреждались временныя цензуры, ad hoc, для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ сочиненій; такъ напр. въ 1817 году было постановлено, что лекціи и рѣчи профессоровъ московскаго университета не должны быть дозволяемы къ напечатанію въ журналахъ безъ предварительнаго на то согласія мѣстнаго попечителя [1]); сочиненія воспитанниковъ учебныхъ заведеній, по аналогіи съ произведеніями чиновниковъ, могли быть дозволены не иначе, какъ по предварительномъ одобреніи ихъ директоромъ и мѣстнымъ попечителемъ [2]); въ 1847 году всѣ статьи о построеніи исаакіевскаго собора, предполагаемыя къ помѣщенію въ журналахъ, велѣно сообщать на предварительное разсмотрѣніе коммиссіи о построеніи этаго собора [3]), и т. д.

Вотчинный характеръ замѣчается также въ тѣхъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства относительно печати, которыя вытекали изъ попечительныхъ заботъ его о народномъ просвѣщеніи и народной нравственности. Петръ I, какъ мы уже видѣли, взялся руководить литературою, чтобы быть учителемъ своего народа. Этотъ взглядъ держится и послѣ него. Уставъ 1804 года смотритъ на цензуру какъ на учрежденіе правительственное, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы „*доставить* обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію“ (ст. 2). Но въ государствѣ, гдѣ общественная жизнь была весьма слабо развита и гдѣ общество не успѣло еще создать прочныхъ учрежденій, которыя взялось бы быть прочными хранителями и проводниками науки, какъ университеты на западѣ, задача „просвѣщенія ума“ и „образованія нравовъ“ неминуемо должна была стать исключительнымъ дѣломъ правительства, которое поручало его своимъ чиновникамъ и канцеляріямъ, устроеннымъ по обыкновенному бюрократическому образцу. Они разбивали мысль и знаніе народное на болѣе или менѣе мелкія подраздѣленія, распредѣляли ихъ по департаментамъ и столамъ, и снабжали ими по своему усмотрѣнію своихъ подчиненныхъ. Магницкій, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей нашей вотчинно-попечительной эпохи, раздѣлявшій вмѣстѣ съ нею тотъ, уже извѣстный намъ взглядъ германской литературы, который считало все дѣло народнаго просвѣщенія правительственною рега-

[1]) Сборникъ, стр. 242.
[2]) Сборникъ, стр. 231.
[3]) Сборникъ, стр. 242.

ліею, характеризуетъ идеи своего времени слѣдующими словами: „Просвѣщеніе въ государственномъ (?) смыслѣ не можетъ быть ничто иное, какъ полное собраніе всѣхъ положительныхъ наукъ, съ новѣйшими ихъ открытіями и лучшими методами преподаванія, *ввѣренное* (правительствомъ, какъ его частное дѣло) надежному, по его нравственности, сословію ученыхъ и *распредѣляемое* имъ подъ дѣйствительнымъ надзоромъ, согласно съ религіей, съ образомъ правительства, — разнымъ классамъ граждань, въ *нужной* для каждаго изъ нихъ мѣрѣ“ [1]). Приведенная выдержка въ высшей степени рельефно характеризуетъ разсматриваемую эпоху. Правительство желало образованія только до извѣстной степени, для непосредственныхъ только практически полезныхъ примѣненій; всякая мысль, которая расходилась съ существовавшими правительственными и церковными взглядами, считалась „развратомъ“, какъ считался таковымъ и домашный расколъ. Правительство не задумывалось о томъ, отчего являлись эти мысли, не считало возможнымъ, чтобы въ нихъ иной разъ была и правда; оно безъ разсужденій ихъ преслѣдовало. Оно не допускало, и вѣроятно не понимало того, что наукѣ нуженъ свой просторъ, что она можетъ быть дѣйствительно производительной силой только подъ условіемъ свободы; въ правительствѣ, напротивъ, мало по малу составлялось и, наконецъ, къ нынѣшнему столѣтію крѣпко утвердилось понятіе, что науки бываютъ хорошія и дурныя, полезныя и вредныя, что первыя похвальны, а вторыя достойны истребленія и д. Бывали періоды, когда опасеніе и недовѣріе къ наукамъ повидимому проходило, какъ напр. въ началѣ царствованій Екатерины и Александра I, но затѣмъ опасеніе возрождалось снова и созрѣло къ первой половинѣ XIX вѣка въ сильное предубѣжденіе противъ науки, въ преслѣдованіе всякихъ вольныхъ мыслей [2]).

Существовавшая у насъ, для проведенія означенныхъ началъ, система мѣропріятій, однородныхъ съ западно-европейскими, носила

---

[1]) XIX *Вѣкъ*, Бартенева, I, стр. 241.

[2]) *Пыпинъ*, Характеристики, стр. 14. Это уже начало полицейскаго періода. Тоже замѣчалось и въ Западной Европѣ, такова была политика австрійскаго императора Франца I, о которомъ безпристрастный историкъ говоритъ: «Онъ различалъ науку, направленную къ матеріальному благу народа, и науку, направленную къ его политическому развитію. Первой, его правительство старалось покровительствовать всякими мѣрами и вообще заботилось о матеріальномъ благоденствіи народа; его старанія въ

и нѣкоторыя отличія вслѣдствіе особенностей, оказавшихся въ государственномъ положеніи русской печати. Какъ и западу, намъ были извѣстны запрещенія опасныхъ сочиненій, личныя преслѣдованія авторовъ и другихъ дѣятелей книжнаго производства, индексы, наконецъ предупредительныя мѣры противъ печати, каковы: заведеніе типографій съ дозволенія правительства, обязанность обозначать на печатаемыхъ сочиненіяхъ имя и адресъ типографіи и предварительная аппробація правительствомъ печатаемыхъ сочиненій. Но, съ одной стороны, сосреточеніе большей части типографій въ рукахъ духовнаго и свѣтскаго правительства, съ другой – соціальная слабость литературы, не дозволявшая ей вступать въ сколько нибудь серьезную борьбу съ правительствомъ, были причиною, что русскому законодательству остались неизвѣстными тѣ суровыя наказанія, которымъ виновные въ проступкахъ печати одно время подвергались на западѣ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянныя сношенія съ западомъ искуственно ускорили введеніе у насъ института предварительной цензуры [2]), которая уже во владѣльческую эпоху вытѣсняетъ почти всѣ другія мѣропріятія или ставитъ ихъ на задній планъ [3]).

этомъ отношеніи увѣнчались развитіемъ торговли и весьма значительнымъ увеличеніемъ населенія, напр. въ Тріестѣ и Вѣнѣ. За то къ наукѣ историкополитической нелюбовь императора не знала предѣловъ. Достаточно упомянуть, что даже для студентовъ университета исторія не была обязательна..... Народъ различалъ въ немъ его личность и его систему управленія. Какъ личность, его любили и всюду встрѣчали оваціями; его систему управленія ненавидѣли, но онъ, къ сожалѣнію, этого не зналъ и всегда поступалъ съ увѣренностью, что дѣйствуетъ въ пользу народа. Эта увѣренность была ошибочная, и вмѣсто похвалы исторія должна указать на него какъ на примѣръ монарха, какимъ быть не слѣдуетъ». См. *Mailath*, в. с., стр. 367, 377 и слѣд.

[1]) Первый примѣръ признанія книги свѣтскаго содержанія вредною (независимо отъ шведскихъ манифестовъ при Петрѣ В.) замѣчается въ дѣлѣ Волынскаго; онъ былъ обвиненъ между прочимъ въ томъ, что *читалъ* сочиненіе Юста Липсія, — какое именно, неизвѣстно. О расправѣ Шишковскаго уже сказано. Серьезнѣе были преслѣдованія Новикова и его кружка. См. также Рус. Арх. I, стр. 605 по 2 изд., розыскное дѣло о трагедіи Княжнина «Вадимъ Новгородскій»; Русская Старина 1870 г., стр. 550 и слѣд., объ арестѣ Полеваго; Русская Старина, стр. 574, о закрытіи Телескопа.

[2]) Коротенькій, но весьма тщательный абрисъ первыхъ шаговъ русской цензуры, см. у проф. *Андреевскаго*, Полиц. Пр. I, § 15.

[3]) До Новиковскаго дѣла цензура не была еще приведена въ порядокъ. Рукописи духовнаго содержанія были представляемы или въ Сѵнодъ, или въ московскую сѵнодальную контору, и передаваемы были въ С.-Петербургѣ на разсмотрѣніе членамъ Сѵнода сѵнодскимъ переводчикамъ, законоучителямъ корпусовъ и наставникамъ Александровской Семинаріи, а въ Москвѣ — ректору и префекту Академіи. Печатаніе же свѣтскихъ книгъ и переводовъ разрѣшалось

Порядокъ привиллегій существуетъ у насъ до сихъ поръ, именно для повременныхъ изданій; но зародыши права литературной собственности появляются уже при Екатеринѣ II.

XII.

Переходя затѣмъ къ изложенію законодательства печати въ полицейскую эпоху его развитія, мы можемъ избѣжать тѣ дробныя частности, которыя были необходимы при разсмотрѣніи болѣе раннихъ его періодовъ, такъ какъ она болѣе свѣжа и знакома для каждаго изъ читателей и уже имѣетъ богатую литературу [1]).

Смѣна владѣльческаго періода въ государственномъ положеніи мысли полицейскимъ находитъ свое объясненіе въ томъ же законѣ развитія духовнаго состоянія человѣка, который далъ столь обильную почву идеямъ владѣльческаго порядка. Выше замѣчено уже, что на раннихъ ступеняхъ духовнаго развитія индивидъ отожествляетъ себя съ внѣшнимъ міромъ въ двоякомъ направленіи: или перенося на себя качества и силы, замѣчаемыя имъ во внѣ, ставя себя въ непосредственную зависимость отъ внѣшней природы (боязнь глаза, глотаніе камешковъ, астрологія); или, напротивъ, перенося на явленія внѣшней природы свои собственныя чувства и представленія, ставя, такимъ образомъ, объективное въ зависимость отъ субъективнаго (бичеваніе моря, чернокнижіе, уголовныя засѣданія противъ животныхъ). Процессъ перваго рода относительно мысли начинается теократическою окраскою ея какъ при-

---

преимущественно университетомъ; болѣе всѣхъ работалъ по цензурѣ профессоръ Барсовъ. Когда, въ 1785 году, послѣ Новиковскаго дѣла, Брюсу и архіепископу Платону было поручено организовать постоянную цензуру, то Платонъ писалъ казанскому архіепископу Амвросію Подобѣдову: «предвижу, что отъ этого много будетъ для меня затрудненій, а можетъ быть и опасностей, и ничего, что ободряло бы духъ мой». О первой цензурной вѣдомости, которую велъ игуменъ Моисей съ 1786 по 1788, и которая упоминаетъ рукописи не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія, см XVIII Вѣкъ, изд. Бартенева, стр. 425 и слѣд., съ предисловіемъ Смирнова.

[1]) Лучшіе труды для болѣе полнаго ознакомленія съ законодательствомъ печати полицейскаго періода суть:

Проф. *Андреевскаго*, Полицейское право, 2-е изд. т. I, стр. 254 и слѣд. Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати, анонимнаго автора. С.-Петербургъ, 1870.

Mohl, Polizeiwissenschaft, т. III, Präventiv-Polizei.

Hatin, Manuel de la liberté de la presse, Paris, 1868.

Laferriere, La censure et le régime correctionel, Paris, 1867.

надлежностью божества, которая мало по малу смѣнилась владѣльческою: мысль отдѣлилась отъ индивида и считалась принадлежностью элементовъ, постороннихъ ему. Они разсматривались какъ источникъ народнаго знанія, распредѣляли его „въ нужной для каждаго мѣрѣ“, назначали своихъ агентовъ для надзора, чтобы эта мѣра не нарушалась.

Процессъ втораго рода начинаетъ свой поступательный ходъ также со временъ отдаленныхъ. Еще въ то время, когда человѣкъ относитъ мысль къ верховному, небесному источнику всего существующаго и встрѣчаетъ разномысліе со стороны другихъ, онъ объясняетъ послѣднее вліяніемъ духовъ тьмы, сатаны или дьявола, но борется съ ними не непосредственно, а нападая на такихъ же людей, какъ онъ самъ, являющихся агентами враждебныхъ ему силъ природы. На почвѣ конкретнаго, человѣкъ всегда признавалъ носителемъ мысли такого же человѣка, какъ онъ самъ. Хотя по мнѣнію его ересь была навожденіемъ злаго духа, сѣявшаго плевелы въ стадѣ божіемъ, но для борьбы съ нею онъ боролся съ еретиками. Чародѣи и колдуны обращали противъ себя громы земнаго правосудія, хотя въ эпохи преслѣдованія ихъ каждый вѣрилъ, что мечъ юстиціи поднимается на защиту истиннаго бога противъ духовъ тьмы. Строгія мѣры репрессіи, предпринимавшіяся свѣтскими правительствами въ защиту принадлежащей имъ божіею милостью власти надъ своими подданными, имѣли задачею искоренить явленіе, общее по своей природѣ, но онѣ всегда направлялись противъ отдѣльныхъ лицъ и принимали въ дѣйствительной жизни характеръ индивидуальный.

За упраздненіемъ сверхъ-естественныхъ силъ, которое стало возможнымъ и необходимымъ на позднѣйшихъ ступеняхъ интеллектуальнаго развитія человѣчества, процессъ индивидуализированія мысли дѣлаетъ значительные успѣхи. На лице, выступающее съ тою или иною мыслью, начинаютъ смотрѣть не только какъ на агента или орудіе элементовъ, постороннихъ ему, стоящихъ выше отдѣльныхъ людей и заправляющихъ ихъ судьбами, но какъ на независимаго носителя и творца мысли. Его преслѣдуютъ, съ нимъ борятся какъ съ силою враждебною, но самостоятельною. Распаденіе идей вотчиннаго порядка, вызванное необходимымъ развитіемъ политическаго разномыслія, которое болѣе и болѣе разрушало принципъ непогрѣшимости и исключительности правительственныхъ взглядовъ, завершило процессъ индивидуализированія мысли. Индивидуальный умъ, ratio, становится

источникомъ всего знанія, критеріемъ всего существующаго, полнымъ собственникомъ всего производимаго имъ. Право авторства достигаетъ колосальныхъ, но искуственныхъ размѣровъ: оно не только значитъ право индивида предлагать свою мысль на судъ общества, но право поучать общество и правительство; оно превращается въ право исключительной собственности индивида на мысль; забывая всѣ окружающія его условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились его мысли, забывая вліяніе времени и мѣста, сообщившее его мыслямъ то, а не другое направленіе, индивидъ видитъ единственный источникъ своей мысли въ самомъ себѣ, въ своемъ интеллектѣ. Владѣльческое отношеніе правительства къ мысли смѣняется не менѣе владѣльческимъ отношеніемъ къ ней индивида; метафизическія направленія, утопіи, заоблачныя абстракціи вступаютъ въ свой золотой вѣкъ. Достаточно назвать школу естественнаго права и договорнаго государства въ области правовѣдѣнія, субъективнаго идеализма въ области общей философіи, — и мы получаемъ рельефные примѣры, какихъ грандіозныхъ размѣровъ достигаетъ эта идея даже у народовъ, стоящихъ на высокой степени культуры, привыкшихъ уже всматриваться въ окружающее для изученія его и обогатившихъ свою науку богатыми естественно-историческими познаніями [1]).

Практическими приложеніями эта идея была весьма богата. Она оказала несомнѣнное вліяніе какъ на публичную, такъ и на частно-гражданскую сторону типографскаго станка. Только такое рѣзкое притязаніе индивидуальнаго ума на непогрѣшимость, которую присвоивало себѣ до тѣхъ поръ лишь духовное и свѣтское правительство, только такая крутая попытка сломить всякій правительственный авторитетъ и подчинить его авторитету индивидуальнаго ума, — были въ состояніи доставить индивидуальному элементу значеніе юридической силы въ области типографскаго производства. Занявъ это мѣсто, индивидъ получилъ возможность вести съ правительствомъ переговоры и добиваться признанія своихъ интересовъ, превращая ихъ мало по малу въ права и такимъ образомъ собирая по камню фундаментъ для новаго направленія государственной дѣятельности въ вопросахъ печати — направленія правоваго. Пока правительство считалось единствен-

---

[1]) Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ сдерживающихъ индивидуальное самообольщеніе причинъ, напр. въ Индіи, человѣкъ считаетъ возможнымъ, силою личнаго желанія и личныхъ усилій мысли, слиться еще при жизни съ божествомъ (факеры).

нымъ обладателемъ народнаго знанія и народной мысли, ни о какомъ соглашеніи борющихся интересовъ не могло быть рѣчи: борющихся сторонъ не было, была только одна сторона и ея непризнанные враги, въ которыхъ она видѣла исчадія тьмы. Но, разумѣется, получить признаніе своихъ интересовъ и признать противоположные ей интересы правительства, личность могла не сразу, особенно въ виду того, что правительства долго не желали разстаться съ идеями вотчиннаго порядка. Въ полицейскую эпоху государственнаго положенія мысли, мы видимъ эти элементы въ непримиримой повидимому борьбѣ: каждая сторона выдвигаетъ лишь свои интересы, каждая желаетъ господства лишь своихъ взглядовъ и доводитъ ихъ до послѣднихъ крайностей. Понятіе предѣловъ, столь родственное юристу, такъ глубоко проникающее правовую эпоху. совершенно чуждо полицейскому періоду. Личность стремится къ тому же безграничному господству въ области мысли, которое принадлежало правительству во владѣльческую эпоху; правительство съ неменьшею искренностью строитъ свою политику на мѣрахъ, отъ которыхъ ожидалось безапелляціонное подчиненіе индивида общему интересу.

Въ справедливости высказаннаго не трудно убѣдиться, слѣдя притязанія каждой стороны. Метафизическая эпоха увидѣла индивида отрицающимъ всѣ „традиціи прошлаго“ какъ верхъ неблагоразумія, подрывающимъ авторитетъ представителей общаго интереса, провозглашающимъ свой единичный ratio мѣриломъ всего существующаго. На ея глазахъ разыгрывались любопытнѣйшія сцены изученія внѣшнихъ явленій посредствомъ внутренняго самонаблюденія, замѣны опыта апріористическими построеніями. Преклоняясь только передъ индивидуальнымъ умомъ, эта эпоха не могла не отрицать у правительства права имѣть какой-бы то ни было надзоръ за индивидуальною мыслью: теоріи свободной печати составляютъ наиболѣе любимый предметъ публицистовъ и гремятъ въ этотъ вѣкъ о безграничномъ, ничѣмъ не сдерживаемомъ произволѣ писателя. Не только административныя, но и судебныя мѣры не должны тревожить его. Мало того, онъ требуетъ отъ государства столь же безграничный просторъ въ пользованіи экономическими выгодами отъ типографскаго производства: мысль стала собственностью автора, авторское право должно было превратиться въ право неограниченной, безсрочной, безусловной интеллектуальной собственности. Помня такъ хорошо себя, авторъ помнилъ о читателѣ только какъ о силѣ индивидуальной, враждеб-

ной правительству; но въ массѣ, читатели осуждались на чтеніе и повиновеніе избранной интеллигенціи, своимъ ésprits distingués.

Другая сторона государственности, правительство, подъ вліяніемъ этаго измѣненія взглядовъ мало по малу должна была сложить прежнія орудія опеки и владѣльческаго отношенія къ мысли, замѣнивъ ихъ иными, болѣе соотвѣтствующими новому порядку вещей. Но она безпрестанно стремится подчинить себѣ индивидуальный умъ и ставитъ притязанія, діаметрально противоположныя его интересамъ. Правда, правительство признало въ индивидуальной мысли силу самостоятельную, такъ какъ она весьма энергически выбивалась изъ подъ правительственной опеки и круто сбрасывала владѣльческія пути; но это признаніе досталось ей не даромъ: въ стремившейся къ самостоятельности индивидуальной мысли правительство увидѣло силу, враждебную себѣ, стоящую въ непріятельскомъ лагерѣ. Иначе и быть не могло. Мысль всячески выбивалась изъ-подъ власти правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ она отказывалась отъ всякой организаціи, ставя критерій справедливости и истинности въ самой себѣ. Провозглашенный ею принципъ самостоятельности и независимости не могъ, на языкѣ государственномъ, означать ничего иного, какъ только анархію, такъ какъ индивидуальный умъ каждаго человѣка объявлялся единственно компетентнымъ судьею въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ знанія; такая „независимость" не давала никакой поруки въ возможности согласить различныя индивидуальныя рѣшенія, и начала не только съ отрицанія авторитетовъ, но даже съ отрицанія факторовъ, способныхъ удерживать ее въ какихъ бы то ни было предѣлахъ. Въ сравненіи съ прежнимъ, точно организованнымъ порядкомъ мысли, имѣвшимъ свою іерархію, начальство высшее и низшее, и подначальныхъ, это положеніе вещей должно было показаться въ высшей степени опаснымъ. Пропаганда такого царства анархіи, такой „литературной республики", гдѣ всѣ хотѣли быть вождями и никто — подданнымъ, находилась съ серьезномъ противорѣчіи съ природою государства, которое всегда и вездѣ построено на началахъ строгой іерархіи,— на взаимномъ подчиненіи и соглашеніи разнообразныхъ интересовъ. Поэтому-то вполнѣ естественно было ждать со стороны государства, что оно объявитъ такую мысль враждебною себѣ силою и приметъ противъ нея цѣлую систему мѣръ, для предупрежденія и пресѣченія возможныхъ съ ея стороны опасностей общественныхъ; что, при малѣйшей возможности, оно будетъ дѣлать попытки воротить

26*

мысль къ владѣльческой отъ себя зависимости, отказываясь въ своей политикѣ весьма медленно и неохотно отъ началъ вотчиннаго порядка; что, наконецъ, вынужденное отказаться отъ солидарности съ мыслью, стремившеюся на всѣхъ парусахъ къ независимости, и отъ попечительства надъ нею, правительство приметъ мѣры противъ посягательства ея на свои собственныя права и интересы. Преслѣдуя въ своей дѣятельности эту послѣднюю цѣль, стремясь во что бы то ни стало охранить себя отъ индивидуализировавшейся мысли, правительство естественно сообщило всей своей политикѣ относительно печати краски охранительныя: нѣтъ ничего удивительнаго, что оно во *всякой* индивидуальной мысли видѣло силу для себя опасную, нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что оно съ одинаковою энергіею ставитъ тяжелыя предупредительныя мѣры для *всякаго* произведенія индивидуальнаго ума. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, было совершенно излишне входить въ болѣе подробный анализъ вреда данной индивидуальной мысли; всѣ онѣ, въ большей или меньшей степени, были опасны для правительства, державшагося такой программы, а потому ко всѣмъ должны были имѣть примѣненіе предупредительныя мѣры.

Метафизическій періодъ представляетъ собою необходимую историческую ступень развитія духовнаго состоянія человѣчества, необходимую на столько-же на сколько въ жизни отдѣльнаго человѣка необходимъ періодъ юности, полный самомнѣнія и надеждъ, на который и приходится такой взглядъ на мысль и на все знаніе. Каждый народъ въ свою пору юности становится въ такое отношеніе къ мысли. Эпоха великихъ софистовъ въ Греціи, — прославленіе римскаго гражданина какъ повелителя вселенной въ Римѣ, — раціонализмъ XVII и XVIII ст., — бойкій размахъ Петра В. и екатерининскихъ орловъ, реформы которыхъ, основанныя на построеніяхъ индивидуальнаго ума, не хотѣли знать никакихъ преградъ, — недавній нигилизмъ на русской почвѣ, весьма близкій по своей литературной природѣ, къ направленію „новой Германіи“ Гейне и его послѣдователей — все это явленія однородныя, пережить которыя необходимо каждому народу, даже болѣе, каждой его части отдѣльно; все это проявленія періода юности въ жизни правительства или общества, въ дѣятельности политической или литературно-ученой. Какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ достигнуть зрѣлости не бывъ юношей, такъ народъ и отдѣльныя его части должны пережить этотъ періодъ ученой, политической и соціальной юности, чтобы имѣть возможность двигаться впередъ.

Созрѣвшій, и еще болѣе состарѣвшійся умъ склоненъ относиться весьма строго къ молодежи, къ ея увлеченіямъ и неосмотрительности; но измѣнить законы природы и исторіи, заставить зрѣлость слѣдовать непосредственно за дѣтствомъ, онъ не въ силахъ.

XIII.

Та область мысли, которою человѣчество начинаетъ заниматься раньше другихъ — мысль религіозная, — раньше другихъ начинаетъ представлять примѣры разномыслій въ своей средѣ, попытки индивидуальнаго ума сбросить съ себя оковы теократическаго и владѣльческаго отношенія къ ней государства; потому-то и исторія полицейскихъ мѣропріятій начинается всюду съ религіозной мысли. Это фактъ повсемѣстный, не знающій ни одного исключенія. Мы уже видѣли, что долгое время западная Европа знала институтъ предварительной цензуры исключительно для религіозной мысли, и только черезъ два столѣтія со времени появленія его, онъ распространяется и на другія области литературы. То-же явленіе мы имѣли случай наблюдать въ исторіи русской цензуры: для религіозной мысли зародыши ея восходятъ ко временамъ Грознаго, къ другимъ же вѣтвямъ мысли цензура стала примѣняться лишь въ концѣ XVIII столѣтія [1]).

---

[1]) Профессоръ А. Д. *Градовскій*, въ сочиненіи своемъ «Начала русскаго государственнаго права», т. I, появившемся въ свѣтъ послѣ окончанія настоящей работы, говоритъ (стр. 355): «Изъ того, что первыя ограниченія печати явились въ Россіи въ области литературы церковной, можно вывести заключеніе, что и у насъ цензура развивалась по тѣмъ-же самымъ началамъ, какъ въ западной Европѣ. *Но это было бы заблужденіемъ*. Дѣйствительно, въ Россіи цензура установилась первоначально въ области законодательства церковнаго, но это произошло единственно потому, что у насъ не было другой литературы, кромѣ литературы духовной». Съ этимъ рѣшеніемъ вопроса трудно согласиться. Оно было бы до извѣстной степени вѣрно, если бы начало цензуры совпадало съ появленіемъ книгопечатанія; на самомъ дѣлѣ, мы видѣли явленіе противоположное: цензура вводится, хотя и въ слабыхъ размѣрахъ, но уже въ вѣкъ письменности. А между рукописными трудами того времени, какъ согласится и А. Д. Градовскій, были не только религіозныя, но и свѣтскія сочиненія — сборники законовъ, описанія путешествій, лѣчебники и т. под. Независимо отъ того, если даже вести у насъ начало цензуры съ появленія книгопечатанія, при предложенномъ почтеннымъ профессоромъ толкованіи остается неразрѣшимымъ вопросъ: почему-же не принимались никакія предупредительныя мѣры противъ рукописныхъ трудовъ свѣтскаго содержанія, которыми такъ богато XVII и начало XVIII столѣтія (*Аванасьевъ*, в. с.) и которые могли успѣшно конкурировать даже съ произведеніями типографскаго станка? Трудностью надзора въ этомъ случаѣ вопросъ не разрѣшается: вѣдь была-же подчинена цензурѣ рукописная литература духовнаго содержанія.

Расширеніе сферы публичной мысли приводитъ мало по малу къ разновѣріямъ и въ другихъ ея областяхъ. Правительство, стремящееся во владѣльческо-попечительномъ періодѣ свести всю публичную мысль къ одному уровню и сдѣлать ее тожественною со своею, постепенно, вслѣдствіе усиленія разномыслія, вынуждено отказаться отъ такой програмны и рядомъ со своею мыслею отвести мѣсто чужимъ мнѣніямъ; но первая мысль пользуется охраною и покровительствомъ, вторыя находятся въ опалѣ; первая — мысль господствующая, вторыя — мнѣнія только терпимыя до извѣстныхъ предѣловъ. То глубокое различіе, которое существуетъ между мыслью исключительною и просто господствующею, объясняетъ и всѣ различія между порядкомъ владѣльческимъ съ одной стороны, полицейскимъ съ другой. Мысль, объявляемая исключительною, не терпитъ подлѣ себя никакихъ мнѣній и знаній, исходящихъ изъ иного источника; это сообщаетъ ей характеръ прочности, постоянства, можно бы сказать даже — неизмѣнности, если бы рѣчь не шла о явленіяхъ, происходящихъ во времени и подвергающихся его неизбѣжному вліянію. Когда правительство, духовное или свѣтское, было въ состояніи провозглашать такія исключительныя мысли, ему стоило лишь напередъ намѣтить репрессивныя мѣры за отступленіе отъ нихъ — и задача исполнительныхъ органовъ была совершенно ясна, впредь до новаго законодательнаго распоряженія. Въ совершенно иныя условія поставлена мысль просто господствующая. Занимая лишь первенствующее мѣсто въ ряду другихъ, она вынуждена защищать передъ ними свою неприкосновенность; ей не достаточны преслѣдованія отдѣльныхъ личностей, она нуждается въ гарантированіи своей безопасности рядомъ предупредительныхъ мѣръ, направляемыхъ противъ индивидуальной мысли; она начинаетъ сознавать, что личная кара автора и издателя недостаточна для ея безопасности, что послѣдняя можетъ быть достигнута лишь при неизвѣстности обществу противоположной мысли. То первенствующее положеніе, которое занимаетъ господствующая мысль, дается ей правительствомъ; колебанія внутренней и внѣшней политики, особенныя соображенія того или иного государственнаго вѣдомства, личный взглядъ администратора, — всѣ эти и масса подобныхъ причинъ дѣлаютъ ея мѣсто въ высшей степени не прочнымъ; мнѣнія, господствовавшія сегодня, попираются на другой день; мысли, считавшіяся весьма опасными для правительственной политики, которая проводилось вчера,

становятся ея существенною поддержкою на другой день и поощряются правительствомъ. Въ этой особенности „господствующей“ мысли въ сравненіи съ мыслью исключительною лежитъ объясненіе факта, который обращаетъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей законодательства печати. Сами органы правительствъ полицейской эпохи вынуждены были сознаваться, что въ руководство для оцѣнки тѣхъ или иныхъ мыслей высшая власть не можетъ дать имъ какихъ бы то ни было общихъ, напередъ опредѣленныхъ указаній, что ихъ дѣятельность обѣщаетъ успѣхъ тогда только, когда она будетъ всецѣло основана на ихъ личномъ усмотрѣніи, на произволѣ. Извѣстна повсемѣстная жалоба составителей цензурныхъ уставовъ на невозможность въ этой области законодательства такихъ точныхъ постановленій, которыя считаются непремѣнною принадлежностью другихъ его вѣтвей; извѣстно, что по ихъ мнѣнію, создавшемуся подъ вліяніемъ долговременнаго опыта, цензурное законодательство должно было состоять въ отсутствіи законовъ. Произволъ и полицейскій порядокъ въ дѣлахъ печати стали синонимами. Притомъ, это былъ произволъ не высшихъ органовъ власти, самое положеніе которыхъ даетъ извѣстныя гарантіи безпристрастія и широкаго взгляда на дѣло, а несравненно худшій произволъ бюрократическій, личное усмотрѣніе исполнительныхъ чиновниковъ по надзору за индивидуальною мыслью, который полицейскій порядокъ снабжаетъ даже законодательными функціями: они сами опредѣляютъ, какія мысли слѣдуетъ признавать опасными для мысли, господствующей въ данную минуту, они-же примѣняютъ и предупредительныя мѣры. Высшее правительство, такъ близко стоявшее къ интересамъ публичной мысли въ эпохи владѣльческую и попечительную, порвало съ ними всякую связь. Защищая господствующія направленія, оно всѣми предпринимаемыми имъ мѣрами стремится къ тому, чтобъ литература не склоняла общество на сторону противоположныхъ направленій. Тѣ отрасли книжнаго производства, которыя получаютъ большій доступъ въ среду народную, вызываютъ наиболѣе усиленный надзоръ съ его стороны. Таковы мелкія брошюры, періодическая пресса, уличныя объявленія и подобныя имъ произведенія типографскаго станка; въ другихъ изданіяхъ, циркулируемыхъ слабѣе, мысли противоположныя господствующей терпятся охотнѣе, но не безусловно. Главнѣйшая мѣра, на которой стоитъ этотъ періодъ, — предварительная цензура, преслѣдующая не положительныя задачи вла-

дѣльческо-попечительной эпохи, а отрицательныя, охраненіе правительственной мысли отъ анализа индивидуальнаго ума. Соціальное усиленіе послѣдняго мало по малу заставляетъ правительства сокращать область дѣйствія цензуры, но она замѣняется мѣрами равнозначительными, столь-же явственно ставящими индивидуальную мысль подъ начальническій присмотръ администраціи и направленными къ тому, чтобы затруднить распространеніе ея въ обществѣ, въ ущербъ мысли господствующей; таковы: высокія пошлины (timbre) на произведенія печати, залоги, льготный срокъ для просмотра сочиненія администраціи до выхода въ свѣтъ, административныя взысканія безъ суда, почтовый надзоръ, арестъ произведеній печати до обнародованія въ связи съ мѣрами, дѣлающими его возможнымъ, и преслѣдованіе виновныхъ въ нарушеніи законовъ о печати передъ такими судами, которые способны доставить возможно меньшую сумму гарантій индивидуальной неприкосновенности, — словомъ, всѣ тѣ мѣропріятія, совокупность которыхъ Контъ мѣтко назвалъ *цензурою до обнародованія* въ противоположность гораздо менѣе стѣснительной *цензурѣ до напечатанія* сочиненія [1]). Основной принципъ, диктовавшій эти мѣры, можетъ быть наблюдаемъ въ исторіи законодательства печати всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ; но у однихъ онѣ практиковались полнѣе, у другихъ гораздо слабѣе.

Учредительное собраніе обѣщало Франціи полную свободу индивидуальной мысли, подъ условіемъ лишь законной отвѣтственности передъ судомъ за злоупотребленіе ею (art. 11 Déclar. des droits 1789), но это обѣщаніе никогда не было выполнено. Первая республика, разбивъ цеховой порядокъ типографскаго производства, уничтоживъ цензуру, съ большею еще нетерпимостью преслѣдовала враждебныя себѣ мысли, чѣмъ старая монархія. Правда, конституція 3 сентября 1791, остается вѣрной деклараціи правъ, но уже декретъ 29 – 31 марта 1793 привлекаетъ къ экстраординарнымъ трибуналамъ всѣхъ виновныхъ въ составленіи и распространеніи сочиненій, возбуждающихъ къ распущенію народнаго представительства, возстановленію королевской или другой власти, пагубной для верховенства народнаго; не снимавшіеся съ своихъ мѣстъ эшафоты были печальными исполнителями этого „закона подозрѣваемыхъ“. Конституція III-го года подтверждаетъ свободу печати условно и на срокъ. Согласно 353 ст. ея, всякій фран-

---

1) *Comte*, Du nouveau projet de loi sur la presse, Paris. 1817.

цузъ имѣетъ право высказывать, писать, печатать и обнародовать свои мысли; предварительная цензура не должна имѣть мѣста; судебное преслѣдованіе можетъ имѣть мѣсто только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Но 355 ст. объявляетъ это правило имѣющимъ силу лишь на одинъ годъ, если оно не будетъ формально подтверждено, и предоставляетъ правительству, въ случаѣ необходимости, право издавать всякіе законы, ограничивающіе печать. Таковъ былъ законъ 28 жерминаля IV года; на томъ же основаніи, слабая директорія практиковала въ широкихъ размѣрахъ ссылку относительно журналистовъ, наводняя ими пустыни Синамарри. Позднѣйшія мѣропріятія республиканскаго правительства временъ консульства еще болѣе сдѣлали призрачною ту свободу печати, которая гарантирована декларацiей правъ. Распоряженіемъ 17 января 1800, на время войны оставлено лишь 13 ежедневныхъ изданій, съ запрещеніемъ всѣхъ остальныхъ; сенатская коммиссія о свободѣ печати, учрежденная въ 1804 году и вполнѣ зависѣвшая отъ правительства, стала, наконецъ, единственною гарантіею печати противъ произвола его органовъ. Словомъ, республика видѣла нерѣдко примѣры крайняго злоупотребленія печатнымъ словомъ, остававшіеся безъ всякаго преслѣдованія, но она не знала свободы печати и не подготовила ее. Та школа отвѣтственной и точно-опредѣленной независимости, которая воспитала печать англійскую, осталась не пройденною во Франціи.

Если даже въ періодъ преклоненія предъ индивидомъ и его „естественными“ правами индивидуальная мысль не успѣла получить отъ государства ту же юридическую обезпеченность, какою уже пользовалась мысль правительственная, если даже въ эпоху революціи, поднятой во имя личной свободы и независимости, индивидуальная мысль затиралась правительственною и надъ представителями ея ежеминутно висѣли эшафотъ или ссылка, то тѣмъ менѣе могло быть у ней шансовъ на господство и полную независимость въ дальнѣйшіе періоды французской исторіи. Наполеонъ I подчинилъ типографское и книжное производство режиму еще болѣе строгому, чѣмъ какой существовалъ до революціи; цеховой порядокъ людей печати, предварительное разрѣшеніе на открытіе типографій и книжныхъ лавокъ, ограниченіе ихъ опредѣленнымъ числомъ, вызвавшее закрытіе многихъ серьезныхъ предпріятій этого рода, присяга на вѣрность правительству, — таковы характеристическія черты декрета 5 февраля 1810; ст. 10 его запрещаетъ печатать

всякое сочиненіе, „qui puisse porter atteinte aux devoirs des sujets envers le souverain et à l'intérêt de l'Etat", и для огражденія этого замѣчательнаго по своей неопредѣленности постановленія правительство вооружило себя двойнымъ мечомъ: судебнымъ — если данный случай былъ предусмотрѣнъ уголовнымъ уложеніемъ, и административнымъ, если этого не было; министру внутреннихъ дѣлъ, по его непосредственному усмотрѣнію, предоставлено лишать провинившагося типографа даннаго ему brevét d'imprimeur. Тогда-же правительство возвращается къ предварительной цензурѣ, предоставивъ директорамъ типографій останавливать, „si bon lui semble", печатаніе любаго произведенія до предварительнаго просмотра и разрѣшенія его особыми ценворами (ст. 13, 14; декр. 14 декабря 1810 даетъ имъ титулъ „императорскихъ"). Въ слѣдующемъ году, вотчинныя стремленія правительства идутъ еще дальше: вся періодическая печать, по декрету 9 апрѣля 1811, очутилась въ его рукахъ.

Хартія Людовика XVIII обѣщала Франціи свободу печати (ст. 8), но, подъ вліяніемъ воротившихся эмигрантовъ, правительство забыло свое обѣщаніе: законъ 21 октября 1814, за весьма немногими исключеніями, подчиняетъ всѣ сочиненія менѣе 20 листовъ предварительной цензурѣ, по усмотрѣнію главнаго директора книжнаго производства; сочиненія, „нарушающія общественное спокойствіе, враждебныя конституціи и оскорбляющія добрые нравы", директоръ имѣлъ право задерживать своею властью; единственная гарантія печати противъ его произвола — право лицъ заинтересованныхъ приносить жалобу въ особо учрежденную для того парламентскую коммиссію изъ 3 членовъ парламента и 3 королевскихъ комисаровъ; если авторъ или типографъ, до напечатанія сочиненія, добровольно представляютъ его въ цензуру, то цензурное одобреніе освобождаетъ ихъ затѣмъ отъ всякой отвѣтственности; изданіе журналовъ и періодическихъ листковъ поставлено въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія короны (концессія). Типографы и книгопродавцы подчинены тому же режиму, который былъ введенъ декретомъ 5 февр. 1810, съ немногими измѣненіями, и этотъ порядокъ держался вплоть до послѣдняго времени; въ 1817, литографіи сравнены съ типографіями. Ордонансомъ 20 іюля 1815, корона отказалась отъ цензуры другихъ сочиненій кромѣ періодическихъ изданій.

Понятно неудовольствіе, вызванное этими постановленіями; голосъ, что правительство нарушаетъ хартію, слышался отовсюду, а наступившее въ печати вслѣдствіе стѣснительныхъ мѣръ временное затишье позволяло думать, что пришло время доставить печати болѣе правъ; неудобства предварительной цензуры представлялись со всею очевидностью, но правительство желало не полной отмѣны этой мѣры, а лишь замѣны ея другою, одинаково дѣйствительною для постояннаго надзора за индивидуальною мыслью. Законы 1819 года — самые либеральные изъ всѣхъ французскихъ специальныхъ законовъ о печати — поставили себѣ эту цѣль; предварительная цензура отмѣнена, злоупотребленія печатнымъ словомъ обозначены съ возможною въ этомъ дѣлѣ точностью [1]) и отнесены къ судебной компетентности, по преимуществу (для crimes и délits) присяжныхъ засѣдателей; но для періодическихъ изданій вводится начало отвѣтственнаго издателя и система залоговъ, [2]) значительная величина которыхъ (10,000 фр. *ренты* для ежедневныхъ изданій департаментовъ Сены, Сены и Оазы, Сены и Марны, 2,500 фр. въ другихъ департаментахъ) показывала, что они требуются не только какъ обезпеченіе уплаты денежныхъ взысканій за проступки печати, но главнымъ образомъ какъ мѣра противъ лицъ малосостоятельныхъ, неимѣвшихъ ничего терять отъ перемѣны государственнаго порядка, чтобы они не принимали вліятельнаго участія въ публичномъ словѣ. За то, съ другой стороны, предварительное разрѣшеніе, цензура и административныя запрещенія періодическихъ изданій совершенно отмѣнялись. Но и эти скромныя льготы держались не долго. Въ 1820 году, одинъ изъ принцевъ стар-

---

[1]) Независимо отъ предусмотрѣнныхъ уголовнымъ уложеніемъ, законъ 17—18 мая 1819 объявляетъ преступными тѣ только произведенія печати, которыя подстрекаютъ совершить дѣйствіе, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія. Но понятіе подстрекательства расширено здѣсь далеко за предѣлы этаго термина въ смыслѣ общаго права; съ одной стороны, наказуемость назначается и тогда, если подстрекательство осталось безъ послѣдствій, съ другой — въ силу безусловной презумпціи, судъ долженъ былъ признавать подстрекательствомъ нѣкоторые случаи, напередъ обозначенные въ законѣ, хотя бы намѣреніе подстрекательства не могло быть доказано. Эта искуственная постановка вопроса, это provocation indirecte, конечно, была самою слабою частью закона 1819, явною попыткою ввести въ судебную дѣятельность формальныя мѣрки и сдѣлать судъ слѣпымъ орудіемъ администраціи; пищи для юридической критики было здѣсь достаточно. См. *Carnot* Examen des lois des 17, 26 mars, 9 juin 1819 et 31 mars 1820, relatives à la repression des abus de la liberté de la presse. Paris, 1820.

[2]) Идея залоговъ какъ мѣры предупредительной принадлежитъ Шатобріану; см. *Hatin*, Manuel II, 131.

шей линіи Вурбоновъ палъ отъ руки убійцы; правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы воротиться къ прежнему порядку, который сперва былъ провозглашенъ на короткій срокъ, а затѣмъ безсрочно, закономъ 17 марта 1822, извѣстнымъ подъ именемъ закона тенденціи (lois de tendence): предварительное разрѣшеніе періодическихъ изданій, факультативная цензура и личная отвѣтственность за „направленіе“ — вотъ его характеристическія черты. Въ 1828 году, Вурбоны дѣлаютъ попытку воротиться къ системѣ залоговъ, еще болѣе высокихъ, чѣмъ установленные законами девятнадцатаго года, отказываясь отъ предварительныхъ разрѣшеній, факультативной цензуры и отвѣтственности за тенденцію, но іюльская революція сдѣлала эту мѣру недолговѣчной.

Тоже колебаніе между свободнымъ и подчиненнымъ положеніемъ печати, характеризующее полицейскую эпоху, повторяется при іюльской монархіи. Конституція тридцатаго года уничтожаетъ навсегда цензуру, но спеціальные законы относительно залоговъ и пошлинъ (timbre) съ каждаго печатнаго листа, хотя величина тѣхъ и другихъ нѣсколько уменьшена, оставались въ силѣ. Поведеніе прессы, не упускавшей ни одной ошибки администраціи, казалось опаснымъ правительству; законъ 9 сентября 1835 призванъ былъ служить для „обузданія“ ея. Уголовными постановленіями онъ примыкаетъ къ закону 1819, но начало денежной отвѣтственности получаетъ дальнѣйшее развитіе; примѣняясь къ закону 18 іюля 1828, онъ дозволяетъ судамъ, въ случаѣ рецидива, до истеченія года послѣ предъидущаго осужденія, пріостанавливать изданіе на срокъ до 4 мѣсяцевъ; объемъ запрещеннаго путемъ печати значительно расширенъ, компетентность присяжныхъ сокращена. Залоги увеличены и постановлено, что каждый отвѣтственный редакторъ долженъ быть собственникомъ по крайней мѣрѣ $1/3$ представляемаго залога. Обязанность помѣщать возраженія и оффиціальныя опроверженія, высказанная еще закономъ 22 марта 1822, опредѣлена точнѣе и санкціонирована отвѣтственностью передъ судами исправительной полиціи. Постановленія прежнихъ законовъ объ обязанности представлять администраціи первые оттиски печатныхъ произведеній до выхода ихъ въ свѣтъ, о мѣрахъ полицейскаго надзора за типографскимъ и книжнымъ производствомъ, о пошлинахъ съ каждаго печатнаго листа, оставлены въ силѣ.

Эти сентябрьскіе законы продолжали дѣйствовать до революціи 1848 года, подготовленной ими. Начавшись отмѣною ихъ, революція пришла къ наполеоновскому режиму, болѣе тяжелому для печати, чѣмъ всѣ прежнія мѣры бурбонской и орлеанской династій. Изъ постановленій временнаго правительства, только декреты 2—4 и 4—6 марта, облегчающіе положеніе мелкой провинціальной печати за 10 дней до выборовъ, сохранились на дальнѣйшее время. Правительство Наполеона III обратило особенное вниманіе на тѣ произведенія печати, которыя трактуютъ вопросы политическіе и политической экономіи; шагъ назадъ, дѣлаемый имъ, состоитъ въ томъ, что въ этой области даже не-періодическія произведенія подчинены высокой пошлинѣ; относительно періодическихъ произведеній, органическій декретъ 17 февраля 1852 возвращается къ принципу предварительнаго разрѣшенія и залоговъ, полистной пошлинѣ (droit de timbre) и тому зависимому положенію типографовъ и книгопродавцевъ отъ администраціи, которое существовало при первой имперіи. Періодическая печать поставлена подъ двойную отвѣтственность — судебную и административную. Компетентность присяжныхъ значительно ограничена, объемъ проступковъ печати, права прокуратуры и предварительный арестъ преступныхъ листковъ расширены. Административныя предостереженія дали правительству возможность легко обойтись безъ предварительной цензуры и постоянно держать всю печать въ своихъ рукахъ, преслѣдуя ее даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не могло быть надежды на обвинительный судебный приговоръ. Послѣдствіемъ какъ судебнаго приговора, такъ и нѣсколькихъ административныхъ предостереженій, было пріостановленіе изданія, которое отъ усмотрѣнія администраціи зависѣло превратить въ прекращеніе его; независимо отъ того, администраціи было предоставлено прекращать изданія по соображеніямъ общей безопасности, спеціальнымъ декретомъ президента республики. Изданія, посвященныя исключительно наукамъ, искусствамъ, бельлетристикѣ и земледѣлію, освобождены декретомъ 28 марта 1852 отъ полистной пошлины. Болѣе шестнадцати лѣтъ правительство Наполеона держалось этого положенія печати, ухудшая его еще болѣе отдѣльными распоряженіями, напр. сенатусъконсультомъ 3 февраля 1861, запретившимъ всякое иное сообщеніе о происходящихъ въ средѣ парламента преніяхъ, кромѣ перепечатки стенографическихъ отчетовъ въ цѣломъ изъ оффи-

ціальнаго журнала, или сенатусъ-консультомъ 18 іюля 1866, который запретилъ всякое публичное обсужденіе конституціи и обнародованіе петицій, направленныхъ къ измѣненію ея. Только законъ 2 іюля 1861 даетъ печати, впрочемъ весьма сомнительное, облегченіе; согласно органическому декрету 1852, одинъ обвинительный приговоръ періодическаго изданія за преступленіе, два приговора — за проступокъ или полицейское нарушеніе, должны были имѣть своимъ необходимымъ послѣдствіемъ прекращеніе изданія; законъ 1861, и въ этихъ случаяхъ, ставитъ послѣднюю мѣру въ полную зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Наконецъ, наканунѣ паденія второй имперіи состоялся законъ 1868, который правительство старалось выставить какъ образецъ совершенства. Этимъ закономъ, относящимся исключительно къ періодическимъ произведеніямъ печати, система предварительнаго разрѣшенія замѣняется обязанностью сообщать мѣстной власти о желаніи издавать періодическое произведеніе, съ обозначеніемъ лишь его названія, имени и мѣстожительства собственниковъ, редактора и адреса типографіи; административныя предостереженія, запрещенія и инаго рода взысканія отмѣняются, полистная пошлина значительно сокращается. Но особенности судебнаго порядка, установленнаго для печати, открывали возможность административному на нее вліянію; значительная часть преступныхъ дѣйствій, совершенныхъ путемъ печати, отнесена къ вѣдомству судовъ исправительныхъ, которые весьма скоро доказали, что мотивы ихъ обвинительныхъ приговоровъ отнюдь не будутъ серьезнѣе мотивовъ, приводившихся въ административныхъ предостереженіяхъ. А между тѣмъ, имъ предоставлена власть весьма широкая: независимо отъ назначенія личныхъ и имущественныхъ взысканій съ виновныхъ, законъ далъ имъ право, въ случаѣ рецидива проступка до истеченія года со времени предшествовавшаго осужденія, пріостанавливать изданіе на срокъ отъ 15 дней до 6 мѣсяцевъ. Система залоговъ, а также зависимое положеніе типографщиковъ и книгопродавцевъ отъ правительства, не тронуты закономъ 1868 года.

Мы прослѣдили шагъ за шагомъ важнѣйшія мѣры французскаго законодательства печати въ полицейскую его эпоху. Постоянныя колебанія отъ одного направленія къ другому, противоположному, вызывавшіяся безпрерывною борьбою между мыслью правительственною и индивидуальною, составляютъ ея характеристическую черту. Притязанія индивидуальной мысли слышатся

уже весьма ясно и настойчиво, порою она получаетъ даже широкое право гражданства; но, не успѣвъ еще стать твердо въ жизни общественной, она теряла его при всякомъ неблагопріятномъ складѣ обстоятельствъ. Впрочемъ, въ результатѣ этой длинной цѣпи законодательства оказывается явственный прогресъ: произведенія не періодической печати освобождаются отъ полицейскихъ мѣръ безопасности, и даже для періодической печати объемъ ихъ постепенно съуживается, ихъ замѣняютъ мѣры, примыкающія по формѣ (хотя далеко не всегда по содержанію) къ мѣрамъ общаго права.

Исторія законодательства печати въ континентальной Европѣ, за немногими особенностями, представляетъ повтореніе французской. Въ Германіи, съ распаденіемъ священной Римской Имперіи, обязанности ея принимаетъ на себя союзное правительство [1]). Союзный актъ 8 іюня 1815 вмѣнилъ союзному собранію въ обязанность выработать однородныя для всей Германіи постановленія о свободѣ печати и обезпеченіи правъ авторовъ и издателей противъ контрафакціи. Послѣ карлсбадскаго совѣщанія, она понята въ смыслѣ обязанности принимать предупредительныя мѣры противъ представляемыхъ печатнымъ станкомъ общественныхъ опасностей. Постановленіемъ союзнаго собранія отъ 20 сентября 1819, въ видѣ обязательнаго для всѣхъ германскихъ государствъ, объявляется предварительная цензура для періодическихъ изданій разнаго рода и сочиненій объемомъ не болѣе 20 печатныхъ листовъ; положеніе же болѣе обширныхъ сочиненій предоставлено опредѣлить сепаративнымъ законодательствамъ, но съ тѣмъ, что каждое отдѣльное правительство обязано преслѣдовать ихъ отъ себя, если онѣ дадутъ какому бы то ни было правительству, принадлежащему къ составу союза, поводъ къ жалобѣ. Союзное собраніе объявляетъ себя компетентнымъ, по докладу своей коммиссіи, запрещать тѣ произведенія печати, которыя будутъ признаны имъ неумѣстными, въ какомъ бы государствѣ союза онѣ ни появились; редакторы и издатели запрещенныхъ такимъ образомъ періодическихъ произведеній ли-

---

[1]) Проф. *Градовскій*, Германская конституція, Спб 1875, I.
Schletter, Handbuch der deutschen Press-Gesetzgebung, Leipzig, 1846.
Collmann, Quellen, Materialien und Commentar des gemeindeutschen Pressrechts. Berlin, 1844.
Zachariae, Handbuch des deutschen Staatsrechts.
Фойницкій, Общегерманское законодательство печати, Вѣст. Европы 1874, №№ 1 и 2.

шаются права, въ теченіе 5 лѣтъ со дня запрещенія, выступать въ предѣлахъ союза въ составѣ редакціи другихъ періодическихъ изданій. Первоначально, этотъ актъ объявленъ имѣющимъ силу на 5 лѣтъ, но въ 1824 году дѣйствіе его продолжено на неопредѣленное время, bis man sich über ein definitives Pressgesetz vereinbart haben wird (постановленіе 16 августа). Онъ тяготѣлъ надъ Германіею вплоть до революціи 1848 года, и всѣ попытки отдѣльныхъ германскихъ правительствъ доставить печати въ своихъ предѣлахъ болѣе свободное положеніе, разбивались о veto союзнаго собранія; такая напр. участь постигла баденскій законъ 1 марта 1831 года, отмѣненный союзнымъ постановленіемъ 1832 года. Запрещенія періодическихъ и иныхъ произведеній [1]), предписанія отдѣльнымъ правительствамъ слѣдить за болѣе строгимъ отправленіемъ цензуры [2]), воспрещеніе имъ печатать безъ цензуры союзной канцеляріи даже оффиціальные акты [3]), — вотъ обыкновенныя мѣры, которыми союзное, или вѣрнѣе австрійское правительство охраняло актъ 1819 года. До революціи сорокъ восьмого, отдѣльныя германскія государства, за рѣдкими исключеніями, безусловно слѣдовали политикѣ предварительной цензуры. *Австрія* оставляетъ въ силѣ декреты придворной канцеляріи 1792, 1795 февраля 22 (цензурный уставъ), 1798 и цензурную инструкцію 1810 года, которыми всѣ произведенія печати, принадлежащія австрійскимъ подданнымъ, подлежатъ предварительной цензурѣ; даже за печатаніе ими внѣ Австріи какихъ какихъ бы то ни было произведеній безъ цензуры назначены строгія взысканія. До 1821, цензура не имѣла отдѣльной организаціи и принадлежала мѣстнымъ

---

[1]) Такъ, въ 1823 г., союзнымъ постановленіемъ запрещается штутгардскій журналъ «Deutscher Beobachter», въ 1831 — страсбургскій «das Constitutionelle Deutschland», въ 1832—«deutsche Tribüne», «Westbote» и «neue Zeitschwingen», а также «der Freisinnige», «der Wächter am Rhein», «der Volksfreund», вюртембергское «deutsche allgemeine Zeitung», политическіе анналы Роттека и мн. др.; въ 1835 подвергаются преслѣдованію сочиненія Гейне, Гуцкова, Лаубе, Винбарга и другихъ представителей школы «молодой Германіи». Послѣднее союзное запрещеніе относится къ сочиненію «Geheime Inquisition, Censur und Cabinetsjustiz im verderblichen Bunde» неизвѣстнаго автора, напечатанное въ Карлсруэ; оно запрещено въ 1845 году, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ.

[2]) Такой напр. приказъ получило правительство саксенъ-мейнингское, которому въ 1832 году предписано слѣдить за болѣе строгимъ отправленіемъ цензуры. чѣмъ до тѣхъ поръ. *Schletter*, в. с. стр. 154.

[3]) Союзное постановленіе 15 января 1824, запрещающее отдѣльнымъ правительствамъ, и особенно вольному городу Франкфурту, печатать безъ Imprimatur союзной канцеляріи акты и пренія государственныхъ и общественныхъ собраній.

начальникамъ; въ этомъ году учреждается придворное полицейское и цензурное вѣдомство, которому поручается высшій полицейскій надзоръ надъ печатью и заботы объ охраненіи авторскихъ правъ противъ контрафакціи. Немедленно по изданіи акта 1819, *Пруссія* принимаетъ всѣ его постановленія и подчиняетъ цензурѣ даже сочиненія объемомъ болѣе 20 печатныхъ листовъ [1]); только въ 1842 послѣднія освободились отъ цензуры, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы авторъ ихъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и издатель (ордеръ 4 октября). Цензура неперіодическихъ изданій поручена оберъ-президентамъ провинцій и особеннымъ при нихъ чиновникамъ, а цензура періодическихъ, по содержанію ихъ, министру иностранныхъ дѣлъ, духовныхъ дѣлъ или народнаго просвѣщенія, мелкая же пресса объявленій и т. под. — департаменту полиціи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Распоряженіе 23 февраля 1843 года назначаетъ особую организацію цензуры, ставя во главѣ ея министра внутреннихъ дѣлъ, которому между прочимъ предоставляется давать разрѣшенія на новыя періодическія изданія, утверждать ихъ редакторовъ, давать или отнимать разрѣшенія на право продажи и объявленія о подпискѣ на изданія политическія; ему подчинены въ служебномъ отношеніи всѣ цензора, которые этимъ актомъ назначены во всѣхъ мѣстахъ государства; проступки печати отнесены къ вѣдомству судовъ и (менѣе тяжкія) администраціи въ лицѣ провинціальнаго оберъ-президента; въ послѣднемъ случаѣ министръ внутреннихъ дѣлъ со-

---

[1]) Вотъ цѣль цензуры по прусскому распоряженію 18 октября 1819: Ihr Zweck ist, demjenigen zu steuern, was den allgemeinen Grundsätzen der Religion, ohne Rücksichten auf die Meinungen und Lehren einzelner Religions-Partheien und im Staate geduldeter Sekten, zuwider ist; zu unterdrücken, was die Moral und guten Sitten beleidigt; dem fanatischen Herüberziehen von Religions-Wahrheiten in die Politik und der dadurch entstehenden Verwirrung der Begriffe entgegen zu arbeiten; endlich zu verhüten, was die Würde und Sicherheit, sowohl des Preussischen Staats, als der übrigen deutschen Bundesstaaten, verletzt. Hierher gehören alle auf Erschütterung der monarchischen und in diesen Staaten bestehenden Verfassungen abzweckende *Theorien;* jede Verunglimpfung der mit dem Preussischen Staate in freundschaftlicher Verbindung stehenden Regierungen und der sie constituirenden Personen; ferner *Alles*, was dahin zielt, im Preussischen Staate oder den deutschen Bundesstaaten Missvergnügen zu erregen, politische Partheien oder ungesetzmässige Verbindungen zu stiften, oder in irgend einem Lande bestehende Partheien, welche am Umsturze der Verfassung arbeiten, in einem günstigen Lichte darzustellen. Этотъ отрывокъ доказываетъ, что возлагавшіяся на цензуру задачи владѣльческаго характера были еще весьма обширны. Путемъ практики мало по малу выяснилось, что цѣль цензуры должна быть отрицательная и что цензура не должна препятствовать изслѣдованію истины и развитію книжнаго производства; этотъ взглядъ выраженъ ценз. инструкціею 31 января 1843. См. *Schletter*, b. c. стр. 180, 194.

ставляетъ аппелляціонную инстанцію, окончательно рѣшающую дѣло. [1]) Независимо отъ того, для разсмотрѣнія жалобъ на постановленія о запрещеніи печатать данное сочиненіе, для выдачи выпускныхъ свидѣтельствъ на сочиненія, напечатанныя за границей или въ Пруссіи на польскомъ языкѣ, для разрѣшенія вопросовъ объ утратѣ привиллегій или концессій на періодическія изданія, о лишеніи права отправлять типографскій или книгопродавческій промыселъ и о запрещеніи выпуска въ свѣтъ изданій какого либо заграничнаго издателя, установленъ верховный цензурный судъ; онъ состоялъ изъ президента и 8 членовъ, изъ которыхъ два должны принадлежать къ составу академіи наукъ и берлинскаго университета, а остальные назначались изъ лицъ, имѣющихъ право быть судьями высшихъ судовъ; всѣ они назначались на 3 года. Верховный цензурный судъ отнесенъ къ вѣдомству министерства юстиціи; при немъ состоялъ прокуроръ, судопроизводство его — письменное, не гласное, съ участіемъ референтовъ. — Королевство *Саксонія* также приняло союзныя постановленія безъ всякаго спора и оставило у себя цензуру даже для сочиненій объемомъ болѣе 20 печатныхъ листовъ. Въ 1831 году, саксонская конституціонная грамота 4 сентября обязываетъ правительство озаботиться составленіемъ закона, который бы гарантировалъ свободу печати. Но изданный въ исполненіе этого обязательства временный законъ 4 февраля 1844 года далеко не оправдалъ народныхъ ожиданій; отъ предварительной цензуры освобождаются имъ только сочиненія болѣе 20 печатныхъ листовъ, если авторъ или издатель не пожелаютъ добровольно заручиться цензурнымъ разрѣшеніемъ, а для политическихъ повременныхъ изданій оставляется прежній порядокъ концессій. Ганноверъ, Гессенъ, Брауншвейгъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Мейнингенъ, Вальдекъ, Липпе, ангальтскія княжества и вольные имперскіе города опубликовали союзныя постановленія, не встрѣтивъ у себя никакихъ противорѣчившихъ имъ узаконеній. Но въ Баваріи [2]),

---

[1]) Постановленіемъ 30 іюня 1843, общая цензура ограничена обязанностью испрашивать спеціальныя разрѣшенія у военнаго министерства для всѣхъ плановъ укрѣпленій, обширныхъ плановъ мѣстностей и т. под.; правительственнымъ вѣдомствамъ предоставлено печатать свои изданія безъ цензуры.

[2]) Въ Баваріи существовавшая прежде цензурная коллегія, «противодѣйствовавшая свободному развитію наукъ», замѣнена въ 1799 г. цензурною коммисcіею, а въ 1803 цензура признана институтомъ несправедливымъ и недостигающимъ своей цѣли, отмѣнена совершенно и замѣнена полицейскимъ надзоромъ за книгами послѣ выхода ихъ въ свѣтъ и судебнымъ преслѣдованіемъ виновныхъ, съ

Голштейнѣ [1]), Ольденбургѣ [2]), Люксенбургѣ [3]) и Баденѣ [4]), предложенныя германскимъ союзнымъ собраніемъ начала встрѣчены менѣе дружественно и столкнулись съ сепаративными узаконеніями, гораздо болѣе льготными для печати. Какъ бы то ни было, ихъ оппозиція была крайне слаба, и постановленія союзнаго собранія, продиктованныя карлсбадской конференціей, скоро стали общимъ закономъ для всей Германіи.

1848 годъ для Германіи былъ тѣмъ же, чѣмъ были 1668 для Англіи и 1789 для Франціи [5]). Правительства, лишившія себя цензурою и другими стѣснительными для печати мѣрами возможности знать нужды народныя, обусловили своею политикою насильственный выходъ изъ этого положенія. И смута разразилась тѣмъ грознѣе, чѣмъ гуще была тьма, одѣвавшая публичную мысль. Въ Австріи, народное возмущеніе поставило правительство въ самое критическое положеніе, такъ что была минута, когда оно было совершенно удалено отъ управленія; въ Пруссіи, въ Саксоніи возстаніе также сдѣлало значительные, хотя и меньшіе успѣхи. Въ другихъ германскихъ государствахъ, дававшихъ печати большій просторъ, напр. въ Баваріи и Баденѣ, возстаніе обратилось противъ союзной политики, но щадило мѣстныя пра-

---

правомъ полиціи собственною властью задерживать распространеніе книгъ опасныхъ, но не преступныхъ по формѣ или содержанію; типографское и книгопродавческое производства оставлены въ зависимости отъ административныхъ концессій. Эдиктъ 26 мая 1818 подчиняетъ цензурѣ политическія повременныя изданія, а 16 октября 1819 въ Баваріи обнародывается союзное постановленіе 20 сентября того же года.

[1]) Здѣсь книжная цензура отмѣняется 14 сентября 1770 по тѣмъ же соображеніямъ какъ и въ Баваріи, съ прибавленіемъ, что она мѣшаетъ истиннымъ патріотамъ приносить государству дѣйствительную пользу своимъ свободнымъ словомъ. Въ 1799 предписывается ревностно, но законными мѣрами преслѣдовать злоупотребленія печати. 9 ноября 1819, въ Гольштейнѣ объявляется союзное постановленіе о цензурѣ.

[2]) Въ вел. гер. Ольденбургскомъ дѣйствовали гольштинскіе эдикты 1770 и 1771, до 1835 года.

[3]) Въ в. гер. Люксенбургскомъ прежде имѣли силу французскіе, съ 1817 — бельгійскіе законы о печати, на началѣ карательной цензуры; въ 1832 году, здѣсь опубликованы союзныя постановленія 20 сентября 1819, 14 августа 1824 и 5 іюля 1832.

[4]) О судьбѣ баденскаго закона 1831, въ работахъ по составленію котораго принимали участіе Миттермайеръ, Геффтеръ и другіе извѣстнѣйшіе юристы Германіи, сказано выше.

[5]) *Mailath* и *Stenzel*, вв. сс. *Lienbacher*, Historisch-genetische Erläuterungen des österreichischen Pressgesetzes. Wien, 1863 и 1868. *Hartmann*, Das Gesetz über die Presse vom 12 Mai 1852, Berlin 1865. *Rönne*, Commentar d. Ges. über die Presse vom 12 Mai 1852, Berlin, 1855. См. также *мою* статью «Общегерманское законодательство печати».

вительства. Поднятое во имя индивидуальной свободы, оно, разумѣется, должно было сдѣлать первый шагъ въ пользу величайшей силы индивида — свободы мысли; во всѣхъ конституціонныхъ грамотахъ того времени, предварительная цензура и ея видоизмѣненія объявляются навсегда отмѣненными. Впрочемъ, непосредственными результатами революція 1848 года весьма не богата. Когда улеглась первая вспышка, германскія правительства поторопились принять всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ подчиненію себѣ индивидуальной мысли; не позже какъ черезъ годъ послѣ самаго горячаго погрома, правительства, казалось, вышли побѣдоносными изъ борьбы и оказались въ силахъ сдѣлать публичную мысль вполнѣ для себя безопасною. Гораздо важнѣе были посредственные результаты. Революція 1848 г. порвала фактически прежде столь тѣсныя связи между отдѣльными германскими государствами и союзнымъ правительствомъ. Австрія, стоявшая во главѣ его, вынуждена была обратить все вниманіе на внутреннія безурядицы, раскрывшіяся такъ неожиданно и печально; руководить союзомъ, особенно въ виду окрѣпшей Пруссіи. она болѣе не была въ состояніи. Это обстоятельство дало отдѣльнымъ правительствамъ Германіи независимое положеніе и, поставивъ ихъ лицемъ къ лицу съ потребностями и силами мѣстной печати, облегчило законныя домогательства послѣдней.

Австрія дольше другихъ германскихъ государствъ оставалась вѣрна началамъ полицейской эпохи. Патентъ 14 марта 1848 г. отмѣняетъ предварительную цензуру, а временнымъ постановленіемъ 31 марта того же года вводится для періодическихъ изданій система залоговъ и судебной отвѣтственности, съ обязательствомъ представлять правительству до выпуска въ свѣтъ напечатанные оттиски; при опредѣленіи лицъ, отвѣтственныхъ за совершенныя въ неперіодическомъ изданіи преступленія печати, принята такъ называемая бельгійская система, согласно которой отвѣтственность падаетъ прежде всего на автора, при неизвѣстности его — на издателя, затѣмъ на типографа и, наконецъ, на распространителя преступнаго сочиненія. Судопроизводство въ дѣлахъ о печати должно было быть публичное и устное, по началамъ обвинительнаго процесса. Проступкамъ печати, совершеннымъ до изданія этаго закона, обѣщана полная амнистія за прежнія цензурныя нарушенія. Но революція уже не довольствовалась этими уступками и вынудила министерство, въ маѣ того же года, издать два временныя постановленія о печати, изъ которыхъ одно устра-

няло систему залоговъ, а также представленіе заблаговременно до выпуска въ свѣтъ первыхъ напечатанныхъ оттисковъ періодическихъ изданій и обѣщало амнистію совершеннымъ до изданія его проступкамъ печати, а другимъ для дѣлъ этого рода вводится судъ присяжныхъ. Это было царство индивидуальной мысли, время полнѣйшей ея независимости; присяжные, введенные только для дѣлъ этаго рода, вносили въ судебную дѣятельность политическую агитацію и безъ разсужденій оправдывали подсудимыхъ. Объявленное въ октябрѣ осадное положеніе закончило этотъ порядокъ; вся печать была подчинена военному начальству. Выйдя побѣдоносньмъ, правительство отмѣняетъ данныя въ критическую минуту постановленія и, обѣщавъ для своихъ подданныхъ отмѣну предварительной цензуры навсегда (корол. патентъ 4 марта 1849), постановленіями [1]) 6 іюля 1851 [2]) и уставомъ о печати 27 мая 1852 [3]) вводитъ систему предостереженій, концессій, крупныхъ залоговъ и предварительнаго задержанія по усмотрѣнію администраціи для періодическихъ изданій, которая держалась вплоть до 1862 года; „если, по мнѣнію администраціи, періодическое произведеніе „настойчиво преслѣдуетъ направленіе, враждебное коронѣ, единству или цѣлости имперіи, религіи, нравственности или инымъ основамъ государственнаго общества, или несогласное съ требованіями общественной безопасности и спокойствія, то послѣ двухъ *письменныхъ* предостереженій“ оно можетъ быть пріостановлено на срокъ не болѣе 3 мѣсяцевъ личною властью намѣстника того округа, гдѣ издается, а болѣе продолжительныя и даже безсрочныя запрещенія предоставлены министерскому совѣту; жалобы на пріостановленія и запрещенія не допускаются. Иностранная печать, циркулирующая въ Австріи, поставлена въ большую еще зависимость отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Полистная пошлина была весьма высока, особенно для иностранныхъ періодическихъ изданій [4]). Объемъ проступковъ печати значительно расширенъ, присяжные изгнаны, судопроизводство поставлено (устав. 29 іюля 1853) на

---

[1]) Законъ 13/14 марта 1849 держится еще судебнаго порядка и системы залоговъ, расширяя лишь объемъ проступковъ печати сравнительно съ постановленіями 1848 года; но, вслѣдствіе осаднаго положенія, онъ не вступалъ въ дѣйствіе. См. *Lienbacher*, I, стр. 31, 32.

[2]) Oesterreichisches Regierungs-Blatt 1851, № 163.

[3]) *Harum*, Die gegenwärtige österreichische Pressgesetzgebung, Wien, 1857, стр. 292 и слѣд.

[4]) Понижена декретомъ 23 ноября 1858, см. Regier.-Blatt, 1858, № 217.

начало канцелярской тайны и письменности. Разсылка періодическихъ изданій по государственной почтѣ признана обязательной, и послѣдней предписано задерживать запрещенныя или пріостановленныя изданія. Но и эти мѣры казались недостаточными; со своими чиновниками гражданскими и особенно военными правительство поступаетъ (постановленія 22 ноября 1852 и 6 іюня 1854) еще рѣшительнѣе, запрещая имъ принимать участіе въ печати безусловно или, по крайней мѣрѣ, безъ вѣдома и разрѣшенія ихъ ближайшаго начальства. Въ Военной Границѣ, печать всецѣло подчинена воинскому начальству. Министерскими распоряженіями, печати запрещалось касаться цѣлыхъ группъ фактовъ соціальной и государственной жизни, а въ 1859 году объявлено наказуемымъ „всякое сообщеніе, которое могло быть узнано вслѣдствіе нарушенія служебной тайны оффиціальнымъ должностнымъ лицомъ, или же которое могло имѣть своимъ послѣдствіемъ выставленіе въ смѣшномъ и оскорбительномъ видѣ какого-либо частнаго или должностнаго лица, нарушеніе общественнаго спокойствія, или ослабленіе довѣрія къ правительству“.

Изложенный порядокъ вещей создавалъ послѣдствія весьма печальныя. „Соломенные редакторы“ стали явленіемъ самымъ будничнымъ; администрація, получивъ широкую власть надъ печатью, почти не обращалась къ судамъ: судебный порядокъ сталъ мертвою буквою. Австрійскіе чиновники молчали — въ печати, но тѣмъ болѣе раздражительно порицали администрацію въ общественныхъ кружкахъ. Правительственная пресса поглощала значительные капиталы и оставалась безъ читателей; основываться на министерскихъ источникахъ значило серьозно рисковать скомпрометировать себя; быть поборникомъ правительства, стало означать быть какъ будто врагомъ народа. Въ тоже время, не смотря на общее молчаніе печати, внутренніе и внѣшніе враги правительства прекрасно знали состояніе Австріи, и только имъ, да эгоистическимъ интересамъ австрійскихъ министровъ, боявшихся гласности, рабство печати служило вѣрную службу.

Выходъ изъ такого натянутаго положенія былъ необходимъ. Конституція 20 октября 1860 кладетъ ему починъ, обѣщая Австріи свободу печати. Данные во исполненіе этого обѣщанія законы 17 декабря 1862 года [1]), отмѣняя систему концессій, административныхъ предостереженій и запрещеній, объявляютъ

---

[1]) Текстъ ихъ см. у *Lienbacher*, в. с. т. II, стр. 217 и слѣд.

типографское и книгопродавческое производство на правахъ общаго промышленнаго устава, требуя лишь отъ лицъ, желающихъ заниматься ими, предварительное заявленіе администраціи; для періодическихъ изданіи, появляющихся болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, удерживаются начала отвѣтственнаго редактора, залоги, правительственныя опроверженія, а также право предварительнаго ареста произведеній печати, но значительно болѣе ограниченное, чѣмъ по прежнимъ законоположеніямъ. Объемъ проступковъ и преступленій печати остается еще весьма широкимъ, разсмотрѣніе болѣе важныхъ изъ нихъ предоставлено присяжнымъ, менѣе важныхъ — земскимъ и становымъ судамъ безъ присяжныхъ. Случаи, въ которыхъ могло имѣть мѣсто запрещеніе заниматься типографскимъ, издательскимъ или книгопродавческимъ промысломъ, точно обозначены. Изъ сказаннаго открывается, что законы 1862, давая печати несомнѣнныя облегченія, не поставили еще австрійскую печать окончательно на правовую почву; они, правда, замѣняютъ администрацію судомъ, но вносятъ въ судебную оцѣнку проступковъ печати тѣ начала, которыя обязаны своимъ существованіемъ полицейскому порядку; таковы принятая ими бельгійская система отвѣтственности, система отвѣтственнаго редактора, предварительный арестъ произведеній печати и т. п., такъ что въ Австріи, вопросъ о печати остается еще открытымъ и занимаетъ собою лучшія силы литературы [1]).

Въ Пруссіи, закономъ 17 марта 1848 отмѣняется цензура, опредѣляется отвѣтственность за содержаніе и форму произведеній печати, установляется система отвѣтственнаго редактора и залоговъ для періодическихъ изданій, кромѣ уже существовавшихъ и тѣхъ изъ вновь открываемыхъ, которыя посвящаются исключительно наукамъ математическимъ, естественно-историческимъ, географическимъ, медицинскимъ, а также музыкальнымъ и спеціально техническимъ вопросамъ; скоро затѣмъ, обязанность представленія залоговъ была распространена и на существовавшія уже произведенія прессы, кромѣ спеціально-ученыхъ и техническихъ. Начавшаяся реакція ознаменовалась ограниченіями свободы печати, и даже укладная грамота 31 января 1850 принимаетъ ихъ, умалчивая о тѣхъ гарантіяхъ независимости

[1]) *Glaser*, Gutachten über die Pressgesetzgebung, въ матерьалахъ съѣзда германскихъ юристовъ 1865 года, ч. I, стр. 68 и слѣд.
Jacque, die Pressgesetzgebung. Wien 1873.
Leutner, die Grundlagen des Pressstrafrechts. Wien 1873.

печати отъ административнаго вмѣшательства, которыя даны грамотою 5 декабря 1848 [1]). Подъ вліяніемъ этого новаго, реакціоннаго теченія составленъ и законъ о печати 12 мая 1851, остававшійся въ силѣ до самаго послѣдняго времени, когда его замѣнилъ общегерманскій законъ о печати 1874 года. Существенныя положенія его состоятъ въ слѣдующемъ. Право заниматься типографскимъ и литографскимъ производствомъ, книжною торговлею и библіотеками для чтенія оставлено въ зависимости отъ предварительнаго разрѣшенія окружной администраціи, которая должна давать его „лицамъ не опороченнымъ" и неопаснымъ; удержано право администраціи на полученіе произведеній печати нѣсколько раньше выхода ихъ въ свѣтъ, а именно книгъ и брошюръ за 24 часа до выхода, періодическихъ изданій — первыхъ оттисковъ; сохранена обязанность означать на каждомъ произведеніи печати адресъ типографіи и названіе лица, которому она принадлежитъ; введенные закономъ 17 марта 1848 для періодическихъ изданій залоги увеличены (отъ 500 до 5,000 таллеровъ), и отъ представленія ихъ освобождены лишь немногія, спеціально научныя, техническія, оффиціальныя изданія, а также тѣ изъ нихъ, которыя ограничиваются исключительно мелкими объявленіями изъ ежедневной жизни, — но это освобожденіе дѣйствительно лишь до перваго судебнаго приговора за преступленіе или проступокъ печати; для изданій, обязанныхъ представлять залогъ, признанъ также обязательнымъ отвѣтственный редакторъ, причемъ указаны необходимыя условія, которымъ онъ долженъ удовлетворять (полная дѣеспособность,

---

[1]) Конституція 5 дек. 1848, ст. 24: Каждый прусскій подданный имѣетъ право свободнаго изъявленія своихъ мыслей (Gedanke) словомъ, письмомъ, печатью и другими способами. Свобода печати не подлежитъ отмѣнѣ, ограниченію и пріостановленію ни въ какомъ случаѣ и никакимъ способомъ, именно ни цензурою, ни системою концессій, ни государственными налогами и ограниченіями типографій и книжной торговли, ни почтовыми запрещеніями или неравномѣрною почтовою таксою, или иными стѣсненіями свободнаго обращенія произведеній печати.

Конституція 31 января 1850, ст. 27: Каждый прусскій подданный имѣетъ право свободнаго изъявленія своихъ мнѣній (Meinung) словомъ, письмомъ, печатью и иными способами (bildliche Darstellung). Цензура не должна быть вводима, всякое иное ограниченіе можетъ быть введено только въ порядкѣ законодательномъ.

Молчаніе конституціи 1850 о тѣхъ, спеціально обозначенныхъ въ граматѣ 1848, стѣснительныхъ мѣрахъ, которыя не вправѣ принимать администрація, оказалось пагубно для прусской періодической печати: администрація истолковала его въ смыслѣ, благопріятномъ для себя, и, не обращаясь къ порядку законодательному, практиковала почтовыя запрещенія и иныя стѣснительныя для печати мѣры. См. *Hartmann*, в. с., стр. 12 и сл.

полноправность и жительство въ предѣлахъ Пруссіи, а для военно-служащихъ, независимо отъ того, спеціальное разрѣшеніе начальства); подтверждена обязанность періодическихъ изданій печатать частныя и оффиціальныя возраженія на статьи, помѣщенныя въ нихъ; непремѣннымъ условіемъ наказуемости поставлено обнародованіе произведеній печати, но общія правила отвѣтственности участниковъ дополнены формальными постановленіями относительно отвѣтственнаго редактора, издателя, типографа и книгопродавца; прокуратурѣ и ея полицейскимъ органамъ дано право предварительнаго ареста тѣхъ произведеній печати, въ которыхъ заключается преступленіе или которыя не удовлетворяютъ формальнымъ требованіямъ, постановленнымъ на случай печатанія; система наказаній за спеціальные проступки печати построена на денежныхъ взысканіяхъ и конфискаціи преступныхъ произведеній съ уничтоженіемъ ихъ; независимо отъ того, министерству внутреннихъ дѣлъ было предоставлено запрещать дальнѣйшее обращеніе въ предѣлахъ Пруссіи тѣхъ иностранныхъ періодическихъ изданій, относительно которыхъ судъ заочнымъ порядкомъ постановилъ обвинительный приговоръ. Но ни система концессій на періодическія изданія, ни система предостереженій, введенная нѣсколько позже въ другихъ государствахъ, не были извѣстны прусскому закону о печати 1851 года.

Другія германскія государства, послѣ погрома 1848 года, также начинаютъ принимать мѣры относительно печати совершенно независимо отъ союзнаго правительства и даютъ своей печати гораздо болѣе солидное положеніе, чѣмъ какое она имѣла прежде. Наиболѣе въ этомъ отношеніи замѣчательны Баварія [1]), корол. Саксонія [2]) и вел. герц. Баденское [3]).

Совершенно особый характеръ носитъ полицейскій періодъ въ исторіи англійскаго законодательства и практики по дѣламъ печати. Ей остались неизвѣстны ни цензура полицейской окраски, ни система предостереженій и залоговъ. Единственная, впрочемъ весьма важная, общая черта между ею и континентальною исторіею полицейской эпохи состоитъ въ попыткѣ бороться съ опасными сторонами печати посредствомъ подчиненія печатныхъ про-

---

[1]) *Wiebeking*, Bayerische Pressgesetzgebung. Bamberg 1866.
[2]) *Barth*, Das Gesetz über die Presse vom 24 März 1870.
[3]) *Behagel*, Das neue Badische Pressgesetz.

изведеній возможно болѣе высокому имущественному цензу, который проводился въ двоякой формѣ: въ формѣ полистной пошлины и системы денежной отвѣтственности за проступки печати. Вниманіе правительства, какъ и на континентѣ, обращала преимущественно печать мелкихъ брошюръ и періодическихъ изданій. Стремленіе англійскаго правительства подчинить печать своему вліянію находило нѣкоторое время любопытный выходъ въ попыткахъ его ограничить власть присяжныхъ по дѣламъ печати; долгое время правительство вело съ ними ожесточенную борьбу, настаивая на томъ, что разрѣшенію присяжныхъ подлежитъ лишь фактическій вопросъ о принадлежности преслѣдуемаго сочиненія данному лицу, вопросъ же о преступности его по содержанію или формѣ составляетъ исключительное право короннаго элемента. Послѣднія страницы этой борьбы, окончившейся не въ пользу правительства, выпали на конецъ XVIII ст. и неразрывно связаны съ именемъ Эрскина. Деканъ церкви св. Асафа, мистеръ Джонсъ, осужденъ присяжными условнымъ вердиктомъ; Эрскинъ талантливо доказывалъ, что вердиктъ, признавшій Джонса виновнымъ въ обнародованіи преслѣдовавшагося сочиненія („разговоръ о принципахъ управленія“, 1783), но отказавшійся признать это сочиненіе либелемъ, есть вердиктъ оправдательный, а не обвинительный. Хотя дѣло Джонса передъ судомъ королевской скамьи было проиграно, но мотивы Эрскина успѣли склонить общественное мнѣніе на сторону присяжныхъ и печати; извѣстный билль Фокса (32 Geor. III, c. 60) признаетъ за присяжными право разрѣшенія вопроса о виновности въ либелѣ во всей его полнотѣ, запрещая короннымъ судьямъ принуждать ихъ ограничиваться вердиктомъ о публикаціи [1]).

Полистная пошлина въ рукахъ англійскаго правительства также долгое время была весьма сильнымъ средствомъ для предупрежденія опасностей, которыхъ оно боялось со стороны типографскаго станка, хотя въ началѣ появленія она преслѣдовала совершенно иныя задачи. Правительству Анны принадлежитъ серьез-

---

[1]) The Modern Orator. Edited by Aylath and Jones. 1848, стр. 298—342. Еще раньше, съ 1770 года, парламентъ получалъ петиціи объ изданіи закона, который бы призналъ право присяжныхъ постановлять общій вердиктъ; такъ, послѣ писемъ Юніуса въ Public Advertiser, за реформу высказались въ палатѣ перовъ лордъ Camden и въ палатѣ общинъ Гланкъ, въ 1771 — Dowdesdell, который тогда встрѣтилъ сильнаго противника въ лицѣ Фокса. Двадцать лѣтъ спустя тотъ-же самый Фоксъ, уже герой свободы и народный кумиръ, поднялъ билль Dowdesdell'я и провелъ его съ успѣхомъ; въ 1792, онъ сталъ закономъ.

ный починъ мѣропріятій, направленныхъ къ охранѣ авторскихъ правъ въ печати. За отсутствіемъ въ этой странѣ системы привиллегій, охраненіе литературной собственности производилось записью сочиненія въ книгахъ общества стэшнеровъ (актъ 1709 года), а въ 1711, съ тою же цѣлію, вводится запись всякаго сочиненія, съ уплатою пошлинъ по количеству листовъ и экземпляровъ, въ книги министерства финансовъ; эта запись, какъ и первая — добровольная, но при отсутствіи ея государство отказывается гарантировать права авторовъ отъ контрафакціи, дозволяя ее безнаказанно каждому желающему; въ случаѣ, если изданіе не расходится, уплатившій пошлину можетъ получить ее назадъ, пропорціонально количеству нераспроданныхъ экземпляровъ [1]).

Съ теченіемъ времени, этотъ характеръ пошлины съ произведеній печати значительно измѣняется и, вмѣсто охраны авторскаго права собственности, она начинаетъ служить интересамъ государственной безопасности. Превращеніе ея изъ добровольной въ обязательную составляетъ рельефный признакъ перемѣны въ ея назначеніи. Эта мѣра имѣла мѣсто при Георгѣ II, когда пошлина съ періодическихъ изданій увеличена и объявлена безусловно обязательною, помѣщаемыя въ нихъ объявленія также обложены сборомъ въ пользу государства; началу обязательныхъ пошлинъ подчинены также альманахи или календари (13 Georg. II cap. 19) Позже, при Георгѣ IV (въ 1819) для всѣхъ періодическихъ изданій по текущимъ вопросамъ государственной и общественной жизни введена система предварительнаго объявленія объ изданіи, дѣлаемаго передъ барономъ шахматной доски или мировыми судьями, если изданіе выходитъ въ провинціи, подъ условіемъ представленія залога и двухъ или трехъ постороннихъ поручителей въ опредѣленной суммѣ; подписанное издателемъ и поручителями объявленіе служитъ доказательствомъ его правъ на изданіе. Въ 1830 году, величина залоговъ и поручительская сумма для новыхъ разрѣшеній увеличена, „съ цѣлію большей гарантіи въ томъ, что назначенныя судомъ денежныя взысканія будутъ дѣйствительно выплачены“ (11 Geor. IV &. I Wm. IV cap. 73).

---

[1]) Актъ 1709 (8 Annae cap. 21) см. въ Statutes. of the Realm. IX, 256; актъ 1711 (10 Annae cap. 18) см. въ Stat. of the Realm. IX, 619. Въ доказательство уплаты пошлинъ, предписано прикладывать клейма (stamps, тѣже timbres позднѣйшаго французскаго законодательства), подделка которыхъ обложена смертною казнью.

Но эти мѣры держались только до 1836 года, которымъ начинается поворотъ къ новому, правовому направленію. Статутъ 13 Августа [1]), съуживая понятіе періодическаго изданія сроками выхода [2]) и объемомъ [3]), уничтожаетъ прежнюю систему залоговъ и поручителей, ставя вмѣсто того слѣдующія требованія, въ характерѣ которыхъ замѣчается поворотъ къ законодательству Анны: печатать и издавать какую бы то ни было новую газету запрещено, подъ угрозою денежнаго взысканія, безъ предварительнаго письменнаго заявленія о томъ коммиссіонеру государственныхъ сборовъ или его агентамъ; это заявленіе (declaration) должно содержать въ себѣ точное обозначеніе адреса того мѣста, гдѣ газета будетъ печататься и раздаваться, точнаго имени и адреса лицъ завѣдывающихъ печатаніемъ и публикаціею ея, имени и адреса собственника газеты, а если ихъ нѣсколько — то двухъ изъ нихъ, паи которыхъ не меньше паевъ остальныхъ въ отдѣльности и которые имѣютъ постоянное пребываніе въ Великобританіи; о всѣхъ измѣненіяхъ въ персоналѣ, адресѣ и такихъ измѣненіяхъ въ величинѣ паевъ обозначенныхъ въ первоначальномъ заявленіи лицъ, при которыхъ послѣднія перестаютъ удовлетворять законнымъ требованіямъ, должно быть своевременно заявлено; это заявленіе подписывается всѣми обозначенными въ немъ лицами; цѣль этого заявленія двоякая; съ одной стороны, оно служитъ доказательствомъ правъ собственности на изданіе, для лучшей охраны которыхъ коммиссіонерамъ государственныхъ сборовъ предписано вносить титулъ всякаго объявляемаго имъ періодическаго изданія въ особыя книги, которыя хранятся въ Вестминстерѣ, Эдинбургѣ и Дублинѣ; съ другой, ими указываются лица, противъ которыхъ можетъ быть возбуждено уголовное преслѣдованіе или гражданскій искъ, если данное періодическое изданіе представитъ къ тому поводъ; для достиженія этой же цѣли, издателямъ всякой газеты предписано, не позже 3 дней послѣ выхода каждаго № въ свѣтъ, представлять въ мѣстныя учрежденія государственныхъ сборовъ одинъ или два экземпляра за рукописною подписью типографа, издателя или лицъ, получившихъ отъ нихъ на это письменное и заблаговременно врученное чиновнику госу-

---

[1]) 6 & 7 Wm. IV cap. 76, an Act to reduce the Duties of Newspapers, and to amend the Laws relating to the Duties of Newspapers and advertisements.

[2]) Періодическими изданіями по этому акту считаются только тѣ, отдѣльныя нумера которыхъ выходятъ въ промежутки времени менѣе 26 дней.

[3]) Изданія, заключающія въ каждомъ № болѣе 2 листовъ (sheets) или цѣною болѣе 6 пенсовъ за одинъ №, не считаются «періодическими» въ смыслѣ этого закона.

дарственныхъ сборовъ уполномочіе [1]); наконецъ, на всякомъ № періодическаго изданія должны быть въ точности обозначены имя, фамилія и адресъ типографа и издателя [2]). Въ 1843 году [3]) значительно облегчено положеніе участниковъ періодическихъ изданій, преслѣдуемыхъ за либель, тѣмъ во 1-хъ, что условія внутренняго вмѣненія обозначены гораздо рельефнѣе и легкая неосторожность отнесена къ сферѣ безотвѣтственности; во 2-хъ, обвиняемымъ предоставлено доказывать что они помѣстили опроверженіе въ своемъ изданіи, или предлагали обвинителю напечатать его отъ себя въ другомъ изданіи по усмотрѣнію обиженнаго; въ 3-хъ, при утвержденіи невинности, отвѣтчикъ получаетъ право доказывать, что помѣщеніе либеля въ его изданіи произошло безъ его разрѣшенія, вѣдома и согласія, и притомъ не было результатомъ его небрежности (due care). Этими постановленіями періодическая печать въ Англіи ставится окончательно на ту правовую почву, которою неперіодическія изданія успѣли уже заручиться раньше. Только въ послѣднее время, когда обширное появленіе безнравственныхъ и расчитанныхъ на низшіе инстинкты человѣческой природы брошюръ, картинъ и тому подобныхъ произведеніе типографскаго станка обратило на себя серьезное вниманіе англійскаго общества, правительство нашло нужнымъ прибѣгнуть къ закону (25 августа 1857), который даетъ мировымъ судьямъ и полицейскимъ чиновникомъ право предварительнаго ареста такого рода произведеній немедленно по выходѣ ихъ въ свѣтъ, и уничтоженія ихъ. Но за то, съ другой стороны, масса иныхъ осадковъ полицейскаго режима, легшихъ на государственное поло-

---

[1]) Эта рукописная подпись требуется въ виду особенностей англійскаго уголовнаго права и процесса по дѣламъ о либеляхъ; путемъ практики, коренящейся еще въ отдаленныхъ временахъ вѣка письменности, выработано начало, по которому единственнымъ несомнѣннымъ доказательствомъ принадлежности либеля данному лицу служитъ то только обстоятельство, что онъ писанъ или подписанъ этимъ лицемъ собственноручно.

[2]) Подобныя же требованія существуютъ и относительно не періодическихъ изданій. О заведеніи всякой новой типографіи, литографіи, металлографіи должно быть предварительно объявлено органамъ мировой юстиціи; содержатели словолитенъ должны имѣть списки лицъ, которымъ они продаютъ шрифтъ; типографы обязаны помѣщать свое имя и адресъ на первой и послѣдней страницѣ каждаго напечатаннаго у нихъ изданія. имъ же вмѣнено въ обязанность получать отъ издателя и сохранять въ теченіи 6 мѣсяцевъ экземпляръ каждаго изданія за собственноручною подписью издателя и его адреса, для представленія мировому судьѣ по его требованію; всѣ эти предписанія обезпечены денежными взысканіями Неприкосновенность противъ обысковъ и выемокъ относительно типографій не существуетъ.

[3]) 6 & 7 Vict. cap. 96, актъ лорда Кэмпбелля (24 августа 1843).

женіе англійской печати, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе устраняется какъ законодательствомъ, такъ — главнымъ образомъ — практикою судовъ и администраціи [1]) [2]).

XIV.

Магницкій, со своимъ взглядомъ на народное просвѣщеніе какъ на отрасль государственнаго богатства, распредѣляемаго правительствомъ въ нужной для каждаго мѣрѣ, принадлежитъ владѣльческой эпохѣ. Адмиралъ Шишковъ является въ нашей исторіи столь же рельефнымъ представителемъ идей полицейскаго отношенія къ народному знанію и народной мысли. Его взгляды на цензуру и ея задачи вполнѣ опредѣлительно показываютъ, что за правительствомъ Шишковъ признаетъ уже не исключительное право на мысль, а лишь право охраны той мысли, тѣхъ мнѣній, которыя оно объявляетъ господствующими. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, дѣло образованія „въ каждомъ частномъ человѣкѣ сдѣлалось зависящимъ отъ него самого. Отселѣ потекли обильныя струи *добра* (мысль господствующая) и *зла* (мысль индивидуальная, появленіе разновѣрій и разномыслій). Науки и правоученія стали преподаваться не единымъ богомыслящимъ, любомудрымъ мужемъ, вѣщающимъ подъ открытымъ небомъ стекшемуся къ слушанію его народу; но всякій, мудрый и невѣжда, правдолюбецъ и лжеумствователь, добронравный и развращенный, ораторъ и пустословъ, стали каждый свое писать и печатать". Отсюда произошло, что рядомъ съ добромъ появилось и зло, враждебное ему, что „гдѣ благочестивая душа простымъ и чистосердечнымъ умомъ своимъ старалась, освѣщая правду, порождать любовь къ честно-

---

[1]) *Grant*'s Newspaper presse, II m. London 1872, 1873.
Duboc, Geschichte der englischen Presse, извлеченіе изъ труда Гранта
Cucheval Clarigny, Histoire de la presse en Angleterre, Paris. 1856.
Starkie, Treatise on the Law of slander and Libel, 8 edit. London 1869.
Bertrand, Régime légal de la presse en Angleterre, Paris. 1865.
О шотландскомъ законодательствѣ и практикѣ по дѣламъ о либеляхъ см. John *Borthwick*, A Treatise on the Law of Libel and Slander as applied in Scotland, in criminal prosecutions and in actions of Damages. Edinburgh, 1826.

[2]) Судьба *Бельгійской* печати долгое время была связана съ французскою; затѣмъ она подчинилась мѣропріятіямъ голландскаго правительства, пока революція 1830 не дала Бельгіи самостоятельности. См. *Schuermans*, Code de la presse ou Commentaire du décret du 20 juillet 1831 etc., Bruxelles, 1861.

сти и благонравію, тамъ и злочестивая душа хитрымъ и лукавымъ умомъ своимъ тщилась затмить свѣтильникъ истины, и при мракахъ лжи прельщать легковѣріе и возбуждать въ немъ склонность къ злонравію". „Въ сей борьбѣ зла съ добромъ", продолжаетъ далѣе Шишковъ „*перевѣсъ* въ пользу того или другаго долженствуетъ быть наблюдаемъ цензурою или оцѣнкою книгъ, дабы добрыя изъ нихъ для просвѣщенія и пользы выпускаемы, а худыя, для отвращенія могущаго отъ нихъ вреда, задерживаемы были" [1]). Эти-то начала и получали мало по малу доступъ въ отечественное законодательство о печати.

Цензурный уставъ 1804 г. стоитъ на почвѣ попечительнаго отношенія къ произведеніямъ печатнаго станка. Уставъ 1826 г. принадлежитъ полицейской эпохѣ, но удерживаетъ еще нѣкоторые взгляды предъидущей, оставляя за цензурой положительныя задачи рядомъ съ отрицательными. Въ 1828 г., появляется новый уставъ, который рѣшительно склоняется на сторону идей полицейскаго порядка, оставляя за цензурой лишь отрицательныя обязанности. Въ сравненіи съ предъидущимъ, онъ былъ для литературы нѣсколько легче, не устраняя однако полной зависимости ея отъ непосредственнаго административнаго усмотрѣнія. Эластичность его постановленій, ничего не обѣщавшая печати положительно, была весьма выгодна для администраціи: одинъ и тотъ же законъ былъ пригоденъ для самыхъ различныхъ направленій цензурной практики, смотря по требованіямъ даннаго времени. Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ, несомнѣнно, причина его продолжительнаго су-

---

[1]) Русск. Архивъ, III, стр. 1100 и сл., 2 изд. Современникъ Шишкова, государственный секретарь Оленинъ, писалъ Императору Александру Павловичу: «Сей (его собственный, въ качествѣ бывшаго цензора и директора публичной библіотеки) опытъ доказалъ мнѣ непреоборимую трудность въ совершенно положительномъ узаконеніи на такой предметъ, который безпрестанно измѣняется, какъ по обстоятельствомъ, такъ и по разнымъ страстямъ и слабостямъ человѣческимъ. Сіе доказывается тѣмъ, что запрещенное политическое сочиненіе, чрезъ годъ а иногда черезъ мѣсяцъ, можно и даже должно выпускать въ свѣтъ для направленія умовъ. 1812 годъ торжественно то свидѣтельствуетъ. Самая иногда основательная книга по части ученой запрещается и сочинитель жестоко бываетъ преслѣдуемъ; но по истеченіи не токмо нѣсколькихъ вѣковъ, а даже лѣтъ, сія самая книга дѣлается основною для преподаванія науки. Сему свидѣтельствовать могутъ Коперникова система и гоненія противъ Галилея ... Будучи совершенный противникъ, по образу моихъ мыслей, полной и неограниченной свободѣ книгопечатанія или безпутному либерализму, я равнымъ образомъ не могу слѣдовать побужденіямъ невѣжества, или коварству фанатизма. Такимъ образомъ, убѣжденный въ томъ, что истинное просвѣщеніе поставляетъ чтеніе книгъ въ число необходимыхъ потребностей образованнаго человѣка, *я сравниваю книги съ хорошими или дурными жизненными припасами*, которые или укрѣпляютъ, или разстроиваютъ тѣло».

ществованія; войдя, съ незначительными перемѣнами, въ систему Свода, онъ продолжаетъ оставаться въ силѣ до нашихъ дней.

Только въ настоящее царствованіе, уставъ 1828 г. подвергся болѣе серьезнымъ измѣненіямъ. Одно изъ нихъ имѣетъ общее значеніе для всей русской печати: предварительная цензура (14 января 1863) изъята изъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ, подъ вліяніемъ идей попечительныхъ, она держалась до тѣхъ поръ, и передана въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Другое измѣненіе носитъ гораздо болѣе частный характеръ: имъ обнимаются произведенія печатнаго станка немногихъ, спеціально обозначенныхъ мѣстностей Имперіи, и ставятся въ привиллегированное положеніе; предварительная цензура для оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій опредѣленнаго объема (10 и 20 листовъ) замѣняется такъ называемою карательною, или административною цензурою *до обнародованія*, въ противоположность прежде существовавшей цензурѣ *до напечатанія* сочиненія; вводятся административныя концессіи, залоги, начало отвѣтственнаго редактора по утвержденію правительства, предостереженія и другія административныя взысканія для періодическихъ произведеній, дающія возможность управлять печатью, не прибѣгая къ суду; оставляется въ силѣ принципъ, по которому государственное вмѣшательство можетъ имѣть мѣсто даже относительно печатнаго слова, которое не выходитъ изъ области общихъ понятій и отношеній; вводятся и другія уголовно-юридическія и процессуальныя особенности въ дѣла печати; матерьальные дѣятели типографскаго производства оставляются въ подчиненіи администраціи. Таковы существенныя черты законовъ 6 апрѣля 1865 года, которые дѣйствуютъ на правахъ закона особеннаго, не отмѣняющаго и не измѣняющаго порядка предварительной цензуры въ большинствѣ случаевъ, гдѣ онъ остается въ смыслѣ обязательной, или удерживается какъ институтъ добровольный, если ему желаютъ подчиниться, для избѣжанія невыгодъ карательной цензуры. авторы и издатели мѣстностей, на которыя распространяется дѣйствіе законовъ особенныхъ. Въ сравненіи съ прежними постановленіями отечественнаго законодательства узаконенія 6 апрѣля, несомнѣнно, представляются льготными для русской печати; но окончательнаго поворота къ идеямъ правоваго порядка въ нихъ не замѣтитъ безпристрастный изслѣдователь. По своему содержанію и по существу дарованныхъ ими „льготъ“, они стоятъ еще позади прус-

скаго закона 1851 и даже австрійскаго 1852, которые изданы въ періоды европейской реакціи.

Позднѣйшія мѣропріятія русскаго законодательства отнюдь не могутъ поколебать этого взгляда. Высочайше утв. мнѣніемъ Госуд. Совѣта отъ 12 декабря 1866 измѣняются для дѣлъ печати правила процессуальнаго уголовнаго законодательства, причемъ вводится принципъ заочнаго рѣшенія (ст. 12) и предварительнаго ареста произведеній печати, преслѣдуемыхъ въ уголовномъ порядкѣ (ст. 10) [1]). Мнѣніемъ 13 іюля 1867, печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ, а также сужденій, преній и рѣчей, состоявшихся въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ, общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ, запрещается безъ предварительнаго разрѣшенія губернскаго начальства [2]). Высочайшимъ повелѣніемъ 28 апрѣля 1870, извѣстія, касающіяся особъ императорской фамиліи, придворныхъ торжествъ, съѣздовъ и т. п., запрещено печатать безъ предварительнаго разрѣшенія министра императорскаго двора. Въ 1872 году (7 іюня) на администрацію переносятся функціи, принадлежавшія прежде суду (ст. 1), срокъ между отпечатаніемъ и выпускомъ въ свѣтъ сочиненій увеличивается, для обезпеченія за администраціей возможности болѣе тщательнаго цензурнаго разсмотрѣнія ихъ (ст. 6); постановляется, что административное задержаніе не устраняетъ права судебнаго преслѣдованія того же сочиненія (ст. 4) и такимъ образомъ моментъ наказуемости придвигается къ моменту напечатанія, вмѣсто прежняго момента обнародованія (ст. 5) [3]). Наконецъ, явные слѣды идей прежняго порядка возвращаются въ наше законодательство узаконеніемъ 16 іюня 1873 года, постановляющимъ: „если по соображеніямъ высшаго правительства, найдено будетъ *неудобнымъ* оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіи нѣкотораго времени, какого либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность, черезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ“. Неисполненіе редакторомъ такого распоряженія, впредь до отмѣны его въ томъ-же порядкѣ, даетъ министру внутреннихъ дѣлъ право

---

[1]) Собраніе узаконеній 1866 г. № 111, стр. 830.
[2]) Собр. узак. 1867 г. № 63, стр. 612.
[3]) Собраніе узак. 1872 № 52.

пріостановить своею властью выпускъ въ свѣтъ провинившагося изданія на срокъ до трехъ мѣсяцевъ [1]).

Бросая взглядъ на существо мѣропріятій полицейской эпохи и направлявшихъ ими идей, мы замѣчаемъ въ нихъ рѣзкое отличіе отъ періодовъ владѣльческаго и попечительнаго. Личныя репрессивныя мѣры болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, государство начинаетъ бороться съ мнѣніями, а не съ лицами, высказывающими или обнародывающими ихъ; исключенія остаются лишь въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ. Для борьбы съ мнѣніями, государство прибѣгаетъ къ мѣрамъ внѣшняго предупрежденія, берущимъ себѣ цѣлью воспрепятствовать напечатанію и обнародованію такихъ произведеній, со стороны которыхъ оно опасается болѣе или менѣе значительнаго вреда. Частные интересы, связанные съ типографскимъ производствомъ, порабощаются соображеніями общественнаго спокойствія и безопасности, и тѣ произведенія. сбытъ которыхъ ожидается въ наибольшемъ количествѣ, вызываютъ наиболѣе энергическое противодѣйствіе государства. Оттого-то интересы, представляемые типографскимъ станкомъ, не достигаютъ значенія правъ и предоставляются на усмотрѣніе администраціи. Только частное авторское право, получающее, подъ вліяніемъ метафизическихъ идей, титулъ права литературной собственности, увеличиваетъ свои притязанія до колоссальныхъ размѣровъ; но и оно признается законодательствами неохотно и въ возможно скромной степени, и полицейская эпоха дѣлаетъ это право шаткимъ, безпрерывно принося въ жертву соображеніямъ общественнаго спокойствія и безопасности.

XV.

Неудобствами для литературы и еще болѣе для правительства, эпоха полицейскаго отношенія къ печатному станку была болѣе чѣмъ богата. Единичные труженики мысли находили, правда, до нѣкоторой степени выходъ изъ нихъ въ томъ самомъ началѣ бюрократическаго произвола, которое, составляя характеристическую черту изложенной эпохи, давало возможность проскальзывать наружу всякой мысли, представляемой та-

[1]) См. также проф. *Андреевскаго* и *Градовскаго*, вв. сс.

лантливымъ писателемъ, если онъ умѣлъ владѣть перомъ о двухъ концахъ: однимъ — для цензора, другимъ — для читателя. Условія времени значительно облегчали ему пониманіе и сочувствіе со стороны читателей. При борьбѣ господствующей и индивидуальной мысли, масса общества всегда склоняется на сторону послѣдней, и если „господствующая“ мысль прибѣгаетъ еще къ физической поддержкѣ, то тѣмъ сильнѣе становится моральная мощь индивидуальной мысли. Вызывая ее къ барьеру, налагая на нее оковы молчанія, правительство этимъ самымъ ее усиливаетъ: всякій стремится узнать, какая мысль вызвала неудовольствіе правительства, и книга, которая при спокойномъ къ ней отношеніи власти осталась бы вовсе незамѣченной, находитъ себѣ обширный кругъ тайныхъ или явныхъ читателей [1]). Намекъ дѣлается воззваніемъ, лишняя точка — протестомъ противъ правительственной программы, и органы цензуры становятся въ весьма критическое положеніе, теряя всякую возможность уловить границу между словомъ опаснымъ и безопаснымъ для господствующей или правительственной мысли [2]).

Въ борьбѣ съ индивидуальной мыслью, правительство выходило изъ взгляда, характеризующаго метафизическій періодъ исторіи мысли, по которому идеи, являясь продуктомъ личной дѣятельности индивида, вызываютъ опредѣленный рядъ явленій въ общественно-государственной жизни. Желая противодѣйствовать вредному для себя направленію послѣднихъ, оно направ-

---

[1]) Уже наблюдательный *Boehmer*, Diss de jure circa libros improbatae lectionis, стр. 8, замѣчаетъ, что сожженіе книгъ раздражало тѣхъ, кто ихъ еще не читалъ, и обезпечивало имъ значительный кругъ читателей По свидѣтельству *Мазерба*, Mémoire sur la liberté de la presse, Paris, 1814, многіе издатели, желая вѣрнѣе сбыть свои изданія, выпрашивали у администраціи запрещеніе ихъ какъ милость. Сами органы цензуры прекрасно сознавали это положеніе. Когда сочиненія *Quesnel Pasquier*, Oeuvres de Saint Jean и Le nouveau Testament en français (Paris, 1671), были запрещены папою и внесены въ римскій индексъ, то онъ домогался отмѣны этого запрещенія передъ кардиналомъ Барберини; послѣдній ему отвѣтилъ: «Ne vous fachez - pas, mon père, la censure de saint siège ne gâtera - pas votre livre».

[2]) Смѣшными анекдотами, подтверждающими это шаткое положеніе цензоровъ, исторія цензуры весьма богата. Порталисъ говоритъ объ австрійскихъ цензорахъ начала XIX ст., что одинъ изъ нихъ запретилъ между прочимъ французскія книги: «Принципы тригонометріи» и «Истребленіе насѣкомыхъ» (Insectes), — первую потому, что онъ думалъ, что въ ней идетъ рѣчь о Св. Троицѣ, о которой было запрещено писать что бы то ни было, а вторую - полагая, что въ ней идетъ рѣчь объ истребленіи іезуитовъ (*Peignot* Dict. I, 256). Изъ исторіи русской цензуры о Красовскомъ см. въ *Рус. Старинѣ* IV, стр. 410 — 442 и VI, стр. 584 за 1872 годъ.

ляло всѣ свои силы на первыя, какъ на причину ихъ [1]). Новѣйшему времени, какъ извѣстно, принадлежитъ противоположный взглядъ: то, что въ періодъ метафизическій считалось причиною, оно считаетъ слѣдствіемъ, а что считалось слѣдствіемъ оно объявляетъ причиною. Какъ бы то ни было, которое бы изъ этихъ рѣшеній ни оказалось вѣрнымъ, оно совершенно безразлично для правительственной дѣятельности. Законодателя, расчитывающаго свои мѣры на практическое примѣненіе, ищущаго въ явленіяхъ прошлаго уроки для настоящаго, интересуетъ и можетъ интересовать не ученый споръ о происхожденіи идей, не вопросъ о томъ, идеи-ли порождаютъ событія или событія порождаютъ идеи, а другой, гораздо болѣе практическій, который формулируется слѣдующимъ образомъ: 1) доказываетъ ли исторія, что стѣснительныя мѣры въ состояніи остановить распространеніе идей, которыя при первоначальномъ своемъ появленіи были встрѣчены правительствомъ недружелюбно? 2) въ состояніи ли правительство распространять и поддерживать въ народѣ тѣ идеи, которыя, по законамъ исторіи мысли, осуждены въ данную эпоху на упадокъ и вымираніе?

Ясно, что какъ бы ни былъ рѣшенъ философскій споръ о происхожденіи идей, при отрицательномъ разрѣшеніи поставленныхъ нами практическихъ вопросовъ. стѣснительныя мѣры надъ мыслью теряютъ всякую почву, всякое raison d'être. А между тѣмъ, инаго отвѣта на нихъ кромѣ отрицательнаго исторія дать не въ силахъ.

Вся почти литература XVII, XVIII и начала XIX столѣтій, знакомство съ которою признается въ наши дни условіемъ полнаго образованія, была запрещена въ свое время. Руссо, Вольтеръ, Мирабо, энциклопедисты, Гейне и его школа, Гюго и множество другихъ писателей, обусловившихъ новѣйшую цивилизацію, были подъ строгимъ запретомъ; гарантировалъ ли онъ правительства отъ распространенія ихъ идей, помѣшалъ ли онъ народамъ поставить ихъ на пьедесталъ славы?

Иногда считаютъ себя вправѣ видѣть пользу стѣснительныхъ мѣръ въ томъ спокойствіи, которое замѣчается въ печати, пока она остается подчиненною имъ. Полагаютъ, что это спо-

---

[1]) См. Encore un mot sur la liberté de la presse, par M. de B... Paris, 1814: «безпорядокъ въ управленіи, въ финансахъ, даже тираннія никогда не разрушали государствъ, а пропаганда ложныхъ доктринъ можетъ вести къ гибели цѣлые народы.»

койствіе и сдержанность суть прямой результатъ тѣхъ оковъ, которыя кладутся на печать полицейскими мѣропріятіями государственной власти. Но, независимо даже отъ сомнительной выгоды этаго спокойствія [1]), оно есть результатъ не стѣснительныхъ мѣръ надъ печатью, а того, что данная страна еще не доросла до ступени полнаго пониманія общественныхъ потребностей. Измѣняется это условіе, получаетъ народъ болѣе ясное представленіе о себѣ и о своихъ нуждахъ общихъ, — и никакая цензура не въ состояніи дать печати это искомое спокойствіе, если причины неудовольствія остаются неустраненными. Всюду мысль, которой уже пришло время высказаться, высказывалась не смотря ни на какія полицейскія мѣропріятія, чѣмъ доказывалось полнѣйшее безсиліе послѣднихъ.

Ихъ защитники находятся въ печальномъ недоразумѣніи. полагая, что печатный станокъ составляетъ единственное средство распространенія идей. Прежде, чѣмъ та или другая мысль дойдетъ до типографіи, она успѣваетъ уже облетѣть общество, привиться къ нему путемъ устной передачи и индивидуальныхъ наблюденій; авторъ является лишь передатчикомъ того, что живетъ и пустило корни среди современнаго ему общества; преслѣдуя такую мысль въ печатной формѣ, правительство остается безсильнымъ противъ другихъ формъ ея распространенія и, попирая свободу печати, лишаетъ себя лучшаго средства опредѣлить дѣйствительное состояніе умовъ. Что же касается мыслей, которыя еще не вошли въ общество, то отъ нихъ правительству меньше всего угрожаетъ какая бы то ни было опасность: ихъ время, черезъ 50 — 100 лѣтъ, послѣ ихъ появленія, а въ моментъ выхода изъ типографскаго станка онѣ останутся незамѣченными или непонятыми.

Развившіяся въ послѣднее время средства сообщенія, которыя сдѣлали теперь разстояніе между Парижемъ и Петербургомъ гораздо болѣе короткимъ, чѣмъ прежде между Парижемъ и Бордо, Петербургомъ и Тверью, также не могутъ не парализировать дѣйствіе стѣснительныхъ мѣръ надъ печатью. Новыя идеи, появляющіяся за-границей, теперь имѣютъ гораздо болѣе шансовъ на то, что ихъ узнаетъ сосѣднее государство путемъ устной и письменной передачи. Независимо отъ того, когда

---

[1]) Фактъ его мы отрицать не будемъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ нѣкоторые періоды оно дѣйствительно сопутствуетъ цензурѣ, но не вытекаетъ изъ нея.

отечественныя типографіи стоятъ подъ строгимъ полицейскимъ режимомъ, у автора остается возможность прибѣгнуть къ тайнымъ или заграничнымъ типографіямъ; и дѣйствительно, въ періоды угнетенія печати потаенная литература быстро распространяется. Разница для государства будетъ состоять въ томъ только, что, по справедливому замѣчанію Бенжамена Констана, вмѣсто наказанія за одно преступленіе, составъ котораго опредѣляется содержаніемъ сочиненія, авторъ будетъ наказанъ за два (преступное содержаніе и противозаконное печатаніе); но этимъ, очевидно, предупредительная цѣль не достигается. Притомъ, если авторъ вынужденъ печатать свой трудъ тайно или въ заграничныхъ типографіяхъ, то онъ выберетъ гораздо болѣе рѣзкія для правительства формы своей мысли, чѣмъ въ случаѣ, открывающемъ ему малѣйшую возможность высказать свою мысль явно и въ предѣлахъ своего отечества; французскія сочиненія, печатавшіяся до революціи въ Голландіи, были гораздо радикальнѣе, чѣмъ печатавшіяся въ самой Франціи [1]).

Стѣснительныя мѣры надъ печатью подрываютъ не мысль индивидуальную, съ которой онѣ борятся, а напротивъ мысль господствующую, на сторонѣ которой стоитъ правительство и служить которой онѣ призваны. Уже Мазербъ указываетъ на этотъ ихъ результатъ, замѣчая, что „онѣ лишаютъ насъ работъ авторовъ серьезныхъ, хорошо знающихъ предметы, о которыхъ трактуетъ литература, преданныхъ правительству и способныхъ поддержать его интересы, но не желающихъ выступать въ печати при томъ ея положеніи, когда всякій знаетъ, что ихъ только мнѣніямъ дозволено въ ней появляться, а мнѣнія противоположныя находятся въ опалѣ со стороны власти“ [2]). При такомъ положеніи ихъ, общество съ трудомъ повѣритъ, что друзья правительства говорятъ искренно, а масса публики безъ дальнѣйшихъ объясненій объявитъ, что они говорятъ по принужденію. Такимъ образомъ, „поле сраженія остается всецѣло за людьми, мало знакомыми съ положеніемъ вещей въ государствѣ, и публика привыкаетъ смотрѣть на высказываемыя ими мнѣнія какъ на безспорныя истины“. Исторія печати подтверждаетъ эти слова. Сознательная *консервативная* печать всюду появляется съ того

---

[1]) *Benjamin Constant*. Liberté des brochures, pamphlets etc. Paris 1814, стр. 5 и слѣд.

[2]) *Lamoignon de Malesherbes*, Mémoire sur la liberté de la presse, стр. 29 и слѣд.

лишь момента, когда облегчаются оковы, лежащія на печатномъ словѣ, и та страна, которая знаетъ свободу печати въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ самую прочную консервативную печать. До этого момента, простая ссылка на правительственный источникъ (какъ было напр. въ Австріи передъ 1848) возбуждала недовѣріе къ рѣшающемуся сдѣлать ее; „быть другомъ правительства означало, какъ выражается Либенбахеръ, быть врагомъ народа“: всѣ классы общества стояли противъ своего общаго противника; свободно-сознательный консерватизмъ былъ невозможенъ.

Такимъ образомъ, польза для правительства и дѣйствительность стѣснительныхъ мѣръ надъ печатью въ высшей степени сомнительны: препятствовать распространенію враждебныхъ правительству идей онѣ не въ силахъ, и еще менѣе въ силахъ помочь ему сдѣлать популярными идеи, написанныя на его знамени. А между тѣмъ, вытекающій изъ нихъ *вредъ* для личности, для общества и для самаго правительства не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

На личности эти мѣры отражаются сокращеніемъ ея правъ, какъ автора (право свободнаго обнаруженія мысли, право авторской и издательской собственности) и какъ читателя (право на знаніе), ставя ихъ въ зависимость отъ административнаго усмотрѣнія и дѣлая призрачнымъ самое ихъ существованіе иначе, какъ въ формѣ привиллегіи.

На обществѣ, онѣ прежде всего отражаются сокращеніемъ цифры экономическаго производства печати. Спросъ на печатныя изданія позволяетъ развивать это производство въ весьма широкихъ размѣрахъ; такъ напр., еще въ 1825 году, во Франціи по вычисленіямъ Дарю, типографское производство со своими вѣтвями образовывало ежегодную цѣнность около 34 милл. франковъ, имъ кормились ежегодно до 50,000 человѣкъ; въ сравненіи съ другими производствами, оно тѣмъ выгоднѣе для общества, что его первоначальный матерьалъ — предметы, почти не имѣющіе никакой цѣны, тряпье и т. под. [1]) Стѣснительныя мѣры надъ отечественною печатью заставляютъ общество обращаться къ про-

[1]) *Daru*, Notions statistiques sur la librairie, Paris 1827, продолжаетъ: «на языкѣ политической экономіи, трудъ есть мѣрило цѣнности; съ неменьшимъ правомъ можно сказать, что благороднѣйшая изъ всѣхъ силъ, сила интеллектуальная, превращаетъ негодный матерьалъ въ драгоцѣнные предметы, и мы имѣетъ ту привиллегію надъ другими силами, что въ производствѣ печати созданіе цѣнностей принадлежитъ ей исключительно».

дуктамъ иностранныхъ станковъ и значительно сокращаютъ отечественное типографское производство; при отпаденіи ихъ, послѣднее быстро распространяется и привлекаетъ къ себѣ капиталы на серьезныя изданія, которыя не могли бы быть предприняты, пока положеніе печати не стало достаточно прочнымъ [1]). Независимо отъ того, стѣсненіе печати затрудняетъ общественное образованіе, тормозитъ народное благосостояніе и причиняетъ серьезный ущербъ духовнымъ интересамъ общества.

Но всего гибельнѣе оказываются стѣснительныя мѣры надъ печатью для самого правительства, создавая ему массу затрудненій какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ.

При неизбѣжной неопредѣленности цензурныхъ уставовъ, при меньшей еще возможности регламентировать условія административныхъ предостереженій и другихъ мѣропріятій полицейскаго порядка, у органовъ цензуры появляется идея, что они должны запрещать по возможности всякое обсужденіе вопросовъ внутренней политики и занесеніе какихъ бы то ни было фактовъ ея на страницы печатныхъ изданій. Результатомъ этого отношенія къ обществу является развитіе сильной бюрократіи, отдѣляющей власть отъ народа. Народъ несетъ непосредственно на себѣ всѣ невыгоды бюрократическаго усмотрѣнія; власть, благодаря рабству печати, не знаетъ о томъ; ей остаются неизвѣстными дѣйствительныя потребности народныя, а между тѣмъ въ глазахъ народа она является какъ бы отвѣтственною за бюрократическіе порядки.

Порабощая печать, правительство, какъ мы уже видѣли, парализуетъ моральную мощь консервативныхъ общественныхъ силъ и отнимаетъ возможность голоса у своихъ приверженцевъ, которые могли-бы быть ему весьма полезны при иномъ порядкѣ вещей.

При несвободномъ положеніи печати, всякое высказываемое ею мнѣніе вмѣняется въ вину правительству, преимущественно

[1]) Въ Англіи, съ устраненіемъ пошлины съ объявленій и полистной, число періодическихъ изданій значительно увеличилось — см. *Duboc*, в. с. стр. 119 и слѣд.; во Франціи, за періодъ времени съ 1861 по 1869, число періодическихъ изданій поднялось со 127 до 364, — см. Bibliographie générale, ou Journal général de l'imprimerie et de librairie за приведенные годы. У насъ, въ Россіи, цифры общаго количества печатавшихся книгъ, начиная съ 1833 года постепенно уменьшаются, а не увеличиваются, до 1848 года, а именно:

	1833 — 37	1838 — 41	1843 — 47
5-лѣтній итогъ:	51,828 кн.	44,609 кн.	45,793 кн.

См. «Таблица сочиненій, напечатанныхъ съ дозволенія цензуры. Спб. 1862, изд. Мин. Нар. Пр.» По предметамъ, увеличеніе замѣчено только для книгъ юридическихъ и по сельскому хозяйству.

представителями иностранныхъ государствъ. Это обстоятельство не разъ создавало серьезныя политическія затрудненія для правительствъ, въ государствахъ которыхъ печать не пользовалась надлежащею самостоятельностью.

При возбужденіи какихъ либо пререканій и начатіи непріязненныхъ дѣйствій между правительствами, изъ которыхъ одно гарантировало отечественной печати болѣе независимое положеніе, чѣмъ другое, первое всегда имѣетъ перевѣсъ надъ своимъ противникомъ: ему помогаютъ тысячи тружениковъ литературы, исправляющіе почти неизбѣжныя ошибки его чиновниковъ, и бывали примѣры, что даже враждебное ему правительство прибѣгало къ его печати съ цѣлію выяснить свое собственное положеніе. Между тѣмъ, порабощеніе печати не мѣшаетъ противнику узнавать его внутреннія дѣла: чѣмъ больше стѣснена печать, тѣмъ болѣе у него шансовъ найти недовольныхъ, устное и письменное сообщеніе которыхъ съ избыткомъ восполнитъ указанія прессы; при томъ, онѣ стоятъ въ сторонѣ отъ всякаго правительственнаго контроля.

Полицейскія мѣропріятія относительно печати диктовались взглядомъ, по которому свобода печати можетъ служить не только къ пользѣ, но и ко вреду всего государства и отдѣльныхъ лицъ. Говорили, что предупрежденіе этого вреда, коль скоро оно представляется возможнымъ, составляетъ непремѣнную обязанность государства. Но время успѣло уже выяснить ахиллесову пяту этого аргумента, на первый взглядъ столь неоспоримаго. „Возможный вредъ свободы печати", справедливо замѣчаетъ Миттермайеръ, „лежитъ не въ ней самой, а въ злоупотребленіи ею, между тѣмъ какъ вредъ цензуры не отдѣлимъ отъ этого института" [1]). Какъ явленія единичныя, злоупотребленія печатнымъ словомъ не могутъ оправдать общихъ для всей печати стѣсненій. Притомъ, въ понятіе предупрежденія опасностей отнюдь не входитъ *нарушеніе правъ*, ежеминутно практикуемое цензурой.

Другія мѣропріятія полицейской эпохи, отличающіяся отъ предварительной цензуры по формѣ, сходны съ нею по своей идеѣ и своему содержанію, а потому и къ нимъ примѣнимы замѣчанія, приведенныя выше.

---

[1]) *Collmann*, Quellen etc., стр. 706.

XVI.

Убѣжденіе въ безсиліи и вредѣ стѣснительныхъ мѣръ надъ мыслью крѣпнетъ и начинаетъ давать положительные ростки паралельно съ измѣненіемъ во взглядѣ на природу самой мысли.

Враждебное отношеніе къ ней правительства, какъ мы видѣли, стоитъ въ тѣсной связи съ крайнею индивидуальною окраскою, которая сообщилась самой мысли въ метафизическій періодъ ея развитія. Но, по мѣрѣ накопленія опыта и наблюденій, показавшихъ прочную зависимость всего существующаго въ природѣ и въ жизни человѣчества отъ прежнихъ обстоятельствъ и явленій, подчиненіе ихъ прочнымъ, не зависящимъ отъ человѣческаго произвола, законамъ, человѣкъ мало по малу отказывается отъ такого произвола мысли, вводя и ее въ систему общихъ законовъ существованія и движенія. Вліяніе на мысль факторовъ, лежащихъ какъ во внѣшней природѣ, такъ и въ соціальномъ укладѣ, становится болѣе и болѣе явственно, отдѣльный индивидъ утрачиваетъ прежнее значеніе собственника мысли, становясь лишь ея органомъ. Это сознаніе подчиненнаго положенія индивида къ мысли дало послѣдней возможность стать на ряду съ другими, общими по своей природѣ явленіями, существующими въ исторіи человѣчества, каковы напр. самое понятіе государства, религія, нравственность, семья и т. под. Съ того момента, когда, отказавшись отъ подчиненія индивидуальному произволу, мысль указала на самостоятельные общіе законы, управляющіе ея состояніемъ и движеніемъ, ея статикою и динамикою, она стала силою, подчиняющею себѣ индивидуальный произволъ и дѣлающею его безопаснымъ для государства; выяснилось, что она имѣетъ свои начала, свои законы, и — что всего главнѣе для государственнаго ея положенія — свою прочную организацію, устраняющую то хаотическое состояніе, которое характеризовало ее въ метафизическій періодъ развитія. Измѣненіе-же во взглядѣ на возникновеніе мнѣній должно было вызвать и дѣйствительно вызвало измѣненіе въ отношеніи человѣка къ мнѣніямъ, которыя провозглашались другими лицами. Явилась критика, возможная съ того только момента, когда мысль, переставъ быть произвольнымъ результатомъ духа, стала разсматриваться въ связи съ космическими, соціальными и индивидуальными условіями, находя себѣ оцѣнку не въ

субъективномъ представленіи другаго, а въ согласіи или несогласіи ея съ объективными данными. Явилось сознаніе, что бороться съ мнѣніями можно борясь съ условіями, сдѣлавшими ихъ необходимыми или возможными, и наоборотъ, что никакое противодѣйствіе мнѣніямъ, такъ или иначе невыгоднымъ для государственной власти, не можетъ расчитывать на успѣхъ, если вызвавшія ихъ причины или условія остаются безъ измѣненія. Явилась идея раціональнаго воспитанія, обработывающаго духовную почву человѣка съ цѣлію сдѣлать ее способною для воспріятія благороднѣйшихъ, наиболѣе полезныхъ для общества мнѣній, и дальнѣйшаго ихъ культивированія. Мысль теряетъ характеръ чего-то безначальнаго и безконечнаго, присвоенный ей полицейскимъ періодомъ, становится въ строгія рамки времени и пространства, но за то, съ другой стороны, освобождается отъ подчиненія индивиду, занимая положеніе самостоятельной общественной силы.

Эта-то организація мысли, явившаяся результатомъ раскрытія связи ея съ окружающими человѣка условіями, сдѣлала излишнимъ и окончательно неумѣстнымъ то враждебное отношеніе, въ которое поставило себя правительство къ мысли, выступившей съ индивидуальной окраской. Понявъ безсиліе свое остановить ходъ управляющихъ ею законовъ, убѣдившись, что всякая попытка въ этомъ родѣ пагубно отзывается на нихъ самихъ, правительства начинаютъ мало по малу признавать домогательства этой великой соціальной силы и превращать въ права предъявляемые ею интересы. Тогда-то начинается новый періодъ государственнаго положенія мысли: высшею задачею государства становится не учрежденіе таможенныхъ заставъ, предупреждающихъ распространеніе тѣхъ или иныхъ мнѣній, а установленіе прочныхъ мѣръ, обезпечивающихъ самостоятельность и независимость мнѣній; борьба съ враждебными мнѣніями происходитъ не путемъ репрессивнаго преслѣдованія ихъ, а устраненіемъ причинъ, которыя дѣлаютъ ихъ необходимыми или возможными; печатное слово подчиняется началамъ, одинаковымъ съ тѣми, которыя дѣйствуютъ въ системѣ общаго права гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго. Изъ нихъ допускаются тѣ только отступленія, которыя вызываются особенною природою этого института и которыя, поэтому, представляютъ собою не исключеніе изъ общаго правила, а напротивъ его послѣдовательное и цѣлесообразное примѣненіе; онѣ устанавливаются не для стѣсненій народнаго знанія и народной мысли, какъ въ эпохи владѣльческую и полицейскую, а для споспѣше-

ствованія ихъ правильному естественному развитію, для охраненія ихъ отъ насильственнаго вмѣшательства враждебныхъ имъ элементовъ. Эти-то характеристическія черты составляютъ принадлежность *правовой* эпохи мысли, въ процессѣ осуществленія и развитія началъ которой стоятъ современныя законодательства большинства цивилизованныхъ народовъ.

Существо правоваго положенія печати (или, другими словами, ея правомѣрную самостоятельность и независимость) многіе [1]) видятъ въ подчиненіи ея исключительно *судебному* режиму, какъ бы ни были строги наказанія, которыя авторъ можетъ ждать отъ судовъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы печать была свободна отъ общихъ предупредительно-полицейскихъ мѣропріятій; при этомъ прибавляютъ требованіе, чтобы суды были замѣщаемы элементами возможно болѣе независимыми отъ администраціи, указывая по преимуществу на суды присяжныхъ засѣдателей какъ на единственно пригодные для разбирательства и рѣшенія дѣлъ печати. Въ этой постановкѣ вопроса, „правовой“ порядокъ означаетъ порядокъ судебный окончательный и противополагается порядку предупредительному. Однако, хотя устраненіе административнаго произвола изъ разрѣшенія дѣлъ печати составляетъ необходимое условіе правоваго порядка, понятіе его не исчерпывается приведенными условіями; ни отсутствіе предупредительно-полицейскихъ мѣръ, ни подчиненіе печати судебному вѣдомству, строго говоря, не составляютъ характеристическихъ признаковъ этой эпохи.

Отрицать у государства право на мѣры предупрежденія различныхъ опасностей и требовать, чтобъ оно непремѣнно выждало наступленіе дѣйствительнаго зла, нѣтъ ровно никакихъ основаній; и если печатный станокъ можетъ создать зло для государства, которое послѣднее можетъ преслѣдовать передъ судами, то было

---

[1]) *Blakstone* Commentaries, IV. ch. VI. *Lamoignon de Malesherbes*, в. с. Отчасти *Benjamin Constant*, des Brochures, Pamphletes etc., Paris 1814 стр. 2: «J'entends par ce mot (la libérte complète) la faculté accordée aux écrivains de faire imprimer leurs écrits sans aucune censure préalable. Cette faculté, n'exclut point la reppression des délits dont la presse peut être l'instrument. Les lois doivent prononcer des peines contre la calomnie, la provocation à la revolte, en un mot, *tous les abus qui peuvent resulter de la manifestation des opinions*. Ces lois ne nuisent point à la liberté; au contraire sans elles, aucune liberté ne peut exister». Въ другомъ своемъ сочиненіи (De la liberté de la presse, въ Reflexions sur les constitutions et les garanties, стр. 143 и слѣд.), Бенжаменъ Констанъ допускаетъ государственныя мѣры относительно слова только тогда, когда слово есть одинъ изъ элементовъ внѣшняго дѣйствія.

бы не понятно, по какой причинѣ его слѣдовало бы поставить въ исключительное положеніе. Всякая предупредительная мѣра относительно злоупотребленій печати, отвѣчающая общимъ требованіямъ, которымъ должны удовлетворять мѣры предупрежденія, т. е. не переходящая въ наличное нарушеніе какихъ либо правъ и юридическихъ благъ, столько же умѣстна относительно печатнаго станка, какъ и относительно другихъ сферъ человѣческой дѣятельности. Затѣмъ, — исторіи законодательства печати извѣстна эпоха, почти вовсе не знавшая предупредительныхъ мѣръ относительно печатнаго станка и отсылавшая авторовъ, издателей, типографщиковъ, наборщиковъ и другихъ дѣятелей типографскаго производства къ отвѣту передъ разнообразными судебными учрежденіями, болѣе или менѣе правильно организованными. Тѣ немногія предупредительныя мѣры, которыя примѣнялись въ теченіи ея, имѣли своею единственною задачею облегчить судамъ розыскъ виновныхъ. И однако, имя ей — не правовая, а владѣльская, вотчинная. Закономъ 1868 года во Франціи административныя взысканія замѣнены судебною отвѣтственностью за злоупотребленія печати; казалось, имъ положено рѣшительное начало правовому порядку, но въ дѣйствительности отъ него Франція была еще очень далеко. Опытъ не замедлилъ доказать это: редакція „судебныхъ рѣшеній", постановленныхъ на основаніи названнаго закона судами исправительной полиціи, была точнымъ воспроизведеніемъ прежнихъ административныхъ предостереженій. Ясное дѣло, что отъ этого печать ровно ничего не выиграла; для самостоятельности ея важно, чтобъ такія мѣры, какъ административныя предостереженія, вовсе не могли быть примѣняемы, чтобъ постановляемыя по дѣламъ ея судебныя рѣшенія отличались тѣми же качествами, которыя требуются отъ нихъ по дѣламъ другаго рода; если же мѣра, по содержанію своему тожественная или однородная съ административнымъ предостереженіемъ, остается въ силѣ, то для печати почти безразлично, будетъ ли ее примѣнять судъ или администрація: въ обоихъ случаяхъ она еще очень далеко отъ правоваго положенія.

По другому мнѣнію [1]), существо правомѣрной самостоятельности печати лежитъ въ полной безотвѣтственности ея, даже въ

---

[1]) *Buyn*, La liberté de la parole, de l'écriture et de la presse. Amsterdam. 1865.
Emile de Girardin, les droits de la pensée.

случаяхъ злоупотребленій, какъ передъ административными, такъ и передъ судебными органами государства. Представители этаго мнѣнія выходятъ изъ разныхъ соображеній. Одни (Жирарденъ) замѣчаютъ, что печать безсильна, что она не въ состояніи произвести какихъ бы то ни было измѣненій въ соціальной жизни, если не является отраженіемъ общественнаго мнѣнія, и потому не заслуживаетъ, чтобы государство обращало на нее какое бы то ни было вниманіе. Другіе (Вюйнъ) силятся доказать, что слово устное и печатное недостаточны для произведенія нарушенія права въ юридическомъ смыслѣ, такъ какъ въ нихъ нѣтъ условій внѣшняго дѣйствія. Приводятъ также соображенія общественной пользы, которыми требуется возможно большій просторъ публичной мысли: малѣйшее ограниченіе ея, говорятъ, угрожаетъ обществу бо́льшимъ вредомъ, чѣмъ полная безнаказанность самыхъ тяжкихъ злоупотребленій, производимыхъ при помощи печатнаго станка. Но это мнѣніе такъ-же мало выдерживаетъ критику, какъ и предъидущее. Правда, теперь болѣе не вѣрятъ въ *непосредственное* воздѣйствіе слова на внѣшній міръ, а слѣд. и на область юридическихъ отношеній; не вѣрятъ, что словомъ можно вызывать бѣсовъ, исцѣлять болѣзни, вызывать несчастія и т. п. Но слово вполнѣ можетъ быть орудіемъ посредствующаго воздѣйствія, при помощи тѣхъ силъ, которыя направляются имъ къ этой цѣли. Силы эти суть силы читателей или вообще слушателей слова. Исторіи извѣстно множество примѣровъ слова, которое, упавъ на соотвѣтствующую ему почву, производило дѣйствительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма крупныя измѣненія въ мірѣ человѣческихъ отношеній. Сознаніемъ этой идеи проникнуты и писатели, энергія которыхъ можетъ быть объяснена только глубокимъ убѣжденіемъ въ плодотворности ихъ дѣятельности, т. е. вѣрою въ слово, какъ въ одну изъ великихъ силъ общественной жизни. Попытка Эмиля-де-Жирардена построить начало безотвѣтственности печатнаго слова на томъ будто бы основаніи, что въ мірѣ политическихъ силъ оно является ничтожествомъ, обреченнымъ на полную импотенцію — не болѣе, какъ одинъ изъ tours de force французскаго остроумія, приправленный обыкновеннымъ софизмомъ этаго публициста. Серьезнѣе доводы Вюйна, – писателя, отличающагося глубиною мысли, обширною эрудиціею и внимательнымъ отношеніемъ къ предмету; но и въ нихъ есть своя ахиллесова пята. Желая доказать, что печатное слово не можетъ быть достаточнымъ для

состава правонарушенія въ юридическомъ смыслѣ, Бюйнъ неминуемо долженъ былъ натолкнуться на оскорбленія чести и клевету, искони признававшіяся преступными. Послѣдовательность вынудила его отрицать и за ними этотъ преступный характеръ, причемъ онъ не останавливается ни передъ какими историческими и юридическими натяжками. Конечно, справедливости своего отрицанія онъ доказать не успѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основное его положеніе оказалось съ разбитыми мотивами.

Кажется, истина и здѣсь, какъ въ массѣ другихъ вопросовъ, лежитъ между крайними его рѣшеніями; по крайней мѣрѣ, только этотъ отвѣтъ исторія уполномочиваетъ сдѣлать изслѣдователя, который желаетъ остаться на почвѣ фактовъ. Слово, *на сколько оно можетъ создавать и нарушать права*, подчинялось и будетъ подчиняться государственнымъ мѣропріятіямъ; если же по существу слова конкретныя права не могутъ быть созданы и нарушены имъ, оно, по намѣченнымъ уже признакамъ правовой эпохи, должно стоять въ сторонѣ отъ принудительной дѣятельности государства. Этимъ началомъ указывается граница между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ. Къ области послѣдняго отходитъ всякое слово, которое не можетъ быть причиною правонарушенія въ смыслѣ юридическомъ, а такой характеръ носитъ всякое слово, остающееся въ сферѣ отвлеченныхъ, абстрактныхъ понятій. До тѣхъ поръ, пока слово не выходитъ изъ этой сферы общаго, пока оно не касается конкретно опредѣленнаго отношенія, оно чуждо юридическимъ мѣрамъ и должно стоять внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Общее существуетъ только въ умѣ человѣческомъ, оно не имѣетъ внѣшняго бытія и потому не можетъ быть нарушаемо внѣшнимъ дѣйствіемъ; таковы идеи государства, народнаго представительства, формы правленія, семьи, религіи, нравственности и вообще всѣхъ общихъ институтовъ государственной и соціальной жизни. Только проникая въ сферу конкретнаго, только направляясь противъ конкретно опредѣленнаго юридическаго отношенія, слово становится подъ эгиду юридическихъ мѣръ, и если эти отношенія получили значеніе правоотношеній, если послѣднія нарушены имъ, оно дѣлается юридически-отвѣтственнымъ. Это начало конкретности есть основной законъ гражданскаго и уголовнаго права. Все, лежащее за предѣлами конкретности, чуждо юридической сферѣ; заключенное же въ предѣлы *можетъ быть* предметомъ ея.

Понимаемая въ указанномъ смыслѣ, правовая эпоха печати открывается не одновременно для всѣхъ отраслей печатнаго слова. Та его отрасль, которая раньше другихъ освобождается отъ безусловнаго подчиненія индивиду, въ которой всего прежде замѣчаются самостоятельные законы, управляющіе состояніемъ и движеніемъ мысли, а также прочная внутренняя организація, сдерживающая индивидуальный произволъ, раньше другихъ вступаетъ на этотъ путь; представляемые ею интересы всего раньше достигаютъ значенія признанныхъ государствомъ правъ. Таковы религія [1]) и наука [2]). Но долгое время отъ „мыслей и ученій, составляющихъ существенную принадлежность науки", пытаются отличать „частныя, непризнанныя еще наукой, мысли автора", подчиняя ихъ тѣмъ стѣснительнымъ предупредительнымъ и карательнымъ мѣрамъ, которыя признаны уже неумѣстными относительно положеній научныхъ [3]). Впрочемъ, внутреннихъ признаковъ различія между тѣми и другими отыскать, конечно, не удается, такъ какъ и частная мысль съ одной стороны подчинена прочнымъ законамъ развитія и появляется лишь при наличности извѣстныхъ условій, а съ другой — она составляетъ матеріалъ, изъ котораго мало по малу дополняется зданіе науки. Поэтому, государство оказывается вынуж-

---

[1]) Освобожденію религіозной мысли не мало содѣйствовали также религіозныя войны и смуты, происходившія вслѣдствіе стѣсненія ея. Наука достигала свободы безъ этихъ актовъ насилія.

[2]) У насъ, въ Россіи, законодательство еще не обезпечиваетъ ни свободы религіи, ни свободы науки. Только въ п. 6 ст. 17 гл. II Выс. утв. 6 апрѣля 1865 г. мнѣнія Госуд. Совѣта, «чисто ученымъ» повременнымъ изданіямъ дана небольшая льгота, освобождающая ихъ отъ обязанности представлять залогъ, но и эта льгота прошла не безъ сильныхъ возраженій. При обсужденіи проекта этаго устава высказано было: «Дабы всемѣрно содѣйствовать разработкѣ научныхъ вопросовъ, можно согласиться не требовать залога отъ издателей ученыхъ повременныхъ трудовъ (будутъ ли они частныя лица или общества). Тѣмъ не менѣе нельзя оставить безъ вниманія что гг. ученые, особенно натуралисты и медики, суть весьма часто матерьялисты по убѣжденію. А какъ здѣсь ученымъ оказывается болѣе довѣрія, нежели прочимъ, то за употребленіе онаго во зло, помѣщеніемъ въ нхъ изданіяхъ статей съ указаннымъ направленіемъ, взысканія должны быть налагаемы болѣе строгія, чѣмъ за статьи того же содержанія, напечатанныя въ другихъ изданіяхъ». Другое замѣчаніе отрицало умѣстность даже такой слабой льготы, какъ освобожденіе отъ залоговъ, ссылаясь на то, что одинъ писатель находилъ, что *ученыя изслѣдованія* всего удобнѣе (?!!) для революціонной пропаганды». См. матеріалы для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и о печати, Спб. 1870, часть I, стр. 461 и 466.

[3]) *Матеріалы*, стр. 338. Тогда-то является предположеніе учреждать цензуру не изъ полицейскихъ органовъ государства, а изъ членовъ ученыхъ корпорацій, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ отъ попечительной эпохи, что имъ поручается не охраненіе чистоты науки и доставленіе обществу полезныхъ книгъ, а лишь опредѣленіе, принадлежитъ ли данная мысль наукѣ, или составляетъ частное мнѣніе автора.

деннымъ прибѣгнуть къ внѣшнимъ и потому весьма грубымъ, неправильнымъ признакамъ, заключая по формѣ и объему сочиненія о принадлежности его къ той или другой категоріи. Это-то обстоятельство и приводитъ законодателей къ извѣстному раздѣленію произведеній печатнаго станка на *книгу*, *брошюру* и *періодическую печать*. Первая — говорили — трактуетъ выбираемый ею предметъ съ возможною полнотою аргументовъ, предполагаетъ въ читателѣ предварительное знакомство съ нимъ, требуетъ отъ него самаго работу мысли при чтеніи, и такимъ образомъ попадаетъ въ руки только читателямъ отборнымъ, которые съумѣютъ взвѣсить доводы автора и распознаютъ въ его сочиненіи ложь и истину. Это — наука, надъ голосомъ которой государство не можетъ и не должно имѣть ровно никакой власти; каковы бы ни были содержаніе книги и даваемые ею отвѣты, государству до нихъ нѣтъ дѣла, они юридически безразличны. Совершенно другой характеръ брошюры или, по англійской терминологіи, памфлета. Отъ своего читателя она не требуетъ никакой подготовки, никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о предметѣ, выбираемомъ ею. Она поднимаетъ вопросы, которые уже стали или могутъ стать модною темою разговора въ данную минуту, и обыкновенно говоритъ не аргументами, направленными на умъ читателя, а указаніями, находящими отголосокъ въ его чувствѣ, въ его страстяхъ, стараясь не убѣдить, а возбудить своего читателя, не доказать, а расшевелить его. Между тѣмъ какъ книга имѣетъ единственною задачею — выяснить предметъ своего изложенія, брошюра дѣлаетъ шагомъ больше, — она расчитываетъ на практическое осуществленіе защищаемаго взгляда и, притомъ, по возможности быстрое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, брошюра дешевле и доступнѣе большему кругу читателей. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, брошюрѣ отказано въ той неприкосновенности, которая гарантирована книгѣ. Громы уголовнаго преслѣдованія не должны проноситься мимо ея, если она заслуживаетъ ихъ своимъ содержаніемъ или своею формою; предупредительныя мѣры должны стоять гораздо болѣе зорко на порогѣ ея. Наконецъ, для періодическихъ произведеній неприкосновенность должна существовать въ меньшей еще степени. Онѣ еще менѣе научны, еще болѣе живутъ интересами минуты и играютъ на струнахъ чувства, постоянно заводимаго ими. Отъ лица, обращающагося къ періодическому изданію какъ органу своей мысли, требуется еще меньшая предварительная подготовка, еще менѣе спеціальное

ство съ трактуемымъ предметомъ, чѣмъ отъ автора брошюры. Кромѣ того, періодическое произведеніе представляетъ и ту, несуществующую со стороны брошюры, опасность, что оно дѣйствуетъ на читателя постепенно и продолжительно. Незамѣтно для самого себя, читатель понемногу свыкается съ его идеями и начинаетъ служить слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ человѣкъ, завѣдывающихъ газетою или журналомъ.

Всѣ приведенныя построенія оказываются рѣшительно несостоятельными, передъ лицемъ критики, стоя въ полномъ несоотвѣтствіи съ природою каждаго указываемаго ими рода печатныхъ нроизведеній. Брошюра отличается отъ книги объемомъ, количествомъ листовъ; отсюда еще весьма рискованно дѣлать заключеніе о какомъ либо ихъ качественномъ различіи. Притомъ, каково должно быть это количество для понятія книги или брошюры — рѣшить общимъ образомъ никто не взялся, и исторія этого вопроса показываетъ, что брошюра постепенно становилась на государственномъ-языкѣ книгою. Въ эпоху австрійской гегемоніи для понятія книги требовалось не менѣе 20 печатныхъ листовъ; по саксонскому закону о печати 1870, оно понизилось на 90%. Скоро замѣтили также, что освобожденіе книги и стѣсненіе брошюръ равносильно дозволенію теоріи съ запретомъ всякой попытки осуществленія ея, признанію науки только на бумагѣ, а не въ жизни [1]). Періодическая печать имѣетъ многія литературныя и соціально хозяйственныя особенности сравнительно съ книгой, но далеко не тѣ, которыя указаны приведенной классификаціей продуктовъ человѣческой мысли. Эта печать ведется многими лицами, такъ что увлеченія одного могутъ быть останавливаемы хладнокровіемъ другаго. Капиталъ, который здѣсь затрачивается, обыкновенно значительно превышаетъ затраты, требующіяся для книги. Вращаясь въ одномъ и томъ же кругѣ читателей, періодическое изданіе говоритъ понятными ему лишь аргументами, для другихъ же кружковъ самая принадлежность мнѣнія враждебному или чуждому направленію представляетъ сильное побужденіе отнестись къ нему недружелюбно. Книга можетъ убѣдить читателей всѣхъ партій, журналъ и газета — обыкновенно только своихъ. Кругъ ихъ дѣйствія, такимъ образомъ, значительно тѣснѣе. Къ этому присоединяется то еще обсто-

---

[1]) *Benjamin Constant* Les brochures etc., высказываетъ именно эти доводы въ пользу освобожденія брошюръ.

ятельство, что періодическія изданія ежеминутно должны стоять на-сторожѣ затраченнаго капитала; подъ страхомъ опасности потерять его или не воспользоваться надлежащею прибылью, онѣ обязаны стоять какъ можно ближе къ господствующимъ въ обществѣ взглядамъ, и уважать наличные его интересы. Этою стороною періодическое изданіе, конечно, отличается отъ книги и брошюры, но она скорѣе прибавляетъ новую гарантію константности въ повременной прессѣ и осторожности ея, сравнительно съ другими формами произведеній печатнаго станка. Не ждите, въ общемъ правилѣ, отъ нея тѣхъ смѣлыхъ требованій нововведеній, того рѣшительнаго анализа существующаго порядка, который не хочетъ знать ничего кромѣ истины, — какія легко встрѣтить въ книгѣ. Всякое требуемое ею нововведеніе уже давно созрѣло въ общественномъ мнѣніи и ждетъ лишь пера, которое бы взялось его выразить. Изъ всѣхъ консервативныхъ силъ общества, періодическая пресса есть сила наиболѣе консервативная, потому что она вынуждена искать поддержку въ массѣ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что и это качество — далеко неабсолютное, характеризующее далеко не всѣ періодическія изданія. Мысль, составляющая несомнѣнное достояніе науки, можетъ найти себѣ мѣсто и въ книгѣ, и въ брошюрѣ, и въ періодическомъ изданіи. Примѣры *ученыхъ* изданій, выходящихъ въ правильные промежутки времени и имѣющихъ опредѣленный кругъ читателей, теперь не рѣдки. Кромѣ того, признавъ права исторической науки, объявивъ ее стоящею внѣ государственнаго вмѣшательства, было бы непослѣдовательно ставить юридическіе тормазы для какихъ бы то ни было мыслей. Все это — матерьялъ исторіи, и всякое посягательство на него есть вмѣстѣ съ тѣмъ посягательство на историческую истину, т. е. на основу исторической науки.

Такимъ образомъ, дѣленіе произведеній мысли на книгу, брошюру и повременную прессу не даетъ критерія научности или ненаучности мысли, и мало по малу было отброшено въ томъ смыслѣ, что на брошюру и повременную печать постепенно распространялись права, до тѣхъ поръ признававшіяся только за книгой. Самое возникновеніе этого дѣленія можетъ быть понято только какъ историческій фактъ. Историческое первенство принадлежитъ книгѣ, долгое время она была почти исключительною формою, въ которую облекалась мысль. Явившись раньше, она естественно успѣла раньше достигнуть самостоятельности и свободы отъ государственнаго вмѣшательства. Но интересы жизни

росли, общественная жизнь стала идти скорѣе, колеса ея завертѣлись съ быстротою, за которою тяжеловѣсная книга in folio XV — XVIII ст. не въ силахъ была поспѣвать. Новыя условія вызвали новую форму, явилась брошюра. Ея компактность позволяла ей двигаться быстрѣе, ея незначительная величина открывала доступъ къ литературѣ бо́льшему числу лицъ. Мало по малу, въ соціальной дѣятельности образовались различныя направленія, болѣе или менѣе рѣзко обособившіяся. Явленія жизни стали смѣняться еще быстрѣе, онѣ не могли болѣе выжидать, пока у кого-либо явятся рѣшимость и средства издать брошюру, онѣ требовали постояннаго, безпрерывнаго наблюденія. Для удовлетворенія этой потребности новаго времени явилась періодическая пресса. Ее не знаетъ классическая древность, она чужда государствамъ политическаго и соціально-хозяйственнаго застоя. Явившись позже другихъ, она еще не успѣла пріобрѣсти себѣ вездѣ ту долю независимости, какая принадлежитъ двумъ первымъ формамъ. Но что и она неминуемо станетъ на ту-же ступень, что и для нея сгладится различіе, которое на западѣ уже успѣло уничтожиться между книгой и брошюрой, порукой въ томъ — исторія Англіи и Сѣверо-Американскаго Союза, быстро вертящаяся жизнь которыхъ успѣла уже получить для своего питомца равное съ книгой и брошюрой положеніе. То же самое явленіе представляютъ Бельгія и Германія; въ новѣйшихъ законодательствахъ ихъ, болѣе и болѣе сглаживается различіе между этими формами печатныхъ произведеній. Даже Австрія прочно стала уже на этотъ путь, съ котораго нѣтъ поворота назадъ.

Въ силу того общаго закона, по которому всякій народъ и всякое государство, прежде чѣмъ дойти до какого либо понятія въ его общемъ видѣ, переживаетъ сперва частныя, конкретныя проявленія его, — намѣченныя въ предъидущемъ изложеніи эпохи развитія законодательства печати нигдѣ не отмежевывались одна отъ другой явною границею, опредѣленнымъ моментомъ времени. Напротивъ, идеи болѣе развитой эпохи начинаютъ появляться, сначала въ лицѣ лучшихъ представителей интеллектуальныхъ силъ общества, затѣмъ и въ правительственной дѣятельности, во время полнаго господства идей предъидущихъ эпохъ; бываютъ даже примѣры, когда одновременно и параллельно существуютъ идеи вотчиннаго, полицейскаго и слабые зародыши идей правоваго порядка, что замѣчается напр. въ современномъ положеніи русской печати, подчиненной троякому режиму началъ и направленій. Но

даже въ этихъ случаяхъ отъ исторіи не можетъ укрыться, что однѣ изъ нихъ принадлежатъ періоду вымирающему, другія — зарождающемуся, третьи — дѣйствующему, такъ что историческая преемственность между ними отнюдь не нарушается ихъ одновременнымъ существованіемъ.

Основные принципы правовой эпохи съ полною рельефностью намѣчены пережитыми уже страницами государственной и общественной жизни. Свобода мысли, остающейся въ области понятій и общихъ отношеній, въ какихъ-бы произведеніяхъ печатнаго станка она ни выражалась, — ея характеристическій лозунгъ, отличающій ее отъ эпохъ вотчинной, попечительной и полицейской. Сфера государственныхъ мѣропріятій ограничивается тѣмъ печатнымъ словомъ, которое, витая въ области конкретнаго, можетъ создавать и нарушать конкретно-опредѣленныя права, въ техническомъ смыслѣ этого термина. На юридической наукѣ, преимущественно на гражданскомъ и уголовномъ правѣ, лежитъ задача выяснить, въ какой мѣрѣ къ нему примѣнимы общія начала юриспруденціи и, наоборотъ, не представляются ли здѣсь необходимыми, и въ какой мѣрѣ, тѣ или иныя отступленія, вызываемыя особою природою этой силы; не слѣдуетъ-ли при разрѣшеніи настоящаго вопроса имѣть въ виду, съ одной стороны — то, въ высшей степени важное общественное значеніе, которое принадлежитъ печатному слову въ современности, а съ другой — особое внутреннее состояніе автора, прекрасно выраженное старинною германскою поговоркою: Преступно тамъ молчать, гдѣ долгъ велитъ вѣщать! [1]).

Здѣсь кончается трудъ историческій и должна начинаться работа догматическая.

---

[1]) Wo Pflicht ist: Sprechen,
Ist Schweigen Verbrechen.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ

АКЦІОНЕРНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА [1]).

Д. П. СКУРАТОВА.

Изъ вопросовъ, стоящихъ у насъ на очереди, едва-ли не одинъ изъ самыхъ важныхъ и требующихъ весьма зрѣлаго обсужденія — проектѣ новаго положенія для акціонерныхъ обществъ. Въ этомъ вопросѣ законодателю положительно предстоитъ плыть между Сциллою и Харибдой. И регламентировать опасно и безъ

---

[1]) Помѣщая въ настоящемъ томѣ Сборника двѣ статьи объ отношеніяхъ государственной власти и закона къ акціонернымъ предпріятіямъ, мы бы желали привлечь вниманіе къ этому важному вопросу нашей экономической жизни, ожидающемъ въ близкомъ будущемъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Предоставивъ обоимъ нашимъ почтеннымъ сотрудникамъ полную свободу высказать ихъ различныя мнѣнія по этому предмету, вызываемыя съ разныхъ ихъ сторонъ и въ частностяхъ, мы обязаны съ нашей стороны заявить, что самый капитальный и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе спорный, и въ теоріи и въ практикѣ пунктъ во всякомъ акціонерномъ законодательствѣ, это порядокъ самаго образованія компаній. Тутъ первое необходимое усовершенствованіе нашего законодательства заключается въ упраздненіе предварительнаго правительственнаго разсмотрѣнія и утвержденія компанейскихъ уставовъ, которые должны быть введены въ область общаго гражданскаго права, какъ всякіе другіе договоры. Все остальное со стороны законодательства по отношенію къ акціонерному дѣлу второстепенно и зависитъ отъ разрѣшенія этого кореннаго вопроса, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ нынѣ разрѣшается всѣми европейскими законодательствами. *Ред.*

регламентаціи обойтись нельзя. Въ виду страшнаго торговаго и промышленнаго кризиса, постигшаго Германію, и особенно Австрію, гдѣ не акціи выпускались для осуществленія прибыльнаго дѣла, а придумывались дѣла для выпуска акцій и продажи ихъ съ преміею, нельзя не признать существенной и крайней необходимости воспользоваться этимъ опытомъ для предупрежденія у насъ подобныхъ явленій. Пострадали тогда не одни спекулянты, не одни банкиры, которые были вынуждены прекратить платежи, вслѣдствіе всеобщаго упадка кредита. Въ Вѣнѣ, около 25,000 рабочихъ лишились работы, т. е. насущнаго хлѣба, 8,000 служащихъ въ разныхъ банкахъ, обществахъ, магазинахъ остались безъ мѣста и увеличили пролетаріатъ этой столицы; тюрьмы были переполнены рабочими. А всѣ эти печальныя послѣдствія произошли оттого, что безсовѣстные спекулянты сдѣлали изъ акціонерной формы банковыхъ и промышленныхъ предпріятій средство къ скорой наживѣ и, пользуясь невѣжествомъ публики, составляли общества, не имѣвшія въ сущности никакой будущности.

Между тѣмъ какъ ни прискорбны злоупотребленія роняющія кредитъ акціонерныхъ обществъ, не должно забывать и того, что существуетъ еще бо́льшее зло въ экономической жизни народовъ — отсутствіе предпріимчивости, апатія, вслѣдствіе которой производительность отсталыхъ народовъ заключается въ тѣсныхъ границахъ привычки и рутины, оставляя неразработанными бо́льшую часть естественныхъ богатствъ обитаемыхъ ими странъ. Ужасны кажутся торговые и промышленные кризисы, но это скоро преходящія явленія, которыя можно сравнить съ грозою и отъ которыхъ народы скоро оправляются. Врядъ ли есть на свѣтѣ народъ, гдѣ бы такъ много злоупотребляли и кредитомъ, и общественными предпріятіями, какъ Сѣверо-Американцы; нигдѣ также не встрѣчаемъ болѣе вопіющихъ *злоупотребленій* въ администраціи (Ньюіоркскій мэръ одинъ обобралъ общественную кассу на милліоны и, помнится, не подвергся никакому взысканію), с. Америка тѣмъ не менѣе дѣлаетъ невиданные, баснословные успѣхи въ разработкѣ своихъ естественныхъ богатствъ и всѣ темныя стороны ея общественной организаціи съ избыткомъ вознаграждаются промышленной энергіею и ничѣмъ нестѣсняемою предпріимчивостью американскаго народа.

Эти замѣчанія имѣютъ особенную важность въ отношеніи къ акціонернымъ обществамъ. Эта форма промышленныхъ и торго-

выхъ предпріятій пользуется вездѣ большою популярностью, благодаря тому, что она даетъ возможность предпринимать и осуществлять огромныя, недоступныя для частныхъ людей предпріятія и представляетъ всякому величайшее удобство для помѣщенія капиталовъ въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, не только не занимаясь тѣмъ дѣломъ, на которое они употреблены, но и не подвергая никакому риску ни своей личности, ни своего состоянія, кромѣ внесеннаго за акціи капитала. У насъ-же эта форма промышленной дѣятельности составляетъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе необходимое условіе развитія народнаго богатства, чѣмъ въ другихъ давно цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ. Тамъ теорія и практика торговой и промышленной дѣятельности несравненно болѣе извѣстны, а потому новыя предпріятія гораздо менѣе подвержены ошибкамъ и неудачамъ и частные капиталисты охотнѣе затрачиваютъ въ нихъ свои капиталы. Въ Россіи, напротивъ, при слабомъ развитіи техническихъ познаній, всякое новое дѣло представляется нашимъ капиталистамъ неизвѣданной страной, въ которой можно потерять здоровье, капиталъ и даже честь, и при томъ большіе капиталы, для которыхъ доступны тѣ отрасли промышленности, которыя могутъ производиться только въ большомъ видѣ, весьма рѣдки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ и еще многихъ другихъ, которыхъ мы перечислять не станемъ, акціонерная форма торговой и промышленной дѣятельности сдѣлалась у насъ, въ короткое время, первостепенною потребностью, которую хотя и нужно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ регулировать, но строго обсуждая притомъ каждое мѣропріятіе и постоянно имѣя въ виду, что въ дѣлѣ регламентаціи такой всеобщей потребности, лучше сдѣлать слишкомъ мало, чѣмъ слишкомъ много.

Сознавая великую важность этого вопроса, мы рѣшаемся представить на судъ публики нѣсколько краткихъ замѣчаній о главныхъ условіяхъ, которыя, по нашему мнѣнію, должны стоять на первомъ планѣ при предстоящемъ преобразованіи этой части нашего законодательства, а именно:

1) Легкій безпрепятственный порядокъ утвержденія акціонерныхъ обществъ.

2) Полная и удободоступная гласность какъ при учрежденіи, такъ и въ управленіи акціонерныхъ обществъ.

3) Дѣйствительная, а не мнимая солидарность выгодъ

учредителей съ интересами компаніи, т. е. совокупности акціонеровъ.

4) Огражденіе правъ меньшинства въ случаѣ несоблюденія учредителями или правленіемъ устава компаніи и вообще противозаконныхъ ихъ дѣйствій.

Мы не будемъ распространяться здѣсь о порядкѣ утвержденія обществъ, какъ потому, что разсужденіе объ этомъ предметѣ потребовало бы слишкомъ много мѣста, такъ и потому, что объ этомъ уже много было писано, по поводу проекта, составленнаго коммиссіею, назначенной по Высочайшему повелѣнію для разработки сего вопроса [1]).

Гласности же и зрѣлаго по возможности обсужденія выгодности предполагаемыхъ акціонерныхъ товариществъ можно бы, кажется, достигнуть, обязавъ учредителей соблюдать слѣдующія правила:

a). По утвержденіи и отпечатаніи устава акціонернаго общества, напечатать его вмѣстѣ съ объявленіемъ (prospectus) и приглашеніемъ къ подпискѣ въ какой либо официіальной газетѣ.

b). Когда подпискою покроются всѣ акціи за исключеніемъ оставляемыхъ за собою учредителями, сіи послѣдніе назначаютъ день собранія подписчиковъ для обсужденія выгодности и благонадежности предпріятія въ присутствіи стенографовъ, записывающихъ все сказанное pro и contra.

c). Затѣмъ объявляютъ о вторичной подпискѣ на акціи, отъ которыхъ подписчики въ теченіи назначеннаго срока послѣ собранія откажутся.

d). По покрытіи вторичною подпискою и этихъ акцій, объявляютъ о срокѣ и мѣстѣ перваго взноса денегъ за акціи.

e). Наконецъ объявляютъ о третьей подпискѣ на акціи, которыя въ теченіи назначеннаго для перваго взноса срока не будутъ оплачены.

f). Компанію считать состоявшеюся только когда всѣ акціи будутъ обезпечены первымъ взносомъ денегъ.

Засимъ нельзя не пожелать, чтобы уставы компаніи утверждались и обнародовались въ болѣе удобной для разсмотрѣнія формѣ. Въ настоящее время уставы акціонерныхъ компаніи утверждаются и печатаются у насъ in extenso не различая параграфовъ, которые выражаютъ особенный характеръ каждой компаніи и

---

[1]) См. передовыя статьи газеты «Русскій Міръ» въ № 28, 29 и 30 1873 года, мнѣніе которой о порядкѣ утвержденія обществъ мы вполнѣ раздѣляемъ.

Прим. авт.

изображають, такъ сказать, свойственную ей одной физіономію, и тѣхъ параграфовъ, которые (опредѣляютъ только общія условія акціонерной формы предпріятія) и вслѣдствіе сего должны примѣняться ко всѣмъ компаніямъ безъ изъятія. Но кому же, особенно изъ небольшихъ капиталистовъ, достанетъ времени и терпѣнія, чтобъ изучить въ этомъ видѣ сущность многихъ сотенъ существующихъ компаній для выбора изъ нихъ наиболѣе для себя выгодной, не на обумъ, а сознательно [1]). По нашему мнѣнію гласность акціонернаго дѣла въ этомъ не есть настоящая гласность и потому мы думаемъ что было бы огромнымъ улучшеніемъ, еслибъ у насъ принятъ былъ англійскій законъ, въ силу котораго нормальное положеніе акціонерныхъ обществъ обязательно для всѣхъ таковыхъ обществъ, за исключеніемъ тѣхъ статей, относительно которыхъ исходатайствованы учредителями той или другой компаніи нѣкоторыя перемѣны, т. е. измѣненіе, отмѣна или дополненіе; эти перемѣны и составляютъ собственно уставъ каждой отдѣльной компаніи. Такимъ образомъ правленіе каждаго акціонернаго общества руководствуется тамъ двумя уставами, общимъ обязательнымъ для всѣхъ акціонерныхъ обществъ и частнымъ, обязательнымъ только для него одного. Намъ кажется, что практичность этой системы образованія акціонерной компаніи кидается въ глаза и что со введеніемъ ея министерству финансовъ ничего бы не стоило ежегодно печатать маленькую книжку, въ которой капиталисты безъ всякаго труда могли бы изучать особенности всѣхъ учрежденныхъ въ данномъ году компаній.

По предмету гласности не лишнее кажется также напомнить о крайней необходимости приложить въ видѣ прибавленія къ положенію объ акціонерныхъ обществахъ подробныя формы годовыхъ отчетовъ для разнаго рода акціонерныхъ компаній, сдѣлавъ ихъ обязательными для ихъ правленій. Это весьма важно: извѣстно какъ легко скрыть настоящее положеніе всякаго дѣла искусною группировкою или лучше сказать подтасовкою цифръ. Хорошо составленныя и достаточно подробныя формы отчетовъ оказались бы,

---

[1]) Извѣстно какъ много процессовъ проигрывается и вообще дѣлается упущеній по разнымъ дѣламъ, единственно за пропущеніемъ срока печатаемыхъ въ сенатскихъ и другихъ официальныхъ вѣдомостяхъ вызывовъ. Мы приписываемъ это невозможности слѣдить за дѣлаемыми въ нихъ публикаціями въ настоящемъ ихъ видѣ, и думаемъ, что означенныя упущенія были бы гораздо рѣже, еслибъ еженедѣльно печатали тамъ алфавитный списокъ фамилій лицъ, до которыхъ касаются напечатанныя въ теченіи недѣли объявленія, съ обозначеніемъ противъ каждаго срока, котораго имъ не слѣдуетъ пропускать.

думаемъ мы, весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ подобныхъ злоупотребленій.

Нельзя также не замѣтить, что представляемые въ этомъ видѣ проекты учреждаемыхъ вновь компаній были бы до того кратки и просты, что и Государственному Совѣту и Комитету Министровъ не было бы обременительно ихъ разсмотрѣніе, а потому не было бы и повода лишить учредителей акціонерныхъ обществъ гарантіи, предоставляемой имъ разсмотрѣніемъ уставовъ въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ.

Но главною, необходимою, какъ намъ кажется, гарантіею, противъ неблаговидной эксплуатаціи акціонерныхъ обществъ, было бы правило, вслѣдствіе котораго учредителямъ было бы поставлено въ обязанность не только имѣть значительное участіе въ предпріятіи, но и оставлять за собою извѣстное число акцій на довольно долгое время, напримѣръ въ теченіе десяти лѣтъ, отъ учрежденія компаніи. Многіе возставали у насъ противъ большаго, неумѣреннаго вознагражденія, предоставляемаго учредителямъ акціонерныхъ компаній, но, по нашему мнѣнію, должно было возставать не противъ значительности вознагражденія, а противъ источника, изъ котораго оно почерпается; лишь бы это вознагражденіе составляло часть истинныхъ, несомнѣнныхъ барышей предпріятія, то должно желать, чтобъ вознагражeніе учредителей было какъ можно значительнѣе. Нельзя довольно вознаградить предпріимчиваго человѣка, который, имѣя уже капиталъ, рѣшается затратить его надолго въ новое дѣло и тѣмъ гарантируетъ свое добросовѣстное отношеніе къ предпріятію. При отсутствіи же необходимой долговременной солидарности учредителей съ заводимыми ими акціонерными дѣлами, они должны попадать и дѣйствительно попадаютъ въ руки спекулянтовъ, которые расчитываютъ не на участіе въ барышахъ, а на скорую и выгодную продажу акцій, послѣ которой они умываютъ себѣ руки и нисколько не заботятся о дальнѣйшей судьбѣ учрежденной ими компаніи. Можетъ быть мы ошибается, но противъ этого вопіющаго злоупотребленія мы не видимъ другаго средства, кромѣ обязательнаго сохраненія за учредителями принадлежащихъ имъ акцій. Мы даже не понимаемъ что можно возразить противъ такого справедливаго требованія. Ни одинъ человѣкъ, начинающій какое нибудь частное предпріятіе, не предполагаетъ тотчасъ же передать его другому лицу; на какомъ же основаніи учредители акціонерной компаніи, приглашающіе къ себѣ въ товарищи множество

лицъ, большею частью совершенно незнакомыхъ съ дѣломъ, позволяютъ себѣ безъ зазрѣнія совѣсти бросать его на произволъ судьбы, тогда какъ естественно предполагать, что только они одни изучили его основательно. Казалось бы, что если благоразумный человѣкъ не позволяетъ себѣ бросить только что начатое имъ частное дѣло, то еще менѣе позволительно бросать предпріятіе тому лицу, котораго имя и репутація привлекли къ участію въ немъ множество постороннихъ. Намъ кажется, что ни одинъ добросовѣстный учредитель акціонернаго общества не будетъ считать стѣснительнымъ условіе, которое сдѣлаетъ для него обязательнымъ во имя закона то, къ чему уже обязываетъ его собственная его совѣсть. На этомъ основаніи мы думаемъ, что учредители должны принять отъ $^1/_{10}$ до $^1/_5$ части, смотря по величинѣ капитала, всѣхъ акцій на себя, не имѣя права продавать ихъ въ теченіе по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ со дня утвержденія компаніи. Исключеніе изъ этого правила можетъ быть сдѣлано только въ случаѣ несостоятельности учредителя, въ пользу его кредиторовъ, или въ случаѣ смерти, въ пользу его наслѣдниковъ. Ни одинъ честный капиталистъ не раздумаетъ изъ-за этого учредить акціонерную компанію; между тѣмъ это правило, конечно, будетъ самымъ благонадежнымъ и сильнымъ средствомъ противъ учрежденія дутыхъ компаній, которыя не только не содѣйствуютъ, но положительно вредятъ здоровому развитію полезныхъ акціонерныхъ предпріятій, отвлекая отъ нихъ капиталы и подрывая довѣріе публики къ этой формѣ общественной дѣятельности.

Если-бы наконецъ найдено было слишкомъ стѣснительнымъ совершенно отнять у учредителей возможность дѣлать обороты на положенный ими въ акціонерную компанію капиталъ, то можно бы предоставить имъ право дѣлать займы подъ залогъ принадлежащихъ имъ акцій, и вносить ихъ въ обезпеченіе по поставкамъ и подрядамъ, но не болѣе какъ въ 75% ихъ номинальной цѣнности и съ тѣмъ, чтобы компанія имѣла бы право оставлять ихъ за собою за таковую же сумму, въ случаѣ если за неплатежъ занятой суммы, или невыполненіе поставки или подряда, онѣ подвергались бы продажѣ съ акціоннаго торга. Такимъ образомъ, интересы акціонеровъ были бы соглашены съ интересами учредителей, обороты которыхъ были бы облегчены, не уничтожая ихъ солидарности съ основаннымъ ими дѣломъ и не давая имъ возможности къ подложнымъ продажамъ акцій подъ видомъ продажи ихъ съ аукціона.

Нѣкоторые возражаютъ противъ этой мѣры на томъ основаніи, что она устранила бы знающихъ и даровитыхъ, но небогатыхъ людей отъ учрежденій компаній. Мы считаемъ это возраженіе весьма слабымъ. Даровитые и пользующіеся хорошею репутаціею люди, не имѣющіе своего капитала, могутъ находить выгодное помѣщеніе, въ качествѣ служащихъ или даже членовъ правленія компаній и этого съ нихъ довольно, точно такъ, какъ и въ частныхъ дѣлахъ, такіе люди не заводятъ торговыхъ дѣлъ на собственный счетъ, а только управляютъ дѣлами у людей уже имѣющихъ, или составившихъ себѣ капиталы.

Намъ кажется, что эта мѣра, установивъ солидарность учредителей съ товариществомъ, достаточно обезпечитъ публику отъ вопіющихъ злоупотребленій, тормозящихъ дальнѣйшіе развитіе столь полезной, необходимой у насъ акціонерной формы общественной производительности, и избавитъ насъ отъ введенія нѣкоторыхъ правилъ, которыя было бы стѣснительны, не только для спекулянтовъ, но и для добросовѣстныхъ учредителей компаній. Такою считаемъ мы напримѣръ неограниченную отвѣтственность (unlimited responsibility) учредителей при ограниченной отвѣтственности прочихъ акціонеровъ. Намъ кажется, что такое условіе должно быть весьма тягостно именно для добросовѣстныхъ учредителей и въ большей части случаевъ окажется недѣйствительнымъ противъ спекулянтовъ, которые и при немъ съумѣютъ ускользнуть отъ отвѣтственности. Такіе люди заблаговременно скроютъ не только свои капиталы, но и самихъ себя отъ всякихъ исковъ, между тѣмъ какъ добросовѣстные учредители, при самомъ внимательномъ обсужденіи дѣла, все-таки подвергаются всѣмъ послѣдствіямъ коммерческихъ и промышленныхъ неудачъ, зависящихъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ никто предвидѣть не можетъ. Лишь бы дѣла акціонерныхъ компаній велись гласно и отчеты публиковались съ такою ясностью и полнотою, чтобъ всякій во всякое время могъ судить о положеніи дѣлъ акціонернаго общества, то нѣтъ основанія мѣшать кому либо сознательно оказывать довѣріе дѣлу, а не лицу, избавляя послѣдняго отъ отвѣтственности какъ личной, такъ и капиталомъ, не принадлежащимъ кредитуемому предпріятію. Частное коммерческое лицо справедливо подлежитъ отвѣтственности неограниченной, потому что коммерческія дѣла составляютъ его тайну, но несправедливо было бы примѣнить это правило къ лицамъ, которыя управляютъ предпріятіемъ не пользующимися этою коммерческою привилегіей?

Еще менѣе, можно согласиться съ мнѣніемъ конгресса юристовъ, состоявшагося въ Ганноверѣ и предлагавшаго подвергнуть учредителей отвѣтственности за всѣ ошибки и неточности, вкравшіяся въ объявленія ихъ о подпискѣ. Это значило бы требовать отъ нихъ непогрѣшимости и послужило бы поводомъ къ безчисленнымъ придиркамъ и процессамъ, а въ концѣ концевъ оттолкнуло бы капиталистовъ отъ акціонерной дѣятельности. Ошибки и промахи могутъ случаться во всякомъ дѣлѣ, въ акціонерномъ, равно какъ и въ частномъ; важно только, чтобъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ не было бы *умышленнаго* извращенія истины съ цѣлью завлечь публику въ невыгодное или по крайней мѣрѣ неблагонадежное дѣло. Самымъ лучшимъ противодѣйствіемъ противъ такого направленія будетъ все-таки солидарность интересовъ учредителей съ пользами общества, а за симъ публичное обсужденіе ихъ объявленій въ собраніяхъ подписчиковъ *предварительно* какого бы то ни было денежнаго взноса и напечатаніе стенографическихъ отчетовъ о происходившихъ при томъ преніяхъ.

Весьма важно также ограниченіе права учредителей открывать дѣйствія акціонерныхъ обществъ, когда еще складочный капиталъ не сполна собранъ ими. Были примѣры предпріятій, въ которыхъ погибли значительные капиталы отъ такого преждевременнаго открытія дѣйствій акціонерныхъ компаній. Въ Германіи воспрещается, или по крайней мѣрѣ, воспрещалось до 1869 г. открывать дѣйствія акціонерной компаніи до покрытія всего складочнаго капитала подпискою, со взносомъ 10% номинальной цѣны акціи подъ опасеніемъ трехъ-мѣсячнаго тюремнаго заключенія и предоставленія права иска и лицамъ, потерпѣвшимъ отъ того убытки. Считая правильною строгость закона въ назначеніи карательныхъ мѣръ, мы находимъ совершенно недостаточнымъ 10% взносъ для обезпеченія окончанія многихъ предпріятій возникающихъ на акціонерныхъ началахъ. Случись коммерческій кризисъ — и множество акцій останется неоплаченными, хотя бы подписчикамъ пришлось потерять не только 10, но и 20% внесенныхъ за акціи. За исключеніемъ банковыхъ и страховыхъ обществъ, гдѣ капиталъ общества не измѣняетъ своего свойства и хранится въ деньгахъ или процентныхъ бумагахъ, мы полагаемъ весьма опаснымъ позволять открытіе дѣйствій акціонерныхъ компаній, пока весь складочный капиталъ не покрытъ подпискою со взносомъ, по крайней мѣрѣ 30%.

Одно изъ величайшихъ золъ, отъ которыхъ страдаютъ акціонерныя общества, состоитъ въ томъ, что большинство голосовъ въ собраніяхъ акціонеровъ далеко не всегда выражаетъ большинство акцій. Это происходитъ, во-первыхъ. оттого, что акціонерамъ неживущимъ въ городѣ, гдѣ находится мѣстопребываніе правленія, рѣдко приходится принимать въ нихъ участіе; во-вторыхъ, вслѣдствіе нерадѣнія многихъ городскихъ акціонеровъ, такъ какъ каждому изъ нихъ кажется, что и безъ него дѣла пойдутъ своимъ чередомъ. Недобросовѣстныя правленія пользуются этимъ, чтобъ составлять искусственныя большинства изъ преданныхъ имъ лично акціонеровъ или даже изъ такихъ лицъ, на имя которыхъ директоры передаютъ нѣкоторое число своихъ акцій, съ цѣлью пользоваться ихъ голосами въ собраніи, а потомъ переводятъ переданныя акціи обратно на свое имя. Подобное злоупотребленіе такъ обыкновенно, что уже не разъ поднимали вопросъ о томъ, что акція должна давать право на голосъ, лишь по истеченіи извѣстнаго срока послѣ ея пріобрѣтенія. Но это средство можно считать только пальятивнымъ, а между тѣмъ опытомъ доказано, что нѣтъ такихъ злоупотребленій, которыя не могли бы совершаться или прикрываться утвержденіемъ подтасованнаго, т. е., искусственно составленнаго большинства. Во всякомъ случаѣ, право большинства не можетъ распространяться до допущенія такихъ дѣйствій въ управленіи компаніи, которыя противны ея уставу или, вообще, незаконны, и потому необходимо дать возможность меньшинству или даже только извѣстному числу акціонеровъ разоблачить подобныя дѣйствія правленія и указать средства къ ихъ прекращенію. Въ Англіи министерству торговли Board of Trade предоставлено по просьбѣ извѣстнаго числа акціонеровъ (одной трети, если компанія занимается банковыми оборотами, а въ прочихъ акціонерныхъ обществахъ одной пятой) назначать, если найдетъ просьбу основательною, одного или нѣсколькихъ ревизоровъ для разслѣдованія дѣлъ компаніи. Назначеннымъ такимъ образомъ ревизорамъ предоставленъ весьма обширный кругъ дѣйствій, не только разсматривать книги и документы компаніи, но также производить допросы служащимъ и въ случаѣ нужды приводить ихъ къ присягѣ. Если жалоба окажется неосновательною, то издержки ревизіи падаютъ ... -
телей, въ противномъ случаѣ онѣ взыскиваются съ
просителямъ выдается свидѣтельство, на основаніи

могутъ начать искъ въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ. Нѣчто подобное существуетъ и въ Италіи съ такимъ еще прибавленіемъ, что просить ревизіи управленія страховыхъ и банковыхъ компаній могутъ не только акціонеры, но и вкладчики капиталовъ и заинтересованныя лица. Въ такомъ видѣ участіе правительства, происходящее лишь по иниціативѣ заинтересованныхъ лицъ, конечно, не принадлежитъ къ той регламентаціи, которая неумѣстнымъ вмѣшательствомъ могло бы затормозить учрежденіе или затруднить управленіе акціонерныхъ компаній, и потому можно надѣяться, что такого рода мѣры были бы встрѣчены и у насъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Въ заключеніе нашей замѣтки, считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе на особенный родъ акціонерныхъ компаній, которыя могли бы у насъ имѣть большое вліяніе на усиленіе самостоятельной русской торговли за-границей. Это такъ называемыя въ Англіи regulated compagnies, особенность которыхъ состоитъ въ томъ, что ихъ члены торгуютъ каждый на свой счетъ, но дѣлаютъ взносы въ складочный капиталъ на нѣкоторыя общія издержки, какъ-то наемъ агентовъ, постройку и содержаніе заграничныхъ конторъ и выдачу ссудъ членамъ подъ товары и т. п. Извѣстно какъ были неудачны попытки нѣкоторыхъ русскихъ купцевъ отправлять товары за свой счетъ въ чужіе края: сколько намъ извѣстно, всѣ они потерпѣли такіе убытки, которые надолго отучили ихъ отъ подобныхъ операцій. Заграничныя торговыя конторы находятся въ связи съ иностранными конторами нашихъ портовъ и, при всемъ соперничествѣ между собой при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, дѣйствуютъ заодно противъ всякой попытки русскихъ купцовъ принять участіе въ международной торговлѣ. Соперничать съ ними можно только открытіемъ русскихъ конторъ въ главнѣйшихъ иностранныхъ портахъ, но такъ какъ это дѣло трудное, и сначала можетъ принести только убытки, которое частному человѣку выдержать не подъ силу, то это можетъ быть исполнено только обществомъ и всего лучше въ видѣ упомянутыхъ regulated compagnies, въ которыхъ коллективная дѣятельность примѣняется только, гдѣ она необходима, оставляя полный просторъ энергіи личнаго интереса, который всегда успѣшнѣе дѣйствуетъ въ дѣлахъ, не превышающихъ средствъ отдѣльныхъ торговыхъ фирмъ.

КРИТИКА

И

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЦЕРКОВЬ.

Мнѣнія духовныхъ консисторій относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. Т. I. 1874. 488 стр.

Извѣстно, что Высочайше учрежденный 12 января 1870 г. при Св. Синодѣ комитетъ для составленія новаго закона о преобразованіи церковнаго суда православной русской церкви составилъ въ началѣ 1873 г. «Проектъ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части». Св. Синодъ, по представленіи ему этого проекта на разсмотрѣніе, во вниманіе къ высокой важности предполагаемой реформы для церкви и духовенства, опредѣлилъ: не входя въ разсмотрѣніе проекта по существу, разослать его на предварительное заключеніе къ епархіальнымъ преосвященнымъ и въ духовныя консисторіи, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣднія представили ему свои мнѣнія о проектѣ, независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ. Это опредѣленіе Св. Синода удостоилось 16 мая 1873 г. Высочайшаго утвержденія. Въ исполненіе синодскаго указа относительно сего опредѣленія, епархіальныя духовныя консисторіи прислали въ Св. Синодъ свои отзывы о проектѣ, въ теченіе 1873 и 1874 гг. Отзывы консисторій соединены въ особый сборникъ, который печатается въ петербургской синодальной типографіи и первый томъ котораго мы имѣемъ предъ глазами. Въ этомъ томѣ помѣщены «мнѣнія» о проектѣ 29-ти консисторій.

Прежде обзора «мнѣній» не лишнимъ считаемъ замѣтить, что вышеуказаннымъ опредѣленіемъ Св. Синода относительно истребованія отъ духовныхъ консисторій предварительныхъ заключеній о проектѣ новаго закона, составленномъ — по порученію Св. Синода, — комитетомъ Высочайше учрежденнымъ, — прежде момента разсмотрѣнія его въ Синодѣ по существу, внесенъ въ законодательную дѣятельность нашей православной

русской церкви новый, до сихъ поръ небывалый въ исторіи русскаго церковнаго законодательства, порядокъ, заслуживающій полнаго вниманія и уваженія и возбуждающій надежды на установленіе твердыхъ и цѣлесообразныхъ формъ законодательной дѣятельности церкви. Во все время существованія въ устройствѣ русской православной церкви духовныхъ консисторій, онѣ ни разу до 1873 года не были призываемы Св. Синодомъ къ соучастію въ законодательной дѣятельности «вѣдомства православнаго исповѣданія».

Нужно отдать честь бо̀льшей части консисторій за то, что онѣ отнеслись къ первому призыву Св. Синода — принять соучастіе въ его законодательной дѣятельности — со вниманіемъ, достойнымъ уваженія, съ бодростію и смѣлостію, какой едва ли всѣ ожидали отъ нихъ. Изъ 29-ти консисторій, съ мнѣніями которыхъ мы могли ознакомиться, лишь *четыре* (астраханская, вологодская, псковская и туркестанская) поняли требованіе отъ нихъ Св. Синодомъ мнѣнія только какъ формальность и ограничились въ своихъ отзывахъ 4—10 строками крупной печати. Полнота отзывовъ остальныхъ 25-ти консисторій — не одинакова: мнѣнія однихъ — помѣстились (каждое) на 5 — 10-и печатныхъ страницахъ, а отзывы другихъ заняли въ сборникѣ (каждый) отъ 40 до 85 страницъ.

Отношенія консисторскихъ отзывовъ къ проекту комитета столько же разнообразны въ частностяхъ, какъ и внѣшняя ихъ полнота. Безусловные защитники проекта въ періодической печати силятся распространить чрезъ газеты въ обществѣ мнѣніе — будто консисторіи въ большинствѣ представили Св. Синоду заключенія въ пользу проекта; но они вводятъ этимъ общество въ заблужденіе. Изъ 29-ти консисторій, мнѣнія которыхъ отпечатаны въ разсматриваемомъ нами сборникѣ, лишь консисторіи — астраханская, вологодская, псковская и туркестанская въ своихъ отзывахъ находятъ, что «проектъ удовлетворяетъ своему назначенію» или «вполнѣ соотвѣтствуетъ времени и состоянію реформъ и учрежденій въ прочихъ частяхъ государственнаго управленія». Но отзывы эти, отличаясь краткостію, доходящею до 5-ти строкъ, лишены всякаго внутренняго содержанія. Консисторіи эти не потрудились указать, хоть бы даже вкратцѣ, на мотивы, по которымъ онѣ признали проектъ «удовлетворяющимъ своему назначенію», и не объяснили, — какъ онѣ понимаютъ это «назначеніе». Всѣ же прочія 24 консисторіи вошли въ обсужденіе проекта и отнеслись къ нему въ своихъ отзывахъ съ критикою. Такъ, — консисторіи иркутская (стр. 78 — 80), камчатская (стр. 150 — 156) и якутская (стр. 342 — 344) нашли, что примѣненіе проекта къ условіямъ ихъ епархій если не рѣшительно невозможно, то крайне затруднительно. Многія консисторіи, именно: смоленская (стр. 12—22), литовская (стр. 22 — 38), тверская,

владимірская, орловская и др. одобряютъ нѣкоторыя основныя начала проекта, другія отвергаютъ и предложили свои замѣчанія на отдѣльныя статьи и даже на цѣлые отдѣлы проекта. Иныя консисторіи (полоцкая на стр. 38—76, тульская на стр. 243—256, кишиневская на стр. 256 — 329, уфимская и др.), не дѣлая общихъ замѣчаній на проектъ, указываютъ на многіе такіе недостатки, изъ совокупности которыхъ проектъ оказывается неподходящимъ подъ идеальныя ихъ воззрѣнія на церковное судоустройство и судопроизводство. Другія же консисторіи (черниговская, кіевская, пензенская и др.) находятъ и ясно указываютъ въ проектѣ на колебаніе началъ, непослѣдовательность его, отраженіе въ немъ борьбы разныхъ воззрѣній на церковно-судное право. Консисторіи — московская (стр. 76 —78), рижская (стр. 167—183), костромская (стр. 191—243), подольская (стр. 344—358) и кавказская (стр. 453 — 455) совершенно не одобряютъ проекта и отвергаютъ его вполнѣ и цѣликомъ. Изо всѣхъ же отзывовъ, представленныхъ Св. Синоду отъ консисторій и отпечатанныхъ въ I томѣ сборника, выдается своими достоинствами — содержательностію, строгою послѣдовательностію, юридическою выдержанностію, непоколебимою основательностію въ критикѣ, многостороннимъ знаніемъ и пониманіемъ дѣйствующаго русскаго права — церковнаго, уголовнаго и гражданскаго — отзывъ *пермской* духовной консисторіи (стр. 358—442); этотъ отзывъ вмѣстѣ съ заключеніемъ пермскаго преосвященнаго Антонія («Мнѣнія еп. преосвященныхъ» о проектѣ, т. I, стр. 337 — 523), составленнымъ въ томъ же смыслѣ и духѣ, хотя и отличный въ пріемахъ, представляетъ, и въ научномъ отношеніи и для практическаго разрѣшенія вопроса о церковно-судебной реформѣ въ Россіи, самый цѣнный и замѣчательный вкладъ въ законодательную работу по этому предмету. Пермскіе отзывы строги, но неумолимо правдивы, непоколебимо основательны и выражены съ юридическою опредѣленностію, если даже смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія составителей проекта 1873 г. Въ пермскихъ отзывахъ нѣтъ общихъ замѣчаній, общихъ выводовъ, но они содержатъ полный, внимательный и проницательный разборъ проекта, не нарушая духа и направленія современной церковной политики и законодательства Россіи.

Не смотря на указанное нами разнообразіе отношеній епархіальныхъ консисторій къ проекту комитета, въ отзывахъ 24-хъ консисторій нельзя не усматривать нѣкотораго единства въ указаніяхъ на недостатки проекта. Мы постараемся свести подъ общій итогъ такія указанія, которыя не находятся въ логическомъ противорѣчіи между собою и которыя утверждаются въ отзывахъ на тѣхъ или другихъ основаніяхъ.

По мнѣнію многихъ консисторій, «проектъ основныхъ преобразованія духовно-судебной части» 1873 года:

1) Составленъ въ противность слову Божію, канонамъ законодательства вселенской церкви, исторіи и неизмѣнной практикѣ всѣхъ православныхъ церквей. Онъ исключаетъ изъ подсудности церкви всѣхъ мірянъ, которые — также члены церковнаго общества, какъ и духовныя, и для которыхъ возможны преступныя дѣянія противъ правилъ церкви и споры касательно церковныхъ правоотношеній; передаетъ частію въ суды гражданскіе (напр. бракоразводныя дѣла), съ прекращеніемъ церковной юрисдикціи, и частію въ вѣдѣніе церковной администраціи, съ устраненіемъ соучастія церковно-судной власти (напр. наложеніе епитиміи), многія такія дѣла, которыя, по значенію ихъ въ церкви и по существу, должны подлежать вѣдѣнію церковныхъ судовъ; отнимаетъ судную власть у всѣхъ епархіальныхъ преосвященныхъ и передаетъ ее лицамъ пресвитерскаго сана и частію архіереямъ, не имѣющимъ епархій, и чрезъ то поставляетъ архіереевъ въ антиканоническія условія; вводитъ въ церковную іерархію разъединеніе власти и грозитъ ввести неизвѣстное доселѣ въ исторіи церкви, неизбѣжное при этомъ начало борьбы между судебною и церковно-административною властями, а эта борьба неминуемо должна сопровождаться потрясеніемъ и ослабленіемъ каждой власти; уничтожаетъ судъ при каѳедрѣ епископа и создаетъ духовно-окружные суды на нѣсколько епархій, чрезъ что епархіальные архіереи лишаются самостоятельности въ управленіи епархіями; подчиняетъ церковь, архіереевъ и духовные суды надзору и власти свѣтскихъ лицъ, чиновниковъ отъ государства, о положеніи и проектируемомъ значеніи которыхъ въ церкви нѣтъ ни одного слова, ни одного намека ни въ словѣ Божіемъ, ни въ одномъ правилѣ законодательства вселенской церкви, и которыхъ доселѣ не было и не должно быть ни въ одной православной церкви, состоящей подъ покровительствомъ государства; отмѣняетъ нѣкоторыя формы судебно-церковнаго процесса и замѣняетъ ихъ новыми формами уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, неприменимыми къ цѣлямъ, дѣйствіямъ и потребностямъ церковнаго суда и несоотвѣтствующими его существу; наконецъ измѣняетъ самое понятіе о церковномъ судѣ, превращая его въ судъ привиллегированный, сословный, въ судъ для духовенства по уголовнымъ преступленіямъ.

2) Проектъ несогласенъ съ началами Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Онъ вводитъ, съ одной стороны, въ церковное право принципъ отдѣленія судебной власти отъ административной, но, съ другой, допускаетъ примѣненіе его въ церкви не въ полномъ объемѣ и въ искаженномъ видѣ; провозглашаетъ начало гласнаго, скораго и близкаго для подсудимыхъ суда, а также начала словеснаго обвинительнаго процесса,—но въ то-же время удаляетъ церковные суды изъ епархій за тысячи, а для нѣкоторыхъ епархій—

за десятокъ тысячъ верстъ, вводить сложныя отношенія и переписку между многочисленными инстанціями и должностными лицами, раздѣленными пространствомъ на тысячи верстъ, устрояетъ въ проектируемыхъ духовно-окружныхъ судахъ судопроизводство — безъ обвиняемыхъ, безъ свидѣтелей, по однимъ бумагамъ, пересылаемымъ черезъ это пространство; приравниваетъ церковь, какъ вѣдомство православнаго исповѣданія, къ другимъ административнымъ вѣдомствамъ въ государствѣ, но, въ то-же время, представителямъ церковно-административной власти не предоставляетъ той степени участія въ первыхъ моментахъ судопроизводства, въ какой, на основаніи Уст. Угол. Суд. ст. 1070, 1085—1096, 1101, 1110, обладаютъ административныя начальства другихъ вѣдомствъ въ государствѣ по отношенію къ чинамъ ихъ вѣдомствъ; признаетъ священниковъ должностными лицами, но отрицаетъ служебное значеніе ихъ дѣйствій, совершаемыхъ по должности; принимая за начало распредѣленія юрисдикціи между судомъ церковнымъ и уголовнымъ *степень* уголовнаго наказанія, не проводитъ въ принципѣ точной границы между вѣдомствами того и другаго суда *по предметамъ;* допускаетъ безапелляціонныя рѣшенія въ первой судебной инстанціи, не устроя для нихъ и кассаціонной инстанціи; исключая духовныхъ лицъ изъ подсудности общимъ государственнымъ судамъ по обвиненію въ такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя преслѣдуются общимъ уголовнымъ закономъ, лишаетъ лицъ духовнаго званія судебной равноправности въ государствѣ съ прочими гражданами.

3) Проектъ основанъ частію на совершенномъ невѣдѣніи существа дѣла (напр. существа церковныхъ наказаній), частію на ложныхъ и крайне преувеличенныхъ предъубѣжденіяхъ относительно недостатковъ правосудія духовныхъ консисторій и епархіальныхъ архіереевъ, въ оскорбительныхъ отношеніяхъ къ которымъ объяснительныя къ проекту записки не стѣсняются никакими выраженіями и выходками, и на мысли объ абсолютной неспособности церковныхъ судовъ къ правдѣ (въ дѣлахъ, напр., бракоразводныхъ), чрезъ что подрывается довѣріе и къ предполагаемымъ въ проектѣ духовно-окружнымъ судамъ съ ихъ прокурорами; частію проектъ основанъ на мнѣніи о преувеличенной возможности примѣненія началъ уголовнаго судоустройства и судопроизводства къ церкви, судъ которой отличенъ отъ судовъ государства по существу, по предметамъ, цѣлямъ и способамъ дѣйствій; — частію также онъ основанъ на неправильно понятомъ случайномъ историческомъ фактѣ сокращенія предѣловъ юрисдикціи церковной въ исторіи церковно-суднаго права другихъ государствъ. (Проектъ возбуждаетъ мысль, что сокращеніе предѣловъ церковной юрисдикціи со временемъ должно дойти до совершеннаго упраздненія церковно-судной власти въ православной церкви.) Наконецъ онъ изобличаетъ недостаточное знаком-

ство съ разными частями церковнаго права — историческаго и дѣйствующаго; — поэтому онъ является сочиненнымъ произведеніемъ, но не результатомъ послѣдовательнаго историческаго развитія предмета, составляющаго его содержаніе.

4) Проектъ оказывается для нѣкоторыхъ епархій, по мѣстнымъ условіямъ, вовсе непримѣнимымъ, для всѣхъ же епархій — имѣющимъ вызвать въ примѣненіи разнообразныя недоразумѣнія, непреодолимыя затрудненія въ частностяхъ, крайне тягостныя для духовенства неудобства; онъ несоотвѣтствуетъ потребностямъ церкви и способенъ внести разстройство въ правильное теченіе церковныхъ дѣлъ и въ отношенія между духовенствомъ и епархіальною властью.

5) Проектъ страдаетъ не твердостью принциповъ, колеблемостью основныхъ началъ, внутренними противорѣчіями, борьбою различныхъ взглядовъ, неустойчивостью воззрѣній составителей его на дѣло, которымъ они занимались. Всѣ эти недостатки съ рѣзкостію и очевидностью обличаются объяснительными къ проекту записками. Въ отзывѣ одной консисторіи говорится объ этихъ запискахъ слѣдующее: «Записки къ свѣтскимъ судебнымъ уставамъ, можно сказать, безъукоризненны въ изложеніи и отличаются строго серьознымъ отношеніемъ къ дѣлу. Въ запискахъ, приложенныхъ къ проекту, напротивъ, поражаютъ читателя постоянныя повторенія одного и того же, ложныя цитаты, искаженія историческихъ фактовъ, явныя противорѣчія (напр. въ одномъ мѣстѣ записки говорится: были и должны быть три судебныя инстанціи, въ другомъ четыре, въ третьемъ — опять три и т. п.), неправильныя толкованія церковныхъ правилъ и т. д. Составитель записокъ какъ будто думалъ, что во всей Россіи нѣтъ ни одного человѣка, знающаго церковную исторію и каноническое право. Ни мало не стѣсняясь, онъ отвергаетъ общепризнанныя истины и ставитъ свои сужденія выше всякаго авторитета. Нѣтъ возможности перечислить всѣ эти недостатки по ихъ поразительному множеству.»

Мы изложили сущность мнѣній большинства консисторій, осмысливъ ее, но не прибавляя къ ней собственныхъ нашихъ взглядовъ; справедливость большей части этихъ мнѣній трудно оспаривать, хотя рѣзкость выраженій иныхъ изъ нихъ и заслуживаетъ порицанія.

Духовныя консисторіи, вооружаясь съ строгою критикою противъ проекта комитета, однако *не отрицаютъ надобности въ реформѣ церковныхъ судовъ:* онѣ признаютъ необходимость таковой реформы, но только не одобряютъ проекта. Поэтому газетные защитники проекта совершенно несправедливо стараются распространить въ русскомъ обществѣ мнѣніе, будто бы консисторія, критически относящіяся къ комитетскому проекту, принадлежатъ «къ противникамъ церковно-судной реформы».

Чтобъ оцѣнить разнообразныя сужденія духовныхъ консисторій о проектѣ церковно-судебнаго комитета 1878 г. съ точки зрѣнія, согласующей вѣроученія православной церкви и современныя (юридико-государственныя) воззрѣнія науки на существо права, государства и отношеній государства къ церкви, должно сперва признать, что «Церковь есть отъ Бога установленное общество людей, соединенныхъ между собою для религіозныхъ цѣлей, — общество, долженствующее обладать самостоятельнымъ судебнымъ правомъ, соотвѣтствующимъ назначенію и цѣлямъ, для которыхъ оно существуетъ». Съ этой точки зрѣнія имѣемъ высказать слѣдующія положенія: 1) многіе отзывы консисторій наполнены весьма основательными и твердыми до непоколебимости возраженіями противъ проекта; но 2) въ отзывахъ ихъ не указываются тѣ *положительные* принципы, которые выражаютъ существо церковно-суднаго права въ его полнотѣ и цѣлости и на основаніи которыхъ должна быть произведена реформа дѣйствующаго въ русской церкви суднаго права, хотя въ нѣкоторыхъ «мнѣніяхъ» мелькаютъ указанія на эти принципы, указанія, которыя вводятся въ отзывы частію для критики проекта, частію — что весьма рѣдко — для вѣрной постановки самаго предмета. Поэтому мы находимъ, что отзывы консисторій, выражая современное *правосознаніе* въ ихъ средѣ относительно реформы церковно-судной части, заключаютъ въ себѣ замѣчательно богатый матеріалъ для разъясненія воззрѣній консисторій какъ на дѣйствующее право, такъ и на отношенія ихъ къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя получили преобладаніе при составленіи проекта комитета 12 января 1870 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ кажется, что и разсмотрѣнные нами консисторскіе отзывы, и самый комитетскій проектъ, не служатъ еще полнымъ выраженіемъ господствующихъ среди нашего бѣлаго духовенства воззрѣній на церковь въ ея отношеніяхъ къ вопросу о церковно-судебной реформѣ и не внушаютъ надеждъ на близкое разрѣшеніе этого важнаго вопроса, — на введеніе въ отечественной церкви такихъ церковныхъ судовъ, отъ которыхъ духовенство могло бы и въ правѣ ожидать своего церковно-общественнаго возрожденія, охраны своихъ церковныхъ правъ, своей гражданской равноправности съ прочими классами и законной свободы личности и дѣятельности въ церкви.

М. Горчаковъ.

Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. Т. I. 1874. 523 стр.

Мнѣнія или отзывы епархіальныхъ преосвященныхъ о „проектѣ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части“ представлены въ св. Синодъ во исполненіе циркулярнаго указа св. Синода отъ 3 іюня 1873 г., разосланнаго по епархіямъ, согласно Высочайше утвержденному 16 мая 1873 г. синодскому опредѣленію, на которое мы указали въ предшествующей рецензіи. Въ I томѣ этого изданія помѣщены отзывы *двадцати* преосвященныхъ и главнаго священника армін и флотовъ. Изъ преосвященныхъ *двое* — псковскій (стр. 111 — 114) и черниговскій (стр. 303 — 305), дѣлая въ своихъ отзывахъ незначительныя указанія на недостаточную опредѣленность нѣкоторыхъ статей проекта, выражаютъ желаніе относительно скорѣйшаго, для блага церкви, проведенія предположеннаго новаго закона въ жизнь. Главный Священникъ, принимая во вниманіе, что по проекту „дѣла о лицахъ военнаго духовенства производятся на общемъ основаніи съ судопроизводствомъ объ епархіальномъ духовенствѣ“ и, стало быть, не могутъ подлежать его вѣдѣнію, ограничился, по скромности, въ своемъ отзывѣ лишь заботливымъ изъявленіемъ желанія, чтобы, въ случаяхъ привлеченія къ суду полковыхъ священниковъ, священнослуженіе въ ихъ полкахъ не прерывалось и поручалось ближайшимъ по мѣсту пребыванія полковъ епархіальнымъ священникамъ. Преосвященные екатеринославскій (стр. 69 — 71) и кавказскій (стр. 129), весьма коротко указывая на несогласіе проекта съ церковными канонами, признаютъ настоятельную надобность въ пересмотрѣ и исправленіи проекта. Епископы камчатскій (стр. 176 — 180) и якутскій (стр. 302 — 303) нашли проектъ непримѣнимымъ къ ихъ епархіямъ.

Отзывы *одиннадцати* преосвященныхъ — орловскаго (стр. 1 — 32), вятскаго (33 — 34), астраханскаго (57 — 69), калужскаго (92 — 111), подольскаго (114 — 129), уфимскаго (129 — 301), рязанскаго (140 — 153), иркутскаго (154 — 176), полоцкаго (228 — 301) таврическаго (305 — 315) и оренбургскаго (315 — 337) весьма близко сходятся между собою по своему содержанію, по характеру церковнаго правосознанія, выраженнаго въ нихъ, и даже, большею частію, по внѣшнимъ критическимъ отношеніямъ къ проекту. Во всѣхъ этихъ отзывахъ приняты въ соображеніе сочиненіе „Предполагаемая реформа церковнаго суда“ и мнѣнія члена Комитета, составившаго проектъ, г. Лаврова, на которыя дѣлаются по мѣстамъ и ссылки (напр. стр. 30, 57, 230, 292 и др.). Во

всѣхъ этихъ отзывахъ, въ большей или меньшей полнотѣ, выражается протестъ противъ предположеннаго въ проектѣ „изъятія“ изъ всякой подсудности церкви мірянъ и послушниковъ, противъ „отнятія“ судебной власти у епархіальныхъ архіереевъ и противъ передачи бракоразводныхъ дѣлъ суду гражданскому; въ нѣкоторыхъ изъ отзывовъ сдѣланы, сверхъ того, частныя замѣчанія на отдѣльныя статьи проекта. Съ особенною силою авторы 11-ти отзывовъ стараются защитить принадлежность епископамъ права судной власти; въ этой защитѣ они утверждаются на Священномъ Писаніи (Матѳ. XVIII, 15 — 18. Іоан. XX, 22 — 23), канонахъ вселенской церкви и на исторіи православныхъ церквей. Слѣдовательно преосвященные стоятъ въ своихъ сужденіяхъ о проектѣ на *богословско-каноническихъ* основаніяхъ. Но они не различаютъ этихъ основаній отъ юридикоканоническихъ и юридическихъ. Въ сознаніи авторовъ духовная — судноіерархическая — власть пастырей церкви, утверждающаяся на св. писаніи и регулированная канонами церкви, не отдѣляется отъ уголовной и судногражданской власти, какою обладаетъ русская православная церковь по дѣйствующему праву. Поэтому, преосвященные, справедливо, — съ точки зрѣнія богословско-канонической, — протестуя противъ отнятія у нихъ церковносудной власти, но не зная въ своей практикѣ различія между богословско-каноническою и юридическою (уголовною и гражданскою) судною властью, силятся не только удержать за собою, и на будущее время, церковную юрисдикцію во всемъ объемѣ, въ какомъ она опредѣляется дѣйствующимъ русскимъ правомъ, но даже, нѣкоторые изъ нихъ, желали бы расширить ее по отношенію къ преступленіямъ духовныхъ лицъ до предѣловъ юрисдикціи окружныхъ уголовныхъ судовъ [1]). Осуждать и винить преосвященныхъ за то, что они не различаютъ разныхъ видовъ судной власти, было бы несправедливостію; потому что преосвященные не изучали юриспруденціи, а дѣйствующее право и вѣковая исторія русскаго церковносуднаго права, вслѣдствіе своеобразныхъ отношеній государства къ церкви, пріучили ихъ къ смѣшенію канонической судной власти съ уголовною и гражданскою властію. По нашему мнѣнію, гораздо болѣе, чѣмъ преосвященные, заслуживаютъ порицанія соста-

---

[1]) Одинъ изъ преосвященныхъ, напримѣръ, говоритъ въ своемъ отзывѣ: «по моему мнѣнію, границы вѣдомства суда духовнаго правильнѣе можно означить такъ: ...лица духовнаго вѣдомства, по ихъ особому положенію въ обществѣ и церкви и въ облегченіе гражданскихъ судовъ, *по всѣмъ проступкамъ и окончательно* судятся въ судѣ духовномъ, при чемъ, конечно, принимаются во вниманіе и законы гражданскіе (т. е. уголовные?), существующіе на данный случай — безъ послабленія и поноровки» (стр. 313).

вители проекта из юристовъ, которые или не додумались до различія разныхъ видовъ церковносудной власти, или не хотятъ освободить церковь отъ аттрибутовъ уголовной и судногражданской власти, или не желаютъ возстановлять церковнообщественнаго строя православной церкви.—Большая часть изъ 11-ти преосвященныхъ, протестуя противъ проекта, сознаются, что дѣйствующій уставъ духовныхъ консисторій „нужно во многомъ измѣнить, восполнить и приноровить къ новому (?) своду законовъ и къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ", а необходимость и неотложность реформы церковныхъ судовъ ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія; но иные,— къ счастію очень не многіе, — весьма недовольны идущими изъ среды духовенства, общества и правительственныхъ установленій требованіями относительно неотложности и необходимости церковносудной реформы. Два-три преосвященныхъ видятъ въ самомъ проектѣ комитета 12 января 1870 г. вѣяніе „либерализма", „духа времени, враждебнаго церкви", „желаніе — освободиться отъ вліянія церкви, отнять всякую власть у монашествующихъ епископовъ и ослабить брачныя узы, связываемыя таинствомъ". А одинъ изъ преосвященныхъ (уфимскій, на стр. 139) требованія реформы церковныхъ судовъ называетъ „воплями либеральныхъ газетчиковъ, въ числѣ которыхъ есть и члены комитета", а лицъ, заявляющихъ такія требованія, называетъ „людьми вольнаго духа, заносчиваго, дурнаго характера, которые не терпятъ никакой подчиненности, хотятъ избавиться отъ всякаго вліянія начальства, чтобы никто не препятствовалъ ихъ своеволію и самочинію". Не мѣшаетъ однако при этомъ припомнить, что надобность въ преобразованіи церковныхъ судовъ сознана въ самомъ св. Синодѣ, который еще „въ 1864 г. далъ рѣшительное обязательство предъ государствомъ улучшить свои суды" и приступилъ къ законодательной дѣятельности относительно церковносудебной реформы по Высочайшему повелѣнію. Въ кого же мѣтитъ преосвященный вышеприведенными словами? — Остальные, послѣ упомянутыхъ нами, три отзыва преосвященныхъ — волынскаго, московскаго и пермскаго, отпечатанные въ разсматриваемомъ I томѣ Сборника, отличаются самостоятельностью, каждый — въ своемъ родѣ. Отличительная особенность отзыва волынскаго преосвященнаго Агаѳангела (стр. 180—228) состоитъ въ томъ, что преосвященный усматриваетъ въ проектѣ комитета 12 января 1870 г. *политическое мѣропріятіе* къ усиленію оберъ-прокурорской власти въ церкви и къ ослабленію власти епархіальныхъ архіереевъ, въ ущербъ самостоятельности церкви и въ пользу размноженія въ ней чиновниковъ „вѣдомства православнаго исповѣданія". Смыслъ, находимый въ проектѣ преосвященнымъ Агаѳангеломъ, дѣйствительно бросается невольно въ глаза при чтеніи многихъ частей

проекта. — Отзывъ (стр. 72—92) преосвященнаго московскаго главнымъ образомъ посвященъ разсужденіямъ о необходимости удержанія и расширенія того „непосредственнаго архіерейскаго суда“, который дѣйствуетъ въ настоящее время въ нашей церкви на основаніи 165 ст. Устава духовныхъ консисторій. Мнѣніе преосвященнаго представляетъ самое лучшее доказательство, въ какомъ безправномъ положеніи нѣкоторые наши епархіальные преосвященные желаютъ держать и держать подчиненныхъ имъ лицъ духовнаго званія, смѣшивая судноіерархическую съ церковнообщественною судною властію. Подъ покровомъ патріархальныхъ отношеній архіерея къ духовнымъ чадамъ преосвященный рекомендуетъ самую безграничную и безконтрольную расправу архіерея съ клириками. „Всѣ особенности въ служеніи и положеніи духовныхъ лицъ и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ православной русской церкви, по мнѣнію моему, — говоритъ преосвященный, представляютъ важное побужденіе для церковной власти сохранить судъ непосредственно-архипастырскій и въ нѣкоторыхъ (?) случаяхъ, разумѣется не крайней важности, не подвергать ихъ немедленно и съ перваго раза суду карающему, и испытывать мѣры исправленія и вразумленія, предписываемыя и употребляемыя (какія же?) судомъ исправительнымъ, производимымъ непосредственно архіереемъ, какъ духовнымъ (но онъ не духовникъ?) и іерархическимъ отцемъ іереевъ и всѣхъ подчиненныхъ ему клириковъ. По мнѣнію моему, — продолжаетъ авторъ отзыва, — клирика, въ которомъ есть совѣсть, надлежитъ щадить до самой крайности, а клирика, потерявшаго совѣсть и особенно буйнаго, а также не желающаго подвергнуть себя архипастырскому суду, нѣтъ надобности и пользы удерживать подъ симъ судомъ, особенно послѣдняго, а слѣдуетъ отдавать формальному суду“. Изъ этихъ словъ можно было бы заключить, что интересы правосудія должны оставаться совсѣмъ въ сторонѣ отъ церковнаго суда и онъ долженъ руководствоваться исключительно личнымъ, произвольнымъ взглядомъ судьи на чужую совѣсть и на ея внутреннія побужденія! „Признаю возможнымъ и обѣщающимъ благія послѣдствія, продолжаетъ преосвященный, чтобы сему архипастырскому суду подчинены были *всѣ* проступки, или лучше сказать, *всѣ* грѣхи духовныхъ лицъ противъ благоповеденія и *всякое* нарушеніе благоговѣнія во время отправленія богослуженія, а затѣмъ *всѣ* проступки духовныхъ лицъ противъ должности, за исключеніемъ, разумѣется, подсудныхъ свѣтскому суду, должны подлежать формальному суду только тогда, когда обвиняемые будутъ преданы сему суду *самимъ* архіереемъ, или не захотятъ подвергаться архипастырскому суду“. Все это теперь такъ и дѣлается. „Органъ сего суда, какъ *само собою разу-*

мается, есть епархіальный *архіерей. Но*, при обширности нашихъ епархій и при многочисленности духовныхъ лицъ каждой епархіи, было бы весьма затруднительно (возможно ли?) и для архіереевъ и для духовныхъ лицъ, если бы *всѣ* дѣла сего рода положено было разсматривать *непосредственно и лично* самому архіерею въ качествѣ единственно духовнаго судьи въ епархіи". (Значитъ — *непосредственный* архіерейскій судъ, по сознанію самого преосвященнаго, затруднителенъ и даже не возможенъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его предлагаетъ.) „Естественными (!) помощниками епархіальнаго архіерея въ производствѣ сего духовнаго суда представляются общіе духовники (они и теперь есть) духовныхъ лицъ, а въ случаѣ надобности (какой же?) и другіе священники, получившіе на то уполномочіе отъ архіерея. Образъ производства сего суда состоитъ *въ личномъ и негласномъ испытаніи архіереемъ совѣсти духовнаго лица*". Если это совершается не въ таинствѣ исповѣди, а на судѣ, который можетъ имѣть юридико-государственныя послѣдствія, то предлагаемое здѣсь испытаніе получило бы характеръ инквизиціи, совсѣмъ противный духу православной церкви. Здѣсь по неволѣ приходится припомнить іезуитскую Sententia episcopi ex informata conscentia, созданную на тридентинскомъ соборѣ, перешедшую, къ сожалѣнію, въ наше церковное управленіе въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, запрещенную государственными законодательствами во многихъ странахъ западной Европы и послужившую источникомъ безчисленныхъ золъ въ отношеніяхъ епископовъ къ священникамъ и въ римско-католической церкви [1]) и въ нашей русской православной. „Образъ производства сего суда епархіальный архіерей можетъ поручать общимъ духовникамъ духовныхъ лицъ или другимъ довѣреннымъ (?) священникамъ. Послѣдствіями сего суда могутъ быть: внушеніе, замѣчаніе и выговоръ, поклоны наединѣ или въ церкви, клиросное или другое (приличное?) послушаніе въ архіерейскомъ домѣ, монастырѣ или соборной церкви, а въ важныхъ и тайныхъ (!) случаяхъ запрещеніе священнослуженія. *На приговоры архіерея, полагаемые въ порядкѣ сего суда, жалобы не допускаются, и таковые случаи* (даже въ случаѣ запрещенія священнослуженія?) *не вносятся въ послужные списки*". Какія же гарантіи, спрашиваемъ мы, безопасности, свободы и законнаго пользованія церковными правами со стороны духовныхъ лицъ

---

[1]) См. объ этомъ въ соч. «De l'état actuel de Clergé en France, et en particulier des Curés Ruraux appelés Desservans, par M. et A. Allignol, frères, prêtres desservans». Par. 1839. Также въ соч. «Die Parochialrechte von Schefold. Stuttg. 1846, s. III—V und 1 Th. §§ 22 и 23.

противъ возможныхъ ошибокъ, недоразумѣній, пристрастія и произвола архіереевъ при описанной въ приведенномъ отзывѣ организаціи архіерейскаго суда? Какія ручательства даетъ выразившій это мнѣніе въ томъ, что архіерейскій судъ, имъ предполагаемый, будетъ держаться правосудія? Ни тѣхъ, ни другихъ въ отзывѣ не указывается. Между тѣмъ, — такой именно и существуетъ, въ настоящее время, у насъ непосредственный архіерейскій судъ по 165-й статьѣ устава духовныхъ консисторій. Московскій Митрополитъ жалуется, что проектомъ комитета 12 января 1873 г. этотъ судъ отмѣняется, и предлагаетъ расширить юрисдикцію его. Но, во-1-хъ, комитетъ, къ сожалѣнію, не отмѣнилъ архіерейскаго непосредственнаго суда, а замѣнилъ его не бывалымъ и недопустимымъ въ церкви „административнымъ взысканіемъ" (см. къ ст. 58 прим. 2); во-2-хъ, непосредственный архіерейскій судъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ по 165 ст. уст. дух. конс., есть отрицаніе законнаго порядка въ отправленіи правосудія.—Замѣтимъ однакоже, что въ разсужденіяхъ преосвященнаго есть *вѣрная* мысль, но она запутывается и смѣшивается съ иными понятіями, которыя слѣдуетъ отличать отъ того, что желаетъ выразить авторъ отзыва. Преосвященный желалъ бы возстановить въ церкви значеніе архіерея, какъ *духовника*, или, что тоже, ту судно-іерархическую его власть, по отношенію къ духовнымъ лицамъ, какою обладаетъ всякій духовникъ по отношенію къ мірянамъ; между тѣмъ дѣйствія архіерея-духовника преосвященный облекаетъ въ такія формы, въ которыхъ архіерей перестаетъ быть духовникомъ, а становится самовластнымъ распорядителемъ судьбы судимаго имъ лица въ церкви и въ гражданскомъ обществѣ. Такимъ образомъ ошибка состоитъ тутъ, какъ намъ кажется, въ *смѣшеніи духовно-судной власти, осуществляемой въ таинствѣ исповѣди, съ церковно-общественною* (каноническою, открытою) *судною властію*, которая, по дѣйствующему русскому праву, обладаетъ до сихъ поръ аттрибутами свѣтской уголовной власти. Отъ этого смѣшенія не свободны многія „мнѣнія" и другихъ архіереевъ, высказывающихъ тотъ же взглядъ, но не такъ ясно. Полная откровенность высокочтимаго митрополита московскаго заслуживаетъ глубокой благодарности тѣхъ, которые желаютъ разъясненія причинъ неудовлетворительныхъ нынѣшнихъ отношеній между епархіальными архіереями и бѣлымъ духовенствомъ, и она окажетъ содѣйствіе разъясненію вѣрныхъ началъ церковносуднаго права и къ ускоренію духовно-судебной реформы.

Изъ всѣхъ архіерейскихъ отзывовъ о комитетскомъ проектѣ основныхъ положеній духовно-судебной реформы 12 января 1873 г., — помѣщенныхъ въ I томѣ сборника мнѣній преосвященныхъ, самый замѣ-

чательный — отзывъ пермскаго преосвященнаго Антонія. Для наглядной характеристики критическихъ пріемовъ и важности содержанія этого отзыва (стр. 337 – 523) мы сдѣлаемъ изъ него нѣкоторыя извлеченія.

Статья 9 проекта гласитъ: *Власть духовнаго судьи простирается на опредѣленный участокъ епархіи; власть духовно-окружнаго суда простирается на нѣсколько епархій, образующихъ духовно-судебный округъ.* Къ этой статьѣ авторъ отзыва присоединяетъ слѣдующія замѣчанія:

I. „На стр. 70-й ч. II-й объяснительной (къ проекту) записки сказано: судъ областнаго собора, являясь единственно законнымъ органомъ правосудія древней церкви, и не казался ни для кого затруднительнымъ; ибо епископскія епархіи (παροιχίαι) по большей части обнимали одинъ городъ съ принадлежащими къ нему селеніями и мѣстами, а область митрополита (ἐπάρχια, provincia) обнимала нѣсколько такихъ городовъ.

Въ ст. 77-й Учр. Суд. Уст. сказано: окружной судъ учреждается на нѣсколько уѣздовъ.

II. На стр. 15-й краткой объяснительной записки сказано: для преобразованія духовно-судебной части необходимы тѣ самыя мѣры, какія были приняты для преобразованія судебной части по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ; необходимо учредить суды, болѣе близкіе къ подсудимымъ.

На стр. 19-й ч. IV-й объясн. зап. сказано: мысли церковнаго правительства, учредившаго комитетъ, а равно и работы послѣдняго, клонятся къ тому, чтобы обезпечить для духовенства и дать ему, по возможности, судъ скорый, правый и близкій.

На стр. 8-й ч. II-й: отдаленный судъ не можетъ дѣйствовать ни съ надлежащею быстротою, ни съ надлежащимъ успѣхомъ; ибо многія обстоятельства дѣла, которыя могутъ быть извѣстны ближайшимъ судьямъ, имѣющимъ возможность разобрать дѣло на мѣстѣ и лично выслушать подсудимыхъ и свидѣтелей, остаются или вовсе неизвѣстными, или неправильно сообщенными судьямъ отдаленнымъ, лишеннымъ возможности самимъ повѣрить ихъ.

III. На стр. 18-й краткой объясн. записки сказано: хотя духовно-окружной судъ для нѣкоторыхъ мѣстностей будетъ отстоять дальше, нежели епархіальный городъ, но духовенство этимъ не будетъ тяготиться. Существующія пароходныя сообщенія и желѣзныя дороги уже и нынѣ представляютъ духовенству многихъ сосѣднихъ между собою епархій болѣе удобствъ для сообщенія съ городами этихъ епархій, чѣмъ съ своимъ епархіальнымъ городомъ, а сооружаемые вновь желѣзные

пути еще болѣе, съ теченіемъ времени, облегчатъ сообщеніе съ предполагаемыми духовно-окружными судами, которые должны находиться въ болѣе населенныхъ и болѣе центральныхъ пунктахъ.

IV. На стр. 18-й ч. I-й объяснительной записки сказано: цѣль всякаго узаконенія — улучшить положеніе того сословія и общества, для которыхъ оно предназначается.

На стр. 5-й ч. III-й: священно-церковнослужители православнаго вѣдомства обыкновенно люди бѣдные, живущіе на средства отъ службы, люди, которымъ самое званіе и служба не позволяютъ пользоваться общими средствами пропитанія и пріобрѣтенія, какъ-то заниматься куплею, торговлею и тому подобными промыслами.

„На стр. 128-й той-же части: нѣкоторыя судебныя издержки ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты на счетъ правительства, напр. издержки на вызовъ свидѣтелей, требуемыхъ обвиняемымъ".

„За симъ — разсуждаетъ далѣе, на основаніи всѣхъ этихъ извлеченій изъ проекта, составитель отзыва — выводъ относительно учрежденія духовно-окружныхъ судовъ естественно представляется въ такомъ видѣ:

1) „Если въ древней церкви судебные округи (области митрополита) ограничивались только нѣсколькими городами съ принадлежащими къ нимъ селеніями и мѣстами, и если наши окружные суды учреждены (т. е. будутъ) только на нѣсколько уѣздовъ (въ Пермской губерніи — два: одинъ въ Перми, другой въ Екатеринбургѣ), то не быть, кромѣ духовныхъ судей, мѣстному духовному суду на всемъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ водораздѣлъ между Волгою и Иртышемъ, и тяготѣть всему этому краю съ одной стороны къ Казани, съ другой къ Тобольску, значило бы быть на немъ пробѣлу съ именемъ духовно-судебной аномаліи."

2) „Если учрежденіе судовъ болѣе близкихъ къ подсудимымъ признано за необходимость, если и мысли церковнаго правительства клонятся къ тому, чтобы обезпечить для духовенства судъ близкій, и если, наконецъ, отдаленный судъ, по мнѣнію комитета, не можетъ дѣйствовать съ надлежащимъ успѣхомъ, то проектированіе, взамѣнъ близкихъ судовъ, судовъ отдаленныхъ представляется такимъ фактомъ, который идетъ въ прямой разрѣзъ не только съ нуждами духовенства и потребностями суда духовнаго, но и съ учрежденіемъ комитета, проектировавшаго столь неожиданную и столь исключительную особенность."

3) „Такъ какъ существующія пароходныя сообщенія, по рѣкамъ Камѣ и Тоболу, ограничиваются только пятью мѣсяцами въ году, и водяные пути соприкасаются только къ весьма немногимъ мѣстностямъ,

а желѣзныхъ дорогъ здѣсь нѣтъ, и предполагаются къ постройкѣ только отъ Перми на Екатеринбургъ и на Вятку; то для предположенія, что духовенство не будетъ тяготиться учрежденіемъ судовъ въ Казани и Тобольскѣ, въ городахъ извѣстныхъ ему только по слухамъ и книгамъ (кромѣ случаевъ исключительныхъ),—оказываются необходимыми, кромѣ изложенныхъ въ запискѣ, еще какія-либо основанія."

и 4) „Если устроеніе новыхъ судовъ имѣетъ цѣлію улучшеніе положенія духовенства и если это духовенство—обыкновенно люди бѣдные, а между тѣмъ въ проектѣ предполагаются для него значительныя, или непосильныя, или граничащія съ разореніемъ, судебныя издержки; то естественно быть вопросу и о томъ—преступленіе ли, или явка въ судъ для оправданія, будутъ сопровождаться тогда для подсудимаго послѣдствіями тягчайшими?"

Статья 65 проекта гласитъ: *каждое дѣло рѣшается не болѣе какъ въ двухъ духовно-судебныхъ инстанціяхъ. Приговоръ второй инстанціи почитается окончательнымъ и обжалованію не подлежитъ*".

Преосв. Антоній, выписывая эту статью, критикуетъ ее слѣдующимъ образомъ:

I. „На стр. 77-й ч. III-й объяснительной записки сказано: въ свѣтскомъ судѣ нѣтъ приговоровъ, не подлежащихъ обжалованію въ какомъ-либо изъ двухъ порядковъ — аппеляціонномъ или кассаціонномъ.

„На стр. 44-й той-же части: производство дѣлъ только въ двухъ инстанціяхъ, принятое Судебнымъ Уставомъ 1864 г., вполнѣ достаточно для достиженія цѣлей правосудія и обезпеченія закона и интересовъ подсуднмаго; допущеніе за симъ дѣлу, прошедшему уже двѣ инстанціи, восходить въ третью — послужило бы только поводомъ къ излишней медленности судопроизводства и могло бы удовлетворить только любителей продолжительныхъ процессовъ.

„На стр. 17-й ч. II-й: допустить отмѣну окончательныхъ рѣшеній въ духовныхъ судахъ, гдѣ каждое важное дѣло можетъ быть разсмотрѣно въ двухъ инстанціяхъ, значило бы съ перваго раза выразить недовѣріе къ ихъ правосудію.

„На стр. 86-й той-же части: послѣднею ординарною судебною инстанціею, по закону, въ прежнее время былъ правительствующій сенатъ; но практика шла въ разрѣзъ съ законами, и на Сенатъ были подаваемы жалобы. Были жалобы даже на рѣшенія Государственнаго Совѣта къ Императорскому Величеству, были недовольствующіеся и судомъ Святѣйшаго Синода, и вслѣдствіе сего подававшіе просьбы на Высочайшее Имя.

II. „На стр. 12-й ч. II-й объяснительной записки сказано: необходимо, чтобы духовный судъ былъ приноровленъ къ судамъ государства и дѣйствовалъ въ согласіи съ ними, какъ это изображено въ самомъ опредѣленіи Св. Синода объ учрежденіи комитета (см. Введеніе); ибо уподобленіе суда духовнаго судамъ государства и согласіе перваго съ послѣдними въ дѣйствіяхъ составляютъ всегдашнее основное начало историческаго развитія суда духовнаго и въ древней вселенской и, въ особенности, въ нашей русской церкви.

III. „Такимъ образомъ: 1) если въ свѣтскомъ судѣ нѣтъ приговоровъ, не подлежащихъ обжалованію, и если сверхъ ординарныхъ судебныхъ инстанцій установлены еще кассаціонныя; то слѣдуетъ ли понимать, что кассація учреждена только для любителей продолжительныхъ процессовъ; 2) если допущеніе отмѣны окончательныхъ приговоровъ выражаетъ недовѣріе къ правосудію ординарныхъ судебныхъ инстанцій, то слѣдуетъ ли имѣть довѣріе и вообще ко всѣмъ существующимъ судебнымъ инстанціямъ; 3) если бывали жалобы на св. синодъ, на правительствующій сенатъ и на государственный совѣтъ, то могутъ ли быть въ виду обстоятельства, которыя предрасположили бы всѣхъ и каждаго къ вѣрованію въ безусловную непогрѣшимость будущихъ духовныхъ судовъ; и 4) если приноровленіе духовнаго суда къ судамъ государства признано комитетомъ за необходимость, то ограниченіе духовнаго суда только двумя инстанціями не означаетъ ли, что только одно духовное вѣдомство, по винѣ какой-либо или безвинно, лишается права на пересмотръ приговоровъ второй инстанціи? Отвѣты на эти вопросы могутъ быть или положительные или отрицательные. Но положительные отвѣты потребовали бы отмѣны свѣтскихъ судебныхъ уставовъ; отрицательные — исключенія или измѣненія 65-й ст. проекта, такъ какъ оставленіе ея въ томъ видѣ, какъ есть она, значило бы суды свѣтскій и духовный поставить во взаимный разладъ".

Позволимъ себѣ выписать изъ замѣчательнаго во всѣхъ своихъ подробностяхъ отзыва, написаннаго въ одномъ духѣ и направленіи, выводы, изложенные составителемъ его, изъ сопоставленія 62, 82, 108 и 111 статей проекта съ объяснительными къ нему записками и съ нѣкоторыми статьями Устава уголовнаго судопроизводства.

Въ 62-й статьѣ проекта говорится: *приговоръ духовнаго суда постановляется по повѣркѣ и дополненіи представленныхъ доказательствъ въ засѣданіи суда.*

Въ 82-й статьѣ сказано: *при разсмотрѣніи дѣлъ по отзывамъ и протестамъ, свидѣтели и свѣдущіе люди требуются въ судъ, когда*

послѣдній, по особенно уважительнымъ причинамъ, признаетъ это необходимымъ.

Въ 108-й статьѣ излагается: *требованіе личной явки обвиняемаго на судъ и вызовъ къ суду свидѣтелей, указанныхъ сторонами, зависитъ отъ усмотрѣнія суда.*

Въ 111-й статьѣ изображено: *представленныя доказательства повѣряются и дополняются въ засѣданіи суда: а) разсмотрѣніемъ подлинныхъ протоколовъ и другихъ письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ и б) отобраніемъ показаній отъ подсудимаго, свѣдущихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.*

„Самый прямой и естественный выводъ, какой можно извлечь изъ сопоставленія всѣхъ этихъ статей проекта, говоритъ почтенный составитель отзыва, представляется въ такомъ видѣ: для повѣрки и дополненія представленныхъ доказательствъ въ засѣданіи духовнаго суда установляются два способа: 1) разсмотрѣніе членами суда письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ и 2) отобраніе показаній отъ подсудимаго и прочихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Второй способъ не составляетъ (какъ видно изъ 82 и 108 ст. проекта) существенной необходимости для постановленія приговора, и допустить этотъ способъ или не допустить — будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія судей, а усмотрѣніе, въ свою очередь, будетъ зависѣть отъ уважительности причинъ къ тому, чтобы допустить его или не допустить; слѣдовательно, существенно необходимый и въ то-же время вполнѣ достаточный способъ для повѣрки и дополненія представленныхъ доказательствъ въ засѣданіи суда комитетомъ признанъ только одинъ — именно разсмотрѣніе письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ. Примѣнять къ дѣлу эти два способа для духовныхъ судей будетъ тѣмъ удобнѣе, безопаснѣе и видимо законнѣе, что, и при самыхъ противоположныхъ рѣшеніяхъ относительно ихъ, судьи всегда будутъ имѣть въ основаніи не только разумъ духовно-судебнаго закона, но и буквальный его смыслъ. Духовнымъ судьямъ будетъ возможно примѣнить къ дѣлу одну повѣрку письменныхъ доказательствъ чрезъ разсмотрѣніе слѣдственнаго производства и, какъ на основаніе рѣшенія, указать на 62-ю статью проекта, или же поставить на справку 111-ю статью того-же проекта и заключить о необходимости примѣненія къ данному случаю и втораго способа — личныхъ показаній, въ засѣданіи суда, подсудимаго и прочихъ лицъ. Какъ много значило для судей такое право располагать закономъ въ прежнее время, это—дѣло историка; какое мѣсто можетъ оно занять въ ряду началъ современнаго судопроизводства, это — спеціальный вопросъ для юристовъ. Но и въ объяснительныхъ запискахъ, приложенныхъ къ проекту, до

нѣкоторой степени разъясняется необходимость того и другаго способа къ повѣркѣ и дополненію доказательствъ въ засѣданіи суда". Затѣмъ авторъ извлекаетъ изъ объяснительныхъ записокъ, между прочимъ, слѣдующія мѣста: „по церковнымъ правиламъ обвиняемый непремѣнно долженъ быть вызванъ къ суду лично; заочныя рѣшенія допускались только какъ изъятія" (13-я стр. кратк. объясн. запис.). „Постановленіе рѣшеній безъ бытности подсудимаго, по письменнымъ актамъ, составленнымъ во время (предварительнаго) слѣдствія, сопряжено съ крайне вредными послѣдствіями. Опытъ судебныхъ установленій, образованныхъ по уставамъ 20-го ноября 1864 г., почти ежедневно убѣждаетъ, что по актамъ такъ называемаго предварительнаго слѣдствія можно вывести заключеніе, совершенно противоположное тому, къ которому судъ приходитъ на основаніи слѣдствія судебнаго, при которомъ подсудимый и свидѣтели лично предъ судьями даютъ показанія (такія-же). Судебное слѣдствіе, по новымъ судебнымъ уставамъ, составляетъ самый центръ, существенную и важнѣйшую часть процесса и служитъ основаніемъ для постановленія приговора, подобно тому, какъ предварительное слѣдствіе служитъ основаніемъ для преданія суду (39 стр. ч. III-й простр. объясн. запис.). Сверхъ того, по 157 ст. Уст. Угол. Суд., „обвиняемые въ преступныхъ дѣйствіяхъ, за которыхъ въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ, должны быть всегда на лицо" во время производства судебнаго слѣдствія; несоблюденіе этого условія, по разъясненію Угол. кассац. департ. (1867 г. № 118), какъ нарушеніе правъ подсудимаго на защиту, есть достаточный поводъ къ кассаціи приговора. Сопоставленіе мѣстъ, взятыхъ изъ объяснительныхъ записокъ и частію изъ Уст. Угол. Суд. съ 62, 82, 108 и 111-ю статьями комитетскаго проекта, естественно приводитъ пермскаго преосвященнаго къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) „Если повѣрка и дополненіе доказательствъ, по правиламъ церкви, непремѣнно должны производиться по двумъ способамъ, именно: чрезъ разсмотрѣніе письменныхъ документовъ и чрезъ выслушаніе сторонъ, то проектировать только одинъ изъ этихъ способовъ и отмѣнять другой,— значило бы смѣщать духовный судъ съ канонической почвы и уставлять на новой, гдѣ предвидится только ущербъ для правосудія и лишенія для духовенства.

2) „Если рѣшенія, постановляемыя только на основаніи документальныхъ доказательствъ, по опыту новыхъ судебныхъ постановленій, въ гражданскомъ вѣдомствѣ сопровождаются крайне вредными послѣдствіями,— и если въ этомъ вѣдомствѣ небытность подсудимаго на судѣ считается достаточнымъ поводомъ къ кассаціи приговора; то вести ду-

ховный судъ прямо на эти же вредныя послѣдствія и предполагать силу за такими рѣшеніями, которыя въ гражданскомъ вѣдомствѣ подвергаютъ кассаціи — значило бы не примѣнять духовный судъ къ гражданскому, но идти прямо въ разрѣзъ ему.

3) „Если" свидѣтели могутъ быть не вызываемы къ судебному слѣдствію, съ одной стороны, по объясненію записки, на томъ основаніи, что предварительное слѣдствіе должно быть производимо съ надлежащею точностію и достовѣрностію, а съ другой — по причинѣ относительной неважности подлежащихъ духовному суду дѣлъ, и въ видахъ облегченія свидѣтелей освобожденіемъ ихъ отъ личной явки въ отдаленный городъ; то въ согласіи съ сими положеніями предварительное слѣдствіе представляется вполнѣ достаточнымъ для приговора, а статьи проекта 82-я и 108-я излишними, — и самые духовно-окружные суды, какъ исключающіе судебное слѣдствіе съ отзывомъ сторонъ, — своей цѣли не соотвѣтствующими".

Еще комитетъ проектируетъ 63-ю статью: *приговоръ о виновности или невинности подсудимыхъ постановляется по внутреннему убѣжденію, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при слѣдствіи и судѣ*, — и ст. 64-ю въ слѣд. видѣ: *Приговоръ духовнаго суда можетъ быть только или осуждающій подсудимаго, или оправдывающій. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается.*

Въ объяснительныхъ запискахъ комитетъ разсуждаетъ, по поводу содержанія этихъ статей, что „теорія формальныхъ или законныхъ доказательствъ, отмѣненная въ свѣтскихъ судахъ, должна быть устранена и изъ духовныхъ судовъ" и что „духовный судъ будетъ производиться въ проектируемыхъ судебныхъ установленіяхъ съ всѣми обезпеченіями, которыя признаны необходимыми и допущены на свѣтскомъ судѣ", „гласно, съ распросомъ сторонъ и свидѣтелей и съ основаніемъ судьею своего приговора на внутреннемъ убѣжденіи, а не на формальныхъ доказательствахъ", — и что „ни одной, не только существенной гарантіи, но и второстепенной подробности и формальности, составляющей принадлежность свѣтскаго суда, не будетъ упущено и на духовномъ судѣ". Ввести въ духовное судопроизводство положенія, изложенныя въ проектируемыхъ 63-ей и 64-ой статьяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ преосвященный Антоній, требуютъ и время и справедливость. Но внутреннее убѣжденіе судьи относительно виновности или невинности подсудимаго можетъ образоваться лишь на судебномъ слѣдствіи. „Въ этомъ послѣднемъ, по краткой объяснительной запискѣ (стр. 13), судъ и долженъ искать основаній къ оправданію или обвиненію подсудимаго". Между тѣмъ судебное слѣдствіе, въ томъ составѣ, въ какомъ оно

принято Уставами 20 ноября 1864 г., именно въ присутствіи подсудимаго и свидѣтелей, предположено комитетомъ 12 января 1870 г. въ 82-й и 108-й статьяхъ проекта, только какъ исключеніе, на случай только особенно уважительныхъ причинъ и только когда судъ признаетъ это необходимымъ. Поэтому преосвященный Антоній совершенно послѣдовательно выводитъ изъ сопоставленія стр. 63, 64, 82 и 108-й слѣдующее заключеніе: „Оставленное безъ всякой почвы (безъ производства судебнаго слѣдствія въ присутствіи обвиняемаго и свидѣтелей) внутреннее убѣжденіе судей будетъ по необходимости искать себѣ основаній по крайней мѣрѣ въ предварительномъ слѣдствіи; а чтобы воспользоваться имъ сколько нибудь цѣлесообразнѣе, волей или неволей оно будетъ вынуждено установить себя именно на осколкахъ теоріи формальныхъ доказательствъ. Само собою представляется, послѣ этого, необходимымъ, чтобы или статьи 63-я и 64-я проекта были измѣнены въ смыслѣ удержанія въ духовномъ судѣ теоріи формальныхъ доказательствъ, хотя это и было бы для настоящаго времени ничѣмъ не объяснимою странностію, или же статьи 82-я и 108-я были поставлены въ полное соотвѣтствіе съ статьею 111-ю того же проекта".

Въ томъ же родѣ, по тѣмъ же пріемамъ, разобраны преосвященнымъ 74-ре статьи проекта и 34 пункта при статьяхъ его и выведено до 160-ти положеній, въ которыхъ характеризуется направленіе и содержаніе проекта. Въ общихъ чертахъ критическіе пріемы преосвященнаго слѣдующіе: онъ выписываетъ статью проекта въ буквальной редакціи; сопоставляется потомъ эта статья съ другими статьями проекта, имѣющими къ ней отношеніе, съ мѣстами объяснительныхъ къ проекту записокъ, также иногда съ статьями судебныхъ уставовъ, относящимися до содержанія выписанной статьи, иногда, сверхъ того, съ другими памятниками церковнаго (напр. положенія 1869 г.) и государственнаго (Уложенія о нак., Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мир. суд.) законодательства; изъ сопоставленія всего этого составитель отзыва строго логически выводитъ критическіе тезисы касательно содержанія каждой разбираемой статьи. Въ этихъ положеніяхъ, выводимыхъ изъ указаннаго сопоставленія, съ наглядною очевидностію и неопровержимою основательностію обнаруживаются: 1) внутреннія противорѣчія между различными статьями проекта, 2) противорѣчія его съ объяснительными записками, къ нему приложенными, и 3) противорѣчія проекта съ началами судебныхъ уставовъ и нѣкоторыхъ памятниковъ церковнаго законодательства. Есть однако нѣкоторые недостатки въ критическихъ пріемахъ автора отзыва: отзывъ страдаетъ нѣкоторою растянутостію, утомителенъ для чтенія, переполненъ выписками, въ которыхъ встрѣчаются часто

повторенія. Но недостатки эти вполнѣ искупаются тѣмъ, что авторъ, благодаря своимъ критическимъ пріемамъ, отнимаетъ всякую возможность упрека ему въ невѣрномъ пониманіи проекта и объяснительныхъ къ нему записокъ и съ такою очевидностію указываетъ крупные и многочисленные недостатки проекта, что, по всей вѣроятности, сами безусловные приверженцы, защитники и составители проекта согласятся съ вѣрностію и основательностію его критическаго разбора.

Но замѣтимъ, что отзывъ преосвященнаго Антонія, въ высшей степени вѣскій, основательный и убѣдительный по критическимъ отношеніямъ къ проекту, не содержитъ въ себѣ прямыхъ и ясныхъ указаній на то—какіе же положительные принципы слѣдуетъ принять въ основу церковносудной реформы, настоятельная необходимость которой не только не отрицается преосвященнымъ, но во многихъ мѣстахъ отзыва прямо указывается. Кромѣ того, въ отзывѣ замѣчается воззрѣніе на церковь, какъ на „вѣдомство", и на духовенство, какъ сословіе, которое должно обладать привилегіями. Воззрѣніе это можетъ служить препятствіемъ къ постановкѣ церковносудной реформы на началахъ, соотвѣтствующихъ существу и назначенію церкви и современнымъ юридико-политическимъ понятіямъ.

Въ заключеніе сдѣланнаго нами обзора извѣстныхъ намъ мнѣній преосвященныхъ о проектѣ, мы въ правѣ сказать, что не противоборство только реформѣ церковныхъ судовъ, какъ разглашаютъ газеты, не упрямство и упорство заставляютъ преосвященныхъ архіереевъ несочувственно относиться къ проекту 12 января 1873 г., но многочисленные его недостатки, которые не остались не замѣченными и среди бѣлаго духовенства, вопреки увѣреніямъ газетъ — будто оно *единогласно* стоитъ за комитетской проектъ.

М. Горчаковъ.

Исторія русской церкви. *Макарія,* архіепископа литовскаго и виленскаго. Т. VII. Спб. 1874. 528 стр.

Научныя достоинства церковноисторическихъ изслѣдованій пользующагося не только въ Россіи и въ заграничныхъ православныхъ странахъ, но и во всей Европѣ, вполнѣ заслуженною славою іерарха-автора многотомной «Исторіи Русской Церкви», слишкомъ извѣстны ученому и литературному міру, чтобы съ появленіемъ въ свѣтъ новаго, VII-го тома, составляющаго продолженіе того же сочиненія, была необходимость входить въ характеристику отличительныхъ особенностей ученыхъ трудовъ автора.

Новоизданный томъ «Исторіи» не уступаетъ ни одному изъ предшествующихъ VI-ти томовъ въ богатствѣ собранныхъ въ немъ матеріаловъ и не отличается отъ нихъ ни въ научныхъ пріемахъ изслѣдованія, ни въ группировкѣ фактовъ, ни въ методѣ ихъ расположенія, ни въ способѣ изложенія. VII-мъ томомъ подтверждается и закрѣпляется давно уже сложившаяся репутація объ учоности и трудолюбіи автора, достойная всякаго уваженія. Содержаніе этого тома «Исторіи» преосв. Макарія — исторія монастырей и духовной литературы въ московской митрополіи Русской церкви въ періодъ отъ 1448 до 1589 гг. Томъ раздѣляется на двѣ главы, которыя въ ряду другихъ главъ, посвященныхъ авторомъ исторіи церкви за тотъ же періодъ, считаются IV-ою и V-ою и образуютъ вторую книгу «Исторіи Русской Церкви въ періодъ раздѣленія ея на двѣ митрополіи»; первыя же три главы, составляющія содержаніе первой книги, занимающейся тѣмъ же періодомъ, изложены въ VI-мъ томѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1870 году. Въ VII-мъ томѣ глава IV-я (стр. 1—112), излагающая исторію монастырей въ сѣверовосточной митрополіи Русской церкви, подраздѣляется на 4-ре отдѣла. Въ двухъ первыхъ отдѣлахъ (стр. 1—52) собраны и изложены свѣдѣнія статистическія — о числѣ монастырей въ средней и сѣверной полосѣ Россіи въ разсматриваемый авторомъ періодъ,—историческія — о вновь учрежденныхъ въ теченіе сего періода монастыряхъ въ той же части Россіи, и біографическія — объ основателяхъ монастырей. Для изслѣдователей исторіи русскаго права, общества и государства эти два отдѣла не могутъ имѣть значенія. Они составили бы для изучающихъ исторію русскаго права и государства содержаніе и занимательность высокаго достоинства, если бы высокочтимый авторъ изложилъ исторію возникновенія вновь учреждаемыхъ въ разсматриваемый имъ періодъ монастырей и развитія прежде основанныхъ, въ связи съ условіями общественной жизни русскаго народа того времени; но объ этой связи не упоминается въ книгѣ.—Историческія свѣдѣнія о времени основанія монастырей, имена которыхъ впервые становятся извѣстными въ XV и XVI вв., почерпаются авторомъ изъ V-го и V-го тт. «Лѣтописей», «Исторіи Р. Іерархіи» и другихъ извѣстныхъ сборниковъ актовъ и документовъ отечественной исторіи. Мы не назовемъ составленнаго преосвященнымъ списка монастырей, вновь основанныхъ въ періодъ 1448—1589 гг., полнымъ. Изъ извѣстныхъ намъ отрывковъ писцовыхъ книгъ, сохраняющихся отчасти въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, можно значительно пополнить списокъ преосвященнаго [1]).

---

[1]) Съ выходомъ въ свѣтъ «Извлеченій изъ писцовыхъ книгъ», подъ редакціею Н. В. Калачева, это указаніе наше найдетъ себѣ подтвержденіе. Кромѣ того, преосвященный не удостоилъ своимъ вниманіемъ помѣщеннаго въ нашемъ сочиненіи «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ» и пр. Спб.

Третій отдѣлъ IV-й главы, подъ заглавіемъ «различіе монастырей и ихъ внутреннее устройство», имѣетъ несравненно болѣе близкое отношеніе къ исторіи права, чѣмъ предшествующіе два отдѣла той же главы, и потому заслуживаетъ знакомства съ нимъ всякаго, кто изучаетъ условія юридической, общественной, государственной и церковной жизни русскаго народа XV и XVI вв. Авторъ показываетъ здѣсь различіе монастырей по различію причинъ ихъ происхожденія, по степени ихъ населенности, по внутреннему ихъ устройству, по лицамъ населенія (монастыри — мужескіе, женскіе и мужеско-женскіе), по различію землевладѣльческихъ отношеній ихъ и наконецъ по взаимнымъ іерархическимъ отношеніяхъ ихъ (степени монастырей). Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь представленное преосвященнымъ авторомъ содержаніе пяти уставовъ общежительныхъ монастырей, наказной грамоты о порядкѣ жизни и отношеній въ особныхъ монастыряхъ и уставовъ скитской жизни. Въ этихъ памятникахъ опредѣляется внутренній строй жизни монашествующихъ въ различныхъ монастыряхъ, указываются черты общиннаго ихъ строя, говорится о правахъ, обязанностяхъ и отношеніяхъ настоятелей и другихъ должностныхъ лицъ въ монастыряхъ къ монашествующей братьи, о порядкѣ внутренняго управленія въ монастырской общинѣ, объ условіяхъ принятія въ монастырь новыхъ членовъ, о дисциплинарномъ монастырскомъ судѣ и т. п. Но собранныя преосв. Макаріемъ свѣдѣнія о монастырскихъ уставахъ XV и XVI вѣковъ, при всей значительности ихъ по полнотѣ, къ сожалѣнію, не даютъ основаній къ разъясненію происхожденія и степени значенія въ этотъ періодъ встрѣчающихся въ различныхъ рукописныхъ сборникахъ и въ нѣкоторыхъ кормчихъ разныхъ отрывковъ монашескихъ правилъ и даже цѣлыхъ монастырскихъ уставовъ. Такъ въ Браиловской Кормчей, хранящейся въ петербургской публичной библіотекѣ, помѣщены, между прочимъ, «правила святаго Кирилла русскаго митрополита о монашескомъ благочиніи и о содержаніи всякомъ» [1]. Правилами этими весьма точно опредѣляется и охраняется отъ нарушителей порядокъ благоустроеннаго общежительнаго монастыря. Они дѣйствовали не только въ XVI в., но и въ XVII, что подтверждается сохранившимся отъ XVII в. спискомъ ихъ. Отъ этихъ правилъ, въ своей совокупности представляющихъ довольно полный уставъ, отличаются извлеченія и отрывки изъ какихъ-то правилъ

1871., стр 181—182, списка домовыхъ монастырей всеросс. митрополита; изъ нашего списка можно усмотрѣть, что въ XV и XVI вв. были такіе монастыри, которыхъ не значится въ VII-мъ томѣ преосвященнаго.

[1]) Они нами отпечатаны по двумъ спискамъ XVI и XVII вв. въ брошюрѣ «Къ исторіи эпитимійныхъ номоканоновъ православной церкви». Спб., 1874, стр. 104—110.

монастырской жизни, во множествѣ встрѣчающіеся въ сборникахъ XVII вѣка, но перешедшіе въ этотъ вѣкъ изъ XV и XVI вв. Въ разсматриваемомъ нами томѣ исторіи преосв. Макарія, мы не нашли никакихъ указаній и соображеній, на основаніи которыхъ можно бы было воспользоваться руководствомъ опытнаго изслѣдователя при занятіяхъ съ такими рукописями XVI и XVII вѣка, въ которыхъ излагаются упомянутыя нами монашескія правила. Значитъ, — изслѣдователямъ общиннаго строя и порядковъ, касающихся различныхъ сторонъ внутренней жизни въ русскихъ монастыряхъ XV и XVI вв., и послѣ пріобрѣтенія церковноисторическою литературою VII тома преосв. Макарія, предстоитъ еще не мало труда въ ихъ занятіяхъ.

Большую часть VII-го тома (V-ю главу, стр. 113—528) занимаетъ обзоръ духовной литературы за періодъ 1448—1589 гг. Цѣли нашего Сборника не дозволяютъ намъ войти въ разсмотрѣніе этого обзора, въ которомъ историкъ впервые знакомитъ русское общество съ нѣкоторыми произведеніями духовной литературы того времени, не извѣстными въ печати. Но замѣтимъ, что для изучающихъ исторію русскаго права и въ этомъ отдѣлѣ заключаются весьма любопытные матеріалы для знакомства съ воззрѣніями XV и XVI вв. на многіе предметы права, — напримѣръ: касательно существа брачнаго союза, отношеній между мужемъ и женою, отношеній между епископами, митрополитами и духовными лицами по дѣламъ церковнаго управленія и т. п. Вообще и VII-й томъ исторіи преосвященнаго Макарія, вмѣстѣ со всѣми предшествующими, долженъ быть и надолго останется настольною и справочною книгою для всякаго, кто имѣетъ надобность въ разъясненіи себѣ какой либо стороны церковнаго строя и жизни за то время, которое было изслѣдовано преосвященнымъ. Такая неизбѣжная необходимость въ книгѣ есть самое лучшее доказательство ея достоинства и значенія, хотя бы она и заключала въ себѣ пробѣлы.

М. Горчаковъ.

Общіе способы призрѣнія священно-церковнослужителей и ихъ семействъ (епархіальныя попечительства, пособія потерпѣвшимъ отъ пожаровъ; опеки, пенсіи и единовременныя пособія) и краткій обзоръ мѣръ, предпринимавшихся къ улучшенію положенія заштатныхъ, вдовъ и сиротъ. *Извлечено изъ Свода Законовъ, постановленій и распоряженій св. Правительствующаго Синода протоіереемъ Іоанномъ Чижевскимъ.* Харьковъ. 1874, стр. I—VII и 207.

Пространное оглавленіе книги вѣрно указываетъ на ея содержаніе. Она есть довольно полный сводъ русскаго церковнаго и церковно-госу-

дарственнаго законодательства за періодъ 1823—1874 гг. о способахъ призрѣнія престарѣлыхъ и заштатныхъ лицахъ бѣлаго духовенства православной русской церкви, также ихъ вдовъ и сиротъ, съ присоединеніемъ составленнаго на основаніи отчетовъ оберъ-прокурора «краткаго обзора мѣръ», которыя предпринимались правительствомъ къ улучшенію положенія тѣхъ же лицъ въ 1866 г. по настоящее время. Цѣль свода—чисто практическая и объяснена составителемъ въ предисловіи. «Экземпляры печатнаго, высочайше утвержденнаго 12-го авг. 1823 г.» положенія епархіальныхъ попечительствъ, пишетъ о. Чижевскій, разосланные въ томъ же году, при указахъ св. Синода во всѣ епархіи для руководства какъ попечительствамъ, такъ и духовенству, въ настоящее время или совершенно избиты, или же большею частію вовсе утеряны. Вслѣдствіе чего попечительства, при исполненіи своихъ обязанностей, *руководятся или преданіемъ* или же XIII т. Св. Зак. Уст. Общ. Призр.. изд. 1857 г., въ составъ котораго вошло и это «Положеніе» (ст. 1562—1616). Но, послѣ изданія въ 1857 г. Свода Законовъ, многія статьи Положенія объ епархіальныхъ попечительствахъ измѣнены, замѣнены другими или вовсе отмѣнены и, слѣдовательно, для справокъ нужно прибѣгать къ продолженіямъ Свода Законовъ, которыхъ учрежденія эти не имѣютъ. Опекуны наши въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются тоже *преданіемъ* и, за неимѣніемъ подъ руками руководственныхъ статей законовъ, положительно незнакомы съ своими обязанностями. Все это заставило о. Чижевскаго «собрать въ одно цѣлое всѣ (это неточно сказано) законоположенія и постановленія, относящіяся къ кругу дѣятельности епархіальныхъ попечительствъ, съ присовокупленіемъ законоположеній «объ опекѣ и попечительствѣ» и хотя не относящихся къ кругу обязанности сихъ попечительствъ, но тѣсно связанныхъ по призрѣнію духовенства «временныхъ правилъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священнослужителямъ епархіальнаго вѣдомства и семействамъ ихъ». Надѣюсь, заключаетъ составитель свое предисловіе, что сборникъ этотъ будетъ не безполезенъ какъ для епархіальныхъ попечительствъ, такъ и для всего духовенства. «Сборникъ» этотъ дѣйствительно не безполезенъ вслѣдствіе недостатка или даже, можно сказать, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія въ нашей православной русской церкви кодификаціи законодательства церковнаго и церковно-государственнаго. Отсутствіе кодификаціи законодательства составляетъ одну изъ главныхъ причинъ и представляетъ одно изъ самыхъ доказательныхъ явленій нестройнаго современнаго состоянія *права* въ русской церкви, — какъ въ смыслѣ научнаго его сознанія, такъ и въ смыслѣ дѣйствительнаго осуществленія его въ жизни. Сборникъ о. Чижевскаго съ пользой можетъ восполнять до нѣкоторой степени означенный недостатокъ кодификаціи,

Но сборникъ его былъ бы несравненно полезнѣе и могъ бы занять мѣсто и получить важное значеніе среди частныхъ попытокъ кодификаціи церковнаго законодательства, если бы онъ составленъ былъ съ одной стороны болѣе полно, исправно и соотвѣтственно научнымъ пріемамъ кодификаціи, а съ другой — менѣе небрежно и поспѣшно. Въ виду того, что «Сборникъ» этотъ — не единственный трудъ о. Чижевскаго по изданію законоположеній, касающихся церкви и духовенства, въ виду того, духовенство въ настоящее время имѣетъ крайнюю надобность въ подобныхъ сборникахъ, и въ виду того, что о. Чижевскій можетъ съ успѣхомъ заняться улучшеніемъ и исправленіемъ своихъ сборниковъ при новыхъ ихъ изданіяхъ, и тѣмъ можетъ содѣйствовать кодификаціи всего церковнаго законодательства, мы позволимъ себѣ указать въ нашей рецензіи на нѣкоторые недостатки и достоинства его труда.

Сборникъ о. Чижевскаго подъ заглавіемъ «общіе способы призрѣнія и пр.,» состоитъ изъ трехъ отдѣленій и приложеній. Отдѣленія раздѣляются на главы, содержаніе которыхъ излагается по статьямъ: первому отдѣленію составитель далъ оглавленіе «Общіе способы призрѣнія»; второе отдѣленіе оглавляется «объ опекѣ и попечительствѣ»; третье — «пенсіи и единовременныя пособія епархіальному духовенству». При самомъ первомъ взглядѣ на указатель «содержанія» книги и на изложеніе въ ней перваго отдѣленія бросается въ глаза неисправность и небрежность въ составленіи труда. Въ указателѣ «содержанія» составитель обѣщаетъ, послѣ предисловія, изложить въ книгѣ узаконенія подъ рубрикою «введеніе. Глава I. Общіе способы призрѣнія §§ 1 — 5»., затѣмъ «отдѣленіе I. глава II. Составъ епархіальнаго попечительства». Но въ самой книгѣ — «введенія» вовсе нѣтъ; книга начинается прямо: «Отдѣленіе I. Общіе способы призрѣнія духовенства. Глава I. Общіе способы призрѣнія». Стало быть и отдѣленіе I и глава I имѣютъ одинакое заглавіе. Кромѣ того, заглавіе «общіе способы призрѣнія» заставляетъ читателя отъискивать въ книгѣ изложеніе и «частныхъ» способовъ, — но о частныхъ способахъ призрѣнія во всей книгѣ не говорится ни полслова. Глава I. «общіе способы призрѣнія» должна бы раздѣлиться, соотвѣтственно своему содержанію, на двѣ; статьи 2—4, въ которыхъ составитель желалъ указать — кто имѣетъ право «на призрѣніе» со стороны вѣдомства прав. исповѣданія, должны составить отдѣльную главу и получить такую редакцію, при которой 2- и 3-я статьи не казались бы излишними. Поставленныя, послѣ изложенія первой главы, въ формѣ оглавленія слова «епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія» стоятъ внѣ всякой связи съ планомъ расположенія книги и не входятъ ни въ 1-ю, ни во 2-ю главу. Все первое отдѣленіе книги, раздѣленное на 18-ть главъ, начиная со

второй главы излагаетъ законоположенія, касающіяся епархіальныхъ попечительствъ. Пріемъ составителя сборника этихъ законоположеній слѣдующій: о. Чижевскій взялъ въ основу перваго отдѣленія своего сборника «Положеніе о попечительствахъ», какъ оно изложено въ т. XIII Св. Зак. и въ Полномъ Собр. Зак..т. 38 № 29583, и по порядку выписываетъ изъ него въ свой сборникъ статьи; но при этомъ составитель 1) располагаетъ статьи «Положенія» по своей собственной нумераціи, указывая лишь въ видѣ примѣчанія нумерацію ихъ по Своду; 2) встрѣчаясь съ отмѣненными, измѣненными и дополненными статьями «Положенія», иногда въ примѣчаніяхъ къ своимъ статьямъ приводитъ, цѣликомъ или вкратцѣ, указы св. Синода и другія узаконенія, которыми произведено измѣненіе въ положеніи; 3) вноситъ въ свой сборникъ въ *формѣ отдѣльныхъ статей* такія узаконенія, которыя явились въ дополненіе и разъясненіе статей положенія (напр. стр. 6—7 §§ 17—20, стр. 10 § 35); 4) нѣкоторыя статьи положенія соединяетъ вмѣстѣ (напр. § 29) и 5) дополняетъ «Положеніе» выписками изъ другихъ томовъ Св. Законовъ, имѣющими отношенія къ предмету «призрѣнія» (напр. стр. 20—22). Словомъ, составитель задался мыслію составить сводъ узаконеній относительно «призрѣнія» духовенства въ такомъ видѣ, чтобы изъ его сборника можно было видѣть и дѣйствующее право и исторію законодательства съ 1823 г. до 1874 г. Мысль — прекрасная. Но въ первомъ отдѣлѣ сборника мысль составителя его выполнена неудовлетворительно, неисправно, неполно, — а въ остальныхъ двухъ отдѣленіяхъ сборника совсѣмъ оставлена. Въ доказательство неполноты и неисправности перваго отдѣла укажемъ, для примѣра, на допущенные составителемъ пропуски узаконеній, которыми опредѣляется значеніе права собственности имуществъ, завѣдываемыхъ епархіальными попечительствами, — именно: а) Выс. утв. 29 декабря 1833 г. правилъ отчетности по духовному вѣдомству § 4 п. 11 гласитъ: «суммы попечительствъ *составляютъ частную собственность* духовнаго вѣдомства»; б) синодальный циркулярный указъ 1868 года 23 окт. № 71, «предписываетъ всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы ими отнюдь не было разрѣшаемо производить изъ епархіальныхъ попечительствъ займы денегъ на предметы, къ дѣйствію сихъ попечительствъ не относящіеся. Если же предстояла бы необходимая въ томъ надобность для временнаго воспособленія какому либо другому учрежденію, и если чрезъ это не можетъ произойти никакого ограниченія въ дѣйствіяхъ попечительствъ на воспособленіе бѣднымъ духовнаго званія, къ таковымъ займамъ приступали бы не иначе, какъ по полученіи на то разрѣшенія св. Синода, которому въ ходатайствахъ своихъ представляли бы всякій разъ свѣдѣнія о положеніи попечительскаго капитала и о предполагаемой, по примѣрамъ

предшествующихъ лѣтъ, сумиѣ предстоящихъ отъ онаго расходовъ». Опущены и другія узаконенія и распоряженія, отчасти дѣйствующія, отчасти переставшія дѣйствовать, но служащія къ объясненію той или другой стороны современнаго состоянія попечительствъ. Не мѣшало бы о. Чижевскому собрать и пересмотрѣть *всѣ* циркулярные указы св. Синода, касающіеся попечительствъ и вышедшіе въ періодъ 1823 — 1874 гг. Ихъ, собственно говоря, не много; безъ сомнѣнія они сохраняются въ цѣлости въ харьковскихъ епархіальныхъ установленіяхъ. Во всякомъ случаѣ составитель сборника, при надлежащемъ выполненіи задуманнаго имъ труда, долженъ былъ остановиться на судьбѣ узаконенія, указаннаго въ сборникѣ на 159 стр. п. в., по которому на попечительства, при ихъ учрежденіи, ассигновано было ежегодно отпускать изъ капиталовъ комиссіи духовныхъ училищъ по 150 тыс. рублей. Эта сумма и отпускалась попечительствамъ довольно долго, — но отпускъ ея прекратился подобно тому, какъ въ 1867 г. по представленію хозяйственнаго управленія при св. Синодѣ прекращенъ былъ расходъ изъ суммъ бывшаго «церковностроительнаго капитала» на воспособленіе духовнымъ лицамъ въ пожарныхъ случаяхъ.—Что касается до расположенія матеріала, который можетъ получиться изъ синодальныхъ указовъ, то онъ безъ затрудненій можетъ, въ видѣ примѣчаній или дополненій, помѣститься подъ статьями положенія о попечительствахъ, соотвѣтствующими по своему содержанію указамъ. Такъ напр. подъ статьею 5-ю сборника, въ которой говорится, что «при каждой епархіальной каѳедрѣ состоитъ попечительство», слѣдовало бы выбрать изъ синодальныхъ указовъ свѣдѣнія о постепенномъ учрежденіи новыхъ попечительствъ съ открытіемъ послѣ изданія Положенія новыхъ епархій. Въ руководство при составленіи полнаго сборника о попечительствахъ можно взять способъ составленія и расположенія матеріаловъ историческаго и дѣйствующаго права, который былъ принятъ при изданіи свода законовъ 1857 г.; но историческій матеріалъ при составленіи сборниковъ по церковному праву долженъ быть приводимъ подъ статьями дѣйствующихъ узаконеній не въ формѣ только цитатъ, какъ это сдѣлано въ изданіи св. зак. 1857 г., а въ видѣ извлеченій изъ законодательныхъ актовъ.—Не входя въ указаніе другихъ немалочисленныхъ недостатковъ сборника о. Чижевскаго, пожелаемъ составителю, чтобы онъ, поставившій себѣ задачею — удовлетворить настоятельной потребности духовенства въ сборникахъ узаконеній, касающихся церкви и духовенства, отнесся при новомъ изданіи своихъ, заслуживающихъ одобренія, трудовъ къ составленію ихъ со вниманіемъ, достойнымъ важности предмета, и постарался бы сдѣлать въ нихъ улучшенія — какъ со стороны ихъ полноты, такъ расположенія и внѣшняго изданія. Желательно, чтобы сбор-

ника о. Чижевскаго послужилъ не только къ увеличенію и распространенію въ бѣломъ духовенствѣ массы свѣдѣній объ узаконеніяхъ, касающихся церкви, но содѣйствовалъ бы развитію и возвышенію въ его средѣ *правопониманія и правосознанія* и чрезъ то располагалъ бы его къ сознательной, самостоятельной и правомѣрной церковнообщественной дѣятельности, которая немыслима при отсутствіи правильной кодификаціи церковнаго и церковно-государственнаго законодательства и при недостаткахъ организаціи церковно-законодательной дѣятельности, обличающихъ несоотвѣтственность ея правиламъ законодательства вселенской церкви.

М. Горчаковъ.

О церковномъ хозяйствѣ. Извлечено изъ свода законовъ и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода *прот. Іоанномъ Чижевскимъ.* Харьковъ, 1874 г. 158 стр.

И этотъ сборникъ о. Чижевскаго весьма полезенъ для духовенства, которому, при недостаткѣ или совершенномъ отсутствіи кодификаціи церковнаго законодательства, приходится въ своей дѣятельности руководиться узаконеніями и правилами, или обнародованными въ необъятной массѣ отдѣльныхъ указовъ епархіальныхъ консисторій, или не дошедшими до него изъ консисторій и потому вовсе неизвѣстными. Но и этотъ сборникъ о. Чижевскаго заключаетъ въ себѣ еще болѣе недостатковъ, чѣмъ предшествующій, — а именно: 1) онъ носитъ заглавіе, несоотвѣтствующее содержанію; правильнѣе слѣдовало бы назвать книгу: сборникъ нѣкоторыхъ узаконеній касательно церковнаго имущества и управленія имъ, 2) сборникъ составленъ безъ всякаго плана и системы и 3) крайне не полонъ. Но такова потребность духовенства въ сборникахъ узаконеній относительно церкви, что первое изданіе сборника, помѣщенное въ приложеніи къ Харьковскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ за 1874 г. и вышедшее отдѣльными оттисками, при всей неполнотѣ и недостаткахъ его, разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ первой книжкѣ „Христіанскаго Чтенія" за 1875 г. напечатано объявленіе: „вышла въ свѣтъ только что отпечатанная книга „Церковное хозяйство или правила и постановленія касательно благоустройства храмовъ и церковнаго имущества", извлеченныхъ изъ Свода Законовъ и указовъ св. Синода, протоіереемъ Іоанномъ *Чижевскимъ*. Второе изданіе исправленное и во многомъ дополненное. Харьковъ, 1875 г. 450 стр. Цѣна 1 р. 75 коп.". Новаго изданія мы еще не

получили. Но, судя по измѣненному въ немъ оглавленію книги, надѣемся, что въ новомъ изданіи она явилась съ улучшеніями противъ перваго ея изданія, которое представляется скорѣе спекуляціею, чѣмъ добросовѣстнымъ трудомъ протоіерея, желающаго удовлетворить своими изданіями насущной потребности своихъ собратій.

М. Горчаковъ.

Судьбы уніи въ русской Холмской епархіи. *Нила Попова.* (Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета въ Москвѣ). М. 1874. 139 стр.

Эта небольшая, по внѣшнему объему, но въ высшей степени богатая по внутреннему содержанію, мастерски составленная и изложенная брошюра—замѣчательное явленіе въ русской церковно-исторической литературѣ настоящаго времени. Она содержитъ строго научное изложеніе исторіи уніи въ предѣлахъ холмской епархіи, хотя, при всей строгости къ требованіямъ науки, она носитъ на себѣ черты публицистическаго характера. Съ научной и съ литературной сторонъ, это сочиненіе почтеннаго московскаго профессора безукоризненно. Православный русскій читатель этой брашюры въ какіе нибудь часа полтора-два отчетливо, полно и вразумительно, съ полнымъ удовлетвореніемъ требованій ума и въ то же время патріотическаго чувства, можетъ ознакомиться не только съ исторіею церкви въ предѣлахъ современной холмской епархіи съ X вѣка до нашихъ дней, но можетъ совершенно ясно выразумѣть и отчетливо объяснить себѣ современное состояніе вопроса объ уніи въ этой епархіи и значеніе всѣхъ правительственныхъ извѣстій о положеніи въ ней дѣлъ. Кромѣ того, брошюра эта, основанная на глубокомъ, обширномъ и всестороннемъ знакомствѣ автора съ громадною литературою объ уніи вообще и о холмской епархіи въ частности, можетъ служить превосходнымъ руководствомъ къ изученію церковно-исторической литературы о томъ же предметѣ и къ научнымъ обширнымъ изслѣдованіямъ о немъ, — и потому сама займетъ, безъ всякаго сомнѣнія, почетное и видное мѣсто въ ряду сочиненій этой литературы. Публицистическое значеніе брошюры опредѣляется заключительными ея словами, въ которыхъ высказываются и общія воззрѣнія автора на предметъ, составляющій ея содержаніе. „Изъ всего сказаннаго, — говоритъ почтенный ученый, — ясно, что вопросъ о нынѣшнемъ положеніи уніи въ холмской епархіи силою событій связанъ съ троякимъ интересомъ: политическимъ, народ-

нымъ и церковнымъ, т. е. съ вопросами польскимъ, русскимъ и римскимъ. Желательно, чтобы они по возможности не были смѣшиваемы другъ съ другомъ. Политическая сторона дѣла, уже давно разъясненная и такъ краснорѣчиво изображенная въ отчетѣ епископа М. Куземскаго за 1868 г., можетъ быть устранена мѣрами, обращенными не противъ русско-униатскаго населенія, а противъ живущихъ рядомъ съ нимъ польско-латинскихъ элементовъ. Народная сторона дѣла можетъ быть поднята только повсемѣстнымъ распространеніемъ русскаго языка и народнаго просвѣщенія во всѣхъ приходахъ холмской епархіи, и при томъ по образцу, который далъ для этого М. Куземскій въ Галиціи и на который указывало холмское духовенство въ своей запискѣ 1863 г. Церковная сторона дѣла могла бы выйдти на болѣе ровный путь и принять подобающее ей направленіе, если бы она была поддерживаема болѣе сильною іерархическою властью, какова власть епископа, и находила бы себѣ дѣятельную опору въ соборномъ единеніи съ галицкою митрополіею, прерванномъ уже болѣе сорока лѣтъ, возстановить которое однакожъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не легко. Но мы все-таки никогда не должны забывать, что Холмскій уніатскій вопросъ есть только часть общаго церковнаго вопроса всей Червонной Руси, бывшей нѣкогда нераздѣльною какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи». Хотя недавнія событія совсѣмъ измѣнили положеніе уніатскаго вопроса въ холмской епархіи, тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Попова не только не теряетъ отъ этого своего интереса для публики, а напротивъ еще болѣе его пріобрѣтаетъ. Нельзя не пожелать возможно большаго распространенія этой книги, которая должна содѣйствовать развитію церковнаго и историческаго самопознанія въ нашемъ обществѣ.

М. Горчаковъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО (ИСТОРІЯ).

Древніе города Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе *Д. Я. Самоквасова*. Спб. 1873 [1]).

«Въ современной историко-юридической литературѣ господствуетъ ученіе, по которому въ исторіи развитія сельскихъ поселеній въ Россіи различаются три періода: періодъ хуторовъ, періодъ селеній и періодъ городовъ; изъ хуторовъ, путемъ разростанія населенія, образовались села, изъ селеній города... Намъ исторія славянскихъ поселеній въ Россіи представляется въ обратномъ порядкѣ. Изученіе историческихъ памятниковъ, въ связи съ сравнительнымъ изученіемъ существующихъ въ наукѣ теорій древне-славянскаго общественнаго быта, убѣждаетъ насъ, что *общественная жизнь русскихъ славянъ началась съ городовъ, а не съ хуторовъ; изъ городовъ уже, спустя много вѣковъ послѣ ихъ первоначальнаго образованія, славянское народонаселеніе Россіи разсѣялось въ селахъ и хуторахъ*» (соч. Самоквасова, стр. 143, 145).

Тирада эта представляетъ, можно сказать, центральный пунктъ сочиненія г. Самоквасова. Цѣль автора — доказать несостоятельность установившихся въ наукѣ воззрѣній по вопросу о развитіи поселеній въ Россіи и формулировать свою теорію по этому предмету. Къ этой главной цѣли клонятся всѣ разсужденія автора по отдѣльнымъ вопросамъ — о количествѣ городовъ, времени ихъ появленія и пр.

Мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на сочиненіе г. Самоквасова и постараемся опредѣлить, въ какой степени убѣдительны и основательны тѣ теоретическія и фактическія данныя, на которыхъ авторъ построилъ свою теорію, — на сколько теорія эта оправдывается при ближайшей повѣркѣ ея фактами, слѣдовательно, на сколько она отличается научными достоинствами и потому, можетъ быть принята въ наукѣ русской исторіи.

Сочиненіе г. Самоквасова начинается введеніемъ — о современномъ

---

[1]) Настоящая статья почтеннаго профессора новороссійскаго университета, вслѣдствіе обилія фактическихъ свѣдѣній и новости многихъ изложенныхъ въ ней историческихъ взглядовъ, получаетъ значеніе самостоятельнаго изслѣдованія, далеко выходящаго за предѣлы обыкновенной рецензіи, тѣмъ болѣе такой, какого заслуживало бы сочиненіе г. Самоквасова, въ силу своихъ собственныхъ научныхъ достоинствъ. Очевидно это сочиненіе было только поводомъ къ этому труду, который, по своему содержанію, могъ бы занять почетное мѣсто въ I отдѣлѣ Сборника. Поэтому редакція должна выразить свое сожалѣніе, что она вынуждена была помѣстить эту статью г. Леонтовича во II отдѣлѣ, къ которому она принадлежитъ только по формѣ своего изложенія; впрочемъ и на этомъ мѣстѣ она, безъ сомнѣнія, будетъ по достоинству оцѣнена читателями. *Ред.*

состояніи въ наукѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ и его происхожденіи (стр. 1—32). По словамъ автора, историко-юридическая литература настоящаго времени не владѣетъ научной исторіей русскихъ городовъ; въ ней встрѣчаемъ смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ понятій о древне-русскомъ городѣ и безконечное разнообразіе мнѣній по самымъ существеннымъ вопросамъ его исторіи, мнѣній, противорѣчащихъ одно другому, но равносильныхъ по своей аргументаціи, а потому, оставляющихъ нерѣшенными эти вопросы въ наукѣ. Причина недоразумѣній скрывается, главнымъ образомъ, въ томъ, что изслѣдователи русской старины неясно сознаютъ, какъ измѣнялось значеніе слова «городъ» въ историческомъ развитіи русскаго языка. Уясненіе этого вопроса составляетъ задачу второй половины введенія — объ историческомъ развитіи понятія о городѣ (стр. 33—73). Авторъ раскрываетъ самыя разнообразныя значенія, придававшіяся у насъ въ старину слову «городъ,» и полагаетъ, что предметомъ историко-юридическаго изученія исторіи древне-русскаго города можетъ быть взято хоть древнѣйшее его понятіе, какъ *укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія.* За тѣмъ, въ первой главѣ авторъ старается опредѣлить количество городовъ въ Россіи до-татарскаго времени (стр. 74—124) и доказываетъ, что въ это время было на Руси нѣсколько тысячъ, а не нѣсколько сотень городовъ, какъ полагаютъ всѣ новѣйшіе историки. Въ этомъ убѣждаютъ автора свидѣтельства лѣтописей, актовъ, иностранныхъ писателей и наконецъ вещественные памятники — городища, доселѣ сохранившіяся въ разныхъ мѣстахъ России. Вторую главу авторъ посвящаетъ вопросу о времени первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи и ихъ значенію въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, вмѣстѣ съ изложеніемъ теоріи историческаго развитія поселеній въ Россіи (стр. 125—162). Не находя прямыхъ указаній въ источникахъ за время первичнаго появленія городовъ въ Россіи, авторъ предпринялъ попытку разрѣшить вопросъ на основаніи косвенныхъ указаній источниковъ и сравнительнаго изученія историческихъ явленій. Теорію развитія всякихъ поселеній въ Россіи изъ городовъ, авторъ мотивируетъ: колонизаціей русскихъ славянъ на землѣ, уже прежде занятой другими народами неславянскими; аналогіей съ позднѣйшей русской колонизаціей въ странахъ, занятыхъ неславянскимъ населеніемъ (въ XVI и XVII ст. — въ юговосточномъ краѣ Россіи); знакомствомъ славянъ съ высшей цивилизаціей (на Дунаѣ), до перехода на сѣверъ; опасностями, грозившими населенію внѣ города и условливавшими невозможность сельской жизни, и наконецъ, молчаніемъ лѣтописей и другихъ памятниковъ о существованіи селъ въ древнѣйшей Россіи. Государство, начавшее возникать съ призванія Рюрика, не въ силахъ было уничтожить тѣ причины, которыя застав-

лая народонаселеніе держаться городовъ, — набѣги кочевниковъ, внутреннія распри и пр. Оттого, хотя съ конца XI столѣтія и начинаютъ появляться у насъ села, но лишь близъ и городовъ, какъ исключеніе; города всетаки остаются нормою общественныхъ поселеній. Собственно только въ московскую эпоху сдѣлалась возможною жизнь въ общинныхъ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, сельскихъ: народъ, оставивъ мѣста прежнихъ поселеній, спустился съ горъ въ долины; прежніе города превратились въ городища; села сдѣлались общею формою народныхъ поселеній, а города — исключеніемъ. Словомъ, основная мысль, которая проходитъ чрезъ все сочиненіе г. Самоквасова, состоитъ въ томъ, что городъ, какъ укрѣпленный пунктъ населенія, былъ единственною возможною формою общественнаго быта дотатарской Руси, — исходнымъ моментомъ, съ котораго началось историческое развитіе общественности русскихъ Славянъ.

Замѣтимъ прежде всего, что авторъ слишкомъ рѣзко отзывается о трудахъ своихъ предшественниковъ. Едва ли справедливо поголовное осужденіе ихъ работъ, будто бы отличающихся лишь противорѣчіями, неустойчивостію и путаницей понятій. По большей части, историки, въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, основываются здѣсь на фактахъ, точныхъ и въ большинствѣ вѣрно понятыхъ. Укажемъ, для примѣра, на мнѣнія историковъ о значеніи городовъ въ системѣ политическихъ учрежденій древнихъ Славянъ. Собственно тутъ нѣтъ никакихъ противорѣчій, неустойчивости и путаницы понятій; можно говорить о неполнотѣ и односторонности воззрѣній, но и только. Всѣ историки единогласно говорятъ, что города были укрѣпленныя мѣста, — значитъ, тутъ нѣтъ противорѣчій; нѣтъ противорѣчій и въ томъ одни историки признаютъ древне-славянскіе города постоянными жилыми мѣстами, не отличавшимися отъ селъ, а другіе называютъ ихъ пустыми оградами, лишь временно населяемыми. Тѣ и другіе историки опираются на положительные факты, но только взятые изъ различныхъ эпохъ, а главное — изъ различныхъ мѣстъ. При томъ, перечисляя мнѣнія историковъ, автору слѣдовало бы позаботиться о возможной полнотѣ такаго перечисленія и о надлежащей оцѣнкѣ этихъ мнѣній. По вопросу о политическомъ значеніи городовъ, авторъ, напр., вовсе умалчиваетъ о воззрѣніяхъ гг. Костомарова, Градовскаго, Сергѣевича, Бестужева-Рюмина, которымъ преимущественно и принадлежитъ заслуга выясненія вопроса о политическомъ значеніи древне-русскихъ городовъ, — вопроса, по своему существу, стоящаго на первомъ планѣ для историковъ-юристовъ, всегда обязанныхъ имѣть въ виду *юридическую* сторону историческихъ явленій.

Ученіе автора объ историческомъ развитіи понятія о городѣ наименѣе разработано, отличается путаницей понятій и опредѣленій, слѣдующихъ

одно, за другимъ по одному и тому же предмету. Читатель, мало знакомый съ дѣломъ, можетъ совершенно сбиться въ массѣ предлагаемыхъ авторомъ опредѣленій древняго значенія слова городъ. Слѣдуя методу автора, можно бы подыскать еще нѣсколько подобныхъ же значеній. Напр., имѣя въ виду слова Берендѣевъ, сказанныя князю Михаилу Георгіевичу съ дружиной: «вы есте нашъ городъ, ать мы поидемъ напередъ» (Ипат. 104), можно утверждать, что городъ означалъ главный полкъ, на который передовой отрядъ могъ опереться при неудачѣ. Встрѣчая въ лѣтописи слово городъ въ смыслѣ цѣлой территоріи, можно сказать, что въ территоріальномъ смыслѣ городъ означалъ совокупность земель, лѣсовъ, болотъ, рѣкъ и т. п. Но имѣютъ ли всѣ такія опредѣленія хоть какое нибудь научное значеніе, не затемняютъ ли они сущность дѣла, и для читателя, и для самого изслѣдователя?

Мы въ особенности не видимъ никакой возможности согласиться съ мнѣніемъ автора о тождественности города съ разными территоріальными дѣленіями — міромъ, землей, волостію и пр. Въ существующихъ рецензіяхъ уже объяснено, что авторъ не имѣлъ права утверждать, что «сколько было міровъ, столько было и городовъ» (см. рецензію А. Ө. Кистяковскаго, въ Суд. Жур. 1874, янв.—февр., и А. В. Славутинскаго, въ Унив. Кіев. Изв. 1874, февр.).

Русская Правда нисколько не говоритъ въ пользу положенія г. Самоквасова о тождественности понятій города и земли. При болѣе внимательномъ изученіи статей Правды (о сводѣ и долзѣ), мы должны прійти къ противоположному выводу. Въ этихъ статьяхъ городъ и земля прямо противополагаются, какъ различныя понятія. Это видно изъ самаго содержанія статей, различающихъ иной порядокъ свода въ городѣ (сводъ ведется истцомъ «до конца») и иной — по землямъ (истецъ ведетъ его самъ лишь «до третьяго»). Подъ землей здѣсь разумѣется не городъ, а нѣчто другое, что находится внѣ города. Противоположеніе города и земли въ данномъ случаѣ имѣетъ то же значеніе, какъ, по другимъ памятникамъ, противоположеніе города и волости, имѣвшихъ самостоятельный характеръ, не смѣшивавшихся между собой (см. Сергѣевича, Вѣче, стр. 336 и слѣд.). Въ старое время подъ волостію и землей нерѣдко разумѣлось одно и то же — совокупность сельскихъ поселеній, въ отличіе отъ города съ его округомъ. Такое значеніе удерживала земля, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, еще въ XVI ст., напр. Важская земля, вовсе не имѣвшая городовъ (см. Владимірскаго-Буданова, Христом. II, стр. 184, 188). Точно также въ статьѣ: «а изъ своего города въ чюжу землю свода нѣтуть», говорится лишь о томъ, что сводъ могъ перейти изъ города въ свою землю (т. е. въ сельскія поселенія), а не въ чужую (по Литовскому Статуту — не въ

другой новѣть), — здѣсь городъ ясно отличается отъ земли. Далѣе, выраженіе: «гость изъ иного города или чюжеземелца», слѣдуетъ понимать въ смыслѣ гостя изъ инаго *русскаго* или *чужеземнаго* города, подобно тому, какъ въ той же статьѣ упоминаются купы домашнія и гостинныя, т. е. деньги, должныя купцу своего или чужаго города (гость = купецъ заѣзжій изъ другаго города — русскаго или чужеземнаго).

Положеніе автора о тождественности города и волости точно также основано на свидѣтельствахъ весьма сомнительнаго свойства. Мѣсто лѣтописи, сюда относящееся (Рюрикъ раздая грады и пр.), принадлежитъ къ испорченнымъ мѣстамъ; на немъ еще нельзя строить никакихъ прочныхъ заключеній. Что иногда названіемъ города обозначается цѣлая волость или княжество, то это только указываетъ на способъ выраженія лѣтописца, обозначавшаго цѣлое именемъ главной его части; но, очевидно, изъ способа выраженія еще нельзя выводить тождественности самыхъ понятій, какъ это постоянно дѣлаетъ нашъ авторъ. Въ старинной юридической терминологіи можно найти много слов, употреблявшихся въ различныхъ значеніяхъ, напр., скотъ, товаръ, послухъ, правда, судъ и пр. «Скотъ» употреблялся въ смыслѣ животнаго, имущества, денегъ, иногда холопа; но неужели историкъ-юристъ можетъ отсюда заключать, что все это были тождественныя понятія? Вообще всѣ разсужденія автора о тождественности понятій города, земли, волости и пр. рѣшительно ни къ чему не ведутъ. Авторъ нигдѣ не приводитъ доказательствъ, что въ народномъ сознаніи городъ имѣлъ въ старину значеніе княжества и пр., и только напрасно подыскиваетъ данныя и изобрѣтаетъ такія произвольныя понятія, какъ «городъ — провинція», «городъ — волость — земля — государство», городъ — пригородъ — уѣздъ — провинція» и пр. Все это только вводитъ путаницу въ простыя научныя понятія, нисколько не помогая объясненію самой сущности дѣла. Вся бѣда въ томъ, что авторъ безусловно вѣритъ въ научность и непогрѣшимость усвоеннаго имъ метода пользованія источниками, въ особенности лѣтописями, къ которымъ онъ относится на манеръ новѣйшаго юриста-практика, казуистически и пристрастно толкующаго въ сводѣ законовъ каждое положеніе, строку, слово, запятую. Г. Самоквасовъ сводитъ въ одно мѣсто лѣтописныя упоминанія о городахъ, группируетъ ихъ по рангамъ, безъ всякой строго-научной критики, но руководясь лишь внѣшними признаками понятій, и этимъ путемъ придаетъ слову городъ много произвольныхъ значеній, которыхъ оно на дѣлѣ никогда не имѣло, да и не могло имѣть.

Руководясь подобнымъ методомъ, авторъ построилъ смѣлую гипотезу о томъ, что въ московскую эпоху русскіе города превратились въ мѣста жительства высшихъ лицъ, привиллегированныхъ классовъ, — въ группы

служилыхъ, военныхъ людей, приписанныхъ къ укрѣпленнымъ пунктамъ для ихъ защиты, и въ нихъ жившихъ. «Въ Московской Россіи внутри городскихъ укрѣпленій жили только лица служилаго, военнаго сословія, духовенство и приказные люди; классы промышленные, торговые, ремесленные люди и земледѣльцы-крестьяне были *вытѣснены* изъ городовъ и селились внѣ городскихъ укрѣпленій, образуя посады, слободы, села, деревни и хутора... Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи это (города) были укрѣпленные пункты общинныхъ поселеній, по своему населенію не имѣвшіе сословнаго значенія; въ московскій періодъ это были военно-административные пункты, населенные лицами высшихъ классовъ, служилыми и приказными людьми. Классы торговые и ремесленные жили преимущественно внѣ городовъ, «на посадахъ», не имѣвшихъ значенія городовъ» (стр. 47). Или въ другомъ мѣстѣ: «Служилые люди, получившіе привиллегированное положеніе въ обществѣ, вытѣсняютъ собою изъ укрѣпленныхъ мѣстностей не служилыхъ, съ того времени сосредоточившихся исключительно на посадахъ и въ уѣздахъ.... Служилые люди сдѣлались *непремѣнными* жителями укрѣпленныхъ пунктовъ, военныхъ центровъ, городовъ» (ср. 70; стр. 40, 46).

Гипотеза г. Самоквасова рѣшительно не оправдывается фактами и показываетъ только малое знакомство автора съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Откуда, авторъ узналъ, что въ русскихъ городахъ XVI и XVII столѣтій жили только высшіе классы, какъ *непремѣнные* жильцы городовъ, а классы неслужилые были *вытѣснены* изъ городовъ людьми служилыми? Факты, напротивъ, говорятъ совсѣмъ иное.

Авторъ ссылается на писцовую Бѣлозерскую книгу 1674 г. и на книги разрядныя. Вотъ что говоритъ Бѣлозерская книга: въ *городѣ* (внутри стѣнъ) Бѣлѣозерѣ — 2 церкви, да мѣсто пустое церковное; воеводскій дворъ, приказная изба, губная изба, тюрьма да сторожня; погребъ съ пороховою и свинцовою казною, губная старая изба; мѣсто дворовое Архіепископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго, «на томъ мѣстѣ живутъ въ трехъ избахъ *посадскіе люди* [1]) 8 человѣкъ»; дворъ заплечнаго мастера людей въ немъ 3 чел.; два двора сторожей съѣзжей избы людей въ нихъ 5 чел.; дворъ монастырскій да два мѣста монастырскихъ же; два мѣста помѣщи-

---

[1]) Что посадскіе жили въ городѣ (въ качествѣ сторожей, дворниковъ), видно также изъ другаго мѣста писцовой книги, гдѣ подводится общій итогъ дворовъ и жильцовъ въ городѣ и на посадѣ: «Въ *городѣ* же на Бѣлѣозерѣ и на посадѣ посадскихъ торговыхъ и которые кормятся чорною работою и рыбною ловлею... Въ *городѣ* же на Бѣлѣозерѣ и на посадѣ посадскихъ же людей старыхъ и увѣчныхъ, и которые бродятъ въ мірѣ». (См. А. Ю. стр. 256).

ковыхъ [1]), 31 мѣсто дворовыхъ, «что были прежъ сего *осадные дворы* разныхъ чиновъ людей, а нынѣ огорожены огородами». На *посадѣ* — дворъ рыбный, дворъ рыбнаго двора *начальныхъ людей* на пріѣздъ, 6 дв. и 5 мѣстъ дворовыхъ съѣзжіе избы (она сама находится въ городѣ) и рыбнаго двора *подьячихъ*, 3 дв. *приставовыхъ*, 45 дв. *поповскихъ* и *монастырскихъ* и пр. (Ак. Юр. № 231). Въ городѣ живетъ воевода, замечный мастеръ, казенные сторожа и посадскіе люди въ значеніи дворниковъ; городскихъ жильцовъ, кромѣ воеводскаго двора, показано всего 16 человѣкъ. За тѣмъ вся «осыпь» занята церквами, разными военными и административными учрежденіями, осадными дворами, лавками и амбарами. Населеніе города сосредоточено на посадѣ (515 дв. съ 1119 жит.); тутъ живутъ люди приказные, духовные, посадскіе и пр. Авторъ, далѣе, ссылается на другую Бѣлозерскую писцовую книгу (езовую) 1585 г.; но здѣсь нѣтъ ни слова о городѣ, — отрывокъ писцовой книги, на который ссылается авторъ, заключаетъ только опись села Богословскаго, принадлежавшаго къ волости Заягорбье (А. Ю. № 230). Что касается разрядныхъ книгъ, то и онѣ, строго говоря, нисколько не подтверждаютъ выводовъ нашего автора касательно состава московскихъ городовъ. Простыя перечисленія городовъ со служилыми людьми еще ничего не значатъ. Мѣста, подобныя слѣдующему: «многіе городы дворянъ и дѣтей боярскихъ и атамановъ....; боярину и воеводамъ збиратца съ городы, съ дворяны и съ дѣтьми боярскими, а быть съ ними городамъ: Кострома, Ярославль» и пр. (см. соч. Самокв. стр. 40), своею неясностью выраженій, способны только вводить въ заблужденіе изслѣдователя, который не потрудится провѣрить эти показанія другими, болѣе точными и солидными свидѣтельствами (напр. хоть писцовыми книгами), не вдумается въ смыслъ показаній перваго рода и построитъ на нихъ положеніе, лишенное всякой научной правдивости. Въ той же цитатѣ есть слѣдующее мѣсто: «да въ тѣхъ же городахъ сбирать охочихъ всякихъ людей... съ посадовъ и съ *уѣздовъ*». По буквальному смыслу этой цитаты, нашъ авторъ имѣлъ бы право сказать, что города заключали въ себѣ уѣзды, на манеръ улицъ, концовъ и пр.; выходила бы просто безсмыслица, а авторъ придаетъ подобному этому важное значеніе.

Мы имѣемъ массу неоспоримыхъ и непреложныхъ свидѣтельствъ, убѣ-

[1]) Ни здѣсь, ни въ монастырскомъ дворѣ, не показаны жильцы. Эти мѣста, несомнѣнно, были *осадными* дворами монастырскими и помѣщичьими, какъ и 31 мѣсто были осадные дворы — вѣроятно, посадскихъ и другихъ лицъ. По другимъ писц. книгамъ, осадные дворы раздѣлялись на казенные, церковные, помѣщичьи, посадскіе и крестьянскіе; послѣдніе для жителей селъ и деревень, временно жившихъ въ нихъ во время осады. См. ниже.

ждающихъ насъ въ томъ, что въ судьбѣ нашихъ городовъ, до новѣйшаго времени, не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ, что служилые классы *никогда* не вытѣсняли изъ городовъ людей неслужилыхъ, что въ огромномъ большинствѣ древне-русскихъ городовъ ни тѣ, ни другіе, вовсе не были «непремѣнными» и постоянными жильцами, — что, наконецъ, основной типъ большинства древне-русскихъ городовъ не только княжескаго, но и московскаго періода былъ, въ существѣ дѣла, тотъ же самый, какой, напр., г. Гильфердингъ находитъ въ устройствѣ древне-славянскихъ городовъ VIII—X стол., т. е. типъ укрѣпленнаго пункта, нежилаго въ мирное время и заселяемаго лишь при вторженіи непріятелей. Такой типъ, за весьма немногими исключеніями, удерживали наши города чуть ли не до начала прошлаго столѣтія, когда дѣйствительно произошла радикальная перемѣна въ судьбѣ русскихъ городовъ.

Въ подтвержденіе нашей мысли мы приведемъ цѣлый рядъ историческихъ данныхъ, сохраненныхъ по преимуществу старыми нашими писцовыми книгами, — данныхъ, которыя, очевидно, вовсе неизвѣстны нашему автору. Иначе, мы думаемъ, онъ не рѣшился бы высказать такъ смѣло гипотезу, которая, какъ мы видѣли, вовсе не подтверждается историческими свидѣтельствами, приводимыми имъ самимъ и которая, какъ сейчасъ увидимъ, рѣшительно опровергается рядомъ другихъ неоспоримыхъ историческихъ данныхъ.

Писцовыя и переписныя книги, дошедшія до насъ съ конца XV и слѣдующихъ столѣтій, сохранили множество драгоцѣнныхъ данныхъ касательно состава русскихъ городовъ московскаго періода. На основаніи такихъ данныхъ, можно безошибочно заключать, что, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть московскихъ городовъ, имѣли одинъ и тотъ же составъ и значеніе, именно являлись укрѣпленными мѣстами, предназначавшимися для «осаднаго времени», но не для постояннаго жительства населенія, жившаго въ обыкновенное, мирное, время на посадахъ, селахъ и деревняхъ, безъ всякаго различія между служилыми и неслужилыми людьми. Такое значеніе имѣли города и городки — Печерники, Корела, Шуя, Дѣмонъ, Муромъ, Бѣлоозеро, Ладога и пр. Вотъ какъ описываетъ *городокъ Печерники* (Рязанскаго уѣзда) приправочная книга Поликарпа Давыдова 1616 г.: «Острогъ Печерники, а прежъ сево былъ городокъ Ондрея Лешнина, стоитъ на осыпи, а подъ нимъ прудъ, а около острогу ровъ. Въ острогѣ ворота (подробно описываются ворота, башни и мостъ)... да въ казнѣ полтора пуда зелья, да восмьдесятъ ядеръ скорострѣльныхъ, 90 ядеръ затинныхъ. Да въ острогѣ дворъ Федора Дмитріева сына Есипова; а въ немъ живетъ дворникъ Ивашка Котеринъ... да въ острогѣ жъ 20 избъ да 30 клетей стрѣлецкихъ и козачихъ для приходу воинскихъ

людей (осадныя избы другихъ писцовыхъ книгъ)». За острогомъ, на посадѣ — церковь и дворъ Андрея Еснпова; на посадѣ жь стрѣлецкія и козачьи слободы: слобода стрѣлецкая, а въ ней церковь и дворы съ жильцами поименно (дворы пятидесятника, десятниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ)... слобода стрѣлецкая жъ (дворы тѣхъ же лицъ)... слобода козачья Болтоновская (дв. пятидесятника, десятниковъ и рядовыхъ козаковъ)... слобода пушкарская и затинная. (См. Временникъ 1853, кн. XIII, стр. 1—3). Городокъ лежалъ въ помѣстьи Еснповыхъ; въ немъ были склады военныхъ припасовъ да осадные дворы — одинъ помѣщика (другой былъ на посадѣ) и 20 дв. воинскихъ людей, жившихъ въ мирное время внѣ острога, на посадѣ, въ 4-хъ отдѣльныхъ слободахъ, и занимавшихся хлѣбопашествомъ. Самъ городокъ былъ пустой; въ немъ жилъ всего одинъ дворникъ — сторожъ помѣщичьяго двора и всего острога; люди служилые — стрѣльцы, казаки, пушкари и затынщики, жили внѣ городка, въ отдѣльныхъ военныхъ поселеніяхъ. Подобный же составъ имѣлъ въ 1500 г. *городъ Корела* Вотской пятины. Внутри города были боевые склады да осадные дворы — намѣстничь, владычнь и 28 дворовыхъ (осадныхъ) мѣстъ своеземцевъ корельскихъ. Все же населеніе жило за городомъ, на посадѣ. Собственно посадъ состоялъ изъ жилыхъ мѣстъ городчанъ. Здѣсь былъ дворъ намѣстничъ (*жилой*), дворы воинскихъ людей — пищальниковъ (7 дв.) и воротниковъ (6 дв.), церковь съ дворами поповскими, дворы (4 дв.) дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей, своеземцевъ (17 дв.), лучшихъ людей (рядовыхъ и рыболововъ), молодыхъ людей (рядовыхъ, рыболововъ и людей «безъ промысла» — бочечниковъ, скомороховъ, каликъ и пр.) и поземщиковъ (крестьянъ, платившихъ за землю оброкъ, подъ названіемъ «поземъ»). Такимъ образомъ, городъ Корела состоялъ изъ «осыпи» съ осадными, нежилыми дворами и военными складами, и изъ «посада», жилаго мѣста, которое, по составу своего населенія, представляло обыкновенную деревню, слободу, съ самымъ разнообразнымъ населеніемъ — военнымъ, духовнымъ, торговымъ, ремесленнымъ и крестьянскимъ. Высшіе и низшіе классы живутъ вмѣстѣ внѣ города, на посадѣ, не «вытѣсняя» другъ друга. (См. Времен. 1852, кн. XII, стр. 1—7). Такой же точно составъ имѣлъ *городъ Шуя*, какъ видно изъ писцовой книги Вѣкова 1629 г. Въ городѣ или «осыпи» стоялъ кремль. Здѣсь была церковь съ кладбищемъ, съѣзжая изба, тюрьма, обнесенная тыномъ, да осадные дворы разныхъ князей, бояръ, дворянъ, подъячихъ и простонародья. Напротивъ, на посадѣ находился воеводскій дворъ (купленный «міромъ» для жилья воеводы у одного посадскаго человѣка), дворы пищальниковъ, пушкарей и стрѣльцовъ, дворы архіепископскій и патріаршій, дворы остальнаго духовенства, дворянъ и посадскихъ, также губный

дворъ, земская изба, конская изба (для сбора пошлинъ съ продажи лошадей), таможня, соляной дворъ, лавки, амбары и пр. Замѣчательно, что на посадѣ, по улицамъ и переулкамъ, стояли «остроги» — небольшія укрѣпленія, для «сторожи» въ ночное время. (См. Борисова Описаніе г. Шуи. М. 1851, стр. 31, 32, 34, 36, 50, 90 и др.). *Городокъ Дѣмонъ* въ Деревской пятинѣ (Новгородской земли) въ концѣ XV стол. состоялъ изъ «городища», съ церковью, дворомъ попа и церковнаго сторожа и дворомъ намѣстничимъ и изъ «посада», да которомъ стоялъ монастырь (съ дворомъ дьяка и церковнаго сторожа) на дворъ тіуна; за посадомъ тянулись деревеньки въ 1 или 2 двора. Замѣчательно выраженіе писцовой книги: «въ Дѣмонѣ в князя деревни оброчные»; по методу нашего автора, слѣдовало бы заключить, что городъ состоялъ изъ деревень (См. Новг. писц. кн. Спб. 1862, II, стр. 499; Неволина Пятины, прилож. стр. 224). Въ 1648 г. воевода Яковлевъ заложилъ *городъ Коротаякъ;* служилые люди, переселенные въ него изъ Воронежа, Ефремова, Лебедяни, Данкова и другихъ городовъ, поселены были однакожъ не въ самомъ укрѣпленіи, какъ бы слѣдовало по теоріи г. Самоквасова, но подъ нимъ, на посадѣ, отдѣльными слободами. Переселенцамъ предоставлено было право безпошлинной торговли и промысловъ; поэтому вскорѣ торговые люди перестали ѣздить въ сосѣдній Воронежъ, «и всякіе промыслы отстали къ новому городу» (см. Город. поселенія Росс. Имп. I, 448). *Городъ Василь*, устроенный въ 1523 г. изъ переселенцевъ — служилыхъ людей, съ цѣлью подорвать казанскую торговлю, не получилъ торговаго значенія и состоялъ изъ бѣднаго рыбачьяго селенія, надъ которымъ на горѣ стояла, на всякій случай, деревянная крѣпость, управляемая воеводами; село, въ которомъ жили переселенцы — служилые люди, было посадомъ, занимавшимся исключительно хлѣбопашествомъ да рыболовствомъ (см. ib. III, 302). Лѣтописи показываютъ, что и въ древнее время жители вновь учреждавшихся городовъ селились внѣ ихъ, на посадахъ и въ селахъ. Такъ учрежденъ былъ въ 1259 г. *городъ Холмъ:* «виде же се князь Данило, яко Богу поспѣвающу мѣсту тому, нача призывати прихожи: Нѣмець, и Русь, и иноязычники, и Ляхи; идяху день во день и у ноты, и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ Татаръ, сѣдельницы, и лучницы, и туливцы, и кузнецы желѣзу, и мѣду, и сребру, и бѣ жизнь и *наполнишна дворы окрестъ града, поля и села*». (Пол. соб. лѣт. II, 196). Города и городки (остроги, острожки) вездѣ на Руси имѣли одинъ типъ, учреждало-ли ихъ само правительство въ общегосударственныхъ видахъ — военныхъ и промышленно-колонизаціонныхъ, или же ихъ заводилъ самъ народъ, для своихъ мѣстныхъ нуждъ и своими мѣстными силами и средствами; это доказываетъ, что данный типъ древне-русскаго города не выдуманъ правительствомъ

въ то или другое время, но имѣетъ свои корни въ старинныхъ народныхъ обычаяхъ. Примѣръ учрежденія городковъ самимъ народомъ, помимо всякаго правительственнаго вліянія, представляетъ *городокъ*, устроенный въ Выгоозерскомъ погостѣ Соловецкаго монастыря, въ волости Сумѣ. Какъ видно изъ переписной книги Обонѣжской пятины, Заонежской половины, письма Плещеева (1582 — 1583 г.), этотъ городокъ «ставилъ игуменъ своими однѣми крестьяны для осадново времени Нѣметцкихъ людей приходу». Вотъ интересное описаніе этого городка, въ которомъ сохраняются всѣ типическія черты устройства древне-русскихъ городовъ. «На погостѣ (въ данномъ случаѣ погостъ означаетъ церковное мѣсто) поставленъ острогъ косой черезъ заметъ въ борозды. А въ острогѣ стоитъ 6 башенъ рубленыхъ, подъ 4-мя башнями подклеты теплые, а подъ пятою башнею поварня. А въ острогѣ храмъ Никола Чюдотворецъ, да дворъ монастырской, а на дворѣ 5 житницъ, да за вороты 2 житницы, да у башенныхъ воротъ изба съ клѣтью и съ сѣнми, а живутъ въ ней острожные сторожи. Да въ томъ же острогѣ поставлено для осадного времени крестьянскихъ теплыхъ 6 подклѣтовъ, а на верху клѣтки да 19 житницъ». Внѣ острога расположены 4 поповскихъ двора, за тѣмъ слѣдуютъ крестьянскія деревеньки (Неволина Пятины, прилож., стр. 168). Въ самомъ городкѣ живутъ одни сторожа; духовныя лица и крестьяне разбросаны на погостѣ и въ близь лежавшихъ деревняхъ. Можно еще много привести примѣровъ подобнаго устройства старыхъ городовъ. Такимъ образомъ, сохранилось описаніе посада, принадлежавшаго *городу Ладогѣ*. На посадѣ живутъ, кромѣ городскихъ людей (лучшихъ, середнихъ и молодшихъ) и крестьянъ (позещиковъ), также своеземцы (принадлежавшіе къ служилому классу), лица духовныя; тамъ же стоялъ дворъ намѣстничь и тіунъ. Ясно, что въ Ладогѣ, т. е. внутри города, были лишь осадные дворы; даже намѣстникъ съ тіуномъ жилъ по видимому не въ городѣ, а на посадѣ (см. Новг. писц. кн. III, стр. 957—960; Неволина Пят. прил. 45—46). Такой же составъ имѣлъ г. *Дмитровъ:* какъ показываетъ писцовая книга 1624 г., на посадѣ жили, кромѣ людей посадскихъ, также духовные и лица, управлявшіе въ это время городомъ, — приказный человѣкъ съ губнымъ дьякомъ (см. Времен. XXIV, 23). Приведемъ еще указанія, сохранившіяся въ сотной выписи изъ Муромскихъ писцовыхъ книгъ 1574 г. Здѣсь говорится только о посадѣ *города Мурома*. На посадѣ стоялъ княжій дворъ, дворъ владыки, дворъ поледенный (завѣдывавшій рыбнымъ весеннимъ сборомъ), дв. зелейный (пороховой), таможенная изба, судебня, дв. палача и городоваго воротника, дворы сокольничьи, разсыльщиковъ, пищальные и пушкарскіе, составлявшіе особыя подгородныя слободы — пушкарскую и пищальную, дв. гостинный, дв. посадскихъ людей

и пр. Словомъ, на посадѣ сосредоточивалось все населеніе города; онъ самъ въ мирное время оставался не жилымъ (А. Ю. № 229). Изъ позднѣйшей описи, составленной въ 1637 г., также видно, что Муромскій кремль занятъ былъ въ это время 88 осадными дворами казенными и разныхъ частныхъ лицъ. Населеніе жило на посадѣ и слободахъ (См. Город. Посел. I, 288; ср. Тихонравова Владим. Сборн. 80 и слѣд.). Всѣ эти данныя, указывающія на составъ большинства древне-русскихъ городовъ, раскрываютъ вполнѣ существенный ихъ типъ и значеніе. Городъ, заключавшійся въ «осадѣ», «осыпи», имѣлъ значеніе не пункта народнаго поселенія, но лишь нежилаго въ мирное время укрѣпленія, съ осадными дворами, въ которыхъ окрестное населеніе находило убѣжище и защиту въ «осадное время». *Осадной дворъ* составлялъ, такимъ образомъ, характерную принадлежность древне-русскаго города. Вотъ что говоритъ о его значеніи Н. И. Костомаровъ, глубокій знатокъ русской старины: «Въ городѣ были дворы разныхъ частныхъ лицъ, особенно дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ уѣздѣ. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться въ осаду отъ непріятеля. Въ обыкновенное мирное время хозяева такихъ дворовъ тамъ не жили, а оставляли дворниковъ изъ бобылей, которые занимались какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ и тѣмъ содержались, и вмѣстѣ съ тѣмъ управляли дворами за право жить въ нихъ. Сверхъ этихъ частныхъ осадныхъ дворовъ, были еще казенные осадные дворы или избы, построенныя для простонародья на случай военнаго времени, когда воеводы посылали чрезъ бирючей скликать народъ въ осаду. Избы эти были столь просторны, что въ нихъ по нуждѣ помѣщалось до 200 человѣкъ и жители подвергались тамъ всевозможнѣйшимъ неудобствамъ, какія могутъ происходить отъ тѣсноты; отъ этого нерѣдко жители предпочитали скитаться по лѣсамъ, подвергаясь опасности попасться подъ татарскій арканъ, чѣмъ идти въ осаду». (Соврем. 1860, кн. 3, стр. 19).

Значеніе такихъ остроговъ съ осадными дворами имѣли всѣ новые города — Воронежъ, Орелъ, Тамбовъ, Тула, Харьковъ, Самара, Саратовъ и пр., учреждавшіеся въ XVI и XVII стол., какъ сторожевые пункты на русскихъ украйнахъ противъ татаръ, ногайцевъ и другихъ кочевыхъ народцевъ, постоянно тревожившихъ юго-восточныя границы Московскаго государства. Всѣ такіе городки состояли изъ острога, собственно крѣпости, и изъ посада со слободами, населенными по большей части людьми служилыми (Город. посел. I, 419, 422 и пр.). [1]) Близость посадовъ и

---

[1]) Укрѣпленіе Богородицкое (нынѣшній Богородицкъ Тульск. губ.) при Алексѣѣ Михайловичѣ состояло изъ острога и подъ нимъ слободъ пушкарской и стрѣлецкой (Гор. посел. V, 227). Такія же слободы — козачьи, стрѣлецкія, пуш-

вообще жилыхъ мѣстъ иногда заставляла правительство переносить острогъ въ другое мѣсто, болѣе удаленное отъ жилья. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ городу Орлу, устроенному въ 1566 г., возникъ было во второй половинѣ XVII стол. вопросъ о перенесеніи крѣпости дальше отъ посада и слободъ, «своимъ сосѣдствомъ опасныхъ для зелейной и пушечной казны»; дѣйствительно, въ 1679 г. острогъ былъ устроенъ на другомъ мѣстѣ, «болѣе надежномъ къ осадному времени» (Ак. Ист. V, 52), оставшійся на старомъ мѣстѣ посадъ былъ незначительнымъ поселеніемъ (во второй половинѣ XVII стол. въ Орлѣ считалось только до 60 дворовъ; см. А. А. Э. IV, 150). Эти-то города и острожки и служили въ осадное время главнымъ убѣжищемъ для жителей посадовъ, селъ и деревень. Въ случаѣ малѣйшей опасности правительство заблаговременно распоряжалось созывомъ сельскихъ жителей въ «осаду». Такъ поступило правительство, напр. въ 1660 г., когда еще только предвидѣлась опасность вторженія въ русскую украйну татаръ, помогавшихъ Юрію Хмельницкому. Тотчасъ же велѣно было тамбовскому воеводѣ «уѣздныхъ всякихъ людей, съ женами и дѣтьми, съ животы и хлѣбными запасами, выслать» въ Тамбовъ въ осаду, *всѣхъ до одного человѣка*, тотчасъ, безъ всякаго мотчанія, а въ городѣ жить съ великимъ береженьемъ» (А. А. Э. IV, 122 и 206). [1]) Если вспомнимъ общее положеніе дѣлъ въ московскомъ государствѣ, особенно на восточныхъ и южныхъ его окраинахъ, гдѣ жители подолгу держались въ осадномъ положеніи, то намъ будутъ вполнѣ понятны общій характеръ и значеніе большинства московскихъ городовъ, въ особенности новыхъ, учреждавшихся въ пограничныхъ украйнахъ. Предназначенные для отраженія враговъ и для охраны населенія посадовъ и селъ,

---

карскія и пр. были и въ другихъ московскихъ городкахъ—Боровскѣ, Землянскѣ, Коротоякѣ, Острогожскѣ, Арзамасѣ, Сѣвскѣ, Данковѣ, Михайловѣ, Скопинѣ, Ефремовѣ, Каширѣ, Усмани и др. См. Город. посел. I, 435, 446, 448, 456; III, 291, 578 и пр. Всѣ такія подгородныя слободы, населенныя служилыми людьми, составили позже однодворческія поселенія, нерѣдко удерживавшія до конца прошлаго столѣтія старыя названія—слободъ пушкарскихъ, стрѣлецкихъ и пр. Такъ было, напр., въ г. Бѣлевѣ еще въ 1792 г.: подгородныя его слободы, населенныя по большей части однодворцами, назывались пушкарскими и стрѣлецкими. См. Н. Елагина Бѣлев. Вивл., II, описаніе г. Бѣлева, стр. 5.

[1]) См. также Бѣляева о сторожевой и станичной службѣ, примѣч. 85. Такъ дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ и въ прежнее время. Наши лѣтописи наполнены извѣстіями, что, при первой вѣсти о вторженіи непріятеля, жители селъ и деревень бѣгутъ, затворяются въ осадѣ во «множествѣ людей», съ женами и дѣтьми, съ животами, скотомъ и запасами. Сельскіе жители, уходившіе въ города, назывались бѣжанами. Князья иногда «вгоняли» жителей въ осаду; созывать народъ въ осаду значило «копить волость въ города». Въ главные города нерѣдко уходили жители другихъ волостей, земель и городовъ. Бѣжане скрывались, кромѣ городовъ, также въ лѣсахъ, болотахъ и пр. См. Лавр. 96, 97, 115, 129, 132; Ип. 36, 52, 80, 133, 199, 212; Новг. I, 41, 53, 62, 80, Новг. IV. 85, 94, 153 и пр.

остроги и кремли всегда должны были представлять укрѣпленные пункты, для храненія военныхъ складовъ, съ осадными, не жилыми въ мирное время дворами, въ которыхъ жило сельское населеніе лишь временно, въ осадную пору.

Типъ «укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія» имѣли въ XVI и XVII стол. весьма немногіе города, собственно только въ центральныхъ мѣстностяхъ государства, гдѣ установились и упрочились безопасность и экономическое благосостояніе народа. Въ московскомъ періодѣ, къ такимъ пунктамъ относились по преимуществу древніе, *старѣйшіе* города, «рубившіеся» въ старое время въ главныхъ центрахъ колонизаціоннаго движенія народа, въ средоточіяхъ политической и экономической жизни древне-русскихъ земель. Города, какъ пункты народнаго поселенія, сосредоточиваются, такимъ образомъ, въ центрахъ старыхъ территоріальныхъ районовъ, обнимавшихъ области Новгородскую, Кіевскую, Владимірскую и наконецъ Московскую (мы не касаемся западно-русскихъ областей, гдѣ города стали рано подвергаться вліянію чуждыхъ элементовъ — польскихъ и нѣмецкихъ): Новгородъ, Псковъ и Вятка; Кіевъ, Черниговъ и Переяславъ; Владиміръ, Суздаль и Ростовъ; Москва, Ярославль, Переяславль-Рязанскій, Кострома, Казань и еще немногіе города, которые могутъ быть названы пунктами поселенія сплоченныхъ общинъ, и которые сколько-нибудь выдѣлялись изъ остальной массы городовъ — укрѣпленій. Отличительной чертой такихъ городовъ — общинъ въ XVI и XVII стол. служилъ сложный ихъ составъ — изъ нѣсколькихъ городовъ съ посадами и слободами. Кромѣ дѣтинца (города, стараго города, верхняго, внутренняго, княжаго, рубленаго, также осады, городной осады, осыпи, тверди, но чаще — кремля, крема, крома, кремника, кромнаго города) въ составъ городскаго поселенія входитъ одинъ или нѣсколько новыхъ городовъ (городъ новый, нижній, внѣшній, дальній, средній, иногда кромѣ, острогъ, Китай-гор., Бѣлый-гор., Земляной-гор., Софійскій, Михайловскій, Печерскій и пр.); посады и слободы составляютъ застѣнья, охабни, околотки, загородья и пр. Общій типъ такихъ городовъ одинъ и тотъ же. Кремль — тоже, что въ городахъ перваго типа составляетъ острогъ, осыпь и пр. Здѣсь сосредоточиваются государевы дворцы или казенные дворы (воеводскій и др.) и разныя военныя и административныя учрежденія; частныхъ жилищъ мало. Въ нѣкоторыхъ городахъ этого типа, напр. въ Костромѣ, Переяславлѣ-Рязанскомъ и Симбирскѣ, удерживаются еще и осадные дворы (см. Город. посел. II, 543—546; IV, 327, 505). «Новые» города, напротивъ, служатъ жильемъ, какъ для служилыхъ классовъ, такъ и для людей посадскихъ, неслужилыхъ, и образовались изъ старыхъ застѣньевъ — посадовъ и слободъ, огораживавшихся тыномъ (столпьемъ) и

валомъ. Много было причинъ, въ силу которыхъ посады старыхъ городовъ переходили изъ положенія сельскаго въ «осадное», городское. Къ главнымъ изъ нихъ принадлежитъ накопленіе богатства, промышленное и торговое развитіе посадовъ, съ ихъ капитальными постройками и промышленными заведеніями, съ богатыми усадьбами и дворами посадскихъ людей, — вообще осложнившаяся обстановка всей ихъ жизни, разставаться съ которой и переходить въ тѣсную осаду стараго кремля было бы неудобно, грозило бы общимъ разореніемъ и безъ вражескаго нашествія. Притомъ, разросшееся населеніе пригородныхъ посадовъ и слободъ, вмѣстѣ съ жителями сосѣднихъ селъ и деревень, не находило физической возможности помѣщаться въ осадное время въ дѣтинцахъ, занимавшихъ по большей части незначительныя пространства, разсчитанныя, при первоначальномъ ихъ устройствѣ, на небольшое населеніе посадовъ и деревень. Оттого, напр., въ Кіевѣ и особенно въ Новгородѣ нѣсколько разъ расширяли дѣтинецъ, закладывали его «больше перваго», т. е. стараго (см. Ник. 75, 83; Новг. I, 1 и пр.). Большею же частію кремли оставались въ прежнемъ видѣ; но зато сами посады огораживались новыми стѣнами, валомъ и тыномъ, обращались въ «новые» города, въ постоянныя, жилыя «осады». Иногда постройка новыхъ городовъ производилась нѣсколько разъ, смотря по разростанію посадовъ въ отношеніи къ мѣсту и количеству населенія; прежнія застѣнья и загородья обращались въ города и пр. Такимъ путемъ въ старѣйшихъ городахъ, напр. въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Кіевѣ, съ теченіемъ времени образовалось до 4-хъ или 5-ти городовъ, въ Владимірѣ и Вяткѣ до 3-хъ, въ остальныхъ до 2-хъ. Новые города устроивались по иниціативѣ не только князей, но и самихъ посадскихъ людей. Въ 1619 г. сами жители Костромскаго посада огородились, на случай осаднаго времени, рвомъ и деревяной стѣной, и такимъ образомъ явился новый городъ. Съ этихъ поръ осадные дворы въ кремлѣ потеряли прежнее значеніе; по большей части, отошли подъ казенные дворы и заведенія. Для посадовъ и селъ, лежавшихъ за новымъ городомъ, служилъ осадой по преимуществу не кремль, но внѣшній или новый городъ (см. Город. посел. и пр.).

Былъ еще третій, такъ сказать, переходный типъ русскихъ городовъ XVI и XVII стол., — города со вновь заложенными, расширенными кремлями. Новыми стѣнами они отдѣляютъ отъ застѣньевъ часть посадскихъ, жилыхъ мѣстъ и, потому заключаютъ въ себѣ, кромѣ старыхъ осадныхъ дворовъ, также жилыя мѣстности. Въ такихъ городахъ населеніе осады и посада по большей части одно и то же; разница могла быть только количественная, не качественная. Сюда относятся по преимуществу города старые, но не достигшіе значенія центровъ «старѣйшихъ», не бывшіе (по-

добно Новгороду или Кіеву) политическими и экономическими средоточіями большихъ территоріальныхъ союзовъ. Таковъ былъ въ началѣ XIV стол. Орѣшекъ (въ Вотской пятинѣ): внутри города было, кромѣ 8 осадныхъ дворовъ, еще 20 жилыхъ (именно — 5 дв. молодыхъ людей городчанъ — мелкихъ торговцевъ, мастеровыхъ и крестьянъ, 7 дв. своеземцевъ, 2 дв. поповскихъ, 3 дв. пищальниковъ, 2 дв. воротниковъ и дворъ намѣстничъ); такой же точно составъ имѣлъ и посадъ, — въ немъ жили лучшіе люди своеземцы, городчане (лучшіе и молодые люди), поземщики, духовные, пищальники и пр. (Времен. 1851, XI, 111—115). Такимъ же образомъ, внутри города Ямы были расположены: дв. намѣстничъ, дв. городника, 14 дв. осадныхъ своеземцевъ и городскихъ людей, затѣмъ жилые дворы — земцовъ (40 дв.) и городчанъ (людей лучшихъ, середнихъ и молодыхъ) 9 дв.; тѣ же самые классы находимъ и на посадѣ (Новг. писц. кн. III, 879—885; Невол. Пят. 41). Такой же составъ имѣли Копорье, Нижній-Новгородъ, и, можетъ быть, Переяславль-Залѣсскій, Тверь и еще немногіе города (Нов. писц. кн. III, 494; Невол. Пят. 29; ср. Город. посел. I, 76, 292 и пр.).

Кромѣ городовъ указанныхъ трехъ типовъ, упоминаются еще простые острожки, наблюдательные пункты, устраивавшіеся въ старину на окраинахъ государства въ мѣстахъ пустыхъ, не заселенныхъ. Подобные острожки, называвшіеся въ XVII стол. полевыми или опасными острожками, сторожами, такъ же стоялыми или *жилыми* городками, не имѣя никакихъ посадовъ и постояннаго жилья подъ собой, устраивались по путямъ и границамъ для «дозора» за непріятелемъ; въ нихъ временно перемѣняясь періодически, жили въ небольшомъ числѣ ратные люди—пограничные сторожа, вѣстовщики, «смотрѣвшіе» за движеніемъ непріятелей и дававшіе о нихъ вѣсти во внутренніе города [1]). Нельзя также считать городами «тверди», «осыпи» и «грады», которые строились во время самой войны, напр. на мѣстѣ сѣчи, нерѣдко въ теченіи одного дня (см., напр., Ип. 213), и затѣмъ, по окончаніи войны, оставались пустыми городищами.

Такимъ образомъ, русскіе города московской эпохи разбиваются на три различныя формаціи — на города *меньшіе, средніе* и *большіе*, или *главные, старѣйшіе* [2]). Къ первичной формаціи, по своему происхожденію и появленію въ исторіи, — очевидно самой древней и наиболѣе многочисленной, — принадлежатъ города, имѣвшіе исключительное значеніе «остоевъ»,

---

[1]) См. Бѣляева, О сторож. и станич. служ. стр. 47, 48, 50 и слѣд. Такимъ стоялымъ острогомъ былъ въ началѣ XVII стол. Царевъ Алексѣевъ, позднѣйшій гор. Новый Осколъ. См. Гор. пос. III, 33.

[2]) Такое раздѣленіе городовъ московской эпохи уже давно подмѣчено нашими историками. См. напр. Чичерина, Област. Учрежд., стр. 72.

«городныхъ осадъ» — простыхъ укрѣпленій, не жилыхъ въ мирное время и временно населяемыхъ, при вторженіи непріятеля въ страну, жителями подгородныхъ посадовъ, селъ и деревень. Вторичная, болѣе сложная формація среднихъ городовъ, обнимаетъ города, съ расширенными кремлями и населеніемъ, живущимъ отчасти въ кремлѣ и отчасти въ посадѣ. Наконецъ, къ формаціи третичной относятся лишь немногіе, главные города, достигшіе полнаго развитія и имѣвшіе видъ жилыхъ городовъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ подгородныхъ посадовъ и слободъ. Обращаясь теперь къ городамъ княжеской Руси, мы замѣчаемъ, что чѣмъ далѣе идти въ глубь исторіи, тѣмъ болѣе уменьшается количество городовъ вторичной и третичной формацій и въ такой же прогрессіи увеличивается число городовъ формаціи первичной. Большинство городовъ, которые въ XVI и XVII стол. являлись совокупностію нѣсколькихъ жилыхъ городовъ, въ до-татарскую эпоху едва достигали вторичной формаціи, напр. Москва, Кострома, Ярославль и пр. Собственно городскими общинами, съ постояннымъ населеніемъ, жившимъ въ городскихъ стѣнахъ (въ кремлѣ и новыхъ городахъ) и на посадахъ, можно считать въ это время лишь Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Ростовъ, Владиміръ и Суздаль, т. е. только старѣйшіе территоріальные и политическіе центры, стольные грады, къ которымъ тянули отдѣльныя земли и волости. Остальные города (если даже допустимъ ихъ нѣсколько тысячъ) въ огромномъ большинствѣ стояли на ступени простыхъ остроговъ—осадъ или сторожевыхъ пунктовъ, безъ всякаго постояннаго населенія, и, слѣд., вовсе не имѣли значенія пунктовъ народнаго поселенія. Пригородные посады иногда обводились на время тыномъ, острогомъ, лишь въ виду непріятельскаго вторженія въ страну, именно на случай внезапнаго нападенія на посадъ; но лишь непріятель подходилъ къ городу, новый тынъ или острогъ сжигался самими жителями, для которыхъ осадой служилъ всегда дѣтинецъ, — въ обыкновенное время предгородья оставались открытыми (см. П. С. Л. I, 211, 213, 223; II, 21, 90, 91, 101). Города - общины являются у насъ не раньше начала или даже половины XI столѣтія. Новгородъ еще въ началѣ этого столѣтія раздѣлялся только на дѣтинецъ и посадъ (на торговой сторонѣ); еще при Ярославлѣ Владиміровичѣ новгородскій дѣтинецъ представлялъ небольшой деревянный острогъ, въ которомъ стояла церковь св. Софіи да были устроены дворы (очевидно, осадные) князя и немногихъ лицъ. Ярославъ жилъ обыкновенно въ загородномъ княжемъ дворѣ, такъ назыв. Ярославовомъ, на торговой сторонѣ, т. е. на посадѣ, гдѣ собиралось обыкновенно и вѣче. Только въ военное время князья съ [illegible] телями перебирались въ осадные дворы дѣтинца, до минованія осады. [illegible] ширеніе новгородскаго дѣтинца упоминается впервые подъ 1044 г.; п[illegible]

нѣсколько разъ строились новыя городскія стѣны (см. Ник. 83; Ип. 4, 57, 68; Новг. I, 1 и пр.). Съ этихъ поръ Новгородъ имѣлъ, кромѣ дѣтинца, также другія укрѣпленныя, а главное—заселенныя части или просто новые города, и, слѣдовательно, только въ это время сдѣлался укрѣпленнымъ пунктомъ народнаго поселенія, городской общиной въ настоящемъ смыслѣ. Въ томъ же столѣтіи новый городъ является въ Кіевѣ и Черниговѣ, а въ слѣдующемъ — во Владимірѣ, Псковѣ, Переяславлѣ, Суздали и еще нѣкоторыхъ городахъ [1]).

Въ виду сказаннаго, мы думаемъ, что если въ московскій періодъ было весьма мало городовъ — общинъ, служившихъ мѣстомъ постояннаго жительства горожанъ, то въ IX—X стол. могло и вовсе не быть такихъ общинъ, — могли быть одни городки — осады да сторожевые пункты, и только. Лѣтописныя показанія не разъясняютъ дѣла со всѣми подробностями. По лѣтописямъ города являются въ большинствѣ случаевъ населенными пунктами; но именно потому, что лѣтописи имѣютъ дѣло съ городами по преимуществу въ боевомъ ихъ видѣ, въ пору осады, когда города затворены, заметаны столпьемъ, твердью, когда населеніе посадовъ и селъ скучивалось въ осадныхъ дворахъ городовъ. Лѣтопись почти вовсе умалчиваетъ о городѣ въ его обыденномъ, мирномъ видѣ, существенный характеръ котораго остается, поэтому, не совсѣмъ раскрытымъ для насъ. Тѣмъ не менѣе, внимательно всматриваясь въ лѣтопись, не трудно подмѣтить, по крайней мѣрѣ, общія, типическія черты, какими характеризуется по лѣтописямъ древне-русскій городъ. Существенное понятіе большинства древне-русскихъ городовъ будетъ собственно одно — именно то, которое выработалось изъ военно-оборонительнаго его устройства, какъ искуственнаго учрежденія, съ его задачей—защищать и оберегать, «хоронить» (отсюда — храмъ, кромъ, кромный городъ, кремль) жителей отъ вражескихъ силъ. Жители могли являться «городомъ»—*военнымъ союзомъ*, *дружиной*, лишь въ осадное время, когда населеніе скрывалось въ города, являлось въ роли воевъ, земской дружины, полка, — въ этомъ смыслѣ лѣтописи и говорятъ, что города бѣгутъ, взяты на щитъ и пр. Древній русскій человѣкъ, являясь въ городѣ въ роли «городчанина», оставлялъ привычки сельской жизни, въ минуту опасности затворялся въ осаду, тѣснился въ

---

[1]) О расширеніи кремля въ Кіевѣ впервые говорится подъ 1017 г.: «Заложи Ярославъ градъ Кіевъ, *боль перваго*» (Ник. 75); затѣмъ подъ 1037 г.: «заложи Ярославъ город *великый* Киевъ, у него же града суть Златая Врата» (Лав. 65). Съ послѣдняго года является Софійскій городъ: въ 1033 г. на мѣстѣ, гдѣ послѣ стояла церковь св. Софіи, была сѣча Кіевлянъ съ Половцами, — «бѣ бо тогда *поле* внѣ града» (Ник. 80). О Черниговѣ и другихъ городахъ см. Лавр. 86, 141, 145, 173 и пр.

осадныхъ дворахъ [1]), ратовалъ въ роли воя-дружинника за свой городъ, а съ нимъ и за свое село, свою землю. Предъ непріятелемъ народъ являлся всегда скученнымъ въ городахъ и на «полѣ», организованнымъ въ временныя военныя дружины, отстаивавшія свою независимость и свободу. Но миновала опасность,—и воинъ складывалъ оружіе; городъ снова пустѣлъ: временные его жильцы расходились, «вылѣзали въ зажитья» (см. напр. Ип. 212), въ свои посады и сельскія захолустья «дѣлать нивы своя», до новаго клича въ осаду. Съ народомъ расходилась по зажитьямъ и княжая дружина, въ мирное время, обыкновенно, распускавшаяся князьями. Во городѣ оставался князь съ ближайшими дружинниками-думцами, да сторожа осады съ осадными дворами. Наконецъ, сами князья рѣдко сидѣли продолжительное время въ городахъ; они шли «въ путь» во вражескую сторону или на полюдье по своимъ волостямъ. Городъ могъ, такимъ образомъ, рѣшительно опустѣть, остаться съ одними сторожами. Такъ, намъ кажется, лѣтопись рисуетъ характеръ и роль большинства древнерусскихъ городовъ, и мы увидимъ ниже, что инаго характера и роли, за весьма немногими исключеніями, они и не могли имѣть въ теченіи всей древней исторіи.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что общій типъ древне-русскаго города сложился далеко не въ томъ видѣ, какъ это представляетъ себѣ нашъ авторъ. Мы изложили цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ, рѣшительно идущихъ въ разрѣзъ съ воззрѣніемъ г. Самоквасова на значеніе русскихъ городовъ въ московскую эпоху, какъ группъ служилыхъ военныхъ людей — непремѣнныхъ жильцовъ укрѣпленныхъ пунктовъ, вытѣснившихъ собою изъ городовъ людей неслужилыхъ, которые будто бы съ того времени, сосредоточились исключительно на посадахъ и въ уѣздахъ. Ничего подобнаго не было, да и никогда не могло быть въ дѣйствительности. Въ памятникахъ, мы не находимъ ни малѣйшаго намека на такой крутой переворотъ въ судьбѣ древне-русскихъ городовъ. Русскій городъ московской эпохи удерживалъ всѣ тѣ существенныя черты своего устройства, съ какими онъ являлся вездѣ на Руси и въ теченіи всей княжеской эпохи. Гипотеза г. Самоквасова остается, такимъ образомъ, совершенно не доказанной и слѣдовательно лишенной всякаго научнаго значенія. Она не подтверждается ни лѣтописями, ни писцовыми и разрядными книгами, ни уложеніемъ и другими законодательными актами московской эпохи. Уложеніе застало города съ самымъ разнохарактернымъ составомъ; оно вводитъ, правда,

---

[1]) Осадные дворы были въ русскихъ городахъ уже въ X стол., какъ это видно изъ описанія похода Ольги на Древлянъ, собравшихся въ *осаду* по городамъ, въ *дворахъ* съ *одринами*, *клѣтями* и *вежами*. См. Лав. I, 25.

новые порядки въ ихъ устройство, но только совсѣмъ не въ томъ направленіи, на какое указываетъ г. Самоквасовъ. Уложеніе вовсе не имѣло въ виду сосредоточить въ городахъ служилые классы, вытѣснить изъ нихъ классы промышленные, неслужилые; напротивъ, вся его реформа именно была направлена на выдѣленіе изъ городовъ собственно сельскихъ, «пашенныхъ», элементовъ и на сосредоточеніе торговыхъ и ремесленныхъ классовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе точное различеніе городовъ съ селами въ территоріальномъ и экономическомъ отношеніяхъ (см. Улож. гл. XIX, ст. 3, 4, 13, 15, 19, 34, 35 и пр.).

То же самое нужно сказать о положеніяхъ, высказываемыхъ г. Самоквасовымъ на стр. 61 и 62 касательно историческаго происхожденія и роли древне-русскихъ посадовъ. Положенія эти основаны на невѣрно понятыхъ историческихъ свидѣтельствахъ. По словамъ автора, историческое происхожденіе посадовъ, слободъ и мѣстъ было слѣдующее: «по инціативѣ самаго народа или по распоряженію правительства, въ данной мѣстности, долженствовавшей сдѣлаться пунктомъ народнаго поселенія, сооружалось городское укрѣпленіе; первоначальный выселокъ селился, осаживался, *осаждался* внутри укрѣпленія, образуя «городскую осаду». Съ теченіемъ времени, размѣры пространства земли, обнесенной оградою, становились недостаточными, чтобы вмѣстить въ себѣ увеличившееся населеніе первоначальнаго города: выселокъ размножался путемъ нарожденія новыхъ членовъ, подъ защиту новаго города — укрѣпленія — приходили выходцы изъ древнихъ городовъ и селеній, а потому, бѣднѣйшіе члены общины и новые пришлецы принуждены были выходить за стѣны города и садиться на свободѣ, т. е. на мѣстахъ внѣ городскаго укрѣпленія, образуя собою заселенныя мѣстности, окружавшія городъ-осаду... Такимъ образомъ, съ самаго начала образованія посадовъ, въ нихъ должны были сосредоточиваться бѣднѣйшіе классы народонаселенія. Такими мы и встрѣчаемъ посады въ историческое время: въ нихъ живетъ преимущественно промышленный, торговый, ремесленный и чернорабочій классы, въ противоположность городамъ-осадамъ, какъ преимущественнымъ мѣстамъ жительства богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ классовъ; князей, бояръ, высшаго духовенства, служилыхъ людей» (стр. 61—62).

Подобный взглядъ на дѣло могъ составить себѣ авторъ, какъ намъ думается, лишь вслѣдствіе полнаго незнакомства съ историческими фактами, или же вслѣдствіе простаго пренебреженія ими, какъ неподходящими, и опровергающими голословно составленную теорію автора. Масса такихъ фактовъ изложена нами выше. Изъ нихъ авторъ убѣдится, на сколько его схема отличается научною правдивостію. Данныя, сообщаемыя напр. писцовыми и переписными книгами (см. выше), ясно говорятъ, что жили во

многихъ городахъ не въ кремлѣ или осадѣ, но именно на посадахъ; какъ было, напр., въ Корелѣ, Орѣшкѣ, Ладогѣ, Шуѣ и пр. То же самое нужно сказать даже о старыхъ князьяхъ. Подобно тому, какъ еще Ярославъ I, въ обыкновенное, не осадное время, жилъ въ загородномъ дворѣ, на посадѣ, такъ и князья Муромскіе имѣли свой дворецъ до позднѣйшаго времени не въ Кремлѣ, а тоже на посадѣ. Писцовыя книги, далѣе, указываютъ на цѣлый рядъ городовъ XVI и XVII вѣковъ, въ которыхъ высшіе классы, служилые и приказные люди и духовенство, жили не въ «осадѣ», но именно внѣ ея — на посадахъ, напр. въ Печерникахъ, Орѣшкахъ, Корелѣ, Дѣмонѣ, Ладогѣ, Бѣлоозерѣ, Шуѣ и пр. Какъ показываетъ примѣръ учрежденія городовъ Коротояка, Орла и Василя, служилые, военные люди, переводившіеся въ нихъ изъ другихъ городовъ, селились не въ самомъ острогѣ, но на посадахъ, обыкновенно въ особыхъ слободахъ-стрѣлецкихъ, пушкарскихъ, пищальныхъ, козачьихъ и пр., какъ это было и въ Костромѣ, Копорьи, Муромѣ, Печерникахъ и пр. Въ Костромѣ, напр., стрѣльцы и другіе служилые люди жили въ «осадѣ» только въ осадныхъ дворахъ, въ качествѣ дворниковъ, сторожей (слѣд., въ небольшомъ числѣ). Съ другой стороны, мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ примѣрами того, что въ древнее время, когда высшіе классы сосредоточивались преимущественно на посадахъ, люди посадскіе, вмѣстѣ съ казенными сторожами, были, можно сказать, единственными жильцами (въ качествѣ дворниковъ) осадъ, кремлей и дѣтинцевъ. Такъ было на Бѣлоозерѣ (между тѣмъ, авторъ именно имѣлъ въ виду этотъ городъ, доказывая, что въ городахъ московскихъ посадскіе не жили); Печерникъ охранялся однимъ дворникомъ; въ осадѣ Орѣшка и Ямы жили даже крестьяне. Въ городахъ высшихъ формацій, получившихъ значеніе населенныхъ общинъ, жили рядомъ съ служилыми классами и неслужилые, тяглые люди — посадскіе и крестьяне, какъ это было, кромѣ Орѣшка и Ямы, также въ Копорьи, Переяславлѣ-Рязанскомъ, Угличѣ, Нижнемъ и т. д. Сама Москва, служившая главнымъ прототипомъ древне-русскаго города, имѣла самый сложный составъ; привиллегированные классы Москвы никогда не «вытѣсняли» изъ города людей неслужилыхъ, — напротивъ, послѣдніе жили не только въ Китай-городѣ, но и по преимуществу въ Бѣломъ и Земляномъ (См. Снегирева Памят. Моск. древ.; Арцыбашева Повѣст. Рос.; Карамзина Ист.; Историч. путевод. Москвы; Костомарова Очеркъ домашн. жизни; Город. посел. Росс. Имп. VI и пр.; см. также о другихъ городахъ — Новг. писц. книги; Неволина Пятины и пр.).

Авторъ введенъ былъ въ заблужденіе, повидимому, сходствомъ словъ «осада» и «посадъ»: по его словамъ, первоначальный выселокъ *«осаждался* внутри укрѣпленія, образуя городную *осаду»*. Дѣло въ томъ, что

онъ не вѣрно понялъ значеніе «осады» и «посада». Городная осада, по своему первичному значенію, не можетъ, въ данномъ случаѣ, приравниваться къ городскому посаду. Послѣднее слово, дѣйствительно, произошло отъ — *садиться*, селиться. Въ такомъ смыслѣ по древнему славянскому языку всякое поселеніе называлось осадой или посадомъ; въ древнихъ чешскихъ памятникахъ сельская община называлась до позднято времени «озада». И наши древнія села, рядки, погосты и слободки назывались посадами, а жители — посадчиками или *посаханами* (Пск. I, 301). Въ Деревской пятинѣ былъ погостъ Полоновскій, называвшійся безразлично погостомъ, рядомъ или рядкомъ (ряткомъ) и посадомъ (см. Невол. Пят., прилож. 275), какъ и назывались посадами ряды и рядки Боровицкій, Вышне-Волоцкій, Потерпѣлецъ и др. (ib. стр. 301, 319, 374). Названіе посадовъ [1]) изстари прилагалось къ болѣе значительнымъ сельскимъ поселкамъ «пашеннымъ» и «непашеннымъ», въ особенности торговымъ (отсюда названіе — торги, торжки) и промышленнымъ, располагавшимся у рѣкъ и озеръ, (иногда при монастыряхъ), и занимавшимся, кромѣ хлѣбопашества также рыболовствомъ, торговлею, иногда весьма значительною, и пр. (см. ib. стр. 138, 149, 160, 163 и пр.). Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ промышленныхъ селъ, рядковъ и посадовъ были всѣ принадлежности старыхъ городовъ, а между тѣмъ, села, посады и рядки не дѣлались чрезъ то городами. Такъ, въ Новгородскихъ пятинахъ нерѣдко попадались посады, слободки и села (какъ слободка Вежница, погостъ Прокофьевскій или Вышній-Волочокъ), въ которыхъ были дворы и амбары зелейные, пушкарскіе, емчужные; въ другихъ поселкахъ встрѣчаются дворы гостинные, таможницкіе, судные, тюрьмы и прочія принадлежности городовъ (ib. 138, 163, 164, 171, 281, 319, 379 и пр.). Такіе же самостоятельные посады, постепенно возникавшіе изъ мелкихъ сельскихъ поселковъ, встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ; напр. въ Важской землѣ, еще въ XVI стол., вовсе не было городовъ; центрами ея служили два

---

[1]) Подгородныя поселенія получаютъ названіе посадовъ съ XII и XIII стол. Впрочемъ, и раньше упоминаются «передъгородья», села подъ городами. Въ XI стол. они встрѣчаются при всѣхъ главныхъ городахъ. Въ Новгородѣ при Ярославѣ былъ посадъ на торговой сторонѣ. Въ Кіевѣ значеніе посадовъ имѣли Подолъ, Болонье, Берестовое, какой-то Германечъ; упоминаются также деревни, огороды и отдѣльные дворы; внѣ города были княжіе дворы — на Берестовомъ за Днѣпромъ (П. С. Л. I, 98, 99; II, 15, 24, 34, 81). Черниговъ также имѣлъ передъгородье (ib. I, 96, 145). Передъгородья, загородья, окологородья посады, деревни и села имѣли Переяславль, Владиміръ, Перемышль и пр. (ib. I, 221, 231, 232, 234; II, 19, 65, 67, 117 и пр.). Окологородья имѣли въ XVI стол. въ Новгородской области значеніе цѣлыхъ городскихъ уѣздовъ (Неволина Пятины, 142, 149), въ XI и XII стол. могли означать небольшіе подгородные посады, села и отдѣльные дворы.

посада — Шенкурскъ и Вельскъ, обладавшіе почти всѣми принадлежностями городовъ, но на самомъ дѣлѣ не входившіе въ ихъ число (см. Владимірскаго-Буданова Христом. II, 158). Небольшіе рядки, села и посады, занимавшіе мѣсто осѣдлости въ лѣсной глуши, окруженные болотами и пр., словомъ — обезпеченные самой природой страны отъ вражескихъ набѣговъ, не заводили у себя никакихъ искусственныхъ учрежденій для защиты, вовсе не знали городовъ, жили въ разсыпную, мелкими сельскими поселками. Села же и посады, болѣе открытые для нападеній, достигавшіе притомъ значительнаго развитія по численности населенія, богатству и промысламъ, учреждали у себя дворы зелейные и пушкарскіе (а съ ними являлись, конечно, и военные люди), иногда строили небольшіе острожки, какъ это было въ Выгоозерскомъ погостѣ Соловецкаго монастыря (см. выше); но тѣмъ не менѣе чрезъ это не становились еще на ступень городовъ. Города являлись по преимуществу въ такихъ поселеніяхъ и мѣстностяхъ, которымъ грозила постоянная опасность непріятельской «осады», которыя болѣе или менѣе часто «*осаждались*» врагами, подвергались ихъ набѣгамъ и происходившему отсюда разоренію и другимъ бѣдствіямъ. Отсюда *при* селахъ, рядахъ, слободахъ и посадахъ строились постоянныя городныя осады, кремли, кромные (укромные — отсюда кромъ, храмъ — отъ хоронить, охранять — первоначально названіе всякой постройки, ради охраненія, защиты, — дома, церкви, города и пр.), города, осыпи и пр., — ограды съ осадными дворами, простыя укрѣпленія, устроенныя по старымъ незатѣйливымъ правиламъ военнаго и крѣпостнаго искусства. Отсюда также ясно, что не посадъ состоялъ при городѣ — осадѣ, но собственно городъ при посадѣ, какъ его существенная принадлежность, какъ его кромъ, охрана — военное учрежденіе, его городная осада, служившая для посада и всего окрестнаго населенія мѣстомъ «осаднаго сидѣнья» въ случаѣ непріятельскихъ набѣговъ. Таковъ порядокъ происхожденія едва-ли не всѣхъ древне-русскихъ городовъ. Какъ показываетъ исторія Новгорода, Пскова, Москвы и другихъ большихъ городовъ, они получали характеръ заселенныхъ мѣстъ, достигали вторичной и третичной формаціи своего развитія, также при непремѣнномъ посредствѣ посадовъ, застѣньевъ и слободокъ, которыя сами огораживались въ той или другой своей части или полномъ составѣ, захватывались кремлемъ или же составляли изъ себя новые города, съ своими особыми осадами и застѣньями. Не городъ выселялъ изъ себя посады, села и хутора, какъ думаетъ г. Самоквасовъ, но наоборотъ — хутора, села и посады дали начало городамъ, сперва какъ незаселеннымъ «осадамъ», а затѣмъ какъ укрѣпленнымъ пунктамъ поселенія сплоченныхъ городскихъ общинъ. Такой порядокъ развитія народныхъ поселеній вообще и городовъ въ частности не выдуманъ народомъ

или правительствомъ лишь въ московскую эпоху; корни его несомнѣнно лежатъ въ стародавнихъ народныхъ обычаяхъ, образовавшихся еще въ первичныя эпохи народной колонизаціи, какъ объ этомъ мы скажемъ сейчасъ подробнѣе.

Первая глава (о количествѣ городовъ древней Россіи) можетъ считаться лучшею частью сочиненія г. Самоквасова. Здѣсь онъ стоитъ по преимуществу на строго фактической почвѣ, не вдается въ построеніе произвольныхъ и недоказанныхъ гипотезъ. Авторъ довольно убѣдительно доказываетъ, что въ старое время на Руси существовали тысячи, а не сотни городовъ, какъ думаютъ другіе историки. Но и здѣсь авторъ остановился на полдорогѣ. Мало доказать, что были тысячи городовъ; нужно было также убѣдить читателя, что это именно тѣ самые города, исторію которыхъ авторъ избралъ темой своего спеціальнаго изученія. Положимъ, что были даже не тысячи, а десятки, сотни тысячъ городовъ, но какихъ?— простыхъ ли укрѣпленій, городовъ — осадъ, или укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія? Объ этомъ весьма капитальномъ вопросѣ авторъ не обмолвился ни однимъ словомъ. Онъ самъ говоритъ, что за исторіей древне-русскаго города, въ спеціальномъ смыслѣ, остаются только города, какъ укрѣпленные пункты народнаго поселенія (стр. 72 — 73). Но доказалъ-ли авторъ, что открытые имъ города дѣйствительно тѣ, которыхъ онъ ищетъ, какъ предметъ спеціальнаго изученія? Доказалъ ли онъ, что это не сторожевые пункты, не простые острожки и укрѣпленія, а именно пункты поселенія? Чѣмъ докажетъ авторъ, что тысячи городовъ, о которыхъ онъ находитъ свидѣтельства въ лѣтописяхъ, древнихъ актахъ, у иностранныхъ писателей и въ вещественныхъ памятникахъ — городищахъ, были не простыя укрѣпленія, а именно города въ спеціальномъ смыслѣ? Самъ же авторъ, въ одномъ мѣстѣ, обмолвился, что, въ смыслѣ укрѣпленія, слово городъ встрѣчается «на каждомъ шагу», во весь древній періодъ русской исторіи, и только въ XVIII столѣтіи вышло изъ употребленія (см. стр. 42). Что мѣшаетъ допустить, что именно такія «фортеціи» разумѣетъ лѣтопись, говоря о многихъ городахъ Уличей и Тиверцовъ, о городахъ подунайскихъ, древлянскихъ и пр. (стр. 80 и слѣд.). Всѣ эти вопросы ни малѣйшимъ образомъ не разрѣшены авторомъ. Если, какъ мы видѣли, еще въ XVI и XVII стол. города, въ огромномъ большинствѣ, имѣли значеніе лишь «городныхъ осадъ», простыхъ укрѣпленій (не смотря на то, что многіе изъ нихъ извѣстны были уже на первыхъ порахъ исторіи, напр. Бѣлоозеро), то ничто не мѣшаетъ утверждать съ полной вѣроятностію, что и тѣ тысячи городовъ, которые открыты авторомъ, были также временными «осадами», даже, быть можетъ, простыми острожками, сторожевыми пунктами, и слѣдовательно, вовсе не входятъ

въ кругъ городовъ, подлежащихъ спеціальному изученію, предпринятому г. Самоквасовымъ. Словомъ, не смотря на его открытія, вопросъ о количествѣ «городовъ» въ древней Россіи, въ существѣ дѣла, остается въ прежнемъ положеніи, и потому, въ виду сказаннаго нами выше, мы остаемся при убѣжденіи, что если въ древней Россіи и существовали города, какъ пункты поселенія, то, во всякомъ случаѣ, лишь какъ весьма рѣдкое исключеніе, а не общее правило.

Впрочемъ, самыя открытія г. Самоквасова требуютъ еще строгой повѣрки и, какъ сейчасъ увидимъ, далеко не всѣ могутъ быть приняты въ наукѣ, какъ факты и положенія, вполнѣ доказанныя авторомъ. Авторъ вообще склоненъ къ преувеличеніямъ. Лѣтопись, напр., говоритъ только, что города Уличей и Тиверцовъ существуютъ «до сего дня», а авторъ утверждаетъ, что ихъ было множество (слово «множьство» въ лѣтописи относится не къ городомъ, а къ самимъ Уличамъ и Тиверцамъ). Лѣтопись говоритъ о «градахъ», о «всѣхъ градахъ» Древлянъ; авторъ же утверждаетъ, не задумываясь, что ихъ было много. Выраженіе: «вая... ини грады многи, имъ же нѣсть числа», можетъ быть, употреблено лѣтописцемъ, что называется, ради красоты слога, чтобы усилить впечатлѣніе описываемаго событія.

На стр. 87—88 авторъ говоритъ о смоленскихъ городахъ, по уставнымъ грамотамъ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича епископіи Смоленской 1150 г., и утверждаетъ, что грамоты даютъ указанія на существованіе въ Смоленской области уже въ половинѣ XII стол. до 50 городовъ, хотя по лѣтописямъ извѣстно не болѣе 10. Мы позволимъ себѣ рѣшительно усомниться въ вѣрности подобнаго вывода. По всему видно, авторъ не старался внимательно изучить *весь* памятникъ, точнѣе опредѣлить характеръ тѣхъ указаній, какія даютъ грамоты на современные города Смоленской области; авторъ даже допускаетъ явныя ошибки. Такъ, онъ причисляетъ города Мстиславль и Изяславъ къ мѣстностямъ, упоминаемымъ въ первой грамотѣ, что совершенно невѣрно. Невѣрно также замѣчаніе о томъ, что 7 поселеній первой грамоты (только 6) упоминаются въ третьей въ значеніи городовъ, и что опредѣляется количество дани съ Изяславля (оно только упоминается въ третьей грамотѣ). Мы указываемъ на эти ошибки, чтобы показать, съ какимъ вниманіемъ г. Самоквасовъ относится къ памятникамъ. Главный его доводъ (высказанный, впрочемъ, еще Бѣляевымъ) состоитъ въ томъ, что многія мѣстности первой грамоты платятъ дани, одинаковыя и даже большія сравнительно съ данью городовъ. Но количество дани еще немного значитъ. Вержавскъ названъ городомъ; между тѣмъ, онъ платилъ всего 30 гр. дани, тогда какъ погосты въ Вержавлянахъ давали 800 гр. дани, 100 гр.

передмѣра да на «штужницы» 100 гр. — всего 1,000 гр. Дѣло въ томъ, что богатыя сельскія поселенія могли доставлять князьямъ дани, далеко превышавшія дань съ мелкихъ городковъ. Сельскія поселенія всегда доставляли князьямъ главные источники доходовъ, тогда какъ городки, по большей части, только требовали со стороны князей издержекъ на содержаніе служилыхъ людей, на поддержку стѣнъ и пр.

Намъ кажется, что значеніе мѣстностей, упоминаемыхъ въ первой смоленской грамотѣ, можно хоть приблизительно опредѣлить, если примемъ во вниманіе составъ самаго памятника и характеръ даней по первой и третьей грамотамъ.

Дѣло въ томъ, что Смоленской епископіи дано было право на десятину со *всѣхъ* княжихъ «даней» въ Смоленской области — съ городовъ, погостовъ, селъ и пр. Мѣстности, подробно перечисленныя въ первой грамотѣ, и обозначаютъ *весь* составъ Смоленской земли въ половинѣ XII стол. Перечисленіе начинается съ *погостовъ*, лежавшихъ въ мѣстности — Великихъ Врежавлянахъ и платившихъ самую большую дань (1,000 гр.); затѣмъ слѣдуютъ мѣстности (въ числѣ 22-хъ), безъ означенія ихъ принадлежности къ городамъ или погостамъ. Съ Пацина начинаются мѣстности, которыя по большей части, кромѣ дани, платятъ еще особые промысловые взносы — гостинную дань, корчемную, полюдье, мытъ и пр.; между такими мѣстностями упоминаются 5 (Солодовники, Путтинъ, Кречютъ, Исконъ и Лодейницы), которыя платятъ одну дань, какъ и мѣстности первой половины грамоты. Затѣмъ говорится о пожалованіи *селъ* Дросенскаго и Ясенскаго, земли въ Могоновичахъ и «лукъ» (мѣсто для рыбной ловли) на Сверковыхъ. Къ данямъ первой грамоты, прибавлены въ пользу смоленской епископіи въ третьей грамотѣ также «погородье изъ» Мстиславля и другихъ мѣстностей—уроки, почестье и пр. Такимъ образомъ, въ смоленскихъ грамотахъ рѣчь идетъ о даняхъ съ погостовъ и другихъ мѣстностей по *всей* смоленской землѣ, о пожалованіи селъ и земель и наконецъ объ урокахъ и другихъ доходахъ *собственно съ городовъ*. Что касается мѣстностей, перечисленныхъ въ первой грамотѣ, то, въ виду того, что они платятъ одну и ту же *дань* только по различнымъ окладамъ и съ разными добавочными взносами, можно думать, что и самыя мѣстности, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ дани, имѣли одинаковое значеніе — округовъ или *волостей*, напр. хоть такихъ, какъ Великіе Вержавляне, слагавшіеся, очевидно, въ одну волость изъ 9 погостовъ. Съ этой волости, самой значительной по количеству дани, и начинается перечисленіе мѣстностей, которыя, судя по окладамъ и сравнительно съ первой мѣстностью, имѣли значеніе небольшихъ волостей или даже погостовъ (въ значеніи небольшихъ округовъ, подобныхъ напр. пог-

городскимъ погостамъ), съ городами или безъ нихъ. Одни изъ такихъ волостей и погостовъ носять названія по городамъ (Торопча, Жижци, Суздаль и пр.); другія имѣютъ самостоятельныя названія. Къ волостямъ или округамъ съ городами можно причислять Пацинъ, Бѣницы, Дѣдичи и другія мѣстности съ гостинной данью и корчмой; хотя, какъ уже замѣчено выше, корчмы и гостинство не составляли исключительной принадлежности городовъ, могли имѣть мѣсто и въ сельскихъ поселкахъ (рядахъ, торжкахъ и пр.). Ничто не мѣшаетъ допустить, что *всѣ* мѣстности первой грамоты могли означать округи (съ городами и безъ нихъ), изъ которыхъ въ половинѣ XII стол. слагалась Смоленская земля. Дань была обязательной для всѣхъ округовъ, уплачивалась всѣмъ населеніемъ; даже больше: она имѣла по преимуществу повсемѣльный характеръ, слѣд. падала прежде всего на погосты, сельскіе поселки, все населеніе облагалосе данью по округамъ — отдѣльнымъ волостямъ или погостамъ, каждый съ своимъ особымъ окладомъ, смотря по численности населенія, можетъ быть— по количеству земли и промысламъ населенія. Кромѣ десятины съ даней, платившихся *волостями* всей Смоленской земли, третья грамота установляетъ въ пользу епископіи еще особую дань, которой были спеціально обложены *города*, — уроки, почестье и натуральные взносы (лисицами и рыбой). Эта-то городская дань, какъ мы думаемъ, и называлась «погородье», т. е. данью, взимавшеюся исключительно съ городовъ. По крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно, чтобы когда либо города назывались погородьями; да и самое выраженіе: «погородье *изъ* Мстислава» и пр., указываетъ на то, что здѣсь разумѣется дань, слѣдовавшая «изъ» городовъ, перечисленныхъ въ грамотѣ [1]). При томъ, въ старое время дани могли называться прямо по мѣсту жительства податныхъ лицъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что позже дань, уплачивавшаяся погостами (преобладавшими по преимуществу въ сѣверныхъ русскихъ земляхъ), иногда называлась «погостъ» (см. Собр. Гос. Грам. I, 387, 388). Слѣдуетъ вспомнить также и то обстоятельство, что еще Ольга «уставила» въ Новгородской землѣ, по Мстѣ и Лузѣ, «погосты (повосты) и оброки» (уроки); здѣсь погосты могутъ соотвѣтствовать дани, какъ и оброки или уроки — погородью смоленской грамоты. Какъ бы то ни было, но, въ виду сказаннаго, мы имѣемъ право, кажется, считать весьма сомнительнымъ и еще не доказаннымъ выводъ г. Самоквасова, что всѣ 50 мѣстностей смоленскихъ грамотъ именно были города, а не другія формы народныхъ поселеній.

Еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ г. Самоквасова о томъ,

---

[1]) Такъ, по видимому, смотритъ на дѣло и С. М. Соловьевъ (см. Ист. III, 9).

что въ городамъ должны быть отнесены до 50-ти мѣстностей Новгородской области, перечисленныхъ въ уставной грамотѣ Новгородскаго князя Святослава 1137 г. (см. Рус. Достоп. 1815, I, стр. 82—85). Кромѣ того, что въ этой грамотѣ перечисленіе мѣстностей, какъ и въ первой смоленской грамотѣ, начинается прямо съ *погостовъ* (Волдоутовъ, Тудоворъ, Иванъ), слѣдуетъ замѣтить, что есть основаніе считать чуть ли не всѣ остальныя мѣстности именно погостами и волостками, а не городами. Сомнѣніе можетъ возбуждать одна Яма; по писцовымъ новгородскимъ книгамъ XVI стол. Яма является городомъ (Неволина Пятины, 136); но еще вопросъ — была ли эта мѣстность городомъ въ началѣ XII стол.; по крайней мѣрѣ, доселѣ извѣстно, что Новгородцы построили «городъ» Яму (въ мѣстности, которая до того времени могла быть обыкновеннымъ погостомъ) не раньше 1384 г. (см. Город. посел. VII, 554). Что касается остальныхъ мѣстностей, то автору стоило только внимательно просмотрѣть Новгородскія писцовыя книги (даже одинъ списокъ мѣстностей Новгородскихъ, приложенный къ сочиненію Неволина о пятинахъ и погостахъ), чтобы опредѣлить значеніе мѣстностей, перечисленныхъ въ Святославовой грамотѣ. Чуть ли не всѣ эти мѣстности встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ, съ значеніемъ погостовъ, волостей и селъ, безъ всякаго намека, чтобы они были когда либо городами. Вотъ до 20 мѣстностей, несомнѣнно тождественныхъ по грамотѣ Святослава и позднѣйшимъ писцовымъ книгамъ: «въ Онегѣ» грамоты = мѣстность при озерѣ Онегѣ изъ нѣсколькихъ погостовъ (по писц. кн.); Волдоутовъ погостъ = Волдомитскій пог.; Ракоулъ = Ракомо волость; Чудинъ = пог. въ Чудинахъ; Вели = Велиль (волость); Боркъ = Борковскій пог.; Моши = пог. въ Мошнѣ; Волокъ = пог. на Волокѣ; Чренъ = Черенскъ пог.; Олонецъ = пог. на Олонцѣ (только съ пловины XVII стол.— городъ; см. Город. посел. III, 417); Свира = пог. на р. Свири; Тервиничи = пог. въ Терминичахъ; Вьюница = Вѣницы пог.; Паша = пог. на р. и оз. Пашѣ; Маслегъ = пог. на р. Масельгѣ; Липна = п. на Липнѣ; Вѣжичи = Вѣжичане, повд. Вѣжицкая пят. (Невол. пят. 46 и др.); Рыбаньскъ = Рыбенской пог. и пр. Можно подыскать и всѣ остальныя мѣстности по новгородскимъ писцовымъ книгамъ. Дѣло въ томъ, что въ Святославовой грамотѣ, какъ и въ первой Смоленской, не могло быть и рѣчи исключительно о городахъ. Обѣ грамоты, по своему содержанію, представляютъ замѣчательное сходство. Въ нихъ князья жалуютъ епископіямъ десятины съ княжихъ даней, слѣдовавшихъ со всей земли; оттого, какъ въ первой смоленской грамотѣ причислены всѣ погосты и вообще округи смоленской земли, такъ и въ Святославовой грамотѣ также рѣчь идетъ о даняхъ со *всей* Новгородской земли, т. е. со всѣхъ погостовъ и волостей, какія въ ней существовали въ началѣ XII стол., — погостовъ, по преданію «уста-

вленныхъ» или же просто существовавшихъ при Ольгѣ и составлявшихъ вообще характерную принадлежность Новгородской области въ теченіе всей древней исторіи. Словомъ, можно утверждать, если не съ полной достовѣрностію, то, по крайней мѣрѣ, съ вѣроятностію, что мѣстности, перечисленныя въ первой Ростиславой грамотѣ, какъ и въ Святославой, были округи (волости или погосты, все равно), а не города, и слѣдовательно долженъ, самъ собою, пасть одинъ изъ аргументовъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу его положенія о множествѣ городовъ въ дотатарской Руси.

То-же самое нужно сказать и о свидѣтельствахъ иностранцевъ. Авторъ нисколько не доказалъ, что иностранцы говорятъ о городахъ именно въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ самъ авторъ. Почему не допустить, что «гардарикія» сама была страной городовъ — крѣпостей; слово «гардъ», по отзыву самого автора могло означать и крѣпость. На стр. 93 авторъ ссылается на Ибнъ-Даста, говорящаго о томъ, что Русь не имѣла деревень. Но какихъ? — въ смыслѣ ли скученныхъ, большихъ селъ, какія путешественникъ X столѣтія встрѣчалъ напр. въ Греціи, или въ смыслѣ мелкихъ, разбросанныхъ хуторковъ и поселковъ? Авторъ могъ бы еще сослаться на другихъ арабскихъ писателей, напр. на Ибнъ-Вагшія (первой четверти X стол.), говорящихъ о томъ, что Славяне не имѣютъ пашень (но опять — въ какомъ смыслѣ, — въ смыслѣ ли сплошной обработки, съ развитой хозяйственной культурой, или въ смыслѣ обработки дробной, въ разсыпную, по лѣснымъ урочищамъ, и пр.), — также на Мухаддеси (конца X ст.), утверждающаго, что Руссы не имѣютъ ни пашень, ни стадъ (Гаркави, стр. 268, 283). Ибнъ-Дастъ говоритъ въ одно время, что Руссы не имѣютъ городовъ, и что у нихъ много городовъ. Гаркави объясняетъ это противорѣчіе тѣмъ, что писатель скомпилировалъ въ одно различныя показанія. Дѣйствительно, Руссы могли имѣть много городовъ, въ смыслѣ крѣпостей, и вовсе не имѣть городовъ, какъ многолюдныхъ центровъ поселенія.

Мы не будемъ разбирать въ подробностяхъ вопросъ о городищахъ (стр. 94—124), какъ чисто-археологическій. Замѣтимъ только, что если даже вполнѣ допустить теорію г. Самоквасова о происхожденіи городищъ, то это все-таки не можетъ служить сильнымъ доводомъ въ пользу главной его теоріи о множествѣ древне-русскихъ городовъ, какъ первоначальныхъ пунктовъ поселенія, именно на томъ же самомъ основаніи, какъ и свидѣтельства иностранцевъ, сами по себѣ, мало убѣдительны, безъ точнаго изслѣдованія смысла и характера этихъ свидѣтельствъ. Мы думаемъ, что если принять предлагаемое авторомъ воззрѣніе на древне-русскій городъ, какъ на укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія, то существованіе на Руси множества городищъ именно должно идти въ разрѣзъ съ этимъ воззрѣніемъ и можетъ

служить не подтвержденіемъ, а опроверженіемъ всей теоріи г. Самоквасова о древне-русскихъ городахъ, типъ древне-русскаго города, какъ рисуетъ его нашъ авторъ, вовсе не подходитъ подъ описанія городищъ, находимыя у него и другихъ изслѣдователей. Г. Романовичъ-Славатинскій справедливо возражаетъ: «какіе жъ города могли вмѣщаться на такомъ небольшомъ пространствѣ», какое обыкновенно занимаютъ городища (иногда съ площадью не свыше 300 шаговъ). Но зная, по писцовымъ книгамъ и по другимъ указаніямъ, что древне-русскіе города, въ теченіе всей древней исторіи, удерживали, за немногими исключеніями, типъ не пунктовъ народнаго поселенія, но небольшихъ укрѣпленій - остроговъ (твердей, осыпей), можно согласиться, что остатки ихъ доселѣ сохранились въ городищахъ, хотя это не исключаетъ возможности существованія и городищъ, какъ мѣстъ религіознаго культа или могильниковъ усопшихъ. На послѣднее значеніе даютъ указанія нѣкоторые факты позднѣйшей исторіи, — напр., обычай, удерживавшійся въ старое время, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, устроивать кладбища внутри «осыпи», въ кремлѣ (см., напр., Борисова Опис. г. Шуи, 90), или названіе кургановъ и городищъ «могилами», доселѣ сохранившееся въ Малороссіи. На это же намекаетъ древне-славянское слово — *стлъпъ*. Оно встрѣчается у Нестора, въ описаніи языческаго обычая Славянъ сожигать умершихъ. Послѣ тризны, говоритъ лѣтописецъ, «творяху кладу (костеръ) велику, и возложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а по семъ собравше кости, вложаху въ судину малу и *поставляху на столпъ на путехъ*» (П. С. Л. I, 6). Въ другихъ славянскихъ памятникахъ сл. «стлъпъ» стоитъ въ связи съ сл. «твердь», «осыпь», также «градъ». Особенно важны указанія древнихъ сербскихъ грамотъ, упоминающихъ о «градиштахъ» (Miklosich, Monum. 61, 64, 68, 92 и пр.). Въ нихъ нерѣдко употребляются въ одинаковомъ значеніи градъ, тврьдь (firmus и castrum), пиргъ (πύργος, furris) и стлъпъ (ib. 62, 66, 74, 78; Пуцил. Спом. I, 16, 125; Гласн. XV, 269; Живот. св. Саввы, 33, 46). Кромѣ значенія града, «стлъпъ» употребляется иногда въ значеніи полеваго кургана, холма, насыпи, нашей «могилы» (Гласн. XV, 284). Точно также по древне-русскимъ памятникамъ, «столпъ» стоитъ въ связи съ городскими укрѣпленіями, въ значеніи вышки — «вежи», башни или небольшаго укрѣпленія, острожка, устраивавшагося внутри городскихъ стѣнъ, на «осыпи» (см. Ипат. 197, 222; Новг. I, 76, 103; Пск. I, 51; ср. Карамзина Ист. IV, прим. 358; Ист. княж. Псков. IV, 97 и пр.). Значеніе «столповъ», вышекъ, имѣли также небольшія укрѣпленія, острожки, устраивавшіеся на посадахъ, внѣ городской стѣны, по посадскимъ концамъ и улицамъ, ради «сторожи». (Борисова Опис. г. Шуи, 32). На значеніе старыхъ славянскихъ городовъ, какъ мѣстъ религіознаго культа,

намекаетъ слово templum, употреблявшееся древними лѣтописцами иногда въ смыслѣ urbs, civitas (напр. у Thictm. Chron. p. 812). Въ древнее время церкви и монастыри, по большей части, ставились у нась внутри осыпи, града; монастыри, стоявшіе отдѣльно, всегда огораживались «градомъ» и даже, какъ замѣчаетъ Неволинъ, еще въ XVII стол. входили въ разрядъ городовъ (см. соч. т. VI, 28; также его Пятины, 80, 142 и пр.).

Нашъ разборъ первой главы сочиненія г. Самоквасова заключимъ нѣсколькими замѣчаніями, которыя, сами собой, напрашиваются при разсмотрѣніи вопроса о количествѣ городовъ древней Россіи. Таковъ въ особенности весьма существенный вопросъ о *территоріальномъ распредѣленіи* городовъ въ древней Россіи: были ль города вездѣ болѣе и менѣе равномѣрно распредѣлены, или въ однихъ мѣстахъ ихъ было больше, а въ другихъ меньше, и отчего это зависѣло, вообще при какихъ условіяхъ появлялось у насъ «множество» городовъ? Авторъ самъ, въ одномъ мѣстѣ, говоритъ, что «рѣшеніе вопроса: когда и *при какихъ условіяхъ* славянорусское народонаселеніе начало сосредоточиваться въ городахъ и возлѣ городовъ, рѣшаетъ существеннѣйшій вопросъ нашей начальной исторіи — вопросъ о характерѣ общественнаго быта нашихъ предковъ въ первую историческую эпоху» (стр. 129). Авторъ, затѣмъ, ограничивается лишь однимъ замѣчаніемъ, что главнымъ условіемъ здѣсь была «необходимость противодѣйствовать общими усиліями нападеніямъ внѣшнихъ враговъ». Но вездѣ ль была одинаково сильна такая необходимость; не было ли въ быту народа другихъ, не менѣе могучихъ условій, которыя своимъ вліяніемъ могли парализовать и обезсиливать эту необходимость; не имѣли ль въ этомъ отношеніи громаднаго, можно сказать, рѣшающаго значенія территоріальныя условія первичной колонизаціи народа? Извѣстно, что такое или иное распредѣленіе лѣсовъ, рѣкъ, болотъ, — вообще тотъ или иной характеръ страны, въ которой колонизуется данный народъ,—въ сильнѣйшей степени вліяютъ на успѣхъ и характеръ самой колонизаціи, а съ ней, и на все устройство общественнаго быта колонизующагося народа; напр., смотря по характеру страны, различно распредѣляется въ ней и народонаселеніе: мѣстности лѣсныя, болотистыя или горныя имѣли для него гораздо большее оборонительное значеніе, чѣмъ мѣстности степныя, равнинныя, открытыя для внѣшнихъ нападеній, и пр. Такъ могло быть и у насъ въ эпоху первичной колонизаціи народа. По наблюденіямъ изслѣдователей, русская земля уже на первыхъ историческихъ порахъ рѣзко раздѣлялась на двѣ половины — южную, по преимуществу степную, черноземную, безлѣсную («поля» лѣтописи), и сѣверную — лѣсную и болотистую (см. объ этомъ предметѣ прекрасныя замѣтки Л. Майкова, въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1874, авг., стр. 259—276). Большее оборонительное зна-

ченіе района лѣсовъ и болотъ, естественно, должно было условливать и меньшее количество городовъ въ сѣверныхъ русскихъ земляхъ, и наоборотъ — въ районѣ черноземномъ, степномъ, въ „поляхъ“, должна была гораздо сильнѣе чувствоваться необходимость въ искуственныхъ средствахъ обороны, — въ устройствѣ городовъ. И дѣйствительно, изъ данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ о количествѣ городовъ въ древней Россіи, мы убѣждаемся, что города сосредоточиваются во множествѣ въ южномъ и среднемъ районѣ русскихъ «полей» и уменьшаются въ сильной прогрессіи въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи (стр. 80—84 и пр.). С. М. Соловьевъ подмѣтилъ, что Кіевское княжество въ нѣсколько разъ превосходило Новгородское или Суздальское по количеству городовъ, и что княжество Ростовское или Суздальское было спокойнѣе всѣхъ относительно варварскихъ нападеній и относительно усобицъ (Ист. III, 41, 43). По словамъ г. Н. Хлѣбникова, въ отношеніи къ количеству городовъ первое мѣсто занимала въ XI стол. Кіевская область, за тѣмъ Черниговская и и др., — на сѣверѣ же было еще мало городовъ (Общество и государство, стр. 225).

Тѣ-же территоріальныя условія вліяли на развитіе самихъ общинъ. По вѣрному замѣчанію Бѣляева, въ союзахъ, колонизовавшихся въ открытыхъ мѣстахъ для нападеній, городскія общины являются раньше, чѣмъ тамъ, гдѣ союзы были защищены самой природой страны, гдѣ въ сосѣдствѣ не было опасныхъ сосѣдей (Разск. I). Отсюда-то возникло у насъ и у другихъ славянъ, особенно южныхъ, различіе въ организаціи общинныхъ союзовъ — съ городами и безъ нихъ, — различіе, которое у насъ до позднѣйшаго времени высказывалось въ существованіи отдѣльныхъ, самостоятельныхъ округовъ городскихъ и волостныхъ, что объясняется ни чѣмъ инымъ какъ различіемъ территоріальныхъ условій первичной колонизаціи русскаго народа. Дѣйствительно, волость (союзъ исключительно сельскихъ поселковъ) — учрежденіе древнее; его уже застаетъ призваніе князей: Рюрикъ раздавалъ мужамъ Новгородскія волости. Погосты уже вполнѣ извѣстны въ Новгородской землѣ при Ольгѣ; они упоминаются въ памятникахъ первой половины XII ст. (въ грамотахъ Ростислава и Святослава,— см. выше), по нашему мнѣнію, какъ главныя дѣленія Смоленской и Новгородской земли. То-же самое видимъ и позже: новгородскія писцовыя книги конца XV и начала XVI стол. показываютъ, что Новгородская область слагалась въ это время изъ громаднаго количества волостей и погостовъ, обнимавшихъ мелкія деревни, рядки, починки, займища и пр. Города были мало замѣтными оазисами и островками въ этомъ морѣ деревень, селъ и погостовъ (о городѣ и волости, какъ самостоятельныхъ административныхъ единицахъ, см. Сергѣевича, Вѣче, стр. 336 и слѣд.). Мы

думаемъ, что различіе между городомъ и волостію, съ преобладаніемъ послѣдней, по преимуществу характеризуетъ политическій бытъ общинныхъ союзовъ, колонизовавшихся въ районѣ лѣсномъ или болотистомъ, гдѣ опасность непріятельскихъ вторженій не такъ чувствуется, какъ въ «поляхъ» южныхъ равнинъ и степей; чѣмъ южнѣе идетъ колонизація, тѣмъ менѣе рѣзкимъ становится различіе между городомъ и волостью; на югѣ волость, какъ видно по всему, является далеко не преобладающимъ учрежденіемъ.

Кромѣ территоріальныхъ условій первичной колонизаціи, множество городовъ въ однихъ мѣстахъ и незначительное количество ихъ въ другихъ зависѣли отъ самой организаціи первичныхъ союзовъ. Тутъ играла важную роль большая *дробность* территоріальныхъ союзовъ, на какіе распадались у насъ въ старое время отдѣльные народцы и племена. Каждый изъ такихъ самобытныхъ союзовъ, особенно въ мѣстностяхъ, легко доступныхъ для вражескихъ набѣговъ, такъ сказать, отгораживался отъ другихъ союзовъ и племенъ, окружалъ себя сѣтью городковъ, остроговъ, засѣкъ и пр. Въ лѣсномъ районѣ достаточно было устроить по границѣ нѣсколько такихъ оборонительныхъ пунктовъ въ особенно опасныхъ мѣстахъ; не то видимъ въ степи, въ «полѣ»,—здѣсь должна была имѣть мѣсто чуть не непрерывная цѣпь пограничныхъ городковъ. Какъ это уже давно замѣчено, древніе города возникали прежде всего и по преимуществу на границахъ, имѣли поэтому первоначально характеръ сторожевыхъ, пограничныхъ пунктовъ; съ теченіемъ времени, когда дробные общинные союзы, окружавшіе себя такими пунктами на границахъ, стали сплачиваться въ большіе политическіе союзы, —земли, княжества и пр. — города внутреннихъ общинъ, жившіе дотолѣ отдѣльною жизнію, утрачивали прежній, пограничный характеръ, становились центральными пунктами или вовсе уничтожались, превращались въ городища. Такъ образовались кружки городовъ и городищъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, — кружки, которые съ теченіемъ времени, именно вмѣстѣ съ расширеніемъ народной колонизаціи и съ территоріальнымъ наростаніемъ первичныхъ союзовъ, болѣе и болѣе расходились расширялись въ разныя стороны, раздвигались и перекрещивались одинъ съ другимъ, пока въ XVI и XVII ст. не составили у насъ чуть ли не сплошной сѣти пограничныхъ городковъ, расположенныхъ по русскимъ украйнамъ и охватывавшихъ однимъ общимъ кругомъ почти всю пограничную линію Московскаго государства.

Другое обстоятельство, вліявшее на территоріальное распрдѣленіе древне-русскихъ городовъ, выражалось въ томъ, что *рѣки*, бывшія по большей части главными колонизаціонными путями и служившія вмѣстѣ съ тѣмъ границами первичныхъ союзовъ, являлись въ то-же время главными проводниками, для проникновенія вражескихъ силъ внутрь страны.

Отсюда объясняется то обстоятельство, что города (и прибавимъ — городища) располагались по преимуществу по рѣкамъ, имѣли до позднѣйшаго времени характеръ приръчныхъ сторожевыхъ пунктовъ. Гдѣ протекало много рѣкъ и, слѣдовательно, было многопутей для враговъ, тамъ должно было рано являться и множество городовъ, врѣзывавшихся внутрь страны по рѣчнымъ теченіямъ, оберегавшихъ ее отъ непріятельскихъ вторженій по рѣчнымъ системамъ.

Сюда же нужно отнести большую *разобщенность* первичныхъ поселеній и отсутствіе удобныхъ *путей сообщенія*. Старая разобщенность и разбивчивость союзовъ, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей современнаго быта русскаго народа, удерживается у насъ доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, имѣющихъ, подобно древнимъ новгородскимъ погостамъ, значеніе группы сельскихъ поселковъ, расположенныхъ какъ бы въ отдѣльномъ кругѣ, отдѣленномъ отъ другихъ такихъ же природныхъ округовъ лѣсами и болотами. «Такіе естественные округи, острова, оазисы посреди лѣсовъ и болотъ, по которымъ прежде располагалось все народонаселеніе сѣверной и сѣверо-восточной Россіи, сохранились во всей полнотѣ только въ самыхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ Россіи; но слѣды ихъ, исчезнувшіе съ увеличеніемъ народонаселенія и истребленіемъ лѣсовъ, можно указать въ Новгородской, Ярославской, Костромской и даже Владимірской губерніяхъ. Села и деревни расположены въ нихъ группами, между которыми идутъ лѣсъ, болото, мхи — незаселенное мѣсто. Чѣмъ далѣе къ сѣверо-востоку, тѣмъ длиннѣе эти незаселенныя мѣста, достигающія въ Вологодской губерніи до сотни верстъ; тѣмъ далѣе нужно тащиться отъ одного жилаго острова до другаго, отъ станціи до станціи, отъ погоста до погоста. Природа малороссійской равнины, южной степи и даже бѣлорусскихъ холмистыхъ пространствъ — совершенно другая: тамъ нѣтъ такого природнаго явленія, или, по крайней мѣрѣ, оно изчезло въ незапамятной древности. Въ средней Россіи можно еще его замѣтить, но трудно, потому что оно вмѣстѣ съ исчезновеніемъ лѣсовъ исчезло очень давно; только за Владиміромъ на востокѣ, за Тверью и Псковомъ на сѣверѣ, начинаетъ раздѣляться населеніе страны на такія группы деревень и на такіе округи обработанныхъ полей, расположенные островами посреди лѣсовъ и болотъ". (Соврем. 1853, IX, отд. III, 8—9). Такая разобщенность союзовъ въ старое время должна была господствовать въ полной силѣ, захватывать большую часть территорія, занятаго русскимъ народомъ, и въ особенности усиливаться вслѣдствіе плохихъ сообщеній, игравшихъ немаловажную роль въ исторіи колонизаціи и экономическаго быта народа вообще и въ исторіи городовъ въ частности. Если плохіе пути

сообщенія мало содѣйствовали экономическому развитію народа, то, съ другой стороны, они служили надежной защитой отъ врага, опорой мирнаго и спокойнаго развитія народной колонизаціи. Колонизація и начиналась съ мѣстностей, мало доступныхъ, двигалась по лѣсамъ, рѣкамъ и болотамъ и лишь позже стала проникать въ „поле“. — У насъ колонизаціонное движеніе долго шло съ запада и сѣвера на сѣверовостокъ, изъ Новгорода въ земли сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ инородцевъ и изъ Кіева къ Владиміру, Москвѣ и далѣе. Между тѣмъ, извѣстны пути сообщенія въ древнее время; они въ сильной степени разобщали населеніе, были, по замѣчанію Соловьева, такими же задержками, какъ горы на западѣ. Чтобы вторгнуться въ лѣсную глушь, непріятель долженъ былъ преодолѣвать громадныя препятствія, подвергаться нерѣдко опасности погибнуть въ болотахъ и лѣсахъ, не достигнувъ цѣли (см. Аристова, Промышл. др. Руси, стр. 238 и слѣд.). Естественно, что населеніе такихъ мѣстностей, замкнутое природными, мало проходимыми границами безъ всякихъ сообщеній, было значительно обезпечено отъ частыхъ вторженій, и слѣд. не имѣло такой настоятельной надобности въ городахъ, какъ это было въ мѣстахъ открытыхъ, равнинныхъ, съ болѣе удобными и легкими путями сообщеній.

Вотъ сколько *общихъ* вопросовъ по исторіи русскаго города вовсе обойдено г. Самоквасовымъ. Отъ уясненія этихъ вопросовъ собственно зависятъ разрѣшеніе вопроса о количествѣ и времени появленія городовъ на Руси, и вообще правильная постановка теоріи развитія народныхъ поселеній въ Россіи. Мало сказать, что города появлялись въ силу необходимости противодѣйствовать общими усиліями нападеніямъ враговъ. Авторъ долженъ былъ изслѣдовать вопросъ о томъ, *вездѣ* ли и *всегда* ли была на лицо такая необходимость, и тогда уже строить общую теорію, общій взглядъ. Оттого-то у него и вышла слишкомъ однообразная картина быта, безъ всякихъ мѣстныхъ оттѣнковъ и особенностей,— картина, на которой обозначенъ лишь общій фонъ, съ едва замѣтными очертаніями предметовъ, лишенныхъ жизненной силы, стоящихъ внѣ всякихъ условій времени и мѣста.

Сказанное нами, какъ нельзя больше, примѣняется къ ученію автора о времени первоначальнаго появленія русскихъ городовъ и вообще объ историческомъ развитіи народныхъ поселеній въ Россіи. Здѣсь что ни положеніе, то и возникаетъ рядъ сомнѣній, недоразумѣній и спорныхъ пунктовъ.

Вторую главу (стр. 125—162) авторъ начинаетъ замѣткой о политическомъ значеніи городовъ въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, — вопросъ капитальный въ наукѣ, а между тѣмъ, авторомъ едва затрону-

тый (всего на стр. 125—128). Онъ характеризуетъ городъ, какъ центръ единенія общинъ, съ появленіемъ котораго начинается въ народной жизни переходная эпоха между формами родоваго быта и формами быта общинно-государственнаго. Конечно, въ городахъ можно видѣть соединительный элементъ: пунктъ, въ которомъ населеніе находитъ въ минуту опасности убѣжище, защиту, имѣетъ въ его глазахъ важное значеніе; народъ его бережетъ, тянетъ къ нему и пр. Все это такъ. Но едва ли справедливо утверждаетъ авторъ, будто-бы эпоха появленія городовъ у даннаго народа характеризуетъ переходную эпоху его политическаго существованія — эпоху перехода его изъ формъ родоваго быта въ формы быта общинно-государственнаго. Мы знаемъ, что города извѣстны и въ быту народовъ съ родовымъ типомъ; таковы: Авары, Хозары (гор. Бѣлавежа, взятый Святославомъ, — Ник. л. 31), Печенѣги, Половцы (гор. Осеневъ, Сугровъ, Галинъ, Чемювъ, — Лав. л. 127, 128) и другіе кочевники, бродившіе въ X и слѣдующихъ вѣкахъ на юго-восточныхъ окраинахъ тогдашней Руси. Всѣ они издавна имѣли города, какъ и ихъ вежи (Ипат. 60 и др.) имѣли значеніе военныхъ подвижныхъ городковъ или острожковъ. Намъ кажется, что тутъ все дѣло не въ учрежденіи городовъ, но въ измѣненіи кочеваго строя всего быта въ строй осѣдлый. Родовыя начала жизни уступаютъ первенствующее мѣсто началамъ общиннымъ въ эпоху осѣданія кочевниковъ, когда старый военно-кочевой нарядъ родовъ и племенъ смѣняется территоріально-общиннымъ нарядомъ осѣдлыхъ союзовъ, въ сознаніи которыхъ укореняются сильные колонизаціонные инстинкты и стремленія, ведущія къ коренной реорганизаціи всего народнаго быта. Въ этомъ случаѣ города остаются безо всякаго значенія и вліянія; ихъ роль обнаруживается въ другихъ отношеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что авторъ не вполнѣ ясно и отчетливо представляетъ себѣ сущность родового быта и тѣ условія, которыя поддерживали его существованіе въ теченіи болѣе или менѣе продолжительныхъ эпохъ народной жизни. Какъ уже замѣчено нами въ другомъ мѣстѣ (см. Жур. Мин. Нар. Пр. 1874, іюль), родовой бытъ характеризуется военно-кочевымъ состояніемъ родовъ и племенъ, передвигающихся съ мѣста на мѣсто ради добыванія средствъ къ жизни, путемъ скотоводства, хищничества, въ формѣ охоты въ разныхъ видахъ и въ формѣ военныхъ набѣговъ и предпріятій. Родовой бытъ и держится, главнымъ образомъ, до тѣхъ только поръ, пока возможно такое хищничество; такъ какъ только оно и доставляло кочевникамъ средства къ жизни, и поддерживало, постоянно освѣжало въ народной памяти родовое сознаніе, мысль о родовомъ, кровномъ единствѣ родовъ и племенъ,

и наконецъ придавало имъ строгую, военно-дружинную организацію. Хищничество же, военныя предпріятія и передвиженія кочевниковъ возможны только тамъ, гдѣ территорія кочевокъ родовъ и племенъ представляетъ для того всѣ нужныя условія,— когда на ней возможны обширныя военныя предпріятія и быстрыя передвиженія, и когда представляются всѣ удобства для скотоводства и охоты. Мѣстомъ удовлетворяющимъ всѣмъ этимъ условіямъ, будутъ, очевидно, степь, равнина, „поле“, открытые районы земной поверхности. И дѣйствитльно, какъ показываетъ исторія, степь и поле — главное единственно возможное поприще хищничества кочевниковъ, а съ нимъ и поприще первичныхъ ступеней общественной культуры; здѣсь-то развивались въ старину и доселѣ развиваются (внѣ района современной цивилизаціи человѣчества) родовыя формы общежитія людей, основанныя исключительно на физіологическомъ принципѣ кровнаго родства. Сущность родоваго быта не измѣняется и позже, въ эпоху ограниченія предѣла кочевокъ, когда, въ силу разростанія племенъ, умноженія племеннаго богатства и по другимъ причинамъ, теряются прежняя легкость и прежнія удобства передвиженій и обширныхъ военныхъ предпріятій. Возникающія въ это время столкновенія племенъ только осложняютъ родовыя отношенія, но не измѣняютъ ихъ въ самомъ существѣ. Кочевникъ придвигается къ районамъ лѣснымъ и горнымъ, у подножія горъ и лѣсовъ ищетъ средствъ жизни и защиты, додумывается до устройства искуственныхъ средствъ обороны,— временныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ — вежъ и градовъ. Городъ этой первичной эпохи — не родовая община, не мѣсто постояннаго поселенія родовъ, но лишь искусственное, военное учрежденіе, находящееся въ тѣсной связи съ военно-дружинной организаціей старыхъ кочевыхъ родовъ и племенъ,— учрежденіе, которое служитъ для нихъ убѣжищемъ отъ враговъ, складомъ племенной добычи, мѣстомъ религіознаго культа цѣлаго племени или отдѣльныхъ родовъ, могильникомъ предковъ и пр. Городъ, какъ нежилой, укрѣпленный пунктъ, — существенная и характерная принадлежность эпохи господства грубой силы и хищничества первичной, степной культуры родовъ и племенъ, какъ боевыхъ дружинъ и цѣлыхъ ордъ. Въ немъ впервые внѣшне проявляется племенное сознаніе кочевыхъ родовъ; къ нему они „тянутъ“, какъ къ своему племенному и религіозному центру, могильнику предковъ и пр. Въ городахъ родовой эпохи организуются тѣ хищническіе, разрушительные элементы и силы, которыя, проявляясь въ громадныхъ полчищахъ, своимъ давленіемъ и гнетомъ уничтожили чуть не въ корнѣ культуру древняго классическаго міра. Городъ родовой эпохи — лишь временное убѣжище; народъ кочуетъ на привольномъ территоріи кочевки,

лишь въ рѣдкихъ случаяхъ временно скрываясь въ городѣ при нападеніи сосѣдняго племени или стягиваясь къ нему; при предпринимавшемся военномъ предпріятіи или послѣ него, для раздѣла военной добычи, также въ случаѣ племенныхъ торжествъ и праздниковъ, ради совершенія религіозныхъ обрядовъ, и пр. Первичную родину городовъ нужно, такимъ образомъ, искать въ степи, равнинѣ, на территоріи военно-кочевыхъ родовъ, въ условіяхъ ихъ боевой, дружинной организаціи; появленіе родовыхъ городовъ особенно пріурочивается къ эпохѣ разростанія родовъ и племенъ и возникновенія столкновеній между ними. Въ учрежденіи городовъ этой первичной эпохи нужно видѣть первые, неясные зародыши тѣхъ колонизаціонныхъ инстинктовъ, которые на ступени общинной, осѣдлой культуры поведутъ къ полному переустройству народнаго быта по инымъ началамъ и законамъ. Словомъ, въ родовую эпоху, городъ не составляетъ ни общины, ни пункта поселенія; это искусственное, военное учрежденіе, не больше. Онъ являлся эквивалентомъ физической силы рукъ, мускуловъ воина-кочевника, замѣнялъ для него естественную защиту, какую осѣдлый народъ находитъ въ горахъ, болотахъ, лѣсахъ и пр. Если, по словамъ Іорнанда, болота и лѣса служили Славянамъ (какъ осѣдлому народу) вмѣсто городовъ, то, напротивъ, у кочевыхъ родовъ городъ да степь вполнѣ замѣняютъ собой лѣсныя и горныя убѣжища и охраны осѣдлыхъ народовъ. Наконецъ, въ родовую эпоху не могло быть много городовъ у одного и того же племени. Стадная, скученная жизнь кочевниковъ, двигавшихся по безграничной племенному территоріи боевыми дружинами и ордами, требовала, чтобы такія дружины и орды на данномъ мѣстѣ кочевки имѣли для себя одинъ временный, укрѣпленный центръ, одинъ складъ хищнической добычи, одинъ могильникъ и пр. Если орда оставляла вовсе старое мѣсто кочевья, родовой городъ обращался въ городище; вмѣсто него заводился новый центръ на новомъ кочевьи. Гдѣ кочевало племя, тамъ и возникало средоточіе его хищнической дѣятельности — племенной городъ и вежи отдѣльныхъ родовъ. Родовой городъ поэтому всегда имѣлъ центральное положеніе, являлся въ центрѣ племенной кочевки; не было надобности въ пограничныхъ городахъ, такъ какъ и не было вовсе строго очерченныхъ границъ кочевокъ,—орды и родовыя дружины не знали территоріальныхъ границъ, кочевали тамъ, гдѣ было привольнѣе, и гдѣ было больше удобствъ для хищничества и обширныхъ военныхъ предпріятій.

Не то мы находимъ въ быту народовъ, перешедшихъ на высшую ступень общежитія, усвоивавшихъ основныя начала осѣдлой, общинной культуры. Въ эту пору являются культурнымъ поприщемъ не степь и

равнина, но по преимуществу и главнымъ образомъ — лѣсная глушь, болотные мхи и топи, горныя трущобы и ущелья. Осѣдлыя общины и союзы осѣдаютъ на „мѣстахъ“, колонизуются при условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для спокойной бытовой жизни, — ищутъ такія мѣста и угодья для своихъ осѣдлостей, которыя бы сами защищали, сами охраняли народъ, не заставляли бы его, въ минуту опасности, „бѣжать“, перекочевывать въ другое мѣсто, для временной побывки въ „осадѣ“, — не заставляли бы народъ прибѣгать къ искуственнымъ мѣрамъ обороны, придумывать сложныя и ненадежныя средства защиты отъ врага. Такія средства обороны даетъ сама территорія общинъ, осѣдающихъ въ закрытыхъ районахъ — гористыхъ, лѣсныхъ и пр. На этихъ первичныхъ поприщахъ осѣдлаго, общиннаго быта долго держится и развивается народная колонизація. Народъ начинаетъ спускаться съ горъ въ долины, выходить изъ лѣсовъ и болотъ въ степь и поле, собственно говоря, только въ эпоху государственной культуры, когда народъ доростаетъ до сознанія государственной идеи, сплачивается въ одно политическое цѣлое, — когда организуются и крѣпнутъ народныя силы, гарантирующія свободу и безопасность всѣхъ и каждаго. Съ этихъ только поръ, общинная, осѣдлая колонизація раздвигается въ „поле“, въ степной районъ, служившій въ первичныя эпохи поприщемъ лишь кочеваній и хищничества военно-родовыхъ дружинъ и цѣлыхъ ордъ.

На общинной ступени народной культуры городъ далеко не имѣетъ такого центральнаго значенія, какъ это было въ родовомъ быту. Въ это время города или вовсе не являются, именно тамъ, гдѣ общины совершенно защищены свойствами самой страны, колонизовались въ лѣсной глуши или горныхъ трущобахъ, вдали отъ территорія степныхъ кочевниковъ, въ мѣстахъ недоступныхъ для ихъ хищничества, — или если появляются, то далеко не съ прежнимъ значеніемъ и характеромъ. Они появляются по преимуществу въ мѣстностяхъ открытыхъ, доступныхъ для хищничества, располагаются по границамъ территоріи, занятой осѣдлымъ союзомъ, и по теченіямъ рѣкъ, какъ главныхъ проводниковъ хищничества и набѣговъ кочевниковъ въ лѣсныя и горныя захолустья осѣдлыхъ общинъ. Городъ общинной эпохи имѣетъ характеръ, не столько центральнаго пункта (какъ это было въ родовомъ быту), сколько пункта пограничнаго и прирѣчнаго; это сторожевые пункты, военныя учрежденія, но не общины, не мѣста постоянныхъ поселеній. Собственно говоря, городъ общинной эпохи представляетъ собой единственный остатокъ отъ военно-родоваго быта, единственное живое наслѣдіе отъ старыхъ кочевниковъ, — наслѣдіе, ставшее сразу въ органическую связь съ бытомъ осѣдлыхъ общинъ. Тѣмъ не

рактеръ города общинной эпохи значительно измѣняется противъ прежняго. Прежде, въ родовую эпоху, городъ служилъ по преимуществу интересамъ хищничества, сосредоточивалъ въ себѣ разрушительные элементы, организовалъ и высылалъ боевыя дружины, орды и полчища ради одного хищничества, оборонительное значенiе родоваго города было на второмъ планѣ. Теперь если городъ и высылаетъ дружины, то не столько для хищничества, сколько для защиты родной страны отъ сосѣднихъ кочевниковъ; въ общинную эпоху оборонительное значенiе города выдвигается на первый планъ. Городъ, такимъ образомъ, являлся существенной потребностiю, въ видахъ самозащиты и самообороны, отъ него осталось лишь оборонительное значенiе „остоя", „осады" — убѣжища въ осадное время.

Съ другой стороны, городъ общинной культуры по прежнему удерживаетъ значенiе военнаго учрежденiя, стоитъ въ связи съ военно-дружинной организацiей народа, является не жилымъ пунктомъ, но „городной осадой", укрѣпленiемъ, лишь временно населяемымъ въ минуту опасности вражескихъ вторженiй. Лишь на высшей ступени государственной культуры, когда обезпечена общественная безопасность другими, болѣе организованными и могучими силами и средствами, городъ окончательно утрачиваетъ старый, военный характеръ, усвоенный имъ еще въ первичную эпоху подъ влiянiемъ военно-дружинной организацiи кочевыхъ родовъ и племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что городское устройство общинной эпохи усвоиваетъ новыя черты, не извѣстныя эпохѣ родовой. На общинной ступени культуры, если являлись города, то не одинъ или два, какъ было въ старыхъ, кочевыхъ родахъ и племенахъ, но во множествѣ, и при томъ, какъ существенная принадлежность, не только обширныхъ территорiальныхъ союзовъ — земель, волостей и княжествъ, но и, какъ увидимъ ниже, каждой мелкой общины — посада, села, хуторка и пр. Городъ являлся въ это время не столько объединительнымъ центромъ, сколько пунктомъ внѣшней защиты и обороны; поэтому сколько было на территорiи опасныхъ пунктовъ, открытыхъ для хищничества внѣшняго врага, столько могло быть и городовъ, ограждавшихъ территорiю данной общины или цѣлаго территорiальнаго союза и области. Отсюда, между прочимъ, объясняется, почему доселѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ множество городищъ, нерѣдко скученныхъ вплотную на самыхъ незначительныхъ пространствахъ.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчанiй, чтобы вполнѣ выяснить нашу мысль о характерѣ и значенiи городовъ въ первичныя эпохи народной жизни. Городъ родовой эпохи, какъ мы уже знаемъ, являлся лишь

мѣстомъ временной побывки, лишь биваномъ, мѣстомъ сборища военно-родовыхъ дружинъ для раздѣла добычи, для организаціи новыхъ военныхъ предпріятій и пр. Такимъ же мѣстомъ временной побывки, „остоя“, являлся городъ и въ общинную эпоху. Старый общинникъ, огражденный лѣсной глушью да болотными тонями лишь въ крайнихъ случаяхъ, въ виду врага-хищника, являлся „бѣжаниномъ“, убѣгалъ, перекочевывалъ, съ семьей и съ „животами“, въ городъ изъ своего „зажитья“ — села, хутора, деревни. Въ городскомъ остоѣ онъ возобновлялъ привычки и порядки стараго военно-кочеваго быта, временно превращался въ воина-кочевника, скучивался, на манеръ старыхъ родовыхъ дружинъ, въ „городной осадѣ“, кочевалъ въ „полѣ“, отстаивая родное село и землю отъ хищничества общаго врага. Въ чемъ суть первичной колонизаціи народа, — выражалась ли она въ постоянной тревогѣ остоя, въ скученной, городной осадѣ, или же въ мирномъ зажитьи по разбросаннымъ, глухимъ селамъ и деревнямъ? Дѣло въ томъ, что народъ можетъ прочно колонизоваться не посредствомъ бивачной, скученной жизни въ городѣ, но посредствомъ жизни въ разсыпную, чрезъ зажитье въ селѣ, огнищѣ, займищѣ и пр. Колонизація прочно укореняется лишь тамъ, гдѣ народъ „заживаетъ“ территорію, прикрѣпляется къ отдѣльнымъ его частямъ и угодьямъ, не временно наѣзжаетъ на свое поле изъ городской осады и остоя, но постоянно, безсмѣнно стоитъ на сторожѣ у своего роднаго огнища, у своей нивы, — приручается къ нимъ, „дѣлаетъ нивы своя“ на предковскомъ займищѣ, тутъ же — подлѣ своего „дыма“, двора, зажитья. Народъ становится вполнѣ осѣдлымъ только тогда, когда онъ, такъ сказать, прирастаетъ къ своему полю и огнищу, когда онъ „зажилъ“ его, обратилъ его долговременнымъ зажитьемъ въ свой „прокъ“, въ свою „отчину“, предковскую „задницу“. Только при такихъ условіяхъ, при спокойной, мирной жизни въ разбивку, по дымамъ, огнищамъ и селамъ, возможно прочное укорененіе и осѣданіе народа на территоріѣ, возможно ясное и отчетливое образованіе въ общемъ сознаніи понятія территоріальной народности. Основы общиннаго быта по преимуществу развиваются тамъ, гдѣ народъ прикрѣпился къ нивамъ и займищамъ сельской глуши, — здѣсь собственно почва, на которой развилась и окрѣпла русская община. О прочной колонизаціи не можетъ быть рѣчи до тѣхъ поръ, пока народъ вполнѣ не отвыкнетъ отъ привычекъ кочеваго быта, пока держится своихъ родовыхъ городовъ, пока обстоятельства постоянно вынуждаютъ его бѣгать въ остой, осаду, прятаться за стѣны и тверди городовъ. Признакомъ прочно установившейся колонизаці[illegible]чной культуры служитъ не скученное, осадное положеніе гор[illegible]

„зажитье“ народа въ разсыпную, по мелкимъ, разбросаннымъ хуторамъ и деревнямъ.

Съ другой стороны, городъ, какъ осѣдлая община, является не на первыхъ ступеняхъ колонизаціонной дѣятельности народа, но напротивъ — онъ есть именно конечный результатъ такой дѣятельности. Скученная, большая община — городъ является только тогда, когда уже вполнѣ выработались въ сельской глуши всѣ основы общиннаго быта, когда въ данной части территоріи установилось и окрѣпло осѣданіе народа по „мѣстамъ“, когда уже образовались группы, островки и оазисы сельскихъ поселковъ — дробныхъ общинъ, пришедшихъ къ сознанію необходимости въ болѣе широкомъ единеніи, ищущихъ общихъ средоточій — исходныхъ пунктовъ для дальнѣйшаго развитія общинной культуры на новыхъ, болѣе широкихъ основаніяхъ. Въ эту-то пору и являются впервые городскія общины, и прежде всего тамъ, гдѣ вполнѣ и раньше укоренилась и упрочилась народная колонизація, — въ центральныхъ пунктахъ, къ которымъ, въ силу принципа колонизаціоннаго старѣйшинства, тянутъ позже организовавшіяся группы мелкихъ, сельскихъ поселковъ. Города - общины организуются прежде всего тамъ, гдѣ, вмѣстѣ съ упроченіемъ колонизаціи, развилась въ значительныхъ размѣрахъ промышленная культура, скопилось богатство осѣдлаго люда, — гдѣ значительно обезпечены безопасность и охрана людей и имущества; путемъ бѣгства въ осаду, они являются лишь, какъ рѣдкое явленіе, соединенное съ народнымъ разореніемъ. Здѣсь, сама собой, силой самыхъ обстоятельствъ скучивается община, является городъ, какъ пунктъ народнаго поселенія, — община, сильная и крѣпкая своимъ внутреннимъ единствомъ, придающая силу и единство тянущимъ къ ней мелкимъ сельскимъ поселкамъ. Но эта сила, притягивающая населеніе въ города, еще долго остается съ прежнимъ, военно-оборонительнымъ характеромъ. Городъ-община и городъ-укрѣпленіе одинаково считаются „городными осадами“, одинаково служатъ главной цѣли — оборонѣ, охранѣ всего населенія страны отъ вражескаго хищничества и набѣговъ. Оборона города (будетъ ли это укрѣпленіе или община), а съ нимъ и всей страны, была одинаково необходима и потому одинаково обязательна для всего населенія, въ силу принципа солидарности города съ цѣлой землей, — принципа, мѣтко формулированнаго въ нашихъ междукняжескихъ докончаньяхъ („а городная осада, *гдѣ кто живетъ*, тому туто сѣсти,“ — см. Ак. Арх. Экс. I, 10; Собр. гос. грам. I, 91, 141, 148, 154, 156 и пр.). Оттого-то древніе наши памятники не дѣлаютъ никакого различія между городомъ - укрѣпленіемъ и городомъ - общиной; разрядныя книги, напр., заурядъ говорятъ о тѣхъ и другихъ, не отличаютъ отъ

нихъ даже простыхъ острожковъ, монастырей-городовъ и вообще всякихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, могущихъ служить городной осадой; по разряднымъ книгамъ нѣтъ поэтому возможности разграничить простое укрѣпленіе отъ города-общины, имѣвшаго одно и то-же военно-оборонительное назначеніе. Только Петровская реформа положила у насъ первыя начала разграниченія понятія о „фортеціи“ и городѣ-общинѣ, придала понятію города новыя свойства, которыхъ въ юридическомъ отношеніи вовсе не имѣли древне-русскіе города.

Таково значеніе города на разныхъ ступеняхъ народной культуры. Изъ сказаннаго ясно, что г. Самоквасовъ не вѣрно характеризуетъ городъ - пунктъ народнаго поселенія, какъ первый признакъ и начало перехода народа изъ родовой формы быта въ общинную; напротивъ, какъ мы видѣли, городъ - община представляетъ конечный результатъ вѣковаго процесса развитія разселенія и общинной жизни народа. Вопросъ, такимъ образомъ, заключается въ томъ, что такое былъ городъ въ ту или другую историческую эпоху, и каковы условія его первичнаго появленія и дальнѣйшаго его развитія и существованія. Не уяснивъ такихъ условій, авторъ, естественно, долженъ былъ неправильно и односторонне объяснять историческія данныя, приводимыя имъ въ подкрѣпленіе его теоріи развитія городовъ и другихъ формъ народныхъ поселеній.

Авторъ старается доказать (стр. 24 и 130), что прежніе и современные историки невѣрно понимаютъ извѣстную цитату изъ Іорнанда: «Sclaveni... paludes silvasque pro civitatibus habent». Дѣйствительно, Іорнандъ не утверждаетъ, что Славяне вовсе не имѣли городовъ, но лишь указываетъ на характеръ страны, защищавшей Славянъ отъ непріятельскихъ нападеній. Дѣло въ томъ, что Іорнандъ чуть ли не первый изъ славянскихъ бытописателей подмѣтилъ фактъ, характеризующій территоріальныя условія быта древнихъ Славянъ, вліявшія на всю обстановку ихъ жизни. Указывая на то, что Славянамъ вмѣсто городовъ служили болота и лѣса, Іорнандъ этимъ самымъ, естественно, даетъ понять, что, при такихъ условіяхъ внѣшней обороны, доставляемой природой самой страны, Славянамъ не для чего было заводить у себя города, — онъ имъ вовсе былъ не нуженъ. Г. Самоквасову слѣдовало бы также обратить вниманіе на весь составъ извѣстій, сообщаемыхъ Іорнандомъ о бытѣ Славянъ. Онъ упоминаетъ о нѣсколькихъ славянскихъ племенахъ, изъ которыхъ среднее занимало лѣсную и болотистую страну, начиная отъ города Novictunense; этотъ пограничный городъ могъ принадлежать племени, граничивг [illegible] ца)

съ тѣмъ, которое по Іорнанду жило въ лѣсахъ и болотахъ, служившихъ ему вмѣсто городовъ.

По словамъ автора, прежніе изслѣдователи, основывали теорію появленія городовъ въ Россіи до времени Рюрика на извѣстіи Кенигсбергскаго списка Нестора: Рюрикъ раздая волости и пр., и они не обратили вниманія на другое свидѣтельство, слѣдующее тотчасъ за первымъ («а первыи насельници въ Новгородѣ Словене» и пр.); изъ этого свидѣтельства открывается, что «Полоцкъ, Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ Новгородъ и Муромъ, существовали до призванія Рюрика». Можетъ быть, на дѣлѣ такъ это и было; но только этого вывода нельзя сдѣлать на основаніи приведеннаго свидѣтельства. Оно несомнѣнно имѣетъ тотъ смыслъ, что въ *мѣстностяхъ*, гдѣ построены были Новгородъ и другіе города, первыми поселенцами были такіе-то славянскіе народцы,— что эти народцы издавна жили въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ *во время* лѣтописца были города, и только; но нѣтъ еще прямыхъ указаній, что эти города уже были именно при первыхъ поселенцахъ (развѣ кромѣ Новгорода, по указанію лѣтописи въ другомъ мѣстѣ явившагося при первомъ поселеніи Славянъ).

Въ подтвержденіе мысли о стародавнемъ существованіи городовъ у древнихъ Славянъ далеко раньше призванія Рюрика, авторъ не совсѣмъ удачно ссылается на извѣстное мѣсто начальной лѣтописи: «бѣ множьство ихъ (Уличей и Тиверцовъ), сѣдяху бо по Днѣстру, оли до моря; суть бо града ихъ и до сего дне». Выше мы показали, что «множьство» относится не къ городамъ, а къ самому населенію. Здѣсь замѣтимъ, что лѣтопись только указываетъ на то, что *во время лѣтописца* были города у Уличей и Тиверцовъ, но не говоритъ прямо, чтобы эти города существовали съ незапамятныхъ временъ.

Есть много другихъ объясненій въ подобномъ же родѣ. Въ виду, напр., выраженія: «и то (омовеніе въ баняхъ) творятъ по вся дни», авторъ говоритъ, что бани, въ которыхъ моются «по вся дни», могли быть *только* въ значительномъ многолюдномъ городѣ. Почему же? — бани у русскихъ составляли и составляютъ общій обычай; какъ въ старину, такъ и теперь, бани могли быть въ великорусскихъ деревняхъ «по вся дни» (въ каждомъ домѣ, напр. въ печи и пр.). Да и все свидѣтельство о посѣщеніи Новгородской области ап. Андреемъ, какъ уже давно замѣчено другими историками, лишено исторической достовѣрности, и потому на немъ не слѣдуетъ строить никакихъ предположеній.

Перейдемъ теперь къ предложенной авторомъ теоріи историческаго развитія народныхъ поселеній въ Россіи (стр. 143—162).

Авторъ мотивируетъ свою теорію совершенно недоказанной гипотезой первичной колонизаціи Славянъ русскихъ путемъ завоеванія земель, уже прежде нихъ занятыхъ другими народами неславянскими. Было ль завоеваніе, — еще весьма спорный вопросъ. Начальная лѣтопись вездѣ говоритъ — «*сѣдоша* по Днѣпру, въ лѣсѣхъ» и пр.; нѣтъ и слѣда борьбы Славянъ съ предполагаемыми туземцами. Послѣ описанія разселенія Славянъ по разнымъ мѣстамъ, Несторъ замѣчаетъ: «и *живяху въ миръ* Поляне, и Древляне, Сѣверъ» и пр. (Пол. Соб. Лѣт. I, 5); или въ другомъ мѣстѣ: «а *перьвіи* насельници въ Новѣгородѣ Словѣне» и т. д. (ib. 9), — здѣсь, кажется, ясно говорится о Славянахъ, какъ о первыхъ колонизаторахъ мѣстностей, на которыхъ они жили въ X и слѣдующихъ вѣкахъ. Если, по замѣчанію Бѣляева (Разск. I, 7), Поляне поселились въ мѣстности, никѣмъ не занятой, то ничто не мѣшаетъ допустить, что то-же самое могло быть и въ другихъ мѣстахъ, особенно на сѣверѣ, въ районѣ господства сплошныхъ лѣсовъ и болотъ. Да хоть бы и было завоеваніе, т. е. если допустимъ, что Славяне застали осѣдлое населеніе, то въ старину завоеваніе сопровождалось, по большей части, полнымъ порабощеніемъ или даже просто истребленіемъ туземцовъ. Славяне могли застать кочевыя племена; какъ у кочевниковъ, собственно имъ нечего было завоевывать; вытѣсненныя имъ племена просто могли перекочевать въ другія, свободныя мѣста. Словомъ, въ виду тогдашняго обилія пустыхъ, незаселенныхъ мѣстъ, есть всѣ основанія допускать, что первичная колонизація Славянъ могла совершаться совершенно мирнымъ путемъ, и потому имъ не было никакой надобности и побужденія селиться скученно въ городахъ, а не жить въ разсыпную, какъ жили, по словамъ Нестора, Поляне предъ приходомъ къ нимъ Хозаръ (при томъ, жили, «быша обидими Древлями, инѣми околними»).

Точно также невѣрна аналогія съ позднѣйшей колонизаціей Юго-восточной Россіи. Откуда авторъ знаетъ, что юго-восточныя пространства Россіи, при заселеніи ихъ русскимъ народомъ въ XVI и XVII стол., представляли условія, *подобныя* условіямъ, при какихъ заселялись земли въ Россіи вообще при первоначальномъ ихъ занятіи Славянами? Вѣдь это чисто голословная догадка, которую ничѣмъ нельзя доказать. Подобія не могло быть уже потому, что было большое различіе территоріальныхъ условій: древніе Славяне селились по преимуществу на лѣсныхъ пространствахъ, тогда какъ юго-востокъ Россіи въ XVI и XVII стол., какъ и въ старину, былъ «полемъ», ст [illegible] чемъ, здѣсь играетъ большую роль различіе во времени; чтобы разница въ 6—7 вѣковъ не наложила своей

обстановку позднѣйшей колонизаціи народа. Авторъ ссылается, главнымъ образомъ, на «записную тетрадь» лицъ, сопровождавшихъ Петра I подъ Азовъ въ 1694 г. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи этого памятника, оказывается, что авторъ едва ли имѣлъ право основываться на немъ одномъ, безъ другихъ, болѣе сильныхъ аргументовъ. Тетрадь перечисляетъ казачьи городки расположенные по теченію Дона; но что это было — общины ль, или простые, наблюдательные острожки, объ этомъ нѣтъ ни слова. Ничего не говорится о селахъ и вообще о внутренности страны; можетъ быть, на дѣлѣ селъ вовсе не было, но только самъ памятникъ вовсе умалчиваетъ объ этомъ. Описаніе путешествія начинается еще съ Москвы; а между тѣмъ, только случайно упоминается одна деревня, — не уже ли отсюда можно заключать, что и на пространствѣ между Москвой и Воронежомъ вовсе не было или было очень мало селъ? При томъ, предъ исчисленіемъ городковъ тотчасъ упоминается цѣлый рядъ расположенныхъ по Дону монастырей (замѣтимъ, гдѣ монастырь, тамъ и сельскіе поселки), — явное доказательство возможности тамъ спокойной жизни внѣ городовъ.

Авторъ совершенно напрасно ссылается на знакомство русскихъ Славянъ, по мѣсту прежняго ихъ жительства (на Дунаѣ), съ высшей цивилизаціей своего времени; переселяющійся народъ, по словамъ автора, не могъ порвать политической связи между своими членами, не станетъ жить въ хуторахъ, безъ всякаго политическаго соединенія между собою, но, переселившись въ новую страну, будетъ жить по старому— скученно, въ городахъ (стр. 151—152). Во-1-хъ, неужели въ старину только жизнь въ городахъ предполагала политическія связи между людьми, а жизнь сельская, хуторная, лишена была, какъ думаетъ авторъ, всякихъ связующихъ, политическихъ элементовъ? Во-2-хъ, высказывая изложенный аргументъ, авторъ обнаруживаетъ лишь весьма малое знакомство съ бытомъ южныхъ Славянъ въ старое время. Откуда онъ узналъ, что Славяне подунайскіе когда-либо жили исключительно въ городахъ? Не говоря, напр., о свидѣтельствѣ Прокопія, указывающаго на хуторной бытъ въ разбивку, какъ на характерное явленіе жизни древнихъ Славянъ, достаточно указать на тотъ фактъ, что у южныхъ Славянъ, въ старину и до позднѣйшаго времени, удерживались цѣлыя мѣстности, вовсе не знавшія городовъ, довольствовавшія хуторной жизнію по горамъ и лѣсамъ. Еще въ позднѣйшее время, въ эпоху Законника Душана, были цѣлые ряды жупъ (нашихъ волостей). изъ однихъ сельскихъ поселковъ. Поличане постоянно чуждались и доселѣ чуждаются городовъ, довольствуются горнымъ сельскимъ бытомъ, — не только не видятъ надобности въ городахъ, но и считаютъ ихъ, по выраженію По-

лицкаго Статута, «новщиной, ча би проти опѣнни» (см. мое сочин.: «Древн. Хорв.-Далмат. законод.», 68).

Что касается опасности жизни внѣ городовъ въ виду набѣговъ кочевниковъ и пр., то объ этомъ мы говорили уже выше. Опасность такая далеко не вездѣ могла имѣть одинаковое значеніе, значительно смягчалась и скрадывалась въ силу плохихъ путей сообщенія, лѣснаго характера первичной колонизаціи и пр.

Наконецъ, авторъ рѣшительно невѣрно утверждаетъ, что начальная лѣтопись умалчиваетъ о селахъ, потому что ихъ не было, — и что, по лѣтописямъ, въ X стол. извѣстны только два селенія — Ольжицы и Берестовое [1]). Молчаніе лѣтописи о селахъ и раннее упоминаніе въ ней городовъ будутъ для насъ понятными вполнѣ, если вспомнимъ характеръ самой лѣтописи. Она говоритъ по преимуществу о городахъ по той же причинѣ, по какой всегда упоминаетъ о малѣйшей усобицѣ и о всякомъ чрезвычайномъ событіи, а съ другой стороны — умалчиваетъ о селахъ по тому же самому, какъ и, напр., о вѣчахъ. Если вѣча и возникновеніе селъ были совершенно обыденными явленіями, извѣстія о которыхъ лѣтописецъ считалъ излишнимъ заносить въ свою хронику, то онъ далеко не такъ смотритъ на постройку города или княжескую усобицу, вторженіе Половцевъ, появленіе кометы и пр. Постройка города для лѣтописца — такое же чрезвычайное явленіе, какъ и событія послѣдняго рода. Молчаніе лѣтописи о селахъ, по нашему мнѣнію, есть первый признакъ того, что на дѣлѣ было ихъ много. Да начальная лѣтопись и не вовсе молчитъ о селахъ. Авторъ вовсе упустилъ изъ виду, напр., описаніе древнихъ обычаевъ Славянъ, собиравшихся на игрища «межю селы». Въ X стол. упоминаются не два, а *нѣсколько* селеній. Мѣсто Лаврентьевской лѣтописи, упоминающее о селѣ Ольгино, читается по Никоновскому списку такъ: «и по Днѣпру перевѣсища еа суть и *села* и по Деснѣ, и есть село у Кіева близъ на Деснѣ Олгино и до сего дне (П. С. Л. IX, 29).» Мѣсто, гдѣ жила Рогнѣда, во время лѣтописца называвшееся *селищемъ* Предславинымъ, могло быть при Рогнѣдѣ жилымъ поселкомъ (ib. 41). Владиміръ родился въ Будитинѣ: «село бо бяше еа тамо, а умираючи даде его св. Богородици»; Владиміръ ставилъ пресвитеровъ по городамъ и селамъ (ib. 35, 64). Еще болѣе усиливаются извѣстія о селахъ въ XI и XII стол. Ярославъ, подобно Владиміру, ставилъ церкви

[1]) Да и эти села, по словамъ автора, названы такъ лѣтописцемъ только потому, что они были таковыми въ его время. Во 1-хъ, это ни откуда не видно, лѣтописецъ лишь говоритъ, что эти села существовали еще въ его время. Во-2-хъ, множество княжихъ наложницъ, съ большимъ штатомъ слугъ, не всегда предполагаетъ существованіе города.

по градамъ и *мѣстамъ* (ib. I, 66); подъ 1078 г. упоминается битва у села на Нежатинѣ Нивѣ; въ 1092 г. Половцы взяли «много» селъ въ Черниговской области и пр. (ib. I, 88, 92, 96, 98, 99 и др.). Вмѣстѣ съ учрежденіемъ града Святополча (въ 1095 г.), въ него былъ посаженъ особый епископъ (ib. 95); открытіе епархіи почти подъ самымъ Кіевомъ показываетъ, что тамъ было значительное населеніе не только подъ городомъ, но и по селамъ. Въ XII стол. постоянно упоминается «множество» селъ въ разныхъ русскихъ областяхъ, расположенныхъ вдали городовъ, по земскимъ путямъ, въ лѣсахъ и пр. [1]). Русская Правда, по вѣрному замѣчанію историковъ, представляетъ сборникъ обычаевъ народа хуторной культуры; извѣстный уставъ о земскихъ дѣлахъ, приписываемый Ярославу (собственно византійскаго происхожденія), есть въ полномъ смыслѣ сельско-хозяйственный уставъ, — онъ едва ли могъ рано явиться у насъ, получить практическую силу чуть ли еще не вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства, еслибы въ немъ не имѣли нужды, т. е. еслибы въ X и XI стол. былъ мало развитъ самостоятельный сельско-хозяйственный бытъ. Извѣстныя намъ грамоты Ростислава и Святослава (см. выше) даютъ поводъ заключать, что въ первой половинѣ XII стол. земли Новгородская и Смоленская были уже сложными федераціями погостовъ и другихъ сельскихъ поселковъ; сельская колонизація стала достигать здѣсь тѣхъ ступеней развитія, на которыхъ она является и въ позднѣйшее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, есть извѣстія о томъ, что села очень рано являются съ самостоятельнымъ, внутреннимъ нарядомъ и управой. Уже начальная лѣтопись даетъ намекъ на то, что, рядомъ съ старѣйшинами и старцами градскими (сотскими и десятскими), могли быть также и «старцы людскіе» (П. С. Л. I, 53, 54; ср. 25, 45, 55); Правда уже отчетливо говоритъ о сельскихъ старостахъ и тіунахъ княжихъ и ратайныхъ (т. е. собственно крестьянскихъ, — отъ «орать» — ратай, орачь, хлѣбопашецъ; см. Утина Сборн. 49, 53), которымъ соотвѣтствуетъ волостель устава о земскихъ дѣлахъ (ib. 39). Всѣ эти данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что сельская община вполнѣ отдѣлялась

---

[1]) Такъ, въ 1176 г. Половцы взяли въ Кіевской землѣ «множество селъ» за Кіевомъ, т. е. по ту сторону Днѣпра (П. С. Л. I, 154); то же было въ слѣдующемъ году, когда Половцы повоевали села «безъ учьта» (ib. II, 104), — взяли «множьство селъ» (ib. 105). Непріятели жгутъ «вся села» въ Переяславской, Черниговской, Новгородской и другихъ областяхъ (ib. I, 135, 147, 154 и пр.). Подъ 1116 г. упоминаются въ Чуди погосты «безъ числа» (ib. II, 7). На путяхъ, вдали отъ городовъ, постоянно упоминаются села (ib. 26, 80 и пр.). Слова Мономаха о селахъ смердовъ, жившихъ въ нихъ съ семьями и «имѣніемъ», показываютъ, что въ его время села были общимъ явленіемъ (I, 118). Въ 1158 г. упоминаются слободы купленныя и села лѣтнія. данныя Андреемъ Боголюбскимъ Владимірской церкви, и пр. (I, 149).

отъ города, получила самостоятельную организацію не съ XVI стол., какъ думаетъ авторъ, а напротивъ — село, какъ общиня, является «изначала», съ незапамятныхъ временъ, — уже въ X и XI стол., — оно имѣло ту организацію, съ какою оно является во всѣ послѣдующія историческія эпохи. Сельскія общины, *зажитія*, *поселія*, существовали съ незапамятныхъ временъ, какъ союзы, изъ которыхъ по преимуществу слагались волости и земли (см. выше о различіи между городомъ, землей и волостью). Понятіе «поселія» и «зажитія» [1]) издавна противополага-

[1]) О посельи см. П. С. Л. IV, 22 и др.; о зажитьи — ib. IV, 107, 145 и пр. Значеніе *зажитія*, какъ намъ кажется, не совсѣмъ правильно объясняется нашими изслѣдователями. С. М. Соловьевъ отождествляетъ его съ «кръмомъ» — продовольствіемъ войска въ непріятельской землѣ, какъ и «зажитниковъ» съ людьми, посылаемыми для сбора корма (Ист. III, 21). Г. Сергѣевичъ точно также называетъ зажитіе кормомъ или продовольствіемъ войска, при томъ не только въ непріятельской землѣ (тогда слово зажитіе соединяется съ сл. воевать), но и во время переходовъ войска въ предѣлахъ собственнаго княжества (Вѣче, 410; ср. также Учен. Зап. Каз. Унив. 1860, I, 100, соч. Сидоренка Рекрут. Повин. I, 4). Г. Соловьевъ не приводитъ никакихъ данныхъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. Г. Сергѣевичъ основывается на двухъ лѣтописныхъ цитатахъ: подъ 1216 г.—«идѣде въ зажитія, толико головъ не смлете; идоша, исполнишася корма и сами и кони», и подъ 1234 г.: «иде Ярославъ на Нѣмцы и пусти воя воевати въ зажитье» (Новг. I, 34, 49). Изъ этихъ цитатъ и особенно изъ первой видно только, что кормъ находится въ какой-то связи съ зажитіемъ, но и только. Г. Сергѣевичъ отождествляетъ зажитіе съ кормомъ, неправильно толкуя выраженіе: «толико головъ не емлѣте». Онъ говоритъ, что въ этомъ выраженіи заключается указаніе на размѣры корма: воины не должны были ни уводить съ собой стадъ, ни бить скотину на мѣстѣ. Мы думаемъ, напротивъ, что здѣсь указывается на кормъ и на зажитье, какъ на два различныя понятія. Означенное выраженіе г. Соловьевъ объясняетъ болѣе вѣрно: «только головъ людскихъ не берите». Дѣйствительно, слово «голова» всегда употребляется въ лѣтописяхъ въ значеніи людей, плѣнныхъ (головами размѣнишася; а что гдѣ полонивше, или человѣческую голову или скотъ; нѣколико головъ сгорѣ; села пожгоша и головы поимаша, а скотъ изсѣкоша и пр.; см. Новг. I, 59, 69; Нов. IV, 37; Пск. I, 184). Въ данномъ случаѣ воинамъ было запрещено брать жителей въ полонъ, на щитъ, какъ бы въ видѣ исключенія изъ общаго правила. Какъ сейчасъ увидимъ, общее понятіе хожденія въ зажитіе было болѣе широкое, чѣмъ сборъ корма; съ нимъ соединялась возможность полона, разоренія, грабежа и истребленія жителей, — словомъ, всѣ признаки и элементы, входящіе въ понятіе военныхъ дѣйствій, и при томъ въ старой формѣ суроваго хищничества и разбойничества. Случай, аналогическій тому, о которомъ идетъ рѣчь въ первой цитатѣ, находимъ въ лѣтописи подъ 1094 г. Подобно тому, какъ въ 1216 г. Мстиславъ, вошедши съ оружемь въ *свою* волость, дозволилъ помогавшимъ ему Новгородцамъ пойти въ зажитье по волости, такъ и Олегъ Святославичъ, добившись въ 1094 г. своей волости (Черниговской), дозволилъ своимъ союзникамъ (Половцамъ) ее «воевать» (Лавр. 96). Оба случая во многомъ сходны: Новгородцы шли въ зажитіе, какъ и Половцы шли воевать, не ради мирныхъ цѣлей, но ради *наказанія* жителей, для грабежа и разорѣнія ихъ, за измѣну и участіе въ дѣлѣ противниковъ своего князя. Мы пересмотрѣли всѣ извѣстныя намъ лѣтописныя извѣстія о зажитьи и зажитникахъ и пришли къ полному убѣжденію въ томъ, что зажитье и кормъ не одно и то-же. Зажитье было въ военное время по преимуществу поприщемъ наступательной войны, ведшейся въ суровой формѣ военнаго хищничества, грабежа, полона и разоренія страны, какъ и городъ былъ мѣстомъ городской осады, совокупнаго дѣйствія рати, полковъ, послѣ взятія города и уничтоженія силъ противника «разсыпавшихся» по зажитьямъ отдѣльными партіями «зажитниковъ»,

лось понятію «города», «городной осады», «остоя». Вспомнимъ слова лѣтописца, по случаю учрежденія Холма (въ 1259 г.) и громаднаго

воевавшихъ села и деревни, не встрѣчая отпора въ безоружномъ населеніи. Выраженіе: идти въ зажитія, воевать въ зажитія, равнозначительны съ другими выраженіями: воевать села и волости, жечь ихъ, брать на щитъ, пустошить, дѣлать села и волости «пуста» и пр. И дѣйствительно, слово зажитіе иногда прямо ставится въ лѣтописи рядомъ съ волостію, замѣняя села и деревни. Въ смыслѣ мѣстности жилой, заселенной, употреблено это слово въ слѣдующей цитатѣ подъ 1404 г.: «по Велицѣ дни отступи прочь (Витовтъ стоялъ всю весну подъ Смоленскомъ со всѣмъ войскомъ), а *по зажитіемъ и по волостемъ Смоленьскимъ* много зла учини» (Новг. IV, 145; ср. 107). Кромѣ этой цитаты, выраженіе: идти въ зажитья, вполнѣ объясняется лѣтописнымъ извѣстіемъ о взятіи въ 1242 г. Александромъ Невскимъ Псковской земли, завоеванной нѣмецкими рыцарями. Краткая редакція этого извѣстія находится въ IV-й Новг. лѣтописи: Александръ взялъ Псковъ, «а нѣмцевъ и Чудь поточи въ Новгородъ, а *самъ поиде въ зажитіе*». Полнѣе разсказъ въ 1-й Новг. лѣт.: «изъими Нѣмци и Чудь, и сковавъ поточи ихъ въ Новгородъ, *а самъ поиде на Чудь; и яко быша на земли, пусти полкъ весь въ зажитія*». Наконецъ, въ Воскр. лѣт. весь разсказъ разбивается на двѣ части. Въ первой говорится о событіи вообще: «зая всѣ пути до Пскова, и изгони градъ, и изымавъ нѣмцы и Чудь, и намѣстницы Нѣмецкія исковавъ поточи въ Новгородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна, а *землю ихъ* (*нѣмцевъ*) *пожьже повоевавъ, и полона много взя, а иныхъ иссѣче*». За тѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе всѣхъ дѣйствій: «они же (нѣмцы) гордіи совокупишася, и рѣша: поидемъ. погубимъ в. кн. Александра и имемъ его руками... Самъ же в. князь Ал. поклонися св. Троици (въ Псковѣ) и *поиде на землю Нѣмецкую, хотя мстити кровь христіяньскую... пусти вся полкы своя въ зажитіа*» и пр. (см. П. С. Л. IV, 37, 179; III, 53, VII, 150). *Всѣ* полки, все войско едва ли можно въ непріятельской землѣ пускать въ зажитія для сбора корма; тутъ, очевидно, дѣло идетъ о настоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Можно еще привести до десяти цитатъ, указывающихъ на хожденіе въ зажитія, какъ на наступательное вторженіе непріятеля въ враждебную страну, съ цѣлью опустошенія и взятія на щитъ всего населенія. Первая изъ цитатъ, приводимыхъ г. Сергѣевичемъ, изложена иначе въ IV-й Новг. лѣт.: вмѣсто идти въ зажитья, употреблено — «начаша имати села и жечи»; кромѣ того, упоминается особый отрядъ Яруна съ «молодыми людьми», отправленный Мстиславомъ воевать въ зажитья, именно въ волости противника; отсюда же видно, что Новгородцамъ дозволено было идти воевать въ волость своего союзника для наказанія жителей за то, что пристали къ противнику своего князя (см. ib. III, 34; IV, 21; ср. VII, 120). Въ смыслѣ же наступательной войны въ разсыпную по зажитьямъ, волостямъ, говорится и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, напр. подъ 1146 г. о зажитникахъ Изяслава, посланныхъ грабить и жечь села въ волости Святослава Ольговича; или подъ 1152 г. о зажитникахъ венгерскаго короля, вступившаго войной въ Галицкую землю и тотчасъ разославшаго зажитниковъ (см. ib. II, 27, 67). Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и вторую цитату г. Сергѣевича: выраженіе «пусти воя воевати въ зажитіе», пояснено въ другихъ спискахъ въ томъ смыслѣ, что, послѣ открытой сѣчи, кончившейся неудачно для нѣмцовъ, Новгородцы «опустошиша около Юрьева обили» и пр. (ib. III, 49; IV, 178). Изъ приведенной выше цитаты о вторженіи Витовта (въ 1404 г.) въ Смоленскую землю видно, что, простоявъ всю весну подъ Смоленскомъ, онъ за тѣмъ отступилъ отъ города (можетъ быть, только оставилъ наблюдательный отрядъ) и распустилъ все войско въ зажитія и волости, для грабежа и разоренія; но потомъ, когда Смоленскій князь ушелъ въ Москву, Витовтъ опять «собра силу и ста у Смоленска». Лѣтописецъ заключаетъ разсказъ словами: «и тако Витовтъ взя градъ (совокупной силой, всѣмъ войскомъ вмѣстѣ) и все смоленское княженіе (отдѣльными отрядами зажитниковъ, воевавшихъ зажитья). См. IV, 107, 145). Кромѣ непріятельскихъ походовъ въ зажитья. съ цѣлью разоренія страны и полона «головами и скотомъ», есть также извѣстія о томъ, что «бѣжане» — жители селъ, уходившіе въ городную осаду, «лѣзутъ въ зажитье» изъ «остоя» въ городѣ, или

прилива въ его окрестности переселенцовъ: «и бѣ *жизнь*, и наполниша дворы окрестъ града, поля и села» (П. С. Л. II, 196). «Жизнь» въ старину дѣйствительно пріурочивалась къ сельскому быту, къ посельямъ и зажитьямъ, тогда какъ съ мыслью о городѣ всегда соединялось понятіе о скученномъ, осадномъ положеніи, о перекочевкѣ, бѣгствѣ отъ врага - хищника въ остой, городную осаду, о народномъ разореніи и бѣдствіяхъ, какъ неразлучныхъ спутникахъ тѣсной, скученной побывки «бѣжанъ» въ городахъ.

Мы разсмотрѣли всѣ главные доводы, на которыхъ основана теорія г. Самоквасова. Допустимъ, что авторъ правъ, утверждая, что до московской эпохи вездѣ на Руси господствовалъ городской бытъ, и что бытъ сельскій начинаетъ преобладать у насъ лишь съ XVI столѣтія. Но въ такомъ случаѣ становятся рѣшительно непонятными всѣ явленія новой исторіи. Мы знаемъ, какія заботы и усилія употребляло наше правительство, начиная съ прошлаго столѣтія, съ цѣлью привить у насъ городской бытъ на европейскій ладъ. Въ виду теоріи г. Самоквасова, можно было бы думать, что это дѣло, въ его примѣненіи, превзойдетъ желанные результаты, такъ какъ почва для него была вполнѣ и давнымъ-давно подготовлена еще древней исторіей; а между тѣмъ, дѣло не спорилось съ самаго начала, да и досѣлѣ не спорится. Жизнь, всегда стоявшая за сельскій бытъ, шла и теперь идетъ въ рѣшительный разрѣзъ съ предначертаніями законодателя. Городской бытъ досѣлѣ чуждъ у насъ громадному большинству городовъ, на дѣлѣ ничѣмъ не отличающихся отъ селъ въ отношеніи къ населенію и промысламъ. Гдѣ причина такого страннаго явленія? Неужели московская эпоха, развивъ въ населеніи привычку и вкусъ къ сельскому быту, вмѣстѣ съ тѣмъ могла такъ легко и скоро убить въ немъ память о старой городской обстановкѣ всей его жизни въ теченіи чуть не цѣлаго десятка вѣковъ. когда, по словамъ г. Самоквасова, русскій людъ поголовно жилъ въ городахъ? Не указываетъ ли это явленіе, напротивъ, на то обстоятельство, что городской бытъ изстари, *изначала*, былъ рѣшительно чуждъ русскому народу, что историческій типъ славянина — по преимуществу типъ селянина-хлѣбопашца, привыкшаго жить въ разбивку, по хуторамъ и селамъ, и вовсе не понимающаго скученной жизни западно-европейскаго мѣщанина? Объ этихъ вопросахъ слѣдовало бы нашему автору

«выходятъ изъ города въ села», особенно по «отшествіи» врага (ib. II, 212); здѣсь зажитье прямо приравнивается къ селамъ и деревнямъ. Наконецъ, зажитья могли быть *мѣстомъ* корма, продовольствія войска. Тѣмъ не менѣе, нигдѣ указаній, чтобы зажитіе и кормъ употреблялись въ одинаковомъ зна

хорошенько поразмыслить, прежде чѣмъ приступать къ построенію теоріи, основанной лишь на сомнительныхъ или невѣрно понятыхъ историческихъ свидѣтельствахъ, и вмѣстѣ тѣмъ явно игнорирующей цѣлую массу достовѣрныхъ данныхъ, вовсе не подходящихъ подъ основную схему теоріи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что нѣтъ никакихъ основаній отвергать установившуюся въ наукѣ теорію развитія народныхъ поселеній въ Россіи, представляющую это дѣло гораздо проще и правдоподобнѣе, чѣмъ теорія, предлагаемая г. Самоквасовымъ. И у насъ, и у другихъ народовъ, первичная колонизація начиналась съ простѣйшихъ и незатѣйливыхъ формъ и лишь постепенно достигала формъ „придуманныхъ", искуственныхъ, а не наоборотъ, какъ полагаетъ г. Самоквасовъ (см. стр. 162, полож. IV). Первичная колонизація Славянъ, до образованія широкихъ политическихъ союзовъ, — земель, княжествъ и пр., — проходила три различныя ступени: хуторовъ, селъ и погостовъ (жупъ западныхъ и южныхъ Славянъ). На каждой изъ этихъ стадій развитія народъ представлялъ собою совокупность мелкихъ „родовъ", жившихъ разбросанными „дымами", входившихъ между собой въ самыя разнообразныя, федеративныя комбинаціи и сочлененія. Все жило въ разбивку, въ одиночку; народъ расползался по территоріи мелкими, едва замѣтными кучками, отдѣльными семьями и хуторками, слагавшимися постепенно въ новые союзы — села, изъ нѣсколькихъ отдѣльно жившихъ хуторковъ и деревень, а эти — въ болѣе широкія федераціи, погосты и волостки. Смотря по территоріальнымъ условіямъ первичной колонизаціи, могли появляться на каждой стадіи ея развитія городки — укрѣпленные пункты обороны, заводившіеся при хуторахъ, селахъ и погостахъ. Положеніе дѣлъ измѣняется и осложняется въ эпоху общинной культуры вторичной формаціи, когда, вмѣстѣ съ разростаніемъ прежнихъ, дробныхъ хуторковъ, селъ и погостовъ, постепенно организуются изъ нихъ большіе территоріальные союзы, земли, волости и княжества. Въ это время, въ старѣйшихъ центрахъ народной колонизаціи, появляются болѣе сплоченныя, централизованныя села, слободы и посады, съ ихъ городами — укрѣпленіями, служащими военно-оборонительными пунктами, и для своихъ посадовъ и слободъ, и для цѣлаго ряда тянувшихъ къ каждому изъ нихъ погостовъ, селъ и деревень, и наконецъ для всей земли и области. Общинная культура третичной формаціи характеризуется полнымъ упроченіемъ и законченностію колонизаціи, образованіемъ политически-самобытныхъ областей и земель, въ видѣ особыхъ княжествъ и самоуправляющихся единицъ, каждая съ своими самостоятельно развившимися формами политическаго,

юридическаго и экономическаго быта. На этой-то высшей ступени общинной культуры появляются первые зародыши городовъ — укрѣпленныхъ пунктовъ поселенія, сплоченныхъ общинъ, съ постепеннымъ выясненіемъ ихъ политической роли и значенія, какъ политическихъ, административныхъ и экономическихъ центровъ областей и княжествъ. Исторія застаетъ русскихъ Славянъ уже подъ конецъ развитія общинной культуры вторичной формаціи; съ X и особенно XI стол., стали явственно обозначаться всѣ существенные признаки третичной формаціи общиннаго быта. Города-общины, появляющіеся съ XI стол. (сперва Новгородъ и Кіевъ), были важны по ихъ политической роли, но, въ количественномъ отношеніи, рѣшительно терялись въ массѣ сельскихъ поселеній, изстари составлявшихъ и доселѣ составляющихъ характерную черту общественнаго быта русскаго народа.

На ступени хуторной культуры, народъ разбивается на мелкія семьи и семейныя общины, живущія въ разсыпную, отдѣльными дымами, дворами и хуторами. Эта форма быта не скоро исчерпывается въ жизни цѣлаго народа. Хуторную культуру можно встрѣтить и на послѣдующихъ ступеняхъ народнаго быта. Въ то время, какъ первичные пункты поселеній, раньше другихъ колонизовавшіеся въ данной мѣстности, съ теченіемъ времени разростаются въ сплоченныя территоріальныя общины, становятся „старѣйшими" центральными пунктами большихъ политическихъ союзовъ, въ то самое время, вдали отъ этихъ центровъ, въ пограничныхъ мѣстахъ, въ глуши лѣсовъ и болотъ, можетъ развиваться колонизація еще въ первичныхъ ея формахъ. Новгородскія писцовыя книги представляютъ весьма наглядные примѣры подобнаго хода развитія колонизаціи. Въ нихъ мы находимъ всѣ формы поселеній, начиная отъ первичныхъ хуторковъ, слагавшихся въ такіе же первобытные погосты и волостки, и кончая сплоченными поселеніями высшихъ формъ общинной культуры. Если еще въ XV и XVI стол въ Новгородской землѣ встрѣчалось много погостовъ — союзовъ иногда значительнаго числа деревень, состоявшихъ изъ одного, много двухъ-трехъ дворовъ, — то такое совпаденіе понятій деревни и двора (изъ одной семьи) могло быть господствующимъ явленіемъ въ эпоху первичныхъ поселеній. Деревня, состоявшая всего изъ одного двора [1]), или, что одно и то-же, изъ одной семейной общины, представляетъ по

[1]) По писцовымъ новгородскимъ книгамъ, въ деревнѣ заключается большей частью по одному двору, въ которомъ жило иногда нѣсколько семей, не только родственныхъ, но и чужихъ. Кромѣ отца и дѣтей, въ одномъ дворѣ живутъ зятья, шурья, иногда пріятели, подворники, захребетники и пр. См. Времен. 1851, XI, стр. 1, 3—8, 14, 41 и пр.; Новг. писц. кн. 1, 2, 5, 12, 13 и т. д.

писцовымъ книгамъ союзъ нѣсколькихъ семей и отдѣльныхъ лицъ, въ видахъ самопомощи и самозащиты, соединившихся въ одну общину, жившихъ въ одномъ дворѣ, на одномъ земельномъ участкѣ, жеребьи, въ одной деревнѣ или починкѣ. Эти-то разбросанные дворы, составлявшіе каждый отдѣльную деревню, выставокъ, починокъ, займище, слѣдъ и пр., сводились въ цѣлую федерацію хуторковъ, составляли изъ себя одно село, погостъ или волостку [1]). Подъ селомъ разумѣется не только сплоченное поселеніе, но и цѣлый рядъ деревень (по большей части въ одинъ дворъ), разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ (см. Невол. Пят. 222, 277, 347 и пр.). Понятіе села или слободы совпадало, такимъ образомъ, съ понятіемъ погоста, подъ которымъ тоже разумѣлись и мѣсто, пунктъ поселенія, и округъ или волостка изъ нѣсколькихъ хуторковъ-деревень. Словомъ, у насъ еще въ XVI стол. удерживалось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи понятіе о хуторѣ, селѣ и погостѣ, какъ о союзахъ большаго или меньшаго числа семейныхъ общинъ, жившихъ каждая въ одиночку, въ отдѣльной деревнѣ, починкѣ и пр.

Подобныя данныя, очевидно, могутъ представлять значительное подспорье вообще при изученіи первичныхъ формъ народнаго быта, — могутъ служить объясненіемъ отрывочныхъ показаній древнихъ русскихъ лѣтописей о дымахъ и родахъ, жившихъ „особѣ“, на своихъ „мѣстѣхъ“, или показаній историковъ византійскихъ, арабскихъ и другихъ о характерѣ первоначальныхъ поселеній древнихъ Славянъ [2]). Tugurium καλύβη (какъ и casa, fermes, τέρεμνα) древнихъ Славянъ соотвѣтствуютъ древне-русскимъ колибѣ (кельѣ), терему (теремку), хижѣ или дыму начальной лѣтописи (см. интересныя замѣтки объ этомъ у Аристова, Промышл. др. Руси, 85 и слѣд.). Такими колибами и дымами въ разброску жили вездѣ древніе Славяне. По словамъ Палацкаго, старый Славянинъ строилъ свой домъ среди собственной нивы, — такъ жили и его потомки; съ умноженіемъ жильцовъ, наростали постепенно новые дома вокругъ стараго, откуда и возникала позже большая деревня (Ист. Чех. I, 169; ср. Uperka Slov. pr.). Жизнь въ разсыпную не со-

---

[1]) Въ писц. книгахъ нерѣдко говорится: «тѣ деревни взяты *въ кругъ*» къ такому-то селу; «да къ селу столько-то деревень; деревень къ селу за крестьянами... къ селу припущены деревни» и пр. См. Неволина Пят., прилож. 69, 126, 192, 198, 218 и пр.

[2]) Для насъ важно въ особенности свидѣтельство Прокопія, de Bello Goth. III, 14, о томъ, что древніе Славяне жили въ разсыпную: «in tuguriis habitant vilibus et rare sparsis (ἐν καλύβαις οἰκτραῖς διεσκηνημένοι πολλῷ μὲν ἀπ' ἀλλήλων), atque habitationis locum subinde mutant». Mauricii Strateg. XI, 5: «In silvis autem et ad fluvios et paludes lacusque aditu difficiles habitant». См. также Іорнанда, Адама Бреш. и разныхъ араб. писателей.

ставляла исключительнаго явленія въ быту Славянъ. Германцы тоже вели хуторную жизнь отдѣльными семьями, въ небольшихъ избушкахъ, выстроенныхъ въ разбросъ, далеко одна отъ другой, гдѣ попало (Corn. Taciti Germ. 7, 16; Caes. de Bell. Gall. VI, 22). Германскія Villa, Mark, Gau, представляли то-же, что древне-славянское село, погостъ, жупа, т. е. нерѣдко разбросанныя на значительныя пространства федераціи дворовъ, стоявшихъ въ одиночку и составлявшихъ децентрализованныя общины — села и волости. Въ позднѣйшее время не осталось на Западѣ и слѣда отъ стараго бытоваго порядка. Не то видимъ у Славянъ; у нихъ доселѣ удерживается жизнь въ разбивку. У Сербовъ, особенно въ горныхъ мѣстахъ, вовсе не выработалось понятіе о селѣ въ западно-европейскомъ смыслѣ; подъ селомъ разумѣется у нихъ донынѣ федерація разбросанныхъ, мелкихъ поселковъ и отдѣльныхъ дворовъ.

Такимъ образомъ, хуторной типъ первоначальной культуры составляетъ общее явленіе въ исторіи славянскихъ и германскихъ народовъ. На самыхъ первичныхъ ступеняхъ могли являться, если того требовали мѣстныя условія, острожки и города — огороженные, укрѣпленные пункты, — служившіе для сельскаго населенія убѣжищемъ въ осадное время. Городки могли быть, смотря по обстоятельствамъ, не только въ сплоченныхъ поселеніяхъ, но и въ мелкихъ хуторкахъ, деревняхъ и дворахъ. У древнихъ Германцевъ каждый, сколько-нибудь сильный и зажиточный дружинникъ-землевладѣлецъ строилъ свой дворъ на возвышенномъ мѣстѣ, съ замкомъ (Schloss, Burg), окруженнымъ стѣной и валами, — первичная форма западно-европейскаго города. Древнее значеніе города, какъ укрѣпленія, доселѣ удерживается въ пословицѣ: mein Haus mein Burg. Такіе же замки являлись въ другихъ поселкахъ; марки и волости могли имѣть свои укрѣпленные города и замки для отраженія непріятелей. То-же самое было у Славянъ. У старыхъ Чеховъ изстари были замки, остроги и города (hrady, hradce, ostrohy, lýny, brany zemsky и пр.); населеніе жило не въ городахъ, но подъ ними, за стѣнами, по большей части въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ, въ предгородьяхъ, осадахъ, льготахъ, селахъ и пр. (podhradi, predhradi, osada, lhota, sédlo, dedina, obec и пр.); градъ служилъ складомъ военныхъ припасовъ, жилищемъ князя или жупана и временнымъ убѣжищемъ для сельскаго населенія въ осадное время. Подобное же устройство имѣли города у другихъ западныхъ Славянъ (см. Uperka Slóv. pr. I, 24, 41 и пр.; Гильфердинга Ист. Балт. Слав. и др.). У насъ въ старину города могли быть чуть не при всякомъ поселкѣ и дворѣ, особенно въ мѣстностяхъ, подвергавшихся частымъ нап[illegible] непріятелей. Еще въ московскую эпоху дворы старались обн[illegible]

ставить на возвышенныхъ мѣстахъ: ихъ огораживали заметомъ, острымъ тыномъ, столпьемъ, иногда каменной стѣной, съ „воротнею", сторожевой избой. На самомъ домѣ или въ особомъ мѣстѣ двора устраивались вышки, вежи, на манеръ вежъ, костровъ и столпьевъ городскихъ укрѣпленій. Въ Правдѣ упоминаются дворный тынъ и межи, а по лѣтописямъ города возможны на церквахъ и пр. (см. Костом. Очеркъ домаш. жизни, 7, 37; Аристова Пром. 85 и др.; Утина Сборн. 62 и пр.). Далѣе, есть свидѣтельства, что въ старину города могли быть при селахъ и деревняхъ [1]). Мы уже имѣли случай указывать на постройку у насъ городковъ при селахъ еще въ XVI стол., какъ это было въ погостѣ Сумскомъ, принадлежавшемъ Соловецкому монастырю (см. Невол. Пят., прилож. 168). Считаемъ также не безполезнымъ указать на нѣкоторыя данныя изъ современнаго быта русскаго народа, — данныя, доказывающія, что въ народѣ доселѣ хранится память о старыхъ городкахъ при сельскихъ поселеніяхъ. Въ малорусскихъ деревняхъ народъ вездѣ называетъ городкомъ опредѣленное мѣсто въ селѣ, обыкновенно при въѣздѣ въ него, у такъ назыв. царины [2]); мѣсто это нерѣдко окопано рвомъ. У городка находится кладбище, выгонъ; здѣсь же молодежь собирается на игрища, особенно въ весеннее время (веснянки, хороводы и пр.). Сказать: идти въ городокъ, значитъ для теперешняго малоросса — идти въ конецъ села, „до царины", на выгонъ. Городкомъ иногда (не вездѣ, впрочемъ) называется мѣсто временной сходки, напр., для работъ во время „косовицы" и пр.; мѣсто стоянки (курень) и есть городокъ. То-же названіе придается во многихъ мѣстахъ каждой „могилѣ", „горѣ", холмистому мѣсту на полѣ или подъ самымъ селомъ, хуторомъ. Городокъ упоминается также въ нѣкоторыхъ народныхъ играхъ, извѣстныхъ вездѣ по малороссійскимъ селамъ. Такова игра въ городокъ, весьма типично рисующая древній городъ и отношеніе къ нему сельскаго населенія. Игра состоитъ въ томъ, что кружокъ участвующихъ въ ней (главнымъ образомъ, дѣтей) назначаетъ для игры городокъ; его мѣсто обводится чертою, отдѣляющею городокъ отъ „поля". Внутри

---

[1]) Въ старой Сербіи нерѣдко встрѣчались села съ градами. Въ одной грамотѣ начала XIII стол. упоминается село Лютоглавы «сь градомь»; градъ не имѣетъ даже особаго названія. См. Mikl. Mon. 11; ср. 439.

[2]) Происхожденіе слова *царина* съ достовѣрностью неизвѣстно. Оно означаетъ мѣсто при въѣздѣ въ деревню, именно у воротъ, имѣющихся въ каждомъ селеніи. Вообще несомнѣнно древнее происхожденіе царины. Не имѣетъ ли она какой-либо связи съ цариной подунайскихъ Славянъ (съ Дуная же, по преданію, пришли и русскіе Славяне)? По Законнику Душана, цариной называется проѣздная пошлина; можетъ быть, она появилась еще въ древнюю эпоху зависимости Славянъ, жившихъ по Дунаю, отъ византійскихъ царей.

черты остается сторожокъ; „за горою“, вдали городка, прячется врагъ (волкъ). Остальные играющіе (въ качествѣ гусей) разбѣгаются по полю въ разсыпную вокругъ городка и, при первомъ кличѣ сторожка („гуси до дому, волкъ за горою“ и пр., — признакъ преданія о построеніи городовъ всегда на возвышенномъ мѣстѣ, чтобы можно было удобно защищаться и наблюдать за врагомъ), стараются скрыться за чертою городка отъ преслѣдующаго врага. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что подобныя игры имѣютъ свой историческій смыслъ, не придуманы въ наше время. Въ нихъ хранится отголосокъ глубокой старины, остатокъ отъ стародавней были, когда народъ жилъ въ разсыпную, и когда лишь вражскіе набѣги заставляли его временно скрываться въ городахъ и острожкахъ. Старая быль проглядываетъ также въ нѣкоторыхъ другихъ играхъ (гилка, цурка и пр.); сборный, главный пунктъ игры всегда называется городкомъ.

Ѳ. Леонтовичъ,

профессоръ императорскаго новороссійскаго университета.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

И. Тарасова, Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву въ связи съ его ученіемъ объ управленіи. Кіевъ. 1874.

Пріобрѣвшій вполнѣ заслуженную знаменитость въ политической литературѣ, *Лоренцъ Штейнъ* издалъ въ 1865 г. замѣчательный трудъ, подъ названіемъ: «Ученіе объ управленіи» (Die Verwaltungslehre), до сихъ поръ еще не вполнѣ оконченный (вышло 7 частей) [1]). Хотя названіе не совершенно соотвѣтствуетъ содержанію этого сочиненія, но это выраженіе Verwaltungslehre уже стало, по примѣру Гнейста, приниматься въ Германіи въ томъ именно значеніи, какое ему даетъ и *Штейнъ*. Какъ въ содержаніе этого понятія входитъ множество вопросовъ, принадлежащихъ наукѣ полицейскаго права, то подъ полиціею, наукою полиціи и полицейскимъ правомъ *Штейнъ* разумѣетъ нѣчто иное сравнительно съ

---

[1]) Отношеніе къ этому сочиненію изданнаго *Л. Штейн*
ника: «Handbuch der Verwaltungslehre u. des Verwaltun
разъяснить въ предисловіи къ изданному въ 1874 г., подъ
скому переводу этого сочиненія: «Ученіе объ управленіи

предшествовавшими ему писателями. Нельзя сказать, чтобы это ограниченное и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальное содержаніе, которое отводитъ Л. Штейнъ полиціи и полицейскому праву, отличалось особенною ясностію и отчетливостію. Напротивъ, можетъ быть, это ученіе о полиціи и полицейскомъ правѣ должно быть признано самою слабѣйшею частію во всемъ сочиненіи Л. Штейна. Оттого для науки полицейскаго права важнымъ въ этомъ сочиненіи должно быть признано не только то, что говоритъ авторъ о полиціи, или точнѣе сказать изложенное имъ о полиціи не имѣетъ большой важности для полицейскаго права, а чрезвычайно много важнаго имѣется въ цѣлой массѣ другихъ новыхъ положеній, заключающихся въ этомъ сочиненіи *Л. Штейна* «Verwaltungslehre». Сдѣлать систематическую выборку изъ этого сочиненія всѣхъ вопросовъ и положеній, прямо касающихся науки полицейскаго права, стремится авторъ книги, названіе которой мы поставили въ заголовкѣ. И надобно признаться, что авторъ выполнилъ свое дѣло мастерски. Не только онъ выбралъ то, что прямо говорится у Штейна о полиціи, но предпослалъ этому общую выжимку всего ученія Л. Штейна объ управленіи. Этимъ самымъ онъ освѣтилъ и разъяснилъ самое ученіе Штейна о полиціи. Не будемъ ставить въ вину автору несовсѣмъ удачный, по нашему мнѣнію, переводъ многихъ выраженій и терминовъ Л. Штейна, тѣмъ болѣе, что очень многіе его термины недостаточно опредѣлены, совершенно непереводимы, да и самъ Штейнъ нерѣдко отступаетъ отъ значенія, соединяемаго имъ съ тѣмъ или другимъ выраженіемъ. Въ общемъ же мысли его переданы г. Тарасовымъ вѣрно. При самомъ изложеніи воззрѣній Штейна авторъ во многихъ мѣстахъ дѣлаетъ примѣчанія, свидѣтельствующія о значительной его начитанности.

Выбравъ все, что казалось автору необходимымъ выбрать изъ сочиненія Л. Штейна, онъ излагаетъ небольшое свое заключеніе (на 70 стр.). Здѣсь онъ старается, коротенько правда, показать значеніе книги Л. Штейна, подвигающей впередъ органическую теорію государства, и указать нѣкоторые существенные недостатки, замѣчаемые имъ у Штейна въ изслѣдованіи вопроса объ обществѣ. Именно, г. *Тарасовъ* полагаетъ, что Штейнъ излагаетъ ученіе объ обществѣ менѣе удовлетворительно, чѣмъ *Трейтшке* и даже *Моль*. Г. *Тарасову* не нравится, что Штейнъ разсматриваетъ общество совершенно, какъ ему кажется, односторонне, какъ экономическое устройство народа, не обращая должнаго вниманія на значеніе имъ же самимъ указанныхъ трехъ элементовъ общественной жизни — личнаго, духовнаго и хозяйственнаго, и далѣе, что Штейнъ не только отличаетъ, но и противуполагаетъ общество государству. Не вполнѣ понимая основанія, по которымъ авторъ дѣлаетъ такой упрекъ Штейну,

думаемъ напротивъ, что сопоставленіемъ общества и государства Штейну удалось разъяснить то, что до появленія его сочиненій пребывало въ области весьма смутной. Болѣе справедливымъ кажется намъ замѣчаніе г. *Тарасова*, что довольно сбивчиво и неполнѣ ясно толкованіе Штейномъ исполнительной власти. Совершенно справедливо, далѣе, оцѣнивается ученіе Штейна о различіи между законами и распоряженіями и объ отвѣтственности органовъ управленія. Разсуждая о послѣднемъ вопросѣ авторъ критически относится и къ полемикѣ относительно этого вопроса между Штейномъ и Молемъ. Затѣмъ весьма основательно, какъ намъ кажется, г. Тарасовъ критикуетъ реформу, задуманную Штейномъ относительно ученія о полиціи и полицейскомъ правѣ. Эта критика и сопоставленіе Штейна съ предшествовавшими ему писателями и съ Роб. ф. *Молемъ* доказываютъ какъ точное изученіе авторомъ главнѣйшихъ сочиненій въ области полицейской науки, такъ и талантъ его къ критическому пониманію сложныхъ политическихъ вопросовъ.

О всѣхъ этихъ сторонахъ разбираемой нами книги тѣмъ пріятнѣе упомянуть, что она принадлежитъ молодому автору, впервые выступающему и уже съ такою почтенною работою. Онъ напечаталъ ее не какъ диссертацію, но какъ доказательство, что дѣйствительно работалъ, приготовляясь къ профессорскому званію по каѳедрѣ полицейскаго права, такъ какъ для этой цѣли онъ былъ оставленъ стипендіатомъ при университетѣ св. Владиміра. На наши университеты вообще, а на провинціальные въ особенности дѣлаются безпрестанные и самые разнообразные, въ настоящее время, нападки; ихъ укоряютъ между прочимъ и въ томъ, что профессора не даютъ дороги талантливымъ ученымъ, не подготовляютъ себѣ преемниковъ и т. д. Работа г. *Тарасова* способна служить наилучшимъ доказательствомъ противнаго. Она дѣлаетъ честь какъ ему, такъ и остановившему на немъ свой выборъ профессору, и также университету, принявшему такую рекомендацію профессора. Если будутъ издаваться многія подобныя работы стипендіатовъ, готовящихся къ профессорскому званію, то конечно должны замолкнуть отдѣльныя мнѣнія, къ сожалѣнію печатаемыя и нѣкоторыми профессорами, что университеты при нынѣшнемъ ихъ положеніи не могутъ развивать своихъ ученыхъ и преподавательскихъ силъ, что будто бы нужны опять коренныя реформы, а съ ними и новая ломка въ университетахъ.

И. Андреевскій,

профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета.

Очеркъ основъ санитарной дѣятельности. А. Доброславина, ад.-проф. Императорской Медико-Хирургической Академіи. С.-Петербургъ. 1874.

«Я вѣрю въ гигіену, говоритъ знаменитый нашъ ветеранъ медицинской науки Н. И. Пироговъ, [1]) вотъ гдѣ заключается истинный прогрессъ нашей науки. Будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной. Эта наука, идя рука объ руку съ государственною, принесетъ несомнѣнную пользу человѣчеству». Въ этихъ словахъ человѣка, извѣстнаго всѣмъ своею многолѣтнею научною и практическою дѣятельностію въ области медицины, слышится то горькое разочарованіе въ общественномъ значеніи врачебной помощи, которое уже не разъ высказывалось и подтверждалось статистиками и которое въ настоящее время болѣе и болѣе проникаетъ въ общественное сознаніе. Дѣйствительно по мѣрѣ разъясненія законовъ физіологической жизни человѣческаго организма вѣра въ абсолютное могущество врачебныхъ-аптечныхъ средствъ, основанная на метафизическомъ воззрѣніи на природу, стала ослабѣвать не только въ средѣ врачебнаго сословія, но и внѣ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ клиническая медицина, — мечтавшая и стремившаяся найти специфическія средства противъ каждой болѣзни, найти для каждой болѣзни такой способъ лѣченія, которымъ бы вполнѣ возстановлялась жизнедѣятельность организма, при которомъ бы болѣзнь проходила, не оставивъ слѣдовъ на жизнеспособности его, — отказалась отъ возможности выполненія такой задачи относительно многихъ формъ болѣзней, признавъ ихъ или безусловно неизлѣчимыми или неизлѣчимыми на извѣстной ступени ихъ развитія. Клиническая статистика пока доказала только одно, что успѣшность лѣченія главнымъ образомъ обусловливается санитарной обстановкой, въ которой находятся больные организмы, что при дурныхъ санитарныхъ условіяхъ смертность между больными бываетъ громадна, несмотря ни на какое искусство и ни на какую опытность врачей. Въ хирургической практикѣ, гдѣ нерѣдко оперативная помощь непосредственно спасаетъ жизнь оперированнаго, результаты такой помощи точно также бываютъ чрезвычайно различны независимо отъ искусства хирурга. Человѣкъ, вызванный къ жизни хирургическою помощью, часто дѣлается жертвою смерти вслѣдствіе вліянія дурныхъ санитарныхъ условій. Въ этомъ отношеніи, наиболѣе убійственными оказываются санитарныя условія большихъ госпиталей. Госпитальныя условія часто оказываютъ такое гибельное вліяніе, что разрушаютъ всякое зна-

[1]) *Пироговъ, Н. И.* Начала общей военно-полевой хирургіи. Дрезденъ. 1865.

ченіе самой искусной врачебной помощи, какъ это можно видѣть изъ откровеннаго признанія Н. И. Пирогова. «Результаты практики двухъ различныхъ хирурговъ, — искуснаго и плохаго, говоритъ онъ, не могутъ быть различнѣе тѣхъ, которые я получилъ въ моей военно-госпитальной практикѣ и въ деревнѣ.» (l. c.) Значеніе терапевтической помощи еще болѣе оказывается ничтожнымъ. Во всѣхъ государствахъ войска представляютъ общественный слой наиболѣе обезпеченный врачебною помощью, а между тѣмъ смертность въ войскахъ значительно превышаетъ смертность гражданскаго населенія тѣхъ же возрастовъ, несмотря на то, что въ войска выбираются лица, обладающія наиболѣе крѣпкимъ здоровьемъ. Если въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ смертность въ войскахъ сравнялась со смертностью гражданскаго населенія, то это достигнуто, главнымъ образомъ, не черезъ улучшеніе санитарныхъ условій, а искусственнымъ путемъ — черезъ исключеніе изъ войскъ лицъ совершенно разстроившихъ тамъ свое здоровье. Такимъ образомъ должно признать, что количество врачей и обширность примѣненія правильной врачебной помощи не оказываютъ очевиднаго вліянія на уменьшеніе процента смертности и это происходитъ не вслѣдствіе того, чтобы правильное лѣченіе не имѣло никакого значенія, — въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ оно несомнѣнно сохраняетъ жизнь, — но именно потому, что число такихъ случаевъ слишкомъ ничтожно и поглощается массою тѣхъ случаевъ, когда врачебная помощь безсильна. Вѣра въ могущество аптечно-врачебныхъ средствъ, въ дѣлѣ сохраненія жизни и полнаго возстановленія здоровья, весьма ярко отражается еще до сихъ поръ въ государственной дѣятельности усиленными заботами по обезпеченію для населенія возможности лѣчиться у врачей и получать лѣкарства изъ аптекъ; заботы же о сбереженіи здоровья отъ болѣзней предоставлены преимущественно личной предусмотрительности каждаго. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство принимаетъ на себя попеченіе о сохраненіи здоровья, какъ напр. относительно войскъ, арестантовъ и пр., оно поручаетъ это дѣло неспеціалистамъ и нерѣдко лицамъ, имѣющимъ совершенно превратныя понятія о физіологической жизни организма, предоставляя врачамъ только право давать совѣты такимъ лицамъ. При сложности общественной жизни, личныя силы отдѣльныхъ индивидуумовъ для сбереженія своего здоровья слишкомъ недостаточны, когда они не находятся между собою въ гармонической связи, когда стремленія къ охраненію здоровья со стороны однихъ индивидуумовъ идутъ въ разрѣзъ съ стремленіями другихъ. Достаточно вспомнить про ватерклозеты со спускомъ нечистотъ въ рѣки или городскіе каналы, при чемъ оздоровленіе жилищъ однихъ лицъ достигается зараженіемъ воды, которою по необходимости должны пользоваться другія

лица. «Народу нужно быть высоко-образованнымъ, говоритъ Лоренцъ Штейнъ, [1]) чтобы признать значенiе строя здоровья и осуществить его требованiя. Ибо нужна живая общественная жизнь, чтобы понять значенiе, какое имѣетъ здоровье каждаго индивидуума для всѣхъ и обратно, и глубокiя научныя свѣдѣнiя, чтобы узнать главныя причины всеобщаго здоровья и болѣзни. Поэтому-то строй здоровья при всей своей безконечной важности есть можетъ быть наиболѣе неразвитая часть внутренняго управленiя Европы.... Задача и сущность попеченiя о здоровьѣ, какъ опредѣляетъ тотъ же авторъ, заключается въ томъ, чтобы съ одной стороны устранить тѣ условiя человѣческихъ сношенiй въ обширнѣйшемъ смыслѣ, которыя *медленно, но вѣрно* подкапываютъ здоровье; съ другой стороны дать такiя установленiя и учрежденiя общественной жизни, на которыя слѣдуетъ смотрѣть какъ на всеобщiя *условiя* обезпеченiя и развитiя общественнаго здоровья. Тутъ заключается область, въ которой начинается высшее пониманiе общественной цѣнности здоровья всѣхъ индивидуумовъ и въ которой наука должна приходить на помощь этому пониманiю и указывать средства и пути къ великой цѣли. Естественно, что эта область есть самая юная и наиболѣе развитая во всемъ санитарномъ строѣ; признанiе ея больше чувствуется, чѣмъ имѣется въ системѣ законовъ и мѣрахъ управленiя; ясно, что именно тутъ *наука* (главнымъ образомъ посредствомъ союзовъ врачей) должна указать вредные или полезные факты и принципы прогресса, *законодательство* — дать руководящiя правила, а *самоуправленiе* — осуществить ихъ. Тутъ пока еще безконечно много работы; но основы этой области уже намѣчены.»

Въ Россiи со введенiемъ земскихъ учрежденiй, съ 1864 года, и новаго городоваго положенiя, съ 1870 года, попеченiе о народномъ здоровьи возложено на земство и городскiя общества. Съ этого времени, и въ русскомъ обществѣ санитарные вопросы начинаютъ обращать на себя общественное вниманiе и порождается потребность въ спецiалистахъ медикахъ не для одного только лѣченiя, но и для предупрежденiя болѣзней. Эта потребность дѣлается тѣмъ болѣе ощутительною, что недостатокъ во врачахъ ставитъ мѣстныя управленiя въ критическое положенiе — сознательно оставить заболѣвающее населенiе на произволъ судьбы лѣчиться, кто какъ можетъ и чѣмъ Богъ пошлетъ при посредствѣ знахарей, бабокъ и фельдшеровъ, получающихъ до сихъ поръ спецiальное образованiе лишь въ точномъ исполненiи приказанiй врача и въ поданiи первой помощи вне-

---

[1]) *Лоренцъ Штейнъ.* Чтенiе объ управленiи и право-управленiи. Пер. подъ редак. И. Е. Андреевскаго, орд. проф. С.-Петерб. университета. С.-Петербургъ. 1874.

запно заболѣвающимъ. Въ неменѣе критическомъ положеніи очутились и земскіе врачи, призванные лѣчить многочисленное населеніе, разбросанное на огромныхъ пространствахъ, при первобытныхъ путяхъ сообщенія. Если правильное методическое лѣченіе такъ мало вліяетъ на полное возстановленіе здоровья и сохраненіе жизни, то какихъ же результатовъ должно ожидать отъ мимолетнаго лѣченія, ограничивающагося на самомъ дѣлѣ едвали не однимъ взглядомъ и возложеніемъ рукъ на больнаго! Нельзя не понять, что тяжесть труда, требующаго десятки исполнителей, не должна быть возложена на одного; въ результатѣ, во всякомъ случаѣ, должна оказаться исполненною только часть работы, соотвѣтствующая силамъ одного, при распредѣленіи же этой работы на всю массу населенія въ итогѣ можетъ оказаться величина весьма близкая къ нулевому значенію. Земскіе врачи, находившіеся въ такомъ положеніи, должны были убѣждаться въ этомъ на каждомъ шагу и чтобы не сдѣлать весь свой трудъ безплоднымъ, должны были приложить его къ санитарному дѣлу и удѣлить на столько же вниманія медицинѣ предупреждающей болѣзни, сколько до сихъ поръ выпадало на долю медицины исцѣляющей страданіе организма. Проф. Доброславинъ, указывая въ предисловіи къ своему труду «очеркъ основъ санитарной дѣятельности» но это болѣе и болѣе усиливающееся стремленіе земскихъ врачей, говоритъ: «но задачи народнаго здравохраненія до такой степени разнообразны и многосложны, что врачу, основная дѣятельность котораго до сихъ поръ все-таки состоитъ главнымъ образомъ во врачеваніи болѣзней, чрезвычайно трудно слѣдить за безпрерывно совершающимся развитіемъ и усовершенствованіемъ крайне-разнообразныхъ и многочисленныхъ методовъ, лежащихъ въ основѣ молодой, быстро развивающейся науки; почему появляющіеся отъ времени до времени краткіе конспекты этихъ методовъ съ послѣдними усовершенствованіями, принятыми въ нихъ наукой, являются крайнею необходимостью для врачей, желающихъ серьезно посвятить себя дѣлу народнаго здравохраненія.» Желая удовлетворить этой необходимости, проф. Доброславинъ, какъ онъ самъ выражается о своемъ трудѣ, сдѣлалъ попытку составить краткій сборникъ элементарныхъ свѣдѣній по гигіенѣ, примѣняясь къ требованіямъ нашего врачебнаго сословія. «Каждый гигіеническій вопросъ, говоритъ онъ, естественнымъ образомъ распадается на 3 части. Въ 1-й мы должны обсудить его съ физіологической точки зрѣнія и убѣдиться на сколько извѣстныя условія обыденной жизни способствуютъ правильному теченію физіологическихъ отправленій организма или извращаютъ ихъ; во 2-й рѣшить, на сколько средства для устраненія вредоносныхъ болѣзнетворныхъ причинъ, употребляемыя въ практикѣ жизни, соотвѣтствуютъ своему назначенію, удовлетворяютъ физіологическимъ требованіямъ

организма, и въ 3-й изложить медико-полицейскія правила, обезпечивающія систематическое примѣненіе къ общественной жизни разъ избранныхъ средствъ для устраненія болѣзнетворныхъ условій. Слѣдуя этому порядку, продолжаетъ онъ, я постараюсь сгруппировать въ возможно болѣе сжатомъ видѣ фактическія свѣдѣнія и справочныя таблицы, относящіяся до главнѣйшихъ жизненныхъ дѣятелей — воздуха, воды, почвы и пищи.» Можно было бы сдѣлать упрекъ автору за слишкомъ значительную сжатость изложенія, особенно неудобную для врачей, только что начинающихъ самостоятельно приступать къ практической санитарной дѣятельности, но такой упрекъ по нашему мнѣнію былъ бы несправедливъ. При томъ незначительномъ спросѣ, какой существуетъ у насъ въ настоящее время на подобныя сочиненія, болѣе подробное и обширное изложеніе, которое было бы желательно въ виду общественной пользы, потребовало бы не только болѣе значительнаго труда со стороны автора, но и гораздо болѣе значительныхъ издержекъ на изданіе, и слѣдовательно едва ли кто вправѣ требовать отъ частнаго лица такихъ пожертвованій во имя общественной пользы, когда общественныя учрежденія, на обязанности которыхъ лежитъ попеченіе о народномъ здоровьи и которыя имѣютъ достаточныя средства, не спѣшатъ приступать къ изданію подобныхъ трудовъ, необходимыхъ для споспѣшествованія начинающемуся санитарному дѣлу въ Россіи.

Г. И. Архангельскій.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Гр. Л. Камаровскій. Начало невмѣшательства. Москва. 1874 [1]).

Сочиненіе это составляетъ первый результатъ моихъ занятій по международному праву и политикѣ. Всякій, посвящающій себя изученію извѣстной отрасли человѣческаго знанія, естественно обращаетъ прежде

---

[1]) Нижеслѣдующее изложеніе содержанія этого сочиненія, сдѣланное самимъ его авторомъ, есть рѣчь, произнесенная имъ, 5 декабря 1874 г., въ Имп. Московскомъ Университетѣ, на публичномъ диспутѣ, на которомъ онъ защищалъ свое сочиненіе и на которомъ былъ удостоенъ степени магистра. Получивъ отъ *Гр. Камаровскаго* эту рѣчь для напечатанія въ нашемъ Сборникѣ, мы сочли наиболѣе приличнымъ дать ей мѣсто впереди нижеслѣдующей рецензіи на его книгу профессора *Ѳ. Ѳ. Мартенса*; интересъ и польза этой рецензіи значительно усиливаются, когда читатели имѣютъ передъ собою собственный взглядъ автора на свой трудъ и его задачи. *Ред.*

всего внимание на общіе и основные вопросы науки, имъ избранной. Къ такимъ вопросамъ безспорно относится, въ сферѣ международнаго права, *начало невмѣшательства*. Съ одной стороны научное его пониманіе и значеніе раскрываются для насъ въ той мѣрѣ, въ какой мы глубже вникаемъ во всестороннее изученіе государственной жизни и тѣхъ законовъ, которые ею управляютъ; съ другой, практика на каждомъ шагу ставитъ насъ лицемъ къ лицу съ вопросами о вмѣшательствахъ одного государства въ дѣла другаго.

Многимъ, пожалуй, покажется странною самая попытка подвести вмѣшательства — эти проявленія силы и своекорыстныхъ расчетовъ каждаго государства въ отдѣльности — подъ какія бы то ни было общія и отвлеченныя нормы права? Практика, скажутъ намъ, даетъ одинъ, но весьма ясный отвѣтъ: вмѣшательства возникаютъ всегда, когда государства могутъ силою или ловкими интригами извлечь для себя пользу изъ смутъ и неурядицъ своихъ сосѣдей.

На такое возраженіе скептиковъ слѣдуетъ замѣтить, что сама практика во-1-хъ далеко не служитъ, въ этомъ какъ и во всякомъ другомъ отношеніи, единственнымъ и высшимъ образцемъ для серьезнаго ума; во-2-хъ, примѣры вмѣшательствъ, представляемые исторіею, лучше всего доказываютъ намъ всю ихъ пагубность: слабыя государства чрезъ это мало по малу становятся жертвою сильнѣйшаго сосѣда. Напротивъ сильные, одаренные жизнію народы подымаются отъ посторонняго гнета лишь съ удвоенною энергіею. Въ большинствѣ же случаевъ, вмѣшательства не создаютъ ничего прочнаго, но напротивъ обращаются всегда во вредъ самимъ вмѣшивающимся государствамъ. Таково неподкупное свидѣтельство исторіи.

Отказаться отъ желанія юридически понять и опредѣлить различные виды вмѣшательствъ, значитъ въ принципѣ предоставить всѣ сношенія между государствами господству одного грубаго произвола — выводъ, противорѣчащій основной идеѣ международнаго права. Конечно, въ предлагаемомъ сочиненіи, я дѣлаю только слабый опытъ изученія принципа невмѣшательства, столь важнаго въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ и едва еще затронутаго въ нашей отечественной литературѣ.

Собственно исторической части труда я предпосылаю *общій обзоръ литературы* выбраннаго мною вопроса.

Послѣ первыхъ зачатковъ ученія о невмѣшательствѣ у *Ваттеля* и *Канта*, мы встрѣчаемъ первую его, весьма полную и систематическую обработку у Биньона въ его монографіи о Троппаускомъ конгрессѣ [1]).

---

[1]) Начало невмѣшательства, стр 195.

Это, на сколько намъ извѣстно, самый подробный и лучшій разборъ ученія легитимизма, сдѣланный его современникомъ въ періодъ его наивысшаго развитія.

Съ 1830 г. вопросъ объ интервенціяхъ разрабатывался не только во всѣхъ учебникахъ международнаго права, но и въ особенныхъ монографіяхъ. За неимѣніемъ другаго болѣе научнаго основанія я располагаю главныхъ писателей по національностямъ. Особенно систематично и многосторонне обработали нашъ вопросъ нѣмцы. Богатствомъ политическаго и историческаго матеріала отличаются англичане и американцы. Наконецъ оригинальное и болѣе глубокое основаніе даютъ ему, въ самое послѣднее время, итальянцы.

Между нѣмецкими учеными особенно ясно установили начало невмѣшательства въ связи съ основною идеею государства оба Роттека и Бернеръ. Старшій Роттекъ [1]) выставляетъ преимущественно разумное основаніе нашего принципа и, подобно Виньону, сильно критикуетъ ученіе легитимистовъ. Младшій, сынъ его, Гейнрихъ [2]) изучаетъ интервенціи, въ особой монографіи, съ трехъ сторонъ, съ теоретической, исторической и практической. Но выводы его часто слишкомъ отвлеченны и безусловны. Наконецъ Бернеръ [3]), съ свойственною ему ясностію, установляетъ различіе между вмѣшательствами и войнами и указываетъ неправомѣрность первыхъ въ внутреннія междуусобицы государствъ. Въ сжатой формѣ учебника ученіе о невмѣшательствѣ лучше всего резюмируется у Блюнчли [4]), а болѣе сухо и кратко у Гефтера [5]).

Изъ англійскихъ писателей для насъ выдаются особенно трое: Вильдманъ, энергично отстаивающій принципъ невмѣшательства [6]), Филлиморъ [7]), дающій довольно полный обзоръ вмѣшательствъ въ различные періоды исторіи, и Стэпльтонъ [8]), дѣлающій первую попытку историческаго изложенія нашего предмета со времени французской революціи, но только съ точки зрѣнія одной англійской политики.

Кромѣ Витона [9]), изложеніе котораго носитъ чисто историческій характеръ, изъ американцевъ укажемъ только на Кальво [10]), обогатившаго нашу науку подробною, на подлинныхъ документахъ основанною,

---

1) Тамъ же, стр. 12.
2) Стр. 16.
3) Стр. 25.
4) Стр. 31.
5) Стр. 29.
6) Стр. 40.
7) Стр. 42.
8) Стр. 50.
9) Стр. 35.
10) Стр. 37.

историею европейскихъ вмѣшательствъ въ дѣла Америки, а также разборомъ извѣстнаго американскаго принципа невмѣшательства (доктрины Монро).

Политическое пробужденіе Италіи на нашихъ глазахъ знаменуется между прочимъ и чрезвычайнымъ подъемомъ ея умственной жизни. Наиболѣе дѣятельными и производительными являются итальянскіе ученые въ области политическихъ наукъ. Преимущественно двое изъ нихъ лучше всего передаютъ намъ воззрѣнія новой итальянской школы: Пьерантони и Амари. Первый [1]) указываетъ на отличительныя свойства понятія о принципѣ невмѣшательства, второй [2]), дополняя его положенія, выводитъ изъ нихъ всѣ логическія и юридическія послѣдствія.

Свести различныя мнѣнія публицистовъ къ общему итогу и намѣтить главные пункты занимающаго насъ вопроса — такова задача послѣдней главы перваго очерка [3]).

Изъ области литературы и отвлеченнаго разсужденія я перехожу, во второмъ очеркѣ, къ исторіи и разсматриваю спеціально тотъ видъ вмѣшательствъ, которыя можно назвать вообще охранительными (легитимистическими). Они занимаютъ въ новѣйшей исторіи, хотя небольшой, но весьма опредѣленный періодъ отъ 1815 до 1823 года, или отъ времени заключенія священнаго союза до возстановленія въ Испаніи, при помощи французскихъ штыковъ, абсолютизма Фердинанда VII. Это былъ періодъ самаго широкаго приложенія къ международной политикѣ такъ называемыхъ охранительныхъ началъ. Державы — основательницы священнаго союза — выставили, на обще-европейскихъ конгрессахъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, новую теорію вмѣшательствъ противъ народныхъ движеній, волновавшихъ тогда западную Европу. Въ силу этой теоріи, конгрессами признана законность даже вооруженнаго вмѣшательства противъ революціи, въ слѣдующихъ случаяхъ: когда во-1-хъ конституція не даруется народу государемъ, а навязывается ему вожаками возстанія; во-2-хъ, когда революція дѣйствуетъ пагубнымъ примѣромъ на подданныхъ вмѣшивающагося государства, и въ 3-хъ, когда ею угрожается общая безопасность и спокойствіе. Словомъ, по ученію легитимистовъ, всѣ насильственные перевороты въ государствѣ должны быть признаны незаконными, въ международномъ отношеніи, и вызывать противъ себя вооруженное вмѣшательство державъ — блюстительницъ обще-европейскаго порядка и спокойствія. Такова сущность ученія ле-

---

[1]) Стр. 59 и 68.
[2]) Стр. 70.
[3]) Стр. 99—112.

гитимистовъ. Коренной его недостатокъ заключается въ томъ, что послѣдователи его постоянно смѣшиваютъ государственный порядокъ съ международнымъ. Подробный его разборъ, на основаніи историческихъ данныхъ, и представляетъ второй очеркъ.

Самимъ предметомъ мнѣ были указаны рамки для моего изложенія: я начинаю съ революціи [1]) потому, что это исходный пунктъ всей новѣйшей политической исторіи, а затѣмъ перехожу къ реакціи — какъ къ естественному противодѣйствію революціи, и указываю на главныя проявленія легитимизма въ международной сферѣ, т. е. на образованіе священнаго Союза [2]) и на вмѣшательства Австріи въ Италіи [3]), — Франціи въ Испаніи [4]).

Источниками для этой части моего труда, мнѣ служили, кромѣ общихъ историческихъ сочиненій и нѣкоторыхъ монографій, названныхъ въ текстѣ, большое собраніе трактатовъ Мартенса, собраніе парламентскихъ преній и рѣшеній Ганзарда и весьма интересное изданіе писемъ, записокъ и депешъ Веллингтона, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся до эпохи Веронскаго конгресса. Не смотря на это, вслѣдствіе обстоятельствъ чисто практическаго свойства, предлагаемое сочиненіе является не болѣе какъ отрывкомъ изъ довольно широко заложеннаго плана. Въ этомъ отношеніи оно, хотя и въ другомъ смыслѣ, оправдываетъ свое заглавіе „начала". 1823 годъ представляетъ намъ Священный Союзъ на апогеѣ его могущества. Онъ, въ это время, дѣйствительно управлялъ судьбами Европы и даже подчинилъ себѣ политику Франціи Но отъ внимательнаго взора уже тогда не могли скрыться первые зародыши его позднѣйшаго быстраго разложенія. Логика событій внутренно привела его къ распаденію и этимъ осудила тѣ принципы, которымъ онъ служилъ оплотомъ.

Исторія показываетъ намъ, что легитимизмъ разбился вслѣдствіе своего непониманія новыхъ и живыхъ потребностей тогдашнихъ поколѣній. Онъ осудилъ всѣ внутренніе перевороты въ государствахъ, направленные къ измѣненію въ либеральномъ смыслѣ, существовавшихъ тогда формъ правленія. Но не этими только стремленіями ограничивались политическія чаянія народовъ въ разсматриваемую нами эпоху. Многія народности, утомленныя продолжительнымъ и тяжелымъ господствомъ надъ ними иностранцевъ, стали стремиться къ освобожденію и къ устройству независимаго и самостоятельнаго для себя государства.

---

[1]) Стр. 122 и сл.
[2]) Стр. 157 и сл.
[3]) Стр. 171 и сл.
[4]) Стр. 227 и сл.

Сигналъ къ этому движенію подали сперва Американцы, а потомъ Греки и Итальянцы. На всѣ подобные запросы легитимизмъ не имѣлъ и не могъ имѣть отвѣта. Указываемыя нами явленія, въ связи съ принципомъ невмѣшательства, сами собою переводятъ насъ къ другому, но гораздо болѣе трудному и сложному вопросу, объ образованіи новыхъ государствъ. До сихъ поръ, очень мало разработанный въ наукѣ, вопросъ этотъ однако долженъ быть рѣшенъ на основаніи общихъ началъ права, равно осуждающихъ увлеченія революціонеровъ и неподвижности легитимистовъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ начало невмѣшательства получаетъ для насъ новое значеніе и подтвержденіе. Иначе и быть не можетъ для всякаго, кто глубже вдумывается въ ходъ новѣйшей политической исторіи. Принципъ невмѣшательства въ свою очередь является только выводомъ двухъ другихъ началъ, которыя заправляютъ всею политикою современнаго намъ образованнаго міра, т. е. представительнаго начала, съ одной стороны и принципа національностей, съ другой. Изъ нихъ онъ возникъ, съ ними и падаетъ. Такъ всѣ истины науки находятся во внутренней логической связи между собою, соединяясь въ одно гармоническое цѣлое.

Гр. Л. Камаровскій.

Гр. Л. Камаровскій. Начало невмѣшательства. Москва. 1874. in 8°. (IV + 300).

Кто слѣдилъ за развитіемъ политической жизни Россіи и за исторіею политическихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, не могъ не замѣтить того любопытнаго явленія, что поступательное развитіе жизни далеко оставляетъ за собою попытки, сдѣланныя для научнаго ея изученія и уразумѣнія. Сколько еще осталось вопросовъ, выработанныхъ жизнью и получившихъ даже точное опредѣленіе въ законодательствѣ, которые до сихъ поръ не затронуты наукою и ждутъ ея изслѣдованій! Въ особенности осязательно проявляется эта противоположность между результатами историческаго прошлаго и практическими потребностями современной дѣйствительности, съ одной стороны, и теоретическимъ ихъ изученіемъ, съ другой, въ области науки международнаго права. Всякій безпристрастно изучившій исторію международныхъ отношеній Россіи, вліяніе ея на политическую судьбу всего просвѣщеннаго міра и начала, провозглашенныя ею и примѣненныя къ дѣлу, не можетъ не сознаться, что

попытки теоретическаго ихъ опредѣленія со стороны спеціалистовъ по международному праву представляются крайне недостаточными и даже жалкими. Съ одной стороны, мы видимъ державу, которая со времень Петра В. мощною рукою старается направить международныя сношенія на путь, соотвѣтствующій ея собственнымъ интересамъ, и безъ согласія которой уже давно не рѣшается ни одинъ значительный международный вопросъ, — съ другой, глазамъ нашимъ представляется наука международнаго права, состоящая у насъ всего-на-всего изъ двухъ десятковъ монографій и статей! Если Россія сослужила неоцѣненную службу точному выясненію и опредѣленію началъ международнаго права, если одинъ только вооруженный нейтралитетъ 1780 г. даетъ Россіи право на самое почетное мѣсто въ исторіи международныхъ отношеній, то напротивъ русская наука какъ бы умышленно игнорировала все это и не удостоила всѣхъ этихъ любопытныхъ фактовъ ни вниманія, ни изученія. Такое отсутствіе у насъ научныхъ изслѣдованій по международному праву тѣмъ болѣе замѣтно, чѣмъ многостороннѣе разработана эта отрасль юридико-политическихъ наукъ у западно-европейскихъ народовъ.

Если вспомнить до какой степени у насъ, даже между учеными юристами, распространено мнѣніе, что о *правѣ* можетъ быть рѣчь только тамъ, гдѣ есть *сила* его охраняющая, то понятно будетъ, почему международное право не можетъ претендовать на особенное сочувствіе, независимо отъ общихъ причинъ, которыя были у насъ неблагопріятны для успѣховъ этой науки совокупно со всею областью государственныхъ знаній. Въ кругу международныхъ отношеній нѣтъ и не можетъ быть ни суда, ни внѣшней верховной силы, которыя могли бы охранять права и интересы. Юристъ-практикъ и ученый юристъ, усматривающіе все назначеніе юридическихъ наукъ исключительно въ приготовленіи дѣльныхъ ходатаевъ по дѣламъ, совершенно естественно соединяются подъ одно общее знамя, на которомъ золотыми буквами красуется надпись: *„Право безъ силы — мечта!“* Между тѣмъ изслѣдователь международнаго права не можетъ не исходить изъ той аксіомы, что не въ силѣ — право. Онъ долженъ быть по преимуществу проникнутъ тою глубокою истиною, что каждому человѣку, а равно и народу или государству, присущи извѣстныя неотъемлемыя права, которыя должны быть за ними признаны, несмотря на отсутствіе полицейской или судебной власти, ихъ охраняющей. Можно совершать какія угодно насилія надъ *правомъ* человѣка на полнѣйшую свободу своихъ религіозныхъ убѣжденій, можно подвергать его семью и собственность самымъ изысканнымъ преслѣдованіямъ даже со стороны установленныхъ въ данномъ государствѣ правительственныхъ органовъ, все-

таки *право* его на свободу мысли и убѣжденій, неприкосновенность семьи и собственности чрезъ это ни опровергается, ни отмѣняется.

Однако, не смотря на то, что въ выясненіи опредѣленныхъ, неотъемлемо связанныхъ съ человѣческою личностью правъ заключается одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ завоеваній, сдѣланныхъ культурною жизнью народовъ, несмотря на этическую или нравственную основу права, все-таки кому неизвѣстно, что девизъ: „право безъ силы — мечта“ неограниченно господствуетъ у насъ во всѣхъ сферахъ жизни и даже проникаетъ въ ученую юридическую литературу.

Вотъ одна изъ причинъ, почему международное право, не располагающее ни городовыми, ни жандармами для исполненія своихъ положеній, осуждено прозябать у насъ до тѣхъ поръ, пока безграничное преклоненіе предъ правомъ грубой силы не уступитъ мѣсто болѣе трезвому и научному взгляду на жизненныя отношенія и задачи юридико-политическихъ наукъ и ея представителей.

Эти немногія предварительныя соображенія должны служить объясненіемъ той точки зрѣнія, съ которой мы намѣрены разсматривать появившіяся у насъ изслѣдованія по международному праву. Въ виду вышесказаннаго мы считаемъ себя обязаннымъ относиться съ чувствомъ расположенія и уваженія къ каждому добросовѣстному труду, если онъ хоть чѣмъ либо обогатилъ нашу литературу и въ состояніи установить болѣе правильный взглядъ на науку, на долю которой выпало вызывать сужденія со стороны каждаго встрѣчнаго, не чающаго себѣ труда посвятить ознакомленію съ нею даже полчаса времени.

На этомъ основаніи мы убѣждены, что вышеприведенное сочиненіе гр. Камаровскаго, занявшаго недавно каѳедру международнаго права въ Московскомъ Университетѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Авторъ предлагаетъ свой трудъ, какъ „слабый результатъ“ научныхъ его занятій по международному праву и политикѣ и поставилъ себѣ цѣлью выяснить въ чемъ заключается принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ. Съ этою цѣлью, онъ излагаетъ прежде всего различныя теоріи, высказанныя по этому предмету нѣмецкими, англо-американскими, французскими и итальянскими публицистами. Изъ русской литературы онъ указываетъ только на взгляды г. Капустина, изложенные въ его „Обозрѣніи предметовъ международнаго права“. Изо всѣхъ этихъ разнообразныхъ мнѣній авторъ выводитъ вслѣдъ затѣмъ нѣкоторыя общія положенія, въ которыхъ онъ дѣлаетъ попытку установить свой собственный взглядъ на разсматриваемый имъ вопросъ.

Таково содержаніе первой части этого труда. Во второй авторъ

представляетъ довольно любопытный историческій очеркъ случаевъ вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, которые происходили во время господства такъ-называемой пентархіи, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Гр. Камаровскій сперва останавливается на французской революціи 1789 г. и войнахъ, ею вызванныхъ, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ перейти къ изложенію историческихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ заключеніе Священнаго Союза и принципъ легитимизма, получившій такое широкое примѣненіе на Вѣнскомъ, Ахенскомъ, Троппаускомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ конгрессахъ. Авторъ подробно излагаетъ дипломатическіе переговоры, происходившіе на этихъ конгрессахъ, и представляетъ анализъ наиболѣе важныхъ дипломатическихъ актовъ, которыми обмѣнивались великія державы, принявшія на себя роль рѣшителя судьбы независимыхъ народовъ и Европы. Онъ доказываетъ, что эти „охранительныя" вмѣшательства со стороны великихъ державъ во внутреннія дѣла Неаполя, Пьемонта и Испаніи нисколько не достигли поставленной цѣли.

Таковымъ представляется, въ общихъ чертахъ, содержаніе магистерской диссертаціи гр. Камаровскаго. Мы не можемъ не отдать справедливости научнымъ стремленіямъ, обнаруживающимся въ разсматриваемомъ трудѣ, но съ другой стороны мы позволимъ себѣ думать, что задача, которую себѣ поставилъ авторъ, не вполнѣ имъ разрѣшена, благодаря, во-первыхъ, несовсѣмъ удовлетворительному плану, имъ принятому, и во-вторыхъ, недостаточно глубокому анализу изслѣдуемаго имъ вопроса. Дѣйствительно, самый порядокъ изложенія или планъ всего сочиненія кажется намъ не достаточно продуманнымъ и цѣлесообразнымъ. Авторъ, поставивъ себѣ цѣлью доказать разумность начала *невмѣшательства*, предлагаетъ читателю подробный анализъ мнѣній публицистовъ о *вмѣшательствѣ*, и затѣмъ, во второмъ очеркѣ, переходитъ собственно къ изложенію тѣхъ реальныхъ фактовъ или историческихъ обстоятельствъ, которыми были вызваны различные случаи вмѣшательства. Слѣдовательно онъ совершенно лишаетъ научныя теоріи, имъ разбираемыя, всякой реальной почвы; между тѣмъ какъ только сопоставленіе первыхъ съ послѣдними можетъ уяснить истинный смыслъ этихъ разнообразныхъ мнѣній, вызванныхъ именно чисто реальными явленіями международной жизни и недавняго прошлаго. Самъ Гр. Камаровскій очевидно сознаетъ эту органическую связь между теоріею изучаемаго имъ вопроса и жизнью, ибо въ *исторической* части подробно излагаетъ ученіе французскаго историка Биньона о вмѣшательствѣ (стр. 196 и слѣд.), между тѣмъ надлежащее мѣсто этой теоріи было бы въ первой, такъ-сказать *теоретической* части сочиненія. Кромѣ того, мы не можемъ

согласиться съ авторомъ, что будто не имѣется рѣшительно никакого другаго основанія для распредѣленія мнѣній, высказанныхъ о занимающемъ его вопросѣ, какъ по *національностямъ* ихъ авторовъ (стр. 11). Если вникнуть въ самый вопросъ о вмѣшательствѣ и различныя существующія воззрѣнія, то намъ кажется было бы возможно отыскать болѣе существенные признаки для группировки публицистовъ, чѣмъ ихъ національность. Методъ и порядокъ изложенія, принятые Гр. Камаровскимъ, имѣли неизбѣжнымъ результатомъ излишнія повторенія, содѣйствующія затмѣнію той внутренней органической связи, которая дѣйствительно существуетъ между всѣми разнообразными взглядами публицистовъ на вмѣшательство, ибо эта связь дѣлается явною только посреди тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ давленіемъ которыхъ они находились. Еслибъ напр. Гр. Камаровскій въ основаніе всего своего труда положилъ ту классификацію различныхъ родовъ вмѣшательства, которую онъ самъ выставляетъ, тогда, мы полагаемъ, трудъ его многимъ бы выигралъ въ цѣльности, системѣ, порядкѣ и ясности изложенія. Благодаря же принятой имъ системѣ, онъ впадаетъ во многія противорѣчія и не даетъ читателю точно-опредѣленныхъ принциповъ.

Такъ авторъ очевидно поставилъ себѣ цѣлью доказать крайнюю опасность вмѣшательства во внутреннія дѣла государства со стороны другой иностранной державы, и онъ неоднократно настаиваетъ на отграниченіи вмѣшательства отъ близкихъ ему понятій войны и международнаго союза (напр. стр. 103). Однимъ словомъ выставивъ „начало невмѣшательства“ цѣлью и raison d'être своего труда, авторъ естественно долженъ былъ послѣдовательно доказать его неоспоримую разумность и необходимость. Между тѣмъ онъ самъ допускаетъ и признаетъ совершенно законными такія основанія вмѣшательства во внутреннія дѣла народа, какъ защиту общечеловѣческихъ интересовъ или „высшія требованія общаго человѣколюбія“ (Положеніе 6)!

Читатель согласится съ нами, что выставляя такія эластичныя основанія для вмѣшательства и не ограничивая ихъ ничѣмъ, мы даемъ государствамъ самое желанное оправданіе для всевозможныхъ вмѣшательствъ и нарушеній внутренней автономіи независимыхъ народовъ. Едва ли при признаніи неограниченнаго права вмѣшательства во имя общечеловѣческихъ и гуманныхъ интересовъ, начало невмѣшательства, защищаемое авторомъ, могло бы встрѣтить какой либо протестъ даже со стороны государственныхъ людей школы Меттерниха!

Эта шаткость въ выводахъ объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что Гр. Камаровскій предварительно не уяснилъ себѣ ни отношенія отдѣльнаго государства къ международному общенію или союзу, ни права

къ политикѣ. Между тѣмъ только по опредѣленіи этихъ кардинальныхъ вопросовъ международнаго права положительная и отрицательная стороны вмѣшательства могутъ быть выяснены. Государство, какъ независимая политическая единица, имѣетъ свои неотъемлемыя права; но международное общеніе, членами котораго являются государства, возлагаетъ на нихъ извѣстныя юридическія обязанности, опредѣляемыя международнымъ правомъ. Слѣдовательно вмѣшательство во внутреннія и внѣшнія дѣла даннаго государства очевидно можетъ имѣть мѣсто только въ двухъ случаяхъ: 1) въ случаѣ нарушенія однимъ государствомъ правъ, договорныхъ или основныхъ, другаго государства или народа, и 2) въ случаѣ нарушенія даннымъ государствомъ тѣхъ юридическихъ обязанностей и правъ, которыя вытекаютъ изъ существа международнаго общенія или союза, членомъ котораго самъ правонарушитель.

Другихъ случаевъ вмѣшательства въ принципѣ быть не можетъ и начало невмѣшательства дѣйствительно должно быть признано основнымъ, истинно-разумнымъ условіемъ международной жизни.

Съ этой точки зрѣнія, только нарушеніе *права*, а не *интересовъ* можетъ быть законнымъ поводомъ къ вмѣшательству.

Наконецъ относительно первой теоретической части книги Гр. Камаровскаго, мы позволимъ себѣ высказать наше сожалѣніе, что представленный обзоръ различныхъ мнѣній публицистовъ недостаточно полонъ. Такъ между прочимъ въ немъ совершенно упущена пресловутая теорія президента С. Американскихъ Штатовъ *Монро* о вмѣшательствѣ европейскихъ государствъ въ дѣла американскаго континента. Посланіе этого президента къ конгрессу отъ 1823 г. прямо отрицаетъ за европейскими правительствами право вмѣшательства, на основаніи крайне любопытныхъ соображеній. Но это мнѣніе Монро осталось „теоріею“, потому что никогда не получило формальной санкціи со стороны Вашингтонскаго конгресса. Впрочемъ у Гр. Камаровскаго очевидно не было подъ рукою превосходное изданіе *Wheaton's* „Elements of International Law“ (London. 1866), сдѣланное *Дэнэ.* Точно также въ главѣ III мы не нашли мнѣній такихъ американскихъ юристовъ, какъ Кентъ, Галлекъ и Ульси.

Что касается въ особенности историческаго очерка „охранительныхъ вмѣшательствъ“, составляющаго почти двѣ трети книги (стр. 115 — 300), то авторъ очевидно имѣлъ подъ рукою богатыя литературныя пособія. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь упущены изъ виду авторомъ такіе труды, которые спеціально касаются излагаемыхъ имъ вопросовъ.

Исторій французской революціи и первой половины нынѣшняго столѣтія имѣется многое множество и Гр. Камаровскій безъ сомнѣнія не желалъ написать новую исторію ни конца прошлаго столѣтія, ни начала

нынѣшняго. Онъ поставилъ себѣ задачею изученіе этого промежутка времени съ точки зрѣнія международнаго права вообще и начала невмѣшательства въ особенности. Правда, авторъ слишкомъ долго останавливается на соображеніяхъ о вліяніи великой французской революціи на государственный бытъ западно-европейскихъ народовъ, но это, какъ намъ кажется, только результатъ увлеченія его этимъ предметомъ. Если же наше предположеніе о цѣли автора, основательно, то сочиненіе *Marc Dufraisse*: Histoire du droit de guerre et de paix 1789—1815 (Paris 1868) было ему необходимо для изученія международныхъ началъ, провозглашенныхъ французскою революціею, но онъ этого не призналъ.

Точно также мы нигдѣ не встрѣтили указанія на замѣчательныя сочиненія («Tagebücher») знаменитаго Фридриха фонъ Генца, который былъ правою рукою князя Меттерниха и, въ качествѣ протоколиста всѣхъ конгрессовъ, исторію которыхъ излагаетъ Гр. Камаровскій, имѣлъ всѣ свѣдѣнія о пружинахъ, направлявшихъ ходомъ дѣлъ на нихъ. Эти «Tagebücher» бросаютъ болѣе полный свѣтъ на политику великихъ державъ и Австріи, направленную ко вмѣшательству въ дѣла независимыхъ народовъ, нежели историческія монографіи Шатобріана или Биньона, которыми пользовался нашъ авторъ. „Дневникъ“ Генца получаетъ еще большій интересъ, если его сопоставить съ наиболѣе полною исторіею вмѣшательства въ дѣла Неаполя и Пьемонта въ 1821 г., которую представляетъ огромный трудъ итальянскаго историка *Bianchi:* Storia documentata della diplomazia Europea in Italia dall' anno 1814 all' anno 1861 (Torino 1865—1872, vls. VIII) [1]).

Таковы тѣ немногія критическія замѣчанія, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать объ интересномъ трудѣ Гр. Камаровскаго. Самъ авторъ съ излишнимъ самоотверженіемъ говоритъ, что при „моей молодости и неполнотѣ моихъ свѣдѣній результаты такого изслѣдованія должны быть очевидно весьма недостаточны“ (стр. 100). Мы напротивъ убѣждены, что сочиненіе его доказываетъ несомнѣнную любовь къ труду и стремленіе содѣйствовать выясненію и у насъ болѣе правильныхъ воззрѣній на международное право. Поэтому книга его является полезнымъ вкладомъ въ бѣдную русскую литературу по международному праву.

Ф. Мартенсъ.

---

[1]) Для исторіи Лайбахскаго конгресса особенно важенъ т. II этого труда, основанный на изученіи актовъ итальянскихъ архивовъ.

Ивановъ. Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи. Казань. 1874. in 8⁰. (II+181).

Настоящій трудъ является только первымъ выпускомъ обширнаго повидимому изслѣдованія: „О значеніи права войны въ связи съ общимъ понятіемъ о международныхъ отношеніяхъ". Такъ какъ намъ неизвѣстенъ ни планъ задуманнаго Г. Ивановымъ труда, ни цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, то понятно, что окончательное сужденіе можно будетъ себѣ составить только по выходѣ въ свѣтъ всего сочиненія. Правда, самъ авторъ говоритъ, что предлагаемый имъ отрывокъ есть изслѣдованіе, имѣющее „самостоятельное значеніе", ибо оно „касается такихъ вопросовъ, которые уже сами по себѣ заслуживаютъ полнаго вниманія", но благодаря неизвѣстности плана всего сочиненія, читатель можетъ замѣтить, что многіе весьма интересные вопросы, которые однако съ правомъ войны ни въ какой связи не состоятъ, разсмотрѣны совершенно неумѣстно авторомъ въ первомъ выпускѣ.

Какъ бы то ни было, исходная точка Г. Иванова и содержаніе его изслѣдованія слѣдующія. Авторъ совершенно справедливо полагаетъ, что нельзя уразумѣть современное право войны и ея значеніе, не выяснивъ предварительно характеръ международныхъ отношеній и историческое развитіе военныхъ законовъ и обычаевъ. На этомъ основаніи Г. Ивановъ начинаетъ свое изслѣдованіе о правѣ войны ab ovo, т. е. излагаетъ въ первой главѣ основныя понятія объ общежитіи, правѣ, государствѣ международномъ союзѣ. Опредѣливъ, такимъ образомъ, основныя начала международнаго права, авторъ переходитъ къ сравненію международныхъ отношеній съ внутренне-государственными, чтобъ наконецъ доказать несостоятельность возраженій, обыкновенно приводимыхъ противъ юридическаго характера международнаго права (стр. 1—18). Читатель, знакомый съ азбукою политическихъ наукъ и международнаго права въ частности, не найдетъ на этихъ 18 страницахъ ничего, что заслуживало бы вниманія.

Болѣе интересными представляются соображенія автора разбираемаго нами сочиненія о характерѣ международныхъ распрей и способахъ ихъ прекращенія. Г. Ивановъ останавливается прежде всего на мирныхъ средствахъ улаженія международныхъ споровъ и потомъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ принудительныхъ мѣръ и войны, въ особенности. Тутъ разсматриваются авторомъ значеніе международнаго посредничества, третейскаго разбирательства, реторсіи, репрессалій, эмбарго и мирной блокады.

Соглашаясь, вообще говоря, съ мыслями, высказанными Г. Ивановымъ объ этихъ способахъ прекращенія международныхъ споровъ, мы не можемъ однако согласиться со всѣми выводами, которые онъ дѣлаетъ.

Прежде всего въ отношеніи къ порядку изложенія намъ кажется совершенно необъяснимымъ, почему авторъ въ той же главѣ, въ которой онъ излагаетъ основныя понятія международнаго права вообще, вдругъ переходитъ къ разсмотрѣнію международныхъ несогласій и распрей. Основанія этого перехода очевидно слѣдовало оговорить, иначе такой порядокъ изложенія представляется слишкомъ произвольнымъ. Съ перваго взгляда кажется, что вся первая глава состоитъ изъ введенія къ курсу международнаго права, читаемому авторомъ въ Казанскомъ Университетѣ. Вторая-же часть этой главы представляется какъ бы введеніемъ въ ученіе о правѣ войны.

Что касается самаго существа изложенныхъ мирныхъ способовъ къ прекращенію международныхъ споровъ, то авторъ къ сожалѣнію совершенно упустилъ изъ виду такіе способы, которые заслуживаютъ въ настоящее время особеннаго вниманія. Такъ онъ совершенно не выяснилъ огромнаго значенія международныхъ *конгрессовъ* для улаженія международныхъ споровъ. Одинъ парижскій конгрессъ 1869 г., уладившій споръ между Оттоманскою имперіею и Греціею, вызываетъ столько размышленій, что опредѣленіе этого мирнаго способа и условій цѣлесообразнаго его примѣненія было бы весьма желательно встрѣтить въ сочиненіи, посвященномъ разсмотрѣнію международныхъ распрей.

Равнымъ образомъ мы полагаемъ, что авторъ не обратилъ достаточно вниманія на современное значеніе *международнаго третейскаго суда*. Вопросъ о третейскомъ разбирательствѣ международныхъ споровъ выдвинутъ, въ особенности въ новѣйшее время, до такой степени на первый планъ и агитація въ его пользу столь значительна и вліятельна въ западной Европѣ, что законодательныя собранія Англіи, Италіи, Швеціи, Бельгіи и Нидерландовъ, вслѣдъ за Вашингтонскимъ конгрессомъ вынуждены были открыто высказаться за цѣлесообразность рѣшенія международныхъ распрей третейскимъ судомъ, если только это допускаютъ затронутые интересы спорящихъ народовъ.

Въ виду этого понятно будетъ, почему мы считали себя въ правѣ ожидать, что Г. Ивановъ, въ изслѣдованіи, посвященномъ выясненію средствъ разрѣшенія международныхъ распрей, обратитъ особенное вниманіе на этотъ въ высшей степени современный вопросъ международнаго права. Но эти ожиданія наши не оправдались. Въ разбираемомъ трудѣ имѣются всего *четыре* страницы, по которымъ излагаются и теорія и практика третейскаго разбирательства международныхъ споровъ. При-

томъ теоретическій анализъ третейскаго суда, сдѣланный Г. Ивановымъ, кажется намъ также несостоятельнымъ, хотя онъ основанъ на мнѣніяхъ Гефтера (Europäisches Völkerrecht § 109) и Блунчли (Modernes Völkerrecht § 488).

По мнѣнію этихъ знаменитыхъ юристовъ, къ которому присоединяется и г. Ивановъ различіе между *arbitrium* и *arbitratio* заключается въ томъ, что arbitrium—третейскій судъ, рѣшающій вопросъ о *самомъ существованіи права* или, точнѣе говоря, разбирающій на основаніи правды и справедливости все дѣло, составляющее предметъ спора. Между тѣмъ какъ при arbitratio—вопросъ о *правѣ*, долженствующемъ получить примѣненіе, не подлежитъ сомнѣнію, но только требуется, чтобъ судъ примѣнилъ это право къ фактическимъ отношеніямъ. Гефтеръ и Блунчли приводятъ какъ примѣръ, что вопросъ о правѣ на вознагражденіе составляетъ предметъ arbitrium'а, а самое количество или размѣръ вознагражденія зависитъ отъ arbitratio.

Но это различіе оказывается въ дѣйствительности несостоятельнымъ. Уже *Бульмерингъ* (см. статью его *Schiedsspruch* въ Rechtslexicon *Holtzendorf'а*) совершенно справедливо замѣтилъ, что каждый третейскій судъ, будь это arbitrium или arbitratio, долженъ принять въ соображеніе фактическія обстоятельства, къ которымъ конкретные принципы права должны получить примѣненіе. Опроверженіе же этихъ фактическихъ обстоятельствъ,—доказательства въ пользу ихъ несуществованія или наличности могутъ быть приводимы въ каждомъ третейскомъ судѣ. Однако эта отрицательная критика Бульмеринга не рѣшаетъ вопроса о различіи между arbitrium и arbitratio.

По нашему мнѣнію различіе это заключается въ слѣдующемъ. Arbiter или третейскій судья, въ собственномъ смыслѣ, всегда разрѣшаетъ споръ, существующій между тяжущимися, которые нисколько не отрицаютъ существованія своихъ взаимныхъ юридическихъ или обязательственныхъ отношеній, вытекающихъ напр. изъ заключеннаго между ними договора. Спорящія стороны расходятся только въ толкованіи этихъ обязательствъ и взаимныхъ своихъ правъ и обязанностей. Слѣдовательно arbiter обязанъ выяснить дѣйствительную волю контрагентовъ и точно опредѣлить юридическія ихъ отношенія. Такъ напр. Германскій Императоръ былъ избранъ Соединенными Штатами и Англіею арбитромъ по Санъ-Хуанскому дѣлу и на обязанность его выпало выяснить дѣйствительныя границы между сѣверо-американскими владѣніями этихъ державъ, которыя никакъ не могли согласиться на счетъ точнаго смысла международнаго трактата, ими заключеннаго, въ которомъ пограничная черта проведена, но не достаточно точно и опредѣленно. (Срав. *Goldschmidt.* Projet de règlement pour les

tribunaux arbitraux internationaux, présenté à l'Institut de droit international (Session de Genève 1874, fascicule IV-me, p. 92.).

Совершенно иначе представляется роль и назначеніе *arbitrator'a*. На его обязанности лежитъ опредѣлить конкретный пунктъ, который сторонами, при заключеніи договора или юридической сдѣлки, умышленно оставленъ неопредѣленнымъ съ тою цѣлью, чтобъ онъ былъ разрѣшенъ впослѣдствіи третьимъ лицомъ, т. е. арбитраторомъ. Напр. между двумя лицами заключается договоръ купли и продажи съ тѣмъ, чтобъ цѣна продаваемаго предмета, при наступленіи извѣстныхъ обстоятельствъ, была опредѣлена третьимъ лицомъ. Въ области международныхъ отношеній и въ наукѣ международнаго права это различіе между arbitrium и arbitratio часто не сознается и смѣшивается. Самымъ любопытнымъ примѣромъ такого смѣшенія этихъ двухъ родовъ третейскаго разбирательства служитъ знаменитый Женевскій трибуналъ, рѣшавшій Элебемское дѣло. Англія согласилась въ Вашингтонскомъ трактатѣ 1871 г. уплатить Соединеннымъ Штатамъ извѣстное вознагражденіе за убытки, если третейскій судъ признаетъ, на основаніи выставленныхъ договаривающимися сторонами правилъ, англійское правительство виновнымъ въ неисполненіи во время междоусобной войны въ Сѣверной Америкѣ обязанностей нейтральной державы. Но если вникнуть въ назначеніе Женевскаго третейскаго трибунала, его компетентность и власть, то онъ представляется въ полномъ смыслѣ слова arbitrium и женевскіе третейскіе судьи арбитрами, а не арбитраторами, потому что на нихъ была возложена обязанность рѣшать *весь* споръ между обѣими спорящимися державами. Смѣшенію этихъ двухъ понятій объ arbitrium и arbitratio на Женевскомъ третейскомъ судѣ содѣйствовала статья VI Вашингтонскаго трактата, въ которой впередъ были выставлены тѣ юридическія начала, на основаніи которыхъ судъ долженъ былъ рѣшать возникшій споръ.

Болѣе продуманными представляются разсужденія г. Иванова о реторсіи, репрессаліяхъ, эмбарго и мирной блокадѣ, какъ менѣе принудительныхъ средствахъ для улаженія международныхъ распрей. Но и здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми противорѣчіями и неясностями въ изложеніи. Такъ авторъ на стр. 38, говоря о репрессаліяхъ, утверждаетъ между прочимъ: «Впрочемъ, несправедливость распространенія репрессалій на права частныхъ лицъ за международное правонарушеніе ихъ отечественнаго государства такъ очевидна, что всѣ публицисты, защитники этаго обычая, единогласно требуютъ, чтобы отечественное правительство вознаграждало бы за это своихъ невинно пострадавшихъ подданныхъ.» Стало быть авторъ вполнѣ признаетъ неприкосновенность частной собственности во время войны. Но на стр. 46, разсматривая вопросъ о мирной блокадѣ, авторъ

защищаетъ это средство улаженія международныхъ споровъ тѣмъ, что нельзя же требовать, чтобъ интересы подданныхъ враждующихъ государствъ не пострадали, и потому, захватъ купеческихъ судовъ признается имъ совершенно необходимымъ и въ немъ онъ видитъ «юридическое оправданіе» мирной блокады. По нашему мнѣнію вопросъ о репрессаліяхъ и мирной блокадѣ, съ точки зрѣнія интересовъ частныхъ лицъ и юридическаго существа междугосударственныхъ споровъ, не можетъ быть разрѣшенъ различно. Если репрессаліи противъ частныхъ лицъ и захватъ ихъ собственности осуждаются авторомъ, то мы не понимаемъ какъ захватъ той же собственности, при мирной блокадѣ, можетъ быть имъ «юридически» оправданъ.

Наконецъ, изложивъ эти вопросы, г. Ивановъ переходитъ ко второй главѣ, въ которой онъ представляетъ довольно подробное изложеніе послѣдовательнаго развитія международныхъ отношеній вообще и права войны въ особенности. Въ этомъ очеркѣ авторъ обнаруживаетъ значительную начитанность и довольно близкое знакомство съ исторической литературою. Но въ виду трудовъ *Лорана* (Histoire du droit des gens et des relations internationales), *Мюллера-Іохмуса*, *Пюттера*, *Каченовскаго* и другихъ этотъ историческій очеркъ заслуживалъ бы бо̀льшаго вниманія, еслибъ авторъ внесъ новые взгляды и указалъ на нетронутыя и необработанныя стороны въ историческомъ развитіи права войны. Но за то гораздо болѣе любопытными представляются замѣчанія автора о развитіи дипломатическихъ Россіи и русскихъ военныхъ обычаевъ (стр. 106 и слѣд.). Однако и въ этомъ историческомъ очеркѣ авторъ опять слишкомъ часто расширяетъ рамки своего изслѣдованія, распространяясь о такихъ вопросахъ, которые ничего общаго не имѣютъ съ правомъ войны. Такъ онъ подробно останавливается на характерѣ дипломатическихъ агентовъ, по поводу извѣстныхъ постановленій Вѣнскаго и Ахенскаго конгрессовъ; на судоходствѣ по рѣкамъ, значеніи консуловъ въ государствахъ христіанскихъ и нехристіанскихъ и т. п. Мы не беремся открыть связь между правомъ войны или историческимъ его развитіемъ и правомъ внѣземельности дипломатическихъ агентовъ, о которомъ разсуждаетъ авторъ на стр. 155.

Окончивъ свои замѣчанія о первомъ выпускѣ труда г. Иванова, мы еще разъ повторяемъ, что окончательное сужденіе о всемъ трудѣ можно будетъ имѣть только по выходѣ въ свѣтъ остальныхъ выпусковъ. Если мы указали на нѣкоторые недостатки и пробѣлы, то мы этимъ желали доказать, съ какимъ интересомъ относимся къ его труду. Наконецъ мы не можемъ не заявить нашего желанія, чтобъ продолженіе этого изслѣдованія о правѣ войны появилось въ самомъ непродолжительномъ времени, и на-

дѣемся, что оно послужитъ распространенію у насъ болѣе правильныхъ воззрѣній на войну и вытекающія изъ нея взаимныя права и обязанности воюющихъ государствъ.

М. Капустинъ. Международное право. Конспектъ лекцій. Ярославль, 1873. in 8° (стр. 86).

Теперь уже прошло больше году съ тѣхъ поръ, какъ появилось вышеприведенное сочиненіе, которое представляется конспектомъ лекцій по международному праву, читаемыхъ г. Капустинымъ въ Ярославскомъ юридическомъ лицеѣ. Но несмотря на истеченіе такого продолжительнаго времени послѣ изданія этаго небольшаго труда, намъ кажется онъ до сихъ поръ не обратилъ на себя должнаго вниманія. Никто не станетъ отрицать, что г. Капустинъ одинъ изъ немногихъ русскихъ юристовъ, основательно изучившихъ науку международнаго права и посвятившихъ этому изученію лучшіе годы своей жизни. Сверхъ того прежде обнародованные труды почтеннаго профессора даютъ ему полное право на то, чтобы каждое его литературное произведеніе встрѣтило вниманіе и уваженіе со стороны нашихъ юристовъ. На этомъ основаніи мы считаемъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о «Международномъ правѣ» г. Капустина. Если два выше разсмотрѣнныя сочиненія гр. Камаровскаго и г. Иванова были посвящены спеціальнымъ вопросамъ международнаго права, то напротивъ трудъ г. Капустина есть цѣлая, и при томъ отчасти новая, *система* положительнаго международнаго права. Самъ авторъ говоритъ, что онъ старался главнымъ образомъ установить систему науки международнаго права и эту систему онъ предлагаетъ на судъ спеціалистовъ. Дѣйствительно только эта система г. Капустина и заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ международнаго права онъ обнаруживаетъ неоспоримое близкое знакомство съ предметомъ, но ни какихъ новыхъ истинъ или положеній не выставляетъ. Поэтому мы остановимся только на разсмотрѣніи той системы, въ рамкахъ которой г. Капустинъ считалъ возможнымъ и цѣлесообразнымъ сосредоточить всю область международнаго права. Но для критической оцѣнки труда г. Капустина намъ кажется необходимымъ представить на судъ читателя, въ немногихъ словахъ, нашъ взглядъ на систему юридической науки вообще и международнаго права въ частности. Только по выясненіи нашей исходной точки зрѣнія замѣчанія наши на разбираемый трудъ будутъ понятны.

Общепринято мнѣніе, что система всякой науки права есть ничто иное, какъ болѣе или менѣе удачная группировка тѣхъ юридическихъ

нормъ или законовъ, изъ которыхъ слагается ея содержаніе. Такъ система науки гражданскаго права есть ничто иное, какъ распредѣленіе законовъ гражданскихъ, господствующихъ въ данной странѣ. Намъ кажется этотъ взглядъ на научную систему совершенно несостоятельнымъ. По нашему мнѣнію въ основаніи законовъ или юридическихъ нормъ гражданскихъ, государственныхъ или международныхъ лежатъ конкретныя бытовыя или жизненныя отношенія, внѣшнимъ и весьма часто далеко не совершеннымъ выраженіемъ которыхъ являются положительное законодательство или вообще юридическія начала. Поэтому законъ, будь это законъ гражданскій или государственный, непремѣнно долженъ покоиться на опредѣленныхъ реальныхъ отношеніяхъ, которыя имъ формулированы и выяснены.

Если это такъ, то очевидно и въ основаніе системы какой-либо науки права должны лечь не внѣшнія формулы или юридическія нормы, но самыя отношенія, ими опредѣляемыя. Слѣдовательно въ глубокомъ изученіи тѣхъ бытовыхъ и правовыхъ отношеній, которыя составляютъ спеціальное содержаніе данной отрасли права, заключается первая и необходимая задача каждаго систематизатора. Изъ этого положенія очевидно непосредственно слѣдуетъ, что соразмѣрно измѣненію или развитію бытовыхъ условій должны измѣниться опредѣляющія ихъ нормы или законы. Весьма понятно, что система, въ которой группированы эти отношенія и соотвѣтствующіе имъ законы, также должна поэтому измѣняться въ частяхъ или въ цѣлости.

Исходя изъ этого основнаго взгляда, дальнѣйшія условія правильной системы вытекаютъ сами собою изъ ея понятія. Система данной науки должна очевидно обнимать весь ея матеріалъ, всѣ вопросы, составляющіе ея содержаніе. Всѣ ея части должны быть распредѣлены на основаніи извѣстныхъ руководящихъ общихъ началъ, вытекающихъ изъ самаго существа бытовыхъ отношеній, и потому, каждому отдѣльному вопросу должно быть найдено надлежащее мѣсто въ общемъ порядкѣ. Однимъ словомъ, научная система должна основываться на началахъ, вытекающихъ изъ содержанія самой науки, и представлять собою тотъ своеобразный и самобытный порядокъ, который ей присущъ и служитъ отличіемъ ея отъ другихъ, въ особенности, близкихъ ей отраслей знанія.

Примѣняя вышесказанное къ наукѣ международнаго права мы скажемъ, что система ея должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) она должна быть системою международныхъ отношеній реально существующихъ между государствами и ихъ соединяющихъ; 2) всѣ части и всѣ вопросы международнаго права должны быть распредѣлены сообразно извѣстнымъ руководящимъ началамъ, свойственнымъ этой наукѣ и изъ нея вытекаю-

щимъ; наконецъ въ 3) порядокъ группировки матеріала долженъ соотвѣтствовать спеціальному его существу и особенностямъ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать насколько всѣ выставленныя до сихъ поръ системы науки международнаго права, начиная со временъ Гуго Гроція и кончая Бульмерингомъ (см. новѣйшій его трудъ: „Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts. Lpz. 1874) дѣйствительно соотвѣтствуютъ только-что приведеннымъ требованіямъ. Достаточно будетъ замѣтить, что до послѣдняго времени огромное большинство писателей по международному праву старалось втиснуть все содержаніе своей науки въ узкія рамки римскаго или гражданскаго права. Другіе же раздѣляли всю область международнаго права на двѣ части: право мира и право войны. Слѣдовательно ни своеобразный характеръ международныхъ отношеній и международнаго права, ни общіе руководящіе его принципы не были поняты этими изслѣдователями.

Обращаясь теперь спеціально къ сочиненію г. Капустина, справедливо будетъ сказать, что его система стоитъ выше многихъ другихъ. Авторъ исходитъ изъ того неопровержимаго положенія, что «содержаніемъ международнаго права служитъ *вся совокупность* отношеній между народами» (стр. 12), что далѣе «раздѣленіе международнаго права получаетъ свое основаніе въ различіи отношеній, имъ опредѣляемыхъ». Однимъ словомъ, г. Капустинъ совершенно ясно сознаетъ, что «на различіи международныхъ отношеній основывается система науки международнаго права» (стр. 13), основная точка зрѣнія г. Капустина, съ которою мы не можемъ не согласиться вполнѣ. Теперь посмотримъ какъ представляетъ себѣ авторъ совокупность международныхъ отношеній, какія различія онъ въ нихъ подмѣтилъ и на основаніи какихъ принциповъ построилъ онъ свою систему.

Въ виду того, что всѣ государства составляютъ одно общество, которое имѣетъ свои особенныя требованія и задачи, предметомъ *перваго* отдѣла является, въ системѣ Г. Капустина, «*Международный союзъ и его дѣятельность*». Отдѣлъ *второй* же составляетъ «*Положеніе и дѣятельность государствъ въ международномъ союзѣ*». Основываетъ этотъ отдѣлъ авторъ на томъ соображеніи, что вслѣдствіе взаимной потребности государствъ охранять и развивать свои народныя силы, между ними возникаетъ «другой видъ отношеній», въ которыхъ «главнымъ основаніемъ служитъ ихъ національный, а не международный характеръ». Наконецъ *третій* отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ коллизіи различныхъ законодательствъ по поводу сношеній частныхъ лицъ или подданныхъ различныхъ государствъ между собою, т. е. частное и уголовное международное право.

Если ко всему этому еще прибавить Введеніе, предшествующее пер-

вому отдѣлу, то мы имѣемъ предъ собою такъ сказать весь остовъ системы г. Капустина. Не пускаясь въ подробности, мы здѣсь только прибавимъ къ вышеизложенному, что въ первомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ, между прочимъ, существо и цѣль международнаго союза, составъ и дѣятельность; во второмъ отдѣлѣ — національность и ея юридическое выраженіе, юридическія формы охраненія и развитія народныхъ силъ, право войны и нейтралитетъ; наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ изслѣдуются вопросы о конфликтѣ національныхъ законодательствъ и международное приложеніе уголовныхъ законовъ.

Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, вышеприведенныя основныя положенія автора, на которыхъ онъ самъ призналъ необходимымъ построить свою систему, и съ другой, дѣйствительное ихъ примѣненіе, мы должны признаться, что послѣднее едва ли вышло у него вполнѣ удачно. Исполненіе, намъ кажется, не вполнѣ соотвѣтствуетъ намѣреніямъ автора.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя г. Капустинъ утверждалъ, что система науки международнаго права должна основываться на сущности международныхъ отношеній, онъ все - таки не вполнѣ уяснилъ эти отношенія въ томъ видѣ, какъ они на глазахъ у всѣхъ. Во-вторыхъ, въ его системѣ мы не находимъ послѣдовательнаго приложенія какихъ либо общихъ руководящихъ началъ. Поэтому, смѣемъ думать, что распредѣленіе предметовъ далеко не всегда удовлетворительно. Весьма часто въ одномъ отдѣлѣ разсматриваются вопросы, которые по самому своему существу должны быть отнесены въ другой. Наконецъ въ третьихъ, нельзя не указать на нѣкоторыя частности, очевидно ускользнувшія отъ вниманія почтеннаго профессора.

Разберемъ теперь эти три пункта. Стоитъ только бросить самый поверхностный взглядъ на международныя отношенія, чтобъ замѣтить въ нихъ два фактора. Съ одной стороны, мы видимъ множество независимыхъ государствъ или народовъ, которые признаютъ для себя обязательнымъ международное право такъ, какъ оно выработалось у народовъ европейскихъ или образованныхъ, считающихъ себя членами одного общества, системы или союза. Очевидно, что это общество государствъ основывается на общности нравственныхъ и правовыхъ понятій, которыми опредѣляются взаимныя ихъ отношенія, и на солидарности матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, заставляющихъ соединиться въ одно общеніе. Но едва ли требуется доказать, что это общество народовъ никакъ не представляется съ аттрибутами твердо организованной политической единицы, каковымъ является государство съ верховною властью, законодательными и судебными установленіями.

Другимъ и притомъ главнымъ факторомъ являются сами независимыя

государства, отдѣльно взятыя, но которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ вышеприведенный международный союзъ или общество народовъ. Каждый же изъ этихъ народовъ имѣетъ свои неотъемлемыя права и въ области международныхъ отношеній преслѣдуетъ удовлетвореніе своихъ собственныхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ интересовъ. Если государственная власть простираетъ свою дѣятельность за предѣлы территоріи, если она входитъ въ сношенія съ другими государствами для лучшаго удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ потребностей народа, то эта дѣятельность получаетъ характеръ *международный*. Однимъ словомъ, государства, въ качествѣ субъектовъ международнаго права, *дѣйствуютъ* также въ области международныхъ отношеній и подъ покровительствомъ и защитою ихъ происходятъ постоянныя сношенія между частными лицами или подданными; они содѣйствуютъ обмѣну продуктовъ промышленной дѣятельности народовъ; ими принимаются мѣры для охраненія религіозныхъ или умственныхъ интересовъ, для преслѣдованія преступниковъ и т. д.

Г. Капустинъ также видитъ эти два фактора въ международныхъ отношеніяхъ, но совершенно своеобразно понялъ ихъ значеніе и взаимнодѣйствіе. Международный союзъ или общеніе государствъ онъ представляетъ какъ общество, владѣющее территоріею, «подчиненною исключительно его законамъ» и которое «наблюдаетъ за дѣйствіями своихъ членовъ и выступаетъ съ своимъ авторитетомъ всякій разъ, когда рѣчь идетъ о существующемъ порядкѣ или о правѣ всей Европы» (стр. 12). На этомъ основаніи онъ приписываетъ этому международному союзу особенную *дѣятельность* и управленіе (стр. 26), повидимому независимое отъ управленія государствъ — членовъ союза.

Намъ кажется невозможнымъ приписывать общенію народовъ такое значеніе, какое ему приписываетъ г. Капустинъ. Если слѣдовать аргументаціи его, то всѣ государства, входящія въ составъ международнаго союза, составляютъ вмѣстѣ какое-то высшее государство, имѣющее собственную территорію и стало быть верховную власть. Авторъ быть можетъ увлекся пресловутою «всемірною республикою» или civitas maxima Вольфа, которая дѣйствительно имѣетъ много общаго съ тѣмъ международнымъ союзомъ, какимъ онъ его представляетъ. Сверхъ того, разбирая вопросъ о составѣ этого союза (стр. 21), уважаемый профессоръ совсѣмъ не разрѣшаетъ перваго и главнаго вопроса: какія государства должны считаться членами международнаго союза? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, онъ очевидно не ограничилъ бы дѣйствіе союза только «всею Европою», но включилъ бы еще другія цивилизованныя государства.

Что касается затѣмъ спеціальной *дѣятельности международнаго союза*, въ отличіе отъ *дѣятельности государствъ*, въ области международныхъ

сношеній, то мы затрудняемся представить себѣ, на основаніи изложенія г. Капустина, это существенное различіе, легшее въ основаніе его системы. Онъ утверждаетъ, что въ силу національныхъ потребностей государствъ между ними возникаетъ какой-то «другой видъ отношеній», въ виду которыхъ государства вступаютъ между собою въ переговоры и заключаютъ трактаты. Но на стр. 17 самъ авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «юридическая форма международнаго общежитія служитъ выраженіемъ того непреложнаго закона, по которому жизнь человѣчества слагается изъ жизни отдѣльныхъ государствъ». Стало быть и дѣятельность международнаго союза будетъ въ сущности дѣятельность одного или нѣсколькихъ государствъ. Съ этимъ совершенно согласенъ самъ авторъ разбираемаго сочиненія, потому что, анализируя дѣятельность международнаго союза онъ въ концѣ концовъ объявляетъ, что «только по началу самообороны и для защиты своихъ правъ государство можетъ вмѣшиваться (въ дѣла другого государства), равно какъ и вслѣдствіе особыхъ обязательствъ гарантіи» (стр. 27). Но если опять-таки государство является лицомъ действующимъ, то гдѣ же спеціальная дѣятельность международнаго союза? Если же этой особенной сферы дѣятельности нѣтъ и если международный союзъ можетъ дѣйствовать только чрезъ посредство государствъ, то очевидно гораздо было бы правильнѣе отнести все это ученіе во второй отдѣлъ, въ которомъ трактуется о дѣятельности государствъ.

Впрочемъ, мы еще разъ повторяемъ, что совершенно согласны съ г. Капустинымъ, что вопросы международнаго права должны быть опредѣляемы съ точки зрѣнія международнаго общенія, которое, мы въ томъ убѣждены, приметъ мало по малу болѣе правильныя и осязательныя формы, но намъ кажется невозможнымъ согласиться съ тѣмъ характеромъ общества народовъ, который ему приписывается авторомъ конспекта.

Далѣе мы позволяемъ себѣ думать, что распредѣленіе предметовъ въ разбираемой системѣ также не вполнѣ выдерживаетъ критику.

Во второмъ отдѣлѣ, авторъ разсматриваетъ государства и ихъ дѣятельность и, при этомъ, спеціально разбираетъ вопросъ о «международныхъ сношеніяхъ и ихъ характерѣ» (§ 23). По главнымъ же предметамъ этихъ сношеній г. Капустинъ раздѣляетъ ихъ и соотвѣтствующіе имъ международные трактаты на 4 разряда: во 1-хъ) тѣ, которые касаются силы и самостоятельности государствъ; во 2) религіозныхъ интересовъ народа; въ 3) трактаты, обезпечивающіе отправленіе правосудія, и наконецъ въ 4) международныя соглашенія, имѣющія въ виду охраненіе и развитіе матеріальныхъ интересовъ народовъ (стр. 46). Авторъ, какъ нельзя болѣе точно, выражается, говоря что трактаты служатъ для опредѣленія и обезпеченія посредствомъ юридическихъ формъ отношеній между народами.

Такъ напр. конкордаты заключаются для опредѣленія юридическихъ отношеній между государственною властью и римскою куріею, съ цѣлью охранять вмѣстѣ съ тѣмъ религіозные интересы народа.

Но если теперь приложить выставленныя самимъ г. Капустинымъ начала къ его системѣ, то нельзя не замѣтить, сколь явно она становится въ разрѣзъ съ ними. Многіе вопросы, которые тѣсно и органически связаны между собою, совершенно разрознены и часто нельзя даже отъискать объясненія принятаго авторомъ порядка изложенія. Такъ, согласно вышеизложенному раздѣленію международныхъ сношеній и трактатовъ, г. Капустинъ въ § 27 (отд. II, гл. II: «Юридическія формы охраненія и развитія народныхъ силъ») разсматриваетъ вопросъ о конкордатахъ. Но кромѣ того въ этомъ же отдѣлѣ, въ I главѣ («Національность и ея юридическое выраженіе») имѣется особенный § 22-ой: «Религія, какъ народная сила, и ея охраненіе». Исходя изъ того убѣжденія, что «религія составляетъ одну изъ существенныхъ основъ государства и народности», авторъ признаетъ за государствомъ неотъемлемое право «становиться международнымъ защитникомъ извѣстной религіи» (стр. 39). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько религія есть дѣйствительно необходимое основаніе *политической* національности, о которой трактуетъ г. Капустинъ въ I главѣ, намъ все-таки кажется, что съ правомъ или обязанностью государственной власти охранять религіозные интересы своего народа находится въ тѣсной и неразрывной связи вопросъ о конкордатахъ. Поэтому оба эти вопроса слѣдовало не раздѣлять между двумя совершенно самостоятельными главами, но соединить вмѣстѣ.

Точно также мы не совсѣмъ можемъ себѣ уяснить, почему авторъ разсматриваетъ вопросъ о выдачѣ преступниковъ въ одномъ отдѣлѣ (II), а уголовное международное право въ другомъ (III отд.). Связь между ученіемъ о карательной власти государства въ отношеніи къ собственнымъ подданнымъ, совершившихъ преступленія заграницею или же къ иностранцамъ, выдача которыхъ требуется, до такой степени тѣсно съ картельными конвенціями, что мы рѣшительно не находимъ никакого основанія такому раздѣленію.

Наконецъ, встрѣчаются еще въ этой системѣ г. Капустина другія недоумѣнія. Напр. во II отд. II гл. авторъ касается торговыхъ трактатовъ и консуловъ (§ 29); затѣмъ слѣдующій § (30) озаглавленъ: «Конвенціи, имѣющія предметомъ экономическіе интересы народа». Прочитавъ только это заглавіе, читатель невольно подумаетъ, что если торговые трактаты касаются «экономическихъ интересовъ» народовъ, то почему оба эти параграфа не соединены воедино. Но это недоумѣніе тотчасъ исчезаетъ при чтеніи самаго содержанія этого §; тутъ авторъ разсматриваетъ прежде

всего международныя литературныя конвенціи, признавая слѣдовательно въ нихъ только «экономическій интересъ». Но въ концѣ этого § авторъ опять возвращается къ чисто хозяйственнымъ вопросамъ, указывая на монетныя, почтовыя и желѣзнодорожныя конвенціи.

Не думаемъ, чтобъ такое изложеніе могло бы содѣйствовать точному выясненію затронутыхъ авторомъ вопросовъ. Еслибъ авторъ не упустилъ совершенно изъ виду умственныя или образовательныя потребности, удовлетворенія которыхъ ищутъ народы въ области взаимныхъ своихъ отношеній, тогда, правда, понадобился бы новый §, но зато было бы избѣгнуто смѣшеніе вопроса о литературной собственности съ желѣзнодорожными и почтовыми конвенціями.

Этимъ мы ограничиваемъ наши немногія замѣчанія о системѣ г. Капустина, которая возбуждаетъ еще другія недоумѣнія, кромѣ вышеприведенныхъ. Встрѣчаются также въ разсмотрѣнномъ сочиненіи нѣкоторыя противорѣчія и недомолвки, могущія подавать поводъ къ весьма страннымъ недоразумѣніямъ, противнымъ очевидному намѣренію автора. Напр. на стр. 57 авторъ, разсуждая о войнѣ и желая опредѣлить ее юридически, выставляетъ слѣдующій ужасный принципъ: «Право войны подчиняетъ себѣ и пріостанавливаетъ всѣ другія права». Гунны и Вандалы дѣйствительно всегда исходили изъ этого принципа, по которому война повергаетъ воюющія государства и всѣхъ ихъ подданныхъ въ «естественное состояніе» общей рѣзни и безпощадной борьбы. Но было бы крайне несправедливо обвинять г. Капустина въ сочувствіи вандализму и провозглашеніи неограниченнаго произвола верховнымъ закономъ войны. Нѣтъ, онъ вслѣдъ затѣмъ, даже на той же страницѣ, доказываетъ, что нравы и цивилизація ограничиваютъ безусловное приложеніе права войны, что арміи служатъ органами *права* и ими должны ограничиваться военныя дѣйствія, которыми также должна быть уважена жизнь и собственность частныхъ лицъ. Однимъ словомъ, дальнѣйшее изложеніе права войны весьма убѣдительно опровергаетъ вышеприведенное его опредѣленіе этого права.—Цѣль настоящей замѣтки состояла въ томъ, чтобъ обратить вниманіе на замѣчательную систему ученаго, справедливо считающагося однимъ изъ лучшимъ знатоковъ международнаго права. Теперь намъ остается только пожелать, чтобъ эта цѣль была нами достигнута и чтобъ сочиненіе г. Капустина удостоилось бы должной оцѣнки со стороны нашихъ юристовъ.

Ф. Мартенсъ.

ИСТОРІЯ.

«Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія». Изслѣдованіе, начатое Д. П. Голохвастовымъ въ 1849 году и доконченное архимандритомъ Леонидомъ въ 1873 г. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1874 г., кн. 1.

Любопытный и важный вопросъ въ нашей исторіи о значеніи и о степени вліянія Сильвестра на Іоанна Грознаго принадлежитъ, какъ извѣстно, къ вопросамъ спорнымъ. Вопросъ этотъ находится въ тѣснѣйшей связи со взглядами нашихъ историковъ на царствованіе Іоанна, существенно между собою различными.

По мнѣнію тѣхъ, которые, не находятъ никакого историческаго начала въ собственной, не вызванной чужимъ вліяніемъ, дѣятельности перваго русскаго царя и изображаютъ его человѣкомъ ничтожнымъ, не знавшимъ мѣры своему произволу, Сильвестръ былъ человѣкомъ высоко нравственнымъ. Онъ ясно сознавалъ потребности и задачи государственныя, имѣлъ благотворнѣйшее вліяніе на царя. Славными, говорятъ намъ, дѣяніями, совершенными въ «блистательный» періодъ его царствованія (1547 — 1560), когда были завоеваны Казань и Астрахань, когда былъ созванъ первый земскій соборъ, изданъ Судебникъ, ограничено мѣстничество и пр., Россія обязана Сильвестру и тѣмъ лицамъ, которыми онъ окружилъ неспособнаго къ самостоятельной государственной дѣятельности Іоанна [1]).

Другое мнѣніе о Сильвестрѣ принадлежитъ тѣмъ историкамъ, которые,

---

[1]) См. «Ист. крит. отрывки» — *М. Погодина.* М. 1846. «О характерѣ Іоанна Грознаго» (ст., чит. въ 1828 г.). Стр. 225—270. Говоря о тѣхъ мѣстахъ у Курбскаго, гдѣ онъ хвалитъ Іоанна, г. Погодинъ замѣчаетъ: «Сіи слова или извѣстія вырываются у Курбскаго невольно, противъ его намѣренія, и потому убѣждаютъ насъ наиболѣе въ своей истинѣ, *по ничтожности Іоанновой во всѣ періоды его жизни*» (стр. 258). См. также его ст. «Царь Иванъ Васильевичъ Грозный», написанную въ 1859 г. «Ист. крит. отрывки», кн. 2 (М. 1867), стр. 173—196. Такой же взглядъ на царствованіе Іоанна проводитъ и *Н. И. Костомаровъ.* См. его ст. «Личность царя Ивана Васильевича Грознаго». Вѣстникъ Европы, 1871 г., кн. 10. «Русс. исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», 1 отд., вып. 2 (Спб. 1874), ст. «Сильвестръ и Адашевъ» (стр. 405 и сл.), «Царь Иванъ Васильевичъ Грозный» (стр. 457 и сл.). На стр. 418: «Государство стало управляться кружкомъ любимцевъ, который Курбскій называетъ «избранною радою». Безъ совѣщанія съ людьми этой избранной рады, Иванъ не только ничего не устраивалъ, *но даже не смѣлъ мыслить*». Взгляды М. П. Погодина и Н. И. Костомарова представляютъ дальнѣйшее развитіе взглядовъ *Карамзина* и *Полеваго* (см. Ист. Русс. народа, т. VI) на царствованіе Іоанна.

признавая въ Іоаннѣ высокія дарованія, живой, свѣтлый умъ и необыкновенную впечатлительность, находятъ тѣсную связь между его внутреннею дѣятельностію и дѣятельностію его предшественниковъ, указываютъ на то, что при немъ еще продолжалась борьба между царской властью и противогосударственными стремленіями бояръ, и объясняютъ темныя стороны царствованія Іоанна не однимъ личнымъ его характеромъ, но и условіями жизни исторической. Понятно, что при признаніи за нимъ извѣстныхъ взглядовъ, которыми онъ руководился въ своей государственной дѣятельности, не можетъ быть и рѣчи о томъ безграничномъ вліяніи, какое приписываютъ Сильвестру. Появленію его предшествовало сильное впечатлѣніе, испытанное царемъ при видѣ народныхъ бѣдствій, во время пожара московскаго. Это-то потрясающее впечатлѣніе и имѣло слѣдствіемъ нравственное перерожденіе царя, вызвало въ немъ возвышенныя стремленія ко благу народному, которыя на время овладѣли всѣмъ его существомъ. Для укрѣпленія и развитія этихъ стремленій онъ чувствовалъ необходимость въ постороннемъ вліяніи; это весьма понятно въ человѣкѣ, выросшемъ среди обстоятельствъ, самыхъ неблагопріятныхъ для его нравственнаго развитія. Подчиняясь вліянію Сильвестра, Іоаннъ, однако, не только не былъ слѣпымъ исполнителемъ внушеній Сильвестра и его единомышленниковъ, а напротивъ, по своимъ взглядамъ на задачи политической жизни Россіи, стоялъ выше ихъ. Потому-то и вліяніе Сильвестра не могло быть значительно. Къ тому же онъ имѣлъ очень узкія нравственныя понятія [1]).

Таковы различныя мнѣнія о Сильвестрѣ. Что же даетъ намъ новый трудъ о немъ, напечатанный въ изданіи Московскаго Общества Исторіи и Древностей?

Въ основу этого труда положены замѣтки, найденныя въ черновыхъ бумагахъ извѣстнаго издателя Домостроя въ 1849 г. Д. П. Голохвастова, задумавшаго написать отдѣльное изслѣдованіе о Сильвестрѣ, но не успѣвшаго осуществить свое намѣреніе.

Замѣтки эти не лишены нѣкотораго значенія для нашей исторіографіи [2]).

---

[1]) См. «Исторія отношеній между русс. князьями Рюрикова дома» — *С. Соловьева*. М. 1847. Его же Ист. Россіи, т. VI и VII. Сочиненія *К. Кавелина*, ч. 2, разборъ соч. С. Соловьева: Исторія отношеній между русс. князьями Рюрикова дома, стр. 595 и сл. Ср. ст. Кавелина: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» (пис. въ 1846 г.), помѣщ. въ его соч., ч. 1, стр. 355—363. Полное собраніе сочиненій *К. Аксакова*, т. 1 (М. 1861), стр. 125—172. «Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго» — *К. Бестужева-Рюмина*. Журн. «Заря», 1871, № 3, стр. 83—90.

[2]) Г. Голохвастовъ намѣревался слѣдовать въ своемъ сочиненіи пріемамъ осторожной критики. Это намѣреніе не помѣшало, однако, ему сказать слѣдую-

Изъ нихъ наиболѣе любопытно слѣдующее замѣчаніе: «Прекрасная картина, гдѣ Карамзинъ изобразилъ намъ Сильвестра являющимся передъ Іоанномъ во время самого московскаго пожара съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка, частію взята изъ Курбскаго, очень усилена въ колоритѣ и едва ли исторически вѣрна» [1]) (стр. 9). Находя болѣе близкимъ къ истинѣ мнѣніе митр. Евгенія, полагавшаго, что Сильвестръ былъ вызванъ митр. Макаріемъ [2]), г. Голохвастовъ указываетъ на то, что «исправленіе Іоанна, по убѣжденію Сильвестра, послѣдовало не такъ внезапно, какъ повѣствуетъ Карамзинъ. Пожаръ московскій былъ въ апрѣлѣ, а въ Петровъ постъ, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, именно іюня 3, по Царственной книгѣ, [3]) Іоаннъ еще мучилъ безвинно выборныхъ людей Псковитянъ, посланныхъ къ нему съ жалобой на притѣсненія его намѣстника.... Не простѣе ли думать, что митр. Макарій, бывшій 16 лѣтъ архіепископомъ новгородскимъ и псковскимъ, хорошо зналъ Сильвестра, долго бывшаго священникомъ въ Новгородѣ, вызвалъ его въ Москву, опредѣлилъ къ Благовѣщенской церкви, иже на сѣнехъ»... (стр. 10). Макарій, замѣтимъ, прибылъ въ Москву въ 1543 г. марта 9 и былъ посвященъ въ митрополиты всероссійскіе 19 марта [4]).

Подтверждая новыми доказательствами мнѣніе г. Голохвастова, арх. Леонидъ счелъ необходимымъ остановиться на слѣдующемъ весьма важномъ свидѣтельствѣ Царственной Книги подъ 1553 г.: «Бысть же сей Селивестръ совѣтенъ и въ велицей любви у князя Владиміра Андреевича и у матери его княгини Ефросиньи; его бо промысломъ и изъ нятства (т. е. заключенія) выпущенъ» [5]).

На это свидѣтельство впервые обратилъ вниманіе и оцѣнилъ его значеніе С. М. Соловьевъ [6]). «О вторичномъ заключеніи» князя Влади-

---

щее о бракѣ Іоанна на Анастасіи: «Это было дѣйствіе *зрѣло обдуманное* и въ политическомъ отношеніи, и въ отношеніи къ будущему счастію юныхъ супруговъ» (стр. 4).

[1]) Вслѣдъ за Карамзинымъ разсказъ Курбскаго о появленіи Сильвестра передъ Іоанномъ былъ принимаемъ за достовѣрный М. П. Погодинымъ. Ист. критич. отрывки (М. 1846), стр. 232—236.

[2]) Это мнѣніе защищалъ и г. Погодинъ, замѣтившій, что «лице Сильвестра должно быть, кажется, соединено съ лицемъ митр. Макарія». Ист. критич. отрывки, кн. 2, стр. 195.

[3]) Ист. гос. росс., VIII, пр. 167. П. С. Р. Л., IV, 307. Цар. кн. (Спб. 1769), 136.

[4]) Цар. кн., 104 и 105. П. С. Р. Л., III, 150 (Новг. 2 лѣт.). Никон. лѣт., VII, 35. Погодинъ ошибся, замѣтивъ, что «Макарій былъ назначенъ митрополитомъ и прибылъ въ Москву 1543 г. Марта 4» Ист. крит. отрывки, кн. 2 (М. 1867), стр. 195.

[5]) Цар. кн., стр. 343.

[6]) Карамзинъ считалъ это свидѣтельство не вѣрнымъ. Ист. гос. росс., VIII, пр. 378. Арцыбышевъ «относился къ нему слегка», какъ замѣтилъ г. Погодинъ. Повѣствованіе о Россіи, кн. IV, стр. 158 и 216. Ист. крит. отрывки — *М. Погодина*, кн. 2, стр. 194.

міра Андреевича, говоритъ авторъ «Исторіи Россіи», «мы не находимъ нигдѣ извѣстія. Слѣдовательно, не допуская невѣроятнаго предположенія, что всѣ лѣтописцы, говоря опалахъ и казняхъ боярскихъ, пропустили извѣстіе о заключеніи двоюроднаго брата царскаго, и принимая, что Царственная Книга говоритъ о единственномъ освобожденіи князя Владиміра при Бѣльскомъ, мы должны заключить, что Сильвестръ уже тогда имѣлъ важное значеніе» [1]).

Это мнѣніе г. Погодинъ [2]) находитъ несостоятельнымъ. «Если бъ», говоритъ онъ, «Сильвестръ былъ прежде въ Москвѣ (т. е. до пожара 1547 г.), то Курбскій непремѣнно далъ бы понять это такъ или иначе; напротивъ онъ именно говоритъ, что Сильвестръ, дотолѣ неизвѣстный въ Москвѣ, вдругъ показался предъ Іоанномъ, на Воробьевыхъ горахъ» [3]). Доводъ этотъ никакъ нельзя признать основательнымъ. Причина, въ слѣдствіе которой Курбскій не упомянулъ о Сильвестрѣ до 1547 г., понятна: по мнѣнію Курбскаго знаменательная перемѣна въ Іоаннѣ началась именно съ того момента, когда предсталъ передъ нимъ Сильвестръ въ селѣ Воробьевѣ. Слѣдовательно съ точки зрѣнія Курбскаго то обстоятельство, что Сильвестръ ранѣе этого событія былъ извѣстенъ Іоанну и могъ имѣть на него вліяніе, не имѣло никакого важнаго значенія. Вообще мы не должны забывать, что отсутствіе указаній въ источникахъ на событія, для науки имѣющія важное значеніе, но не имѣвшія такого значенія для современниковъ — явленіе обычное.

Арх. Леонидъ, какъ и г. Погодинъ, отрицаетъ достовѣрность выше приведеннаго извѣстія Царственной Книги, основываясь на томъ, что лѣтописцы не упоминаютъ объ участіи Сильвестра въ дѣлѣ освобожденія князя Владиміра Андреевича (стр. 11). Этотъ доводъ, какъ намъ кажется, не выдерживаетъ критики. Можно съ вѣроятностію предполагать, что лѣтописцы упомянули только о митрополитѣ Іоасафѣ и боярахъ въ дѣлѣ освобожденія князя Владиміра Андреевича и не упомянули объ участіи Сильвестра въ этомъ дѣлѣ не потому, что онъ не принималъ никакого участія, а потому, что оно не имѣло важнаго значенія. Не считали же лѣтописцы необходимымъ перечислять всѣхъ бояръ поименно, а

---

[1]) Ист. Россіи, VI (М. 1856), 58 и 59.

[2]) Ист. крит. отрывки, кн. 2, стр. 193—195.

[3]) Такое заключеніе сдѣлано г. Погодинымъ на основаніи слѣдующаго мѣста въ соч. Курбскаго: когда царь удалился въ село Воробьево, «тогда убо, тогда, глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ,именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми». Сказанія князя Курбскаго (Спб. 1868), стр. 8. Г. Соловьевъ справедливо замѣчаетъ: «Изъ словъ Курбскаго, мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился только тутъ внезапно предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде». Ист. Россіи, VI (М. 1856), стр. 58.

для насъ этотъ перечень былъ бы не лишенъ значенія. Что же касается до находящагося въ Царственной Книгѣ извѣстія объ участіи Сильвестра въ дѣлѣ освобожденія князя Владиміра Андреевича, то помѣщеніе этого извѣстія подъ 1553 г. объяснимо: составитель разсказа о событіяхъ, происходившихъ во дворцѣ во время болѣзни Іоанна, имѣлъ поводъ припомнить объ издавна близкихъ отношеніяхъ Сильвестра къ князю Владиміру Андреевичу. Справедливо или не справедливо такое объясненіе, во всякомъ случаѣ принять безъ ограниченій извѣстіе Царственной Книги, подъ 1553 г., было бы ошибочно, такъ какъ виновникомъ освобожденія князя Владиміра Андреевича она выставляетъ одного Сильвестра, между тѣмъ какъ въ той же Царственной Книгѣ, подъ 1541 г., говорится о томъ, что ходатаями за этого князя были митрополитъ Іоасафъ и бояре [1]).

И такъ о времени появленія Сильвестра въ Москвѣ существуютъ два мнѣнія: 1) онъ былъ здѣсь и имѣлъ важное значеніе въ 1541 г.; 2) онъ явился въ Москву не ранѣе 1543 г., когда переселился сюда митрополитъ Макарій. Изъ этихъ двухъ мнѣній наибольшую степень достовѣрности имѣетъ первое, не принятое арх. Леонидомъ. Впрочемъ оно не получило еще строго научнаго основанія, такъ какъ Царственная Книга, какъ источникъ историческій, до настоящаго времени не разработана.

Къ скуднымъ и неяснымъ свѣдѣніямъ о томъ, какъ Сильвестръ приблизился къ Іоанну, — свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ сочиненія Курбскаго, арх. Леонидъ прибавляетъ новыя и любопытныя извѣстія на основаніи сочиненія, авторомъ котораго онъ считаетъ Сильвестра. На это сочиненіе, напечатанное въ приложеніи къ изслѣдованію арх. Леонида подъ заглавіемъ: «Посланіе къ царю Ивану Васильевичу» (стр. 69 — 87), впервые обратилъ вниманіе сотрудникъ г. Голохвастова по изданію Домостроя, г. Коншинъ. Онъ нашелъ это посланіе въ сборникѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Сильвестру [2]). Г. Коншинъ въ запискѣ, составленной имъ въ 1848 г. и напечатанной въ приложеніи къ изслѣдованію арх. Леонида (стр. 65 — 68), замѣтилъ, что это посланіе принадлежитъ Сильвестру, такъ какъ, по слогу, оно совершенно сходно съ другими его сочиненіями. Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Коншина, арх. Леонидъ доказываетъ, что это посланіе написано въ 1547 г., на основаніи слѣдующихъ словъ: «Не збышалися вся сіа гнѣва Божіа наказанія надъ нами, и надъ грады твоими, и надъ имѣніемъ твоимъ». А оно, замѣчаетъ арх. Леонидъ, погибло въ московскомъ пожарѣ 1547 г. (стр. 13 и 14).

Признавая важное значеніе вновь изданнаго памятника, заслуживаю-

[1]) Цар. кн., стр. 100.

[2]) Въ настоящее время этотъ сборникъ находится въ С.-Петербургской Духовной Академіи, № 1281.

щаго внимательнаго изученія, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на слѣдующій вопросъ: дѣйствительно-ли авторомъ этого «Посланія» былъ Сильвестръ?

Въ «Посланіи» встрѣчаются нѣкоторыя слова, указывающія на то, что авторомъ его былъ новгородецъ [1]). Эта особенность «Посланія» можетъ, повидимому, служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія и г. Коншина, и арх. Леонида. Но это доказательство въ значительной степени теряетъ свою силу, если мы примемъ во вниманіе, что «Посланіе» дошло до насъ не въ подлинникѣ, а въ спискѣ, вслѣдствіе чего нельзя не считать умѣстнымъ вопросъ: вполнѣ ли точно сохранилъ переписчикъ правописаніе подлинника? Встрѣчаются же и въ посланіи Сильвестра къ Александру Борисовичу (стр. 88 и сл.), и въ посланіи къ неизвѣстному, находящемся въ томъ же сборникѣ, мѣста, искаженныя переписчикомъ [2]). Что же касается до содержанія и способа изложенія «Посланія къ Іоанну», то оно не на столько сходно съ извѣстными сочиненіями Сильвестра, чтобы можно было, не имѣя какихъ нибудь положительныхъ доказательствъ, считать это посланіе его произведеніемъ [3]). Къ сожалѣнію, этихъ доказательствъ мы не находимъ въ трудѣ арх. Леонида. Посланіе къ Іоанну объясняетъ темное мѣсто въ разсказѣ Курбскаго о томъ, какъ Сильвестръ, заклиная Іоанна страшнымъ Божіимъ именемъ, повѣдалъ ему о чудесахъ и явленіяхъ отъ Бога. «Не вѣмъ», прибавляетъ Курбскій, «аще истинныя, або (или) такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе» [4]). И самъ Іоаннъ свидѣтельствуетъ, что его устрашали «дѣтскими страшилы» [5]). Подъ этими страшилами, замѣчаетъ арх. Леонидъ, слѣдуетъ разумѣть мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, приведенныя въ «Посланіи» съ цѣлію показать, какъ караетъ Господь грѣшниковъ (стр. 12 и 13).

Познакомимся поближе съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ нашей литературы, въ которомъ проведено тоже воззрѣніе на царскую власть, какое было

---

[1]) Напр. возмиздіе (стр. 79, строч. 15), наимникъ (стр. 77, строч. 27), ницыи (стр. 79, строч. 21), оцыстилище (стр. 75, строч. 22), оцыстить (стр. 77, строч. 14), оцыщеніе (стр. 76, строч. 15), увирися (стр. 74, строч. 1). Въ посланіи къ Александру Борисовичу словъ, написанныхъ по новгородскому произношенію, весьма не много.

[2]) Указанія на эти мѣста см. въ ст. *Н. Барсова*: «Изъ неизданныхъ памятниковъ древней литературы». Хр. Чт., 1871, № 3, стр. 17, 36 и 37.

[3]) Со стороны своего внутренняго содержанія это посланіе къ Іоанну имѣетъ сходство съ посланіями митр. Макарія къ царскому войску, 1552, мая 25, и къ царю, 1552, іюля 13. А. И., I, №№ 159 и 160. Ср. А. И., I, стр. 289, 290, 292, 293 съ Чт. Москов. Общ. Ист. и Древн., 1874, кн. 1, стр. 84, 74, 71, 78 и 79.

[4]) Сказ. Курб., 8.

[5]) Ib., 187.

и у Іоанна. «Богомъ возвышенный царю», восклицаетъ авторъ въ началѣ посланія, «государь князь великій Иванъ Васильевичь всеа Русии!... царствуй истинны ради и кротости и правды»... (стр. 69). Сказавъ о томъ, что Іоаннъ еще въ юности Богомъ утвержденъ на царствѣ, точно такъ, какъ нѣкогда юный Давидъ въ домѣ отца своего былъ помазанъ на царство, авторъ высказываетъ желаніе, чтобы царь «христіанской области» одолѣлъ всѣхъ враговъ своихъ, чтобы «разсыпались» передъ нимъ всѣ страны языческія. Въ доказательство того, что Господь оказывалъ помощь царямъ въ борьбѣ съ язычниками приводятся примѣры изъ исторіи, при чемъ помянуто и о нашествіи гордаго царя Ахмата на Русскую землю. «И ты, боголюбивый царю», говоритъ авторъ, «видиши славу Бога твоего, къ добродѣтели прилежи, благоразуміемъ себя удобри, и радостію украси, и разумомъ буди просвѣщенъ, и смиреніемъ сердца украшенъ, и къ мысленнымъ предъиди дворомъ»... (стр. 72). Великій князь Владиміръ утвердилъ, «яко на камени», православіе. «И нынѣ малымъ нѣкоимъ небреженіемъ (оно) поколебася, и всяко ослабе, и распадеся, великое нѣкое беззаконіе внезапу возсташе, и мнози помрачишася безуміемъ и объюродѣша пьянствомъ и всякими грѣхи» (стр. 72). «И не подобаетъ ли тебѣ, великому государю, праведную добродѣтель исполнити, и оскверннвшееся очистити, и заблудившееся на рамо взяти, и ко Христу привести, яко пять талантъ пріемый отъ него, а десять вдаси ему» (стр. 73). Таково должно быть высокое призваніе царя, по глубокому убѣжденію автора, которое онъ искусно проводитъ въ своемъ сочиненіи, ссылаясь на примѣръ Іисуса Христа, на Его заповѣдь о любви христіанской. Рѣчь о Соломонѣ въ посланіи (стр. 77), просившаго Господа только объ одномъ, чтобы судить людей своихъ въ правду, пророческія слова Анны, матери Самуиловой: «да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати Господа, и творити судъ и правду посреди земля» — не могли не быть знаменательны для Іоанна. Авторъ счелъ необходимымъ въ особенности обратить вниманіе царя на порокъ, сильно распространившійся въ современномъ ему обществѣ: «на прелюбодѣяніе содомское» (стр. 78). Порокъ этотъ ведетъ царства къ погибели «и великому твоему государскому удѣлу», говорится въ посланіи, «не крѣпку быти, и тайны твоимъ рѣчемъ въ поношеніе быти, и во иныхъ земляхъ обнажатся, понеже нынѣ стоиши со многими изымався за руку» (стр. 79). «Ты, Великій Государь..... всякаго зла ненавидяще, татей и всякихъ лихихъ обличаеши, и всякую неправду изводиши, и не щадиши во всемъ, а сихъ студоложныхъ попущаеши, отъ чего всей земли погибнути»... (стр. 80). Въ заключеніе авторъ старается убѣдить Іоанна въ томъ, что осуществленіе предлежащаго ему подвига возможно, точно такъ как и Владиміру кіевскому

было возможно крестить Русскую землю, потому что онъ обладалъ царскимъ судомъ (стр. 83).

Въ изложенiи событiй, въ которыхъ принималъ участiе Сильвестръ послѣ 1547 г., арх. Леонидъ придерживается хронологическаго порядка по плану, составленному г. Голохвастовымъ. Хотя въ черновыхъ бумагахъ его и не сохранилось никакихъ замѣтокъ о судьбѣ Сильвестра послѣ 1547 г., тѣмъ не менѣе арх. Леонидъ, на основанiи мнѣнiя г. Голохвастова о дѣятельности Сильвестра вообще, опредѣляетъ и мнѣнiя издателя Домостроя о дѣйствiяхъ Сильвестра въ частности. Говорить о томъ, насколько вѣрно арх. Леонидъ угадывалъ мнѣнiя Голохвастова — мы считаемъ совершенно излишнимъ и потому будемъ говорить о мнѣнiяхъ арх. Леонида. Онѣ основаны на самостоятельномъ изученiи источниковъ и потому заслуживаютъ вниманiя.

По мнѣнiю арх. Леонида, торжественная рѣчь Iоанна передъ народомъ [1]), въ которой онъ, обвиняя бояръ въ томъ, что они не радѣли о немъ во время его юности и «упражнялись во многихъ корыстяхъ, хищенiяхъ и обидахъ», обѣщался «неправды раззорять и похищенное возвращать», — внушена царю и «вложена въ уста его» Сильвестромъ «очевидно съ тою высокою цѣлью, чтобы сдѣлать... благое намѣренiе (царя) къ исправленiю себя, черезъ торжественное заявленiе народу, болѣе твердымъ и рѣшительнымъ, не дать ему остынуть и остановиться на одномъ безплодномъ обѣщанiи; всенароднымъ объявленiемъ всепрощенiя и забвенiя всего прошлаго — въ отношенiи бояръ и служилыхъ людей — вырвать изъ сердца, еще не въ конецъ испорченнаго, корень злобы и подозрѣнiя»... (стр. 17). Это, не подкрѣпленное никакими доказательствами, предположенiе не имѣетъ ни малѣйшаго вѣроятiя. Напротивъ, созванiе выборныхъ было самостоятельнымъ дѣянiемъ Iоанна. Онъ желалъ оправдать себя передъ народомъ, а мы знаемъ, какъ прекрасно замѣтилъ г. Соловьевъ, что «сознанiе своего паденiя никогда не умирало» въ Iоаннѣ; «отсюда

[1]) Арх. Леонидъ относитъ это событiе къ 1547 г. Карамзинъ, выписавъ рѣчь Iоанна изъ архив. Степ. кн. Хрущова (VIII, пр. 182), замѣтилъ: «Въ сей Степен. кн. сказано, что Iоанну было тогда 20 лѣтъ: не 20, а 17, если онъ говорилъ эту рѣчь послѣ бывшаго пожара». Для того, чтобы считать ошибочнымъ извѣстiе Степенной книги о томъ, сколько лѣтъ было Iоанну, когда онъ говорилъ рѣчь передъ выборными, необходимо имѣть какiя нибудь положительныя данныя. Но онѣ не указаны Карамзинымъ и потому было бы неосновательно отрицать извѣстiе Степ. книги. Впрочемъ считать его несомнѣннымъ нельзя; оно требуетъ провѣрки. Та-же рѣчь Iоанна напечатана въ Собр. гос. гр. и дог., II, № 37 (къ сожалѣнiю подлинникъ не описанъ и мѣсто его храненiя не указано). С. М. Соловьевъ принимаетъ извѣстiе Степен. кн. «Ист. Россiи», VI, 59. То обстоятельство, что Iоаннъ сказалъ рѣчь передъ народомъ на 20 году жизни, можетъ служить вмѣстѣ съ вышеприведенными данными основательнымъ доказательствомъ невѣрности разсказа Курбскаго о внезапной перемѣнѣ Iоанна.

это постоянное желаніе защитить себя, обвинить другихъ въ собственномъ паденіи [1])». Въ созваніи выборныхъ Іоанномъ выразилось то идеальное представленіе Іоанна о царской власти, которое сложилось не случайно, а подъ вліяніемъ историческихъ условій жизни, и существовало у него еще до того времени, какъ началось, по указанію Курбскаго, вліяніе Сильвестра. Это видно изъ того, что Іоаннъ принялъ царскій титулъ до этого вліянія. И послѣ удаленія Сильвестра бывали случая, когда Іоаннъ искренно обращался къ народу, полагаясь на его рѣшеніе или желая объявить ему о своихъ собственныхъ неудачахъ. Такъ, въ 1566 году царь предложилъ земскому собору обсудить вопросъ о томъ, продолжать или не продолжать войну за Ливонію. Послѣ взятія Полоцка и Сокола Стефаномъ Баторіемъ, Іоаннъ велѣлъ дьяку Андрею Щелкалову собрать народъ въ Москвѣ, объявить ему объ этой неудачѣ и успокоить его [2]).

Заступничество Сильвестра за князя Владиміра Андреевича во время болѣзни царя, въ 1553 г., арх. Леонидъ оправдываетъ. По его мнѣнію, Сильвестру «невозможно было дѣйствовать иначе: принять ревностное участіе въ спорѣ о престолонаслѣдіи и стать прямо на сторону малолѣтнаго царевича, значило пойти противъ всѣхъ своихъ пріятелей, начиная съ князя Владиміра Андреевича и Адашева; а поступить такъ, значило бы оказаться неблагодарнымъ за ту поддержку, которую Адашевъ и его сторонники оказывали ему въ дорогомъ для него дѣлѣ — перевоспитаніи молодаго царя — а на такой поступокъ не былъ способенъ Сильвестръ, по извѣстному благородству своего характера» [3]) (стр. 20). Это наивное оправданіе не требуетъ, кажется, опроверженія. Замѣтимъ только, что характеръ Сильвестра ярко обрисовался во время болѣзни Іоанна. Сильвестръ молчалъ, когда не слѣдовало молчать, молчалъ потому, что это молчаніе было выгодно: неизвѣстно было выздоровѣетъ Іоаннъ или нѣтъ Но молчать нельзя было долѣе. Сильвестръ промолвился въ угоду тѣмъ, которымъ, повидимому, выгоднѣе было угодить. Разсчетъ однако оказался ошибочнымъ. Тотъ же Сильвестръ такъ поучалъ своего сына: «Господа

---

[1]) Ист. Россіи, VI, 60.

[2]) О степени достовѣрности этого извѣстія см. Полное собраніе соч. *К. Аксакова*, т. I (Москва. 1861), стр. 165.

[3]) Изъ этихъ словъ видно, что арх. Леонидъ не отрицаетъ того, что Сильвестръ былъ на сторонѣ князя Владиміра Андреевича. А между тѣмъ на стр. 35, по поводу замѣчанія Карамзина о томъ, что Сильвестръ, во время болѣзни Іоанна, «можетъ быть тайно доброхотствовалъ сторонѣ князя Владиміра Андреевича», арх. Леонидъ замѣчаетъ: «приходится довольствоваться лишь однимъ бездоказательнымъ «можетъ быть» Карамзина». Оно совсѣмъ не бездоказательно. См. также Исторію русск. народа — *Н. Полеваго*, т. VI (М. 1833), стр. 351—353. Здѣсь изложены доказательства того, что Сильвестръ и Адашевъ отрицали присягу Димитрію.

ради памятуй царское наказаніе, прося у Бога помощи и разума отъ всея души и отъ всего помышленія; служи вѣрою да правдою безо всякія хитрости и безо всякаго лукавства [1].»

Подробно описавъ отношенія Сильвестра къ дѣлу о Висковатовѣ, къ ереси Башкина [2] и къ Максиму Греку [3], арх. Леонидъ разбираетъ вины Сильвестра передъ Іоанномъ. Царь обвинялъ, какъ извѣстно, Сильвестра и Адашева въ томъ, что они «вовсе не давали ему никакой воли не только во внѣшнихъ дѣлахъ управленія, но и во внутренней, домашней его жизни [4])» (стр. 35). Это обвиненіе арх. Леонидъ считаетъ не спра-

---

[1]) Домострой (М. 1849), 113.

[2]) На стр. 25—29 напечатана «жалобница благовѣщенскаго попа Селивестра, поданная имъ митрополиту Макарію и собору 1554 г. на Матвѣя Башкина». Эта «жалобница» была напечатана Археографическою Коммиссіею въ I т. А. А. Э., стр. 246—248, по двумъ «довольно неисправнымъ», какъ замѣтилъ г. Бодянскій, спискамъ Соловецкаго монастыря и П. М. Строева. Въ 1847 г. она была напечатана въ Чт. Москов. Общ. Ист. и Древн. и въ изданіи: «Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго» (М. 1847), стр. 18—21. Текстъ «жалобницы» въ изслѣдованіи арх. Леонида нѣсколько отличается и отъ текста, изд. Моск. Общ. Ист. и Древн., и отъ текста, изд. Археографической Коммиссіей. Впрочемъ эти отличія не существенны, хотя, къ сожалѣнію, арх. Леонидъ не объяснилъ, чѣмъ онъ руководствовался при изданіи жалобницы Сильвестра. Для доказательства сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ изслѣдованіи арх. Леонида, стр. 25: «благовѣщенскій попъ Селивестришко» (такъ въ А. А. Э., т. I, 246); въ изд. 1847 г., стр. 18: «грѣшный Селивестришко». Въ изсл. арх. Леонида, стр. 25: «Башкинъ со Артемьемъ и съ Семіономъ *совѣтенъ, а я Селивестръ со Артемьемъ и со Семіономъ* совѣтенъ же»; въ А. А. Э., I, стр. 246: «Башкинъ со Артемьемъ и со Семіономъ совѣтенъ же»; въ изд. 1847 г., стр. 18: «Башкинъ со Артемьемъ совѣтенъ, а я, Селивестръ, со Артемьемъ и со Семіономъ совѣтенъ же». Въ изсл. арх. Леонида, стр. 25: «какъ въ *его* грамотѣ писано»; въ А. А. Э., I, стр. 246: «какъ *что* въ грамотѣ писано»; въ изд. 1847 г., стр. 18: «какъ *его* въ грамотѣ писано». Въ изсл. арх. Леонида, стр. 26: *а* развратно; въ А. А. Э., 1, стр. 246 и въ изд. 1847 г., стр. 18 «развратно». Въ изсл. арх. Леонида, стр. 26: «и язъ и самъ того не *вѣдалъ*; въ А. А. Э., 1, стр. 246 и въ изд. 1847 г., стр. 18: «и язъ и самъ того не *видалъ*». Въ изсл. арх. Леонида, стр. 26: «*позалягилося*» (такъ въ А. А. Э., I, 246); въ изд. 1847 г. стр. 18: «*позадлилось*». Въ изсл. арх. Леонида, стр. 26: «и язъ его тогды позналъ, *когды*»... (такъ въ А. А. Э., I, 246); въ изд. 1847 г., стр. 18: «и язъ его тогды позналъ *и тогды*». Въ изсл. арх. Леонида, стр. 28 и 29: «Корсунское писмо и жертвенники»; въ А. А. Э. I, стр. 248, и въ изд. 1847 г., стр. 21: «Корсунское писмо *и здѣшнихъ мастеровъ съ тѣхъ же образовъ писмо* и жертвенники». Въ изсл. арх. Леонида, стр. 29: «свидѣтельствуйте ихъ божественнымъ писаніемъ»; въ А. А. Э., I, 248 и въ изд. 1847 г., стр. 21: «свидѣтельствуйте ихъ, *исправляйте* (въ А. А. Э. «и исправляйте») ихъ божественнымъ писаніемъ».

[3]) На стр. 31 и 32 напеч. «посланіе инока Максима Грека къ Селивестру попу». Оно же напечатано въ «Сочиненіяхъ преп. Максима Грека», изд. при Каз. Дух. Академіи, ч. 2, стр. 379—381.

[4]) Это сознаніе царя (см. «Сказ. князя Курбскаго, изд. 3, стр. 164) Н. И. Костомаровъ считаетъ «главною и основною темою» своихъ доказательствъ въ подтвержденіе того, что царь Иванъ Васильевичъ никогда не дѣйствовалъ самостоятельно. См. ст. *Н. Костомарова:* «Личность царя Ивана Васильевича Грознаго». Вѣстн. Европы, 1871 г., кн. 10, стр. 503 и 504. По нашему мнѣнію, это «основное» доказательство не выдерживаетъ критики. Оправдывая себя, Іоаннъ желалъ сложить всю вину на Сильвестра, къ которому питалъ непріязненное чувство. Весьма естественно, что онъ обвинялъ Сильвестра въ томъ, въ

ведливымъ, признавая, что Іоаннъ, и въ періодъ вліянія на него Сильвестра и Адашева былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Сочиненіе арх. Леонида оканчивается обозрѣніемъ сочиненій Сильвестра и разборомъ слѣдующей характеристики Сильвестра въ «Исторіи Россіи» г. Соловьева: «Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устраивать судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло — вотъ Сильвестръ!» «Не смотря на то, что наставленіе Сильвестра сыну носитъ, по видимому, религіозный, христіанскій характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его — научить житейской мудрости: кротость, терпѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности, предписывается доброе дѣло и сейчасъ же выставляется на видъ матеріальная польза отъ него [1].»

По поводу этой прекрасной характеристики арх. Леонидъ, желая доказать, что она не вѣрна, сдѣлалъ нѣсколько весьма странныхъ замѣчаній. Такъ онъ замѣтилъ, что г. Соловьевъ «съ какимъ-то удовольствіемъ» дѣлаетъ упрекъ Сильвестру, далѣе, что такого рода упрекъ «можно сдѣлать, пожалуй, и всѣмъ новозавѣтнымъ праведникамъ» (стр. 61). Въ поученіи Сильвестра, по мнѣнію арх. Леонида, «нѣтъ ничего оправдывающаго отзывъ о немъ сочинителя «Исторіи Россіи» (стр. 57). Въ этомъ поученіи, говоритъ арх. Леонидъ, «отразился высоконравственный образъ знаменитаго мужа, представляющій намъ типъ истиннаго, цѣльнаго (какова вѣра, такова и жизнь) русскаго человѣка до-Петровской Руси, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ въ жизни церковной, семейной, общественной и государственной» (стр. 61). Мы уже видѣли, на сколько мнѣніе арх. Леонида о Сильвестрѣ подтверждается извѣстными намъ фактами его жизни. Что же касается до поученія, то, не считая необхо-

чемъ онъ нисколько не былъ виноватъ. Можно ли безусловно вѣрить тому, кто говоритъ о другомъ подъ вліяніемъ непріязненнаго чувства къ нему. Въ той же статьѣ Н. И. Костомаровъ говоритъ, что Карамзинъ «съ замѣчательною вѣрностію угадалъ характеръ царя Ивана» (стр. 499), что послѣ Карамзина ученымъ, занимающимся исторіею царствованія Іоанна Грознаго, оставалось только «поправлять допущенныя исторіографомъ невѣрныя черты, касающіяся, впрочемъ, большею частію подробностей» (стр. 499 и 500). Имѣя въ виду этотъ отзывъ, мы считаемъ не лишнимъ привести слѣдующее замѣчаніе нашего исторіографа о томъ свидѣтельствѣ, которое Н. И. Костомаровъ считаетъ главнымъ доказательствомъ своего мнѣнія: «гораздо вѣроятнѣе», замѣтилъ Карамзинъ, «что Іоаннъ, желая винить ихъ» (т. е. Сильвестра и Адашева) «клевещетъ на самого себя»... Ист. гос. росс., IX, (изд. 1842), стр. 7.

[1]) Ист. Россіи, VII (М. 1870), 215.

димымъ приводить выписки изъ этого болѣе или менѣе извѣстнаго, важнаго памятника нашей старины, укажемъ только на одно наставленіе Сильвестра, котораго совершенно достаточно для доказательства пристрастнаго взгляда арх. Леонида. Сильвестръ совѣтуетъ своему сыну: «если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ нибудь брань, то ты на своихъ бранись, а будетъ дѣло кручиновато, то и ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: тѣмъ брань утолишь, также убытка и вражды не будетъ» [1]). Такъ вотъ какова была правда Сильвестрова!

Въ приложеніяхъ къ соч. арх. Леонида напечатаны слѣдующіе памятники: «указъ свадебному чину» (стр. 62 — 64); [2]) посланіе къ царю Ивану Васильевичу (стр. 69 — 87); посланіе Сильвестра къ князю Александру Борисовичу Горбатому, первому воеводѣ казанскому (стр. 88 — 100) и отписка Сильвестра «утѣшительная къ лицу неимянованному» [3]) (стр. 100 — 107). Оба эти посланія, представляющія любопытныя данныя для характеристики Сильвестра, были уже напечатаны въ Христіанскомъ Чтеніи, за 1871 г., № 3, Н. Барсовымъ [4]). Особенно важно по-

---

[1]) Домострой, 111.

[2]) Этотъ указъ напеч. въ «Сказ.» Сахарова по списку неисправному; въ изд. 1849 г. «Домострой», стр. 28—30; въ изд. 1867 г. «Домострой», стр. 187—189. Въ послѣднемъ изданіи на стр. 187: «а на столъ наслати»; въ изд. 1849 г., стр. 28: «а на столъ паслати *двѣ скатерти*».

[3]) «Надобно полагать», замѣчаетъ арх. Леонидъ, «къ тому же самому князю А. Б. Шуйскому-Горбатому»... стр. 64.

[4]) Онъ напечаталъ оба посланія съ краткимъ предисловіемъ и примѣчаніями. Въ предисловіи г. Барсовъ между прочимъ указываетъ на то, что посланіе къ князю Александру Борисовичу писано не ранѣе 1552 г. и не позднѣе 1553 г. (стр. 6).

Текстъ посланій въ изданіи г. Барсова и въ изд. Моск. Общ. Ист. и Древн., хотя въ томъ и другомъ изданіи оба посланія напечатаны съ одного подлинника, представляетъ существенныя отличія. Укажемъ только на нѣкоторыя изъ нихъ: Хр. Чт., 8: «*всеизреченней* благодати», Чт. М. Об. Ис. и Др., 88: «*неизреченней* благодати». Хр. Чт., 8: «по твоему *благодарованному* разуму»; Чт. М. Об. Ис. и Др., 88: «по твоему *богодарованному* разуму. Хр. Чт., 9: «вси ближніи благодарятъ *Божьего* разума дѣлу о всемъ»; Чт. М. Об. Ис. и Др., 88: «вси ближніи благодарятъ *твоего* разума дѣлу о всемъ». Хр. Чт., 12: «ниже трапезу мняше посрамляти царскую (въ рук. царскою) *введъ въ домъ* отрока»; Чт. М. Об. Ис. и Др., 90: «ниже трапезу мняше посрамляти царскю *вредомъ* отрока». Хр. Чт., 16: «отвратити праведный свой гнѣвъ *на ны*»; Чт. М. Об. Ис. и Др., 92: нѣтъ *ны;* Хр. Чт. 16: «избавити насъ належащаго и праведнаго *своего* прещенія»; Чт. М. Об. Ис. и Др., 92: «избавити насъ належащаго праведнаго *его* прещенія». Хр. Чт., 19: «*и съ себе* прежъ начати творити»; Чт. М. Об. Ист. и Др., 94: «*Исусъ* преже нача творити»; Хр. Чт., 20: «*наемницы*»; Чт. М. Об. Ис. и Др., 95: «*насилницы*». Хр. Чт., 24: «*ищай же да*»; Чт. М. Об. Ис. и Др., 97: «*иже егда*». Хр Чт., 32: «слышавъ бѣ *бо нагъ*»; Чт. М. Об. Ис. и Др., 102: «слышавъ бѣ *онаго*»; Хр. Чт., 40: «и *мнѣ* да будетъ»; Чт. М. Общ. Ис. и Др., 107: «и *намъ* да будетъ».

Въ изд. г. Барсова указаны мѣста, испорченныя переписчикомъ. Этихъ указаній нѣтъ въ Чт. М. Об. Ис. и Др. Здѣсь на стр. 98 напечатано: «Простіи людіе повиновеніе и послушаніе къ началникомъ имѣйте, и во обретающимся

сланіе къ князу Александру Борисовичу: во 1) потому что въ этомъ посланіи есть нѣкоторыя данныя для исторіи завоеванія Казанскаго царства; во 2) потому что въ немъ находятся наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя начальникамъ города, воинамъ, духовенству и вообще всѣмъ христіанамъ [1]).

Кромѣ упомянутыхъ нами памятниковъ въ приложеніяхъ напечатано описаніе Сильвестровскаго сборника (стр. 64 — 68), составленное Н. Коншинымъ и его замѣтка о рукописи «житіе св. Ольги [2]).»

Вообще трудъ арх. Леонида, хотя и представляетъ существенные недостатки, можетъ быть причисленъ къ числу полезныхъ пособій для исторіи Россіи XVI в., какъ довольно полный сборникъ матеріаловъ для біографіи Сильвестра.

Чтеніе новаго труда о Сильвестрѣ навело насъ на нѣкоторыя соображенія о томъ, что было бы желательно и необходимо для дальнѣйшей разработки исторіи царствованія Іоанна Грознаго. Такъ какъ въ наукѣ не лишены нѣкотораго значенія указанія на новыя данныя и средства для рѣшенія вопросовъ спорныхъ, а къ числу такихъ принадлежатъ и вопросы какъ о степени самостоятельности перваго русскаго царя въ славный періодъ его царствованія, такъ и о томъ: имѣла ли историческое значеніе веденная имъ борьба съ боярами, то мы и рѣшаемся высказать нѣкоторые наши домыслы.

Ведя горячій споръ о вліяніи Сильвестра на царя, ученые, какъ намъ кажется, мало обращали вниманіе на значеніе митр. Макарія, занимающаго «одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей древней духовной словесности» [3]). Его поученія и посланія къ царю наводятъ на вѣроятное предположеніе, что не одинъ Сильвестръ съ своими единомышленниками имѣлъ вліяніе на царя. Во время его перваго похода къ Казани, митрополитъ Макарій, будучи вызванъ Іоанномъ во Владиміръ, говорилъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, было сказано: «Если случится что кому съ кѣмъ не пригоже, ради отчества, быть на брани

властемъ, поставленнымъ отъ богодарованнаго нашего царя»... Такъ напечаталъ и г. Барсовъ, замѣтивъ, что въ рук. «поставленныхъ и богодарованнаго».... (стр. 25).

[1]) Въ этомъ посланіи находится слѣдующее наставленіе: «и тебѣ убо достоитъ, прося у Бога разума и крѣпости, священническому чину возвещати, чтобы у нихъ было церковное благочиніе по уставу.... и по Соборному Уложенью; а та книжка соборная есть списана въ новомъ городѣ въ Свіяжскомъ, у протопопа» (стр. 91). «Здѣсь разумѣется», замѣчаетъ арх. Макарій, «Книга Стоглавъ». Ист. русс. церкви, VII (Спб. 1874), 477 (снес. VI, 240).

[2]) Рукопись эта, по всей вѣроятности, списокъ съ рукописи Сильвестра.

Къ соч. арх. Леонида приложено также нѣсколько палеографическихъ снимковъ и «просвѣтъ» бумаги въ сборникѣ Сильвестровскомъ.

[3]) Ист. русс. церкви — архіеп. Макарія, VII, 404.

противъ враговъ, вы бы предали то забвенію, и государево дѣло земское дѣлали и не яростною мыслію взирали другъ на друга, но любовію. А какъ съ государева земскаго дѣла придете, то кто захочетъ посчитаться съ кѣмъ объ отчествѣ, государь дастъ счетъ.» [1]) Когда царь, намѣреваясь построить въ землѣ Казанской городъ Свіяжскъ, просилъ благословенія у митрополита, онъ, между прочимъ, сказалъ ему: «Тебѣ царю подобаетъ, возложивъ упованіе на Бога и на пречистую Матерь и великихъ чудотворцевъ, подвизаться за благочестіе и *за порученную тебѣ отъ Бога паству,* какъ Духъ Святый тебя наставитъ, да не расхитятъ безбожные волки порученныхъ тебѣ овецъ, и Владыка, видя твою неизмѣнную вѣру и что ты преданное тебѣ мужественно пасешь, да соберетъ во едино расхищенныхъ [2])». Въ 1552 г. митр. Макарій отправилъ посланіе къ царю въ то время, когда онъ находился въ походѣ къ Казани. Наставляя царя, митрополитъ, между прочимъ, писалъ: «елико великъ еси, толико смиряй себе; «поминай рекшаго: при славѣ буди смиренъ, при печали же мудръ». Изъ отвѣта царя на это посланіе видно, что оно произвело на него впечатлѣніе. Онъ отвѣчалъ: «Писалъ еси, господине, къ намъ въ своей грамотѣ, поучая насъ престати отъ грѣхъ и утверждая по благочестіи побората: и мы, господине, на твоемъ жалованьи челомъ бьемъ, на просвѣщенныхъ словесѣхъ [3]).»

Замѣчательно, что митрополитъ Макарій умѣлъ себя держать въ сторонѣ отъ «избранной рады», не навлекъ на себя царской опалы [4]), хотя, вѣроятно, онъ выдвинулъ Сильвестра.

Отрицая историческое значеніе борьбы стараго порядка съ новымъ въ царствованіе Іоанна, г. Погодинъ старался доказать, что эта борьба окончилась за долго до перваго русскаго царя, что власть государя Московскаго еще до Іоанна стояла такъ высоко, что никакихъ стремленій, противныхъ интересамъ этой власти, не могло даже и существовать [5]). Что власть Московскаго государя еще до Іоанна успѣла пріобрѣсти твердое основаніе — объ этомъ мы спорить не будемъ; но что не могло

[1]) Тамъ же, 410. Никон. лѣт., VII, 68.

[2]) Ист. русск. церкви — архіеп. Макарія, VII, 410. Никон. лѣт., VII, 74. См. въ соч. архіеп. Макарія, стр. 410—423.

[3]) А. И., I, стр. 294, 295 и 296.

[4]) Митр. Макарій умеръ въ 1563 г. Ист. гос. росс. IX, стр. 27, пр. 87. Карамзинъ замѣтилъ: «За нѣсколько дней до смерти, открывая душу предъ людьми и Богомъ въ грамотѣ прощальной, Макарій пишетъ, что, изнуряемый многими печалями, онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя *житію молчальному* или пустынному, но царь и святители всегда неотступно убѣждали его остаться. Сей пастырь церкви не былъ, кажется, спокойнымъ зрителемъ Іоаннова разврата, предпочитая тишину пустыни блестящему сану іерарха».

[5]) Ист. крит. отрывки — *М. Погодина*, кн. 2, стр. 185 — 193.

даже и существовать никакихъ стремленій, которыя бы противодѣйствовали интересамъ этой власти и задерживали бы развитіе государственнаго единства — это не согласно съ исторической правдой. Не считая необходимымъ приводить здѣсь болѣе или менѣе извѣстные факты, доказывающіе несостоятельность мнѣнія г. Погодина [1]), мы укажемъ только на тѣ новыя любопытныя данныя, какія представила современная намъ разработка нашей литературы въ XV и XVI стол., для знакомства съ мнѣніями о царской власти, существовавшими въ русскомъ обществѣ въ это время.

Уже одно то обстоятельство, что во многихъ посланіяхъ русскихъ митрополитовъ и въ поученіяхъ XV и XVI в. встрѣчаются мысли о почитаніи царской власти, наводитъ на предположеніе, что идея этой власти едва только начинала утверждаться въ народномъ сознаніи. Въ это же время появляются апокрифическія сказанія, «въ которыхъ описывается неправое государево управленіе, его желаніе управлять одному безъ совѣта выборныхъ отъ каждой области». Распространенію мнѣній о неправомъ государевомъ управленіи содѣйствовали еретики. Они смотрѣли на русскаго царя, «какъ на предтечу антихриста или какъ на самого антихриста, который, по пророческимъ книгамъ и по толкованію русскихъ грамотныхъ людей, долженъ былъ явиться именно въ описываемое время» [2]). Противники царской власти въ XV и XVI ст. задавали вопросъ: «если всѣ власти мірскія отъ Бога, то всякій ли царь или князь отъ Бога поставляется? неужели отъ Бога поставляются и нечестивые цари? и законно ли, нужно-ли ихъ почитать?» На это отвѣчали двояко: Іосифъ Волоцкій говорилъ, «что нечестивыхъ царей почитать не должно»; другіе говорили, что недостойные цари посылаются Богомъ въ наказаніе людей за ихъ грѣхи [3]).

Указанія на то, что существовалъ отрицательный взглядъ на новый строй жизни, утверждавшійся въ XVI в., если бы мы даже полагали, что этотъ взглядъ былъ весьма мало распространенъ, наводятъ на весьма вѣроятное предположеніе, что этотъ взглядъ не былъ чуждъ и боярамъ, что они въ немъ находили оправданіе своимъ завѣтнымъ стремленіямъ къ старинѣ, а отказаться отъ нихъ было не легко, такъ какъ для этого необходимо было жертвовать своими личными выгодами во имя интересовъ государственныхъ. Само собою разумѣется, что данныя, указывающія на тѣсную связь между отношеніями Іоанна къ боярамъ и отношеніями ихъ къ его предшественникамъ, указывающія, какъ на дружинныя понятія

---

[1]) См. Ист. Россіи — *С. Соловьева*, т. VI и VII.
[2]) «Русская проповѣдь въ XV и XVI вв.» ст. священ. *Пав. Николаевскаго*. Ж. М. Н. Пр., 1868, № 4, стр. 101.
[3]) Тамъ же, стр. 102—103.

и стремленія у бояръ во второй половинѣ XVI в., такъ и на извѣстныя начала, которыми руководился Іоаннъ, могутъ вести только къ объясненію, а не къ оправданію его дѣятельности.

Вообще вѣрная оцѣнка исторической личности, опредѣленіе степени вліянія на нея окружающихъ — дѣло очень трудное, въ значительной степени зависящее отъ вѣрнаго пониманія общихъ требованій исторической науки и отъ взгляда на ея задачи. Исторія, какъ наука, подвергая анализу явленія, составляющія предметъ ея изученія, осмысляетъ и обобщаетъ ихъ. Но этимъ задача ея не ограничивается. Она имѣетъ цѣлію возсозданіе жизни каждаго народа, который обнаружилъ стремленія къ высшей цивилизаціи, вышелъ изъ того наивнаго состоянія, когда личность еще ничѣмъ не заявляетъ о себѣ, не выдѣляется изъ массы. Достиженіе этой цѣли возможно только при участіи объективнаго, художественнаго творчества. Если мы будемъ имѣть въ виду эти задачи исторіи, то мы, конечно, не станемъ защищать той оцѣнки исторической личности, которая основана на субъективныхъ, нравственныхъ требованіяхъ [1]).

18 Декабря 1874 г. **Е. Замысловскій.**

Профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Записки иностранцевъ о России въ XVIII столѣтіи. – Записки фельдмаршала графа Миниха. Переводъ съ французскаго. Редакція изданія и примѣчанія С. Н. Шубинскаго. Изданіе Я. А. Исакова. С.-Петербургъ. 1874. XXIX и 406 стр.

Отечественная исторіографія пока не богата трудами, въ которыхъ источники для новой русской исторіи подвергались бы тщательному разбору и критической оцѣнкѣ. Существуютъ многія изданія и переводы сказаній иностранцевъ о Россіи, однако значеніе и достовѣрность этихъ источниковъ еще далеко не достаточно оцѣнены, и пока мы

---

[1]) При чтеніи этой интересной статьи проф. Замысловскаго, затрогивающей спорные до сихъ поръ вопросы не только о личномъ характерѣ Іоанна Грознаго, но и объ государственномъ значеніи его царствованія, должно имѣть въ виду трудъ пр. В. И. Сергѣевича (земскіе соборы) помѣщенный въ настоящемъ томѣ нашего Сборника; этотъ трудъ освѣщаетъ, какъ намъ кажется, исторію этого царствованія новымъ свѣтомъ. Борьба на земскихъ соборахъ представителей мѣстнаго земства противъ московскаго боярства и его домогательствъ объясняетъ раздраженіе Іоанна противъ бояръ не однимъ только личнымъ его самовластіемъ.

Ред.

еще не имѣемъ настоящаго источниковѣдѣнія (Quellenkunde), хотя основаніе для этой важной отрасли науки русской исторіи уже положено К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, въ прекрасномъ „Введеніи“ къ его „Русской Исторіи“.

Замѣтки объ иностранцахъ, писавшихъ о Россіи, въ упомянутой части труда г. Бестужева-Рюмина весьма полезны, но кратки. Онѣ имѣютъ преимущественно библіографическій интересъ. Къ сожалѣнію одно изъ важнѣйшихъ пособій при изученіи русской исторіи, сочиненіе Аделунга „Uebersicht der Reisenden in Russland“, доведено лишь до 1700-го года. Продолженіемъ этого труда до настоящаго времени можно было бы оказать наукѣ русской исторіи самую существенную услугу. Матеріаломъ для такого огромнаго труда должны служить сборники и изданія въ родѣ того, о которомъ упомянуто въ заглавіи нашей статьи.

Въ первомъ томѣ сборника „Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи“ были изданы „Письма леди Рондо“. Второй томъ посвященъ біографіи и запискамъ фельдмаршала графа Миниха.

Для болѣе полной оцѣнки изданія гг. Шубинскаго и Исакова мы прежде всего укажемъ вкратцѣ на главныя явленія въ исторіи литературы о Минихѣ.

Въ западной Европѣ вниманіе на Миниха впервые было обращено главнымъ образомъ по случаю осады Данцига въ 1734 г. Однако появившіяся въ то время сочиненія, въ которыхъ говорилось о Минихѣ, не столько имѣли характеръ историческихъ трудовъ, сколько рефератовъ о современныхъ событіяхъ.

Катастрофа Миниха послѣ вступленія на престолъ императрицы Елизаветы, — его ссылка въ Сибирь, — вызвала два замѣчательныя сочиненія о Минихѣ.

Въ 1742 г. явилось въ Бременѣ обширное сочиненіе: „Leben, Thaten und betrübter Fall des weltberuffenen russischen Grafen Burchard Christophs von Münnich, gewesenen Kayserl. Premier-Ministers und General Feld-Marschalls in Russland sc. Aus sicheren Nachrichten etc.“ (346 страницъ во второмъ изданіи, находящемся въ нашихъ рукахъ). Въ этомъ сочиненіи, авторомъ котораго былъ Гемпель (Hempel), особенное вниманіе обращается на семейныя отношенія Миниха; въ немъ помѣщено нѣсколько родословныхъ таблицъ. Особенно подробно разсказаны военныя событія, въ которыхъ Минихъ участвовалъ, его подвиги по случаю осады Данцига и турецкой войны. Его административная дѣятельность въ Россіи почти вовсе не затронута. Также кратко разсказана исторія паденія и ссылки. Въ какой степени это сочиненіе Гемпеля пользовалось вниманіемъ публики, видно изъ того обстоятельства,

что первое изданіе тотчасъ же было перепечатано. Явились изданія: нѣмецкое въ Брауншвейгѣ и Лейпцигѣ въ 1742-мъ году [1]); голландское въ Амстердамѣ въ 1742-мъ году; нѣмецкое въ Бременѣ въ 1743-мъ году.

Въ этомъ-же 1742-мъ году явилась любопытная брошюра: „Heute mir, Morgen Dir; oder Gespräche in dem Königreich Sibirien zwischen dem Grafen Burchard Christopf (sic) von Münnich und dem Grafen Gustav von Biron, worinn beyder berühmten Generale Leben und Thaten, glückliche und unglückliche Begebenheiten, Erhebung und Fall, nebst dem Kern der russischen und europäischen neuesten Historie kurtz erzehlet werden. Erste Unterredung. Gedruckt zu Tobolski, der Haupt-Stadt in Sibirien. 1742". Авторъ и мѣсто печатанія этого труда, въ которомъ сообщены многія частности жизни и дѣятельности Миниха и исторіи событій при дворѣ вообще — неизвѣстны. Во второмъ выпускѣ, сколько намъ извѣстно, не изданномъ, предполагалось представить такую же бесѣду между супругою Бирона, герцогинею Курляндскою и графинею Минихъ. Авторъ очевидно былъ свидѣтелемъ событій 1740—41 гг.

Во время многолѣтняго пребыванія Миниха въ Сибири (1742—62) не являлось никакихъ сочиненій, которыя бы имѣли предметомъ жизнь знаменитаго полководца и министра, возвратившагося изъ Пелыма ко двору лишь послѣ вступленія на престолъ императора Петра III. Зато послѣ кончины Миниха, послѣдовавшей въ 1766-мъ году, явилось нѣсколько сочиненій по этому предмету.

Въ брошюрѣ Гарксена (Harksen) „Zum Andenken Sr. Erlauchten des Grafen Burch. Chr. von Münnich etc." (Lübeck 1767 in 4⁰) были напечатаны проповѣди, произнесенныя по случаю погребенія графа.

Въ 1768-мъ году въ Ригѣ явилось панегирическое сочиненіе: „Lob und Denkschrift auf den weyland Russisch-Kaiserlichen General-Feldmarschall, Herrn Burchard Christoph, Grafen von Münnich. Von M. Gottlieb Schlegel". Эта брошюра не особенна богата содержаніемъ. Она отличается чрезвычайною напыщенностью слога. Второе, болѣе полное изданіе, явившееся въ 1770-мъ году, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя, заимствованныя изъ прекрасной монографіи Бюшинга, лично хорошо знакомаго съ Минихомъ и помѣстившаго въ своемъ драгоцѣнномъ сборникѣ „Magazin für die neue Historie und Geographie" (въ третьемъ томѣ, напечатанномъ въ Гамбургѣ въ 1769-мъ году) сочиненіе: „Lebensgeschichte Burchard Christophs von Münnich". Бюшингъ, находив-

[1]) Передъ нами изданіе, явившееся въ Брауншвейгѣ и Лейпцигѣ. Тутъ авторъ въ концѣ предисловія называетъ себя не «Hempel», а «Phleme» — анаграмма.

шійся въ близкихъ личныхъ сношеніяхъ съ Минихомъ, получившій отъ послѣдняго не менѣе 130 писемъ, убѣдилъ его, въ послѣднее время его жизни, продиктовать своему секретарю Фришу множество данныхъ относительно своей жизни, своей дѣятельности и современной исторіи. Всѣ эти бумаги, вмѣстѣ съ разными документами, а между прочимъ и письмами, полученными Минихомъ отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, находились въ распоряженіи Бюшинга, который къ тому же весьма часто бесѣдовали съ Минихомъ о всѣхъ этихъ событіяхъ. Не мудрено поэтому, что монографія Бюшинга, писателя вообще основательнаго и добросовѣстнаго, отлично знакомаго съ исторіею того времени, понынѣ должна считаться капитальнымъ трудомъ по этому предмету, главнымъ источникомъ всѣхъ позднѣйшихъ сочиненій о Минихѣ.

Немногимъ позже, а именно въ 1774-мъ году, явилось писанное, въ послѣднее время жизни, самимъ Минихомъ сочиненіе „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie". Этотъ важный памятникъ именно и былъ поводомъ къ настоящему изданію г-на Шубинскаго, хотя русскій переводъ этого „Ebauche" не занимаетъ и четвертой части всего изданія. Справедливо К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ предисловіи къ этому изданію замѣтилъ, что это сочиненіе Миниха „не записки, а записка", написанная съ извѣстною цѣлью и заключающая въ себѣ только немногіе факты. Изъ письма академика Миллера въ декабрѣ 1763-го года къ пастору Дюмареску видно, что Минихъ писалъ этотъ трудъ по согласію Екатерины. Это ничто иное какъ мемуаръ, доказывающій необходимость учрежденія государственнаго совѣта, который, по выраженію Миниха, наполнялъ бы пустоту между верховною властью и властью Сената. Эта мысль занимала Миниха и прежде. Ставъ первымъ министромъ правительницы Анны Леопольдовны, онъ сдѣлалъ опытъ осуществленія ея. Возвратившись изъ Сибири и пользуясь довѣріемъ Государыни, онъ старается опять осуществить свою завѣтную мысль, и для того, чтобы доказать, что только его планъ былъ бы хорошъ, Минихъ дѣлаетъ картину высшихъ государственныхъ учрежденій, существовавшихъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ. Значитъ сочиненіе Миниха есть главнымъ образомъ теоретическое, а не историческое. Это не мемуары, а трактатъ по государственному праву, хотя въ немъ и встрѣчаются характеристики всѣхъ царствованій и царствовавшихъ лицъ XVIII-го вѣка и хотя въ иныхъ мѣстахъ даже сообщены и нѣкоторыя частности, анекдоты и т. п. Существенно-историческихъ данныхъ встрѣчается въ этомъ трудѣ весьма мало: Минихъ тутъ, какъ выражается К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, скупъ относительно личныхъ воспоминаній, такъ что напр. ничего

не сказано о подробностяхъ участія Миниха въ сверженіи Бирона, и т. п.

Мѣстомъ печатанія сочиненія „Ebauche“ показанъ Копенгагенъ, однако по русскимъ буквамъ, встрѣчаемымъ тамъ и самъ въ этомъ изданіи, видно, что оно вѣроятно вышло изъ лейпцигской типографіи. Хотя этотъ трудъ и не чисто историческій, а публицистическій, сочиненіе „Ebauche“ все-таки представляетъ много данныхъ для біографіи Миниха.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ замѣчаетъ на стр. XV вышеупомянутаго предисловія: „Къ сожалѣнію фельдмаршалъ Минихъ не оставилъ по себѣ подробныхъ записокъ“. Мы напротивъ знаемъ, что онъ оставилъ записки и, по всей вѣроятности, довольно подробныя. Во первыхъ изъ замѣчаній Бюшинга видно, что Минихъ, какъ уже выше было сказано, въ послѣднее время своей жизни съ помощію своего секретаря Фриша былъ занятъ составленіемъ записокъ, которыя вошли въ составъ монографіи Бюшинга [1]). Во вторыхъ въ сочиненіи Галема о Минихѣ прямо сказано, что Минихъ, уже гораздо ранѣе занимавшійся составленіемъ записокъ о своей жизни, по желанію императрицы Екатерины ревностно продолжалъ писать записки въ послѣднее время своей жизни. Онъ самъ говорилъ, что эти записки будутъ заключать въ себѣ нѣкоторыя важныя объясненія событій русской исторіи. Галемъ прибавляетъ къ этому, что записки Миниха къ сожалѣнію остались неоконченными, и что даже фрагменты ихъ кажется потеряны навсегда для потомства. Въ особенномъ примѣчаніи, Галемъ разсказываетъ, что внукъ Миниха, тайный совѣтникъ Минихъ, сообщилъ о томъ, что нигдѣ не нашлось и слѣдовъ этихъ записокъ, и прибавляетъ къ этому свое предположеніе, что, по всей вѣроятности, всѣ найденныя бумаги Миниха были отданы въ „Кабинетный архивъ“ [2]). Можно удивляться тому, что Галемъ при этомъ случаѣ, говоря о запискахъ, составленныхъ Минихомъ по внушенію Екатерины, не упоминаетъ вовсе о запискахъ, составленныхъ имъ по просьбѣ Бюшинга. Вопросъ объ этихъ запискахъ требуетъ особеннаго изслѣдованія. Въ третьихъ, наконецъ мы знаемъ о хозяйственныхъ бумагахъ Миниха, между которыми встрѣчаются чрезвычайно любопытныя замѣтки о его жизни. Эти бумаги даже отчасти изданы, а именно въ сборникѣ: „Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Ge-

[1]) См. Büsching, Magazin, Bd. III. 389: «Auf meine Veranlassung und Bitte, dictirte er seinem Secretär, Herrn Frisch, Unterschiedenes von seiner Lebensgeschichte, von seinen Werken und Thaten, und von der Geschichte seiner Zeit».

[2]) См. Lebensbeschreibung des B. C. Grafen von Münnich von Gerh. Ant. von Halem. Oldenburg 1803, стр. 180 и примѣчаніе № 39, на стр. 246.

schichte und Alterthumskunde der russischen Ostseeprovinzen", т. III (Riga 1843), стр. 353—372, подъ заглавіемъ „Familienbuch". Въ этомъ памятникѣ заключается перечень всего имущества Миниха, завѣщаннаго его родственникамъ. Всѣ числовыя данныя впрочемъ не напечатаны: изданы лишь примѣчанія и объясненія Миниха, относящіяся къ важнѣйшимъ частямъ счетовъ, заключающія въ себѣ множество весьма любопытныхъ данныхъ о жизни, дѣятельности и экономическомъ положеніи Миниха и отчасти имѣющихъ характеръ историческихъ записокъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что нѣтъ основанія сожалѣть о неоставленіи Минихомъ записокъ или о томъ, что его записки большею частью остались неизвѣстны.

Зато весьма богатый матеріалъ для исторіи послѣднихъ годовъ жизни Миниха заключается въ его перепискѣ съ Императрицею Екатериною, напечатанной въ XVI-мъ томѣ сборника Бюшинга „Magazin für die neue Geschichte und Geographie" (стр. 411—478), въ 1782-мъ году. Можно удивляться тому, что эти памятники во всѣхъ позднѣйшихъ жизнеописаніяхъ Миниха почти вовсе не были разработаны. Такъ напр. въ біографіи его, составленной Галемомъ въ 1800-мъ году и изданной вторично, въ болѣе полномъ видѣ, въ 1803-мъ году („Lebensbeschreibung des Grafen Münnich"), объ этомъ послѣднемъ періодѣ жизни его говорится весьма кратко, между тѣмъ какъ письма Миниха къ Екатеринѣ заключаютъ въ себѣ множество данныхъ для оцѣнки характера его.

Что касается до изданій позднѣйшаго времени, то еще можно упомянуть о сочиненіи Бергманна „B. C. Münnich" въ журналѣ „Neue inländische Blätter" 1818 № 30, 31, 32, 33, о запискахъ сына Миниха, изданныхъ въ 1817 году, о такъ называемомъ дневникѣ Миниха во время турецкаго похода 1736 года, изданнаго Германомъ въ 1840 году, о разныхъ документахъ и другихъ данныхъ, относящихся къ Миниху и разбросанныхъ въ различныхъ историческихъ сочиненіяхъ и сборникахъ историческихъ матеріаловъ.

Наконецъ въ настоящее время явилось изданіе г. Шубинскаго, въ которомъ помѣщены различные матеріалы для исторіи Миниха.

Заглавіе изданія г. Шубинскаго неточно. „Записки фельдмаршала графа Миниха", т. е. переводъ краткаго сочиненія Миниха „Ebauche etc.," ни значеніемъ, ни даже объемомъ, не занимаютъ главнаго мѣста въ этомъ изданіи, которое состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

Послѣ краткаго введенія, написаннаго г. Шубинскимъ, слѣдуетъ предисловіе, авторъ котораго, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, предлагаетъ разборъ значенія записки Миниха „Ebauche" какъ историческаго памят-

ника. Это хотя краткое, но солидное, изложеніе можетъ считаться весьма полезнымъ. Именно въ такихъ изслѣдованіяхъ, заключающихъ въ себѣ критическую оцѣнку историческихъ источниковъ, нуждается наша историческая литература.

Затѣмъ слѣдуетъ переводъ сочиненія „Ebauche" на русскій языкъ (стр. 1—101). Сокращенные переводы этого сочиненія уже и прежде были напечатаны, а именно въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1842 г. и въ „Русской Старинѣ" 1874 года. Мы позволяемъ себѣ вообще нѣкоторымъ образомъ сомнѣваться въ пользѣ такихъ переводовъ, которыхъ, въ послѣднее время, въ нашихъ историческихъ изданіяхъ, было напечатано весьма много. Для массы читателей-дилеттантовъ, чтеніе цѣликомъ переведенныхъ историческихъ источниковъ едва ли можетъ быть особенно занимательны. Отъ спеціалистовъ же не только можно, но должно требовать, чтобы они для своихъ работъ пользовались отнюдь не переводами, заключающими въ себѣ довольно часто недосмотры и погрѣшности, а подлинниками. Гораздо полезнѣе для науки было бы критическое изданіе подлинниковъ съ примѣчаніями. Въ данномъ случаѣ, напр. изданіе всѣхъ нынѣ извѣстныхъ сочиненій и писемъ Миниха въ подлинникѣ было бы трудомъ весьма важнымъ, существенною услугою, оказанною наукѣ.

Примѣчанія къ переводу записки Миниха занимаютъ также почти сотню страницъ (108—191). Понятія о томъ, какую цѣль имѣетъ комментарій, могутъ быть различны. У насъ весьма часто, въ послѣднее время, составлялись примѣчанія къ историческимъ источникамъ, изъ которыхъ было видно, что авторы такихъ замѣтокъ предполагали въ своихъ читателяхъ полнѣйшее незнаніе самыхъ простыхъ вещей. Обыкновенно обращается особенное вниманіе на біографическія данныя. Намъ кажется, что примѣчанія г. Шубинскаго къ „Ebauche" Миниха лучше и полезнѣе напр. тѣхъ замѣчаній, которыми сопровождается третье изданіе записокъ Храповицкаго, недавно вышедшіе. Нѣкоторыя замѣтки дѣйствительно служатъ объясненіемъ текста. Зато нельзя не сожалѣть, что данныя, сообщенныя въ этихъ примѣчаніяхъ, почти нигдѣ не сопровождаются ссылками [1]). Въ подобныхъ случаяхъ, указаніе на соотвѣтствующую ученую литературу должно считать дѣломъ необ-

---

[1]) Недостатокъ ссылокъ на источники есть одинъ изъ самыхъ общихъ и крупныхъ пороковъ русской литературы нашего времени. На этотъ недостатокъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, такъ какъ вслѣдствіе него иныя книги, можетъ быть и имѣющія свои достоинства, дѣлаются совсѣмъ безполезны для научнаго употребленія, а другія, въ которыхъ передается чужое безъ указанія позаимствованій, просто вредны, вводя въ заблужденіе читателей. *Ред.*

ходимости. Нѣкоторыя изъ примѣчаній кажутся намъ или совсѣмъ лишними или по крайней мѣрѣ слишкомъ обширными. Такъ напр. слишкомъ подробно разсказана исторія взятія Нотебурга, не говоря уже о томъ, что этотъ подробный разсказъ (стр. 111—113) не подтверждается никакими цитатами. Чаще всего встрѣчаются ссылки на письма леди Рондо, напечатанныя въ 1-мъ томѣ „Записокъ иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи". Полезнѣе всѣхъ другихъ замѣчаній тѣ, въ которыхъ указывается на неточности и ошибочные взгляды въ сочиненіи Миниха. Сюда относятся напр. замѣчанія подъ №№: 4, 5, 8, 10, 23, 30, 37, 57, 64, 69. Такого рода замѣчанія однако составляютъ меньшую часть всего комментарія. Можно было бы изложить его въ гораздо болѣе сжатомъ видѣ и напр. не выписывать цѣликомъ разныхъ памятниковъ, каковы подробныя данныя о состояніи арміи въ 1780 г. (стр. 109), разсказъ Рихтера о болѣзни Петра (126 — 128); разсказъ Пассевича о Екатеринѣ I (130), духовное завѣщаніе Екатерины I (135—139), условія, ограничивавшія самодержавіе и подписанныя императрицею Анною (151—152), списокъ наградъ, пожалованныхъ Анною Леопольдовною (174—177) и пр. Въ такихъ случаяхъ, какъ намъ кажется, если текстъ требуетъ объясненія или подтвержденія другими данными, отзывами современниковъ, достаточно указать на источникъ, гдѣ можно найти всѣ подробности, относящіяся къ предмету. Иначе же такія примѣчанія могутъ легко получить объемъ многотомныхъ сочиненій, не имѣющихъ особеннаго значенія для пользующагося самымъ источникомъ. Г. Шубинскій впрочемъ и самъ, какъ видно, не придаетъ особеннаго значенія комментарію, имъ составленному. Во введеніи (стр. X) онъ замѣчаетъ, что помѣстилъ пояснительныя примѣчанія въ концѣ перевода „для того, чтобы лица, которымъ примѣчанія эти покажутся лишними, могли бы не читать ихъ вовсе". Во-первыхъ возможность не читать подобныхъ замѣтокъ не исключается помѣщеніемъ ихъ подъ страницами текста; во-вторыхъ же издатель столь важнаго источника не долженъ вовсе писать замѣчаній, чтеніе которыхъ можетъ казаться лишнимъ. Комфортъ читателей-дилеттантовъ при серьезномъ историческомъ трудѣ долженъ оставаться на заднемъ планѣ. Критика же текста никогда не можетъ быть лишнею. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидныя ошибки, встрѣчаемыя въ сочиненіи „Ebauche" не обратили на себя вниманія ни К. Н. Бестужева-Рюмина, ни г. Шубинскаго. Такъ напр. на стр. 1 „Ebauche" сказано, что Иванъ и Петръ Алексѣевичи царствовали вмѣстѣ съ 1682 до 1690 года, между тѣмъ, какъ Иванъ до своей кончины раздѣлялъ престолъ съ братомъ. Также на стр. 5 (р. перевода), Минихъ относитъ „начало русской имперіи

въ 1690 г. т. е. къ тому времени, когда послѣ смерти Θеодора Алексѣевича царь Иванъ Алексѣевичъ уступилъ правленіе своему младшему брату Петру Алексѣевичу". На самомъ дѣлѣ Иванъ и до 1690 не участвовалъ въ правленіи, номинально же онъ участвовалъ въ немъ и послѣ этого года. На стр. 10 (р. пер.) Минихъ говоритъ, что цѣлью поѣздки Петра за границу въ 1697 г. было „изучить различные государственные порядки", такъ какъ онъ уже тогда былъ убѣжденъ въ необходимости измѣнить образъ правленія и пр. Тутъ слѣдовало бы пояснить настоящія причины поѣздки Петра за границу. На стр. 11 Минихъ разсказываетъ, что Петръ возвратившись изъ-за границы „своимъ присутствіемъ смирилъ мятежныхъ стрѣльцовъ", тогда какъ еще до пріѣзда Петра мятежъ былъ совсѣмъ подавленъ. Вотъ случаи, въ которыхъ комментаторъ обязанъ дѣлать критическія замѣтки. Въ другихъ случаяхъ, онъ былъ бы обязанъ заняться изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, и при невозможности ихъ разрѣшить сообщить о таковомъ пробѣлѣ въ историческомъ матеріалѣ и въ надлежащемъ мѣстѣ поставить вопросительный знакъ. Что это за Васильчиковъ, чрезъ котораго Минихъ узналъ нѣкоторыя любопытныя подробности о походахъ Василія Васильевича въ Крымъ? (стр. 4 р. перевода). О немъ въ комментаріи г. Шубинскаго не сказано ни слова. Подтверждается ли другими данными, а именно какими, показаніе Миниха, что шведскіе министры, участвовавшіе въ Ништатскомъ конгрессѣ, были подкуплены барономъ Остерманомъ? (р. пер. стр. 16). Вмѣсто того чтобы заняться изслѣдованіемъ этого вопроса г. Шубинскій указываетъ въ этомъ мѣстѣ на общія біографическія свѣдѣнія объ Остерманѣ и на отзывы о немъ разныхъ современниковъ. Такая замѣтка не имѣетъ характера комментарія. Произнесъ-ли Петръ рѣчь о Ягужинскомъ, которую приводитъ Минихъ (стр. 23—24 р. пер.)? Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ мы въ замѣчаніи г. Шубинскаго на стр. 124 находимъ нѣкоторыя общія мѣста о Ягужинскомъ вообще. Встрѣчается ли гдѣ нибудь, въ другихъ источникахъ слухъ о томъ, что Екатерина I умерла отъ обсахаренной груши, которая была отравлена и поднесена ей графомъ Девьеромъ? (стр. 34 р. пер.). Это замѣчаніе неизвѣстнаго комментатора сочиненія Миниха „М. Б." требовало бы непремѣнно объясненія. Имѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ Минихъ вліяніе на Анну Іоанновну по случаю переселенія двора изъ Москвы въ Петербургъ? („Je la persuadai d'établir sa résidence à Pétersbourg", стр. 80 подлинника, стр. 43 р. пер.). Въ замѣчаніи г. Шубинскаго (стр. 154) говорится о переселеніи двора въ Петербургъ вообще. Объ участіи Миниха въ этомъ дѣлѣ ни слова. О послѣднихъ минутахъ жизни Анны Іоанновны Минихъ (стр. 58 р. пер.)

разсказываетъ иначе, чѣмъ другіе источники. Г. Шубинскій на это обстоятельство не обратилъ вниманія, тогда какъ слѣдовало бы указать на такое разногласіе. Говоря о своей опасной болѣзни, Минихъ (стр. 75 рус. пер.) замѣчаетъ: „доктора, а съ ними и всѣ полагали, что я былъ отравленъ“. Подтверждается ли извѣстіе о такомъ слухѣ другими современными данными? Если нѣкоторыя любопытныя и заслуживающія особеннаго вниманія данныя подтверждаются свидѣтельствами другихъ современниковъ, комментаторъ, какъ намъ кажется, обязанъ указать на такіе источники. Г. Шубинскій этого не сдѣлалъ. Такъ напр. у Миниха встрѣчается (стр. 189 подлинника) чрезвычайно интересное замѣчаніе о положеніи дѣлъ при Петрѣ III: „Ce que Wolkow trouvait convenir faisait la forme du gouvernement sous l'empereur Pierre III“. Замѣчаніе г. Шубинскаго при этомъ случаѣ весьма неудовлетворительно (стр. 191): „Слова Миниха о томъ, что Волковъ управлялъ умами всѣхъ членовъ совѣта и дѣлалъ что хотѣлъ, подтверждаются свидѣтельствами другихъ современниковъ“. Такого рода комментарій оказывается несостоятельнымъ. Что же это за другіе современники? Можно было бы при этомъ случаѣ указать на отзывъ саксонскаго дипломата Брюля, помѣщенный въ сочиненіи Германна (V стр. 261) и т. п.

Издателю далѣе слѣдовало бы обратить вниманіе на происхожденіе переведеннаго имъ на русскій языкъ источника.

Въ самомъ изданіи 1774 года Минихъ нигдѣ не названъ авторомъ сочиненія „Ebauche“. Слѣдовало бы указать на всѣ тѣ мѣста въ книгѣ, изъ которыхъ видно, что никто иной какъ Минихъ не могъ быть авторомъ ея. Такія мѣста встрѣчаются напр. на стр. 15 (подлинника), гдѣ авторъ говоритъ о своемъ походѣ въ Крымъ въ 1736 году, о занятіи Перекопскихъ линій, Евпаторіи, Бахчисарая и пр.; на стр. 47 (подл.), гдѣ говорится о порученіи автору постройки Ладожскаго канала; на стр. 83, гдѣ говорится о назначеніи автора фельдцейхмейстеромъ и предсѣдателемъ военной коллегіи и пр.

Далѣе, въ изданіи г. Шубинскаго нигдѣ не говорится прямо о времени составленія сочиненія „Ebauche“, и развѣ только изъ письма академика Миллера, приведеннаго въ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина, видно, что можно отнести составленіе труда Миниха къ концу 1763 и къ началу 1764 г. (см. XVI). При этомъ случаѣ слѣдовало бы указать на обстоятельства, въ которыхъ находился Минихъ во время этого своего труда. Находился ли онъ тогда въ С.-Петербургѣ или въ одномъ изъ городовъ прибалтійскаго края, въ которыхъ онъ бывалъ еще въ августѣ 1762 г. Весьма достойно вниманія то обстоятельство, что сочиненіе „Ebauche“ писано Минихомъ вскорѣ послѣ чрезвычайно любо-

пытной переписки съ императрицею, помѣщенною Бюшингомъ въ его сборникѣ „Magazin“ (т. XVI).

Затѣмъ упомянемъ еще объ одномъ упущеніи со стороны издателей: они не обратили вниманія на вопросъ, кто могъ быть авторомъ замѣчаній въ сочиненіи «Ebauche», за подписью «М. В.» («Note de M. B**.»). Справедливо ли предположеніе, высказанное въ «Русской Старинѣ» (январь, 1874), что авторомъ этихъ отчасти довольно важныхъ замѣтокъ былъ никто иной какъ Бюшингъ? На чемъ основано такое предположеніе? Не должно ли придавать нѣкоторое значеніе тому обстоятельству, что въ первой половинѣ сочиненія «Ebauche» всѣ замѣчанія сопровождаются подписью «Note de M. B**.», между тѣмъ какъ замѣчанія на стр. 112, 134, 158 не имѣютъ этой подписи? Г. Шубинскій не замѣтилъ этой разницы и къ переводу этихъ замѣчаній вездѣ безъ всякаго основанія прибавилъ: «Примѣч. М. Б.». Объ этомъ «М. Б.» говоритъ лишь на стр. X и на стр. 174, но тутъ у него встрѣчается ошибка. На стр. 134 подлинника «М. Б.» говоритъ о біографіи Манштейна, составленной профессоромъ Паули. На стр. 174 г. Шубинскій замѣчаетъ: «М. Б. ссылается въ своемъ примѣчаніи на книгу Паули потому, что въ то время записки самаго Манштейна еще не были напечатаны». Во-первыхъ неизвѣстно, былъ ли М. В. авторомъ этого замѣчанія. Во-вторыхъ мы не знаемъ, когда примѣчанія къ сочиненію Миниха были писаны. Если они писаны не за долго до печатанія сочиненія «Ebauche», то записки Манштейна, изданныя на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ 1771 году, въ то время уже были напечатаны.

Кто былъ издателемъ сочиненія «Ebauche»? Едва ли возможно отвѣтить на этотъ вопросъ, однако издателю слѣдовало бы обратить вниманія на всѣ обстоятельства, относящіяся къ изданію. Между тѣмъ какъ въ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина (XVI) указано на невозможность, чтобы Копенгагенъ былъ мѣстомъ печатанія сочиненія «Ebauche», г. Шубинскій на стр. VII говоритъ, что «записки фельдмаршала Миниха были изданы въ 1774 году въ Копенгагенѣ».

Откуда далѣе г-ну Шубинскому извѣстно, что первыя шесть страницъ въ изданіи «Ebauche», т. е. замѣтки о духовенствѣ въ Россіи и названія губерній и губернаторовъ, составлены также Минихомъ. Онъ помѣстилъ эти замѣтки послѣ перевода «Ebauche» (стр. 100 и 101) подъ заглавіемъ «Примѣчаніе Миниха». Могъ ли однако Минихъ быть авторомъ списка «губерній русской имперіи и фамилій губернаторовъ въ 1773 году» послѣ того какъ Минихъ умеръ въ 1766 г.? [1]).

---

[1]) Къ тому же и тутъ неточность. Въ подлинникѣ 1773 г., въ переводѣ 1772 г.

Къ изданію приложенъ портретъ Миниха. Однако нельзя не сожалѣть, что объ этомъ портретѣ сказано только: «рисованъ съ гравированнаго портрета, исполненнаго въ 1764 году извѣстнымъ граверомъ Чемесовымъ». Безъ сомнѣнія издатель могъ бы сообщить нѣсколько подробнѣе о происхожденіи этого портрета. Тутъ можно было бы упомянуть и о другихъ портретахъ Миниха (въ изданіяхъ Гемпеля и Галема, въ залѣ училища при лютеранской церкви Св. Петра въ Петербургѣ, въ біографіи Миниха, составленной Бюшингомъ).

Что касается до перевода сочиненія «Ebauche», то въ немъ встрѣчаются нѣкоторыя погрѣшности и неточности. Такъ напр. слова подлинника (81) «nous étions d'avis» не совсѣмъ точно переведены словами «мы выразили мнѣніе» (стр. 48 пер.); «ce que Wolkow trouvait convenir» (подл. 181) не точно переведено (стр. 95) «съ чѣмъ соглашался Волковъ». На болѣе крупные недосмотры было указано на оберткѣ іюльской книжки «Русской Старины». Однако составить вполнѣ удовлетворительный и точный переводъ можетъ считаться дѣломъ весьма труднымъ. Поэтому мы повторяемъ, что, по нашему мнѣнію, спеціалисты при своихъ ученыхъ занятіяхъ обязаны обращаться не къ переводамъ, а къ подлинникамъ.

Переходя къ разбору другихъ частей изданія г-на Шубинскаго, мы прежде всего не можемъ не спросить: что могло заставить издателя напечатать переводъ дневника Миниха (1683—1727) на стр. 195—216. Этотъ дневникъ уже былъ напечатанъ цѣликомъ и въ подлинникѣ и въ переводѣ въ запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей (т. IV. 1860 г.). Перепечатываніе этого дневника развѣ вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что записки Одесскаго общества мало распространены (см. стр. XI). Однако то же самое можно сказать о другихъ сборникахъ, въ которыхъ напечатаны кое-какія бумаги Миниха, напр. «Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands», «Magazin» Бюшинга и разныя монографіи прошедшаго вѣка, при которыхъ изданы письма или Миниха самаго или писанныя къ нему другими лицами. Было бы возможно собрать все это и перепечатать въ изданіи о Минихѣ, какъ перепечатанъ вышеупомянутый дневникъ. Но такимъ образомъ сборникъ о Минихѣ легко могъ бы составить нѣсколько томовъ.

Гораздо полезнѣе и научнѣе было бы составленіе полнаго подробнаго списка всѣхъ матеріаловъ, документовъ, писемъ, счетовъ, дневниковъ и пр. относящихся къ Миниху.

Г. Шубинскій впрочемъ нѣкоторымъ образомъ положилъ начало такому труду чрезъ составленіе «указателя книгъ и статей, въ которыхъ находятся свѣдѣнія и матеріалы для біографіи графа Миниха» (см. стр.

389 — 395). Нельзя отрицать, что эта часть изданія г-на Шубинскаго особенно полезна и важна для спеціалистовъ. Къ сожалѣнію, этотъ списокъ не полонъ; кромѣ того онъ заслуживаетъ и другихъ упрековъ: къ заглавіямъ книгъ и статей не сдѣлано примѣчаній, какихъ слѣдовало бы ожидать, и тутъ-же встрѣчаются погрѣшности; наконецъ весь порядокъ, въ которомъ сообщены изданія относящіяся къ Миниху, случайный, а не систематическій.

Въ этомъ спискѣ недостаетъ слѣдующихъ изданій: сочиненіе Шлегеля 1768 и 1770 г., сочиненіе Бергмана въ журналѣ «Neue inländische Blätter» 1818 г., самое сочиненіе Миниха «Ebauche», дневникъ, напечатанный въ запискахъ Одесскаго общества, переписка Миниха съ Екатериною, напечатанная въ XVI томѣ сборника Бюшинга, «Familienbuch», изд. въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands» и др.

Отъ библіографіи такого рода должно требовать указаній на различныя изданія, и напр. объясненія такихъ обстоятельствъ, что сочиненіе Гемпеля въ Брауншвейгѣ и Лейпцигѣ издано подъ именемъ Флеме (Phleme — Hempel — перестановка буквъ). Такихъ объясненій мы тутъ не находимъ. Затѣмъ необходимы нѣкоторыя, хотя бы и самыя краткія замѣчанія. Такъ напр. на стр. 390 указано на изданіе Германна «Beiträge zur Geschichte des Russischen Reichs». Тутъ бы слѣдовало сказать, что въ этомъ изданіи напечатанъ (стр. 117—243) «Tagebuch des russisch-Kaiserlichen Generalfeldmarschalls B. Chr. Grafen von Münnich über den ersten Feldzug des in den Jahren 1735 — 1739 geführten Russisch-türkischen Krieges», что издатель Германъ ошибочно считалъ самого Миниха составителемъ этого дневника (см. стр. VI, и XV до XXVI введенія), авторомъ котораго въ послѣдствіи оказался не Минихъ, а нѣкто Юнкеръ, и т. п.

Далѣе воспроизведеніе заглавій требуетъ большей точности и тщательности. Правописаніе нѣмецкихъ словъ почти всегда неправильно, напр. «Geschihte» вмѣсто «Geschichte», «fon» и т. п. Вмѣсто «Oeuvre primitive» слѣдуетъ сказать «Oeuvre posthume». Имя профессора Германна въ Марбургѣ не «Aug. Ludw. Hermann», а «Ernst Herrmann». (Аугустомъ Людвигомъ звали Шлёцера).

Наконецъ, что касается порядка, въ которомъ напечатаны заглавія книгъ и статей о Минихѣ, то г. Шубинскій предпочелъ алфавитный порядокъ всякому другому, причемъ не-русскія изданія составляютъ одну часть названій, русскія — другую. Такая система чисто внѣшняя, случайная. Не гораздо ли лучше держаться хронологическаго порядка, или раздѣ-

лить матеріалы такъ: біографіи о Минихѣ, другія сочиненія, въ которыхъ говорится о Минихѣ, письма, дневники и т. п.?

Важнѣйшею и по объему и по содержанію частью изданія г-на Шубинскаго должно считать обширную монографію покойнаго М. Д. Хмырова «Фельдцейхмейстерство графа Миниха» (1729—1735) (стр. 217—387). Этимъ трудомъ восполняется пробѣлъ въ біографіи Миниха, потому что административная дѣятельность его въ другихъ его жизнеописаніяхъ, не обозрѣвается, ни въ одной, даже поверхностно.

М. Д. Хмыровъ извѣстенъ многими біографическими трудами, относящимися къ исторіи XVIII вѣка. Имъ были составлены нѣкоторыя біографіи въ «Портретной галлереѣ русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстеромъ, монографіи о русскихъ писательницахъ прошедшаго вѣка, жизнеописанія графа Брюса, генералъ-фельдцейхмейстера Гинтера и пр. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ были напечатаны въ «Артиллерійскомъ Журналѣ». Предлагаемая въ изданіи г. Шубинскаго статья о Минихѣ, найденная между рукописями г. Хмырова, предназначалась авторомъ для «Артиллерійскаго Журнала», но осталась до послѣдняго времени въ рукописи по независимымъ отъ него причинамъ. Матеріалы, которыми пользовался авторъ при составленіи своей монографіи, весьма богаты и разнообразны. Ему извѣстны біографіи Миниха, составленныя Бюшингомъ и Галемомъ, записки сына Миниха и пр. Далѣе многія весьма любопытныя данныя заимствованы изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» того времени. Наконецъ въ монографіи Хмырова сообщено или цѣликомъ или въ извлеченіи множество дѣловыхъ бумагъ, заимствованныхъ авторомъ изъ архивовъ, а въ особенности изъ артиллерійскаго архива.

Такъ какъ во всѣхъ прочихъ трудахъ о Минихѣ почти исключительно говорится о военной его дѣятельности, объ осадѣ Данцига и о турецкихъ походахъ, такъ какъ вслѣдствіе этого мы знаемъ Миниха только какъ полководца, а не какъ администратора, монографія о фельдцейхмейстерствѣ Миниха дѣйствительно можетъ считаться существеннымъ пріобрѣтеніемъ для литературы объ этомъ знаменитомъ дѣятелѣ XVIII-го вѣка.

Впрочемъ г. Хмыровъ въ своемъ трудѣ представляетъ очеркъ всей жизни Миниха, но такъ какъ на прочія стороны дѣятельности его почти вовсе не обращается вниманіе автора, сужденіе же автора объ административной дѣятельности Миниха оказывается крайне для него неблагопріятнымъ, трудъ г Хмырова нѣкоторымъ образомъ кажется одностороннимъ, отчасти даже предлагающимъ несправедливую оцѣнку характера и значенія Миниха. Зато нельзя отрицать, что съ другой стороны, въ монографіи

этой изложены многія весьма любопытныя черты нравовъ общества и придворнаго быта царствованія императрицы Анны.

Важность мѣста, занимаемаго Минихомъ, значеніе построеннаго имъ Ладожскаго канала, блескъ придворныхъ празднествъ, отличавшихся въ то время главнымъ образомъ великолѣпными иллюминаціями и фейрверками, устраиваемыми Минихомъ въ качествѣ начальника артиллеріи — обо всемъ этомъ г. Хмыровъ сообщаетъ множество данныхъ изъ архивовъ и газетъ. Намъ даже кажется, что выписки изъ дѣловыхъ бумагъ, изъ корреспонденцій разныхъ присутственныхъ мѣстъ сообщаются авторомъ слишкомъ щедро, при чемъ совсѣмъ напрасно сохраняются во всѣхъ мелочахъ всѣ особенности правописанія и канцелярскаго слога прошедшаго вѣка. Многое можно было представить въ сокращенномъ видѣ или выбросить вовсе. Нѣкоторые факты, заимствованные изъ дѣлъ артиллерійскаго архива, не представляютъ вовсе матеріала для характеристики Миниха, т. е. вовсе не относятся къ дѣлу. Частности расходовъ по случаю иллюминацій, напр., сообщенныя на стр. 312, выходятъ собственно изъ рамки монографіи о Минихѣ, а развѣ интересны какъ матеріалъ для исторіи цѣнъ или для исторіи роскоши при дворѣ; дѣло о вдовѣ пушечнаго мастера, просившей вспомоществованія (стр. 364), не представляетъ никакого матеріала для характеристики Миниха и сообщеніе объ этомъ фактѣ оказывается совершенно лишнимъ. Такихъ случаевъ чрезмѣрно щедраго печатанія архивныхъ данныхъ встрѣчается не мало.

Нельзя назвать сужденіе г. Хмырова о Минихѣ безпристрастнымъ. Тонъ и характеръ его сочиненія свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ раздраженіи, несогласномъ съ обязанностями настоящаго историка. Не на насъ только этотъ трудъ произвелъ такое не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. И К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ самомъ разсматриваемомъ изданіи, замѣтилъ, что г. Хмыровъ «быть можетъ слишкомъ строго осуждаетъ Миниха» (см. стр. XIV). Весь трудъ какъ бы написанъ лишь съ цѣлью доказать, что Минихъ не былъ способенъ занимать то мѣсто, которое занималъ въ качествѣ фельдцейхмейстера, что онъ, какъ артиллеристъ, оказался несостоятельнымъ и что при немъ вслѣдствіе этого замѣтенъ упадокъ артиллерійскаго дѣла въ Россіи вообще.

Девизомъ монографіи г. Хмырова служитъ изрѣченіе самаго Миниха изъ его собственноручной записки, представленной Петру Великому: «По артиллеріи не могу служить, не зная ее въ подробности». Во многихъ мѣстахъ авторъ старается доказать, что Минихъ и въ послѣдствіи не зналъ артиллерійскаго дѣла. Хотя однако и дѣйствительно есть основаніе думать, что спеціальностью Миниха не была артиллерія, а было инженерное искусство, едва ли можно утверждать, что Минихъ былъ «совер-

шенно чуждъ артиллерійскому дѣлу», какъ говоритъ авторъ на стр. 241. На стр. 254 сказано: «Минихъ не имѣлъ времени изучать артиллерійское дѣло, и, если занимался имъ, то отрывочно, какъ бы мимоходомъ, слѣды чего видны и въ сохранившихся томахъ документовъ Минихова управленія русскою артиллеріею, лишенныхъ не только внутренней связи, но и многихъ необходимыхъ свѣдѣній». Архивныя бумаги обыкновенно заключаютъ въ себѣ лишь фрагменты дѣлъ, не имѣютъ системы, не могутъ имѣть связи. Если же выраженіе «документы лишены свѣдѣній» значитъ, что у Миниха не доставало познаній, то примѣры неопытности или невѣжества Миниха, приведенные авторомъ въ разныхъ мѣстахъ его труда, кажутся намъ далеко не убѣдительными, а напротивъ свидѣтельствуютъ о весьма произвольномъ и одностороннемъ толкованіи матеріала со стороны автора. Такъ напр. авторъ смѣется надъ стараніемъ Миниха угодить двору фейерверками, иллюминаціями, хорошо раскрашенными пушками (см. напр. стр. 299), но все это еще не доказываетъ невѣжества Миниха въ артиллерійскомъ дѣлѣ. Документъ, сообщенный на стр. 315, вовсе не доказываетъ, какъ полагаетъ авторъ, «Минихова невѣдѣнія лабораторнаго дѣла, не совсѣмъ приличнаго генералъ-фельдцейхмейстеру». Сообщеніемъ такихъ не имѣющихъ никакого особеннаго значенія данныхъ авторъ не можетъ насъ убѣдить, что Минихъ былъ «неспособенъ даже понимать, не только двигать впередъ дѣйствительную суть артиллерійскаго дѣла» (стр. 319), такъ что глумленіе, шуточный тонъ, и общій тонъ презрѣнія, въ которомъ авторъ пишетъ объ административной дѣятельности Миниха, производятъ впечатлѣніе, что авторъ работалъ подъ вліяніемъ предвзятой мысли. Авторъ говоритъ о «напускномъ артиллеризмѣ» Миниха, о томъ, что Минихъ «долженъ былъ прикинуться артиллеристомъ» (стр. 323, 235), что Минихъ «сбросилъ съ себя маску артиллериста» (стр. 329) и т. п., но мы не видимъ, чтобы все это подтверждалось фактами. Отзывы автора вытекаютъ изъ личнаго нерасположенія его къ знаменитому фельдмаршалу и это предубѣжденіе — такъ намъ кажется — заставляло его видѣть во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ доказательства невѣжества Миниха. Такъ напр. запросы, съ которыми входилъ Минихъ въ артиллерійское управленіе (см. стр. 333), въ глазахъ автора должны считаться «изумляющими своею наивностью», между тѣмъ какъ эти справки объ отправленіи войска, о снабженіи арміи порохомъ, о пушкахъ, находившихся въ Персіи, о состояніи гарнизоновъ, по нашему мнѣнію нисколько не доказываютъ какаго-либо дилеттантизма или слабоумія со стороны Миниха.

Мы не скажемъ, чтобы общій отзывъ автора о Минихѣ въ отношеніи къ артиллерійскому дѣлу былъ бы несправедливъ (стр. 382 — 384).

Мы напротивъ убѣждены въ томъ, что г. Хмыровъ правъ, говоря что «Минихъ-фельдцейхмейстеръ стоялъ неизмѣримо ниже Миниха-инженера, Миниха-полководца, даже Миниха-министра», что «русская артиллерія при Минихѣ не процвѣтала», но въ его сочиненіи мы не находимъ достаточнаго доказательства, что «Минихъ почти не смыслилъ артиллерійскаго дѣла», какъ сказано на стр. 382.

Зато мы находимъ, что авторъ почему-то вообще настроенъ противъ своего героя, въ тонѣ смѣха называя его постоянно «главнымъ», «высокографскимъ сіятельствомъ», «генералъ-фельдцейхмейстеромъ, оберъ-директоромъ и президентомъ». Тонъ разсказа иногда становится нѣсколько плоскимъ, вслѣдствіе такаго нерасположенія автора къ Миниху. Сюда относятся выраженія въ родѣ того, что Минихъ «съѣлъ грибъ относительно генералъ-фельдцейхмейстерства» (242), что Минихъ по случаю кончины царевны Прасковьи Ивановны «принялъ печальную физіономію» (306), что Минихъ былъ «мастеровать обдѣлывать свои собственныя дѣлишки» (стр. 252 и 292), что онъ любилъ «пакостить» другимъ (250), что онъ искусно соединялъ служебныя отношенія съ заискиваніемъ въ лицахъ вліятельныхъ и «если не мытьемъ, то катаньемъ желалъ нравиться канцлеру Головкину» (стр. 304), что онъ «жаждалъ изловить рыбу въ мутной водѣ» (стр. 305) и т. п. Такъ не пишетъ настоящій историкъ *sine ira et studio*. Весьма неблаговидною кажется также характеристика Миниха какъ нѣмца. Минихъ, какъ говоритъ авторъ (на стр. 239), «былъ нѣмецъ, въ полнѣйшемъ значеніи этого понятія, умный, гибкій, вкрадчивый, набожный, самоувѣренный, алчный къ почестямъ и прибытку»; Минихъ (стр. 261) «какъ нѣмецъ полагалъ существенно важнымъ и единственно необходимымъ соблюденіе во всей строгости только внѣшняго порядка»; Минихъ отправилъ въ Берлинъ «Фукса разумѣется нѣмца» (стр. 299), Минихъ, «какъ нѣмецъ тонкій, перемѣнилъ тонъ со своимъ свѣтлѣйшимъ подчиненнымъ»; въ другихъ мѣстахъ «нѣмецъ умный и осторожный» (т. е. хитрый и имѣющій въ виду свою выгоду), «нѣмецъ шустрый» (въ этомъ же смыслѣ) и пр.

Такой тонъ не можетъ убѣдить насъ въ безпристрастности автора. Соглашаясь съ нимъ въ порицаніи самолюбія, корыстолюбія, педантизма и т. д. Миниха мы не можемъ не желать, чтобы обо всемъ этомъ говорилось въ духѣ болѣе спокойномъ, болѣе достойномъ науки. Упрекать Миниха за то, что онъ дѣйствовалъ въ пользу переселенія двора изъ Москвы въ Петербургъ будто бы только потому, что «въ Петербургѣ нѣмцы, подобные Миниху, всегда хозяйничали привольнѣе» (стр. 309), что по случаю ссылки въ Сибирь онъ принялъ Шаховскаго «не просто, а съ нѣкоторою

обстановкою» (стр. 374) можно и безъ ироніи, и безъ всякаго раздраженія.

Впрочемъ г. Хмыровъ довольно часто говоритъ о Минихѣ, восхваляя его необыкновенныя способности. Онъ находитъ его «даровитымъ, даже въ иныхъ отношеніяхъ геніальнымъ» (стр. 253); онъ хвалитъ Миниха за то, что онъ «былъ чрезвычайно трудолюбивъ, не зналъ усталости, мало спалъ, любилъ порядокъ и, подвизаясь на разнообразныхъ поприщахъ государственной дѣятельности, всюду являлся однимъ изъ даровитнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ чужеземцевъ, какихъ когда-нибудь принимала къ себѣ Россія и пр.» [1]).

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ указать на нѣкоторыя впрочемъ маловажныя погрѣшности въ названіяхъ именъ въ сочиненіи г-на Хмырова. На стр. 222 сказано: «Гохштетъ» вмѣсто «Гэхштетъ» (Höchstädt); тамъ же «Пиччигетоне» вмѣсто «Пиццигетоне»; на стр. 225 «Доненъ» вмѣсто «Деіненъ» (Denain), тамъ же «Эдермарле», вмѣсто «Эльбемерль» и т. п.

Вообще говоря, мы повторяемъ, что трудъ г. Хмырова можетъ считаться замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ для исторической литературы о Минихѣ и о царствованіи Петра II и Анны. Новые документы объ осадѣ Данцига (стр. 350 — 363) между прочимъ должно признать существеннымъ обогащеніемъ сдѣлавшагося понынѣ извѣстнымъ матеріала о Минихѣ. Зато о паденіи Миниха, объ его ссылкѣ и о послѣднихъ годахъ жизни и дѣятельности его въ этомъ трудѣ не встрѣчается ничего новаго.

Нельзя не пожелать, чтобы разбросанные матеріалы о всей жизни Миниха были собраны и разработаны. Полная, безпристрастная біографія этого государственнаго человѣка была бы весьма важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи.

А. Брикнеръ.

профессоръ императорскаго дерптскаго университета.

А. Котляревскій. Древности права балтійскихъ славянъ. Часть I. Прага, 1874.

Это сочиненіе принадлежитъ автору хорошо извѣстнаго русской публикѣ сочиненія: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ»

---

[1]) Приводя нѣкоторые отзывы о Минихѣ извѣстнаго историка Шлоссера, г. Хмыровъ называетъ этого ученаго «лучшимъ европейскимъ историкомъ», Такого мѣста Шлоссеръ не занимаетъ въ глазахъ европейскихъ ученыхъ.

(Москва, 1868 г.). Новый трудъ его посвященъ «сравнительному изученію славянскаго права».

Въ своемъ введеніи авторъ говоритъ: «Въ примѣненіи къ области права, сравнительный методъ стоитъ еще на весьма шаткихъ основаніяхъ: ему недостаетъ, какъ кажется, яснаго, опредѣленнаго понятія о цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться, и правильно опредѣленныхъ пріемовъ — положеніе, подобное тому, въ какомъ находилось сравнительное языкознаніе въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія»... Свой пріемъ изслѣдованія авторъ раздѣляетъ на *низшую критику*, обращающую вниманіе только на грамматическій и вещественный смыслъ текстовъ тѣхъ источниковъ, которые непосредственно относятся къ его задачѣ, за этимъ слѣдуетъ сравнительное сопоставленіе «однородныхъ явленій юридической жизни другихъ славянъ», необходимое для объясненія темныхъ мѣстъ и противорѣчій указанныхъ источниковъ, и на *критику высшую*, которая представляетъ выводъ изъ предъидущаго и общія заключенія объ историческомъ и культурномъ значеніи разсматриваемыхъ явленій. Право, по мнѣнію автора, есть такой же историческій памятникъ, какъ и всякое другое проявленіе народной жизни и образованности, какъ языкъ, религія, поэзія, литература, нравы и обычаи, вслѣдствіи чего взглядъ на явленія юридическаго быта и оцѣнка ихъ должны быть опредѣляемы общими требованіями и задачами исторіи культуры. За образецъ изслѣдованія авторъ принялъ знаменитое произведеніе Якова Гримма: «Deutsche Rechtsalterthümer» (Gött. 1828). Въ этомъ трудѣ авторъ выше всего ставитъ — изслѣдованіе, чуждое фантастическихъ увлеченій и узкой исключительности такихъ воззрѣній, которыя мѣрятъ явленія юридическаго быта средне-вѣковыхъ народовъ мѣрою и догматикою римскаго права и пренебрегаютъ культурно-исторической стариной правовыхъ обычаевъ и учрежденій. Гриммъ не забылъ въ своихъ «нѣмецкихъ *юридическихъ* древностяхъ» и источниковъ *не юридическихъ*, какъ языкъ, поэзія, литература, историческія свидѣтельства, памятники быта и проч.

Главными источниками автору разсматриваемаго сочиненія служили произведенія Эйнгарда, Видукинда, Титмара, Адама Бременскаго, монаха Эбона, Герборда, Гельмольда, Саксона Грамматика, грамоты, а пособіемъ къ нимъ — языкъ и археологическій матеріалъ. Впрочемъ въ критикѣ источниковъ авторъ имѣлъ уже предшественниковъ не только въ общемъ обозрѣніи ихъ (труды Гизебрехта и Виггера), но и въ спеціальныхъ рецензіяхъ (Лаппенберга, Яффе, Кёпке, П. Мюллера и др.). Грамотами авторъ пользовался въ изданіяхъ мекленбургскаго историческаго общества, Козегартена, Клемпина и Дрегера. Не упоминаемъ о многихъ частныхъ трудахъ и изданіяхъ, приводимыхъ авторомъ въ примѣчаніяхъ. Но и съ

своей стороны авторъ далъ, какъ необходимое дополненіе къ его изслѣдованію, образецъ обработки самаго матеріала по началамъ низшей критики — это «Сказаніе объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности» (Прага, 1874).

Переходя къ самому изслѣдованію автора, мы должны напомнить, что въ нашей литературѣ есть почтенный трудъ по исторіи Балтійскихъ славянъ, принадлежащій покойному Гильфердингу. Онъ былъ помѣщенъ въ «Москвитянинѣ» 1854—1855 г. (и отдѣльно), въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи Калачова (1860 — 61 гг. кн. III) и въ Этнографическомъ Сборникѣ Географическаго Общества (т. V), а также въ Полн. собр. соч. Гильфердинга. Но трудъ Гильфердинга, главнымъ образомъ, посвященъ историческому, этнографическому и филологическому изслѣдованію предмета. Сочиненіе г. Котляровскаго сосредоточивается на «древностяхъ юридическаго быта» балтійскихъ славянъ, въ томъ обширномъ смыслѣ, какъ понимаетъ его авторъ.

Изслѣдованіе его отличается тою объективностью, которой чужды столь часто случающійся натяжки въ пользу избраннаго предмета. Такъ, въ главѣ «Земля и Народъ» авторъ съ необходимою осторожностью замѣчаетъ: «Мнѣніе Шафарика, что балтійскіе славяне вышли изъ земель привислянскихъ и распространялись съ востока на западъ, представляется вполнѣ вѣроятнымъ (чему служитъ доказательствомъ языкъ), но когда произошло это переселеніе, или вѣрнѣе разселеніе, на это не существуетъ никакихъ положительныхъ указаній... Домыслы Шафарика, что такое переселеніе должно было произойти въ періодъ времени между III и V столѣтіями, заслуживаютъ, конечно, полнаго вниманія, но догадками, хотя бы и остроумными, нельзя замѣнить недостатокъ историческихъ данныхъ... То-же, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать и о результатахъ попытокъ опредѣлить народность древнѣйшаго индо-европейскаго населенія балтійскаго поморья: *вѣроятнымъ* представляется, что относительно древнѣйшіе обитатели страны были нѣмцы, но кто захотѣлъ бы идти далѣе этой вѣроятности, кто пріиметъ ее за доказанный историческій фактъ и на немъ захочетъ основать дальнѣйшія историко-этнологическія заключенія, тотъ поступитъ вопреки правиламъ *строгой науки*» (стр. 20).

Если близость моря и многія благопріятныя условія края должны были вызвать предпріимчивость и торговыя наклонности въ населеніи балтійскаго поморья, то, съ другой стороны, жизнь другихъ, родственныхъ племенъ среди болотъ, пустошей и лѣсовъ, должна была иначе отразиться на ихъ специальномъ развитіи. Между тѣмъ постоянная борьба славянъ съ нѣмцами еще болѣе вліяла на огрубѣніе нравовъ, отчего и самое христіанство съ трудомъ проникало сюда; притомъ оно являлось

здѣсь не въ чистомъ видѣ, а съ римско-нѣмецкою идеею политическаго порабощенія и трибута. Такимъ образомъ языческая реакція постоянно находила себѣ новую пищу.

Авторъ далекъ отъ преувеличенныхъ описаній самаго быта. Первоначальнымъ видомъ осѣдлости была осѣдлость сельская; большинство селъ и деревень на балтійскомъ поморьи образовались путемъ не родоваго нарощенія, а дружиннаго завладѣнія. Другія изъ нихъ возникали вслѣдствіе торговыхъ, религіозныхъ и стратегическихъ потребностей. Множество городищъ свидѣтельствуетъ о преобладаніи послѣднихъ. Самые города представляли собственно распространенную форму военныхъ, торговыхъ и религіозныхъ пунктовъ. Не смотря на многія неблагопріятныя условія, основное славянское населеніе оставалось земледѣльческимъ; предметы житейской необходимости вѣроятно также производились въ самой странѣ; другіе предметы доставались путемъ торговли и добычи. Домашняя торговля въ большинствѣ случаевъ была мѣновая, причемъ холстъ служилъ вмѣсто денегъ. Деньги въ употребленіи были арабскія, саксонскія и польскія. По дѣламъ торговымъ балтійскіе славяне бывали въ Новгородѣ, Англіи и Нидерландахъ. Но близость моря и нападенія сосѣднихъ нѣмцевъ содѣйствовали также развитію пиратства. Отсюда же проистекала та безпечность, которая пагубно отразилась и на самобытности всего народа. Въ религіи замѣтно преобладаніе мрачнаго элемента (Чернобогъ), сильной жреческой іерархіи и кровавыхъ жертвъ—результатъ тѣхъ же условій. Писатели XI — XII вв. говорятъ объ изящныхъ изваяніяхъ въ храмахъ, быть можетъ чуждаго происхожденія, но слѣдовъ письменности не видно (стр. 15—66).

Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ касается спеціально юридическихъ отношеній, и разсматриваетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Право, обычай, законъ, постановленія власти, семейный бытъ, собственность, договоры. Авторъ предостерегаетъ, что напрасно стали бы мы искать здѣсь какого-нибудь одного общаго, управляющаго начала, напротивъ здѣсь постоянно переплетались порядки, сложившіеся вѣками, съ привычками и понятіями, возникшими изъ историческихъ обстоятельствъ и отношеній (стр. 66). Обычное право балтійскихъ славянъ есть памятникъ того времени, когда вполнѣ господствовало частное, семейное *или* родовое начало. Оно имѣло болѣе охраняющій, чѣмъ прогрессивный характеръ. Впрочемъ еще до начала положительной исторіи балтійскихъ славянъ въ бытѣ ихъ проявляются зародыши государственной власти, принесенные по большей части изъ-внѣ, отъ сосѣднихъ народовъ. Слабость и безжизненность туземнаго государственнаго начала всего яснѣе высказались въ томъ, что оно съ

удивительною скоростью и безъ всякой борьбы, незамѣтно переходитъ въ начало нѣмецкое (стр. 71).

Господствующею юридическою формою частнаго быта балтійскихъ славянъ была *семья*, *семейный союзъ*. Союзъ родовой, какъ правая форма жизни, почти не виденъ. Но нѣкоторыя историческія данныя какъ бы указываютъ, что родовой союзъ нѣкогда присутствовалъ и дѣйствовалъ въ бытѣ этихъ славянъ, но уже въ древнюю эпоху разложился, оставивъ послѣ себя незначительные слѣды и воспоминанія. Положеніе женщины было въ полномъ смыслѣ подзависимое (мужескій полъ имѣлъ полное право на жизнь, а женскій съ исключеніями, опредѣляемыми отцовскою властью; женщины исключаются изъ наслѣдованія, разсматриваются иногда какъ собственность, слѣдуютъ за мужьями въ могилу и т. п.); такъ было по праву и закону, хотя въ жизни эти отношенія иногда смягчались другими условіями. Авторъ объясняетъ такое положеніе господствомъ боевой жизни (73); но, намъ кажется, что указанныя черты много говорятъ также, что тотъ бытъ, о которомъ авторъ заявляетъ какъ о давно исчезнувшемъ, еще сильно давалъ себя чувствовать. Многоженство еще болѣе принижало женщину; впрочемъ въ эпоху IX—XII вв. полигамія является у балтійскихъ славянъ уже въ слабой формѣ и въ правѣ преобладаетъ начало единоженства, а мать является опекуншею своихъ дѣтей (86 — 87), хотя и въ XIII вѣкѣ остатки прежняго порядка еще существовали (77). Условія брака (купля невѣсты, переходъ жены, по смерти мужа, къ пасынку и деверю, браки въ родствѣ и свойствѣ) были также не въ пользу женщины. Право на приданое у славянъ является не ранѣе конца XII вѣка, хотя какъ обычай, въ силу нравственнаго побужденія, оно могло уже существовать, развившись потомъ до законнаго института, подъ вліяніемъ христіанства и чуждаго права (византійскаго и нѣмецкаго) (94—95). Дѣла о невѣрности женъ рѣшались *божьимъ судомъ* (99). Даже въ христіанскую эпоху (XIII в.) жены подвергались наказаніямъ за преступленія мужей (105). Разводъ опредѣлялся только волею и усмотрѣніемъ мужа (111). У поморскихъ славянъ существовалъ обычай, который давалъ право отцу на умерщвленіе дѣтей женскаго пола, который нашъ авторъ признаетъ измѣненнымъ исторіей остаткомъ древняго права, дозволявшаго отцу располагать жизнью новорожденныхъ дѣтей вообще (у грековъ, римлянъ и германцевъ). Съ упадкомъ древняго обычая, онъ удержался относительно дѣтей женскаго пола, благодаря особенно военнымъ и пиратскимъ наклонностямъ, развившимся въ жизни балтійскихъ славянъ (113—115). „Такой крайней отцовской власти въ историческія времена не знаетъ ни одно славянское племя. Только въ поэтическихъ разсказахъ (сказ-

кахъ) кое-гдѣ виднѣются слабые, смягченные слѣды стараго грознаго обычая, нѣкогда, быть можетъ, бытовавшаго у всѣхъ славянъ, но рано исчезнувшаго подъ вліяніемъ мирныхъ успѣховъ жизни и семейнаго быта" (Аѳанасьевъ, Рус. народ. сказки I, № 13, II, 35, VI, 68—69; Худяковъ, Рус. сказ., III, 126; Kulda, Moravské pověsti; I, 289; Котляревскій, ib. 116). Такимъ же остаткомъ представляется и обычай убивать дряхлыхъ стариковъ, долго державшійся въ глухихъ лѣсахъ поморья—обычай, существовавшій и у другихъ европейскихъ народовъ (Я. Гриммъ, стр. 486—89). Критическое отношеніе автора къ разностороннимъ показаніямъ убѣдило его, и въ этомъ случаѣ, признать самый фактъ и отвергнуть только свидѣтельства о пожираніи стариковъ, происхожденіе которыхъ онъ объясняетъ аналогіей съ погребальными обычаями (тризна и т. п.), дурно понятыми, и свойственными среднимъ вѣкамъ, чудовищными разсказами (121—24). Но въ то же время есть извѣстія, свидѣтельствующія и о глубокомъ почтеніи къ старцамъ (Гельмольдъ). Къ господству семейнаго права относится право кровной мести; но исторія рядомъ съ этимъ застаетъ уже ограниченіе древняго обычая, въ формѣ головщины, или платы за убійство (136). Военный бытъ съ одной стороны расширялъ дѣйствіе обычая — до племенной мести, а съ другой стороны ослаблялъ этимъ месть семейную, которая стала легче замѣняться платою. Этимъ объясняется, что кровная месть у балтійскихъ славянъ не была въ такой строгой формѣ, какъ въ бытѣ славянъ русскихъ; иначе, при слабомъ вліяніи государственной власти и христіанства, трудно понять смягченіе ея у народа, столь привыкшаго къ насиліямъ и кровавымъ расправамъ (138).

Относительно права собственности авторъ отмѣчаетъ сначала въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣну понятій, существовавшихъ объ этомъ предметѣ у другихъ славянъ (чеховъ и поляковъ). Въ древнѣйшее время, господствовали родовые порядки, но исторія не застаетъ ихъ въ чистой формѣ (ср. 174). Затѣмъ долго еще господствуетъ право наслѣдованія въ мужскомъ поколѣніи; далѣе является опредѣленіе права на часть приданаго, право наслѣдованія за несуществованіемъ прямыхъ наслѣдниковъ; наконецъ право наслѣдованія въ равной части. Наслѣдованіе жены-вдовы является не прежде наслѣдованія по завѣщанію. Обращаясь къ грамотамъ, касающимся балтійскихъ славянъ, находимъ, что у балтійскихъ славянъ существовала уже рядомъ общая семейная собственность и начало личной собственности: каждый сынъ имѣетъ право на имущество отца; но есть примѣры наслѣдованія не сыномъ, а старшимъ въ родѣ. Относительно правъ женщины видна медленность въ развитіи понятій, соотвѣтственно условіямъ быта, и только подъ влія-

ніемъ нѣмецкаго права является законъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между сыновьями и дочерьми [1]). Эти извѣстія относятся преимущественно къ высшему сословію; въ народѣ же, при существованіи преимущественно движимаго имущества, переходъ къ личному владѣнію долженъ былъ совершиться и легче, и скорѣе. Вотъ почему юридическою единицею частнаго быта балтійскихъ славянъ являются не роды, а семьи (138—148). Въ слѣдствіе захвата земли военною дружиною еще въ ранній періодъ они перешли во владѣніе немногихъ лицъ, а народъ сталъ *пользоваться* землею исключительно на основаніи особыхъ условій (153). Народъ, торговавшій съ сѣверомъ и западомъ, а со времени Карла Великаго стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ франкамъ, саксамъ и датчанамъ, естественно нуждался въ договорахъ; но, до времени утвержденія нѣмецкихъ порядковъ, они заключались устно, въ формѣ клятвы, сопровождаемой символическими дѣйствіями какъ вверженіе камня въ воду, обрѣзыванье волосъ, возложеніе на голову дерна, рукобитье (161—166).

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе почтеннаго труда г. Котляревскаго, достоинства котораго еще болѣе возрастаютъ, благодаря постояннымъ сравненіямъ въ области славянскаго права и формѣ изложенія, дѣлающей чтеніе книги автора легкимъ и въ высшей степени интереснымъ. Безпристрастіе автора не мѣшаетъ его сочувствію къ предмету. „Всѣ славянскія племена, говоритъ онъ, въ большей или меньшей степени пережили этотъ періодъ борьбы и броженія родовыхъ и семейныхъ началъ, но всѣ были въ этомъ отношеніи счастливѣе балтійскихъ славянъ; ибо нигдѣ, кромѣ ихъ, мы не замѣчаемъ такого упадка силъ, такой апатіи къ своему частному быту. Исторія, повидимому, не давала никакихъ условій для свободнаго и правильнаго движенія его (151 и 66). Конечно, и тѣ добродѣтели, о которыхъ говорятъ разныя свидѣтельства (гостепріимство, супружество, вѣрность, уваженіе къ собственности и т. п.) относительно балтійскихъ славянъ вполнѣ гармонируютъ съ тѣми чертами быта, о которыхъ шла рѣчь выше. Другой трудъ автора — объ Оттонѣ Бамбергскомъ, дополняетъ намъ картину самыхъ нравовъ общества. Въ своемъ очеркѣ, мы не коснулись вопроса объ отношеніи семейнаго союза къ общественному, о родовомъ бытѣ и т. п., такъ какъ это повело бы насъ очень далеко, а между тѣмъ авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть этотъ вопросъ въ другой части, когда будетъ говорить объ общинѣ и условіяхъ общественной жизни (151).

Отмѣтимъ еще одну частность. Разсмотрѣвъ по сказаніямъ объ От-

[1]) Завѣщаніе впервые встрѣчается около половины XIII вѣка. 142.

тонѣ подробности быта балтійскихъ славянъ, авторъ пришелъ къ заключенію о происхожденіи отъ послѣднихъ новгородской колоніи, причемъ вспомянулъ и виновника этой мысли, извѣстнаго скептика Каченовскаго (Сказ. объ Оттонѣ, 142). Попытки къ рѣшенію этого вопроса дѣлались и позже (Малковскій во Времен. Моск. общ. ист., кн. XII). Съ своей стороны мы сдѣлали указаніе на вѣроятность этого мнѣнія и высказывали желаніе, чтобы этотъ вопросъ подвергся обстоятельному обсужденію (Скептическая школа въ рус. исторіографіи, Кіевъ, 1871 г., стр. 37 и 101). Г. Котляревскій предложилъ матеріалъ, которымъ остается воспользоваться при рѣшеніи означеннаго вопроса.

В. Иконниковъ,

профессоръ императорскаго университета св. владиміра.

Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова. Выпускъ первый. С.-Петербургъ. 1874. 8⁰ 427 стр.

Начало обширнаго труда, предпринятаго академикомъ и профессоромъ М. И. Сухомлиновымъ, встрѣчено съ общимъ сочувствіемъ въ нашей литературѣ. Конечно, по совершенному почти отсутствію у насъ критики, особенно когда рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ серьозной сочиненія, названная книга нигдѣ не удостоилась обстоятельнаго разбора, но по крайней мѣрѣ краткія замѣтки о ней по большей части отнеслись съ уваженіемъ къ этому ученому труду и отдали справедливость его неоспоримымъ достоинствамъ.

Въ началѣ авторъ высказываетъ свой взглядъ на избранный имъ предметъ. По его словамъ, учрежденіе Россійской Академіи явилось осуществленіемъ мысли, издавна занимавшей нашихъ писателей, и литературныя знаменитости, вошедшія въ составъ ея, «были членами не только по имени: съ первыхъ же поръ закипѣла работа, умно и счастливо выбраны рабочія силы, и обществу не долго пришлось ждать плодовъ дружной работы учено-литературнаго братства». Намѣреваясь излагать исторію Россійской Академіи по царствованіямъ, авторъ напередъ знакомитъ читателей съ тѣми учрежденіями при Академіи наукъ и Московскомъ университетѣ, которыя представляли уже прежде слабое осуществленіе идеи Россійской академіи, потомъ описываетъ основаніе самой академіи, а затѣмъ переходитъ къ изображенію *живыхъ силъ* ея, т. е. къ біографическимъ характеристикамъ замѣчательнѣйшихъ членовъ перваго ея періода. Въ изданный нынѣ томъ вошло 20 такихъ біографій, изъ которыхъ только одна

имѣетъ предметомъ свѣтское лицо, именно предсѣдателя академіи, княгиню Дашкову, всѣ же остальныя посвящены дѣятелямъ изъ духовнаго званія. О значеніи послѣднихъ для академіи г. Сухомлиновъ замѣчаетъ: «Весьма усердными вкладчиками въ общій академическій трудъ были лица духовныя, составлявшія четвертую долю всего числа академиковъ... При выборѣ духовныхъ лицъ академія имѣла въ виду не только почтить заслуги оказанныя русской литературѣ и духовному краснорѣчію, но въ большинствѣ случаевъ, главнымъ образомъ — пріобрѣсти въ новыхъ членахъ дѣйствительныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ... Нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ принадлежали къ числу наиболѣе ревностныхъ посѣтителей академическихъ собраній; нерѣдко случалось, что половину, а иногда и болѣе половины присутствующихъ членовъ составляли лица духовнаго сословія».

Само собою разумѣется, что авторъ обозрѣваетъ жизнь и дѣятельность только тѣхъ академиковъ, которые принимали болѣе или менѣе непосредственное участіе въ трудахъ академіи, и притомъ онъ главнымъ образомъ останавливается на тѣхъ сторонахъ ихъ дѣятельности, которыя соприкасались съ интересами образованія и литературы. Но на первомъ планѣ въ исторіи академіи остаются все-таки вопросы, разсмотрѣніе которыхъ предстоитъ автору во второй половинѣ его труда, именно: какимъ цѣлямъ была посвящена дѣятельность этого учрежденія и какими способами оно стремилось къ достиженію ихъ? въ какой степени эти цѣли отвѣчали его истинному назначенію? наконецъ, какъ академія относилась къ литературѣ, что для нея сдѣлала, и сдѣлала ли все, что могла?

Въ отвѣтъ на вопросы позволю себѣ повторить здѣсь нѣсколько замѣчаній, высказанныхъ мною при другомъ случаѣ.

При основаніи Россійской Академіи въ 1783 г., учредительницы ея, Екатерина II и княгиня Дашкова, не дали себѣ яснаго отчета въ планѣ будущей дѣятельности задуманнаго ими общества. Россійской Академіи предначертаны были двѣ разнородныя цѣли: она должна была очищать, установлять языкъ и въ то же время обогащать литературу произведеніями краснорѣчія и поэзіи. Въ первомъ отношеніи ей было предписано «сочинить *прежде всего* россійскую грамматику, россійскій словарь, риторику и правила стихотворенія». Въ чемъ полагалась остальная дѣятельность Академіи, видно изъ слѣдующихъ словъ рѣчи, произнесенной княгиней Дашковой при ея открытіи: «Звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, наипаче славный вѣкъ Екатерины II явитъ намъ предметы къ *произведеніямъ,* достойнымъ громкаго нашего вѣка. *Сіе*, равномѣрно какъ и сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ *первымъ* нашимъ упражненіемъ». Слѣдствіемъ такой неопредѣленности въ

задачахъ Академіи былъ и смѣшанный составъ ея: объ условіяхъ для выбора 60-ти, или на первый случай 35-ти ея членовъ, не было иного постановленія, кромѣ слѣдующаго: «Выборъ членовъ будетъ изъ извѣстныхъ людей, *знающихъ россійскій языкъ*». Дѣйствительно, въ составѣ Россійской Академіи встрѣтились люди, не имѣвшіе между собой почти ничего общаго, кромѣ сказаннаго признака: именно, сверхъ нѣкоторыхъ писателей, въ число членовъ ея назначено нѣсколько профессоровъ Академіи Наукъ и Московскаго Университета по самымъ разнороднымъ предметамъ, также нѣсколько духовныхъ лицъ, сановниковъ и вообще служащихъ по гражданскому и придворному вѣдомствамъ, отчасти военныхъ. Не менѣе пестроты представляли и въ послѣдствіи списки членовъ этой Академіи. Такому-то смѣшанному собранію предлежала прежде всего трудная задача составить словарь и грамматику. Къ счастію, въ средѣ его нашлись люди, которые могли принять на себя руководство всѣми приготовительными работами и самую редакцію словаря, такъ что это дѣло было выполнено довольно скоро и, по тогдашнимъ требованіямъ, успѣшно. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія была издана Академіей составленная въ ней такимъ же образомъ русская грамматика. Большая часть остальныхъ предпріятій Россійской Академіи не находилась ни въ какомъ соотношеніи съ этими первыми ея трудами. Ея періодическія и другія изданія не имѣли ни опредѣленнаго характера, ни ясно сознанной цѣли. По смерти императрицы Екатерины, въ управленіе Академіей Бакунина, Нартова и Шишкова, однимъ изъ главныхъ предметовъ ея заботливости составляли переводы древнихъ и новыхъ писателей; но и въ этихъ трудахъ не было никакой руководящей идеи: по случайному выбору переводили то Демосѳена, Гомера и Овидія, то «Путешествіе Анахарсиса», «Ликей Лагарпа» и т. п. Болѣе положительнымъ характеромъ отличались собственные труды послѣдняго президента Академіи Шишкова по корнесловію, которыми наполнялись издававшіяся въ его время *Извѣстія* Россійской Академіи. Хотя онъ уже и сознавалъ отчасти, что главное призваніе этого учрежденія заключалось въ трудахъ филологическихъ, хотя въ состоявшемся по его проекту новомъ уставѣ Академіи (1818) ученыя занятія поставлены на первый планъ; однакожъ въ опредѣленіи всего круга ея дѣятельности остались прежнія сбивчивыя понятія: она продолжала задавать темы для панегириковъ и трагедій, награждала медалями иногда хорошихъ, но чаще посредственныхъ писателей, и издавала безъ послѣдовательности и строгаго разбора сочиненія то своихъ членовъ, то постороннихъ ученыхъ и литераторовъ. Правда, что послѣдній періодъ существованія Академіи ознаменовался нѣсколькими полезными дѣлами, напримѣръ: она издала Иліаду въ переводѣ Гнѣдича, *Ключъ* Строева къ

Исторіи Карамзина, участвовала въ изданіи *Корнеслова* Шимкевича, и отправила на свой счетъ Венелина въ Болгарію; но, вообще говоря, дѣятельность ея и тогда не имѣла ни строго-научнаго характера, ни высшаго литературнаго значенія, ни, наконецъ, прямаго отношенія къ практическимъ потребностямъ общества. Съ претензіей быть «стражемъ языка», «охранительницей отъ вводимыхъ въ него злоупотребленій», и наставницей «возрастающаго юношества», она поставила себя во враждебное отношеніе ко всему живому въ литературѣ и существовала такъ вяло, что, наконецъ, званіе члена Россійской Академіи сдѣлалось почти синонимомъ жалкаго тунеядства.

Указанныя притязанія должны быть поставлены на ряду съ тѣми причинами упадка академіи въ общественномъ мнѣніи, на которыя обращаетъ вниманіе и г. Сухомлиновъ, именно: съ преобладаніемъ въ ней бюрократическаго начала и умственнымъ застоемъ, враждебнымъ всякому независимому развитію языка и литературы подъ вліяніемъ даровитыхъ писателей. Хотя Россійская Академія всегда признавала своимъ призваніемъ не одну ученую, но столько же, если еще не болѣе, литературную дѣятельность, почему въ составъ ея входили представители не науки только, но и изящной литературы, чѣмъ она существенно отличалась отъ нынѣшняго II отдѣленія Академіи Наукъ, однакожъ лучшіе и знаменитѣйшіе писатели, какъ напр. Карамзинъ и Крыловъ, принимались въ ряды членовъ Россійской Академіи только тогда, когда предъ судомъ общественнаго мнѣнія не было уже никакой возможности отказать имъ въ томъ. Пушкинъ попалъ въ академики только въ 1833 году вмѣстѣ съ Катенинымъ, Загоскинымъ и Вл. Панаевымъ, гораздо позже чѣмъ напр. Гульяновъ, Стойковичъ, Лобановъ, Козодаевъ и др. И въ прежнее время Росс. Академія охотно привлекала въ свою среду такихъ людей, какъ Сидоровскій, И. С. Захаровъ, гр. Хвостовъ, Павелъ Львовъ; припомнимъ, что въ то самое время, когда въ Москвѣ, подъ перомъ Карамзина, устанавливалась изящная русская проза, при Россійской академіи трудились надъ тяжелыми переводами древнихъ Сидоровскій и другіе «голѣмые претолковники, иже отрѣваютъ все, еже есть руское и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія» Эта насмѣшливая фраза на ихъ счетъ напечатана тогда же Карамзинымъ въ его *Московскомъ Журналѣ*.

Такимъ образомъ трудно согласиться съ мнѣніемъ М. И. Сухомлинова, что «въ судьбѣ академіи отражается общая судьба нашей словесности, находящаяся въ связи съ движеніемъ общественной жизни». Въ большую заслугу ставятъ Россійской Академіи, въ первое время ея существованія, быстрое составленіе словаря, и конечно, каковъ онъ ни вышелъ, это былъ дѣйствительно своего рода подвигъ. Но если мы вникнемъ въ способы и

порядокъ работъ надъ словаремъ, то убѣдимся, что онъ былъ не столько общимъ трудомъ Академіи, сколько результатомъ стараній немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Сильное вліяніе на успѣшный ходъ этого труда имѣло извѣстное всей Академіи вниманіе къ нему самой Императрицы, много значила также и особенная заботливость сіятельной предсѣдательницы. Уже изъ 1-го выпуска Исторіи Академіи мы узнаемъ, что «многіе изъ членовъ отказались отъ участія въ трудѣ подъ разными предлогами, кто по служебнымъ обязанностямъ, кто по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ». Для пріобрѣтенія дѣйствительныхъ тружениковъ, сказано тутъ же, «выбрано нѣсколько духовныхъ лицъ въ самую горячую пору, когда приступлено было къ составленію словаря». Только благодаря их содѣйствію, академія «могла во время приступить къ исполненію своей главной задачи». По свидѣтельству самой Академіи, члены, первоначально принявшіе на себя трудъ «объяснять слова и пещись о изданіи словаря, не могли, по обязательствамъ къ службѣ, большая же часть находясь въ отсутствіи, исполнить своего благонамѣренія, и способы, изобрѣтенные Академіею къ скорѣйшему преуспѣянію, остались тщетными. Сіе обстоятельство заставило Академію искать другихъ способовъ къ достиженію своего намѣренія, почему въ собраніи, бывшемъ 5 октября 1784 года, избраны были мужи, въ россійскомъ словѣ довольно искусившіеся: протоіерей Красовскій и іерей Сидоровскій».

Отдавая справедливость тѣмъ членамъ, которые дѣйствительно посвятили свои познанія и значительную долю труда на составленіе словаря, мы однакожъ не должны упускать изъ виду, что окончательная редакція все-таки требовала сосредоточеннаго напряженія силъ одного или двухъ лицъ, и такіе труженики, къ чести Академіи, отыскались въ молодыхъ ея *пріобщникахъ*, имѣвшихъ право присутствія и голоса въ ея засѣданіяхъ, особенно въ Петрѣ Соколовѣ, который за свои добросовѣстные труды вскорѣ былъ избранъ въ академики и получилъ золотую медаль. Значеніе этого дѣятеля, который цѣлыхъ 50 лѣтъ принадлежалъ академіи, еще недостаточно оцѣнено. Извѣстно, что и во французской академіи, послужившей образцомъ для нашей, какъ и для нѣкоторыхъ другихъ учрежденій этого рода въ западной Европѣ, составленіе словаря коллективнымъ трудомъ академиковъ не могло подвигаться вполнѣ успѣшно безъ болѣе скромныхъ чернорабочихъ, которые приводили ихъ соображенія въ порядокъ и единство, а иногда и рѣшали важные лингвистическіе вопросы, остававшіеся въ ученомъ собраніи нерѣшенными — за разногласіемъ.

Не изучавъ спеціально исторіи Россійской Академіи, я конечно могу ошибаться въ своихъ взглядахъ на дѣятельность и значеніе этого учено-литературнаго общества; тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ сообщить

здѣсь нѣкоторые изъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ, просматривая протоколы Россійской Академіи. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія прекраснаго труда М. И. Сухомлинова, чтобъ по его даннымъ провѣрить нами заключенія.

Я. Гротъ,

действительный членъ императорской академіи наукъ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXIV. Исторія Россіи въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Т. IV. М. 1874.

Новый томъ Исторіи Россіи, заканчивающій царствованіе императрицы Елисаветы и заключающій въ себѣ описаніе семилѣтней войны, представляетъ для большинства читателей бо̀льшую привлекательность, чѣмъ предшествующій томъ. Это ясно само собою: съ одной стороны, обыкновенно читатель желаетъ знать, какъ взглянетъ историкъ на событія болѣе или менѣе общеизвѣстныя: здѣсь каждый считаетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ судьею; съ другой стороны, интересно знать, что̀ новаго найдетъ историкъ въ своихъ матеріалахъ касательно этихъ событій. На этотъ разъ жатва новаго обѣщала быть обильною, ибо русскіе архивы еще мало тронуты за періодъ семилѣтней войны и въ обществѣ ходитъ много миѳическихъ представленій, остатковъ старыхъ на-скоро составленныхъ сужденій, основанныхъ на не полномъ званіи. Здѣсь мы не можемъ не повторить глубоко обдуманнаго и прекрасно высказаннаго сужденія историка: „участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ объясняли раздраженіемъ Елисаветы противъ Фридриха II, который позволялъ себѣ насмѣшки надъ нею! Но мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ такимъ, только повидимому легкимъ объясненіямъ. Мы знаемъ какъ просты были основанія тогдашней внѣшней политики: они состояли въ сохраненіи политическаго равновѣсія Европы, особенно если это равновѣсіе нарушалось вблизи своего государства. Въ началѣ и срединѣ XVIII в. и въ началѣ XIX Европа вела самыя кровопролитныя войны для поддержанія этого начала политическаго равновѣсія: война за Испанское наслѣдство ова сдержала Людовика XIV; семилѣтнею войною сдержала Фридриха II, точно такъ какъ въ началѣ нынѣшняго вѣка поборола стремленіе Наполеона I; въ двухъ послѣднихъ борьбахъ Россія принимала самое сильное участіе и съ одинакимъ правомъ, хотя и во время наполеоновскихъ войнъ были въ Россіи люди, которые толковали: „Зачѣмъ намъ биться съ Франціею? она такъ далѐко отъ насъ!“ Пожаръ

Москвы, доказалъ этимъ людямъ, какъ далеко была Франція отъ Россіи. Вѣроятно, и во время семилѣтней войны были люди, которые толковали: зачѣмъ это Россія вмѣшалась въ такую долгую и разорительную войну изъ-за Саксоніи и Австріи? но не такъ думала дочь Петра Великаго, для которой скоропостижный прусскій король, не разбиравшій средствъ для своего усиленія, былъ самымъ опаснымъ врагомъ Россіи. Елисавета относительно востока не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были сожжены корабли, построенные Англичанами на Каспійскомъ морѣ для Персіи; точно также относительно Запада она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были сокращены силы прусскаго короля, который нападеніемъ своимъ на Саксонію вполнѣ оправдалъ взглядъ на него русскаго двора. Силы прусскаго короля были сокращены, благодаря твердости и энергіи Елисаветы, и если не были такъ сокращены, какъ бы она того желала, то достаточно были сокращены для того, чтобъ въ послѣдствіи Екатерина II не встрѣтила въ нихъ препятствія для достиженія своихъ цѣлей; кромѣ этого важнаго значенія семилѣтней войны для Россіи, она была школою, изъ которой вышли русскіе полководцы, сдѣлавшіе царствованіе Екатерины II столь блестящемъ въ военномъ отношеніи". Трудно короче и рельефнѣе выразить все важное значеніе событій, составляющихъ главное содержаніе обозрѣваемаго тома. Перейдемъ къ частностямъ.

Существенный вопросъ во внѣшней политикѣ, на которомъ авторъ остановился въ предъидущемъ томѣ, былъ вопросъ о договорѣ съ Англіею. Договоръ наконецъ былъ заключенъ, но другъ Англіи — канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, чтобы договоръ о субсидіяхъ былъ ограниченъ тѣмъ условіемъ, что русскія войска могутъ быть употреблены только противъ прусскаго короля; а между тѣмъ Англія заключила договоръ съ Пруссіею, ибо король оберегалъ свои гановерскія владѣнія. Это обстоятельство обратило Россію къ Франціи, съ которою Австрія уже раньше вошла въ сношенія: такимъ образомъ измѣнился ходъ дѣлъ въ Европѣ. Измѣнился онъ и въ Россіи; канцлеръ Бестужевъ уходитъ на второй планъ: его постоянныя представительства за Англію явились теперь вслѣдствіе близорукости англійскаго министерства и его непониманія положенія дѣлъ въ Россіи — неосновательными; его планъ учредить при дворѣ конференцію, которая обсуждала бы вопросы политики и войны, былъ принятъ; но планъ этотъ не послужилъ въ пользу тому, кто его предложилъ: Бестужевъ думалъ имѣть на лице своихъ враговъ, чтобы успѣшнѣе съ ними бороться, а враги теперь торжествовали, ибо его политика оказалась недальновидною. Начавшіяся сношенія съ Франціею сначала секретныя ведены были че-

резъ вице-канцлера. Сознанная съ обѣихъ сторонъ необходимость сближенія повела къ окончательному союзу, хотя въ другихъ пунктахъ не разъ еще приходилось сталкиваться посланникамъ обѣихъ державъ, привыкшихъ доселѣ защищать разные интересы. Такими пунктами были Польша, Швеція, Турція. Подробности объ этихъ отношеніяхъ, собранныя въ архивахъ нашимъ историкомъ, превосходно дополняютъ картину времени и отношеній; но намъ некогда останавливаться на нихъ. Пока велись переговоры, Австрія, не надѣясь на дѣятельность Россіи, старалась отсрочить войну, ибо Эстергазе, бывшій тогда посланникомъ въ Петербургѣ, рисовалъ мрачными красками состояніе русскаго войска; Фридрихъ рѣшился дѣйствовать и напалъ на Саксонію. Россія тоже назначила главнокомандующаго графа Апраксина, и войска двинулись, хотя Апраксинъ медлилъ по случаю болѣзни императрицы и нерасположенія къ войнѣ молодаго двора. Выѣхавъ изъ Петербурга, Апраксинъ все еще медлилъ и переписывался съ Бестужевымъ, который считалъ нужнымъ торопить его. Первые шаги Апраксина на прусской почвѣ ознаменовались успѣхами: взятіемъ Мемеля, а въ особенности битвою Гросъ-егерсдорфскою (19 августа 1757 г.). С. М. Соловьевъ представляетъ эту битву не совсѣмъ такъ, какъ обыкновенно привыкли ее представлять себѣ на основаніи свидѣтельства Болотова. Онъ доказываетъ, что Болотовъ многаго не могъ знать, и показываетъ роль и значеніе въ битвѣ Румянцева, двинувшаго изъ лѣсу свѣжія войска. Сообщенные отрывки изъ протоколовъ конференціи, заключающіе въ себѣ отзывы Апраксина и другихъ генераловъ, преимущественно Фермора, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что отступленіе войскъ изъ Пруссіи было необходимостью, тѣмъ не менѣе слѣдствіемъ его было окончательное паденіе Бестужева. Дѣло канцлера, и въ особенности отношенія какъ къ нему, такъ и вообще къ ходу дѣла, молодаго двора во многихъ пунктахъ разъясняются трудомъ почтеннаго историка, терпѣливо сведшаго всѣ разнообразныя показанія, заключающіяся и въ архивныхъ документахъ, и въ изданныхъ уже донесеніяхъ иностранныхъ пословъ и въ запискахъ Екатерины II. Соединеніе иностранной интриги, представленной послами австрійскимъ и французскимъ съ интригою домашнею Шуваловыхъ и Воронцовыхъ погубило Бестужева окончательно; а сношенія его съ Апраксинымъ и Екатериною были предлогомъ. Самыя сношенія съ Екатериною извѣстны намъ только по ея показаніямъ, ибо переписка уничтожена. Конечно, въ глазахъ императрицы это было самое тяжелое обвиненіе и имъ воспользовались, но теперь мы знаемъ, что и Шуваловы въ свою очередь вступали въ сношенія съ Екатериною. На характерѣ Екатерины авторъ пока еще мало останавливается; но

характеристика Пе́тра Өедоровича, имъ сдѣланная, принадлежитъ къ числу образцовыхъ страницъ русской исторіографіи. Конечно, такъ какъ авторъ писалъ не біографію лица, не монографію о событіи, то дѣятельность нѣкоторыхъ лицъ (напр. Волкова, извѣстная по интересной статьѣ М. С. Семевскаго: „Противники Фридриха В.") оставлена имъ въ тѣни, какъ и надо было ожидать. Война продолжалась. По случаю похода Фермора, ознаменовавшагося Цорндорфской неудачею, историкъ сообщаетъ важное письмо къ Фермору Воронцова, препровождавшаго къ нему переводъ статьи о русскомъ войскѣ, писанной какимъ-то иностранцемъ еще при Апраксинѣ. Совѣтуя Фермору посмотрѣть нѣтъ ли правды въ словахъ этого иностранца, Воронцовъ прибавляетъ: „правда, трудно на мѣсто принятыхъ и долго наблюдаемыхъ обыкновеній вводить новыя; я понимаю, что ваше сіятельство иногда и опасаетесь сами собою вводить новое: но по состоянію нашего государства, съ нашимъ народомъ, разсуждая, что изъ него въ нынѣшнемъ только вѣкѣ сдѣлано, кажется, что не трудно привести въ исполненіе все возможное и скорѣе, нежели гдѣ-нибудь". Вспоминая, какъ мы побѣдили Шведовъ, выучившись у нихъ же, Воронцовъ совѣтуетъ теперь учиться у Пруссаковъ: „намъ нечего стыдиться, что мы не знали нѣкоторыхъ полезныхъ военныхъ порядковъ и пріемовъ, которые введены у непріятеля, но было бы непростительно, если бы мы пренебрегли ими, узнавъ пользу ихъ на дѣлѣ. Смѣло можно народъ нашъ въ разсужденіе его крѣпости и узаконеннаго правительствомъ послушанія сравнить съ самымъ добрымъ веществомъ, способнымъ къ принятію всякой формы, какую ему дать захотятъ". Многозначительныя слова, въ которыхъ ключъ ко многимъ явленіямъ русской жизни! Въ 1759 г. мѣсто Фермора занялъ П. С. Салтыковъ, памятный Кунерсдорфскимъ сраженіемъ, но Австрійцы ничѣмъ не помогли, да еще своею медленностью и пререканіями портили все дѣло; подробное изложеніе дипломатическихъ сношеній за эту эпоху весьма поучительно. Русское правительство старалось какъ и всегда, дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. „Мы нашему фельдмаршалу графу Салтыкову — говорится отъ имени императрицы въ заключеніи обширнаго и любопытнаго отвѣта на жалобы Австрійцевъ — предписали все прошедшее предать вѣчному забвенію и стараться всѣми средствами, чтобы довѣріе и согласіе между главнокомандующими вполнѣ соотвѣтствовало дружбѣ и довѣрію между обоими императорскими дворами. Но для этого надобно, чтобы императрица-королева дала такое же повелѣніе и своему генералитету, и чтобы заслуженное нашимъ войскомъ довѣріе не было уменьшаемо такими сомнѣніями и гаданіями, которыя, быть можетъ, основаны на оскорбительномъ предубѣжденіи".

Въ числѣ обвиненій особенно любопытно одно: союзники (на этотъ разъ французы) обвиняли Россію за то, что она беретъ слишкомъ незначительныя подати и контрибуціи съ занятыхъ ея войсками прусскихъ провинцій, „тогда какъ король Прусскій не только Саксонію и Мекленбургъ, но и всякую землю, какую только захватитъ или только мимо пройдетъ, вконецъ разоряетъ". Въ концѣ 1760 г. Салтыкова смѣнилъ Бутурлинъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ императрицы (письма его къ государынѣ лично помѣщены въ примѣчаніяхъ къ тому 24 „Исторія Россіи"). За послѣднее время останавливаютъ въ особенности вниманіе дѣла Тотлебена; многое, касающееся этого дѣла выяснено въ „Исторіи Россіи"; но еще болѣе разъясненій представляетъ т. VII „Архива кн. Воронцова". Вообще походъ былъ неудаченъ, кромѣ взятія Кольберга Румянцовымъ. Извѣстіе объ этомъ было послѣднимъ полученнымъ Елисаветою Петровною при ея жизни. Она скончалась 25-го декабря 1761 г. Позволимъ себѣ выписать блистательную характеристику правленія Елисаветы, которую дѣлаетъ нашъ авторъ: „полтавскій побѣдитель былъ приниженъ, рабствовалъ Бирону, который говорилъ: „Вы русскіе"... отъ этого ига избавила Россію дочь Петра В. Россія *пришла въ себя.* На высшихъ мѣстахъ управленія снова явились русскіе люди, и когда на мѣсто второстепенное назначали иностранца, то Елисавета спрашивала: развѣ нѣтъ русскаго? иностранца можно назначить только тогда, когда нѣтъ способнаго русскаго. Народная дѣятельность распеленывается уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ; банки являются на помощь землевладѣльцу и купцу; на востокѣ начинается сильная разработка рудныхъ богатствъ; торговля съ Среднею Азіею принимаетъ обширные размѣры; южныя степи получаютъ населеніе изъ-за границы, населеніе однородное съ главнымъ населеніемъ, поэтому легко съ нимъ сливающееся, а не чуждое, которое не переваривается въ народномъ тѣлѣ; учреждается генеральное межеваніе; вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи приготовленъ къ рѣшенію въ тѣсной связи съ благотворительными учрежденіями; народъ, пришедшій въ себя, начинаетъ говорить отъ себя и про себя, и является литература, является языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа, являются писатели, которые остаются жить въ памяти и мысли потомства, является народный театръ, журналъ, въ старой Москвѣ основывается университетъ. Человѣкъ, гибнувшій прежде подъ топоромъ палача, становится полезнымъ работникомъ въ странѣ, которая болѣе, чѣмъ какая либо другая, нуждалась въ рабочей силѣ; пытка заботливо отстраняется при первой возможности, и такимъ образомъ на практикѣ приготовляется ея уничтоженіе; для будущаго времени приготовляется новое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ пра-

вилахъ и привычкахъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ прежнія царствованія, воспитывается, приготовляется цѣлый рядъ дѣятелей, которые сдѣлаютъ знаменитымъ царствованіе Екатерины II.“

„Но говоря о значеніи царствованія Елисаветы, мы не должны забывать характера самой Елисаветы. Веселая, беззаботная, страстная къ утѣхамъ жизни въ ранней молодости, Елисавета должна была пройти черезъ тяжкую школу испытаній и прошла ее съ пользою. Крайняя осторожность, сдержанность, вниманіе, умѣніе проходить между толкающими другъ друга людьми, не толкая ихъ — эти качества, пріобрѣтенныя Елисаветою въ царствованіе Анны, когда безопасность и свобода ея постоянно висѣли на волоскѣ, эти качества Елисавета принесла и на престолъ, не потерявъ добродушія, снисходительности, такъ называемыхъ патріархальныхъ привычекъ, любви къ искренности, простоты отношеній. Наслѣдовавъ отъ отца умѣнье выбирать и сохранять способныхъ людей, она призвала къ дѣятельности новое поколѣніе русскихъ людей, знаменитыхъ при ней и послѣ нея, и умѣла примирять ихъ дѣятельность, держать въ приближеніи Петра Шувалова и въ то-же время возвышать Шаховскаго. При этомъ, разумѣется, большую службу служила ея осторожность, заставлявшая ее не вдругъ рѣшать дѣла по внушенію того или другаго лица, но выслушивать и другихъ, соображать ихъ мнѣнія, думать и долго думать. „Я долго думаю, говорила Елисавета; но если разъ на что рѣшилась, то не оставлю дѣла, не доведши его до конца“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что авторъ представляетъ намъ первую полную и вѣрную оцѣнку царствованія Елисаветы, далекую и отъ панегирика и отъ памфлета. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, пройдясь по новой русской исторіи онъ ставитъ вѣхи для будущихъ историковъ. Пожелаемъ ему также кончить XVIII в. какъ онъ началъ его и вступить въ XIX в.; пожелаемъ, чтобы достойное исторической науки пониманіе прошлаго, лучшимъ представителемъ котораго является у насъ С. М. Соловьевъ, находило бы все болѣе и болѣе послѣдователей между дѣятелями науки и общественной жизни, ибо прошла пора и безотчетныхъ панегириковъ и слѣпыхъ осужденій прошлаго, и наступила пора внимательнаго вниканія въ него съ цѣлію воспользоваться его уроками.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета.

СТАТИСТИКА.

Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1873 году, въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г. Изданіе Министерства Юстиціи. С.-Петербургъ, 1874 г., 4°.

Изданный въ настоящее время сводъ есть второй. Первый, вышедшій въ 1873 г., заключаетъ въ себѣ данныя по уголовной статистикѣ за 1872 годъ. Сводъ данныхъ за 1873 годъ объемомъ значительно превосходитъ первый, и во многомъ противъ него улучшенъ. Замѣчанія, сдѣланныя спеціалистами на первый сводъ, не прошли даромъ и должно воздать хвалу Министерству Юстиціи, что оно не пренебрегло этими замѣчаніями и старалось удовлетворить научнымъ требованіямъ статистики. У насъ такъ рѣдко статистическіе органы обращаютъ вниманія на требованія науки, что, съ этой стороны, изданный «Сводъ» дѣйствительно заслуживаетъ полнаго одобренія.

Сводъ за 1873 г. распадается на три части. Первая заключаетъ въ себѣ данныя о ходѣ уголовныхъ дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, вторая — данныя о подсудимыхъ и главное осужденныхъ по всѣмъ дѣламъ, общихъ судебныхъ мѣстахъ Имперіи, и третья — свѣдѣнія о лицахъ, судившихся за совершеніе наиболѣе важныхъ проступковъ (сопровождаемыхъ по закону наказаніемъ не ниже тюремнаго заключенія) въ мировыхъ судахъ. Своду предшествуетъ «Общій обзоръ дѣятельности судебныхъ мѣстъ и статистическихъ свѣдѣній о подсудимыхъ» (осужденныхъ?).

Первая часть по объему занимаетъ болѣе половины книги и содержитъ: 1) вѣдомость о производствѣ дѣлъ у судебныхъ слѣдователей, по окружнымъ судамъ; 2) производство дѣлъ по прокурорскому надзору; 3) производство дѣлъ въ судебныхъ палатахъ, въ качествѣ обвинительной камеры; 4) производство дѣлъ въ окружныхъ судахъ; 5) въ судебной палатѣ, въ качествѣ судебной инстанціи; 6) въ кассаціонномъ департаментѣ сената; 7) общій сводъ всѣхъ шести вѣдомостей предшествующихъ; 8) общую вѣдомость о количествѣ производившихся въ округѣ каждаго окружнаго суда дѣлъ по отдѣльнымъ родамъ и наконецъ 42 таблицы двойнаго формата, имѣющія «въ виду указать, по округу каждаго суда, полное движеніе судебнаго дѣлопроизводства по отдѣльнымъ родамъ преступленій». Для удобства, и безъ того большихъ таблицъ, всѣ преступленія сведены въ 21 группу, при чемъ наиболѣе важныя въ каждой группѣ выдѣлены и поставлены отдѣльно.

Часть эта имѣетъ чисто спеціальный, такъ сказать, контрольный инте-

ресъ — дать понятіе объ успѣшности и скорости дѣйствія карательной власти въ разныхъ инстанціяхъ и въ разныхъ мѣстностяхъ. Не говоря о 42 вѣдомостяхъ, появляющихся въ первый разъ, во всѣхъ другихъ вѣдомостяхъ сдѣланы, сравнительно со сводамъ 1872 г., замѣчательныя измѣненія. Многія рубрики соединены въ одну, другія получили болѣе дробныя подраздѣленія, многія изъ однѣхъ таблицъ перенесены въ другія. Такія сокращенія, расширенія и перенесенія составляютъ несомнѣнное улучшеніе въ вѣдомостяхъ, напр. дѣятельность окружныхъ судовъ охарактеризовывается полнѣе перенесеніемъ въ вѣдомость о нихъ изъ вѣдомости о дѣятельности прокурорскаго надзора графы «сколько принято и измѣнено заключеній прокурора», дѣятельность судебныхъ палатъ, перенесенная въ ихъ вѣдомость, оттуда же графы «сколько обвинительныхъ актовъ утверждено и измѣнено заключеніемъ прокурора палаты». Новыя данныя: о томъ, сколько дѣлъ разрѣшено при второмъ составѣ присяжныхъ, по скольким были гражданскіе истцы, сколько ими принесено жалобъ, сколько дѣлъ разсматривалось въ порядкѣ частнаго обвиненія, по скольким дѣламъ начальство, къ коему дѣла были переданы, согласилось и несогласилось съ заключеніемъ прокурора и пр. — представляютъ интересъ, который не могъ быть удовлетворенъ сводомъ прошлаго 1872 года. Болѣе дробныя подраздѣленія времени нахожденія дѣлъ въ тѣхъ или другихъ инстанціяхъ позволяютъ судить точнѣе о скорости дѣйствія правосудія. Всё это такія улучшенія, которыя показываютъ болѣе внимательное отношеніе Статистическаго Отдѣленія къ своему дѣлу, и для критики уголовнаго нашего процесса могутъ имѣть большое значеніе. Въ общемъ обзорѣ изъ большинства свѣдѣній, помѣщенныхъ въ первыхъ восьми вѣдомостяхъ, сдѣланы довольно подробные выводы, изъ коихъ мы узнали, что правосудіе дѣйствуетъ далеко не одинаково успѣшно, ни въ лицѣ судебныхъ слѣдователей, ни прокуроровъ, ни судебныхъ инстанцій. Весьма естественнымъ представляется вопросъ, отчего такое явленіе происходитъ; столь же естественно отвѣтъ на вопросъ искать въ вѣдомостяхъ первой части свода. Тамъ мы находимъ слѣдующія данныя: 1) отношеніе между числомъ производившихся дѣлъ и числомъ слѣдователей; 2) такое же отношеніе къ числу лицъ прокурорскаго надзора и 3) наконецъ 42 вѣдомости о движеніи дѣлъ по отдѣльнымъ группамъ преступленій по каждому окружному суду. Что отъ первыхъ двухъ родовъ отношеній находится въ тѣсной зависимости успѣшность дѣйствій слѣдователей и лицъ прокурорскаго надзора, конечно несомнѣнно. Но успѣшность эта зависитъ ёще отъ многихъ другихъ причинъ. Зависитъ ли она отъ рода преступныхъ дѣяній, съ коими приходилось слѣдователямъ и обвинительной власти имѣть дѣло — вопросъ, на который должны отвѣтить 42 вѣдомости, заключающія первую часть свода.

Задача состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, есть ли зависимость дѣятельности судебныхъ учрежденій, во всей ея совокупности и въ отдѣльныхъ ея элементахъ, отъ сочетанія разныхъ родовъ преступныхъ дѣяній и отъ каждой изъ группъ этихъ дѣяній. Изъ данныхъ о дѣятельности судебныхъ слѣдователей напр. оказывается, что у однихъ слѣдствія шли хуже, у другихъ напротивъ продолжались очень долго, одни окончили въ данное время больше слѣдствій, чѣмъ другіе: спрашивается, не имѣли ли вліянія на эти факты тѣ преступленія, по которымъ приходилось производить слѣдствія? Тотъ же вопросъ можетъ быть поставленъ и по отношенію къ дѣятельности прокурорскаго надзора и судовъ.

Въ «Общемъ обзорѣ» изъ 42 таблицъ, о коихъ идетъ рѣчь, не сдѣлано никакихъ выводовъ (стр. XXVIII) — сказано только, что составлены такія то таблицы. Какъ объяснить такое отношеніе составителей «Свода» къ одной изъ большихъ частей своей работы. Или сведенныя въ 42 таблицахъ данныя могутъ дать ключъ къ разъясненію всѣхъ предшествующихъ выводовъ, сдѣланныхъ (стр. III — XXVIII) относительно дѣятельности судебныхъ учрежденій,— и тогда не слѣдовало пренебрегать ими; или разъясненія этого нельзя извлечь изъ сведенныхъ данныхъ — тогда къ чему помѣщать въ «Сводѣ» 42 длинныхъ и малоудобныхъ для чтенія таблицы? Если нельзя не допустить зависимости между преступнымъ дѣяніемъ и дѣятельностью судебныхъ учрежденій, то во всякомъ случаѣ зависимость эта можетъ быть выяснена обрисовкою всей обстановки преступленія и процесса, разумѣя подъ обстановкой преступленія и процесса запутанность дѣла, трудность найти преступника, собрать улики, отыскать свидѣтелей, наличность большаго или меньшаго числа ихъ, объемъ обвинительнаго акта и пр. и пр. Эти обстоятельства могутъ дѣйствительно объяснить, почему въ однихъ мѣстностяхъ слѣдователи, прокурорскій надзоръ и судъ дѣйствовали скорѣе, въ другихъ медленнѣе — въ однихъ они имѣли предъ собою болѣе удобныя обстоятельства, сопровождавшія преступныя дѣянія, раскрытіе ихъ и уголовный процессъ, въ другихъ обстоятельствахъ были менѣе удобны, дѣло шло медленнѣе, затягивалось и пр. Но этихъ данныхъ въ 42 таблицахъ нѣтъ и едва ли есть возможность выразить ихъ числовыми величинами, кромѣ числа вызванныхъ свидѣтелей и экспертовъ (котораго тоже нѣтъ въ этихъ таблицахъ). Что же выходитъ изъ сравненія данныхъ таблицъ или вѣдомостей съ данными о дѣятельности напр. судебныхъ слѣдователей?

На стр. XIII мы находимъ, что самая большая быстрота въ производствѣ слѣдствій замѣчается въ Петербургскомъ судебномъ округѣ, гдѣ изъ оконченныхъ слѣдствій только 5,1% длились болѣе 1 года, а 48% продолжались менѣе одного мѣсяца и 15% неоконченныхъ слѣдствій длится

болѣе года; самая слабая — въ Казанскомъ округѣ, гдѣ болѣе года длилось 16,5% слѣдствій, только 43% менѣе 1 мѣсяца и 51 неокончено болѣе года и изъ общаго числа слѣдствій (стр. V) окончено слѣдователями, въ Петерб. округѣ 86%, въ Казанскомъ 67%. Обращаемся къ таблицамъ, изъ числа 42, заключающихъ данныя о ходѣ слѣдствій по группамъ преступленій и находимъ, что почти нѣтъ никакой разницы въ % отношеніи производившихся слѣдствій по разнымъ группамъ преступленій къ общему числу производившихся слѣдствій. Эти процентныя отношенія, выведенныя нами изъ соотвѣтствующихъ вѣдомостей, были:

	Петербургскій округъ.	Казанскій округъ.
Кражи	49,4%	48,7%
Другія преступленія противъ собственности частныхъ лицъ	9,8 »	3,8 »
Убійства	4,4 »	5,3 »
Другія преступленія противъ жизни, здравія и свободы частныхъ лицъ	7,5 »	5,5 »

Это по главнымъ видамъ преступленій. По другимъ менѣе экстензивнымъ преступленіямъ разница столь же незначительна. Наибольшій сравнительно съ Петербургскимъ округомъ % слѣдствій въ Казанскомъ округѣ приходится на долю преступленій по службѣ государственной (Каз. 6%, Пет. 3,1%), противъ имущества и доходовъ казны (Каз. 3,2%, Пет. 2,3%) и нѣкоторыхъ другихъ. Въ другихъ напротивъ преступленіяхъ еще менѣе экстенсивныхъ перевѣсъ находится на сторонѣ Петербургскаго округа: таковы самоуправство (Пет. 1,4%, Каз. 0,8%), самоубійство (Пет. 2,0%, Каз. 0,3%) и пр. Очевидно, по своимъ составнымъ элементамъ преступность Петерб. округа и Казанскаго не настолько различны, чтобы объяснить намъ почему слѣдствія въ Казанскомъ округѣ длятся болѣе продолжительное время, чѣмъ въ Петербургскомъ.

Точно также мало находится въ зависимости, отъ взаимнаго соотношенія элементовъ общей преступности, движеніе дѣлъ въ прокурорскомъ надзорѣ и окружныхъ судахъ. Въ самомъ дѣлѣ находилось въ производствѣ у лицъ прокурорскаго надзорѣ менѣе 1 мѣсяца въ Петербургскомъ округѣ 61% всѣхъ дѣлъ, въ Казанскомъ 71%, отъ 1 до 2 мѣс. 22% и 14%, болѣе 4 мѣсяцевъ 8% и 8%. Производилось дѣлъ въ окружныхъ судахъ менѣе 1 мѣсяца въ Петербургскомъ округѣ 47%, въ Казанскомъ 50%, болѣе 1 года 1/2% и 2%. Причина различной успѣшности дѣлопроизводства судебныхъ мѣстъ лежитъ главнымъ образомъ въ несоотвѣтствіи численности личнаго персонала съ пространствомъ округовъ и съ числомъ возникающихъ дѣлъ. Въ то время, какъ на 1 слѣдователя Петербургскаго

округа приходится 41,000 кв. верстъ и 121 дѣло (min.), Казанскаго 102,000 кв. верстъ и 171 дѣло (max.); на каждое лицо прокурорскаго надзора приходится дѣлъ въ Петербургскомъ округѣ 186, Казанскомъ 283, на каждый окружной судъ въ Казанскомъ округѣ пришлось 1,988 дѣлъ, въ Петербургскомъ 865. Въ Петербургскомъ округѣ каждому слѣдователю пришлось вызвать и спросить 770 свидѣтелей, экспертовъ и понятыхъ, въ Казанскомъ 1,177. Кромѣ того одинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи желѣзныя дороги, другой долженъ быть довольствоваться менѣе совершенными средствами передвиженія. Вообще *причины* различія въ ходѣ дѣятельности разныхъ судебныхъ учрежденій данными первой части уясняются въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ *фактъ* этого различія. Еще одинъ примѣръ. Какое объясненіе мы найдемъ въ вѣдомостяхъ напр. такому явленію. Самымъ исполнительнымъ въ отношеніи къ слѣдственной части оказывается Ярославскій окружной судъ. У судебныхъ слѣдователей его 92% производившихся слѣдствій окончены; самый неисполнительный — острогожскій судъ, гдѣ окончено только 48% слѣдствій. Отчего въ первомъ, слѣдствія по кражѣ, продолжавшіяся болѣе года, составляютъ 0,8% оконченныхъ слѣдствій, тогда какъ во второмъ по кражѣ же такихъ слѣдствій 14%. Отчего по кражѣ же въ округѣ Ярославскаго суда 20% слѣдствій длилось отъ 2 до 6 мѣсяцевъ, а въ Острогожскомъ 24%.

Намъ скажутъ, что разбираемыя нами 42 вѣдомости могутъ представлять интересъ другаго рода. Разнаго рода преступныя дѣянія, безотносительно или относительно къ мѣсту, гдѣ они совершены и къ личнымъ силамъ судебнаго персонала, могутъ представлять различіе въ той легкости, съ которой они поддаются судебному процессу. Одни изъ нихъ болѣе просты, очевидны, необходимые для состава преступленія признаки въ нихъ скорѣе могутъ быть раскрыты, чѣмъ въ другихъ и т. д. Въ виду такого представляющагося вопроса можно пожалѣть, что сводъ не даетъ общей вѣдомости, въ которой бы были сведены для всей области дѣйствія судебныхъ уставовъ 1864 г. данныя отдѣльныхъ 42 окружныхъ судовъ, такъ какъ составители обзора сами не сдѣлали изъ нихъ, какъ сказано, никакихъ общихъ выводовъ. На сколько можно судить, по сдѣланнымъ нами вычисленіямъ едвали, на основаніи статистическаго наблюденія, можетъ быть выяснена зависимость между дѣятельностью судебныхъ мѣстъ и лицъ и родомъ преступныхъ дѣяній. Возьмемъ напримѣръ убійство и кражу по отношенію къ слѣдственной дѣятельности. Какъ ни различны эти виды преступленій, однако на быстроту слѣдствій они имѣютъ мало вліянія, чтó видно изъ слѣдующей таблицы:

Оконченныя слѣдствія продолжались:	Убійство.	Кража.
Менѣе 1 мѣсяца	37,0	45,9
Отъ 1 до 2 мѣсяцевъ	17,0	17,1
» 2 » 6 »	22,4	15,9
» 6 » 12 »	15,0	11,3
Болѣе 12 »	9,0	9,8
	100,0	100,0

То-же самое оказывается и по отношенію къ ходу дѣлъ въ окружныхъ судахъ:

Оконченныя дѣла продолжались производствомъ въ окружномъ судѣ:	Убійство.		Кража.	
До 1 мѣсяца.	34,6	58,4%	23,9	58,5
отъ 1 до 3 мѣсяцевъ	23,8		34,6	
» 3 » 6 »	24,0		24,1	
» 6 » 12 »	16,5		15,8	
Болѣе 12 »	1,1		1,6	
	100,0		100,0	

Та-же пропорціональность, конечно въ меньшей степени, замѣчается и для каждаго округа суда въ отдѣльности.

Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія вѣдомости о ходѣ дѣлъ по окружнымъ судамъ и по группамъ преступленій, какъ и для выясненія предъидущаго вопроса, оказываются непригодными, слѣдовательно безполезными.

Кромѣ увеличенія и измѣненія содержанія отдѣльныхъ вѣдомостей, сводъ 1873 г. сравнительно со сводомъ 1872 г. представляетъ измѣненіе гораздо болѣе существенное. Въ немъ сообщаются свѣдѣнія не о дѣлахъ, возникшихъ въ 1873 г., а вообще о дѣлахъ, производившихся въ 1873 г. безъ различія, когда они возникли. Такое измѣненіе, по нашему мнѣнію, никакъ не можетъ быть признано улучшеніемъ. То представленіе, какое мы можемъ вывести объ успѣшности дѣйствія тѣхъ или другихъ органовъ правосудія, совершенно запутывается. Мы знаемъ напр., что въ шести судебныхъ округахъ, въ окружныхъ судахъ, было въ производствѣ дѣлъ 54,306, изъ коихъ возникло въ 1873 г. 41,894; окончено 41,782 и о нихъ мы знаемъ все, что даетъ вѣдомость, но не знаемъ сколько окончено дѣлъ возникшихъ въ 1873 году и сколько оставшихся по наслѣдству отъ 1872. Осталось въ производствѣ 12,524; какія эти дѣла, возникшія ли въ 1873 или и возникшія въ 1872 и 1873? Тѣ-же вопросы возникаютъ и по отношенію къ осужденнымъ, коимъ посвящена вторая

часть свода: въ числѣ ихъ есть лица, совершившія преступленія не только въ 1873 г., но въ 1872 г. и можетъ быть ранѣе. Было бы цѣлесообразнѣе, вмѣсто того, чѣмъ тратить трудъ и время на 42 вѣдомости, составить отдѣльныя таблицы особо по дѣламъ возникшимъ въ 1873 г. отдѣльно отъ вѣдомостей по производству дѣлъ, оставшихся отъ предшествующихъ лѣтъ. Такое раздѣленіе быть можетъ мы не споримъ имѣетъ мало значенія для характеристики дѣятельности судебныхъ мѣстъ; но въ вѣдомостяхъ объ осужденныхъ оно существенно важно: безъ этого невозможно никогда будетъ возстановить, по ряду сводовъ, подобныхъ настоящему, сколько въ данномъ году лицъ совершило тѣ или другія преступленія, какія были эти лица. Когда вышелъ сводъ 1872 г. и нашли въ немъ, что 5,663 дѣла не были окончены окружными судами, кромѣ 35 въ судебныхъ палатахъ и 29 въ кассаціонномъ департаментѣ сената, и что цифра осужденныхъ равнялась 21,371, мы надѣялись въ сводѣ 1873 г. найдти, сколько осужденныхъ по дѣламъ возникшихъ въ 1872 г. надобно будетъ прибавить къ этой 21,371 лицу, чтобы получить полную мѣру преступности. Оказывается теперь, что мы никогда не узнаемъ сколько было, въ данной части Россіи, на которую распространяется дѣйствіе уставовъ 64 г., преступниковъ въ 1872 году. То-же будетъ имѣть мѣсто и по отношенію къ послѣдующимъ годамъ, если форма сводки останется та-же.

Другой недостатокъ первой части Свода, проходящій и черезъ вторую часть, тотъ, что онъ, подобно своду 1872 года, не даетъ свѣдѣній о томъ, сколько совершено въ данномъ году, и какихъ, преступныхъ дѣяній, ибо «дѣло» и «преступленіе» не суть понятія тождественныя; точно также и вторая часть свода даетъ число осужденныхъ, не давая числа преступленій. Изъ числа дѣлъ и осужденныхъ нельзя конечно заключать о числѣ преступленій, точно также какъ знаніе числа начатыхъ слѣдствій не даетъ еще права заключать, что таково и число преступленій и еще менѣе, что преступленія именно того характера, какой придалъ ему слѣдователь. Преступленіемъ мы можемъ назвать только такое дѣяніе, — найденъ виновникъ его или нѣтъ, — за которымъ судебная власть признала всѣ необходимые признаки преступности. Тогда только, собственно говоря, опредѣляется и характеръ преступленія. Очевидно числа такихъ дѣяній, совершенныхъ въ данномъ году, изъ матеріаловъ, вошедшихъ въ сводъ, вывести невозможно. Что число осужденныхъ не говоритъ о числѣ преступленій совершенно очевидно, ибо какъ одно преступленіе можетъ быть совершено нѣсколькими лицами, такъ и на-оборотъ одно лицо можетъ совершить нѣсколько преступленій. Такъ что первый вопросъ, на который уголовная статистика должна дать отвѣтъ: сколько какихъ преступныхъ

дѣяній совершено въ данный періодъ времени? — остается безъ отвѣта уже отъ одной указанной причины, не говоря о томъ, что не всѣ данныя о проступкахъ входятъ въ него. Неспоримъ, что ожиданіе окончательнаго рѣшенія дѣла оттянуло бы изданіе сводовъ; но собственно вѣдь нѣтъ надобности спѣшить съ подобными изданіями; наконецъ въ такіе своды можно бы было, издавая ихъ ежегодно, помѣщать отчетъ по дѣламъ только рѣшеннымъ окончательно, распредѣляя таковые по годамъ ихъ возникновенія.

Вторая часть свода, бывшая второй половиной второй части, посвящена личности осужденныхъ.

Начинается она общею вѣдомостью объ оправданныхъ и осужденныхъ по приговорамъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, соединяющею въ себѣ таблицы XXVIII и XXIX свода 1872 года. Сравнительно съ этими послѣдними, она заключаетъ въ себѣ многія новыя рубрики въ высшей степени важныя, а именно: свѣдѣнія о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, признанныя совершившими преступленіе съ разумѣніемъ и безъ разумѣнія и въ главныхъ исправительныхъ показаніяхъ выдѣлены несовершеннолѣтніе отъ совершеннолѣтнихъ. Тѣже измѣненія сдѣланы и во второй вѣдомости такого же содержанія, по окружнымъ судамъ (табл. XVIII и XIX свода 1872 г.). Противъ 1872 г. исключены показанія о рецедивистахъ и о сознаніи подсудимыхъ. Первыя будутъ обработаны отдѣльно, вторыя отнесены въ ту часть свода, которая касается личности осужденныхъ.

Остальныя таблицы второй части содержатъ въ себѣ самыя детальныя данныя о личности осужденныхъ (хотя въ заголовкахъ стоитъ конечно по ошибкѣ вездѣ слово «подсудимыхъ»): ихъ возрастѣ, семейномъ бытѣ, образованіи, занятіи, средствахъ къ жизни, вѣроисповѣданіи, мѣсторожденіи, особыхъ примѣтахъ, сознаніи на судѣ, времени и мѣстѣ совершенія преступленія. Всѣ данныя распредѣлены по преступленіямъ, безъ различенія преступленій. Было бы конечно желательно, чтобы оба признака были соединены между собою, т. е. чтобы всѣ свѣдѣнія объ осужденныхъ были представлены по каждому окружному суду и для него по преступленіямъ. Работа концентрированія первоначальныхъ данныхъ черезъ это нисколько бы не усложнилась, такъ какъ теперь тотъ-же матеріалъ разбирается вдвойнѣ, разъ по всѣмъ окружнымъ судамъ, по преступленіямъ, другой разъ по преступленіямъ, но по всѣмъ судамъ вмѣстѣ, а тогда онъ разбирался бы по каждому суду отдѣльно и въ немъ по преступленіямъ. Вѣроятно для общаго свода по преступленіямъ подтасовка данныхъ идетъ и теперь сначала по судамъ, и затѣмъ уже данныя однородныя соединяются вмѣстѣ. При нашемъ требованіи конечно значительно увели-

чился бы объемъ изданія и расходы печатанія, но за то достоинство матеріала выиграло бы въ пропорціи большей, чѣмъ возросли бы расходы печатанія. Вмѣсто теперешнихъ 20 вѣдомостей, заключающихъ данныя объ осужденныхъ было бы, кромѣ таблицы комбинированныхъ данныхъ, занятія съ возрастомъ, семейнымъ бытомъ и образованіемъ осужденныхъ (XI), которую слѣдуетъ удержать въ виду огромнаго интереса ея, 336 вѣдомостей, но 42 для теперешнихъ таблицъ III, V, VII, IX, XII, XIV, XVI и XVIII. Восемь вѣдомостей, по окружнымъ судамъ (IV, VI, XIII, X, XIII, XV, XVII, XIX и XX) были бы тогда излишни; съ отпущеніемъ 42 вѣдомостей въ первой части, объемъ изданія увеличился бы на 275 вѣдомостей.

Измѣненія къ лучшему во второй части свода мы должны отмѣтить въ каждой вѣдомости. Начать уже съ того, что раздѣленіе данныхъ по полу проведено по всѣмъ отдѣламъ, тогда какъ въ сводѣ 1872 г. полы отдѣльно не показаны, почти во всѣхъ таблицахъ, что было конечно непростительной ошибкой, въ изданіи матеріаловъ по уголовной статистикѣ. Затѣмъ для обозначенія возраста принята лучшая группировка лѣтъ, болѣе сообразная съ постановленіями русскаго законодательства и съ рубриками западно-европейскихъ отчетовъ. Вмѣсто прежнихъ 9 группъ по занятіямъ приняты 21; жаль только, что не приложили къ своду поясненій, кого именно относили напр. въ группу сельскихъ хозяевъ, кого въ группу хлѣбопашцевъ или сельской прислуги, кого разумѣли подъ содержателями промышленныхъ заведеній, кого просто подъ промышленниками, отчего трактирная прислуга попала въ рубрику «разные промышленники», куда дѣлись рабочіе у ремесленниковъ, не попавшіе въ графу «рабочій классъ», куда отнесены поденщики и фабричные рабочіе. Было бы совершенно необходимо, принявши извѣстныя рубрики для занятій, напечатать, въ видѣ приложенія, полный списокъ названій занятій, какъ они прописаны въ первоначальныхъ данныхъ (листкахъ) и затѣмъ указать, какія занятія отнесены въ какую группу при сводкѣ данныхъ — какъ это сдѣлано для преступленій, хотя здѣсь особое поясненіе менѣе необходимо въ виду того, что при каждой принятой группѣ преступленій, въ самыхъ вѣдомостяхъ, обозначены статьи Уложенія.

Кромѣ того, въ этой части свода помѣщены три новыя таблицы. Одна, о которой выше было упомянуто (табл. XI) и которая содержитъ комбинацію занятія съ возрастомъ, семейнымъ бытомъ и образованіемъ осужденныхъ, по преступленіямъ. Въ ней конечно для занятій и возраста приняты болѣе широкія рубрики, для занятій 8 группъ (вмѣсто 21), для возраста 12 (вм. 25), хотя при большей компактности изданія можно было принять для занятій нѣсколько болѣе подробныя. Но и въ томъ

видѣ какъ она есть, она представляетъ весьма цѣнный матеріалъ, особенно если соотвѣтствующія таблицы найдутъ себѣ мѣсто въ сводахъ послѣдующихъ годовъ: изъ данныхъ одного года дѣйствительно было бы слишкомъ поспѣшно дѣлать какіе либо выводы (Общій обзоръ, стр. XLIX). Другая таблица, тоже весьма интересная, содержитъ свѣдѣнія о народности осужденныхъ и ихъ тѣлесныхъ недостаткахъ (глухіе, слѣпые, нѣмые). Въ данныхъ о тѣлесныхъ недостаткахъ нельзя не замѣтить отсутствія свѣдѣній о глухонѣмыхъ, которые могли бы занять графу неизвѣстно для чего отведенную лицамъ не имѣющимъ недостатковъ. Вопросы о народности введены въ нашу уголовную статистику въ виду постановленія Петербургскаго статистическаго конгресса (см. Resolutions du 8 congrès, стр. 104) и хотя отсутствіе данныхъ о распредѣленіи національностей въ населеніи не даетъ теперь возможности вывести сколько нибудь существенныя заключенія о преступности и ея характерѣ, у разныхъ племенъ населяющихъ Россію, но въ будущемъ конечно подобный матеріалъ не пропадетъ даромъ. Наконецъ третья новая таблица восполняетъ отчасти недостатки сводовъ по преступленіямъ и окружнымъ судамъ въ связи съ индивидуальными качествами подсудимыхъ тѣмъ, что даетъ комбинацію суда (мѣстности слѣдовательно), преступленія и возраста. Но понятно, что и преступленія и возрасты приведены къ самому небольшому числу группъ — возрасты къ тремъ, преступленія къ 19. Нельзя при просмотрѣ этой и другихъ таблицъ не обратить вниманія на то, что въ группировкѣ преступленій, составители свода не придерживались одной общей классификаціи, напр. предложенной въ концѣ изданія и при томъ группировали такъ, что составныя части группъ не вездѣ однѣ и тѣже. Такъ въ 1-й части первая группа, *преступленія противъ вѣры и нарушенія ограждающихъ оную постановленій*, обнимаетъ пункты 1—7 по классификаціи свода (см. приложенія къ своду); во второй части, въ свѣдѣніяхъ объ осужденныхъ, группы 1, 2 и 3 обнимаютъ пункты 1—6, а 7 соединенъ съ 53; въ таблицѣ 20-й, 1-я группа: *богохуленіе, порицаніе вѣры и скопчество*, соединяетъ пункты 1—4 и 6, 5 и 7 исключены вовсе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, заголовокъ таблицы показываетъ, что выбраны въ ней *главные виды* преступленій; но всё же не вполнѣ ясно обозначено, какія №№ основной группировки вошли въ принятые виды (напр. въ заголовкѣ читаемъ: *подлоги 74—118* по №№ 74—118 обнимаютъ ни одни подлоги, но и другія преступленія, ясно не подлоги, которые и выдѣлены особо или помѣщены въ другихъ группахъ). Но группы первой и второй частей не могутъ быть приведены во взаимное соотвѣтствіе. По нашему мнѣнію это недостатокъ. Въ 1-й части группы идутъ послѣдовательно по статьямъ свода (отъ 176 до 1711), а во 2-й части

онѣ составлены искусственно и въ нихъ вошли дѣянія, наказуемыя по разнымъ статьямъ уложенія. Такъ возьмемъ группу 1-й части *«другія преступленія противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ»* ст. 1477—1548 и посмотримъ, можно ли подъ нее подвести группы 2-й части свода. Статьи 1477—1548 соотвѣтствують группѣ 103—113. Но въ эти 11 группъ входятъ преступленія, наказуемыя не только по статьямъ 1477 до 1548, а по 988 (группа 106), по 1208, 1460 (группа 103) и притомъ преступленія эти сложны съ наказуемыми: въ 103 группѣ по ст. 1513—22, въ 106 по 1477—1483 и другимъ. Сложивши вмѣстѣ 103—113, мы получимъ большій объемъ, нежели какой имѣетъ группа первой части свода, выше выписанная. Возьмемъ еще въ 1-й части группу *«подлогъ по службѣ»* ст. 361—365: во второй части преступленія, наказуемыя 361—365 ст. и названныя «служебные подлоги» (№ 24), соединены въ одно цѣлое съ наказуемыми по другимъ 8 статьямъ 439, 460, 480, 481 (вошедшимъ въ группу и другія преступленія по службѣ государственной и общественной»), 1300, 1301 (противъ обществъ благоустройства и благочинія), 1441 и 1444 (противъ законовъ о состояніяхъ). Отчего было, выдѣляя главные виды преступленій, въ группировкѣ второстепенныхъ не придерживаться и въ первой части свода той классификаціи, которая старательно выработана для *«свода»* же исключительно. Тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакого видимаго основанія, чтобы для первой части свода была нужна именно та группировка преступленій, какая въ ней принята, а не другая, составляющая соединеніе 154 группъ въ меньшее число группъ.

Въ новомъ сводѣ, въ этой части, при всѣхъ улучшеніяхъ, заявленныхъ нами, мы не находимъ двухъ родовъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ сводѣ 1872 г., неизвѣстно почему опущенныхъ. Мы говорили о *соучастіи* и объ *отношеніи осужденныхъ къ потерпѣвшимъ отъ преступленія.* Отсутствіе данныхъ о соучастіи кажется намъ особенно прискорбнымъ, потому что лишаетъ матеріала изслѣдованія вопроса объ индивидуализаціи преступленій вообще и объ степени индивидуальности разныхъ видовъ преступныхъ дѣйствій.

Третья часть свода бывшая началомъ второй въ сводѣ 1872 г., посвящена осужденнымъ мировыми судами и мировыми съѣздами. Чтобы охарактеризировать улучшенія здѣсь сдѣланныя, достаточно сказать: 1) что она уже въ бывшемъ сводѣ обработана была подробнѣе, чѣмъ данныя объ осужденныхъ общими судами и что главнѣйшій недостатокъ свода 72 г. гдѣ всѣ данныя касались подсудимыхъ вообще, устраненъ тѣмъ, что и тутъ имѣются данныя только объ осужденныхъ, и 2) что группировка данныхъ въ таблицахъ поставлена въ полное соотвѣтствіе съ

таковою же группировкою второй части, чего прежде не было. Однако одинъ капитальный недостатокъ прежняго свода остался и въ новомъ: территоріальныя дѣленія для мировыхъ судовъ по губерніямъ не совпадаютъ съ дѣяніями второй части, по окружнымъ судамъ, границы дѣятельности которыхъ не всегда включаютъ въ себѣ губерніи цѣликомъ, и во многихъ губерніяхъ одни уѣзды принадлежатъ къ одному, другіе къ другому округу, такъ что общей преступности по губерніямъ вывести нельзя. Причина такого неоднообразія размѣщенія матеріала по территоріальнымъ дѣленіямъ лежитъ не въ недостаткѣ первоначальной регистраціи, а въ пріемахъ сводки, ибо если границы окружныхъ судебныхъ округовъ не совпадаютъ съ границами губерній, то совпадаютъ съ границами уѣздовъ, которые суть территоріальныя единицы для мировыхъ округовъ. Слѣдовательно, устраненіе недостатка, о которомъ мы говоримъ, совершенно возможно, такимъ образомъ, чтобы данныя по мировой юстиціи, въ тѣхъ случаяхъ когда границы судебнаго округа захватываютъ части смежныхъ губерній, разработывались отдѣльно по уѣздамъ, входящимъ въ одинъ и въ другой судебные округи, и прилагалось къ своду кромѣ того поясненіе, какія административныя дѣленія входятъ въ составъ даннаго округа.

Сверхъ того для географическаго распредѣленія преступности не достаточно знать, сколько въ судебныхъ учрежденіяхъ данной части территоріи судилось лицъ (даже преступленій), но надобно знать, сколько, по крайней мѣрѣ, лицъ совершило преступленія на этой территоріи и сколько изъ судившихся совершили преступленія въ другихъ и гдѣ именно. Въ Петербургскомъ окружномъ судѣ, напримѣръ, судились лица, совершившія преступленія не только въ границахъ этого судебнаго округа, но и въ другихъ частяхъ Россіи, равно какъ и въ другихъ окружныхъ судахъ могли судиться преступныя дѣянія, совершенныя по территоріи Петербургскаго округа. Преступленія по мѣсту ихъ совершенія не достаточно распредѣлить на совершенныя въ столицѣ, городѣ и уѣздѣ — необходимо указать въ предѣлахъ какого дѣянія, судебнаго или административнаго (конечно лучше послѣдняго), они совершены. Другими словами, разработывая данныя по Петербургскому округу, нужно дать таблицу съ заголовками: преступленія, судившіяся въ судахъ Петербургскаго округа совершены: столько то (и такіе то) въ такомъ, и такомъ округѣ. Теперь сводъ не только не даетъ возможности опредѣлить числа совершенныхъ въ 1873 году преступленій, съ распредѣленіемъ ихъ по пространству, но не даетъ возможности судить о распредѣленіи преступности даже по числу осужденныхъ, распредѣленныхъ по мѣсту совершенія преступленій.

Обрисовывая личность осужденныхъ мировою юстиціею по 13 статьямъ устава о наказаніяхъ, третья часть свода не даетъ 1) никакихъ свѣдѣній о числѣ, по крайней мѣрѣ общемъ, всѣхъ другихъ проступковъ, дѣла по коимъ подлежатъ мировому суду и 2) никакихъ данныхъ о ходѣ мироваго правосудія. Безъ данныхъ перваго рода опять таки невозможно дать себѣ отчета объ томъ количествѣ преступныхъ дѣйствій, какое даетъ русское общество. Было бы можетъ быть обременительно требовать отъ мировыхъ судей подробныхъ листковъ о личности осужденныхъ по маловажнымъ проступкамъ, но валовыя показанія о числѣ проступковъ и числѣ осужденныхъ, съ главными деталями не особенно увеличили бы отчетность судей. Что касается до свѣдѣнія втораго рода, то указаніе на движеніе дѣлъ въ мировыхъ съѣздахъ по крайней мѣрѣ, дало бы какой нибудь матеріалъ для оцѣнки дѣятельности мировыхъ судебныхъ учрежденій. Теперь мы лишены прочныхъ основаній для такой оцѣнки.

Намъ остается сказать объ «общемъ обзорѣ» представляющемъ главнѣйшіе выводы изъ данныхъ «Свода».

Обзоръ написанъ очевидно рукою болѣе опытною въ научной обработкѣ статистическаго матеріала, чѣмъ обзоръ, предпосланный своду 1872 г. Мы находимъ въ немъ не только переложеніе абсолютныхъ цифръ въ относительныя, съ чисто объективнымъ отношеніемъ къ нимъ, но попытку сдѣлать изъ фактовъ научные выводы, сопоставить ихъ съ выводами, получаемыми для западно-европейскихъ государствъ. Черезъ это вносится излишній субъективный элементъ. Во всякомъ другомъ изданіи такой обзоръ былъ бы украшеніемъ — только не въ офиціальномъ. Офиціальное изданіе статистическаго органа должно дать *наблюденія* надъ соціальнымъ явленіемъ, дать ихъ въ формѣ наиболѣе пригодной для научной работы; научная разработка не его дѣло. Пока она находится въ опытныхъ рукахъ и притомъ людей безпристрастныхъ она не представляетъ еще собственно зла; но разъ допустивши окраску выводовъ субъективнымъ цвѣтомъ ученаго изслѣдованія, офиціальное вѣдомство можетъ легко всей разработкѣ придать тенденціозный характеръ, даже покуситься на искаженіе фактовъ. И въ настоящемъ обзорѣ мы находимъ вещи, которыя совершенно умѣстны въ частномъ изслѣдованіи, но которыя странно читать въ правительственномъ изданіи. Напримѣръ, говоря о процентѣ оправданныхъ (стр. XXX) Министерство Юстиціи ставитъ его малую величину въ зависимость отъ хорошаго уголовнаго законодательства и приводитъ данныя для западно-европейскихъ государствъ, показывающія, что наше законодательство хуже, ибо процентъ оправданныхъ значительнѣе. Мы не споримъ о фактѣ,

но такое самообличеніе совершенно неумѣстно. Далѣе на стр. XXXIII Министерство Юстиціи (мы другаго лица отъ котораго идетъ рѣчь не имѣемъ права знать въ офиціальномъ изданіи) говоритъ русскому обществу, что оно гораздо нравственнѣе, чѣмъ общество западной Европы, не будетъ безнравственнѣе, даже если бы число подсудимыхъ и осужденныхъ увеличилось вдвое. Значитъ мы не должны возмущаться духомъ, если бы у насъ совершалось вдвое болѣе преступленій, даже можемъ нѣкоторымъ образомъ гордиться чистотою нашихъ нравовъ, вопреки г. Эттингену и его соотечественникамъ, считающихъ русскій народъ болѣе преступнымъ, чѣмъ остзейскихъ нѣмцевъ [1]). Не менѣе странно читать, какъ правительственный органъ произноситъ свой приговоръ надъ характеромъ преступности разныхъ національностей, входящихъ въ составъ Русскаго Государства. Нѣмцевъ, напр. правительство должно считать очень опаснымъ народомъ, потому что они имѣютъ наибольшую относительную наклонность къ поддѣлкѣ монеты, и подложнымъ дѣйствіямъ всякаго рода, къ дѣтоубійству, къ преступленіямъ противъ нравственности и пр. [2]). Такихъ примѣровъ неумѣстныхъ, въ устахъ правительственнаго органа рѣчей, можно привести очень много. Было бы совершенно достаточно, если бы «Общій обзоръ» ограничился рядомъ таблицъ, въ коихъ абсолютныя цифры свода были бы переведены въ относительныя, хотя, съ другой стороны, таблицы эти могли бы точно также хорошо найти себѣ мѣсто въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ самаго свода. Только отчетъ о дѣятельности разныхъ органовъ правосудія, на основаніи данныхъ первой части свода, вполнѣ у мѣста въ обзорѣ, какъ рапортъ такъ сказать начальству о степени успѣшности дѣйствій его подчиненныхъ и о причинахъ ее обусловливающихъ. Отчетъ этотъ могъ бы даже быть полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ напечатанный въ «Сводѣ».

Мы не вдаемся въ разборъ «Общаго обзора» какъ ученой работы, потому что рецензія наша и безъ того получила слишкомъ большія размѣры. Не можемъ однако не замѣтить, что многіе выводы «Обзора» очевидно слишкомъ абсолютны и смѣлы. Нельзя трактовать серьезно о *преступности* различныхъ группъ на основаніи однихъ взаимныхъ отношеній данныхъ о числѣ осужденныхъ по этимъ группамъ и преступленіямъ, и разныхъ вспомогательныхъ соображеній, ибо преступность данной группы и характеръ ея опредѣляется отношеніемъ между всѣмъ числомъ преступленій или данныхъ преступленій и числомъ лицъ, со-

---

[1]) Oettingen, Moralstatistik, 1ste Auflage, стр. 737 и слѣд.
[2]) стр. LVIII.

ставляющихъ разсматриваемую группу въ средѣ населенія. Коль скоро этой послѣдней величины мы не знаемъ, мы не имѣли права заключать что либо о *преступности* данной группы лицъ (т. е. собственно о *вѣроятности* для лица, принадлежащаго къ ней совершить преступленіе), какими бы оговорками мы сами потомъ ни ослабляли рѣзкости и абсолютности нашего о ней вывода.

Заключая нашу статью мы выписываемъ изъ «Обзора» совершенно справедливую оцѣнку (вѣрнѣе «самооцѣнку») общаго значенія «Свода»:

«Нельзя не указать на громадную важность содержащихся въ немъ (Сводѣ) данныхъ, какъ для правительственныхъ соображеній и мѣропріятій, такъ и вообще для дѣла статистики. Выясняя (вѣрнѣе давая матеріалъ для выясненія) состояніе преступныхъ классовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, Сводъ можетъ служить весьма полезнымъ матеріаломъ при разрѣшеніи вопроса, какія мѣры съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ быть примѣнены для борьбы съ тѣми или другими преступленіями. Данныя о дѣятельности судебныхъ мѣстъ могутъ указать не только то, какія судебныя мѣста съ наибольшимъ успѣхомъ исполняютъ ввѣренныя имъ обязанности, но и тѣ причины въ силу коихъ нѣкоторыя судебныя мѣста не въ состояніи исполнять свои обязанности надлежащимъ образомъ. Всякая реформа правительства въ области уголовнаго правосостоянія отнынѣ можетъ основываться на точныхъ указаніяхъ статистики». Хотя послѣднія слова выражаютъ нѣкоторую степень самонадѣянности, но они знаменательны какъ profession de foi. Руководимыя изученіемъ объекта своей дѣятельности, мѣропріятія карательной власти, какъ и всякой другой, только тогда могутъ быть плодотворны. «Отсюда же открывается, прибавляетъ офиціальное изданіе въ видахъ подѣйствовать убѣжденіемъ на кого слѣдуетъ, до какой степени важны и желательны точность, ясность и внимательность со стороны судебныхъ органовъ, представляющихъ первоначальный цифровой матеріалъ въ статистическое отдѣленіе Министерства Юстиціи».

—ъ.

Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Сост. *Д. Ливрономъ*. Спб. 1874 г.

Обозрѣніе г. Д. Ливрона есть безспорно книга весьма интересная и весьма полезная, при крайней разрозненности и не полной доступности нашихъ оффиціально-статистическихъ данныхъ. Она даетъ въ одномъ цѣломъ главнѣйшіе результаты того, что въ настоящее время намъ извѣстно по

разнымъ частямъ нашей государственной, общественной и экономической жизни. Быстрота, съ которою четвертый томъ Военно-Статистическаго Сборника разошелся весь и сталъ библіографическою рѣдкостью, достаточно показываетъ, что подобнаго рода изданія стали для нашего общества насущною потребностью.

Основаніемъ и канвою для обозрѣнія г. Д. Ливрона послужилъ, какъ и самъ авторъ указываетъ, упомянутый четвертый томъ Военно-Статистическаго Сборника. Но къ даннымъ его сдѣланы весьма многія дополненія, на основаніи матеріаловъ, сдѣлавшихся составителю доступными или извѣстными послѣ 1871 года (годъ выхода Сборника), и въ замѣнъ этого всѣ собственно историческія данныя исключены, пространное изложеніе нѣкоторыхъ частей сжато въ меньшій объемъ съ упущеніемъ многихъ подробностей и весь матеріалъ приведенъ по возможности къ одному времени. Вообще измѣненія во многихъ мѣстахъ до того существенны, что трудъ г. Де-Ливрона является, хотя компилятивнымъ, и только описательнымъ, но совершенно самостоятельнымъ. Характеръ его не только справочный: онъ является и очень удовлетворительнымъ учебнымъ пособіемъ при преподаваніи статистики и просто интересною книгою для чтенія для каждаго любознательнаго человѣка. Тутъ читатель находитъ сущность содержанія многихъ печатныхъ источниковъ, мало доступныхъ и даже вовсе не находящихся въ обращеніи. Такъ напр. всё обозрѣніе нашей сельскохозяйственной промышленности сдѣлано, на основаніи работъ коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, которыя въ продажу не поступали; существенно важная отрасль нашего народнаго труда — рыболовство (невошедшее въ В. С. Сборникѣ) описана по даннымъ коммиссіи для изслѣдованія рыболовства въ Россіи, тоже мало доступнымъ публикѣ по объему и дороговизнѣ изданія. Интересенъ также обзоръ статистики народнаго образованія. Мы должны однако отмѣтить въ книгѣ г. де-Ливрона нѣкоторыя вещи, кажущіяся намъ въ подобномъ трудѣ недостатками, довольно существенными:

1). Содержаніе разныхъ частей обозрѣнія неравномѣрно въ своихъ подробностяхъ, объемѣ и въ способѣ изложенія. Такъ въ однихъ случаяхъ даются указанія на цифры извѣстнаго рода годовъ, въ другихъ, при одиночныхъ цифрахъ часто даже нѣтъ указанія, къ какому времени онѣ относятся, просто говорится «теперь или въ настоящее время въ Россіи» и т. д. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ мы находимъ въ самомъ текстѣ очень подробныя таблицы статистическихъ цифръ (напр. въ отдѣлѣ горной промышленности, финансовъ и проч.); въ другихъ, въ текстѣ помѣщены очень краткія обозрѣнія, съ небольшимъ количествомъ цифръ, а таблицы отнесены въ приложенія. Многія данныя помѣщены въ таблицахъ приложеній, а въ текстѣ

изъ нихъ не сдѣлано общихъ цифирныхъ выводовъ (напр. распредѣленіе угодій, винокуренія и проч. по частямъ Россіи). Нѣкоторыя обозрѣнія слишкомъ кратки сравнительно съ важностью той части статистики Россіи, къ которой они относятся (напр. обозрѣніе винокуренной промышленности). Нѣкоторыя свѣдѣнія можно было бы значительно подновить, неограничиваясь старыми данными (напр. обозрѣніе телеграфной и почтовой дѣятельности). Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ отдѣлѣ путей сообщенія того, что можно было бы дать напр. по желѣзнодорожной статистикѣ, по грузовому и пассажирскому движенію, по части свѣдѣній о доходахъ, расходахъ эксплуатаціи, гарантіяхъ, долгахъ и вообще того, что обрисовывало бы положеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи; есть общія самыя указанія, между тѣмъ какъ не было бы недостатка въ болѣе подробныхъ цифрахъ. Въ отдѣлѣ сельскохозяйственной статистики, обойденъ вопросъ о распредѣленіи поземельной собственности, приведена только въ приложеніи таблица распредѣленія помѣщичьей собственности, хотя общій обзоръ распредѣленія поземельной собственности въ общихъ чертахъ и даже отдѣльно по частямъ Россіи можно было бы сдѣлать по крайней мѣрѣ въ видѣ соображеній, или неточныхъ статистическихъ выводовъ.

2) Намъ казалось бы, что въ статистическомъ сочиненіи, не имѣющемъ чисто справочнаго характера, слѣдовало бы сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлано, сопоставленій цифръ другъ съ другомъ. Если выводить отношенія чиселъ скота, количества производствъ и др. къ населенію, то не менѣе, если не болѣе, интересно сопоставленіе напр. числа школъ, числа учащихся и другихъ статистическихъ фактовъ. Статистическія цифры такого рода факты, которые такъ сказать сами напрашиваются на самыя разнообразныя сопоставленія, которые и выражаютъ главнымъ образомъ ихъ цѣну и выясняютъ настоящее значеніе.

3) Наконецъ третій общій недостатокъ книги заключается по нашему мнѣнію въ томъ, что явленія русской жизни недостаточно, и какъ бы случайно, выясняются, сравнительно съ аналогическими явленіями западно-европейскихъ государствъ: въ однихъ случаяхъ сравненія есть, въ другихъ ихъ нѣтъ. Для чего другаго, а для этого въ матеріалѣ не можетъ быть недостатка, по крайней мѣрѣ, у нашихъ ближайшихъ сосѣдей, въ Швеціи, Германіи и Австро-Венгріи.

Излагая наше мнѣніе объ общихъ недостаткахъ труда г. де-Ливрона, мы этимъ вовсе не хотимъ умалить ни его интереса и пользы для нашей публики, ни значенія его въ нашей статистической литературѣ; всякій благонамѣренный вкладъ, сдѣланный въ неё, заслуживаетъ полной признательности, а какъ работа частнаго лица, онъ заслуживалъ бы и полнаго снисхожденія, въ виду тѣхъ трудностей, какія онъ представляетъ уже съ точки

зрѣнія отного механическаго собиранія данныхъ изъ разныхъ источниковъ. Намъ кажется однако, что общая причина всѣхъ указанныхъ недостатковъ та, что составитель мало трудился именно въ смыслѣ собиранія матеріала, и ограничивался передачею или выжимкою содержанія, по каждому отдѣлу, чужихъ изслѣдованій или официальныхъ статей, почему каждый отдѣлъ и запечатлѣлъ характеромъ того источника, изъ коего почерпнутъ.

— Ъ.

Архангельскій, Холерныя эпидеміи въ Европейской Россіи въ 50-лѣтній періодъ 1823—1872 г. Спб. 1874.

Между всѣми вышедшими въ 1874 году сочиненіями и изданіями по статистикѣ, изслѣдованіе д-ра Архангельскаго занимаетъ безспорно одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Это работа вполнѣ самостоятельная и требовавшая долголѣтняго, усидчиваго труда, касавшаяся при томъ такого вопроса, который и въ западно-европейской литературѣ мало разработанъ, при помощи статистическаго метода.

Эпидеміи въ своемъ возникновеніи и распространеніи находятся подъ вліяніемъ огромной массы разнообразныхъ естественныхъ и соціальныхъ условій, изученіе которыхъ, въ ихъ вліяніи на интенсивность и экстенсивность болѣзни, возможно только посредствомъ систематическаго наблюденія надъ массами явленій, т. е. при помощи статистическаго наблюденія. Къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи въ европейскихъ государствахъ сдѣлано такъ мало, что общихъ выводовъ относительно вліянія соціальныхъ условій на ходъ эпидемій и размѣры бѣдствій, причиняемыхъ ими общественнымъ организмамъ, почти невозможно дѣлать въ настоящую минуту. Нельзя даже отвѣчать обстоятельно на вопросъ насколько сильно вліяніе соціальныхъ условій, сравнительно съ вліяніемъ естественныхъ, и насколько слѣдовательно улучшеніе или измѣненіе соціальныхъ отношеній способно противодѣйствовать вліянію естественныхъ факторовъ, насколько можетъ быть успѣшна общественная борьба съ тѣми страшными бѣдствіями, которыя называются эпидеміями. Теперь даже полагаютъ, и д-ръ Архангельскій поддерживаетъ это положеніе, что соціальныя явленія довольно безразлично стоятъ по отношенію къ холерной эпидеміи, сравнительно съ вліяніемъ естественныхъ факторовъ. «Существованіе, размноженіе и незаносчивость холернаго дѣятеля, говоритъ онъ (стр. IX), находится въ несравненно бо́льшей зависимости отъ метеорологическихъ и почвенныхъ условій, нежели отъ соціальныхъ; голодъ, войны, всѣ крайне-дурныя

гигіеническія условія, связанныя съ нищетою и бѣдностью, точно также и значительное развитіе желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній совершенно могутъ быть индиферентны по отношенію къ переносчивости холеры».

Впрочемъ и наблюденія надъ вліяніемъ физическихъ, естественныхъ причинъ на холерныя эпидеміи оставляютъ желать еще весьма многаго. До сихъ поръ, кромѣ небольшаго числа чисто эмпирическихъ положеній, эпидеміологія не установила безусловной причиной связи и не формулировала ея въ видѣ законовъ ни для одного почти вліянія естественнаго фактора.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, изслѣдованіе холерныхъ эпидемій за пятидесятилѣтній періодъ, въ такомъ обширномъ полѣ наблюденія, каковы пространства и населенія Европейской Россіи, представляетъ не только мѣстный интересъ для насъ, но и общій для цѣлой науки. При всей талантливости изслѣдователю приходится однако очутиться въ весьма невыгодномъ положеніи, взявшись за разработку русскихъ матеріаловъ. Матеріалъ этотъ представляется ему во-первыхъ въ совершенно сыромъ видѣ: всѣ цифры приходилось выбирать изъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ медицинскаго департамента; во-вторыхъ, матеріалъ этотъ представлялся въ видѣ весьма неудобномъ для комбинированія, вслѣдствіе небрежности, а отчасти отсутствія хорошихъ правилъ для его регистраціи [1]) и наконецъ заставлялъ предполагать чрезвычайно слабую достовѣрность. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства должно было признать научное достоинство только за выводами относительными и приступить къ разработкѣ матеріала только въ томъ предположеніи, что регистрація холерныхъ случаевъ въ теченіи 50 лѣтъ нисколько не улучшилась и слѣдовательно величина ошибки осталась постоянною. Г. Архангельскій такъ и поступаетъ, когда говоритъ (стр. III). «Громадное различіе въ опредѣленіи степени развитія эпидеміи статистическими данными за различные годы, и притомъ данными, собиравшимися послѣдними періодами, никакъ не могло зависѣть отъ погрѣшностей въ статистическихъ матеріалахъ вслѣдствіе дурныхъ способовъ собиранія ихъ. Способы собиранія данныхъ о числѣ заболѣвшихъ и умершихъ отъ холеры со времени первой эпидеміи и до сихъ поръ существенно не измѣнились». Мы согласны съ авторомъ, что отказываться отъ разработки статистическаго матеріала, по одному убѣжденію въ его неточности, не слѣдуетъ, ибо изъ такихъ дан-

---

[1]) Недостатки нашего матеріала указаны авторомъ на стр. VI и слѣд. введенія. Въ предисловіи онъ указываетъ на нѣкоторыя необходимыя въ нихъ улучшенія, но къ удивленію нашему совершенно игнорируетъ работу Петербургскаго статистическаго контресса по вопросу о регистраціи холерныхъ случаевъ.

ныхъ. полученный выводъ все же будетъ имѣть болѣе цѣнности, нежели голословныя заявленія, но автору слѣдовало бы по нашему мнѣнію убѣдить читателя въ томъ, что посылка о неизмѣнности величины ошибки основанная на томъ, что способы собиранія данныхъ *существенно* не измѣнились въ теченіи пятидесяти лѣтъ (значитъ все-таки измѣнены были), что посылка эта, говоримъ мы, имѣетъ за себя достаточную степень вѣроятности и затѣмъ не подрывать къ ней довѣрія. На страницѣ же 10 мы читаемъ: «если даже регистрація смертныхъ случаевъ отъ холеры не отличается абсолютною точностью, то, еще болѣе, нельзя ожидать такой точности регистраціи случаевъ заболѣванія, тѣмъ болѣе, что при послѣдней регистраціи личный взглядъ врачей оказываетъ существенное вліяніе. Болѣе и болѣе распространяющееся между врачами мнѣніе о необходимости регистрировать и легкіе холерные случаи, несомнѣнно должно отразиться на уменьшеніи процента смертности между заболѣвающими». Такимъ образомъ есть основаніе предположить, что вслѣдствіи лучшаго качества такъ сказать врачей, и оттого болѣе вѣрной діагнозы и вслѣдствіе внесенія въ записи болѣе легкихъ случаевъ и самая *кажущаяся* экстенсивность холерныхъ эпидемій, выражающихся числомъ заболѣвшихъ, нѣсколько должна была измѣниться относительно *дѣйствительной*, а это въ свою очередь не можетъ не вліять на вѣрность даже относительныхъ выводовъ. Мы полагали кромѣ того, что при всей неизмѣняемости способовъ регистраціи результаты, ею даваемые, должны измѣняться въ зависимости отъ густоты населенія, размѣщенія осѣдлостей, численности врачебнаго персонала и степени развитости самаго населенія, и величина ошибки должна быть тѣмъ больше, чѣмъ населеніе рѣже и невѣжественнѣе, такъ что цифра для какой нибудь великорусской центральной губерніи и цифра для данной полукочевой и полуосѣдлой разноплеменной окраины не могутъ имѣть одинаковаго достоинства. При такихъ обстоятельствахъ на выводы можно дѣйствительно полагаться или въ тѣхъ случаяхъ, когда они очень общи, или когда разница въ относительныхъ цифрахъ такъ велика, что не можетъ быть вѣроятно, чтобы она покрывалась различіемъ выгодности абсолютныхъ величинъ. Должно однако отдать справедливость автору разбираемаго изслѣдованія, что онъ вообще весьма остороженъ въ своихъ заключеніяхъ, насколько онъ касается статистическихъ выводовъ (о спеціально медицинскихъ вопросахъ мы не беремся судить).

Изслѣдованіе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: Введенія, гдѣ говорится о достоинствахъ и недостаткахъ матеріала, общаго обзора холерныхъ эпидемій, затѣмъ подробной исторіи каждой изъ трехъ пандемій (1817—38 г., 1841—61 и 1865—72); болѣе подробнаго анализа данныхъ эпидеміи 1848 г. и наконецъ этіологіи и эпидеміологіи холеры. Къ

книгѣ приложены весьма интересныя карты, представляющія весьма наглядно пути распространенія холерной эпидеміи во время первой пандеміи карты № 1, въ первый періодъ второй половины (1841—51 г.) № 2, во второй ея періодъ (1852—61) — № 3 и № 4 — распространеніе ея въ періодъ 1865—1872 г. Распространеніе холеры въ Россіи въ 1852—1855 годахъ записано тоже на 4 карты. Кромѣ того въ текстѣ помѣщено 12 діаграмъ.

Изъ всѣхъ частей сочиненія, со статистической точки зрѣнія, наиболѣе интереса возбуждаетъ глава первая, въ которой авторъ дѣлаетъ такъ сказать общій сводъ всѣхъ данныхъ, подробно изложенныхъ въ слѣдующихъ главахъ (3—6 включительно), гдѣ описывается ходъ каждой эпидеміи и сведенъ весь имѣющійся въ ней матеріалъ. Вниманіе автора обращено въ этой главѣ главнымъ образомъ на значеніе естественныхъ факторовъ въ распространеніи и силѣ холерныхъ эпидемій, такъ какъ для изслѣдованія другихъ причинъ матеріалъ является непригоднымъ. Изъ соціальныхъ условій разсматривается, къ сожалѣнію, только одна густота населенія, хотя матеріалы, по крайней мѣрѣ послѣдняго времени, позволили бы автору анализировать рядомъ съ густотой населенія — вліяніе городскаго населенія, промысловъ, размѣщенія осѣдлостей и быть можетъ еще другихъ какихъ либо факторовъ, на сколько то допускается такою или иною группировкою первоначальнаго матеріала. Такимъ образомъ: 1) въ первой главѣ мы находимъ изслѣдованіе вліянія широты мѣста на интенсивность эпидемій и интенсивность холернаго процесса [1]), 2) вліяніе температуры воздуха отдѣльно и въ связи съ широтою мѣста, 3) вліяніе температуры почвы, 4) качества почвы, 5) вліянія влажности и уровня почвенной воды.

Выводы автора, относительно вліянія этихъ естественныхъ факторовъ, на интенсивность холеры и холернаго процесса, въ высшей степени интересны; но нельзя сказать, чтобы методъ, которымъ они получаются, былъ совершенно безукоризненъ съ статистической стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, методъ его довольно силенъ, напримѣръ, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи широты мѣста, онъ дѣлитъ Россію на три полосы, южную, среднюю и сѣверную, по этимъ тремъ полосамъ разлагаетъ цифру умершихъ отъ холеры (въ отношеніи къ населенію) за отдѣльные годы, смежные съ тѣми, за которые есть болѣе точныя цифры населенія, и затѣмъ провѣряетъ выводы по губерніямъ, идя по одному меридіану съ юга на сѣверъ. Но въ другихъ мѣстахъ желательно было бы видѣть болѣе обстоятельности и тщательности въ сопоставленіи цифръ. Трактуя о вліяніи температуры на

[1]) Первая есть отношеніе умершихъ отъ холеры къ населенію, вторая — отношеніе ихъ къ заболѣвшимъ.

интенсивность эпидемій и холернаго процесса, авторъ разлагаетъ данныя по мѣсяцамъ, не обращаетъ вовсе вниманія на вліяніе изотеръ, изохименъ, изотермъ [1]), разницъ въ экстренниxъ зимнихъ и лѣтнихъ температурахъ, беретъ астрономическія, а не метеорологическія времена года, и наконецъ ограничивается болѣе подробнымъ анализомъ только эпидеміи 1818 г. въ связи съ температурою отдѣльныхъ мѣсяцевъ въ каждой изъ трехъ полосъ (по широтѣ). Приводя, для подкрѣпленія заключеній сдѣланныхъ изъ русскихъ данныхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ данныя западно-европейскихъ государствъ, въ другихъ авторъ не приводитъ ихъ вовсе, и не по недостатку матеріала. Для изслѣдованія вліянія *почвы* на изслѣдуемыя имъ явленія, авторъ беретъ раздѣленіе Европейской Россіи на естественныя области, сдѣланное вовсе не по одному признаку почвы, но и по относительному богатству фактовъ, по бытовымъ особенностямъ населенія и пр., вообще по извѣстной совокупности признаковъ. Анализируя вліяніе влажности почвы, авторъ принужденъ ограничиваться данными о количествѣ и распредѣленіи во времени ниспадающей атмосферной влаги, которыя вовсе на находятся въ прямой пропорціональности съ влажностью почвы. Въ изслѣдованіи вліянія густоты населенія, авторъ, ограничиваясь данными за одинъ 1848 г., правда самый холерный, слишкомъ поспѣшно приходитъ къ заключенію, что густоту населенія нельзя принять за одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ интенсивности эпидеміи, не провѣривъ его ни на другихъ русскихъ данныхъ, ни на западно-европейскихъ. Тѣмъ не менѣе среди общихъ пріемовъ, можетъ быть не вполнѣ удовлетворительныхъ, мы встрѣчаемъ детальные анализы, свидѣтельствующіе о совершенной освоенности автора съ статистическими пріемами изслѣдованія, и то, что мы считали недостаткомъ изслѣдованія, происходитъ безъ сомнѣнія отъ огромной трудности работать надъ сырымъ матеріаломъ, укладывая его тутъ же въ научные выводы и въ то-же время имѣя для анализа, по другимъ частямъ работы, матеріалы несоотвѣтственно неподготовленные и чисто дефектные.

При огромномъ матеріалѣ, собранномъ авторомъ, и при несомнѣнномъ умѣніи пользоваться имъ, крайне жаль, что онъ такъ мало коснулся вліянія соціальныхъ условій. Мѣстами есть отрывочныя указанія на положительное или отрицательное совпаденіе соціальныхъ факторовъ съ развитіемъ холерныхъ эпидемій; но полнаго изслѣдованія, хотя бы въ размѣрѣ качествъ имѣющаго матеріала, не представлено. Напр. не выяснено вліянія

[1]) Между тѣмъ направленіе первыхъ двухъ линій имѣетъ существенное вліяніе на силу смертности вообще, въ Россіи. См. Янсона «Сравнительно-статистическіе этюды, русскія данныя о смертности». Знаніе 1873 г.

городовъ, хотя изъ многихъ данныхъ видно, что большія населенныя цифры могутъ быть разсадниками холеры и вліять на степень интенсивности ея, въ мѣстахъ къ нимъ близкихъ. Авторъ совершенно отрицаетъ вліяніе голода (слѣдовательно дурнаго питанія) на развитіе эпидеміи, на основаніи фактовъ, представленныхъ эпидеміею 1833 и 1849 годовъ; равно какъ, признавая переносчивость холеры, отрицаетъ вліяніе на быстроту этой переносчивости быстроты сношеній между разными мѣстностями, быстроты постоянно возрастающей съ развитіемъ цивилизаціи. Вотъ все, что можно найти въ изслѣдованіи д-ра Архангельскаго относительно значенія соціальныхъ факторовъ, которымъ онъ не придаетъ почти никакого значенія въ эпидеміологіи холеры.

— ъ.

Н. Карасевичъ. Курсъ Статистики, съ 2 политипажами и картою населенности Россіи. Спб. 1874.

Курсъ г. Карасевича — это учебныя записки статистики, какъ она преподается въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Кто знаетъ, что такое курсъ статистики въ этихъ заведеніяхъ, не станетъ конечно многаго требовать и искать въ руководствѣ, ради его составленномъ. Тутъ не много статистики, еще меньше политической экономіи, кое-что изъ финансовъ и непонятно только почему преподаваемая смѣсь носитъ названіе статистики. Спеціальное назначеніе книги г. Карасевича слагаетъ съ него отвѣтственность за общее содержаніе ея. Мы можемъ сказать только, что все же его курсъ лучше, чѣмъ обращавшіеся до сихъ поръ въ рукахъ учениковъ курсы прежнихъ преподавателей. Авторъ, не задаваясь многимъ, добросовѣстно пользовался лучшими источниками по разнымъ частямъ статистики, и на сколько возможно было достигнуть цѣли своей работы, не прибѣгая къ собственнымъ ученымъ изслѣдованіямъ, достигъ ея. Собственно статистическая часть книги состоитъ изъ введенія, гдѣ трактуется о предметѣ статистическихъ изысканій и о статистическихъ учрежденіяхъ и статистикѣ Россіи, изложенной въ 4 отдѣлахъ: территорія, народонаселеніе, народное хозяйство и государственное хозяйство (финансы), причемъ вездѣ, гдѣ авторъ находилъ нужнымъ, финансы наши сопоставлены съ соотвѣтствующими данными западно-европейскихъ государствъ. Общій характеръ изложенія — краткость и отрывочность. Очевидно книга для чтенія не назначается, служитъ только канвою для учениковъ при слушаніи лекцій и приготовленія ихъ къ экзамену. При такихъ условіяхъ она даже едва-ли

можетъ подлежать рецензіи, какъ нѣчто недосказанное и неполное, со всякой другой точки зрѣнія, кромѣ педагогической.

Все изложеніе курса можно раздѣлить на 3 элемента: 1) формулированіе опредѣленій, 2) формулированіе научныхъ выводовъ и 3) изложеніе фактовъ.

Въ отношеніи опредѣленій мы вправѣ требовать отъ учебнаго курса, ясности и научности. Противъ двухъ этихъ требованій курсъ г. Карасевича погрѣшаетъ очень часто. Возьмемъ нѣсколько его опредѣленій.

Стр. 2. «Государство есть такая форма или такое *состояніе* обществъ, которое обезпечиваетъ членамъ его *покровительство* личности и имущества, понимая подъ личностью: жизнь, честь и свободу не только индивидуальную, но и національную». *Поэтому*, продолжаетъ авторъ, къ общественнымъ явленіямъ относятся: населеніе, дѣятельность его для удовлетворенія потребностей и наконецъ дѣятельность политическаго союза, какъ цѣлаго.

Тоже 2 стр. «Закономъ называется правильная послѣдовательность въ явленіяхъ, которую мы открываемъ, изучая ихъ при извѣстныхъ условіяхъ». Автору между тѣмъ должно быть не безъизвѣстно, судя по источникамъ, коими онъ пользовался, что одна наблюдаемая правильность въ послѣдовательности между явленіями еще закона не даетъ; о законѣ въ статистикѣ можно говорить тогда, когда открыта всеобщность и безусловность связи предшествующаго съ послѣдующимъ и найдена формула, выражающая связь причины со слѣдствіемъ: одна правильность, открываемая наблюденію при *извѣстныхъ условіяхъ* еще не даетъ закона связи причины со слѣдствіемъ.

Стр. 7. Здѣсь мы находимъ съ удивленіемъ противуположеніе двухъ методовъ, статистическаго и индуктивнаго. Опредѣленіе ихъ и противуположеніе въ высшей степени ненаучно. Вотъ какъ авторъ опредѣляетъ оба метода:

«Статистическій методъ. Указанный способъ *собиранія* (?) данныхъ есть собственно статистическій методъ или *методъ изложенія* (?). Онъ очень простъ; *потому-то и усвоенъ онъ статистикою позднѣе другихъ*».

«Методъ индуктивный. Другой методъ, *такъ называемый* индуктивный, заключается въ полученіи фактовъ, выраженныхъ цифрами, *при помощи ариѳметическихъ или алгебраическихъ дѣйствій*, *приложимыхъ* къ небольшому числу наблюденій и въ признаніи путемъ *аналогіи* пропорціональности и вѣроятности результатовъ, которые не подтверждены прямо и взяты не изъ дѣйствительной сущности явленій». Въ этихъ опредѣленіяхъ и особенно въ противуположеніи двухъ методовъ отсутствіе знакомства

съ логикой и съ научными методами такъ бьетъ въ глаза, что выписанныя мѣста не заслуживаютъ даже серьезнаго опроверженія.

Стр. 107. «Отношеніе числа *родившихся* къ числу *браковъ*, за какой либо періодъ времени, называется *плодовитостью* браковъ».

Много неясныхъ и странныхъ опредѣленій встрѣчается и въ другихъ частяхъ книги, гдѣ автору приходится имѣть дѣло съ теоретическими вопросами, напр. въ изложеніи основныхъ началъ народнаго хозяйства. Вотъ его опредѣленіе постояннаго и оборотнаго капитала (стр. 175).

«Постояннымъ капиталомъ называется такой, который можетъ быть употребленъ на производство нѣсколько разъ и приносилъ доходъ не мѣняя владѣльца и формы своей (въ исчисленіи этихъ постоянныхъ капиталовъ помѣщены и способы обработки, секреты и т. под.). Оборотнымъ капиталомъ называется тотъ, который можетъ быть употребленъ на производство одинъ разъ и приносить доходъ, мѣняя владѣльца и свою форму». Въ изложеніи началъ политической экономіи авторъ очевидно черпалъ большимъ ковшомъ въ «краткомъ курсѣ политической экономіи» неизвѣстнаго автора, вышедшемъ въ 1862 году, плохомъ для своего времени и совершенно несостоятельномъ для настоящаго. Мѣсто не позволяетъ намъ перечислять всѣ подобныя приведеннымъ опредѣленія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ курса. На этомъ пробномъ камнѣ научная подготовка автора, взявшаго учить юношество, оказывается крайне слабой и ограниченной.

Изложеніе фактической части выводовъ изъ фактовъ автору удалось въ лучшей мѣрѣ. Мы можемъ указать только на нѣкоторую несоразмѣрность частей курса, мѣстами обвѣтшалость данныхъ, подновить которыя было бы не трудно, и наконецъ на слишкомъ абсолютное значеніе, придаваемое многимъ статистическимъ выводамъ. Мѣстами находимъ противорѣчія, напр. на стр. 103 говорится, что цивилизація не имѣетъ вліянія на число рожденій, и тутъ же приводится фактъ уменьшенія числа рожденій во всѣхъ государствахъ и приписывается улучшенію общественнаго быта и пр. Но вообще авторъ умѣлъ выбрать хорошіе источники и заимствовать изъ нихъ самое существенное, такъ что эта часть въ общемъ итогѣ выходитъ не дурна для краткаго курса. Замѣтимъ мимоходомъ, что обѣщанной карты населенности къ книгѣ однако не приложено.

—ъ.

ФИНАНСЫ.

И. Янжулъ. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ. Москва, 1874.

Не мало истреблено бумаги и перьевъ, не мало потрачено умственныхъ силъ и желчи на споръ о косвенныхъ налогахъ, а между тѣмъ и доселѣ вопросъ о нихъ остается вопросомъ открытымъ; доселѣ стоятъ во всеоружіи другъ противъ друга — лагерь противниковъ и лагерь защитниковъ косвенныхъ налоговъ; доселѣ одновременно существуютъ діаметрально противоположныя о нихъ мнѣнія, подобныя тѣмъ двумъ мнѣніямъ, — Артура Юнга и Джонсона, 1774 и 1755 годовъ, которыя поставлены въ видѣ девиза авторомъ сочиненія, заглавіе котораго нами выписано. Юнгъ говорилъ: Excises are by much the fairest, most equal and least burdensome of all taxes и пр., а Джонсонъ: Excises — a hateful tax и т. д. Правда, въ настоящее время въ литературѣ число противниковъ косвенныхъ налоговъ едва ли не больше числа ихъ поборниковъ; но вопросъ нельзя еще считать исчерпаннымъ. Отъ признанія чего либо за истину въ наукѣ еще очень не близко до осуществленія ея въ практической жизни, въ законодательствѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что не скоро еще противники косвенныхъ налоговъ увидятъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ желаній. Они будутъ имѣть еще довольно времени для изобрѣтенія самой лучшей, патентованной системы прямыхъ налоговъ, имѣющихъ замѣнить собою ненавистное косвенное обложеніе и водворить на земномъ шарѣ общее довольство, съ спокойнымъ сидѣніемъ каждаго подъ смоковницею своею, по уплатѣ конечно приличной суммы «окладныхъ сборовъ».

Но правы ли спорящія стороны? Тутъ само собою приходитъ на память двустишіе, приведенное у Мэккуллоха (въ его «Taxation»):

> Whoever espects a faultless tactosee,
> Espects what never was, nor is, nor ever shall be.

Идеалы возможны только въ теоріи; при осуществленіи же ихъ неизбѣжны разныя уступки обстоятельствамъ, разныя передѣлки и вотъ — великолѣпное въ теоріи зданіе, оказывается на дѣлѣ нерѣдко убогой хижиной.

Положимъ наконецъ, что сочинена уже такая система обложенія, въ которой устранены всѣ недостатки, свойственные нынѣшнимъ налогамъ. Пусть въ этой системѣ царятъ безраздѣльно одни усовершенствованные

налоги прямые. Кажется, остается только поскорѣе примѣнить ее къ дѣлу; но практическій финансистъ останавливается передъ вопросомъ: дадутъ ли эти новые налоги по крайней мѣрѣ столько, сколько давали прежніе плохіе налоги? Объ этотъ прозаичный вопросъ нерѣдко разбиваются самыя лучшія намѣренія. И сами противники косвенныхъ налоговъ чувствуютъ, что вопроса этого нельзя обойти. Тѣ изъ нихъ, которые сознаютъ, что одними прямыми налогами невозможно собрать потребную сумму государственныхъ доходовъ, указываютъ на необходимость сократить расходы государства. Сокращеніе же это — дѣло, не очень-то возможное.

Отчего же это выходитъ такъ, что при существованіи этого monstrum horrendum, называемаго косвеннымъ обложеніемъ, финансовыя средства государства болѣе удовлетворительны, чѣмъ можно этого ожидать отъ одного прямаго обложенія? Не значитъ-ли это, что въ первомъ случаѣ народу легче, удобнѣе платить, чѣмъ во второмъ? Если же это такъ, то правда-ли, что косвенный способъ обложенія есть негодный способъ? Не значитъ-ли наконецъ тутъ кое-чего и привычка общества къ извѣстной системѣ обложенія, хотя и невыдерживающей критики съ точки зрѣнія абсолютной теоріи?

Авторъ названнаго нами сочиненія задался мыслью рѣшить эти и подобныя имъ сомнѣнія — путемъ историческаго изслѣдованія косвенныхъ налоговъ. Только историческое изученіе налоговыхъ системъ различныхъ странъ, говоритъ онъ, можетъ дать достаточный матеріалъ для того. чтобы покончить съ этимъ споромъ о прямомъ и косвенномъ способѣ обложенія? Только исторія, по его мнѣнію, можетъ выяснить *выгоды и недостатки* обоихъ способовъ; а указаніемъ происхожденія ихъ она опредѣлитъ и ихъ *правовое основаніе.*

Для выполненія своей задачи, такимъ образомъ поставленной, авторъ избралъ Англію, какъ страну, въ которой налоги на потребленіе получили особенно сильное развитіе, сравнительно съ другими главными государствами Европы, и какъ страну, обладающую замѣчательнымъ богатствомъ литературы и оффиціальныхъ матеріаловъ для рѣшенія взятой авторомъ задачи.

Противъ этого послѣдняго довода мы ничего не смѣемъ сказать; но противъ перваго можно напомнить автору, что напримѣръ и въ Россіи налоги на потребленіе играютъ не незначительную роль. Если въ Англіи они составляютъ 60% всего государственнаго дохода, то и у насъ болѣе 50%. Историческое изслѣдованіе развитія нашихъ косвенныхъ налоговъ, полагаемъ по этому, было бы не менѣе плодотворно для цѣли автора, а для обогащенія нашей финансовой литературы несомнѣнно

полезнѣе. Замѣчаніе это мы высказывали однако не какъ упрекъ автору, такъ какъ во-первыхъ, признаемъ свободу выбора предметовъ для изслѣдованія, а во-вторыхъ знаемъ, насколько до сихъ поръ еще малодоступны у насъ архивныя извѣстія.

Гораздо существеннѣе вопросъ, выполнилъ-ли авторъ свою задачу, достигъ-ли своей цѣли, т. е. даетъ-ли его историческое изслѣдованіе ясный и положительный отвѣтъ на вопросъ *быть или не быть* косвеннымъ налогамъ? Этого отвѣта въ такой категорической формѣ мы у автора не находимъ, и даже сомнѣваемся, чтобъ онъ могъ быть полученъ избраннымъ имъ путемъ. Правда, историческія указанія относительно вліянія тѣхъ или другихъ налоговъ на экономическую и государственную жизнь народа, не безполезны при разсмотрѣніи вопросовъ о нихъ; эти указанія, сами по себѣ, недостаточны. Политическій и экономическій бытъ общества измѣнялся; но насколько вліяла на это измѣненіе та или другая система налоговъ опредѣлить едва-ли возможно. Если же это невозможно, то невозможно достичь историческимъ путемъ и вывода о годности или негодности того или другаго налога. Таже Англія служитъ этому наилучшимъ примѣромъ: никто не отрицаетъ вредныхъ экономическихъ послѣдствій налоговъ на потребленіе; быть можетъ нигдѣ не проявлялись они въ такомъ числѣ и въ такихъ разнообразныхъ видахъ, какъ въ Англіи, преслѣдуя человѣка съ момента рожденія, до момента смерти, и между тѣмъ экономическій бытъ Англіи таковъ, что она принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ и богатѣйшихъ государствъ всего міра. Укажутъ на рѣзкіе примѣры бѣдности, встрѣчаемые въ этой богатой странѣ, чему между прочимъ служитъ доказательствомъ существованіе тамъ особаго налога для пособія бѣднымъ, составляющаго весьма крупную цифру до 60 м. р.; но никто конечно не докажетъ, что именно косвенные налоги породили эту бѣдность.

Что разумѣетъ авторъ подъ правовыми основаніями налоговъ, для насъ не совсѣмъ ясно: есть ли это вообще право налоговъ на существованіе, или только право проявленія ихъ въ *извѣстныхъ* формахъ [1])? Думаемъ впрочемъ, что авторъ разумѣлъ это послѣднее и сомнѣваемся, чтобъ нужно было выяснять это право историческимъ путемъ. Налоги — не какой нибудь правовой институтъ, корни котораго и raison d'être надо отыскивать въ пыли архивовъ. Это институтъ государственный, создаваемый подъ условіями времени и мѣста; пока

---

[1]) Не должно однако, согласно со всѣми новѣйшими воззрѣніями финансовой науки, отрицать важность различенія юридической или правовой и экономической сторонъ налоговъ, какъ и всей финансовой системы. *Ред.*

онъ годенъ, имъ пользуются, сталъ негоденъ — бросаютъ. Основаніе его — въ *правѣ* государства взимать налоги, возникающемъ вслѣдствіе *обязанности* его выполнять свое назначеніе. Осуществленіе же этого права обусловливается обстоятельствами даннаго времени и мѣста. Изъ совершенно законнаго существованія какого либо налога въ прежнее время нельзя вывести юридическія основанія для существованія его и въ настоящее время; быть можетъ онъ уже отжилъ свой вѣкъ, какъ это бываетъ и съ нѣкоторыми юридическими институтами. Такимъ образомъ, если косвенные налоги продолжаютъ существовать, то не потому, что они были когда-то узаконены, а потому, что ихъ считаютъ *пока* удобнымъ источникомъ государственнаго дохода. По нашему мнѣнію гораздо болѣе, чѣмъ исторія, могутъ оказать услугъ для рѣшенія вопроса о достоинствѣ и недостаткахъ налоговъ — ихъ статистика и изслѣдованіе ихъ вліянія на различные виды доходовъ и различные планы населенія и т. д. Въ концѣ своего сочиненія авторъ и самъ прибѣгаетъ къ этому средству, чтобъ построить свои окончательные выводы. По крайней мѣрѣ изъ содержанія его «общаго заключенія» (стр. 295—306) не видно, чтобъ его предъидущая работа — (историческое изслѣдованіе)— дала ему какія либо новыя данныя, сверхъ уже общеизвѣстныхъ, для построенія этихъ выводовъ. Онъ говоритъ правда, что историческія изслѣдованія не произвели желаемаго дѣйствія на научныя воззрѣнія (на законодательную практику?), потому-что стояли не на исторической почвѣ, но съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться: чисто умозрительныя изслѣдованія о такомъ практическомъ вопросѣ, какъ превосходство той или другой системы обложенія едва-ли возможны; выводы ихъ во всякомъ случаѣ построены на наблюденіи фактовъ историческихъ и статистическихъ, хотя быть можетъ и не указанныхъ въ самомъ текстѣ этихъ сочиненій. Причина, по которой изслѣдованія эти были проповѣдью въ пустынѣ, — заключается не въ отсутствіи въ нихъ исторической и статистической основы, а опять таки въ тѣхъ фискальныхъ удобствахъ косвенныхъ налоговъ, въ виду которыхъ съ ними трудно разстаться, даже при всемъ сознаніи ихъ дурныхъ сторонъ. Другая причина, указываемая и авторомъ, разсматриваемаго нами сочиненія, заключается въ политическомъ преобладаніи высшихъ классовъ, вслѣдствіе чего главная часть бремени налоговъ сложена ими на безгласные нисшіе классы. При такомъ политическомъ строѣ государства, гдѣ интересы однихъ классовъ имѣютъ преобладаніе надъ интересами другихъ и гдѣ финансовая администрація не видитъ возможности обойтись безъ налоговъ на потребленіе — они, разумѣется, будутъ продолжать существовать, какъ бы ни громила ихъ литература въ своихъ историческихъ,

статистическихъ и экономическихъ изслѣдованіяхъ. Что-же касается науки, то многіе изъ ея представителей давно уже, болѣе или мѣнѣе настойчиво заявляютъ нераціональность существованія косвенныхъ налоговъ,

Авторъ, сколько можно заключить изъ его «общаго заключенія», тоже неодобряетъ этотъ способъ обложенія; но, повторяемъ, новыхъ данныхъ для этого неодобренія мы у него не встрѣчаемъ.

Сдѣланными нами замѣчаніями мы нисколько не желаемъ уменьшить значеніе разбираемаго нами сочиненія, какъ хорошей исторической монографіи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ это — работа весьма основательная, сдѣланная отчасти по матеріаламъ, не бывшимъ въ распоряженіи у другихъ изслѣдователей. Признаемся, мы думали, что послѣ прекраснаго историческаго труда Vocke, объ англійскихъ налогахъ (Geschichte der Steuern des Britischen Reichs, 1866), врядъ ли можно создать что нибудь новое на этомъ поприщѣ. Г. Янжулъ, пользуясь матеріалами Британскаго Музея, даетъ не только болѣе подробное изложеніе, чѣмъ Фокке, но даже указываетъ на нѣкоторыя его промахи. Сочиненіе его, по нашему мнѣнію, мало содѣйствуетъ къ окончательному рѣшенію вопроса о косвенномъ обложеніи, но представляетъ прекрасную иллюстрацію къ исторіи финансоваго и общественнаго быта Англіи.

Впрочемъ сочиненіе это есть только часть работы, задуманной авторомъ. Онъ ограничился пока только историческимъ изслѣдованіемъ одного вида англійскаго косвеннаго обложенія — акциза. Быть можетъ, когда онъ прослѣдитъ въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ послѣдовательное развитіе всей системы англійскихъ налоговъ на потребленіе, дѣйствительно представятся какія либо новыя данныя для окончательнаго безповоротнаго осужденія косвенныхъ налоговъ или, по крайней мѣрѣ, для удѣленія имъ въ системахъ налоговъ болѣе скромной роли, чѣмъ нынѣшняя.

Наконецъ, быть можетъ мы и ошибаемся, но желательно было бы, чтобъ русскіе изслѣдователи общественныхъ вопросовъ, имѣли въ виду содѣйствовать своими изслѣдованіями рѣшенію подобныхъ же отечественныхъ вопросовъ. Сочиненіе г. Янжула лишь въ отдаленномъ смыслѣ можетъ оказать подобное содѣйствіе.

Л.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЦЕРКОВЬ.

Lettre à M. le professeur H. de Treitschke à propos de quelques jugements sur l'église de Russie. *Par* **N. N. 1874. Leipzig** (Письмо къ профессору Трейтшке по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви, соч. Н. Н.).

Въ зимній семестръ прошлаго 1873—4-го академическаго года, въ гейдельбергскомъ университетѣ, аудиторію профессора Трейтшке посѣщалъ, между прочими русскими слушателями, нѣкто г-нъ NN. Онъ былъ въ восторгѣ отъ лекцій профессора: теплота рѣчи, обширныя знанія и рыцарскій характеръ г. Трейтшке плѣняли нашего соотечественника. Съ особеннымъ вниманіемъ г. NN. вслушивался въ рѣчь профессора, когда она касалась Россіи, къ которой Трейтшке, по словамъ г. NN, относится «съ справедливостію, рѣдко встрѣчаемою русскими въ Европѣ, не исключая даже и Германіи». Но на лекціи 12 января 1874 г. профессоръ Трейтшке высказалъ слѣдующее положеніе касательно Россіи: «въ Россіи господствуетъ въ отношеніяхъ государства къ церкви система цезаропапизма; русскій императоръ—глава русской церкви.» Такое воззрѣніе профессора затронуло патріотическое самолюбіе нашего соотечественника. Г. NN. рѣшился въ «открытомъ письмѣ» къ профессору опровергнуть неправильный его взглядъ на отношенія государства къ церкви въ Россіи. Онъ нашелъ нужнымъ это сдѣлать въ особенности потому, что въ Западной Европѣ вообще распространены невѣрныя, предразсудочныя, ошибочныя, намѣренно ложныя воззрѣнія на предметъ, котораго коснулся профессоръ Трейтшке въ своей лекціи 12 января. Письмо свое къ профессору г. NN. издалъ въ особой, довольно объемистой (около 90 стр.) брошюрѣ, заглавіе которой стоитъ въ началѣ нашей замѣтки. Въ брошюрѣ своей авторъ, послѣ вве-

денія, въ которомъ онъ говоритъ о поводѣ и побужденіяхъ своей корреспонденціи, излагаетъ исторію отношеній государства къ церкви въ Россіи со времени утвержденія въ ней христіанской вѣры до церковной реформы, произведенной Петромъ I (стр. 7 — 16), разсуждаетъ о самой реформѣ Петра въ отношеніи къ устройству церковно-правительственной власти, имъ учрежденной (стр. 16 — 30), разъясняетъ основные принципы дѣйствующаго въ Россіи законодательства, которыми опредѣляются современныя отношенія между православною церковію и государствомъ (стр. 30—40), разсматриваетъ положеніе этой церкви въ государствѣ въ практикѣ, «съ точки зрѣнія факта» (стр. 40 — 66) и наконецъ (стр. 66 — 88) разсматриваетъ значеніе упрековъ, дѣлаемыхъ на западѣ православной русской церкви относительно «мнимаго ея застоя и замкнутости» (de la prétendue stagnation et de l'isolement de l'église russe). Разсмотрѣніе и изложеніе всѣхъ исчисленныхъ предметовъ направлено авторомъ къ опровержепію вышеуказаннаго положенія профессора Трейтшке. — Не знаемъ, какъ принялъ письмо нашего соотчича нѣмецкій ученый. Но русскій «Journal de St.-Pétersbourg» встрѣтилъ появленіе брошюры, за исключеніемъ нѣкоторыхъ оговорокъ, весьма сочувственно, видитъ въ ней «открытіе новаго горизонта зрѣнія на предметъ», посвятилъ ея разсмотрѣнію статью въ двухъ №№, 161 и 162, за 1874 г. и рекомендуетъ ее «серьезному вниманію Западной Европы», по различнымъ причинамъ весьма несправедливой, по словамъ газеты, въ своихъ понятіяхъ и сужденіяхъ о Россіи. — Если Западная Европа обязана, по рекомендаціи газеты «Journal de St.-Pétersbourg», обратить вниманіе на брошюру г. NN., то и намъ, русскимъ, не мѣшаетъ ознакомиться съ воззрѣніями нашего соотчича, предъ лицомъ такъ сказать всей Европы вступающаго въ споръ съ ученымъ нѣмецкимъ профессоромъ и просвѣщающаго Европу по столь важному вопросу, каковъ вопросъ объ отношеніяхъ государства въ православной церкви въ Россіи.

Во всей своей брошюрѣ г. NN. усиливается доказать, что въ выше указанномъ положеніи профессора Трейтшке заключается «утвержденіе такого факта, который — невозможенъ, никогда не существовалъ и никогда не могъ существовать». Эту основную, отрицательно выраженную, мысль авторъ доказываетъ, прежде всего, изложеніемъ такихъ основныхъ истинъ, признаваемыхъ въ православной церкви, съ которыми несовмѣстенъ принципъ главенства въ церкви монарха. «Православная церковь, говоритъ онъ, не признаетъ иной главы, кромѣ I. Христа; въ ней нѣтъ и быть не должно видимой главы; высшая власть на землѣ во всѣхъ вопросахъ церкви, по ея ученію, — вселенскій соборъ. Вселенскій соборъ составляется не изъ духовенства только, но изъ соединенія двухъ элементовъ — духовнаго и свѣтскаго, т. е. народа. Право созванія собора можетъ принадлежать

столько же государству, какъ и епископству. Государство или монархъ имѣютъ законное право на соучастіе въ дѣлахъ собора. Устройство помѣстныхъ церквей проистекаетъ не изъ божественнаго права (?), но основывается на постановленіяхъ церкви, соотвѣтственныхъ нуждамъ времени и мѣста». Эти основныя воззрѣнія православной церкви, источникъ которыхъ, — по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — не мѣшало бы автору процитировать, сохраняются въ Россіи со времени учрежденія въ ней церкви по настоящее время. Соотвѣтственно такимъ церковнымъ воззрѣніямъ, русскіе князья и цари, по увѣренію г. NN., никогда не вносили въ дѣла церкви монархическаго принципа. По историческимъ свѣдѣніямъ его, русскіе князья, начиная съ Владиміра до XVI в., не принимали участія въ замѣщеніи каѳедръ митрополита и епископовъ. Въ теченіе всего патріаршаго періода русской церкви, по словамъ г. NN., русскій царь не разу ни требовалъ себѣ, ни осуществлялъ права утвержденія патріарха, избиравшагося на соборахъ. — Позволяемъ себѣ сказать, что г. NN вводитъ просвѣщаемую имъ Европу и уважаемаго имъ профессора въ заблужденіе, не съ намѣреніемъ, конечно, обмануть, но по недостатку историческихъ свѣдѣній, которыми обладаетъ авторъ письма къ г. Трейтшке. Вопреки его утвержденію, замѣщеніе каѳедръ митрополита всея Россіи и русскихъ епископовъ *всегда* въ древней Россіи происходило съ согласія и при соучастіи князей.

Въ періодъ зависимости русской церкви отъ константинопольской право *избранія* какъ митрополитовъ, такъ и епископовъ русскихъ, принадлежало *народу*, *князю* и духовенству, — право утвержденія и поставленія *митрополитовъ* — константиновскому патріарху; право *утвержденія* епископовъ — русскому *князю*, а право *поставленія* ихъ — русскому митрополиту. Доказательствъ на эти положенія сохранилось въ историческихъ актахъ и въ лѣтописяхъ весьма много [1]). Нужно, впрочемъ, сказать, что формы избранія и утвержденія не были организованы въ древней Россіи съ достаточною опредѣленностью; поэтому фактическія отступленія отъ *права* въ случаяхъ замѣщенія святительскихъ каѳедръ — и митрополита и епископовъ — бывали. За то были и нѣкоторыя гарантіи противъ нарушеній права: такъ въ случаѣ избранія и поставленія на русскую митрополію въ Константинополѣ лица, неугоднаго Россіи, русскій князь и народъ признавали за собою право отказа въ его принятіи, на основаніи 18-го прав. ант. собора. Со времени независимости русской церкви отъ константинопольской, право избранія и поставленія митрополитовъ и епископовъ въ Россіи стало принадлежать собору епископовъ, а утвержденіе ихъ зависѣло отъ великаго

[1]) Ставилась въ митрополиты и епископы «его же Богъ позоветъ, князь въсхочетъ и людье» П. С. Лѣт. I, стр. 165, 171—172, 174 и др., А. И. I, № 262.

князя и царя. Это видно, между прочимъ, изъ того, что на московскомъ соборѣ 1458 г. русскіе епископы постановили — впредь признавать законнымъ русскимъ митрополитомъ того, кто поставленъ «по избранію св. Духа и по правиламъ св. апостоловъ и отецъ, и *по веленію господина великаго князя*, въ соборной церкви, въ Москвѣ [4]), — и изъ того, что великій князь московскій около того же времени писалъ къ литовскому князю: «*старина наша*, которая повелась отъ прародителя нашего св. Владиміра, то, что *избраніе и принятіе* митрополита всегда было правомъ нашихъ прародителей (см. прав. обозр. за 1872 г. октябрь, стр. 291 — 292). — Въ періодъ патріаршій избраніе кандидатовъ на патріаршій престолъ совершалось на соборахъ, а право утвержденія одного изъ числа избранныхъ кандидатовъ въ патріаршемъ достоинствѣ принадлежало непремѣнно царю. И дѣйствительно, всѣ патріархи русскіе получали утвержденіе отъ царя. Царь не только утверждалъ избраннаго на соборѣ кандидата на патріаршій престолъ, но иногда указывалъ собору лицъ, которые должны были подлежать включенію въ число избираемыхъ кандидатовъ. Въ случаѣ надобности, цитаты въ доказательство этихъ положеній мы представимъ въ надлежащей полнотѣ. Но утверждая, вопреки увѣреніямъ г. NN., на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ актовъ, что русскіе князья и цари въ древней Россіи всегда имѣли и сохраняли за собою право участія въ замѣщеніи святительскихъ каѳедръ, мы однако отрицаемъ мнѣніе - будто бы это право служило и можетъ служить непремѣнно выраженіемъ системы цезаропапизма. Ни одинъ канонистъ и Западной Европы — ни протестантъ, ни католикъ, хотя бы онъ стоялъ за абсолютную свободу церкви въ государствѣ, не считаетъ принадлежащее монархамъ право jus nominationis или jus affirmationis — епископовъ римско-католической церкви за выраженіе системы цезаропапизма. Сказанное нами показываетъ, что историческій обзоръ положенія церкви въ русскомъ государствѣ до Петра, представленный авторомъ брошюры, исполненъ историческихъ невѣрностей и къ опроверженію положенія Трейтшке вовсе не идетъ.

Въ разсужденіяхъ своихъ о церковной реформѣ, произведенной Петромъ I, авторъ брошюры старается оправдать Петра, доказать, что при производствѣ ея не было абсолютнаго произвола со стороны государя, и показать, что положеніе Трейтшке не можетъ найдти себѣ опоры въ обстоятельствахъ учрежденія св. синода. Историческихъ невѣрностей въ разсужденіяхъ автора по этому предмету нѣтъ; но въ изображеніи значенія оберъ-прокурора св. синода на основаніи инструкціи Петра I, ав-

---

[4]) А. И. I, № 61 см. А. А. Э. I, № 184. 264. 289 и 1 р. Собр. госуд. гр. и дог. I, № 193. II, № 50.

торъ освѣщаетъ положеніе сего сановника въ отношеніи къ св. синоду не согласно не только съ духомъ, но и съ буквою инструкціи. Онъ старается представить въ своемъ изображеніи, что оберъ-прокуроръ синода есть *исключительно* представительный со стороны государства органъ надзора за церковью и, при томъ *зависимый* въ иныхъ случаяхъ отъ судебной и распорядительной власти св. синода. Оберъ-прокуроръ при св. синодѣ есть «око царя и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ въ св. синодѣ»; онъ будто-бы «св. синодомъ можетъ быть смѣщенъ, арестованъ и подвергнутъ судебному преслѣдованію, въ случаѣ какой-либо важной вины; синодъ облеченъ правомъ — поручить отправленія обязанности его другому лицу по собственному выбору». Авторъ брошюры взялъ всѣ эти выраженія изъ петровской инструкціи, данной оберъ-прокурору синода,— но привелъ ихъ не совсѣмъ такъ, какъ они стоятъ въ самой инструкціи.

Въ 9-мъ пунктѣ инструкціи сказано: «Оберъ-прокуроръ *ничьему суду не подлежитъ, кромѣ нашего*. А ежели во отлученіи нашемъ явится въ тяжкой и времени не терпящей винѣ, яко измѣнѣ; то синодъ можетъ арестовать и розыскивать, а дѣло приказать иному кому: однакожъ никакой пытки, экзекуціи, или наказанія не чинить». Сравненіе этого пункта съ тѣмъ, что извлечено изъ него г. авторомъ брошюры, убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторъ не всегда точенъ въ приведеніи выраженій изъ памятниковъ законодательства. Сверхъ того, оберъ-прокуроръ, по петровской инструкціи, не только «око царя и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ; но ему должно въ своей *дирекціи* имѣть канцелярію синодскую и служителей оной». Изъ этой дирекціи развивалась впослѣдствіи административная *власть* оберъ прокурора въ русской православной церкви, при томъ въ такихъ размѣрахъ, на которые въ брошюрѣ и намека нѣтъ.

Послѣ разсмотрѣнія устройства св. синода по петровской реформѣ, авторъ въ нѣсколькихъ общихъ фразахъ увѣряетъ, что будто все существо этой реформы состоитъ въ замѣнѣ патріаршей власти соборнымъ правительствомъ и въ учрежденіи должности оберъ-прокурора, какъ органа государственнаго надзора, и затѣмъ говоритъ, что въ порядкѣ вещей, устроенномъ Пётромъ I относительно св. синода, со времени его учрежденія до настоящаго времени ничего не измѣнилось и что св. синодъ съ 1721 г. до сихъ поръ дѣйствуетъ на основаніи одного и тогоже регламента, однихъ и тѣхъ-же началъ, которыя лежатъ въ основѣ управленія православной церкви всѣхъ временъ. Не можемъ сказать — намѣренно или вслѣдствіе незнакомства съ предметомъ, авторъ брошюры не только игнорируетъ, но съ изумительною рѣшительностію отрицаетъ

многочисленныя и весьма важныя перемѣны, происшедшія въ теченіи XVIII и XIX вѣковъ — въ организаціи присутствія св. синода, въ развитіи оберъ-прокурорской должности, въ отношеніяхъ ея къ синоду и государственнымъ установленіямъ, въ отношеніяхъ св. синода къ верховной власти и высшимъ государственнымъ установленіямъ, въ развитіи многочисленныхъ учрежденій при синодѣ, въ перемѣнѣ отправленій св. синода съ образованіемъ «вѣдомства православнаго исповѣданія», съ учрежденіемъ канцеляріи оберъ-прокурора, хозяйственнаго управленія при св. синодѣ, духовно-учебнаго управленія, преобразованнаго въ наше время въ духовно учебный комитетъ, и контроля при синодѣ и съ постепеннымъ умноженіемъ «чиновниковъ вѣдомства православнаго исповѣданія». Если авторъ не знакомъ съ исторіею всѣхъ этихъ перемѣнъ, если факты ему не извѣстны a posteriori, то *a priori* онъ могъ бы предположить, что развитіе церковнаго права въ Россіи не остановилось-же въ застоѣ отъ начала XVIII вѣка. Но если сопоставить исторію указанныхъ перемѣнъ въ русской церкви съ исторіею системъ отношенія государства къ церкви въ западной Европѣ въ послѣднія три столѣтія, то оказывается, что та система отношенія государства къ церкви, которая извѣстна подъ именемъ цезаропапизма и существо которой авторъ брошюры ни однимъ словомъ не опредѣляетъ во всемъ своемъ письмѣ, имѣла свою долю вліянія на развитіе церковнаго права въ Россіи. Система эта создалась не въ Россіи, а на западѣ Европы, благодаря реформаціи XVI вѣка. Послѣдователи новаго ученія, созданнаго реформаціею Лютера, съ самаго начала своего появленія отдали себя подъ покровительство монарховъ, для защиты себя отъ власти римско-католической церкви, которая поступила-бы съ ними, какъ съ Гуссомъ и его послѣдователями, если-бы они не были подъ охраною монарховъ. Они отрицали власть папы и епископовъ, но должны были признать какую-либо новую власть, правоспособную организовать устройство и формы управленія вновь явившихся религіозныхъ обществъ. Эту власть они нашли въ представителяхъ верховной власти государствъ. Они перенесли на нее всѣ тѣ права, какія въ римско-католической церкви принадлежатъ папѣ и епископамъ. Поэтому-то монархи въ протестантскихъ государствахъ признаны были summi pontifices, summi episcopi по отношенію къ протестантскимъ церквамъ въ предѣлахъ этихъ государствъ. Система отношенія государства къ церкви на основаніи признанія монарха верховнымъ епископомъ, какъ представителя и обладателя верховныхъ правъ государства, создана была богословами, теоретически объяснена и развита философами XVII в. и осуществовалась въ XVI и XVII вв. во многихъ странахъ западной Европы. Петръ I ознакомился съ нею въ Швеціи, гдѣ до настоящаго

времени король — первый епископъ, глава протестантской церкви, и приложилъ ее въ Россіи при посредствѣ іерарховъ изъ кіевскихъ ученыхъ. Но система эта въ Россіи получила своеобразное развитіе, подъ вліяніемъ господствовавшихъ во всей Европѣ въ теченіе всего XVIII в. понятій о «полицейскомъ государствѣ» и о «просвѣтительномъ назначеніи» государства: XVIII вѣкъ былъ, какъ извѣстно, Aufklärungszeit. Развитіе этой системы въ Россіи постепенно измѣнялось усиліями и борьбою съ членами синода оберъ-прокуроровъ XVIII в. — князя Шаховскаго, Чебышева и Яковлева; твердую основу она получила при князѣ Голицынѣ съ указомъ 1803 г. о вызовѣ въ составъ синода епархіальныхъ архіереевъ, для временнаго присутствованія, по высочайшему повелѣнію, — особенно съ учрежденіемъ въ 1818 г. министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и съ закрытіемъ сего министерства въ 1824 году. При закрытіи сего министерства всѣ права, вся власть министра духовныхъ дѣлъ перенесены были на оберъ-прокурора синода. Съ этого времени православная церковь получила свое мѣсто въ государствѣ и законодательствѣ подъ оффиціальнымъ наименованіемъ «вѣдомства православнаго исповѣданія». При оберъ-прокурорѣ графѣ Протасовѣ вѣдомство это было организовано совершенно на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ утверждалась организація министерствъ и особыхъ «главныхъ управленій». Канцелярія св. синода, канцелярія оберъ-прокурора, управленія — духовно-учебное и хозяйственное были устроены по образцу департаментовъ министерствъ, наполнены государственными «чиновниками по вѣдомству православнаго исповѣданія» и поставлены въ такія-же отношенія къ оберъ-прокурору, въ какихъ стоятъ министерскіе департаменты къ подлежащимъ министрамъ. Оберъ-прокуроръ въ періодъ съ 1824 года по 1860 годъ облеченъ по отношенію къ церкви всѣми правами и всею властію «главноуправляющаго особымъ вѣдомствомъ».

Въ новѣйшее время организація «вѣдомства православнаго исповѣданія» въ основахъ своихъ не подверглась ни малѣйшимъ перемѣнамъ; перемѣны въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ состояли почти исключительно съ одной стороны въ увеличеніи числа и окладовъ чиновниковъ «вѣдомства», съ другой — въ увеличеніи повинностей и налоговъ на бѣлое духовенство. Но, не смотря на массу самыхъ разнообразныхъ чиновниковъ, служащихъ по вѣдомству православнаго исповѣданія и имѣющихъ въ своихъ рукахъ «кормило правленія» православной церкви, они ни въ своей совокупности, ни въ отдѣльности не имѣютъ, да «по своему чину» и не могутъ имѣть даже мысли — содѣйствовать поддержанію и возвышенію христіанской религіозно-нравственной жизни православнаго народа: ученіе и богослуженіе въ церкви — дѣло духовенства, обязаннаго «сословны-

ми повинностями и сборами». Между тѣмъ ученіе и богослуженіе — главный предметъ и главное содержаніе управленія въ православной церкви.

Авторъ разсматриваемаго письма къ Трейтшке, послѣ голословнаго отрицанія перемѣнъ, происшедшихъ въ отношеніяхъ церкви къ государству и въ устройствѣ его въ теченіи XVIII и XIX вѣковъ, указываетъ на основные принципы современныхъ отношеній русскаго государства къ православной церкви, какъ они выражены въ православномъ катихизисѣ и въ сводѣ законовъ. Изъ катихизиса онъ приводитъ находящійся въ отдѣлѣ о пятой заповѣди десятословія «*вопросъ*: кто еще замѣняетъ для насъ мѣсто родителей? и *отвѣтъ*: „Государь и отечество; потому что государство есть одно великое семейство, въ которомъ государь есть отецъ, а подданные — дѣти государя и отечества». Изъ свода законовъ приведена г-мъ NN. извѣстная 42 ст. I т. основ. закон., въ которой сказано: «Императоръ, яко христіанскій государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія» и примѣчаніе къ ней: 1721 янв. 25 (3718) ч. I, введ. Въ семъ смыслѣ императоръ, въ актѣ о наслѣдіи престола 1797 апр. 5 (17910), именуется Главою Церкви». Этими выдержками г-нъ NN опровергаетъ положеніе своего оппонента, профессора Трейтшке, о главенствѣ государя въ русской церкви. Предоставляемъ читателю судить на сколько опровержение г-на NN. можетъ быть убѣдительно для профессора Трейтшке и въ глазахъ просвѣщенной Европы, гдѣ извѣстны и въ теоріи, и въ исторіи разнообразныя системы отношеній государства къ церкви и гдѣ достаточно сказать одно, — два положенія объ этомъ предметѣ, чтобы всѣ видѣли о какой системѣ идетъ рѣчь. Но какъ бы ни приняли опроверженія г-на NN. въ Западной Европѣ, самъ онъ въ брошюрѣ своей воображаетъ, что его доказательства противъ Трейтшке весьма сильны и убѣдительны и что «противники, русской церкви и не знающіе ея» вполнѣ согласились съ его убѣжденіями, и потому заставляетъ ихъ говорить съ нимъ такъ: «положимъ всѣ ваши факты совершенно точны, всѣ ваши возраженія — вѣроятны; можетъ быть въ теоріи все это такъ, какъ говорите, — но соотвѣтствуетъ-ли теоріи практика?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ изображаетъ «роль», принадлежащую въ настоящее время оберъ-прокурору при синодѣ, и противополагаетъ латинскія понятія о положеніи церкви въ государствѣ православнымъ воззрѣніямъ, — дѣлаетъ это авторъ въ убѣжденіи, что онъ окончательно поражаетъ своего противника.

«По теоріи», — мыслитъ г-нъ NN., отправленія оберъ-прокурорской должности при синодѣ тѣ же самыя, какія предоставлены были ей при учрежденіи синода. Въ практикѣ же, продолжаетъ авторъ, оберъ-проку-

роръ «никогда не былъ и никогда не могъ быть инымъ чѣмъ, какъ представителемъ права veto»; на основаніи этого права прокуроръ можетъ сообщать синоду воззрѣнія государства на производящіяся въ синодѣ дѣла и то лишь «post factum», т. е. послѣ окончательной редакціи постановленія, синодомъ принятаго». Всѣ протоколы синода, разсказываетъ г-нъ NN., по составленіи и подписаніи ихъ членами синода, прочитываются оберъ-прокуроромъ. Если онъ не имѣетъ возраженій противъ опредѣленій синода, онъ на-полѣ противъ опредѣленій отмѣчаетъ «читанъ», но самаго опредѣленія не подписываетъ — потому что онъ не членъ синода. Если же оберъ-прокуроръ имѣетъ что возразить противъ постановленія синода, — онъ, по прочтеніи протокола о семъ, входитъ въ присутствіе синодальное съ своимъ предложеніемъ, въ которомъ онъ представляетъ на обсужденіе присутствія свое мотивированное мнѣніе по предмету, относительно котораго онъ не раздѣляетъ воззрѣнія, выраженнаго въ постановленіи синода. Мнѣніе оберъ-прокурора, принятое въ синодѣ, приводится въ исполненіе; не принятое же докладывается государю, который или полагаетъ на немъ свою резолюцію или повелѣваетъ обсудить его въ государственномъ совѣтѣ. Такъ описываетъ положеніе и отношенія оберъ-прокурора въ синодѣ г-нъ NN. — Но въ русскомъ обществѣ, въ европейской печати, среди русскаго духовенства и между высшими іерархами русской церкви распространены и господствуютъ мнѣнія о значеніи оберъ-прокурора, совершенно не похожія на то, какое излагается въ брошюрѣ г-на NN. Такъ преосв. Агаѳангелъ, волынскій архіепископъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и даровитыхъ архіереевъ русской церкви, въ отзывѣ своемъ о проектѣ основныхъ положеній духовносудной реформы, въ 1873 г., между прочимъ, пишетъ св. синоду: «оберъ-прокурору св. синода и нынѣ принадлежитъ *огромная власть*, какой, кажется, не имѣетъ ни одинъ министръ и членъ государственнаго совѣта Все, что относится къ духовенству и церкви, восходитъ къ престолу чрезъ оберъ-прокурора; и отъ того характеръ дѣятельности синодскаго оберъ-прокурора останется тайною для высшихъ государственныхъ сферъ». Отзывъ преосв. Агаѳангела, какъ протестъ противъ преобладанія и исключительной власти въ высшихъ церковныхъ установленіяхъ бюрократическихъ элементовъ «вѣдомства православнаго исповѣданія», встрѣченъ и читается въ средѣ русскаго духовенства и общества съ величайшимъ сочувствіемъ. — Французскій публицистъ и ученый An. Leroy-Beaulieu такъ описываетъ положеніе и отношенія оберъ-прокурора св. синода: православная церковь въ Россіи управляется синодомъ, подъ контролемъ своего прокурора. Чрезъ сего прокурора, уполномоченнаго императоромъ, осуществляются въ церкви всѣ права, принадлежащія монарху; оберъ-прокуроръ — посредникъ между царемъ и си-

водомъ; предлагаетъ синоду правительственные проекты законовъ и докладываетъ царю постановленія синода. Безъ участія прокурора ничего не дѣлается въ правительствующемъ синодѣ русской церкви: прокуроръ предлагаетъ дѣла, даетъ имъ движеніе и приводитъ въ исполненіе всѣ мѣропріятія синода. Безъ *утвержденія* прокурора постановленія синода недѣйствительны; онъ имѣетъ право veto во всѣхъ случаяхъ, когда постановленія синода не согласны съ закономъ».—Кому вѣрить? — Г. NN., или архіеп. Агаѳангелу, или г. Больё? — На сколько намъ извѣстно дѣлопроизводство св. синода, оно слѣдующее: Бумага, поступающая въ синодъ, принимается дежурнымъ чиновникомъ и экзекуторомъ, передается секретарю управляющаго канцеляріею синодскою, отсюда секретаремъ или самимъ управляющимъ или его помощникомъ, по разсмотрѣнію, препровождается въ отдѣленіе того оберъ-секретаря (ихъ въ синодѣ 6), которому она подлежитъ по содержанію, — отъ оберъ-секретаря поступаетъ къ секретарю; въ секретарскомъ столѣ ее разсматриваетъ секретарь или, его по порученію, одинъ изъ подчиненныхъ ему чиновниковъ; здѣсь она обсуждается, собираются по содержанію ея справки и законы, заготовляется докладъ и составляется проектъ постановленія синода; докладъ разсматривается заблаговременно секретаремъ и оберъ-секретаремъ и, по назначенію управляющаго синодскою канцеляріею или его помощника, или по приказанію оберъ-прокурора синода или его товарища, или *иногда* по запросу первоприсутствующаго (обычай не допускаетъ прочихъ членовъ дѣлать запросы), прочитывается въ присутствіи св. синода секретаремъ, подъ руководствомъ оберъ-секретаря, подъ надзоромъ помощника управляющаго и управляющаго канцеляріею, при бытности въ синодѣ оберъ-прокурора или его товарища, а иногда — то директора хозяйственнаго управленія, то юрисконсульта при оберъ-прокурорѣ, то председателя духовно-учебнаго комитета, то управляющаго контролемъ при синодѣ (смотря по роду дѣла). Составъ доклада, справка по его содержанію, направленіе дѣла и проектъ постановленія синода находятся въ исключительномъ распоряженіи чиновниковъ канцеляріи, которые состоятъ въ полнѣйшей зависимости отъ оберъ-прокурора. Присутствію синода всякое дѣло извѣстно только изъ доклада. При чтеніи и послѣ чтенія доклада дѣло обсуждается членами св. синода; но при ихъ обсужденіи подаютъ мнѣнія и оберъ-прокуроръ, и товарищъ его, кромѣ того, какъ водится въ практикѣ, вмѣшиваются въ разсужденія членовъ: 1) управляющій канцеляріею, 2) помощникъ его, 3) оберъ-секретарь, по отдѣленію котораго докладывается дѣло, 4) чиновникъ того учрежденія при синодѣ, отъ котораго поступила бумага, послужившая поводомъ къ докладу. Докладчикъ вполнѣ зависимый отъ высшихъ должностныхъ лицъ, конечно, прислушивается, во время обсужденія своего доклада, болѣе къ

мнѣніямъ своихъ начальниковъ, чѣмъ членовъ синода, и составляетъ протоколъ — по указаніямъ оберъ-прокурора, его товарища, управляющаго канцеляріею или его помощника и оберъ-секретаря. Составленный секретаремъ протоколъ подписывается по листамъ оберъ-секретаремъ, предлагается для прочтенія управляющему канцеляріею или его помощнику, докладывается оберъ-прокурору или его товарищу. Оберъ-прокуроръ или его товарищъ или пишетъ «читалъ», или приказываетъ переправить протоколъ по своимъ указаніямъ. Протоколъ, отмѣченный прокурорскимъ «читалъ», отправляется къ членамъ синода, къ каждому въ отдѣльности, на домъ, для подписи. Сроки составленія протокола, представленія его редакціи оберъ-прокурору, отправленія его къ синодскимъ членамъ для подписи — зависятъ отъ усмотрѣнія чиновниковъ. Подписанный членами синода, протоколъ снова идетъ по инстанціямъ къ оберъ-прокурору или его товарищу: тогда-то пишется прокурорское «исполнить». Исполненіе постановленій св. синода находится вполнѣ въ рукахъ чиновниковъ: члены св. синода, по подписаніи протокола, не имѣютъ никакихъ свѣдѣній о немъ, если о содержаніи его не возникнетъ какого либо особаго повода къ разсужденіямъ въ синодѣ. Исполнительная бумага подписывается оберъ-секретаремъ и секретаремъ и получаетъ или видъ указа (епархіальнымъ архіереямъ, консисторіямъ и губернскимъ учрежденіямъ) или выписки (въ учрежденія при синодѣ) или вѣдѣнія (въ сенатъ). При описанномъ порядкѣ веденія дѣлъ, въ синодѣ возможны слѣдующія явленія: поступившая въ синодъ бумага можетъ годы и годы пролежать безъ доклада; постановленіе синода, принятое присутствіемъ, можетъ не попасть въ протоколъ,— можетъ остановиться въ исполненіи за неимѣніемъ «читалъ» и «исполнить», и можетъ быть не предложена къ подписи членовъ синода; наконецъ предложеніе оберъ-прокурора, не принятое въ синодѣ, изъ оберъ-прокурорской канцеляріи можетъ отправиться въ формѣ отношенія къ епархіальнымъ архіереямъ, которые должны принять отношеніе «къ свѣдѣнію и руководству». Изъ сказаннаго нами о дѣлопроизводствѣ въ св. синодѣ ясно видно, что всѣ синодскія дѣла находятся въ рукахъ государственныхъ чиновниковъ, служащихъ по вѣдомству православнаго исповѣданія, которые состоятъ въ полной зависимости отъ оберъ-прокурора синода. Какъ назвать такую систему отношеній государства къ церкви? Названіе цезаропапизма къ ней, конечно, не идетъ. Оффиціально принятое и усвоенное въ Россіи названіе, выражающее отношенія государства къ православной церкви — «вѣдомство православнаго исповѣданія», и это названіе выражаетъ эти отношенія какъ нельзя лучше. Мы, конечно, нисколько не думаемъ отрицать, что органъ государственнаго надзора долженъ быть въ св. синодѣ; но на чемъ основывается существованіе безчисленнаго множества государствен-

ныхъ чиновниковъ въ церковно-правительственныхъ установленіяхъ, чиновниковъ, расположенныхъ по рангамъ государственной службы, подчиненныхъ представителю государственной власти въ синодѣ, стоющихъ не мало государству и церкви, заправляющихъ всѣми ея дѣлами, подавляющихъ своею властью нравственное значеніе духовенства и не имѣющихъ, по ученію церкви, никакого права, ни возможности участвовать въ распространеніи религіозно-нравственнаго ея ученія? Напрасно мы стали бы искать отвѣта на этотъ вопросъ въ ученіи и постановленіи церкви, даже въ самомъ законодательствѣ нашего государства и въ теоріи государственнаго и церковнаго права. Вѣдомство православнаго исповѣданія обязано своею нынѣшнею организаціею только историческимъ случайностямъ и политикѣ оберъ-прокуроровъ прежняго времени.

Впрочемъ авторъ письма къ г-ну Трейтшке указываетъ теоретическое основаніе, на которомъ создано въ Россіи вѣдомство православнаго исповѣданія, въ слѣдующихъ словахъ: «По воззрѣніямъ римско-католической церкви, церковь есть status supra statum; но въ Россіи церковь не есть даже status in statu и разсматривается, какъ божественное установленіе въ вопросахъ догматическихъ, но по всѣмъ вопросамъ и дѣламъ административнаго характера входящее въ область общаго права, съ значеніемъ учрежденія, состоящаго изъ людей и созданнаго для народа». Эта теорія автора о церкви, совершенно соотвѣтствующая названію «вѣдомства православнаго исповѣданія», не согласуется ни съ катехизическимъ ученіемъ о церкви, содержимымъ самою православною церковію, ни съ современными воззрѣніями науки государственнаго права на положеніе церкви въ государствѣ. По катихизису православной церкви, она «есть учрежденное отъ Бога *общество* вѣрующихъ въ І. Христа людей, соединенныхъ между собою вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами». Современная наука государственнаго права не только допускаетъ, но находитъ неизбѣжнымъ существованіе въ государствѣ *обществъ*, корпорацій, ассоціацій и разнаго вида общественныхъ союзовъ, состоящихъ подъ надзоромъ государства и пользующихся его покровительствомъ, но *самостоятельныхъ* въ достиженіи своихъ цѣлей, не противныхъ государству. Православная русская церковь, по своему догматическому ученію, духу и настроенію, по историческимъ преданіямъ и по заслугамъ передъ государствомъ и обществомъ, могла бы, намъ кажется, имѣть полное право на признаніе ея со стороны государства *общественнымъ союзомъ*, самостоятельнымъ въ управленіи своими дѣлами и независимымъ отъ бюрократіи «вѣдомства православнаго исповѣданія». Такое признаніе ея со стороны государства даже совершенно необходимо для открытія ей возможности — проявить свои жизненныя силы, запасъ которыхъ неизсякаемъ и которыхъ ей и всему право-

славному люду не изжить во вѣкъ. Жизнь православной Церкви, какъ самостоятельнаго общества, можетъ совершаться не только безъ всякаго ущерба, но и съ несомнѣнною пользою для государственной и гражданской жизни народа. Мало того, русское государство и народъ только въ такомъ случаѣ могутъ ожидать и въ правѣ требовать отъ церкви всей пользы отъ нея, если ея устройство будетъ соотвѣтствовать ея ученію объ ея существѣ, — и если въ ея устройствѣ будутъ выражаться и общество и божественное учрежденіе.

Замѣтимъ еще, что г-нъ NN. въ отдѣлѣ о современномъ отношеніи государства къ церкви, въ опроверженіе мыслей Трейтшке указываетъ на то, что въ періодъ синодальный будто бы «никогда не было примѣра назначенія епископа государемъ motu proprio». Но, во-первыхъ, это неправда; во-вторыхъ jus nominationis еще не есть непремѣнное выраженіе или доказательство системы цезаропапизма. Значитъ, порядокъ назначенія епископовъ, существующій въ Россіи, не можетъ быть принятъ какъ достаточно сильное опроверженіе противъ мнѣній Трейтшке.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ брошюры г-нъ NN., въ опроверженіе упрековъ, дѣлаемыхъ въ западной Европѣ русской православной церкви въ застоѣ и неподвижности относительно богословской науки, религіозной жизни и т. д., говоритъ, что «науки и искусства обыкновенно процвѣтаютъ не въ странахъ, покрытыхъ снѣгами, тундрами и лѣсами и населенныхъ болѣе дикими животными, чѣмъ людьми», — и развиваетъ мысль, что «еслибы Россія была католическою, то реформація XVI в. погибла бы подъ напоромъ фанатическихъ армій съ береговъ Волги». Мы находимъ таковые мнѣнія г-на NN. лишонными всякаго основанія, оскорбительными для патріотическаго чувства, крайне странными и незаслуживающими критики.

Въ заключеніе своего письма г-нъ NN. совсѣмъ зарапортовался — ни къ числу, ни кстати онъ говоритъ, что на современномъ поколѣніи образованныхъ и ученыхъ лицъ въ Европѣ лежитъ разрѣшеніе двухъ задачъ: 1) доставить торжество убѣжденію, que le pape n'est qu'une fiction, и 2) «уничтожить политическую нелѣпость, по которой за служителями церкви признается достоинство суверена. Г-нъ NN. совѣтуетъ «всякому индивиду» работать по мѣрѣ силъ надъ разрѣшеніемъ указываемыхъ задачъ. Мы, съ своей стороны, за авторомъ оставляемъ обязанность, которую онъ возлагаетъ «на всякаго».

Заключимъ и мы свою замѣтку: авторъ своею брошюрою не столько опровергаетъ, сколько доказываетъ воззрѣнія г. Трейтшке, — крайне слабъ въ историческихъ свѣдѣніяхъ относительно русской церкви и въ пониманіи церковнаго права, и сторонникъ бюрократическихъ воззрѣній на церковь. Удивительно — какъ лица съ подобными воззрѣніями до такой степени

смѣлы, самоувѣренны и беззастѣнчивы, что въ XIX в. считают для себя возможнымъ являться съ ними предъ учеными западной Европы. Мы думаемъ, что ученые западной Европы вмѣстѣ съ нами не вѣрятъ въ искренность автора: авторъ брошюры, намъ кажется, старается доказать такія положенія, въ справедливости которыхъ онъ самъ сомнѣвается не менѣе, чѣмъ кто бы то ни было.

М. Горчаковъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Die Lehre vom Heerwesen, als Theil der Staatswissenschaft. Von Dr. Lorenz von Stein. Stuttgart. 1872. (Ученіе о военномъ дѣлѣ, какъ часть государствовѣдѣнія, Лоренца Штейна).

Названное сочиненіе Л. Штейна, пріобрѣтшаго заслуженную знаменитость трудами своими въ области государственныхъ и общественныхъ наукъ, представляетъ замѣчательную попытку изслѣдованія военнаго дѣла, какъ составной части государственнаго организма, разсмотрѣнія его со стороны *условій*, отъ которыхъ оно зависитъ, въ отличіе отъ спеціальныхъ военныхъ наукъ, изслѣдующихъ собственно войско со стороны *назначенія* его.

Потребность нашего времени въ подобныхъ изслѣдованіяхъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

Военное дѣло съ неодолимымъ стремленіемъ глубоко проникаетъ въ жизнь народа, захватываетъ цвѣтъ населенія и поглощаетъ въ громадномъ количествѣ хозяйственныя силы его; успѣхи военнаго дѣла сливаются съ завѣтнѣйшими интересами народа, а между тѣмъ въ сферѣ науки оно стоитъ особнякомъ, внѣ того движенія, которому подчиняется наше общее образованіе. Эта особенность военной части объясняется оригинальными основаніями ея, оригинальными отношеніями, порождаемыми ею и преимущественно прежнею исторіею ея, — тѣмъ, что войско фактически и юридически было дѣйствительно чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ народа. Но теперь, когда воинская повинность неразрывно связана съ званіемъ гражданина, когда каждому почти приходится вступать въ составъ войска, участвовать въ его задачахъ, жить его жизнію и раздѣлять его опасности, — должно измѣниться и отношеніе науки къ военному дѣлу: она должна уяснить столь интересный для всѣхъ предметъ,

ввести его въ кругъ предметовъ общаго образованія, сдѣлать военное дѣло, въ его крупныхъ и знаменательныхъ для государства и народа моментахъ, доступнымъ общему пониманію.

По своему научному направленію Л. Штейнъ не столько самостоятельный изслѣдователь частныхъ вопросовъ, сколько систематизаторъ научнаго матеріала и обобщитель идей, обращающихся въ ученой литературѣ. При этомъ онъ держится преимущественно дедуктивнаго метода, отправляясь отъ извѣстнаго общаго принципа, старается вывести изъ него всѣ частныя положенія въ формѣ строгихъ слѣдствій. Такимъ онъ является и въ разсматриваемомъ здѣсь сочиненіи: для достиженія вышеозначенной цѣли наука должна, по его мнѣнію, выдѣливъ военное дѣло изъ общей сферы государственной и народной жизни, съ которою оно такъ тѣсно связано, съ одной стороны органически развить связь его съ этою жизнью, съ другой изложить его собственные внутренніе элементы и основанія. Слѣдуя такому пути, трудно сдѣлать, какъ признаетъ и самъ авторъ (введ. стр. 2), какіе-либо точные выводы, которые могли бы имѣть непосредственное практическое примѣненіе; но военная часть такъ темна для массы образованной публики, и такъ мало сдѣлано для пониманія ея въ связи съ другими сторонами общественной жизни, что и этотъ путь Штейна, какъ одинъ изъ кратчайшихъ, можетъ быть признанъ достаточно цѣлесообразнымъ въ настоящемъ случаѣ.

Для ближайшаго ознакомленія читателей съ книгою Штейна, трактующей о предметѣ, на который и у насъ теперь обращено всеобщее вниманіе, представимъ въ краткомъ очеркѣ содержаніе ея вообще и нѣкоторыхъ отдѣловъ въ частности.

Въ первомъ, вступительномъ отдѣлѣ книги авторъ указываетъ главныя точки соприкосновенія военнаго дѣла съ другими областями государственной жизни. Содержаніе этого отдѣла, какъ основнаго, мы передадимъ съ нѣкоторою подробностью.

Исходной пунктъ этого отдѣла — существо войска, какъ основаніе для устройства и положенія его въ государствѣ. Какъ всякое живое существо, въ нѣкоторыя минуты жизни, необходимо должно напрягать всѣ силы и сосредоточивать всю свою индивидуальность въ одномъ внѣшнемъ актѣ; такъ и народъ, организованный въ одно цѣлое и олицетворяемый въ государствѣ, долженъ быть способенъ сплотиться для одного *дѣйствія*: бываютъ минуты въ его жизни, когда необходимо самое полное, самое напряженное развитіе силъ всѣхъ его членовъ, сосредоточеніе ихъ на одномъ пунктѣ, объединеніе въ одной волѣ, проявленіе въ одномъ дѣйствіи. Способность народа къ такому прояв-

ленію себя есть мѣрило значенія его въ ряду другихъ народовъ, послѣднее основаніе права его на индивидуальное существованіе во всемірной исторіи. Потому-то каждый даровитый народъ начинаетъ свою политическую жизнь, тѣмъ, что видитъ въ войнѣ все призваніе государства, въ побѣдѣ — единственную и истинную честь, въ военной службѣ — главную и высшую обязанность и цѣль жизни. По мѣрѣ развитія культуры, рядомъ съ военною цѣлью получаютъ значеніе и другія цѣли общежитія; при этомъ, по закону раздѣленія труда, все, относящееся къ вооруженной силѣ народа, выдѣляется изъ того, что должно служить для другихъ цѣлей его; вооруженная сила со всѣми ея формами и порядками, органами и правами, средствами и дѣйствіями, становится самостоятельнымъ членомъ цѣлаго; въ этомъ членѣ сосредоточивается все, что требуется для проявленія силы народа; въ нѣдрахъ государства возникаетъ самостоятельная жизнь, самостоятельное право, самостоятельное воплощеніе вооруженной силы. Этотъ-то самостоятельно функціонирующій организмъ вооруженной силы, какъ особая часть государственной жизни, и есть *войско* (das Heer) въ обширномъ смыслѣ слова; совокупность же законовъ, распоряженій и учрежденій, которыми войско образуется, направляется и сохраняется, составляетъ *военное дѣло* или *военную часть* государства (das Heerwesen). Согласно съ этимъ, какъ составная часть государственнаго организма, войско, со всѣми его особенностями, естественно должно входить въ кругъ изслѣдованій о государствѣ, въ науку государствовѣдѣнія, и именно — на ряду съ управленіями финансовъ, юстиціи, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ — въ ученіе объ управленіи (Verwaltungslehre). Ближайшая связь ученія о военномъ дѣлѣ съ *другими областями* государствовѣдѣнія вытекаетъ изъ особенныхъ отношеній его къ государственному устройству (конституціи) къ населенію и къ народному хозяйству. Особенное отношеніе къ государственному устройству (Verfassung) состоитъ въ слѣдующемъ. Дѣятельность войска обусловливается не самимъ государствомъ, но врагомъ; оно должно бороться съ опасностью, идущею извнѣ, перемѣнчивою и случайною. Поэтому, существуя по волѣ государства, войско дѣйствуетъ примѣнительно ко внѣшнимъ обстоятельствамъ; въ минуту наступленія опасности оно, по прямому назначенію своему, никогда не можетъ имѣть собственной воли; по отношенію къ опасности, по отношенію къ врагу, воля, отъ которой оно зависитъ, бываетъ необходимо абсолютною, это — приказаніе начальствующаго, команда (Befehl). Конституція своими законами рѣшаетъ вопросы о всѣхъ элементахъ войска; но для войска, въ виду врага, общегражданская обязанность повиновенія властямъ государства обращается въ безусловное повиновеніе командѣ. Этотъ прин-

ципъ можно выразить такъ: военное дѣло подчиняется закону, армія — командѣ, объединеніе же и того и другого является въ лицѣ главы государства, какъ верховнаго военачальника (Kriegsherr), во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Отсюда уже видно, что въ область государствовѣдѣнія можетъ входить ученіе о военномъ дѣлѣ, но не ученіе объ употребленіи арміи, которое принадлежитъ собственно военной наукѣ.

Отношеніе войска къ *народонаселенію* выражается въ многоразличныхъ взаимныхъ вліяніяхъ ихъ другъ на друга, изученіе которыхъ чрезвычайно важно для общей теоріи и практики формированія войскъ. Такъ, отъ плотности или густоты населенія въ странѣ существенно зависитъ количество войска. При рѣдкости народонаселенія опредѣленный процентъ его, назначаемый для военной службы, даетъ небольшую цифру; отвлеченіе рабочихъ силъ отъ мирныхъ занятій чувствуется сильнѣе; поэтому повинность военной службы оказывается тяжеле, и побужденій къ уклоненію отъ нея больше. Значительная плотность населенія, будучи вообще благопріятною для численности войска, производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ особыя вліянія на него, вслѣдствіе того, что съ плотностью населенія возрастаютъ различія классовъ народа. Богатые классы доставляютъ войску, сравнительно съ другими, лучшіе элементы, но только при условіи значительнаго обособленія и почета военной профессіи и собственно для корпуса офицеровъ; да и здѣсь многіе изъ богатыхъ людей успѣшно служатъ только въ мирное время, такъ какъ состояніе и связи открываютъ имъ мѣста, къ которымъ они не всегда и годятся. Съ другой стороны, высшее образованіе даетъ имъ возможность, при доброй волѣ, особенно отличиться.

Изъ средняго класса горожанъ выходятъ хорошіе ратники, но рѣдко солдаты по профессіи. Въ составѣ войска они служатъ простыми солдатами и образуютъ отличный элементъ, но только подъ условіемъ недолгаго пребыванія по службѣ. Только тѣ изъ нихъ, которые съ дѣтства посвятили себя военному призванію и получили систематическое военное образованіе, составляютъ цвѣтъ войска. Бѣдныя классы горожанъ, пролетаріи, даютъ много солдатъ, но плохаго качества. Со слабымъ физическимъ развитіемъ и ограниченнымъ образованіемъ они соединяютъ потребности и желанія, недопускаемыя въ войскѣ, образуютъ поэтому преимущественно недовольный элементъ послѣдняго и наполняютъ госпитали во время войны. По своей расторопности и сообразительности они пригодны лишь для разныхъ нестроевыхъ службъ и частію для артиллеріи и инженернаго дѣла. Собственно ядро войска выходитъ изъ средняго сельскаго класса, изъ крестьянъ. Не имѣя ни состоянія,

ни связей, крестьянинъ долженъ устроить свое положеніе на службѣ собственными силами; не обладая достаточнымъ общимъ образованіемъ, онъ рѣдко дослуживается до офицера, и вообще всякаго повышенія достигаетъ лишь выслугою лѣтъ; достигши же повышенія, охотно остается на службѣ, потому-что не ожидаетъ особой радости въ отставкѣ. Изъ этихъ людей выходятъ лучшіе унтеръ-офицеры. Составъ населенія по занятіямъ имѣетъ особенное значеніе при формированіи войска по родамъ оружія, что яснѣе всего замѣтно при комплектованіи флота.

Съ своей стороны, войско обнаруживаетъ сильное вліяніе на населеніе. Военное дѣло препятствуетъ правильному возрастанію населенія, и притомъ не столько потерями людей во время войны (въ кровопролитнѣйшихъ сраженіяхъ убитые и умирающіе отъ ранъ составляютъ не болѣе 6% сражающихся), сколько удержаніемъ ихъ на службѣ вообще.

При этомъ нужно отличать службу офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и простыхъ солдатъ. Высшіе разряды офицеровъ бываютъ большею частію женаты и не отличаются въ этомъ отношеніи отъ людей другихъ классовъ; браки младшихъ офицеровъ затрудняются разрѣшеніемъ начальства и условіемъ обладанія извѣстнымъ состояніемъ; унтеръ-офицеры женятся довольно поздно, большею частію по выходѣ въ отставку; браки же простыхъ солдатъ вообще тѣмъ болѣе замедляются, чѣмъ продолжительнѣе срокъ обязательной службы. При трехлѣтнемъ срокѣ службы, такое замедленіе не составляетъ особенной бѣды; но болѣе продолжительные сроки не только значительно замедляютъ вступленіе въ бракъ, но и неблагопріятны для семейной жизни, тѣмъ, что поселяютъ въ людяхъ привычки холостяковъ и отучаютъ ихъ отъ правильнаго труда.

Вообще отношенія между войскомъ и населеніемъ существенно обусловливаютъ то, что называется индивидуальностью арміи, и объясняютъ цѣлый рядъ явленій въ военномъ дѣлѣ, необъяснимыхъ ни различіями матеріальныхъ средствъ, ни особенностями организаціи войскъ.

Не менѣе важно взаимодѣйствіе между войскомъ и *народнымъ хозяйствомъ*.

Матеріальное условіе благоустройства войска есть, какъ извѣстно, богатство народа; но и распредѣленіе его не безразлично для военнаго дѣла. Скопленіе большаго богатства въ рукахъ немногочисленнаго высшаго класса столь же неблагопріятно для войска, какъ и бѣдность низшаго класса: въ этомъ случаѣ добываніе денежныхъ средствъ для войска

путемъ налоговъ встрѣчаетъ препятствіе въ практической трудности достаточно высокаго обложенія крупныхъ состояній; и для содержанія сильнаго войска финансовому управленію нельзя обойтись безъ займовъ. Многочисленные и зажиточные средніе классы горожанъ и поселянъ — вотъ прочная хозяйственная основа для войска; представители этихъ классовъ бываютъ особенно строги и при обсужденіи бюджета военнаго вѣдомства.

Потеря, причиняемая войскомъ народному хозяйству, заключается не только въ расходахъ на него финансоваго управленія, но также и въ уменьшеніи общей производительности страны отвлеченіемъ людей отъ мирныхъ занятій. Вознагражденіемъ за эту потерю служитъ благо безопасности, достигаемой посредствомъ войска, благо, которое хотя и не исчерпывается понятіемъ экономической цѣнности, но экономическое значеніе котораго достаточно явствуетъ изъ того, что народу, не желающему содержать своего собственнаго войска, приходится содержать войско непріятеля, а это обходится такъ дорого, что народъ готовъ рѣшиться на отчаянную войну, лишь бы только получить возможность опять имѣть собственное войско. Дороже всего обходится народу беззащитность; поэтому можно сказать, что войско, по-колику оно выражаетъ полную оборонительную силу народа, гораздо болѣе цѣнно, чѣмъ потери, соединенныя съ содержаніемъ его. Военное дѣло есть органическая часть государства и останется таковою; слѣдуетъ заботиться не объ устраненіи расходовъ на него, но о правильномъ употребленіи ихъ. Независимо отъ издержекъ содержанія, войско производитъ особаго рода вліяніе на народное хозяйство, на производство, передвиженіе и потребленіе богатства. Войско представляетъ исключительно потребляющій элементъ; при этомъ потребленіе его отличается односторонностію, направляясь только на извѣстные предметы; потребности его, при обширности своихъ размѣровъ, сосредоточиваются большею частію въ нѣкоторыхъ только пунктахъ страны, и притомъ съ быстрою измѣнчивостію. Отсюда происходитъ нарушеніе войскомъ правильнаго хода народнаго хозяйства, причиняющее послѣднему гораздо бо̀льшія потери, чѣмъ прямое потребленіе войскомъ богатства страны.

Задача военнаго хозяйственнаго управленія — по возможности уменьшать эти потери. Способы къ тому основываются на самомъ свойствѣ потребленія войска. Потребляемые войскомъ предметы бываютъ частію обыкновенные народно-хозяйственные — пища, одежда, помѣщеніе; частію собственно военные — оружіе и аммуниція. Снабженіе войска тѣми и другими имѣетъ ту общую черту, что оно находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ густотою населенія: густо населенная страна поставляетъ

эти предметы гораздо легче и дешевле, нежели рѣдко населенная; но есть здѣсь и разница. Народно-хозяйственные предметы для войска существуютъ въ каждой странѣ, нужно только устроить доставку ихъ такимъ образомъ, чтобы внезапный большой спросъ не поднималъ значительно цѣны ихъ, сначала для войска, а потомъ и для остальнаго населенія. Съ этою цѣлью, доставка ихъ передается крупнымъ предпринимателямъ, поставщикамъ. При этомъ тоже обнаруживаются нѣкоторыя важныя различія, зависящія частію отъ свойства отдѣльныхъ продуктовъ, частію отъ степени промышленнаго развитія страны. Продукты обработывающей промышленности могутъ быть поставляемы большимъ числомъ предпринимателей, и такъ какъ производство ихъ требуетъ много времени, то они должны быть заготовляемы заблаговременно, по возможности въ запасъ, дабы не нарушался правильный ходъ промышленности. При предметахъ пищеваго довольствія, которые держать въ запасѣ можно лишь въ ограниченномъ размѣрѣ, рѣшительное значеніе имѣетъ возможно обширнѣйшее мѣстное распредѣленіе закупокъ, а при необходимости полной увѣренности въ своевременной поставкѣ и для отвращенія повышенія цѣнъ въ данной мѣстности взаимной конкуренціей мелкихъ торговцовъ приходится имѣть дѣло съ немногими крупными предпринимателями. Чѣмъ больше, при посредствѣ этихъ послѣднихъ, закупка продуктовъ распредѣляется по всей странѣ, тѣмъ меньше потрясается народное хозяйство отъ потребленія войскъ, и чѣмъ выше коммерческое развитіе страны, тѣмъ легче ей, при данной массѣ продуктовъ, содержать свое войско. Что касается предметовъ потребленія собственно военныхъ — оружія и аммуниціи, то для войска важнѣе всего *вѣрность* снабженія ими. Поэтому военное вѣдомство сначала само занимается производствомъ ихъ и тѣмъ больше, чѣмъ нужнѣе опыты производства усовершенствованнаго оружія. Но собственное военное производство, какъ всякое казенное, обходится очень дорого, а потому чѣмъ больше возрастаютъ численность войска и расходы на его содержаніе, тѣмъ необходимѣе становится предоставлять это производство частной промышленности, которая въ свою очередь можетъ взяться за него только при томъ условіи, если сдѣлала уже навыкъ дѣйствовать крупными капиталами въ большихъ заведеніяхъ. Въ этомъ случаѣ военное управленіе можетъ ограничиться производствамъ опытовъ, установленіемъ, на основаніи ихъ, рода и формы оружія и т. п., самое же изготовленіе его предоставить частной промышленности, а чтобы не быть въ тягостной зависимости отъ послѣдней, оно должно дѣлать большіе запасы.

При измѣнчивости мѣстъ потребленія, огромное значеніе получаютъ

средства сообщенія съ ихъ важнымъ назначеніемъ — доставлять потребные для войска предметы возможно скорѣе и дешевле. Расходы на продовольствіе войска въ походѣ зависятъ отъ стоимости доставки продуктовъ не меньше, какъ и отъ покупной цѣны ихъ, и вообще передвиженіе войскъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, обходится государству тѣмъ дороже, чѣмъ хуже его система средствъ сообщенія, и потому послѣдняя должна быть образуема всегда при участіи военнаго управленія.

Отношеніе военнаго дѣла собственно къ *финансамъ* государства состоитъ въ слѣдующемъ: какъ вообще финансами обусловливаются всѣ задачи государства, такъ и войско можетъ достигать лишь тѣхъ размѣровъ, какіе допускаются финансами, именно размѣровъ, за предѣлами которыхъ начинаетъ страдать отъ усиленія налоговъ производительность хозяйственныхъ предпріятій. Признаками достиженія этихъ предѣловъ служитъ остановка въ возрастаніи числа и объема предпріятій, необходимо наступающая при чрезмѣрномъ поглощеніи налогами промышленныхъ избытковъ. Но это относится только къ мирному времени. Въ случаѣ войны мѣра напряженій вообще, слѣдовательно и финансовыхъ, зависитъ не отъ самого государства, но отъ его врага; поэтому и финансовые рессурсы не могутъ быть ограничиваемы податными силами народа. Ведя войну, народъ борется за свою будущность; будущность эта должна быть привлечена и къ участію въ налогахъ. Средствомъ для этого служатъ государственные займы. Но займы во время войны всегда обходятся очень дорого; поэтому они должны быть заключаемы или предъ войною, или, насколько то умѣстно, послѣ войны. Дѣло дипломатіи — опредѣлить вѣроятность войны; военная наука должна сказать, какія средства требуются для нея; военное управленіе должно распорядиться соотвѣтственнымъ приготовленіемъ къ войнѣ; финансовое управленіе съ своей стороны должно покрыть расходы на эти приготовленія посредствомъ займа. Заемъ, заключаемый предъ войною, долженъ быть на столько великъ, чтобы посредствомъ его можно было серьезно консолидировать на будущее время существующій уже текучій долгъ государства. Затѣмъ война можетъ быть ведена на средства, доставляемыя новыми обязательствами текущаго долга, а по окончаніи войны обязательства эти могутъ быть опять консолидированы заключеніемъ постояннаго займа. При такомъ образѣ дѣйствій текущій долгъ обойдется сравнительно дешево, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчитъ и бремя военныхъ расходовъ. Но если обязательства текущаго долга начнутъ слишкомъ понижаться въ цѣнѣ, то война должна прекратиться: курсъ этихъ обязательствъ есть истинное мѣрило продолжительности войны. Но кромѣ того война можетъ считаться слишкомъ затянувшеюся, если финансовое управ-

леніе вынуждено выпускать для нея бумажныя деньги; продолженіе ея становится опаснымъ, если обращеніе бумажныхъ денегъ порождаетъ лажъ. Возможность самыхъ блестящихъ результатовъ войны не должна соблазнять правительство продолжать ее при помощи бумажныхъ денегъ, и только крайняя опасность можетъ оправдать войну при упадкѣ курса этихъ денегъ. Въ заключеніе отдѣла объ отношеніяхъ войска къ другимъ элементамъ государства говорится о *духѣ войска.*

То, что называется духомъ войска, является ближайшимъ образомъ въ двоякомъ видѣ: это во-первыхъ глубокое, ставшее коллективнымъ чувствомъ, сознаніе великой роли войска въ государствѣ, сознаніе, что въ концѣ концовъ оно составляетъ опору престола и государства, что при невыполненіи войскомъ его обязанности рушится цѣлость государства, что назначеніе войска, не отступая передъ смертью, вполнѣ выразить высшую волю, высшую силу и все напряженіе жизни государства, что посрамленіе войска есть посрамленіе народа, и что никакое чувство народа не можетъ сравниться съ ликующею гордостью, съ какою онъ привѣтствуетъ свои войска послѣ побѣды надъ врагомъ, и съ тѣмъ глубокимъ участіемъ, съ какимъ онъ относится къ нему въ несчастіи. Это великое сознаніе, проникающее всѣхъ и каждаго, порождаетъ съ одной стороны *военную честь*, которая является въ видѣ вѣрности престолу, храбрости предъ врагомъ и презрѣніемъ къ трусамъ, и которая должна быть неразлучна съ воиномъ во всю его жизнь; съ другой стороны — *военное одушевленіе*, необходимое въ минуты совершенія высокихъ подвиговъ. Корпорація военачальствующихъ, отъ главнокомандующаго до послѣдняго офицера, должно быть живымъ воплощеніемъ военной чести и одушевленія. За первыми и важнѣйшими элементами военной чести и одушевленія, за вѣрностію престолу, слѣдуетъ другой элементъ — *духовная связь* между войскомъ и главнокомандующимъ, вѣра войска въ то, что называется военнымъ геніемъ, вѣра, порождающая въ каждомъ увѣренность и въ самомъ себѣ и искреннее беззавѣтное подчиненіе. Въ корпораціи офицеровъ, вмѣстѣ съ спеціальнымъ военнымъ образованіемъ, должна рельефно выражаться и специфическая военная честь, которая должна простираться на всю жизнь офицера, даже по выходѣ его въ отставку. Это не честь гражданина вообще, но честь профессіи; офицеръ долженъ быть достойнымъ военной профессіи, долженъ быть не только самъ храбрымъ, но и отвѣтственнымъ въ извѣстной степени за храбрость своего отряда. На чувствѣ профессіональной чести и соединенной съ нею отвѣтственности зиждется духъ корпораціи офицеровъ, и никакая формальная подчиненность не замѣнитъ его, никакое приказаніе не возстановитъ его, если онъ утраченъ. Что касается нижнихъ чиновъ, то духъ ихъ долженъ быть тождественнымъ съ духомъ народа; духъ этотъ тѣмъ

выше и сильнѣе, чѣмъ выше просвѣщеніе народа. При отсутствіи общей воинской повинности бываетъ такъ, что духъ отдѣльныхъ военныхъ частей замѣняетъ собою общій духъ войска, и взаимное соперничество полковъ очень часто заступаетъ мѣсто военнаго одушевленія. Но чѣмъ тѣснѣе сливается войско съ народомъ при общей воинской повинности, тѣмъ больше духъ войска становится духомъ вооруженнаго народа.

За изложеннымъ первымъ отдѣломъ слѣдуетъ самый трактатъ о военномъ дѣлѣ, система котораго выводится авторомъ изъ слѣдующаго общаго опредѣленія: ученіе о военномъ дѣлѣ есть систематическое изложеніе тѣхъ требованій, учрежденій и постановленій, среди общей организаціи, правового порядка и управленія государства, которыя оказываются необходимыми для войска, какъ великаго органа веденія войны, въ силу началъ и условій этого послѣдняго. Изъ этого опредѣленія вытекаютъ три части трактата: первая часть — организація войска; вторая — военное право и судопроизводство; третья — управленіе военнымъ дѣломъ (или благоустройство).

Схема первой части слѣдующая:

I. Образованіе войска, или органическое установленіе, чрезъ которое войско выдѣляется изъ народа, какъ самостоятельный органъ. За краткимъ историческимъ обзоромъ способовъ образованія войскъ сюда входятъ, въ силу требованій возможно большей численности войскъ и возможно лучшаго приготовленія ихъ къ войнѣ, слѣдующіе предметы:

A) Воинская повинность, съ тремя системами ея — системой рекрутскихъ наборовъ, системой милиціонною и общею повинностію военной службы, или нѣмецкою, съ подраздѣленіемъ ея на прусскую и австрійскую.

B) Военная профессія вообще и въ частности корпусъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ и штабъ.

II. Формація войска или разчисленіе его по принципу раздѣленія труда, примѣнительно къ особенностямъ назначенія войска, на отдѣльныя части. Сюда входятъ:

A) Общее значеніе родовъ оружія и военной администраціи съ ея отдѣльными учрежденіями.

B) Отдѣльныя военныя части (Heereskörper): 1) Строевыя единицы: (Waffenskörper): полкъ, батальонъ, рота — въ пѣхотѣ, соотвѣтственныя части въ войскахъ другихъ родовъ оружія и ихъ резервы; 2) административныя единицы: интендантская, военно-медицинская, аудиторіатъ, обозъ, спеціальныя части (военное духовенство, полевая почта, полевые телеграфы, полевыя желѣзныя дороги, понтонные экипажи, полевые жандармы).

C) Оперативная организація войска, т. е. разчлененіе и организація

строевыхъ и административныхъ единицъ въ военныя части готовыя къ бою: 1) тактическія военныя единицы: бригада, дивизія, корпусъ, армія; 2) оперативная организація военнаго управленія; 3) мобилизація.

III. Организація единства или цѣлости войска:

A) Глава государства, какъ верховный военачальникъ (Kriegsherr).

B) Военное министерство: 1) историческое развитіе; 2) главныя функціи этого министерства; 3) отдѣлы его.

C) Командованіе войскомъ: 1) въ военное время и 2) въ мирное время.

Схема второй части, обнимающей военное право и судопроизводство.

За общимъ историческимъ очеркомъ развитія этого права слѣдуетъ разсмотрѣніе особенностей его въ областяхъ гражданскаго, уголовнаго и государственнаго права, а потому образуются отдѣлы:

I. Гражданское право въ примѣненіи къ войску.

II. Военный порядокъ и военное право въ тѣсномъ смыслѣ (уголовное право):

A) Военная подчиненность и правовая система ея: 1) военная субординація, 2) военное уголовное право (военныя преступленія и наказанія), 3) военное судопроизводство.

B) Военная дисциплина.

C) Военный судъ чести.

III. Государственное право въ примѣненіи къ войску.

Схема третьей части, объ управленіи военнымъ дѣломъ, или объ условіяхъ самостоятельной жизни войска въ государствѣ:

I. Военное образованіе.

A) Строевое обученіе (Dienstbildung) вообще и въ частности: 1) практическое обученіе при прохожденіи службы и 2) школьное обученіе въ полковыхъ, батальонныхъ, гарнизонныхъ и унтеръ-офицерскихъ училищахъ.

B) Профессіональное военное образованіе: 1) образованіе офицеровъ въ общихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и высшихъ, 2) спеціальныя военно-учебныя заведенія.

C) Военно-ученыя учрежденія.

II. Военное управленіе матеріальною частью:

A) Организація хозяйственнаго военнаго управленія: 1) военные органы хозяйственнаго управленія и ихъ компетенція, 2) поставка реквизицій органами гражданскаго управленія.

B) Военный бюджетъ.

C) Военное хозяйство: 1) потребности арміи и доставленіе матеріа-

ловъ для ихъ удовлетворенія, 2) собственное войсковое хозяйство и въ частности полученіе и расходованіе денегъ и вещей въ полковомъ хозяйствѣ.

D) Прикладное военное хозяйство, или ученіе о предметахъ военнаго хозяйства, въ частности о предметахъ снаряженія и продовольствія.

III. Призрѣніе воинскихъ чиновъ.

A) Призрѣніе со стороны военнаго управленія (пенсіи, дома инвалидовъ, заведенія для сиротъ).

B) Общества для вспомоществованія военнымъ (офицерскія ссудо-сберегательныя кассы, общества взаимнаго застрахованія и общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ).

Предоставляя оцѣнку тѣхъ отдѣловъ книги Штейна, которые непосредственно соприкасаются съ военными науками, какъ напр. отдѣлъ объ организаціи войска строевой, административный и оперативный, военнымъ спеціалистамъ, подъ редакціей которыхъ желательно бы видѣть и русскій переводъ книги, мы съ своей стороны обратимъ вниманіе на постановку авторомъ нѣкоторыхъ вопросовъ въ отдѣлѣ объ общей воинской повинности, а также въ отдѣлѣ о хозяйственномъ управленіи войска.

Вотъ напр. соображенія автора о значеніи сроковъ службы при общей воинской повинности:

Такъ какъ при этой повинности весь народъ удѣляетъ для войска часть своей личной дѣятельности, то трудность ея зависитъ собственно отъ времени, въ теченіи котораго люди, отвлекаясь службою отъ частныхъ дѣлъ своихъ, несутъ потери въ личномъ развитіи и хозяйственномъ производствѣ. Въ то время, какъ интересы войска должны требовать возможно продолжительнаго срока службы, народное хозяйство и финансы требуютъ, напротивъ, возможно короткаго. Временные отпуски чиновъ постояннаго войска и зачисленіе ихъ въ запасныя войска — вотъ ближайшіе способы примиренія означенныхъ требованій. Но ихъ недостаточно. Для изысканія болѣе рѣшительнаго способа, слѣдуетъ взять во вниманіе, что дѣйствительная служба есть не болѣе, какъ средство къ усвоенію военнаго искусства. Усвоеніе же это слагается изъ двухъ элементовъ: изъ механическаго упражненія, безъ котораго никогда нельзя обойтись вполнѣ, и изъ умственнаго развитія, которое сообщаетъ первому настоящую цѣну. Взаимное отношеніе этихъ двухъ элементовъ таково: недостатокъ послѣдняго долженъ возмѣщаться первымъ, при наличности послѣдняго, первый можетъ быть доведенъ до minimum'а, какимъ считается, по многимъ основаніямъ, срокъ одного года. Изъ этого слѣдуетъ, что собственно народному образованію предназначено довести дѣйствительную службу до этого наименьшаго срока, и что продолжительность дѣйстви-

тельной службы выражаетъ и должна выражать различіе въ степени образованія даннаго народа. Отсюда-то установленіе вольноопредѣляющихся съ годичными сроками службы (въ Германіи), у которыхъ образованіемъ въ возможной степени возмѣщается механическое упражненіе; отсюда же и требованіе, чтобы установленіе это постоянно расширялось, и чтобы оно было независимо отъ имущественныхъ средствъ служащихъ (вопреки этому вольно-опредѣляющіеся въ Германіи содержатся, какъ извѣстно, на собственный счетъ) [1]). Отъ такого сокращенія срока службы послѣдуетъ облегченіе больше, конечно, для народнаго хозяйства, нежели для финансовъ: ибо вольноопредѣляющіеся при однолѣтнемъ срокѣ службы должны исполнять учебныя упражненія съ большею интенсивностію, и потому потребуютъ отъ казны сравнительно большихъ расходовъ на производство этихъ упражненій. Само собою разумѣется, что въ силу той же тѣсной связи сроковъ службы съ состояніемъ народнаго образованія, вопросъ объ умѣстности того или иного сокращенія ихъ можетъ быть съ точностію рѣшенъ не теоретически, но на основаніи фактическихъ данныхъ.

Въ отдѣлѣ о *хозяйственномъ управленіи* войска авторъ выводитъ частности изъ слѣдующаго общаго принципа: задача военнаго управленія — достигать и въ сферѣ хозяйственной съ возможно меньшими средствами возможно большаго результата. Такъ какъ войско не занимается производствомъ богатства въ собственномъ смыслѣ, а лишь доставляетъ народному хозяйству благо безопасности, такъ какъ оно только потребляетъ хозяйственные предметы; то означенный принципъ долженъ быть осуществляемъ, согласно съ законами политической экономіи, собственно въ сферѣ потребленія, и именно по слѣдующимъ началамъ.

При густомъ населеніи страны цѣны предметовъ продовольствія выше, цѣны же продуктовъ обработывающей промышленности ниже, чѣмъ при рѣдкомъ населеніи, кромѣ того, тѣ и другіе при густомъ населеніи могутъ быть доставляемы легче и въ большемъ изобиліи, нежели при рѣдкомъ. Поэтому при густотѣ населенія содержаніе войска требуетъ больше денегъ, но зато меньше заботъ со стороны управленія; послѣднее можетъ существенную часть снабженія военно-служащихъ потребными предметами предоставить имъ самимъ, назначая конечно соотвѣтственное денежное жалованье. При рѣдкости же населенія, слѣдовательно при бѣдности и разбросанности его, однимъ денежнымъ жалованьемъ люди обойтись не могутъ; забота о содержаніи ихъ должна лежать преимущественно на управ-

---

[1]) Оба эти требованія въ достаточной мѣрѣ осуществлены постановленіями нашего устава о воинской повинности, относящимися къ вольноопредѣляющимся и къ льготамъ по образованію.

леніи. Такъ какъ, при первомъ изъ разсматриваемыхъ условій, народъ самъ имѣетъ достаточные запасы для войска, или же легко можетъ доставить ихъ, то послѣднее можетъ расходовать немного на способы сообщенія; между тѣмъ, при рѣдкомъ населеніи цѣны всѣхъ товаровъ возрастаютъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ разстояніемъ мѣстъ, изъ которыхъ они должны быть получены. При густомъ населеніи и личныя потребности людей бываютъ обыкновенно гораздо развитѣе, нежели при рѣдкомъ; поэтому въ большихъ центрахъ населенія для военно-служащихъ требуется большее жалованье, на которое они могутъ удобно содержать уже сами себя; въ мѣстностяхъ же мало населенныхъ система запасовъ должна служить основаніемъ содержанія войска. Все хозяйственное управленіе при рѣдкости населенія есть въ сущности управленіе матеріалами для содержанія войска, а по мѣрѣ возрастанія густоты населенія оно становится денежнымъ управленіемъ; въ первомъ случаѣ, расходы на содержаніе войска зависятъ существенно отъ стоимости транспорта, во-второмъ, отъ общихъ рыночныхъ цѣнъ. Это послѣднее положеніе относится не только къ предметамъ продовольствія, но и къ обработаннымъ продуктамъ, и при томъ какъ при доставленіи ихъ поставщиками, такъ и при собственной закупкѣ.

Изложенными началами опредѣляется *размѣщеніе* войска въ странѣ, по-колику оно зависитъ, помимо военныхъ соображеній, отъ хозяйственныхъ разсчетовъ. Нѣсколько иное положеніе дѣла при *передвиженіи* войска. Каждое передвиженіе какой - либо части войска, какъ массы людей, исключительно потребляющей ведетъ къ тому, что на мѣстѣ появленія ея внезапно возрастаетъ спросъ безъ соотвѣтственнаго увеличенія производства. Отсюда неизбѣжное вздорожаніе всѣхъ предметовъ, и для устраненія его есть только одно средство — вслѣдъ за движущимся войскомъ подвигать, по крайней мѣрѣ временно, и необходимые ему предметы, для чего, главнымъ образомъ, служитъ обозъ, при отсутствіи въ окрестностяхъ желѣзныхъ дорогъ и судоходныхъ рѣкъ. Чѣмъ больше пользуются этимъ средствомъ, тѣмъ дешевле и вмѣстѣ вѣрнѣе становится содержаніе войска. Хозяйственная возможность передвиженія войска заявляетъ себя съ неумолимымъ правомъ на ряду съ военною возможностью, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обширнѣе передвигаемое войско. Поэтому, чѣмъ значительнѣе войска и чѣмъ быстрѣе передвиженіе ихъ, тѣмъ важнѣе имѣющіяся въ тылу войска средства сообщенія, и правильное соображеніе цѣнъ съ одной стороны и удобства доставки подлежащихъ предметовъ съ другой — служатъ существенною основою для достиженія данной военной цѣли. Такимъ образомъ, какъ только начинается движеніе войска, хозяйственный операціонный планъ выступаетъ о-бокъ съ стратегическимъ, и для послѣдняго достижимо лишь то, что сдѣлалъ возможнымъ первый.

Вслѣдствіе этого и ученію о снаряженіи и продовольствія войска должно предшествовать ученіе о хозяйственныхъ операціонныхъ линіяхъ и базисахъ; безъ нихъ не бываетъ походовъ, и всякое пренебреженіе въ этомъ отношеніи жестоко мститъ за себя. Здѣсь-то собственно начинается хозяйственная общая часть науки генеральнаго штаба — о матеріальной или хозяйственной жизни войска, и за этою уже частью слѣдуетъ дальнѣйшая, спеціальная.

Въ основу этой отрасли знанія полагается народно-хозяйственная *статистика*, которая должна представить въ отчетливомъ изображеніи, какъ распредѣленіе въ странѣ главныхъ районовъ производства, такъ и направленіе и перевозочныя удобства путей сообщенія. Затѣмъ *хозяйственная стратегія* должна разсчитать для каждаго положенія и движенія войска количества потребныхъ ему предметовъ, ихъ транспортировку и вытекающую изъ того стоимость ихъ, имѣя, конечно, въ виду, что доставка водою самая дешевая, доставка по желѣзнымъ дорогамъ — самая скорая. Эта наука, весьма важная и во многихъ случаяхъ требующая непосредственнаго наблюденія и изученія на мѣстѣ хозяйственныхъ условій страны. Въ ней заключается практическое, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, примѣненіе законовъ политической экономіи къ военному дѣлу вообще и къ военному хозяйству въ частности; въ ней же совмѣщаются съ началами политической экономіи свѣдѣнія географическія, и только на основаніи ея возможно настоящее ученіе о продовольствіи войска.

За симъ авторъ выставляетъ главные принципы самаго этого ученія, выводимые изъ экономическихъ законовъ въ примѣненіи ихъ къ назначенію и роли войска въ государствѣ:

1) Высшій принципъ тотъ, что потребные войску предметы должны быть безусловно въ его распоряженіи и безъ производства съ его стороны. Цѣна при этомъ можетъ имѣть второстепенное значеніе: главное дѣло — наличность потребныхъ предметовъ.

2) Для смягченія тягости, налагаемой чрезъ это на народное хозяйство, *первою* задачею управленія должно быть принципіально признанное и систематически проведенное единство самаго этого управленія, организація его въ цѣлостную административную часть.

3) *Второе* условіе, выполненіе котораго необходимо въ интересахъ народнаго хозяйства, это — правильное распредѣленіе тягости въ соединеніи съ возможною бережливостію и порядкомъ по каждой отрасли расходовъ. Отсюда — *военный бюджетъ* съ его содержаніемъ, существенно вліяющимъ на все военное дѣло.

4) Когда такимъ образомъ въ военномъ бюджетѣ назначены деньги для удовлетворенія потребностей войска, то за симъ слѣдуетъ *въ-третьихъ* —

посредствомъ назначенныхъ суммъ добыть потребные войску предметы и распредѣлить ихъ между войскомъ. Отсюда такъ называемое войсковое хозяйство (Militärhaushalt).

5) Но недостаточно добыть за бюджетныя деньги потребные предметы и распредѣлить ихъ; нужно еще, чтобы данными средствами достигался возможно большій полезный результатъ, а для этого необходимы спеціальныя свѣдѣнія и точныя соображенія не только относительно матеріаловъ, но также условій рынка, цѣнъ и производства, по каждой группѣ потребныхъ предметовъ. Отсюда возникаетъ такъ называемое у автора *прикладное военное хозяйство*, которое хотя и составляетъ вообще дѣло интендантства, но вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть предметомъ обсужденія и со стороны частей войска, имѣющихъ самостоятельное хозяйство, офицеровъ и генеральнаго штаба.

Таковы естественные отдѣлы хозяйственнаго управленія войска, обнимающіе всѣ части этого управленія. Изслѣдованіе и изложеніе каждаго изъ нихъ затрудняется тѣмъ, что части эти въ разныхъ государствахъ отличаются не только названіями, но и устройствомъ. Тѣмъ необходимѣе установить научно опредѣленныя категоріи, подъ которыя можно бы было подводить всѣ мѣстныя особенности. При этомъ нужно еще имѣть въ виду слѣдующія два замѣчанія:

Во-первыхъ, означенные четыре отдѣла хозяйственнаго управленія существуютъ въ дѣйствительности всегда совмѣстно и тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою; раздѣлены они могутъ быть только въ теоріи, для удобнѣйшаго изслѣдованія.

Во-вторыхъ, дѣйствуя постоянно, хозяйственное управленіе войска получаетъ однакожъ существенно иной видъ въ военное время. Вообще никогда не должно упускать изъ виду, что войско и его управленіе существуютъ не сами по себѣ, а какъ *средства* для веденія войны.

Какъ достоинство способовъ формированія и пополненія войскъ состоитъ не въ томъ, что ими образуется то или иное войско мирнаго времени, а въ томъ, что на случай войны весь народъ оказывается способнымъ и готовымъ къ борьбѣ, такъ и достоинство военнаго хозяйства должно заключаться не въ исправности постояннаго содержанія войска, но въ доставленіи государству возможности, въ рѣшительную минуту, имѣть на готовѣ всѣ хозяйственныя средства веденія войны. Хозяйственное управленіе есть масштабъ для войны и цѣль во время мира; только то, что можетъ оказаться пригоднымъ на случай войны, имѣетъ дѣйствительную въ военномъ отношеніи цѣну и въ мирное время. За симъ слѣдуетъ разсмотрѣніе военнаго хозяйства въ каждомъ изъ означенныхъ отдѣловъ его въ частности.

Приведенныя извлеченія изъ книги Л. Штейна достаточно, кажется, характеризуютъ ее; далеко не исчерпывая такого обширнаго и сложнаго предмета, какъ военное дѣло въ связи его съ другими сторонами государственной жизни, она однакожъ удачно намѣчаетъ существенные пункты его, и тѣмъ доставляетъ и неспеціалистамъ возможность оріентироваться въ немъ. Кромѣ того книга Штейна даетъ обстоятельную програму для изслѣдованія частностей, съ обозначеніемъ притомъ существующихъ въ литературѣ пособій, и указываетъ самыя направленія, по которымъ должны идти подобныя изслѣдованія. При свойственной автору широтѣ взгляда, отношеніе его къ предмету въ большинствѣ случаевъ запечатлѣно трезвостію и безпристрастіемъ, довольно рѣдкими въ сужденіяхъ о военномъ дѣлѣ.

Сужденія эти, какъ извѣстно, обыкновенно отличаются или чрезмѣрнымъ милитаризмомъ, или рѣзкими нападками на него и поверхностнымъ отношеніемъ къ военному дѣлу. Нашъ авторъ съ большимъ тактомъ держится вообще средняго пути, и только изрѣдка уклоняется отчасти въ сторону милитаризма, отдавая конечно нѣкоторую дань настроенію, господствующему въ Германіи послѣ войны съ Франціей. Это небольшое увлеченіе отзывается односторонностью при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ напр. вопроса о стоимости войска для народа. Сопоставляя потери народнаго хозяйства на войско съ благомъ внѣшней безопасности (стр. 21), Штейнъ такъ сильно напираетъ на это послѣднее, что потери народнаго хозяйства какъ бы стушевываются предъ нимъ; какъ бы ни велики были эти потери, но онѣ не сравнятся съ выгодами внѣшняго могущества государства. Поэтому лишь бы расходы на войско имѣли правильное употребленіе (rechte Verwendung), лишь бы они шли производительно въ смыслѣ возможно большаго усиленія внѣшняго могущества государства, а хлопотать о сокращеніи ихъ нечего. Выходитъ, такимъ образомъ, что важно только благоразумное употребленіе ра ходовъ на войско, важна бережливость въ производствѣ ихъ, а не самые размѣры, не предѣлъ, до котораго они простираются. Но какъ ни важно внѣшнее могущество государства, однакожъ и въ стремленіяхъ къ его развитію можно перейдти должную мѣру, къ ущербу для другихъ сторонъ государственной жизни, поэтому въ расходахъ на войско, хотя бы вполнѣ цѣлесообразныхъ въ смыслѣ усиленія послѣдняго, должна быть граница, выражающаяся не въ одномъ только застоѣ промышленности. Граница эта должна опредѣляться дѣйствительною потребностью государства въ войскѣ даннаго размѣра, а эта потребность въ свою очередь должна быть разсчитываема на основаніи большей или меньшей вѣроятности внѣшней опасности, а не на основаніи всякой, хотя бы самой отдаленной возможности ея. Поэтому могутъ быть случаи

излишне большаго состава войска вообще и въ частности излишне продолжительнаго пребыванія людей на службѣ, случаи, допускаемые даже такимъ крайнимъ шовинистомъ, какъ А. Вагнеръ, который совершенно справедливо утверждаетъ, что въ этихъ случаяхъ цѣнность труда военно-служащихъ пропадаетъ безплодно для народа (Rau's Lehrbuch der Finanzwissenschaft, 6-te Ausgabe, § 72, b.). Подобнымъ же образомъ Штейнъ нѣсколько увлекается при сравненіи системъ военнаго устройства и воинской повинности въ Австріи и Пруссіи (стр. 52 и слѣд.). Но вообще безпристрастное отношеніе къ предмету преобладаетъ въ книгѣ.

Г. С.

ИСТОРІЯ.

Der Jesuiten-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte von J. Huber. Berlin. 1873.

(Орденъ Іезуитовъ его организація, ученія, дѣятельность и исторія, соч. Губера, Берлинъ, 1873).

Les jesuites par Huber trad. par Alf. Marchand. Paris. 1875.

(Іезуиты, соч. Губера, переводъ А. Маршанда, Парижъ, 1875).

Если созданіе Игнатія Лойолы приковываетъ уже само по себѣ вниманіе всякаго просвѣщеннаго человѣка, какъ одно изъ знаменательнѣйшихъ явленій новой исторіи, то интересъ этотъ возбуждается еще болѣе въ настоящее время, когда въ самой католической церкви дѣлаются по своему попытки къ обновленію и когда снова усиливается на западѣ, на время затихшая, борьба между церковью и государствомъ.

Іезуитскій орденъ, порожденіе великой борьбы XVI ст. между средневѣковымъ міровоззрѣніемъ, воплотившимся въ папствѣ, и новыми идеями, провозглашенными реформаціею; орденъ, учрежденный для укрѣпленія колебавшагося папскаго авторитета, пріобрѣлъ съ теченіемъ времени такое вліяніе и власть въ церкви, что подчинилъ себѣ даже главу ея и заставилъ папъ служить интересамъ ордена, такъ что въ настоящее время стремленія и цѣли папства нераздѣльны и неразграничимы съ цѣлями и стремленіями іезуитовъ.

Потому-то церковно-политическое броженіе въ Германіи обратило всю злобу своей полемики на этотъ орденъ и вызвало цѣлый рядъ статей и монографій, носящихъ на себѣ слѣды поспѣшности, страстности и горячности, какъ иначе и быть не могло при обсужденіи жгучаго вопроса дня.

Эти монографіи въ общихъ чертахъ только обрисовываютъ дѣятельность ордена, повторяютъ большею частью обычные упреки, дѣлаемые устройству, стремленіямъ, цѣлямъ и нравственнымъ принципамъ іезуитовъ, сторонники которыхъ въ свою очередь отвѣчаютъ на эти упреки апологіями ордену и чрезмѣрными восхваленіями, отличающимися не меньшею односторонностью, страстностью и увлеченіемъ.

При всей многочисленности сочиненій о іезуитахъ, въ научной литературѣ до сихъ поръ не было труда, въ которомъ бы представлена была полная, безпристрастная оцѣнка дѣятельности ордена, такъ что желавшему обстоятельно ознакомиться съ историческимъ значеніемъ и вліяніемъ іезуитовъ приходилось обращаться къ сочиненіямъ, разбиравшимъ только отдѣльныя стороны вопроса (напр. Kortüm — Entstehungsgeschichte des Jesuitenordens 1843. Jugenheim — Geschichte der Jesuiten in Deutschland 1848. Zirngiebl — Studien über das Institut der Gesellschaft Jesu. 1870) или къ офиціальнымъ и офиціознымъ сочиненіямъ самаго ордена (напр. Institutum Societatis Jesu 1757. Pragae; Orlandini — Historia societatis Jesu и продолженія ея).

Этотъ пробѣлъ въ литературѣ пополненъ весьма удачно сочиненіемъ, заглавіе котораго приведено выше, появившимся въ 1873 году, въ столѣтнюю годовщину закрытія іезуитскаго ордена.

Авторъ его профессоръ мюнхенскаго университета Губеръ, извѣстный, неустрашимый боецъ противъ ультрамонтанства и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей старокатолической партіи.

Въ весьма легкой, удобочитаемой, привлекательной формѣ, съ обычною ему ученостью и добросовѣстнымъ изученіемъ источниковъ, проф. Губеръ представилъ въ своемъ сочиненіи (которое тотчасъ по появленіи было включено въ index librorum prohibitorum въ Римѣ) ясную картину дѣятельности и значенія іезуитскаго ордена съ самаго учрежденія до его закрытія, сохраняя при томъ безпристрастіе и объективность, весьма рѣдкую, чтобы не сказать небывалую, въ литературѣ о іезуитахъ, объективность, которую едва-ли кто могъ ожидать въ такомъ вопросѣ со стороны старокатолика.

Сочиненіе раздѣляется на девять главъ, въ которыхъ въ возможно-краткомъ видѣ, съ постояннымъ указаніемъ источниковъ и съ выписками изъ нихъ, представляется живая картина развитія и дѣятельности ордена:

1) Учрежденіе его, 2) уставъ, 3 и 4) церковно-политическая и миссіонерская дѣятельность, 5) вліяніе ордена въ церкви, 6) его доктрины, 7) его педагогическая и ученая дѣятельность, 8) его борьба съ янсенизмомъ, и наконецъ 9) закрытіе его.

Изложить здѣсь содержаніе этого добросовѣстно составленнаго сочиненія, хотя бы и въ краткомъ видѣ, не позволяетъ намъ ограниченность мѣста всякаго реферата, тѣмъ болѣе, что въ трудѣ Г. Губера на каждой страницѣ встрѣчаются, заимствованныя имъ изъ малодоступныхъ источниковъ, весьма драгоцѣнныя указанія и замѣтки, бросающія новый свѣтъ на давно извѣстные факты и явленія.

Мы постараемся представить здѣсь въ связи основныя мысли автора, разъясняющіе вопросы, особенно интересные въ настоящее время, въ виду церковнаго броженія въ З. Европѣ.

Политико-религіозная революція, называемая обыкновенно реформаціею, въ теченіе полустолѣтія потрясавшая всю Западную Европу, разсматриваемая какъ звено въ общемъ развитіи человѣчества, была эпохою протеста свободнаго мышленія противъ вѣковаго гнёта іерархическихъ интересовъ, протеста глубоко-религіознаго чувства противъ церковнаго устройства, злоупотребленій іерархіи, искаженія высокихъ христіанскихъ истинъ.

Въ государствахъ германскаго племени, въ которыхъ ненависть къ Риму и ко всему средневѣковому католичеству, была глубоко вкоренена въ народѣ, — борьба противъ папства и католической іерархіи велась съ бо̀льшею страстностью, энергіею и кончилась отпаденіемъ отъ единой церкви. Въ государствахъ романскихъ борьба приняла иной исходъ; въ нихъ связь съ Римомъ была древнѣе и потому тѣснѣе, вражда къ папству и іерархіи посему не находила такого сочувствія въ народныхъ массахъ и ограничивалась только нѣкоторыми слоями общества.

Религіозное броженіе, однажды возникшее, не могло конечно пройти безслѣдно и для романцевъ; вопросы, затрогивавшіе религіозныя убѣжденія, должны были и здѣсь вызвать развитыхъ людей на размышленіе, заставить ихъ взглянуть серіознѣе на то, чему они вѣрили прежде безотчетно. Въ этомъ религіозномъ настроеніи у романцевъ мы замѣчаемъ два направленія, возникшія изъ того же самаго чистаго, высокаго побужденія, но скоро отдѣлившихся другъ отъ друга и вставшихъ одно къ другому въ совершенную противоположность. Сторонники одного направленія, безсознательно согласные во многомъ съ протестантами, стремились спасти единство церкви внутренними реформами, уступками достичь соглашенія съ оппозиціей; сторонники другаго — стремились возбудить ослабѣвшее религіозное чувство, вдохнуть новую жизнь въ учрежденія церкви, спасти ее отъ разложенія болѣе строгою организаціею и не соглашались на какіе-бы то ни было компромиссы съ протестантами. Послѣдніе не давали себѣ времени вникнуть глубже въ основныя идеи новаго ученія и, по мѣрѣ его распространенія, привыкали видѣть въ немъ только врага, угрожаю-

щаго гибелью всему человѣчеству, котораго необходимо побороть и отъ вліянія котораго необходимо спасти людей.

Въ началѣ — въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVI ст. — распространены были между лучшими людьми католической іерархіи воззрѣнія перваго направленія, съ конца же тридцатыхъ годовъ, вслѣдствіе постоянно возрастающей силы протестантовъ, болѣе строгое направленіе начало одерживать верхъ и скоро сдѣлалось господствующимъ; уставы монашескихъ орденовъ пересматривались, возстановлялись прежнія правила ихъ учредителей, настойчивѣе проводилась съ теченіемъ времени ослабѣвшая дисциплина въ монашеской жизни, учреждались новые ордена и конгрегаціи, посвящавшія себя дѣламъ христіанской любви и милосердія и ставившія цѣлью своей дѣятельности сохраненіе существовавшаго церковнаго устройства, развивая и возбуждая ослабѣвшее религіозное чувство и уваженіе къ іерархіи.

Лучшимъ выраженіемъ этого настроенія и самымъ могучимъ орудіемъ къ закрѣпленію колебавшагося папскаго авторитета — былъ орденъ Іезуитовъ, учрежденный въ 1540 году.

Проф. Губеръ въ своемъ прекрасномъ трудѣ не представилъ, къ сожалѣнію, обзора состоянія церкви въ то время и господствовавшаго въ ней направленія къ обновленію, чѣмъ уяснилось бы многое въ исторіи ордена іезуитовъ: причины и поводы къ учрежденію его, послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ измѣненіе какъ первоначальныхъ цѣлей учредителя, такъ и характера самаго учрежденія. Въ его сочиненіи орденъ является какъ бы плодомъ субъективнаго настроенія, безъ внутренней связи съ преобладавшимъ въ то время направленіемъ въ католической церкви, вслѣдствіе чего причины постоянно и быстро возрастающей силы ордена остаются для читателя не вполнѣ разъясненными. Вообще можно сдѣлать упрекъ автору въ томъ отношеніи, что онъ слишкомъ мало принимаетъ въ соображеніе общеисторическія условія и явленія, вслѣдствіе чего часто приписываетъ ордену то менѣе, то болѣе значенія, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Такъ напр. авторъ слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе іезуитовъ на тридентскомъ соборѣ, приписывая исключительно ихъ стараніямъ неудачи преобразовательной партіи на немъ; онъ забываетъ что строгое, консервативное направленіе, которому конечно служили и іезуиты, было тогда господствующимъ на соборѣ, что папа Пій IV, его кардиналы, вся высшая іерархія воодушевлены были духомъ неуступчивости и что потому исходъ соборныхъ засѣданій могъ быть только въ духѣ консервативномъ, по мимо вліянія іезуитовъ.

Игнатій Лойола былъ родомъ изъ Испаніи, въ которой вслѣдствіе продолжительной борьбы съ Маврами, еще до 16 ст. сохранился рыцар-

скій духъ и религіозный фанатизмъ крестовыхъ походовъ, давно изчезнувшій въ остальной Европѣ; испанскій аристократъ по складу ума, по темпераменту и праву могъ быть только воиномъ или монахомъ. Начавъ свое военное поприще при дворѣ Фердинанда Католика и выказавъ отвагу въ войнѣ Карла съ Франціей, Лойола былъ опасно раненъ при защитѣ Пампелуны (1521), вслѣдствіе чего сдѣлался уже неспособнымъ болѣе къ военной службѣ. Онъ рѣшился посвятить жизнь служенію Бога, стяжать подвигами религіозными вѣнецъ мученика и святаго, если уже не суждено ему было прославиться подвигами рыцаря и воина. Въ полномъ невѣдѣніи о совершавшемся въ то время умственномъ и религіозномъ переворотѣ въ Европѣ, Лойола глубоко проникнутъ былъ аскетическимъ духомъ средневѣковаго монаха и вообще средневѣковымъ міровоззрѣніемъ и мечталъ только о дѣятельности проповѣдника между невѣрными. Въ Палестинѣ, въ Алкалѣ, Саламанкѣ, Парижѣ, гдѣ онъ изучалъ философію и богословіе и гдѣ сдружился съ такими же какъ онъ энтузіастами, онъ не измѣнялъ своей завѣтной мечтѣ и никогда не покидалъ мысли о предстоящей миссіонерской дѣятельности. Только лишь въ Венеціи, куда Лойола прибылъ со своими товарищами въ 1573 г. и гдѣ орденъ Театиновъ привлекъ его особенное вниманіе, онъ ближе ознакомился съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, съ опасностью угрожавшей папству, съ существованіемъ врага, колебавшаго основы единой католической церкви, въ истинѣ которыхъ Лойола никогда несомнѣвался. Тогда въ немъ начала созрѣвать мысль основаніемъ ордена противодѣйствовать этому врагу — мысль, осуществившаяся въ 1540 году, когда папа утвердилъ уставъ, представленный Лойолой.

Изъ свѣтскаго воина Лойола обратился въ духовнаго; глазами воина взглянулъ онъ на совершавшіяся вокругъ него событія, военную придалъ онъ и организацію своему ордену; онъ назвалъ его Campania (по-испански) Societas (по-латыни) Jesu, т. е. «воинство Іисуса», признающее въ Немъ непосредственнаго своего военачальника, подъ знаменемъ Его креста обрекающее себя на вѣчную борьбу за человѣчество противъ «адскихъ чудовищъ и порожденій сатаны».

Такимъ образомъ изъ первоначальнаго аскетизма Лойолы развилось учрежденіе въ высшей степени практическое, учрежденіе, въ которомъ справедливо папа Павелъ III видѣлъ лучшее средство для своего спасенія. Іезуиты обрекали себя на борьбу противъ «адскихъ чудовищъ и порожденій сатаны», на служеніе Богу, на прославленіе Его имени и совершеніе подвиговъ ad majorem Dei gloriam; но подъ служеніемъ Богу и прославленіемъ его имени они не разумѣли нравственнаго воспитанія людей, возбужденія религіознаго чувства въ сердцахъ; major Dei gloria, по ихъ воззрѣніямъ, достигалась расширеніемъ господства надъ міромъ

истинной католической церкви, воплощенія божественнаго духа Христа, или, что тоже самое, расширеніемъ господства папы надъ міромъ, такъ какъ папа, намѣстникъ Христа, есть видимый глава церкви, чрезъ котораго Богъ управляетъ ею. Такимъ образомъ для іезуитовъ въ конкретномъ смыслѣ gloria Бога означала gloria папства, служеніе ихъ Богу выражалось въ служеніи папизму, въ распространеніи и закрѣпленіи папскаго авторитета и неограниченной папской власти.

Побороть реформацію, врага, посягнувшаго поколебать церковь и ея устройство, осмѣлившагося усомниться въ божественности авторитета папскаго, защитить существовавшую форму и систему церковную противъ распространившагося духа сомнѣнія и свободомыслія — вотъ главная, первоначальная цѣль, которую поставило себѣ это воинство Христово.

Какъ ни искренно были убѣждены въ правотѣ и святости своего дѣла Лойола и его товарищи, сливавшіе въ одно понятіе церковь и папство, они не могли защищать же правымъ и святымъ оружіемъ церковныхъ учрежденій, созданныхъ отжившимъ или отживающимъ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ. Принципъ, несостоятельность котораго сознавалась большинствомъ, система ложная въ своихъ основахъ, не могли быть спасены нравственными средствами и Іезуитскій орденъ, принявъ на себя защиту церкви и папства въ ихъ средневѣковой формѣ, съ начала существованія уже носилъ въ себѣ зародыши деморализаціи и порчи.

Объявивъ непримиримую вражду всякому развитію и прогрессу, іезуиты должны были дѣйствовать не только противъ духа сомнѣнія и критики, господствовавшаго у мірянъ, но и преслѣдовать въ самой іерархіи всякое стремленіе къ уступкамъ, соглашеніямъ и внутреннему обновленію церкви.

Они достигали этого, съ одной стороны, проповѣдью, исповѣдью, воспитаніемъ подрастающаго поколѣнія, отстранивъ постепенно другіе ордена, съ другой, развитіемъ своеобразныхъ доктринъ и философскихъ теорій о грѣхѣ, добродѣтели, нравственности, чѣмъ пріобрѣтали не только господство надъ мірянами, но мало по малу заняли первенствующее мѣсто въ церкви и подчинили своей власти и вліянію всю іерархію, даже само папство.

Проф. Губеръ посвятилъ VII главу педагогической и ученой дѣятельности ордена; онъ представляетъ только внѣшнюю организацію іезуитскихъ коллегій и семинарій на основаніи ratio atque institutio studiorum societatis Jesu (1584 года), затѣмъ говоритъ о дѣятельности іезуитовъ какъ профессоровъ въ Ингольштадтѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Фрейбургѣ, Бреславлѣ и проч. и наконецъ о дѣятельности ордена въ области наукъ и искуствъ; авторъ не вдается въ разборъ іезуитской педагогики, отличавшейся и отличающейся, какъ извѣстно, строгимъ формализмомъ, механической дресси-

ровкой, тщательнымъ предупрежденіемъ всякой самодѣятельности и самостоятельности мысли; онъ не разъясняетъ причины, почему въ теченіи двухъ столѣтій іезуитскія школы, не смотря на свое ложное направленіе, пользовались довѣріемъ общества такъ что даже протестанты отдавали туда своихъ дѣтей и такіе люди, какъ Штурмъ, Г. Гроцій, Декартъ, считали ихъ образцовыми. Всѣ эти и подобные вопросы только вскользь затрогиваются авторомъ, чрезъ что представляется не совершенно полная характеристика педагогической и ученой дѣятельности ордена, которая между тѣмъ была однимъ изъ самыхъ могучихъ орудій іезуитской пропаганды и одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ направленію политической жизни Европы сообразно интересамъ папства и іезуитовъ.

Вообще, по нашему мнѣнію, эта глава менѣе другихъ удовлетворительна по недостатку полноты и обстоятельности въ обработкѣ матеріаловъ; зато отдѣлъ, разбирающій философскія теоріи и религіозную практику ордена (VI глава) и положеніе, которое орденъ занялъ въ самой католической церкви (V глава), принадлежитъ къ лучшимъ и болѣе всего удавшимся частямъ сочиненія.

Обширная богословская и философская литература іезуитовъ не представляла въ сущности ничего оригинальнаго и самостоятельнаго и не обогатила науку новыми теоріями и воззрѣніями; іезуиты повторяли только то, что до нихъ уже въ средніе вѣка, въ періодъ блеска и величія папства, было неоднократно высказываемо отдѣльными богословами; они только сводили къ общему итогу всѣ ложныя теоріи средневѣковаго католичества, развивали ихъ далѣе до крайнихъ послѣдствій, приноравливая ихъ путемъ софизмовъ, уловокъ и искаженій къ потребностямъ времени и общества..

Ѳома Аквинатъ служилъ для іезуитовъ главнымъ основаніемъ ихъ догматики, особенно въ отношеніи къ ученію о непогрѣшимости папы и всемірномъ его господствѣ надъ всѣми государями, которое Ѳома первый въ схоластической богословіи представилъ въ полной системѣ, опираясь на подложныя соборныя постановленія и на своевольныя толкованія св. отцовъ церкви. Это ученіе, которымъ обусловлено было собственное существованіе ордена, іезуиты развили до послѣднихъ крайностей, обставляя его научными доказательствами, для чего прибѣгали къ подлогамъ и даже измѣненіямъ текста Св. Писанія, какъ напр. сдѣлалъ это Сантарелли въ своемъ извѣстномъ tractatus de haeresi et de potestate romani pontificis 1625.

Хотя іезуиты и должны были иногда смягчать эту теорію объ абсолютной власти папъ въ виду сильной оппозиціи и протеста свѣтскихъ правительствъ и прибѣгать къ разнымъ софистическимъ толкованіямъ, но

она все-таки оставалась въ силѣ и пропагандировалась членами ордена въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, начиная съ Тридентскаго собора до послѣдняго времени, когда на Ватиканскомъ соборѣ она была возведена въ основной догматъ католической церкви.

Исходя отъ этого положенія о неограниченной власти папъ, по которому для блага христіанской церкви и спасенія душъ папамъ приписывалось право разрѣшать подданныхъ отъ присяги и низлагать государей, іезуиты совершенно послѣдовательно выводили теорію о народовластіи, сходясь въ этомъ случаѣ съ демократическими ученіями своихъ противниковъ — кальвинистовъ.

Признавая власть папъ непосредственнымъ установленіемъ Бога, а власть государей проистекающею отъ воли народа, переносящаго ее на то или другое лицо, и потому подлежащую контролю народа и, въ послѣдней инстанціи, папы, іезуиты развили цѣлую теорію революцій, неповиновенія законамъ, сопротивленія государямъ и даже «тирано-убійства»; эту теорію они не только явно проповѣдывали, но и постоянно примѣняли на практикѣ, подсылая убійцъ къ непокорнымъ велѣніямъ папъ королямъ и прославляя преступленія Жака Клемана, Равальяка и др. какъ facinus memorabile, какъ aeternum galliae decus.

Подобно тому какъ іезуиты, для собственнаго господства надъ міромъ, развили до крайнихъ послѣдствій средневѣковое ученіе о непогрѣшимости и неограниченной власти папъ, они точно также воспользовались воззрѣніями средневѣковыхъ схоластиковъ изъ школы Ѳомы Аквината и Дукса Скота для развитія нравственныхъ теорій, отличающихся самою хитрою казуистикою и діалектическими тонкостями.

Эти теоріи, какъ напр. пробабилизмъ, мысленная оговорка (reservatio mentalis) и под., оправдывали всякое преступленіе, обманъ, ложь, клятвопреступленіе, затемняли и уничтожали всякое благородное побужденіе къ нравственному возрожденію и усовершенствованію, развивали грубые инстинкты и совершенный матеріализмъ въ религіозномъ отношеніи и способствовали іезуитамъ пріобрѣсти славу милосердыхъ и либеральныхъ духовниковъ, отъ которыхъ можно было получить отпущеніе всякаго грѣха. Этимъ путемъ іезуиты постепенно пріобрѣтали все большее господство надъ совѣстью не только массъ, но и высоко поставленныхъ лицъ и государственныхъ людей, чрезъ которыхъ направляли европейскую политику сообразно интересамъ папскимъ и своимъ собственнымъ.

Для полнаго торжества развиваемыхъ ими крайнихъ теорій, какъ политическихъ, такъ и нравственныхъ, отъ котораго зависѣло господство папства надъ міромъ и слѣдовательно ихъ собственное, іезуиты вступили въ ожесточенную борьбу, явную и тайную, не только противъ государей,

но и противъ членовъ самой іерархіи, осмѣливавшихся имъ противодѣйствовать; они не обращали вниманія ни на законы, ни на соборныя постановленія, ни на санъ, ни на положеніе въ обществѣ врага, если интересы ихъ были затронуты; отъ ихъ интригъ и происковъ одинаково страдали и правительства и монашескіе ордена и свѣтское духовенство, считавшее ихъ величайшимъ врагомъ церкви и молившееся объ освобожденіи ея отъ іезуитовъ и кальвинистовъ — a jesuitis et Calvinistis libera nos Domine.

Особенно сильна была борьба противъ епископовъ, которые, считая власть свою непосредственно исходящею отъ Спасителя, всегда стремились къ самостоятельному положенію въ церкви и подрывали тѣмъ теорію объ абсолютной папской власти. Не подчиненные по своимъ привилегіямъ епископамъ, іезуиты легко могли побороть своихъ соперниковъ, такъ какъ являлись равноправнымъ элементомъ въ церкви и пользовались кромѣ того въ этомъ случаѣ особенною поддержкою папъ. Столкновенія съ галликанскимъ духовенствомъ, съ янсенистами, съ архіепископомъ Миланскимъ кардиналомъ Карломъ Боромео, съ епископомъ Іоанномъ Палафоксомъ и др., которыми изобилуетъ исторія католической церкви съ XVI ст., представляютъ рядъ самыхъ вопіющихъ несправедливостей, которымъ подвергались достойные пастыри церкви, осмѣливавшіеся усомниться въ истинѣ іезуитской доктрины или противодѣйствовать всемогущему вліянію ихъ.

Но и на этомъ не остановилось властолюбіе ордена. Не довольствуясь совершеннымъ униженіемъ низшаго и высшаго духовенства, іезуиты стремились къ неограниченному господству въ церкви и полному подчиненію своему вліянію самаго папства; они слѣдили за дѣйствіями куріи и прибѣгали ко всѣмъ возможнымъ средствамъ, лишь только замѣчали въ папской политикѣ малѣйшее нерасположеніе къ нимъ или отклонененіе отъ желаній и интересовъ ордена.

Съ Павла III (1534 — 1549) до Климента XIV (1769 — 1774) не было почти папы, которому бы іезуиты не оказывали явнаго неповиновенія и которому бы не приходилось бороться противъ ихъ заносчивости и непокорности. Они проповѣдывали въ своихъ коллегіяхъ и сочиненіяхъ доктрины, осужденныя папами, они своевольно измѣняли обряды католической церкви для миссіонерскихъ цѣлей, не смотря на неоднократныя запрещенія и буллы папскія, они преслѣдовали легатовъ, посылаемыхъ для разслѣдованія этихъ злоупотребленій, и дошли наконецъ до того (въ 1700 году), что аппелировали на осужденіе ихъ Св. Отцомъ къ китайскому императору, который рѣшилъ споръ въ ихъ пользу. И всегда іезуиты оставались побѣдителями; самъ Богъ, по выраженію одного іезуита, своимъ покровомъ защищалъ ихъ дѣйствія и каралъ всегда внезапною смертью тѣхъ папъ, которые оказывали ордену малѣйшее сопротивленіе.

Считая себя единственною, вѣрною опорою и защитою церкви, орденъ не отдѣлялъ ея интересовъ отъ своихъ собственныхъ и мало по малу обратилъ свое служеніе церкви въ служеніе собственному господству надъ міромъ.

Какъ преторіанцы въ древнемъ Римѣ, поддерживая разлагавшуюся власть кесарей, поставили ихъ въ полную отъ себя зависимость, такъ точно и іезуиты, это избранное воинство Христа, защищая колебавшійся авторитетъ Его намѣстника, обратились постепенно изъ слугъ церкви въ полновластныхъ владыкъ ея.

Первая половина XVIII ст. была блестящею эпохою въ исторіи ордена.

Іезуиты, число которыхъ доходило до 22,589 человѣкъ, распространены были по всѣмъ частямъ свѣта, повсюду руководили они воспитаніемъ молодаго поколѣнія и совѣстью вѣрующихъ, въ качествѣ духовниковъ, при всѣхъ католическихъ дворахъ играли они первенствующую роль, въ самомъ Римѣ вліяніе ихъ было преобладающимъ, большія богатства, постоянно увеличивающіяся новыми приношеніями и торговыми оборотами, находились въ ихъ распоряженіи, они управляли въ южной Америкѣ цѣлымъ государствомъ, номинально только находящимся въ зависимости отъ Испаніи, всѣ ихъ противники въ церкви — янсенисты, томисты, галликане и эпископалы были побѣждены и уничтожены и предвидѣть можно было въ ближайшемъ будущемъ возведеніе всѣхъ ихъ доктринъ въ основные догматы католической церкви.

Но въ половинѣ столѣтія произошелъ быстрый переворотъ. Первые удары пробудившейся церковной и политической оппозиціи, охватившей всю Европу, направлены были противъ іезуитскаго ордена, въ которомъ общественное мнѣніе видѣло главнѣйшій оплотъ существовавшаго порядка вещей, основаннаго на союзѣ абсолютной власти съ церковью. Уступая требованіямъ правительствъ и общества папа Климентъ XIV (Ganganelli) подписалъ наконецъ 21 іюля 1773 года извѣстную буллу dominus ac redemptor noster, которою объявлялось закрытіе ордена.

Іезуиты должны были уступить силѣ обстоятельствъ, не достигнувъ осуществленія завѣтной цѣли — полнаго господства своего и своихъ доктринъ въ церкви. Они однако не унывали; орденъ былъ закрытъ, но члены его существовали; они продолжали свою пропаганду и свою дѣятельность тайно и явно (въ Пруссіи и Россіи) въ ожиданіи лучшихъ временъ и въ надеждѣ на торжество свое.

На 1773-емъ годѣ, къ сожалѣнію, останавливается изложеніе проф. Губера.

Мы присоединяемся къ общему, высказанному въ западно-европейской критикѣ, желанію, чтобы авторъ издалъ въ скоромъ времени продолженіе

своего труда, въ которомъ столь же основательно и безпристрастно разъяснилъ вопросы, представляющіе живѣйшій интересъ въ настоящее время: судьбу ордена, какъ неофиціально существующей корпораціи, его тайные происки и интриги, его возстановленіе въ 1814 г., его постоянно усиливающееся вліяніе при воспослѣдовавшей политической реакціи, его конечное торжество въ церкви и полное подчиненіе ему папства, выразившееся въ постановленіяхъ Ватиканскаго собора 1870 г.

В. Бауеръ,

профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета.

СТАТИСТИКА.

Die Königliche Haupt- und Residenzstadt Berlin etc. Resultate der Volkszählung und Volksbeschreibung vom 1 Dec. 1871, bearbeitet von Dr. Schwabe.

(Столица Берлинъ; результаты исчисленія и описанія его народонаселенія, соч. д-ра Швабе).

Прошло едва три года съ 1 декабря 1871 года, а городское Берлинское бюро успѣло издать прекрасно обработанный матеріалъ по переписи Берлина, произведенной одновременно съ переписью всей Германской Имперіи. Изучая это изданіе прежде всего съ завистью смотришь какъ спорится работа подъ руками нѣмецкаго работника и какою стройною, богатою по содержанію и изящною по формѣ она выходитъ. Послѣдняя С.-Петербургская напримѣръ перепись произведена въ 69 году и вотъ уже скоро пять лѣтъ, а конца обработки ея пока не видно, хотя объ этомъ концѣ и слышно уже. Вмѣсто однѣхъ таблицъ съ коротенькимъ предисловіемъ, даваемыхъ двумя выпусками in 4° Петербургской переписи, мы имѣемъ для Берлина передъ собою одинъ томъ большаго in 8°, безъ малаго половина котораго представляетъ картину современнаго города и его жителей, картину его развитія за промежутокъ четырехъ лѣтъ (1867 — 71), отдѣланную въ деталяхъ до мельчайшихъ подробностей. Таблицы сами собою и занимаютъ нѣсколько большую половину тома (въ 30 печатныхъ листовъ).

Не по одному богатству прекрасно обработаннаго содержанія привлекаетъ работа д-ра Швабе нашъ интересъ. Въ жизни Берлина, намъ всё-таки чуждой и для насъ русскихъ быть можетъ мало интересной, мы на-

ходимъ черты, за послѣдніе четыре года, достойныя вниманія съ точки зрѣнія обще-научной. Въ 1867 году Берлинъ былъ столицею Пруссіи; послѣ этого онъ сталъ столицею Германіи; мало того, у него явились претензіи быть Weltstadt, сдѣлаться всемірнымъ городомъ, столкнувъ съ этого мѣста (такъ думаютъ Пруссаки) побѣжденный и сожженный Парижъ. Чѣмъ-же отозвалось въ быту берлинскаго населенія это новое значеніе Берлина; остались ли неизмѣнными жизненная обстановка, дѣятельность, составные элементы населенія? Вотъ вопросы, которые интересны и не для берлинца: процессъ перехода большаго провинціальнаго города, какимъ была столица Прусскаго королевства по отношенію Германіи, въ центръ Германской политической умственной и соціальной жизни, этотъ процессъ совершается въ нѣдрахъ самой общественной жизни.

Тутъ мы можемъ прослѣдить тѣ симптомы, которыми болѣе или менѣе характеризуется вообще образованіе большихъ городовъ. Берлинъ, правда, по величинѣ своей, по численностей жителей, по живости, быстротѣ, съ которою живетъ его населеніе, далеко уступаетъ Лондону, Парижу, даже Вѣнѣ. Но за то статистика ни одной изъ этихъ трехъ человѣческихъ агломерацій не даетъ такого подробнаго и богатаго матеріала для изученія.

Поставленные выше вопросы не могли не обратить на себя вниманія и нѣмецкаго статистика. Матеріалы для отвѣта на нихъ разбросаны по всей его книгѣ: остается привести ихъ въ извѣстную систему.

Въ теченіи времени съ 1867 по 1871, т. е. въ четыре года, населеніе Берлина возрасло на 18%, слѣдовательно возрастало въ годъ среднею цифрою на 4,5% [1]); неосѣдлое населеніе, временно въ городѣ пребывающее (flottirende), въ тоже время возрасло на 21% (на 5,25% въ годъ).

Притягательная сила Берлина распространилась и усилилась еще въ большихъ размѣрахъ: въ то время какъ осѣдлое населеніе возрасло въ 4 года на 19,1%, пришлое изъ Прусскихъ провинцій увеличилось на 51%, изъ другихъ частей Германіи на 48%, изъ-за предѣловъ Германіи на 129,1%. Механичный приростъ, посредствомъ пришлаго населенія, съ 1871 года начинаетъ въ Берлинѣ пересиливать приростъ туземнаго населенія и туземцы оказываются уже въ меньшинствѣ: они составляютъ 43,8% всѣхъ жителей, пришлые же 56,2. Въ 1867 году оба элемента находились еще въ равновѣсіи [2]). Разложеніе пришлаго населенія на составныя части по-

---

[1]) Населеніе Парижа съ 1866 по 1872 возрастало на 0,04% въ годъ, съ 1861 по 1866 на 0,3, Лондона въ 1861 по 1871 на 2,6% въ годъ, Вѣны съ 1857 по 1869 возрастало на 2,2% въ годъ.

[2]) Чѣмъ болѣе городъ принимаетъ характеръ «большаго города», тѣмъ относительно слабѣе въ немъ туземный элементъ: большіе города развиваются насчетъ населенія всей страны, всего свѣта. Въ населеніи Парижа туземцы составляютъ (1872) 35,8%.

казываетъ однако, что притягательная сила Берлина за предѣлами Германіи еще пока довольно слаба, хотя и увеличилась въ сильной степени: иностранцы составляютъ, въ общей цифрѣ населенія, 0,7%, тогда какъ напр. въ Парижѣ они относительно въ 10 разъ многочисленнѣе (7,2%). Двѣ пятыхъ пришлаго населенія поселилась въ Берлинѣ въ послѣдніе четыре года, и большинство принадлежитъ къ возрасту 20 — 30 лѣтъ, (около 60%) въ обоихъ полахъ и гораздо болѣе ½ къ рабочему населенію.

Въ промышленной жизни Берлина въ тѣ-же четыре года совершилось довольно рѣзкое измѣненіе. Промышленное населеніе возрасло съ 73% общаго населенія на 78%; но характеръ промышленности сталъ совершенно иной: быстро развились тѣ ея отрасли, которыя расчитываютъ не на мѣстный спросъ, но на спросъ внѣшній, которыя производятъ предметы роскоши; особенно возрасли значеніе Берлина, какъ денежнаго рынка, и число лицъ, которымъ биржевыя операціи даютъ средства къ жизни. Число маклеровъ, агентовъ, биржевыхъ чиновниковъ, торговцевъ фондами увеличилось съ отношенія 1 къ 560 до отношенія 1 къ 198, т. е. на 232%! Возрасло число лицъ живущихъ насчетъ выработки издѣлій изъ кожи, басонныхъ издѣлій, перчатокъ, золотыхъ вещей, искуственныхъ цвѣтовъ, мраморныхъ, гипсовыхъ, бронзовыхъ издѣлій. Развитіе умственной жизни выражается въ увеличеніи числа типографщиковъ, граверовъ, въ громадномъ потребленіи бумаги. Черты, которыми собственно данныя переписи населенія могутъ изобразить возрастающее значеніе Берлина, конечно, не могутъ быть ни эффектны, ни закончены. Но зато факты, касающіеся быта, жизненной обстановки населенія такъ рельефны, что цифры говорятъ здѣсь яснѣе всякихъ картинныхъ описаній.

Насколько населеніе Берлина, стало лучше или хуже жить въ послѣдніе четыре года, предъ 1872-мъ?

Прежде всего квартиры, жилища стали тѣснѣе и хуже. Общее число квартиръ возрасло на 11%, населенія на 18%. Число подвальныхъ квартиръ возрасло на 34,6%, квартиръ въ шестомъ и выше этажахъ на 34,4% (4 und mehr Treppen), въ антресоляхъ (1-й этажъ) на 22%, въ то время какъ въ остальныхъ промежуточныхъ этажахъ, увеличеніе равнялось 11 — 14%. Подвальныя квартиры въ надворныхъ строеніяхъ увеличились на 90%; и вообще дворы застроились, стали тѣснѣе. Подвальное населеніе возрасло на 38%, населеніе самихъ верхнихъ этажей (шестаго и выше) на 34%, тогда какъ общее населеніе на 18%. Почти 86,000 населенія живетъ въ подвалахъ и 63,000 подъ крышею (т. е. 10% и 8% всего населенія). Число квартиръ въ одну *холодную* (неотапливаемую) комнату возрасло на 103%, населеніе ихъ на 106%; квартиръ въ одну комнату на 24,7%, населеніе ихъ на 29,7%. Число чрезмѣрно населенныхъ квартиръ (болѣе

6 чел. на 1 комнату и 10 на двѣ) увеличилось на 95%, причемъ число такихъ надворныхъ квартиръ представляетъ увеличеніе въ 106,1%. Наконецъ число квартиръ безъ кухни возрасло вообще на 77%, а въ дворовыхъ строеніяхъ на 103,2. «Народныя кухни, прибавляетъ къ этому факту г. Швабе теперь отпускаютъ въ годъ болѣе 2½ милліоновъ порцій, и не служатъ уже однимъ холостякамъ, студентамъ, фабричнымъ дѣвушкамъ, учительницамъ и пр.; ими пользуются уже и небольшія семейства. Разные роды мясныхъ экстрактовъ, кофейныхъ эссенцій, сгущенаго молока, суповыхъ консервовъ, т. е. такихъ блюдъ, которыя можно приготовить въ пять минутъ на газовой или коксовой печкѣ, научаютъ обходиться безъ кухни и мало по малу наростаетъ въ большомъ городѣ особый видъ маленькихъ хозяйствъ, лишенныхъ домашняго очага, этого символа самостоятельности (Selbständigkeit)». Такихъ квартиръ теперь въ Берлинѣ около ⅕ общаго ихъ числа.

Теперь въ Берлинѣ считается:

квартиръ въ 1 холодную комнату	4,597,	въ нихъ жителей	12,545 [1])
» » » теплую	»	93,481,	» » »	375,031
		98,078,	» » »	387,576

Изъ холодныхъ въ одну комнату квартиръ приходится такихъ, въ коихъ тѣснится болѣе 6 человѣкъ, около 2,000, а въ числѣ квартиръ съ одной теплой комнатой (т. е. имѣющей печь, которая быть можетъ не гарантируетъ нисколько противъ холода), такихъ насчитывается 8,271. Съ стѣсненіемъ и ухудшеніемъ жилищныхъ отношеній, съ увеличеніемъ жилищной нужды, измѣнилось населеніе и въ своихъ составныхъ элементахъ.

Приливъ пришлаго населенія соединяется съ усиленіемъ двухъ явленій: 1) увеличеніемъ числа женатыхъ и замужнихъ, бросившихъ свою семью и пришедшихъ искать заработка въ большомъ городѣ, и 2) увеличеніемъ числа т. наз. ночлежниковъ (Schlafbursche, Schlafleute).

Въ 1867 году перепись дала въ Берлинѣ избытокъ браковъ, въ коихъ отсутствовалъ мужъ, въ 331 (110,583 женатыхъ и 110,914 замужнихъ). Въ 1871 г. оказался избытокъ женатыхъ мужчинъ въ 2,623. Независимо отъ совершенно измѣнившейся роли мужчины, число лицъ, состоящихъ въ бракѣ, но бросившихъ семью и домъ и очутившихся въ Берлинѣ, возрасло почти въ 8 разъ! Въ дѣйствительности же число такихъ лицъ равнялось 13,419 (7,521 м. безъ женъ и 4898 ж. безъ мужей).

Рабочее населеніе Берлина (Arbeitnehmer in der Industrie) съ 1867 по 1871 возрасло почти на 49%. При тѣснотѣ помѣщенія и дороговизнѣ

[1]) Температура понижается въ Берлинѣ въ декабрѣ до 11, январѣ и февралѣ 16° С. (8,8° и — 12,8° R.)

квартиръ такая прибавка къ рабочему населенію должна была поставить всю массу его въ незавидное положеніе.

Болѣе 67 тысячъ [1]) должны довольствоваться однимъ ночлежнымъ угломъ. Особенно велико возрастаніе женщинъ, ограничивающихся ночлежными мѣстами, вмѣсто квартиры. Число ночлежниковъ мужчинъ съ 1867 года увеличилось на 63%, женщинъ на 86,2%. Почти все населеніе ночлежныхъ пріютовъ состоитъ изъ ремесленныхъ, фабричныхъ рабочихъ (95%). Какъ высока цѣна, которою Берлинъ покупаетъ свое новое положеніе, видно уже изъ того что Вѣна имѣетъ только 5% населенія, имѣющаго только *свое* мѣсто ночлега, а Берлинъ болѣе 8%. Еще рѣзче говорятъ факты не въ пользу Берлина, если сопоставить ихъ съ данными для Парижа, собранными въ 1860 г. Изъ общей массы парижскаго рабочаго населенія жило въ шамбргарни 20% мужчинъ и 7% женщинъ; въ Берлинѣ же, шамбргарнисты и ночлежники (соотвѣтствующіе въ суммѣ парижскимъ шамбргарнистамъ) составляютъ въ рабочемъ классѣ между мужчинами почти 37, между женщинами 26%! Ухудшеніе образа жизни берлинскаго рабочаго населенія сказывается еще въ одномъ выдающемся фактѣ: съ 1867 число живущихъ въ меблированныхъ комнатахъ (однихъ только Industriellen) уменьшилось на 10,4%, а ночлежниковъ увеличилось на 52,1%. Относительно лучшая форма такъ сказать жилья уступаетъ мѣсто худшей, самой низкой, ибо ниже стоитъ только бродяжничество. Сообразно съ увеличеніемъ числа ночлежниковъ увеличилось и число ночлежныхъ квартиръ: оно пропорціально общему числу квартиръ возрасло на 45,3%. Но увеличеніе это слабѣе, чѣмъ увеличеніе числа ночлежниковъ: отсюда необходимость скопленія большаго числа ночлежниковъ въ одной квартирѣ.

Соціальное положеніе разныхъ слоевъ населенія особенно характерно проявляется въ отношеніи между зарабатывающимъ населеніемъ и живущимъ на счетъ его заработковъ, между кормящимъ и кормящимся на счетъ его. Чѣмъ болѣе въ данной группѣ число лицъ, которыхъ своими трудами можетъ содержать работникъ, тѣмъ хозяйственно такая группа сильнѣе, и наоборотъ, когда женщина и малолѣтокъ должны идти на работу, ибо взрослый мужчина не въ состояніи прокормить семью, чѣмъ слѣдовательно относительно меньше число несамостоятельно заработывающихъ членовъ семьи, тѣмъ ниже ея хозяйственный уровень. Съ этой точки зрѣнія, положеніе Берлинскаго населенія, по выводамъ д-ра Швабе, значительно ухудшилось въ разсматриваемый періодъ времени. Въ 1867 году въ промышленномъ рабочемъ населеніи 100 работниковъ кормили почти 80 человѣкъ своихъ семейныхъ (Angehörige), въ 1871 сто человѣкъ могли кормить

[1]) 67,230 (54,171 м. и 13,059 ж.).

только 72. Еще хуже положеніе рабочихъ въ торговой промышленности: тамъ на 100 Selbständige только 47 Angehörige. Впрочемъ выше высказалось общее положеніе, служащее для оцѣнки отношенія между самостоятельнымъ и несамостоятельнымъ населеніемъ въ каждой группѣ, можетъ быть пригодно для своей цѣли по отношенію къ населенію, не заключающему въ себѣ прямыхъ элементовъ, и мы не вправѣ принять приводимыхъ фактовъ за несомнѣнный признакъ ухудшенія хозяйственнаго положенія Берлинскаго населенія. Безъ нихъ можно обойтись; ухудшеніе соціальнаго положенія Берлинскаго населенія выступаетъ и безъ того ярко изъ всѣхъ другихъ данныхъ.

Намъ остается еще упомянуть о томъ, насколько измѣнилось въ Берлинѣ положеніе женщины и женскаго труда.

Число женщинъ, занимающихся самостоятельнымъ трудомъ, увеличилось въ Берлинѣ на 37%, тогда какъ общее число женщинъ только на 17%. Изъ 100 ж. старѣе 15 лѣтъ въ 1871 году приходится 74%, участвующихъ своимъ трудомъ въ промышленности, противъ 40% въ 1867 г. Сравнительно съ прежнимъ особенно увеличилось число замужнихъ женщинъ, вынужденныхъ искать работы, затѣмъ вдовъ и дѣвушекъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Увеличеніе съ 1867 въ %.

	Вообще женщинъ.	Работающихъ.
дѣвушки старѣе 15 л.	31	36
замужнія » »	16½	54
вдовы » »	16	27

Около 5,000 замужнихъ ж. живутъ безъ мужей (4%) и около 13,000 работницъ, т. е. около 12% помѣщается въ ночлежныхъ пріютахъ; число этихъ послѣднихъ женщинъ сравнительно съ 1867 г. увеличилась, какъ мы видѣли, на 86%, и въ числѣ ихъ половина женщинъ молодыхъ (до 25 лѣтъ). Какая пища для проституціи!

Недостаточная точность въ распредѣленіи трудящихся женщинъ по занятіямъ въ 1867 г. не позволяетъ, къ сожалѣнію, сдѣлать съ ними сравненія данныхъ 1871 г.

Масса берлинскихъ женщинъ, собственнымъ трудомъ зарабатывающихъ хлѣбъ, состоитъ изъ работницъ — около 65%, затѣмъ служанокъ — 28,7%, имѣющихъ свои промышленныя заведенія 2,1%; женщинъ занимающихся воспитаніемъ менѣе 1,3%, литературой, прессой и искусствомъ менѣе 0,5%, т. е. обѣ эти цифры вмѣстѣ взятыя (1,8%), не превосходитъ и вдвое цифры проститутокъ, которыя числились, какъ явныя, по регистрамъ берлинской полиціи (1,04% работающихъ женщинъ).

Съ ухудшеніемъ экономическаго положенія женщины, съ упадкомъ семейной жизни, должно идти рука объ руку и развитіе проституціи. Судя по даннымъ г. Гуппе [1]) число явныхъ проститутокъ записанныхъ въ регистры полиціи съ 1867 по 69 гг. возросло на 24%, а число подозрѣваемыхъ на 15% и въ концѣ 1868 г. равнялось первыхъ 1,776, вторыхъ 14,362. Въ 1871 году общее число проститутокъ вѣроятно перешло уже цифру 16,000 и достигло отношенія къ общему числу женщинъ 1 : 25, а женщинъ между 15 и 50-лѣтнимъ возрастомъ 1 : 12 [2]).

Независимо отъ внутренняго интереса, возбуждаемаго данными Берлинской переписи, работа д-ра Швабе отличается многими внѣшними достоинствами. Обработка сырого матеріала доведена до высокой степени совершенства и при дальнѣйшемъ пользованіи статистическими цифрами изслѣдователь почти вовсе избавленъ отъ механической работы разныхъ комбинированій и вычисленій. Таковы должны быть, собственно говоря, всѣ оффиціальныя статистическія изданія. Къ книгѣ приложено много діаграмъ, въ построеніи которыхъ авторъ извѣстенъ своею изобрѣтательностью. Къ тому же здѣсь онъ съумѣлъ избѣгнуть крайностей, въ какія впалъ, напримѣръ, при приложеніи діаграммъ къ выраженію статистическихъ явленій, въ своемъ предшествующемъ трудѣ — обработкѣ берлинской переписи 1867 года.

—ъ.

Statistique de la France, comparée avec les divers pays de l'Europe par Maurice Block. 2 ed. 2 vol.

Трудъ г. Блока, вышедшій въ 1860 г. первымъ изданіемъ, въ настоящемъ изданіи заключаетъ въ себѣ два толстыхъ тома въ 600 страницъ каждый и есть безспорно одинъ изъ лучшихъ трудовъ по описательной статистикѣ отдѣльнаго государства, а для изученія Франціи онъ представляетъ такое богатство матеріала, что можетъ замѣнить цѣлые томы фоліантовъ оффиціальныхъ статистическихъ изданій. Не ограничиваясь настоящимъ временемъ, авторъ, по каждому отдѣлу, представляетъ полный статистическій обзоръ, начиная съ первыхъ годовъ, для которыхъ имѣются данныя, т. е. почти вездѣ съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія и

---

[1]) Huppé. Das sociale Deficit von Berlin. 4 Jahrg. des städtischen Jahrbuches.

[2]) Общее число промышляющихъ проституціей явно и какъ подспорнымъ промысломъ считается въ Парижѣ 1 на 19 женщинъ, въ Лондонѣ 1 на 80.

такимъ образомъ получается какъ бы цифирная исторія политической, административной, экономической, соціальной и нравственной жизни Франціи за цѣлую половину столѣтія. Данныя доведены до 1872 и частью 1873 года. Всѣ цифры сопровождаются необходимыми разъясненіями, указаніями на законодательныя мѣры и событія, какія могли имѣть вліяніе на ихъ измѣненія. Сверхъ того, при обозрѣніи каждаго отдѣла статистики Франціи авторъ дѣлаетъ сводъ данныхъ по всемъ европейскимъ государствамъ, переводя всѣ наименованія при цифрахъ на французскія мѣры и вѣсы, что облегчаетъ всякіе сравнительные выводы.

Въ первый томъ вошли слѣдующіе отдѣлы: земля, народонаселеніе (численность, составъ и движеніе), администрація, правосудіе (организація судебной власти, судопроизводство, преступность, расходы на судебное вѣдомство, тюрьмы), религія, (составъ населенія по вѣроисповѣданіямъ, церковь и религіозныя учрежденія), народное образованіе, благотворительность, страхованіе, финансы государственные и общинные, армія и флотъ. Второй томъ посвященъ статистикѣ народнаго хозяйства: земледѣльческой, обработывающей, горной и торговой промышленности, путямъ сообщенія, статистикѣ, почтъ, телеграфовъ, статистикѣ потребленія и наконецъ отдѣльныя главы (XVIII, XIX и XX) заключаютъ статистику Парижа, Алжиріи и колоній.

Въ настоящемъ положеніи Франціи, особенный интересъ имѣютъ данныя о положеніи французской промышленности и финансовъ. Они краснорѣчиво говорятъ въ пользу неисчерпаемой производительной силы французскаго народа и богатствъ страны. Несмотря на нѣмецкій погромъ, тяжесть налоговъ, и 5 милліардовъ контрибуціи съ 3,7 милліардами, которые стоила война съ Германіей, ростъ промышленности и богатствъ во Франціи не замедлился. Сравнивая данныя 1872 и 73 годовъ съ данными 1869, мы найдемъ, что несмотря на потерю части территоріи, земледѣльческое производство, напр. хлѣбовъ, возрасло почти на 12 мил. гектолитровъ (на 3%), свеклосахарная промышленность на 54%; вывозъ вина увеличился на 14% (по цѣнности), вывозъ льняныхъ издѣлій (по цѣнности) на 20%, хлопчатобумажныхъ на 30%, шерстяныхъ на 38%, шелковыхъ на 16%, бумаги, книгъ, гравюръ на 33%. Длина желѣзныхъ дорогъ увеличилась на 10%, а валовой доходъ эксплоатаціи на 13% и достигъ 801,3 милл. фр. Привозъ каменнаго угля для потребностей промышленности далъ прибавку въ 5% (36 милл. пудовъ). Общій оборотъ по общей и спеціальной торговлѣ далъ по привозу 8,072 милл. фр. въ 1872 противъ 7,161 милл. въ 1869 (болѣе на 15%), по вывозу 8,517 милл. противъ 7,068 милл. (болѣе на 20,5%). Привозъ золота и серебра продолжаетъ превышать вывозъ: въ 1872 и 73 годахъ привезено

ихъ на сумму 961 милл. фр., вывезено на 833,6 мил. (избытокъ привоза въ 127,4 мил. франковъ). Масса дисконтированныхъ коммерческихъ бумагъ во французскомъ банкѣ дошла въ 1873 г. до 4,370 милліоновъ, кассовый оборотъ до 37,972 милліоновъ (противъ 2,189 милл. и 37,213 милл. въ 1869 г.); дисконтная операція департаментскихъ банковъ достигла цифры 5,191 милл. франковъ. Какъ велики финансовыя силы Франціи видно изъ того, что на заемъ (выпуска ренты) на 3,498,744,639 фр. 1872 года подписка дала въ Парижѣ 13 милліардовъ, въ остальной Франціи $4^1/_2$ милліарда, не считая 26 милліардовъ, подписанныхъ за границею и въ которыхъ часть принадлежитъ французскимъ подписчикамъ. Кромѣ того въ теченіи 1871 и 1872 г. промышленность уплатила Французскому банку 861 милл. фр. отсроченныхъ ей долговъ, и вся потеря, которую банку придется отнести на свои прибыли, не превосходитъ 5,3 милл. фр. При 3,2 милліардахъ банковыхъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ, до которыхъ французскому банку разрѣшено довести бумажное обращеніе, и до которыхъ оно почти доведено, Франція не имѣетъ лажа на металлъ. При такихъ признакахъ богатства народныхъ производительныхъ силъ, Франція можетъ спокойно смотрѣть въ будущее и въ состояніи вынести ту тяжесть налоговъ, увеличеніе которой было непосредственнымъ слѣдствіемъ увеличенія государственныхъ расходовъ, причиненныхъ послѣдствіями войны, съ 1870 по 1874 годъ, на 800 слишкомъ милліоновъ франковъ. Для покрытія этаго расхода, сдѣлавшагося необходимымъ въ теченіе длиннаго ряда будущихъ годовъ, пришлось не только возвысить существующіе налоги, но и изыскать новые предметы обложенія. Возвышены актовые и гербовые сборы, налогъ на движимыя имущества (valeurs mobilieres), акцизы и octrois на напитки, кофе, сахаръ, шоколадъ, табакъ, нѣкоторые предметы таможеннаго дохода, созданы новые налоги — на бумагу, спички, мыло, растительное масло, билліарды, лошадей, общественные экипажи и проч. Величина платимыхъ населеніемъ налоговъ дошла до 66 фр. на человѣка. Франція достигла въ этомъ отношеніи Соединеннаго королевства и Даніи и значительно превзошла Италію, Пруссію (26,2 фр.), Австрію (35 фр.) и всѣ другія европейскія государства. Бюджетъ доходовъ возросъ съ 1869 года по 1875 на 36% и дошелъ до $2{,}933^1/_2$ милл. Наибольшую прибавку дали: актовые сборы (125 милл.), акцизъ на напитки (120), прямые налоги ($110^1/_2$), таможенные сборы (80 милл.), гербовые (54), акцизъ съ туземнаго сахара (48 милл.), табачная регалія (40 милл.), съ желѣзныхъ дорогъ (33 милл.) и т. д., всѣ пошлины и косвенные налоги — 643 милл. Все почти, что можно было обложить налогомъ, обложено. М. Блокъ приводитъ (на стр. 409 — 410 I-го т.) интересную таблицу, показывающую

съ какою тяжестью ложатся теперь налоги на разные классы населенія, по среднему доходу семьи. Получающіе 100,000 фр. дохода платятъ 11,303 фр. налоговъ (11,30%), 6,000 фр. дохода съ имущества — 922 фр. (15,3%), 6,000 фр. жалованья — 593 фр. (9,8%), 1,800 фр.— 193 фр. (10,72%).

Размѣры библіографической замѣтки не позволяютъ намъ привести во всѣхъ подробностяхъ картины настоящаго положенія государственнаго, департаментскаго и общиннаго хозяйства Франціи. Интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ необходимыя для того данныя въ почтенномъ трудѣ французскаго статистика, не скрывающаго того тяжелаго финансоваго положенія, въ которомъ находятся эти отрасли общественнаго хозяйства всего отечества.

—ъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Geschichte der Nationaloekonomik in Deutschland, von *Wilhelm Roscher*. München, 1875. (Исторія политической экономіи въ Германіи, *Вильгельма Рошера*).

Профессоръ Рошеръ издалъ новый трудъ, о которомъ приходится повторить то-же самое, что онъ всегда заставляетъ говорить о своихъ трудахъ: — что *такое* сочиненіе могъ выработать одинъ только Вильгельмъ Рошеръ.

«Исторія политической экономіи въ Германіи» имѣетъ своею цѣлью — изложеніе постепеннаго развитія экономическихъ идей въ Германіи, насколько это развитіе выразилось въ литературной формѣ, или насколько его выразители являлись «писателями». Для Рошера безразлично, были ли идеи, которыхъ развитіе онъ излагаетъ, первоначально высказываемы въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по экономическимъ вопросамъ, — или же онѣ были высказываемы только по поводу идей объ иныхъ предметахъ, въ связи съ ними, даже если эта связь была и случайная. Также точно для Рошера безразлично, были ли излагаемые писатели — ученые и литераторы по профессіи, или они брались за перо, какъ за подчиненное и вспомогательное средство. *Всякій* литературный источникъ, который могъ давать какое-нибудь указаніе на ходъ историческаго развитія экономическаго самосознанія Германіи, разсмотрѣнъ самымъ тщательнымъ и подробнымъ образомъ.

Понятно, что для этаго Рошеру понадобился такой ученый аппаратъ, какой только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить вообще даже въ литературѣ наиболѣе замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ. И понятно также, что необходимость опираться на источники, большинство которыхъ для политической экономіи имѣетъ не непосредственное значеніе, а лишь подчиненное, и самому труду его сообщила важность далеко простирающуюся за предѣлы спеціальной экономической литературы. Новый трудъ Рошера для исторіи Германіи вообще или для исторіи ея культуры имѣетъ еще больше важности, чѣмъ сколько онъ ея имѣетъ, какъ спеціальная монографія по исторіи экономической литературы вообще.

Уже одинъ объемъ «Исторіи» (свыше 1,000 стр., изъ коихъ половина мелкой печати) указываетъ на то, что самою значительною своею долею она принадлежитъ не той отрасли исторіи, которая своимъ предметомъ имѣетъ ростъ экономической науки. Въ исторіи развитія экономической науки значеніе Германіи совсѣмъ не такъ велико, чтобъ разсказъ объ ходѣ участія Германіи въ созданіи того, чѣмъ нынѣ является экономическая наука, занялъ болѣе 1,000 страницъ. Совершенно напротивъ, сравнительно съ участіемъ Италіи, Голландіи, Англіи и Франціи, участіе Германіи наиболѣе слабое. Но мѣстное, національное, значеніе труда германскаго народа надъ развитіемъ своей экономической литературы, конечно, менѣе всего для самаго германскаго народа теряетъ отъ того, что итальянцы, голландцы, англичане и французы больше сдѣлали для экономической науки. Каждый народъ живетъ прежде всего тѣмъ, что онъ самъ для себя дѣлаетъ. Поэтому на каждомъ народѣ лежитъ обязанность прежде всего возможно подробнѣе знать исторію того, что онъ для себя сдѣлалъ въ каждой отдѣльной области науки и практической жизни, даже еслибъ сдѣланное отличалось меньшими совершенствами, чѣмъ какія были достигнуты другими народами. И вотъ — исполнить добросовѣстно и основательно эту-то обязанность, насколько она касается области экономической литературы, профессоръ Рошеръ далъ полную возможность своему народу германскому. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что благодаря «Исторіи» Рошера Германія можетъ лучше знать, чего она *не* сдѣлала, чѣмъ Англія — что она положительно совершила для споспѣшествованія развитію своей экономической литературы.

Научное значеніе «Исторіи» Рошера опредѣляется тѣмъ, что она представляетъ первый законченный трудъ, посвященный внимательному изслѣдованію всего хода экономической литературы у какого-либо народа. Разработки исторіи экономической литературы до «Исторіи» Рошера посвящено было гораздо меньше силъ, чѣмъ сколько она заслуживаетъ. Если по отдѣльнымъ періодамъ и имѣются превосходныя монографіи, то

число такихъ монографій гораздо меньше, чѣмъ массы матеріаловъ, еще поджидающихъ, чтобъ къ изслѣдованію ихъ наконецъ приступили. Новый трудъ профессора Рошера наглядно показываетъ, что даже въ тѣмъ случаяхъ, когда экономистъ, со специальной точки зрѣнія интересовъ собственной науки, принужденъ мириться съ меньшимъ богатствомъ положительныхъ результатовъ, основательное историческое изслѣдованіе, тѣмъ не менѣе сохраняетъ высокую научную цѣну. Ибо самостоятельнымъ и положительнымъ является уже тотъ результатъ, который изслѣдованіемъ выясняется, какъ наивысшій уровень или наивысшая граница, до которыхъ доходилъ интеллектуальный запасъ страны въ изслѣдуемой области жизни. Изслѣдованіе исторіи теоретическихъ взглядовъ вообще, а въ особенности взглядовъ такихъ дѣятелей, каковы Фридрихъ В., Іосифъ II, Штейнъ, Канкринъ и т. д., индивидуализируетъ историческія эпохи не по событіямъ, которыя въ нихъ произошли, а по яснымъ указаніямъ на то, какія событія въ нихъ были совершенно невозможны, по характеру и качествамъ имѣвшихся запасовъ интеллектуальной силы.

Всю исторію развитія экономическихъ взглядовъ, господствовавшихъ въ Германіи въ различныя времена, Рошеръ раздѣляетъ на три періода: теологическій - гуманистическій, полицейско - камеральный и научный. Соединеніе средневѣковыхъ схоластическихъ (богословскихъ) взглядовъ на экономическія явленія со взглядами гуманистовъ имѣетъ своимъ основаніемъ тотъ характеристичный фактъ, что въ области воззрѣній на экономическія явленія протестантскій гуманизмъ (за весьма рѣдкими и одинокими исключеніями) оказался совершенно неспособнымъ освободиться отъ традицій средневѣковой схоластики. До Рошера на это весьма отчетливо указывалъ уже и Шмоллеръ [1]). Блестящее развитіе германскихъ городовъ и цвѣтущее состояніе ихъ промысловъ и торговли прошли безъ всякаго вліянія на совершенствованіе экономическихъ понятій, получившихъ литературное положеніе. Гуманисты въ XVI столѣтіи придерживаются взглядовъ, съ которыми жизнь въ теченіи трехъ столѣтій до того вела дѣятельную и успѣшную борьбу. Рошеру поэтому и не необходимо было долго останавливаться на среднихъ вѣкахъ и схоластикахъ. Въ коротенькомъ введеніи (стр. 32) онъ характеризуетъ общими чертами средневѣковыя экономическія отношенія, каноническое право и отличіе экономическихъ основъ германскаго и римскаго правъ. Затѣмъ онъ прямо переходитъ къ періоду реформаціи и подробно излагаетъ экономическія идеи, встрѣчающіяся у первыхъ гуманистовъ, реформаторовъ въ тѣсномъ смыслѣ

[1]) Срв. его замѣчательную монографію о германской экономической литературѣ періода реформаціи, Tübinger Zeitschr. f. Staatsw., Bd. XX, S. 713.

слова, у соціалистовъ реформаціи, у практиковъ этого періода и у позднѣйшихъ гуманистовъ. Уже въ этомъ отдѣлѣ и еще болѣе въ последующихъ скудость положительнаго матеріала какъ бы принуждаетъ автора заниматься столько же общими политическими воззрѣніями излагаемыхъ писателей, сколько ихъ чисто-экономическими взглядами. Общія характеристики эпохъ и отдѣльныхъ личностей дѣлаются не съ спеціальной точки зрѣнія исторіи экономическаго развитія Германіи, а съ болѣе общей точки зрѣнія исторіи ея культуры вообще. Весьма понятное родство, тѣсно всегда сближающее изслѣдователя съ матеріаломъ, который онъ разрабатываетъ, вызываетъ нерѣдко у Рошера обозначеніе нѣкоторыхъ изъ излагаемыхъ писателей «великими» или «замѣчательными» экономистами: но такія обозначенія, конечно, должно понимать не въ буквальномъ смыслѣ.

Какъ извѣстно, переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ въ экономической исторіи европейскихъ народовъ растягивается на довольно продолжительное время (между XII и XVI вв.) развитія городовъ, опирающагося почти исключительно на собственную иниціативу ихъ населенія и совершенную ихъ автономію. Съ XVI ст. «новые» вѣка начинаются для континентальной Европы сильнымъ толчкомъ, который получаетъ развитіе «крупной» торговли и промышленности и столь же сильнымъ ударомъ, который получаетъ и пріостанавливаетъ развитіе мелкой промышленности. Торговля и промышленность въ крупныхъ размѣрахъ оказываются не нуждающимися въ томъ покровительствѣ, которое до XVI ст. исходило отъ автономической, торгово-промышленной, городской общины. Они, поэтому, равнодушно относятся къ паденію городскаго самоуправленія въ его прежнихъ широкихъ размѣрахъ. Тѣмъ напряженнѣе дѣлаются стремленія крупной промышленности сблизиться съ усилившеюся центральною властью. Эта послѣдняя беретъ на себя задачу «поощренія національной промышленности» и въ этой задачѣ создаетъ центръ для одного разряда экономическихъ идей, сосредоточивающихъ въ себѣ господствующій и наиболѣе сознаваемый интересъ. Для другаго разряда экономическихъ идей и вопросовъ центръ естественно порождается необходимостью создать и укрѣпить экономическую почву для самой центральной власти, выработкою для нея новой финансовой системы.

Вопросъ финансовый въ этотъ періодъ еще привлекаетъ къ себѣ больше вниманія, чѣмъ вопросъ о «покровительствѣ національной промышленности», для котораго въ Германіи мало было простора уже вслѣдствіе ея раздробленности. И въ изложеніи Рошера, мы поэтому прежде всего встрѣчаемся съ фактомъ «вторженія регализма», подаю-

щаго автору поводъ къ мѣткой характеристикѣ «регальнаго хозяйства» (§ 39, стр. 158 — 165); это отступленіе заставляетъ сожалѣть, что Рошеръ очень рѣдко занимается объективными событіями и непосредственными (практическими) явленіями жизни. «Полицейско - камеральный» періодъ германской политической экономіи уже характеризуется большимъ вниманіемъ и къ вопросамъ экономической политики. Здѣсь Рошеръ начинаетъ пользоваться и сравнительно-историческимъ методомъ и его указанія на одновременныя дѣленія въ Голландіи, Англіи и Франціи значительно усиливаютъ интересъ изложенія. Рошеръ здѣсь считаетъ не лишнимъ посвятить особый параграфъ (57, стр. 228—235) «меркантилизму», какъ такому моменту исторіи экономической литературы, который у всѣхъ былъ на языкѣ въ теченіи XIX ст., но съ которымъ рѣдко соединялись ясныя представленія, исторически вѣрныя. Извѣстно, что въ 40-хъ — 60-хъ годовъ нашего столѣтія реакція противъ анти-историческаго обвиненія меркантилизма въ однихъ только абсурдахъ и несообразностяхъ съ довольно значительной силой сказалась уже въ монографической литературѣ о кредитѣ и денежномъ обращеніи. Теперь и Рошеръ обращаетъ усиленное вниманіе на извращенность господствующаго понятія о меркантилизмѣ, традиціонно переходящаго изъ одного учебника политической экономіи въ другой. Въ этомъ отдѣлѣ Рошеръ дѣлаетъ особыя группы изъ излагаемыхъ воззрѣній, соединяя вмѣстѣ писателей, которые могутъ характеризовать эпохи Леопольда I въ Австріи, «великаго прусскаго курфирста», Лейбница, Фридриха-Вильгельма I и Фридриха Великаго. Подробный анализъ экономическихъ воззрѣній Фридриха В. приводитъ Рошера къ заключенію, что въ области народнаго хозяйства великій прусскій король далеко не является тѣмъ геніемъ, какимъ онъ является въ военномъ дѣлѣ, въ дипломаціи и даже въ дѣлѣ судебной администраціи (412): онъ только продолжалъ дѣло своего отца, безъ самостоятельнаго творчества, даже не подвергаясь вліянію современной ему англійской экономической литературы (Беркли, Юма, Тэкера, Стейарта). Но этому періоду принадлежитъ уже Зюссмильхъ, ученый, въ лицѣ котораго не только научная статистика народонаселенія получаетъ весьма знаменательный толчекъ, но сверхъ того соединяются вліянія Граунта, Петти, Галлея, Кессербоома и Декарсье. Главою объ германскихъ экономическихъ «эклектикахъ XVIII столѣтія» Рошеръ заключаетъ періодъ «полицейскихъ-камеральныхъ» взглядовъ на экономическія явленія; здѣсь сообщаются свѣдѣнія о нѣмецкихъ спеціальныхъ журналахъ XVIII в., въ которыхъ болѣе или менѣе значительно выражается вниманіе и къ экономическимъ вопросамъ, подробно излагаются идеи Юсти и характеризуется отношеніе къ нему Бюшинга и Ахенваля.

Изложеніе «научнаго періода германской политической экономіи», занимающаго большую половину всей «Исторіи» Рошера, начинается введеніемъ, въ которыхъ два параграфа посвящены Клопштоку, Лессингу, Виланду, Гердеру, Шиллеру и Гёте: Рошеръ видимо сожалѣетъ, что они для него не представляютъ обильнаго источника. Тѣмъ ревностнѣе онъ вслѣдъ за изложеніемъ фактовъ о физіократизмѣ въ Германіи, не требующихъ для себя много мѣста (480 — 500), предается изложенію цѣлаго ряда политическихъ писателей, которыхъ экономическое значеніе Рошеръ иногда ставитъ очень высоко (Мезеръ признается «величайшимъ» германскимъ экономистомъ XVIII вѣка, но при этомъ же признается, что у «величайшаго» экономиста были понятія о капиталѣ представлявшія смѣсь истины съ заблужденіями. Впрочемъ пристрастіе Рошера къ Мезеру объясняется тѣмъ, что Рошеръ въ Мезерѣ усматриваетъ «отца исторической школы». Здѣсь излагаются Іоценфельсъ, Бюшъ, Шлецеръ. Исторія распространенія ученія Ад. Смита въ Германіи изслѣдована съ тою подробностью, которую предметъ долженъ былъ заслужить и у насъ въ Россіи. Дальнѣйшее изложеніе Рошера характеризуется тѣмъ, что онъ до конца остается на своей главной точки зрѣнія, съ которой поставлена его задача: изложить историческій ходъ развитія извѣстной стороны германской жизни, а не только успѣхи школьныхъ понятій и теоретическихъ категорій. Рошеръ поэтому останавливается въ особой главѣ «о приближеніи французской революціи» на Іосифѣ II, Кантѣ и Фихте и только потомъ переходитъ къ «самостоятельному дальнѣйшему развитію ученій Ад. Смита въ Германіи». Представителями этой «самостоятельности» являются главнымъ образомъ Гуфеландъ, Лоцъ, Соденъ и Якобъ; извѣстно, что въ самой Германіи взгляды на «самостоятельность» этихъ писателей сильно расходятся. Листъ напр. говорилъ, что они «разводняли Ад. Смита» (die Verwässerer Ad. Smith's). Болѣе интереса представляетъ слѣдующая глава «о монархическомъ бюрократическомъ государствѣ въ началѣ XIX столѣтія», гдѣ разсматриваются теоретическіе взгляды Штейна, В. Гумбольдта и нѣкоторыхъ другихъ практическихъ администраторовъ, пользовавшихся и перомъ для своей дѣятельности. Къ ихъ кругу Рошеръ относитъ и извѣстнаго Гофмана. Вслѣдъ за очень подробнымъ изложеніемъ «романтиковъ въ политической экономіи Германіи» (Генцъ, Ад. Мюллеръ, Галлеръ) идетъ особая глава о «германо-русской школѣ политической экономіи». Во главѣ этой школы Рошеръ ставитъ Екатерину Великую, какъ автора «Наказа» (стр. 793). Этотъ «Наказъ» Рошеръ считаетъ «замѣчательною афористическою энциклопедіею политическихъ и юридическихъ наукъ», которая, хотя и основывается преимуще-

ственно на сочиненіяхъ Монтескье и Бекарріа, тѣмъ не менѣе представляетъ начала «нашей германо-русской школы». Шлецеръ, Шторхъ и теоретическія сочиненія Канкрина даютъ Рошеру обильный матеріалъ для болѣе вѣрной характеристики школы, которую точнѣе было бы назвать «германскою въ Россіи», а не германо-русскою.

Переходя къ 20-мъ годамъ текущаго столѣтія, Рошера предпосылаетъ ихъ изслѣдованію обзоръ оппозиціоннаго либерализма того времени (Ротекъ, Шульце, Беръ и Палицъ, послѣдній особо обозначается, какъ представитель вульгарнаго либерализма). Если несомнѣнно, что до 20-хъ годовъ не Германіи принадлежала честь быть родиною тѣхъ людей, которые послѣ Ад. Смита всего больше сдѣлали для успѣховъ экономической науки и что Германія даже была далеко назади Англіи и Франціи, — то не менѣе несомнѣнно, что съ 20-хъ годовъ Германія стала на ряду съ этими странами. Правда, такихъ двигателей науки, какъ Рикардо, Мальтусъ, Сей, и Англія съ Франціею тоже больше не имѣли: сравниться съ ними было для Германіи послѣ 20-хъ годовъ гораздо легче, чѣмъ до этаго. Но такіе дѣятели, какъ Тюненъ, Германъ, Рау — во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о замѣчательно возросшей научной производительности страны.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ Рошеръ излагаетъ факты, подготовившіе историческое направленіе политической экономіи и даетъ общій очеркъ современнаго состоянія этой науки въ Германіи.

К.

ФИНАНСЫ.

Lorenz Stein, Lehrbuch der Finanzwissenschaft. Dritte Auflage. Leipzig. 1875. (Руководство къ финансовой наукѣ, *Лоренца Штейна*, 3-е изданіе.

Не смотря на скромное названіе руководства или *учебника*, трудъ Штейна имѣетъ въ теоретической литературѣ финансовой науки такое значеніе, съ которымъ врядъ ли можетъ сравниться какое другое теоретическое сочиненіе о финансахъ. Англійская и французская литературы не обладаютъ даже и сколько-нибудь удобосравнимыми попытками дать то, что поставилъ себѣ задачею профессоръ Штейнъ. Въ Германіи же, гдѣ попытки выйдти изъ области указаній одного только непосредственнаго

эмпиризма, начались уже издавна и гдѣ теорія финансовъ, какъ самостоятельное научное цѣлое, нашла себѣ наиболѣе благодарную почву, значеніе труда Штейна въ томъ именно и заключается, что онъ завершаетъ рядъ теоретическихъ стремленій цѣлаго столѣтія — свести эмпирическій матеріалъ къ общимъ основнымъ его началамъ. Мы говоримъ «завершаетъ», потому что преимущество Штейна предъ другими германскими представителями финансовой теоріи въ томъ именно и заключается, что онъ съумѣлъ восполнить пробѣлы, которые были оставлены его предшественниками, — съумѣлъ измѣнить тѣ части теоріи, которыя не соотвѣтствовали стройности, послѣдовательности и единству всей системы, — наконецъ съумѣлъ изъ всей массы изслѣдованій его предшественниковъ и его собственныхъ создать совершенно законченное цѣлое.

Сила Штейна — въ той замѣчательно сильной его способности, скоро, кратко и сжато улавливать природу явленій, которыхъ теоретическія основанія онъ излагаетъ. Все равно, идетъ ли у него рѣчь о современномъ финансовомъ явленіи или объ процессѣ историческаго развитія какого-либо одного изъ нихъ или цѣлой ихъ совокупности, — Штейнъ прежде всего поражаетъ мѣткостью формулъ, въ которыя онъ умѣетъ укладывать дѣйствительность, не превращая ее въ искусственный препаратъ и совершенно сохраняя всѣ тѣ ея особенности, которыя опредѣляютъ ея жизненность. Можетъ быть именно потому что Штейнъ *всегда* умѣетъ оставаться на той абстрактной высотѣ, которая одна только представляетъ область дѣйствительно научной теоріи, онъ всегда имѣетъ дѣло не съ произвольными построеніями, смѣшанными изъ отвлеченій и обрывковъ грубаго эмпиризма. Всякое его отвлеченіе отличается разносторонностью и цѣльностью, будучи основано на обобщеніи всей массы эмпирическихъ указаній, идущихъ къ каждому отдѣльному случаю. Отсюда его своеобразная особенность: никогда не удовлетворяться одними только абстракціями, а немедленно за ихъ формулированіемъ показывать, какъ то, что онъ уложилъ въ абстракцію, живетъ или жило своею осязательною жизнью въ практической дѣйствительности. И наоборотъ: онъ никогда не удовлетворяется грубымъ описаніемъ (изложеніемъ) одного только голаго факта; если разъ его практическое значеніе дѣйствительно существенно, а не преходяще и временно, то онъ долженъ найдти свое мѣсто и въ научной теоріи. Вслѣдствіе того у Штейна играютъ очень большую роль анализы, которыми выясняются *національныя* особенности, характеризующія различные элементы финансовыхъ системъ у главныхъ народовъ Европы.

Именно въ последнемъ отношеніи новѣйшее изданіе труда Штейна имѣетъ особенное значеніе для насъ въ Россіи. Предъидущія изданія немало страдали оттого, что въ нихъ совершенно игнорировались явленія финансовой жизни Россіи. Въ новѣйшемъ (третьемъ) изданіи этотъ пробѣлъ восполненъ. Благодаря сотрудничеству русскаго ученаго трудъ Штейна теперь является теоріею финансовъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и Россіи. В. П. Безобразовъ взялъ на себя трудъ разработать свѣдѣнія о государственномъ хозяйствѣ Россіи въ той системѣ, по которой у Штейна изложены финансовыя системы другихъ великихъ державъ, и этимъ, по справедливому сознанію Штейна въ предисловіи къ его сочиненію, значительно возвысилъ цѣнность послѣдняго. Если иностранцы теперь впервые получаютъ возможность ознакомиться съ подробностями нашихъ финансовыхъ порядковъ, изложенными такъ, какъ онѣ для нихъ могутъ быть всего болѣе понятными, то благодаря участію академика Безобразова въ трудѣ проф. Штейна и русскій читатель впервые получаетъ возможность въ ясной и цѣльной картинѣ противупоставить явленія отечественной жизни явленіямъ жизни иностранныхъ государствъ.

Остается пожелать, чтобъ сочиненіе Штейна нашло себѣ возможно скорѣе переводчика и издателя, которые сдѣлали бы его доступнымъ и для значительной массы нашей публики, не читающей иностранныхъ книгъ. Такое пожеланіе имѣетъ очень твердымъ основаніемъ не только достоинства сочиненія Штейна, но и крайнюю бѣдность нашей финансовой литературы, именно общими сочиненіями, охватывающими всю финансовую науку. При расширившейся въ послѣдніе годы потребности въ свѣдѣніяхъ по финансовой части, русскій переводъ Штейна могъ бы надѣяться на совершенно заслуженный успѣхъ.

К.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1874 г.

Брюссельская международная конференція для установленія правилъ и обычаевъ войны. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственная служба вообще. — Финансы. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе; преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. — Гражданское право; раскольничьи браки.

Въ государственной дѣятельности Россіи за вторую половину 1874 г. [1]), подлежащую нынѣшнему нашему обозрѣнію, Брюссельская международная конференція, созванная, по почину нашего правительства, для опредѣленія законовъ и обычаевъ войны, занимаетъ первое мѣсто [2]). Хотя это предпріятіе до сихъ поръ ограничивается только проектомъ (международной декларації, проектированной на конференціи), а наше обозрѣніе обнимаетъ собственно только окончательно завершившіеся законодательные акты, но исключительная важность упомянутаго предпріятія для историческаго развитія международнаго права и для политической исторіи какъ Россіи, такъ и всей Европы, не позволяетъ умолчать здѣсь о предположеніяхъ Брюссельской Конференціи. Сверхъ того, она, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, уже сама по себѣ завершившійся фактъ, который даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ существуетъ, безъ облеченія брюссельскаго проекта въ форму обязательнаго международнаго акта, имѣетъ большое значеніе и не можетъ остаться безъ положительныхъ результатовъ, какъ во внѣшней, такъ даже и во внутренней государственной жизни, и Европы и нашего отечества.

---

[1]) Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія Россіи за первую половину 1874 г. помѣщено въ I томѣ Сборника.

[2]) Въ I Томѣ нашего сборника помѣщена статья объ брюссельской конференціи нашего ближайшаго сотрудника профессора *Ф. Ф. Мартенса*, — бывшаго въ числѣ русскихъ делегатовъ на Конференціи. Профессоръ Мартенсъ изложилъ въ этой статьѣ исторію этого дѣла и содержаніе проекта международной декларація, составленной на конференціи. Поэтому намъ нѣтъ надобности касаться здѣсь этой стороны дѣла; мы ограничиваемся изложеніемъ общаго его научнаго и политическаго значенія, обстоятельствъ, посреди которыхъ оно продолжалось послѣ Брюссельской конференціи, и условій, отъ которыхъ зависитъ его успѣхъ въ будущемъ.

Независимый русскій голосъ по вопросамъ Брюссельской конференціи тѣмъ болѣе необходимъ, что эти вопросы ежедневно и повсемѣстно обсуждаются теперь въ европейской печати и вызываютъ мнѣнія и даже цѣлыя сочиненія извѣстнѣйшихъ иностранныхъ публицистовъ. Неужели въ этомъ умственномъ движеніи, возбужденномъ въ Европѣ человѣколюбивою мыслею нашею Государя, можетъ остаться безучастною одна только русская публицистика, и Россія ограничится одними оффиціальными отношеніями своего правительства къ этому дѣлу?

Упомянутое умственное движеніе, повсемѣстно сочувственное русскому предпріятію, за исключеніемъ одной только Англіи, есть уже само по себѣ значительное пріобрѣтеніе въ исторіи европейскаго международнаго права, и имъ должна тѣмъ болѣе гордиться Россія, чѣмъ болѣе она обязана сознавать свою умственную отсталость сравнительно съ З. Европою. Если все международное право до сихъ поръ покоится преимущественно на началахъ, выработанныхъ не столько въ положительномъ законодательствѣ, т. е., во взаимныхъ договорахъ государствъ, сколько въ наукѣ и въ понятіяхъ самой жизни, то это въ особенности должно быть сказано о правѣ войны. Это послѣднее право есть по преимуществу обычное и ученое право, какъ въ этомъ можно всего лучше убѣдиться просматривая источники, цитированные ко всѣмъ правиламъ войны въ самомъ авторитетномъ нынѣ курсѣ дѣйствующаго международнаго права Европы, изданномъ профессоромъ *Блунчли* [1]). Всѣ эти источники, за весьма немногими исключеніями, состоятъ изъ мнѣній ученыхъ и философовъ, изъ обычаевъ войнъ новѣйшаго времени, изъ воззрѣній науки и нравственныхъ понятій современныхъ образованныхъ народовъ, заявившихъ себя въ ихъ международныхъ столкновеніяхъ. Въ этой области международнаго права еще болѣе, чѣмъ во всякой другой, господствуетъ та *юридическая совѣсть* (Rechtsbewusstsein), не менѣе принудительная для всякаго разумнаго человѣка и правительства, чѣмъ какое-бы то ни было законодательное постановленіе, хотя бы и вполнѣ свободная отъ всякаго государственнаго принужденія, — о которой говоритъ такъ часто знаменитый авторъ упомянутой книги. Поэтому-то понятія о войнѣ и способахъ ея веденія, высказанныя на Брюс-

[1]) См. *Dr. J. C. Bluntschli*, Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten, als Rechtsbuch dargestellt. Zweite mit Rücksicht auf die Ereignisse von 1868 bis 1872 ergänzte Auflage. Nördlingen, 1872 (Buch VIII, Das Kriegsrecht).

сельской конференціи 1874 г. представителями всѣхъ образованнѣйшихъ государствъ (за исключеніемъ только Великобританіи и С. Американскихъ Штатовъ) современнаго историческаго міра,— понятія, единодушно ими принятыя въ самыхъ существенныхъ пунктахъ права войны и оглашенныя нынѣ всесвѣтною печатью,— будутъ несомнѣнно нравственно обязательны, во всѣхъ ближайшихъ европейскихъ войнахъ, даже для самой Англіи, какъ голосъ юридической совѣсти современнаго образованнаго міра. Умственная работа, зачавшаяся во всей европейской литературѣ, надъ этими понятіями, и развивающая ихъ даже гораздо далѣе тѣхъ умѣренныхъ, дипломатическихъ редакціонныхъ (transactionelles) нормъ, въ которыхъ они были установлены въ Брюсселѣ, будетъ проводить ихъ въ дѣйствительную жизнь и военную практику, не хуже всякихъ трактатовъ. Не можемъ не упомянуть здѣсь объ особенно счастливой долѣ нынѣшняго царствованія Россіи, которому суждено было распространить теперь и за предѣлы Русскаго государства свое благотворное вліяніе на возбужденіе умственной дѣятельности, по преимуществу ему принадлежащее въ нашей исторіи. Именно къ этой-то непрошенной иниціативѣ малообразованной Россіи на пути успѣховъ европейской культуры, далеко насъ опередившей, многіе на западѣ относятся недоброжелательно, и эта сторона дѣла возбуждала насмѣшки даже въ нѣмецкой печати, которая казалось бы, вслѣдствіи дружественныхъ отношеній германскаго и русскаго правительствъ, и вслѣдствіе дѣятельной поддержки, оказанной первымъ русскому почину, должна всего сочувственнѣе къ нему относиться, какъ впрочемъ она въ общемъ движеніи печати разныхъ странъ и относится.

Иниціатива Россіи въ этомъ международномъ предпріятіи далеко не такъ неестественна и не такъ исторически и политически случайна, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, и какъ объ этомъ было говорено, даже въ русской печати. Наше отечество конечно далеко стоитъ позади всей З. Европы, и на почвѣ умственной культуры, и въ исторіи европейскаго публичнаго права, какъ внутренняго государственнаго, такъ и внѣшняго международнаго, въ которомъ, только съ конца прошедшаго столѣтія, оно стало участвовать, какъ полноправный членъ европейской семьи государствъ. Но государственная исторія, и внутренняя и внѣшняя, слагается не изъ однихъ только элементовъ умственнаго (научнаго) образованія народовъ и также не изъ однихъ ихъ формальныхъ юридическихъ институтовъ, а также, сверхъ того, и изъ ихъ разнообраз-

ныхъ *нравственно-національныхъ* стихій, которыя участвуютъ и въ самомъ историческомъ развитіи права, подлѣ его положительныхъ нормъ, — и даже часто вопреки имъ. Позволительно думать, что независимо отъ личнаго благодушія и миролюбія Императора Александра II, общепризнанныхъ нынѣ не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ, Его идея въ этомъ случаѣ вполнѣ отражаетъ собою нравственно-національныя черты русскаго народа и нисколько отъ нихъ не оторвана, какъ не должна быть оторвана отъ нихъ никакая личная политическая идея Монарха, сколько бы въ ней не заключалось великодушія и гуманности. [1]) Одна изъ самыхъ существенныхъ нравственныхъ чертъ національнаго русскаго и едва ли не вообще славянскаго характера — это его международное миролюбіе и его невоинственность; мы хорошо знаемъ, что эти слова наши должны показаться очень странными иностранной публикѣ, которая имѣетъ совсѣмъ противуположное мнѣніе о Россіи въ этомъ отношеніи. Неисчислимыя заблужденія иностранцевъ на счетъ Россіи, происходящія главнѣйше отъ незнакомства съ нею, и заблужденія часто столько-же грубыя насчетъ нашихъ добродѣтелей, какъ и нашихъ пороковъ, разсѣять не легко; насъ отвлекло бы слишкомъ далеко доказывать здѣсь природную невоинственность нашего племени, достаточно намъ самимъ извѣстную, и ктому-же чтобы мы ни сказали, было бы безсильно противъ предубѣжденій, слишкомъ закоренѣлыхъ. [2]) Не можемъ однако, въ виду безпрестанныхъ въ этомъ духѣ сужденій иностранной печати о Россіи, особенно расплодившихся теперь вслѣдствіе Брюссельской конференціи, не упомянуть здѣсь объ одномъ свойствѣ, слишкомъ рѣзко характеризующемъ всѣ слои нашего общества, сравнительно со всею остальною Европою,— объ его равнодушіи къ военной славѣ. Это равнодушіе, которое едва ли можетъ быть понятно какому либо изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ, доходитъ у насъ въ иныхъ случаяхъ даже до непростительной неблагодарности къ военнымъ заслугамъ и доблестямъ.

[1]) Таковы были напр. многія идеи Имп. Александра I. дѣлающія величайшую честь его личности, какъ частнаго человѣка («un heureux hasard» между неограниченными монархами, какъ онъ самъ про себя выражался), но нисколько не содѣйствовавшія его славѣ, какъ монарха.

[2]) Невольное признаніе миролюбія русскаго народа высказывается однако иностранцами. Такъ, не можемъ не указать здѣсь между прочимъ на то, что говоритъ *Пр. Блунчли* о священномъ союзѣ 1815 г.. въ его «Das moderne Völkerrecht etc.» (p. 104). Совершенно справедливо объясняя политическую несостоятельность священнаго союза, и вмѣстѣ съ тѣмъ оговаривая «*благочестивый* (fromme Geist), миролюбивый христіанскій духъ» положенный въ его основу, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что «идеи этого союза соотвѣтствовали и русскому міровоззрѣнію».

Предубѣжденія иностранцевъ относительно военнаго духа нашего народа, какъ государственной націи, и даже относительно такъ называемаго милитаризма нашего правительства объяснимы между прочимъ впечатлѣніями тѣхъ внѣшнихъ явленій нашей государственной исторіи, которыя имъ гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ ея внутреннее содержаніе. Исключительныя внѣшнія условія, въ которыя были, съ незапамятныхъ временъ и доселѣ, поставлены границы русской государственной территоріи и на западѣ, и на югѣ, и на востокѣ, — и въ особенности на востокѣ, — придавали, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, завоевательный характеръ русской политикѣ, когда она не имѣла иной задачи, — первой задачи всякой государственной націи, — какъ упроченіе или даже просто точное опредѣленіе границъ государства, которыя оставались, со всѣхъ сторонъ, неопредѣленными и даже открытыми. Онѣ остаются и до сихъ поръ открытыми со стороны Азіи; главнаго историческаго несчастія Россіи, быть въ сосѣдствѣ съ этою частью свѣта, не испытываетъ никакое другое европейское государство.

Но страннымъ образомъ даже и эта печальная историческая необходимость, въ которую поставлено русское государство, — безпрерывно раздвигать свои предѣлы на востокъ и тщетно отыскивать какой нибудь окончательной опорной для нихъ точки, въ безпредѣльныхъ средне-азіятскихъ степяхъ, — даже и эта печальная необходимость приводится въ предубѣжденной З. Европѣ (преимущественно въ Англіи) какъ доказательство, нынѣ даже главное, нашего воинственнаго, завоевательнаго и честолюбиваго характера. Мы еще не знаемъ, въ какой степени, мы цивилизуемъ среднеазіятскихъ дикарей и на сколько можемъ оказать этимъ пользу человѣчеству, о которой говоритъ нынѣ дружественная намъ иностранная печать, желая оправдать наше распространеніе въ Средней Азіи, но одно мы твердо знаемъ, что это распространеніе всячески, и нравственно и физически, насъ обезсиливаетъ, и что оно есть только частный случай въ общей злополучной судьбѣ историческаго развитія русской культуры; эта судьба состоитъ въ томъ, что русская культура имѣетъ, испоконъ вѣку и до сихъ поръ, по преимуществу экстенсивное, а не интенсивное направленіе. Всякій мыслящій въ Россіи человѣкъ смотритъ такимъ образомъ на наши средне-азіятскія дѣла, которыя между тѣмъ приводятся въ З. Европѣ, именно какъ самое яркое доказательство нашего ненасытимаго военнаго честолюбія, хитрой, вѣроломной, всемірно-завоевательной русской политики, неустанно стремящейся къ

увеличенію государственнаго и военнаго *могущества* Русской державы! Въ какой степени русская политика умѣетъ справляться съ указаннымъ историческимъ зломъ, въ какой степени мѣстные ея агенты бываютъ воодушевляемы побужденіями личнаго честолюбія и карьеры, выходящими за предѣлы дѣйствительныхъ общегосударственныхъ интересовъ Россіи, и въ какой степени центральная администрація искусна въ обузданіи этихъ личныхъ побужденій, впрочемъ весьма естественныхъ и извинительныхъ въ подобныхъ случаяхъ, — все это совсѣмъ другой вопросъ, котораго намъ нѣтъ надобности здѣсь касаться. Строгій выборъ правительственныхъ агентовъ для отдаленныхъ провинцій всегда затруднителенъ, а въ особенности при такомъ скудомъ запасѣ личныхъ административныхъ силъ, какимъ отличается Россія; въ этомъ обстоятельствѣ одно изъ худшихъ неудобствъ распространенія ея азіятскихъ владѣній, признаваемаго, во враждебной Россіи печати, по самому смѣшному недоразумѣнію, причиною усиленія ея государственнаго могущества. Во всякомъ случаѣ, самымъ рѣзкимъ доказательствомъ, какъ мало наша публика склонна увлекаться военными подвигами въ Средней Азіи и какъ вообще слаба въ нашемъ обществѣ струна военнаго энтузіазма, служитъ существующее въ нашей современной литературѣ сатирическое воззрѣніе на нашихъ среднеазіятскихъ дѣятелей; подъ почти классическимъ названіемъ ташкентцевъ, они сдѣлались главными героями новѣйшей русской сатиры, хотя даже иностранные путешественники, и гораздо болѣе иностранные, чѣмъ русскіе, признаютъ дѣйствительно героическія доблести нашего войска, посреди средне-азіятскихъ пустынь. Однако эти доблести были едва способны вызвать у насъ нѣсколько блѣдныхъ оффиціяльныхъ банкетовъ и еще болѣе блѣдныхъ, по своей полуоффиціальности, частныхъ статей. Еще одна рѣзкая характеристическая черта нашего національнаго духа, въ которомъ безусловное отсутствіе всякаго шовинизма, какъ и многое другое, суть совсѣмъ непонятныя для западнаго европейца явленія, — это сочувствіе, съ которымъ было встрѣчено, если и не всѣми, то многими органами журналистики и въ разныхъ общественныхъ кружкахъ, опубликованіе депеши секретаря Сѣв.-Американскаго Посольства г. Скайлера о нашихъ военныхъ операціяхъ и нашей администраціи въ Ср. Азіи [1]).

---

[1]) Это явленіе такъ мало постижимо для з. европейской публики, что нѣмецкая пруссофильская печать прибѣгаетъ для объясненія его къ разнымъ выдумкамъ и ухищреніямъ, выгоднымъ для нынѣшнихъ видовъ прусской политики, напр. что будто бы депеша г. Скайлера пропитана ненавистью къ Англіи, столь

При такихъ отношеніяхъ общественнаго мнѣнія къ людямъ и дѣламъ на единственномъ военномъ поприщѣ Россіи въ настоящее время, трудно кажется говорить объ ея завоевательныхъ народныхъ наклонностяхъ.

Кромѣ среднеазіятскаго вопроса, снова возбудившаго, и именно передъ Брюссельскою конференціею, и именно въ Англіи, наименѣе сочувствующей этому дѣлу, говоръ о завоевательномъ духѣ и милитаризмѣ Россіи, существуютъ можетъ статься и нѣкоторыя другія обстоятельства въ наружной обстановкѣ русской политики, по которымъ З. Европа предполагаетъ въ ней этотъ духъ и его лукавыя злоумышленія, даже позади этого самаго миролюбиваго предпріятія нашего правительства. Къ такимъ обстоятельствамъ, немало послужившимъ для ложныхъ толковъ о намѣреніяхъ русскаго правительства въ этомъ предпріятіи, не только за границей, но даже и у насъ самихъ, должно отнести главнѣйше тѣсную дружбу его съ прусскимъ правительствомъ, упрочившуюся на всѣхъ глазахъ, преимущественно съ франко-германской войны. Эта война (если и не ея начало, вполнѣ остающееся на отвѣтственности второй французской имперіи, то ея дальнѣйшее развитіе послѣ Седана) и ея исходъ, суровость мирнаго договора 1871 г., — остающіеся болѣе на отвѣтственности Германіи, чѣмъ Франціи, чрезвычайно усилили повсемѣстно въ Европѣ мнѣніе о Пруссіи, какъ о самой воинственной современной державѣ; во всемъ свѣтѣ болѣе и болѣе распространяется недовѣріе къ ея миролюбію, поддерживаемое также бурнымъ ходомъ ея внутреннихъ дѣлъ, всегда неблагопріятнымъ для мира въ международныхъ отношеніяхъ. Опасенія противъ Пруссіи возрасли, въ недавнее время, особенно въ Англіи. Наше правительство, и между прочимъ, въ его дѣйствіяхъ, на Брюссельской конференціи, выставляется какъ слѣпое орудіе въ рукахъ всѣхъ устрашающаго канцлера Германской Имперіи. Находясь слишкомъ вдалекѣ отъ всякихъ правительственныхъ и дипломатическихъ соображеній, мы конечно не позволимъ себѣ касаться здѣсь недоступнаго намъ вопроса объ участіи прусскаго правительства въ предварительныхъ переговорахъ относительно русскаго предложенія, — участіи, отвергаемомъ опубликованными оффиціяльными документами относительно историче-

---

популярною въ Россіи, что извѣстная часть русскаго правительственнаго міра избрала его органомъ своихъ воззрѣній, и т. п. (см. National-Zeitung, 28 марта 1875)

скаго происхожденія этого предложенія, зачавшагося собственно во Франціи;[1]) тѣмъ менѣе можемъ мы касаться еще менѣе доступнаго намъ вопроса объ взаимныхъ отношеніяхъ двухъ дружественныхъ державъ и объ дипломатическихъ основахъ этой дружбы, которая впрочемъ какъ нельзя болѣе естественнымъ образомъ завязалась посреди всѣхъ политическихъ обстоятельствъ Европы, за послѣднее двадцатилѣтіе, и нынѣ служитъ гораздо болѣе къ охранѣ европейскаго мира, чѣмъ къ его потрясенію. По этому щекотливому пункту, на самой сценѣ практической политики дня, къ которой было бы противно нашимъ задачамъ подходить слишкомъ близко, мы можемъ высказать только одно глубокое наше убѣжденіе, основательность котораго едва ли будетъ кѣмъ либо оспорена въ Россіи: если и невѣдомы будущія судьбы прусской политики, какъ и самой организуемой ею Германской Имперіи, подобно судьбамъ всякаго вновь слагающагося государства, если онѣ и внушаютъ тревоги за нарушеніе мира, въ случаѣ развитія воинственныхъ элементовъ этой державы, то можно быть въ одномъ безусловно увѣреннымъ, что никогда Россія не можетъ соединиться съ нею такъ, чтобы нераздѣльно стремиться вмѣстѣ съ нею къ какимъ бы то ни было завоевательнымъ цѣлямъ, которыя могутъ быть согласны съ германскими національными интересами, но совсѣмъ противны русскимъ національнымъ интересамъ. Такой союзъ, опасный для европейскаго мира, о которомъ не можетъ быть нынѣ и рѣчи, возбудилъ бы самое крайнее негодованіе въ русскомъ національномъ чувствѣ и нельзя ни минуты сомнѣваться, что не только нынѣшнее царствованіе, достаточно доказавшее свое уваженіе къ русскому національному чувству, но и никакое будущее въ Россіи, никогда съ нимъ не разъединится.

Къ нравственнымъ чертамъ русскаго народнаго характера, который болѣе всякаго другого въ Европѣ, несмотря на военный мундиръ нашего правительства, только и примѣчаемый иностранцами въ нашемъ государственномъ строѣ, противенъ по своему внутреннему существу всякой не только воинственной, но и военной политикѣ, присоединяются нынѣшнія счастливыя международныя обстоятельства, сложившіяся для Россіи въ Европѣ и дающія ей бо-

[1]) Мы понимаемъ подъ этимъ, что идея смягченія военныхъ обычаевъ одновременно возникшая во Франціи, въ кругу частнаго общества, и въ Россіи, въ правительственной средѣ, была сообщена упомянутымъ обществомъ иностраннымъ правительствамъ, прежде русскаго оффиціальнаго предложенія о созваніи конференціи.

лѣе чѣмъ всякому другому государству право стать во главѣ брюссельскаго предпріятія. Россія нынѣ сверхъ личнаго миролюбія своего Государя, котораго все двадцатилѣтнее царствованіе было посвящено исключительно дѣламъ внутренняго гражданскаго устроенія и которое никоимъ образомъ не можетъ теперь измѣнить этотъ свой историческій типъ, — сама Россія безусловно не имѣетъ надобности ничего пріобрѣтать въ Европѣ; даже болѣе этого, — Россія не имѣетъ въ настоящее время, внѣ своихъ границъ, никакихъ въ Европѣ русскихъ интересовъ, которые бы потребовали отъ нея защиты вооруженною рукою и которымъ бы угрожала опасность со стороны другихъ державъ. И польскій и восточный вопросы кажется на столько нынѣ разъяснились, что нельзя ожидать на ихъ почвѣ какихъ либо столкновеній Россіи съ З. Европою. Въ этомъ исключительно счастливомъ международномъ положеніи находится нынѣ почти только одна Англія, которой потому и было бы всего естественнѣе въ ближайшемъ будущемъ идти рука объ руку съ Россіей; прочное соглашеніе этихъ двухъ державъ, не имѣющихъ никакихъ противуположныхъ національныхъ интересовъ, и только оно одно могло бы возстановить потрясенное равновѣсіе Европы и обезпечить надолго ея миръ [1]). Но капризная исторія со своими недоразумѣніями и случайностями рѣшаетъ часто политическіе вопросы вопреки ихъ естественнымъ элементамъ и вопреки чистому разуму.

У насъ въ Россіи всѣ, въ томъ числѣ даже и сами, столь немногочисленные наши, воинственные публицисты, твердо знаютъ миролюбивый духъ нашей націи, и потому всѣ твердо убѣждены, что при нынѣшнихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ Россіи, невозможны, съ ея стороны, никакія наступательныя дѣйствія въ Европѣ, и что въ будущемъ возможна для насъ только оборонительная война, при какихъ бы то ни было замѣшательствахъ въ З. Европѣ. Съ этой точки зрѣнія, у насъ высказывалась совершенно противуположная иностранной, и въ особенности англій-

[1]) Весьма недавно посреди общаго непріязненнаго Россіи движенія всей англійской печати, по поводу Брюссельской конференціи, газета «Times» въ замѣчательной статьѣ о мемуарахъ лорда Джона Росселя, сдѣлавшаго любопытное признаніе, что объявленіе восточной войны было предметомъ крайняго разногласія въ кабинетѣ лорда Абердина, доказываетъ, что военный періодъ въ Европѣ начался съ восточной войны, т. е., съ разрыва Великобританіи съ Россіею. Кажется общественное мнѣніе Англіи посреди самыхъ недружелюбныхъ своихъ выходокъ противъ Россіи тяготится своими недоразумѣніями съ нею и внутренне сознаетъ ихъ вредъ.

ской, критика почина, взятаго нашимъ правительствомъ на Брюссельской Конференціи. Любопытно это сближеніе двухъ совершенно противуположныхъ по мотивамъ порицаній этого дѣла, иноземныхъ и отечественныхъ. У насъ говорили, что такъ какъ завоевательныя военныя операціи со стороны Россіи въ Европѣ немыслимы, а вѣроятны только оборонительныя, на нашей собственной территоріи, то какая намъ надобность брать самимъ иниціативу регулированія, сокращенія способовъ обороны, регламентированья того жара «патріотизма» народной войны, который именно у насъ произвелъ такія чудеса въ 1812 г., сдѣлавъ Россію побѣдительницей противъ всей соединенной Европы и противъ самаго геніяльнаго полководца всемірной исторіи [1]). Таково преимущественно направленіе всѣхъ мнѣній, высказывавшихся въ нашей печати противъ Брюссельской Конференціи. Оно приводитъ насъ къ главному вопросу о предметѣ этой конференціи и къ главному возраженію, воздвигнутому противъ нея и во всей иностранной печати, и производившему до сихъ поръ самое сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе.

Это возраженіе заключается въ томъ, что проектъ международнаго соглашенія объ правилахъ войны какъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, предложенномъ русскимъ правительствомъ, такъ и въ окончательной редакціи, принятой на Брюссельской конференціи, послѣ всѣхъ замѣчаній ея членовъ — ослабляютъ будто бы нынѣ существующіе способы обороны страны, подвергшейся вторженію непріятельскаго войска, и что поэтому самая идея этого дѣла, по своему существу, можетъ быть выгодна только завоевателю и съ тѣмъ вмѣстѣ только великимъ военнымъ державамъ континентальной Европы, отъ которыхъ только и можно ожидать завоевательной политики и насильственныхъ вторженій на территоріи малыхъ и нейтральныхъ государствъ. Такова была черная тѣнь, — odium, — брошенная, въ глазахъ европейской публики, на брюссельское предпріятіе съ самаго его начала и до сихъ поръ далеко еще не разсѣянная, не смотря на блистательную его защиту, въ этомъ отношеніи, со стороны многихъ наиболѣе уважаемыхъ европейскихъ публицистовъ; въ числѣ ихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія лица, принадлежащія по своей національности къ малымъ

---

[1]) См. напр. статью генерала Липранди «замѣтка о Брюссельской конференціи» (газета «Новое Время» 1875 г., № 63).

и нейтральнымъ націямъ [1]), также къ государству (Франціи [2]), только-что потерпѣвшему отъ завоеванія, со стороны военной державы, нынѣ наилучше вооруженной для наступленія, и наконецъ вообще лица, которыя, по своему положенію и всей прошедшей дѣятельности своей, наименѣе могутъ быть заподозрѣны въ лести и пристрастіи къ великимъ политическимъ силамъ Европы. Упомянутое самое жестокое, обвиненіе противъ брюссельскаго проекта началось уже на самой конференціи, съ сужденій въ этомъ духѣ представителей малыхъ и нейтральныхъ государствъ, и тѣхъ, которыя, какъ Бельгія, не имѣютъ общеобязательной воинской повинности и потому, по смыслу этого обвиненія, были бы поставлены для правильной организаціи народной обороны въ положеніе болѣе затруднительное, чѣмъ государства съ этою повинностью. Многочисленныя замѣчанія этихъ представителей [3]) послужили впрочемъ къ измѣненію не только редакціи, но и содержанія окончательнаго проекта, который они всѣ (хотя и съ оговорками) подписали и какъ кажется расположены поддерживать, въ его сущности. Хотя въ печати самыхъ малыхъ и нейтральныхъ государствъ раздались съ тѣхъ поръ голоса, горяче сочувственные дѣлу Брюссельской конференціи, но упомянутое обвиненіе пріобрѣло значительный вѣсъ въ европейскомъ общественномъ мнѣніи, когда оно нашло себѣ мѣсто въ депешѣ Великобританскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ Лорда Дарби къ Великобританскому Послу при Императорскомъ русскомъ Дворѣ, Лорду Лофтусу, отъ 20 января 1875 г. Заключительныя и самыя впечатлительныя слова этого важнаго дипломатическаго документа, въ которомъ Великобританское правительство, какъ будто, окончательнымъ образомъ, заявляетъ свои безусловно отрицательныя отношенія къ Брюссельской конференціи и ко всякому дальнѣйшему развитію ея предположеній, состоятъ въ томъ, что Великобританское правительство

---

[1]) См. между прочимъ отзывы бельгійцевъ: *Rolin-Jaequemyns* и *Em. de Laveleye* (Les actes de la conférence de Bruxelles въ Revue de Belgique, 1875).

[2]) Ch. *Lucas*, Rapport verbal sur la publication des actes de la conférence de Bruxelles (séance de l'académie des science, morales et politiques du 7 Novembre 1874); также статьи въ J. des Débats.

[3]) См. въ протоколахъ конференціи преимущественно рѣчи делегатовъ: бельгійскаго — барона Ламбермона (b. Lambermont), нидерландскаго — Ландсберга (de Landsberge), швейцарскаго — полковника Гаммера (Hammer), отчасти также Итальянскаго — графа Ланцы (de Lanza), Португальскаго — генерала Пальмерима (Palmerim). Испанскаго — герцога Тетуанскаго (duc de Tétuan), Шведскаго и Норвежскаго, Греческаго и Турецкаго.

считаетъ своею обязанностью, сверхъ всякихъ другихъ мотивовъ, которыми оно руководствуется, въ настоящемъ случаѣ, въ особенности «отказаться отъ участія въ сдѣлкѣ, которая должна имѣть своимъ послѣдствіемъ — *облегчить наступательныя войны* и *парализировать патріотическую оборону народа, подвергнувшагося нападенію*». Эти слова весьма жестки въ отношеніи къ предпріятію, «человѣколюбивыя побужденія» котораго признаются во вступительныхъ строкахъ этого самаго документа. Намъ нисколько не предлежитъ доискиваться, какіе мотивы, — эти или даже совсѣмъ другіе, — преимущественно обусловили такое рѣшеніе правительства Соединенныхъ Королевствъ; еще менѣе можемъ мы быть расположены, по примѣру иныхъ европейскихъ органовъ [1]), отличившихся излишнимъ рвеніемъ въ защитѣ русскаго предпріятія, сколько-нибудь заподозрѣвать благородства въ побудительныхъ причинахъ этого рѣшенія, со стороны правительства, государственныхъ людей и страны, слишкомъ прославившихся въ исторіи своею филантропическою дѣятельностью. Въ дѣйствительныхъ политическихъ отношеніяхъ государствъ, въ данную минуту, бываютъ обстоятельства, которыя заставляютъ воздержаться отъ осуществленія наилучшихъ идей, и которыя могутъ быть оцѣнены только практическимъ инстинктомъ государственныхъ людей, стоящихъ въ эту минуту въ правительствѣ каждой страны. О такихъ обстоятельствахъ въ этомъ случаѣ можно только сожалѣть.

Однако упомянутое осужденіе брюссельскаго проекта, получившее страннымъ образомъ ходъ въ общественномъ мнѣніи, нельзя не отразить, — тѣмъ болѣе, что оно основано на чистѣйшемъ недоразумѣніи. Изъ того, что русское правительство въ своемъ проектѣ и затѣмъ Брюссельская Конференція предположили упрочить формальнымъ международнымъ актомъ права воюющихъ (комбатантовъ), права регулярной арміи (преимущественно права военно-плѣнныхъ) за нере-

---

[1]) Такъ напр. неприличныя обвиненія въ бельгійской газетѣ «Nord», слывущей за оффиціозный органъ русскаго правительства, противъ Великобританскаго правительства за его отказъ отъ участія въ дальнѣйшемъ развитіи Брюссельской конференціи, возбудили самое сильное раздраженіе въ англійской печати, и всего болѣе смутили общественное мнѣніе Англіи по этому предмету. Совсѣмъ ошибочно статьи «Nord» были признаны внушенными изъ Петербурга. Этотъ случай есть только новое подтвержденіе неудобствъ оффиціозной прессы, получившей такое громадное развитіе въ наше время. Какъ ни непріятны были въ Россіи впечатлѣнія раздражительныхъ и несправедливыхъ выходокъ англійской печати (напр. статья въ «Pall Mall» «Court influence»), но замѣчательно умѣренный тонъ независимой русской печати по этому вопросу много помогъ тому, что тутъ не возгорѣлась международная журнальная полемика, всегда прискорбная для интересовъ европейскаго мира.

гулярнымъ войскомъ, за народными милиціями и ополченіями всякаго рода, даже за партизанскими отрядами и волонтерами (при соблюденіи ими извѣстныхъ условій),—изъ этого заключили, что что́-то, до сихъ поръ существовавшее, *какъ право*, въ народной оборонѣ противъ вторгнувшагося въ страну непріятеля, упраздняется и что́-то, до сихъ поръ признавшееся какъ священная обязанность въ патріотическихъ движеніяхъ противъ непріятеля, опозоривается. Но все это только просто смѣшное недоразумѣніе, возможное лишь при совершенномъ незнакомствѣ, какъ со всѣмъ тѣмъ, что́ до сихъ поръ (даже въ 1870—71 гг., между самыми образованными націями), дѣйствительно происходило въ европейскихъ войнахъ, такъ и съ тѣмъ что́ предположено на конференціи. До сихъ поръ, во-первыхъ, нѣтъ никакого *права*, положительно установленнаго на почвѣ международныхъ договоровъ, относительно сухопутной войны (за исключеніемъ только одной Петербургской конвенціи о разрывныхъ пуляхъ и Женевской о раненыхъ) [1]), и всѣ такъ называемыя взаимныя права и обязанности воюющихъ сторонъ на войнѣ, основаны исключительно только на *обычаѣ*, на нравственномъ чувствѣ воюющихъ: войскъ, ихъ начальниковъ и народонаселеній. Эти обычаи постоянно облагораживаются, это нравственное чувство постоянно возрастаетъ; подобно внутреннему сознанію юридической совѣсти, согласно выше нами сказанному, эти обычаи и это чувство уже сами по себѣ важны для очеловѣченія войны. Все это доказываетъ болѣе и болѣе, съ каждымъ историческимъ періодомъ, человѣколюбивый образъ дѣйствій воюющихъ, хотя этотъ образъ дѣйствій и до сихъ поръ бываетъ достаточно жестокъ, чтобы возмутить нравственное чувство всякихъ постороннихъ, невоюющихъ народовъ и побѣжденныхъ (какъ это слишкомъ краснорѣчиво доказала послѣдняя война). Но все это нравственное чувство, сколько бы ни были утѣшительны его успѣхи, ни для кого не обязательно, и само по себѣ не составляетъ никакого международнаго права, которое было бы положительно выговорено международными трактатами и которое,—какъ не существующее,—могло бы быть сокращено или умалено отъ какихъ бы то ни было международныхъ соглашеній. Все хорошее, что̀ выра-

---

[1]) Даже и Женевская конвенція, имѣющая при всей несомнѣнной своей великой пользѣ, весьма незначительный кругъ дѣйствія, требуетъ, какъ доказалъ опытъ войны 1870 — 71 гг. (см. интересную записку г. *Муанье*) и какъ объ этомъ было заявлено на брюссельской конференціи, многихъ дополненій, болѣе точныхъ опредѣленій, и новаго освященія международнымъ актомъ (послѣ многочисленныхъ нарушеній ея на войнѣ 1870 — 1871 гг.).

боталось до сихъ поръ въ военной практикѣ, остается по прежнему, *неприкосновеннымъ*, и ко всему этому только предполагается прибавить нѣчто новое, — *право*, выговоренное международнымъ соглашеніемъ, котораго доселѣ не было. Этого мало: многое, или отчасти уже существовавшее въ лучшихъ военныхъ обычаяхъ, или отчасти желаемое для ихъ усовершенствованія, согласно просвѣщеннымъ понятіямъ нашего времени, было высказано, какъ desiderata, на Брюссельской конференціи, хотя и не вошло въ ея проектъ. Все это, какъ торжественно высказанное оффиціальными представителями правительствъ и поддержанное общественнымъ мнѣніемъ, прибавляется къ обычной практикѣ, какъ голосъ нравственнаго чувства образованной Европы, сверхъ положительно выговореннаго права въ проектѣ декларации. Во-вторыхъ, составленный на Брюссельской конференціи проектъ декларація державъ въ ней участвовавшихъ, также точно (и даже въ особенности) первоначальный русскій проектъ, предположеннымъ въ нихъ правомъ комбатантовъ, не только ничѣмъ не стѣсняютъ доселѣ дѣйствовавшей свободной и самопроизвольной обороны народонаселеній противъ вторгнувшагося непріятеля, *во всѣхъ возможныхъ самыхъ необузданныхъ формахъ* этой обороны, но скорѣе помогаютъ ей, — такою международною юридическою охраною ея проявленій, какой до сихъ поръ никто не зналъ. Непониманіе и противуположное толкованіе этой стороны работы Брюссельской конференціи есть самая странная — до смѣшнаго — сторона недоразумѣній, связанныхъ съ ней въ общественномъ мнѣніи. Всякія, такія самопроизвольныя, противъ непріятеля дѣйствія мирныхъ народонаселеній, оборонительныя или наступательныя, личныя или коллективныя, страстныя и фанатическія, весьма естественныя посреди разгара войны, или-же коварныя и предательскія, даже и въ этомъ видѣ, какъ нельзя болѣе извинительныя при разгарѣ патріотическаго чувства посреди насилій вторженія чужеземца, — всѣ такія дѣйствія оставались до сихъ поръ, до послѣдней бойни между образованнѣйшими народами Европы включительно, — оставались на отвѣтственности самихъ народонаселеній, личной или коллективной (общинъ, дружинъ, партизанскихъ отрядовъ и проч., предпринявшихъ эти дѣйствія), вызывали репрессаліи, болѣе или менѣе жестокія со стороны побѣжденнаго или побѣдоноснаго войска, по личному, ничѣмъ неограниченному усмотрѣнію воюющей стороны, въ данную минуту и въ данномъ мѣстѣ силу имѣющей (на сколько она человѣколю-

бива, или не человѣколюбива), не могли быть поводомъ и не бывали ни къ какому сужденію съ точки зрѣнія международнаго права, не бывали никогда (развѣ въ видѣ исключенія) предметомъ какого-либо заступничества со стороны правительства, за своихъ подданныхъ передъ противною стороною, — ни правительства побѣжденнаго, ни даже побѣдоноснаго, ни во время войны, ни при заключеніи мирныхъ трактатовъ, и не могли быть, такъ какъ для этого не было никакой правовой почвы. Однимъ словомъ всѣ такія дѣйствія народонаселеній, личныя и совокупныя, предпринимались ими исключительно на свой рискъ и страхъ. Таково нынѣшнее, дѣйствительное положеніе вещей. Въ чемъ-же оно измѣняется предположеніями Брюссельской конференціи? Единственно только въ томъ, что даже самыя безпорядочныя (désordonnées), импровизированныя народныя востанія противъ непріятеля и шайки волонтеровъ, легко могутъ пріобрѣсти [1]) тѣ права регулярной арміи, освященныя международнымъ соглашеніемъ, какія они до сихъ поръ не имѣли. Все остальное остается по прежнему, пока будетъ продолжаться страшный бичъ Божій, называемый войною, и пока не настанутъ новыя международныя конференціи въ образованномъ мірѣ для еще большаго, чѣмъ брюссельская, обузданія произвола этихъ органовъ Провидѣнія, на долю которыхъ выпадаетъ незавидная доля нанесенія ударовъ этого бича. Чѣмъ-же тутъ стѣсняется народная оборона страны, занятой непріятелемъ? Что касается до нравственнаго осужденія, со стороны тѣхъ или другихъ участниковъ конференціи, какихъ бы то ни было проявленій патріотизма, хотя бы и самыхъ безплодныхъ и безнадежныхъ, то объ этомъ не могло быть, да и не было рѣчи; во время преній конференціи было дѣйствительно упоминаемо о совершенномъ безсиліи неорганизованной народной обороны противъ технически усовершенствованной войны нашего времени. Это фактъ, конечно въ высшей степени печальный, но одно констатированіе его не заключаетъ еще въ себѣ малѣйшей тѣни порицанія самыхъ необузданныхъ взрывовъ патріотизма и этотъ фактъ нисколько не можетъ измѣниться въ ущербъ болѣе слабыхъ, по своей военной организаціи, государствъ, только потому, что онъ заявленъ, или-же что разнообразнымъ организаціямъ военныхъ силъ, не входящимъ въ составъ регулярныхъ войскъ, и столько-же возможнымъ въ мел-

[1]) При соблюденіи четырехъ, принятыхъ на конференціи условій для народныхъ ополченій, желающихъ пользоваться правами комбатантовъ.

кихъ государствахъ какъ и въ крупныхъ, (а иногда и болѣе возможнымъ, въ мелкихъ чѣмъ крупныхъ, напр. въ Швейцаріи), предполагается обезпечить, на почвѣ международнаго права, такія преимущества, какихъ эти организаціи до сихъ поръ не имѣли. Сверхъ всего этого, нужно напомнить о 10 статьѣ брюссельскаго проекта, совсѣмъ упускаемой изъ виду тѣми, которые говорятъ объ ограниченіи этимъ проектомъ способовъ народной обороны и объ какомъ-то обвинительномъ приговорѣ, будто бы въ немъ произнесенномъ надъ патріотическими возстаніями народонаселеній противъ вторгнувшагося непріятеля. Эта 10 статья гласитъ: «народонаселеніе мѣстности, которая еще не занята непріятелемъ, берущееся, при его приближеніи, *самопроизвольно* (spontanément) за оружіе, чтобы сражаться съ вторгнувшимся войскомъ, и не имѣвшее время организоваться согласно со статьею 9 (объ четырехъ условіяхъ, дающихъ права комбатантовъ ополчененіямъ, наравнѣ съ войскомъ), *будетъ разсматриваемо какъ воюющая сторона*, если она сама соблюдаетъ законы и обычаи войны [1]). Этою статьею кажется все сказано, и ею не только

---

[1]) Мы готовы согласиться, относительно неопредѣленности выраженій этого параграфа (словъ «*неимѣвшее время* организоваться, и проч.), съ авторомъ (г. де Мазадомъ?) статьи «La conférence de Bruxelles» (въ Revue des deux Monde, 15 марта 1875 г., p. 471). Авторъ правъ, что эта неопредѣленность можетъ дать поводъ къ спорамъ, къ сомнѣніямъ, и къ произвольному обращенію побѣдителя съ возставшимъ народонаселеніемъ, какъ съ разбойниками или какъ съ солдатами. Но развѣ теперь, безъ этого параграфа, побѣдитель не имѣетъ этого права? Все тотъ-же вопросъ. Къ какимъ бы пререканіямъ не давала поводъ эта редакція, въ ней важнѣе всего признаніе народныхъ возстаній для необходимой обороны, *какъ права войны*. Затѣмъ какой же законъ, какое-же право, выговоренное даже во внутреннемъ законодательствѣ, не бываетъ нарушаемо, злоупотребляемо, оспариваемо; это въ самой натурѣ всякаго права, которое безъ этихъ неизбѣжныхъ послѣдствій даже было бы не правомъ. Авторъ упомянутой статьи напрасно предается по этому случаю насмѣшливымъ размышленіямъ объ имѣющей возникнуть новой наукѣ, — военной казуистикѣ. Къ несчастію эта казуистика, какъ бы много вреда она ни наносила, возникаетъ на почвѣ всякаго формулированнаго права, и чтобы ее уничтожить надо развѣ отказаться отъ всякихъ юридическихъ опредѣленій. Кстати, не можемъ здѣсь не замѣтить мимоходомъ, что упомянутая статья Revue des deux Mondes отличается совершенною смутностью не только выраженій, но и всего своего содержанія; она вся преисполнена самаго рѣзкаго противурѣчія между горячимъ сочувствіемъ къ идеѣ Брюссельской конференціи и поголовнымъ осужденіемъ всего ею сдѣланнаго, не только въ подробностяхъ, но въ самомъ существѣ. Отъ органа европейской печати, занимающаго столь почетное и вполнѣ заслуженное мѣсто въ общественномъ мнѣніи всего образованнаго міра, и публикуемаго втому же въ странѣ, недавно испытавшей на себѣ всю тяжесть ничѣмъ неограниченнаго произвола побѣдителя, можно было ожидать болѣе глубокаго изученія вопросовъ, обсуждавшихся на Брюссельской конференціи. Вмѣсто такого изученія, авторъ предался на волю всѣхъ личныхъ своихъ политическихъ чувствъ противъ Пруссіи, въ пользу Англіи, въ нынѣшнихъ ея дѣйствіяхъ относительно Брюссельской конференціи, противъ Англіи, нейтральной въ 1870—71 гг., кажется и противъ Россіи, и т. д.

безусловно отрицается предполагаемое осужденіе народныхъ вооруженныхъ возстаній противъ непріятельскаго войска, но они возводятся даже въ принципъ самаго права войны.

Впрочемъ импровизированнымъ народнымъ возстаніямъ (levées en masse) противъ вторгнувшагося непріятельскаго войска было посвящено въ послѣднее время гораздо болѣе прекрасныхъ фразъ и также воодушевленія самыхъ благородныхъ чувствъ, нежели хладнокровный изслѣдованій дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ, сюда относящихся. Суровая дѣйствительность къ несчастію постоянно расходится съ наилучшими желаніями, къ ней прилагаемыми. Нашими личными симпатіями, мы можемъ, не чувствовать сами никакого влеченія къ этому такъ называемому *регламентированному патріотизму* (patriotisme rêglé), но какая будетъ польза оттого, что мы будемъ только негодовать нашими чувствами противъ этой слишкомъ очевидной дѣйствительности, насъ окружающей, которую не можетъ не признать нашъ разумъ? Эту дѣйствительность въ характерѣ нынѣшнихъ войнъ какъ нельзя лучше доказала послѣдняя франко-германская война. Нѣтъ возможности отрицать патріотизма, воспламенившаго всю французскую націю противъ германскаго нашествія въ 1870 — 71 гг., въ особенности во-второмъ періодѣ кампаніи, послѣ Седана, когда непріятельскія арміи стали проникать болѣе и болѣе въ глубь страны и французскій народъ, освободившись отъ владычества имперіи, сталъ самъ лицемъ къ лицу противъ непріятеля; этотъ патріотизмъ соединилъ воедино, поставилъ въ одни ряды сражающихся, самыя непримиримыя между собою въ мірѣ политическія партіи и самые злобные другъ противъ друга общественные классы; нельзя также отрицать самую крайнюю энергію, вмѣстѣ съ тѣмъ и популярность (именно въ народныхъ массахъ) лицъ, стоявшихъ во главѣ правительства народной обороны, донельзя возбуждавшихъ народный патріотизмъ и бичевавшихъ за малѣйшее отъ него отступленіе, какъ за измѣну; тогдашніе правители Франціи навлекли на себя упреки за излишнія мѣры въ этомъ направленіи; къ французскому патріотизму примѣшивалось даже все ожесточеніе противъ вторгнувшагося иноземнаго племени. Каковы же были результаты всего этого патріотизма, этихъ пламенныхъ надеждъ правительства національной обороны поднять народныя массы и возжечь народную войну? Ничтожество этихъ результатовъ слишкомъ извѣстно, чтобы стоило отвѣчать на этотъ вопросъ.

Исторія нынѣшняго столѣтія (даже болѣе ранняя исторія) въ

Европѣ знаетъ только двѣ народныя войны,—въ Испаніи и Россіи, противъ Наполеона I, — и онѣ обѣ дѣйствительно имѣли успѣхъ. Г. Лавеле [1]), говоря объ испанской войнѣ, справедливо замѣчаетъ, что героическое сопротивленіе народонаселеній было значительно поддержано побѣдами арміи Веллингтона, что партизанской войнѣ чрезвычайно благопріятствовали исключительныя географическія условія Испаніи, что жестокости, производившіяся народомъ надъ непріятельскимъ войскомъ, какъ бы онѣ ни были извинительны съ патріотической точки зрѣнія, были бы просто невозможны въ наше время, когда даже и всѣ необразованныя народныя массы просвѣтились, и что, наконецъ, такая война была бы невозможна посреди всѣхъ матерьяльныхъ условій современной цивилизаціи, густоты народонаселенія, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, накопленныхъ на всякомъ шагу капиталовъ всякаго рода, — посреди всѣхъ этихъ условій, чрезвычайно облегчающихъ движеніе большихъ армій (какихъ даже и не знало то время) и чрезвычайно парализующихъ партизанскую войну и личную народную оборону.

Намъ русскимъ ближе извѣстны подвиги, совершенные нашимъ народомъ въ 1812 г., когда онъ во всѣхъ видахъ и формахъ защищался противъ всей остальной вторгнувшейся въ Россію Европы; славныя воспоминанія этой блистательнѣйшей страницы всей новой русской исторіи возбуждаютъ во многихъ у насъ негодованіе противъ обезцѣненія самопроизвольной народной обороны на Брюссельской конференціи и въ особенности заставляютъ говорить о безполезности ея постановленій именно для Россіи. Для правильныхъ сужденій по этому предмету намъ всего удобнѣе воспользоваться свѣдѣніями объ народной войнѣ 1812 г., недавно опубликованными ея очевидцемъ, ветераномъ русской арміи [2]). Генералъ Липранди сообщаетъ извѣстные ему, и по его мнѣнію мало еще изслѣдованные историками факты народнаго движенія у насъ противъ вторгнувшагося непріятеля въ 1812 г., нарочно чтобы опровергнуть высказанное въ печати, по поводу Брюссельской конференціи, безсиліе народныхъ возстаній противъ регулярныхъ армій, и необходимость организованнаго патріотизма. Всѣ факты и формы народной самообороны, которые онъ извлекаетъ изъ своихъ воспоминаній и которыми онъ доказываетъ всемогущество этой самообо-

---

[1]) *Em. de Laveleye*, les actes de la conférence de Bruxelles, p. 18.

[2]) *И. Липранди*, замѣтка о Брюссельской конференціи (въ газетѣ «Новое Время» № 63, 1875 г.).

роны, могутъ быть подведены подъ четыре категоріи: 1) военныя операціи правильныхъ партизанскихъ отрядовъ, входившихъ прямо въ составъ арміи; 2) народныя ополченія, организованныя дворянствомъ; 3) возстанія цѣлыхъ крестьянскихъ деревень и волостей, дѣйствовавшихъ отдѣльными партіями противъ непріятельскихъ набѣговъ на народонаселенія, и 4) личныя разрозненныя, но безъ всякаго уговора единодушныя дѣйствія всего народонаселенія, каждой избы, каждаго лица и мужскаго и даже женскаго пола ко всяческому вреду противъ непріятеля и къ его истребленію. Оставимъ совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ объ нашей регулярной арміи въ 1812 г., хотя умалять ея значеніе въ борьбѣ съ Наполеономъ было бы очень странно; величайшая заслуга ея заключалась въ томъ, что она осталась невредимою до Бородина и почти до вступленія Наполеона въ Москву, и мы не знаемъ, что бы сталось съ нашею народною войною безъ арміи. Оставимъ однако вопросъ объ арміи. Первые два вида народной обороны страны противъ вторгнувшагося непріятельскаго войска совершенно подходятъ подъ понятія о войнѣ нашего времени и объ такъ называемомъ «организованномъ патріотизмѣ», о которомъ авторъ говоритъ съ насмѣшками, какъ о непонятномъ для него явленіи. Не только эти два способа народной обороны, но даже и третій, имъ описываемый, при всей своеобразности его у насъ, вполнѣ принадлежатъ къ тому разряду дѣйствующихъ противъ непріятеля силъ, которымъ Брюссельская конференція предположила предоставить права воюющей стороны; и всѣ онѣ несомнѣнно обладали-бы нужными для этого, выговоренными въ проектѣ деклараціи условіями. Трудно понять, почему всѣ эти способы дѣйствій противъ вторгнувшагося непріятеля будутъ менѣе энергичны и воодушевлены меньшимъ патріотизмомъ, когда съ лицами въ нихъ участвующими непріятель будетъ обращаться какъ съ разбойниками, будетъ ихъ разстрѣливать, нежели когда онъ будетъ, въ случаѣ захвата ихъ въ свои руки, обращаться съ ними какъ съ военноплѣнными? Затѣмъ можно ли думать, что теперь всѣ эти способы народной обороны не были бы организованы гораздо лучше и въ техническомъ отношеніи совершеннѣе, чѣмъ 60 лѣтъ тому назадъ? Что касается до четвертаго вида народной обороны, то нѣтъ причины отвергать, чтобы нашъ народъ не принялся за нее и нынѣ, съ такимъ же самоотверженіемъ и съ такимъ же безстрашіемъ противъ всѣхъ новѣйшихъ репрессалій, какое онъ выказалъ противъ Наполеона I и его военачальниковъ, которые были неслишкомъ, какъ извѣстно, человѣколюбивы въ этомъ отношеніи; однако не

мѣшаетъ замѣтить, что этого рода народная оборона, истреблявшая по одиночкѣ разсыпавшихся по необозримымъ пространствамъ Россіи отдѣльныхъ воиновъ великой арміи, сбивавшихся съ пути мелкихъ отрядовъ,— оборона въ особенности грозная, по справедливому объясненію генерала Липранди, противъ фуражеровъ и безчисленныхъ міродеровъ (maraudeurs), накинувшихся на разграбленіе русской земли, – что эта народная оборона была дѣйствительна противъ боевыхъ силъ великаго полководца, уже во время перваго его наступательнаго движенія, но была ли бы она столько же дѣйствительна въ наше время, даже и у насъ, это вопросъ сомнительный. Слѣдуетъ думать, что нынѣ войны такъ необдуманно не ведутся, какъ поведенъ былъ почти баснословный походъ, предпринятый Наполеономъ I въ Россію, что нынѣ подобныхъ колоссальныхъ и политическихъ и стратегическихъ ошибокъ не сдѣлаетъ даже и гораздо менѣе геніяльный полководецъ, что нынѣ болѣе усовершенствованы способы продовольствія и фуражировокъ арміи, что наконецъ нынѣ не можетъ быть и рѣчи о стаяхъ міродоровъ, авантюристовъ и грабителей всякаго рода, которые изъ великой арміи разсѣявались по всей Россіи и противъ которыхъ была такъ дѣйствительна личная самооборона нашего народа. Если бы такія явленія повторились, гдѣ бы то ни было, въ будущихъ войнахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что именно этотъ неорганизованный, самопроизвольный, личный патріотизмъ сдѣлался самымъ могущественнымъ противъ нихъ орудіемъ. Если способы обнаруженія этого патріотизма, какъ всякаго безотчетнаго свободнаго чувства, не могутъ найти для себя мѣста и опредѣленій въ новомъ международномъ правѣ, то точно также оно не оказываетъ и тѣни покровительства всѣмъ тѣмъ злоупотребленіямъ правильной войны и нарушеніямъ воинской дисциплины [1]), противъ которыхъ возгорается эта вся народная самооборона. Но дѣло въ томъ, что къ несчастію жестокости и опустошенія новѣйшихъ вторгающихся армій проявляются совсѣмъ въ иныхъ формахъ, противъ которыхъ способы обороны не такъ просты, какъ сожженіе міродеровъ въ баняхъ и кипяченіе въ котлахъ осквернителей храмовъ и женщинъ; новѣйшія арміи болѣе строго дисциплинированы, какъ это доказала послѣдняя война, хотя въ ней и не было недостатка во взаимномъ озлобленіи

[1]) Между прочимъ см. главы Брюссельскаго проекта декларацін «о военной власти, въ отношеніи къ частнымъ лицамъ» (du pouvoir militaire à l'égard des personnes privées) и «о контрибуціяхъ и реквизиціяхъ» (des contributions et requisitions).

воюющихъ сторонъ; даже въ преувеличенныхъ разсказахъ побѣжденныхъ объ ужасахъ нашествія, не смотря на все ихъ раздраженіе, очень мало говорится о грабителяхъ и міродерахъ. Потому-то и способы народной обороны противъ новѣйшихъ побѣдителей и вторгающихся армій должны быть нѣсколько болѣе дисциплинированы. Если бы войны велись нынѣ также, какъ въ 1812 г., то упомянутый нами военный писатель былъ бы совершенно правъ, что самопроизвольная и даже импровизированная народная оборона, безъ всякихъ приказаній и безъ всякихъ напередъ заданныхъ правилъ, съ поголовными возстаніями, съ ничѣмъ необузданнымъ патріотизмомъ, можетъ быть болѣе побѣдоносна на безграничныхъ, слабонаселенныхъ пространствахъ Россіи, на безконечныхъ протяженіяхъ отъ ея границъ до центровъ, чѣмъ на тѣсныхъ и густонаселенныхъ пространствахъ мелкихъ государствъ, какъ Бельгія и Голландія, въ которыхъ непріятель однимъ переходомъ достигаетъ отъ границъ столицъ и промышленныхъ центровъ; и тогда, если бы и не могло повредить военнымъ интересамъ Россіи, какъ это кажется полагаетъ нашъ авторъ, осуществленіе предположеній Брюссельской конференціи, то ея ревность въ этомъ дѣлѣ, — въ особенности въ виду обвиненій противъ нея въ сокращеніи способовъ народной обороны, — была бы излишнимъ и очень наивнымъ самоотверженіемъ. Но непріятель нашего времени достаточно хорошо умѣетъ изучить географическія условія каждаго государства, и большаго и малаго, чтобы сообразить съ ними свои стратегическія дѣйствія и чтобы одержать верхъ надъ самымъ пламеннымъ неорганизованнымъ патріотизмомъ, и въ самыхъ малыхъ и въ самыхъ большихъ государствахъ. Во всякомъ случаѣ, точка зрѣнія генерала Липранди, на которую становятся у насъ, кажется, всѣ разсуждающіе о Брюссельской конференціи съ точки зрѣнія патріотическаго *чувства*, должна быть въ высшей степени любопытна для иностранцевъ, которые слышатъ между собою громкіе голоса о совсѣмъ противуположныхъ интересахъ Россіи въ этомъ дѣлѣ.

Но неужели только объ интересахъ можетъ быть вопросъ въ международныхъ отношеніяхъ и неужели даже для самихъ интересовъ, въ ихъ общемъ движеніи и въ ихъ конечныхъ цѣляхъ, не можетъ быть никакой надобности въ *справедливости*, въ *правѣ?* Неужели только одинъ грубый интересъ данной минуты можетъ быть разумнымъ побужденіемъ для всякаго начинанія на международной почвѣ? Неужели подъ новѣйшими потрясающими впечат-

лѣніями сокрушительнаго могущества однихъ государствъ сравнительно съ другими, до такой степени заглохли въ насъ всякія понятія международнаго права и мы такъ отстали даже отъ стремленій недавняго времени, что готовы признавать только одну *силу* какъ практическій элементъ международныхъ отношеній?

Этими невольными вопросами мы коснулись другаго болѣе существеннаго и кореннаго возраженія противъ идеи Брюссельской конференціи 1874 г. Говорятъ, что фактъ войны въ самомъ своемъ существѣ есть такое грубое нарушеніе, даже отрицаніе всякаго права, всякаго нравственнаго закона, что всякая попытка къ установленію понятій права для этого факта, къ гуманизированію войны, безсмысленна въ самомъ своемъ существѣ. Затѣмъ отправляясь отъ этого воззрѣнія, идутъ даже гораздо далѣе, и полагаютъ, что чѣмъ неправильнѣе, чѣмъ жесточе, чѣмъ несправедливѣе будутъ вестись войны, тѣмъ онѣ, тѣмъ ихъ насилія будутъ чувствительнѣе для народовъ, тѣмъ энергичнѣе будутъ направлены старанія народовъ къ предупрежденію войнъ и тѣмъ скорѣе исчезнетъ этотъ фактъ изъ исторіи образованнаго человѣчества! Если эта послѣдняя надежда, если и не безнравственна въ своемъ источникѣ и цѣли, какъ она можетъ казаться по инымъ своимъ выраженіямъ, то она крайне утопична, какъ это доказываетъ вся исторія: именно чѣмъ жесточе и безчеловѣчнѣе бывали обычаи войнъ, тѣмъ чаще онѣ повторялись въ эти самыя времена; эпохи самыхъ грубыхъ военныхъ обычаевъ, и въ древности, и въ средніе вѣка, суть эпохи непрерывныхъ войнъ между народами. Но оставимъ это, и перейдемъ къ основному воззрѣнію во всѣхъ этихъ сужденіяхъ, — къ воззрѣнію на войну какъ на *абсолютное безправіе*, какъ на безусловное отрицаніе всякаго права во время ея совершенія. Оно и исторически, и въ принципѣ, и практически, и въ теоріи, совсѣмъ ложно.

По принципу, признанному современною наукою и лежащею въ основѣ всѣхъ лучшихъ стремленій современной цивилизаціи, всѣхъ идеаловъ современнаго европейскаго государства, война не есть, т. е., *не должна быть* отрицаніемъ права, правомѣрныхъ отношеній между народами. а напротивъ она есть способъ только *къ охранѣ права* и этихъ правомѣрныхъ отношеній, — если способъ и не наилучшій, то единственный практически въ данномъ случаѣ, возможный, и *лишь какъ таковой*, терпимый совѣстью современнаго образованнаго человѣчества [1]). Это никакъ не значитъ,

[1]) Вотъ что сказано въ международномъ правѣ Блунчли § 529: «Война не упраздняетъ общаго порядка права, ни даже во взаимныхъ отношеніяхъ между

чтобы эта совѣсть и вся современная цивилизація, заставляющая говорить эту совѣсть въ этомъ направленіи, не знали и не искали другихъ, лучшихъ и болѣе близкихъ къ идеалу права, способовъ его охраны (каковъ арбитражъ и международный судъ), но если эти способы еще не выработались и пока неосуществимы, то это еще нисколько не причина отказываться отъ идеи права на войнѣ. Въ этомъ состоитъ самое существенное различіе современныхъ воззрѣній на войну отъ всѣхъ прежнихъ: она не есть смертельный бой между народами, а только борьба за нарушенное право между государствами, *для его возстановленія и на сколько это нужно для этой только цѣли*, она создаетъ особенное *исключительное* военное положеніе права между воюющими, *лишь видоизмѣняющее* ихъ нормальныя отношенія права, но никакъ ихъ не уничтожающая; она даже не отмѣняетъ собою всѣ прежніе взаимные трактаты и договоры (какъ полагали прежде) между самими воюющими; она наконецъ вовсе не есть война противъ всѣхъ, bellum omnium contra omnes, какъ полагали древніе, и нисколько не возвращаетъ воюющія націи, во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, къ первобытному звѣрскому состоянію [1]).

Если еще не всѣ такъ смотрятъ на войну, то въ этомъ несомнѣнно заключается ея идея, ея идеальное существо, въ наше время, и конечно всѣ правительства цивилизованныхъ народовъ обязаны возможно болѣе осуществлять эту идею и образованные люди всѣхъ странъ обязаны содѣйствовать къ распространенію и водворенію этой идеи въ общемъ сознаніи. Очевидно, что она важна не только для облагороженія способовъ веденія войны и для уменьшенія страданій человѣчества, но еще болѣе важна для предупрежденія войнъ: терпимы нынѣ войны только для охраны нарушеннаго права, войны въ обширномъ смыслѣ слова оборонительныя, и никакія иныя войны *нетерпимы*, хотя бы и предпринимаемыя для самыхъ высшихъ первостепенныхъ интересовъ государствъ и народовъ, для какого бы то ни было ихъ величія и славы.

Все нами сказанное о характерѣ современной войны вѣрно не только теоретически, но и практически или исторически. Состояніе

самими воюющими государствами. Но она только *измѣняетъ* своими послѣдствіями этотъ порядокъ», и проч. (Bluntschli, das moderne Völkerrecht, p. 295). Въ другомъ мѣстѣ. «Такъ какъ война есть охрана права (Rechtshülfe), то она не можетъ отрицать правоваго порядка, которому она должна служить» (тамъ же).

[1]) Ср. *Bluntschli*, das moderne Völkerrecht, pp. 295, 296 и слѣд.

войны и нравы войны кажутся весьма отвратительными современному европейскому обществу, и въ этомъ отвращенiи, столь противуположномъ чувствамъ, воодушевлявшимъ не далѣе прошедшаго столѣтiя, то-же общество къ войнѣ, какъ высшему совершенству человѣческихъ доблестей, — самый лучшiй признакъ нашего времени. Однако эти обычаи войны, столь возмутительные для понятiй большинства современнаго образованнаго общества, — преданнаго умственной политической борьбѣ, наукамъ, искусствамъ, промышленности, — какъ единственнымъ нормальнымъ элементамъ своего существованiя, — эти обычаи возмутительны только относительно понятiй, связанныхъ съ этими элементами жизни нашего времени; сравнительно-же съ самыми обыкновенными военными нравами всѣхъ прежнихъ временъ, нынѣшнiе обычаи войны составляютъ громадный прогрессъ. Война въ дѣйствительности постоянно гуманизировалась и приближалась къ идеѣ, выше нами изложенной, — къ идеѣ возможно меньшаго нарушенiя публичнаго и частнаго права, во время даже самаго страшнаго своего разгара. Насъ отвлекло бы слишкомъ далеко приводить факты въ подтвержденiе этой истины. Достаточно вспомнить обо всѣхъ опустошенiяхъ, несуществующихъ на памяти нынѣ дѣйствующаго поколѣнiя, извѣстныхъ ему только по книгамъ и производившихся не далѣе начала нынѣшняго столѣтiя Наполеономъ I [1]); ничего подобнаго въ послѣднюю войну (ни поголовнаго умерщвленiя мирнаго населенiя во взятыхъ мѣстахъ, ни разграбленiя публичныхъ и частныхъ сокровищъ искусствъ, и проч.) не случилось, хотя во Францiи и жаловались на ея жестокость. Несмотря на это, однако навѣрное, многiя распоряженiя германскихъ военачальниковъ въ 1870 — 71 гг. (какъ напр. относительно заложниковъ отъ почетныхъ гражданъ, перевозившихся на паровозахъ), возбудившiя всеобщее негодованiе, не повторятся въ будущихъ войнахъ. Можно надѣяться, что будущiя войны будутъ еще гуманнѣе. Самымъ положительнымъ доказательствомъ чрезвычайнаго усиленiя понятiй права въ способахъ веденiя войны, служитъ принятое нынѣ въ ней безусловное уваженiе частной собственности, которая по принципу считается неприкосновенною и нарушается только, въ видѣ исключенiя, вслѣдствiе военной необходимости. Въ прежнее время, на оборотъ, если она и уважалась, то въ видѣ исключенiя, въ смыслѣ

---

[1]) См. между прочимъ указанiя на эти опустошенiя въ брошюрѣ: «L'Angleterre et les petits états et la conférence de Bruxelles, par T.... 1875».

великодушія, со стороны вторгнувшагося непріятеля и побѣдителя. Въ этомъ отношеніи понятія нашего времени о правѣ войны сдѣлались коренным образомъ другія, чѣмъ были во всѣ предъидущіе вѣка исторіи (даже чѣмъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.), хотя эти понятія существуютъ пока только въ сознаніи, но не имѣютъ никакой обязательной силы международнаго постановленія и закона.

Тутъ мы соприкасаемся съ другимъ вопросомъ, возбуждавшимъ также возраженія противъ Брюссельской конференціи: есть-ли какая нибудь надобность и даже возможность кодефицировать правила войны и не должна-ли она навсегда оставаться какъ до сихъ поръ при однихъ *обычаяхъ*, которые могутъ сами собою практически улучшаться, безъ всякихъ международныхъ постановленій, какъ это и было до сихъ поръ? Возможно ли подвести подъ положительныя опредѣленія права то, что можетъ быть предметомъ только болѣе или менѣе печальной необходимости, большей или меньшей нужды на полѣ битвы, во всякомъ случаѣ отвергаемой нравственнымъ чувствомъ, или большаго или меньшаго человѣколюбія, которое никому не можетъ быть предписано никакимъ закономъ? Вносить законъ въ это беззаконіе, право въ это насиліе, хотѣть сократить зло, наносимое войною, когда она не имѣетъ другой цѣли, какъ нанести возможно болѣе зла непріятелю, не значитъ ли это стремиться къ разрѣшенію неразрѣшимой задачи, соединять несоединимое, огонь съ водою, военныхъ людей съ юристами посредствомъ никого вполнѣ не удовлетворяющихъ редакціонныхъ сдѣлокъ дипломатовъ? Такъ приблизительно разсуждаетъ объ Брюссельской конференціи почтенный бельгійскій депутатъ г. Куврёръ, въ своей прекрасной парламентской рѣчи (19 января 1875) о предложенномъ имъ и г. Тониссеномъ Бельгійской палатѣ представителей вопросѣ относительно международнаго арбитража. Нисколько не отказывая дѣлу Брюссельской конференціи въ своемъ сочувствіи и уваженіи, бельгійскій депутатъ только указываетъ на упомянутыя противурѣчія, и говоритъ, что «противъ этого безсилія (разрѣшить ихъ) именно и возстало общественное чувство»... «Если бы Брюссельская конференція вмѣсто того, чтобы искать регулированья вещей, которыя могутъ быть необходимостями, но никогда не могутъ сдѣлаться правами, вмѣсто опредѣленія нравовъ и обычаевъ

---

[1]) См. брошюру «L'arbitrage international; proposition faite à la chambre des representans de Belgique par M. M. Couvreur et Thonissen; exposé et débats, Bruxelles, 1875», стр. 20.

войны, имѣла бы своимъ призваніемъ регулировать принципы арбитража, она конечно встрѣтилась бы съ значительными затрудненіями, но, по крайней мѣрѣ, эти затрудненія не были бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ непримиримаго антагонизма въ самыхъ элементахъ предположенной задачи.» [1]) Болѣе рѣшительнымъ образомъ поддерживая брюссельскій проектъ, членъ Института Франціи Г. Ш. Люка, извѣстный своею пламенною и неутомимою преданностью всякому прогрессу цивилизаціи, также точно дѣлаетъ Брюссельской Конференціи упрекъ за опущеніе вопроса объ арбитражѣ, разрѣшеніе котораго должно служить къ предупрежденію войнъ и потому серьознѣе и дѣйствительнѣе для блага человѣчества, чѣмъ облегченіе страданій *отъ войны или ея гуманизированье* (какъ принято выражаться). Сверхъ того Г. Люка обвиняетъ Брюссельскую Конференцію въ узкости ея задачи, которая должна была заключаться не только въ гуманизированьи, а *въ цивилизированьи* (civilisation de la guerre), т. е., именно въ томъ, чтобы обезпечить безусловно оборонительный ея характеръ, принять мѣры къ тому, чтобы война въ наше время была только тѣмъ, чѣмъ она по понятіямъ европейской цивилизаціи только и можетъ быть: послѣднимъ способомъ *необходимой* международной *обороны* (de légitime défense), или охраны права. Въ этомъ г. Люка видитъ непослѣдовательность Брюссельской Конференціи, которая въ своемъ послѣднемъ протоколѣ высказала великое начало, провозглашенное лучшими людьми двухъ только что вышедшихъ изъ кроваваго боя европейскихъ націй, и Монтескье и Кантомъ, что воюющіе должны стараться вредить другъ другу на войнѣ какъ можно менѣе, дабы облегчить заключеніе мира, который все-таки долженъ оставаться *цѣлію всякой европейской войны.* [2]) При всѣхъ этихъ упрекахъ Бельгійской Конференціи, которой дѣло г. Люка находитъ крайне неполнымъ для разрѣшенія вопросовъ международнаго права, поставленныхъ и практическими требованіями современной политической жизни, и всѣми идеальными стремленіями европейской цивилизаціи, онъ все-таки защищаетъ это предпріятіе отъ нападокъ на него

---

[1]) Тамъ-же стр. 20—21.

[2]) *Ch. Lucas*, Rapport verbal sur la publication des actes de la conférence de Bruxelles (séance de l'academie des sciences morales et politiques, Novembre 1874). Его-же письмо по этому предмету во французской газетѣ «Moniteur universel». Также ср. гораздо ранѣе изданную тѣмъ же авторомъ брошюру «Nécessité d'un congrés scientifique international relatif à la civilisation de la guerre et la codification du droit des gens.»

печати (преимущественно англійской) и винитъ Великобританію за отношенія, въ которыя она себя къ нему поставила. Сочувственный голосъ человѣка, подобнаго г. Люка, котораго общественное мнѣніе привыкло слышать въ пользу всякаго прогрессивнаго и человѣколюбиваго начинанія, на почвѣ права, весьма важенъ въ этомъ случаѣ, хотя для Брюссельской Конференціи и не было недостатка въ сочувствіи со стороны многихъ благороднѣйшихъ представителей европейской науки и интеллигенціи.

Желанія, выраженныя людьми, подобными вышеупомянутымъ, относительно расширенія и дальнѣйшаго развитія задачи Брюссельской Конференціи, не только не противны ея цѣлямъ, но составляютъ едва-ли не наилучшее до сихъ поръ послѣдствіе ея занятій и ея успѣхъ конечно всего болѣе приблизитъ эти желанія къ ихъ осуществленію (какъ мы объ этомъ скажемъ впослѣдствіи). Нельзя не радоваться усиліямъ просвѣщенныхъ людей, выдвинувшихъ вопросъ объ арбитражѣ или международномъ третейскомъ судѣ изъ области мечтаній на практическую политическую почву, въ парламентахъ: великобританскомъ, итальянскомъ, бельгійскомъ, нидерландскомъ, шведскомъ и с.-американскомъ, но также точно невозможно усмотрѣть, чѣмъ арбитражъ, въ особенности въ той практической формѣ, въ какой онъ нынѣ ставится, т. е., не какъ мечтательный способъ установленія вѣчнаго міра, а только какъ средство разрѣшенія разрѣшимыхъ международныхъ споровъ права, — чѣмъ онъ устраняетъ необходимость опредѣленія правилъ войны. Въ этомъ отношеніи весьма существенъ всемірный авторитетъ гр. Склописа, президента женевскаго третейскаго суда, самаго замѣчательнаго третейскаго суда въ исторіи; онъ заявилъ недавно свое полное сочувствіе брюссельскому проекту. Точно также, въ высшей степени, желательно, если идея вѣчнаго міра принадлежитъ къ области утопіи, чтобы по крайней мѣрѣ война въ Европѣ была допускаема единственно какъ средство *необходимой обороны*, чтобы терпима была только война строго оборонительная (въ политическомъ или международно-юридическомъ смыслѣ). Но очевидно, что сознаніе въ политическомъ мірѣ можетъ только возрасти въ этомъ направленіи послѣ вступленія въ дѣйствіе такого соглашенія между государствами относительно техническихъ способовъ веденія войны, въ основаніи котораго лежитъ убѣжденіе, что воюющіе должны наносить другъ другу возможно менѣе вреда и что цѣль войны только миръ. Когда-же и во внутренней и въ международной политической жизни серьозные умы, знающіе какъ трудны дѣйствитель-

ные политическіе успѣхи, въ сравненіи со всѣми желательными, отказывались отъ первыхъ, за неимѣніемъ послѣднихъ?

Между проявленіемъ грубой физической силы на войнѣ и стремленіемъ подчинить эту силу нѣкоторымъ требованіямъ справедливости и нормамъ права нѣтъ никакаго противурѣчія, или лучше не болѣе противурѣчія, чѣмъ во всякомъ *процессѣ жизни*, которая всегда и вездѣ, отъ жизни всякаго физическаго организма до жизни человѣческаго общества, [1]) есть ничто иное какъ борьба противуположныхъ началъ, и безъ нея не была бы жизнію, а смертью. Вся исторія человѣческой культуры есть не болѣе какъ медленное постепенное торжество справедливости, разума, *идеи* надъ безсмысленными, не заключающими въ себѣ, безъ этой человѣческой идеи, никакой разумной цѣли, проявленіями грубой физической природы, не только внѣшней, но и природы самаго человѣка; всякое опредѣленіе права, и во внутреннемъ законодательствѣ, не менѣе, чѣмъ въ международномъ, есть ничто иное, какъ узда разума и справедливости, наложенная на дикую силу страстей и личнаго произвола, противуположныхъ разуму и справедливости, болѣе и болѣе уступающихъ принужденію воспитанія и закона, но никогда безусловно не умолкающихъ въ натурѣ самаго образованнаго человѣка. Ничего не можетъ быть болѣе утопическаго и болѣе противнаго всѣмъ созрѣвшимъ понятіямъ государственныхъ наукъ нашего времени, какъ предполагать политическій прогрессъ, и во внутренней и въ международной жизни государства, въ видѣ последовательнаго выведенія одной изъ другой отвлеченныхъ логическихъ формулъ, безъ всякой борьбы противуположностей и противурѣчій исторической жизни, которая вся состоитъ только изъ перехода отъ одной сдѣлки къ другой между этимъ противурѣчіями. Изо всѣхъ новѣйшихъ народовъ никто не понялъ этого лучше англичанъ и, конечно, никто не опередилъ такъ далеко, какъ они, все остальное человѣчество, на пути политическаго прогресса. Одинъ положительный фактъ изъ круга явленій наиболѣе однородныхъ съ войною, долженъ, лучше всякихъ разсужденій, устранить сомнѣніе въ предполагаемомъ неразрѣшимомъ противурѣчіи печальныхъ необходимостей войны со всякими опредѣленіями ея обычаевъ и законовъ. Дуэль есть, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ война, остатокъ варварскихъ понятій, противныхъ современной цивилизаціи, про-

[1]) Какъ это прекрасно объясняетъ глубокій политическій мыслитель нашего времени *Лоренцъ Штейнъ*.

явленіе закоренѣлыхъ предразсудковъ и грубой силы, гораздо болѣе безсмысленное, чѣмъ война, и наконецъ, при нынѣшнихъ условіяхъ гражданскаго порядка въ европейскихъ государствахъ, дуель, конечно, какъ способъ необходимой обороны, можетъ быть гораздо менѣе нужна, чѣмъ война, при нынѣ существующихъ условіяхъ охраны права въ международныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ никакимъ моралистамъ и законодателямъ не удалось до сихъ поръ искоренить этого грубаго остатка давно прошедшихъ временъ европейской культуры, — всего-же болѣе безуспѣшны оказались тѣ узаконенія и мѣропріятія, которыми дуель безусловно воспрещалась. Однакоже сперва обычаи образованныхъ обществъ, а потомъ законы, опредѣляющіе, согласно съ установившимся въ той или другой странѣ обычаями, различную степень преступности, наказуемости и ненаказуемости дѣяній, совершаемыхъ на поединкѣ, при тѣхъ или другихъ его обстоятельствахъ и условіяхъ, — эти обычаи и законы значительно цивилизировали поединкѣ. Неужели было бы лучше для нравственнаго чувства и для общественнаго благосостоянія, чтобы вмѣсто поединка, происходящаго по понятіямъ чести, нынѣ признаннымъ и въ положительныхъ законодательствахъ, происходила всякій разъ звѣрская бойня, подверженная всѣмъ случайностямъ насилія и обмана?

Облеченіе однако обычаевъ въ форму законовъ и въ особенности формулированіе общихъ юридическихъ началъ представляются совершенною новизною на почвѣ международнаго права, не только относительно войны, но и почти во всей области этого права, которое, по мнѣнію иныхъ, обречено навсегда оставаться правомъ ученымъ и философскимъ, а не положительнымъ.

Но прежде всего нужно замѣтить, что этотъ взглядъ и фактически не совсѣмъ вѣренъ. Морская война уже имѣетъ для себя весьма продолжительную и обширную исторію цѣлаго международнаго законодательства, обязательность котораго для себя ни одно изъ европейскихъ государствъ не думаетъ ни малѣйшимъ образомъ оспаривать. Признаніе этого положительнаго европейскаго права относительно морской войны всего краснорѣчивѣе было подтверждено на-дняхъ преніями въ великобританской палатѣ общинъ (13 апрѣля) по предложенію г. Белен-Кохрана, чтобы Англія воспользовалась Брюссельскою Конференціей и предположенною С.-Петербургскою для отказа отъ Парижской декларацін 1856 г., отмѣнившей каперство; и великобританское правительство и всѣ парламентскія партіи, высказываясь противъ этого предложенія,

между прочимъ заявили, что Англія не имѣетъ права, по собственному своему произволенію, освобождать себя отъ обязательной для нея силы международныхъ постановленій, безъ согласія на то всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ державъ. Это понятіе, далеко впрочемъ не новое, торжественно выраженное и на Лондонской конференціи 1871 г. (по Черноморскому вопросу), всего важнѣе для насъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ при этомъ было именно говорено, что независимо отъ коммерческихъ интересовъ Англіи, ничего не могущихъ выиграть отъ возстановленія каперства, и независимо также отъ нравственныхъ побужденій, не позволяющихъ нынѣ вернуться къ этому дикому обычаю,—независимо отъ всего этого Англія не вправѣ отказываться отъ обязательнаго для нея международнаго закона [1]). Послѣ петербургской конференціи о разрывныхъ пуляхъ и женевской конвенціи краснаго креста, нельзя сказать, чтобы и для сухопутной войны не существовало нынѣ никакихъ постановленій, имѣющихъ значеніе международнаго законодательства.

Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривать, что это законодательство пока только въ зародышѣ, и что все дѣло, предположенное на Брюссельской Конференціи, есть значительная новизна въ политической жизни Европы, — пожалуй даже смѣлый шагъ впередъ на пути ея историческаго прогресса. Но это еще не можетъ быть причиною отказываться отъ этого шага, въ послѣдней четверти столѣтія, которое видѣло не такія перемѣны въ своихъ внутреннихъ и международныхъ учрежденіяхъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ упомянутыхъ фактовъ реформа, предположенная на Брюссельской Конференціи, была бы только ихъ дальнѣйшимъ историческимъ развитіемъ, соотвѣтствующимъ всѣмъ созрѣвшимъ потребностямъ нашего времени. Всякая реформа въ существующемъ политическомъ порядкѣ можетъ быть осуждаема, за излишество новизны, прогрессивности или крутости, только когда ей недостаетъ этихъ указанныхъ выше условій: исторической почвы въ предшествовавшихъ фактахъ и дѣйствительной потребности, сознанной обществомъ даннаго времени. Тѣ литературныя мнѣнія, которыя, высказываясь враждебно (преимущественно въ Англіи) къ Брюссельской Конференціи, какъ будто служатъ отрицаніемъ такой сознанной обще-

---

[1]) См. между прочимъ «Times» 15 апрѣля, и «Pall Mall» 19 апрѣля. Эти пренія интересны также и въ томъ отношеніи, что они вполнѣ опровергаютъ справедливость предположенія многихъ, что мотивы отказа Англіи отъ участія въ проектѣ Брюссельской конференціи нужно искать въ ея коварныхъ, эгоистическихъ взглядахъ на международное право, и именно морское.

ствомъ потребности въ ея дѣлѣ, ничего въ этомъ смыслѣ не доказываютъ, такъ какъ мотивы этихъ мнѣній чисто политическаго свойства, т. е. они проистекли не изъ содержанія дѣла, а изъ внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ и взаимныхъ отношеній государствъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложился его ходъ и его обстановка. Общее-же направленіе общественнаго мнѣнія и всѣ движенія политической мысли въ Европѣ и въ Америкѣ, относительно международныхъ вопросовъ въ настоящее время, указываютъ на необходимость разрѣшенія задачи Брюссельской конференціи. На эти движенія, отчасти нами уже очерченныя, мы ниже укажемъ.

Самая значительная, если даже не исключительная, историческая новизна предположеній Брюссельской конференціи, самая прогрессивная ихъ сторона, состоитъ, безъ сомнѣнія, въ желаніи соединить правила какихъ либо международныхъ юридическихъ отношеній въ одно цѣлое, въ нѣчто подобное *кодексу*. Это, конечно, первая, въ своемъ родѣ, попытка, въ практической жизни государствъ. Эта попытка, хотя и имѣетъ нѣкоторое для себя подобіе историческаго антецедента въ «наставленіи арміямъ С. Американскихъ штатовъ», составленномъ по порученію президента Линкольна знаменитымъ публицистомъ *Либеромъ*, во время междоусобной войны 1863 г., однако проектированная на Брюссельской конференціи декларація европейскихъ державъ идетъ далеко дальше этого факта, ибо она была бы обязательна, какъ законъ для государственныхъ единицъ, находящихся между собою въ отношеніяхъ независимости и суверенитета, несравненно бо́льшихъ, чѣмъ штаты С. Америки, и дѣйствовала бы для войнъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго характера гражданской войны, какою въ значительной степени была с. американская война. Въ этомъ отношеніи начертанный въ Брюсселѣ проектъ деклараціи, какъ первый опытъ кодификаціи цѣлой отрасли международнаго права, долженствующаго имѣть силу закона для всѣхъ подписавшихъ этотъ актъ державъ, былъ бы дѣйствительно значительнымъ успѣхомъ, почти новою фазою въ историческомъ развитіи и международнаго права и политическаго быта Европы; не вѣрить въ этотъ успѣхъ невозможно, когда онъ предлагается не теоретиками, не отдѣльными мыслителями, а самими правительствами, которыя готовы признать для себя обязательнымъ приведеніе его въ исполненіе. Чѣмъ однако прогрессивнѣе идея, чѣмъ по своему существу она болѣе удаляется отъ дѣйствительности, тѣмъ осторожнѣе и умѣреннѣе должно быть

приведеніе идеи въ исполненіе, тѣмъ *способы* и *формы* воплощенія ея въ государственное дѣло должны менѣе удаляться отъ дѣйствующаго порядка жизни: это кажется аксіома практической политической мудрости, на счетъ которой не можетъ быть сомнѣнія. Поэтому должно признать весьма правильнымъ исключеніе на Брюссельской Конференціи, по согласію делегатовъ всѣхъ участвовавшихъ въ ней правительствъ, изъ первоначальнаго русскаго проекта первыхъ четырехъ параграфовъ, долженствовавшихъ формулировать *общія начала* (les principes généraux) права войны (что такое война, ея общія цѣли и условія, и т. д.), какъ ни справедливы эти общія начала въ теоретическомъ отношеніи. Если опредѣленіе всякихъ общихъ юридическихъ началъ затруднительно и рисковано во внутреннемъ законодательствѣ и едва ли даже и тутъ необходимо, судя по примѣру самаго зрѣлаго и самаго здороваго въ новѣйшей исторіи государственнаго организма, — Великобританіи, — то тѣмъ менѣе можно отваживаться на это въ первомъ опытѣ международной кодефикаціи. Весьма достаточно, если этотъ первый опытъ, уже пугающій многихъ людей практической рутины, своею смѣлостью, ограничится, какъ это и сдѣлано въ брюссельскомъ проектѣ, сколько-нибудь систематическимъ соединеніемъ въ одно цѣлое правилъ по *возможно-болѣе частнымъ и конкретнымъ случаямъ права войны.*

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ изложенной выше общей точки зрѣнія, для насъ не сомнителенъ отвѣтъ и на другой болѣе сложный и затруднительный вопросъ [1]), принадлежащій сюда-же, къ практическому осуществленію идеи брюссельской конференціи, и именно: должна ли проектированная декларація только *освятить существующія нынѣ «общепринятыя правила»* войны или ихъ гуманизировать, *прогрессивно измѣнить*, т. е. только *консолидировать* обычное право или его *улучшить?* На счетъ необходимости рѣшенія вопроса въ первомъ смыслѣ, который и былъ заявленъ предсѣдателемъ Брюссельской конференціи барономъ Жомини [2]) и господствовалъ вообще въ ея занятіяхъ, намъ кажется невозможнымъ колебаться, исходя изъ необходимости ограничиться, въ первомъ опытѣ, *минимумомъ* рѣшенія задачи, могущимъ полу-

---

[1]) Это одинъ изъ первыхъ вопросовъ, поставленныхъ институтомъ международнаго права въ программѣ предстоящаго на ближайшей его сессіи (въ Гагѣ, въ августѣ) обсужденія брюссельскаго проекта. См. ниже.

[2]) См. акты конференціи, рѣчь барона Жомини.

чить наиболѣе вѣроятное согласіе наибольшаго количества государствъ. Констатированіе существующаго правила, конечно, не можетъ столько же, какъ его измѣненіе, вызвать разногласія и быть такъ разнорѣчиво по тѣмъ понятіямъ разныхъ государственныхъ системъ и разныхъ народностей, съ которыми каждое правительство относится къ этому дѣлу. Сверхъ того, можно даже вообще сомнѣваться, чтобы слѣдовало искусственно измѣнять и даже улучшать посредствомъ закона обычаи и правила жизни, а не предоставить это улучшеніе успѣхамъ самой жизни и цивилизаціи, ограничивая роль закона опредѣленіемъ и предписаніемъ нормы обычаевъ, *наилучшихъ* въ данное время. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, т. е. въ констатированіи *нормы наилучшихъ* изъ существующихъ правилъ и обычаевъ войны и въ консолидированіи этой именно нормы, понимаемъ мы и задачу Брюссельской конференціи, и въ этомъ только отношеніи она была затруднительна: дѣйствующіе въ практикѣ обычаи и правила разнообразны и отыскать между ними *наилучшіе* не такъ просто.

Поэтому представляется весьма благоразумнымъ порядокъ, который былъ принятъ на Брюссельской Конференціи: она устранила изъ своего проекта всѣ тѣ пункты, по которымъ возникли непримиримыя разногласія, и соединила въ немъ всѣ тѣ, которыя могли быть приняты почти единогласно, хотя бы и съ оговорками нѣкоторыхъ делегатовъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Весь проектъ деклараціи, составленный на Брюссельской Конференціи, былъ только условно подписанъ ея членами (sauf approbation), съ удержаніемъ за ихъ правительствами права принять и не принять его. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла неизвѣстенъ; переговоры относительно проекта между государствами, участвовавшими въ конференціи, не опубликованы, за исключеніемъ дипломатической переписки между Россіей и Англіей, которая отказалась отъ всякаго участія въ этомъ предпріятіи. Время созванія вторичной конференціи въ Петербургѣ не опредѣлено. Придавая необычайную важность сущности идеи, положенной въ основаніе Брюссельской Конференціи, — какъ идеѣ перваго практическаго опыта кодефикаціи положительнаго (не теоретическаго) международнаго права въ Европѣ, — и полагая необходимымъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ для осуществленія этой основной идеи, мы бы нисколько не пожалѣли, если бы изъ проекта деклараціи, какъ онъ состоялся въ Брюсселѣ, были исключены всѣ тѣ параграфы, которые еще возбуждаютъ разногласіе между правительствами и которые могутъ помѣшать согласію ихъ на остальное, — на какое нибудь

minimum этого перваго опыта [1]). Поэтому, подъ страхомъ возбужденія новыхъ разногласій и недоумѣній, намъ представляется не желательнымъ ни измѣненіе проекта, ни прибавленіе къ нему чего либо новаго, какія бы значительные несовершенства и пробѣлы не замѣчались въ немъ и какіе бы пороки мы сами ни готовы были признать въ немъ съ точки зрѣнія науки и человѣколюбія. Всякое первое начало въ этомъ дѣлѣ, возможно скорѣе вступившее въ жизнь, хотя бы даже не всѣ европейскія государства приступили къ проектированной деклараціи,— мы не можемъ не считать великимъ успѣхомъ въ нынѣшнемъ международномъ юридическомъ строѣ образованнаго міра [2]) и еще болѣе важнымъ залогомъ дальнѣйшихъ его успѣховъ. Всякія улучшенія, измѣненія и распространенія брюссельскаго проекта придутъ сами собою впослѣдствіи.

И всѣ дальнѣйшіе успѣхи международнаго права, указываемые умственными и политическими движеніями нашего времени, какъ нельзя послѣдовательнѣе, могутъ истечь изъ этого перваго опыта облеченія въ законъ правилъ сухопутной войны. Сюда принадлежитъ мысль о кодефикаціи всего вообще дѣйствующаго въ образованномъ мірѣ международнаго права; хотя эта мысль представляется пока почти утопическою, однако около нея уже соединились подъ названіемъ «Ассоссіяціи для реформы и кодефикаціи международнаго права» весьма извѣстные и уважаемые ученые и государственные люди изъ всѣхъ европейскихъ странъ и С.-Американскихъ штатовъ [3]). Всякое первое практическое начало кодефикаціи международнаго права будетъ имѣть могущественное вліяніе на освобожденіе этой мысли отъ порока утопіи, какимъ она теперь заражена въ глазахъ практическаго и политическаго міра.

---

[1]) Этимъ, какъ и всѣми предъидущими разсужденіями, мы отвѣчаемъ на вопросъ института международнаго права (см. ниже): le projet de déclaration, tel qu'il est sorti des déliberations de la conférence, constituerait il, s'il était converti, sans amendement ni addition, en loi positive, formellement acceptée par tous les Etats civilisés un progrès sur l'état de choses actuellement existant soit à titre de transformation du droit coutumier en droit écrit, — soit à raison du mérite intrinséque de tout ou partie de ces dispositions?

[2]) Этимъ мы достаточно ясно отвѣчаемъ на VI общій вопросъ института международнаго права: s'il vaut mieux ne rien faire que de sanctionner le projet de déclaration de Bruxelles — quelles seraient, le cas échéant, les modifications ou additions de nature à rendre le projet acceptable? Поэтому спеціальный пересмотръ и передѣлка (l'examen spécial) отдѣльныхъ частей Брюссельскаго проекта, предлагаемые институтомъ международнаго права, какіе бы ни были въ этомъ проектѣ недостатки, кажутся намъ теперь преждевременными.

[3]) Это общество, основано американцами въ 1873 г., и состоитъ подъ предсѣдательствомъ почетнаго президента графа Склописа и президента Дудлея Фильда. Оно имѣетъ ежегодно сессію въ Европѣ (въ 1873 г. - въ Брюсселѣ, 1874 г. — въ Женевѣ, въ 1875 г. — въ Гагѣ).

Точно также и вопросъ объ арбитражѣ, возбужденный въ различныхъ европейскихъ парламентахъ, неминуемо приблизится къ своему разрѣшенію со вступленіемъ въ силу брюссельскаго проекта. Съ одной стороны, всякій законъ возбуждаетъ вопросъ о судѣ, который будетъ охранять и толковать его смыслъ въ спорныхъ относительно его случаяхъ. Съ другой стороны, для дѣятельности суда нѣтъ никакой почвы, пока нѣтъ общепризнаннаго со стороны всѣхъ спорящихъ сторонъ закона, и самая мысль объ учрежденіи какого либо судилища, безъ такаго закона, кажется мечтательною. На это между прочимъ и указывается въ возраженіяхъ противъ третейскаго международнаго суда, въ какой бы формѣ онъ ни былъ устроенъ. Въ то-же время, противники всякаго положительнаго права или *закона* въ международныхъ отношеніяхъ доказываютъ несостоятельность его главнѣйше отсутствіемъ судебной охраны, безъ которой дѣйствительно нельзя думать ни о какомъ законѣ. Такимъ образомъ первый опытъ международнаго законодательства, хотя бы только для войны, долженъ вывести это дѣло изъ такаго заколдованнаго круга,—долженъ непремѣнно выдвинуть на первую очередь вопросъ о международномъ судѣ, и объ простѣйшемъ видѣ этого суда, какой на первый разъ представляется, т. е., о третейскомъ разбирательствѣ. Воюющія стороны и во время войны, и послѣ заключенія міра не могутъ обойтись безъ такаго суда, ибо при существованіи закона нельзя и думать, чтобы онъ не былъ нарушаемъ.

Но этого мало; мы ожидаемъ другихъ, еще болѣе серьезныхъ послѣдствій Брюссельской Конференціи. Законъ и судъ предполагаютъ какую-нибудь власть, защищающую ихъ силу. Въ международныхъ отношеніяхъ не можетъ быть такой власти, на подобіе правительства въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ; тѣмъ не менѣе и въ международныхъ отношеніяхъ, въ особенности когда въ нихъ желаютъ внести понятія права и закона, можетъ и должна быть рѣчь объ органахъ, охраняющихъ правомѣрный порядокъ, — объ какомъ нибудь *единствѣ* воли, направленной къ этой цѣли. Такое правомѣрное единство Европы существовало не такъ давно на основаніи вѣнскаго акта 1815 г., который дѣйствовалъ какъ общепризнанный международный юридическій порядокъ и законъ Европы. Событія послѣднихъ лѣтъ совсѣмъ разрушили этотъ законъ, не имѣвшій другаго содержанія, какъ территоріальную неприкосновенность европейскихъ государствъ; всѣ новѣйшія передѣлки карты Европы не имѣютъ болѣе для себя

той санкціи законности, какая была дарована всѣмъ территоріальнымъ распредѣленіямъ Европы на Вѣнскомъ конгрессѣ и была впослѣдствіи охраняема согласіемъ и взаимнымъ контролемъ пяти великихъ державъ. Такъ называемое равновѣсіе Европы, дѣйствовавшее, съ 1815 по 1848 г., въ видѣ господства пяти великихъ державъ, рушилось, но оно не можетъ не возродиться въ другомъ видѣ, — въ видѣ иначе организованной Европы, но все-таки организованной для охраны мира и международнаго права, противъ его нарушителей. Очевидно, что въ политической системѣ Европы нынѣшнее время переходное, отъ пентархіи 1815 къ новой организаціи, въ которой не только второстепенныя, но и всѣ малыя государства должны получить голосъ, соотвѣтствующій значенію, пріобрѣтенному ими въ политической жизни Европы съ 1815 г. Всѣ чувствуютъ необходимость этой новой Европы, этого новаго ея равновѣсія, этого новаго союза всѣхъ ея политическихъ силъ къ охранѣ правомѣрнаго порядка, безъ которыхъ не можетъ водвориться увѣренность въ мирѣ на завтрашній день и не могутъ продолжаться успѣхи промышленности, наукъ и искусствъ.

Брюссельская конференція и въ особенности проектъ составленной ею деклараціи, въ случаѣ присоединенія къ ней, хотя бы даже только большинства европейскихъ державъ, могутъ въ двоякомъ отношеніи содѣйствовать возрожденію Европы, какъ общеевропейской системы государствъ, охраняющей неприкосновенность права въ международныхъ отношеніяхъ, какъ правомѣрной (государственно-юридической) международной единицы. Во-первыхъ, всякій законъ, также и международный, требуетъ для своей силы не только суда, но также и какой либо исполнительной государственной власти, наблюдающей за примѣненіемъ и неприкосновенностью какъ самаго закона, такъ и судебныхъ приговоровъ (въ настоящемъ случаѣ третейскихъ), на основаніи его постановленныхъ. Отсутствіе такой власти и выставляется обыкновенно, какъ аргументъ и въ частности противъ состоятельности брюссельскаго предпріятія, и вообще противъ всякаго международнаго закона. Однако въ періодѣ мира 1815 – 1848 гг. и даже позже, пока не распалось совсѣмъ равновѣсіе Европы и согласіе пяти великихъ державъ къ общеевропейскимъ цѣлямъ, существовала не только идея такой международной административной и даже полицейской власти, въ лицѣ этихъ державъ, въ ихъ взаимномъ контролѣ, и въ ихъ надзорѣ за всею остальною Европою, — но эта идея и практически часто напоминала о себѣ при всякомъ подозрѣніи нарушеннаго между-

народнаго права. Уже вслѣдствіе этихъ историческихъ прецедентовъ, эта идея легко можетъ возродиться въ новыхъ формахъ европейской организаціи, и она важнѣе всего для охраны мира; въ этой идеѣ нѣтъ ничего утопическаго, и даже гораздо менѣе утопическаго, чѣмъ въ международныхъ судилищахъ (если и не въ арбитражѣ, какъ единственной пока практической ихъ формѣ). Затѣмъ, *во-вторыхъ*, уже одинъ самъ по себѣ фактъ соединенія представителей всѣхъ европейскихъ государствъ на Брюссельской Конференціи и на С.-Петербургской, имѣющей продолжать ея дѣло, уже одинъ этотъ фактъ собранія дипломатическихъ делегатовъ всей Европы для общеевропейскихъ политическихъ цѣлей, — почти невозобновлявшійся съ вѣнскаго конгресса, — долженъ чрезвычайно содѣйствовать возсозданію идеи международнаго единства Европы и положить начало будущимъ конференціямъ и конгрессамъ, могущимъ самымъ надежнымъ образомъ упрочить миръ Европы, посредствомъ неизбѣжнаго при этомъ соединенія всѣхъ правительствъ около общаго дѣла. Какъ ни значительны еще зерна ненависти и будущихъ войнъ между европейскими націями, но они не могутъ мало по малу не истереться и не измельчиться посреди такихъ международныхъ собраній, въ преніяхъ и соглашеніяхъ представителей самыхъ враждебныхъ одна другой націй относительно международныхъ дѣлъ.

И такъ Брюссельская Конференція и составленный ею проектъ международной деклараціи могутъ, какъ намъ кажется, сдѣлаться могущественнымъ условіемъ для ускоренія всѣхъ другихъ дальнѣйшихъ успѣховъ, желаемыхъ просвѣщенными политическими людьми и друзьями мира, во всѣхъ европейскихъ странахъ. Въ томъ числѣ, посреди всѣхъ этихъ успѣховъ, можно ожидать, что и самое понятіе о войнѣ, какъ о способѣ только возстановленія права, *только обороны противъ его нарушенія*, — единственное понятіе соотвѣтствующее всѣмъ нравственнымъ, юридическимъ, экономическимъ и государственнымъ воззрѣніямъ современнаго образованнаго міра, — что это понятіе водворится во всеобщемъ сознаніи народовъ и правительствъ и изъ сознанія перейдетъ въ положительное международное право. Тогда только война *цивилизируется*, какъ справедливо выражается почтенный *г. Люка*.

Оставляя совсѣмъ въ сторонѣ политическую сторону въ ходѣ дѣла о Брюссельской конференціи, встрѣтившемъ такія неожиданныя и необъяснимыя препятствія, можно пожалѣть и объ нѣкоторыхъ недостаткахъ въ ходѣ этого дѣла съ ученой стороны. Эти

недостатки можетъ статься повліяли въ нѣкоторой степени и на политическую его сторону. Это дѣло, невозможное безъ пособій науки, не было достаточно обработано въ ученой средѣ, прежде чѣмъ явиться (нѣсколько поспѣшно) на оффиціяльной почвѣ, на которой сверхъ того оно продолжало свой ходъ, при весьма слабомъ участіи представителей науки; число ихъ было, на Брюссельской конференціи, совсѣмъ ничтожно сравнительно съ дипломатами и въ особенности военными. Привлеченіе представителей европейской науки къ участію въ этомъ предпріятіи, никакъ не менѣе ученомъ, чѣмъ политическомъ и филантропическомъ, принесло бы еще ту важную пользу, что свободное международное обсужденіе проекта въ средѣ ученыхъ различныхъ европейскихъ странъ, значительно облегчило бы соглашеніе между ними на оффиціяльной почвѣ.

Къ счастію, этотъ недостатокъ, можетъ быть неизбѣжный въ историческомъ ходѣ этого дѣла, можетъ теперь поправиться. Институтъ международнаго права, основанный въ Гентѣ, въ 1873 г., и заключающій въ своемъ составѣ всѣхъ извѣстнѣйшихъ представителей науки международнаго права и вообще государственныхъ знаній Европы и Америки (въ томъ числѣ и Англіи и Россіи), назначилъ къ своему обсужденію въ сессію 1875 (въ августѣ, въ Гагѣ) Брюссельскій проектъ. Въ составѣ коммиссіи, изучающей это дѣло, по порученію Института, и имѣющей представить ему докладъ, по особой программѣ вопросовъ, избраны и русскіе ученые, члены института [1]). Сужденія въ общемъ собраніи Института безъ сомнѣнія устранятъ много недоразумѣній въ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла и окажутъ ему немаловажную поддержку, въ европейскомъ общественномъ мнѣніи, посредствомъ всесильнаго авторитета всемірной науки. Эти сужденія, какъ надо надѣяться, будутъ предшествовать вторичной конференціи, предположенной въ Петербургѣ.

Къ развитію *текущаго международнаго права* во второй половинѣ 1874 г. принадлежатъ слѣдующіе акты. Ратификованы: торговый трактатъ о торговомъ мореплаваніи, заключенный между Россіей и Франціей (12 іюня), Консульская конвенція между ними (12 іюня), и конвенція между ними же о наслѣдствахъ (12 іюля).

Переходимъ къ обозрѣнію внутренняго законодательства Россіи за вторую половину 1874 г., и въ этомъ обозрѣніи будемъ слѣдо-

[1]) Акад. *В. П. Безобразовъ* и профес. *Ѳ. Ѳ. Мартенсъ*.

вать тому же порядку, какой былъ принятъ для первой половины 1874 г. въ I Томѣ Сборника [1]).

На первомъ мѣстѣ послѣ международнаго права сдѣлаемъ очеркъ движенія организаціи нашихъ военныхъ силъ.

Во второй половинѣ 1875 г. продолжалось развитіе законодательства по новой воинской повинности. Таковы: Высочайшее повелѣніе 4 іюля о примѣненіи новаго порядка этой повинности къ вольноопредѣляющимся, поступившимъ по прежнимъ узаконеніямъ; Высочайше утвержденныя 4 іюля правила о производствѣ въ унтеръ-офицеры, офицеры и первый классный чинъ нижнихъ чиновъ, поступающихъ на службу по жеребью; Высочайшее повелѣніе 17 августа о правилахъ поступленія вновь на службу вольноопредѣляющимися молодыхъ людей, уже состоявшихъ на службѣ на правахъ вольноопредѣляющихся по прежнимъ законамъ; Высочайше утвержденое 23 іюля Мнѣніе Государственнаго Совѣта о порядкѣ опредѣленія неспособности къ труду лицъ, при назначеніи льготъ по семейному положенію; Положеніе (Высочайше утвержденное 31 августа) о нижнихъ чинахъ унтеръ-офицерскаго званія, остающихся добровольно на сверхсрочной дѣйствительной службѣ; Высочайше утвержденное 14 октября Мнѣніе Государственнаго Совѣта о предоставленіи нѣкоторыхъ льготъ по отправленію воинской повинности молодымъ людямъ, получившимъ образованіе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ связи съ воинскою повинностью должно упомянуть и объ Высочайше утвержденномъ 20 октября Положеніи Комитета Министровъ, которымъ постановлено производство особой переписи всѣхъ Евреевъ до 25-лѣтняго возраста. Мѣра эта должна противудѣйствовать уклоненію Евреевъ отъ воинской повинности.

Для приведенія въ соотвѣтствіе съ общимъ преобразованіемъ воинской повинности въ Имперіи военной службы казаковъ Донскаго Войска издано особое Положеніе (14 октября) объ этой службѣ, сохраняющее за этимъ войскомъ его особенности.

Высочайшимъ повелѣніемъ 10 августа (на основаніи проектовъ, разсмотрѣнныхъ въ Военномъ Совѣтѣ) введена вновь въ нашу военную организацію мирнаго времени (при сохраненіи нынѣ существующихъ военныхъ округовъ и должности ихъ главнокомандующихъ) должность командира корпуса, въ лицѣ котораго сосредото-

---

[1]) Въ настоящее обозрѣніе входятъ всѣ узаконенія, опубликованныя съ 1 іюля 1871 по 1 января 1875 г. Постановленія, хотя бы и законодательнымъ порядкомъ изданныя, по своему частному характеру, не имѣющія значенія въ общемъ движеніи законодательства и государственнаго управленія, опускаются.

чена вся учебная и командная часть въ войскахъ корпуса. При этомъ изданы новыя Положенія объ управленіи: корпусами и дивизіями, и объ общихъ обязанностяхъ начальниковъ. Въ силу изложеннаго постановленія, образовано пока только управленіе Гвардейскаго Корпуса, вновь возстановленнаго.

Важнѣйшій нынѣ во всякой военной организаціи вопросъ объ усиленіи способовъ мобилизаціи войскъ и сформированія резервныхъ и запасныхъ частей, несодержимыхъ въ мирное время, вызвалъ учрежденіе для этой цѣли новыхъ управленій уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

Въ кругу военнаго законодательства должно упомянуть и объ Высочайше утвержденномъ 12 октября нормальномъ уставѣ военныхъ собраній, имѣющихъ цѣлію доставить офицерскому обществу средства для взаимнаго сближенія между всѣми членами его и развлеченіе въ свободное отъ службы время; содѣйствовать, въ средѣ его, развитію военнаго образованія, и по возможности удешевить самую жизнь офицеровъ (§ 1 устава).

Прежде чѣмъ перейти къ разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, нужно указать на узаконеніе, относящееся къ государственной службѣ и потому одинако до всѣхъ отраслей касающееся.

По государственной службѣ издано новое положеніе (Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Министровъ 19 іюня) о наградахъ чинами и орденами по гражданскому и военному вѣдомствамъ, измѣняющее правила, изданныя въ 1859 г. Новое Положеніе вообще удлинняетъ сроки представленія къ наградамъ и дѣлаетъ условія ихъ болѣе строгими для служащихъ. Необходимость большей строгости и разборчивости, въ пожалованіи почетныхъ наградъ, утрачивающихъ почетъ пропорціонально щедрости въ ихъ раздачѣ, сознается въ самомъ нашемъ обществѣ. Но не разъ издававшіяся для этой цѣли правила не соблюдались, на практикѣ, преимущественно въ высшихъ сферахъ администраціи, въ которыхъ вообще служба, къ явному ущербу для государственнаго дѣла, вознаграждается хуже, чѣмъ въ низшихъ сферахъ.

По государственнымъ финансамъ послѣдовали слѣдующія законодательныя мѣры. Отмѣнено отправленіе натурою воинской квартирной повинности, и потребности, удовлетворявшіяся этою повинностью, приняты на счетъ Государственнаго Казначейства (Высочайше утвержденное 8 іюня Мнѣніе Государственнаго Совѣта).

Эта мѣра давно ожидалась и составляетъ несомнѣнный успѣхъ и въ финансовой системѣ, которая въ наше время должна освобождаться отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, и въ военномъ хозяйствѣ, могущемъ несравненно правильнѣе удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, посредствомъ отпуска денежныхъ на нихъ суммъ. Другое, также давно ожидавщееся, финансовое улучшеніе заключается въ возвышеніи прогонной платы за почтовыхъ лошадей, которое было необходимо для облегченія плательщиковъ государственныхъ податей, неправильно обремененныхъ для облегченія лицъ, пользующихся почтовыми лошадьми; вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены подорожныя для проѣзжающихъ (Высочайше утвержденное 21 мая Мнѣніе Государственнаго Совѣта).

Къ государственному хозяйству относятся слѣдующія мѣры. Министерство Государственныхъ Имуществъ озабочено успѣхами лѣсоразведенія и лѣснаго хозяйства въ южной Россіи. Бердянское учебное лѣсничество преобразовано въ образцовое лѣсное лѣсничество, имѣющее служить центромъ и образцемъ лѣсоразведенія, древоводства и садоводства, въ Таврической и смежныхъ губерніяхъ (Высочайше утвержденное 3 іюля Мнѣніе Государственнаго Совѣта). Усилены также штаты и содержаніе Велико-Анадольскаго степнаго лѣсничества съ тѣмъ, чтобы оно служило центромъ и образцемъ лѣсоразведенія въ Екатеринославской и другихъ южныхъ губерніяхъ (Высочайше утвержденное 3 іюля Мнѣніе Государственнаго Совѣта).

Въ области *государственной полиціи*, важнѣйшее изъ изданныхъ узаконеній относится къ наказаніямъ за составленіе противузаконныхъ сообществъ и участіе въ нихъ (Высочайше утвержденное 4 іюня Мнѣніе Государственнаго Совѣта). Это узаконеніе имѣетъ своимъ предметомъ главнѣйше такъ называемыя тайныя политическія общества, и оно отчасти смягчаетъ наказанія за различныя менѣе близкія и менѣе преступныя отношенія различныхъ группъ сообщниковъ къ этому роду государственныхъ преступленій, — вообще же оно регулируетъ и разграничиваетъ на болѣе точныя юридическія категоріи преступности и наказуемости этотъ родъ преступленій, подлежавшій до этого болѣе крупной и потому болѣе грубой классификаціи. Въ этомъ направленіи эта часть законодательства неоднократно развивалась, и надо еще предвидѣть, съ успѣхами нашей политической жизни, необходимость въ еще болѣе точной

юридической разработкѣ этой части въ будущемъ. Такимъ образомъ въ упомянутомъ узаконеніи сохраняется подведеніе стачекъ рабочихъ подъ общую категорію противузаконныхъ сообществъ политическаго свойства, куда стачки, если съ ними соединяются политическія цѣли, какъ иногда въ З. Европѣ, могутъ принадлежать, но куда онѣ по своему существу не принадлежатъ. Вообще вопросъ о стачкахъ рабочихъ, какъ явленіе совсѣмъ новое въ нашей дѣйствительной жизни, и ктому-же смѣшиваемое съ западно-европейскими рабочими движеніями, чуждыми Россіи, остается очень темнымъ въ нашемъ законодательствѣ, едва касавшагося этого явленія, со взглядами на него предвзятыми. Въ томъ же узаконеніи болѣе точнымъ образомъ опредѣлены отношенія судебной власти къ полицейской (къ чинамъ корпуса жандармовъ) въ производствѣ дознаній о противузаконныхъ сообществахъ. По этому предмету, порождающему до сихъ поръ не мало недоразумѣній, должно также ожидать дальнѣйшаго развитія законодательства, соотвѣтствующаго упроченію самостоятельности судебной власти въ государствѣ. Къ полицейскимъ мѣропріятіямъ по своимъ цѣлямъ, должно отнести Высочайше утвержденное 7 іюня подчиненіе вѣдѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ конно-желѣзныхъ дорогъ, въ чертѣ городскихъ поселеній.

По судебной части, послѣдовало давно ожидавшееся закрытіе С.-Петербургской Управы Благочинія, и въ видѣ временной мѣры, возложено на С.-Петербургскій Коммерческій Судъ производство взысканій по протестованнымъ векселямъ съ лицъ, имѣющихъ пребываніе въ С.-Петербургѣ и его уѣздѣ. (Высочайше утвержденное 27 іюня Мнѣніе Государственнаго Совѣта).

По народному образованію, приняты слѣдующія мѣры. Высочайше утвержденнымъ 18 мая Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта образованъ новый Учебный Округъ, — Оренбургскій, — изъ губерній Пермской, Оренбургскій и Уфимской (отчисленныхъ отъ Казанскаго Округа), и изъ областей Уральской и Тургайской. Развитіе и распространеніе учебной администраціи на востокѣ, имѣющія по всей вѣроятности продолжаться, составляютъ неизбѣжное послѣдствіе распространенія нашихъ владѣній въ средней Азіи, которое требуетъ, какъ первое условіе этого историческаго движенія Россіи, — вліянія ея умственной культуры на бытъ азіятскихъ племенъ. Вмѣстѣ съ образованіемъ новаго учебнаго округа, переформированы и старые: губерніи Нижегородская и Пензенская отчислены

отъ Казанскаго Округа, а Орловская отъ Харьковскаго, и переведены, — Нижегородская и Орловская въ Московскій Округъ, а Пензенская въ Харьковскій.

Высочайше утвержденнымъ 8 іюня мнѣніемъ Государственнаго Совѣта учреждены землемѣрныя училища (въ вѣдѣніи Министра Юстиціи) и постановлено постепенное закрытіе Школы Межевыхъ Топографовъ, съ переводомъ ея воспитанниковъ въ Константиновскій Межевой Институтъ.

Развитіе гимназической реформы продолжалось въ 1871 г.: учреждены въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи пятнадцать новыхъ прогимназій; преобразованы три прогимназіи въ гимназію (Высочайше утвержденное 8 іюля Мнѣніе Государственнаго Совѣта); пятнадцать четырехъ-классныхъ прогимназій преобразованы въ шестиклассныя и при этомъ изданъ общій штатъ шестиклассной прогимназіи (Высочайше утвержденное 8 іюня Мнѣніе Государственнаго Совѣта).

Денежныя средства библіотеки и музеевъ Императорской Академіи Наукъ усилены отпускомъ въ добавленіе къ нынѣшнимъ смѣтамъ и штатамъ 35 тысячъ рублей въ годъ (Высочайше утвержденное 3 іюня Мнѣніе Государственнаго Совѣта). Это усиленіе средствъ упомянутыхъ учрежденій было необходимо столько-же для развитія ученыхъ пособій Академіи Наукъ, сколько въ особенности для постоянно и быстро возрастающаго пользованія ими со стороны публики.

Въ мѣстномъ управленіи, съ упраздненіемъ должности мировыхъ посредниковъ, сдѣлано преобразованіе, которое не только въ этой сферѣ, но и вообще можетъ быть признано важнѣйшею законодательною мѣрою, во второй половинѣ 1874 г. Какъ по самому своему существу, Высочайше утвержденное 27 іюня Положеніе объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, такъ въ особенности по своимъ дальнѣйшимъ, неизбѣжнымъ послѣдствіямъ, — по вопросамъ, съ нимъ связаннымъ для будущаго развитія всѣхъ органовъ нашего мѣстнаго губернскаго, уѣзднаго и сельскаго самоуправленія, — имѣетъ большое государственное значеніе. Новыя учрежденія, — уѣздныя и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и ихъ непремѣнные члены, — замѣнявшіе собою мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣзды и прежнія губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, представляются во многихъ отношеніяхъ, и по своему личному составу,

и по своей дѣятельности и характеру своей власти, и по мѣсту, имъ предоставленному въ общемъ кругѣ мѣстнаго управленія, совершенною новизною. По своему составу (уѣздныя присутствія, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ непремѣннаго члена, уѣзднаго исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и одного изъ почетныхъ мировыхъ судей; губернскія присутствія, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, непремѣннаго члена, управляющаго Казенною Палатою, управляющаго государственными имуществами, предсѣдателя Губернской Земской Управы, прокурора или товарища прокурора Окружнаго Суда) эти уѣздныя и губернскія присутствія составляютъ первый опытъ объединенія въ органахъ мѣстной власти разнородныхъ ея элементовъ, — бюрократическихъ, (такъ называемыхъ у насъ казенныхъ) земскихъ, и сословныхъ (дворянскихъ), дѣйствовавшихъ дотолѣ каждый лишь въ лицѣ спеціальныхъ своихъ органовъ. Сверхъ того, въ новыхъ учрежденіяхъ соединяются къ одному совокупному дѣйствію представители административной и судебной властей. Далѣе, совершенно новы установленные способы назначенія главныхъ должностныхъ лицъ въ новыхъ учрежденіяхъ, — непремѣнныхъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ присутствій: изъ списковъ лицъ, имѣющихъ право на эту должность, земскія собранія избираютъ кандидатовъ, и изъ этихъ кандидатовъ по рекомендаціи мѣстныхъ органовъ центральнаго государственнаго управленія, они окончательно утверждаются въ должности центральною властью. Эта смѣшанная система образованія органовъ самоуправленія, каковы непремѣнные члены, правомѣрное участіе въ ней опредѣленныхъ прерогатовъ личной правоспособности, выборнаго начала и правительственнаго назначенія, есть въ особенности интересный у насъ опытъ; участіе такихъ различныхъ элементовъ должно обезпечивать болѣе прочнымъ образомъ личную независимость этихъ органовъ, — первое условіе всякаго самоуправленія, — и это совокупное дѣйствіе разныхъ силъ нашего управленія еще болѣе, чѣмъ даже смѣшанный составъ новыхъ учрежденій можетъ способствовать объединенію двухъ столь разнородныхъ нынѣ категорій мѣстной власти бюрократической и земской. Тому-же направленію соотвѣтствуетъ и назначеніе Министромъ Юстиціи въ составъ уѣздныхъ присутствій почетныхъ мировыхъ судей, избираемыхъ земствомъ. Полное разъединеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ антагонизмъ, въ нынѣшнемъ нашемъ мѣстномъ управленіи, бюрократическихъ и земскихъ учреж-

деній, есть главный его порокъ и сплоченіе тѣхъ и другихъ въ одну систему власти, на началахъ самоуправленія, есть главная его потребность и первое условіе его будущаго развитія [1]). Смѣшанный составъ губернскихъ и уѣздныхъ присутствій не есть еще однако органическое, а только механическое объединеніе двухъ организмовъ мѣстной администраціи, — впрочемъ единственное нынѣ возможное, и долженствующее сдѣлать еще болѣе чувствительною необходимость болѣе глубокихъ преобразованій. Между прочимъ въ высшей степени важно привлеченіе представителей земства къ пользованію, чрезъ посредство новыхъ учрежденій, правами дѣйствительной правительственной власти, въ кругу губернской и уѣздной администраціи, такъ какъ земскія учрежденія сами по себѣ этою властью, за исключеніемъ одного только права податнаго обложенія, не облечены. Сверхъ того, должностныя лица (непремѣнные члены), въ назначеніи которыхъ земство участвуетъ преимущественнымъ образомъ, будутъ пользоваться всѣми правами государственной службы. Представители земскихъ учрежденій (предсѣдатели управъ) и чрезъ посредство ихъ и сами эти учрежденія приводятся въ нѣкоторую связь съ сельскими крестьянскими властями, вслѣдствіе права надзора за этими властями всѣхъ членовъ новыхъ учрежденій; до этого никакой тѣни даже такой связи не было. Въ будущности всякаго учрежденія многое зависитъ не отъ однихъ только началъ, въ него вложенныхъ закономъ, но и отъ личной дѣятельности лицъ, входящихъ въ его составъ, и отъ обстоятельствъ, которыми будетъ окружена ихъ дѣятельность; подъ вліяніемъ тѣхъ и другихъ, — лицъ и обстоятельствъ, — начала организаціи новыхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій будутъ развиваться въ томъ или другомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что многое въ этихъ началахъ въ точности еще не опредѣлено самимъ закономъ и можетъ такъ или иначе опредѣлиться лишь въ практическомъ примѣненіи. Такимъ образомъ первостепенный вопросъ не только для новыхъ учрежденій, основанныхъ на началахъ самоуправленія (и по господствующимъ въ ихъ личномъ составѣ элементамъ, и по характеру ихъ власти и дѣйствій, — въ томъ числѣ образу ихъ дѣлопроизводства съ судебною и гласною процедурою) и не только для этихъ учрежденій, но и для всего нашего мѣстнаго управленія, будетъ заключаться въ томъ: какія установятся отношенія между этими новыми органами самоуправленія и старыми бюрократиче-

[1]) См. *В. Безобразова*, земскія учрежденія и самоуправленіе; Москва, 1874.

скими, — губернаторами и исправниками? Въ какой степени подчиненности, или независимости, и за тѣмъ гармоніи они будутъ между собою находиться? На эти вопросы можетъ отвѣтить только практика, и уже одно то полезно, что они ею непремѣнно будутъ поставлены. Съ устройствомъ новыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ, сдѣлалось особенно замѣтнымъ отсутствіе внутри уѣздовъ всесословныхъ органовъ самоуправленія, связующихъ сословныя крестьянскія власти съ уѣздною администраціею и раздѣляющихъ уѣзды на болѣе мелкія единицы. Поэтому снова возбудился вопросъ о всесословной волости, и надо полагать, что этотъ вопросъ, неразрѣшимый при нынѣшнемъ разъединеніи въ мѣстной администраціи трояхихъ органовъ бюрократическихъ, земскихъ и сословныхъ, будетъ болѣе и болѣе выступать на первый планъ, съ возрастаніемъ практической нужды въ подраздѣленіи уѣздовъ не менѣе крупныя административныя единицы, каковыми служатъ нынѣ исключительно сословныя единицы — волости. Замѣтимъ въ заключеніе относительно новаго законоположенія, что его опубликованіе сопровождалось обстоятельною объяснительною запискою, излагающею мотивы и цѣли новыхъ учрежденій; такія записки слѣдовало бы принять за правило для всѣхъ значительныхъ законодательныхъ актовъ.

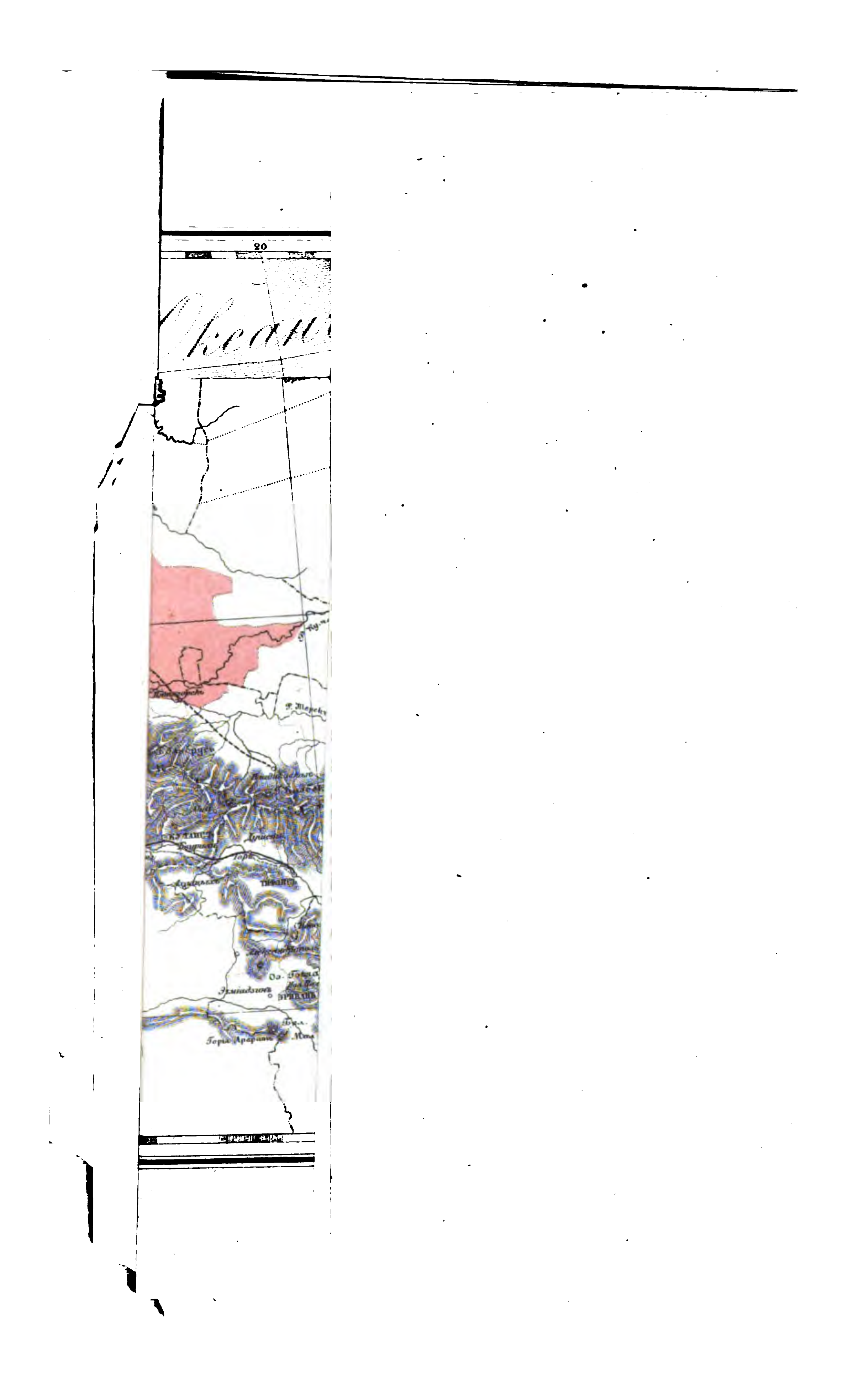
Земскія учрежденія постепенно распространяются на наши окраины; Высочайше утвержденнымъ 27 іюня Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта они введены въ Уфимской губерніи.

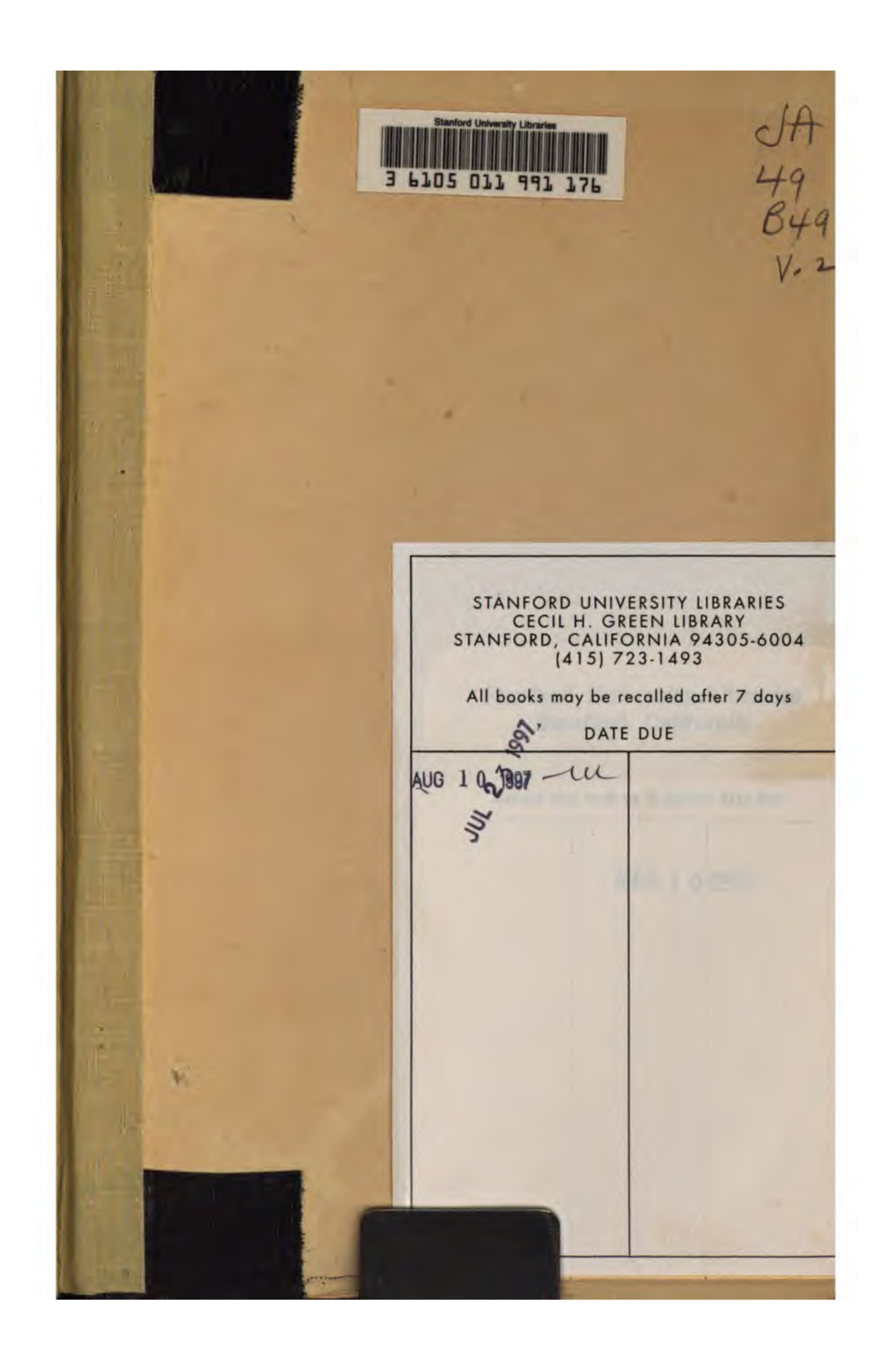
Съ упраздненіемъ военнаго губернатора въ Кутаисской губерніи и со введеніемъ ея въ общій порядокъ гражданскаго управленія (указъ 12 октября), еще уменьшилось постоянно сокращающееся число губерній, находящихся у насъ въ военномъ управленіи.

Для распространенія мѣстнаго самоуправленія издано довольно важное узаконеніе (Высочайше утвержденное 3 ноября Мнѣніе Государственнаго Совѣта). вводящее общее Городовое Положеніе 1870 г. въ Закавказскій край, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особыхъ временныхъ для края правилъ и съ предоставленіемъ Намѣстнику Кавказскому права вводить это Положеніе послѣдовательно, по его соображеніямъ съ мѣстными обстоятельствами.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 3 ноября Мнѣнія Государственнаго Совѣта изданы новые штаты Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго и нѣкоторыхъ административныхъ учрежденій Закавказскаго края.

Для развитія нашего *гражданскаго права* состоялось весьма значительное постановленіе, едва ли не самое значительное во всемъ движеніи нашего внутренняго законодательства за вторую половину 1874 г., правила о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ (Высочайше утвержденныя 19 апрѣля, на основаніи Мнѣнія Государственнаго Совѣта, но обнародованныя лишь въ октябрѣ). Государственное значеніе этихъ правилъ важно во многихъ отношеніяхъ. Въ чисто практическихъ условіяхъ своего быта, многочисленная часть русскаго народонаселенія освобождается отъ несправедливости и отъ крайнихъ нравственныхъ и хозяйственныхъ неудобствъ, тяготившихъ надъ нимъ, вслѣдствіе непризнанія закономъ, наравнѣ не только съ православнымъ вѣроисповѣданіемъ, но и иностранныхъ вѣроисповѣданій, гражданскихъ послѣдствій ея религіозныхъ вѣрованій и брачныхъ обрядовъ. Съ этимъ вмѣстѣ расширяется и сфера религіозной терпимости и свободы совѣсти въ нашемъ государствѣ вообще; какъ бы ни были невѣжественны иныя наши секты, государство нашего времени обязано относиться съ равнымъ уваженіемъ ко всѣмъ религіознымъ вѣрованіямъ, на сколько съ ними не связано положительныхъ преступленій противъ гражданскаго закона, а противъ этихъ преступленій достаточно общей судебной охраны. Надо надѣяться, что наше законодательство будетъ и дальше продолжать свое развитіе по этому пути, освобождая всѣ разнообразныя проявленія религіознаго чувства въ нашемъ народѣ отъ клейма гражданской неправоспособности, на нихъ лежащаго. Упорство и суевѣрія нѣкоторыхъ сектъ могутъ уступить только успѣхамъ просвѣщенія, но къ этимъ успѣхамъ неотъемлемо принадлежатъ вѣротерпимость и гражданская свобода совѣсти. Сверхъ всего этого, новое законоположеніе о бракахъ раскольниковъ важно для всего нашего гражданскаго строя, ибо оно впервые вноситъ въ положительное законодательство понятіе о гражданской сущности брака, подлѣ нравственной и религіозной, такъ или иначе понимаемой каждымъ вѣроисповѣданіемъ. Разобщеніе этихъ двухъ сторонъ брака на почвѣ закона (или такъ называемый гражданскій бракъ), принятое всѣми европейскими законодательствами, нисколько не требуетъ разобщенія ихъ въ совѣсти вѣрующихъ, и примиряетъ съ требованіями гражданскаго порядка столь разнообразные религіозные брачные обряды.

Stanford University Libraries
3 6105 011 991 176
JA
49
B49
V. 2
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
AUG 1 0 1997
JUL 2 1 1997

